

В.А. Коростелев
М.А. Российский

**ПРОШЛОЕ
СКОПИНСКОЙ
ЗЕМЛИ**

**в очерках по истории
её сёл и деревень**

Алмазово—Кушуново

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2.)
К68

*Издание 1-го тома настоящего издания
осуществлено за счет средств авторов,
2-го – при финансовой поддержке
НКО «Фонд социального развития Рязанской области»*

Коростелев, В.А.

К68 Прошлое Скопинской земли в очерках по истории её сёл и деревень. Алмазово–Кушупово. Том 1 / В.А. Коростелев, М.А. Российский. – М. : Вече, 2017. – 752 с.

ISBN 978-5-4444-2649-4

Знак информационной продукции **16+**

Книга московских историков В.А. Коростелева и М.А. Российского «Прошлое Скопинской земли в очерках по истории её сёл и деревень» является итогом многолетней работы с архивными документами XV–XX вв., материалами дореволюционной и советской периодической печати, воспоминаниями старожилков. В основу композиции этого масштабного исследования положен закон Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав». Каждому упомянутому в нем населенному пункту посвящен отдельный очерк, не исключая те села и деревни, которые к 2004 г. уже представляли собой ненаселенные урочища. Исследователям удалось найти новые данные об этимологии топонимов современного Скопинского района, проследить по документальным материалам этапы исторического развития его населенных пунктов, оживить воспоминания о ряде деятелей прошлого, память о которых с годами потускнела или совсем изгладилась. Собранный и проанализированный авторами массив данных позволяет этому двухтомному изданию претендовать на статус своего рода «исторической энциклопедии» Скопинского района Рязанской области.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2.)

ISBN 978-5-4444-2649-4

© Коростелев В.А., Российский М.А., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Исторический очерк эволюции административно-территориального деления Скопинского района Рязанской области	8
АЛМАЗОВО, село (сельское поселение Горловское).....	18
БЕРЕЗНЯГИ, село (сельское поселение Ильинское)	34
БОГОСЛОВО, село (сельское поселение Горловское)	53
БОЛЬШАК и ОТРАДА, поселки (городское поселение Побединское).....	70
БОЛЬШАЯ КОСЫРЕВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	74
БОРОВОЕ, село (сельское поселение Шелемишевское)	79
ВЕЛЕМЬЯ, деревня (сельское поселение Корневское)	92
ВЕРДЕРЕВО, село (сельское поселение Вослебовское).....	105
ВЕРСТАКОВКА, ДОЗОРОВКА, КРАСНЫЙ, МОСКОВСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ, РУДИНКА, СВОБОДА, СМЕКАЛОВКА, СОВЕТСКИЙ, поселки (сельское поселение Успенское)	127
ВОЗДВИЖЕНКА, деревня (сельское поселение Вослебовское).....	134
ВОРОНОВКА, деревня (сельское поселение Успенское)	138
ВОСЛЕБОВО, село (сельское поселение Вослебовское)	145
ВЫСОКОЕ, село (сельское поселение Ильинское).....	178
ВЯЗОВЕНКА, село (городское поселение Павелецкое).....	189
ГАЛИНО, деревня (сельское поселение Успенское)	202
ГОВОРОВО, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	207
ГОРЕЛОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	214
ГОРЛОВО, село (сельское поселение Горловское)	223
ГОРОДЕЦКОЕ, село (сельское поселение Шелемишевское)	266
ГРЕМЯЧКА, село (сельское поселение Успенское)	283
ГРИВЦЫ, деревня (сельское поселение Успенское)	306
ГУДОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	309
ГУМЕНКИ, деревня (городской округ город Скопин).....	315
ГУСИЛОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	324
ДЕГТЯРКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	328
ДЕЛЕХОВО, село (городское поселение Павелецкое)	330
ДЕМЕНЬШИНО, деревня (сельское поселение Успенское)	342
ДМИТРИЕВО, село (сельское поселение Горловское)	346
ДМИТРИЕВО, село (сельское поселение Полянское).....	357
ДМИТРИЕВСКИЙ ХУТОР И ЖМУРКИ, деревни (сельское поселение Вослебовское)	368

ДОМА ОТДЫХА, поселок (сельское поселение Корневское).....	374
ДУБРОВЩИНА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	379
ДЫМОВО-ВОЛКОНСКОЕ, село (сельское поселение Шелемишевское).....	384
ДЫМОВО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ, село (сельское поселение Шелемишевское)	397
ЕРМОЛОВО, село (сельское поселение Полянское)	399
ЖЕЛТУХИНО, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	418
ЖУРАВЛИХА, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	430
ЗАРЕЧНЫЙ, микрорайон (город Скопин)	434
ЗАТВОРНОЕ, село (сельское поселение Горловское)	445
ИВАНОВКА, деревня (городской округ город Скопин).....	465
ИВАНЬКОВО, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	474
ИЗМАЙЛОВКА, деревня (сельское поселение Горловское)	482
ИЛЬИНКА, село (сельское поселение Ильинское)	490
КАЗИНКА, село (сельское поселение Ильинское)	512
КАТИНО, село (сельское поселение Горловское).....	540
КЛЕКОТКИ, село (сельское поселение Горловское)	558
КЛОБУЧКИ, деревня (сельское поселение Горловское)	590
КЛЮЧЕРЕВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	596
КНЯЗЕВО, село (сельское поселение Корневское).....	604
КОГОТКОВО, микрорайон (город Скопин)	629
КОЗЛОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	632
КОМСОМОЛЬСКИЙ, микрорайон (город Скопин)	636
КОНДАУРОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	641
КОНЮХОВО, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	645
КОРНЕВОЕ, село (сельское поселение Корневское)	653
КОСТЕМЕРЕВО, село (сельское поселение Шелемишевское).....	677
КОЧУГУРКИ, деревня (городское поселение Побединское)	693
КРАСНАЯ ДЕРЕВНЯ, поселок (городское поселение Павелецкое).....	702
КРАСНЫЙ ГОРОДОК, поселок (городской округ город Скопин)	704
КРАСНЫЙ МАЙ, поселок (сельское поселение Горловское)	708
КРЕМЛЕВО, село (городское поселение Павелецкое).....	712
КУЗЬМИНКА-2 (КУЗЬМИНКИ), деревня (сельское поселение Шелемишевское)	730
КУПЧАЯ, деревня (сельское поселение Горловское)	736
КУШУНОВО, село (сельское поселение Вослебовское)	742

Книга В.А. Коростелева и М.А. Росийского возвращает большинству сел и деревень Скопинского района Рязанской области их утраченные исторические корни. Благодаря кропотливой работе исследователей с сохранившимися в столичных архивах документами, с широким комплексом книжных и периодических публикаций разных эпох и даже с картографическим материалом их подлинная история выходит из области легенд и преданий, обретает стройный, законченный и научно достоверный вид.

Историография Скопинского района долгое время была довольно безликой. Теперь же мы можем с уверенностью сказать, что его прошлое – это не только сведения об особенностях организации хозяйства коннозаводских крестьян, описания исчезнувших особняков и перегины крепостных душ из ревизских сказок. Это, прежде всего, притягательное переплетение судеб веж людей, населявших его в разные эпохи. В нем как в зеркале отражается история нашего Отечества. В Скопинском, Рязском, Михайловском и Етифанском уездах, из земель которых состоит территория современного района, располагались имения виднейших представителей придворной аристократии – Волконских, Оболенских, Кропоткиных, Голицыных, Разумовских, Салтыковых, Шереметевых, Толстых, и многих других, теж вклад в великие Росийского государства трудно переоценить. Заметки о них сопровождаются целой галереей исторических портретов забытых скопинских помещиков и землевладельцев: рязанских и рязских «детей боярских» – участников походов Ивана Грозного и событий Смутного времени, солдат и офицеров первых петровских полков, екатерининских придворных, ветеранов Отечественной войны 1812 г., земских деятелей эпохи реформ Александра II, храмоздателей и ревнителей церковного благолепия. А рядом с ними – простые крестьяне, солдаты и унтер-офицеры Русской императорской армии времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг., ставшие Георгиевскими кавалерами, участники революционных событий 1917 г., Гражданской войны, первые строители советского сельского хозяйства. Описания подвигов скопинских ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – уникальная коллекция примеров воинской доблести и героизма. Не случайно Скопинский район держит абсолютную пальму первенства по количеству местных уроженцев, ставших за годы борьбы с нацизмом Героями Советского Союза и полными кавалерами ордена Славы. Хранить память о них – священный долг всех нас, наследников их великих дел.

Книга В.А. Коростелева и М.А. Росийского – небольшой, но ценный вклад в процесс освоения исторического наследия Рязанской области как неотъемлемой части нашей единой общей Родины. Она поможет новым поколениям жителей нашего региона лучше узнать и оценить его прошлое, чтобы с большей уверенностью в себе возводить здание его будущего.

С.В. Филимонов,
Вице-губернатор Рязанской области – первый заместитель
Председателя Правительства
Рязанской области

Памяти своих предков, более трех столетий живших на территории современного Скопинского района Рязанской области, а также нынешнему и будущим поколениям жителей Скопинской земли посвящают эту работу авторы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляя заинтересованному читателю серию очерков по истории населенных пунктов современного Скопинского района Рязанской области, авторы настоящего исследования не претендуют на законченность и универсальный характер проделанной работы. Ориентируясь на классические труды по исследованию селений Рязанского и Тульского краев, созданные в XIX в. И.В. Добролюбовым (1837–1905) и П.И. Малицким (1851–1919), а также следуя по пути, проложенному скопинскими краеведами В.А. Соболевым, В.Н. Егоровым и А.Ф. Крыловым¹, ими была предпринята попытка обозначить исторические траектории населенных пунктов Скопинского района с опорой на самую широкую документальную базу. Получившийся результат, скорее всего, правильно было бы считать лишь первым подходом к теме, полноценное научное развитие которой требует значительно большего времени, более тщательного поиска в огромной массе архивных источников, старинных и современных печатных изданий, а также, возможно, более систематичного изложения.

Однако и в нынешнем, далеком от совершенства виде эта книга может оказаться полезной для всех, интересующихся прошлым земель современного Скопинского района Рязанской области. Авторы этих строк постарались свести воедино максимально возможный объем разноплановых данных из доступных им источников, изложив его в хронологическом порядке, в надежде на то, что этот массив информации со временем будет дополнен, систематизирован и проанализирован более опытными специалистами. Ожидаем, что скромные результаты наших многолетних поисков смогут стать хорошей вводной главой и одновременно приглашением к самостоятельному продолжению начатых изысканий для тех читателей, у которых впервые пробуждается интерес к прошлому родного края.

Авторы настоящей работы не стремятся поразить рязанское краеведческое сообщество какими-либо сенсационными открытиями (хотя несколько неожиданных сюрпризов анализ архивных документов все же преподнес). История русского села в целом бедна яркими событиями и личностями исторического масштаба. Жизнь многих поколений крестьянских семей веками протекала в условиях серой повседневности, в непрестанной борьбе за существование, лишь изредка перемежавшейся простыми человеческими радостями. Но когда наступал грозный час защиты Родины, русские крестьяне, переодетые в солдатские мундиры, выходили на широкую историческую авансцену и творили чудеса храбрости. Свидетельство тому –

¹ См.: Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996.

часто упоминающиеся на страницах этой книги имена скопинских Георгиевских кавалеров, Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы. Вспоминая их, авторы считают себя обязанными воздать должное памяти тех людей, чье упорство, мужество и воля к жизни позволили прийти в этот мир всем ныне живущим поколениям граждан России.

В настоящее время российское Нечерноземье переживает беспрецедентное сокращение количества сельских поселений в масштабах, сопоставимых, пожалуй, лишь с эпохой татаро-монгольского нашествия XIII в. На наших глазах завершаются жизненные циклы сел и деревень, имеющих 300-, 400-, а то и 500-летнюю историю. Очевидно, России с небольшим отставанием ожидает то же, что и государства Западной Европы, – прогрессирующая урбанизация и концентрация подавляющего большинства населения в комфортных мегаполисах. Сельской местности, похоже, суждено в перспективе стать вотчиной роботизированных агропредприятий (а где-то и целых промышленных кластеров), фермеров и любителей экологического туризма. Вместе с многовековыми традициями сельской жизни уходят в небытие целые пласты народной памяти. Принимая во внимание эти процессы, авторы настоящей книги стремятся внести свой скромный вклад в сохранение части исторического наследия крестьянской Рязанщины.

В заключение хотелось бы выразить глубокую признательность всем краеведам и энтузиастам, посвящающим свои досуги изучению и сохранению сведений об истории Скопинского района, которые оказали нам помощь в этой работе: Г.А. Барсуковой, Н.С. Гусевой, Г.Б. Климовичкиной, И.А. Лебедеву, Н.С. Леонову, Л.И. Луниной, А.П. Миллер (США), Д.А. Новичкову, В.А. Овечкину, Д.В. Прасолову, Р.Л. Смирнову, Т.Н. Тимофеевой, Ю.И. Чурсину, Н.П. Шеиной. Особая благодарность А.В. Серегину, автору интернет-проекта «Скопинское историческое сообщество им. В.П. и И.В. Добролюбовых» и искреннему патриоту своего родного края, благодаря любезной помощи которого настоящее повествование удалось обогатить множеством заслуживающих внимания исторических фактов. Также авторы признательны Центру исследования семейной истории г. Лоди (Калифорния, США) за информационную поддержку в деле уточнения ряда биографических данных упомянутых в книге исторических лиц.

Приглашая читателей погрузиться в прошлое сёл и деревень с простыми, но глубоко родными названиями, авторы руководствуются словами известного героя поэмы А.С. Пушкина «Борис Годунов», которые исчерпывающе формулируют «кредо» любого ревнителя отечественной истории:

...Да ведают потомки православных
Страны родной минувшую судьбу.

*В.А. Коростелев
М.А. Российский*

Москва – Мадрид, 20 мая 2017 года

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЭВОЛЮЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ СКОПИНСКОГО РАЙОНА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Образование административной территории современного Скопинского района имеет довольно глубокую предысторию. Начало формирования прилегающего к Скопину, первое упоминание о котором относится к 1595–1597 гг., взаимосвязанного комплекса поселений, объединенных общей задачей сельскохозяйственной эксплуатации местных земель, восходит к вотчине бояр Романовых, известной с конца XVI в. Подробное её описание дано в писцовых книгах 137–139 (1629–1631) гг.: «За боярином за Иваном Никитичем¹ в вотчине в Рязанском уезде в Пехлецком стане острожок Скопин да к тому острожку три села, село Вослеба да село Келец да село Вязовенка да четыре д[е] р[е] в[ни], д[е] р[е] в[ня] Неделенка, д[е] р[е] в[ня] Чертовая, д[е] р[е] в[ня] Лопатино, д[е] р[е] в[ня] Новикова да два починка селетца Новокремлево да Журавинка, а на Скопине в селах 5 церквей, да два места церковных... в селах и в деревнях крестьянских 275 дворов, а бобьльских 127 дворов, а людей в них тож, пашни паханой и добрые земли лютцкие паханы сто четь, да крестьянские и бобьльские пашни 460 четь, да перелогом с дикого поля 440 четь, обоено пашни паханой лютцкие, крестьянские и бобьльские и перелогом с дикого поля тысяча четвертей в поли а в дву потомуж и сошного письма в живущем и в пуге соха и четверть сохи»². В 1646 г. «в Скопине городке с селы и деревнями 917 дворов крестьянских, а людей в них 2308 человек, 157 дворов бобьльских и людей в них 307 человек»³.

В делах Тайного приказа, где многие записи были сделаны лично царем Алексеем Михайловичем, в 1663 г. скопинская вотчина Романовых впервые называется уездом. В выписке указано «сколько по наряду ис Приказа тайных дел велено на Рановскую пристань Романовского уезду и *Скопинского уезду* хлеба по зимнему пути перевести... на Скопине и на Романове Петру Большому Лопухину, да Степану Нелединскому велено выбрать в стрелецкую службу и что в тое службу выбрано – роспись, сколько изготовлено на Рановской пристани к Московскому отпуску хлебных запасов по 181-м году»⁴. В 1664 г. в делах Тайного приказа

---

¹ Романов Иван Никитич (ок. 1560–1640) – сын боярина Никиты Романовича Захарыина-Юрьева, младший брат патриарха Филарета и дядя Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых. За козноязычие получил прозвание «Каша». В правление Бориса Годунова выполнял различные придворные обязанности, после опалы Романовых в 1601 г. был сослан в Пелым, откуда в 1602 г. был переведен в Уфу, затем в Нижний Новгород и, наконец, возвращен в Москву. Боярин (1605), член «Государственного Сената» при Лжедмитрии I. Активно участвовал в событиях Смутного времени на стороне Василия IV Шуйского, в 1606–1607 гг. был воеводой в Козельске, который оборонял от сторонников Лжедмитрия II. На избирательном соборе 1613 г. вместе со всей боярской партией поддерживал кандидатуру шведского принца Карла Филиппа, однако в итоге подписался под окружной грамотой об избрании на престол своего племянника Михаила Федоровича. На его коронации в Успенском соборе держал шапку Мономаха. До конца своих дней выполнял различные придворные и дипломатические поручения.

² РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 7 об.

³ РГАДА, ф. 1209, д. 13901, лл. 1–412.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. С. 732.

писано: «мая в 15 день по отписке воеводы Дениса Остафьева собрано Скопина з горотцких и с *уездных* крестьян и с стрельцов и с казаков, и с посатцких людей, и прислано к Москве столовых запасов...»¹ Нередко территория вотчины именуется уездом в межевых и писцовых книгах. В частности, в межевой книге вотчин преосвященного Авраамия², митрополита Рязанского и Муромского, письма и межевания стольника и воеводы Василия Григорьевича Ознобишина от 11 ноября 1692 г. сказано: «А меж домовою вотчины земли села Князево-Займище, Владычня тож, и деревни Петрушино, Скопинского уезда село Вязовенка и иных сел и деревень Рязжского уезда от разных помещиков»³.

Именованье уездом примыкавшей к Скопину территории имело определенные основания. Формально она входила в состав Рязжского уезда, но принадлежность близким родственникам царствующей династии придавала ей особый статус. В силу этого в Скопине, как и в уезде Рязжске, имелся свой воевода, таможня, приказная изба и другие органы, характерные для самостоятельной уездной администрации.

В 1654 г., после кончины бездетного боярина Никиты Ивановича Романова⁴, последнего представителя боковой линии царской семьи, вотчина стала собственностью царя Алексея Михайловича. С этого времени в документах она официально именовалась Скопинской дворцовой волостью. В качестве автономной единицы в составе Рязжского уезда Скопинский край просуществовал вплоть до административных реформ Петровской эпохи.

Указом царя Петра I от 18 (29) декабря 1708 г. в России было введено новое административное деление. В стране появились 8 крупных округов, получивших наименование губерний. В Московскую губернию вошли 39 старых уездов, в Ингерманландскую (позднее Санкт-Петербургскую) – 29, в Киевскую – 56, в Смоленскую – 17, Архангелогородскую – 20, в Казанскую – 71, в Азовскую – 77. Еще появилась гигантская Сибирская губерния, в которой насчитывалось 30 городов. Прежние уезды укрупнялись и объединялись в провинции.

Скопинские земли первоначально не вошли в состав Переяслав-Рязанской провинции Московской губернии, ставшей административным зародышем будущей Рязанщины. Одной из важнейших геополитических задач, стоявших перед Российским государством в те годы, было создание флота на Азовском море, поэтому густые корабельные леса в окрестностях Скопина, а главное – принадлежавшие правящей династии людские ресурсы предопределили его включение в Азовскую губернию. 3 (14) февраля 1709 г. Петр I подписал росписи городов губерний (в том числе Азовской) «к корабельным воронежским делам», то есть тех, которые должны были обеспечивать функционирование Воронежского Адмиралтейского ведомства. В соответствии с губернскими реестрами к Воронежской обер-комендантской провинции было приписано 25 городов, в числе прочих – Воронеж, Романов-в-Степи, Рязжск, Скопин, Лебедянь, Ефремов, Данков, Елец, Сапожок и др.

По челобитной 1712 г., поданной скопинцами Никитой Рязузовым, Агапом Рязузовым, Григорием Рязузовым, Фомой Тимофеевым, Григорием Шаховым, «грацким целовальником» Селиваном Гречишниковым, Сидором Морылевым, Иваном Скорыхиным, Наумом Винокуровым, Игнатом Власовым на имя Петра I, можно судить о размерах налогового бремени, возложенного на скопинцев в начале XVIII в.: «...По твоим, великого государя, указам из

¹ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. С. 1063.

² Авраамий (? – 1708) – митрополит Рязанский и Муромский в 1687–1700 гг.

³ РГАДА, ф. 1209, д. 393, л. 28 об.

⁴ Романов Никита Иванович (ок. 1607–1654) – сын боярина И.Н. Романова-Кашы, двоюродный дядя царя Алексея Михайловича. Стольник (1639), боярин (1645), один из богатейших землевладельцев своего времени.

приказа Большого дворца положено на нас твоего великого государя десятинного тягла тысяча десятин, да всяких твоих великого государя денежных доходов збиравали с нас в приказ Большого дворца по все годы по две тысячи по пятидесяти по одному рубли по три алтына и полуденьгою и те денежные доходы платили мы в приказ Большого дворца по 1705 год сполна, а с 1705 года по 1709 годы ведомы мы были всякими твоими великими государя делами <...> и по твоим великого государя указам из Ижорской канцелярии положено нам сверху прежнего окладу денежных зборов четыре тысячи сто восемьдесят четыре rubli двенадцать алтын, пол пяти деньги. И те дворцовые и новоположенные канцелярские денежные доходы с Воронежа из канцелярии земского правления правит на нас по дворцовому числу по переписи 1710 года»¹.

Указ Петра I от 28 января (7 февраля) 1715 г. ознаменовал начало следующего этапа реформы. На смену обер-комендантским провинциям пришли ландратские доли. В Азовской губернии деление на доли или ландраты было практически реализовано в 1715 г. Губерния была разделена на 12 долей. В идеале каждая доля должна была представлять собой территориально-податной округ, состоявший из 5536 тягловых дворов. Однако Скопинская доля оказалась несколько больше нормы. Она включала Скопин, Данков и Лебедянь, и в ней насчитывалось 6415 дворов.

В ходе очередного этапа реформы в 1719–1720 гг. ландратские доли были упразднены и заменены провинциями. Азовская губерния оказалась разделенной на 5 провинций, одной из которых стала Елецкая. В нее вошли города Елец, Талецкий, Чернавск, Ливны, Ефремов, Данков, Лебедянь и Скопин².

С середины XVIII в. Скопинский посад с прилегающими к нему землями находился в составе Данковского уезда Елецкой провинции Воронежской губернии³ (так переименовали в 1725 г. прежнюю Азовскую губернию). В 1732 г. он был приписан к дворцовому конюшенному ведомству.

Новые серьезные административные преобразования в России пришлось на царствование императрицы Екатерины II. 24 августа (6 сентября) 1778 г. на основе Переяслав-Рязанской провинции Московской губернии было создано Рязанское наместничество в составе 12 уездов: Данковского, Егорьевского, Зарайского, Касимовского, Михайловского, Пронского, Раненбургского, Рязанского, Сапожковского, Скопинского и Спасского. Таким образом, в 1778 г. Скопин впервые в своей истории получил официальный статус уездного города. Новообразованное Рязанское наместничество входило в один генерал-губернаторский округ с Воронежским наместничеством, из которого в него перевели города Касимов, Ряжск, Данков с уездами, а также Скопинскую дворцовую волесть. В уездах Рязанского наместничества оказались и некоторые населенные пункты, ранее относившиеся к Коломенскому, Владимирскому, Муромскому, Шацкому и Козловскому уездам.

Достаточно полное описание Скопинского уезда этого времени можно найти в экономических примечаниях к плану Генерального межевания, составленных в 1779 г. Согласно этому документу, в уезде, помимо непосредственно города Скопина, насчитывалось 86 сел, 95 селец, 86 деревень и 2 слободы. На территории Скопинского уезда имелось церквей каменных – 14, деревянных – 72, казенных строений каменных – 4, деревянных – 3, господ-

¹ РГАДА, ф. 402, оп. 1, д. 340, л. 3.

² Колмолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.). Территория и высшие администраторы. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2009. – С. 20, 28, 58, 62.

³ Сушицкий В. Скопин. Краткое историческое исследование. – Скопин, 1921. – С. 10.

ских домов каменных – 7, деревянных – 161, крестьянских дворов – 9794. Заводов в уезде винокуренных – 6, мельниц водяных – 45, ветряных – 2. О занятиях населения сказано следующее: «Крестьяне упражняются в хлебопашестве. Некоторые в заведении пчел и всяких огородов, а при больших дорогах содержат постоянные дворы»¹. По данным 5-й ревизии податного населения Российской империи (1795), население Скопинского уезда составляло 44 433 души мужского и 44 949 – женского пола.

В 1796 г. Рязанское наместничество было упразднено. На смену ему пришла Рязанская губерния, в составе которой Скопинский уезд находился чуть менее полутора столетий.

3 (15) июня 1837 г. император Николай I утвердил Положение о земской полиции. В соответствии с документом каждый уезд в губерниях подразделялся на полицейско-административные округа, получившие наименование станов. Их главами назначались становые приставы, наделявшиеся исполнительной и судебной-полицейской властью. В Скопинском уезде было образовано два стана. К первому относились села Казинка, Маклаково, Сергиевка, Боровое, Вослебово, Яблонево и Чулково, ко второму – Измайлово, Курбатово, Поляны, Затворное, Князево, Чернава, Горлово, Корневое и Павелец.

После Крестьянской реформы 1861 г. в Скопинском уезде были созданы волости – низшие административно-территориальные единицы, объединявшие населенные пункты, в которых проживали бывшие владельческие и удельные крестьяне. Всего на территории уезда было образовано 16 волостей: Боровская, Вослебовская, Горловская, Затворнинская, Измайловская, Казинская, Князевская, Корневская, Курбатовская, Маклаковская, Павелецкая, Сергиевская, Чернавская, Чуриковская и Яблонеvская.

В начале XX в. волости Скопинского уезда были разделены на три стана. Становая квартира 1-го находилась в деревне Залесное-Чулково. Стан включал в себя Вослебскую, Казинскую, Маклаковскую, Сергиевскую и Яблонеvскую волости. Квартира пристава 2-го стана располагалась в селе Горлово. В него входили Горловская, Павелецкая, Чуриковская, Затворнинская и Чернавская волости. Квартира пристава 3-го стана находилась при Побединском руднике, близ железнодорожной станции Скопин-Чулково (на картах начала XX в. – Скопин-Чулковский). Стан включал в себя Боровскую, Измайловскую, Князевскую, Корневскую, Курбатовскую и Полянскую волости².

По окончании Гражданской войны Рязанщина стала полем для административных экспериментов советской власти. Коренная перестройка основ жизни страны потребовала и серьезных реформ административно-территориальной организации. Началось все с перекройки уездов Рязанской губернии. В соответствии с Постановлением ВЦИК РСФСР от 20 февраля 1924 г. они были укрупнены, вследствие чего количество уездов Рязанской губернии сократилось с 12 до 8. Волости упраздненных уездов пошли на укрупнение соседних. Например, согласно Постановлению ВЦИК от 20 февраля 1924 г. в Ряжский уезд вошли волости: Троице-Лесуновская, Кораблинская, Подвисловская, Фофановская, Егоддаевская, Никольская (Толстовская), Ухолоvская, Коноплинская, Канинская, Пригородная, Борецкая, Сараевская из Сапожковского уезда, а также Никитинская Пронского уезда³. В 1925 г. укрупнили и волости. 31 августа 1925 г. Президиум ВЦИК утвердил обновленный список волостей Рязанской губернии с указанием селений, переходящих при укрупнении из одних волостей в другие. В этот период Рязанская губерния состояла из 8 уездов и 65 волостей.

¹ РГАДА, ф. 1355, д. 1239, лл. 1 об-2.

² Календарь Рязанской губернии на 1907 год. – Рязань, 1906. – С. 389.

³ Советская деревня, № 24. – 1924. – 9 февраля.

На последнем этапе своего существования в 1925–1929 г. Скопинский уезд Рязанской губернии состоял из 9 волостей: Гагаринской (п. Гагарино), Горловской (с. Горлово), Ерлинской (с. Ерлино), Милославской (с. Милославское), Михайловской (бывший уездный г. Михайлов), Побединской (с. Побединка), Пронской (бывший уездный г. Пронск), Скопинской (с административным центром в г. Скопине) и Чернавской (с. Чернава)¹.

14 января 1929 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании на территории РСФСР административно-территориального объединения краевого и областного подчинения». В соответствии с ним с 1 октября 1929 г. упразднились Московская, Тверская, Тульская и Рязанская губернии, из основного массива которых создавалась Центрально-Промышленная область с центром в Москве. 3 июня 1929 г. новообразованная область была переименована в Московскую.

12 июля 1929 г. в составе Московской области было образовано 10 округов, в том числе Рязанский с центром в Рязани и Тульский с центром в Туле. В состав Рязанского округа были включены следующие территории укрупненного Скопинского уезда: Пронская волость – полностью, Михайловская волость – без части селений, Гагаринская волость, Ерлинская волость, включая Рюмки (Рюмки-1) и Гривцы (Рюмки-2), а также селения Скопинской волости Красный угол и Воронки. В соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР (Известия ЦИК №158 от 13 июля 1929 г.) в Рязанский округ Московской области вошли также Кораблинский, Михайловский, Пронский и Ряжский районы. В составе Пронского района оказались населенные пункты Галино, Гривцы, Гремячка, Брынницы, Высокое, Ильинка, Рождествено, Моховое.

В Тульский округ в числе прочих вошел Скопинский уезд без территорий, отданных Рязанскому округу. Из них того же 12 июля 1929 г. был образован Скопинский район. Первоначально в состав района вошли город Скопин, рабочий поселок Побединский и следующие сельсоветы: Великолукский, Вердеревский, Ерлинский, Ерлино-Выселский, Желтухинский, Крутовский, Летовский, Моховский, Никольский, Рождественский, Чижовский, Яблоневский – из Ерлинской волости; Вязовенский, Городецкий, Дмитриевский, Ермоловский, Князевский, Корневский, Кочугуровский, Кочугуро-Выселский, Новобараковский, Ольшанский, Петрушинский, Побединский, Полянский, Пупковский, Секиринский, Топильский, Чулковский – из Побединской волости; Березняговский, Вороновский, Вослебовский, Высоковский, Гремячевский, Жерновский, Ивановский, Ильинский, Казинский, Лазинский, Лопатинский, Новокелецкий, Роговский, Старокелецкий, Стрелецко-Дубровский – из Скопинской волости. На 13 июля 1929 г. в составе Тульского округа Московской области также числились Горловский, Милославский, Скопинский и Чернавский районы.

К 1930 г. в СССР окончательно оформилась новая структура административного деления: стала действовать система «область – район – сельсовет». Все 10 округов Московской области, в том числе Тульский и Рязанский, были ликвидированы.

Границы Скопинского района с 1929 г. неоднократно менялись. Так, в июле 1931 г. по распоряжению Мособлисполкома Ряжскому району были переданы Желтухинский, Городецкий, Новинский и Новобараковский сельсоветы Скопинского района². Этим постановлением предусматривалось упразднение Скопинского района. Создавался новый Побединский район из части бывшего Скопинского района в составе 21 сельсовета и рабочего поселка

¹ Статистические сведения о состоянии Скопинского уезда в период с 1.10.1924 по 1.02.1926 г.

² Колхозник, № 24. – 1931. – 24 августа.

Побединский. Остальные передавались Пронскому, Горловскому, Кораблинскому, Рязскому районам. Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1932 г. предлагавшаяся Президиумом Мособлисполкома реорганизация была утверждена. Пронскому району Московской области были переданы Высоковский, Гремячевский, Ильинский, Моховский, Никольский, Рождественский и Чижевский сельсоветы; Горловскому – Березняговский, Вязовенский, Жерновский, Казинский, Лазинский, Стрелецко-Дубравский и Топильский сельсоветы; Кораблинскому району – Великолукский, Ерлинский, Ерлино-Выселский, Крутовский, Яблоневский сельсоветы; Рязскому району – Городецкий, Ермоловский, Желтухинский, Летовский, Новобараковский и Полянский сельсоветы; Милославскому району – Кочугуровский, Кучугуро-Выселский и Оляшанский сельсоветы. За оставшейся частью района Постановлением ВЦИК от 28 января 1933 г. было закреплено прежнее наименование Скопинского района¹.

31 декабря 1933 г. Мособлисполком вновь сократил Скопинский район, передав из него в Рязский два сельсовета: Ермолинский, в котором состояли село Ермолово и деревня Перка, и Полянский с селом Поляны².

Одновременно протекали и более масштабные процессы, подготавливавшие появление на карте РСФСР Рязанской области. В частности, в 1935 г. на территории Московской области было образовано 13 новых районов, 8 из которых впоследствии вошли в состав Рязанской области: Бельковский, Каверинский, Путятинский, Шелуховский, Можарский, Муравлянский, Желтухинский и Чапаевский.

В соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 26 сентября 1937 г. существовавшая с 1929 г. большая Московская область была разделена на Московскую, Рязанскую и Тульскую. Таким образом, Рязанщина вновь приобрела статус самостоятельной административно-территориальной единицы в составе РСФСР. На момент образования в состав Рязанской области входили 52 района (39 были исключены из состава Московской области, 13 – из Воронежской области): Бельковский, Больше-Коровинский, Варейкисовский, Воскресенский, Горловский, Данковский, Дамской, Добровский, Елатомский, Ерахтурский, Ермишинский, Желтухинский, Захаровский, Ижевский, Каверинский, Кадомский, Касимовский, Клепиковский, Кораблинский, Лебедянский, Лев-Толстовский, Милославский, Можарский, Муравлянский, Михайловский, Новодеревенский, Октябрьский, Пителинский, Пронский, Путятинский, Раненбургский, Рыбновский, Рязский, Рязанский, Сапожковский, Сараевский, Сасовский, Скопинский, Сосновский, Спасский, Старожиловский, Староюрьевский, Троскуровский, Трубетчинский, Тумский, Ухоловский, Чапаевский, Чернавский, Чучковский, Шацкий, Шелуховский, Шиловский.

В 1938 г. в состав Желтухинского района вошли сельсоветы: Гореловский, Желтухинский, Иваньковский, 1-й Кузьминский, 2-й Кузьминский, Кучуковский, Куровщинский, Летовский, Лыковский, Лебяжинский, Марчуковский, Наумовский, Нагорновский, Новобараковский, Набережновский, Полянский, Пышкинский, Рановский, Хмелевский, Шелемишевский³. Интересные подробности довоенной жизни Скопинского, Горловского и Желтухинского (его райцентром было село Шелемишево) районов сохранены в материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, работавшей

¹ Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 516.

² Колхозник, № 4. – 1933. – 10 января.

³ Архив МГУ.– Ф. 42, оп. 6, д. 64.

в регионе в 1939–1940 гг.¹ Документальное наследие экспедиции описано и проанализировано в блестящем диссертационном исследовании Е.В. Буниной (2007)².

В ноябре–декабре 1941 г. Скопинский район на короткое время оказался в зоне боевых действий. И город Скопин, и занятые немецко-фашистскими оккупантами населенные пункты района были освобождены в ходе наступательной операции 10-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова и 61-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова, начавшейся 6 декабря 1941 г. Несмотря на сравнительно короткое время пребывания захватчиков на западной окраине Рязанской области, ее хозяйственной инфраструктуре был нанесен серьезный вред. С целью восстановления экономики региона в 1942 г. Горловский, Михайловский, Скопинский и Чапаевский районы Рязанской области были исключены из ее состава и присоединены к Московской области, где оставались вплоть до июня 1946 г., когда были вновь переданы Рязанской области указом Президиума Верховного Совета РСФСР (к ним присоединился и Октябрьский район Московской области)³.

Характерным явлением второй половины 1950-х гг. стало укрупнение районов. Так, в апреле 1956 г. в целях «укрепления районного звена» были ликвидированы 9 районов Рязанской области: Больше-Коровинский, Желтухинский, Конобеусевский, Мервинский, Муравьянский, Октябрьский, Семионовский и Шелуховский. Их территории влились в состав соседних районов области.

В июне 1959 г. в Рязанской области были упразднены еще 6 районов: Бельковский, Горловский, Можарский, Чапаевский, Чернавский и Солотчинский. Территория бывшего Горловского района влилась в Скопинский район. Таким образом, по состоянию на 1 января 1960 г. в состав Рязанской области входило 29 районов: Елатомский, Ерахтурский, Ермишинский, Захаровский, Ижевский, Кадомский, Касимовский, Клепиковский, Михайловский, Новодеревенский, Пителинский, Пронский, Путятинский, Рыбновский, Рязжский, Рязанский, Сапожковский, Сараевский, Скопинский, Спасский, Старожиловский, Тумский, Шиловский, Кораблинский, Милославский, Шацкий, Чучковский, Ухоловский и Сасовский. Было в регионе и 2 города областного подчинения – Рязань и Касимов.

В соответствии с решениями ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС и на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 декабря 1962 г. «О реорганизации краевых, областных и районных Советов депутатов трудящихся РСФСР» Рязанский областной Совет депутатов трудящихся был разделен на два органа – промышленный и сельский Совет. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 февраля 1963 года вместо 29 ранее существовавших районов в Рязанской области было образовано 12 сельских (Кадомский, Рязанский, Спасский, Касимовский, Сараевский, Старожиловский, Михайловский, Сасовский, Шацкий, Рязжский, Скопинский, Шиловский) и 5 промышленных районов (Кораблинский, Михайловский, Сасовский, Скопинский, Спасский). Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1964 г. были также созданы Клепиковский и Ухоловский сельские районы. Однако жизнь не подтвердила целесообразности перестройки советских органов по производственному принципу. Деление области на сельские и промышленные районы просуществовало чуть более двух лет. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 г. «Об изменениях в административно-территориальном делении Рязанской области» ранее существовавшие промышленные и сельскохозяйственные районы были упразднены и

¹ См. Приложения 2–4.

² *Бунина Е.В.* Материалы Рязанской комплексной географической экспедиции 1939–1940 гг.: источниковедческое исследование: дис. ... канд. ист. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 2007. – 249 с.

³ Ленинская искра, № 36. – 1946. – 16 июня.

преобразованы в обычные районы без специализации. Город Скопин также стал городом областного подчинения.

По состоянию на 1 января 1970 г. в Скопинском районе насчитывалось 54 села, 56 деревень, 29 поселков, а также поселки железнодорожных станций, железнодорожные будки и лесные сторожки. Скопинский район включал следующие сельсоветы:

- Березняговский в составе сел Березняги, Лазинка, Мшанка, поселка Широкий, железнодорожных будок 429 км, 431 км, 432 км, 433 км;
- Богословский: села Богослово, Нюховец, деревня Суровцы, поселки Завал, Красный Май, лесная сторожка;
- Вердеревский: села Вердереево, Малое Кушуново, Немерово, деревня Большое Кушуново;
- Вослебовский: село Вослебово, поселок Лесничество, железнодорожная станция Брикетная, лесные сторожки №№ 1 и 2, железнодорожные будки 455 км, 457 км;
- Горловский: села Горлово, Дмитриево, Ново-Александрово, поселки Большой луг и железнодорожной станции Миллионная;
- Гремячковский: село Гремячка;
- Ермоловский: села Ермолово, Дмитриево, деревни Жмурки, Перики, Свинушки, железнодорожная будка 460 км;
- Желтухинский: поселок центрального отделения совхоза «Желтухинский», село Новое, деревни Большая Косыревка, Воздвиженка, Говорово, Гореловка, Гусиловка, Дегтярка, Дубровщина, Желтухино, Ивановково, Ключеревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Летово, Ленинка, Малая Косыревка, Шелемишевские хутора, Петровка, Рановка, Савиловка, Свистовка, поселки железнодорожных станций Желтухино и Говорово, железнодорожные будки 471 км, 472 км, 473 км, 476 км, 477 км, 479 км, 481 км, 482 км, 496 км, 497 км, 499 км;
- Затворнинский: село Затворное, деревня Писарево;
- Ильинский: села Ильинка и Высокое;
- Казинский: село Казинка, поселок станции Лазинка, лесной кордон, железнодорожная будка 235 км;
- Катинский: село Катино, водокачка, поселок станции Катино, железнодорожные будки 235 км, 238 км, 239 км;
- Клекотковский: село Клекотки, деревни Богоявленка, Измайловка, Поповка, поселок железнодорожной станции Клекотки, железнодорожные будки 393 км, 394 км, 396 км, 398 км, 399 км, 400 км;
- Князевский: села Князево, Петрушино, деревня Велемья, поселок Осиново-Шилово;
- Корневский: села Корнево, Старые Кельцы, Пупки, деревни Ивановка, Новиково, поселки Кирпичного завода, Красный городок, Дома отдыха;
- Кремлевский: села Кремлево и Вязовенка;
- Лопатинский: села Лопатино, Новые Кельцы, деревни Вороновка, Стрелецкая дубрава, поселки Верстаковка, Дозоровка, Красный, Кръжи, Московский, Покровский, Рудинка, Свобода, Смекаловка, Советский, железнодорожной станции Вослебово, железнодорожные будки 440 км, 442 км, 443 км, 445 км, 446 км;
- Моховский: село Моховое, деревни Галино, Гривцы, Демьшино, Рюмки;
- Муравлянский: село Муравлянка, деревни Быковка, Львовка;
- Нагишевский: село Нагиши, деревни Екатериновка, Купчая, железнодорожные будки 403 км, 404 км, 406 км;

– Новобараковский: села Новобараково, Городецкое, Костемерово, Поляны, деревни Гудовка, Дмитриевский хутор, Журавлиха, Коннохово, Московка, Старобараково, поселок Полянские выселки, лесная сторожка, железнодорожный разъезд 19 км, железнодорожные будки 466 км, 467 км, 469 км;

– Павелецкий: село Павелец, поселки Красная деревня, железнодорожных станций Кремлево, Мшанка, поселок Обрезной, поселок железнодорожной станции Павелец-2, железнодорожные будки 242 км, 245 км, 246 км, 248 км, 249 км, 421 км, 422 км, 426 км, 427 км;

– Петрушинский: село Петрушино, деревня Клобучки, кордон №1;

– Рождественский: села Рождествено, Николо-Скопин;

– Рудинский: села Рудинка, Алмазово, Троице-Орловка;

– Секиринский: село Секирино, деревня Кочугурки, поселки Большак, Отрада, Первомайский;

– Хворощевский: села Хворощевка, Делехово, поселок Южный;

– Чулковский: села Чулково, Чулково-Выселки, Чулково-Лихарево, поселки Киселевский, завода «Автоагрегатный», железнодорожные будки №№ 1,2,3,4;

– Шелемишевский: села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Зараново, Наумово, Уланово, Ураково¹.

В 1970 г. официально прекратили свое существование деревня Даниловка Горловского сельсовета, поселки Большой колодец и Катинская шахта Катинского сельсовета, поселок бывшей Клектковской МТС, поселок Красный колос Муравлянского сельсовета.

Унаследованная от советской эпохи административно-территориальная организация сохранялась в неизменном виде до принятия в Российской Федерации Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Согласно этому документу, сельсоветы были переименованы в сельские округа, но их общая структура осталась прежней.

Начало новому историческому этапу в жизни Скопинского района положило вступление в силу Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и принятого в его развитие Закона Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав». В соответствии с последним документом в Скопинском муниципальном районе с административным центром в городе Скопине (который получил статус самостоятельного муниципального образования «Городской округ город Скопин») были образованы следующие городские и сельские поселения:

– Павелецкое городское поселение (административный центр – рабочий поселок Павелец). Включает в себя населенные пункты: рабочий поселок Павелец, поселки Южный, Красная Деревня, поселки станций Кремлево, Мшанка, Павелец-2, села Кремлево, Вязовенка, Делехово, Хворощевка, Павелец;

– Побединское городское поселение (административный центр – рабочий поселок Побединка). Включает в себя населенные пункты: рабочий поселок Побединка, поселки Большак, Отрада, рабочий поселок Поплевинский, село Победное, Секирино, Чулково, деревни Подмакарьево, Кочугурки;

¹ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 96–100.

– Вослебовское сельское поселение (административный центр – село Вослебово). Включает в себя населенные пункты: села Вослебово, Вердерево, Кушуново, Новое, поселок Лесничество, поселок станции Брикетная, деревни Воздвиженка, Дмитриевский хутор, Летово, Савиловка, Свистовка;

– Горловское сельское поселение (административный центр – село Горлово). Включает в себя населенные пункты: села Горлово, Ново-Александрово, Дмитриево, Рудинка, Троице-Орловка, Алмазово, Богослово, Нюховец, Петрушино, Затворное, Муравлянка, Нагиши, Клекотки, Катино, поселок Красный Май, поселок станции Катино, деревни Суровцы, Писарево, Львовка, Купчая, Измайловка;

– Ильинское сельское поселение (административный центр – село Ильинка). Включает в себя населенные пункты: села Ильинка, Высокое, Казинка, Березняги, Лазинка, Мшанка, поселок Широкий, поселок станции Лазинка;

– Корневское сельское поселение (административный центр – село Корнево). Включает в себя населенные пункты: села Корнево, Новые Кельцы, Князево, Петрушино, Пупки, поселки Дома отдыха, Осиново-Шилово, деревня Велемья;

– Полянское сельское поселение (административный центр – село Поляны). Включает в себя населенные пункты: села Поляны, Ермолово, Дмитриево, деревни Перики, Свинушки;

– Успенское сельское поселение (административный центр – село Успенское). Включает в себя населенные пункты: села Успенское, Немерово, Лопатино, Гремячка, Рождествено, Николо-Скопин, Моховое, поселки Дозоровка, Московский, Покровский, Рудинка, Свобода, Смекаловка, Советский, Красный, поселок станции Вослебово, деревни Деменьшино, Рюмки, Галино, Гривцы, Вороновка;

– Шелемишевское сельское поселение (административный центр – село Шелемишево). Включает в себя населенные пункты: села Шелемишево, Боровое, Городецкое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, Костемерево, Новобараково, поселки Полянские выселки, Желтухинский, поселки станций Желтухино, Говорово, деревни Гудовка, Журавлиха, Конохово, Московка, Наумово, Уланово, Ураково, Большая Косыревка, Говорово, Гореловка, Гусиловка, Дегтярка, Дубровщина, Желтухино, Ивановково, Ключеревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Ленинка, Шелемишевские хутора, Петровка, Рановка.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Скопинского района в настоящее время проживают 27 080 человек.

АЛМАЗОВО

село

(сельское поселение Горловское)

Прошлое села Алмазова (Никольского, Никольского-Алмазова) на р. Дегтярке связано с Епифанским уездом – административной единицей с центром в городе Епифани¹, созданной на южном рубеже русского государства в 1566–1567 гг. князем Иваном Федоровичем Мстиславским (?–1586), известным политическим деятелем и полководцем царя Ивана IV Грозного. Исторически уезд тяготел к Москве и Туле. В 1708 г., в ходе административных реформ Петра I, он был упразднен, а его земли включены в состав обширной Московской губернии. При ее разделении на более мелкие территориальные единицы в 1719 г. Епифань вошла в новообразованную Тульскую провинцию, в которой в 1727 г. был восстановлен и Епифанский уезд. В 1777 г. он стал одной из административных единиц Тульского наместничества, преобразованного в 1796 г. в губернию. Частью Тульской губернии он оставался вплоть до своего окончательного упразднения в 1924 г. в ходе административных реформ советского времени.

Возникновение села Алмазова на землях Епифанского уезда можно условно отнести к первым годам XVIII в. Вопрос об основании села и значении его названия довольно подробно разобран в капитальном труде «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895), составителем и редактором которого был один из патриархов тульского краеведения П.И. Малицкий². Об образовании в селе церковного прихода в этой книге сказано следующее: «Время возникновения этого прихода с точностью определить нельзя, но несомненно, что в самом начале прошлого столетия (имеется в виду XVIII в. – *Примеч. авторов*) приход уже существовал, так как в 1710 г. устроен был в нем уже храм во имя Николая Чудотворца, и самое село называлось по храму Никольским. Алмазовым же это село стало называться уже впоследствии, и, как видно из церковных документов, восходящих до 1789 г., к названию Никольское стало прибавляться название Алмазово. Но почему это название было усвоено ему, объяснить это за неимением исторических данных представляется невозможным. Вероятно, такое название дано было по фамилии какого-либо помещика, владевшего этою местностью, или просто по прихоти владельца ее, которому так она понравилась, что он назвал ее алмазною, а отсюда и возникло название Алмазово»³.

Материалы 1-й ревизии податных сословий Российской империи по Епифанскому уезду Тульской провинции Московской губернии, проводившейся в 1710 г., свидетельствуют о том, что изначально название села звучало как Николаевское⁴. Его первым владельцем и, возможно, основателем являлся известный сподвижник Петра I граф Федор Матвеевич Апраксин (1661–1728), генерал-адмирал русского флота (1707), прославившийся в 1714 г.

¹ Ныне рабочий поселок Епифань в Кимовском районе Тульской области.

² Малицкий Павел Иванович (1851–1919) – статский советник, преподаватель Тульской духовной семинарии, церковный публицист и краевед. Член правления Тульской духовной семинарии в 1882–1918 гг., член Тульского епархиального училищного совета в 1884–1886 гг., член Тульского историко-археологического товарищества с 1898 г., один из инициаторов создания в Туле Ученой архивной комиссии.

³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Пересвет», 2010. – С. 159.

⁴ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1821, л. 108.

морской победой над шведами у мыса Гангут. На его средства в 1710 г. в селе была возведена первая деревянная Никольская церковь¹.

Нынешнее название села восходит к помещику 1-й пол. XVIII в. – бригадир Ивану Семеновичу Алмазову (? – после 1747). Он был внуком известного российского дипломата дьяка Алмаза Иванова /после крещения – Ерофея Ивановича Алмазова/ (? – 1669), руководителя Посольского приказа в 1653–1667 гг., и сыном стольника и думного дворянина Семена Ерофеевича Алмазова (? – 1688), который, согласно датированному 5 (15) сентября 1675 г. списку с межевой книги, составленному по указанию стольника и воеводы Степана Ефремовича Нелединского², владел поместной землей «в урочищах Дикого поля на речке Молоденке». В XVIII в. владение Алмазовых – село Молоденки³, лежащее ниже по течению р. Дегтярки у места ее слияния с Сухой Таболой, перешло к семье Разумовских. Однако Алмазовы сохранили за собой земли в Епифанском уезде, приобретя близлежащее село Никольское, которое по их фамилии получило второе название – Алмазово⁴.

Бригадир И.С. Алмазов не оставил заметного следа в истории России. Он известен лишь как владелец подмосковной усадьбы Алмазово⁵, где в 1726 г. на его средства была выстроена каменная Свято-Сергиевская церковь. Его чин установлен по преамбуле ревизской сказки по селу Никольскому-Алмазову из материалов 3-й ревизии: «1764 году августа [...] дня вотчины вдовы бригадира Анны Степановны бригадира Ивана Семеновича Алмазова Епифанского уезду Клабуковского стану села Никольского староста Григорей Радивонов после состоявшегося в прошлом 1761 году декабря 20 дня правительствующего Сената указу сведома госпожи своей дал сию скаску оположенных внижеписанном госпожи моей вселе попоследней 1747 году ревизи вподушном окладе заозначенным госпожи моей мужем Иваном Семеновичем Алмазовым истого числа разными случаями убылых и после того вновь рожденных; объявляю посамой истине и безвсякой утайки, а буде в том повинен буду положенного по указом штрафа безвсякого милосердия»⁶.

Генеральный план Епифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время село Никольское-Алмазово представляло собой один порядок крестьянских домов на правой стороне «р. Дехтянки», перед фасадами которого располагалось деревянное здание Никольской церкви. Еще несколько домов с огородами располагались южнее этого порядка. К северу от церкви находился господский дом с садом.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Епифанского уезда описывают «село Никольское, Алмазово тож, Михаила Степанова сына Вышеславцова с выделенною церковною землею». Согласно документу, оно располагалось «речки Дехтярки на-

¹ Приходы и церкви... С. 159.

² Нелединский Степан Ефремович (?–?) – стольник (1673), воевода в Богородицке в 1671–1676 гг.

³ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

⁴ Любопытно, что жители Алмазова, ничего не зная о происхождении названия своего села, в начале XX в. рассказывали следующую легенду: «Дело было лет сто назад. Поехал как-то наш барин в Епифань на ярмарку, скот продавать. Живность свою удачно сбыв, да на местном постоялом дворе, где заночевал, сел в карты играть. Среди картежников был ротмистр, командир гусарского эскадрона из Епифани. Гусар этот всех игроков «обчистил», и тогда наш барин возьми да и поставь на кон свое сельцо Никольское – так наша деревня тогда называлась. И, конечно, проиграл. Впал он в такое отчаяние, что ротмистр пожалел его, сказав: “Мне твое сельцо нужно как собаке репей в хвост. Прощаю тебе проигрыш, но с условием, что впредь это село будет называться Алмазовым, в честь моей фамилии – Алмазов”. Барин наш, говорят, сапоги ему целовал и поставленное условие выполнил». Сообщение Н.С. Леонова.

⁵ Ныне в Щелковском районе Московской области.

⁶ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 970, л. 99.

правой, накоей два пруда, ручья безымянного налево сторонах». В селе имелись «церковь деревянная Николая Чудотворца» и «дом господской деревянной с плодовым садом». В рассматриваемый период в селе насчитывалось 47 крестьянских дворов, в которых проживали 185 мужчин и 172 женщины.

Общая площадь имения составляла 908 десятин 1713 сажени (992,81 га). Помещичья усадьба и крестьянские дворы располагались на 8 десятинах 1434 сажени (9,39 га). Большая часть земли была отведена под пашню – 814 десятин 140 сажени (889,39 га). Сенокосные луга занимали 15 десятин 145 сажени (16,45 га). Также имелось 60 десятин 592 сажени (65,82 га) леса. В документе отмечено, что церковную землю «пообе стороны оврага Крутова» обрабатывали «сами священно церковно служители». Авторы экономического приложения в заключение отмечали: «земля черная, хлеб средственной, покосы худы, лес строевой и дровеной дубовой, березовой, осиновой, крестьяне напашне»¹.

О помещике села Никольского-Алмазова М.С. Вышеславцеве (? – до 1795), представителе старинного дворянского рода, известно, что в молодости он служил в Лейб-гвардии Семёновском полку и вышел в отставку в чине подпоручика². После его кончины Алмазово стало владением его дочери Капитолины Михайловны (1778–1861). Первым мужем К.М. Вышеславцевой был поэт Василий Львович Пушкин (1768–1830), дядя А.С. Пушкина. В 1806 г. их брак закончился разводом. Вторым ее супругом стал отставной секунд-майор Лейб-гвардии Конного полка Иван Акимович Мальцев (Мальцов) (1774–1853), крупный землевладелец и промышленник, представитель династии, создавшей «Мальцовскую стекольную империю». С его именем связана целая эпоха в истории Гусевского и Дятьковского хрустальных заводов.

Свой след И.А. Мальцев оставил и в истории села Алмазова. К концу 1830-х гг. окончательно обветшала неоднократно обновлявшаяся за прошедшее столетие сельская Никольская церковь. В 1839 г. на средства помещика в Алмазове был возведен новый кирпичный однопрестольный храм с колокольней, также освященный во имя святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских. Место прежней деревянной церкви было отмечено часовней³.

Отмене крепостного права в России предшествовала серьезная работа по сбору информации об условиях крестьянской жизни и хозяйствования в различных регионах страны. В конце 1850 – начале 1860 гг. составляются точные топографические карты, выходят в свет статистические сборники, содержащие немало ценной для истории русских сел и деревень информации. В изданиях по Епифанскому уезду есть упоминания и о селе Алмазове.

Статистический справочник «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедший под редакцией академика П.И. Кепшена⁴, сообщает, что в рассматриваемое время численность населения «села Никольское, Алмазово тож», находившегося «при речке Дегтянке», составляла 373 человека «помещичьих крестьян»⁵. Согласно изданному в 1862 г. списку населенных мест Тульской губернии, Алмазово являлось «селом владельческим» и находилось «при речке Тоболе». В нем насчитывалось 25 дворов, в которых проживали 198 мужчин и 196 женщин⁶.

Военно-топографическая карта Тульской губернии 1863 г. свидетельствует, что в рассматриваемое время село Алмазово представляло собой два порядка крестьянских домов, рас-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 15

² А.С. Пушкин: московские страницы биографии. М.: 2000. – С. 59.

³ Приходы и церкви... С. 159

⁴ Кепшен Петр Иванович (1793–1864) – академик Петербургской Академии наук (1843), автор трудов по истории, географии, этнографии, демографии и статистике. Один из членов-учредителей Императорского Русского географического общества (1845).

⁵ *Северов В.И.* Города и селения Тульской области в XIX веке. – Тула, 2006. – С. 86.

⁶ Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862. – С. 77.

полагавшихся на правом берегу «р. Дегтянки» в виде буквы L. Перед фасадами изб над рекой возвышалось кирпичное здание Никольской церкви. К северу от основного порядка домов находился обширный сад – единственный остаток господской усадьбы XVIII в. В селе действовали три ветряные мельницы (все деревянные). Они стояли в один ряд к западу от села, на склоне холма за крестьянскими огородами. Между последней с юга и средней мельницами проходила проселочная дорога в деревню Рассекино¹.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. село вошло в состав Молоденской волости. В 1866 г. все жители Никольского-Алмазова оставались временнообязанными оброчными крестьянами помещицы графини Марии Ивановны Игнатьевой, урожденной Мальцевой. Мужское население села составляло 194 души. Общая площадь обрабатывавшейся алмазовскими крестьянами земли равнялась 533 десятинам 1200 саженьям (582,87 га). По состоянию на 1 января 1867 г. каких-либо недоимок за ними не числилось². На эпоху отмены крепостного права приходится и появление первого образовательного учреждения в Алмазове – церковно-приходской школы. По сообщению «Тульских епархиальных ведомостей», на 1 (13) января 1862 г. в селе действовало «училище, построенное близ церкви», в котором местный священник Я.М. Глаголев обучал 20 мальчиков³. В 1864 г. наблюдавший за церковно-приходскими училищами Елифанского уезда священник Вознесенской церкви села Петрушина И.Г. Базаров «особенно рекомендовал» епархиальному начальству «священника села Алмазова Якова Глаголева за довольно успешное обучение своих учеников (29 мальчиков в церковной караулке) церковному пению с голоса.<...> В уважение к такой рекомендации, подтверждаемой при том же <...> отзывом благочинного, епархиальным начальством» было постановлено «объявить ему одобрение»⁴. Более подробно о краткой истории первой школы в селе сообщалось в следующей публикации «Тульских епархиальных ведомостей» за 1867 г.: «В селе Алмазове училище иногда помещалось в доме священника, а иногда в церковной караулке, и существовало с октября 1861 по апрель 1866 г.; обучалось каждогодно от 3 до 29 мальчиков; обучением занимался священник Иаков Глаголев безвозмездно, в 1862 и 1863 гг. с помощью нанятого от прихожан ему помощника, а в остальные годы один»⁵.

«Ведомость о церквях Тульской епархии» сообщает, что в начале 1860-х гг. причт Никольской церкви села Алмазова состоял из 3 человек. Количество приписанной к храму земли составляло 34 десятины (37,15 га). В приходе числилось 358 душ мужского пола⁶. В 1864 г. церковь была капитально отремонтирована и после обновления заново освящена «благочинным священником Д. Владимирским»⁷. В 1865 г. епархиальное начальство выразило признательность «Елифанского уезда села Алмазова прихожанам за пожертвование 80 руб. 89 коп. на переливку колокола»⁸. Известно имя одного из старост Никольской церкви середины XIX в.: в 1866 г. им был «села Алмазова временнообязанный крестьянин Михаил Левонов»⁹.

Село Алмазово лежало практически на рубеже Тульской и Рязанской губерний, находясь на возвышенной и холмистой местности в 100 верстах от губернского города Тулы и в

¹ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

² По данным имеющегося в распоряжении авторов неидентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

³ Тульские епархиальные ведомости, № 13 (1 июля 1862 г.). – С. 14.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 9 (1 мая 1864 г.). – С. 161-162.

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1867 г.). – С. 560–561.

⁶ Памятная книжка Тульской губернии. – Тула, 1864. – Отдел IV. С. 50.

⁷ Тульские епархиальные ведомости, № 24 (15 декабря 1864 г.). – С. 431.

⁸ Тульские епархиальные ведомости, № 23 (1 декабря 1865 г.). – С. 240.

⁹ Тульские епархиальные ведомости, № 4 (15 февраля 1866 г.). – С. 48.

22 верстах от уездного города Епифани¹. Видимо, удаленностью от основных центров общественной жизни и основных транспортных артерий региона объясняется тот факт, что во 2-й пол. XIX в. информация о местных событиях редко попадала на страницы губернской печати. Однако время от времени жители Алмазова упоминаются в хрониках происшествий по губернии, печатавшихся газетой «Тульские губернские ведомости» в 1860–1870-х гг. В хронике происшествий за 2-ю пол. ноября 1859 г. можно прочитать, например, такое известие: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Алмазове помещицы крестьяне Иван, 31 г[ода], и Степан, 24 л[ет], Турукины 28 ч[исла] скоропостижно умерли в мельничной избе от угара»².

В хронике происшествий по Тульской губернии за 1-ю половину августа 1866 г. попал следующий трагический случай: «Еп[ифанского] у[езда] с[ела] Алмазова кр[естьянский] мальчик Пантелей Платонов, 12 л[ет], 10 ч[исла] умер. По полицейскому дознанию открылось, что Платонов 18 июля был пойман с украденными яблоками в саду, содержащимся Епифанским мещанином Кудряковым, женою Кудрякова, которая таскала его за это за волосы, была по телу и потом, привязав его к столбу веревкою с левого плеча через грудь под правую мышцу, в таком положении оставила его в продолжении 5 часов, а 10 [августа] он умер. По заключению врача, смерть последовала от битья его. О сем производится следствие судебным следователем»³.

Неумеренное употребление горячительных напитков было извечным бичом русской деревни. Алмазово в этом плане не являлось исключением. Свидетельством этого является, например, хроника происшествий по губернии за 1-ю половину октября 1868 г.: «Еп[ифанского] у[езда] с[ела] Алмазова кр[естьянин] Федор Иванов, 50 л[ет], в ночь на 7 ч[исло] скоропостижно умер от излишнего употребления вина»⁴.

Отголоском какого-то внутреннего конфликта между жителями села можно посчитать следующее сообщение, попавшее в хрониках происшествий по губернии за 1-ю пол. октября 1870 г.: «В ночь с 25 на 26 сент[ября] «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Алмазове у кр[естьянина] Антона Зиновьева сгорела от неизвестной причины молотильная рига и 30 копен хлеба. Рига застрахована в 15 руб. Убытку понес от сего пожара на 500 руб.»⁵.

Земская реформа также находила отражение на газетных страницах. В июне 1871 г. главная губернская газета опубликовала «Список лиц, имеющих право голоса в избирательных съездах уездных землевладельцев по земскому учреждению с означением имущества». В нем, в частности, сообщалось, что алмазовская помещица «Игнатъева Марья Ивановна, генеральша от инфантерии», владела в Епифанском уезде 1184 десятинами (1293,56 га) земли, из которой 400¼ десятины (437,28 га) использовались ей непосредственно, а 783¾ десятины (856,27 га) находились в наделе у крестьян⁶.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Алмазове, «бывшем селе владельческом», насчитывалось 68 дворов и 448 жителей. Последовательный рост населения села сопровождался развитием гуманитарной и образовательной инфраструктуры. При Никольской церкви была открыта богадельня, с 1883 г. в Алмазове действовала церковно-приходская школа⁷.

¹ Приходы и церкви... С. 159.

² Тульские губернские ведомости, № 5. – 1860. – 30 января.

³ Тульские губернские ведомости, № 38. – 1866. – 17 сентября.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 44. – 1868. – 2 ноября.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 51. – 1870. – 21 октября.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 44. – 1871. – 16 июня.

⁷ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 76.

Сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» сохранил данные о приходе Никольской церкви в селе Алмазове в начале 1890-х гг. Помимо самого села в него входила близлежащая деревня Рассекино. Причт храма состоял из священника и псаломщика. Церковь содержалась на проценты с капитала в 750 руб. Также при церкви имелось 34 десятины 1904 сажени (38,01 га) земли¹. Приход храма состоял из 970 человек (468 мужчин и 502 женщины), проживавших в Алмазове и Рассекине². Известно имя нескольких священнослужителей Никольской церкви: ок. 1862–1868 гг. настоятелем храма был священник Яков Михайлович Глаголев³, ок. 1878–1893 гг. – Алексей Ильич Крутицкий⁴, ок. 1897 г. – Василий Архангельский, ок. 1904–1917 гг. – Петр Григорьевич Каменский⁵. Ок. 1866–1904 гг. в Никольской церкви служил пономарь (с 1890-х гг. – псаломщик) Лавр Васильевич Позднышев⁶, в 1907 г. как и.д. псаломщика храма упоминается Герман Позднышев⁷.

По свидетельству «Тульских епархиальных ведомостей», с 1900 г. в Алмазове действовала «одноклассная школа (41 мальчик, 8 девочек)», преобразованная из школы грамоты. Законоучителем в ней состоял священник Василий Архангельский, учителем – крестьянин Феодосий Трофимов, не имевший «учительского звания»⁸.

«Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии», помещенный в IV (XIII) томе сборника «Дворянское сословие Тульской губернии», сообщает о том, что в 1903–1906 гг. 399 десятинами (435,92 га) земли при селе Алмазове владел генерал-лейтенант граф Алексей Павлович Игнатьев. В 1906 г. он значится выбывшим⁹.

Упомянутый в этом издании граф А.П. Игнатьев (1842–1906) – известный русский государственный деятель. Выпускник Пажеского корпуса (1859) и Николаевской академии Генерального штаба (1862), в 1873 г. он стал командиром Кавалергардского полка, в 1881 г. – начальником штаба Гвардейского корпуса. В 1885–1889 гг. А.П. Игнатьев занимал посты Иркутского, в 1889–1897 гг. – Киевского генерал-губернатора. В 1896 г. граф стал членом Государственного совета, в 1898 г. был произведен в генералы от кавалерии, в 1904 г. стал генерал-адъютантом императора Николая II. В 1905–1906 гг. А.П. Игнатьев показал себя сторонником крайних репрессивных мер, направленных на подавление революционного движения. 9 (22) декабря 1906 г. в Твери он был убит членом боевой организации партии эсеров С.Н. Ильинским.

В первые годы XX в. к северо-западу от Алмазова и чуть севернее деревни Алексеевка¹⁰ вырос хутор Алмазовские выселки, ставший усадьбой местного кулака Басманова. В селе его звали «помещиком» и считали «свирепым кровопийцей». Во время аграрных волнений в Епифанском уезде в марте 1905 г. усадьба Басманова была сожжена, а имущество разгра-

¹ Приходы и церкви... С. 15.

² Памятная книжка по Тульской губернии на 1892 год. – Тула, 1892. – Отдел IV. С. 18–19.

³ ГАТО, ф. 3, оп. 15, д. 621, л. 729 об; д. 624, л. 102 об.

⁴ ГАТО, ф. 93, оп. 1, д. 1807, л. 358 об; Памятная книжка по Тульской губернии на 1891 год. – Тула, 1891. – Отдел IV. С. 21.

⁵ ГАТО, ф. 93, оп. 2, д. 525, л. 53; Тульские губернские ведомости, № 209. – 1905. – 12 октября.

⁶ ГАТО, ф. 3, оп. 15, д. 621, л. 729 об; ф. 93, оп. 2, д. 525, л. 53.

⁷ ГАТО, ф. 93, оп. 2, д. 541, л. 2.

⁸ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.) – С. 178.

⁹ Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии / Дворянское сословие Тульской губернии, т. IV (XIII) – М., 1910.

¹⁰ Существовала в Кимовском районе Тульской области до упразднения в связи с выездом и переселением жителей в 1986 г.

блено алмазовцами. Еще многие десятилетия спустя пашню у высоты 229,3 местные жители называли «Басманово поле».

В первые десятилетия XX в. некоторым уроженцам Алмазова довелось принять участие в двух последних войнах императорской России – Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой. Обе войны прошел Павел Михайлович Леонов (1883–1975). В 1920-х гг. он преподавал в алмазовской начальной школе, а в годы Великой Отечественной войны трудился плотником и пчеловодом в организованном в селе колхозе. Ветераном Первой мировой войны был также Владимир Алексеевич Трифонов (1881–1967). Он служил в одном из саперных батальонов Русской императорской армии, т.к. владел плотницким ремеслом. В советское время он работал столяром в Доме культуры в Сталиногорске (ныне Новомосковск). Меньше повезло их односельчанину Григорию Сергеевичу Гришину (1886–1914). С 1912 г. он служил рядовым в одной из пехотных частей Русской императорской армии, участвовал в Первой мировой войне с самого первого ее дня. Он погиб в 1914 г. во время отступления русских войск под Варшавой¹.

Советская власть в Алмазове, как и повсюду в Епифанском уезде, была установлена в декабре 1917 г. Насколько известно, процесс создания органов новой власти проходил без особых эксцессов.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. Алмазово вошло в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда. Изданный в 1925 г. справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в это время село административно относилось к Молоденскому райсельсовету. К этому времени существовавшая в Алмазове церковно-приходская школа в соответствии с декретом ВЦИК «О единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г. была преобразована в школу 1-й ступени. При ней действовал пункт ликвидации неграмотности². В разделе «Торговля и промышленность» Бучальско-Молоденского района это издание отмечает работавшую в Алмазове мельницу С.П. Турукина³.

В 1926–1929 гг. село входило в Клетоктовский район Тульской губернии. В 1929 г. Алмазово вместе с другими окрестными населенными пунктами было включено в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района село попеременно относилось то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.). С этого времени Алмазово относилось сначала к Троице-Орловскому, а позднее – к Рудинскому сельсоветам.

В начале 1931 г. индивидуальные крестьянские хозяйства жителей села были объединены в колхоз «Алмаз», впоследствии переименованный в честь А.И. Микояна. Газета «Ленинская искра», орган Горловского РК ВКП (б), РИКа и РСПС Московской области, сообщала, что в апреле 1931 г. «в колхоз вступило 139 хозяйств из 163»⁴. Первые месяцы существования нового колхоза не обошлись без злоупотреблений. Отголоски раздиравших алмазовцев противоречий чувствуются в статье корреспондента Савкина «Кулаки выгнаны из колхоза». В ней, в частности, сообщается: «Алмазовский колхоз Тр.-Орловского сельсовета организован в 1931 г. С самого начала в колхоз пробралось кулачье. Председателем колхоза был кулак М.Н. Турукин. Подготовка к севу в колхозе совершенно не велась. Не были организованы постоянные производственные бригады. Ответственные за хранение семян выделены

¹ Сообщение Игоря Краснова.

² Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. – Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. – С. 173.

³ Там же. С. 174.

⁴ Ленинская искра, № 20. – 1931. – 18 апреля.

не были, и 50 проц. семенного картофеля стнили. Тяговая сила, благодаря обезличке в уходе, приведена в истощенное состояние. Счетоводом колхоза сидел кулак Сергеев. Сергеев списывал трудодни бедняцко-средняцкой части колхоза, а урожай был распределен по 15 пудов на едока, причем бедняцко-средняцкая часть получила меньше. Предколхоза Турукин на торфоразработки отпустил пробравшихся в колхоз кулацко-зажиточных, и в связи с этим часть колхозников хотела самовольно уйти на торфоразработки. 25 апреля <1932 г.> на собрании колхоза ставился вопрос о готовности к севу. Кулак Турукин заявил, что мы выехать в поле на весенний сев не можем. Но выступившие колхозники разоблачили Турукина и его компанию и объявили себя мобилизованными на ликвидацию прорыва. Из колхоза выгнаны: попадья Каминская, помещица Тимохина, Сергеев, К.С. Мысин, Зенушкин, В.И. Турукин, М.М. Сафонов, М.Н. Турукин, Т.Н. Турукин. Новым правлением колхоза созданы постоянные производственные бригады, прикреплен к ним инвентарь, тяга и т.д. 27 апреля колхоз сделал пробный выезд в поле, колхозники обязались сев провести по-ударному»¹.

К середине 1930-х гг. двум наиболее зажиточным алмазовским семьям – Зенушкиным и Турукиным, объявленным кулаками и изгнанным из колхоза, пришлось вообще покинуть село. Однако никто в Алмазове не вспоминал их дурным словом. Изгнанники считались представителями больших и трудолюбивых семей².

Некоторое время спустя районная газета обрушилась с критикой уже на новое руководство колхоза. В статье «Привлечь к ответственности Хаустова», подписанной псевдонимом «Провод», отмечалось: «В алмазовском колхозе весенний сев под угрозой срыва. На сегодня в колхозе засеяно только 36 га овса. Бригады работают плохо. Труддисциплина слабая. Нормы выработки не выполняются. Правление колхоза не руководит севом. 8 мая предколхоза Хаустов и уполномоченный земобщества Мосин поехали в Горлово за сортовым овсом, напились пьяными и растеряли по дороге 326 кг сортового овса. Предколхоза вместо мобилизации колхозников на ударный сев возглавляет пьянку. 8 мая Хаустов перепоил ряд колхозников, и 8 мая из-за этого три пахаря не вышли на работу (Е.И. Тимохин, И.Е. Васильев, А. Сергеев). Эта «троица» весь день гоняла лошадей в Тр.-Орловку за вином. Конюхи М.И. Турукин и И.А. Мосин были также пьяные, и лошади в течение дня стояли без корма. В алмазовский колхоз требуется немедленный выезд РКИ. Надо привлечь зарвавшихся «руководителей» к ответственности»³.

В декабре 1932 г. ситуация в колхозе «Алмаз» вновь оказалась в поле зрения районной газеты. В опубликованном письме в редакцию положение в селе вновь подавалось в критическом ключе: «Правление нашего колхоза не проводит своих же решений и постановлений общих собраний. Еще недавно было вынесено постановление о своевременной уборке картофеля, но пред. колхоза Миронов не провел этого в жизнь. 275 пуд. семенного картофеля лежало в поле в разобранном погребе до самых заморозков, и завхоз не считал нужным их убрать в хороший погреб, который у нас пустует. Завхоз говорит, что пред. колхоза сам распорядился убрать картофель в плохой погреб. Но по-нашему, это их личные перекоры, т.к. пред. колхоза и завхоз являются близкими родственниками – шурин с зятем. Колхозники этим возмущены, т.к. в аппарате почти вся родня: счетовод колхоза Е.П. Сергеев, из кулаков, тоже близкий родственник пред. колхоза. Вот они и трут все дела, которые нужно проводить. Постановлением правления с активом было решено уплатить задолженность по долгам в банк 2 500 руб. и срочно изыскать средства, для чего продать раскулаченное имущество – дворы, которые растаскиваются на топку, но правление до сего времени этого не сделало.

¹ Ленинская искра, № 53. – 1932. – 4 мая.

² Сообщение Н.С. Леонова.

³ Ленинская искра, № 58. – 1932. – 12 мая.

О лицах, которые растаскивают это колхозное имущество, имеются данные, но пред. колхоза Миронов не принимает к ним мер, не хочет им грубить. Еще факт. Часто члены колхоза замечают, что кладовщик колхоза Е.Н. Спиридонов и еще сын кулака Я. Зенушкин частенько сплавляют с мельницы муку и продают ее за вино (за один литр платят по одному пуду), а также с знакомых не берут гарнцевый сбор за помол. Учитывать их некому, т.к. счетовод колхоза, завед. мельницей и этот сын кулака Зенушкин являются родственниками: Зенушкин зять счетовода Сергеева, а зав. мельницей Миронов брат пред. колхоза, кладовщик Спиридонов им, Мироновым, зять. Мы просим редакцию газеты «Ленинская искра» очистить наш колхоз от грязи и разогнать эту кулацкую семейку»¹.

Весной 1934 г. районная газета писала и о других насущных нуждах алмазовцев. В частности, одна из корреспонденций из села била тревогу: «В колхозе «Алмаз» Тр.-Орловского сельсовета нет надлежащей заботы о противопожарной охране. В колхозе имеется всего одна пожарная машина, но к употреблению она не пригодна – худой рукав, нет ни одной бочки, полки под машиной сломан. Между прочим, еще в марте правлением колхоза было принято решение отремонтировать машину, причем ответственным за это дело был выделен тов. Ф. Турукин, которому поручено также было сформировать пожарную дружину. С тех пор прошло немало времени, но Турукиным ровно ничего не сделано. Медлить далее с ремонтом машины – преступно. Правление колхоза должно решительно потребовать от Турукина немедленного выполнения своего решения»².

Отмечались в жизни сельчан и позитивные моменты. Так, статья селькора Леонова «Строят колхозный клуб» информировала: «По инициативе председателя колхоза «Алмаз» (Тр.-Орловского с.с.) тов. Шарикова при колхозе строится колхозный клуб. Колхозники работают на постройке клуба с большим энтузиазмом. Ударники стройки: В. Леонов, И. Хаустов, Е. Сергеев, И. Леонов, Стригунов, Зенушкин, женщина-старушка В. Юрьева, Е. Миронова и другие. Колхозники для скорейшего окончания строительства клуба устраивают субботники»³. Строительство сельского клуба было завершено в 1934 г. Это было крайнее строение у моста через р. Дегтярку на северной слободе. При здании имелся фруктовый сад из 50 яблонь, много ягодных кустов. Сад был обнесен рвом и валом, покрытым непроходимыми зарослями белой акации, которые служили медоносом для располагавшейся в саду пасеки. Несколько лет спустя районная газета писала о нем: «При колхозе «Алмаз» Тр.-Орловского сельсовета по инициативе любителей-колхозников В.Г. Леонова, завхоза Богачева, под руководством предколхоза Е.К. Федина <...> был выстроен и художественно оформлен клуб. Наружная и внутренняя стороны здания клуба поражали своей чистотой и красотой. Особенно красиво была оформлена сцена. Помещение клуба радовало своей привлекательностью не только алмазовских колхозников, но и посторонних граждан. Проезжая по Алмазову, многие обращали внимание на красивое здание клуба. Наш клуб недаром считался одним из первых в районе. Хорошо и весело проводили время досуга в долгие зимние вечера колхозники. Живо наладилась работа кружков самодеятельности. Хоровой кружок алмазовцев был премирован на районном смотре колхозной самодеятельности патефоном...»⁴

Нередко районная газета ставила опыт алмазовцев в пример другим колхозам Горловского района: «В колхозе «Алмаз» Тр.-Орловского с/совета открыты и работают детские ясли. Колхоз изыскал средства на приобретение инвентаря и основных продуктов для питания де-

¹ Ленинская искра, № 141. – 1932. – 14 декабря.

² Ленинская искра, № 78. – 1934. – 17 мая.

³ Ленинская искра, № 84. – 1934. – 26 мая.

⁴ Ленинская искра, № 127. – 1936. – 15 ноября.

тей. Колхозницы, которые оставляют детей в яслях, очень охотно проводят сбор яиц, молочных продуктов и т.д., и при активном участии их детские ясли работают хорошо»¹.

«Ленинская искра» писала и о проблемах школьного образования в Алмазове. Примером может служить критическая статья «Бездушное отношение к лучшему педагогу – Матвеевой», появившаяся на страницах газеты осенью 1934 г.: «Труд учителя должен быть окружен вниманием и поддержкой», – говорит в своем письме к районным учительским конференциям Москвы и Московской области тов. Каганович. Как выполняется это указание в Троице-Орловке? 20 августа в нашей газете отмечались лучшие ударники-учителя нашего района. В числе этих лучших учителей советской школы была отмечена заведующая алмазовской школой Тр.-Орловского сельсовета – Матвеева. «Только благодаря ее настойчивости школа готова к новому учебному году. Она организовала учащихся на сбор лечебных трав, за которые получила топлива на весь учебный год», – пишет газета. Матвеева хорошо организовала и учебный процесс. Она была премирована РОНО и Рабпрос. Матвеева не только хороший производитель – она и хороший общественник. Сейчас при школе организовала группу малограмотных. И любовь к работе помогла ей заинтересовать молодежь в учебе. 27 малограмотных регулярно посещают занятия группы, с большим интересом относятся к ним. В группе хорошая дисциплина. Силами малограмотных готовится пьеса. Кажется, что Матвеевой, как лучшему производителю и общественнику села общественные организации должны оказывать самую внимательную поддержку. Однако этого нет в Алмазове Тр.-Орловского сельсовета. Квартира, где живет Матвеева со своими детьми, для жилья непригодна. Она требует большого ремонта: течет крыша, дует ветер во все щели, побиты стекла, нет вторых рам. Несмотря на неоднократные просьбы со стороны Матвеевой, ни предсельсовета Жеребцов, ни предколхоза Шишкин ремонтом квартиры заняться не хотят. Наступили холода, жить в этой квартире невозможно. Матвеева ничего не может сделать одна. Жеребцов и Шишкин не выполняют указаний тов. Кагановича по отношению к учительству, бездушно относятся к нему. Бездействует по этому вопросу и пред. РК Рабпрос – Пономарева. Остается глухим к просьбам Матвеевой о помощи и РОНО. Мы требуем, чтобы этому бездушному, антиленинскому отношению к учителю был положен конец. Матвеева в ближайшее время должна иметь удобную, теплую квартиру»².

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.». Согласно этому документу, в Алмазове, селе Троице-Орловского сельсовета, насчитывалось 121 жилое строение, 128 хозяйств и 522 чел. населения. Из промышленных заведений отмечены мельница и просорушка. Из социокультурных учреждений обозначены начальная школа и клуб³. Если в 1933/34 учебном году в алмазовской начальной школе насчитывалось 73 учащихся (39 мальчиков и 34 девочки), то в 1939/40-м их было уже 80 (33 мальчика и 47 девочек). Интересно отметить, что в 1939 г. все еще существовал хутор Алмазовские выселки. В это время он имел статус поселка Троице-Орловского сельсовета, хотя в нем имелось всего 2 жилых строения, а население составляло 10 человек⁴.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что на первую половину XX века пришелся период наибольшего расцвета села Алмазово. В нем насчитыва-

¹ Ленинская искра, № 96. – 1934. – 16 июня.

² Ленинская искра, № 217. – 1934. – 22 ноября.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, сд. хр. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

⁴ Архив МГУ. – Там же.

лось 125 дворов. Село расстраивалось в сторону западной околицы. У подножия холма, где в середине XIX в. располагались ветряные мельницы, выросла целая новая улица. Центром Алмазове оставалось здание Никольской церкви – главного местного памятника архитектуры. В 1929 или 1930 г. храм был закрыт, а священник выслан, хотя его жена продолжала жить в приходском домике при храме еще в середине 1930-х гг. Церковное здание поддерживалось в порядке и использовалось как зернохранилище.

В 1928 г. в семье крестьян села Алмазова родился Николай Сергеевич Леонов¹, видный публицист, политический и общественный деятель современной России. Он проживал в селе до 1931 г. и в 1934–1938 гг., учился в местной школе. Воспоминания Н.С. Леонова о детских годах, проведенных в Алмазове, содержат ценнейшую информацию по его истории в XX в.

С приходом колхозного строя отец Н.С. Леонова Сергей Михайлович, алмазовский крестьянин-середняк, уехал учиться на рабфак в поселок Бобрин-Донской и там вступил в ВКП (б). С юмором Н.С. Леонов вспоминал о том, как членство отца в коммунистической партии едва не стоило ему жизни: «Он строго-настрого запретил крестить меня, а поскольку сам был единственным коммунистом в деревне, то и я оказался единственным нехристом. Никто из бабок не соглашался приглядывать за мной, когда мать работала в поле, полагая, что я навлеку беду на дом. Однажды соседка, уступившая просьбам матери, во время разыгравшейся грозы в ужасе стала пятиться от окна, споткнулась о большую кадку, в которую сливали на поило скоту остатки обеда, квасную гущу, воду от мытья посуды и др. Бабка выронила меня, завернутого в лохмотья, прямо в кадку и убежала из дому. Опомнилась она уже на улице, опрометью влетела в избу и вытащила из мутной жижи полуживого нехристя. Меня откачивали как утопленника, но сидеть со мной впредь наотрез отказались все»².

Впечатления Н.С. Леонова от пребывания в селе в 1934–1938 гг. дают очень точный фотоснимок быта и нравов эпохи в сочетании с красочными картинками деревенского быта: «В розвальнях, когда мы ехали со станции (имеется в виду станция Миллионная в селе Горлово. – *Примеч. авторов*) в Алмазово, я уловил обрывки разговора мужиков о том, что враги убили Кирова и что теперь «жизнь будет становиться все хуже». Незаметно мы втягивались в политику. Мужики стали шушукаться по углам, отчего даже пацанам становилось страшно. Повсюду нам стали мерещиться невидимые вредители. Мы, мальчишки, искали в рисунках отрывного настенного календаря скрытые фашистские знаки, образы разных гадких животных, видя во всем происки «шпионов».

Но люди никак не хотели расставаться с добрыми старыми привычками и обычаями. Плесень недоверия, подозрительности едва тронула толщу крестьян. Поэтому четыре года, прожитые в деревне до 1938-го, остались в моей памяти как самые светлые и безмятежные. Я никогда не был так сознательно близок к земле и к своему народу, к его традициям. Не будь этих лет, я бы считал себя безнадежно обездоленным. Ну где теперь увидишь такие проводы старого года, когда напротив села, на другой стороне речушки, ребятня натаскивала огромную копну соломы, которую поджигали, и она озаряла на добрую версту вокруг заснеженные поля и все Алмазово? Называлось это «сжиганием старого года» со всеми его невзгодами, лихостями и неудачами. Мальцы с визгом носились вокруг кострища, парни и девушки с хохотом играли в снежки, барахтались в сугробах. Деревенский гармонист творил чудеса на своей поношенной, но безотказной гармонике. И на все это безоглядное веселье с радостной грустью смотрели изо всех изб глаза мужиков и баб и их отцов-стариков.

¹ Леонов Николай Сергеевич (р. 1928) – кадровый советский разведчик, генерал-лейтенант КГБ СССР (1991). Публицист, политический и общественный деятель, депутат Государственной думы в 2003–2007 гг.

² *Леонов Н.С. Лихолетье.* – М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. – С. 6.

Горя мы не ведали, каждая пора года приносила свои радости. Появлялись первые проталинки на Пасху, и начинали мы катать крашенные яйца. Чем дальше укатится, тот и выиграл. Или бились острыми концами пасхальных яиц. У кого скорлупа лопалась, тот проигрывал и должен был отдать свое яичко победителю. Бывало, целый вечер просидишь у лукошка, выбирая яйцо с дополнительным наростом на конце. Церковь в селе уже не работала, попа сослали неизвестно куда, а традиции теплились: всюду пекли куличи, готовили сладкую пасху.

Потом интерес мальчишек захватывал весенний смотр техники и инвентаря. Колхоз наш был не особо мощный, но и не щедрый. Недели за две до сева на большой луговине напротив домика правления колхоза выставлялось все наше нехитрое хозяйство. Рядами блестяли плуги и бороны, пузатились веялки и крупорушки, на генеральском месте возвышались молотилки. Задрав оглобли в небо, замирали телеги, водяные бочки, увешанные залатанной и приведенной в порядок сбруей. Ну чем не праздник? Если бы не страсти 1937–1938 гг. и не война, может быть, и сложился бы новый уклад, утвердились праздники, до которых деревня так охоча...

Пахота и сев проходили на одном дыхании. По работе мужики успевали основательно соскучиться и вкалывали на совесть. Обедали на борозде, отдыхали только из-за лошадей. Управлялись всегда в срок, не помню вздохов из-за ушедшей в лето без посева земли.

Но главное в деревне – жатва. Это всем праздникам праздник. Ничто не доставляет человеку такой радости, как вид результатов своего труда. Жатва и трудна, и празднична, как никакая другая страда в сельской жизни. Вся деревня переселялась на гумна и оставалась там до конца жатвы. В домах скрипели только старики да старухи, готовившие харчи, нянчившие малых детей да приглядывавшие за скотиной.

Мы дневали и ночевали на гумне. Рабочей силы в деревне было достаточно, нас отовсюду гоняли, чтобы мы не мешали и не попали случайно под вилы. Нас отсылали в ближайшие лощинки с родниками за водой либо поручали утаптывать солому в огромных ометах, чем мы и занимались до изнеможения, захлебываясь от восторга.

Когда же солнце садилось и машины вынужденно останавливались, вся молодежь шла на речку купаться. Речушка в нашей деревне крошечная, но ее старательно с весны запруживали, и она разливалась длинным и глубоким озерцом, в котором с гогогом и визгом плескалась шумная стая алмазовских парней и девчат. Для них это была лучшая награда за тяжелый день, за четырежды просоленные рубахи, за тысячи остей от пшеничных колосьев, которые резали и кололи до боли даже порядком задубевшую кожу рязанских хлеборобов. Сама собой появлялась гармоника, и вперемежку сыпались частушки – озорные от парней и задумчиво-мечтательные от девушек. Гомонили допоздна, чуть не до зари, а с солнышком опять вилы в руки, и снова шли гулять снопы по их острым зубьям из полевых копен до зева молотилки.

К осени, когда завершалась уборка, вся деревня начинала готовиться к большому празднику конца полевых работ. Какой бы председатель ни был в то время в колхозе, он всегда выделял быка, пару-тройку баранов, поросенка для организации общего стола. Женщины занимались праздничной кухонной работой. Они варили студень, чудесную требушиную колбасу, в косы заплетали промытые и сочившиеся жиром кишки, которые на огне превращались в золотистые лакомства, жарили на сале печенку вперемешку с кусками застывшей крови. Само мясо мы испокон веков использовали только для первых блюд и никаких разносолов из него не делали, а вот из субпродуктов выходили все деликатесы, на которые бабы были мастерицы.

Пили тоже от души, но закусывали так сытно, что пьяных я не помню. Гулянье с песнями и плясками длилось два-три дня. Бывало, осенняя распутица начисто изолировала деревню

от всех: ни проехать, ни пройти было по нашим раскисшим дорогам и лощинам; телефона, электричества, радио не было. Хлестали с неба серые дожди, стлыла в окружавших деревню бусераках набрякшая водой земля, а на взгорке, занятом деревней, клубились веселые дымы над трубами, наяривала гармоника и переливались песни.

Хозяйство было почти натуральное. Уже поздно осенью доставали со дна реки снопы конопли, положенные туда на отмокание, просушивали их, потом клали в мялку, вычесывали костру и готовили волокно к прядению. Всю зиму неутомимые женщины пряли либо коноплю, либо шерсть. На домашних, почти первобытных станках зимними вечерами ткали они длинные серые полотна, которые по весне расстилали бесконечными дорожками на лугу под яркими лучами солнышка на отбелку. Чего только из этих холстов не делалось: и онучи к лаптям, и простыни, и полотенца, и нижнее белье, штаны и рубахи для живых и саваны для усопших. Матушка-конопля с ног до головы одевала непритязательных односельчан. Теперь ее запрещено сеять: она, видите ли, содержит в своей пыли наркотики¹.

Из шерсти всю зиму вязали носки, варежки, но главным образом она шла на валенки. В начале декабря в деревне появлялась бригада шабашников-валяльчиков, которые снимали у кого-нибудь избу и валяли валенки для всего села, а над деревней несколько дней клубился пар и разносился тяжкий дух распаренной шерсти. Редкий хозяин не заказывал двух-трех новых пар. Для невест и молодых женщин обязательно делали белые, парадные, изящные валеночки, детям катали маломерки, а главным товаром были черно-серые рабочие валенки, которые сразу, еще не надеванные, подшивали двойной подошвой, чтобы они помогали хозяину вынести любые морозы. Мужики, у кого голова была на плечах, все умели шить обувь, шапки и дубленые шубы и тулупы. Редко кто щеголял в суконных пальто².

Даже в первые десятилетия советской власти алмазовцы, храня верность традициям предков, жили в тесном контакте с природой. В их среде сохранялось немало старинных преданий, мифологизировавших окружавшие село природные объекты. Интересна история находившегося при селе Святого колодца – родника с исключительно чистой и вкусной водой, текущего и в наши дни на середине склона высокого и довольно крутого левого берега Дегтярки. К нему алмазовцы ходили за водой, когда в доме устраивались «парадные» чаепития по случаю приезда гостей. Старожилы рассказывали, что в давние времена³ проезжая дорога из Горлова, Рудинки и Троице-Орловки в Ольховец и Молоденки проходила по верху левого берега Дегтярки. От основной дороги был съезд в Алмазово через построенный земством мост. Но съезд был довольно опасным из-за крутизны спуска. Нередко подвыпившие мужики, возвращаясь с ярмарки в Горлове, не справлялись с управлением: возы опрокидывались, постромки рвались, даже лошади калечились. Чтобы снять с себя вину, крестьяне говорили, что во всем виноваты ведьмы, сидящие на вековых березах, которые росли по верху склона вдоль дороги. Однажды пригласили священника постарше рангом, чем свой сельский батюшка. Выслушав жалобы алмазовцев на происки нечистой силы, он посоветовал спилить бере-

---

¹ В личной беседе с автором этих строк Н.С. Леонов добавил: «В те ушедшие годы конопля была главной масличной культурой для алмазовцев. Каждая семья имела в обязательном порядке клин в своем 40-соточном приусадебном участке, засеянный коноплей. Этот клин занимал 2–3 сотки, но снятый с него урожай обеспечивал семью растительным маслом на целый год. Маслобойка в селе на 95 % работала на семенах конопли. Масло получалось зеленоватого цвета с очень характерным приятным вкусом. Мы, пацаны, ждали сезона работы маслобойки с нетерпением – уж очень вкусный жмых давали нам взрослые. Сами они целый год ловко щелкали крошечные семечки конопли – так, как ныне щелкают семечки подсолнуха. Но ни тогда, ни потом я ни разу не слышал, чтобы кто-то из сельчан стал наркоманом».

² Леонов Н.С. Лихолетье. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. – С. 7–11.

³ Видимо, речь идет о второй половине XIX в.

зы, что было исполнено незамедлительно, и провел сельчан крестным ходом по всему косогору, отслужив молебен прямо у родника. С тех пор родник стал Святым колодцем, а трассу съезжей дороги проложили все-таки в другом месте, более безопасном.

Было в окрестностях села и «гиблое место», называвшееся Горелым болотом. Видимо, когда-то там выгорел небольшой торфяник. Располагалось Горелое болото на правом берегу Дятярки за околицей села, ниже земляной плотины. В летнюю сушь это было безжизненное пространство высохшей пепельно-серой земли, имевшее округлую форму метров 50–70 в диаметре. Но от весенних и осенних дождей земля размокала и становилась опасной. Алмазовских детей постоянно предостерегали от походов на Горелое болото, где легко завязнуть в глине и утонуть¹.

В декабре 1941 г. село Алмазово оказалось на территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками. Однако удаленность села от транспортных коммуникаций спасла его жителей от бедствий войны. По воспоминаниям жителей Алмазова, в село на короткое время захала из Горлова небольшая немецкая разведгруппа на мотоциклах. Осмотрев окрестности и убедившись в отсутствии в населенном пункте советских солдат, оккупанты вернулись обратно в Горлово. Более в Алмазове они не появлялись.

Однако само приближение вражеских войск к селу обернулось личной трагедией для семьи последнего предвоенного председателя колхоза им. А.И. Микояна Федосея Дмитриевича Богачева (1900–1942). Он был уроженцем Троице-Орловки, но женился на девушке из алмазовского рода Трифионовых и переехал жить в соседнее село. Ф.Д. Богачев запомнился односельчанам как энергичный организатор, при нем колхоз поднимался. В ноябре 1941 г., незадолго до прорыва немцами фронта, председатель колхоза был призван в ряды РККА. Оставшаяся в Алмазове его жена Наталья покончила с собой перед приходом оккупантов из опасения, что может подвергнуться преследованиям как жена председателя колхоза. Сам Ф.Д. Богачев пропал без вести на фронте в марте 1942 г.

За годы войны многие уроженцы Алмазова были удостоены правительственных наград за ратные подвиги. Кавалерист Василий Илларионович Сергеев (1915–?) с октября 1941 г. участвовал в битве под Москвой, с начала 1942 г. воевал подо Ржевом, был четыре раза ранен, награжден орденом Славы 3-й степени (1944) и медалью «За отвагу» (1944). В конце войны гвардии ефрейтор Сергеев служил сабельником в одном из эскадронов 53-го гвардейского кавалерийского полка 15-й гвардейской кавалерийской дивизии 7-го гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Белорусского фронта. «Тов. Сергеев в бою за город Калиш (в Польше. – *Примеч. авторов*) 23 января 1945 г. проявил смелость и решительность. Эскадрон в ночном бою занял южную часть окраины города и вступил в бой с противником, укрепившимся в центре города. Тов. Сергеев добровольно изъявил желание идти в разведку. Он, пробираясь между укрепленными точками противника с двумя бойцами, достиг центра города, где находилось большое скопление вражеских автомашин. Тов. Сергеев внезапным огнем из ручного пулемета и двух автоматов рассеял группу немцев, находившихся в центре города. В это время эскадрон первым ворвался в центр города, преследуя противника за пределы его. В этом бою эскадрон уничтожил 43 немецких солдата и офицера, из коих сам лично тов. Сергеев уничтожил 1 офицера и 6 солдат противника»². За этот подвиг В.И. Сергеева представили к ордену Славы 2-й степени, но в итоге он был награжден орденом Красного Знамени. Кроме того, за бои на территории Германии в мае 1945 г. отважный алмазовец также был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени.

¹ Сообщение Н.С. Леонова.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 4260, л. 256.

Сержант Михаил Ильич Мосин (1914–2003) служил шофером 3-й батареи 1405-го зенитного артиллерийского полка 38-й зенитной артиллерийской Черкасской Краснознаменной дивизии, с 1943 г. воевал на 2-м Украинском фронте. В 1945 г. он завершал свой боевой путь в столице Венгрии. «В боях за город Будапешт шофер 3-й батареи сержант Мосин, проявляя бесстрашие и отвагу, мужественно на «Студебеккере» вывозил две пушки на линию огня, при этом 1 и 3 января с.г. подвергся сильному ружейно-пулеметному обстрелу противником. 13 января с.г. в батарее не хватило боеприпасов и горючего; пренебрегая опасностью при артминометном обстреле доставил в батарею горючее и боеприпасы»¹. За участие в уличных боях в Будапеште М.И. Мосин был награжден медалью «За отвагу».

В целом Великая Отечественная война 1941–1945 гг. нанесла серьезный удар по демографии Алмазова. С войны в родное село не вернулись 155 человек². В послевоенное время в память о погибших земляках алмазовцами была посажена дубовая роща вдоль оврага на южной окраине села (на стороне, обращенной к селу Ольховец³).

В 1950 г. алмазовский колхоз им. А.И. Микояна был объединен с троице-орловскими колхозами «3-й решающий», «Искра» и «Красное знамя». Получившиеся в результате укрупнения хозяйство стало именоваться колхозом «Красное знамя» Троице-Орловского сельсовета Горловского района. В 1959 г. колхоз «Красное знамя» был объединен с колхозом им. Я.М. Свердлова с центральной усадьбой в селе Рудинка⁴. С упразднением Горловского района в 1959 г. Алмазово вошло в состав Скопинского района Рязанской области, где остается и поныне.

В последующие годы постепенный отток сельской молодежи в города все более серьезно сказывался на демографической ситуации в селе. В 1980-х гг. в колхозе им. Я.М. Свердлова начал ощущаться недостаток рабочей силы, который был частично восполнен семьями переселенцев из Башкирии. Однако настоящей катастрофой стали для села либеральные реформы новых российских властей в начале 1990-х гг. Об одной из человеческих трагедий, ставших следствием неподготовленности простых сельских жителей к новым условиям жизни, Н.С. Леонов пишет: «В Рязанской области, Скопинском районе, в селе Алмазово жила у меня тогда двоюродная сестра Шишкова Манефа Иосифовна, солдатская вдова, неутомимая труженица, как и большинство русских крестьян. Одна она, уже в возрасте под 80 лет, из года в год сдавала по государственным поставкам около тонны мяса, полпуда овечьей шерсти, десятки шкур и множество другой сельскохозяйственной продукции. Работала, как пчела или муравей, который не думает о личной выгоде, потому что детей и близких родственников у нее не было, а личные потребности были минимальными. Сдавая весь прибыток от своего труда государству за низкие до смешного цены, она смиренно складывала эти доходы на сберегательную книжку в ближайшем отделении Сбербанка, вторично кредитую таким образом государство. И набралось у нее на книжке к моменту явления в российском правительстве Егора Гайдара 11 тысяч рублей. По тем временам их хватило бы на покупку легкового автомобиля или трех мотоциклов с коляской, которые, кстати, имелись тогда в продаже в сельских магазинах. И внезапно, после одной передачи по радио о либерализации цен, все результаты многолетнего тяжелого сельского труда оказались развеванными по ветру, поднятому либеральными реформаторами, Манефа Иосифовна слегла, замкнулась, перестала вести привычное хозяйство, а через несколько лет

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 690306, д. 1082, л. 349.

² Сообщение Н.С. Леонова.

³ В Кимовском районе Тульской области.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 302, л. 1.

тихо преставилась, так и не посмотрев в свои сберегательные книжки, не нужные никому. Таких жизненных драм по стране были десятки миллионов»¹.

Н.С. Леонову довелось стать свидетелем постепенной гибели трудового села. Он пишет: «Я каждый год ездил в родное село Алмазово Скопинского района Рязанской области, и на моих глазах умирали остатки крестьянства. Из 5 тыс. гектаров угодий нашего колхоза в 1994 г. обрабатывалась едва половина. Мужское население быстро деградировало под влиянием хронического алкоголизма. В свое время к нам из Башкирии приехали несколько десятков семей, которые смягчили нехватку рабочей силы. Теперь под влиянием националистического угара они вновь снялись с мест и вернулись к себе, в родные края. Не идет у меня из памяти разговор, который состоялся между ветеранами Великой Отечественной войны и председателем нашего колхоза им. Свердлова. Когда он их поздравил в День Победы и спросил, чего бы они хотели, старики дружно ответили: «Ничего больше не надо. Дай только досочек на гроб!» Председатель опустил глаза в землю и ответил: «Простите, мужики, но не могу обещать вам этого. В колхозе нет ни единой тесиночки. Спирту могу поставить хоть целую молочную флягу в 50 литров, а гробов не просите, не могу». На том и разошлись.

В родной деревне появились неслыханные признаки одичания людей: то кто-то украдет сушащееся на веревке около дома белье, то из грядки по весне выдернут только что посаженную рассаду, то из-под наседки исчезнут уже полунасиженные яйца. Но хуже всего то, что односельчане, зная обо всем этом, скупают у опустившихся воров за гроши краденое, не сомневаясь при этом, что завтра их самих обокрадут. А я ведь помнил с детства, как в той же самой деревне мужики стояли стеной против воровства. Конокрадов никогда не сдавали милиции, а просто убивали самосудом, и ни один из односельчан не стал бы содействовать властям в расследовании. Воровство было и тогда, но воры были изгоями, скрывавшимися в глухих урочищах и всегда рисковавшими жизнью при встрече с односельчанами»².

Хаос начала 1990-х гг. фатальным образом сказался на сохранности главной алмазовской достопримечательности – Никольской церкви. Разорение старинного здания началось сразу после ликвидации колхоза им. Я.М. Свердлова. С крыши было содрано железо, выломаны двери, выставлены деревянные оконные рамы. Дожди, снег и ветры дополнили работу вандалов. К 2006 г. от храма остались одни стены.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Алмазово было включено в сельское поселение Горловское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в это время в нем проживали 14 человек – 5 мужчин и 9 женщин.

«Сейчас в Алмазово уже не осталось молодежи – с грустью констатирует Н.С. Леонов, – доживают свой век старики, нет непрерывного крестьянского труда и традиционного рукоделия. Но у меня в памяти до сих пор клубятся веселые дымки над избами и звучит утренняя переключка петухов»³. Памятником селу Алмазову и всем поколениям его жителей еще долгие годы будет оставаться кирпичный остов Никольской церкви, возвышающийся на берегу Дегтярки.

¹ Леонов Н.С. Крестный путь России. 1991–2000. – М.: Русский дом, 2002. – С. 74–75.

² Там же. С. 217–218.

³ Полякова Л.А. Неравнодушный. К 80-летию Н.С. Леонова // Наш современник, №8. – 2008 – С. 248–249.

БЕРЕЗНЯГИ

село

(сельское поселение Ильинское)

Село Березняги является одним из старейших поселений скопинской вотчины бояр Романовых. Его древность подтверждают результаты археологических раскопок. На юго-восточной окраине села, к востоку от прудов, на огородах и в 2,3 километра к юго-востоку от центра населенного пункта были выявлены селища с остатками керамики времен позднего Средневековья, в том числе чернолощеной и мореной XVI–XVII вв.¹

Изначальное название поселения, из которого впоследствии развилось село Березняги, – деревня Неделенка. Впервые в этом качестве оно упоминается в подлиннике писцовой книги 1629–1631 гг. письма Григория Киреевского. В деревне Неделенке вотчины боярина Ивана Никитича Романова показано 23 крестьянских двора². Однако велика вероятность того, что без названия этот населенный пункт упомянут и в перечне селений, состоявших за Александром и Василием Никитичами Романовыми по платежным книгам 1595–1597 гг. Само название «Неделенка» указывает на выделенную, но ещё не разделенную землю.

Отселение жителей в Неделенку началось с посада Скопина и продолжалось до 1630-х гг. – во всяком случае, этот процесс можно отследить по истории двух семей. Первые переселенцы были посадскими жителями, которые, числясь «градскими крестьянами», имели свои наделы, а в заселяемой деревне была «неделёнка», т.е. выделенная им, но ещё не разделенная земля. В Словаре русского языка XI–XVII вв. прилагательное «неделенный» означает «не подвергшийся разделу»³. В подлинной переписной книге письма Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. Неделенка все еще значится деревней, в которой 57 крестьянских дворов⁴.

Священник И.В. Добролюбов⁵, автор многотомного труда «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии», сообщает, что в окладной книге 1676 г. впервые упоминается о существовании в деревне Неделенке Архангельской церкви, приход которой включал в себя только это селение⁶. Имеются в виду окладные книги монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в которых о деревне Неделенке сказано следующее: «Архангельская церковь, двор попа Сафона, двор пономарский. В приходе 60 дворов крестьянских, 5 дворов бобьльских, и всего с

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН – 1996. – С. 106–107.

² РГАДА, ф. 1209, д. 13329, л. 692 об.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. – М.: Наука, 1986. – С. 72.

⁴ РГАДА, ф. 1209, д. 13329, лл. 678–695 об.

⁵ Добролюбов Иван Васильевич (1838–1905) – священнослужитель и церковный историк, уроженец г. Скопина. Его фундаментальный труд «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных со списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями» в 4 томах вышел в свет в 1884–1891 гг. и является ценнейшим источником информации по истории Рязанского края.

⁶ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных со списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями. Т. 2. – Рязань: Тип. насл. З.П. Позняковой, 1885. – С. 179.

дворами причта 67 дворов. Церковные пашни десять четвертей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на 50 копен»¹. «Дани по новому окладу 1676 г. вместо 1 руб. 2 алтын 5 денег положено с означенной церкви 1 руб. 27 алтын с денгою»². Из священников Архангельской церкви, служивших в XVII в., помимо упомянутого выше «попа Сафона», известны также Константин Нефедьев (до 1676 г.), Иоанн Алимшиев (с 1688 г.) и Евтихий (с 1696 г.)³.

По переписным книгам 1675 г., в селе 140 душ мужского пола. Начиная с середины XVII в. у селения появилось второе название – Березняги. В Толковом словаре В.И. Даля: «Березник, березняк м. березуга ж. *костр.* чистый березовый лес, роща»⁴. Второе название как более звучное употреблялось чаще, но изначальное наименование населенного пункта тоже не забывалось. Например, в платежной книге 1746 г. упоминается «село Березняги, Неделенка тож»⁵.

В годы русско-польской войны 1654–1667 гг. неделенцы и другие жители Скопинской волости служили в «полках нового строя», ставших ядром русской армии. Формирование Первого выборного полка солдатского строя (Государева полка) полковника Аггея Шепелева началось в 1657 г., вслед за ним начал создаваться Дворцовый полк полковника Якова Колубакина, ставший Вторым выборным полком (впоследствии им командовал Матвей Кравков).

В 1658 г. из крестьян Романовской и Скопинской дворцовых волостей начал формироваться «драгунского строю Семенова полку Брынка»⁶, в котором было 5 драгунских рот (1200 человек): «Федорова рота Черного, Семенова роты Хворова, роты подполковника Артемья Улфова, Меркулова роты Толкачевского и капитана роты Прокофьева». В последней, среди прочих, состояли приверстанные крестьяне села Неделенки. Списки поручных записей и на получение жалования упоминают о 25 драгунах – бывших крестьянах этого села. Среди них знакомые фамилии: Филимон Иванов сын Наумов, Фома Петров сын Песов, Кондратей Прокофьев сын Пустомолов, Симон Фомин сын Лисин, Алексей Максимов сын Свинолулов, Архип Игнатов сын Гулин и другие.

Сформированный драгунский полк активно участвовал в боевых действиях против поляков. Московский боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков⁷ 12 февраля 1658 г. был послан воеводой в Минск для охраны от поляков вновь завоеванных областей. Скоро ему, однако, пришлось стать во главе всего московского войска, действовавшего тогда против них в Белоруссии: 7 мая он получил царский приказ первым воеводой войск идти к Вильне против поляков, находившихся под начальством гетманов Павла Сапег и Гонсевского. Положение русского войска в это время было очень затруднительным: оно находилось в неприятельской территории, без хлебных запасов, стесненное отовсюду неприятелем и обескураженное неудачами прежних неспособных воевод»⁸.

¹ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] – Рязань: Александрия, 2004 – С. 353.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 179.

³ Там же.

⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современноеписание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 122.

⁵ РГАДА, ф. 572, д. 10, л. 47 об.

⁶ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. II. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. – С. 613.

⁷ Долгоруков Юрий Алексеевич (? – 1682) – князь, боярин (1648). В период русско-польской войны 1654 – 1667 гг. проявил себя как опытный полководец, в 1660 г., будучи воеводой в Могилеве, разбил гетмана П. Сапегу. В 1670 г. возглавил войска, действовавшие в районе Арзамаса и Нижнего Новгорода против отрядов С.Т. Разина и жестоко подавил народное восстание. Погиб вместе с сыном в ходе Стрелецкого бунта 1682 г.

⁸ Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева. Т.6. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1991. – С.566.

Как следует из отписки воеводы князя Ю.А. Долгорукова «о получении вестей о нападении гетманов Сапеги и Гонсевскаго на Вильну и об успешном бое с ними», события развивались следующим образом: «Пришли-де гетмана Павла Сапеги полку многие ратные конные и пешие люди к полку полковника Семена Брынка, от Вильны за 25 верст, а от местечка Медницы за 2 версты. И полковника-де Семена Брынка с начальными людьми и с драгуны осадили, и к Вильне не пропустили; и полковник Семен Брынка с начальными людьми и с драгуны от приходу польских людей стали обозом, и зелье-де, и свинец, и фитиль поставили в обоз; и с польскими людьми из обозу начали биться, а польские-де люди учали к обозу приступать жестоким приступом. И октября в 4 день прибежал к нам рейтарского строю Денисова полку Фонвисина рейтар Прокофий Безобразов, а в роспросе нам сказал: ездил-де он, Прокофий, для конских кормов к местечку Медни и был в обозе у Семена Брынки; и польские люди при нем, Прокофье, к полковнику и к драгунам приступали жестоким приступом. И полковник-де Семен Брынка с начальными людьми и с драгуны от польских людей в обозе от приступу отсиделись, и от обозу польских людей отбили, и знамя у польских людей взяли; и польские-де люди, отшед от обозу, стали неподалеку; а приступать перестали, а полковник Семен Брынка с драгуны учинили около обозу своего окоп»¹.

11 октября у села Верки² князь Ю.А. Долгоруков напал на Гонсевского. «Благодаря удачным атакам польской кавалерии битва долго была нерешительной, но два московских пехотных стрелецких полка, оставленных Долгоруковым в резерве и введенных в бой в критическую минуту, решили дело, и поляки бежали, оставив своего гетмана и весь обоз в руках русских»³.

Взросшие в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. нужды армии к середине 1660-х гг. потребовали увеличения продуктовых сборов со скопинских крестьян. До создания царем Алексеем Михайловичем в окрестностях Скопина сельскохозяйственного комплекса для снабжения царского двора и армии крестьяне селения платили подати и поставляли ежегодно столовые запасы: свиного мяса – 66 пудов (1,05 т), 44 барана, 44 гуся, 88 уток и 66 сушеных кур. После его появления в 1663 г. дополнительно была введена десятинная пашня взамен драгунской службы. В 1675 г. запахивалось на царя 44 десятины в одном поле, т.е. площадь всей пашни в трех полях равнялась 132 дворцовым⁴ десятинам⁵.

Отправляя Федора Елизарова и дьяка Микиту Насонова в Скопин и Романов при введении десятинной пашни, царь Алексей Михайлович наказывал: «Тех городов уездным крестьяном сказать наше, великого государя, милостивое слово, и чтоб они на нас, великого государя, пашню пахали с радостию, а ни о чем бы неоскорблялися <...>, а что будут челом [бить] чтоб быти в драгунах по-прежнему и тебе бы, Федору, и дьяку сказать <...>: они бы порассудили дома лежать, да пашню пахать, да малые столовые запасы давать или ежели по указу з двора служить»⁶.

В большинстве случаев, особенно в первое время становления новой дворцовой волости, собиралась скотина и птица не из личного крестьянского хозяйства, а заведенная жителями

¹ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. II. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. – С. 612–613.

² Сейчас это район Вильноса, столицы Литвы.

³ Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева. Т. 6. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1991 – С. 566.

⁴ Дворцовая десятина равна 3200 кв. сажням или 1,4567 га; Межевой инструкцией 1753 г. размер казенной десятины определен 2400 кв. сажней или 1,0925 га.

⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 160.

⁶ *Заозерский А.И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. – Пг., 1917. – С. 189.

при поддержке приказа и местного воеводы. Личные крестьянские хозяйства власти старались не ослаблять. В грамоте Тайного приказа от 5 (15) марта 1664 г. говорится: «Велено на Скопине и на Романове дать крестьяном на завод гусей и утят на двор, на гнездо гусей по 5 алтын <...> а иметь со крестьян и к Москве присылать на год по гусю да по 2 утки живых. Кур купить и к Москве прислать ныне водою живых 4000, дать по 6 денег за курицу. <...> С Скопина же и с Романова взять со крестьян по 500 свиней, итого 1000 свиней и прислать живых к Москве водою ис тех свиней, которые присылаютца к Москве по вся годы. Скотьи двory завести на Скопине и на Романове наемными людьми и завести племянные овцы и нарочитым крестьяном роздать по полуполтине на двор на овцу, а на них иметь на год по борану и присылать к Москве»¹.

Десятичная пашня, столовые поставки и другие подати делали жизнь крестьян дворцовой волости более тяжелой, хотя и не такой трудной, как у крепостных крестьян мелких владельцев. Но дворцовые крестьяне, как и крепостные, искали выход из своего положения любыми доступными способами. Тайному приказу приходилось вести постоянную борьбу с крестьянскими побегам. В случае бегства прежде выясняли обстоятельства – объявлялся сыск. После выяснения, не было ли стороннего влияния, подговора, посылали «сыщиков добрых» и, если удавалось настигнуть беглецов, то их «строили в тягло попрежнему», подвергнув публичному наказанию, «чтоб иным бегать было не повадно»². В деревнях и селах вотчины время от времени отмечались крестьянские волнения. Так 21 (31) января 1667 г. была послана государева грамота начальнику Хлебного приказа воеводе И.С. Хитрово, где «велено ему на Скопин их, скопинцов, рассмотреть и в столовых запасах обложить, а что к тому делу ему понадобится, и ему иметь на Скопине у Андрея Мерчукова»³.

В 1670-х гг. и позднее Скопинская дворцовая волость оставалась важным источником людских ресурсов для пополнения армии. Например, при подготовке 2-го Чигиринского похода 1679 г. во Второй выборный полк (Дворцовый) М. Кравкова были переданы выбранные и обученные в 1672 г. в Скопине и Романове 1000 солдат⁴. Общая численность двух выборных полков должна была составить порядка 10 000 солдат. Ко времени окончания русско-турецкой войны в 1681 г. скопинских и романовских солдат, включенных ранее во Второй выборный полк М. Кравкова, перевели в Первый выборный полк А. Шепелева, вероятно ввиду предстоявшей полку «севской службы»⁵.

Находясь в составе полка Шепелева, а затем, с 1692 г., Франца Лефорта⁶, скопинцы сыграли важную роль во время Азовских походов. В 1696 г. Азов был сдан русским, и среди тех, кто его оборонял зимой 1696–1697 гг., были 133 романовца и 74 скопинца. В именном списке «Московского выборного адмирал Францова полку Лефорта» подразделении подполковника А.И. Левашова значатся города Скопина, «сел Вослебы, Гремячки, Вослебского Ильинска (Ильинки), Скопинского Ильинска (Казинки), Павельца, Становых, Мшанки, Лозинки, Вязовенки, Кремлева, Жерновков, Липягов, Муровлянки, Горлова, Хворощовки (Рудинки), Кельца» сержанты, солдаты, набранные из крестьян, «ис стрельцов и казаков», а также «ис площадных подъячих ротные писари»⁷. Среди них перечислены уроженцы села Неделенки

¹ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. – С. 1038–1039.

² Там же. С. 1213.

³ Там же. С. 1261.

⁴ РГАДА, ф. 210. Разрядные столбцы Московского стола, № 435, л. 113.

⁵ Там же. л. 115.

⁶ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. – М.: Древлехранилище, 2006. – С. 115.

⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 7а, кн.85, лл. 525–530.

Василей Дроздов, Иван Матвеев сын Наумов, Петр Иванов сын Исаев, Артемий Воденов, Елисей Калинин сын Филимонов, Петр Кобызев, Иван Степанов сын Воинов, Петр Карпов сын Мартинов, Макар Мьльцов, Петр Дементьев сын Максимов¹. Интересно отметить, что «солдатские и вдовы, и дети, и круглые сироты, оставшиеся от погибших и умерших выборных солдат, служили в музыкантах, составив относительную многочисленную группу «малых барабанщиков», получая царское жалованье по 2 деньги на день. Меньшие по возрасту сироты и солдатские вдовы получали дневное содержание в полторы деньги»². Начиная с 1700 г. скопинцы также служили в Смоленском полку «по человеку з двора».

При Петре I, с учреждением в 1708 г. Воронежской обер-комендантской провинции в составе Азовской губернии, были введены «новоположенные зборы: на наем подвод, на покупку седел, на «дело кирпича», на дачу рекрут с верху дворцового оклада, ямские и полонячные сверх дворцового оклада...» и другие, в том числе даже на «харчи старостам», жалование судьям и приказным. Последние были вскоре отменены по жалобе скопинцев³.

В переписной книге 1710 г. в «Берязнигах, Неделенке тож», упомянута «церковь во имя Архистратига Михаила, у той церкви поп Ефим Елисеев сын, у него попадья Пелагея Иванова <...>, дьячок Григорий Лазарев сын Прохоров <...>, дьячок Козьма Олимпиев сын Попов <...>, пономарь Евдоким Олимпиев сын Попов <...>, солдатских 6 дворов, в них людей мужеска пола 12 человек, в том числе женатых 9 человек, женска пола 10 человек <...>, крестьянских тяглых и вдовьих 42 двора, в них людей и с бездворными мужеска пола 155 человек <...>, женска пола 141 человек <...>, пустых крестьянских беглых, обморочных 2 двора...» Среди крестьян в переписной книге показаны: Ерофей Иванов сын Кулешов, Фадей Ерофеев сын Свинолулов, Федор Алексеев сын Акулов, Лаврентий Ларионов сын Куликов, Емельян Клементьев сын Назин и прочие. Наиболее распространенными были фамилии: Песов, Новиков, Пустовалов, Тартынский, Печеникин, Гулин, Кобызев, Наумов⁴.

Положение березняговских крестьян, похоже, не улучшилось, когда в 1732 г. они стали коннозаводскими. Еще в 1705 г., стремясь облегчить нагрузку на истощенную Северной войной казну, Петр I распорядился ликвидировать Конюшенный приказ, расформировать часть существовавших конных заводов, а остальные передать в частные руки. «Для надобности государева двора» в ведомстве Приказа Большого двorca осталось лишь 11 конных заводов, среди которых был и Скопинский⁵. В 1721 г. царь своим указом повелел «дворцовые города, слободы, волости, села и деревни (с находившимися в них конными заводами), которые ведомы были по губерниям собрать в Приказе Большого двorca, по-прежнему, и ведать одной командой»⁶.

При императрице Анне Иоанновне конюшенное ведомство подчинялось кабинет-министру А.П. Вольнскому⁷. В ходе следствия над ним, проводившегося в 1740 г., на основе доношения дворцовой следственной комиссии по злоупотреблениям опального сановника по

¹ РГАДА, ф. 210, оп. 7а, кн.85, л. 527 об.

² Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. – М.: Древлехранилище, 2006. – С. 197–198.

³ РГАДА, ф. 402, оп. 1, д. 340, л. 3 об.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 653–653, об. 656.

⁵ Зезюлинский Н.С. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. – СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1893 – С. 4.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Вольнский Артемий Петрович (1689–1740) – российский государственный деятель и дипломат, кабинет-министр в 1738–1740 гг. Вследствие противоречий с фаворитом императрицы Э.И. Бироном впал в немилость, был обвинен в намерении произвести государственный переворот, осужден и казнен.

указу императрицы был составлен реестр «коликое число которому городу, волости и селу с 732 по 738 год за какое строение и работы и за протчее крестьянам учинить». Согласно этому документу, со Скопина и волостных крестьян дворцовые сборы за столовые запасы и «оброчные бараны», за молотьбу богородицкого хлеба и на покупку конских кормов составляли 588 рублей 10 копеек. «Вновь наложенные внеуказные расходы и старостам на харчи, на канцелярские расходы и прикащичей доход, за дву четвериковый хлеб» увеличивали эту сумму до 1322 рублей 39 копеек, а с учетом дополнительных канцелярских сборов, сборов с мельниц и оброчные с винокуренных заводов итоговая сумма составляла 2149 рублей 49 копеек. Эти вновь учрежденные, в том числе введенные без указа сборы значительно превышали прежние выплаты дворцовых крестьян. Как свидетельствуют документы конюшенного ведомства, «по окладу доходы как дворцовые, так и наложенные бывшим князем Меньшиковым и (судьей. – *Примеч. авторов*) Ершовым, правят с них (скопинских крестьян. – *Примеч. авторов*) без всякой пощады, стоят с женами и з детьми на правяже разув на снегу непрестанно, напрасно и многие крестьянеиспродав хлеб ис Скопину, другие от такого нестерпимого, покинули тяглые свои жеребья, разошлись...»

В указанное время березняговцы вместе с другими коннозаводскими крестьянами были задействованы на возке леса из Рязской засеки (из делянок между Троицким и Лесуново), а также купленного у помещиков в Пустотине. Работы осуществлялись как по распоряжениям из Конюшенной канцелярии, так и по ордерам А.П. Вольнского, а древесина использовалась «для починки и на новое конюшенное строение».

«Новое строение» было масштабным. С 1 октября 1733 г. по 1 января 1738 г. возводился комплекс конного завода в Старом Кельце, куда вошли шталмейстерские покои, канцелярия (здание прежней сторело еще в 1718 г.), торемная изба, конюшни, водогрейные, кузница, избы для нарядчиков, коновалов и коновальных учеников, караульная изба и прочие постройки. Возводили их присланные олонецкие и выбранные из местных крестьян плотники под руководством скопинских управителей. Как показало дополнительное расследование, «крестьяном за то время как они были у вышеуказанных работ ис казны никакой платы не было...» Впрочем позже, указом большинство работ пошло в зачет платежей волостных крестьян за будущие годы¹.

Недоимки числились не только на отдельных крестьянах, но и на отвечавших за качество работ на десятинной пашне – хлебоустроителях. Села Березнягов хлебоустроитель Емельян Гулин в скопинской канцелярии оправдывался: «Учинилась у него ржи в 737 году десятиной плохая в том селе, на протчих плохая, а на оных брал задворный конюх Матвей Лешуков с самых лутших десятин»². Иными словами, приказчик, именовавшийся в конюшенном ведомстве «задворным конюхом», опасаясь наказания со стороны управителя, перестраховывался и брал для определения будущего урожая снопы ржи с лучших участков. По ним он и рассчитывал урожай с десятины, который в действительности был значительно меньше.

В 1758 г. «невывишееся» зерно числилось уже на хлебоустроителе Козьме Мальцове. Вокруг села для обмолота и хранения десятинного зерна было 4 житницы и 2 овина, а молоченый и немолоченый хлеб и конопляное семя были в тот год «под охранением» у крестьян Александра Свинолупова и Самойлы Тартынского³.

В черновиках экономических примечаний к планам Генерального межевания 1779 г. в Березнягах значится «81 двор, в коих 355 душ» (видимо, это данные 2-й ревизии податных

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34198, лл. 1, 21, 180, 183, 185, 186 об, 189 об. 190, 470.

² РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 241.

³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77 д. 34650, лл. 76, 79, 91 об, 92.

сословий Российской империи 1743 г.). Располагалось село «по обе стороны речки Клешни и при большой дороге из Михайлова в Скопин. Церковь деревянная Архистратига Божия Михаила. Четыре пруда, из прудов рыба употребляется для крестьянского обихода».

В более позднем варианте экономических примечаний были уже учтены данные 3-й ревизии 1761–1765 гг. На заре екатерининской эпохи в Березнягах числились 63 двора, 195 душ мужского и 186 женского пола. О расположении села сказано: «Лежит на безымянных оврагах, одного на левом, а другога на правом сторонах и по обе стороны речки Клешни, на коей четыре пруда, двух безымянных оврагов (на одном пруд) и при большой дороге ...»¹

Село по описанию находилось на р. Клешне. На карте была показана и вторая речка, сливавшаяся с ней в ста саженьях по левую сторону дороги из Михайлова в Скопин – она также именовалась Клешной. Названия их можно истолковать так, что при соединении в этой местности две речки образовывали элемент рельефа, напоминавший клешню рака. Находясь возле проезжей дороги, он мог быть ориентиром еще в эпоху, предшествовавшую основанию села. Интересно отметить, что каждая из речек в своих истоках, находившихся недалеко от дороги по обе ее стороны, при слиянии с ручьями также образовывала очертания, похожие на клешню.

Таким образом, село лежало по правую сторону от большой дороги из Михайлова в Скопин, на одной из двух (правой) речек с одинаковым названием Клешня. На речках было шесть прудов. Четыре из них находились в пределах села и еще два – около большой дороги. Напротив последних, но уже по другую сторону дороги, располагался отдельный порядок крестьянских домов длиной около 150 сажень (320 м). От основного ядра села его отделяли 400 сажень (853 м). В основной части села, по левую сторону первой Клешни, находилась улица, разделенная оврагом со второй речушкой Клешня и прудами на ней. На правой стороне речки стояла церковь. Выше от нее находились два пруда на Клешне и впадающем слева в нее ручье. Ниже церкви по течению речки располагались один за другим еще два пруда. К прудам прилегали небольшие порядки домов с огородами длиной не более 100 сажень (213 м)².

В 1797 г. в соответствии с указом Правительствующего сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства были разделены на более мелкие административно-территориальные единицы.

На протяжении XVIII в. в березняговской Архангельской церкви служили следующие священники: Андрей Симеонов (рукоположен в 1700 г.), Феодор Евтихий (рукоположен в 1734 г., упоминается в 1744 и 1753 гг.), Михаил Евтихий (упоминается в 1751 г.)³. В 1798 г. в Березнягах было выстроено новое деревянное здание «Архангельской церкви с приделом Никольским». В начале XIX в. в храме служил священник Андрей Федоров, рукоположенный в 1799 г. Это церковное здание простояло в селе ровно сто лет, до конца XIX в. В 1813–1855 гг. настоятелем храма был священник Илья Максимов Журавлев⁴.

К середине XIX в. березняговские крестьяне числились уже не коннозаводскими, а государственными. С приближением отмены крепостного права крестьянская среда забурилась массой слухов о предстоящей реформе. Нередко случались и эксцессы. Так, например, 3 (15) марта 1857 г. в селе Березнягах Казинской волости Скопинского уезда произошло «избиение <...> волостного головы за запрещение читать манифест, по которому крестьянам про-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 3..

² РГАДА, ф. 1354, оп. 411, В-32 кр.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 179, 199.

⁴ Там же. С. 199.

щались все недоимки и платежи за содержание коннозаводской земли»¹. Несколько местных крестьян было привлечено к судебной ответственности.

По последней, 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в Березнягах насчитывалось 126 домохозяйств, в которых проживали 709 мужчин и 786 женщин². По сведениям 1859 г., в «Березнягах, селе казенном при колодце», находившемся в 16 верстах от уездного города, насчитывалось 160 дворов, в которых проживали 709 мужчин и 686 женщин³.

С отменой крепостного права в 1861 г. Березняги были приписаны к Казинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии. Освобождение от крепостного права, похоже, вызвало резкий рост численности березняговских жителей и развитие бытовой инфраструктуры. Менее чем два десятилетия спустя, в конце 1870-х гг., в «Березняках, селе бывшем государственном, насчитывалось 236 дворов, 1663 жителей, 1 церковь православная, 1 лавка и 12 ветряных мельниц»⁴.

Крестьянская реформа положила начало прогрессу народного образования в селе. В 1861 г. в Березнягах открылось церковно-приходское училище. Оно было основано по желанию крестьянского общества и расположилось в доме местного священника, получавшего за аренду отдельную плату. Это был Иван Иванович Чельцов, служивший в Архангельском храме в 1855–1885 гг.⁵ Средства для содержания училища поступали из Палаты государственных имуществ. В 1866 г. в березняговском церковно-приходском училище обучались 34 местных мальчика⁶.

Материалы переписи населения 1882 г. дают более подробные сведения в Березнягах. В селе отмечены 262 домохозяйств, а в них 999 мужчин и 992 женщины. Грамотных березняговцев было очень немного: 73 мужчины, 1 женщина, 63 учащихся мальчика и 4 девочки. За крестьянами числилось 2359 десятин земли (2577,2 га), на одну ревизскую душу приходилось 3,3 десятины (3,6 га). Урожайность ржи показана как «сам-четверть», овса – «сам-третьей» (т.е. собранный урожай в 4 и 3 раза превосходил посеянное). Почва крестьянских наделов была наполовину черноземной, другая половина – чернозем с примесью глины. Безлошадными в Березнягах числились треть дворов, в 48 дворах не было не только лошадей, но и коров. Из 263 крестьянских домов только 10 топились «по-белому» (и лишь один из них был построен из кирпича). В селе работали 7 мастеровых, 282 мужчины трудились в отхожих промыслах. Имелось 14 промышленных заведений, трактир и 2 лавки. В 1876–1882 гг. из Березнягов выселилась в другое место жительства 31 семья⁷.

Подавляющее большинство березняговских крестьян проживало в курных избах, топившихся «по-черному» (т.е. печи не имели дымовых труб). Отопление дома «по-белому» было недешевым удовольствием – дров требовалось раза в два больше. Впрочем, дровами топили единицы, да и то не каждый день – заготавливать дрова было негде, а покупать дорого. Топи-

¹ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967. – С. 106–107.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122.

³ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. – СПб., 1862. – С. 128.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 199.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 240–241.

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – М.: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122–127.

ли преимущественно кизьяками да картофельной ботвой. Иногда на растопку шла и солома, но ее старались беречь для скота. Бывали неурожайные годы, когда многим зимой приходилось раскрывать часть соломенной крыши избы, чтобы прокормить скотину.

Следующим этапом в развитии образовательных учреждений в Березнях стало открытие в селе земского училища, состоявшееся в 1880 г. Инициатором основания нового учебного заведения стал выходец из семьи местного священника Дмитрий Ильич Березнягов (? – 1895). Он служил в Скопине и вышел в отставку в скромном чине титулярного советника. С 1880 г. и до конца своих дней Д.И. Березнягов являлся попечителем земского училища в родном селе.

Конечно, скромных средств отставного мелкого чиновника едва-едва хватало на покрытие основных школьных нужд. В одном из журналов Скопинского уездного земского собрания за 1884 г. сохранилось душераздирающее описание березняговского училища. По свидетельству документа, земская школа «помещается в здании, в котором прежде был кабак. В ней ужасно холодно, доски в полах покривились и разошлись, фундамент плох, входная дверь отворяется прямо на улицу, без сеней. Сторожа нанимает попечитель школы, для отопления же собирается солома с учеников, в особенности в неурожайные годы; тут случается, что учитель не пускает в класс учеников, не могущих привести соломы, и даже нередко ему приходится прекращать занятия, потому что в нетопленной комнате в зимнее время нельзя заниматься. Училищный совет обращался с просьбой к своему члену, г. исправнику, понудить березняговское общество исполнить общественный приговор, по которому они обязаны топить и ремонтировать училище. Кроме того, в березняговской школе есть два ученика, которые по своей бедности для прокормления побираются, и только набравши достаточное количество кусков они являются в школу. При таких условиях они пропускают много уроков. Всех учеников в школе 58, из них 2 девочки. В старшем отделении 10, среднем 25, младшем 23. Ученики младшего отделения читают и пишут плохо. В среднем и старшем ученики слабы в решении арифметических задач. Выпускной экзамен выдержал только один ученик. Экзамен произволил член от земства А.Н. Голощапов»¹.

В «Сборнике статистических сведений по Рязанской губернии» имеется информация, позволяющая представить себе училище в Березнях в 1886 г. Похоже, по сравнению с начальным периодом существования его ситуация несколько улучшилась. Здание школы описано как деревянное, крытое деревом. Его общая площадь составляла 96 кв. аршин (48,6 кв. м), по фасаду располагались пять окон. Отапливалась школа двумя печками-голландками. Земство расходовало на ее содержание 265 рублей ежегодно. В 1885/86 учебном году, который начался 2 (14) октября и закончился 1 (13) мая, в младшей, средней и старшей группах обучалось 47 мальчиков и 2 девочки. Последние, как и еще один мальчик, были из семьи «купцов» (торгующих мещан). Плата за обучение не взималась. С детей, пришедших учиться из других селений, бралась символическая плата в виде «доставки соломы на отопление». Квартира учителя находилась при школе. Законоучителем и учителем с 1884 г. состоял выпускник Рязанской духовной семинарии Я.П. Пехлецкий².

К следующей ревизии, проводившейся в 1893 г., ситуация в школе, несмотря на все старания попечителя, не сильно улучшилась: «Учеников в школе числилось 52. Учителем и законоучителем состоит окончивший курс в Рязанской духовной семинарии г. Живетин, обя-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. Скопин, 1885. – С. 177–178.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – М.: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 8–13, 23.

занности которого во время его болезни исполняла г-жа Кириллова, попечителем числится титулярный советник Березнягов. К экзамену, произведенному о. протоиреем Глебовым, были представлены 5 мальчиков, из которых выдержали лишь трое. Успехи учеников слабы, главным образом, вследствие невозможного помещения школы. Хотя общество села Березнягов и приступило к поверхностному ремонту своей школы, но такой ремонт не будет иметь существенного значения и не сделает школу теплою. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы земское собрание те 100 руб., которые по смете ассигнованы на ремонт земских школ, употребило бы в дополнение к этому ремонту <...>, поручив производство этого ремонта управе»¹.

В 1895 г. попечитель школы Д.И. Березнягов умер. Как сообщали «Рязанские епархиальные ведомости», перед своей кончиной «титулярный советник Дмитрий Ильин Березняков завещал в пользу новостроящегося храма в селе <...> 100 руб. и на устройство новой сельской школы <...> 1500 руб., из коих 500 руб. должны быть обращены в неприкосновенный капитал и приобретены на них 5% билеты»².

Для мелкого провинциального чиновника вклад Д.И. Березнягова в дело народного образования представляется весьма значительным. Однако школой его благотворительность не ограничивалась. О ее масштабах «Рязанские епархиальные ведомости» в 1896 г. писали: «Нынче умерший Д.И. Березнягов завещал 11 вечных билетов Рязанского отделения Государственного банка по 100 рублей» в Свято-Духов монастырь г. Скопина, Соборную, Успенскую, Сретенскую, Пятницкую, Покровскую церкви, а также в храмы сел Лазинка, Мшанка, Казинка и Лопатино. Билет в 300 рублей достался церкви села Березняги³. Чиновники рангом повыше могли себе позволить и побольше. Например, в 1897 г. статский советник Михаил Прокопьевич Крылов пожертвовал на сооружение нового каменного храма в селе Кумино Скопинского уезда Рязанской губернии 10 000 рублей, и еще такую же сумму на «устройство и содержание церковно-приходской школы»⁴.

Д.И. Березнягов был одним из нескольких частных благотворителей, сделавших свой вклад в возведение в селе нового кирпичного здания Архангельской церкви, которое велось с середины 1890-х гг. Старое деревянное церковное строение, стоявшее в Березнягах с 1798 г., к этому времени уже сильно обветшало. Возведение каменного храма с железной кровлей в Березнягах завершилось в 1898 г. В июле 1899 г. епархиальное начальство разрешило причту и церковному старосте продать старое деревянное церковное здание «крестьянам дер. Ново-Александровки того же уезда»⁵. В 1902 г. вокруг храма появилась кирпичная ограда с железными решетками⁶. Осенью того же года скопинский купец Н.Н. Шебакин пожертвовал «разные хвойные и лиственные растения для посадки в ограде вокруг храма»⁷.

В 1905 г. в селе Березняги насчитывалось 360 дворов, население составляло 1093 мужчин и 1188 женщин. В селе имелись «церковь кирпичная, школа, казенная винная лавка, 10 ветряных мельниц, просорушка, 3 шерстобитки, кирпичный завод»⁸.

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года. – Скопин, 1894. – С. 91.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1895 г.). – С. 840.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 9-10 (1 и 15 мая 1896 г.). – С. 170.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 23 (1 декабря 1897 г.). – С. 802.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 13-14 (1 и 15 июля 1899 г.). – С. 226.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1902 г.). – С. 269.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 19 (1 октября 1902 г.). – С. 369.

⁸ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 604–605.

Как свидетельствуют данные земской статистики, многие березняговские крестьяне не чуждались предпринимательской деятельности. Известны действовавшие в 1905 году «промышленные заведения»: торговые лавки крестьян Вавилова С.П., Астахова И.Г., Ивашина М.Е., чайные лавки Безумова М.И., торговые и чайная лавки Турковой Е.К. и Туркова Л.А., кузницы Круглякова А.А. и Кругляшкина Н.А., кирпичный завод Лактюшина Р.М., ветряная мельница Сафонова Г.А. Мельницы, просорушки, шерстобитки приносили их владельцам дополнительные доходы. За содержание ветряной мельницы, как и других предприятий, полагалось уплачивать земский сбор (промысловую сумму). Его величина определялась в зависимости от состояния мельницы и выручки, которую получал хозяин. Отрывочные сведения об этих крестьянских промышленных заведениях сохранились в журналах Скопинского уездного земского собрания. Например, 9 апреля 1910 г. крестьянин села Березняги Никита Григорьевич Поликаркин обращался в земскую управу с просьбой «вследствии градобития в 1908 г. и предыдущих неудовлетворительных по урожаю хлеба лет дать рассрочку в уплате на три года» промыслового налога¹. При начислении и сборах налога нередко случались разные недоразумения. Один такой случай известен по прошению крестьянки села Березнягов Аграфены Абрамовны Федоткиной: «Во второй половине апреля месяца <1912 г.> [господином] приставом 1-го стана Скопинского уезда была произведена опись моему движимому имуществу и 20-го сего мая назначена продажа, за неплатеж земского сбора, за чайную и мелочную лавку <...> всего 52 руб. 34 коп. В виду того, что все сборы по мелочной торговой лавке я ежегодно уплачивала полицейскому уряднику Казинской волости в полной сумме безнедоимочно, то это обстоятельство на то, что 52 р. 34 коп. числятся на чайной лавке, которой как видно из удостоверения Казинского волостного правления от 6-го сего мая (при сем прилагаемого) <...> не существует с 1905 г. За время же ее существования мною вносились сборы тоже полностью тому же уряднику, но вносились ли они последним по принадлежности для меня остается покрытым мраком неизвестности...» По книгам управы оказалось, что к 1 января 1912 г. за просительницей Федоткиной числились за чайной и торговой лавками недоимки, хотя чайная лавка закрылась еще 1 января 1905 г. По законам того времени сборы подлежали сложению со времени подачи ходатайств, но в данном случае, хотя ходатайство и датировалось 1912 г., просительница была частично освобождена от сборов и за предыдущие годы².

В скопинской деревне было немало разных напастей, но наиболее губительными среди них являлись пожары и эпидемии. Крупные села горели до десяти раз в год. Соломенные крыши деревянных изб быстро разгорались даже при слабом ветре. Если прогоны между домами были широкими, то сгорало несколько дворов, если нет, то выгорали целые порядки, а иногда и селения целиком.

Еще одной страшной бедой были эпидемические заболевания, вспыхивавшие почти ежегодно. Санитарное состояние абсолютного большинства сел оставляло желать много лучшего, а медицинской помощи не было почти никакой. Например, в 1904–1905 гг. в Березнягах переболело корью 139 человек³. В 1913 г. в Высоком и Березнягах отмечена эпидемия сыпного тифа, которым переболело 136 человек. По окрестным селениям в том году гулял брюш-

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин. – С. 110.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913 – С. 223.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLI очередного созыва 1905 года. – Скопин, 1906. – С. 159.

ной тиф: в Вослебове зафиксировали 35 заболевших, в Моховом – 33. Вернулась в регион и корь: в 1913 г. в Гремячке ей переболело 125 человек, в Вослебово – 29¹.

В 1908 г. скопинское земство вновь озаботилось состоянием березняговской школы. Журналы земского собрания с тревогой констатировали, что в школьном здании «стены полусгнившие, рамы старые, с отваливающейся паклей». При этом отмечалось, что школа находится «в 5 саженьях от пруда со стоячей водой, грязной и зловонной»². Однако успело ли земство исправить ситуацию до революции, точно не известно. По отчету за 1916 г. земская школа в Березнягах значилась двухкомплектной³.

В 1914 г., накануне Первой мировой войны, в селе Березняги Казинской волости Скопинского уезда насчитывалось 322 двора, в которых проживали 1156 мужчин и 1168 женщин. Михаило-Архангельская церковь оставалась значимым средоточием духовной жизни крестьян. К ней было приписано 4 десятины (4,37 га) пахотной земли. В приходе действовала земская школа⁴.

В 1917 г. в Березнягах значилось уже 436 дворов. Количество жителей увеличилось до 1491 мужчин и 1547 женщин⁵. В таком состоянии село встретило установление советской власти. В декабре 1917 г. в нем был создан Березняговский сельсовет⁶.

В годы Гражданской войны жизнь в селе все еще шла «по старым лекалам». Даже учителя местной школы не сразу адаптировались к новым условиям, за что подвергались справедливой критике в печати. Например, в 1919 г. в заметке «Добросовестные работники», появившейся на страницах скопинской уездной газеты «Известия», некто Д.Ф. писал: «В Березняговской сельской школе существует 4 учителя, а работы от них мы не видим. Во всех селениях организованы культурно-просветительские кружки, которые возникли по инициативе учителей или же они принимали деятельное участие в их организации. В селе Березнягах, к сожалению, такового еще не существует; своих сил там нет, а местные учителя смотрят на это равнодушно. Да и кому хочется возиться с каким-то кружком? Надо в праздник читать книжки и лекции и расстраивать свои нервы, когда можно свободно уехать в Скопин и пробыть там не только праздник, но и еще после праздника. Хочешь – учи или гуляй, а первое число подходит аккуратно приходи и получай жалование. Советская власть идет навстречу нуждам учителей, только учителя не все идут навстречу нуждам советской власти.

Березняговские учителя не усвоили своих обязанностей в новом государстве или усвоили, да сознаться в этом не хотят. Бывший раб привык, чтобы им руководили и показывали ему путь; сам же идти не может, потому что он слеп, а жокаков у него нет, и потому он продолжает пребывать во тьме. В школе остались все прадедовские порядки: там учеников продолжают оставлять без обеда, да, наверно, линейка иногда гуляет по детским головам, а линейкой в голову ребенка ничего не вобьешь, кроме озлобления. Надо уметь словами вбить ему в голову обязанности будущего гражданина, стараться развить в нем классовое самосознание и заставить исполнять не за страх, а за совесть. Еще там существует странный обычай: учени-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914 – С. 440

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV созыва очередного созыва 1908 года. – Скопин, 1909. – С. 158.

³ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 168.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып.3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 544.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

⁶ Архив Скопинского района, ф. 284, л. 1.

ки носят учителям молоко, яйца и еще кое-что из съестного. Возмутительно же то, что этим ученикам делаются особые привилегии, дают букварь на одного, карандаш, тетради, а дети бедняков, которым принести нечего, лишаются такого удовольствия и с завистью смотрят на таких счастливых... Старое поколение мы теперь не направим на путь истинный, так мы должны обратить все наше внимание на то, чтобы дети, эти будущие граждане, не оставались в такой же темноте, как наши деды, и потом не проклинали нас»¹.

В 1920-х гг. руководство Березняговского сельсовета нередко представало на страницах местной печати в довольно неприглядном виде. Так, в 1926 г. выходившая в Скопинском уезде газета «Коллектив» писала: «В селе Березнягах закрылась школа из-за отсутствия топлива. Председатель сельсовета не заботится о ней, комсомольцы попилили дров на неделю, думали, что председатель сумеет добыть угля, а он только пьянствует»². В адрес нерадивого представителя сельской администрации можно было прочитать и такой совет: «Председателю Березняговского сельсовета Пчелинцеву – перестать ходить по селу да нюхать где пахнет самогоном. Бывает, донюхается до того, что домой пана под руки ведут»³. «Радетели «мирских интересов» в деревне не переводятся, – писала местная газета. В селе Березнягах Казинской волости есть некий А.П. Астахов, которого выгнали из кооперации за обвешивание. Теперь Астахов какими-то способами пролез в сельсовет и выключил с темных деревенских граждан 50 руб. за «охлопотанье» торфом перед уездом. А между тем, тут и хлопотать особенно не придется, т.к. для получения торфа есть установленный порядок. За такими сельсоветчиками нужно смотреть в оба»⁴.

В 1929 г., с отменой исторического административного деления на волости, уезды и губернии, Березняговский сельсовет был включен в состав новообразованного Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Район изначально относился к Тульскому округу области, но в 1931 г. деление на округа отменили.

В 1930 г. в Березнягах был создан колхоз «Красный Октябрь»⁵. Интересную информацию о времени его становления можно почерпнуть из материалов Государственного архива Рязанской области (ГАРО). Из них известно, что за период с конца 1932 и до осени 1933 гг. количество колхозников увеличилось с 60 до 373 – в ходе проводившейся властями агитационной кампании в колхоз вступило более 300 хозяйств. Несмотря на недостаток семян, машин и лошадей, весенний сев 1932 г. удалось провести вовремя. Убрали своевременно, но из-за недостатка молотилок к октябрю оставалось необмолоченными 2000 копен всех хлебов. Хлеб и картофель государству были сданы полностью. Оплата трудодня возросла. Если в 1932 г. зерновых на трудодень было выдано 6,5 кг, то в 1933 г. уже 7 кг. На 1 кг возросла и выдача картофеля. Проблем было достаточно: в 1932 г. складированная в амбарах рожь начинала согреваться из-за несвоевременной уборки с токов и влажности, поэтому ее пришлось раздать колхозникам; много картофеля сгноили; школа на зиму осталась без топлива⁶.

Многие недостатки объяснялись низкой квалификацией руководящих кадров. Она же стала причиной кадровой чехарды в руководстве Березняговского сельсовета. Его председа-

¹ Известия. – № 14. – 1919. – 26 февраля.

² Коллектив, № 14. – 1926.

³ Там же.

⁴ Коллектив, № 62. – 1925. – 24 июня.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 284, л. 1.

⁶ ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 79.

тели менялись часто, порой не проработав и года. Так, П.Ф. Пчелинцев занимал этот пост в 1930–1931 гг., Г.П. Родин в 1932–1933 гг., П.Н. Ховрин – с 1933 г. Их административные навыки оставляли желать много лучшего, но определяющим фактором при избрании были преданность делу ВКП (б) и трудолюбие. Показательна в этом биография Павла Николаевича Ховрина. Он родился в 1904 г. в семье крестьянина-бедняка, получил «сельское» образование. В 1924 г. вступил в комсомол, с 1928 г. был членом партии. До избрания председателем сельсовета он возглавлял колхоз в селе Горлово, причем, похоже, не очень успешно, поскольку по итогам своего руководства был приговорен судом «к двум годам лишения свободы условно, за халатное отношение к работе». До перехода на новую работу в 1933 г. он также успел получить «выговор за отсутствие записей в трудовых книжках колхозников»¹.

В начале 1930-х гг. в Березнягах была создана партячейка, объединившая жителей села, ставших членами ВКП(б). Членство в руководящей и направляющей все сферы государственной и общественной жизни ленинской партии было престижным и почетным. Одним из первых ее руководителей стал В.В. Чекулаев.

С точки зрения советской власти руководитель березняговских коммунистов был человеком небезупречным. Он родился в 1905 г. в семье, считавшейся кулацкой. Его отец до 1910 г. имел лошадь и занимался водовозным промыслом в Москве. По этой причине, еще будучи кандидатом в члены ВКП(б), В.В. Чекулаев получил выговор «за связь с чуждым элементом». Но в 1931 г. он все же был благополучно принят в партию, а в августе 1932 г. стал секретарем березняговской партячейки. Оставить этот пост ему пришлось уже в феврале 1933 г., причем при скандальных обстоятельствах: вместе с другими представителями сельской администрации он был взят под стражу в связи с выявленными хищениями гарнцевого сбора (так назывались отчисления в пользу государства за помол муки на мельницах). Как выяснилось в ходе расследования, о хищениях гарнцевого сбора знали все должностные лица в Березнягах, но смотрели на это сквозь пальцы.

Под арестом В.В. Чекулаев провел полтора месяца. В связи с этим он был исключен из партии Горловской районной контрольной комиссией, но райком заменил решение об исключении строгим выговором. Вернувшись в село, ему пришлось продолжать работу рядовым колхозником. Видимо, уязвленное самолюбие не давало бывшему руководителю березняговских большевиков покоя. Вскоре он принялся настраивать женщин села против нового секретаря сельской партячейки Злобина. Когда тот уехал на три дня в район, Чекулаев распустил слухи, что главный сельский коммунист «уехал убирать свой картофель».

В итоге В.В. Чекулаев был из колхоза исключен и переведен как крестьянин-единоличник на «твердое задание»². В годы массовой коллективизации те, кто добровольно или по принуждению оставался за рамками колхоза, находились под контролем сельсоветов. Среди таких единоличников было немало считавшихся кулаками и подкулачниками. Единоличники должны были своевременно вспахать и засеять свои участки и сдавать по плановому или «твердому» заданию определенное количество зерна, картофеля государству, а также сохранять часть полученного урожая в виде семфонда. Тех, кто нерадиво относился к государственному заданию, могли привлечь к уголовной ответственности или реквизируют у них скот в счет уплаты задолженности. Например, в 1936 г. жители Березнягов единоличники В.Е. Милешкин и Е.А. Овчинников не засыпали семфонд и «не имели в наличии семян на положенную площадь засева, согласно доведенного

¹ ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 82.

² ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, лл. 81–82.

им планового задания», вследствие чего были осуждены и приговорены к году исправительных работ¹.

В такую неблагонадежную категорию и попал незадачливый березняговский коммунист В.В. Чекулаев. Он, кстати, действительно происходил из состоятельной по сельским меркам семьи: его отец до революции, помимо занятия извозом, держал еще и кабак, а также занимался бакалейной торговлей. Еще в начале 1930-х гг. брат и дядя В.В. Чекулаева занимались строительным промыслом в Москве. Причастность семьи к предпринимательской деятельности считалась предосудительной для коммуниста. В 1933 г. с формулировкой «за политическую неграмотность» В.В. Чекулаев был переведен из членов партии в кандидаты².

Но, видимо, «проработка по партийной линии» возымела свое действие, и после всех перипетий его фамилия стала упоминаться все больше в положительном контексте. Так, например, в сентябре 1934 г. горловская районная газета «Ленинская искра» писала: «Березняковский сельсовет во главе с председельства тов. Чекулаевым с честью выполняет договор социалистического соревнования. На 14 сентября план картофелепоставок единоличниками выполнен – 1115 центнеров от плана 1200 центнеров»³.

Злоупотребления местных властей нередко становились предметом критических публикаций районной прессы. Например, в августе 1936 г. в «Ленинской искре» появилась статья журналиста Демкина «Возмутительное шарлатанство», рассказавшая следующую историю из жизни березняговцев: «На квартиру гр-на села Березняки тов. Демина Павла Ивановича заходят недавно два сотрудника сельсовета, счетовод Петранькин и секретарь Кочергин. Работники сельсовета были достаточно пьяными, но это не мешало им проявлять свою «активность» по сбору средств на дорожное строительство. У гр-на Демина имеется сын, который уже числится штатным рабочим с 1931 г. и с колхозом никакой связи не имеет. В настоящее время сын Демина работает на Лазинском каменном карьере. За этого сына и стали требовать деньги на дорожное строительство пришедшие работники сельсовета. Когда же Демина сказал, что у него нет денег, то они тут же решили взять у него тулуп.

На все вопросы хозяина и хозяйки, за что берут деньги, с кого и в какой мере должен браться этот сбор, ретивые работники ответить не хотели, им, очевидно, было некогда, и они старались поскорее отделаться от назойливых хозяев. «Что там с ними разговаривать, – говорит Петранькин Кочергину, – бери».

Тут же написали Демину расписку такого содержания: «Расписка дана товарищу Демину П.И., изъяты тулуп». Ни даты, ни указания, за что изъяли тулуп, не указано в расписке. Выдав ее на руки Демину и взяв тулуп, Кочергин и Петранькин вышли»⁴.

В 1937 г. один из березняговских уроженцев пал жертвой «большого террора». Семен Петрович Трушин (1877–1937) был священником Одигитриевского храма в деревне Чернево Зарайского района Московской области. 26 октября 1937 г. он был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности и контрреволюционной клевете», 14 ноября осужден тройкой УНКВД по Московской области и приговорен к расстрелу. С.П. Трушин был казнен 16 ноября 1937 г. и похоронен на Бутовском полигоне под Москвой. Он был посмертно реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.

¹ Ленинская искра, №46. – 1936. – 24 апреля.

² ГАРО, ф. П1115, оп. 1, д. 75, л. 82.

³ Ленинская искра, №169. – 1934. – 17 сентября

⁴ Ленинская искра, № 89. – 1936. – 3 августа.

В 1937 г. Березняги стали населенным пунктом новообразованной Рязанской области, которой был передан Горловский район. В начале 1937 г. в Березнягах 389 дворов состояли в колхозе (село, таким образом, было коллективизировано на 96,5 %), колхозная посевная площадь составляла 1906 га (включая усадьбы колхозников – 2033 га), на оставшихся единоличников приходилось 1,1 га. В колхозе насчитывалось 98 лошадей, 35 голов крупного рогатого скота, 113 свиней, 42 овцы. В хозяйствах жителей села в общей сложности насчитывалось 205 голов крупного рогатого скота, 108 свиней, 341 овца, 42 козы. За одним из единоличников числилась 1 единица крупного рогатого скота. Площадь колхозных садов составляла 32 га, садов жителей села – 2 га¹. В селе Березняги Березняговского сельсовета Горловского района к 1939 г. насчитывали 463 жилых строения, 437 хозяйств, а жителей 2294 человека (по официальным данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. – 2019 человек). В селе действовали 2 мельницы, 2 просорушки, начальная школа, изба-читальня, агентство отделения связи, магазин².

На 1 января 1939 г. в Березнягах уже числилось 525 строений, из них дворов – 433. Количество членов колхоза «Красный Октябрь» возросло до 1763 человек (в 1938 г. в него влились еще 6 хозяйств), вне колхоза оставались 290 березняговцев. Крупный рогатый скот имелся в 237 хозяйствах. Лиц трудоспособного возраста от 16 лет и старше в колхозе насчитывалось 839 человека. Общая площадь обрабатывавшейся колхозом земли составила 1809 га. По итогам 1938 г. в среднем каждым колхозником выработан 81 трудодень. После распределения 29 % денежных доходов за год на трудодень каждому работающему колхознику полагались 1 кг зерновых и 22 копейки деньгами. На административно-хозяйственные нужды было выделено 2,3 % денежного дохода³. В колхозе числилось 35 единиц крупного рогатого скота, в том числе 9 коров, 48 свиней (19 свиноматок), 50 овец, 150 лошадей, в том числе 113 рабочих⁴.

Начало Великой Отечественной войны в июне 1941 г., вызвавшее массовую мобилизацию мужчин призывного возраста, перестройку экономики Рязанской области на военный лад, эвакуацию предприятий народного хозяйства с оккупированных территорий, а к ноябрю–декабрю 1941 г. – перенос боевых действий на территорию Горловского и Скопинского районов, частично переживших кратковременную немецко-фашистскую оккупацию, серьезно дезорганизовали жизнь региона. В условиях продолжавшейся войны в 1943 г. березняговский колхоз «Красный Октябрь», как и большинство хозяйств Рязанской области, был разделен на самостоятельные сегменты – колхозы им. Н.М. Шверника, им. 25 лет ВЛКСМ и «Красный Октябрь»⁵.

Из жителей села Березняги, отличившихся на полях сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., стоит отметить пехотинца Ивана Петровича Коновалова (1912–?). Он был призван в РККА еще в апреле 1941 г. и прошел всю войну, в 1943–1944 гг. был три раза ранен. В 1944 г. старшина И.П. Коновалов служил в 1-й стрелковой роте 1074-го стрелкового полка 314-й стрелковой Кингисеппской дивизии. «В боях по прорыву «линии Маннергей-

¹ Архив МГУ.– Ф.42, оп. 6, д.59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

² Архив МГУ.– Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

³ Архив МГУ.– Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

⁴ Архив МГУ.–Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели...Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 284, л. 1.

ма» и штурму гор. Выборг [тов. Коновалов] показал себя смелым, храбрым и инициативным воином Красной Армии. 20 июня 1944 г. при штурме гор. Выборг после нашего артналета с рубежа атаки по собственной инициативе первый поднялся в атаку, первым достиг траншей противника и из личного оружия убил более 10 финнов, а главное – своим подвигом увлек за собой остальных бойцов атакующих частей. В период боя на окраине гор. Выборг противник организовал огневое сопротивление с чердаков домов. Ряды атакующих залегли. Коновалов организовал ружейно-пулеметный огонь по окнам чердаков, а затем опять первым поднялся в атаку, увлекая атакующих»¹. За проявленные в боях за Выборг мужество и отвагу старшина И.П. Коновалов был награжден орденом Красной Звезды.

В 1942–1946 гг. Горловский район вновь административно подчинялся Московской области, но позднее был снова возвращен Рязанской области. За 1947 г. в колхозе им. Н.М. Шверника сменилось три председателя. Дошло до того, что урожаи картофеля в хозяйстве упали до 9 ц с га. Сад был запущен и не приносил дохода, а урожая с 10 га огородов не хватило для расчета с государством по плановым поставкам огородных культур². В 1948 г. председателем колхоза был выбран П. Фетисов. По его инициативе посевная площадь была увеличена на 300 га, что сразу же привело к увеличению урожая. На 1950 г. планировалось дальнейшее увеличение посевов и сбор зерновых по 12 ц с га. План по скоту в 1948 г. был перевыполнен в 2 раза: колхозное стадо крупного рогатого скота возросло до 40 голов. Было приобретено 12 овец, которых не было совсем. Колхоз также приобрел две зерноочистительные машины, построил каменную конюшню на 30 голов, восстановили плотницкую мастерскую, правление колхоза, построили кузницу и овощехранилище, расширил в несколько раз скотный двор. Благодаря эффективному руководству хозяйство сразу пошло на подъем³.

Послевоенное время было тяжелым, и далеко не каждому председателю колхоза удавалось «вытянуть» хозяйство. Действовал введенный в военные годы повышенный минимум трудодней, который распространялся и на подростков с 12 лет. За невыполнение могли лишиться приусадебного участка. В этих условиях многое зависело от человеческих качеств председателя сельсовета и личных отношений жителей села с ним. А время было такое, что невыполнение определенной разрядки сельсовета без уважительной причины могло повлечь за собой серьезные последствия. Например, в 1946 г. житель Березнягов Н.М. Пчелинцев за отказ от поездки на лесозаготовки по мобилизации колхоза был приговорен к 2 годам лишения свободы⁴.

Несмотря на, казалось бы, строгий контроль, не обходилось в те годы и без злоупотреблений. Колхозники смело бичевали их на страницах районной газеты «Ленинская искра». Например, в 1947 г. правлением колхоза «Красный Октябрь» Березняговского сельсовета для нужд пожарной охраны была выделена лошадь. «Казалось бы, – писала газета, – что лошадь должна быть на пожарке, но председатель сельсовета Терешин распорядился ею как собственностью: разрешал брать тем, кто нуждается в лошади. В августе месяце тов. Терешин распорядился дать лошадь своему брату М.М. Терешину, который оставил ее без надзора, в результате чего ее заели волки». Председатель колхоза Коротаяев, не желая портить приятельских отношений с председателем сельсовета, замалчивал факт гибели лошади, но от бдительного внимания односельчан ему укрыться не удалось⁵.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 542, л. 22.

² Ленинская искра, № 18. – 1948. – 4 марта.

³ Ленинская искра, № 16. – 1949. – 12 февраля.

⁴ Ленинская искра, № 94. – 1946. – 25 декабря.

⁵ Ленинская искра, № 64. – 1947. – 23 сентября.

Также и сельсовет по взаимности нередко закрывал глаза на то, что происходило в колхозе. Но колхозники вскрывали факты вопиющих нарушений на страницах районной газеты. Например, в октябре 1946 г. «Ленинская искра» писала: «Председатель артели «Красный Октябрь» Березняговского сельсовета Коротаяев запускает свои длинные руки в артельный карман и почему-то твердо уверен, что все это пройдет безнаказанно. Еще в бытность Коротаяева кладовщиком, ревизия выявила у него недостачу 426 кг пшеницы, 300 кг вики в кладовой, не оказалось 141 мешка. Без согласия правления продал часть шерсточесальной машины своему родственнику, а деньги в колхозную кассу не сдал, стоимость этой части 1500 рублей»¹.

В 1948 г. в колхозе «Красный Октябрь» председателя Коротаяева сменил Ивашин. О его методах руководства колхозники писали в «Ленинскую искру» следующее: «Под артельный огород земля была вспахана и хорошо удобрена. Председатель распорядился выделить из этой пощади 0,15 га члену правления В. Антошину. В колхозе ощущался недостаток семенного картофеля, а председатель, вопреки воле колхозников, выделил бригадире полеводческой бригады на обсеменение приусадебного участка 60 кг клубней... Ему позволяется снимать лошадей с посевной и разъезжать по базарам»². А еще председатель наделил своего тестя-единоличника приусадебным участком. Были ли справедливы эти обвинения березняговских колхозников, или они явились следствием обычной человеческой зависти? За давностью лет понять это трудно. Возможно, «дыма без огня» и не было. Любой руководитель знает, что в российских условиях действующие нормы и правила иногда препятствуют эффективной деятельности, и приходится искать «обходные пути». Вопрос о том, была ли в перечисленных выше случаях какая-либо оправдывающая действия руководства подоплека, остается невыясненным.

В 1949 г. три березняговских колхоза вновь были объединены в одно хозяйство под изначальным названием «Красный Октябрь»³. Под ним березняговский колхоз просуществовал до самого конца советской эпохи и даже немного пережил распавшийся в 1991 г. Советский Союз.

В 1950 г. к Березняговскому сельсовету был присоединен соседний Лазинский сельсовет. В 1959 г. в Рязанской области был упразднен Горловский район, а его населенные пункты переданы соседнему Скопинскому. В 1961 г. произошло новое расширение Березняговского сельсовета – в него включили село Мшанку, поселок Широкий и железнодорожные будки⁴. В этом же году в березняговский колхоз «Красный Октябрь» влились лазинский колхоз «Освобождение» и колхоз «Богатырь» (предположительно из п. Широкий, называвшегося в послевоенное время поселком им. М.В. Фрунзе), а в 1960 г. – еще и мшанский колхоз им. Карла Маркса⁵.

Сельская жизнь не обходилась без происшествий. Об одном из них газета «Ленинская искра» писала со слов колхозного плотника Н. Филимонова: «Ночью 5 мая 1956 г. в селе Березняги в хозяйстве П.М. Ефремюшкина возник пожар. Для того, чтобы спасти, прибежали колхозники и начали тушить пожар. Долго пришлось ждать пожарную команду. Начальник ее тов. Жуков в этот день был в нетрезвом состоянии. Когда его разбудили, то Жуков не знал, что ему делать: запрягать лошадей или отремонтировать пожарную машину. Так и приехал начальник пожарной дружины с поломанной машиной и, бросив ее, убежал. Только благодаря

¹ Ленинская искра, № 52. – 1946. – 3 октября.

² Ленинская искра, №54. – 1948. – 29 мая.

³ Архив Скопинского района, ф. 284, л. 1.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 418, лл. 1-1 об.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 284, л. 1.

умению и находчивости бригадира тракторной бригады Н.Л. Астахова машина была быстро отремонтирована»¹.

Березняговский колхоз «Красный Октябрь» продолжал функционировать до 1993 г., а затем был преобразован в акционерное общество. Кирпичное здание Архангельской церкви, использовавшееся для колхозных нужд, благополучно достояло до середины 1990-х гг., утратив только ограду. Окончательно этот памятник церковного зодчества был razорен уже в годы постсоветского безвременья, ставшие, пожалуй, самым трагическим периодом в жизни рязанского села. К началу 2010-х гг. уцелел лишь кирпичный остов здания без алтарной части, которая была разобрана.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Березняги было включено в состав Ильинского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Березнягах проживали 209 человек – 148 мужчин и 161 женщина.

В 2015 г. в селе Березняги действовали администрация, Дом культуры, сельская библиотека, медпункт, почта, магазин, основная общеобразовательная школа, «АНП – Скопинская нива» (управляющий П.В. Пименов), работавшая также в соседнем селе Казинка и других населенных пунктах района².

---

¹ Ленинская искра, № 41. – 1956. – 20 мая.

² По материалам Скопинской районной библиотеки.

БОГОСЛОВО

село

(сельское поселение Горловское)

История села Богослово связана с Елифанским уездом, в составе которого оно находилось со дня своего основания до административных реформ 1924 г.¹ Богослово, изначально бывшее помещичьим сельцом (небольшим селением с усадебным домом), известно с XVII в.

Единого мнения относительно происхождения и смысла названия села нет. Казалось бы, на первый взгляд оно имеет церковный корень. Однако достоверно известно, что первый храм в Богослове был построен только в 1901 г. Некоторые источники указывают, что церковное здание было возведено на месте ранее существовавшей часовни, однако и о ней не имеется информации ранее второй половины XIX в.

«Народную» версию происхождения названия Богослова излагают В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов: «История названия села Богослово, по одной из распространенных версий, связана с богатым купеческим селом Горлово, расположенным от него всего в нескольких километрах. Впрочем, по этой версии связана она и со Скопином. Дело в том, что тут проходили дороги к этим населенным пунктам, по которым на скопинские и горловские ярмарки везли товар со всей округи, за десятки верст. Дороги миновали на своем пути дремучие леса и глубокие овраги, густо заросшие дубяком и кустарником. В народе такие овраги называли кладовищами. Здесь промышляли грабежом разбойники, среди которых преобладали дезертиры, не выдерживавшие двадцатипятилетней армейской каторги и бежавшие от нее в разбойничьи шайки. Купцы, чиновники, просто зажиточные люди, ехавшие мимо этих лесов и оврагов, естественно, чувствовали себя далеко не лучшим образом. На каждом шагу мерещились им подозрительные шорохи, с минуты на минуту ожидали они услышать залихватский посвист, увидеть лихих людей, готовых не только деньги отобрать, но и самой жизни лишить. Благополучно проезжая опасное место, люди истово крестились и горячо шептали: «Господи, благослови!» Отсюда, якобы, и название пошло – Богослово»².

Совсем уж антиисторическую версию происхождения названия Богослова сообщает А.А. Никольский. Якобы «еще при Наполеоне в село зашел какой-то святой человек, богослов, помолился в церкви, и французы обошли стороной. И в честь этого события село переименовали в Богослово»³.

Конечно, народная фантазия, перенесшая наполеоновских солдат на границу Тульской и Рязанской губерний, может вызвать лишь улыбку. Однако не исключено, что за этими наи-

¹ Село Богослово, исторически относившееся к Елифанскому уезду Тульской губернии, не следует путать с селом Ольшанка (Альшанка-Богословское) Скопинского уезда Рязанской губернии, находившимся у поселка Поплевинский между деревнями Кочутурки и Подмакарьево. Последнее получило свое второе название по существовавшей в нем со второй половины XVII в. Богословской церкви. См.: *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 217–218.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 245–246.

³ *Никольский А.А.* Богослово // *Топонимический словарь Рязанской области* / Под. ред. А.А. Никольского; РГПУ. – Рязань, 2001. – С. 20–21; *Никольский А.А.* Богослово (происхождение названия) // *Рязанская энциклопедия.* – Рязань, 2002. Т. 3. – С. 132.

ными версиями скрываются до неузнаваемости искаженные позднейшими наслоениями подлинные события XVII в. Мотив спасения поселения от нападения врагов через молитву благочестивого старца может оказаться сохранившимся в народной памяти воспоминанием о Смутном времени (не стоит забывать, что уездный центр – крепость Епифань – в 1612–1613 гг. некоторое время служил ставкой казачьему атаману И.М. Заруцкому и Марине Мнишек, а отряды их сторонников беспрепятственно грабили округу) или об одном из набегов крымских и ногайских татар на Епифанский уезд в 1609–1610, 1620–1622 или 1659 гг. Значимость села как места, в котором «торговым людям» и вообще состоятельным путешественникам можно было почувствовать себя в безопасности после странствия по лесной дороге из Данкова в Михайлов, также может быть сюжетом конца XVII – начала XVIII в., когда и Епифанский, и Скопинский уезды действительно изобиловали разбойниками.

Материалы 2-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1745 г., сообщают, что в это время в сельце Богослово проживали дворовые люди и крестьяне трех помещиков: «бригадира князь Федора князь Иванова сына Галицына»¹ – 25 душ, «капитана Александра Сергеева сына Милославского»² – 56 душ и «генерал-майора Никиты Иванова сына Румянцева»³ – 16 душ. Все богословские помещики оставили свой след в истории России XVIII в. Генерал-майор князь Ф.И. Голицын (1700–1759), видный придворный деятель эпохи Елизаветы Петровны, известен как владелец подмосковных усадеб Петровское⁴ и Черемоши⁵. А.С. Милославский (? –?) – внук боярина И.Б. Милославского (? – 1681), выдающегося политического деятеля периода царствования Алексея Михайловича, и родной брат вице-адмирала Федора Сергеевича Милославского (1709–1783), одного из последних представителей этого известного в отечественной истории рода. Генерал-майор и сенатор Н.И. Румянцев (1688–1752) – герой Северной войны 1700–1721 гг. и русско-турецкой войны 1735–1739 гг., приходился дядей выдающемуся русскому полководцу фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому.

Генеральный план Епифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время сельцо Богослово представляло собой два порядка крестьянских домов, и несколько отдельно стоящих строений, располагавшихся по изломанной траектории (видимо, с учетом рельефа) в лесистой местности вдоль дороги между уездными городами Данков и Михайлов. В центральной части села выделялась помещичья усадьба.

Экономические примечания к плану Генерального межевания Епифанского уезда описывают «сельцо Богослово Александр Александровича⁶, супруги ево Анны Никитишны Нарышкиной⁷, князь Ивана Федоровича Голицына»⁸ следующим образом: «по обе стороны

¹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 965, л. 242.

² Там же, л. 244 об.

³ Там же, л. 245.

⁴ Ныне Петрово-Дальнее в Красногорском районе Московской области.

⁵ Позднее Черемушки-Знаменское, ныне в черте города Москвы.

⁶ Нарышкин Александр Александрович (1726–1795) – камергер великого князя Петра Федоровича, с 1762 г. занимал придворную должность обер-шенка. С 1768 г. – сенатор.

⁷ Нарышкина (урожденная Румянцева) Анна Никитична (1730–1820) – близкая подруга императрицы Екатерины II, в 1773 г. была пожалована в статс-дамы, в 1787 г. была награждена орденом Св. Екатерины. В 1796 г. Павел I назначил ее гофмейстериней высочайшего двора.

⁸ Голицын Иван Федорович (1731–1797) – князь, сын Ф.И. Голицына. Генерал-адъютант императора Петра III, кавалер ордена Св. Анны. В 1762 г. не присягнул Екатерине II, и уже в следующем году был отправлен в отставку с армейским чином генерал-майора. Последующие 34 года жил в своем имении Даниловское Дмитровского уезда Московской губернии. Преданность князя И.Ф. Голицына Петру III высоко оценил Павел I: в 1796 г. он был возвращен на службу и пожалован чином генерала от инфантерии, а также орденом Св. Александра Невского.

двух безымянных прудов и большой дороги из города Данкова в город Михайлов; дом господской деревянной; земля черная; хлеб средственной; покос хороший; лес дровеной; крестьяне на пашне»¹.

Согласно документу, в 1764 г.² в сельце Богослово насчитывалось 57 крестьянских дворов, в которых проживали 201 мужчина и 220 женщин. Общая площадь земельных угодий, которые на рубеже 1770-х и 1780-х гг. обрабатывали местные крестьяне, составляла 715 десятин 1567 саженой (781,87 га). Большая их часть – 364 десятины 857 саженой (398,07 га) – была отведена под пашню. На сенокос оставалось 17 десятин (18,57 га). Площадь лесных угодий составляла 245 десятин (267,67 га). Помещичья усадьба и огороды жителей сельца занимали 27 десятин 990 саженой (29,94 га).

К югу от села по обе стороны дороги из Данкова в Михайлов располагались земельные угодья, принадлежавшие тем же помещикам: «Макеевское и Осиповское поместье владения штатс дамы Анны Никитишны Нарышкиной, генерал-майора князь Ивана Федоровича Голицына». О них в документе сказано: «Положение имеет направо стороне речки Клубучка и пообе стороны оной и большой дороги, лежащей изгорода Данкова вгород Михайлов; земля черная, хлеб и покосы средственны, лес дровеной»³. Общая площадь этого земельного участка составляла 259 десятин 1748 саженой (283,75 га). Под пашню было занято 168 десятин 398 саженой (183,72 га), под санный покос – 2 десятины 1950 саженой (3,06 га). Дровяной лес располагался на площади в 81 десятину 1200 саженой (89,03 га). Видимо, эти земли также обрабатывали богословские крестьяне.

Известно, что с 1787 г. князь И.Ф. Голицын был женат вторым браком на Надежде Ивановне Грушецкой (1727–?), вдове полковника Лейб-гвардии Семеновского полка Василия Никитича Грушецкого (1717–?). Наследниками состояния князя стали его пасынки и падчерицы Грушецкие. Согласно ревизской сказке от 27 августа 1811 г.⁴ более половины крепостных крестьян сельца Богослова принадлежали коллежскому асессору Александру Васильевичу Грушецкому (1746–1813).

Документы середины XIX в. фиксируют разделение сельца на два владения. Планы специального межевания отмечают, что в 1840-х гг. «сельцо Богословка, 1-й части» было собственностью «жены гвардии ротмистра княгини Зинаиды Павловны Щербатовой»⁵. Ей принадлежали 227 крестьянских душ и 1118 десятин 1453 сажени (1222,11 га) земли, из которой удобной являлись 1044 десятины 2098 саженой (1141,56 га). Второе, более скромное владение называлось «Богослово, сельцо малолетних детей артиллерии прапорщика Сергея, штабс-ротмистра Николая, артиллерии прапорщика Павла и неслужащих Дмитрия и Петра Александровых Яньковых и сестры их Елизаветы, по мужу Воряпасовой». В этом владении числилась 91 душа и 420 десятин земли (458,87 га), из которых удобными считались 412 десятин 1900 саженой (450,12 га)⁶. 1 декабря 1847 г. часть крепостных крестьян и дворовых людей тульских дворян Яньковых и штабс-ротмистрши Елизаветы Александровны Варьпасовой приобрел подпоручик Евграф Иванович Белый, однако по купчей крепости 1852 г. многие из них вернулись к прежней владелице.

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 16.

² Количество крепостных душ в экономических примечаниях указано по данным 3-й ревизии податного населения Российской Империи, проводившейся в Епифанском уезде в 1763–1764 гг.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 16.

⁴ ГАТО, ф. 2204, оп. 1, д. 4, л. 155.

⁵ Щербатова (урожденная Голицына) Зинаида Павловна (1813–1866) – княгиня, супруга князя Николая Александровича Щербатова (1800–1866), тайного советника, Московского уездного предводителя дворянства в 1850–1859 гг. и Московского гражданского губернатора в 1857–1859 гг.

⁶ РГАДА, ф. 1354, оп. 539, ч. 2, л. 9.

Статистический справочник «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедший под редакцией академика П.И. Кеплена, сообщает, что в рассматриваемое время численность населения «сельца Богослова», находившегося «при прудах и колодцах», составляла 528 человек «помещичьих крестьян¹». Местные жители были прихожанами Вознесенской церкви соседнего села Петрушина, в которой был устроен Иоанно-Богословский придел.

Согласно изданному в 1862 г. списку населенных мест Тульской губернии, Богослово, «сельцо владельческое», находилось «при пруде». В нем насчитывалось 52 двора, в которых проживали 234 мужчины и 293 женщины².

Военно-топографическая карта Тульской губернии 1863 г. показывает, что лес к югу от Богослова, в «Макеевском и Осиповском поместье» XVIII в., был полностью сведен на нет. Само сельцо, заметно расстроившееся вширь, состояло из четырех порядков домов, составлявших его главную улицу. Они располагались в виде перевернутой буквы П. С задов к избам примыкали обширные огороды. К северу от села, по правую руку от дороги в город Михайлов, видно усадебное строение с садом. Судя по карте, в Богослове и его окрестностях имелись благоприятные условия для развития мукомольного промысла. В округе насчитывалось семь ветряных мельниц (все деревянные). Четыре из них стояли группой на берегу сельского пруда. Одна – за северной околицей сельца, у дороги в Михайлов. Еще две – над большим оврагом, начинающимся за восточной окраиной Богослова³. К ним вела специально проложенная дорога.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. сельцо Богослово вошло в состав Петрушинской волости. Его мужское население разделилось на две группы временнообязанных крестьян – «б. Варыпаевой» (191 человек) и «б. Щербатовой» (99 человек). В июне 1864 г. была утверждена выкупная сделка «штабс-капитанши Елизаветы Александровны Варыпаевой» со своими бывшими крепостными сельца Богослово Епифанского уезда. Помещица получила ссуду от правительства в размере 7080 руб⁴. В сентябре того же года стали крестьянами-собственниками и бывшие крепостные княгини З.П. Щербатовой. «Тульские губернские ведомости» напечатали объявление об утверждении выкупной сделки «жены тайного советника княж[ини] Зинаиды Павловны⁵ Щербатовой в сел[ьце] Богослове и дер[евне] Васильевке⁶ Еп[ифанского] у[езда]». Размер полученной ей правительственной ссуды составил довольно крупную сумму – 34 116 руб. 93 коп⁷.

В том же 1864 г. помещица Е.А. Варыпаева рассталась со своей усадьбой в Богослове. Главная газета губернии опубликовала следующее объявление: «В Епифанском уездном суде явлена купчая от временного Епифанского 2-й гильдии купца Ивана Николаева Смирнова, совершенная в Тульской палате гражданского суда сего года 26 июня, данная ему штабс-ротмистршей Елизаветой Александровной Варыпаевой на продажу первому последней земле, состоящую Еп[ифанского] у[езда] сел[ьца] Богослова, в количестве 256 дес[ятин], разных угодий и господским домом с принадлежащей к оному постройкой [ценою] 14 080 руб.⁸».

В 1866 г. все жители села Богослово Петрушинской волости Епифанского уезда числились полноправными крестьянами-собственниками. Общая площадь земли, обрабатывав-

¹ Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. – Тула, 2006. – С. 88.

² Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862. – С. 70.

³ На картах XVIII в. он обозначен как «Керджский овраг», т.к. он выводил к берегу р. Керди.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 24 – 1864. – 13 июня

⁵ В газете ошибочно – «Николаевны».

⁶ См. статью «Суровцы», настоящего издания.

⁷ Тульские губернские ведомости, № 36. – 1864. – 5 сентября.

⁸ Тульские губернские ведомости, № 39. – 1864. – 26 сентября.

шейся богословскими крестьянами «б. Щербатовой», равнялась 782 десятинам 958 сажням (854,80 га), «б. Варыпаевой» – 162 десятинам 600 сажням (177,26 га). По состоянию на 1 января 1867 г. каких-либо недоимок за ними не числилось¹.

В 1860–1870-х гг. о жизни в Богослово время от времени сообщала единственная местная газета – «Тульские губернские ведомости». Источником многих неприятностей был существовавший в селе питейный дом. В разделе «Происшествия по губернии за 1 пол. марта 1864 г.» можно прочесть такую новость: «Еп[ифанского] у[езда] в сельце Богослове временнообязанный крестьянин Борис Яковлев, 65 л[ет], 1 ч[исла] скоропостижно умер, опившись вином»². В июле того же года главная губернская газета опубликовала объявление о вызове к решению суда в Елифанский городской магистрат «орловского купца Василия Васильева Щетнева по делу об отобрании от конторы Елифанского акцизно-откупного комиссарства лошади и коровы, принадлежащих скопинскому мещанину Александру Григорьеву Еремееву, удержанных будто бы у него поверенным откупа Поповым при смене его из Богословского питейного дома за растрату принадлежащей откупку суммы 66 руб. 40 коп. серебром»³.

Земская реформа также находила отражение на газетных страницах. В июне 1871 г. главная губернская газета опубликовала «Список лиц, имеющих право голоса в избирательных съездах уездных землевладельцев по земскому учреждению с означением имущества». В нем, в частности, упоминалась и богословская помещица «княгиня Зинаида Павловна Щербатова, тайная советница», уже к тому времени умершая, как владелица 830 десятин (906, 8 га) пахотной земли⁴.

О том, как судебная реформа 1861–1864 гг. затронула крестьянскую среду, можно судить по опубликованному «Тульскими губернскими ведомостями» очередному списку присяжных заседателей на 1872 г. В нем, в частности, сообщалось, что запасным присяжным заседателем Елифанского уездного суда на 3-ю четверть года были избран крестьянин Петрушинской волости села Богослово Ефим Корнеев⁵. В 1875 г. он же, а также его односельчанин Иван Петров, стали присяжными заседателями на 1-ю четверть года⁶.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Богослово, «бывшем сельце владельческом», насчитывалось 98 дворов и 667 жителей. В сельце имелась православная часовня⁷, действовала продовольственная лавка⁸.

В 1891 г. Петрушинская волость, в которую входило Богослово, была объединена с соседней Клекотковской в Клекотковско-Петрушинскую. В ее составе село оставалось вплоть до начала 1920-х гг. Интересно отметить, что хотя крепостные традиции безвозвратно ушли в прошлое, до 1910-х гг. богословские крестьяне не образовывали единого сельского общества, а продолжали делиться на два: 1-е Богословское бывш. кн. Щербатовой и 2-е Богословское бывш. Варыпаевой⁹.

¹ По данным имеющегося в распоряжении авторов не идентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

² Тульские губернские ведомости, № 20. – 1864. – 16 мая.

³ Тульские губернские ведомости, № 27. – 1864. – 4 июля.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 44. – 1871. – 16 июня.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 19. – 1872. – 11 марта.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 9. – 1875. – 29 января.

⁷ Согласно местному преданию, при этой часовне жили богомольцы, к которым проезжие торговцы приходили молиться.

⁸ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880 – С. 76.

⁹ Памятная книжка Тульской губернии на 1894 год. – Тула, 1894. – Отд. VIII. – С. 28.

Статья М.Т. Яблочкова¹ «Исследование состояния садоводства и огородничества в Тульской губернии» упоминает среди крупнейших садов Епифанской губернии хозяйство в «селе Богословке с хуторами» владения «купца Петра Леонтьевича Воронина», в котором было 3000 плодовых деревьев, а стоимость годовой аренды доходила до 1700 руб. Так же в статье описан находившийся там же сад княжны Щербатовой, в котором насчитывалось 1500 деревьев. Его аренда обходилась нанимателю в 500 руб. в год².

Сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895) сообщает, что до начала XX в. жители села оставались прихожанами Вознесенской церкви села Петрушино. Он зафиксировал также появление в Богослове первого образовательного учреждения. Около 1890 г. в селе открылась школа грамоты, зависевшая от земской школы в селе Петрушино³. Известно, что законоучителем в ней был петрушинский священник о. Иоанн Боженков, а учителем – «крестьянин Василий Абрамов, обучавшийся в сельской школе»⁴. Позднее она была преобразована в одноклассную школу. По информации, опубликованной в «Тульских епархиальных ведомостях» в 1901 г., «одноклассная школа в селце Богослове» действовала с 1898 г. Законоучителем в ней в это время состоял петрушинский священник Алексей Воскресенский, учителем – Андрей Лавров, имевший «учительское звание». Попечительницей школы была княгиня Зинаида Николаевна Щербатова⁵.

В начале 1890-х гг. владелец бывшей усадьбы Янковых–Варышаевых епифанский купец П.Л. Воронин устроил при ней винокуренный завод – третий в Епифанском уезде, получивший название № 2 Богословского. Успешный промышленник стал инициатором строительства первой сельской церкви в истории Богослова. Кирпичный однопрестольный храм во имя Св. Иоанна Богослова с трехъярусной колокольней был возведен по типовому проекту в 1901 г. «Тульские епархиальные ведомости» сообщали, что освящение «вновь сооруженного храма во имя Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова» «по благословению Его Преосвященства» совершил благочинный Епифанского 2-го округа священник Тимофей Чернавкин⁶. В приход новой церкви вошли село Богослово и соседняя с ним деревня Суровцы (Васильевка). Известно имя одного из первых настоятелей Иоанно-Богословского храма – ок. 1905 г. им был священник Андрей Матвеевич Головин.

В конце XIX – начале XX в. дочь бывшей богословской помещицы княгини З.П. Щербатовой оставалась крупной землевладелицей Епифанского уезда. Согласно опубликованному в «Тульских губернских ведомостях» весной 1892 г. «Списку потомственным и личным дворянам Епифанского уезда, имеющим право участия в первом избирательном собрании для выбора гласных согласно 1 пун. 16 статьи Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 года», «дочь тайного советника княгиня Зинаида Николаевна Щербатова» была собственницей 890 десятин и 1823 сажень (973,19 га)⁷ в окрестностях села Богослова. Опубликованный в

¹ Яблочков Михаил Тихонович (1848–1906) – статский советник, помещик села Липяги Ефремовского уезда Тульской губернии, в котором организовал школу садоводства. Директор народных училищ Тульской губернии в 1881–1900 гг.

² Яблочков М.Т. Исследование состояния садоводства и огородничества в Тульской губернии / Памятная книжка Тульской губернии на 1892 год. – Тула, 1892. – Отд. VI., С. 30–31.

³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Пересвет», 2010 – С. 181.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 8. – 1892. – 15 апреля.

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.). – С. 177–178.

⁶ Тульские епархиальные ведомости, № 20, (15 октября 1901 г.). – С. 291–292

⁷ Тульские губернские ведомости, № 22. – 1892. – 14 марта.

1910 г. «Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии» свидетельствует, что в 1903–1909 гг. она владела 840 десятинами (917,73 га) ¹.

В книге В.А. Соболева, В.Н. Егорова и А.Ф. Крылова сохранены достаточно подробные воспоминания сельских старожилов о жизни в Богослове в первые десятилетия XX в. Очень показателен в этом плане записанный одним из авторов рассказ местной жительницы Е.Ф. Федуловой:

«– Я помню себя примерно с 1910 года. В это время в селе насчитывалось более 400 дворов. В Богослове располагалось два имения. Одно принадлежало Щербатовой – дочери московского генерал-губернатора. Другое – богатому купцу Воронину, который построил в Богослово большой винокуренный завод. Каждое из поместий имело по большому фруктовому саду примерно в 10 гектаров. Княжна и купец владели 600 десятинами земли. А на всех наших крестьян не приходилось и половины этого.

Богослово делилось тогда на три части: Яньковку, Нарышкино и Влетовку². Княжна в Богослове почти не жила. Вместо нее распоряжалась управляющая Селиванова. Но фактически всеми делами заправлял ее муж Зиновий, человек крутой и шальный. Кроме купца Воронина, который вел свои дела сам, было в селе еще несколько богачей, владевших ветряными и паровой мельницами. Вообще справных домов по селу насчитывалось не более десятка. К ним относились и семьи, где жило много мужчин-работников.

Крестьяне позажиточней брали у господ землю в аренду, по 17 рублей за десятину. Большинство расплачивалось урожаем, отдавая половину. На то, что оставалось, прожить было трудно, поэтому многие уходили на заработки на торф. И не только в дальнюю Шатуру³. Свои торфоразработки действовали и в соседнем с нами селе Нюховец. Работать приходилось тяжело, а платили мало, да еще при этом обманывали. За «кубик» – кубический метр сухого торфа давали по 3 рубля. А муж управляющей Зиновий продавал его за 6. Женщины подрабатывали и поденной работой у господ. За день такой работы им платили по 20 копеек, а иной раз и ничего. Куда жаловаться пойдешь? А и пожалуешься – другой раз не приходи»⁴.

Еще одно интересное свидетельство, опубликованное в 1937 г. в горловской районной газете «Ленинская искра», было записано со слов 60-летнего богословского крестьянина С.И. Шабанова: «Когда я рос – не знал радости. У отца нас было 12 человек. Вечная нужда, постоянные лишения и недостатки шли за нами по пятам. Когда, бывало, придет весна, снег стает немного, отец спешил меня нанять к помещице княгине Щербатовой. С 12 лет начал я работать в имении, получая за свой каторжный труд 6 руб. в месяц. За такую мизерную плату, терпя холод, голод, побои, я проработал 5 лет. Помещик не жалел нас, батраков: нас ценили меньше скотины, издевались над нами. Особенно остался у меня в памяти изверг, а не человек, управляющий княгине – Селиванов. Он приехал к нам в Богослово из Михайловского уезда. За то, что он умело издевался над нами, ему доверили управлять имением. Как он порол крестьян, грабил, издевался – даже страшно все вспомнить. На наши кровные деньги он впоследствии купил себе собственное имение в селе Иванькове около ст. Елифань. Мы, крестьяне-бедняки, имели свои несчастные клочки земли, с которых не могли прокормить»

¹ Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии / Дворянское сословие Тульской губернии, т. IV (XIII) – М., 1910.

² Богословская Влетовка была связана прямой дорогой с окраинной слободой соседнего села Петрушина с названием Вылетовка.

³ Ныне город, административный центр Шатурского района Московской области.

⁴ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 246.

ся до новины. Приходилось брать в аренду десятину-другую земли у княгини Щербатовой. А какие кабальные условия были на землю? Чтобы взять в аренду одну десятину земли, нам приходилось работать за нее целый год, да еще платить 12 руб. деньгами. Так и были мы в долгу у княгини круглый год»¹.

Одним из ключевых событий жизни в Богослове в начале XX в. был престольный праздник Иоанно-Богословской церкви – 8 (21) мая. Связанные с ним традиции долгие десятилетия оставались в памяти сельских жителей². В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов пишут: «Как воспоминание о престольном празднике среди жителей Богослова из поколения в поколение передавались рассказы о знаменитом местном мужике-богатыре по фамилии Березин и по прозвищу Береза. С юных лет до самой старости обладал он неимоверной силой и стойкостью. О нем обычно вспоминали, когда к здешним помещикам приезжали гости и устраивали пиры, длившиеся несколько дней.

Подвыпившие помещики заводили спор, сможет ли кто из гостей одолеть Березу или хотя бы свалить его с ног. Посылали за богатырем, тут же заключались пари. Березин приходил и смиренно становился посреди комнаты. Популярный гость налетал на него и бил изо всех сил, стараясь свалить. Но Береза стоял, как скала. Это бесило нападавшего на него барина. Он зверел и бил уже чем попало, лишь бы свалить мужика с ног. Но сделать этого никогда никому так и не удалось. Окровавленного избитого Березу уводили домой отлеживаться. Частенько вскоре вызывали его и во второй раз. Но теперь поостывшие гости обычно звали его за угощением. В этом и заключалась их благодарность за представление. Такие мордобои в селе устраивались вплоть до начала XX столетия, когда барское самодурство в российских имениях заметно поутихло»³.

Во время первой русской революции 1905–1907 гг. аграрные волнения охватили многие местности Елифанского уезда Тульской губернии. Не прошли они и мимо Богослова. «Местные крестьяне жгли барские постройки, выказывали открытое неповиновение, отказывались платить подати. В связи с этим очень интересен такой факт. Предводителями бунтующих богословских крестьян выступили два взрослых сына заправлявшего в щербатовском имении Зиновия [Селиванова]. Имен их, к сожалению, восстановить не удалось.

В свое время, по достижении отроческого возраста, эти юноши отправились для получения образования в Москву. Видимо, там, в нелегальных студенческих кружках, они и приобщились к революционному движению. Приезжая на каникулы в Богослово, они часто встречались с местными крестьянами, вели с ними разговоры о нелегкой доле, распространяли революционные идеи и настроения. Не боясь гнева отца, которого в селе звали кровопийцей, они требовали от него справедливого отношения к крестьянам.

С началом революционных событий Селивановы-студенты стали приезжать в Богослово особенно часто. Старожилы еще помнят один из случаев, связанный с их приездом. Собрав группу наиболее отчаянных крестьян, студенты отвлекли внимание сторожа, охранявшего барскую усадьбу [княжны Щербатовой], и подожгли овин и склады, где хранился хлеб нового урожая. И этот случай руководства бунтующими крестьянами далеко не единственный. Мож-

¹ Ленинская искра, № 105. – 1937. – 5 октября.

² По воспоминаниям жителей соседнего села Петрушина, традиция отмечать церковные праздники в обоих селах благополучно дожила до 1960-х гг. Петрушинцы ходили в гости в Богослово на Иоаннов день, а богословцы в Петрушино – на день памяти Свт. Димитрия Ростовского, престольный праздник Вознесенской церкви.

³ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 247–248.

но даже сказать, что именно благодаря руководству студентов отдельные волнения крестьян в Богослове продолжались вплоть до 1910 г., когда по всей России уже катились волны черносотенного террора и недавние революционеры ушли в глубокое подполье»¹.

В первые десятилетия XX в. в селе продолжал действовать Богословский № 2 винокурный завод, перешедший по наследству к сыну своего основателя – купцу Николаю Петровичу Воронину. В 1910 г. на нем было занято 14 рабочих. Само предприятие находилось в аренде у братьев Савиных².

По данным клировых ведомостей Тульской епархии, в 1915–1916 гг. в селе Богослово насчитывалось 153 двора, в которых проживали 504 мужчины и 536 женщин. В селе работали две церковно-приходские школы – для мальчиков и для девочек. Документы также сообщают имена церковного старосты Ивана Афанасьевича Кутилина (1850–?) и последнего предреволюционного настоятеля Иоанно-Богословской церкви священника Михаила Ивановича Абрамова (1885–1937)³. Отец Михаил был переведен на службу в Богословский приход в феврале 1914 г. В мае 1916 г. за особые труды в обстоятельствах военного времени – устройство в селе детских яслей – он получил награду епархиального начальства. После революции 1917 г. он подвергался притеснениям со стороны новых властей – был лишен избирательных прав, облагался повышенным налогом. М.И. Абрамов проживал в Богослово до своего первого ареста в 1928 г. После отбытия тюремного заключения в 1930 г. он был назначен священником храма Похвалы Пресвятой Богородице в селе Городище⁴, в котором служил до 1937 г., когда пал жертвой репрессий. В 2000 г. протоиерей Михаил Иванович Абрамов был прославлен Русской православной церковью в лике святых новомучеников и исповедников Российских. Его память отмечается 16 (29) ноября.

Установление советской власти в Богослове, как и повсюду в Елифанском уезде Тульской губернии, произошло в декабре 1917 г. В 1918 г. в селе был создан комитет бедноты, позднее появился сельсовет. Утверждение новой власти не обошлось без эксцессов. В начале 1918 г. местные кулаки братья Федуловы и Шибановы убили комсомольца Сергея Шибанова, вернувшегося в село с торфоразработок под Шатурой и активно призывавшего сельскую бедноту к борьбе с кулачеством. Убийцы были осуждены и расстреляны⁵.

В первые послереволюционные годы в Богослово было создано садоводческое товарищество, образованное на основе конфискованных усадебных садов Ворониных и княжны Щербатовой. В это время в селе все еще сохранялся высокий уровень социальной напряженности: крестьяне увеличили свои наделы благодаря разделу помещичьих земель, но, не имея средств для ее обработки, не могли получать хорошие урожаи и, следовательно, повысить свой уровень жизни⁶.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. село Богослово вошло в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда и было административно подчинено Петрушинскому райсельсовету. Справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 248.

² *Браиловский М.* Список фабрично-заводских промышленных заведений Тульской губернии. – Тула, 1911. – С. 18.

³ *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Новый Кешен: приходы Тульской губернии. 1915–1916 годы. Справочник. – Тула, 2014.

⁴ Ныне в черте города Дубна в Московской области.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 249.

⁶ Там же. С. 249.

1925 г. в селе действовала школа 1-й ступени (видимо, это были объединенные и реорганизованные в соответствии с декретом ВЦИК «О единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г. бывшие церковно-приходские школы), имелась также бакалейная лавка Богословского потребительского общества¹.

В 1926–1929 гг. село входило в Клетоктовский район Тульской губернии. В 1929 г. Богослово вместе с другими окрестными населенными пунктами было включено в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района село попеременно относилось то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В конце 1920-х гг. богословское кулачество все еще представляло собой значительную социальную силу, с которой приходилось считаться. К этому времени относится запомнившаяся жителям села история об убийстве кулаком Мосоловым переселившегося в село рабочего И.И. Романова, требовавшего передела кулацких земель². Родственники убийцы – семья Владимира Семеновича Мосолова (1890–?) – были раскулачены и высланы из Богослова.

«Коллективизация в Богослове, как и во многих других селах и деревнях, проходила в несколько этапов. Первый колхоз, созданный в 1930 г. несколькими беднейшими местными семьями, вскоре распался. Вновь организованный через год колхоз назвали «Культура», а председателем избрали двадцатипятилетнего Н.О. Кузьмина. От многих других здешний колхоз отличался тем, что в нем уже в первые годы существования коллективного хозяйства начали развивать животноводство. В середине 1930-х гг. колхозное стадо насчитывало более 150 голов крупного рогатого скота, в основном коров. Интересно, что тогдашний колхоз «Культура» славился в округе высокими урожаями зерновых. На круг собирали с гектара до 25 центнеров пшеницы и ржи. В общей сложности колхоз производил до 4000 тонн зерна.

И в этот период не обошлось в Богослове без жестокого конфликта. Дело началось с того, что заявления на вступление в колхоз подали несколько местных кулаков. Как впоследствии оказалось, лишь для того, чтобы в удобный момент навредить хозяйству. В самый разгар уборочной страды они подожгли зерносклад и мельницу. Правда, с помощью московских шефов все это удалось довольно быстро восстановить³.

Материалы районной газеты «Ленинская искра» о событиях в Богослове в начале 1930-х гг. по своей напряженности напоминают хронику боевых действий. Например, в статье «Антиколхозникам не место в сельсовете» сообщалось: «Пленум Богословского сельсовета организовал инициативную группу по созданию колхоза. В группу сначала вошли члены сельсовета в количестве 11 домохозяйств. Сейчас инициативная группа насчитывает только 5 домохозяйств, остальные вышли из группы. Так, член президиума сельсовета Н.С. Моржов прислал заявление в сельсовет с просьбой выписать его из инициативной группы. В заявлении он пишет: «Прошу сельсовет выписать меня из состава колхоза, так как там нас очень мало и семейство мое не желает работать при таком составе в коллективе». Д.Д. Лайков, работающий уполномоченным, пишет еще лучше: «Прошу сельсовет вычеркнуть меня из инициативной группы, я не желаю быть в колхозе». Это говорит за то, что члены с/с до сих пор еще не знают, что они являются передовыми на селе и должны вести за собой остальное крестьянство по пути коллективизации и организации МТС. Беднота-безлошадники, которых в Богословском сельсовете насчитывает-

¹ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. – Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. – С. 173–174.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 249.

³ Там же. С. 249.

ся больше 30 человек, заявили на совещании группы бедноты, что они от помощи со стороны государства отказываются и в колхоз не хотят. Здесь беднота явно говорит устами классового врага – кулака. Сельсовету следует обратить самое серьезное внимание на работу с группой бедноты и женщинами, провести работу с инициативной группой по организации колхоза. Кроме того, надо обратить внимание на таких «активистов» – членов сельсовета, как Моржов Н.С., который еще является председателем кресткома»¹.

Статья с хлестким заголовком «В хвосте кулацких подголосков» информировала: «Подготовка к уборочной кампании со всей ясностью выявила, что богословский сельсовет очень плохо оправдывает свою роль как органа пролетарской диктатуры на селе. Правда, богословские колхозы сумели хорошо подготовиться к уборочной кампании. Как в богословском, так и в суровецком колхозах отремонтирован весь сельхозинвентарь, расставлена на участки вся рабочая сила. Однако большим недостатком является то, что по обоим колхозам не обобществлен озимый клин. Сельсовет даже не счел нужным заняться этим вопросом. Часть членов сельсовета враждебно встретили вопрос об обобществлении озимого клина и плелись в хвосте кулацких подголосков Шебановой Дарьи, Михеевой Пелагеи и др.». Корреспондент Райский отмечал: «Проведение ряда хозяйственно-политических кампаний по богословскому сельсовету всегда сопровождалось трудностями, ибо сельсовет не организует массы колхозников-единоличников, не ведет массовой работы. Некоторые члены сельсовета враждебно настроены против проводимых мероприятий партии и соввласти (П.Т. Челноков и др.). Поэтому не удивительно, что распространения займов по сельсовету всегда проходят слабо». Статья делала вывод: «Богословский сельсовет болен, и болен серьезно. Горловскому райисполкому нужно как следует «подлечить» его. Из сельсовета должны быть выброшены все чуждые и антисоветские элементы»².

Критика газеты принесла свои плоды. Статья «По сигналу “Ленинской искры”» сообщила: «“Ленинская искра” писала о засоренности богословского колхоза «Культура». 22 января [1932 г.] на состоявшемся собрании колхозников были вычищены из колхоза 10 кулацких хозяйств, тормозивших хозяйственное укрепление колхоза и всеми силами старавшихся сорвать подготовку к весеннему севу. В числе вычищенных – П.М. Рытов – кулак, бывший торговец, И.С. Маслов – сын кулака, Н.Ф. Букатов – бывший дьякон, в колхозе срывал трудовую дисциплину, все время пьянствовал, Т.Г. Шебанов – бывший торговец, Д.А. Крохин – бывший торговец, И.А. Шебанов и др.»³.

На дальнейшую судьбу одного из героев предыдущей публикации проливает свет статья с характерным для эпохи названием «Зорче классовую бдительность». В ней, в частности, говорится: «П.М. Рытов – кулак. До революции он имел бакалейную торговлю, вел крупное сельское хозяйство на арендной земле. Жнейка, конная молотилка помогали ему держать в руках бедняцкое население села. В хозяйстве имел 6 лошадей, 2 коровы, до 30 штук овец и т.д. После революции арендованной земли Рытов лишился, но хозяйство его не очень пострадало, так как он брал у бедняков и середняков испольную землю. На Рытова все время налагались твердые задания по заготовкам и др. В 1930 году Рытов пробрался в богословский колхоз «Культура» и развернул исподтишка кулацкую агитацию, стараясь развалить колхоз. Вместе с 9 кулацко-зажиточными хозяйствами, с которыми он пролез в колхоз, Рытов действовал на всех участках. Разлагая трудовую дисциплину, агитируя за обезличку и уравниловку, Рытов и компания старались сорвать проведение хозяйственно-политических кампаний.

¹ Ленинская искра, № 5. – 1931. – 3 февраля.

² Ленинская искра, № 38. – 1931. – 25 июля.

³ Ленинская искра, № 8. – 1932. – 28 января.

В конце 1931 года Рытов и компания были разоблачены колхозниками. 22 января кулачье было выгнано из колхоза. Рытов направляется к своему сыну, который участвовал в убийстве рабочего в Богослове в 1918 году, но, скрыв свое кулацкое происхождение, попал в депо при Ефремове и даже пробрался в ряды партии. Сын устроил Н.М. Рытова в том же депо. Проработав там 2 месяца, Рытов заручился полученной при помощи сына справкой о том, что он, Рытов – рабочий, сын его член партии и т.д. С этим козырем П.М. Рытов явился в Горловский РКС и потребовал восстановить его в колхоз. РКС (во главе со старым председателем правления), сраженный такими вескими, но не проверенными доводами, решил, что колхозники богословского колхоза ошиблись, выгнав из своих рядов классово-чуждого элемента и вынес решение: «Учитывая важность, что сын П.М. Рытова член ВКП (б) и работает на железной дороге токарем депо, восстановить П.М. Рытова в правах колхозника». Это решение РКС даже не позаботился согласовать с богословским колхозом. Рытов воспрянул духом – есть еще головотяпы, не все перевелись – и с новой энергией принялся за кулацкую агитацию против засыпки семян, против боевой подготовки к севу. Старое руководство РКС проявило полнейшее отсутствие классовой чуткости, бдительности к вылазкам кулака, административный метод руководства колхозами. РКС во главе с новым председателем его должен немедленно исправить эту грубую ошибку. Выгнать Рытова из колхоза»¹.

В начале 1930-х гг. в Богослово была образована ячейка ВКП (б), деятельность которой также освещалась районной газетой. «Богословская партиячейка еще молодая, – писала о ней «Ленинская искра». – Она организовалась в июне 1931 года из 2 членов и 2 кандидатов партии. Сейчас в ячейке 3 члена и 5 кандидатов партии. В районе деятельности партиячейки находится 2 колхоза – богословский «Культура» и суровецкий им. Ворошилова. Благодаря большевистскому руководству партиячейки оба колхоза первыми в районе закончили сев ранних яровых. Партиячейка обеспечила своевременное и правильное создание производственных колхозных бригад и взяла над ними твердое руководство. Каждый коммунист был прикреплен к бригаде и постоянно работал с бригадой в поле»².

В декабре 1932 г. газета «Ленинская искра» сообщила: «В богословский колхоз «Культура» идет массовый прилив бедняков и середняков-единоличников. За 3 дня с 18 по 20 декабря вступило в колхоз 63 хоз[яйства] и имеется еще 12 неразобранных заявлений. Кулаки и полкулачники села всеми мерами стремятся мешать росту и укреплению колхоза. Они подговаривают некоторых несознательных бедняков и середняков, вступающих в колхоз, чтобы не обобществлять лошадей, не засыпать семстрахфондов. Кулак Ф.С. Шилкин агитирует среди населения: «Авось, мол, колхоз примет и без этого». На почве чего имеются случаи распродажи лошадей и инвентаря. Правлению колхоза и партиячейке нужно мобилизовать колхозный актив и всю колхозную массу на решительный отпор стремлению кулаков и их приспешников помешать росту и укреплению колхоза»³.

Горловская районная газета публиковала не только критические статьи на злобу дня. Большое внимание она уделяла также культурному досугу колхозников. В начале 1936 г. газета писала: «28 января изба-читальня богословского колхоза «Культура» не смогла вместить всех желающих колхозников, пришедших посмотреть постановку своего драмкружка. В этот вечер кружковцы показали колхозникам пьесу «Расплата» Глебова. Постановкой колхозники были весьма довольны. Она показала, что богословские драмкружковцы неплохо работают над собой и стремятся показать живой и интересный спектакль. Особенно надо отметить

¹ Ленинская искра, № 32. – 1932. – 2 апреля.

² Ленинская искра, № 74. – 1932. – 6 июня.

³ Ленинская искра, № 144. – 1932. – 23 декабря.

прекрасную игру колхозников: Н.П. Строчкова, который играл старосту, Лобанова Миши – комсомольца-матроса, Авданина Алеши – рабочего-большевика, Чанаева Николая – управляющего именем. Большую работу проделал для того, чтобы хорошо поставить спектакль, колхозник Челноков Алексей Тихонович»¹.

Новые советские праздники все прочнее укоренились в жизни села. Весной 1936 г. «Ленинская искра» писала: «Хорошо и содержательно проведен день 8 марта в колхозе «Культура» Богословского сельсовета. 7 марта проведено общее собрание колхозниц, которое прошло очень хорошо: был заслушан доклад, после доклада была поставлена пьеса. Выступила «Политпятиминутка» с материалом в форме частушек. Особенно понравилось выступление в «Политпятиминутке» членов редколлегии Холопкина Сергея и Муравлева Вани. Выпущена общеколхозная стенная газета «Коллективист», посвященная лучшим ударницам колхоза. Особенно отмечены из женщин – звеньевод 3-й бригады Кулешова Мария, 5-й бригады Орлова Прасковья Алексеевна, Лобанова М., Шеманова Софья и общественница – член правления колхоза Шебанова Анна Романовна. 8 марта для колхозниц был организован товарищеский чай. После чая была организована колхозная самодеятельность, пение, пляска. Проведение 8 марта в колхозе прошло под знаком выдвижения женщин на руководящую работу. На весну две женщины будут работать звеньеводами полеводческих бригад, 2 колхозницы работают в правлении и ревкомиссии колхоза, 3 – на советской работе и 4 девушки учатся на курсах»².

С еще большим размахом праздновали на селе годовщину Октябрьской революции – 7 ноября. Районная газета сообщала: «7-го ноября, после демонстрации, в которой принимало участие больше 150 человек, правление богословского колхоза «Культура» организовало по бригадам обед. Колхозные поварахи пустили в ход все свое умение, чтобы праздничный обед вышел на славу. Во время обеда непрерывно играл патефон. Но вот в конце стола колхозница Крохина Шура затянула песню, ее поддержали остальные колхозники и колхозницы, и через несколько минут запели все. Весело и радостно прошел праздник. До глубокой ночи веселились колхозники»³.

Новое время рождало и новых героев, которых газеты ставили в пример жителям района. Об одном из них «Ленинская искра» писала в статье «Бригадир Лобанов Миша»: «В 14 лет Миша потерял отца. Кроме него в семье остались две сестренки и брат. Жили впроголодь, хлеба не хватало. Имели коровенку, очень редко – захудалую лошадь, чтобы обрабатывать свой клин. Все это было в прошлом... А сейчас комсомолец Лобанов Миша один из лучших бригадиров богословского колхоза «Культура». В 1935 году Миша со своим семейством заработал больше 600 трудодней. Они получили больше 200 пудов зерновых, достаточно картофеля, фруктов и денег. Нет уже больше заботы о куске хлеба. Излишки его Михаил продал государству. Растет благостояние семьи. На вырученные от продажи хлеба деньги приобрели брату Николаю и сестре Марусе по пальто, себе хорошие валенки и холодные сапоги... Сейчас он работает председателем ревизионной комиссии в сельпо, член правления колхоза. Ему не было еще 20 лет, но комсомол послал Михаила на серьезную хозяйственную работу в 1934 г. 1-я бригада колхоза безобразно отстает в работе. Развалена трудовая дисциплина. Комсомол посылает туда Мишу. И он с горячим задором комсомольца взялся за большое дело – руководство бригадой. И бригада неплохо выполнила сельскохозяйственные работы. В 6-й бригаде колхоза прорыв. Бывший бригадир Шабанов свил в бригаде семейственность, кумовство, пьянку. Бригада была накануне

¹ Ленинская искра, № 13. – 1936. – 2 февраля.

² Ленинская искра, № 29. – 1936. – 12 марта.

³ Ленинская искра, № 119. – 1937. – 12 ноября.

развала. Правление вновь посылает Мишу. И что же? В 1935 г. бригада получила переходящее красное знамя и, к слову сказать, не сдала его еще никому. Исключительно большие задачи стоят перед бригадой в 1936 стахановском году. Бригада Лобанова взяла на себя обязательство: добиться 20 центнеров урожая зерновых с га и от 150 до 325 центнеров картофеля. Бригада делает все, чтобы собрать высокий сталинский урожай¹.

В ходе т.н. «безбожной пятилетки» 1932–1937 гг. в Богослове была закрыта Иоанно-Богословская церковь. Пристроенная к ее трапезной колокольня была разрушена рабочими РТС из Горлова. По воспоминаниям местных жителей, для обрушения ее ярусов в оконные проемы забивались деревянные опоры, которые обливались керосином и поджигались. В основном объеме здания был устроен сельский клуб, где проводились танцевальные вечера и демонстрировались кинофильмы. Для входа в него было растесано и переделано в дверь одно из алтарных окон².

Жертвой «Большого террора» пал уроженец села Дмитрий Иванович Рытов (1886–1938). В 1938 г. он проживал в подмосковном Орехово-Зуево, где работал охранником электроподстанции Ореховского торфопредприятия. 20 марта 1938 г. он был арестован и в июне того же года осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации. Д.И. Рытова расстреляли на Бутовском полигоне 1 июля 1938 г. Тогда же пострадала и другая уроженка Богослова – Дарья Петровна Зайцева (1870–1938), бывшая монахиня Аннинского монастыря, исполнявшая обязанности церковного старосты в селе Холмы Истринского района Московской области. 2 марта 1938 г. она была арестована и уже 8 марта осуждена тройкой УНКВД по Московской области «по обвинению в контрреволюционной агитации, высказывании пораженческих настроений о падении советской власти». Д.П. Зайцеву расстреляли в подмосковном Бутово 14 марта 1938 г. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. Д.И. Рытов и Д.П. Зайцева были посмертно реабилитированы.

«На конец 1930-х гг. пришлось еще одно драматическое событие, всколыхнувшее все село. В 1938 г., в период массового разгула сталинских репрессий, необоснованное обвинение в разбазаривании колхозного зерна было выдвинуто против тогдашнего председателя Н.П. Лобанова. Его осудили и отправили в места заключения. Но тогда за своего председателя вступился весь колхоз. Была подана коллективная апелляция в Верховный суд, который и отменил абсурдный приговор. Примерно в это же время колхоз «Культура» разделился надвое: на колхозы «Культура» и имени Чехова»³.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.» Согласно этому документу в Богослове, административном центре одноименного сельсовета, насчитывалось 240 жилых строений, 243 хозяйства и 738 чел. населения. Из промышленных заведений в селе отмечена одна мельница. В Богослове в эти годы действовало агентство отделения связи. Из социокультурных учреждений обозначены начальная школа, изба-читальня и магазин⁴. Если в 1933/34 учебном году в богословской начальной школе насчитывалось 99 учащихся (34 мальчика и 65 девочек), то в 1939/40 их было уже 117 (62 мальчика и 55 девочек).

¹ Ленинская искра, № 48. – 1936. – 1 мая.

² Сообщение Г.Б. Климочкиной.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 250.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в первой половине XX в. Богослово значительно расстроилось вширь. В конце 1930-х гг. в нем насчитывалось 212 дворов. Заметно удлинились порядки крестьянских домов, стоявшие вдоль дороги на Михайлов и на Горлово. Четко прочитываются на карте бывшие помещичьи сады в центральной части села и у его северной окраины.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Богослово на короткое время стало местом ведения боевых действий. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Богослово оказалось на оккупированной территории.

Немецкие войска вошли в село со стороны Горлово. Интересное свидетельство местной жительницы А.И. Кузьминой о пребывании в Богослове оккупантов сохранили в своей книге В.А. Соболев, В.И. Егоров и А.Ф. Крылов: «Сначала на мотоциклах проехала разведка. Потом главные части пошли. Въезжали на машинах и мотоциклах, широко, по улице и сбоку от дороги, прямо как хозяева. И вели себя сначала так же. Приходят в дом и берут что надо, хоть кричи, хоть плачь. С меня, например, один немецкий солдат валенки снял, как почувствовал, что по снегу драпать ему придется. Колхозный скот перед приходом немцев эвакуировали, так они забирали у нас кур. Потом стали уж и к овцам подбираться, но тут их скоро погнали. Как разбили их под Михайловом, так они и побежали опять на Горлово. Слава Богу, ни убить никого, ни пожечь ничего не успели»¹.

6 декабря 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление. Со стороны Рязани на Сталиногорск² наступала 10-я армия Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова. Подробности боя у Богослова сохранились в мемуарах И.Г. Фактора³, в конце 1941 г. командовавшего 170-м кавалерийским полком 41-й Отдельной кавдивизии. Ветеран вспоминал: «По приказу командира дивизии полк шел передовым отрядом дивизии. В головной отряд полка я выделил 1-й эскадрон со взводом станковых пулеметов, двумя 76-мм орудиями. Начальником отряда назначил командира эскадрона старшего лейтенанта Воропаева.

На рассвете 7 декабря мы получили от Воропаева донесение, в котором он сообщал, что на подходе к деревне Богослово отходящая колонна противника, около роты с артиллерией, развернулась и поспешно заняла оборону. По его мнению, это арьергард гитлеровцев, который имеет задачу задержать нас и дать возможность уйти своим главным силам.

Мы повели полк на рысях к месту боя. Не доезжая примерно километр, развернули полк и атаковали противника. В горячей схватке колонна гитлеровцев была разгромлена»⁴. Как свидетельствуют старожилы, отступившие из села немцы укрепились на высоте, господству-

---

¹ Соболев В.А., Егоров В.И., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 250.

² Ныне Новомосковск, административный центр одноименного городского округа Тульской области.

³ Фактор Иосиф Григорьевич (1902–1975) – полковник Советской армии, ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Начал службу в РККА в 1919 г., в 1920 г. вступил в ВКП (б). В 1941 г. в звании майора командовал 170-м кавалерийским полком, участвовал в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Закончил войну в 1945 г. в Берлине. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, медалями. Умер в Москве.

⁴ Фактор И.Г. Ты помнишь, товарищ... // На земле, в небесах и на море. Выпуск 3. – М.: Воениздат, 1981. – С. 97–98.

ющей над дорогой из Петрушина в Горлово, у поворота на Богослово¹. Отправной точкой атаки 170-го кавалерийского полка была южная окраина Богослова.

В условиях, когда большинство мужчин села находились в действующей армии, в обоих богословских колхозах создавались женские тракторные бригады. В.А. Соболев, В.И. Егоров и А.Ф. Крылов пишут: «В них работали А.Д. Крохина, М.П. Рыгова, А.А. Моржова, М.М. Кузьмина, М.П. Кутилина, М.Н. Колядина и другие. Женщины в основном выполняли и все другие колхозные работы, участвуя кроме этого также в лесозаготовках для нужд фронта, других оборонных мероприятиях»².

Из участвовавших в Великой Отечественной войне богословцев следует особо отметить Алексея Михайловича Орлова (1912–?). Он воевал с октября 1941 г., был командиром отделения связи. За участие в августовских боях 1943 г. на Западном фронте сержант А.М. Орлов был награжден медалью «За отвагу». В конце войны лейтенант А.М. Орлов являлся парторгом стрелкового батальона 771-го стрелкового полка 157-й стрелковой Бобруйской дивизии, завершавшей свой боевой путь в Восточной Пруссии. «31 января 1945 г. в бою за населенный пункт Кляйн-Раутенберг, где противник при поддержке танков численно превосходящей группировкой перешел в контратаку, тов. Орлов проявил личную храбрость и мужество; находясь в боевых порядках стрелковой роты, когда выбыл из строя командир, тов. Орлов по своей инициативе принял командование на себя и продолжал выполнять поставленную задачу. Когда противник ворвался в крайние дома, откуда вел сильный пулеметный огонь, тов. Орлов с призывом «За Родину, вперед!» первым бросился в атаку и гранатами начал забрасывать дома, где находился противник. В этом бою было уничтожено до 200 немецких солдат и офицеров, что обеспечило отражение контратаки и удержание населенного пункта»³. За мужество, стойкость и храбрость, проявленные в критическую минуту боя, лейтенант А.М. Орлов был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени.

В 1943 г. богословские колхозы вновь объединились в один, получивший привычное название «Культура». Его первым послевоенным председателем стал Шляпин. Вскоре на этом посту его сменил фронтовик М.И. Лобанов. О трудовых подвигах богословцев в это нелегкое для страны время В.А. Соболев, В.И. Егоров и А.Ф. Крылов пишут: «Все, что могли, отдавали колхозу другие фронтовики, возвращавшиеся с войны в родное село. Вот один из таких примеров. С тяжелым ранением пришел с войны механизатор Ф.И. Кузьмин. Он практически не мог ходить. И все же в постели оставаться не захотел. Буквально на руках доносили его до порога избы, где осторожно сажали на телегу. На ней он добирался до своего трактора. Там его опять же под руки усаживали в кабину, и он начинал работать. Так изо дня в день, преодолевая боль, фронтовик продолжал свой бой на колхозном поле»⁴.

С упразднением Горловского района в 1959 г. его территория вошла в Скопинский район Рязанской области. Как свидетельствуют В.А. Соболев, В.И. Егоров и А.Ф. Крылов, в 1950-х и 1960-х гг. богословскому колхозу «Культура» по сравнению с другими хозяйствами «постоянно не везло в том плане, что руководители менялись в среднем раз в два года, а некоторые из них успевали поработать председателями всего по несколько месяцев. Эта чехарда, конечно же, не

¹ На картах РККА 1941 г. она обозначена как высота 206,4. Жители окрестных сел называют это место Дубровкой.

² Соболев В.А., Егоров В.И., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 250.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 4475, л. 319.

⁴ Соболев В.А., Егоров В.И., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 250.

способствовала укреплению экономики колхоза. Стала быстро ухудшаться трудовая и производственная дисциплина, колхозные поля год от года обрабатывались все хуже и хуже. Как в полеводстве, так и в животноводстве все острее испытывался дефицит квалифицированных кадров.

В 1970 г. на базе земель и имущества колхозов «Культура» Богословского сельсовета и «Победа» Горловского сельсовета был организован совхоз «Культура» с центральной усадьбой в селе Богослово. Основанием для его создания стало решение Скопинского райисполкома от 24 ноября 1970 г. Совхоз подчинялся Рязанскому областному производственному объединению совхозов. В 1974 г. совхоз «Культура» имел два отделения: Богословское и Дмитриевское. Территориально он объединял 5 населенных пунктов: Богослово, Дмитриево, Ньюовец, Суровцы и Красный Май. Основным направлением его деятельности было производство зерновых. Общая площадь совхозных земель составляла 5856 га¹. «Первым его директором назначили Г.А. Мишенкина. Однако производственная реорганизация никак не повлияла на улучшение дел. Совхоз «Культура» прочно утвердился в ряду самых отсталых скопинских хозяйств»².

С началом 1980-х гг. была предпринята новая попытка улучшить жизнь богословского совхоза. «Взявшими шефство над хозяйством промышленными предприятиями, в основном автоагрегатным заводом, начала реализовываться широкая программа технического и социально-бытового преобразования села Богослово и совхоза «Культура». За сравнительно короткий срок здесь построили зерносклад, механические мастерские, автогараж, школу, детский сад, баню, клуб, более 20 коттеджей усадебного типа, ряд других объектов производственной и социально-бытовой сферы. Однако, несмотря на предпринятые меры, хозяйству так и не удалось выйти из затяжного экономического кризиса. Являясь одним из самых крупных в Скопинском районе, оно одновременно осталось и одним из наиболее слабых. В 1993 г. совхоз «Культура» преобразован в акционерное общество «Богослово»³.

Согласно архивным документам АОЗТ «Богослово» было создано в 1992 г. Оно продолжило производственную деятельность до 1997 г.⁴ В декабре 2006 г. Арбитражный суд Рязанской области признал АОЗТ «Богослово» банкротом.

Из сохраняющихся в Богослове памятников старины следует отметить фундамент усадебного дома Яньковых-Варыпаевых-Ворониных, остатки сада и разрушающийся остов здания Иоанно-Богословской церкви. Позиция, с которой утром 7 декабря 1941 г. началась атака воинов 170-го кавалерийского полка, в 1965 г. была отмечена железобетонным монументом, изображающим советского солдата.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Богослово было включено в состав Горловского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в нем проживали 129 человек – 54 мужчины и 75 женщин.

В декабре 2016 г. по случаю 75-летия победы в битве под Москвой распоряжением губернатора Рязанской области О.И. Ковалева селам Богослово, Горлово и Клеточки Скопинского района было присвоено почетное звание «Рубеж воинской доблести»⁵.

¹ Архив Скопинского района, ф.461, л. 1.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 251.

³ Там же. С. 251.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 461, л. 3.

⁵ Рязанские ведомости, № 238. – 2016. – 21 декабря.

БОЛЬШАК И ОТРАДА

поселки

(городское поселение Побединское)

История поселков Большак и Отрада тесно связана со старинным скопинским селом Секирино, но начинается только в 1920-х гг. Один из них – Отрада – имеет интересную археологическую предысторию. На северной окраине поселка, в надпойменной террасе правого берега р. Вёрды раскопки выявили поселение эпохи бронзы. Люди селились на этом месте и позже – в XIV–XVII вв. На северо-восточной окраине Отрады находится селище площадью 230x80 метров. В его культурном слое найдены фрагменты керамики предположительно XIV–XV вв.¹

Место заброшенного позднесредневекового поселения долгие века не привлекало внимания людей, пока в 1928 г. сюда не отселилась группа жителей села Секирина Побединской волости Скопинского уезда. В том году в селе возникла инициативная группа по созданию колхоза. Ее лидером стал Егор Александрович Лобаскин (Лабаскин), активистами были крестьяне Агеев, Стенин и др. Зажиточные односельчане – среди них упоминают богатых крестьян Казина и Ерошина – активно противились нововведению: были случаи, когда сторонникам колхозного строя не давали слова на пленумах сельсовета или вообще на них не пускали. По инициативе Е.А. Лобаскина осенью 1928 г. секиринские колхозники в количестве 15 хозяйств выехали из села и образовали неподалеку от него собственный поселок, получивший название Отрада. Такое же название получил и созданный в нем колхоз. Поначалу он был очень беден и располагал всего 1 плугом и 3 лошадьми. В поселке же было только 20 дворов.

Новый поселок находился на территории Секиринского сельсовета, так что с переездом на новое место противоречия с кулацкой верхушкой сгладить не удалось. «В первый же год кулаки крали сено с колхозных лугов и избивали лошадей, 2 августа [1929 г.] кулак Казин выстрелил из револьвера в председателя колхоза Лабаскина, но не попал. Пуля прошла мимо. По решению суда Казин был расстрелян»². В 1980-х гг. секиринский старожил Н.И. Симонкин излагал обстоятельства нападения на Е.А. Лобаскина несколько иначе: «Возненавидев отраднинского председателя Е.А. Лобаскина, местный кулак Казин нанял двух убийц, которые поджидали председателя в саду. Один из них, Бурчихин, выстрелил, но не попал, прострелил только фуражку. Покушавшихся схватили, они были приговорены к расстрелу»³. Родственники Казина в количестве 10 человек, включая малолетних детей, были раскулачены и высланы из села.

В 1930 г. скопинский краевед В.Н. Ильинский писал: «В колхозе «Отрада» картофель дал 170 ц с га, но больше всего доходов дали огороды – 986 рублей с га, тогда как овес, например, 96 руб. с га»⁴. Как и поселок, колхоз был небольшим. Шефствовал над ним Скопинский

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН – 1996. – с. 123.

² Побединский ударник, №45. – 1933. – 24 февраля.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 139–140.

⁴ *Ильинский В.Н.* Скопинский район Московской области. Краткий (экономический) очерк. Скопин: Скопинское районное бюро краеведения и Райплана, 1931. – С. 26.

педтехникум, где преподавал Ильинский. Учащиеся педтехникума проходили в колхозе производственную практику, учебное заведение также оказывало колхозу помощь в проведении различных общественных работ¹. С учетом происхождения жителей, сельхозартель еще долго по старой памяти называли «секиринским колхозом “Отрада”». Впрочем, влияло, наверное, и то, что с 1929 г. поселок Отрада находился на территории Секиринского сельсовета.

В конце 1930 г. колхоз «Отрада» «в целях улучшения животноводства в своем хозяйстве купил 100 овец и 36 племенных телок». При этом произошел следующий казус. Правление колхоза предложило колхознику-средняку М.П. Шатилову обменять принадлежавшую ему племенную телку на бычка. «Тот подумал, взял да и зарезал телку. Председатель колхоза Лобаскин лишь пожурил: “Некрасиво ты поступил, тов. Шатилов. Вместо помощи колхозу повернулся к нему спиной”². Никаких других последствий антиобщественный поступок колхозника не повлек. Видимо, в малочисленном коллективе председателю колхоза приходилось дорожить каждым его членом и воздерживаться от обострения возникавших противоречий.

С новым бытом в жизнь крестьянства входили новые праздники, но старые при этом тоже не забывались. О неизбежных эксцессах традиционных сельских празднеств зимой 1931 г. газета «Побединский ударник» писала так: «Председатель колхоза «Отрада» Лобаскин в «прощенное воскресенье» со своим зятем счетоводом Лутиковым, Агеевым, Никулишкиным устроили коллективную пьянку. Напились до того, что начали брехать на собак. Не отстали от председателя и конюхи колхоза Стенин Петр, Уколов Григорий, Стенин Иван, Борис Комаров. Скотине целый день не давали корма. А вот будущий делегат 2-го районного съезда Советов испугался трудностей и, не отработав 2-х недель, дезертировал с 37-й шахты»³.

Ближайшей к Отраде и Секирино была шахта № 37, на ней работали многие крестьяне Секиринского сельсовета⁴. О ней в том же году пресса писала: «Комиссия МК ВКП (б) в 1931 г. обследовала шахту № 37 и нашла, что шахта доведена до развала. Нет плана и системы в работе, вместо 25 забоев, работает 9, в один забой посылаются, как правило, по 2 забойщика, компрессоры используются не по назначению, водоотлив не в порядке, вентиляция расстроена, дисциплина пала до предела». После чего технорук шахты Кириченко заявил, что «выводы комиссии взяты с потолка для того, чтобы задушить рабочих<...>, а ударник Черноусиков [лишь] потому перевыполняет норму, что работает в хорошем забое...»⁵ Бюро парткома «квалифицировало эту вылазку бывшего троцкиста Кириченко и его деятельность на шахте как махровый правый оппортунизм, направленный на ликвидацию прорыва – постановил Кириченко из рядов ВКП(б) исключить, предложить комчасти шахтоуправления с рудника уволить и дело о нем передать в ОГПУ»⁶. Тогда же лишился своего поста и заведующий шахтой.

В 1938 г. в поселке Отрада насчитывалось 48 дворов. На противоположном от него берегу реки Вёрды располагался поселок Киселевский с 18 дворами, тоже выселки из одного из близлежащих сел.

В 1929 г. вслед за Отрадой недалеко от села Секирино образовался еще один поселок под названием Большак или Секиринские выселки. В народе его еще называли «Некуда деться».

¹ Авангард, № 5. – 1930. – 25 октября.

² Авангард, № 11. – 1930. – 30 ноября.

³ Побединский ударник № 4. – 1931. – 8 марта.

⁴ Шахты №№ 39, 40 и 41 находились при поселке Октябрьское поле, № 42 – при селе Новые Кельцы

⁵ Побединский ударник № 2. – 1931. – 26 февраля.

⁶ Там же.

Местный колхоз назвали «Большак». В 1933 г. он объединился в одно хозяйство с отряднинским колхозом под общим именем «Отрада»¹. В 1931 г. появился колхоз и в самом селе Секирино, где коллективизацией было охвачено 20 % дворов. Он был назван им. ОГПУ².

В середине 1930-х гг. все колхозы Секиринского сельсовета объединились в один – им. ОГПУ. В составе сельсовета находились село Секирино с 1020 жилыми постройками, поселки Отрада с 48 жилыми строениями и Секиринские выселки (Большак) с 39 строениями. Всего в хозяйствах Секиринского сельсовета под урожай 1937 г. было задействовано 2370,7 гектара посевных площадей, в том числе принадлежащих колхозу им. ОГПУ 2206,1 га. На частников из этого количества приходилось 8,9 га, засевавшиеся озимыми культурами. Под огородно-бахчевыми в колхозе было 60,55 га, у колхозников 8,05 га. Под картофелем в колхозе 154 га, у колхозников 56,5, у единоличников 2,26 га. В колхозе насчитывалось 278 голов лошадей, 176 коров, 118 свиней, 5 овец. В хозяйствах колхозников было 438 коров, 648 свиней, 306 овец, у единоличников 6 лошадей, 2 коровы, 9 свиней и 3 овцы. Всего в сельсовете действовало 5 торговых точек, сезонная детская площадка на 40 детей, постоянные и сезонные ясли-сады на 56 детей, а также неполная средняя школа, где обучались 1076 детей³.

В 1942 г., после изгнания немецко-фашистских оккупантов с территории Рязанской области, произошла реорганизация колхоза. Он был разделен на более мелкие хозяйства – колхозы им. Н.Ф. Гастелло, «Путь Ленина», им. ОГПУ и «Отрада». В последний вошли поселки Отрада и Большак.

В военное и первое послевоенное время колхоз «Отрада» специализировался преимущественно на огородных культурах. Основные работы на колхозных огородах выполнялись женщинами и подростками вручную. Постепенно колхозники начали обрабатывать землю и под остальные культуры. В 1946 г. председатель колхоза «Отрада» Е. Черноусиков отчитывался: «Колхозники решили не только пахать землю плугами, но и вручную по 0,03 га. И все свободные от других работ люди взяли железные лопаты. Колхозница П.И. Шебакина вскапывала по 0,05 гектара»⁴.

На работе колхоза негативно сказывался диктат партийных органов. Главным недостатком было то, что после вмешательства в планы колхозников, включая нажим на агрономов, ответственность за конечные результаты хозяйственной деятельности возлагались на председателя колхоза. В послевоенные годы в регионе, где традиционной злаковой культурой испокон веков была рожь, с подачи партийного руководства активно навязывалась пшеница. В 1947 г. удельный вес озимой пшеницы в посевном балансе Скопинского района уменьшился. В районный отдел сельского хозяйства зачастили ходоки из колхозов. Они заходили к главному агроному Ромашину и заведующему отделом Терехову, доказывали и просили избавить их от озимой пшеницы. Председатели колхозов доказывали, что пшеница в местных природных условиях дает меньшую урожайность, чем рожь. Председатель колхоза «Отрада» Е. Черноусиков утверждал, что в его хозяйстве для посева пшеницы нет подходящей земли. Не собирался сеять озимую пшеницу и председатель артели им. Жукова Тарасов под тем предлогом, что ее урожай ниже ржи. Такого же мнения был и председатель колхоза «Первая

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 140.

² Коллектив, №16. – 1931. – 2 июня.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

⁴ Сталинец, № 11. – 1946. – 31 января.

пятилетка» Янин¹. И все же пшеницу им пришлось сеять... А также нести ответственность за ее низкую урожайность.

В послевоенные годы в регионе не хватало и лошадей. В 1948 г. Е. Черноусиков писал в районной газете: «У нас в колхозе «Отрада» не хватает лошадей, и для пополнения тягловой силы мы приучили к работе волов. Быки у нас упитанные, сильные. В зимнее время на быках вывезено 1000 возов навоза»².

В 1948 г. в колхозе «Отрада» получили урожай зерновых по 6,65 ц с гектара – неплохой результат на фоне показателей остальных 56 колхозов Скопинского района. За каждый трудодень колхозникам причитались: 1 кг зерна, 6 кг картофеля, 3,6 кг овощей, 1 кг соломы и 3 рубля деньгами.

Следующий 1949 г. также стал успешным для колхоза «Отрада». Все три его бригады отработали хорошо. Обязательства по поставкам государству хлеба, овощей и мяса были выполнены полностью. В колхозе насчитывалось 14 лошадей и 4 быка³. По итогам года в колхозе «на каждый трудодень вышло около 1 кг зерновых, 4 кг картофеля и овощей, 1 кг соломы, по 1,5 рубля деньгами. Семья Федина Ивана Петровича заработала 418 трудодней, Ивана Григорьевича Афонюшкина 587 трудодней, Степаниды Лукиничны Захаркиной – 436 трудодней, Ивана Прохоровича Лушанкина – 526. О своих успехах колхозники, как и другие передовые колхозы, написали в письме Сталину. В письме они обещали в 1950 г. собрать урожай зерновых не ниже 13 центнеров, картофеля по 170 ц, других овощей по 200 ц»⁴.

В 1950 г. «все колхозы Секиринского сельсовета объединились в одну артель. Председателем выбрали Кузьму Андрияновича Бекасова». Укрупненный колхоз «Отрада» насчитывал теперь 1027 дворов и обрабатывал 3000 гектаров пахотной земли. Работы выполнялись силами МТС, 2 жатками, 200 косцами, 400 вязальщицами. «В 1950 г. подлежал уборке и обмолоту урожай на 1134 гектарах. Для обмолота имелось 7 молотилок, 7 веялок, 8 сортировок, 6 повозок»⁵. В 1958 г. колхоз «Отрада» получил новое название – им. М.С. Калинина (в память о колхозном активисте из деревни Кочугурки).

В 1966 г. на территории Секиринского сельсовета располагались: село Секирино, поселки Большак и Отрада, деревня Кочугурки, деревня Первомайская. В населенных пунктах сельсовета действовали средняя и две начальные школы, дом культуры, клуб, библиотека, медпункт⁶.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселки Большак и Отрада были включены в состав Побединского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в поселке Отрада в это время проживали 25 человек (10 мужчин и 15 женщин), а в поселке Большак – 81 человек (30 мужчин и 51 женщина).

¹ Сталинское знамя, № 162. – 1947. – 17 августа.

² Сталинец, № 40. – 1948. – 9 мая.

³ Сталинец, № 41. – 1949. – 6 апреля.

⁴ Сталинец, № 14. – 1949. – 1 февраля.

⁵ Сталинец, № 82. – 1950. – 16 июня.

⁶ Архив Скопинского района, ф. 211, л. 1.

БОЛЬШАЯ КОСЫРЕВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Косыревка (позже Большая Косыревка) возникла на территории Скопинского уезда Рязанской губернии в начале 1840-х гг.¹ Обширная земельная дача, на которой появилась новосельная деревня, называлась «Булыгина пустошь, Павловская тож». В XVIII в. она была собственностью генерал-поручика Николая Лаврентьевича Шетнева² и еще нескольких помещиков.

На картах Рязанской губернии до 1872 г. Большая Косыревка фигурирует как «деревня Спасская». Изначальное название населенного пункта объясняется тем, что его первые жители были переселенцами из села Серезева Рязского уезда, приходским храмом которого была известная с XVII в. церковь Спаса Нерукотворного образа. Второе название деревни – Косыревка – народное, полностью вытеснило официальное к середине 1870-х гг. Предположительно оно указывает на имевшийся при деревне большой овраг, называвшийся Косым или Косыревым.

В первые годы своего существования деревня Спасская–Косыревка разделялась на части по владельцам населявших ее крепостных крестьян. В документах специального межевания 18 сентября 1846 г. одна из ее частей значилась как «Ефимьевские Выселки, владения поручицы Елены Ивановой Ефимьевой» с 56 душами мужского пола с земельной дачей 114 десятин 2238 саженой (125,6 га). По этому же межеванию другая часть деревни входила в состав поместья, где числились «Серзева сельца 3 часть, с деревней Косыревой владения дворян Ивана, Ильи, Олимпиады Васильевых Трескиных»³.

До 1858 г. дворяне Трескины продали свою долю Косыревки, однако в собственности новой владелицы она находилась недолго. Вскоре в разделе «О продаже имений» газеты «Рязанские губернские ведомости» появилось следующее объявление: «В Рязанском губернском правлении по представлению Рязского уездного суда за неплатеж разным лицам денег будет продаваться 13 февраля 1858 г. с переторжкой чрез три дня недвижимое населенное имение, в совокупности, без раздроблений, умершей Татьяны Ивановны фон Лехнер, Рязанской губернии, Рязского уезда, во 2-м стане, в деревне Косыревке дворовых людей и крестьян, по последней ревизии, на лицо муж. пола 118, жен. 105 душ, с землею всех угодий 358 десят.; недоимки на имении этом оцененном в 4000 р. сер. Оно состоит в залоге Московского опекунского совета и будет продаваться с переводом на покупателя долга Опекунскому совету»⁴.

Во 2-й пол. 1850-х гг. деревня Спасская–Косыревка отошла к Рязскому уезду⁵. В материалах последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в Рязском уезде можно найти деревню Косыревку, в которой за помещиком Ми-

¹ Карта А.И. Менде, 1850 г.; Спец. карта Европейской России И.А. Стрельбицкого, 1 дюйм – 10 верст, 1872.

² Шетнев Николай Лаврентьевич (? – после 1775) – Генерал-поручик, административный деятель екатерининской эпохи, Воронежский губернатор в 1773–1775 гг. Помещик села Серезева.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 14, 56.

⁴ Рязанские губернские ведомости, №1, – 1858. – 4 января.

⁵ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 2 об.

хайловым состояло 118 душ мужского и 101 женского пола, а за помещиком Ефимовым – 65 душ мужского и 60 женского пола¹.

В Памятной книжке Рязанской губернии за 1868 г. сообщается, что в деревне Косыревке при р. Моше, находящейся по левую сторону Пронского тракта, в это время насчитывалось 42 двора, в которых проживали 185 мужчин и 175 женщин. К этому времени все косыревские жители, в соответствии с положением о крестьянской реформе 1861 г., приобрели статус временнообязанных крестьян своих бывших помещиков². В деревне возникли два сельских общества – «б. Михайлова» и «б. Ефимова».

С освобождением от крепостного права в 1861 г. Косыревка была включена в состав Нагайской волости Рязского уезда Рязанской губернии. Как сообщает И.В. Добролюбов, в 1884 г. деревня Косыревка с 43 дворами входила в приход Спасской церкви села Серезева Рязского уезда, от которого находилась в 3 ½ верстах³.

По данным переписи населения 1887 г., в Косыревке насчитывалось 67 домохозяйств, в которых проживали 202 мужчины и 192 женщины. Уровень грамотности был вопиюще низким – из почти четырех сотен человек умели читать и писать только 14 мужчин. На надельную душу у крестьян, принадлежавших при крепостном праве помещику Михайлову, приходилось 2,1 десятины (2,29 га) земли, помещику Ефимову – 2,7 десятины (2,94 га). В деревне 31 семья арендовала дополнительно внедательную землю, около 85 десятин (92,65 га) пашни. Урожай зерновых были высоки: ржи в среднем собирали «сам-шесть», овса – «сам-пят» (т.е. урожай в 6 и в 5 раз превышал посеянное). 1/3 часть крестьянских хозяйств не имела лошадей, 40 % жителей не имели своих коров. Самым бедным косыревцам приходилось обходиться и без лошадей, и без коров – они проживали в 18 дворах. В деревне насчитывалась 61 изба (все крытые соломой), но только две из них топились «по-белому». При селении также отмечено большое количество плодовых деревьев – 325. Занимались в Косыревке и пчеловодством – у ее жителей было 35 колод пчел. В деревне действовали 2 промышленных заведения, 14 ее жителей были заняты в отхожих промыслах⁴.

Редкие события в жизни деревни 2-й пол. XIX в. освещались губернской прессой. В 1883 г. газета сообщала: «18 июля Рязского уезда в дер. Косыревке сгорело от неизвестной причины 2 крестьянских дома; убытка понесено на 700 руб.; причем у одного крестьянина сгорело денег 273 руб.»⁵

Во время голода в Центральной России в 1892–1893 гг., затронувшего и Рязанскую губернию, обществам временнообязанных крестьян бывших помещиков Михайлова и Ефимова из деревни Косыревки Рязское уездное земство выделило на продовольствие более 1200 пудов (19,6 т) зерна, а на обсеменение около 530 пудов (8,7 т) ржи и овса. Однако это была не безвозмездная «гуманитарная помощь», а скорее своего рода ссуда на льготных условиях, которую крестьянам надо было возвращать с последующих урожаев⁶.

В 1905 г. в деревне Косыревке, находившейся близ реки Моши, отмечено 69 дворов, население которых составляло 243 мужчины и 234 женщины. Жители села по-прежнему де-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10. Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 114.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 540.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 324.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10. Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 114–121.

⁵ Рязанские губернские ведомости, №68. – 1883. – 7 сентября.

⁶ Журналы Рязского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года. – Рязск, 1893. – С. 220–221.

лились на 2 сельских общества. Недалеко от деревни, при мельнице на р. Моше, находился хутор Букашкина, в котором насчитывалось 9 дворов и 7 жителей¹.

В 1908 г. Рязское уездное земство занялось косыревским оврагом. Изучив состояние проходившей близ Косыревки проезжей дороги из села Нагайского в Скопин, «земская управа нашла, что в будущем там необходимо устроить мост», так как «проездность большая». Кроме того, овраг этот требовалось укрепить, так как «он размывается и уничтожает собой много удобной земли»². Составленная смета на постройку моста с мощным подгатком через косыревский овраг определяла стоимость его постройки в 942 рубля³. Успело ли земство возвести мост в предреволюционный период, выяснить не удалось.

В первые годы советской власти деревенская жизнь мало отличалась от дореволюционной. Нарастали только неудобства от хозяйственной разрухи в стране, начавшейся еще в годы Первой мировой войны и достигшей своего апогея во время Гражданской войны. В середине 1920-х гг. в Косыревке было проведено расселение с целью ликвидации дальнеземелья. Сама деревня с этого времени получила название Большой Косыревки, а ее жители, отселившиеся на левый берег р. Моши, образовали Малую Косыревку. Обе деревни были связаны мостом.

В 1929 г. Большая и Малая Косыревки вместе с Рязским районом вошли в Центрально-Промышленную область, в том же году переименованную в Московскую. Коллективизация села пришла в деревни Большая и Малая Косыревки в конце 1920-х гг. Точное время создания в них колхозов неизвестно, но в 1932 г. они уже существовали. Колхоз в Малой Косыревке назывался «Сознание», в Большой Косыревке – «Дружба». Хозяйства были небольшими. В 1934 г. газета «Колхозник» сообщила о скромных успехах косыревских жителей: «В колхозе «Сознание» Ивановского сельсовета Рязского района бескоровность ликвидирована и создана ферма из 9 голов»⁴.

В 1935 г. в составе Московской области был образован Желтухинский район, в который вошли деревни Большая и Малая Косыревки. В его составе они находились вплоть до 1958 г., когда район был упразднен, а его населенные пункты разделены между Скопинским и Рязским районами Рязанской области.

Интересно отметить, что следы разделения исторической Косыревки на два сельских общества в силу принадлежности двум разным помещикам до 1861 г. прослеживались еще в конце 1930-х гг. В 1937 г., когда в стране впервые проходили выборы в Верховный совет СССР, в избирательном округе № 52 с центром в селе Ивановское Желтухинского района Рязанской области значились населенные пункты: «Косыревка (Ефим.), Косыревка (Михайл.), Лупиловка, Гусиловка»⁵.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Большой и Малой Косыревках, воспринимавшихся как один населенный пункт, насчитывалось 97 строений.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. боевых действий на территории косыревских колхозов не велось, но в конце 1941 – начале 1942 гг. они находились в прифронтовой полосе. В это непростое время колхозники из Большой и Малой Косыревок, как

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С.398–399.

² Журналы Рязского уездного земского собрания 45-го очередного созыва 29 и 30 сентября 1909 года. – Рязск, 1910. – С. 133.

³ Журналы Рязского уездного земского собрания 46-го очередного созыва 27 и 28 сентября 1910 года. – Рязск, 1911. – С. 55.

⁴ Колхозник, №100. – 1934. – 21 августа.

⁵ Колхозная правда, №117. – 1937. – 29 октября.

и все население Желтухинского района, продолжали самозабвенно трудиться на полях и фермах. Нелегким испытанием для них стала уборочная страда 1942 г., которую впервые пришлось проводить без ушедших на фронт мужчин призывного возраста. В августе 1942 г. в колхозе «Сознание» (председатель Андриянов) рожь и пшеницу косили звеньями М.П. Сенькин, И.С. Ульянов, И.В. Сенькин, И.Д. Шулепин, Н.С. Ульянов и сам председатель колхоза. Косыревцы выкашивали по 0,9 га каждый при норме в 0,6 га на человека. Вязальщица А.Ф. Ульянова, А.И. Ивкина, В.П. Ульянова вязали по 7–8 копен вместо положенных 5¹.

В 1941–1945 гг. уроженцы Большой Косыревки защищали Родину на разных фронтах. Главный старшина Андрей Ильич Ульянов (1917–?) с 1938 г. служил на Северном флоте, в годы войны был переведен на СКР «Ураган». «С начала Отечественной войны, плавая на ТЩ-17 и СКР-35, тов. Ульянов участвовал во всех десантных операциях Северного флота. При первой высадке в июле 1941 г. корабль подвергся обстрелу с берега. Находясь в расчете носовой пушки наводчиком, тов. Ульянов отлично наводил орудие по огневым точкам противника, а в результате прицельного огня корабельной артиллерии батарея противника была вынуждена замолчать, что обеспечило быстрейшую высадку десанта. Август и сентябрь месяц, корабль, выполняя задания по эвакуации раненых, доставки пополнения на побережье Мотовского залива, несколько раз подвергался атаке самолетов противника. В сентябре месяце 1942 г., производя траление в Кильдинской салме, корабль был атакован двумя бомбардировщиками. Не имея возможности маневрировать, корабль попал в угрожающее положение, личный состав, занятый тральными работами, не мог открыть огня. Тов. Ульянов, находясь вблизи, вместе с комендором подбежал к носовой пушке и, несмотря на пулеметно-пушечный огонь, открыл по самолету огонь из своего орудия. Самолет был сбит с боевого курса, и сброшенные бомбы не причинили ущерба кораблю. Вскоре вместе со всей командой тов. Ульянов принимал участие в спасении транспорта «Шексна», который в штормовую октябрьскую ночь был сорван с якоря и его несло на берег. Для подачи буксира корабль стал подходить к транспорту кормой, находясь на которой тов. Ульянов, заливаемый водой, обеспечивал швартовку, рискуя быть сброшенным за борт. Он успешно справился с работой, и транспорт был спасен. В октябре 1943 г., находясь в дозоре в горле Белого моря, корабль был застигнут 9-бальным штормом. Тов. Ульянов, будучи помощником вахтенного командира, рискуя быть смытым за борт, производил работы по усилению штормовых креплений на верхней палубе, увеличивая герметичность всех люков и дверей, чем обеспечил успешное выполнение боевого задания»². За эффективную работу в боевых условиях главный старшина А.И. Ульянов в 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды.

В послевоенные годы колхозы в Большой и Малой Косыревках долго не могли восстановить свои хозяйства. На пленуме Желтухинского райкома ВКП (б) в 1950 г. много говорилось о трудностях района и, в частности, отмечалось, что «животноводческие фермы не укомплектованы. Необходимого количества скота, и особенно маточного, нет. Яркой картиной служит колхоз «Сознание», здесь числится МТФ, но на ней нет ни одной коровы»³.

В связи с укрупнением сельских советов 1954 г. Ивановковский сельсовет, к которому относились Большая и Малая Косыревки, вместе с Кучуковским сельсоветом вошел в состав Желтухинского сельсовета⁴. В апреле 1960 г. колхозы «Россия», «Красное знамя», «Аван-

¹ Колхозная правда, №59. – 1942. – 13 августа.

² ЦВМА, ф. 3, оп. 1, д. 1040, л. 177.

³ Колхозная правда, № 25. –1950. – 18 мая.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 98, л. 1.

гарт», им. Ф.Э. Дзержинского и им. М. Горького были объединены в совхоз им. В.И. Чапаева. Общая площадь угодий нового хозяйства составила 24 273 га.

В 1961 г. совхоз им. В.И. Чапаева был расформирован, а его хозяйство разделилось на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское. Вскоре на его базе был создан совхоз «Желтухинский». В Желтухинское отделение совхоза вошли колхозы: «Красный богатырь» деревни Гусиловка, «Красные всходы» деревни Иваньково, «Сознание» деревни Малая Косыревка, «Дружба» деревни Большая Косыревка, им. М.М. Литвинова деревни Желтухино, им. Ф.Э. Дзержинского деревни Козловка, «13 лет Октября» деревни Петровские хутора, «Советская волна» поселка Ленинский, «Новый путь» деревни Кондауровка¹. В апреле 1962 г. от совхоза были выделены земельные массивы (9623 га) бывшим колхозам им. Ф.Э. Дзержинского и им. М. Горького, на основе которых был создан Желтухинский откормочный комплекс (совхоз «Желтухинский»)².

Упадок совхоза «Желтухинский» сопровождался прогрессирующей депопуляцией окрестных деревень, ставших бесперспективными по причине отсутствия работы. На рубеже 1980-х и 1990-х гг. исчезла Малая Косыревка. В списках населенных пунктов Рязанской области 1997 г. она уже не значилась.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Большая Косыревка была включена в состав Шелемишевского сельского поселения. Некоторое время спустя она полностью обезлюдела. Всероссийская перепись населения 2010 г. констатировала фактическую смерть этого населенного пункта – к этому времени ни одного жителя в Большой Косыревке не осталось. В настоящее время лишь одичавшие сады бывших приусадебных участков напоминают о стоявшей здесь когда-то деревне.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 98, л. 1.

² Архив Скопинского района, ф. 462, лл. 1–2.

БОРОВОЕ

село

(сельское поселение Шелемишевское)

История села Боровое прослеживается с конца XVI в. Его название предположительно является характеристикой окружавшей поселение местности – село, судя по всему, было основано на возвышенном берегу р. Рановы в месте сухом, когда-то окруженном хвойным лесом. Это подтверждает Толковый словарь В.И. Даля: «Боровой, к бору, лесу относящийся. Боровое место, хрящеватое, сухое, под хвойным лесом, можжевелем и вереском»¹.

Впервые Боровое упоминается как деревня в платежных книгах Пехлецкого стана Рязского уезда за 1595–1597 гг.: «За князем Григорьем за княж Федоровым сыном Дуловым жеребей в деревне в Боровой...» В той же деревне имелись «жеребьи за Василием Алексеевым сыном Лихаревым, Жданом Ондриявым сыном Старого, Ондрушкою Даниловым сыном Ланиным, Тимошкою и Ромашком Васильевыми детьми Блудовыми, Иванком Даниловым сыном Парфеньявым, Ширийком Алексеевым сыном Павловым и Раковской вдовой Анной Замятниной с детьми Жданом и Путилом»². Среди первых боровских помещиков можно видеть представителя захудалого княжеского рода Дуловых, потомка удельных князей ярославских, а также предков известных в последующей истории России дворянских родов Лихаревых и Блудовых.

В период Смутного времени один из боровских «жеребьев» получил участник обороны Москвы от войск Лжедмитрия II в 1608–1610 гг. В Записных вотчинных книгах Поместного приказа имеется список с жалованной грамоты царя Василия IV Шуйского от 9 (19) мая 1610 г. Василию Аввакумовичу Давыдову, «прозвищем Медведю», на Добринское Городище на р. Воронеже «с означением и жеребей в деревне Боровое в Рязском уезде»³. В жалованной грамоте сообщалось, что «в нужное и прискорбное время, за веру крестьянскую и за святых Божии церкви и за нас, и за всех православных крестьян против врагов наших полских и литовских людей и русских воров, которые до конца хотели разорить государство Московское и веру крестьянскую попать, а он, Василе, будучи на Москве в осаде, против тех злодеев наших стоял и мужественно, и многое дородство, и храбрость, и кровопролитие, и службу показал... стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякие шатости; и от тое великие службы и терпения полские и литовские люди и русские вору от Москвы отошли». При деревне Боровой защитнику Москвы и «боярского царя» Шуйского было дано «поместье вдовино Аннино Замятниной жены Раковского».

В марте 1643 г. наследники «московского осадного сидельца» В.А. Давыдова «Андрос и Третьяк Васильевы дети Давыдовы» продали свое боровское поместье стольнику Василию Борисовичу Шереметеву. Однако, судя по более поздним переписным книгам, Давыдовы и

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 148.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 135.

³ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг.; под ред. А.В. Антонова, А. Береловича, В.Д. Назарова. – М: Древлехранилище, 2010. – С. 701.

во 2-й пол. XVII в. продолжали владеть крепостными крестьянами в Боровом и в располагавшейся неподалеку от него деревне Клементьевской¹. При этом в последующих переписях помещики Шереметевы не указывались, так как, видимо, владели только землей, но не имели на ней крестьян.

Василий Борисович Шереметев (ок. 1622–1682) – представитель известной в российской истории аристократической семьи, военачальник, администратор и дипломат, двоюродный дядя петровского фельдмаршала графа Б.П. Шереметева. Он начал придворную службу в царствование первого Романова на русском троне – царя Михаила Федоровича. В молодости за благообразный внешний вид В.Б. Шереметев неоднократно назначался в рынды – церемониальную стражу при царской особе на приемах иностранных послов. В 1637 г. он впервые упоминается в чине стольника. В начале царствования Алексея Михайловича стольник В.Б. Шереметев служил воеводой полков, отражавших набеги «крымских и ногайских людей», в 1648–1649 гг. возглавлял Владимирский судный приказ. В 1649–1652 гг. он находился на воеводстве в Тобольске, в 1653 г. был пожалован из стольников в бояре. В последующие годы В.Б. Шереметев принимал активное участие в русско-польской войне 1654–1667 гг., в январе–феврале 1655 г. вместе с украинским гетманом Богданом Хмельницким командовал русско-казацкими войсками, противостоявшими объединенным польско-татарским силам в битве на Дрожи-поле. В 1658–1660 гг. боярин занимал пост первого воеводы киевского. В 1658 г. русский гарнизон Киева под его командованием успешно отразил две попытки штурма города со стороны казацко-татарских войск гетмана Ивана Выговского, заключившего военный союз с Речью Посполитой и Крымским ханством против Русского государства. В 1659 г. киевский воевода участвовал в казацкой раде в Переяславе, на которой новым гетманом Украины был избран Юрий Хмельницкий. В ходе боевых действий против Речи Посполитой в 1660 г. В.Б. Шереметев попал в плен к великому коронному гетману Станиславу Потоцкому и был передан им крымским татарам. В татарском плену русский боярин провел 21 год, был выкуплен царским правительством лишь в ноябре 1681 г. и в апреле следующего года скончался. Единственный сын В.Б. Шереметева Иван умер еще в 1667 г., поэтому его основными наследниками стали двоюродный брат Петр Васильевич «Большой» Шереметев и его сын Борис Петрович, будущий первый граф Шереметев. Примечателен последний пункт завещания В.Б. Шереметева: «А людем моим крепостным и купленным, и полонным, с женами их и с детьми и до их пожитки, всем воля, и дать прикащикам моим, за своими руками, отпускные»².

В Подлинной переписной книге посадских дворов и людей города Рязьска, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане и дворов вотчин Н.И. Романова – города Скопина с деревнями, переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. Боровое упомянуто уже как село. Оно значилось «за ряшенином, за Ондросом Васильевым сыном Давыдовым <...>, за ним крестьянских девять дворов, а в них людей дватцать пять человек, двор бобыльской в нем четыре человека. В том же селе за ряшенином, за Ульяном Семеновы сыном Панкратьевым <...>, за ним два двора крестьянских, в них людей шесть человек»³. «В том же селе ряшены, дети боярские Андрей Федоров сын, Степан Малофеев сын Павлов, Иван Романов сын Блудов, Ондрей Яковлев

¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т.3. – М.: Археограф. центр, 2002. – С. 93–94.

² Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева. Т. 23 – Респ. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1991. – С. 136, 144.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 282 об-284.

сын Павлов, Яков Остафьев сын Старого, Богдан Власов сын Кореев, Фадей Иванов сын Трухачев, Кузьма Оладьев сын Перов, Наум Иванов сын Парфенов, Василий Матвеев сын Шетилов, Конон Федоров сын Свиридов на своих жеребьях, а живут однодворцы, а крестьян и бобылей за ними нет»¹. «В том же селе за резанцом за князь Иваном, князь Григорьевым сыном Дуловым на сво жеребье <...> за ним два двора бобыльских, а в них людей пять человек»².

В окладной книге 1676 г. впервые упомянута Богородице-Рождественская церковь в селе Боровом. Документ сообщал, что в нем находились «два двора поповых, двор дьячков и пономаревой; церковныя пашни десеть четвертей в поле, а к дву потомуж, сенных покосов на тридцать копеек. Да в приходе к той церкви в том селе Боровом да в семи деревнях семьдесят дворов помещиковых, семьдесят дворов крестьянских, восемь дворов бобыльских, всего (с учетом поповских) сто пятьдесят два двора»³. Из священников, служивших в Боровом в XVII в., известны Емелиан (упоминается в 1676–1687 гг.), Петр (упоминается в 1676–1687 гг.), Герасим Симеонов (с 1681 г.), Петр Симеонов (с 1687 г.) и Михаил Петров (с 1687 г.)⁴.

В переписной книге, условно датируемой периодом до 1693 г., сообщается, что в селе Боровом «за вотчинники и всяких чинов за людьми крестьян и бобылей нет, а написаны в помещиковых дворах старинные полонные и деловые люди»: «за Власом Сафоновым сыном Перовым, двор помещиков, в нем людей один человек; за Евсеем Наумовым сыном Панферовым, двор помещиков, в нем людей не написано; за Федором Ивановым сыном Перовым, двор помещиков, в нем людей не написано; за Павлом Кузьминым сыном Шетиловым; за Петром Ивановым сыном Перовым, двор помещиков, в нем людей пять человек; Тимофеем Романовым сыном Свиридовым...» и еще шесть помещиков⁵.

В черновике переписной книги 1710 г. показано «село Боровое, в нем церковь во имя Рождства Богородицы, у той церкви поп Петр Семенов <...>; за капитаном Иваном Васильевым сыном Небогатовым двор его помещиков, в нем дворовые люди <...>; за стольником за Гуром Родионовым сыном Украинцевым двор помещиков, а в нем дворовые люди <...>; в том же селе ряшане однодворцы...», среди которых упомянут драгун Яков Михайлов сын Свиридов⁶.

По переписной окладной книге 1722–1727 гг., в селе Боровом «один двор поповский, один дьяконов, три помещичьих, три однодворцев и крестьянских четыре двора», в них 31 человек – дворовых и крестьян. Кроме того, за помещиками в подушном окладе числились шесть поляков, попавших в плен в ходе боевых действий на территории Речи Посполитой во время Северной войны 1700–1721 гг. Пленные иностранцы по ходатайствам помещиков передавались в подушный оклад через Рязскую воеводскую канцелярию. Иногда они сами изъявляли желание перейти от одного помещика к другому⁷.

По сообщению И.В. Добролюбова, «в “Известии о количестве церквей в Рязанской епархии за 1734 г.” в селе Боровом показано только 22 приходских двора, а в причте один только дьячок Иосиф Степанов, “да был поп Назар и бежал”»⁸.

Материалы 2-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в годы царствования императрицы Елизаветы Петровны, дают представление о населении Бо-

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 284 об.

² Там же, л. 285.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 249.

⁴ Там же.

⁵ РГАДА, ф. 350, д. 350 а.л. 70.

⁶ РГАДА, ф. 350, д. 349, лл. 251–252 об.

⁷ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2865, л. 344.

⁸ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 249.

рового в середине XVIII в. Согласно ревизской сказке от 12 (23) марта 1745 г. в селе проживали крепостные нескольких помещиков. Первым среди них упомянут дворянин Степан Яковлев сын Свиридов, владевший «вопче с братом родным драгуном Иваном Свиридовым» частью села, по ревизии 1710 г. числившейся за их отцом Я.М. Свиридовым. Братья Свиридовы владели 14 крепостными (в первых ревизиях показывались только души «мужеска пола»), большую часть которых составляли крепостные жены И.Я. Свиридова «Татьяны Дмитриевой Пронского уезда из деревни Сашкиной от отца ее Дмитрия Михайлова сына Екутина», переведенные в Боровое «по приданному 744 года». Еще 6 душ числилось за полковником Иваном Прокофьевым сыном Давыдовым, прежде бывших «за братом родным Степаном Артемьевым сыном Давыдовым» лейб-гвардии Семеновского полка капрал Алексей, ландмилицейского Рязского полка вахмистр Василий, а также «Дмитрий, Трофим и Василий Дмитриев дети Давыдовы» сообща владели 10 душами, «прежде бывшими за их отцом драгуном Дмитрием Семеновым сыном Давыдовым». Всего в селе Боровом было «положено в подушный оклад» 39 человек, в том числе 6 однодворцев и 33 помещичьих дворовых и крестьян¹.

По 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе Боровом насчитывалось 12 дворов, в коих 55 душ мужского и 59 женского пола, под селением 8 десятин (8,72 га), пашенной земли – 296 десятин 1273 кв. сажени (324 га), а всего 471 десятина 1019 сажений (515 га)². В пояснительной записке к более позднему чертежу Генерального межевания сообщалось: «В том селе Боровом по последним поданным к ревизии (1762 г.) скаскам: за прапорщиком Афанасием Ивановым сыном Усовым восемь, а ныне (т.е. к 1779 г.) 15 душ, за подпоручиком Васильем Ивановым сыном Усовым двадцать семь, а ныне сорок сем, за прапорщиком Степаном Яковлевым сыном Свиридовым семнадцать, а ныне двадцать шесть, за однодворцем Дмитрием Перфильевым сыном Релевым три, а ныне на лицо шесть»³.

В 1778 г. в ходе административных реформ Екатерины II был образован Скопинский уезд в составе Рязанского наместничества. Черновики экономических примечаний к плану Генерального межевания Скопинского уезда описывают село Боровое, располагавшееся на правом берегу р. Мошки при ее впадении в Ранову. В последнем варианте экономических примечаний, датированном 1779 г., сообщается: «село Боровое реки Рановой на левой стороне, на речке пруд, церковь деревянная во имя Рождества Пресвятой Богородицы, дом господский деревянный». Село находилось «во владении Афонасья⁴, Василья Ивановых детей Усовых; Степана Яковлева сына Свиридова; баронессы Елисаветы Алексеевны дочери Шафировой; Ульяны Савиной дочери Фроловой-Баргеевой; Петра Петрова сына Музырина; Льва Александрова сына Курова; Анны Дмитриевой дочери Мосоловой; Алексея, Власа Ивановых, Прасковьи Петровой детей Давыдовых; Михаила Степанова сына Никонова; Прасковьи Филипповой дочери Протопоповой; Мавры Михайловой дочери и Ивана, Николая Александровых детей Топильских; княгини Настасьи Ивановны Несвицкой и того села однодворцев». Как можно видеть, к потомкам боровских помещиков Давыдовых и Свиридовых добавились московские дворяне Усовы, рязанские дворяне Мосоловы и Фроловы-Баргеевы, баронесса Е.А. Шафирова, урожденная княжна Кропоткина (ок. 1740–1820), супруга внука

¹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2872, лл. 506–512.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 72 об.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, 6–4 кр..

⁴ В 1779–1781 гг. отставной лейб-гвардии прапорщик Афанасий Иванович Усов упоминается как заседатель Скопинского уездного суда, в 1782 г. – как судья.

известного петровского дипломата, а также княгиня А.И. Несвицкая, оставившая по себе память церковной благотворительностью в своих имениях в Московской и Рязанской губерниях.

Планы Генерального межевания 1779 г. свидетельствуют, что в это время в Боровом имела помещичья усадьба с господским домом (предположительно дворян Усовых). Усадебный комплекс находился ближе к берегу р. Рановы, его сад выходил к реке. Перед барской усадьбой располагалась деревянная церковь Рождества Богородицы. Село представляло собой два порядка крестьянских изб, вытянувшихся на правом берегу реки вдоль пруда на Мошке и перпендикулярно к плотине. Внутри угла, образованного этими порядками, находились три отдельных строения – видимо, амбары или риги. Между впадающей в Ранову Мошкой, селом и барской усадьбой оставалось значительное пространство незанятой земли.

К началу XIX в. деревянное здание Богородице-Рождественской церкви с Никольским и Ильинским приделами в селе Боровом окончательно обветшало. В 1805 г. на средства местных помещиков Василия Ивановича и Марии Ивановны Усовых было начато строительство кирпичного храма. В 1809 г. новое здание Богородице-Рождественской церкви с Тихвинским и Никольским приделами было закончено и освящено. На топографической карте А.И. Менде 1850-х гг. видно, что церковь в селе Боровом стояла на левом берегу Рановы, а помещичья усадьба примыкала к ней с северо-запада¹. Из служивших в храме в 1-й пол. XIX в. священников известны Петр Иосифов (упоминается в 1804 г.), Евфимий Лукьянов (в 1804–1833 гг.), Дмитрий Евфимиев Палладин (в 1834–1840 гг.) и Афанасий Карпов Сушков (в 1840–1862 гг.)².

Окладная книга о числе поселян помещичьих имений за 1816 г. сообщает, что в селе Боровом в это время числились поручика Василья Петрова сына Тютчева 10 душ и титулярного советника Василия Иванова сына Усова 19 душ³. В находившейся на противоположном берегу р. Мошки деревне Клементьевой за поручиком Петром Алексеевым сыном Давыдовым – 11 душ, прапорщицы Натальи Кириловой дочери Давыдовой – 7 душ; подпоручика Алексея Иванова сына Давыдова – 2 души (к которым в 1818 г. были добавлены еще двое крестьян, вернувшихся из бегов), надворного советника Ивана Васильева сына Усова⁴ – 17 душ (к которым в 1821 г. причислили еще 17 крестьян, переведенных из Орловской губернии), Пелагеи Ивановой дочери Усовой – 4 души, дворянина Федора Иванова сына Усова⁵ – 15 душ, девицы Татьяны Ивановой дочери Усовой – 12 душ⁶.

К 1830-м гг. относится первое упоминание о ежегодных ярмарках в селе Боровом. Не исключено, что традиция их проведения уходит корнями в XVIII в. Ярмарочным днем было 26 июня (8 июля) – день почитания Тихвинской иконы Божией Матери, престольный праздник Богородице-Рождественской церкви. На однодневных Тихвинских ярмарках в Боровом продавались «разные крестьянские изделия и съестные припасы». В среднем товаров свозилось на сумму до 1 тыс. руб., продавалось на 500 руб. Ярмарка имела сугубо местное значение, на нее собиралось до 800 человек, преимущественно жителей окрестных сел и деревень⁷.

¹ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см- 420 м.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 250.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 23.

⁴ В 1812–1817 гг. надворный советник И.В. Усов был Скопинским уездным предводителем дворянства.

⁵ Сын И.В. Усова поручик Ф.И. Усов избирался Скопинским уездным предводителем дворянства в 1836–1838 гг.

⁶ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 74.

⁷ Список существующих в Российской империи ярманок. – СПб., 1834. – С. 286.

По окладной книге 1834 г., в Боровом проживали поручика Петра Васильевича Тютчева 15 душ (в 1848 г. они были исключены из оклада в связи с переводом в Рязань), поручика Федора Ивановича Усова – 28 душ поселян и 23 дворовых¹. В деревне Клементьевой за поручиком Петром Алексеевичем Давыдовым числилось 33 души, а за поручиком Федором Ивановичем Усовым – 61 поселянин².

По специальному межеванию 1845 г. в Боровом за гвардии капитаном князем Николаем Романовичем Ухтомским числились 16 душ мужского пола и около 80 десятин (87,2 га) земли, за поручиком Федором Ивановичем Усовым – 58 душ и свыше 405 десятин (441,45 га) земли³.

«Военно-статистическое обозрение Российской империи» сообщало, что в 1845 г. на Тихвинскую ярмарку в селе Боровом было привезено товаров на сумму 5 тыс. руб., продано же – на 350 руб.⁴

По окладной книге 1850 г., в селе Боровом «неслужащему дворянину» Матвею Сергеевичу Давыдову принадлежали 3 поселянина и 2 дворовых людей мужского пола. За ним же состояло в Старом Баракове мужского пола 7 крестьян. Поручику Федору Ивановичу Усову принадлежал 31 крестьянин и 26 дворовых людей мужского пола, за ним же числились 69 душ в соседней деревне Клементьевской⁵.

В 1858 г. последняя в истории России 10-я ревизия податного населения зафиксировала, что в селе Боровом Скопинского уезда Рязанской губернии проживало крепостных крестьян 121 душа мужского пола (из них 23 домохозяина) и 114 женского. Большая часть из них принадлежала помещику Федору Ивановичу Усову. Всего же за ним состояло в селах Боровое, Истобенское, деревнях Клементьевская и Поплевина 67 дворов, в которых в общей сложности проживали 322 души мужского пола⁶.

По законам Российской империи вся земля в помещичьих имениях считалась собственностью владельца, включая и ту, которая закреплялась за крестьянами. За пользование своими наделами крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк. Как и во многих селениях уезда, крестьяне села Борового ждали от реформы 1861 г. улучшения своего положения. На рубеже 1850-х и 1860-х гг. ходили различные слухи о будущей организации сельской жизни, так что разобраться в сути предстоящих перемен удалось не сразу. Многие крестьяне были уверены, что находившаяся в их пользовании земля должна отойти к ним без какого-либо выкупа, и искренне считали другие варианты неприемлемыми. Не стали исключением и жители Борового. Весной 1861 г. они подписали мировое соглашение со своей бывшей помещицей Варварой Петровной Усовой и, выйдя из крепостного состояния, стали временнообязанными. В этом новом качестве бывшие владельческие крестьяне должны были вносить в пользу своих прежних помещиков выкупные платежи за выделенные им в соответствии с положением о крестьянской реформе земельные наделы. Только после погашения всех выкупных платежей сельские жители признавались полноценными крестьянами-собственниками. Однако в Боровом 13 (25) мая 1861 г. среди временнообязанных крестьян

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 297 об – 298, 319 об – 320.

² ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 70 об. – 71, 320 об – 321.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 2.

⁴ Обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. VI, ч. 3. Рязанская губерния., СПб., 1848. – С. 52.

⁵ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 80 об – 81, 343–145.

⁶ Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том III. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. – СПб., 1860. – С. 60–61.

помещицы Усовой начались волнения. Они отказывались от уплаты оброка в пользу бывшей душевладелицы. Для умирения крестьян в Боровое пришлось вызвать станового пристава¹.

В 1861 г. село стало центром Боровской волости, в которую вошли села Городецкое, Дымово, Зезюлино, Новобараково, Костемирово, Шелемишево и деревни Старобараково, Бараково (Конюховка), Наумовское, Дмитриевское, Кузьминка, Анненское (Гудовка), Лыково, Марчуки, Дымовские хутора, Жмурки, Ураково, Уланово, Пиковка, Шелемишевский хутор².

В 1873 г. на средства владелицы боровской усадьбы В.П. Усовой к сельской Богородице-Рождественской церкви была пристроена кирпичная колокольня. Тогда же была возведена и окружающая храм декоративная ограда. Из священников, служивших в этой церкви во 2-й пол. XIX в., известны Василий Барков (в 1862–1873 гг.) и Трофим Васильевич Сенницкий (с 1874 – после 1887 гг.).

В 1876 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «12 июня в селе Боровом Скопинского уезда, сгорело, будто бы от поджога, 50 крестьянских домов с разным имуществом; убытка понесено на 9660 руб. В поджоге подозревается крестьянин Тимофей Дмитриев»². Сгорело практически все село.

В статистическом сборнике «Волости и важнейшие селения Европейской России» сообщалось, что в 1879 г. в селе Боровом (Клементьево) «бывших владельческих крестьян, при речке Ранове» насчитывалось 54 двора с 324 жителями. В селе действовала православная церковь, сохранялась традиция проведения Тихвинских ярмарок³.

По данным переписи населения, проводившейся в 1882 г., боровские крестьяне в это время продолжали оставаться временнообязанными. В селе насчитывалось 64 домохозяйства, в которых проживали 184 мужчины и 205 женщин. Из них грамотными себя назвали лишь 6 мужчин и один мальчик. Надельной черноземной земли приходилось всего по 2,4 десятины (2,62 га) на ревизскую душу, поэтому селяне дополнительно брали в аренду пашни и луга. Безземельных крестьян в селе было 6 дворов, безлошадных – два десятка. Из 58 изб «по белому» топились только 2, все строения были крыты соломой, что способствовало быстрому распространению пожаров. Местными промыслами, в том числе и земледельческими заработками, по переписи 1882 г., занималось четыре десятка семей, 11 мужчин числились в отхожих промыслах. В селе действовало 1 промышленное заведение, работали 5 мастеровых, был открыт кабак⁴.

В 1887 г. «Рязанские епархиальные ведомости» писали о Богородице-Рождественской церкви в Боровом: «Церковь каменная, содержится и ремонтируется благолепно. Священник Трофим Сенницкий представил 5 проповедей нынешнего года и за прошлый год, но отчета о внебогослужебных беседах и церковно-приходской летописи не представил. Документы ведутся исправно, но в обыски не вписываются брачные документы»⁵.

С учреждением института земских начальников в 1889 г. Боровская волость вместе с Яблоневской и Вослибской вошла во 2-й земский участок – один из пяти, организованных в

¹ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967. – С. 110–111.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – М.: Ряз. губ. земство, 1882–С. 62–75.

Рязанские губернские ведомости, № 56, – 1876. – 17 июля.

³ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 328.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 52–57.

⁵ Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям, №№ 20, 21. – 1887. – С. 500.

Скопинском уезде. Его первым земским начальником стал потомственный почетный гражданин Николай Александрович Макеев. В Боровом также находилась квартира полицейского урядника 2-го полицейского участка Скопинского уезда Федора Кузьмича Планова¹.

В документах 1893 г. упоминается при селе Боровом водяная мукомольная мельница, функционировавшая с 1850 г. В 1868 г. она упоминалась как имеющая четыре постава, к началу 1890-х гг. их стало уже пять: три мукомольных, просорушный и толчея. В рассматриваемое время мельница принадлежала крестьянину села Дурного Пронского уезда Рязанской губернии Александру Петровичу Лазареву. В селе также была и кузница, которой владел мещанин Павел Сергеевич Игнатъев².

В 1897 г. в Скопинском уезде произошло 127 пожаров. В некоторых населенных пунктах они повторялись до шести раз. Особенно сильные пожары отмечались в том году в Боровом, Лопатине и Стрелецкой Дубраве. Суммарный убыток от них составил 28456 рублей. Цифра значительная, если учесть, что средняя стоимость избы составляла 120–150 рублей, а крестьянской лошади – 34 рубля³.

В конце XIX в. в Боровом, похоже, действовала церковно-приходская школа, однако работала она на нерегулярной основе, поэтому сведения о ней отрывочны. Скопинское уездное земское собрание экстренного созыва на своем заседании 12 (24) августа 1894 г. по ходатайству сельских обществ постановило «открыть училища в селах Липягах, Боровое, Ильинском» и разрешило «выдать ссуду на постройку ... Боровского – 600 р.». Ссуды были выданы из 8 % годовых. В актах уездного земства отмечалось, что «...полезно иметь при земских училищах огороды и питомники...» и «обязательно надделение открывающейся школы земельным участком, хотя бы около десятины». Скопинский уездный предводитель дворянства С.Н. Худеков⁴ кроме надделения земель предложил «приобретение для сего инструментов и семян» за счет земства.

Земское училище в Боровом было открыто в 1895 г. В 1904 г. гласный Скопинского уездного земского собрания Д.А. Леонов (будущий деятель партии октябристов и депутат Государственной думы) предложил за заслуги в становлении народного образования в уезде ходатайствовать о наименовании Боровского сельского училища именем отставного поручика Дмитрия Александровича Лихарева, Скопинского уездного предводителя дворянства в 1878–1892 гг.⁵ К 1908 году в нем насчитывалось 72 ученика.

В 1905 г. в Боровом насчитывалось 79 крестьянских дворов, в которых проживали 254 мужчины и 246 женщин. В 100 саженях от здания правления Боровской волости находилась дворянская усадьба г-жи Лихаревой. В селе располагалась квартира земского начальника 2-го участка Скопинского уезда. В нем же проживал полицейский урядник. В Боровом действовала «земская школа смешанная», существовала казенная винная лавка. К «промышленным заведениям» – уже известной кузнице мещанина Игнатъева и мельнице крестьянина Лазарева – прибавилась мелочная лавка мещанина Стенюшкина⁶.

В начале XX в. в Боровом существовал земский врачебный пункт. В октябре 1909 г. он сгорел вместе с личным имуществом работавшего в нем фельдшера Синяева. В поданном на

¹ Рязанский адрес-календарь на 1890 год. – Рязань, 1889. – С. 81, 87.

² ГАРО, ф. 7 оп. 1, д. 808. л. 3 об, 4; д. 809, лл. 2-2 об.

³ Отчет о состоянии и движении земских сумм, состоящих в ведении Скопинской уездной земской управы за 1897 год. – Скопин, 1898. – С. 172–175.

⁴ Худеков Сергей Николаевич (1837–1928) – беллетрист и общественный деятель, издатель «Петербургской газеты» (с 1871 г.). Скопинский уездный предводитель дворянства в 1893–1901 гг. Создатель парков-дендрариев в Ерлино и Сочи.

⁵ Журнал Скопинского уездного земского собрания XL очередного созыва 1904 года. Скопин, 1905. – С. 4.

⁶ Населенные места Рязанской губернии, под. ред. И.И. Проходцова, Рязань, 1906 – С. 610–611.

имя земства прошении о возмещении ущерба пострадавший перечислил все сторевшее «богатство»: «Пять подушек полупуховых, перина, одеяло, крупа, мука, пшено, картофель, поросенок около 4-х пудов, посуда, кадушка, из платья у жены две шубы меховых, у дочери пальто зимнее и пальто осеннее, два жакета, медный рукомойник и эмалированный таз»¹.

Построенная в 1805 г. Богородице-Рождественская церковь в Боровом в рассматриваемое время оставалась средоточием духовной жизни села. В 1914 г. к храму было приписано земли усадебной – 4 десятины 1200 сажень (4,91 га), пахотной – 33 десятины 2100 сажень (36,93 га). Была при церкви и библиотека, но очень небольшая – всего 30 томов².

По отчету за 1916 г. школа в Боровом значится как одноклассная³. По-другому она называлась одноклассной, с трехгодичным курсом обучения, рассчитанным на 50 учеников с одним учителем, но по факту количество учащихся могло и превышать этот показатель.

В 1917 г. в селе Боровом Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 105 дворов и 548 жителей. Дворянка Лихарева по-прежнему владела усадьбой в селе, ей же принадлежали две лесные сторожки в 2 верстах. В 300 саженьях от правления находился поселок храмового причта и церковная сторожка, в 340 саженьях – владельческие усадьбы крестьян Фрадитова, Малючиной и Полякова. На расстоянии одной версты от села также существовали владельческие усадьбы: почетной гражданки Плановой, крестьян Скуратовой и Степанова⁴.

Советская власть в Боровом была установлена в декабре 1917 г. В селе был организован комитет бедноты, позднее сельсовет. 11 декабря 1918 г. уездным исполкомом Боровое было переименовано в Володарское⁵ в честь убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского⁶. Боровская волость также стала Володарской. Однако название это не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В середине 1920-х гг. в Володарской (Боровской) волости создавались избы-читальни, пункты ликвидации неграмотности, сельскохозяйственные и кредитные товарищества. В самом селе Боровом поначалу нововведения приживались тяжело, не хватало грамотных управленцев, да и методы работы новых руководителей все еще несли заметный отпечаток недавнего прошлого. Примером может служить Володарское кредитное сельскохозяйственное товарищество, которое составилось из «членов-пайщиков из 342 дворов, из 23 селений Володарской волости с 1950 едоками». Работало оно на правах потребительского кооператива⁷. О его работе можно судить по заметке местного селькора в уездной газете «Коллектив» с характерным заголовком «Опять растрата»: «В Володарском коопер. с.-х. товариществе ревизионной комиссией обнаружена растрата в 180 р. Эта третья по счету, следующая одна за другой. За 1-ю растрату суд присудил виновника к 1 году, между тем как 2-я осталась безна-

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 212.

² Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып.3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 545–546.

³ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 168.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 138–138 об.

⁵ Известия, № 26. – 1918. – 19 декабря.

⁶ *Володарский В.* /Гольдштейн Моисей Маркович/ (1890–1918) – деятель революционного движения, член Бунда (1905), меньшевик, с 1917 г. – большевик. С мая 1917 г. был членом президиума Петросвета, после Октябрьской революции 1917 г. – комиссар Союза северных коммун по делам печати, пропаганды и агитации. Член Президиума ВЦИК. В июне 1918 г. по пути на митинг был убит эссером Сергеевым за дискредитацию социалистических идей.

⁷ Коллектив, № 35. – 1925. – 29 марта

казанной; мало того – пытавшийся привлечь к ответственности виновника 2-й растраты, теперешнего председателя правления кооператива Сушкова, был отдан под суд за клевету. Суд оправдал невиновного, а под председательством виновного произошла 3-я растрата. Кто будет теперь отвечать? Опять селькор? Пайщикам кооператива нужно сознательнее относиться к своей организации и выбирать в правление и ревкомиссию честных, дельных людей»¹.

С укрупнением уездов и волостей Рязанской губернии в октябре 1925 г. Боровое перешло из Скопинского уезда в Рязский. Газета «Коллектив» в связи с этим писала: «Согласно нового административного деления Рязанской губернии (постановление ВЦИК от 31 августа 1925 г.) из бывшей Володарской волости в Рязскую волость [переводятся] селения: Боровое (Володарское), Дектярка, Дымово, Дымово-Государственное, Есаково, Кузминка, Лыково I, II и III, Марчуки, Наумовское, Полотебное, Пиково, Пиковский Хутор, Уланово, Ураково, Шелемишево, Шелемишевские Выселки»².

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Боровое стало населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Не позднее 1930 г. в селе был организован колхоз «Ударник». На территории Боровского сельсовета также функционировали колхозы «Волна» – Дымово-Волконское и «Утро» – Дымово-Государственное.

В 1930 г. в Боровом и деревне Клементьево имелись общие партийная и комсомольская ячейки, 2 кооператива, 3 школы, колхоз и молочная артель³. Об отношениях между крестьянством и райкомовскими работниками можно судить по следующей сценке, сохраненной в публикации рязской районной газеты «Колхозник»: «Приехал в 1930 г. в Боровский сельсовет уполномоченный райкома партии и исполнительного комитета, которому внезапно потребовались сведения о количестве женщин по сельсовету. Председатель сельсовета Левин, у которого, как известно, и без того забот хватало, взял да отрезал: «Идите и собирайте сведения по обществам, вы ездите да сведения просите»⁴.

Положение с состоятельными единоличниками, не вступившими в колхозы, было таким же, как и в соседних районах. Если им и давались твердые задания по хлебосдаче, то выполнять их никто не спешил. Сказывался негативный опыт реквизиций зерна у крестьян в годы Гражданской войны. Да и не все верили, что колхозный строй просуществует долго. Газета «Колхозник» писала в 1931 году: «Боровский сельсовет под руководством Алешина проявил грубейшее искривление классовой линии в практике заготовительной кампании. План по твердым заданиям выполнен наполовину, из 242 центнеров ржи сдано 127, из 8 центнеров овса сдано 6,8, из прочих культур, вместо 90 центнеров – 7,3 центнера. Поэтому был снят с работы и материалы переданы в прокуратуру»⁵.

В 1934 г. случился неурожай. Настроения были ожидаемые. Председатель Боровского сельсовета Стефанов вслед за единоличниками повторял: «Прошлый год землю под озимые пахал колхоз плохо. Сеяли поздно, поэтому урожай плохой. Многие хозяйства получили ржи очень мало, пуда по 2–3 с гектара. Яровые тоже не уродились». Пользуясь бездеятельностью сельсовета, 85 % единоличных хозяйств рожь убрали, обмолотили, а зернопоставки не выполнили, говоря: «Мы не можем, у нас не уродилось». На 23 августа все 47 единоличных хозяйств хлебосдачу государству не начинали. Председатель сельсовета заявил о необходимости

¹ Коллектив, № 58. – 1925. – 10 июня

² Коллектив, № 87. – 1925 – 23 сентября

³ Колхозник, №30. – 1930. – 31 октября

⁴ Колхозник, №33. – 1930. – 17 ноября

⁵ Колхозник, №58 – 1931. – 7 ноября.

изъятия хлеба у 70 % единоличников «в бесспорном порядке». Партприкрепленный от района пошел дальше и предложил применить «бесспорное изъятие» у всех¹. Но времена Гражданской войны уже осталась в прошлом, поэтому излишне крутые «меры революционного принуждения» не приветствовались. И председатель сельсовета, и излишне ретивый партиец получили свою долю критики на страницах районной газеты.

В 1935 г. Боровое вошло в состав новообразованного Желтухинского района Московской области. Желтухинская районная газета «Колхозная правда» начала печатать такую «криминальную хронику» из сельской жизни: «Вечером 2 октября 1936 года у с. Боровое со двора пенсионерки, бывшей школьной работницы Е.О. Ивановой был уведен козел. Принятыми со стороны милиции мерами козел в заколотом виде обнаружен у гражданина того же села М.А. Пронина, ранее судимого»².

«Засветилась» в публикациях газеты и боровская водяная мельница, принадлежавшая до революции крестьянину Лазареву. В 1936 г. «Колхозная правда» писала: «На боровскую мельницу колхозники перестали ездить молотить зерно: из-за неправильных весов, они показывают меньше и плохого помола. Плохой помол получается от того, что на мельнице недавно отковали жернова, и от них в первых пудах попадает много песка. Заведующий мельницей Спиридонов с работой мало знаком, а правление и председатель колхоза «Ударник» т. Красиков ему не помогли»³. Чуть позже, похоже, работу боровской мельницы все же удалось наладить. При суточной пропускной способности в 100 ц при обслуживании четырьмя рабочими в 1938 г. она перемолола 7659 ц зерна⁴.

В 1937 г. Желтухинский район вошел в состав новообразованной Рязанской области. Согласно материалам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в 1939 г. в Боровском сельсовете Желтухинского района работали три колхоза – «Ударник», «Утро» и «Волна»⁵. На 1 июля 1939 г. по всем колхозам Боровского сельсовета насчитывалось: 142 лошади (из них 81 рабочая), 73 головы крупного рогатого скота (из них 23 коровы), 87 свиней (из них 15 свиноматок), 133 овцы (из них 83 овцематки)⁶. В хозяйствах колхозников и единоличников 121 лошадь (из них 79 рабочих), 277 голов крупного рогатого скота (из них 155 коров), 228 свиней (из них 27 свиноматок), 365 овец, 10 коз⁷.

В середине 1930-х гг. в Боровом была построена новая неполная средняя школа. Из газетных сообщений известно, что в сентябре 1940 г. сельскую школу посетил и обратился с приветственным словом к учащимся ее выпускник политрук РККА И.Т. Акимов, участвовавший в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и награжденный редким в те годы и престижным орденом Красной Звезды⁸.

Через пять месяцев после начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. линия фронта прошла в непосредственной близости от Борового. В первые дни декабря 1941 г. село оказалось в полосе выдвижения 346-й стрелковой дивизии 61-й армии Юго-Западного

¹ Побединский ударник, №100, – 1934. – 21 августа.

² Колхозная правда, №113. –1936. – 7 октября.

³ Колхозная правда № 82, –1936. – 17 июня.

⁴ Архив МГУ.– Ф.42, оп. 6, д. 64. Сведения по мельницам Желтухинского района за 1938 год.

⁵ Архив МГУ.– Ф.42, оп. 6, д. 64.

⁶ Архив МГУ.– Ф.42, оп. 6, д. 64. Сведения о наличии поголовья по колхозам.

⁷ Архив МГУ.– Ф.42, оп. 6, д. 64. Похозяйственный список по переписи скота сельских местностей на 1 января 1938 г.

⁸ Колхозная правда, № 101. – 1940. – 4 сентября.

фронта, которой командовал полковник И.Е. Давидовский¹. Перед войсками была поставлена задача «упорной обороной на рубеже: отм. 141,7, Шелемишевский хутор, Шелемишево, Зезюлино не допустить выдвижения противника в направлении Рязьска, всеми мерами обеспечивая удержания рубежа Скопин – Подноволоки, имея в виду предстоящие активные действия дивизии на запад с этого рубежа»². Первые части дивизии начали разгрузку в Рязьске утром 29 ноября 1941 г., эшелон с 1166-м стрелковым полком под командованием майора Бочкина прибыл позднее. К 19.00 5 декабря 1941 г. 1166-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии занимал оборону на юго-западной окраине села Шелемишево, западных окраинах Наумова, Борового, Дымова-Волконского, Дымова-Государственного:

«– 2 батальон юго-зап. окраина Шелемишево, зап. окр. Наумово, Боровое /иск./, выс. 141,2;

– 3 батальон вышел на рубеж: /иск./ Боровое, Дымово-Волконское, д. Дымово-Государственное, /иск./ 2-е Марчуки;

– 1 батальон занял ранее оборонительный рубеж: отм. 123.4, зап. окраина Побединский, зап. окраина Поплевино; КП Лыково»³.

С началом декабрьского контрнаступления советских войск в 1941 г. с этих рубежей подразделения и части дивизии начали дальнейшие боевые действия в составе Юго-Западного, а затем Брянского фронтов. Линия фронта отодвинулась от Борового далеко на запад.

В военные годы жители Борового ковали общую победу и на фронте, и в тылу. Уроженец Борового ефрейтор И.А. Егоров, наводчик пулеметного расчета, призывал оставшихся в тылу односельчан со страниц районной газеты: «На фронтах Отечественной войны идут бои с озверелым врагом. Над Родиной нависла огромная опасность... Будем же вместе ковать победу над врагом!»⁴ В 1943 г. на Южном фронте отличился уроженец села – гвардии красноармеец Николай Федорович Васин (1918–1979), наводчик противотанкового ружья, служивший в 33-й гвардейской стрелковой дивизии. «При взятии нашими частями станицы Манычской противник был отеснен. Не выдержав натиска наших частей, он бросил в контратаку 6 танков и до роты автоматчиков. Завязался уличный бой. Танки противника не давали возможности перебежкам через улицу. Гвардии красноармеец Васин под огнем немецких автоматчиков подполз на 80–100 м к вражескому танку и двумя выстрелами подбил его. Подошел второй танк буксировать первый, но гвардии красноармеец Васин открыл огонь и подбил второй танк. Из первого танка начали выскакивать фрицы, Васин вновь открыл огонь и окончательно сжег его. Второй танк немцы вынуждены были взорвать сами, не имея возможности вывезти его из-под нашего огня». За этот подвиг Н.Ф. Васин был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В 1942 г. в Боровской неполной средней школе начали проводить уроки сельского хозяйства в 5–6 и 7 классах. Учащиеся познакомились с устройством сеялки, плуга, с подготовкой семян к посеву. Некоторые из них подключились к весеннему севу на полях своих колхозов, заменив ушедших на фронт родных и соседей⁵. В чрезвычайных условиях военного времени женщины, старики и подростки стали важным трудовым ресурсом в тылу.

¹ Давидовский Иван Елизарович (1896–1960) – советский военачальник, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, генерал-лейтенант (1945). Командовал 346-й стрелковой дивизией с августа 1941 по май 1942 гг.

² ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 11, лл. 2–3.

³ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 9.

⁴ Колхозная правда, №61. – 1942. – 20 августа.

⁵ Колхозная правда, №16. – 1942. – 26 марта.

В 1950 г. все три колхоза Боровского сельсовета объединились в один – «Утро»¹. В 1952 г. его председателем был А. Золотов. Ведущей отраслью боровского колхоза «Утро» было животноводство, от него хозяйство получало 80 % денежных доходов. В 1952 г. колхоз первым выполнил годовой план заготовки мяса, молока, яиц. По мясу удалось рассчитаться впрок за весь 1953 г. План по развитию свиноводства был перевыполнен на 13 голов, овец – на 43 головы. Для выполнения плана по птицеводству колхозники сдавали на птицефабрику кур из личных хозяйств в счет контрактации. Строительная бригада колхоза к концу 1952 г. заканчивала строительство конюшни, капитальный ремонт овчарника, телятника, свинарника и птичника².

После ликвидации Желтухинского района в 1956 г. Боровое стало селом Скопинского района Рязанской области. Боровский сельсовет объединился с соседним Наумовским, а в 1958 г. – и с Шелемишевским.

В 1965 г. на территории Шелемишевского сельсовета располагались села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Наумово, Уланово, Ураково³. По административному делению 1970 г.к ним добавилась деревня Зараново⁴.

В 1971 г. боровский колхоз «Ударник» был включен в совхоз «Нива» Шелемишевского сельсовета, который был организован на основании приказа по Рязанскому областному управлению сельского хозяйства №43 от 26 февраля 1971 г. о разукрупнении совхоза им. В.И. Чапаева.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Боровое было включено в состав Шелемишевского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в это время здесь проживали 5 мужчин и 4 женщины. В настоящее время село как таковое почти исчезло – на его месте осталось лишь несколько домов, использующихся в летнее время как дачи. Никаких следов не осталось и от Богородице-Рождественской церкви – даже фундамента. Ее судьбу в советские годы, к сожалению, выяснить не удалось.

---

¹ Колхозная правда, №39. – 1950. – 2 сентября.

² Колхозная правда, № 78. – 1952. – 20 ноября.

³ Архив Скопинского района, ф. 96, л. 2.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 214, л. 1; Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. – Рязань, 1971. – С. 100.

ВЕЛЕМЬЯ

деревня

(сельское поселение Корневское)

В конце XIX в. известный географ и этнограф П.П. Семенов-Тянь-Шанский предположил, что деревня Велемья является частью группы поселений, основанных в XIII в. беглецами из сел, сожженных и уничтоженных в ходе татарского нашествия в верховьях Дона и в Задонье, и следовательно, является одним из древнейших поселений в округе¹. Однако по документам история этого населенного пункта, в разное время фигурировавшего под названиями «починок Углов» или «Угловский», «Подвелемская слобода», «Подвелемье», «Велья» и, наконец, «Велемья», восходит лишь к середине XVI в. В то время на окрестных землях располагались поместья детей боярских (низшего разряда дворян), сюзереном которых был епископ Рязанский.

В датированной 1568 г. сотной грамоте царя Ивана IV Грозного на земельные владения епископу Рязанскому и Муромскому Филофею в «новом Ряском городе в Пехлецком стану» описаны «три деревни да два починка, а в них владычных детей боярских дватцеть человек, а дворов двенадцать, а бортничих крестьянских девять дворов...» Среди них упоминается «починок Угловской под Курьим лесом, что была пустошь, за Климом за Угловым: пашни дватцать шесть ч[етей], да перелогу десять ч[етей] в поле, а в дву по тому; сена пятнадцать копен; земля добра; лесу пашенного большого бортного в длину на две версты, а поперег две ж версты...»²

Следующий этап в истории поселения подтверждается документом Петровской эпохи. В челобитных царю Петру I, направлявшихся от имени преосвященного Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского, 8 (18) июня 7207 (1699) г. и 11 (22) сентября 7208 (1700) г., имеется указание на то, что в 1592 г. «по указу блаженные памяти великого государя и великого князя Федора Ивановича всея России, взято из домовых вотчин Пресвятые Богородицы у преосвященного Митрофана, архиепископа Рязанского и Муромского, к Ряскому городу новоприборным казакам на реке на Верде село Корнеевое, да Подвелемье, да село ж Секирино, деревня Гуменная, село Пупки, а в них пашни перелогу дикого поля 3850 четвертей, а вместо тех вотчин дано в Коломенском уезде в Маковском стану вотчины боярина Федора Васильевича Шереметева...»³

Писцовые книги 1595–1597 гг. сообщают, что в это время прежний починок Угловский, ставший «деревней Угловой», числился «за Немиром за Момаевым сыном Малекшиным», одним из «детей боярских» архиепископа Рязанского. В тех же документах упоминается еще и «пустошь, что было д[еревня] Углова, за Порошею за Игнатьевым сыном Филипповым»⁴. «Пу-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 167–168.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 2. – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1900. – С. 425, 452.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2 – С. 172.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 117, 155.

стышь Углова» была известна вплоть до XVIII в.: на планах Генерального межевания Рязского уезда 1779 г. она была показана как владение «прапорщицы Прасковьи Андреевой дочери Трубниковой с прочими», ее площадь составляла около 145 десятин 1861 сажень (145,9 га)¹.

Изначальное местоположение упоминаемого в документах «починка Угловского» определить трудно, поэтому авторы не берутся утверждать, находился ли он рядом с современным селом Пушки или же с одноименной пустошью. Можно предположить, что в какой-то момент между 1568 и 1595 гг. «починок Угловский», разросшийся до небольшой деревни, был перенесен на новое место, где получил название «Подвелемская слобода». Оно, очевидно, указывало на близость поселения к Велемскому лесу и протекающей рядом р. Велемке.

Топоним «Велемский лес» не имеет однозначного толкования. Есть попытки вывести его из финно-угорских языков. Действительно, на современном эрзянском слово «велем» буквально означает «мое село». Однако рассматриваемая местность современного Скопинского района лежит довольно далеко от границ традиционного ареала эрзянского языка. Кроме того, определяющим для понимания местной неславянской топонимики и гидронимики, скорее всего, должен быть не современный эрзянский, а исчезнувший язык мещеры. Воспоминанием о присутствии этого племени на здешних землях, возможно, является протекавшая еще в XVIII в. параллельно Велемке речка Мещерка, сейчас превратившаяся в сезонный ручеек. Но, возможно, не ошибаются и те, кто производит его из русского корня со значением «великий». В Толковом словаре В.И. Даля и в Словаре русского языка XI–XVII вв. поясняется: «Частица вель, веле, велий означает великий. В сложных от неё словах придает им то же значение». «Велий *урк*, великий; веле, *польское*, а у нас иногда употребляется в сложных словах, велико, весьма, очень, много»². Кстати, в старину Велемский лес нередко называли Великим. Например, в писцовых книгах Рязанского края XVI в. можно найти такие записи, относящиеся к нему: «Село Князево Займище под Великим лесом; было по льготе, выйдет изо льготы во 109-м (1611) году...»³ Впрочем, как представляется, древнейшим в серии местных названий является все же гидроним Велемка, а он еще в конце XVII в. нередко писался как «Велинка»⁴, что также отсылает нас к корням русского языка.

«Выписи с книг Рязского уезду письма и меры Григория Киреевского с товарищи» за 127 и 128 и 129 (1629–1631) гг. свидетельствуют, что в рассматриваемое время в Подвелемской слободе в Пехлецком стане двory казаков, несших строевую службу на Большой Засечной черте, соседствовали с хозяйствами дворян архиепископа Рязанского и Муромского и более крупных землевладельцев. В них, в частности, сказано: «...за Иваном Михайловым сыном Угловым жеребей слободы Подвелемской отца ево поместье, а на ево жеребье двор ево помещиков, пашни паханой пятнатцать четь, перелогом дватцать пять четь, дикого поля тритцать четь, обо ево пашни паханой и перелогу, дикого поля семьдесят четь в поле, а в дву потомуж и сено меж поль и позаполью ко всей слободе всех помещиков вопче четыреста копен, а лес Подылемской всех же помещиков вопче.

В той же слободе Подвелемской⁵ за резанцем Гуром Спиридоновым сыном Колеминым три жеребья, вдовы Анны Ивановой жены, да вдовы Матрены Савельевой жены с детьми, да

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 408, ч. 1, л. 37.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. – М.: Наука, 1975 – С. 56–58; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 192–193.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 135, 155.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 173.

⁵ РГАДА, ф. 281, оп. 15, д. 10129, л. 1.

вдовы Марьи Федоровой жены и сына ево Герасимково поместье Елуниных, а на ево жеребье место дворовое помещиково, да пять мест дворовых пустых крестьянских, пашни паханной двенадцать четь с осминою да перелогу тритцать четь, дикого поля на пашню семьдесят четь, обо ево, пашни паханой и перелогу, дикого поля сто двенадцать четь с осминою в поле, а в дву потомуж, сено и лес писаны под Иванову статью Углова¹ <...> И по писцовым книгам 167 (1658) года Иваново поместье Углова в жеребье слободы Подвелемской пятьдесят четь в поле, а в дву потомуж дано родственникам ево Лариону Никифорову сыну, Степану Максиму да Петру Алексею Уловым по семнатцать чети с осминою. И во 168 (1659) году Степана Углова на службе убили, а поместье ево в 172 (1663) году в жеребье слободы Подвелемье семнатцать четь с осминою справлено женой ево за вдовой Марфою (Марьею), а вдова Марья Семеновская жена Углова то свое прожиточное поместье в жеребье слободы Подвелемье семнатцать четь в поле а в дву потомуж со всеми угоды в 195 (1686) году² променили стольнику Григорью Леонтьеву сыну Кобякову на ряское ево поместье, за ним по допросу росписано, а во 196 (1687) году Григорья Кобякова не стало дома, а поместье ево в жеребье слободы Подвелемье семнатцать четь в поле а в дву потомуж справлено за сыном за стольником за Сидором Кобяковым в поместье. Во 142 (1633) году Гурова поместье Колемина в слободе Подвелемье сто двенадцать четь с осминою в поле а в дву потомуж дана сыну ево резанцу Борису Колемину в поместье. И в прошлом году Бориса Колемина в Тамбове убили, а поместье во прошлом 192 (1683) году дано жене ево вдове Дарье дочери со всеми угоды.

С того Герасимова поместья Колемина девятнатцать четь бестретника дано детям ево Борисовым Федору да Тимофею Колеминым по девять четь с третником человеку. И во 193 (1684) году Федора Колемина не стало дома, а то ево поместье в слободе Подвелемье девять четь с третником дано жене ево вдове Марине на прожитие, а вдова Марина с тем своим прожиточным поместьем в слободе Подвелемской девять четь с третником в поле а в дву потомуж в поле отписала за <...> Яковом Федоровым сыном Павловым. И то поместье за ним Яковом справлено, а Яков Федоров сын Павлов то свое поместье в жеребье в слободе Подвелемской девять четь с третником в поле а в дву потомуж со всеми угоды променил стольнику Сидору Григорьеву сыну Кобякову в поместье. И та мена за ним по расспросу отписана³. Всего за стольником за Сидором Григорьевым сыном Кобяковым поместье в Ряску, в жеребье слободе Подвелемской дватцать шесть чети с третником в поле а в дву потомуж со всеми угоды променил преосвященному митрополиту Рязанскому и Муромскому домовых вотчин, а за перехожие четь взял он Сидор у него преосвященного Авраамия митрополита пятьдесят рублей»⁴.

В 1687 г. упоминается «за Сидором Григорьевым сыном Кобяковым поместье в Ряску уезде слободе Подвелемской дватцат шест чете с третником в поле, а в дву потомуж...»⁵

В переписной книге Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. значилась в вотчине архиепископа Рязанского и Муромского «за помещиком Иваном Степановым сыном Рогозиным в деревне Велемье девятнатцать дворов крестьянских, в них тритцать шесть человек, бобьльский один двор», в котором указан один человек»⁶.

¹ РГАДА, ф. 281, оп. 15, д. 10129, л. 2.

² Там же, л. 3.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ РГАДА, ф. 281, оп. 15, д. 10129, лл. 1–4.

⁶ РГАДА, К. 385, л. VII об, 69.

В «Выписи с книг Рязкого уезду межевания рязкого воеводы Ивана Сонцова 186 (1678) года» написано: «Приехав в Рязком уезду в Пехлецкого стану преосвященного Иллариона, Митрополита Рязанского и Муромского, в село Княжево, Владычня тож, на речке на Велемке под Велемским лесом, в деревню Топила, деревню Петрушину на речке Мещерке, взяв с собой тутошних и сторонних людей старост и целовальников, и крестьян, и старожилов, и велел к себе быть сел и деревень, которые с митрополию вотчин смежны помещикам и вотчин, и прикащикам, и старостом, и крестьянам». В межевании, проводившемся под руководством воеводы, приняли участие «деревни Подвелемской стряпчева Дмитрия Иванова сына Рагозина староста Данилко Соболев, крестьянин Назарко Бражников, Микшик Пашмутов, Захарко Поплавин, Оска Чернышов»¹.

«Из грамоты, данной в 7205 (1696) г. марта в 6 (16) день царем Петром Алексеевичем видно, что в то время Пупки и дер[евня] Подвелемье перешли снова в число владения архиерейского посредством промена. «Стольник наш», сказано в грамоте, «Сидор Григорьев сын Кабяков да резанец Яков Степанов сын Тюнеев променили богомольцу нашему преосвященному Авраамии митрополиту в Рязком уезде в Пехлецком стану Сидор в деревне Велемье на реке на Велинке двадцать шесть чети с третником, а Яков Тюнеев в слободе Пупках по обе стороны речки Брусны двенадцать чети без пол-полтретника, всего тридцать восемь чети с пол-полтретником в поле, а в дву потомуж со всеми угодьи; а богомольца нашего преосвященного Авраамия стряпчие Кузьма Олгухов да Иван Терехов против того променили им, Сидору и Якову, из домовые вотчины в Рязанском уезде в Перевицком стану в пустоши Евсеевской Сидору пол четверика, Якову осьмину; а меняютца они теми землями полюбовно, пусто на пусто, они, Сидор и Яков, с переходжими четьми, а за переходжие чети взяли у него, богомольца нашего преосвященного Авраамия митрополита, козенных денег Сидор пятьдесят два рубли, Яков двадцать пять рублей»².

В Рязской переписной книге 1716 г. деревня Подвелемье записана «за преосвященным Стефаном, Митрополитом Рязанским и Муромским, в той деревне шесть крестьянских дворов в них... обоих полов тридцать семь человек, да вдових и нищенских два двора...» По другой окладной книге, составленной не позднее 1724 г., в деревне насчитывалось 11 дворов, в которых было положено в подушный оклад 68 человек мужского пола, и еще 11 малолетних «неокладных». Среди крестьян перечислены Алексей Андреев сын Ко(р) баков, Харитон Федотов сын Козырев, Федор Иванов сын Бухорев, Алексей Андреев сын Красаков и другие³.

В середине XVIII в. велемские крестьяне приняли участие в волнениях, которыми сопровождалась секуляризация владений православной церкви. Реформа церковного землевладения была инициирована императрицей Елизаветой Петровной в 1757 г. Основной ее причиной стало чрезмерное распространение церковных земель, не облагавшихся государственными налогами, из-за чего снижались доходы казны. Император Петр III ускорил подготовку реформы и указом от 21 марта (1 апреля) 1762 г. объявил о полном изъятии церковных земель в пользу государства. Для управления бывшими церковными вотчинами воссоздавалась Государственная коллегия экономии. Этим актом Петр III окончательно испортил свои отношения с церковной иерархией и еще более настроил против себя русское общество. После переворота, приведшего на престол Екатерину II, указ был отменен, а конфискованная земельная собственность и крестьяне возвращены церкви. Однако проблема изъятых из налогообложения церковной собственности оставалась, поэтому в конце того же 1762 г. императрица приступила к подготовке будущей секуляризационной реформы 1764 г.

¹ РГАДА, ф. 281, оп. 15, д. 10138, лл. 1–4, 7.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 173.

³ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 528, 532.

Возникшая неопределенность в статусе церковных владений провоцировала немало конфликтных ситуаций. Феодалы духовного звания, предчувствуя неизбежный отъем земельной собственности, старались побольше выжать из своих крестьян. Те же, в свою очередь, не горя желанием «гнуть спину» на церковь, заваливали правительство жалобами на произвол и чрезмерное обременение. Сохранилась одна из таких челобитных, поданная крестьянами вотчин святейшего Палладия, епископа Рязанского и Муромского, в Рязком уезде: «В прошлом 1762 году перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы, по согласию той вотчины крестьян от ходаков крестьян села Князево-Займище Ефима Гаврилова, села Топил Андрея Игнатова, села Павловского Матвея Финогенова, села Петрушина Назара Никитина» посланы были в Москву выборные крестьяне «для подачи о отягощении от дома Его Преосвященства излишних с народа поборов Ея Императорскому Величеству челобитной, и принеся оне к отданию в Москве и на Красной площади челобитную написали, и какого чину челобитную писал того не знают, стой челобитной пошли они во дворец, что в Кремле-городе, и оную челобитную те ходаки во время шествий в Сенат Ея Императорскому Величеству подали»¹. При этом рязанскими крестьянами создавались легенды, толковавшие грядущие перемены в свою пользу. Циркулировали среди них и подложные документы, сулившие волю и распределение всей церковной земли среди тех, кто ее обрабатывал.

Случаи непослушания и, выражаясь современным языком, открытого саботажа со стороны крестьян сел Князево-Займище, Топилы, Павловского, Озерок, а также деревень Велемьи и Петрушиной отмечались в 1762 г. В письме экономического игумена, полученного Рязской воеводской канцелярией 9 (20) апреля 1763 г., сообщалось, что из ранее «неоднократно посланных из оной Катетральной канцелярии в Рязкую воеводскую канцелярию промеморий» ей должно быть известно о беспорядках и непослушании, которые выразились в том, что крестьяне разбирали архиепископский скот, сено, семена и прочее. Среди документов Рязской воеводской канцелярии имеется и доношение о беспорядках «прикащика Ивана Федорова сына Протопопова вотчин святейшего Палладия, архиепископа Рязанского и Муромского, Рязкого уезда села Князева-Займища». К нему был приложен реестр крестьян, расхищавших сено. В нем были перечислены «деревни Велемьи крестьяне Александр Алексеев, Дмитрий Яковлев, Гаврила Алексеев, Антон Захаров, Кудин Федосов, Савостьян Дементьев». Приказчик докладывал, что, кроме сена, расхищен был скот, инвентарь и зерно. Крестьяне также отказывались выполнять положенные работы. 16 (27) июня 1763 г. экономический игумен сообщал, что крестьяне «сысканы за противности и наказаны плетьюми, и возмутителя <...>, и товарищи». Однако всех участников и тем более инициаторов неповиновения сразу отыскать не удалось. Лишь к сентябрю 1763 г. оставшиеся бунтовщики были схвачены, и их приказано было «...привести под караулом в Рязкую воеводскую канцелярию», после чего они были допрошены и наказаны².

Указ Екатерины II о секуляризации церковных владений вышел 26 февраля (8 марта) 1764 г. В соответствии с ним все учреждения церкви отстранялись от управления имениями. Земельные владения Святейшего Синода, епархиальных кафедр, монастырей и приходов поступали в казну и передавались в управление Государственной коллегии экономии. Крестьяне, проживавшие в бывших церковных имениях, также передавались Государственной коллегии экономии и впредь именовались «экономическими крестьянами». С 1 (12) января 1764 г. вместо барщины и оброков они переводились на подушный оклад в размере 1,5 руб.

¹ РГАДА, ф. 280, оп. 1, ч. 1, д. 223, лл. 1–3, 17–18, 46, 48.

² РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 42, лл. 1–1 об, 3–5 об, 10, 13, 15 об, 26–27.

с человека в год, который уплачивался казне через Государственную коллегию экономии. Из доходов коллегии выделялись суммы на содержание церковных учреждений.

Казалось бы, новые условия хозяйственной деятельности экономических крестьян давали им больше возможностей для повышения своего благосостояния. Но это произошло далеко не сразу. Как выяснилось, сумма подушного оклада не была фиксированной и со временем начала возрастать. Уже в 1768 г. он достиг 2 руб. 70 коп. с мужской души, а в 1783 г. – целых 3 рублей. Исчезла и привычная сельским жителям возможность занять у церковных властей инвентарь, лошадь, зерно или деньги в счет будущего урожая. Крестьяне остались наедине с государственными чиновниками.

В 1778 г. в составе Рязанского наместничества был образован Скопинский уезд, в число селений которого вошла и Велемья. Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. сообщают, что «деревня Велья» (именно так передано ее название) лежала «оврага безымянного на правом, а речки Мещерки на левой сторонах, которая в летнее время совсем пересыхает, и по обе стороны безымянного отвершка». Как бывшее церковное владение, деревня числилась собственностью Государственной коллегии экономии. По 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в ней насчитывалось 39 дворов, 91 душа мужского пола и 85 – женского. Земли под селением 21 десятина 740 саженой (23,23 га), пашни 309 десятин 317 саженой (338 га), покоса 33 десятины 1540 саженой (36,67 га), неудобий – 4 десятины 100 саженой (4,4 га), крестьяне состояли на положенном по закону оброке. Об условиях хозяйственной деятельности также сообщалось: «Земля чернозем с серью, хлеба и покосы средственны, лес дровяной»¹.

Согласно картам А.И. Менде 1850-х гг., в это время деревня Велемья Скопинского уезда Рязанской губернии представляла собой единственную улицу, упиравшуюся на востоке в небольшой лес, а с запада ограниченную ручьем. Последняя в истории России 10-я ревизия податного населения, проводившаяся в 1858 г., показала, что в это время в деревне Велемье проживали государственные крестьяне: 232 души мужского пола и 272 – женского².

При образовании волостей в 1861 г. деревня Велемья вошла в состав Князевской волости Скопинского уезда. Видимо, определяющую роль сыграло то, что с 1719 г. жители деревни были прихожанами Архангельской, а с 1862 г. – Вознесенской церкви села Князево-Займище. К 1868 г. в Велемье действовали ветряная мельница и крупорушка³.

Во 2-й пол. XIX в. население Велемьи продолжало расти. В конце 1870-х гг. в деревне насчитывалось 98 дворов и 696 жителей⁴. По переписи населения 1882 г. в Велемье уже было 115 домохозяйств, в которых проживали 350 мужчин и 382 женщины. Из них грамотой владели лишь 22 мужчины. На крестьянскую душу приходилось 4,9 десятины (5,34 га) земли, большей частью чернозема и частично суглинистой почвы. 2 двора считались безземельными, дворов без коровы и лошади насчитывалось 37. При 110 избах было 97 плетневых дворов, 49 горниц и клетей, 68 амбаров и сарасв, 85 риг и овинов. Около 90 мужчин деревни числились в отхожих промыслах. В деревне работали 5 мастеровых, действовало одно промышленное заведение (видимо, имеется в виду ветряная мельница), был открыт кабак⁵.

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 20.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 82.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868 – С. 604–605.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 82–87.

Из архивных документов 1893 г. известны имена владельцев двух велемских «промышленных предприятий» – ветряной мельницы и кузницы. Первой в рассматриваемое время владела мещанка Александра Ивановна Огорокова, второй – мещанин Василий Федорович Боков¹.

В 1887 г. в соседнем с Велемьей селе Петрушино была освящена новая Архангельская церковь. С этого времени жители деревни стали прихожанами новопостроенного храма².

В 1905 г. в Велемье насчитывалось 184 двора, проживали 674 мужчины и 643 женщины. В деревне по-прежнему работали ветряная мельница, и кузница, но с началом XX в. к ним добавилось еще и «овчинодубильное заведение»³. К 1908 г. в Велемье насчитывалось уже 1064 жителя⁴.

Между 1908 и 1914 гг. в Велемье открылось первое образовательное учреждение – земская школа. В отчете за 1916 г. велемская школа названа однокомплектной⁵. По другим данным, она называлась одноклассной с трехгодичным курсом обучения.

В год начала Первой мировой войны в Велемье Князевской волости Скопинского уезда насчитывалось 160 дворов, 587 мужчин и 607 женщин⁶. В 1917 г. в деревне уже было 174 двора, 646 жителей мужского пола и 666 – женского⁷.

Установление советской власти в Скопинском уезде в декабре 1917 г. первоначально не оказало сильного влияния на жизнь велемцев. Как и прежде, они работали в поле и на окрестных шахтах.

5 ноября 1923 г. в семье велемских крестьян Никифора и Евфросиньи Косоротихиных родился четвертый ребенок – дочь Наталья. Ей выпала необычная судьба стать самой знаменитой уроженкой деревни Велемья за всю историю ее существования. В 1950 г. Наталья Косоротихина попала в автомобильную аварию, после которой провела в летаргическом сне более 19 лет. Придя в себя по прошествии этого времени, она осталась парализованной на всю жизнь, но у нее открылся удивительный дар молитвы и предвидения, которым она помогала всем нуждающимся. В 1997 г. архимандритом Иоанно-Богословского монастыря Авелем она была пострижена в схимонахини под именем Феодосии, став одной из наиболее известных православных стариц рубежа XX и XXI вв. Дом родных матушки Феодосии Скопинской в поселке Октябрьском даже после ее кончины 15 мая 2014 г. продолжает привлекать множество паломников со всей России. Схимонахиня Феодосия (Косоротихина) была похоронена на сельском кладбище между селом Петрушино и деревней Велемья. Место ее погребения отмечено памятной часовней, рядом с которой планируется строительство монументального храма.

Однако в детские годы Натальи Косоротихиной ее родной край жил не духовными, а совсем иными интересами. В частности, в конце 1920-х гг. в деревне Велемья Петрушинского сельсовета был организован первый колхоз. Об истории его создания скопинская газета

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 18–18 об.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 597–598.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 632–633.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 22–23..

⁵ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918 – С. 168.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVIII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 544.

⁷ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 146.

«Авангард» писала: «Осенью 1929 г. [в Велемье] создали товарищество по обработке земли. В нем состояло всего 18 дворов, в которых было всего-то 3 лошади, 3 плуга однолемешных, 3 сохи и 3 телеги. Сбруи и прочего снаряжения совсем мало. Вскоре к ним примкнула еще группа. Всего оказалось 22 бедняка, 10 батраков, 4 середняка и неугомонная Мария Ивановна Федюкина. В числе колхозников 6 партийцев и 3 комсомольца. Арендванная земля ускользала у богатых, отрезали под колхоз. Батраки все в колхозе. Заготовили богатеи: «Побирашки, весной последнее проедите. К нам под окна христарадничать придете». В ответ 1 марта 1930 г. с пением и красными флагами первые колхозники прошли по деревне. Так и возникла сельскохозяйственная артель «Восход», тут же два бедняцких хозяйства записались в него. Первым председателем стал Прохор Дмитриевич Фролов.

На 12 лошадях, с красным флагом, с агрономом выехали они в поле. Посадили лук-севок. На 30 га вместе с овсом посеяли клевер. Раскорчевали гектар корневища старого леса, засадили капустой. За школьный участок принялись, целых два гектара засадили, невиданное дело для Велемья. Все бы хорошо, но на глазах стал таять председатель. С красными флагами, торжественно и просто хоронили скромного работягу Прохора Фролова, своего первого неугомонного председателя. Собрались после похорон, погоревали: «Кого же в преды-то... Андрея Стеничкина даешь, и точка... Кто за?» Все. Стеничкин – секретарь партячейки, бывший красноармеец. На следующий день в поле вывел новый председатель колхоза «Восход»¹.

Зажиточные крестьяне и часть середняков были изначально против вступления в колхоз, но, осознав вектор государственной политики в отношении сельского хозяйства, решили не выделяться и стать колхозниками. В результате именно они стали оказывать решающее влияние и на правление колхоза, и на партячейку. Уже в 1931 г. в отчетных документах колхоза «Восход» указали площадь посева меньшую, чем в действительности, правление стало добиваться от властей снижения плана хлебазаготовок. В 1932 г. секретарь Скопинского райкома партии Хоченков с юмором вспоминал, что в минувшем году «дошло до того, что кулаки приходили в райисполком и сетовали на свою судьбу»².

Курс советского государства на максимальную коллективизацию сельского хозяйства и искоренение крестьянина-единоличника отражался и на настроениях в деревне. Их ярко иллюстрирует случай на пожаре в деревне Велемья, случившемся 15 июля 1932 г. Горели три дома – колхозника и двух единоличников. Газета «Побединский ударник» сообщила: «Забойщик 42-й шахты Орехов заявил, что дом Уколова Б. можно было спасти. Когда бывшему секретарю парторганизации Стеничкину, руководившему борьбой с пожаром и поливавшему водой сгоревший почти совсем дом колхозника, сказали о том, что машину надо бы использовать для того, чтобы залить загоревшийся дом Уколова, он ответил: «Не ваше дело. Пусть горит единоличник, нам колхозники дороже»³.

В июне 1932 г. по работе колхоза «Восход» Петрушинского сельсовета было принято специальное постановление бюро Скопинского райкома ВКП (б), в котором, в частности, говорилось: «Со стороны правления колхоза и в особенности бывшего председателя колхоза и секретаря партячейки т. Стеничкина в руководстве колхозным строительством были допущены ряд грубейших политических ошибок и извращений в части организационно-хозяйственного укрепления колхоза: обсчет колхозников, наличие родственных связей и семейственности в самом правлении, зажим критики. При распределении работ, преимущество оказывалось группе ближе стоящих к правлению и родственникам. При распределении уро-

¹ Авангард, №8. – 1930. – 15 ноября; №9. – 1930. – 20 ноября; №10. – 1930. – 25 ноября.

² Побединский ударник, № 251, – 1932. – 15 декабря.

³ Побединский ударник, № 139, – 1932. – 20 июля.

жая по трудодням имели место ряд случаев выдачи <...> овощей в замороженном виде без согласия на то самих членов колхоза, за полученные овощи удерживалась зерновая продукция. Приплод поросят в количестве 40 штук был распределен между группой лиц, ближе стоящих к правлению, без учета качеств и количества труда, причем часть поросят была продана на базаре (завхоз Антонов и др.)

Причитающиеся по трудодням зернопродукты выдавались лишь после погашения денежной задолженности колхозника (пасвые, членские взносы и др.), чем ущемлялись интересы бедноты, и у массы колхозников создалось мнение, что по трудодням продукция не выдается, а продается колхозникам за наличный расчет. Игнорировались бытовые запросы бедноты: колхознику Штолину в грубой форме дважды было отказано в лошади для поездки в больницу. Нескольким бедняцким хозяйствам, вышедшим из колхоза, было отказано весной в даче быка-производителя без уплаты наличными 5 руб. и 10 фунтов муки, не предоставляя никаких рассрочек. За невыход на работу отдельные бедняцкие хозяйства (Штолин на 24 дня) подвергались штрафу. Соцсоревнование и ударничество не получили в колхозе надлежащего применения, а наоборот имели место искажения. Некоторым колхозницам не записано 4 трудодня премии за хорошую работу, и в то же время жена завхоза Антонова, не работая в колхозе, получила премию. Всеми извращениями в колхозе воспользовалась группа антисоветских элементов села во главе с И.И. Лягушиным (бывший жандарм) и подкулачником Ореховым. В результате 31 хозяйство (в том числе 21 бедняцкое) в марте–апреле вышли из колхоза». По итогам критики велемская партиячейка была распущена. Виновный в перегибах Стеничкин был снят со своих должностей, его дело было передано на рассмотрение в РКК¹.

Предпринятые меры, по мнению руководства Скопинского района, должны были оздоровить обстановку в велемском колхозе «Восход». Однако манипуляции со статистикой урожайности, похоже, продолжались. Например, по данным газеты «Побединский ударник», в 1933 г. председатель колхоза «Восход» Бирюков заверил район, что «урожаем огурцов с га составит 70 центнеров, когда в реальности 100 ц»².

К марту 1935 г. в Велемье вне колхоза оставалось всего 10 хозяйств крестьян-единоличников. В общей сложности у них было 5 лошадей. Сельсовет наложил на единоличников «твердое задание» по хлебозаготовке. Крестьяне заявили сельсовету, что «семена у них имеются полностью, поэтому ограничили взятием у них расписок о сохранности семян. Фактов отказа от принятых планов тоже не было. Ну, а осенью единоличник Повасин Андрей Георгиевич, середняк, отказался от земли и перешел на работу на местные угольные шахты. Единоличник Храмзин Семен Степанович, середняк, готовясь к вступлению в колхоз продал свою лошадь»³. Отвечать за срыв планов хлебозаготовок пришлось сельсовету...

Посевные планы, «твердые задания», повышенное налогообложение зажиточных крестьян-единоличников, казалось бы, должно было стимулировать приток людей в колхозы. Несмотря на это, устойчивый процент сельских жителей держался за свой единоличный статус. Безусловно, не последнюю роль в этом играли перегибы и извращения сути кооперации, которые не смогла сгладить даже знаменитая статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» (1930). Сопrotивление нововведениям советской власти, которые консервативная крестьянская среда воспринимала с традиционным недоверием, поддерживало на селе напряженную обстановку. В Велемье такая ситуация привела к преступлению.

¹ Побединский ударник, № 121. – 1932. – 28 июня.

² Побединский ударник, № 145. – 1933. – 27 июня.

³ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 53–54.

В 1934–1935 гг. на страницах районной газеты не раз появлялись острые материалы, бичевавшие неблагоприятные поступки бывших сельских богачей и их родственников. Были среди них и заметки велемского селькора, комсомольского активиста Алексея Васильевича Гришина (1919–1936). Критические стрелы начинающего журналиста попали в цель, нанеся удар по и без того уязвленному самолюбию представителей лишившейся своих привилегий деревенской элиты. Утром 11 января 1936 г. тело Алексея Гришина нашли с проломленным черепом под стогом соломы в окрестностях села Князево. Гибель сына стала настоящей трагедией для Василия Титовича Гришина, жителя Велемьи и горнорабочего 46-й шахты.

В июне 1937 г. убийцы Алексея были арестованы и предстали перед судом. Из их показаний стали известны обстоятельства преступления. «По инициативе подкулачников образовалась группа преступников. Убить поручили дальнему родственнику раскулаченного богача – Леонтию по прозвищу Лохматый. Вечером 10 января 1936 г. Лохматый и три его сообщника встретились в клубе с Алексеем Гришиным. Завели разговор о ребятах из соседнего Петрушина, которые ухаживали за велемскими девушками. «Я полагаю, петрушинцев надо маленько проучить», – сказал Лохматый. Потом, немного поразмыслив добавил: «А знаете, что я придумал. Пойдем сейчас на конюшню. Там в землянке поужинаем. Заодно и договоримся обо всем. А на тебя, Ленька, мы не обижаемся за то, что критиковал нас в газете. Правда на твоей стороне, бывали случаи, когда мы воровали из кладовой фуражное зерно и меняли на самогонку...» Пришли в землянку, стали готовить на плите ужин, Лохматый заранее принес для этой цели из дома курицу. Когда в чутунке закипела вода, главарь кулацкой шайки предложил комсомольцу посмотреть, как варится курица. Алексей нагнулся над плитой. И в эту минуту Лохматый занес над его головой топор. Хоронили Леньку как настоящего бойца, в гимнастерке защитного цвета»¹.

В деревне Велемья Петрушинского сельсовета Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 г. насчитывалось 222 двора. В велемском колхозе «Восход» состояло 213 дворов, в которых в общей сложности было 1042 жителя, из них трудоспособных 485 человек. Крестьян-единоличников, не вступавших в колхоз, оставалось 297 человек. В 1938 г. под зерновые и овощи было занято более 682 га земли. Из них 509 га приходилось на рожь и пшеницу, 60 га – на картофель, 25 га – на овощи и бахчевые культуры. В 1938 г. с этих площадей было собрано 2615 ц зерновых и бобовых, 284 ц картофеля и 228 ц других овощей и бахчевых. По итогам 1938 г. на трудодни было распределено 23,6 % прибыли колхоза, на административные израсходовали 7,2 % полученного дохода. По итогам года на каждого колхозника пришлось в среднем по 55 трудодней. Каждый трудодень конвертировался в выдачу 0,38 кг зерновых и бобовых и 7 копеек деньгами². В 1938 г. в велемском колхозе было 79 лошадей и 9 жеребят, 11 коров и 2 телят, 25 свиней и 320 поросят, 1 овца³. В колхозе «Восход» работал черепичный завод, где было занято 7 человек⁴. По другим данным, в том же 1938 г. из 576 крестьян деревни в возрасте от 16 до 59 лет в колхозе реально состояло 146 человек, в отходе (на шахтах и промышленных предприятиях) – 151 человек, еще 25 человек считались инвалидами-иждивенцами⁵. Если считать по дворам, то большинство населения

¹ Пресняков А. Ленька из Велемьи // Ленинское знамя, №145. – 1977. – 3 декабря.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Основные показатели народнохозяйственного плана 1937–1939 гг.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91, тетрадь №1, л. 53.

деревни было занято в колхозе. В действительности же на одни только трудодни небогатого велемского колхоза прожить было трудно, поэтому почти в каждой крестьянской семье кто-то находился в отходе на заработках. В основном на окрестных шахтах, где платили неплохо.

Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. означало для жителей Велемьи мобилизацию наличных людских ресурсов как на борьбу с врагом, так и на трудовой фронт. В первый военный год был получен неплохой урожай ржи – по 16 ц с га. В августе 1941 г. на полях колхоза «Восход» убирали хлеб две жатки и 27 косцов. На уборку вышли все, даже освобожденные от полевых работ колхозные конюхи Т.А. Синецких, И.М. Мизерев и И.М. Фомкин. К колхозникам присоединились и работавший на шахте односельчанин Д.Г. Стеничкин, и железнодорожники Я. Афонин и А. Шальгин. Были дни, когда вдохновленные желанием помочь сражающейся Родине уборщики выполняли по две суточные нормы (и это при том, что комбайнов не было и почти все работы выполнялись вручную). По две нормы выдавали даже женщины из звеньев колхозниц Александры Савкиной и Шальгиной. Чтобы зерно не пропадало, не осыпалось, пожилые женщины М. Фролова, У. Алимова, А. Алимова и Е. Повасина жали по старинке серпами¹. Еще в уборочную кампанию 1940 г. в колхозе «Восход», по примеру секиринцев, бригадир Евдокия Федоровна Московцева создала женскую бригаду косцов. Этот опыт особенно пригодился в военные годы, когда мужчин на селе стало повсеместно не хватать².

К 1943 г. из-за нехватки рабочих рук, лошадей и техники положение с урожаями в районе было катастрофическим. По итогам работы за 1942 г. Скопинский район оказался на последнем месте в Московской области. Это стоило поста секретарю Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостину. Но и после его ухода лучше не стало. В октябре 1943 г. бюро РК ВКП (б) обсудило вопрос о ходе подъема зяби в колхозах зоны МТС «Свет Октября», «Восход», «Красная звезда», «Красный прогресс», им. С.М. Буденного, «Вёрда», «Луч». В постановлении отмечалось: «Председатели колхозов не выделили на зяблевую пахоту необходимое количество лошадей, не выделили ответственных на эту работу лиц, не установили контроля за качеством пахоты, выполнением норм выработки. Плохо работают на подъеме зяби трактористы МТС. В результате в колхозах зоны МТС на 19 октября вспахано только 1400 га, или 37,8 % к плану. Руководство МТС, председатели колхозов, бригадиры тракторных бригад не спрашивают качества пахоты и наблюдается вредная практика мелкой вспашки – на 10–12 сантиметров с большим количеством огрехов. В колхозе «Восход» тракторами пахали на глубину 4–6 сантиметров, а председатель колхоза Коняев вместо того, чтобы требовать качественной пахоты, подписывал акты с указанием отличной обработки на глубину 18 сантиметров, всеми работами руководит поверхностно. За преступно плохую работу по подъему зяби в колхозе «Восход», за очковничество и покровительство бракоделам бюро РК ВКП (б) постановило тов. Коняева из членов ВКП (б) исключить и поручить райпрокуратуру привлечь его к уголовной ответственности. Уполномоченному РК ВКП(б) и исполкома райсовета тов. Алешину за проявленное безделье в колхозе объявлен строгий выговор. Бригадир тракторной бригады тов. Юдина предложено с работы снять и передать на него дело в следственные органы о привлечении к судебной ответственности за брак в пахоте и срыв графика подъема зяби. За плохую работу по подъему зяби (пахота производилась на глубине 5–6 сантиметров, с тупыми лемехами), обман районных организаций председателю колхоза им. С.М. Буденного тов. Гайдерову объявлен выговор». Бюро РК ВКП (б) предупредило директора МТС тов. Беляева, председателей колхозов «Луч» – тов. Бирюкова, «Свет Октября» – тов. Радугина,

¹ Сталинец, №149. – 1941. – 17 августа.

² Сталинец, №9. –1941. – 16 января.

«Красная звезда» – тов. Ларина, «Красный прогресс» – тов. Попова, «Вёрда» – тов. Ермошина, что «если они не обеспечат резкого усиления темпов подъема зяби при хорошем качестве, они будут привлечены к строгой партийной и судебной ответственности»¹.

На полях сражений Великой Отечественной войны покрыл себя бессмертной славой уроженец Велемьи старший сержант Никита Семенович Синецын (1907–1985). Он находился в рядах РККА с августа 1941 г., в декабре 1942 г. был тяжело ранен под Юхновом. В январе 1945 г. Н.С. Синецын, командовавший отделением 1281-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии 47-й армии в составе 1-го Белорусского фронта, отличился при освобождении Польши. В критический момент боя за город Новы Двур Мазовецкий он заменил выбывшего из строя командира взвода и во главе его переправился через р. Вислу, захватив немецкую траншею и удерживая ее до переправы основных сил батальона. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 г. «за мужество и героизм, проявленные при форсировании Вислы и в боях на захваченном плацдарме» старший сержант Н.С. Синецын был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. После нового тяжелого ранения в феврале 1945 г. он был демобилизован, по окончании войны жил и работал в Рязани.

В послевоенные годы в колхозе «Восход» остро не хватало сельхозтехники, практически все работы приходилось выполнять с применением традиционных крестьянских технологий еще дореволюционных времен. Не хватало лошадей, пахали на коровах и быках. Как всегда бывает в жизни, трудовой героизм нередко соседствовал с разгильдяйством. В 1949 г. велемец Н. Рыбин писал в стенгазете колхоза «Восход» Петрушинского сельсовета: «На воскреснике с большим подъемом вывозили удобрения на поля. Нашелся бригадир первой бригады М.Ф. Севагин, который пришел пьяный. Товарищ Севагин берет пример с бывшего председателя тов. Повасина. Тот дождался, что о его позорном поведении написала стенгазета. А потом его не избрали вновь председателем»².

В эти годы в большинстве колхозов Рязанской области были не укомплектованы фермы. В колхозе «Восход» вдобавок не хватало и помещений. Для строительства фермы нужны были деньги. В 1948 г. для приобретения материалов для строительства помещений для скота председатель колхоза «Восход» Петрушинского сельсовета Шальгин распорядился продать 20 поросят и корову, но вырученные деньги в итоге пошли не по назначению. Правление колхоза продолжало продавать солому, а телята лежали без подстилки в грязи. Молоко разбавлялось холодной водой, так как не было посуды для подогрева³.

Осенью 1949 г. в Велемье пришло радио. Газета «Сталинец» по этому поводу писала: «Силами коллективов шахт №№ 44, 46 и колхозников проведена трансляционная линия от радиоузла шахты № 46 в дер. Велемье. Строится новая линия в дер. Петрушино».

В 1949 г. к селам Скопинского района были подведены линии высокого напряжения, что позволило обеспечить механизированную молотьбу. В Велемье механизированный ток заработал только в конце 1950 г. Трудностей было много, общей бедой оставались дороги и мосты. «Все 4 моста в Велемье были негодные, не было возможности проехать на машине. В этом повинен только заведующий дорожным отделом тов. Овинников, как и председатель сельсовета Носов», – писал в районную газету председатель колхоза «Восход» Шальгин⁴.

В связи с укрупнением сельсоветов в 1954 г. Петрушинский сельсовет, включавший село Петрушино и деревню Велемья, был присоединен к Князевскому. В январе–феврале 1963 г.

¹ Сталинец, № 76. – 1943. – 21 октября.

² Сталинец, №№ 26–27. – 1949. – 4 марта.

³ Сталинец, № 80. – 1949. – 9 июля.

⁴ Сталинец, № 44. – 1950. – 14 апреля.

был образован колхоз «Заря коммунизма» Князевского сельсовета. Его центральная усадьба находилась в селе Князево. Кроме сел Петрушино и Князево в него вошли деревни Велемья и Осиново-Шилово¹.

По административному делению 1970 г. деревня Велемья вместе с селами Князево, Петрушино и поселком Осиново-Шилово относилась к Князевскому сельсовету². Скопинский краевед А. Сальников писал о Велемье в районной газете «Ленинское знамя» в 1973 г.: «За годы советской власти деревня неузнаваемо изменила свой облик. Зажиточнее, благоустроеннее стала жизнь велемских хлеборобов. И в нынешнем году, приняв повышенные обязательства, они стремятся к тому, чтобы их колхоз «Заря коммунизма», центральная усадьба которого находится в Князево, поставил государству больше хлеба и другой сельскохозяйственной продукции»³.

В 1980-е гг. деревня Велемья считалась неперспективной – деревенская молодежь активно переселялась в города. Процесс усугубился в следующем десятилетии, когда возможности трудоустройства на селе резко сократились после реорганизации князевского колхоза «Заря коммунизма», преобразованного в акционерное общество «Заря».

1990-е гг. ознаменовались возрождением церковной жизни в Велемье. Один из деревенских домов был перестроен в часовню, которая действует и поныне.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Велемья была включена в состав Корневского сельского поселения с административным центром в селе Корнево. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Велемье осталось 15 жителей – 11 мужчин и 4 женщины.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 38, л.2.

² Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 98.

³ Сальников А. На речке Велемке // Ленинское знамя. – Скопин, 1973. – 7 августа.

ВЕРДЕРЕВО

село

(сельское поселение Вослебовское)

История старинного скопинского села Вердереве на р. Молве таит в себе немало загадок. Устойчивая местная традиция связывает его с древним городом Вердеревом, упоминания о котором встречаются в документах XIV в. Воскресенская летопись перечисляет «грады Резаньские», среди которых «Резань старая на Оце, а новый городок Олгов на усть Проне, Пронеск, Торческ, Воино, Шилов, Старый Львов, Глебов, Зарческ, Переславль на Трубеже, Михайлов, Перевитеск, Шишино, Ростиславль, Венев, Тешилов, Крилатеск, Неринеск, Кумтеск, Рославль Полский, Свинеск, Новгородок на Осетре, Бобруеск, Дубечен, на Павле Никитине, Вердерев, Ломиховост, к верху Дона: Дубок, Корник, Урюпеск»¹.

С Вердеревом связано происхождение знатного рязанского боярского, а затем русского дворянского рода Вердеревских². Известна жалованная грамота великого князя Рязанского Олега Ивановича (правил в 1350–1371 и 1372–1402 гг.), согласно которой «в лето 6879» (1371–1372 гг.) он выдал замуж за выехавшего из Большой Орды татарского военачальника Салахмира (в крещении – Ивана Мирославовича) «сестру свою родную великую княжну Настасию Ивановну да ему ж дал в удел ис своего княжения вотчины Веневу, Растовец, Веркош, Михайлово поле, Верх дерев, Беспущкой стан, и писал он, великий князь Олег Рязанский, ево, Ивана Солохмира, Ивана Солохмира, в своих жалованных грамотах зятем своим. У Ивана Солохмира сын Григорей, а у Григорья Ивановича дети Григорей же, да Иван Кончей, да Михайло Обумаило, да Костянтин Дивной все были у великого князя в боярех. А у Ивана Григорьевича Кончая, внука Солохмирова, вотчина была Михайлово поле да Беспущкой стан, и от него, Ивана Кончая, повелись Опраксины Кончесевы, и Кончесевы пересеклись в царство царя и великого князя Феодора Ивановича всеа России, и роду их никого нет, а брат Ивана Григорьевича Кончая Григорей Григорьевич сидел на вотчине своей на Верхдереве, и по вотчине стал слыть Вердеревской, и от него, Григорья, повелись Вердеревского...»³

О тождественности древнего города Вердерева и позднейшего села Вердереве как об очевидном факте писал патриарх рязанского краеведения священник И.В. Добролюбов⁴. Местное предание об этом в том виде, в каком оно существовало на рубеже XIX и XX вв., зафиксировали участники экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в 1939 г., которым жители

¹ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 7. – СПб.: издание Археографической комис., 1856. – С. 241.

² Вердеревские считались одним из знатнейших боярских родов Рязанщины, в XVIII в. он был занесен в VI часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии. В имперский период российской истории дворяне Вердеревские занимали различные посты на военной и гражданской службе. Николай Алексеевич Вердеревский (1753–1797) – действительный статский советник (1793), в 1795–1797 гг. был наместником Подольского наместничества, а в 1797 г. стал первым губернатором Подольской губернии. Николай Иванович Вердеревский (1768 или 1769–1812) – генерал-лейтенант (1811), участник Наполеоновских войн, в 1807 г. командовал Лейб-гвардии Семеновским полком. Дмитрий Николаевич Вердеревский (1873–1946) – контр-адмирал (1916), морской министр Временного правительства в августе–октябре 1917 г., впоследствии деятель русской эмиграции..

³ РГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 241А, лл. 177–178.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 180.

села рассказывали, что «по слухам, на месте теперешней ложили, где стоит колхозная конюшня, во время татарского ига существовал город. В один из набегов татар все население его было вырезано, а город уничтожен. Осталось несколько дворов, и лишь после они создали селение, существующее и до наших дней. Там находят много черепов, человеческих костей, наконечники от копей, острые камни – как остатки произошедшей здесь битвы с татарами»¹.

Однако в действительности, кроме местного предания, не имеется никаких оснований для отождествления современного села Вердерева с историческим городом Вердеревом. Археологические исследования в селе в XX в. не проводились². В академической среде нет единого мнения относительно возможного расположения упоминаемого в летописях города. Например, академик М.Н. Тихомиров³ полагал, что Вердерев мог быть предшественником самого Скопина или села Городецкого на реке Верде, недалеко от впадения ее в Ранову.

Вполне определенно известно, что в начале XVI в. местность севернее р. Вёрды была заселена, на самой реке стояли русские сторожевые отряды. Великий князь Иван III Васильевич предлагал рязанской великой княгине направлять послов в Крым «до Вёрды, до своих сторожов»⁴. За ними уже начиналось Дикое поле.

К 1-й пол. XVI в. относится первое достоверное упоминание о современном селе Вердереве. В межевой грамоте великого князя Московского Василия III Ивановича от 15 марта 1522 г., подтверждающей «за Семеном и Василием Федоровичами Верхдеревскими» старинные земли, пожалованные предку их Ивану-Салахмирю Мирославичу еще великим князем рязанским Олегом Ивановичем», сообщается об их правах на владение «очиною Верхдеревскою сельцом Докутовским, да сельцом Рожественным, да деревнею Милолюбью да селищем Выползовым, да селищем Дроковым, да селищем Чижевым, да селищем Марьиным с пустоши и с лути...»⁶. Деревня Милолюбье (Милолюб) – первое исторически достоверное название современного села, которое и в более поздних документах упоминается наравне с основным.

Появившееся позднее название «Вердереве» (изначально – «Верхдереве») имеет под собой твердое основание. В платежных книгах по Пехлецкому стану Рязанского уезда за 1595–1597 гг. имеется сообщение о пустоши на месте исчезнувшего селения Деревск: «...В той же деревне жеребей за Федозкою за Ивановым сыном Лопатина – старое его поместье, да за ним жеребей в пустоши, что была деревня Деревск...»⁷ В этой же «пустоши Деревской» (на территории современного Кораблинского района Рязанской области) были жеребьи «за Иваном Мануиловым, Гришкой Яковлевым сыном Бурковым, Миткою Константиновым сыном Соболевым». Деревня Милолюбье располагалась в верховьях рек Марьинки, Молвы, Моши и Вёрды и, судя по всему, получила название Верхдеревской в сравнении с находившейся

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь I, Скопинский район.

² Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН – 1996. – С. 107; Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 152.

³ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – советский историк-медиевист, археограф, специалист по исторической географии. Член-корреспондент (1946), затем – академик АН СССР (1953).

⁴ Сб. РИО, СПб., т. 41, 1884. – С. 366; Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних. М.: Наука, 1979. – С. 121.

⁵ Вердеревский Семен Федорович (? - ?) – рязанский боярин, полковой воевода на Рязани в июле 1536 г., в июле 1537 г. – второй воевода в Пронске, в 1558–1559 гг. – воевода в Рязке. Вердеревский Василий Федорович (? - ?) – рязанский боярин, полковой воевода на Рязани в 1529–1539 гг.

⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1964. – С. 97.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 116.

ниже по течению реки Рановы «пустошь Деревской». Пустошь лежала недалеко от Рановы, ниже впадения в нее Вёрды и Моши. Приставки «низ-» и «верх-» еще в XVIII в. широко употреблялись при описании административного деления Рязского уезда («низрановская», «верхрановская» и др.)

По названию верхдеревской вотчины стали звать и ее владельцев. Пока написание не устоялось, фамилия вотчинников писалась то «Верхдеревские», то «Вердеревские». То же самое касалось и принадлежащего им поселения. К концу XVI в. написание «Вердеревский, Вердерево» возобладало. В платежных книгах 1595–1597 гг. записано: «За Петром Григорьевым сыном Вердеревским¹ – полсела Вердерева, Милолюб тож; и всево полсела, да Деревня], да поддеревни...»²

С конца XVI в. в писцовых книгах село Вердерево значится в составе Рязского уезда. «По списку с Рязских с писцовых книг письма и меры Григорья Киреевского с товарищи 137–139 (1629–1631) года «село Вердерево, Миролюб тож», писано «за Иваном да за Михайлом Петровыми детьми Вердеревскими³ – старая их вотчина, в нем место церковное Рождества Ивана Предтечи, да святой мученицы Просковии Пятницы, да святой мученицы Екатерины»⁴. Насколько можно понять, церковь в селе до рассматриваемого времени существовала, но по каким-то неизвестным нам причинам к началу 1630-х гг. исчезла. Вместе с тем в 1629 г. в контексте села упоминается священник Андрей Калинин⁵.

В подлинной переписной книге посадских дворов и людей города Рязьска, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане и дворов вотчин боярина Н.И. Романова – города Скопина с деревнями (Пехлецкий стан) переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. село значится «за помещики Григорьем, да Петром, да Иваном Ивановыми⁶ детьми Вердеревскими, Михайло Петровым сыном Вердеревским»⁷. «В селе Вердерев за Григорьем да за Петром, да за Иваном Ивановичем детьми Вердеревского на их жеребьях» всего девятнадцать дворов крестьянских⁸, а всего «у братьев в деревне Выползово на их жеребьях <...> в деревне Дроково на их жеребьях <...> крестьянских сорок пять дворов, а людей в них сто дватцать восемь человек, да двор задворный⁹. В Вердереве записаны прозвища крестьян: «сын Марков, сын Кузнецов, сын Ланин, сын Попов, сын Пирожок, сын Молчанов, сын Зотов, сын Лавров, сын Маев и др. «В том же селе Вердереве за Михайлом Петровым сыном Вердеревским на ево жеребье <...> крестьянских тридцать шесть дворов, а людей в них сто восемь человек, бобыльских семь дворов, а лю-

¹ Вердеревский Петр-Гурий Григорьевич (? – после 1594) – рязанский сын боярский. В 1581 г. служил осадным головой в Смоленске, в апреле 1582 г. был направлен осадным головой в Мценск, в апреле 1584 г. – головой в Михайлов. Осенью 1587 г. служил головой в Изборске, в 1588 г. – в Пронске, с июля 1589 г. – в Болхове, в 1590 – 1591 гг. – в Воронеже. В 1594 г. был первым осадным головой в Пронске.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898 – С. 153.

³ Вердеревский Иван Петрович (? – 1634) – стольник, воевода в Сибири и на Пельме в 1625 – 1627 гг., воевода в Крапивне в 1627 г. Вердеревский Михаил Петрович (? – 1677 или 1682) – стольник, воевода в Одоеве в 1641 г., первый воевода в Астрахани в 1643 г., воевода в Смоленске в 1654 г.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2 – С. 180.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Вердеревский Петр Иванович (? - ?) – стольник. Вердеревский Иван Иванович (? – 1701) – стольник, полковой и осадный воевода в Каневе и Черкасске. В 1674 г. занимал должность четвертого воеводы Большого полка. На его средства была возведена каменная церковь во имя Св. Сергия Радонежского с приделом Св. великомученицы Варвары в селе Никольском.

⁷ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 8 об.

⁸ Там же, л. 92.

⁹ Там же, л. 96.

дей в них 13 человек, а задворной один человек»¹. В этой части села чаще встречались прозвища крестьян: «...Сын Рычагов, сын Ржавской, сын Брынов, сын Волобаев, сын Ципляев, сын Ломакин, сын Коварин, сын Карета, сын Богомолов, сын Росихин, сын Немытиков, сын Самоделкин и другие».

В окладных книгах 1676 г. в селе впервые упоминается Богородице-Рождественская церковь. «...Церковной пашни при ней было 10 четв[ертей] в поле, а в дву потомуж, сенных покосов на 30 копен. В приходе, кроме села, состояли деревни: Выползова, Галинка, Никольская, Дроковская, Ерлинка, Кудашева и Кушунова, в коих числилось 6 дв[оров] помещиков, 217 дв[оров] крестьянских, 28 бобьльских и всего, с 3 дв[орами] причта, 254 дв[ора]. По окладу 1676 г. с Богородице-Рождественского приходу дани положено «пять рублей пять алтын две денги; а прежняя дани было рубль восемь алтын пять денег, и перед прежним прибыло три рубли двадцать девять алтын пять денег». В конце XVII ст[олетия] число приходских дворов в [селе] Вердереве значительно уменьшилось, как видно из досмотра 202 (1698) г. старосты поповского [села] Лопатина попа Иосифа, в котором показано в [селе] Вердереве: 2 дв[ора] поповских, 2 дв[ора] пономарских и 169 дв[оров] крестьянских. Причиною такого сокращения прихода было то, что «из Вердеревского прихода выселились две деревни – Никольское да Ерлино – и в них построены церкви»². Из священников вердеревской церкви, служивших в XVIII в., известны Борис (упоминается в 1676 г.), Дорофей Борисов (был рукоположен в 1689 г.) и Конон Борисов (был рукоположен в 1700 г.).

По переписной книге 1716 г., село показано принадлежащим стольникам Василию и Ивану Михайловичам Вердеревским³. За ними значатся дворы помещичьи, а за последним вотчинником «дворовых людей мужеска полу восемь человек ... да женска полу восемь человек... да крестьянских пятнадцать дворов... да нищенский один двор»⁴.

Хотя дворяне Вердеревские и были представителями древнего рода, выдающегося положения при дворе никто из них не занимал. Иногда в этом были свои преимущества: когда в сановном Петербурге бушевали грозы и летели головы, скромные провинциальные помещики отделялись легким испугом. В 1741 г., в ходе следствия над бывшим кабинет-министром А.П. Вольнским, массово вскрывались допущенные им на службе злоупотребления. Через некоторое время после казни влиятельнейшего еще совсем недавно сановника вышел указ императрицы Анны Иоанновны от 20 (31) июля 1741 г. за № 2819 «О взыскании з бывшего усмотрителя Артемия Вольнского псовой охоты и усодержании на казенном корму с подпоручика Петра Вердеревского⁵ денег двадцать рублей семдесят трех копеек одной чети доли к описи»⁶. Рядом с вотчинами Вердеревских находились организованные А.П. Вольнским скопинские конные заводы. Чтобы совмещать при их посещении полезное с приятным, для кабинет-министра были организованы псарни со всеми атрибутами псовой охоты, как бы принадлежавшие соседскому помещику, но при этом полностью содержавшиеся за счет казны.

О следующем помещике села Вердереве известно из сохранившегося в архивах отношения Скопинской канцелярии в адрес Рязской воеводской канцелярии, направленного 25 сентября (6 октября) 1755 г., в котором сообщалось о том, что «города Скопина Воз-

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 96 об, 99, 100 об.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 180.

³ Вердеревский Иван Михайлович (? – 1725) – стольник.

⁴ РГАДА, ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 310.

⁵ Видимо, имеется в виду Вердеревский Петр Казымыч (? – 1760) – поручик (1743), на его средства в 1730–1740-х гг. была возведена деревянная церковь в селе Гульники.

⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 15, д. 518, л. 1.

несенского девичья монастыря церковник Тимофей Васильев да скопинский волостной крестьянин Никита Барабанов донесли следующее. «...Оного де сентября 1755 года идет по улице человек, которого они спрашивают, чей именно крестьянин и которого села или деревни, на что объявил им якоб он Рязского уезда села Вердерева помещика Алексея Петрова сына Вердеревского¹ Иван Цепляев сын Михайло, и притом сказал им о себе, что он главный вор, а прошлом 754 году октября 17 дня оного девичья монастыря у монахинь и с келей им покрадено воровскими людьми несколько пожитков...»²

Бдительные расспросы незнакомого и в чем-то подозрительного человека не были случайностью. В начале и середине XVIII в. в отдельных уездах Рязанщины можно было встретить разбойничьи шайки численностью до сотни человек. «Лихие люди» грабили проезжих купцов, устраивали налеты на селения и усадьбы, даже нередко вступали в столкновения с отрядами правительственных войск, которые направлялись для их поимки и уничтожения. В указе императрицы Анны Иоанновны, датированном 1735 г., говорилось: «Сего мая 24 дня в военную контору подполковник Реткин репортом том объявил – из многих де провинций<...> объявляют письменно, что воровские и разбойнические люди немалые компании дома их разбивают, и жгут, и чинят смертные убивства<...>, да в городе Елатье разбили дом бурмистра<...>, в Шацком уезде на Бишевской пристани разбили их таможду, и кабак, и купецких людей...»³ Для борьбы с разбоями на проезжих дорогах организовывали караулы, ставились рогатки, а окрестных помещиков извещали о принимавшихся мерах и брали со старост их сел и деревень подписки о немедленном доношении любых известий о деятельности воров и разбойников. Сохранилась одна такая расписка, данная старостами владельцев села Вердерева по случаю ознакомления с очередным указом императрицы Елизаветы Петровны по этой теме: «1756 года июня 21 дня села Вердерева помещика Алексея Петрова сына Вердеревского староста ево Михаил Романов, да помещицы Алены Васильевой дочери Вердеревской старосты ее Авдокима Яковлева со крестьяны, присланной из Рязкой воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии указа императрицы, иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматривания о поимке злодеев – слышали и по оной исполнять во всем непременно в чем и подписуемся»⁴.

В XVIII в. вердеревским крестьянам случалось сталкиваться и с политическим сыском. Для этого порой было достаточно случайно или в сердцах оброненных неуважительных слов о правящем монархе. 23 января (2 февраля) 1758 г. в Рязской воеводской канцелярии был получен указ императрицы Елизаветы Петровны Канцелярии тайных розыскных дел, которым предписывалось «по некоторому секретному делу к расспросам взять» крепостных крестьян помещика А.П. Вердеревского Дмитрия Иванова и Акима Панкратова, а также Егора Панфилова, крестьянина деревни Кушуновой, которая принадлежала помещику А.В. Нарбекову. 31 января (10 февраля) 1758 г. канцелярист Рязской воеводской канцелярии Козьма Докукин «репортом» сообщил об исполнении поручения, не забыв, на всякий случай, упомянуть свидетелей: «...Притом были сторонние люди Рязкого уезду села Агломазова однодворцы Трофим Вахнеев, Максим Рахманин, села Яблонева Петр Миккульшин, Козьма Полубояринов». Согласно предписанию, арестованных крестьян следовало забрать «и, заклепав в ручные и ножные кандалы, под крепким караулом привести в Рязскую воеводскую канцеля-

¹ Возможно, имеется в виду Вердеревский Алексей Петрович (1716–1800) – преподаватель математики Школы навигацких наук.

² РГАДА, ф. 566, оп. 1, д. 2 28, л. 1.

³ ЦГА Марий Эл, ф. 2, д. 33, л. 607.

⁴ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, л. 30 об.

рию», а в пути «над теми колодниками крепкой и предосторожной денной и ночной караул и особливых часовых, дабы утечки и другой какой притчин над собою не учинили, чего ради всегда наблюдать и осматривать...», также «разведывать о пакости от разбойных и протчих воровских людей<...> лутчей предосторожности требовать <...> в селах и деревнях от обывателей проводников...»¹ На этом месте архивное дело обрывается. Остается только сожалеть, что документы не проливают свет на то, чем же все-таки провинились перед государством первые вердеревские «политические арестанты».

С образованием Скопинского уезда в составе Рязанского наместничества в 1778 г. село Вердереево стало одним из его населенных пунктов и оставалось в его составе вплоть до административных реформ советского времени.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, датированные 1779 г., описывают села Вердереево, Рождественно, Архангельское, Никольское, Чижово, селцо Моховое, деревни Рюмки, Ендовище тож, Дроково, Галино, Брынец, Деменьшину как «общее владение вдовствующей генеральши Елисаветы Петровны Ивенской, вдовы прапорщицы Катерины Ивановой дочери, гвардии поручика князь Сергея, гвардии сержанта князь Николая Алексеевых детей Хилковых; бригадира Ивана Иванова, поручика Петра Александрова, статского советника Алексея Алексеевича детей Вердеревских², полковника Василия Ивановича Толстого, полковника князь Сергея Ивановича Одоевского, Василия Васильевича Маркова с вырезанною церковною землею». Селения в общей сложности занимали площадь в 247 десятин 190 сажень (270 га), пашенные земли – 10 927 десятин 491 сажень (11938 га), сенные покосы – 1273 десятин 140 сажень (1391 га), лес дровяной – 3 704 десятин 2 020 сажень (4047 га), «неудобия» – 188 десятин 20 сажень (205 га). По 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг. – последней на момент составления экономических примечаний, – в селе Вердереево насчитывалось 37 дворов, 121 душа мужского и 80 душ женского пола. О местоположении села в документе сказано: «...Лежит на берегу речки Молвы по течению на левой стороне, на коей пруд. В том селе церковь деревянная во имя Рождества Пресвятой Богородицы, господский двор статского советника Вердеревского»³.

Деревянное здание Богородице-Рождественской церкви постройки XVII в. регулярно обновлялось и простояло в неизменном виде все следующее столетие. Известны имена нескольких священников, служивших в Вердереево в XVIII в. В 1-й четверти века в храме служил «поп Евстафий». Под 1734 г. упоминается священник Петр Максимов. До 1748 г. настоятелем церкви был Василий Симеонов, на этом посту в том же году его сменил Харитон Афанасьев. В 1809 г. был рукоположен новый настоятель храма – священник Михаил Александров⁴.

Окладная книга 1816 г. сохранила свидетельство о распределении вердеревских крепостных крестьян между многочисленными представителями помещичьей семьи. «Малолетнему Ивану Александрову сыну Вердеревскому» принадлежало 33 души. Еще 1 душой владел его брат Егор Вердеревский. Четверо из принадлежавших братьям крепостных 15 (27) октября 1827 г. были переведены в «село Моховое, Крестобогородицкое тож» и деревню Деменьши-

¹ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 79, лл. 1–10.

² Вердеревский Петр Александрович (1751–1812) – майор, судья Пронского уездного суда в 1788 г., предводитель дворянства Скопинского уезда Рязанской губернии в 1798–1799 гг. Вердеревский Алексей Алексеевич (1726 – после 1788) – статский советник, в 1792 г. по прошению был вписан с детьми Николаем, Сергеем, Александром и Даниилом в VI часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 47; д. 1240, л. 24.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 181.

ну, в имения братьев поручика Александра¹ и подпоручика Данилы² Вердеревских. За «малолетними Александром³ и Данилой Александровыми⁴» в селе числилась 21 душа, за «малолетней девицей Елизаветой Васильевой дочерью Вердеревской» – 49 душ. Гвардии капитан и кавалер Петр Иванов сын Вердеревский⁵ владел 48 душами, 9 из которых в 1825 г. были переведены в село Сергиевское. За корнетом Нилом Николаевым сыном Вердеревским⁶ в окладе было 115 душ, за его супругой корнетшей Александрой Анисимовой дочерью Вердеревской числилась всего 1 душа. Кроме того, в 1816 г. к селу были «причислены» 4 дворовых человека коллежской советницы баронессы Марьи Сергеевны Шлиппенбах⁷.

По окладной книге 1834 г., в Вердереве проживали корнета Нила Николаевича Вердеревского 168 душ поселян и 4 дворовых, из них 88 душ в 1839 г. были переведены в другое его поместье в Рязанской губернии. Штабс-капитан Александр Александрович Вердеревский владел в селе 9 душами поселян и 2 – дворовых, в 1839 г. они были переведены в другое его имение – деревню Галино. Девица Елизавета Васильевна Вердеревская (впоследствии по мужу Кобякова) владела 53 душами поселян и 9 – дворовых, в 1839 г. все они были переведены в другое ее имение в Рязанской губернии. Корнетша Александра Антоновна Вердеревская владела в селе 156 крестьянскими душами, к которым в 1845 г. добавилось еще 12 душ, переведенных из других губерний. Поручик Николай Нилович Вердеревский⁸ перевел в село из других губерний в 1843 г. 4 души, а в 1847 г. – еще 15. Также в селе за поручиком Екимом Григорьевичем Григорьевым числились 68 душ поселян и 12 дворовых, которые в 1837 г. были переведены в его имение в «селе Новоспасском, Зезюлино тож» в Рязанской губернии. Наконец, за губернской секретаршей Верой Андреевной Сухановой в 1837–1843 гг. в окладе состояло 60 душ⁹.

В 1835 г. в Вердереве было освящено новое деревянное здание Богородице-Рождественской церкви. До 1837 г. в ней служил священник Василий Иаковлев, в 1837–1860 гг. – Гавриил Васильев Платонов, в 1860–1898 гг. – Михаил Иванович Катагощин (1839–1912). В 1849 г. вердеревский храм стал первым в истории села очагом народного образования. В доме церковного пономаря открылось училище для крестьянских детей, где обучение велось «за малое вознаграждение»¹⁰.

На плане специального межевания 1850 г. село Вердереве показано как собственность корнетши Александры Антоновны, поручика Николая Ниловича и его супруги Юлии Михайловны¹¹

¹ Вердеревский Александр Алексеевич (1769–?) – капитан артиллерии, впоследствии коллежский ассесор Олонечкой казенной палаты. Ок. 1796 г. был судьей Скопинского уездного суда.

² Вердеревский Данила Алексеевич (1779–?) – вахмистр Лейб-гвардии Конного полка, позднее подпоручик.

³ Имеется в виду капитан Вердеревский Алексей Александрович (ок. 1803 – после 1823), избиравшийся ок. 1794–1796 гг. Пронским уездным предводителем дворянства.

⁴ Вердеревский Данила Александрович (1802–1855) – отставной поручик, в 1827–1830 гг. служил по выборам в Скопинском уездном суде дворянским заседателем, с 1840 г. служил в Скопинской уездной управе в чине коллежского секретаря, затем провинциального секретаря.

⁵ Вердеревский Петр Иванович (1788 – ?) – капитан Лейб-гвардии Литовского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и кавалер ордена Св. Владимира.

⁶ Вердеревский Нил Николаевич (1782 – до 1837) – отставной корнет Екатеринославского кирасирского полка, исправник Скопинского уездного земского суда в 1809–1812 гг., участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. в составе Конного казачьего полка Рязанского губернского ополчения, предводитель дворянства Скопинского уезда в 1824–1829 гг.

⁷ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 23, 32–34 об.

⁸ Вердеревский Николай Нилович (1816–1876) – отставной поручик Лейб-гвардии Его Величества Уланского полка, предводитель дворянства Скопинского уезда в 1848–1850 гг.

⁹ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 28 об, 29, 31 об, 34, 42–42 об, 43, 46 об, 62 об, 63 об, 207 об, 208.

¹⁰ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань, 1868. – С. 240–241.

¹¹ Вердеревская Юлия Михайловна (1822 – ?) – урожденная баронесса Соловьева, супруга Н.Н. Вердеревского до развода в 1855 г.

Вердеревских. В общей сложности помещики владели 396 душами и свыше 2347 десятинами (2 558,23 га) земли¹. В Вердереве в это время насчитывалось 130 дворов. Огороды юго-восточной окраины селения ограничивались истоками р. Молвы. Богородице-Рождественская церковь располагалась в центральной части села, на его главной улице. На северо-восточной части этой же улицы находился комплекс строений помещичьей усадьбы дворян Вердеревских².

По окладной книге 1850 г., население села делилось между членами семьи Вердеревских следующим образом. Корнетша Александра Антиповна (ошибка в тексте, очевидно – Антоновна. – *Примеч. авторов*) Вердеревская владела «мужского пола 174 поселянами и 25 дворовыми, исключенными из оклада в 1855 г. в связи с ее кончиной. За гвардии поручиком Николаем Ниловичем Вердеревским числились «мужского пола 75 поселян и 31 дворовый», к которым в 1855 г. были причислены «мужского пола 174 души и 25 дворовых», ранее принадлежавших его матери А.А. Вердеревской. Кроме того, гвардии поручик Илья Михайлович Вердеревский владел в селе «мужского пола 50 душами поселян и 3 дворовыми»³.

По последней, 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., в селе Вердереево помещиков Вердеревских насчитывалось 76 домохозяйств, в которых проживали 376 душ мужского пола и 303 женского⁴.

Похоже, помещик Н.Н. Вердеревский оставил по себе не очень хорошую память у жителей села. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов в своей книге свидетельствуют: «Селом и крестьянами семья Вердеревских владела вплоть до отмены крепостного права по реформе 1861 г. Как известно, барин Вердеревский отличался коварным и крутым нравом, о чем, в частности, свидетельствует история, произошедшая в селе примерно в 1854 г.

Доведенные до крайности притеснениями и издевательствами своего «дикого барина» многие крестьяне бежали из родного села, скрываясь в окрестных лесах или на Дону. Тогда барин пустил слух, что если бежавшие вернуться домой добровольно, то никакого наказания не понесут. Некоторые действительно поверили в это обещание – за что жестоко поплатились. Помещик вызвал из Скопина чиновника с отрядом полицейских, которым приказали устроить массовую образцовую порку сбежавшим, но вернувшимся вердеревцам. Но как только началось избиение, село взбунтовалось. С кольями и вилами жители вступили в схватку с полицейским отрядом»⁵.

При отмене крепостного права в 1861 г. село Вердереево сначала стало центром Вердеревской волости, позднее вошло в состав Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии. В 1861 г. в Вердерееве также состоялось открытие нового сельского училища, инициатива создания которого принадлежала местному священнику М.И. Катагощину. Оно размещалось в здании волостного правления. Родители учащихся приобретали за свой счет учебники, но само обучение было бесплатное. В 1866 г. в нем училось 10 мальчиков⁶.

По данным ревизии Скопинского уезда губернским земством, проводившейся в 1875 г., в это время в Вердеревском сельском училище «от общества и частных лиц» обучались 36 мальчиков. Законоучителем в нем состоял священник Богородице-Рождественской церкви М.И. Катагошин, все остальные дисциплины преподавал Петр Александрович Овчинни-

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 2.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 33 об-37.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 2.

⁵ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 189–190.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 240–241.

ков, выпускник Скопинского уездного училища. Вердеревское сельское общество предоставило училищу помещение, а также выделяло ежемесячно 20 рублей на отопление и жалованье учителям. В 1874 г. к этой сумме добавилось еще 50 рублей от уездного земства¹.

Крестьянская реформа 1861 г. положила конец многовсковому владению дворянами Вердеревскими своим родовым гнездом в Скопинском уезде. Дети отставного гвардии поручика Н.Н. Вердеревского Александра (1842–?), Нил (1845–1905), Мария (1847–?), Николай (1849–?) и Дмитрий (1850–1898) стали последними представителями древнего рязанского рода, которых крестили в Богородице-Рождественской церкви в Вердереве. Последнее десятилетие перед крестьянской реформой 1861 г. имение Вердеревских находилось под опекуном управлением. В заседании Рязанского губернского по крестьянским делам присутствия от 20 июля (1 августа) 1862 г. рассматривался вопрос о снятии опеки с имения, взятого в опекуном управление за злоупотребление помещичьей властью. В деле отмечалось: «Слушали прошение поручика Николая Ниловича Вердеревского, следующего содержания. Имение его, Вердеревского, состоящее Скопинского уезда в селе Вердереве с хуторами Никольским, Немировским и Ерлинским, состоит в ведении Скопинской дворянской опеки за злоупотребление помещичьей власти. По сим имениям в настоящее время составлена и 20 июня сего года введена в действие уставная грамота, а так как на основании указа Правительствующего Сената, последовавшего 25 июня сего года за №30689, разрешается губернскому присутствию населенные имения, взятые в опекуном управление за злоупотребление помещичьей власти, по коим будут введены в действие уставны грамоты, от опеки освободить по просьбам владельцев <...> г. Вердеревский просит присутствие, в силу упомянутого указа Сената, ныне же сделать распоряжение об освобождении его от опеки». Участники заседания вынесли решение: «Ныне же от опеки освободить...»²

В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г., упоминаются договоренности, заключенные помещиками супругами Вердеревскими со своими бывшими крепостными, переходившими в категорию временнообязанных: «Скопинск[ого] уез[да], участка мир[ового] посредника Вердеревского, с[ело] Вердереве и хутора Никольский, Немеровский и Ерлинский, поруч[ика]. Н.Н. Вердеревского, 324 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины]. 1500 саж[еней] (2,9 га), повинность издельная. Грамота написана помещиком»³. Также «Скопинск[ого] уез[да], участка мир[ового] посредника Вердеревского, с[ела] Вердереве, поруч[ицы] Ю.М. Вердеревской, 97 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины]. 1200 саж[еней] (2,78 га), повинность издельная. Грамота написана помещицей»⁴.

Былые злоупотребления бывших помещиков еще долго оставались в крестьянской памяти. Об этом можно судить по сообщению, появившемуся в 1864 г. в разделе «Местные известия» газеты «Рязанские губернские ведомости»: «Из Скопинского уезда – 29 июня, Скопинского уезда, в селе Вердереве, сгорел, как полагают, от поджога, скотный двор, принадлежащий помещику Вердеревскому»⁵.

В 1866 г. бывшие крестьяне Н.Н. Вердеревского рассчитались со своим бывшим помещиком по выкупным платежам. В «Ведомости о поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 29 сентября по 8 ноября 1866 года выкупных сделок»,

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877 – С. 430.

² Рязанские губернские ведомости, № 44. – 1862. – 3 ноября.

³ Рязанские губернские ведомости, № 34. – 1862. – 25 августа.

⁴ Там же.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 30. – 1864. – 25 июля.

значится таковая между 321 бывшим крепостным и поручиком Н.Н. Вердеревским в имении села Вердерево. Размер полученной бывшим барином ссуды составил в 34 819 руб. 20 коп.¹

В 1868 г. население Вердерева вместе с хуторами Ерлинским, Никольским и Крутцовским насчитывало 671 человека. В селе действовал винокуренный завод, размещавшийся в кирпичном здании (при ревизии губернского земства в 1875 г. его владельцем был указан некий Г.Исаков), а также 3 ветряные мельницы².

28 марта (9 апреля) 1876 г. «Скопинского уезда в селе Вердерево дворянин Николай Вердеревский умер от излишнего употребления вина»³. Похоже, его наследникам пришлось расстаться и с фамильной усадьбой. В качестве ее новых владельцев с этого времени упоминается семья потомственных почетных граждан Занегиных, выходцев из купеческой среды, промышленников и предпринимателей. Однако какие-то старые судебные тяжбы в прежнем имении бывшие помещики вели вплоть до середины 1880-х гг. Одно из последних упоминаний о Вердеревских в контексте села относится к 1885 г.: судебный пристав 2-го участка Скопинского съезда Н.В. Попов объявлял в «Рязанских губернских ведомостях» о том, «что 8 октября 1885 года в 10 часов утра, при означенном съезде, на удовлетворение взыскания поручика Нила Николаевича Вердеревского 8420 руб. 80 коп. с % будет продаваться недвижимое имение жены майора Александры Николаевны Исаковой при селе Вердерево, Скопинского уезда, заключающееся в 3 десятинах огородной земли и в праве ея на 4 десятины пахатной из участка 157 десятин, из которых 153 десятины уже проданы»⁴.

К 1880 г. в Вердерево уже насчитывалось 139 дворов с 1050 жителями, церковь, винокуренный завод⁵. По переписи 1882 г., в селе было 151 домохозяйство, в которых проживали 443 мужчины и 402 женщины. Грамотных было немного – всего 45 мужчин и 8 учащихся мальчиков. Земля в окрестностях села была описана как чернозем, немного песка и иловатой почвы. Крестьянские наделы были небольшими – в среднем 2,5 десятины (2,73 га). Тем, кто мог себе это позволить – а таких насчитывалась 51 семья, – арендовали у окрестных землевладельцев 216 десятин (235,4 га) земли на общую сумму сумму 3584 рубля в год. Безземельные крестьяне – сельская беднота – проживали в 5 дворах. Безлошадных насчитывалось 44 двора, из них в 38 не было и коров. Топились «по-белому» лишь 13 из 138 изб – все деревянные, крытые соломой. При них насчитывалось 107 плетневых дворов, три заборных, 26 горниц (клетей), 58 амбаров (сараяв) и 100 риг (овинов). В селе работали 16 различных мастеровых, а всего местными промыслами занимались 96 семей, около двух десятков семей состояли в отхожих промыслах. Также в селе работали два промышленных заведения, два кабака и лавка⁶.

В 1880 г. вердеревский священник М.И. Катагощин «пересосновал» сельское училище, превратив его в учебное заведение с трехлетним курсом обучения. В 1886 г. оно располагалось в отдельном деревянном доме с 7-ю окнами и крытой железом крышей. Отопление для училища обеспечивала церковь. Общая площадь классных комнат составляла 79 кв.аршин (39,95 кв.м), собственной библиотеки не было, учебные пособия предоставлялись епархи-

¹ Рязанские губернские ведомости, №36. – 1867. – 17 мая.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань 1868 – С. 584–585.

³ Рязанские губернские ведомости, № 35. – 1876. – 5 мая.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 67. – 1885. – 7 сентября.

⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 2–8; Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 421.

альным советом. В 1885/86 учебном году, который начался 2 октября и закончился 15 апреля, в училище обучалось 58 мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет, в том числе 21 из двух соседних селений. Плата за обучение не взималась. Попечительницей училища с 1880 г. состояла потомственная почетная гражданка Елизавета Владимировна Занегина. Законоучителем и учителем был все тот же неутомимый священник М.И. Катагоцин¹. Интересно отметить, что по итогам 1888/89 учебного года попечительнице школы Е.В. Занегиной было объявлено «архипастырское благословение архиепископа Рязанского и Зарайского»². Детали попечительской деятельности видны из публикаций в «Рязанском епархиальном вестнике» за 1895 г., где упоминаются пожертвования церковной школе «Е. Вл.Занегиной – 120 р., и кроме того, содержания учительнице, а также завтраков школьникам и учебных пособий»³. На средства благотворителей с разрешения епархиального начальства в том же году ремонтировалось и обветшавшее здание Богородице-Рождественской церкви – «весь храм со вне и внутри»⁴.

Главным вердеревским промышленным предприятием на рубеже XIX и XX вв. являлся винокуренный завод № 43. По данным 1893 г., его владелицей была уже упоминавшаяся выше потомственная почетная гражданка Е.В. Занегина. Завод размещался в кирпичном здании, на нем трудилось 25 рабочих из числа жителей села. Каждый из них получал жалованья 7 руб. в месяц. При том понимании, что с мая по август завод не действовал, за год он производил около 30 тыс. ведер (368 970 л) алкогольных напитков. На их изготовление ежегодно использовалось 2400 пудов (39,36 т) ржи, 3000 пудов (49,2 т) проса и 40 000 пудов (656 т) картофеля. Завод работал на каменном угле, потребляя его ежегодно до 50 тыс. пудов (800 т)⁵.

В селе также действовали две кузницы. Одна из них принадлежала Е.В. Занегиной, а другая – крестьянину Павлу Ефремову⁶. В собственности Е.В. Занегиной к 1898 г. находилось и «мукомольное производство», видимо – мельницы, упоминавшиеся в губернской памятной книжке на 1868 г.⁷

В последние годы XIX в. в Вердереве процветал конный завод Е.В. Занегиной, специализировавшийся на разведении рысистой породы лошадей⁸. В Скопинском уезде, довольно перенаселенном, конных заводов было мало. Завод в Вердереве был основан в 1894 г. На нем в 1890-х гг. насчитывалось 25 кобыл рысистой и рабочих пород. Позже их число сократилось⁹.

В каталоге Всероссийской выставки рысистых лошадей в Москве, проходившей в городском манеже в 1899 г., упоминались лошади из имени Василия Владимировича Занегина. Были представлены 5 лошадей «завода Е.В. Занегиной». Среди них Бахус, темно-серый жеребец, 5-летнего возраста, ростом 2 аршина 5½ вершков, и Уран, 4-х летний вороной жеребец, ростом 2 аршина 5 вершков¹⁰. Среди лошадей, участвовавших и бравших призы на скачках в

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889 – С. 14–19, 26.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 2. – 15 января. – 1890. – С. 66.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 12. – 15 июня. – 1895. – С. 479.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 10. – 15 мая. – 1895. – С. 370.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 3–3 об.

⁶ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 15 об–16.

⁷ Адрес-календарь Рязанской губернии на 1898 год. – Рязань, 1897. – С. 93.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ *Дубенский Д.* Конские заводы Европейской части России, Кавказа и Тургайской области. Исторический очерк их развития. – СПб., 1895. – С. 125.

¹⁰ Каталог Всероссийской выставки рысистых лошадей в Москве. – М., 1899. – С. 33.

Москве и Нижнем Новгороде в 1900–1902 гг., упоминается жеребец помещика Василия Владимировича Занегина по кличке Эфиоп, 1893 года рождения, взявший приз в 170 рублей¹. Другие рязанские коннозаводчики были более удачливыми, имея, например, до 10 очень резвых рысаков, каждый из которых за этот период мог выиграть от 10 до 60 тысяч рублей.

В «Списке частных конных заводов на 1904 г.» упоминается завод В.В. Занегина (Е.В. Занегиной) при селах Вердереево и Кушуново, основанный в 1884 г. В нем разводились упряжные лошади орловской породы². В 1905 г., по данным военно-конской переписи 1900–1906 гг., у «наследников Занегиных» было 2 жеребца и 10 кобыл английской породы, «рысистых, призовых»³.

В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. в Вердереево отмечались аграрные волнения. Им всегда предшествовала антиправительственная агитация среди крестьян. По воспоминаниям члена социал-демократической группы г. Скопина И.В. Кормильцева⁴, накануне революции «только с октября 1903 по март 1904 гг. было разослано до 500 писем по темам: «Как собираются и куда расходуются народные деньги», «Крестьянин и земские начальники», «Полиция и народ», «Крестьянское духовенство», «Народ и армия», «О войне» и др. письма читались в трактирах, на деревенских сходах и были предметом горячих обсуждений». Уездный исправник, например, разбиравший дело о волнениях крестьян с. Вердереева в июне 1904 г. пришел к выводу, что «на крестьян этого села оказывали влияние рассылаемые по уезду во множестве письма революционного содержания», в которых писалось то, о чем «крестьяне этого села в весьма дерзкой форме говорили мне во время требований в Вердерееве»⁵.

1905 г. в Вердереево запомнился не только крестьянскими выступлениями, но и конфликтом помещиков Занегиных со Скопинским земством. Скопинская управа не согласовала с ними строительство за селом, на Перевлесском тракте, деревянного моста длиной 3½ (2,49 м) и шириной 3 аршина (2,13 м), под самой усадьбой Занегиных. Помещики закрыли для движения участок дороги, проложенный от моста по их земле, и перенесли ее в другое место. Земская управа в том же году подала на Занегиных в суд, но он вынес решение не в пользу земства. С учетом затрат на устройство мостовой, потери земства составили около 533 рублей⁶.

В 1906 г. в селе насчитывалось 165 дворов, в которых проживало 511 мужчин и 500 женщин, действовали школа грамоты, ветряная и паровая мельницы. Расстояние до ближайшего врачебного пункта в деревне Дроково составляло 8 верст. В селе находилась владельческая усадьба потомственной почетной гражданки Е.В. Занегиной и принадлежавший ей же винокуренный завод⁷.

¹ Алфавит коннозаводчиков, лошади коих бежали и выигрывали на всех ипподромах России с января 1901 по I-ое полугодие 1910 г. – СПб., 1911. – С. 38; Указатель бежавших и выигравших лошадей в России (1860-1903). – СПб., 1905. – С. 565.

² Список частных конских заводов в России на 1904 год. – СПб., 1905. – С. 578.

³ Коневодство в 60-ти губерниях Европейской России и Кавказа. – СПб., 1908. – С. 56–57.

⁴ Кормильцев Иван Васильевич (1885–1946) – участник рабочей группы РСДРП в г. Скопине и уезде накануне и в период Первой русской революции 1905–1907 гг., а также в последующие годы. По возвращении из германского плена в 1918 г. находился на партийной работе в своем родном селе Павелец, затем в Скопине и в Рязани в губернских советских и партийных организациях.

⁵ Ученые записки. Т. 105, вып. 6. Москва, 1961. – С. 57–58.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва 20 февраля 1905 года. Скопин, 1905. – С. 26–27.

⁷ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 604–605.

В 1907 г. в Вердерево было создано кредитное товарищество, в котором состояли крестьяне сел Вердерево, Рождествено, Немерово, Никольского, Ермолово, Яблонево, Кушунново, Малое Кушунново, Залесное-Чулково. На 1 января 1914 г. в нем состояло 603 человека¹.

Последовательный рост численности населения села Вердерево во 2-й пол. XIX в. привел к тому, что деревянная Богородице-Рождественская церковь 1835 г. постройки уже не вмещала всех прихожан. С разрешения епархиального начальства 17 (30) июня 1907 г. в селе был заложен новый каменный храм. К 1912 г. были возведены его основной объем и трапезная. Дальнейшее строительство застопорилось, т.к. закончились деньги. Однако известно, что в годы Первой мировой войны строительство на какое-то время возобновлялось. По состоянию на 1914 г. церковь занимала земельный участок площадью 2 десятины 1200 саж. (2,73 га), и к ней еще был приписан участок пахотной земли в 33 десятины 1800 саж. (36,79 га). Настоятелем Богородице-Рождественской церкви в Вердерево в 1914 г. был священник Алексей Иванович Крылов².

Последнее десятилетие имперского периода в истории России ознаменовалось бурным развитием образовательных учреждений в Вердерево. К 1908 г. в Вердерево насчитывалось 1087 жителей, из них детей школьного возраста (от 8 до 11 лет) было 98 человек. 59 детей обучалось в церковно-приходской школе, бывшем сельском училище³. Школа занимала все то же деревянное здание 1884 г. постройки. В отчете 1916 г. церковно-приходская школа в Вердерево названа однокомплектной⁴. В других источниках ее также называют одноклассной, с трехгодичным курсом обучения. В 1909 и 1910 гг. в селе были построены две новые земские школы, видимо – для мальчиков и девочек. В 1914 г., накануне Первой мировой войны, в селе Вердерево было 178 дворов, население состояло из 584 мужчин и 585 женщин⁵.

Немало вердеревцев приняло участие в Первой мировой войне. Например, отставной унтер-офицер Федор Петрович Архипов (1882 – после 1920), бывший на военной службе еще в 1903–1905 гг., в июле 1914 г. вновь вернулся в строй, став за годы войны кавалером Георгиевского креста 4-й степени. В 1916 г. на фронте он был контужен, но демобилизовался только во время развала армии в 1918 г.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., сохранились интересные сведения о жизни в Вердерево накануне революции 1917 г., записанные в 1939 г. со слов старшего кочегара Вердерево-ского спиртзавода: «До революции на полях помещика работало около 100 человек рабочих. Лошадей было 200 (рабочих маток 50), в том числе 28 рысаков. Помещик сдавал в 1910–1912 гг. 700 десятин (763 га) земли местному населению в аренду, 800 десятин (872 га) оставил себе. В 1915 г. спиртзавод был остановлен, стоял до революции. В 1915 г. Занегин умер, осталась его дочь⁶. Дочь передала управление опекуну Хлебникову. В 1917 г. имение Занегиных было растащено крестьянами»⁷.

¹ Справочник по Рязанской губернии: Вып. 1 / Экон. отд-ние Ряз. губ. земской управы – Рязань, 1915 – С. 54–55.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 447.

³ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 42–43.

⁴ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 168.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 548.

⁶ Уже в 1914 г. владельцем винокурного завода в Вердерево источники называют Ольгу Сергеевну Занегину. См. Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 460.

⁷ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 91. Тетрадь I, Скопинский район.

По данным статистики, в начале революционного 1917 г. в селе Вердереве Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывался 201 двор, а население составляло 608 мужчин и 641 женщину. «Винный завод госпожи Занегиной» в связи с введением «сухого закона» после начала Первой мировой войны не действовал¹.

Точного времени разрушения усадебного комплекса Вердеревских-Занегиных установить не удалось. Скорее всего, речь идет о лете-осени 1917 г. От усадьбы до наших дней сохранилось лишь название местности за бывшим вердеревским спиртзаводом – Барский сад. В настоящее время она размежевана на участки.

После ликвидации помещичьего землевладения и размежевания земли Вердереве вступило в эру «военного коммунизма». Советская республика, охваченная кольцом контрреволюционных фронтов, отчаянно боролась за свое существование. Остро стоял продовольственный вопрос, и для его решения новые власти, не колеблясь, прибегали к решительным мерам. Так, например, воззванием Скопинского уездного продотдела от 2 октября 1918 г. весь годовой урожай в уезде был «объявлен госсобственностью и принят на учет». В нем сообщалось: «Излишки будут отбираться по твердой цене. Ссыпные пункты имеются в каждой волости нашего уезда, и кроме того, при селах Маклаково, Боровое, Вердереве, Залесное-Чулково, при ст. Милославской Ряз[анско]-Ур[альской] железной дороги, в городе Скопине при складе упротделом». Однако установленная властями «твердая цена» не устояла перед пагубным влиянием галопировавшей инфляции, так что на следующий год желания засеять под хлеб полученную землю у многих крестьян уже не было².

«Уже в начале 1920-х гг. усилиями членов местного комитета бедноты И.А. Ахромина, А.К. Ларина, А.С. Бакушина, Д.Д. Удальцовой, П.А. Данилина и других в Вердереве организовали первое в округе садоводческое товарищество, где работа строилась по коллективному принципу. Члены товарищества выращивали овощи и фрукты, распределяя доходы на артельных началах. Во многом это товарищество являлось повторением артельных и общинных принципов организации труда, издавна существовавших на Руси.

Коллективизация началась в Вердереве в 1930 г. Тогда на территории Вердеревского сельского совета образовалось несколько небольших хозяйств. В самом Вердереве крестьяне объединились в колхоз «Путь к новому быту». Председателем в нем избрали В.А. Егорова. Это был один из наиболее крупных колхозов, так как в него входило около сотни крестьянских хозяйств»³.

С началом массовой коллективизации советские власти взяли линию на объединение крестьян в колхозы, проводя политику дискриминации единоличников, в особенности тех их них, кто до революции принадлежал к сельской элите – кулакам. Несмотря на такой курс, в Постановлении ЦИК и Совнаркома от 25 июня 1931 г. отдельно оговаривалась необходимость «устранять факты наложения твердых заданий, раскулачивания и т.п., допущенные в нарушении законов советской власти в отношении отдельных колхозников, единоличных хозяйств». Скопинская районная прокуратура была завалена делами с жалобами на неправомерность действий местных властей. Примеры таких перегибов не в меру ретивых администраторов известны и в истории Вердерева. Например, был обложен твердым заданием крестьянин-единоличник Вердеревского сельсовета С.М. Волин. После того как он доказал, что обложение было произведено безосновательно, сельсовет известил его, что задание снято, но 5 января 1932 г., когда самого Волина не

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

² Известия, № 5. – 1918. – 2 октября.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 190.

было дома, явился председатель сельсовета и распорядился вывезти весь его хлеб до последнего зерна. Семья Волина, состоявшая из 8 человек, осталась без пропитания. Сам же он считался середняком, а в дореволюционном прошлом вообще был батраком. Районная прокуратура три раза направляла запрос в сельсовет о направлении его характеристики, но все безрезультатно¹. Видимо, крестьянин Волин чем-то здорово насолил председателю сельсовета, а тот, не стесняясь, использовал имевшиеся у него властные рычаги для сведения личных счетов.

Каждый колхозник и единоличник в этот период платили сельхозналог, культурный налог и налог самообложения, сдавали сельхозпродукты государству. Зажиточные крестьяне, остававшиеся за рамками колхозов, облагались «твердыми заданиями» по сдаче зерна, овощей, мяса. Шкала налогов дифференцировалась в зависимости от уровня производительности крестьянских хозяйств. Бедняки вовсе не платили ничего. А «твердые задания», возлагавшиеся на зажиточных, порой бывали такими, что бывшие кулаки и «крепкие сельские хозяева» бросали свою землю, преднамеренно не засеивали ее или прятали урожай. И то, и другое сурово наказывалось. Газеты пестрели сообщениями, подобными этому: «Из Вердеревского сельсовета крестьяне Архипкин, Сучков и Шумков за уклонение от сдачи в 1932 г. сельхозпродукции были приговорены к 6 годам с конфискацией»². Колхозы тоже осуществляли госпоставки, но по низким ценам. В исследованиях приводятся факты сдачи ими продукции по себестоимости. Поэтому распространенной практикой было сокрытие даже видов на урожай. Газета «Побединский ударник» в 1933 г. писала: «Председатель Вердеревского сельсовета Фомин в сводке по видам на урожай ржи указал, что будет не более 6,5 центнеров, во второй сводке не более 7, а на самом деле 10–11 центнеров. Вердеревский колхоз сообщил о предполагаемом урожае капусты 70 ц, вместо реальных 200 ц с га»³.

«Начало 1930-х гг. отмечено и другими важными для сельчан событиями, правда, в той или иной мере, но связанными с курсом советской власти на обобществление крестьянского труда. Так, в 1932 г. вердеревцы построили свой первый сельский клуб. Для этого разобрали деревянные здания старой школы и церковной сторожки»⁴.

На фоне форсированной индустриализации и начавшегося оттока населения в города на селе начал ощущаться недостаток квалифицированных кадров во многих сферах, в том числе – и в области народного образования. В 1935 г. в докладной записке Скопинского райотдела УНКВД сообщалось, что в ходе проведения «проверочных испытаний по вердеревской школе необходимо отметить безобразное ведение за весь учебный год своей дисциплины – русского языка со стороны преподавателя Селезнева. На испытаниях русского языка (письменная работа 5-й класс), учащиеся допускали в письменных работах до 40–50 ошибок, а некоторые до 78 ошибок... Из этого класса 13 человек оставлены на второй год. Селезнев – преподаватель русского языка на доске, производя запись, делает массу ошибок, например, «товарищ». Ученики в некоторых случаях его исправляют»⁵.

В конце 1930-х гг. некоторые вердеревцы пали жертвами «Большого террора». Большинство из них пострадало за «контрреволюционную агитацию и активную антисоветскую пропаганду». Егор Степанович Демин (1897–1937) был осужден тройкой УНКВД по Рязанской области и расстрелян в Рязани 10 декабря 1937 г. Степан Алексеевич Егоров (1887–1937)

¹ Побединский ударник, № 124. – 1932. – 2 июня.

² Побединский ударник, № 248. – 1932. – 12 декабря.

³ Побединский ударник, № 160. – 1933. – 15 июля.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 191.

⁵ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 24 об.

был арестован 25 августа 1937 г., осужден 19 сентября и расстрелян 21 сентября. Как и Владимир Александрович Сорочкин (1906–1937), он был похоронен на Бутовском полигоне под Москвой. Не миновала эта горькая чаша и сына вердеревского священника М.И. Катагощина. Василий Михайлович Катагощин (1879–1938) в 1904 г. окончил Казанскую духовную семинарию и пошел по стопам отца – стал священником. В 1922–1923 гг. он уклонился в обновленческий раскол. В 1932 г. В.М. Катагощин был хиротонисан в епископа Чистопольского Татарской АССР, с 1933 г. являлся правящим епископом Буинско-Тетюшским. В 1936 г. он был возведен в сан архиепископа, а уже 2 сентября 1937 г. – арестован по месту проживания в городе Буинске Татарской АССР. 30 декабря 1937 г. В.М. Катагощин был осужден тройкой НКВД ТАССР по обвинению в «организации религиозного кружка «сестричества», антиколхозной и религиозной агитации» и 4 января 1938 г. расстрелян в городе Спасске. В 1989 г. все пострадавшие вердеревцы были посмертно реабилитированы.

В конце 1937 г. в Вердеревский сельсовет Скопинского района новообразованной Рязанской области входили села Вердереево, Большое и Малое Кушуново, Немерово, в которых насчитывалось 567 жилых строений. На начало 1937 г. в трех колхозах сельсовета состояло 372 двора, т.е. сельсовет был коллективизирован на 93,7 %. Колхозная площадь под озимыми составляла 981,2 га, под яровыми – 1208,9 га, под огородно-бахчевыми культурами – 51,89 га, под картофелем – 342 га, под кормовыми культурами – 552 га, под яровыми – 2162 га. Общая площадь садов, включая приусадебные участки колхозников и единоличников Вердеревского сельсовета, составляла 24,67 гектара.

В трех колхозах насчитывалось 361 лошадь, 62 коровы, 150 свиней, 313 овец. В сельсовете действовала начальная школа с 165 учащимися и неполная средняя с 307 учащимися, работали также 3 сезонных яслей. В личных хозяйствах колхозников под огороды было занято 4,71 га земли, под сады – около 10 га, под посадки картофеля – 100,6 га. В личных хозяйствах содержалось 403 головы крупного рогатого скота, 164 свиньи и 885 овец¹. В 1938 г. с площади в 1114 га колхозники Вердеревского сельсовета собрали 7 267 ц зерна, со 107 га – 1 408 ц картофеля, с 9 га – 122 ц овощей и бахчевых. В среднем каждым из 348 колхозников было выработано по 143 трудодня, на каждый из которых к выдаче полагалось 2,4 кг зерна и 17 копеек деньгами. Трудодень являлся единицей оценки количества и качества труда. За один рабочий день могли начислить различное количество трудодней в зависимости от выполнявшейся работы.

В хозяйстве вердеревского колхоза «Путь к новому быту» на 1 января 1939 г. имелось 192 лошади, из них молодняка 110 голов². Крупного рогатого скота – 33 головы, в том числе молодняка 14. Свиней – 76, от которых в 1938 г. было получено 280 поросят. Овец – 162, от которых также было получено 115 единиц молодняка. Из общего числа в 1938 г. пало 6 жеребят, теленок, 29 поросят и 14 овец. Кроме того, колхозникам было продано 106 поросят и 12 овец³.

К этому времени в селе Вердереево насчитывался 191 крестьянский двор. После вступления в колхоз «Путь к новому быту» 5 дворов села и 2 дворов из другого колхоза, в нем числился 171 двор, в которых проживали 873 человека. В 134 дворах держали скот. Из общего числа жителей села за рамками колхоза оставались 129 человек⁴.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Подробно о производственной деятельности колхоза «Путь к новому быту» села Вердереево за 1938 год – см. Приложение 5.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

Интересно описание села, составленное в 1939 г. участником Рязанской комплексной экспедиции МГУ Н.А. Васильевым: «Село находится на возвышенном месте, на южном скате возвышенности. Почта, тут же и телефон. Приемников (радио) нет. Трансляционных точек – 48. Почта обслуживает Б. Кушуново, М. Кушуново, село Немерово. Спиртной завод и откормочный пункт. Всего дворов 185, жителей 845. В сельсовете имеется всего 2 телефонных точки, обслуживают все селения сельсовета. Ближайшая р. Вёрда в 12 км, лес находится от Вердереево в 3-х км, грунт твердый, деградированный чернозем. Водоснабжение при помощи двух колодцев. Постройки на 60–70 процентов построены из кирпича, покрыты большей частью соломой. Кирпич местного производства, дома большей частью в три окна. Отходничество имеется, главным образом, в Москву на постоянную работу. В селении 50 кружевниц и сапожник. Кружевницы работают только в свободное от полевых работ время. За последний год построено три жилых дома, при колхозе построены свинарник и овчарник. В селении сельмаг (мануфактура, готовые платья, бакалея). Имеется ларек, продает бакалею, мясо, хлеб и продовольствие. Имеется скотобойная площадка. Сельмаг обслуживает весь сельский совет, ларек в Вердереево. Имеется медпункт, обслуживается фельдшером и сестрой. При колхозе ясли, работающие летом на 30 коек, неполная средняя школа, где 11 учителей и обучается 350 человек. Школа обслуживает селения сельсовета и дер. Рождественно и Никольское (Пронский район). Школа выстроена в 1932 году. В этой же деревне до революции была церковно-приходская школа, со всего сельсовета обучалось 70 человек (3 класса). До революции грамотность 10 процентов, теперь 93 процента. Было неграмотных 36 и малограмотных 15 на 1 февраля 1939 года. Ликвидация неграмотности проводилась силами культурмейцев – 19 человек, теперь неграмотных нет. Есть изба-читальня. Со средним образованием 13 человек. Там есть игры, газеты, журналы. Библиотека – 600 книг, обслуживает весь сельсовет. Кинопредвижка работает 4 раза в месяц. Имеются кружки: два драматических, самодеятельности, два ОСО, ПВХО, ПВАО, СВБ. Освещение керосиновое. Баня при спиртзаводе, обслуживает с. Вердереево. Зеленых насаждений нет, замощенных улиц нет. И.С. Капков награжден медалью «За боевые заслуги» – участник боев под Хасаном. Имеется три летчика¹. Действовал перед войной и Вердеревский спиртзавод № 17, до революции принадлежавший Е.В. Занегиной. По описанию этого же времени он был соединен с городом Скопином «грунтовой дорогой», завод в системе Главспирта, основан в 1900 году. Производится спирт-сырец. Завод освещается динамо-машинной мощностью 12 кВт. Обслуживающий персонал 68 человек, в том числе 40 рабочих. В 1938 году выпущено 112743 декалитров, для чего потреблено 5193 тонн картофеля, 324 тонн цикория, 1242 тонны зерна ржи, 482 тонны ячменя и 355 тонн овса. Спирт с завода идет по нарядам для спиртоводочных заводов Рязьска, Москвы, Рязани, для заводов синтетического каучука, красочных и химических заводов. До 1939 года работа производилась сезонно, прерываясь с июня по сентябрь. Теперь сезонность изжита, работа производится в 3 смены. Питание водой происходит из 2-х маленьких прудов, расположенных у завода, и одной артезианской скважины. В сутки потребляется 40–48 тыс. декалитров воды. Качество воды в прудах неудовлетворительно, и воды недостаточно. При заводе имеется откормочная база Заготскота, существующая на отходах – барды. Район комплектования рабочей силы – село Вердереево и окружающие деревни Кушуново, Никольское, Рождественское»².

Начало Великой Отечественной войны население Скопинского района Рязанской области встретило с большим патриотическим подъемом. В 1941 г. по колхозам Скопинского

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 92. Тетрадь пос. Октябрьское поле, с. Вердереево, ЦЭС.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 92. Отдельные листы.

района шел сбор денег на танк «Женщины – патриоты Родины», рабочие и инженеры шахт и предприятий собирали средства на танк «Скопинский горняк», сельские школьники, в числе которых были и вердеревские, участвовали в сборе средств на танк «Скопинский пионер». Главной задачей момента стало обеспечение фронта всем необходимым. При этом школьники работали в полях наравне со взрослыми. За август–сентябрь 1941 г. учащиеся вердеревской неполной средней школы заработали 5328 трудовней, из которых 1280 передали в Фонд обороны. Причем многие из них были заняты на довольно ответственных работах. Например, семиклассник В. Сорокин трудился сеяльщиком, а его сверстница Л. Коршунова вязала снопы, не отставая от взрослых. Учащиеся младших классов собрали почти 12 кг шиповника и передали их в аптеки¹.

«Зимой 1941 г. линия фронта подошла к селу. Передовые немецкие части находились рядом с деревней Кушуново. С наступлением наших войск линия фронта отодвинулась»². В связи с боевыми действиями и оккупацией отдельных территорий Скопинского района многие сельхозработы остались невыполненными. Чтобы наверстать упущенное, правление колхоза «Путь к новому быту» организовало обмолот молотилкой и цепями. Вручную, по-старинке молотили 20 человек³. В конце июля 1942 г. на уборку в колхозе «Путь к новому быту» вышло 7 жаток и 27 косцов, среди которых были и пожилые колхозники В.С. Егоров, В.А. Егоров, А.М. Коршунов, М.С. Суверов⁴.

В уборочную кампанию 1942 г. в вердеревском колхозе применяли ночную скирдовку с 8 до 11 вечера, а в лунные ночи – и до 4 утра. В августе 1942 г. были созданы две бригады из актива по 15 человек, куда вошли председатель сельсовета Коршунова, председатель сельпо Черняев, бухгалтер сельпо Русаков, фельдшер Катков, директор школы Гальцев, учителя Родина, Кибасова, директор спиртзавода Минаков, механик того же завода Ивашин, агроном Тимаков, счетовод колхоза и другие⁵.

Как и многие колхозы Рязанской области, вердеревский «Путь к новому быту» в 1943 г. был разделен на два хозяйства. «Один из них сохранил прежнее название, его возглавил Иванов. Второй колхоз, названный именем А.В. Суворова, выбрал себе председателем Е.С. Коршунову»⁶.

Усилия тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны, безусловно, заслуживают уважения. Однако судьба страны в то время все же решалась на фронте. И здесь вердеревцам довелось сказать свое веское слово. Примером их героизма на войне может служить боевой путь Георгия Павловича Фетисова (1918 –?). Кадровый артиллерист РККА, он служил с 1938 г. Для сержанта Г.П. Фетисова, командира орудия 274 КАП 17-го стрелкового корпуса, война началась на Юго-Западном фронте. В июльских боях 1941 г. орудие сержанта Фетисова удалось подавить вражескую батарею, за что он был награжден орденом Красной Звезды⁷. В 1944 г. лейтенант Фетисов заслужил медаль «За отвагу». «...В боях на Сапун-горе, за Севастополь и у бухты Камышовая [он] проявил себя мужественным и стойким офицером в командовании взводом при стрельбе прямой наводкой под ружейно-пулеметным огнем

¹ Сталинец, №158. – 1941. – 15 октября.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 191.

³ Сталинец, № 1. – 1942. – 4 января.

⁴ Сталинец, №21. – 1942. – 18 июля.

⁵ Там же.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 191.

⁷ ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 432, л. 270.

противника. Своим взводом нанес следующий ущерб противнику: уничтожил пулеметных точек – 5, орудий ПТО – 3, дзотов – 4, автомашин с пехотой – 2, и до 50 солдат»¹. В декабре 1944 г. старший лейтенант Г.П. Фетисов воевал на 3-м Белорусском фронте на территории Восточной Пруссии, показав там не меньшую результативность своей боевой работы, за что был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени².

Послевоенные годы были трудными – в разоренной войной стране не хватало кормов, лошадей, техники. При этом руководство региона постоянно требовало выполнения плана поставок сельхозпродукции, в которой так нуждалась страна. Стоило какому-нибудь руководителю хозяйства расслабиться или допустить промах – в дела вмешивались «компетентные органы». В 1946 г. ситуация в колхозе им. А.В. Суворова Вердеревского сельсовета потребовала вмешательства прокуратуры. Председателем колхоза был Тимофей Алимович Васин. Под его руководством колхоз не смог своевременно подготовиться к весенне-полевым работам. Техника не ремонтировалась. Скот не был обеспечен кормами, а в декабре 1945 г. они были просто расхищены. Кормили скот один раз, изредка два в сутки. Это привело к падежу лошадей. В ходе разбирательства беспечный председатель колхоза нажил, наверное, немало седых волос, но в итоге отделался гражданским иском, хотя и на очень большую сумму³.

В 1950 г. оба вердеревских колхоза вновь объединились в единое хозяйство – колхоз им. А.В. Суворова. «Председателем его стал А.П. Тараскин. Земельные угодья хозяйства увеличились до 2500 га»⁴.

«Середина 1950-х гг. стала периодом динамичного развития местных колхозов. Это связано, прежде всего, с тем, что в них, в числе первых в округе, пришла электрическая энергия. После электрификации животноводческих помещений к линии электропередач стали подключать дома сельчан. Значительной реконструкции подвергся местный спиртзавод, который оснастили лучшим для того времени оборудованием. В 1954–1955 гг. был произведен постепенный переход на денежную оплату труда местных колхозников. Это сделали значительно раньше, чем в большинстве других хозяйств»⁵.

В 1955 г. председателем колхоза им. А.В. Суворова был В.М. Цыпляев. По итогам 1954 г. были достигнуты следующие результаты: «Урожай ржи 14,4 ц, озимой пшеницы 12,1 ц, овса 13,7 ц, гречихи 16,8 ц с га. Доярка Коршунова А.Г. получила 4096 кг молока, А.И. Комягина – 3855 кг от фуражной коровы в год. Хозяйство полностью рассчиталось с государством»⁶. В 1958 году колхоз им. А.В. Суворова, которым по-прежнему руководил В.М. Цыпляев, считался отстающим как по отраслям, так и по оплате трудодня. В колхозе слабо развивались птицеводство и садоводство. На балансе у колхоза было 2000 га плодородных земель, но урожаи были низкие: зерновых – по 8,1 ц с га, картофеля – по 44 ц с га. Животноводческое хозяйство также считалось не очень сильным: 160 голов крупного рогатого скота, в том числе 57 коров, свиней 114, в том числе 18 свиноматок, овец 199, кур 327. За два года поголовье коров не увеличилось. От птицефермы получили доход чуть больше 1000 рублей, собрав за год 5000 яиц. Перед государством не рассчитались по мясу и картофелю. Причинами этого явления посчитали низкую организацию труда и дисциплину, бесхозяйственность⁷. Взятые

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 5543, л. 16.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 1435, л. 249.

³ Сталинец, № 21. – 1946. – 3 марта.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 191.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Сталинец, № 133. – 1955. – 7 ноября.

⁷ Скопинский шахтер, № 25. – 1958. – 26 февраля.

на себя колхозом обязательства иметь к концу года 260 голов крупного рогатого скота, в том числе 110 коров, 200 свиней, 300 овец, 2000 голов птицы и собрать 12 ц зерна с гектара были признаны невыполнимыми¹.

«В 1958 г. вердеревский колхоз еще более разросся. Угодья хозяйства расширились до 3 450 га. <...> Конец 1950-х гг. для вердеревцев был знаменателен активным развитием животноводческой отрасли. Местные животноводы, которые к тому времени сумели добиться действительно выдающихся результатов, стали постоянными участниками сельскохозяйственных выставок в Рязани, Туле и Москве. Они получали рекордные для 1950-х гг. надои, которые составляли до 5000 кг молока от коровы. В 1957 г. серебряную медаль на одной из выставок получила А.Г. Коршунова. Первыми в районе были удостоены высоких правительственных наград – орденов Ленина – А.Г. Коршунов, А.И. Комягина и Е.И. Чернявская»².

В апреле 1960 г. в вердеревский колхоз им. А.В. Суворова влился колхоз им. XX партсъезда соседней деревни Кушуново. В феврале 1963 г. колхоз им. А.В. Суворова был переименован в «Авангард»³. В 1964 г. его хозяйство было объединено с колхозом им. С.М. Кирова. «Председателем стал И.К. Бокарев. Однако в это время на фоне стабильного развития животноводства колхозное полеводство приходит в упадок. Достаточно сказать, что урожаи зерновых снизились до 6–7 ц с га, что было связано, прежде всего, с постоянной перекройкой севооборотов, вызванной реорганизациями колхозов, резким падением культуры земледелия.

Тем не менее, в 1960-е гг. тут вновь проводится очередной эксперимент, теперь уже в животноводстве. Колхоз им. С.М. Кирова решили специализировать на откорме крупнорогатого скота. Здесь строятся крупнейшие в районе комплексы по откорму КРС, начинается очередная перестройка всей структуры колхозной экономики.

Крупная и новая не только для всего хозяйства, но и всего района отрасль, поначалу развивалась трудно, однако к середине 1960-х гг. производство мяса значительно выросло. Успехи вердеревских операторов по откорму крупного рогатого скота вновь получают самые высокие оценки. Суточные привесы бычков удалось поднять до 900 г, а годовую сдачу мяса увеличить до 300 т⁴.

В 1965 г. в Вердеревский сельсовет входили села Вердереве, Немерово и деревня Кушуново. На территории сельсовета располагались школы: в Вердереве восьмилетняя, в других селениях – начальные, три клуба, библиотека, два медпункта, а также колхоз им. С.М. Кирова, где работали жители Вердереве и Кушуново. В Немерово располагалось отделение совхоза им. И.В. Мичурина⁵.

«Вторая половина 1960-х гг. запомнилась сельчанам как пора большого строительства. Отличительной чертой новостроек стало современное проектирование, учет требований времени и перспектив на будущее. Это ощущалось как в производственном, так и в жилищном строительстве. Именно здесь на скопинских фермах впервые появились бытовые помещения, а здешние операторы по откорму крупного рогатого скота получали квартиры в двухэтажных домах практически со всеми городскими удобствами. В 1968 г. в Вердереве по-

¹ Скопинский шахтер, №18. – 1958. – 9 февраля.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 191–192.

³ Архив Скопинского района, ф. 317, л. 1.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 192.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 86, л. 1.

строили один из лучших в районе Домов культуры. В нем перед колхозниками выступали артисты различных жанров не только из Скопина и Рязани, но также из Москвы и Ленинграда.

К 1974 г. колхоз им. С.М. Кирова становится одним из крупнейших в области комплексов по откорму крупного рогатого скота. Поголовье КРС доводится до 2,5 тысячи. После этого все молочное стадо и поголовье свиней передали в другие хозяйства. Колхоз становится широко известным в районе как кузница руководящих кадров. Школу организации управления производством здесь проходят многие будущие руководители скопинских хозяйств.

Конец 1970-х – начало 1980-х гг. без преувеличения можно назвать временем наибольшего расцвета как села Вердереево, так и колхоза им. С.М. Кирова. Об этом свидетельствуют данные рубежа семидесятых–восьмидесятых. Согласно им более 25 % населения села жило в благоустроенных городских квартирах или отдельных коттеджах. Практически во всех сельских домах имелись радиоприемник или радиоточка, у 70 % жителей были телевизоры. Именно здесь колхозники становились чаще всего обладателями легковых автомобилей и мотоциклов, которых в общей сложности насчитывалось более 60. Такими показателями благосостояния в ту пору не могло похвастаться ни одно село Скопинского района. Если к этому добавить, что именно Вердереево стало одним из первых сел района, подключившим дома колхозников к централизованной теплотрассе и проложившим асфальтированную дорогу до главной автомагистрали района, ведущей на Москву (речь идёт о нынешней федеральной автомобильной дороге Р-22 «Каспий». – *Примеч. авторов*), то станет ясно, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. проблем с кадрами здесь не ощущали.

Об экономическом положении местного колхоза им. С.М. Кирова в этот период свидетельствуют следующие цифры и факты. Хозяйство первым в районе стало миллионером. Причем динамика роста доходов более чем впечатляющая. Их ежегодный прирост составлял 700–800 тысяч рублей. К середине 1980-х он увеличился до 9 миллионов рублей в год.

Однако на этом экономическое восхождение хозяйства и повышение уровня жизни вердереевцев, к сожалению, закончилось. Во 2-й пол. 1980-х гг. сначала наметился, а затем стал быстро прогрессировать спад во всех отраслях колхозного производства. Некоторое время убытки от производства зерна и картофеля еще удавалось как-то покрывать за счет доходов, получаемых от откорма скота. Это повлияло на резкое снижение годовой прибыли хозяйства. За короткий срок она снизилась до 2 миллионов рублей. В дальнейшем спад продолжался и колхоз им. С.М. Кирова стал год за годом заканчивать с убытками.

Подобное положение в экономике не могло не повлиять на снижение уровня жизни сельчан, занятых в сельскохозяйственном производстве. Построенные производственные помещения и жилье из-за отсутствия средств на ремонт постепенно приходили в негодность. Состояние жилого фонда в колхозе резко ухудшилось. Заработная плата колхозников уменьшилась на 20–30% в ценах, сопоставимых с концом 1970-х гг.

В 1990-е гг. колхоз им. С.М. Кирова вступил как убыточное хозяйство, в котором прибыли не давала ни одна из отраслей производства. Были свернуты программы производственного и жилищного строительства, обновления машинно-тракторного парка. В 1993 г. колхоз им. С.М. Кирова был преобразован в акционерное общество¹.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 192–19.

Вердереево было включено в состав Вослебовского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в селе Вердереево Вослебовского сельского поселения Скопинского района Рязанской области проживали 216 мужчин и 238 женщин.

Ок. 2012 г. в Вердерееве закрылась школа, в 2016 г. – детский сад. В настоящее время в селе работают филиал ООО «Лина» и СПК «Вердереево», ООО «Консенсус-Агро», фермерские хозяйства ИП Глава КФХ «Ланин Сергей Гаврилович», ИП Глава КФХ «Акименко Максим Евгеньевич» ИП Глава КФХ «Савкин Артем Иванович», медпункт, клуб, сельская библиотека, почта¹. Здание Богородице-Рождественской церкви сохранилось, хотя его венчания были сломаны и строение перекрыто обычной двускатной крышей. В 2005 г. на средства жителя г. Скопина В.А. Ребрикова в селе была возведена купель, обогорожен источник полезной для здоровья питьевой воды. С 2016 г. идет восстановление церковного здания.

ООО «Лина» (генеральный директор – Наталья Владимировна Титова) является предприятием пищевой промышленности, занимается производством полуфабрикатов. В Вердереево оно занимает комплекс зданий бывшего спиртзавода. География продаж продукции ООО «Лина» достаточно обширна: от Калининграда до Камчатки и от Мурманска до Сочи. Она также пользуется спросом в США, Германии, Израиле и Скандинавских странах. Объем отгруженных товаров собственного производства в 2014 г. составил более 15 000 тонн. В общем объеме реализации растет экспортная составляющая. На предприятии работает около 560 человек.

СПК «Вердереево» (генеральный директор – Сергей Гаврилович Ланин) – небольшое предприятие, занимающееся растениеводством. На нем трудятся 15 человек. Предприятие базируется на оставшейся материальной базе бывшего колхоза им. С.М. Кирова. ООО «Консенсус-Агро» (генеральный директор – Александр Михайлович Тарасов) работает в сфере развития тепличного хозяйства.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ВЕРСТАКОВКА, ДОЗОРОВКА, КРАСНЫЙ, МОСКОВСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ, РУДИНКА, СВОБОДА, СМЕКАЛОВКА, СОВЕТСКИЙ поселки (сельское поселение Успенское)

Скопинские краеведы В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов неоднократно выдвигали предположение, что поселки Верстаковка, Дозоровка, Красный, Московский, Покровский, Рудинка, Свобода, Смекаловка, Советский, расположенные к северо-западу и западу от Скопина, обязаны своим появлением Столыпинской аграрной реформе, благодаря которой крестьяне получили возможность выселяться в хутора и на отруба, и были основаны в 1910-х гг.¹ Эта версия, к сожалению, документального подтверждения не нашла. Напротив, еще в 1929 г. скопинский краевед В.Н. Ильинский так описывал процесс образования поселков: «...Поле за 10–15 верст от села, поэтому из больших и малоземельных (имеется в виду количество земли на человека. – *Примеч. авторов*) селений после разверстки земли 1919 г., не дожидаясь межселенного землеустройства, начали стихийно выселяться крестьяне на дальние поля, дабы <...> сохранить свое хозяйство от полного разорения. Таких стихийно выселившихся поселков образовалось с 1913 по 1924 гг. – 9 поселков из селений: 2 из Вослебово, 2 из Гремячки, 3 из Лопатино и др. Кроме этого, в порядке землеустройства 1925 г. было выселено 4 поселка; по волости поселков и хуторов 14»².

В 1917 г. существовало лишь одно поселение из этой группы – поселок Покровский. Он действительно был основан накануне революции выходцами из села Покровского Скопинского уезда. В «Списке населенных мест в Зарайском, Данковском, Егорьевском, Рязском, Сапожковском и Скопинском уездах Рязанской губернии» за 1917 г. он упомянут под названием Покровские выселки, позднее также использовалось название Покровский хутор. В этом поселении, история которого в то время насчитывала в лучшем случае пару лет, было всего 3 крестьянских двора и 22 жителя³.

Первыми после революции появились хутора Рудинка, Красный и поселок Московский. Названия рассматриваемых поселков – особенно такие, как Красный, Московский, Свобода или Советский, однозначно указывают на то, что они появились уже в годы советской власти. Эпохой их массового основания действительно было начало 1920-х гг.

В отчете о работе Скопинского уездного исполнительного комитета за 1924–1926 гг. справедливо отмечалось: «Правильная организация сельского хозяйства совершенно невозможна без устранения тех крупных ненормальностей в землепользовании, которые могут быть коренным образом разрешены при широком проведении планового землепользования. Надо было установить точные границы земель, уничтожить чересполосность и далекоземельность. В уезде доходило до 30 полос на селение, расположенных до 20 верст от них.

¹ См., в частности, *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 184.

² *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. – С.22.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

Стояла задача расселения больших сел, с этой целью планировалось устроить вновь 42 поселка, кроме 11 уже существовавших» к началу 1923 г.¹ Кажущаяся стихийность в образовании новых поселков, которую отметил В.Н. Ильинский, на самом деле была политикой руководства в пользовании землей при отсутствии в то время колхозов.

Крестьяне-выселенцы пользовались серьезной государственной поддержкой. Им выдавались так называемые «домоводческие кредиты», организовывалось снабжение новоустроиваемых поселков водой – рылись колодцы, бурились скважины, выкапывались пруды. Для обеспечения новых поселений строительными материалами возводились черепичные заводы. Помогали даже лошаадьми.

Типичная история образования нового поселка приведена в следующей заметке скопинской уездной газеты «Коллектив»: «Село Лопатино Побединской волости в 1922 г. разбилось на три земельных общества, из коих два выделили себе земли в обособленные участки. Дальнеземелье (на 12 верст) решили уничтожить путем образования поселка, а остальную часть земли разбить на два участка. Поселок составил из 63 дворов – бедняков и часть сибирских переселенцев. <...> 1 июля в поле на месте будущего поселка состоялось общее собрание выселенцев (с участием 40% женщин), на котором решили поселок расположить вдоль течения реки Вёрды на протяжении 2-х верст, ширину усадеб установить в 15 соток, построить гнездами по 2 избы и выделением им 10 десятин для коллективной обработки»².

Так образовался поселок Московский Лопатинского сельсовета. В 1931 г. в нем был создан колхоз, получивший название «Горняк». Не все в колхозе шло гладко в первые годы его существования. В начале 1933 г. колхозник Симонов жаловался газете «Побединский ударник» на царившую в нем атмосферу: «В правлении лопатинского колхоза «Горняк» с самой организации сидят кулаки и подкулачники. Член правления Сонюшкин, в прошлом зажиточный, сейчас чувствует себя более чем хорошо, все время пьянствует, учиняет драки с колхозниками. Он сжег баню, где сушилась конопля. В тесной связи с ним работает счетовод Андришин, учет у него запутан, сено распределено не по трудодням. Член ревизионной комиссии Я.Я. Тютин (бригадир) заведомо недоброкачественные работы записывает как удовлетворительные»³. Конечно, дыма без огня не бывает, но все же кажется, что колхозник Симонов в своем стремлении навредить начальству несколько стусил краски...

Данные за 1938 г. свидетельствуют, что в это время в колхозе «Горняк» насчитывалось 43 двора, в которых проживали 203 человека. Трудоспособных насчитывалось 95 человек, за рамками колхоза оставался еще 21 житель. Крупный рогатый скот держали в 40 дворах. Из 138 га колхозной земли 5 приходилось на сады, остальные площади были заняты под зерновые, овощи и бахчевые культуры. В 1938 г. 49,4 % денежных доходов от растениеводства было отчислено на трудодни, так что к выплате каждый колхозник получил 90 копеек деньгами и 3,49 кг зерновых и бобовых на трудодень. В целом за год на каждого работника пришлось в среднем 86 трудодней⁴. По отчету за тот же 1938 г. в колхозе «Горняк» было 30 лошадей и 7 жеребят, 24 коровы и 7 телят, 8 свиней и 40 поросят, 19 овец и 7 ягнят, За год пали жеребенок и 7 поросят, еще 5 поросят колхозники продали⁵.

¹ Краткий отчет о работе Скопинского уездного исполнительного комитета с 1.10.24 по 1.02.1926 г. – Скопин, 1926. – С. 7,61.

² Коллектив, № 67. – 1925.

³ Побединский ударник, №39. – 1933. – 17 февраля.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

В начале 1930-х гг. колхоз поселка Красный Вослебовского сельсовета являлся самым маленьким в округе. Его образовали всего 9 хозяйств бедняков и середняков, обобществивших свой скудный сельхозинвентарь – плуги, бороны, сеялки и тягловых лошадей. Однако работали колхозники из Красного не за страх, а за совесть. При окончательном распределении колхозных доходов на каждый трудодень пришлось по 3 рубля 34 копейки – один из самых высоких показателей доходности в Скопинском районе. В 1932 г. 1 га колхозной земли был засеян огурцами. Продажа урожая только с этой небольшой площади на Скопинском базаре принесла колхозу 4000 рублей¹. Похоже, председатель маленького колхоза Русаков был весьма эффективным хозяйственником.

Поселок Верстаковка впервые упоминается в 1926 г. в работе краеведа В.Н. Ильинского «Скопинская волость». В рассматриваемое время в поселке насчитывалось 14 крестьянских дворов. В Покровском хуторе в те же годы было 10 дворов, в поселке Дмитриевском – 4 двора, в Рудинском, Свободе и Советском – по 20 дворов². Все эти населенные пункты появились на карте Скопинского уезда в период с 1918 по 1925 гг.

Несмотря на небольшую численность населения поселков, во многих из них уже в начале 1930-х гг. были организованы колхозы. Верстаковский колхоз назывался им. 1 Мая. Все годы его истории – от его создания до слияния с другим хозяйством в процессе укрупнения – сначала членом правления, а потом председателем колхоза был Федот Годин, пользовавшийся у местных крестьян большим авторитетом. Это позволяло ему эффективно отстаивать интересы колхоза даже перед лицом советских административных структур. Например, на общем собрании колхозников в 1935 г. при обсуждении объемов продажи хлеба государству член правления колхоза Федот Годин заявил: «Хлеб государству можно продать не 7 тонн, а только 3 тонны, так как 642 кг на трудодень нам мало, нам нужно больше, а тут с закупками лезут». Его поддержали члены правления Павел Иванович Большаков и Василий Степанович Завозов. В итоге общее собрание постановило продавать государству не более 3 тонн зерна³.

На 1 января 1939 г. в поселке Верстаковка Вороновского сельсовета Скопинского района Рязанской области насчитывалось 23 двора. Членами колхоза им. 1 Мая были 91 житель поселка, среди которых трудоспособными считались 31 человек. Еще 11 верстаковцев работало на других окрестных предприятиях. При распределении почти трети колхозного дохода к выплате на один трудодень колхозники получали по 50 копеек и 4,36 кг зерна. В среднем на каждого колхозника в год приходилось 80 трудодней⁴. По отчету за 1937 г. в колхозе было 14 лошадей и 4 жеребенка, 6 коров и 2 теленка, 24 овцы и 25 ягнят⁵. По количеству скота весь верстаковский колхоз скорее был похож на хозяйство зажиточного крестьянина дореволюционных времен.

Трудно шла коллективизация в поселке Свобода. К середине 1930-х гг. в местный колхоз вступили 54 хозяйства. Оставшиеся 11 упорно стремились сохранить свой статус единоличников. С «несознательными» крестьянами неоднократно проводились разъяснительные беседы, но они по-прежнему саботировали колхозное движение. При этом весь 1934 г. они отказывались платить государству сельхозналог, продолжив эту практику и в 1935 г. Ситуация оказалась в поле зрения правоохранительных органов. 16 сентября 1935 г.

¹ Побединский ударник, №35. – 1933. – 12 февраля.

² *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. – С. 45.

³ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 123–124, 126.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

начальник Скопинского райотдела УНКВД по Московской области Лазарев докладывал: «9 сентября 1935 г. в связи с неуплатой единоличниками с/х налога за 35 г. представители Вороновского с/сов. Глазков Мих. Федотович, пред. с/сов. Васильев, предколхоза Халяпин и демобилизованный из РККА Забидаров проводили общее собрание единоличников о с/х налоге, где категорически отказались платить с/х налог, после чего производили изъятие имущества и скота у злостно саботирующих уплату с/х налога, причем во время изъятия коровы в доме Трушиной Екатерины Ивановны в 1934 г. также была взята лошадь. В это время единоличница Исаева Евдокия, 55 лет, середнячка в доме Исаевой Марии Ивановны, в присутствии Исаевой Марии Ивановны, Зайцевой Евдокии Алексеевны и Исаевой Анастасии Егоровны говорила: «Бабы, чего же мы стоим, это ведь грабеж, давайте мы возьмем топор и вилы и пойдем им дадим так, что они своих не найдут!» Присутствующие отнеслись молчаливым, призыв Исаевой Евдокии остался без внимания, после чего и разошлись»¹.

В поселке Рудинка также сначала встретили колхозное движение «в штыки». В декабре 1930 г. на общем собрании жителей селения был поставлен вопрос о создании инициативной группы по организации колхоза. Газета «Авангард» так описала последовавшую реакцию: «...В наказ вносится пункт: организовать в деревне красный уголок и инициативную группу. Поднимается шум, крик: «Не надо нам красный уголок, не будем работать в цитивной группе!»²

И все же свой колхоз в Рудинке появился, хотя и очень небольшой. К 1935 г. в нем состояли 15 дворов. Колхозной земли было немного – 54 га пашни и 2,2 га лугов. Животноводческая ферма была маленькой, колхозный скот характеризовался низкой продуктивностью. В поселке осталось всего 3 хозяйства единоличников, которые категорически отказались от уплаты сельхозналога. За саботаж у всех было произведено изъятие скота и имущества. Единоличник Степан Николаевич Ураев, 50 лет, глава семьи из 9 человек, среди которых пятеро считались трудоспособными, причем трое находились вне поселка на отхожих промыслах, заявил представителям администрации так: «Это не налог, а грабеж. Забирайте все, но этим меня в колхоз не загоните, платить налог мне нечем». В момент изъятия имущества у единоличника Егора Ивановича Асеева, 45 лет, главы семьи из 8 человек, из которых трудоспособных было четверо, сетовал: «Вот до чего дожили! Раньше так не обирали, как отбирают сейчас! С мужика-крестьянина последнюю рубаху снимают! Вот эта власть!»³

В поселке Дозоровка колхоз организован в конце 1930 г. о чем в местной газете «Авангард» появилось лаконичное сообщение: «В ноябре 1930 г. созданы два новых колхоза. В селе Костерево 9 хозяйств, в поселке Дозоровка 9 хозяйств»⁴.

В поселке Смекаловка Вороновского сельсовета к концу 1938 г. насчитывалось 89 дворов. 329 жителей состояли в колхозе «13-я годовщина Октября», из них трудоспособными считались 215 человек. 58 жителей работали на других предприятиях. Из 364 га колхозной земли большая часть приходилась на сады, остальные площади были засеяны различными культурами. При выделении 21 % прибыли на выплату колхозникам и при среднем количестве 90 трудодней на человека, местные труженики села по итогам 1938 г. получили по 25 копеек и 1,46 кг зерна на трудодень⁵. По отчету 1937 г. в колхозе им. 13-й годовщины

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 123.

² Авангард, №17. –1930. –30 декабря.

³ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 123–124.

⁴ Авангард, №9. –1930. –20 ноября.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

Октября насчитывалось 39 лошадей и 8 жеребят, 1 корова, 21 свинья и 96 поросят, овца. За год колхозникам было продано 34 поросенка¹.

В 1940 г. поселок Верстаковка располагался одним порядком вдоль полотна железной дороги. К нему были обращены фасады домов, которых насчитывалось 23. Остальные поселки по численности домов не сильно отличались от Верстаковки. За два десятилетия сильно вырос поселок Свобода – в нем было 71 строение. Достаточно крупным населенным пунктом в масштабах округа стал и поселок Московский с 35 домами. В Смекаловке было 25 дворов, в Дозоровке – 18, в Рудинке – 28. В поселке Покровский насчитывалось 14 домов, в Красном – 11, в Дмитриевском и Советском – по 9.

Накануне Великой Отечественной войны в Скопинском районе Рязанской области в колхозах с хорошей организацией труда заметно повысилась урожайность. Урожай всех зерновых составляли от 8,9 до 12,4 ц с га, картофеля – от 48,7 до 70,8 ц с га. Выдачи колхозникам на трудодень составляли от 5 до 4,6 кг зерна и деньгами от 50 до 96 копеек. Среди лучших колхозов назывались им. 1 Мая (Верстаковка), «3-й решающий» (Гуменки), «7-й съезд Советов» (Шилово-Осиново) и «Красный горняк» (Корнево)². В селениях Вороновского сельсовета действовали вороновская и смекаловская начальные школы. Проводившаяся в 1935 г. инспекция критически оценила их состояние. В первой школе «90 % вшивость, 4 случая чесотки и много с экземой. В школе дети пьют сырую воду, умывальников нет, школа не утеплена, окна грязные, на стенах и дверях надписи неприличных слов...» В смекаловской двухкомплектной школе, которой заведовала Крылова, «еще не закончен ремонт, топливо не завезено, плохое состояние оборудования»³. Однако к 1941 г. со многими проблемами организации образования удалось успешно справиться.

С началом Великой Отечественной войны все колхозные и межличностные проблемы отошли на второй план. В августе 1941 г. председатели Лопатинского сельсовета и колхоза «Горняк» обращались от имени колхозников к бойцам РККА со страниц районной газеты «Сталинец»: «Дорогие, родные наши бойцы и командиры! Богатый урожай мы убрали, как никогда организованно, быстро и без потерь. В Фонд обороны сдаем свои сбережения. Раненым бойцам мы отослали в подарок 500 кг раннего картофеля и столько же свежих огурцов, 10 кг меда ...»⁴

К концу 1941 г. поселки сначала оказались в зоне действия разведывательных подразделений немецко-фашистских войск, затем провели некоторое время в оккупации, а после находились в полосе обороны и выдвижения советских войск. Несмотря на это, ущерб народному хозяйству, видимо, был нанесен небольшой. Констатировалось, например, что верстаковский колхоз им. 1 Мая Вороновского сельсовета в течение всего 1941 г. «аккуратно выполнял» план госпоставок, в нем полностью имелись семена, фураж для лошадей на время сева»⁵. После ухода вражеских войск колхозы быстро приступили к восстановлению своих хозяйств.

Жители скопинских поселков внесли свою лепту в приближение долгожданной победы в Великой Отечественной войне. В условиях масштабного исторического конфликта, ставившего под угрозу само существование русской цивилизации, важны были труд и умение каждого.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь №1, лл. 7 об, 10 об, 53, 55 об.

³ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 117, 145.

⁴ Сталинец, № 136. – 1941. – 23 августа.

⁵ Сталинец, № 1. – 1942. – 04 января.

Например, житель поселка Дозоровка Дмитрий Федорович Глазков (1896–?), мобилизованный в РККА в сентябре 1941 г., в 1942–1943 гг. участвовал в боях на Брянском фронте, затем под Великими Луками и Старой Руссой, был тяжело ранен. С марта 1944 г. красноармеец Д.Ф. Глазков продолжал службу в 454-м армейском ветеринарном лазарете. Его трудолюбие и ответственное отношение к порученному участку работы в мае 1945 г. были отмечены медалью «За боевые заслуги»¹. Житель поселка Рудинка, простой красноармеец-понтонер Алексей Григорьевич Мартышкин (1907–?) отличился при освобождении Советской Латвии. «Красноармеец Мартышкин 6 августа 1944 г. выполнял боевое задание по наводке 16-тонного понтонного моста через р. Айвиаксте в районе деревни Пекотыни. Несмотря на пулеметный и минометный обстрел противником места переправы, тов. Мартышкин показал себя мужественным и храбрым понтонером. Не считаясь с трудностями, он решительно действовал на сборке паромов и смыкании их в линию моста. Своими образцовыми действиями и примером он увлекал бойцов на быстрейшее выполнение боевого задания»². Понтонер А.Г. Мартышкин также был награжден медалью «За боевые заслуги». Уроженец поселка Смекаловка лейтенант Василий Дмитриевич Тетекин (1924–?) с 1942 г. участвовал в боевых действиях в составе 757-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии 33-й армии Западного фронта, был два раза ранен. «Во время отражения контратаки противника 9 августа 1943 г. в районе противотанкового рва и в бою за дер. Юдино Смоленской области первым со своим взводом принял удар противника, стойко отражая все его контратаки, и, несмотря на превосходящие силы противника, последний был отброшен с большими для него потерями. Из личного оружия уничтожил 8 солдат противника и гранатным броском подавил ручной пулемет, дав возможность занять противотанковый ров»³. За этот бой лейтенант В.Д. Тетекин был награжден медалью «За отвагу». В конце 1943 г. он также заслужил орден Красной Звезды⁴.

В 1949 г. колхоз «Горняк» поселка Московский Лопатинского сельсовета, где председателем был И. Жирков, брал обязательства выстроить птичник, телятник, надоить на фуражную корову 1600 кг молока, а к 1951 г. довести этот показатель до 2400 кг⁵. Звеньевая огородного звена огородной бригады Серафима Петровна Овинникова взяла обязательство собрать капусты 300 ц с гектара, моркови – 200 ц, лука-севка – 50 ц⁶. Колхоз имел 14 рабочих лошадей и волов, 50 голов крупного рогатого скота, 99 овец, 34 свиньи. Во время сенокоса предстояло убрать 40 га заливных лугов. Имелась сенокосилка, которая за день скашивала около 4–5 га, а для того, чтобы она работала бесперебойно, колхозный кузнец «исправлял машину на ходу». Норма на косьбе сена была установлена по 0,4 га. Работало 25–30 косцов, 40 женщин и 12 подростков. В такую пору работали на покосе и огородная бригада, и работники животноводческих ферм⁷.

Колхоз им. 1 Мая Вороновского сельсовета в 1946 г. боролся за урожай зерновых по 13 ц с га, картофеля – 140 ц с га, и капусты – 170 ц с га. В 1948 г. председателем этого колхоза был Годин. В хозяйстве имелись 4 животноводческие фермы: крупного рогатого скота, овцеводческая, свиноводческая и неукомплектованная птицеводческая – по плану в ней должно было быть 60 кур. За год пали 3 свиньи⁸. Тяжелой была ситуация с лошадьми, о чем один из посевивших колхоз районных специалистов сообщил районной газете: «В колхозе им. 1 Мая Во-

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 180, л. 151.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 5834, л. 96.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 509 л. 31.

⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 3061, л. 221.

⁵ Сталинец, № 63. – 1949. – 26 мая.

⁶ Сталинец, № 67. – 1949. – 5 июня.

⁷ Сталинец, № 68. – 1949. – 8 июня.

⁸ Сталинец, № 15. – 1948. – 8 февраля.

роновского сельсовета на 14 лошадей имелось два постоянных конюха, но уход за лошадьми поставлен плохо, лошади грязные. Чистка лошадей не производится. Большинство их ниже средней упитанности, часть истощены. В декабре во время оттепели лошади были выпущены из конюшни. Конюхи стреножили лошадей, а сами ушли по домам, оставив их без присмотра, в результате одна лошадь завалилась в яму и погибла»¹.

В смекаловском колхозе в 1950 г. основной проблемой была некомпетентность управленческих кадров. Председатель Вороновского сельсовета В. Растощенов писал об этом в районную газету: «Со стороны председателя артели «13-я годовщина Октября» Алимова видна только бесхозяйственность и нарушения устава артели. – Осенью оставили нескошенной траву. Морковь, капуста и другие овощи заросли сорняками и не дали урожая. В прошлом году тов. Алимов продал три тонны хлеба на рынке, а в нынешнем году без разрешения собрания продал десять тонн соломы и тонну сена. Денег в кассе колхоза нет. Председатель деньги от продажи продуктов не приходит в кассу по месяцу, а потом приносит всякого рода счета и «инструктирует» счетовода И. Рыбакова свести приход с расходом. В результате разбазаривания фуража лошади не получали достаточно кормов и стали ниже средней упитанности. Недостача 7 тонн соломы. Общее собрание обсуждало этот вопрос, и было внесено предложение – стоимость нехватки кормов взыскать с председателя. Но в собрании участвовало только 40 % [колхозников], и вместо этого решения списали сумму на убытки колхоза...»²

Если кто-то в 1950 г. и сомневался в необходимости укрупнения колхозов, то не относительно хозяйств Вороновского сельсовета Скопинского района. Все они были малочисленными, имели мало техники и лошадей. К тому же при объединении хозяйств увеличивалась посевная площадь, что давало большую широту маневра в ее использовании. С 1 июля 1950 г. 5 колхозов Вороновского сельсовета объединились в один, получивший название «Советская волна».

По административному делению 1970 г. поселки Верстаковка, Дозоровка, Красный, Крыжи, Московский, Покровский, Рудинка, Свобода, Смекаловка, Советский, станции Вослебово а также деревни Вороновка, Стрелецкая Дубрава, села Новый Келец и Лопатино входили в Лопатинский сельсовет Скопинского района Рязанской области³.

До конца советской эпохи поселок Верстаковка превратился в урочище и исчез с карты Скопинского района. В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселки Дозоровка, Красный, Московский, Покровский, Рудинка, Свобода, Смекаловка и Советский были включены в сельское поселение Успенское. В 2000-х гг. обезлюдели и разрушились поселки Свобода и Смекаловка. Поселок Красный объединился с поселком при железнодорожной станции Вослебово, хотя он по-прежнему числится среди населенных пунктов Успенского сельского поселения. В остальных населенных пунктах Всероссийская перепись населения 2010 г. выявила такую картину: в Дозоровке – 10 жителей (6 мужчин и 4 женщины), в Московском – 41 житель (22 мужчины и 19 женщин), в Покровском – 9 жителей (3 мужчины и 6 женщин), в Рудинке – 7 жителей (2 мужчины и 5 женщин), в Советском – 9 жителей (3 мужчины и 6 женщин).

¹ Сталинец, № 36. –1948. – 3 апреля.

² Сталинец, №47. – 1950. – 22 апреля.

³ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 98.

ВОЗДВИЖЕНКА

деревня

(сельское поселение Вослебовское)

Основание деревни Воздвиженки относится к середине XVIII в. Впервые она была описана в экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда Рязанской губернии, датируемым 1779 г. В них упоминается «проданная часть земли из Рязанской казенной Рановской засеки во владение генерал-аншефа и кавалера графа Ивана Симоновича Гендрикова супруги ево Катерины Сергеевны, на которой поселены ныне деревня Воздвиженская». В новопоселенной деревне насчитывалось 5 дворов, в которых проживали 27 душ мужского и 24 – женского пола. Воздвиженские крестьяне состояли на изделье. В примечаниях также указано, что земельные владения, то есть «дача простирается по берегам речки Стрыгани (по правому ее берегу – *примеч. авторов*) <...> под селением 7 десятин 511 саженьей (7,86 га), пашни 282 десятины 1226 саженьей (306,6 га) покоса 291 десятина 2300 саженьей (320 га), леса 102 десятины 2133 сажени (112 га), неудобий 13 десятин 1636 саженьей (14,9 га)»¹.

Владелец земли, купленной из рановской засеки, на которой впоследствии выросла Воздвиженка, был личностью примечательной. Иван Симонович Гендриков (1719–1778) был сыном литовского крестьянина Симона Гендрика и Христины Скавронской, родной сестры императрицы Екатерины I. Принятый на военную службу после окончания Шляхетского кадетского корпуса в 1736 г., он принял участие в русско-турецкой войне 1735–1739 г., которую закончил в чине поручика. В 1742 г. по случаю коронавания своей двоюродной сестры императрицы Елизаветы Петровны И.С. Гендриков был возведен в графское достоинство Российской империи, став основателем нового аристократического рода. Граф И.С. Гендриков был уволен в отставку Петром III в чине генерал-аншефа в апреле 1762 г., однако в том же году принял активное участие в государственном перевороте в пользу императрицы Екатерины II. Временно вернувшись на службу, до 1764 г. он оставался шефом Кавалергардского полка. Последние годы своей жизни граф прожил в своих обширных имениях на Слободской Украине. После кончины графа И.С. Гендрикова за год до составления экономических примечаний к планам Генерального межевания Скопинского уезда его имения унаследовала вдова графиня Екатерина Сергеевна (? –1784), в девичестве Бутурлина, внучка петровского генерала И.И. Бутурлина.

По окладной книге о числе поселен помещичьих имений Рязанской губернии за 1816 г., деревня Воздвиженка, население которой составляли 40 душ крестьян, принадлежала статской советнице Александре Семеновне Годяиновой². Очевидно, имение было приобретено у кого-то из наследников графов Гендриковых. В 1834 г. при той же помещице в Воздвиженке насчитывалось уже 49 крепостных душ³. По окладной книге 1850 г. в деревне «за девицей Любовью Ивановой Гадсиновой» числилось мужского пола 46 душ крестьян⁴.

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 138 об; д. 1240, л. 23.

² ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 36 об.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 54 об-55.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 73 об-74.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в деревне Воздвиженке числилось 9 домохозяйств, 46 душ мужского и 56 душ женского пола¹. По сведениям 1859 г., в «Воздвиженской, деревне владельческой при р. Моше», находившейся в 10 верстах от уездного города, насчитывалось 9 дворов, в которых проживали 29 мужчин и 33 женщины². Все они, как бывшие помещичьи крестьяне, были освобождены от крепостного права по реформе 1861 г. В том же году Воздвиженка вошла в Яблоневскую волость Скопинского уезда Рязанской губернии.

Манифест об отмене крепостного права 1861 г. предусматривал составление т.н. «уставных грамот», в которых указывалось по каждому сельскому обществу или имению количество земли, предоставляемое крестьянам в постоянное пользование, и размер их повинностей в пользу помещика на период их пребывания во временнообязанном состоянии. Составлялись они помещиком или мировым посредником и согласовывались с крестьянским обществом. В «Ведомости о выкупных сделках, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие, с 16 сентября по 15 октября 1863 г.» под 27 сентября упоминается «сделка Л.И. Хмыровой, по обоюдному желанию с крестьянами: Яблоневской волости деревня Воздвиженка, 41 душа, с размером наличных денег – 4920 рублей. Значилось заложенным в Московской сохранной казне»³.

В 1864 г. «Рязанские губернские ведомости» уведомили о том, что «статским советником Соколовым Иваном Матвеевым явлена в оный суд, ко вводу во владение, крепость, совершенная в 2-м департаменте Московской гражданской палаты 23 июня сего года на купленное им у жены артиллерии поручика Любови Ивановой Хмыровой недвижимое имение, состоящее из деревень Новой и Воздвиженки Скопинского уезда с принадлежащими к ним угодьями»⁴.

В 1864–1872 гг. значительной земельной собственностью при селе владел помещик сельца Новая деревня статский советник И.М. Соколов (1816–1872), доктор медицины и хирургии, профессор Императорского Московского университета в 1853–1869 гг. Сын сельского священника из Рязанской губернии, он обучался в Рязанской духовной семинарии, но, уволившись в 1839 г. из духовного сословия, поступил на медицинский факультет Московского университета, где учился у известного хирурга профессора Ф.И. Иноземцева. Окончив его в 1843 г., И.М. Соколов был оставлен при кафедре сравнительной анатомии и физиологии «для подготовки к профессорскому званию». В 1853 г. он стал экстраординарным, а в 1859 г. – ординарным профессором университета. И.М. Соколов одновременно преподавал в различных учебных заведениях Москвы и занимался общественной деятельностью – в 1861 г. он был избран первым председателем Общества русских врачей в Москве.

По переписи 1882 г. в Воздвиженке проживали 65 мужчин и 52 женщины. Все жители деревни имели статус крестьян-собственников, заключивших выкупную сделку с бывшей помещицей и выплативших первый взнос за землю и, таким образом, получивших все права свободных сельских обывателей. Земельный надел на душу каждого воздвиженского жителя составлял около 3 десятин (3,27 га), но реально на работника приходилось 5,5 десятины

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 86.

² Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. – СПб., 1862. – С. 126.

³ Рязанские губернские ведомости, № 50. – 1863. – 14 декабря.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 40. – 1864. – 3 октября.

(6 га). В деревне в это время насчитывалось 5 безлошадных дворов, еще в 5 дворах было по одной лошади, в 7 – две лошади, еще в трех – 3 и более лошади. 3 двора¹.

Согласно данным межевания 1884 г. деревня Воздвиженка состояла из одной прямой улицы длиной около 120 м, дома на которой стояли друг против друга. На восток улица выходила к оврагу Разсошанский верх².

В 1905 г. в деревне насчитывался 21 двор, население составляло 79 мужчин и 83 женщины. Крестьяне занимались кустарными промыслами, плетением кружев³.

По к лировым ведомостям за 1914 г. воздвиженские крестьяне были прихожанами церкви во имя Крещения Господня села Новое. Накануне Первой мировой войны в деревне Воздвиженке было 20 дворов, в которых проживали 76 мужчин и 82 женщины⁴.

На 1917 г. в деревне Воздвиженке Яблоновской волости Скопинского уезда Рязанской губернии показано уже 25 дворов и 174 жителя – 82 мужчины и 92 женщины⁵.

Коллективизация пришла в деревню в 1932 г. К этому времени деревня была включена в Рязский район Московской области в составе Летовского сельсовета⁶. В ней был создан колхоз им. 15 лет Октября. Перед Великой Отечественной войной Воздвиженка являлась населенным пунктом Летовского сельсовета Желтухинского района Рязанской области, созданного в 1935 году. В состав этого же сельсовета входили деревни Свистовка – колхоз «Новая жизнь», Кондауровка – колхоз «Новый путь», Летово – колхоз им. П.Л. Войкова, Новая – «6-й съезд Советов», Савиловка – колхоз «Пролетарский труд».

Временами сведения о событиях деревенской жизни попадали на страницы выходившей в Желтухинском районе газеты «Колхозная правда». Например, в начале февраля 1940 г. правление воздвиженского колхоза «15 лет Октября» без ведома общего собрания колхозников постановило продать за 1300 рублей одну из колхозных коров. Осуществив продажу, председатель колхоза Крупников, член правления Леонов и член ревизионной комиссии Аксенов внесли в кассу колхоза только 900 рублей. «Зато теплая компания после удачи целые два дня пьянствовала. Вообще Крупников делает, что ему хочется, – писала газета. – Не считаясь с мнением колхозников, продал солому. Совсем недавно распорядился продать колхозную гармошку, а деньги, вырученные от продажи, не заприходовал»⁷.

Несмотря на все неурядицы деревенской жизни, ее жители оказались на высоте положения, когда в 1941 г. наступил грозный час защиты Родины. Из местных уроженцев, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., стоит отметить гвардии майора Сергея Андреевича Мишина (1918–?). Для кадрового офицера РККА, служившего с 1938 г., война началась в июне 1941 г. на Западном фронте. В октябре 1941 г. С.А. Мишин был тяжело ранен и вернулся в строй лишь в 1943 г. на должность начальника штаба 618-го стрелкового полка 215-й стрелковой дивизии. «При прорыве сильно укрепленной полосы обороны противника 7–10 августа 1943 г. в районе дер. Ковшики Ярцевского района Смоленской об-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 86–89.

² РГАДА, ф. 1354, оп. 411, л. 4 об.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 620–21.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным к лировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 593.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 154.

⁶ Экономическая карта Рязского района Московской области, 1931, М 1:100 000.

⁷ Колхозная правда, № 25. – 1940. – 1 марта.

ласти благодаря оперативному руководству подразделениями со стороны тов. Мишина было обеспечено успешное продвижение полка вперед и взятие нескольких населенных пунктов. Находясь с наступающими подразделениями, тов. Мишин умело руководил их боями. На подступах к гор. Смоленску тов. Мишин проявил максимум энергии в подготовке наступательных боев и руководстве ими, благодаря чему 25 сентября 1943 г. полк овладел северной половиной гор. Смоленска (по реку Днепр) и вышел на западную окраину города»¹. За участие в освобождении Смоленска гвардии майор С.А. Мишин был награжден орденом Красной Звезды. По итогам боев в Прибалтике и Восточной Пруссии в 1944–1945 гг. он также стал кавалером орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степеней.

В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован, а его территория вошла в Скопинский район Рязанской области. В начале 1958 г. в колхоз «Новая жизнь» влился колхоз им. П.Л. Войкова Желтухинского сельсовета. Образовавшееся хозяйство объединило жителей Свистовки, Воздвиженки, Савиловки, Летово и Новой. Правление колхоза в 1965 г. находилось в деревне Новая, председателем колхоза был В. Лобасов².

В 1964 г. в составе Желтухинского сельсовета находились населенные пункты: села Желтухино, Новое, деревни Свистовка, Иваньково, Летово, Кондауровка, Козловка, Ленинка, Петровские хутора, Косыревка, Савиловка, Воздвиженка, Гусиловка³. На территории сельсовета действовали две начальные школы, две школы-восьмилетки, две библиотеки, три клуба, два медпункта, фельдшерско-акушерский пункт, три магазина, колхоз «Новая жизнь», совхоз «Желтухинский».

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Воздвиженка была включена в список населенных пунктов Вослебовского сельского поселения. Вскоре после этого ее история закончилась. Всероссийская перепись населения 2010 г. констатировала смерть Воздвиженки, подтвердив, что жителей в ней не осталось. На месте бывшей деревни сейчас видны лишь одичавшие сады и зарастающий осокой пруд.

---

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 3127, л. 29.

² Архив Скопинского района, ф. 113, л. 1.

³ Там же, ф. 98, л. 1.

ВОРОНОВКА

деревня

(сельское поселение Успенское)

Удобная местность на берегах реки Слободки привлекала к себе людей с незапамятных времен. На восточной окраине современной деревни Вороновки были выявлены остатки поселения, предположительно датируемого XIV–XVII вв. В пределах селища площадью 240х170 м найдена средневековая керамика, преимущественно XVI–XVII вв.¹ Однако связь этого поселения с позднейшей деревней не прослеживается.

По ревизии 1719 г. в Скопине значилось 124 посадских двора, а «выборной староста (стадных конюхов местного конного завода, лошади которого использовались «для надобности государева двора». – *Примеч. авторов*) Тихон Федоров сын Лохов, [и] Андрей Владимиров сын Коновалов <...> сказали вправду, что у нас в Завёрденской также и в Шадловской конюшенных слободах (дворцовых. – *Примеч. авторов*) стадных конюхов» по 11 дворов². Точное местоположение этих слобод сейчас определить уже невозможно. Не исключено, что какая-то из них была предтечей будущей Вороновки, но с определенностью утверждать этого нельзя.

Первые строения деревни Вороновки появились в 1730–1740-х гг. Это были конюшни новооснованного Скопинско-Вороновского конного завода, а также служебные и жилые помещения для его служителей. Дореволюционный исследователь Н.С. Зезюлинский написал об этом так: «В 1736 и 1739 гг. кроме существовавшего в уезде Келецкого конного завода <...> основано еще два: один на Заслободском пастбище, за рекою Слободкою, не менее как на 500 лошадей, другой на 700 лошадей. Этот последний завод был назван Скопинско-Вороновским по месту своего нахождения в Вороновском пастбище против устья реки Слободки. Лес на постройки этих вновь учреждаемых заводов брали из Рязжской засеки Скопинского уезда; строительные работы производились местными коннозаводскими крестьянами»³.

Таким образом, своим названием деревня обязана Вороновскому пастбищу, прозванному так по фамилии стремянного конюха Воронова, служившего в Скопинской канцелярии в 1720–1750-х гг. Интересно отметить, что вблизи Вороновского пастбища в документах упоминается и одноименная речка: «В урочищах, едучи из Скопина по Большой Московской дороге в левой стороне, проехав пригон к реке Вёрде, да от речке Слоботке два верха чрез старую Ильинскую дорогу до поля и по речке Слоботке до Ильинское дороге, а от Ильинской дороги с вершины речки Вороновки вниз...»⁴ Обустройство слободок или казарм конюшенных служителей при заводах было правилом. Этим обеспечивалось удобство в содержании лошадей. Поэтому к 1740 г. Вороновка представляла собой если не слободу, то комплекс казарм служителей при конном заводе.

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 107.

² РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч.2, д. 3176.

³ *Зезюлинский Н.С.* Историческое исследование о конно-заводском деле в России. Вып. 2. – СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1893. – С. 91.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 69.

Начало строительства каменных конюшен в Келецком и Вороновском конных заводах относится к 1760 г. К началу строительства дворцовая Конюшенная канцелярия представила на утверждение обер-штальмейстеру П.С. Сумарокову¹ планы строений и «что при них, какого строения и положения местом назначения внову каменных конюшен значится». В доношении канцелярии сообщалось о проделанной работе: «Велено по получении оногo без упущения времени к строению Вороновской конюшни бут, кирпич и другие потребные материалы приготавливать, так на таком основании, как и к строению Келецкой каменной конюшни приготавливаются. О построении упомянутой каменной конюшни, места и какой по содержанию тех лошадей конюшне быть, осмотра, выбрать майору Авдееву, сообщая с подполковником фон Шлихтенгом и унтер-штальмейстером Кишкелем, и где выбрано судить о том, сочиня архитектора ученику Николаеву план-ситуацию для посылки к вашему высокопревосходительству». В плане, как существующие, в Вороновском конном заводе были показаны: старая деревянная конюшня в 120 сажнях (256 м) от места впадения речки Слободки в Вёрду; западнее конюшни, в 30 сажнях (64 м) от нее, штальмейстерский покой и конюшенное правление; в 50 сажнях от конюшни, на берегу Слободки – казарма для конюшенных слуг; в непосредственной близости от места впадения Слободки, практически на берегу, располагались кузница и водогрейка; западнее, на берегу Вёрды – унтер-штальмейстерские покои. Новое каменное здание строилось в непосредственной близости от старого, но выше устья речки Слободки. В нем были предусмотрены все положенные отделения для кобыл, жеребцов и молодняка, а также помещение для выпуска лошадей – варка, случные сараи, два амбара «для клажи припасов и ссыпки овса». Каменная Келецкая конюшня строилась рядом с келецким прудом и березовой рощей, а позади в 40 сажнях (85 м) каменные денники на 16 стойл. Среди старых строений были деревянная конюшня, штальмейстерские покои, здание конюшенного правления, покои конюшенного смотрителя. Все постройки производились приписанными к конюшенному ведомству крестьянами и стоили значительно меньше «ежели б вольными рабочими людьми строить»².

На плане Генерального межевания Скопинского уезда Рязанской губернии, составленном в 1779 г., показана устроенная ниже 100 сажней от слияния реки Слободки с ручьем Клешня плотина с мельницей, при ней несколько изб на левом берегу и строения конного завода, а по правому берегу, до плотины несколько домов с огородами – конюшенная слобода³.

Скопинские конные заводы просуществовали до 1835 г. В рамках инициированной при императоре Николае I реформы государственного коннозаводства в 1843 г. их сменил Скопинский рассадник кровных азиатских лошадей. Его основой послужил переведенный в Рязанскую губернию Стрелецкий рассадник азиатских лошадей, составленный из 29 азиатских маток и жеребцов, купленных в 1839 г. в турецкой Сирии. Его разместили в Вороновской конюшне. Скопинский же рассадник кровных английских лошадей, составленный из отобранного английского материала (жеребцов и маток) военно-конских заводов и английских жеребцов Московской сводной случной конюшни, размещался в Келецкой конюшне упраздненного Скопинского военно-конского завода. Одновременно в Скопине были учреждены скачки.

¹ Сумароков Петр Спиридонович (1709–1780) – обер-штальмейстер (1752), управлял придворной конюшней, конторой и конюшенной канцелярией с подведомственными заводами и волостями в 1750–1761 гг., сенатор в 1761–1764 гг.

² РГАДА, ф. 1239, оп. 15, д. 60202.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, л. 4 об.

В описании Скопина середины 1840-х гг., принадлежащем перу барона А.И. Рейхеля¹, об оставшихся от Скопинского военно-конского завода строениях сказано: «Еще в 2-х верстах от города в 1830 г. поступило в военное ведомство два каменных строения, одно из которых близ местечка Келец, имея в длину 68; в ширину 50 саж.; другое у Вороновского пастбища длиной 79, шириной 60 саж. Прежде эти строения занимал Скопинский военно-конский завод, который в 1830 г. по высочайшему повелению упразднен»².

По клировым ведомостям в 1850 г. в Вороновке проживали 50 мужчин и 68 женщин, из них грамотных 32 мужчины и 3 женщины. Деревня находилась в приходе Покровской церкви села Лопатино³.

С отменой крепостного права в 1861 г. слобода Вороновская (Конюховка) бывшего конюшенного ведомства вошла в новообразованную Вослебовскую (Вослибскую) волость. В 1868 г. в ней насчитывалось 19 дворов, в которых проживали 28 мужчин и 26 женщин⁴.

В 1905 г. в слободе Вороновской, она же Конюховка, Конюшки тож, было 13 дворов, население составляло 87 человек: 35 мужчин и 52 женщины⁵. К 1912 г. число жителей деревни возросло до 94 человек⁶. По данным за 1914 г., в Вороновской слободе насчитывалось 10 дворов, в которых проживали 70 человек. Все жители деревни по-прежнему были прихожанами Покровской церкви села Лопатино⁷.

На 1917 г. в деревне Вороновке Вослебовской волости Скопинского уезда Рязанской губернии значилось 10 дворов с 40 жителями мужского и 37 женского пола. Рядом с деревней появился поселок Покровские выселки, где было всего 3 двора с 22 жителями⁸.

Вскоре после установления советской власти в Скопинском уезде в начале 1918 г. в Вороновке был создан сельсовет. В 1928 г. в Вороновский сельсовет Скопинского района входили селения: Вороновка (18 дворов), Советский (16 дворов), Рудинка (29 дворов), Покровский (11 дворов), Верстаковка (22 двора), Дозоровка (17 дворов), Смекаловка (27 дворов), Свобода (58 дворов), Дмитриевский (4 двора).

В 1929 г., когда ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии, Вороновка стала населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

1920-е и 1930-е гг. в Вороновке, как и во многих других рязанских, да и не только рязанских селах, прошли под знаком борьбы между «бывшими» и новыми хозяевами жизни. При этом для сведения личных счетов нередко использовалась местная пресса. На страницах «Побединского ударника» нередко можно было встретить заметки, более похожие на донос. Например, в 1933 г. газета опубликовала такую заметку: «Секретарь Вороновского сельсовета некто М.Ф. Глазков, он

¹ Рейхель Александр Иванович (1813 – после 1888) – барон, подполковник Генерального штаба (1845), в 1851 г. вышел в отставку в чине полковника. В 1851–1858 гг. – статский советник, директор 4-й Московской мужской гимназии.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 3. – СПб., 1848. – С. 62.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 581–582.

⁴ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань 1868. – С. 612–613.

⁵ Населенные места Рязанской губернии, под. ред. И.И. Проходцова, Рязань, 1906. – С. 636–637.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 347.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 581–582.

⁸ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

же бывший офицер колчаковской армии М.Ф. Фирсов. Господин Фирсов кроме своего надела имел купчую землю – 10 га, а в настоящее время под крылом сельсовета и продолжает издеваться над бедняками». В этом же материале обращалось внимание общественности на то, что в школе «села Вороновки» работает И.К. Исаев – «сын кулака»¹. Одно только «неправильное» социальное происхождение делало человека подозрительным в глазах органов власти.

В 1932 г. в Вороновке был организован колхоз «Советская волна». В 1937 г. он стал одним из хозяйств новообразованной Рязанской области (в ее состав из Московской области был передан Скопинский район). В конце 1938 г. в деревне насчитывалось 72 двора и 366 жителей, 310 из которых были колхозниками. Из всех членов колхоза трудоспособными считались 157 человек. В среднем на каждого вороновского колхозника по итогам 1938 г. пришлось 94 трудодня. При распределении годовой прибыли колхоза на каждый трудодень выплачивалось 18 копеек и выдавалось 1,78 кг зерна. Расходы на содержание колхозной администрации составили всего 1,7 % от годовой прибыли². В колхозе была 41 лошадь и 11 жеребят, 5 коров и 2 теленка, 11 свиней и 100 поросят, овца. В течение года пал один жеребенок, теленок и 7 поросят. 15 поросят было продано колхозникам³.

В 1939 г. в Вороновский сельсовет входили поселки Покровский, Советский, Дмитриевский, деревни Рудинка, Верстаковка, Дозоровка, Смекаловка и Свобода. В Вороновке и Свободе действовали торговые точки райпотребсоюза⁴. Селения сельсовета объединялись в три колхоза, в которых в общей сложности насчитывалось 175 крестьянских дворов. Таким образом, сельсовет был коллективизирован на 91,1 %. Общая посевная площадь трех колхозов составляла 725,5 га, в них было 79 лошадей, 12 коров, 55 свиней, 33 овцы. В личных хозяйствах колхозников посевные площади составили 58,2 га, сады занимали общую площадь в 5,6 га. В своих личных хозяйствах колхозники сельсовета содержали 121 свинью, 188 овец, 299 коров. Посевная площадь немногочисленных единоличников составляла 5,6 га, в их хозяйствах имелось 4 лошади и 4 коровы⁵.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. многие мужчины деревни были мобилизованы в РККА, в рядах которой показали немало примеров воинской доблести. Старший сержант Петр Николаевич Астаркин (1920–?) служил помощником командира взвода отдельной саперной роты 23-й отдельной стрелковой бригады, воевавшей на Калининском фронте. В мае 1943 г., «работая по установке минных полей перед фронтом 1-го ОСБ (р-н Гушино – выс. 166,3), <он> в кратчайший срок установил свыше 1500 противотанковых мин. Работая все время в непосредственной близости от противника (100–150 м), тов. Астаркин организовал работу бойцов так, что взвод совсем не имел потерь ни на минах, ни от действий противника. За последнее время тов. Астаркин большую инициативу и настойчивость проявил при установке фугасов из трофейных артснарядов, лично подготовив бойцов к установке нового вида заграждений, и установил 33 фугаса»⁶. Боевая работа П.Н. Астаркина была отмечена медалью «За отвагу». В 1944 г. он получил еще и медаль «За боевые заслуги», отличившись «храбростью и мужеством при взятии немца – командира немецкого взвода, который дал ценные сведения о противнике»⁷.

¹ Побединский ударник, № 58. – 1933. – 12 марта.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Таблица. Населенные пункты Скопинского района.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района.

⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 682526, д. 1622, л. 66.

⁷ ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 1820, л. 833.

В 1949 г. вороновским колхозом «Советская волна» руководил И. Васильев. Урожай зерновых по итогам года составил в среднем 10 ц с га, по отдельным культурам этот показатель достигал 18 ц с га, картофеля убрали 124 ц с га. На трудодень колхозникам выдали по 2,4 кг зерна, 3 кг картофеля, 1,5 кг овощей, 2 кг кормов и по 1 рублю деньгами. Под яровые: пшеницу, просо, овес, а также фасоль, гречиху, горох планировалось отвести 119 га. Картофелем предполагалось засадить 20 га, огородными культурами (луком, огурцами, помидорами, капустой) – 9 га. На работах задействовали 20 лошадей, молодежь использовали для боронования. В колхозе было две полеводческие и огородная бригады. За полеводческими бригадами закрепили два сектора по 87 и 112 га земли, по 10 лошадей, 5 плугов, 1 селяке, 10 борон. Полеводческие бригады возглавляли Павел Тимофеевич Самохин и Алексей Яковлевич Егоров, огородную – Тихон Яковлевич Бычков¹.

В 1950 г. в рамках взятого администрацией курса на укрупнение колхозов в «Советскую волну» были влиты четыре окрестных хозяйства. Объединенный колхоз с центральной усадьбой в Вороновке возглавил Н. Тюльпанов. При нем колхоз был на хорошем счету. В укрупненном хозяйстве теперь было 188 дворов, 1090 га пашни, 60 га лугов, 135 голов крупного рогатого скота, 90 свиней, 224 овцы, 84 лошади, много птицы. Укрупнение создало благоприятные условия для развития в колхозе пчеловодства. Летом 1950 г. уже действовала пасека на 27 пчелиных «семей», в перспективе планировалось довести их количество до 100. Колхозный сад занимал площадь в 7 га. В 1950 г. озимую рожь и пшеницу скосили на 202 га. В колхозе было 5 полеводческих бригад, тремя передовыми из них руководили Мария Васильевна Исаева, Павел Трофимович Самохин и Алексей Иванович Егоров².

Во время первой уборки урожая в укрупненном колхозе «Советская волна» на поля вышли 7 жаток, 4 конных граблей, 32 повозки, 2 молотильных барабана, сортировка и веялка. Колхоз не обслуживался МТС, поэтому наряду с жатками на полях трудились 70 косарей с крюками³.

Укрупнение «Советской волны» дало возможность начать в колхозе строительство кирпичного завода. Построили два сушильных сарая на 20 тыс. штук кирпича каждый, в нескольких метрах от них установили глиномешалку. Глиномешалка приводелась в движение лошадью. В смену с ее помощью готовили смеси на 6 тыс. кирпичей. Печь устроили на берегу реки Слободки⁴.

При желании даже хорошего руководителя всегда найдется за что покриковать. Иногда этой участи не избегал и председатель колхоза «Советская волна» Н. Тюльпанов. Например, в мае 1951 г. бригада скопинской районной газеты «Сталинец» писала по итогам проведенного ею рейда по хозяйствам района: «На фермах колхоза «Советская волна» 119 голов крупного рогатого скота, 227 овец и 70 свиноматок. Чтобы обеспечить это поголовье скота кормами, необходимо было заблаговременно подготовиться к сенокосу и силосованию кормов, <...> но из 14 га корнеплодов посеяно только 3 га, из 14 га подсолнечника посеяно 8 га. Тов. Тюльпанов объясняет запоздание нехваткой рук, меж тем на полевых работах занята только треть трудоспособных... Не ремонтируются две сенокосилки и ручной сеноуборочный инвентарь – косы и грабли...»⁵

Рабочих рук в колхозе, похоже, действительно стало не хватать. Уже в начале 1950-х гг. люди, и в особенности – сельская молодежь, потянулись в райцентр в поисках более высо-

¹ Сталинец, № 36. – 1950. – 26 марта.

² Сталинец, № 91. – 1950. – 4 августа.

³ Сталинец, № 85. – 1950. – 23 июля.

⁴ Сталинец, № 70. – 1951. – 21 июня.

⁵ Сталинец, № 59. – 1951. – 23 мая.

ких зарплат и комфортной жизни. Колхоз и небольшие поселки, хотя и располагавшиеся недалеко от Скопина, не могли всего этого предоставить. Поэтому, числясь в колхозе, многие жители Вороновки работали на скопинских предприятиях, окрестных шахтах, в кооперации или вовсе не выходили на работу, предпочитая зарабатывать больше на рынке, торгуя выращенными на приусадебных участках овощами.

Конечно, временами не обходилось в колхозе и без показухи. Примером такого явления, вскрытым бдительной общественностью, стал случай в июле 1951 г. Председатель колхоза «Советская волна» Н. Тюльпанов бодро докладывал со страниц районной газеты «Сталинец»: «На работе по уборке 132 га озимой пшеницы работало 10 косцов, 40 вязальщиц и 2 жатки. Для отбивки и направки кос приготовлены бабки, молотки, точильные бруски и брусницы, на каждые 5–6 косцов имеется один запасной крюк. Иван Максимович Матюшин при норме 4 га на жатке скашивает до 6. Вслед за жаткой и косарями идут вязальщицы. Скошенный за день хлеб к вечеру уже связан в снопы и сложен в копны. Одновременно подгребают колосья ручными граблями. Непрерывно работают конные грабли. Кроме того, организован подбор колосьев вручную. Для этой цели выделены пионеры и школьники. В телегах, в которых перевозятся снопы и зерно, плотно заделаны щели. Колхозницы вяжут снопы так, чтобы во время перевозки и переноски не выпадали колосья...»¹ Через неделю в той же газете появилась статья Д. Самохина и А. Жиркова, проливавшая свет на реальное положение дел в колхозе. В ней сообщалось: «В сельскохозяйственной артели «Советская волна» Вороновского сельсовета очень мало делается для того, чтобы не допустить потерь хлеба. <...> Колхозные поля устланы колосьями. На каждом квадратном метре их около 15. Колхоз недобирает на каждом гектаре не менее 10 пудов зерна. <...> На усадьбе колхоза стоят четверо конных граблей, а используются только двое. <...> В артели есть две исправные риги. Чего проще колхозу создать запас снопов для того, чтобы обеспечить обмолот на случай ненастья. Но этого не делается...»²

В 1952 г. существовавший с первых лет советской власти Вороновский сельсовет был ликвидирован. Входившие в него населенные пункты – деревня Вороновка, поселки Верстаковка, Советский, Рудинка, Дозоровка, Смекаловка и Свобода вошли в состав Лопатинского сельсовета Скопинского района Рязанской области³.

В 1955 г., в рамках продвигавшейся руководством советского государства кампании, в Скопинском, Горловском и Желтухинском районах Рязанской области впервые в истории были осуществлены посадки кукурузы. Создавались комсомольско-молодежные бригады, промышленные предприятия выступали с различными инициативами. Так коллектив Скопинского дорожно-строительного управления выступил инициатором соревнования по организации помощи колхозам в выращивании кукурузы. Руководитель предприятия тов. Утленко взял обязательство содействовать посадкам этой сельскохозяйственной культуры в колхозе «Советская волна» на площади в 10 га. Это обязательство было перевыполнено: вручную при посадке в лунки были удобрены и засажены кукурузой 13 га, ежедневно в посадочных работах участвовало 60–80 человек. Этого показалось недостаточно, и тов. Утленко «взял новое повышенное обязательство, теперь решено выращивать кукурузу на площади 25 га»⁴.

В 1950-х гг. в небольших населенных пунктах «на отшибе», таких как Вороновка, все острее начали ощущаться оторванность от внешнего мира, бедность культурной жизни в со-

¹ Сталинец, № 86. – 1951. – 29 июля.

² Сталинец, № 90. – 1951. – 8 августа.

³ Архив Скопинского района, ф. 210, лл. 1–1 об.

⁴ Сталинское знамя, № 104. – 1955. – 28 мая.

временном понимании этого слова. Роль сельской избы-читальни как очага культуры постепенно сходилась на нет. Давно перестало быть новостью в крестьянских домах и радио. Интересно отметить, что еще в 1950-х гг. сохранялось унаследованное, видимо, от военных лет требование регистрировать приобретенные в личное пользование радиоприемники в сельсоветах. За нарушение этого правила взимался штраф 50 рублей¹.

В 1962 г. вороновский колхоз было объединен с колхозом им. В.И. Чапаева Лопатинского сельсовета под общим названием «Советская волна»².

На основании постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1964 г. № 448 совхозу им. И.В. Мичурина были переданы колхозные земли от бывших колхозов: им. С.М. Кирова Вослебовского сельсовета в количестве 3981 га и «Советская волна» Лопатинского сельсовета в количестве 1349 га. К 1965 г. у совхоза было 4 отделения: Центральное, Вослебовское, Немеровское и Вороновское. До 1963 года директором совхоза им. И.В. Мичурина был Иван Антонович Сурков, затем Николай Александрович Лопатин, бывший до этого главным агрономом³.

По административному делению 1970 г. деревня Вороновка входила в Лопатинский сельсовет Скопинского района Рязанской области⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Вороновка включена в сельское поселение Успенское.

С завершающих десятилетий советской эпохи население деревни последовательно сокращалось. Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала в Вороновке лишь 6 постоянных жителей – 2 мужчин и 4 женщин.

Вместе с тем в современной деревне продолжают старинные коннозаводские традиции. Здесь действует частный конно-спортивный клуб «Успенский», принадлежащий В.П. Ворсову – единственный в мире центр по подготовке спортивных лошадей ахалтекинской породы. В 2016 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подарил выращенного в Вороновке коня ахалтекинской породы по кличке Хаджибек первому королю Бахрейна Хамаду ибн Исе аль-Халифу в ходе его визита в нашу страну.

---

¹ Сталинское знамя, № 55. – 1955. – 5 апреля.

² Архив Скопинского района, ф. 165, л. 1.

³ Архив Скопинского района, ф. 43, лл. 1-2.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. – Рязань, 1971. – С. 98.

ВОСЛЕБОВО

село

(сельское поселение Вослебовское)

Скопинские краеведы, основываясь на местной традиции, до недавнего времени считали село Вослебово (Вослеба, Вослиб) одним из наиболее старых поселений региона, основанным ок. 1380 г. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов писали: «По преданию, возникло оно после Куликовской битвы, когда русское войско возвращалось после сечи с татарами, оставляя на пути к Москве десятки подобных поселков. В них оседали раненные воины, которые не могли двигаться дальше, а также те, кто за ними ухаживал. И многие другие, кому данная местность по тем или иным причинам просто приглянулась. Есть две версии появления названия села. По первой – это дань памяти славному русскому богатырю Ослябе, героически погибшему во время Куликовской битвы. Направляясь туда, он отдыхал здесь с другим легендарным богатырем Пересветом. После победы, когда тут возникло поселение, его назвали в честь Осляби. Со временем слово трансформировалось в Вослебово. По второй версии, название дала речка Вослебка»¹. Более раннюю версию этой же легенды приводит в своей книге о церквях Рязанской губернии И.В. Добролюбов: «Село Вослеба находится при верховьях р. Вослебы, впадающей в Вёрду, название свое получила, по народному преданию, от Осляби, который вместе с Пересветом имел роздых на том самом месте, где ныне стоит село; с этого места Ослябя будто отправился к Куликову полю прямою дорогою, а Пересвет направился к тому месту, где стоит ныне Дмитриев монастырь»².

Местные легенды о прошлом села, к сожалению, не имеют исторически достоверных оснований. Какие-либо указания на существование Вослебова в документах XIV–XV вв. отсутствуют. Первое упоминание о нем относится лишь к 1522 г. Поэтому временем основания этого поселения, скорее всего, правильно было бы считать начало XVI в.

В межевой грамоте Великого князя Московского Василия III Ивановича, подтверждающей «за Семеном и Василием Федоровичами Верхдеревскими стариныя земли, пожалованныя предку их Ивану Салахмирю Мирославичу еще великим князем рязанским Олегом Ивановичем» от 15 марта 1522 г. в качестве границы вотчины были указаны селение Вослеба и некая слободка недалеко от кургана: «...А от врага прямо лесом к липягу, которой из Немировского отрогу вышол, а липяг пошол через Вослебскою дорогу, что ездят ис Пронска к Вослебе, к татарской сакме (дороге. – *Примеч. авторов*), да сакмою на курган, которой курган стоит полеву сакмы, едучи к слободке, а от кургана через сакму к осиновому колку, которой стоит у сакмы направо, а от осинового колка прямо к речке Гремячке...»³

Из текста документа видно, что татарская сакма проходила практически рядом с селением Вослеба и местом, где впоследствии появился скопинский острожок. Видимо, нахождение селения возле проезжей дороги и дало ему название. В Толковом словаре В.И. Даля

¹ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 182–183.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 176–177.

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1964. – С. 97.

сказано: «возле – *ряз.* возле, возля – предлог и нареч. подле, близ, близко, около, обapol, вплоть, рядом, вокруг, *ниж.* возлебок; у, при; требует родительного падежа, а на севере иногда винительного»¹. Происхождение названия «Вослебово» от «возле» становится еще более очевидным, если открыть дозорные книги засек, где для привязки объектов к местности оно употребляется чуть ли не в каждой строке: «возле ямы», «возле пня»...

Межевая грамота 1522 г. примечательна еще и тем, что подтверждает отсутствие в это время какого-либо укрепления или селения на месте современного Скопина. Описанная в ней татарская дорога шла к Вослебе, а не к острожку, да и ездили из Пронска «к Вослебе, к татарской сакме», а не к острожку, которого, видимо, еще не было. Диалектальное нижегородское «возлебок» дает основание предположить, что первыми жителями села могли быть переселенцы из нижегородских владений бояр Романовых, т.к. Вослебово появилось на территории их скопинской вотчины.

Вся история села в XVI в. связана почти с ежегодными набегами ногайских и крымских татар, которые внезапно появлялись и также бесследно исчезали, разоряя край. В разрядной книге сообщалось о том, как «лета 7082-го (1573) сентября приходили крымские царевици на резанские места. Из берегу за ними ходили бояре и воеводы князь Семен Данилович Пронский с товарищи, а ходили до Вёрды реки, тотар не дошли»².

В Платежных книгах Пехлецкого стана за 1595–1597 гг. Вослеба впервые упоминается как село: «За боярином за Олександром да за ево братом за Васильем Никитичи Романова – городок Скопин на речке на Вёрде; и всево городок, да с[ело] Вослеба, да 4 д[еревни], да 2 починка, да слаботка...»³

Первые подробные сведения о Вослебове содержатся в подлиннике писцовой книги 1629–1631 гг. письма Григория Киреевского: «За боярином за Иваном Никитичем Романовым в вотчине ж село Вослеба, а в ней церковь Рожества Христова, а у церкви двор попа Гаврилко, двор пономаря Ивашко Васильева, двор просвирицы Улянюко, да на церковной земле за попами бобьлей и старцов, а питаецца от церкви Божии: двор Коцдрашко Улянюков, двор Овдокимко Гробовников, двор Макарко Белошеца, двор Тимошка Рядяков, двор Афонька Тимофеев, двор Гришка Шаловень, двор Тренка Олферов, двор Никифорка Мурзаев, двор Корнюшка Митрофанов, двор Олферко Ребров, двор Сенька Борываев, двор Тимошка Перельгин, двор Петрушка Жердев, двор Ивашко Мецдерин; пашни паханой и перелогу и дикого поля церковной земли двадцать пять чети в поле, а в дву потомуж, сена по конец поль пятьдесят копен; да в том же селе крестьянских 60 дворов, бобьльских 38, обоево 100 дворов»⁴.

В переписной отказной книге Василия Фатьяновича Неретина 1640 г. о владениях вдовы боярина Ивана Никитича Романова Ульяны Федоровны и есына стольника Никиты Ивановича Романова сказано: «...К тому острожку Скопину в вотчине село Вослеба, в селе церковь Рожества Христова, древена клетка, а в церкви Божия милосердия образа и книги, и ризы, и колокола и всякое церковное строение, боярское и мирское, да у той церкви двор попа Гаврилы у него сын Спиридон Спиридонов сын Никифоров, двор попа Автонома, двор пономаря Устинко Вавилова, двор просфирницы Фетиницы Васильевой, да на той же цер-

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С.238.

² Разрядная книга 1559–1605 гг. [сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина]. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1974. – С. 101.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 152.

⁴ РГАДА, ф. 1209, д. 13329, лл. 686–689.

ковной земле священника у Гаврилы нищие, а питающая от церкви Божии <...> всего 5 дворов. Да за попом Автономом нищих <...> 2 двора. Пашни паханы перелогом и дикого поля, церковной земли 25 четь в поле а дву потомуж, сена по конец на 50 копен. И всего на Вослебе крестьянских дворов 216, двор в пусте, <...> бобьльских 10 дворов, да два в пусте»¹.

«По Рязским переписным книгам 154 (1646) г. в Вослебе показано уже 244 двора, число которых к концу XVII столетия значительно сократилось»². В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов объясняют это явление так: «Жители, разоренные беспощадными поборами, целыми семьями и в одиночку бежали на вольный Дон. Впоследствии многие из них примкнули к войску Степана Разина в его войне против бояр и помещиков. В результате село значительно поредело. Если в 1660 г. в нем насчитывалось 244 двора, то в 1667 – дворов и жителей осталось вдвое меньше. Определенную роль играло и то, что в XVII в. началось самое интенсивное заселение скопинских земель. Оно сопровождалось появлением новых поселений, начало которым давали именно жители таких старых сел, как Вослебово. Так, вослебовские крестьяне основали, например, села Ильинка и Гремячка»³.

По переписным книгам 1675 г. в селе насчитывалось 100 крестьянских и 15 бобьльских дворов, в которых проживало 349 человек. С 1663 г. по инициативе царя Алексея Михайловича начинается создание в скопинской вотчине крупного сельскохозяйственного комплекса для дворцовых нужд – вводится десятинная пашня. В 1675 г. «на царя» запахивалось 40 десятин в одном поле, то есть всего 120 дворцовых десятин. В окладной книге 1676 г. отмечена «Христорождественская церковь, у тое церкви двор попа Василия, двор пономарский, двор церковного бобья, да в приходе в той церкви девяносто дворов крестьянских, восемь дворов бобьльских и всего сто один двор». Поэтому по окладу 1676 г. дани с Христорождественской церкви было положено вместо 4 рублей 28 алтын 5 денег только 2 рубля 14 алтын 3 деньги. «Церковныя пашни» вместо 25 четвертей показано «десять четвертей в поли, а в дву потомуж», но при этом отмечено, что «иная де церковная земля отведена в государевы десятины в пашню, а сколько земли отведено, того, сказал поп, он не знает»⁴.

Кроме хлеба скопинская вотчина поставляла к государеву двору и столовые запасы. Ежегодно вослебские крестьяне отсылали в Москву свиного мяса – 60,5 пуда (9,68 ц), по 40 баранов, 10 гусей, 20 уток и 60 сушеных кур⁵. Поставлялся к царскому столу и мед. Причем в 1664 г. царь Алексей Михайлович указывал: «...Да на пасеки ко пчелам пасечников призывать русских людей из черкас... да на пчельнике для строенья пчел велел быть сторожам охочим людем...»⁶ В 1665 г. «на пасеках де первого взятья пчел 105 ульев, да нынешней весна от них молодых прибыл 81 улей, и к тем пчелам принят пасечник ис крестьян Левка Катин, а годового жалованья ему учинено по 5 руб., да ржи по 5 чети, овса потомуж на год»⁷. Всего в собственности царствовавшей семьи числились «на дву пасечных дворах, под заповедным лесом, на большом дворе: двести тридцать три ули. Да в селе, в Ослебе, на дворе ж: сто десять

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, лл. 434–435 об, 456.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 177.

³ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 183. Делая правильный вывод, краеведы неверно указали даты, которым соответствовало определенное число дворов.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, Т. 2. Рязань, 1884. – С. 177.

⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 148 об; Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] – Рязань: Александрия, 2004. – С. 362.

⁶ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. – С. 1055.

⁷ Там же. С. 1104–1055.

улев со пчелами, да на тех-же пасечных дворах триста пятнадцать улев порозжих»¹. В переписной книге за 1676 г. в селе Вослеба значатся два двора «пчелных сторожей»².

Сбором основных налогов со скопинских дворцовых сел до 1705 г. занимался приказ Большого дворца, а с 1705 по 1709 г. они «ведомы были всякими великого государя делами» и платили деньгами так называемые «дворцовые сборы»: «за корабельную починку, за бараны и ярки, за столовые запасы, ямские и полонячные, к сдаче рекрутов, по дачу ратным людям в воинский приказ, по покупке конских кормов и с пустовых оброчных мельниц»³. С учреждением Воронежской обер-комендантской провинции в составе Азовской губернии, в которую вошла и Скопинская дворцовая волость, были введены «новоположенные зборы: на наем подвод, на покупку седел, на дело кирпича, на дачу рекрут с верху дворцового оклада, ямские и полонячные сверх дворцового оклада и другие»⁴.

Масштабная программа петровских преобразований потребовала максимального напряжения усилий всего населения страны, в первую очередь – крестьянства, вынесшего на себе тяжелейшее налоговое бремя реформ. В 1712 г. скопинцы, обращаясь к царю, писали: «Всемиловнейший государь, просим вашего величества не влететь, государь, на нас, рабов твоих, новоположенных канцелярских сборов править, а вели нам, рабам твоим, с наличных крестьянских дворов платить денежные поборы по дворцовому окладу, чтоб нам от лишних денежных поборов и от побегу тутошних крестьянских дворов и достоя в конец не разоритца и на правеже замучены не быти. Вашего величества нижайшие рабы города Скопина и Скопинского уезда – дворцовые крестьяне, волостной староста Никита Рязузов с товарищи»⁵. Жаловались также, что «штрафные деньги», наложенные на скопинского приказного Михайлу Юдина, на скопинского подьячего Меркула Васильева, а также отданные по иску деньги помещика соседнего села Немерово прапорщика Родиона Кошелева за незаконное нахождение его беглых крестьян Еремея Спиридонова со товарищи в селе Вослебе на десятинном тягле – всего две тысячи рублей, по распоряжению приказа Большого дворца разложили на всех крестьян и «от того бежало твоих, великого государя, дворцовых крестьян семьсот дворов и болши незнаемо куды, а за тех беглых крестьян всякие твои, великого государя, доходы по дворцовому числу правят на нас, оставшихся крестьян, сполна»⁶. Челобитную рассматривал Азовский губернатор Ф.М. Апраксин. Отменить упомянутые в челобитной новые сборы он, разумеется, не мог, но посодействовал изданию «царева указа», предписывавшего провести повторную перепись дворов и впредь взыскивать налоги по новой переписи. Также его распоряжением были сложены с крестьян и некоторые дополнительные поборы, признанные незаконными.

В переписной книге 1710 г. о Вослебове сказано: «В том селе церковь во имя Рожества Богородицы и Спаса нашего Иисуса Христа, у той церкви поп Василий Прокофьев вдов <...>, поп Климент Филиппов, у него попадья Степанида Лазарева <...>, дьячок Федор Федоров сын Галкин <...>, пономарь Павел Лазарев сын Пономарев <...>, солдатских семь дворов, в них людей мужеска полу одиннадцать человек, в том числе женатых одиннадцать человек <...>, крестьянских тяглых семдесят дворов, в жилых дворах мужеска полу сто пятьдесят человек, в том числе женатых девеносто три, безтяглых, вдовых три, оскудалых шесть дворов, мужеска пола шесть человек»⁷.

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 154 об.

² *Семифонтов Н.Н.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. – СПб.: Археограф. комис. 1871. – С. 83.

³ РГАДА, ф. 402, оп. 1, д. 340, л. 3 об.

⁴ Там же, л. 4 об.

⁵ Там же, лл. 4–4 об.

⁶ Там же.

⁷ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 594, 610.

В 1732 г. село Вослеба было приписано к новоучрежденной дворцовой Конюшенной канцелярии. Его крестьяне продолжали пахать десятинную пашню, косить и возить к конюшням сено, обслуживать приписанные к конным заводам здания и сооружения, платить установленные денежные сборы. Причем с целью умножения своих доходов ведомство экспериментировало, стремясь внедрить наиболее результативные технологии земледелия. Например, в 1734 г. по присланному из дворцовой Конюшенной канцелярии наказу было «велено посеять для пробы доброй, средней и худой земли по две десятины. Первые шесть десятин засеять по десяти четвериков, другие 6 десятин по четверти, которые пробы к 735 году десятинной рожью и посеяны...» Как видно из документов, десять десятин было засеяно на полях «грацких волосных и новоприверстанных крестьян», а две десятины на десятинном поле конюшенных крестьян села Вослебы. Мы точно не знаем, на какой земле вослебские крестьяне высевали опытную рожь, однако известно, что при наименьшем количестве ужатых копен с десятины обмолот с каждой копны был больше, чем с других полей¹.

К денежным поборам со своих крестьян конюшенное ведомство относилось строго. В 1741 г. в Скопин писали: «...И пока оная доимка сполна взыскана не будет <...> держать (должников. – *Примеч. авторов*) в Скопинской канцелярии без выпуска под караулом», а проверяющему, направленному в Скопин в инструкции наказывалось, чтобы «о взыскании остальной подушной доимке скопинских управителей принудить несмотря ни на какие их отговорки»². А ранее, 4 февраля 1740 г., по определению Конюшенной канцелярии было велено «имеющееся в городе Скопине следственное дело о подушной доимке от капитана Перекусихина и бывшего управителя подпоручика Денисьева взять обретающемуся там прапорщику Артемию Сипягину да стремянному конюху Бравчинскому <...>изследовать и то следствие прислать в Конюшенную канцелярию...»³. Речь шла о злоупотреблениях должностных лиц при сборе подушного налога. По организованному в 1741 г. дополнительному «следствию явилось излишних на крестьянах перебранных подьячим Сорокиным и зборщиками 70 рублей 80 копеек, которых по силе указа Конюшенной канцелярии, присланного в 740 году февраля 18 дня, объявленного в том экстракте, велено содержать в Скопинской канцелярии под охранением ноне, по решению того следствия определено зачесть в подушном зборе тех сел крестьян, с которых в переборе явилось»⁴.

От тяжести налогов и несправедливости из Вослебы бежало больше людей, чем из соседних селений. В переписной книге 1748 г. в числе явившихся из бегов упоминаются вослебовцы Мирон Михайлов сын Лапаталин, Агап Дмитриев сын Песов, он же Арбузов, Михаил Емельянов сын Пичюгин, Фадей Ерофеев сын Поболуев и другие, всего 10 человек в возрасте от 15 до 60 лет⁵. О том, что о неплатежах незамедлительно узнавали административные органы и принимали соответствующие меры, свидетельствует росписной список Скопинской канцелярии при приеме дел новым управителем. В нем значится указ от 1 декабря 1757 г. из дворцовой Конюшенной канцелярии «О спросе капитану Буховецкому села Вослебы старосту Фрола Грачева со крестьяны о неплатеже крестьянина Петра Кузнецова и сво подушных»⁶.

Свои скромные доходы вослебские крестьяне нередко пытались преумножить незаконными путями, что, впрочем, было довольно широко распространенной практикой. Судебную

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 173.

² Там же, л. 79 об.

³ Там же, л. 16 об.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 16 об, 173, 242.

⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3182, л. 293.

⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, л. 44.

власть над дворцовыми крестьянами осуществляла Конюшенная канцелярия, которая, хотя и наказывала при необходимости подведомственных ей селян по всей строгости закона, но все же по возможности старалась их выгородить. Крестьяне это понимали и учитывали данный фактор в своих противоправных действиях. Так, например, в документе, датированном 1750 г., сообщается о незаконном угоне конского табуна помещицы С.А. Обезьяниновой крестьянами села Вослебы. Обстоятельства дела были следующими. Бил челом «Рязского уезда деревни Немеровой помещицы вдовы Екатерины Алексеевой дочери Обезьяниной староста Герасим Алексеев Скопинского уезду села Вослебы на волостных крестьян Антипа Сухова, Игната Жиркова, Панфила Линева с товарищи. Минувшего апреля 26 числа, днем, означенный крестьянин Антип Сухов за деньги, за шесть рублей, продал оной помещице моей лошадь мерена совраса, грива налево, во лбу лысина, ноги по колено белы, и в продаже оной дал помещице моей за рукою того ж села Вослебы земского дьячка Леонтея Афанасьева сына Линева письмо. А того апреля 17 числа, днем, оной крестьянин Антип Сухов с товарищами своими человек з десять, а с кем именно – того я не знаю, приехал отменяем на поле в дачах оной же помещицы той конский табун. Бывшего при том сторожа оной помещицы моей, дворового человека Михаила Сергеева, связав, оставили на том поле, а потом из оно-го же табуна объявленное проданное и Антипа Сухих лошадь, мерена совраса, насильством своим взяв увели неведома куды, после которых в тож время с того поля, за тем, что объявленной сторож связан был, оной табун бес сторожа состоял, пропало лошадей: три кобылы серые, цена девят рублей; сем меренов – три соврасых, цена девят рублей; четыре рыжих, цена двенадцать рублей. А сего июля 17 дня незнаемо с кокова умыслу, означенного же села Вослебы крестьяне многое число, в том числе и вышписанный Игнат Жирков, Панфил Линева, приехав все на поле в дачи оной же помещицы моей, конской ей табун погнали неведома куды, после чего того ж числа оно-го табуна сторож, объявленный дворовый человек Михайла Сергеев, пришел в вотчину оной госпожи моей вышписанной, объявил всем крестьянам, почем оные, выехав на поле, оной конской табун помещицы моей у оных волостных крестьян отбили и притом поймали вышписанных Игната Жиркова, Панфила Линева и с имеющимися при них двоих лошадьми, которые и взяв, привели в Рязк и для допроса оных людей...»¹

В промемории из Скопинской канцелярии в Рязкую воеводскую канцелярию говорится: «Сего 1750 года июня 24 дня старосты села Вослебы Кирила Сухих доношении написано, сего де июня 17 дня того села Вослебы с общего своего мирского совету все крестьяне ездели для раздела к пахоте собственной своей пашни в урочище Кирилов лоск Скопинской же волости под село Гремячку, и в то же время при том разделе были того ж села Вослебы крестьяне Игнат Жирков, Панфил Линева, а поехали де они стережет лошадей на собственной ево, Жиркова, ржи Рязкого уезду деревни Немерово помещика Михаила Степанова сына Кошелева крестьянин, а по имени ево не знает, а оной де Жирков стал ему говорить, чего ради он на ево ржи тех лошадей пасет, и тот ево, Кошелева, крестьянин побезит в помянутую деревню Немерову и паки приехал и в то поле с помянутым помещиком Кошелевым со крестьяны, человек с дватцать и более с огненным ружьем и с цепом и дубинками, и вышеозначенных крестьян били смертным боем, и взяв их с имеющимися двумя лошадьми, кобылою игренею, цена десять рублей, мерина бурого, цена 5 рублей – отвел в Рязкую воеводскую канцелярию, которые и поныне в оной канцелярии содержатца под караулом»². Как видно, каждая сторона описывала события совершенно по-разному. Чем закончилось разбирательство дела не-

¹ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, д. 129, лл. 1-3.

² РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, д. 129, лл. 1-4.

известно, однако стремление Скопинской канцелярии выгородить подведомственных ей вослебовских крестьян довольно очевидно.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда Рязанской губернии, составленных в 1779 г., содержится первое подробное описание «села Вослебы». В документе сообщалось, что оно лежит «на двух безымянных отвершках, одново на правой, другово на левой сторонах» и по обе стороны речек Вослебки и Жабки, на Жабке пруд. По последней на тот период 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в Вослебе было 120 дворов, «церковь деревянная во имя Рождества Христова», 328 душ «мужеска» и 285 «женска полу»¹.

Непосредственно на плане Генерального межевания видно, что в 1779 г. речка Вослебка огибала уездный город Скопин с севера на расстоянии от 700 до 800 саженей (1194–1707 м) от городских построек. Лежавшее неподалеку от города село представляло собой три порядка крестьянских дворов: первый – по правому берегу Вослебки примерно в 500 саженях (1066,8 м) от места впадения в нее речки Жабки и 150 саженях (320 м) от ее истока. Вторым порядком стоял на левом берегу речки и представлял собой три слободы, находившиеся друг от друга примерно в 150 саженях (320 м). Две из этих слобод фланкировали церковь, а третья помещалась между левым берегом речки и протекавшим тут же безымянным ручьем. В 300 саженях (640 м) восточнее от этого порядка на плане отмечен исток реки Малая Моша. Наконец, третий порядок был возведен близ истока речки Жабки, который находился прямо среди крестьянских огородов². В течение XVII–XVIII вв. в Христорожественской церкви села Вослебы, помимо уже упомянутых выше, служили следующие священники: Афанасий Петров (с 1683 г.), Иуда Григорьев (с 1687 г.), Иродион Васильев (с 1700 г.), Алексей Силин (с 1703 г.), Петр Климентов (упоминается в 1756 и 1762 гг.). В 1801 г. в селе было возведено новое кирпичное здание Христорожественской церкви с Богородице-Рождественским приделом и колокольной. В этом храме служили священники Иоанн Семенов (ок. 1802 – ок. 1823 гг.), Иоанн Михайлов (ок. 1823 – ок. 1829), Георгий Яковлев Соколов (1829–1847) и Георгий Васильевич Славянов (1847 – ок. 1884 гг.)³.

С начала XIX в. Христорожественская церковь, стоявшая в окружении служебных строений на большой площади в центре Вослебова, являлась его главной архитектурной доминантой. К середине века в селе было два пруда. С восточной стороны к селению примыкал лес, за которым располагалась церковная земля⁴.

В 1854 г. в Вослебове было в общей сложности 254 двора, в которых проживали 1095 мужчин и 1163 женщин. Грамотными среди них были всего 57 мужчин и 3 женщины⁵. Последняя в истории России 10-я ревизия податных сословий, проводившаяся в 1858 г., насчитала в селе 170 домохозяйств, в которых жили 1087 мужчин и 1128 женщин⁶. После отмены крепостного права в 1861 г. село Вослиб (Вослеба) стало административным центром Вослибской волости.

В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов пишут: «Рост населения села продолжался до 2-й пол. XIX в., до отмены крепостного права и начала развития в России капитализма. Разо-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 3-3 об; д. 1240, л. 15.

² РГАДА, ф. 1354, оп. 411, В-32 кр.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 178.

⁴ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 550–551.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889 – С. 44.

рение крестьян приобретает массовый характер. Достаточно сказать, что число безлошадных крестьян увеличивается почти на 15 %. Земледельцы целыми семьями уезжают из родных мест, в основном в восточные губернии. По данным переписи 2-й пол. XIX в., число дворов в Вослебове (тогда село называлось Вослиб) остается на уровне немногим более 200, а число жителей колеблется в пределах 2000–2200 человек»¹.

С 1846 г. в Вослебове действовало церковно-приходское училище, открытое местным священником Г.Я. Соколовым. В 1866 г. в нем состояло 52 учащихся мальчика, которых обучал нанятый семинарист. Все средства на содержание училищ, а равно и жалование наставникам выдавалось из волостного правления, само училище в селе находилось в общественном доме².

В 1870 г. в Христорождественской церкви села Вослебова был возведен новый придел – Никольский. При этом старый Богородице-Рождественский придел был обновлен, так что оба они были освящены одновременно в 1871 г.³

По сведениям об учебных заведениях уезда за 1902 г., земская школа в Вослебове была основана в 1878 г. по инициативе местного сельского общества. Однако материалы ревизии, проводившейся Рязанским губернским земством в 1875–1876 гг., свидетельствуют, что в это время школа уже действовала и в ней преподавал воспитанник Рязанской духовной семинарии Иван Николаевич Гривцов. Закон Божий временно не преподавался за отсутствием учителя. Земство оплачивало содержание педагогу в размере 200 рублей в год, от сельского общества предоставлялось помещение и отопление, обучалось 35 мальчиков⁴.

Согласно описанию, составленному представителем Скопинского уездного земства в 1884 г., помещение вослибской школы «большое, но холодное, так как в дверь и окна дует ветер, об этом мною заявлено было земской управе и она, сколько мне известно, заявляла вослебовскому обществу о ремонте. Отопление и наем сторожа – на счет общества. Всех учеников 37, из них при первом моем посещении было только 22. Отсутствие такого большого числа учеников происходит, насколько я мог заметить из респонсов, вследствие экономических причин. По отделению ученики разделяются так: в старшем – 8, в среднем – 12, в младшем – 17. Все ученики весьма плохо развиты, в особенности слабы они в арифметике и Законе Божиим (последний преподавался учителем, бывшим воспитанником духовной семинарии). Во время второго моего посещения перед концом учебного года этого учителя уже не было, он поступил во священники. Школа долгое время оставалась без учителя, и только незадолго до экзаменов определен в нее новый учитель. На экзамене ученики отвечали очень слабо, поэтому ни один экзамена не выдержал. Экзамен производил член от земства А.Н. Голощапов»⁵.

В 1885/86 учебном году было три группы, в которых обучались дети в возрасте от 7 до 14 лет – всего 51 учащийся, все мальчики. Окончило курс со свидетельствами лишь 5 учеников. Школьное здание было деревянным, крытым соломой, площадью 56 кв. аршин (28,33 кв. м.), объем помещений составлял 168 куб.аршин (60,43 куб. м.), при этом отапливалось оно лишь одной печью. Земская статистика констатировала: «Помещения при школе не имеется. Библиотека небольшая, учреждена на средства земства. На содержание училища

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 183.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 236–237.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 178.

⁴ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Ряжского 1875 году. – М., 1877. – С. 427.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. – Скопин, 1885. – С. 176.

крестьяне расходуют около 55 руб. Попечитель с 1878 г. крестьянин З.Я. Линева, законоучитель с 1885 г. священник А.С. Гаретовский. Учитель с 1885 г. – окончивший курс Скопинского духовного училища Д.Н. Отлетов»¹. Такая земская школа называлась однокомплектной. Класс делился на три отделения, соответствующие трем годам обучения детей. Учитель в одной классной комнате проводил занятия со всеми тремя отделениями одновременно, давая по очереди задания и объясняя новый материал.

Новая ревизия земских школ, проведенная Скопинским уездным земством 20 декабря 1893 г. (1 января 1894 г.), отразила следующую стадию в развитии сельской образовательной системы: «Вослебская школа. В школе имеется в настоящем году 98 человек. С января 1894 г. назначается вторая учительница Глинкина. Увеличение учительского персонала, а также деятельность нового законоучителя Родимова сразу подняли школу, которая имеет все данные для того, чтобы в ближайшем будущем перейти в разряд удовлетворительных школ нашего земства. Младшее отделение в общем недурно, среднее отделение очень слабо по всем предметам. Старшее отделение не совсем гладко читает, но пишет диктант и решает задачи весьма порядочно. К экзамену С.Н. Худекову представлено все старшее отделение, который все и выдержали»². По окончании школы, как видно, проводились выпускные экзамены, по результатам которых выдавались свидетельства об окончании школы. Экзамены проводились не учителями, а членами земства, уездного училищного совета, т.е. преимущественно чиновниками. Экзамены были короткими и простыми, не имели заранее утвержденных вопросов.

Старое, обветшавшее здание сельской школы долгие годы было проблемой вослебовцев. Местные крестьяне, собравшись по распоряжению старосты Лазарева 25 сентября (7 сентября) 1905 г. на сход, «на котором, принимая во внимание, что здание... земской школы пришло в ветхость, так что дальнейшее обучение в нем детей невозможно, средств же на постройку нового здания, по случаю неурожая хлебов не имеется», просили у земского собрания ссуду в 2000 руб. на 5 лет, из них 400 руб. безвозмездно». На получение денег уполномочивали попечителя Захара Яковлева Линева и волостного старшину Матвея Осипова Кулешова. Скопинское земское собрание приняло по их обращению положительное решение³. К 1908 г. в новой Вослебовской земской школе, в которой преподавали три учителя и священник-законоучитель, было 235 ученика. В ней также обучались дети из близлежащего села Ивановского⁴. По отчету за 1916 г. земских школ в Вослебове было две – трехкомплектная и однокомплектная⁵.

Сборник «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в 1879 г. в селе Вослиб (Вослеба) Скопинского уезда Рязанской губернии было 363 двора и 2215 жителей. В нем также находилось волостное правление Вослибской волости, действовали одна лавка и православная церковь⁶.

По переписи населения 1882 г. в селе насчитывалось 444 домохозяйства, население составляло 1674 мужчины и 1656 женщин, грамотными были только 177 мужчин и 34 учащихся мальчика. Земля вокруг села – суглинок и немного чернозема с глиной, в крестьянском наделе находилось по 3,5 десятины (3,82 га) на душу. Дополнительно арендовалось 156 десятин (170 га) внеадельной земли. Безземельных крестьян насчитывалось 4 двора, бездо-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 2–13, 22–23.

² Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. – Скопин, 1895. – С. 89–90.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLI 1905 года. – Скопин, 1906. – С. 238.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин, 1908. – С. 6–7.

⁵ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 168.

⁶ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 328.

мовых хозяев также было значительное количество – 62. Из 383 сельских изб топились «побелому» только 33, при которых состояло 341 плетневых и два заборных двора, 145 горниц и клетей, 112 амбаров, 297 риг и овинов. Жители села держали 647 рабочих лошадей, 91 жеребенка, 292 коровы, 177 телят, 2313 овец, 182 свиней. Безлошадными были крестьяне 121 двора, богатых хозяйств, имевших трех и более лошадей, насчитывалось 96. Местными промыслами занимались 309 семей, в отхожих промыслах находился 21 вослебовец. В селе действовали 11 промышленных заведений (в т.ч. 3 ветряные мельницы), кабак и лавка¹. Обладание каким-либо «промышленным заведением» свидетельствовало об определенной зажиточности крестьянина. Наибольшей популярностью в то время пользовались ветряные мельницы. Они были хорошим подспорьем в хозяйствах крестьян и среднего достатка, и зажиточных. Просорушки и кузницы приносили меньший доход, он зависел от того, сколько их было в селе. Кабак или водяная мельница делали их хозяина заметно более состоятельным, с них платился более высокий промысловый налог, чем с ветряной мельницы.

По сведениям за 1893 г., в Вослебове работали ветряные мельницы крестьян Егора Потапушкина, Петра Сидорова, Максима Гаврилова, Акима Шорина, Семена Колтыгина, Матвея Потапушкина; просорушки крестьян Акима Шорина, Ипата Черных, Филиппа Колтыгина, Акима Логинова. Также имелись кузница Акима Логинова и бездействующий церковно-приходской кирпичный завод². Торговля велась крестьянами не для того, чтобы разбогатеть, а лишь обеспечить себе и своей семье сносное пропитание. О состоятельности сельских «коммерсантов» наглядно свидетельствует датированное 1912 г. прошение крестьянки села Вослебова Анны Семеновны Грачевой к уездному Земскому собранию о понижении оценки принадлежащих ей помещений под лавками: «В полученном мною окладном листе принадлежащая мне казенная винная лавка и торговая лавка... обложены налогом 44 руб. 47 коп. в год. Я имею 6 человек малолетних и несовершеннолетних детей и старого, неспособного к труду отца, которых я содержу исключительно на средства, получаемые мною за аренду от казенной винной лавки; что же касается моей мелочной торговли, то таковая так незначительна, что о каких-либо доходах не может быть и речи. Я торгую просто для того, чтобы не быть без дела. Было бы лишним объяснять Собранию, что если бы у меня не существовало арендной платы от винной лавки, я оказалась бы с малолетними детьми в таком бедном положении, какого трудно себе представить, так как и при существующем положении не хватает на самое необходимое. Еще позволю себе обратить внимание Собрания на следующее обстоятельство: за аренду винной лавки я получаю в год 260 руб., но из этих денег я уплачиваю за страхование 40 руб. в год, кроме того, строение требует ремонта и других расходов». По справке Земской управы «казенная винная лавка Грачевой с 1905 г. была оценена в 2000 руб., а в 1910 г. переоценена в 1500 руб., торговая лавка ценилась в 200 руб.», поэтому Скопинское уездное земское собрание решило, что так как «переоценка произведена в недавнее время и сдается за довольно хорошую оплату в год, ходатайство отклонить»³. Иногда торговля по каким-то причинам не ладилась вовсе. Например, в 1910 г. в Вослебове открылась лавка Николая Ивановича Плешкина, но, проработав всего 3 месяца, закрылась навсегда⁴.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 44–49.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 808. лл. 3 об-4 об.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 245–246.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 392.

Даже имевшим небольшое собственное промышленное предприятие крестьянам приходилось считать каждую копейку, чтобы получить прибыль. Вослебовский крестьянин Данила Платонов Савельев (Сучков), владевший в селе шерстобиткой, писал по этому поводу: «...За смертью владельца перешла ко мне...шерстобитка, существует 15 лет, стоящая самое наибольшее 30 рублей, благодаря своему долголетию она имеет заработок в течении года от 20 до 25 руб., самое же помещение устроено из глины, длиною 5 аршин (3,56 м), а шириною 9 аршин (6,4 м), стоимостью около 15 руб., считаясь с указанными цифрами с вместе взятыми, то и тогда не получится суммы 150 руб., определенной для обложения, что конечно и говорит за то, что таковая основана не на фактических данных, а исключительно на том доказательстве, которое висит в воздухе, такая ошибка служит тормозом прекращения промышленности, но не развития таковой, в чем нуждается крайне население». Неудивительно, что после такого письма значащаяся по окладным книгам Скопинской земской управы за крестьянином Платоном Савельевичем Сучковым шерстобитка была в оценке понижена до 50 рублей¹. Кстати, работавший в селе кузнец Федор Николаевич Прошляков также не вылезал из долгов по налогам, как и упоминавшийся выше несостоявшийся местный лавочник Н.И. Плешкин. В 1914 г. дознанием было установлено, что недоимки взыскать с них невозможно, а потому их долги были представлены к сложению².

Страшным бедствием и для владельцев промышленных заведений, и для простых крестьян оставались пожары. При примитивных представлениях о противопожарной безопасности отсутствию сколь бы то ни было серьезной пожарной охраны в рязанских селах, нередко в одночасье сторали улицы, слободы и целые деревни. В 1882 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «29 мая, Скопинского уезда, в с. Вослибове сторело от неосторожного обращения с огнем 48 крестьянских домов с надворными строениями»³. В 1897 г. в Скопинском уезде случилось 127 пожаров. Больше всего пострадала от них Курбатовская волость: горели 10 селений, причем села Большое Подовечье и Малое Подовечье по четыре раза, а деревня Сергиевская – целых пять. Шесть раз в уезде горело Вослебово, по пять – села Катино, Горлово, Муравлянка; по четыре – Костемерево и Топилы, еще 17 сел и деревень горели по два-три раза⁴.

Весна 1905 г. началась сравнительно благоприятно в пожарном отношении, но сухая, ветреная погода в мае и почти без дождей в июне дали в результате громадные убытки. Из отдельных селений наиболее потерпели от пожаров и получившие по обязательному страхованию свыше 5000 руб. каждое: села Высокое, Павловское, Маклаково, Вослебово, Малое Подовечье. Пожары при соломенных крышах и печах и печных трубах из подручного и случайного материала случались нередко, как и поджоги с целью мести. В сентябре 1907 г. крестьянин села Вослебова Степан Кузьмич Грачев подал в Скопинскую земскую управу следующее прошение: «17 сего сентября в 11 часов ночи у меня сторела рига и в ней весь урожай хлеба сего года, а именно 28 копен ржи, овса 14 копен, проса 4 копны, картофеля 30 четвертей и сена 250 пудов, каковой поджог, я подозреваю, сделан лицами, недовольными решением волостного суда, в составе коего я состою председателем 18 лет, так как в продолжение

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 259–260.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 564–565.

³ Рязанские губернские ведомости, №49, – 1882. – 3 июля.

⁴ Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1897–1898 гг. Вып. 2. – Владимир: Ряз. губ. земская управа, 1899. – С. 172–175.

этого времени очень много, приблизительно 4000 дел разобрано по существу и по каждому такому делу всегда является одна сторона недовольная. В волостной суд, а главное на председателя его, якобы поддерживавший удовлетворенную сторону и по необразованности, неразвитию и темноте своей народ, то есть недовольная, как я сказал выше, сторона старается за это мстить и вот это мнение высказывается, как например, в поджоге моей риги со всем хлебом». С.К. Грачев, имея семью 11 человек, просил земство о помощи, но его просьбу отклонили, полагая, что после этого прецедента «каждый погорелец будет претендовать на такую помощь»¹.

Пожары и неурожаи способствовали обнищанию крестьянских семей, толкали отдельных сельских жителей на преступный путь. В 1882 г. Скопинское уездное полицейское управление в «Рязанских губернских ведомостях» уведомило «о считании недействительным отнятого у отставного рядового Шацкой инвалидной команды Петра Алексеява неизвестными лицами при проходе его из села Вослибова в г. Скопин, вместе с сумкою, дубликата с указа об отставке, выданного ему года 3 или 4 тому назад, но кем именно не упомянут»². Происшествие имело место 3 (15) октября. Солдата, фактически, ограбили среди бела дня. Нередки были на проезжей дороге и убийства. Судебный следователь Рязанского окружного суда по 1-му участку Скопинского уезда в том же 1882 г. объявлял, что «13 апреля сего года на поле крестьян села Вослибово Скопинского уезда, в расстоянии около 6 верст от г.Скопина и около версты от большой дороги из г. Скопина в г. Пронск, найден сильно разложившийся труп неизвестного мужчины, причина смерти которого за разложением трупа не определена. Приметы неизвестного мужчины следующие: лет от 20 до 30, телосложения среднего, роста 2 арш. 5 вер., волосы на голове темно-русые и довольно длинные, а на бороде и усах светлые и короткие, одет в поношенный зипун (со сборками назади) из крестьянского темно-серого сукна, черную плисовую старую поддевку безрукавку, старую шапку с белым овчинным околышком и плисовым черным верхом»³. Иногда преступников находили. Так, «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «23-го мая, близ г. Скопина скопинскими мещанами Иваном Ермолаевым и Семеном Буховым и крестьянином Скопинского уезда сельца Кикина Михаилом Емельяновым ограблен крестьянин Пронского уезда дер. Сальковой Александр Данилов, причем у него отняты: лошадь с телегой, сапоги и деньги 10 р. Виновные в грабеже лица отысканы и арестованы»⁴. Но случалось такое нечасто.

Еще одной бедой, с которой пытались справиться Скопинское уездное земство, была извечная российская проблема – дороги, становившиеся почти непроезжими каждую весну и осень. В конце 1890-х гг. техник Рязанской губернской земской управы провел исследование необходимых уезду сооружений дорожной инфраструктуры. Скопинская уездная земская управа сделала замечание, что в «исследовании Перевлесского тракта в 1898 г. <...> были сделаны в составленных сметах пропуски некоторых сооружений, безусловно, необходимых по местным условиям: мощение полотна дороги по г. Скопину, мощение дороги в с. Вослебово, водослив через овраг в селе Вослебы, водослив на 1-й плотине в селе Вердерев»⁵, и т.д. По этому вопросу в уездном земском собрании разгорелся жаркий спор. По тем временам мощение дороги в селе являлось большой роскошью. Добавить дополнительные работы

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIII очередного созыва 1907 года. – Скопин, 1908. – С. 213.

² Рязанские губернские ведомости, № 85. – 1882. – 6 ноября.

³ Рязанские губернские ведомости, №46. – 1882. – 23 июня.

⁴ Рязанские губернские ведомости, №44. – 1882. – 18 июня.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания 1899 года. – Скопин, 1900. – С. 121–123.

в Вослебово в смету тогда не удалось – она уже была сверстана. Однако учитывая, что село было большим и располагалось рядом с уездным городом, указанные работы все же были выполнены несколько лет спустя.

В 1905 г. в селе Вослебове Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 610 дворов, в которых проживали 2054 мужчины и 2087 женщин, церковь каменная, волостное правление, школа Министерства народного просвещения, четыре ветряные мельницы, казенная винная лавка, квартира урядника¹. Этапным событием в жизни Вослебова стала Русско-японская война 1904–1905 гг., наложившаяся на события Первой русской революции и неурожай 1905 г. После призыва в действующую армию многие сельские дома остались без заработка ушедших на войну глав семейств. В Вослебове среди призванных были Семен Кирилов Еремин, Андрей Никифоров Шорин, Василий Михайлов Коняхин, Василий Михайлов Жирков, Михаил Егоров Овчинников, Алексей Антонов Арбузов, Григорий Григорьев Чистотин, Алексей Михайлов Карташов, Василий Леонтьев Реутов². Их семьи оказались без средств к существованию уже летом 1905 г., и Скопинское уездное земство в своем очередном заседании рассматривало вопрос об оказании им материальной помощи.

Печальные известия с Дальнего Востока не заставили себя долго ждать. Газета «Рязанский вестник» в разделе «Наши потери на войне» в сентябре 1905 г. сообщала: «12-го пехотного Великолуцкого полка: 27 сент[ября] в сражении на линии Сяо-Дун-Тай – Шелихе, раненные: ряд[овой] Орбузов Иван, жен[ат], Скопинского у[езда], с[ела] Вослебы; 29 сент[ября], Чистотин Николай, жен[ат], Скопинского у[езда], с[ела] Вослебы; ...сфр[ейтор] Чесных Федот, жен[ат], Скопинского у[езда], д[еревни] Вослебова...»³ Вослебовцы участвовали во всех значимых битвах, в частности – в Цусимском морском сражении и в обороне Порт-Артура. В несчастливом для русского флота морском бою у острова Цусима погиб уроженец Вослебова Василий Иванович Козлов, машинист 1-й статьи эскадренного броненосца «Император Александр III»⁴.

Немало вослебовцев служило в 140-м пехотном Зарайском полку. В июле 1903 г. полк в составе 2-й бригады 35-й пехотной дивизии был командирован в Забайкальскую область, по официальной версии – «для испытания провозоспособности Сибирской железной дороги». До начала русско-японской войны он квартировал в селе Спасском. С началом кампании в Маньчжурии полк принимал участие в Ляоянском сражении (1904), обороне Шахэйских позиций (1904–1905). При участии в Мукденской операции 8 (21) февраля 1905 г. «Зарайский полк под сильным огнем повел наступление на деревню Безымянную, занял ее, но из-за сильнейшего огня противника больше продвинуться не мог. В то же время две роты полка упорно отстаивали железнодорожный редут близ деревни Ингуа, выдержали ряд атак и очистили редут к полудню 9 (22) февраля, после того как дальнейшее сопротивление оказалось невозможным: японцам удалось скрытно приблизиться к позиции и залечь, редут был осыпан артиллерийскими снарядами и забросан ручными гранатами. Геройские защитники редута, потрясенные бомбардировкой, ослабленные рядом отбитых упорных атак, оглушенные взрывами и отравленные мелинитовыми газами, не выдержали и очистили редут. На следующий день зарайцы произвели контратаку против японской колонны, засевшей у деревни

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 636–637.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания от 17 июня 1905 г. – Скопин, 1905. – С. 68.

³ Рязанский вестник, № 77. – 1905. – 20 сентября.

⁴ Циркуляр Главного Морского Штаба. Августа 23-го дня 1905 г., № 216.

Безымянной; атака эта блестяще удалась. 12 (25) февраля японцы возобновили атаку на деревню Безымянную, но были отбиты»¹.

140-й пехотный Зарайский полк вернулся в Скопин в апреле 1906 г. За время русско-японской войны он понес большие потери: 478 солдат и офицеров были убиты или пропали без вести, 1405 человек были ранены и контужены. В память Русской-японской войны 18 апреля (1 мая) 1910 г. полк был награжден Георгиевскими серебряными трубами с надписью: «За отличие в войну 1904–1905 гг.». После расформирования полка в 1918 г. его награжденные серебряные трубы, по некоторым данным, какое-то время хранились в Скопинском краеведческом музее, позднее бесследно исчезли.

Вернувшись в Скопин, герои-зарайцы сразу почувствовали настроение народа. «Рязанский вестник» в июне 1906 г. сообщал об обещании солдат полка не стрелять в крестьян: «Недавно вернувшиеся с Дальнего Востока солдаты Зарайского полка, расквартированные в Скопине, обратились к населению со своего рода декларацией, в которой обещали не стрелять в беззащитных крестьян и вообще не быть [орудием] в руках администрации»². Похоже, и в самом Вослебове были революционно настроенные крестьяне, возможно – из железнодорожных рабочих. Местный большевик М.Н. Шабулин³ ок. 1925 г. вспоминал о работе рязанской социал-демократической группы в деревне в 1905–1906 гг.: «Район работы расширялся и захватил полосу других уездов губернии. Моя попытка завязаться в районе города Скопина на первый раз сорвалась по совершенно случайной причине. Выслеженный в самом Скопине, я перебрался в село Вослеба к товарищу, связанному по работе в Рязском уезде»⁴.

Накануне Первой мировой войны в селе Вослебове насчитывалось 678 дворов, в которых проживали 2415 мужчин и 2385 женщин. Христорождественская церковь 1801 г. постройки с двумя приделами была капитально перестроена в 1903 г. В 1908 г. на ее колокольне был установлен новый железный крест с зеркальными стеклами, изготовленный на средства прихожан. В 1914 г. к вослебовскому храму было приписано «земли церковной усадьбой – 5 десятин (5,45 га), пахотной – 51 десятина (55,6 га). В приходе действовала земская школа»⁵. В 1914 г. в Христорождественской церкви в Вослебове служили священники Федор Иванович Триодин и Алексей Александрович Березняковский⁶.

В дореволюционное время служба по духовному ведомству рассматривалась как вариант государственной – этому немало способствовал и тот факт, что с петровских времен главой церкви, управлявшейся Святейшим Синодом, был император Всероссийский – глава государства. За отличие в службе клириков награждали не только церковными наградами, но и государственными орденами, совсем как чиновников. Чаще всего, конечно, дождь наград проливался на губернское и уездное духовенство. Например в 1894 г. орденами Св. Анны

¹ Военная энциклопедия. [под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца, В.А. Апушкина и Г.К. фон Шульда] Т. 10. – СПб.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С. 477.

² Рязанский вестник, № 170. – 1906. – 22 июня.

³ Шабулин Михаил Николаевич (1887–1925) – народный учитель, член РСДРП с 1904 г., активный участник трех революций, в 1905–1907 гг. вел агитационную и организационную работу среди крестьян и рабочих Рязани. В 1919–1920 гг. – председатель Губкома партии, председатель Губисполкома и член ВЦИК РСФСР. Отозванный в распоряжение ЦК ВКП (б) в 1920 г. выполнял ответственную работу в Красной армии и национальных республиках.

⁴ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). – Рязань: Кн. изд-во, 1960. – С. 228.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVIII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 550–551.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 445.

3-й степени были отмечены священник скопинской Богоявленской церкви Петр Покровский – «за заслуги по военному и гражданскому ведомству», священник Выходерусалимской церкви Иоанн Новиков – «за заслуги по епархиальному ведомству». В 1897 г. о. Иоанн Новиков удостоился более высокого ордена Св. Владимира 4-й степени. Примерно тогда же, в 1895 г., скопинский соборный протоирей Андрей Глебов был награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹.

Получить престижную государственную награду сельскому священнику было непросто, но все же в истории Вослебова такой прецедент был. Указом императора Николая II от 28 февраля (11 марта) 1897 г. орденом Св. Владимира 4-й степени был награжден заштатный священник села Вослеба Георгий Славянский «по случаю исполнившегося пятидесятилетия служения в священном сане»². Деятельное участие в жизни церкви принимали и церковные старосты, заслуги которых также отмечались. В 1901 г. серебряной медалью «За заслуги» на станиславовской ленте для ношения на шею был награжден церковный староста вослебовской Христорожественской церкви З.Я. Линева, многолетний попечитель сельской школы³. Она стала его третьей государственной наградой⁴.

«В первом-втором десятилетии XX в. Вослебово составляли около десятка улиц и порядков и других отдельно стоящих домов. Названия большинства из них, особенно крупных, складывались в соответствии с повседневной жизнью села. Так, например, улицы и порядки Шиленевка, Липечевка, Ефремовка, Козловка, Кулешовка, стали называться так по имени первых семей, поселившихся здесь. Низовка и Бугровка – порядки, расположенные соответственно один в низине, другой на возвышенности села. Само за себя говорит и название порядка Родник. На улице Поповка, как и в большинстве русских сел, в основном жили служители местной церкви. Порядок Горюшки слыл кварталом беспросветной нищеты.

В XX в. в окрестностях Вослебова успешно действовал черепичный завод, построенный в конце XIX столетия. Для работы он использовал глину из местного карьера. Из небольших производств можно назвать также паровую мельницу крестьянина Миронова, ветряные мельницы: две – братьев Обижаловых и одну – крестьянина Сидорова. Выделкой шкур занимались братья Кузьма, Егор и Петр Римские. Среди ремесленников-кустарей можно отметить также промысел плотников-колесников братьев Ильи и Александра Ребриковых, плотников Е.В. Честных и С. Тюрина. Среди отхожих промыслов главное место занимали торфоразработки в районе Шатуры и ломовой извоз, которым промышленяли, в основном, жители порядка Урванка. В 1911 г. недалеко от села пролегла железнодорожная линия Рязск-Павелец. В связи с этим была построена станция Вослебово, на которой также работали местные жители. <...> Имелось в зависимости от сезона 4–5 мелких лавок, торгующих самыми необходимыми товарами, до десятка маслобоек, крупорушек, два питейных заведения, одна из самых крупных в уезде школ»⁵.

В 1914–1917 гг. немало вослебовцев принимало участие в Первой мировой войне. Уроженец села Иван Николаевич Люлюкин (1887 – после 1921), рядовой 6-й Сибирской стрелковой дивизии, попал на фронт в январе 1915 г. После двух ранений он был награжден Геор-

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 11 (1 июня 1895 г.). – С. 410; № 11 и 12 (15 июня 1894 г.) – С. 411; № 21 (1 ноября 1897 г.). – С. 380.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 9 (1 мая 1897 г.). – С. 153.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1900 г.). – С. 89.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 15 (1 августа 1915 г.). – С. 608.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 184–185.

гиевским крестом 4-й степени и произведен в старшие унтер-офицеры. Демобилизовавшись после развала русской армии в начале 1918 г., в 1919–1921 гг. И.Н. Люлюкин служил в РККА, принимал участие в Гражданской войне¹.

В начале 1917 г. в Вослебове было 795 дворов, проживало 2734 мужчины и 2761 женщина². Советская власть в селе, как и повсеместно в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. Осенью 1918 г. в Вослебове был создан волостной комитет бедноты.

В 1918 г., на фоне разгоравшейся Гражданской войны, политическая борьба в России принимала все более ожесточенный характер. Противники захвативших власть большевиков все чаще прибегали к террористическим методам противодействия им. 30 августа 1918 г. в Петрограде был убит председатель Петроградской ВЧК М.С. Урицкий, вечером того же дня в Москве было совершено покушение на Председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина. Эти происшествия вызвали самый широкий резонанс в стране. Высший орган советской власти – ВЦИК под председательством Я.М. Свердлова – объявил о начале ответного «красного террора». Решение ВЦИК было подтверждено специальным постановлением советского правительства от 5 сентября 1918 г.

Политические события общегосударственного значения обсуждались и в Скопинском уезде Рязанской губернии. 21 сентября 1918 г. в скопинском Народном доме прошел митинг на тему «Красный и белый террор»³. Скопинские большевики стояли на довольно радикальных позициях, близких мнению, высказанному в появившейся в эти дни в «Известиях» заметке А. Павлова: «На днях я прочитал объявление, где был помещен приказ Народного комиссариата внутренних дел о заложниках, а затем воззвание к гражданам ответить на белый террор массовым красным террором. Но тут то меня удивило то, что рядом с призывом к пролетариям <...> помещен призыв к мелким лавочникам и прочей мещанской компании отказаться от следования за буржуазией и примкнуть к пролетариату. Стыд и срам для коммуниста! Написать это – значит забыть азбуку марксизма. История доказывает, что классу мелких собственников в целом нельзя привить пролетарских идей. Для них слова призыва пролетария, как к стенке горох»⁴. Теме ответа на белый террор было посвящено и первое заседание Вослебовского волостного комитета деревенской бедноты, состоявшееся 28 сентября 1918 г. Принятая им резолюция заканчивалась воззванием: «Война дворцам – мир хижинам! Да здравствует красный террор!»⁵

Авторитет власти в селе имел не только политические аспекты, но и культурные. Занявшие ответственные должности люди, вчерашние крестьяне, учились руководить. Своими наблюдениями за ними в 1919 г. с читателями скопинской уездной газеты «Известия» поделился селькор, писавший под псевдонимом «Вослебовец». В заметке «Масленица» он сообщал: «17-го февраля с.г., проходя вечером мимо общественной пекарни⁶ с. Вослебово, я зашел туда обогреться. В коридоре меня остановил товарищ, сказав: «Здесь празднуется масленица» – и предложил зайти посмотреть. Я вошел и действительно увидел... «широкую масленицу». Председатель волостного совета Шурдуков (коммунист), его товарищ Волков (сочувству-

¹ ГАРО, ф. Р-2657, оп. 4, д. 185.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

³ Известия, № 5. – 1918. – 2 октября.

⁴ Известия, № 4. – 1918. – 29 сентября.

⁵ Известия, № 12. – 1918. – 27 октября.

⁶ Строительство этой пекарни относится к 1868 г., когда Скопинское уездное земское собрание «вследствие размещения и квартирования резервного эскадрона в Вослебе <...> 28 сентября определило: выстроить для того конюшню, кухню и пекарню <...>, на что назначено внести в сумму расхода 3600 р.» Рязанские губернские ведомости, №84. – 1868. – 25 октября.

ющий коммунистам) и другие, удобно усевшись возле печки со стаканами молока в руках, с нетерпением ждали, когда пекарь вынет из печи «общественные блины». Спрашивается для кого Уездный продовольственный комитет отпускает муку, для голодающего населения или для членов волостного комитета?»¹

Некоторое время спустя в газете появился ответ председателя Вослебовского волостного совета Шурдукова: «В известиях от 27 Марта 1919 г. № 19 я прочел заметку «Масленица» писанная «Вослебовцем», сколько подлой и гнусной лжи выливается в ее строках. Я коммунист с 1917 года. Января 22 дня 1919 г. при пере выборах Вослебовск. вол. совета я был избран на должность вол. председателя. Мне пришлось принять груду, смешанную из книг и бумаг, что называлось «делами». Бывший председатель вол. совета гр. с. Вослебова Алексей Чистотин занимался спекуляцией, почему зачастую не был в совете и не работал. Декреты и предписания власти почти совсем оставались без внимания, секретарь же, гр. села Вослебова Василий Демонов, делал фиктивные счета и выписывал по ним из волостных сумм себе деньги, кроме того можно увидеть в приходной главной книге его расписки, почти на каждой странице в получении им денег на поездки по волости по «делам совета». Я до сих пор жду ревизионной комиссии...» Далее председатель волостного совета рассказывал о своей борьбе с самогонщиками и дезертирами. По этой причине, считал Шурдуков, он и нажил себе врагов, которые инспирировали публикацию в «Известиях» и даже организовали нападение на него 18 февраля 1919 г. в Лопатино. «Немудрено, – писал он, – если швыряют глыбами, от одной и сейчас болит нога». В заключение председатель волостного совета просил провести расследование по предыдущей скандальной публикации².

Накопившиеся эмоции межличностных отношений били через край, выплескивались они и на страницы уездных газет. В очередном номере скопинских «Известий» житель села писал: «Как больно прислужникам царя, фараонам и попам сознаваться, что прошло то времечко, когда они пировали за чужой счет, сдирая кожу с живого и мертвого, и хочется им вернуть свою прошлую жизнь вместе с царем. Для этого они делают все. Восстают против советской власти, дурачат темный народ, молятся по целым дням богу и зажигают лампы пред иконами. 3-го июня к моему дому в с. Вослебова подошел бывший фараон Николая II Федор Сергеев Шелелев, который говорил мне о святых и как усердно он читает ОТКРОВЕНИЕ, и что он держит по три года святую воду, которая его спасает от болезней. Когда я попросил его показать мне такую воду, то он отказался: он просто хотел меня одурачить, как дурачит многих темных людей. Я ему сказал, что он фараон, хамлет порядочный, и пусть не мешает молодым людям жить и узнавать правду на свете, хотя он и зажигает лампаду пред иконами, но ему власти царя не вернуть, потому что наша советская власть сильна, и мы пойдем на фронт защищать ее от вас, хамлетов. Не быть по-вашему, а быть по-нашему...»³

Практика реквизиций у состоятельных крестьян продовольствия, лошадей, коров в 1919 г., достигла апогея. Хозяйства середняков разорялись. Прошедший в марте 1919 г. в Скопине совещательный крестьянский съезд постановил послать в Москву с наказом местных уроженцев И. Бородинки, А. Павлова и В. Маригина. Эта инициатива также родилась в Вослебова, причем уездные власти ей не обрадовались. Вот как ее комментировали местные «Известия» в статье «Кулаки ищут защиты у товарища Ленина»: «В селе Вослебова, как только была прислана бумажка от уисполкома о том, чтобы реквизировать у богатых 14 коров и доставить их в город, поднялись вопли со стороны кулаков. Местным советом было создано

¹ Известия, №19. –1919. – 27 марта.

² Известия, № 20. –1919. – 30 марта.

³ Известия, №41. –1919. – 18 июля.

собрание и прочитано предложение уисполкома. Кулаки села закричали, что советская власть грабит последних коров у бедных крестьян и требовали у бедняков подписаться к резолюции собрания: послать представителя к товарищу Ленину, чтобы он освободил их от этой напасти, а если кто не подпишется, то у того отобрать корову в совет. Сельский совет еще настолько слаб и малодушен, что, испугавшись кулаков, исполнил их требование и делегирует двух представителей к товарищу Ленину, дабы они смогли отстоять интересы мироедов. Может быть, читатель задаст вопрос, кого же они делегировали? Мы ответим: «один из делегированных – бывший член царской полиции, который когда-то пролез в сельский совет, но потом был исключен центральной властью, а второй самый типичный вослебский кулак». Товарищи бедняки, и вы поддались на такую простую кулацкую удочку и вы забыли то, что когда-то было время, когда вы измученные голодовкой ехали 1000 верст добывать себе хлеб, оставляли здесь своих голодающих детей, а эти мироеды наедали брюхо и не хотели знать, как вы живете?.. Стыдно, товарищи, проснитесь, протрите глаза, взгляните на свет, вы свободные граждане Советской Республики, оттолкните от себя кулаков и вы вздохнете свободно»¹. Крестьяне голосу уездных властей не вняли. Наказ скопинцев попал к Предсовнаркома РСФСР В.И. Ленину, который принял по нему определенные меры.

Кроме волостного комитета в Вослебове в 1918 г. был организован и сельсовет. В 1925 г., на фоне повсеместной разрухи и недоверия к советской власти его работа долго не могла наладиться. Уездная газета «Коллектив» неоднократно советовала: «Предсельсовета села Вослебова Карташову бросить гулянки и поскорее собрать общее собрание граждан; вопросов накопилось много: школа неотремонтирована, топки нет, присланную муку уже два месяца как мыши едят и многое другое...»² Критиковали сельсоветчиков и «снизу», о чем можно судить по заметке «Вот так ревизия», написанной одним из селькоров: «Жил-был председатель с. Вослебова – Карташов. Плохо ли, хорошо ли председательствовал, но пришло время его «учитывать». Поручили это дело доверенным лицам: П.М. Кураксину, Е.В. Кураксину и Е.Н. Карташову. Комиссия рьяно взялась за дело и 8 октября во все услышание объявила, что у Карташова «недочет» 18 пудов пшеничной муки для голодающих. Это дело было днем, а к вечеру, чтобы окончательно убедиться в установленной цифре в комиссию был «кооптирован» ревизуемый Карташов и оказалось, что цифра «недосдачи» равна уже 6 пудам. Дивились сначала вослебовцы на такую ревизию, а потом и удивляться перестали, когда узнали, что после «ревизии» вся эта теплая компания, «кооптировав» нового предсельсовета, закончила дело «чаепитием» в одном тепленьком месте»³.

С современных позиций трудно предъявлять этические претензии к качеству работы выборных органов власти первых послереволюционных лет. Но многие из них с поразительной быстротой освоили науку бюрократической черствости, столь характерную для дореволюционного чиновничества. Именно с этим явлением в 1925 г. столкнулся один из жителей Вослебова: «Приехал красноармеец И.П. Грачев в отпуск по болезни в свою деревню – Вослебово. Лошадь и корова у него пали, побочных заработков – не нашел и подбил так, что есть стало нечего. Пришел Грачев в свой селькрестком за помощью – там ему отказали за неимением средств. Пошел Грачев в волккрестком и там – то же самое, нет средств. В уездном кресткоме – отказали. Наконец пришел Грачев в увоенкомат – попросить работы или продуктов. Военком – направил в усобес, но в последнем средств не оказалось. Пришел снова в военкомат, но там ему ответили, что есть циркуляр, по которому отпускникам паек не полагается, а поэтому помочь не пред-

¹ Известия, № 17. – 1919. – 16 марта.

² Коллектив, № 82. – 1925. – 5 сентября.

³ Там же.

ставляется возможным. Пошел Грачев в УИК, откуда его снова направили в увоенкомат. Тогда увоенкомат окончательно отрезал: “Идите и живите дома и не мешайте нам работать”. Пришел Грачев в редакцию уездной газеты и жалуется: “Вот всюду говорят и пишут, что красноармейцам предоставляются всевозможные льготы. А выходит наоборот – пришел из армии домой и приходится издыхать с голоду”. Циркуляр необходимо отменить или ввести в него соответствующие оговорки. Центральным органам следует иметь в виду, что в обществах взаимопомощи часто не бывает средств, а бедняку обратиться больше некуда»¹.

В 1920–1940-х гг. в быту скопинского крестьянства сохранялись многие атрибуты традиционного образа жизни (женский праздничный костюм и прическа, старые меры веса и измерения, празднование церковных праздников, ярмарочные развлечения: карусели, карточные гадания, «кулачки»). В каждом скопинском селе были свои особенности одежды, свои традиции праздников.

В селе Вослебове «...престольный праздник во имя Рождества Пресвятой Богородицы 8 (21) сентября называли «наш праздник». По объяснению местных жителей, «наш праздник» значило, что «кругом работают, а мы празднуем»². Особенностью празднования храмовых дней было то, что собирались все родственники разной степени родства. Замужние дочери шли в гости в отчий дом со своими мужьями. Зятьев встречали с почетом, для них «четверть на стол ставили». Обязательно в гости на престольный праздник приходили молодожены. Их вообще звали непременно на каждый праздник. Ценилась семья, имеющая много родственников, порой до «седьмого колена». Согласно русским представлениям, «седьмое колена» конечный предел «сродства». Широко был распространен обычай устраивать свадьбы именно в храмовый праздник. В довоенное время, по воспоминаниям старожилов села Вослебово, в престольные дни во имя Рождества Пресвятой Богородицы приурочивались почти все сельские свадьбы. «В старину в этот день бывало по 70 свадеб». По записи 1923 г.: «На праздник Рождества Богородицы много свадеб у вослебовцев, и зараз они справляют и то, и другое»³.

Для вослебовцев, как людей, приобщенных к православию, важную роль играл день Варвары великомученицы 4 (17) декабря. В современной лексике «сохранились соответствующие слова, отражающие факт бывших празднований Варварина дня и рядом с ним стоящих Саввы Сторожевского 2 (16) декабря и Саввы Освященного 5 (18) декабря. Это выражения «проварвариться» и «просавиться» в значении прогулять, просудачить, упустив срок для выполнения какой-либо сезонной работы. Среди крестьян так чаще всего говорили о нерадивых пряхах. В Вослебово о тех, кто мало прял, говорили: «Просавила! Проварварила!»⁴

Праздником прощания с зимой была Масленица. «В Вослебово чучело, скорее напоминающее огородное чучело, наряжают в пятницу: «Гулянка была в субботу, а чучело наряжали в пятницу под субботу». Для этого на палку навешивали холщовые «лохмотья» (старую одежду, тряпки), прибавляли к дереву и поджигали. «Все было холщовое. Поэтому зажигали, и очень быстро сторало, дерево не успевало тронуть огнем»⁵.

Проходила зима, и наступала весна с ее заботами и праздниками. Готовились к Пасхе. Конечно, на Пасху ходили в гости. «Десять дворов есть родных, мы зазываем всех в гости, у нас

¹ Коллектив, № 41, – 1925. – 12 апреля.

² Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. – Рязань: Ринфо, 2001. – С. 13.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 34-35.

отголосили – потом мы к ним, так всю Святую ходили по рядам». «Рядок» был после Пасхи в Вослебово и окрестных селах, как только церковный причт обойдет с иконами всех домохозяев, сразу же начинали собирать «родню по гостям». «Рядки» бывали каждый день со среды и до Красной горки». В Вослебово: «Красная горка – девичий праздник, девушки ходят по улице, играют, поют, яйца катают»¹.

На сороковой день после Пасхи праздновалось Вознесение Господне. В земледельческом быту русского крестьянина этот день стал своеобразным ритуальным сроком, в обычае которого переплелись элементы аграрной обрядности и погребально-поминального культа – проводы Христа на небо, как поминки на сороковой день после кончины. Такую двойную ритуально-магическую функцию – аграрную и поминальную – выполняет главное обрядовое печенье Вознесеньева дня – лешенки. В каждой семье были свои варианты обряда. В Вослебове, как и в Чернаве, пекли тонкие блины – каравайцы². В 1920-х гг. в Вослебове на Троицу девушки нарядные, в сарафанах, ползунентах, завивали венки, пускали их по воде. Подружки целовались через венок, водили хороводы³.

В более позднее время «вся молодежь этого села после Троицкой обедни собиралась на «Евтюшкином поле». Плели венки из листьев клена и липы, и все надевали их на голову. Здесь праздновали Троицу, трапезничали, водили хоровод: «Выбирал парень девушку, и хочет – не хочет, идет с ним в круг. До войны-то такая весельясть была»⁴.

Сразу после Троицы наступала Русальская (Всесвятская) неделя. Идея плодоношения во время русальского ритуала выражалась среди вослебовцев в хлестании метлами и помелом. «В каждой девичьей возрастной компании 3–4 человека рядились «русалками», которые вооружались метлами или помелом» и хлестали друг друга и зрителей. Рядились и мужчины, и женщины; мужчины – «кто в какую поневу, маску, шляпу»⁵.

В хлопотах и заботах наступал Петров день. «К сенокосу заготавливали не только более вкусную и сытную еду, но заботились о красоте и чистоте своей одежды. Было принято к Петрову дню «поджинать рожь», то есть нажать ровно столько, чтобы обмолотить и испечь пышки из муки нового помола к празднику. В старые времена косьба была чисто мужским занятием. Когда косили, соревновались в мастерстве владения косой, смотрели как ровно ложатся валы скошенной травы, каким будет укос. Хорошая коса ценилась в хозяйстве. У хорошего хозяина в его мастерской всегда были косы на выбор, для любого косца в зависимости от роста. Ценилось деревенское мастерство «отбивания» косы», т.е. основная операция перед ее наточкой. Женщины на покосе «разбивали» валы скошенной травы для высушки, а после сгребали сено деревянными граблями и снова в валы и копны, если дождливая погода и снова раскидывали для просушки, ворошили, и так с утра до вечера. Праздники сменяли буднями, день за днем длилась крестьянская жизнь»⁶. «В послереволюционные годы, вплоть до начала коллективизации жизнь в селе протекала в соответствии с традиционными мерками. Даже бурно начавшаяся в 1920-е гг. культурная революция на селе не могла полностью переменить вековые устои крестьянского быта. Очень интересна в связи с этим глава «Одежда и обувь в селе Вослебове» из книги «Скопинская волость»⁷...

¹ Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. – Рязань: Ринфо, 2001. С. 124.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Там же. С. 193–194.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Ильинский В.Н. Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). – Скопин, 1929. – С. 74–76.

«Несмотря на то, что село считается пригородным, изменение в одежде старого времени очень медленно продвигалось. Причина тому – это бедность села; можно сказать, до самой Октябрьской революции жители села употребляли материал для одежды своего производства. Засеивались почти у каждой семьи огороды льном и коноплей, выделка которых шла с незапамятных времен на одежду всего населения. Но и после Октябрьской революции одежда в селе сохранилась у многих прежняя; молодежь же, которая ежегодно выезжает на торф, меняет свою одежду.

Праздничный наряд женщины дореволюционного времени состоял из следующего: шерстяной поневы из самотканки в клетку, вздернутой поясом с расшитыми косниками. В поневу вшиваются кумаки по бокам; подол поневы с обкладкой из лент с гарусом и мишурой по краям. Рубашка к поневе из красного сатина с эполетами из лент, мишуры и гарусов, эту рубашку подпоясывают красным кушаком; сверху рубашки надевают цветной «фартук-запон» с рукавами и оборкой у пола; сзади от шеи подвязывается восемь разноцветных лент, нижние концы которых соединены «поднизом» из бисера. На груди бусы разноцветные, тоже в большом количестве; в ушах вдеваются на серьги белые «пушки»; на голове «рога», часто искусственные, повязанные ярко-красным платком. Наряд девушек отличается тем, что девушка вместо поневы одевает белый самотканый шушун с подолом; этот шушун подпоясывается цветным кушаком, сверх него надевается через ленту «галаандка» – фартук без рукавов с самотканым узором, некоторые щеголихи шьют этот фартук из атласа или шерстяной материи; на голове она носит повязку из мишуры; сзади из бисера, в виде треугольника косник, который вплетается в конец косы. В ушах тоже носят «пушки» и много на шею одевают бус. Девушка, за которую сватаются женихи, одевает вместо шушки «шубку-сарафан» из темно-синей китайки, с расшитым гарусом и мишурой подолом.

Обувь женщин более пожилых состоит из лаптей с черными оборками, у молодых сапоги яловочные, без сбор, а у девушек «коты» с подковами, с козловскими чулками.

Прежняя одежда женщин села состояла из самых ярких цветов, своеобразно, но со вкусом подобранных, и была очень красива.

Последние годы замечается склонность женщин к наряду городскому: уже вместо понев и шушунов являются платья, сшитые по моде, но без вкуса. А вместо прежних «котов» на ногах обуты высокие ботинки с галошами, в сухую погоду, или открытые полуботинки с яркими чулками.

Верхний наряд как у женщин, так и у девушек, в прежнее время состоял из халата самотканого с цветным кушаком, в зимнее же время – дубленого полушубка.

Мужской костюм прежнего времени был такой: рубашка и штаны из холстины, окрашенной в синий цвет с полосками, самотканая поддевка, подпоясанная пестрым кушаком, на голове картуз; зимой же дубленый полушубок, халат с «шиворотом», высоким воротником, на голове овчинная шапка. В настоящее время у мужчин более молодых лет, в особенности парней, в большом почете толстовка и рубашка с галстуком. Вместо сапог теперь носят ботинки и сандалии».

По воспоминаниям старожил, «на рубеже XIX – XX вв. тут было гораздо больше, чем в других селах, зажиточных крестьян. Что, в свою очередь, оказало большое влияние на ход коллективизации...»¹

Первый вослэбовский колхоз, получивший название «Пробуждение», был организован 1 апреля 1931 г. В него вступило 44 хозяйства, председателем был избран крестьянин Жирков².

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 185–186.

² *Авангард*, № 25. – 1931. – 7 мая.

Опыт кооперирования в селе был: например, еще 1 января 1914 г. в Вослебове было зарегистрировано кредитное товарищество, членами которого состояли исключительно крестьяне села¹. Однако опыта организации сельхозартели не было. Не хватало лошадей, семян. Кроме этого, «из-за того, что в селе было немало крепких единоличных хозяйств, предпочитавших вести дело самостоятельно и не желавших экспериментировать, ряды колхозников пополнялись слабо. Даже <...> после массированных политических обработок населения, когда во многих селах и деревнях в колхозах числилось уже более 90 % населения, в Вослебово заявления о приеме в колхоз подали лишь половина крестьянских семей.

Во многих смыслах переломным стал для местных колхозов 1932 г. Вослебовские, нереровские и вороновские колхозники смогли собрать урожай, превышающий тот, что получили большинство единоличников. В колхозы потянулись крепкие хозяйственные крестьяне. Причем приток новых колхозников принял массовый характер. В результате в 1932 г. вослебовский колхоз разделился на два хозяйства: колхозы «Пробуждение» и «Четвертый завершающий»...»²

Однако проблем в обоих хозяйствах было немало. О них откровенно, в духе модной в те годы «большевистской самокритики» писала региональная пресса. Например, к марту 1932 г. для засева ржи колхоз «Пробуждение» должен был иметь 82 ц ржи, а имел только 31 ц³. Неудачам колхоза способствовали настроения зажиточного крестьянства – единоличников, представители которых были и в сельсовете. Газета «Побединский ударник» за 1932 г. описывает такой случай: «В третьем земельном обществе (участок Ефремовка) проводилось собрание по обсуждению цифр контрактации яровых посевов. Выступил член сельсовета Жирков и начал агитировать против, собрание было сорвано»⁴. В результате «единоличники Вослебовского сельсовета на 22 октября 1932 г. план хлебазаготовок в 670 ц выполнили лишь на 41%, а по картофелю и того меньше – всего на 10,7 %. Больше половины единоличников из числа членов сельсовета уклонились от выполнения наложенных на них государством «твердых заданий» (среди них были И.А. Грачев, М.Ф. Римская, М. Грачев, Д. Сухих, П. Пономарев, Г. Кузина, С. Жирков). Хотя так называемые «твердые задания» для зажиточных крестьян были скрытой формой реквизиции, бедняки и середняки понимали это явление как меру по восстановлению социальной справедливости. Кулаков-твердозаданцев в Вослебово насчитывалось 24 хозяйства, а выполнивших «твердые задания» среди них было только 8. Общее настроение членов сельсовета сводилось к тому, что «план заготовок по... сельсовету не реальный, – они рассуждали поэтому, – хочешь ходи, хочешь нет – ничего не выйдет». Так они и заявляли районному начальству»⁵.

Кроме саботажа сельскохозяйственной политики властей имели место и многочисленные ошибки руководителей колхозов, нередко шедших на поводу богатых односельчан. Об одном таком случае в 1932 г. рассказывает газета «Побединский ударник»: «Председатель колхоза «Пробуждение» Вослебовского сельсовета тов. Ребрикова в 1932 г. без всякого согласования правления колхоза и колхозников продала подкулачнику М. Линеву прошлогоднюю солому почти даром, 5 возов – 40 рублей. Когда еще рожь была в кресцах, колхозные лошади растре-

¹ Справочник по Рязанской губернии: Вып. 1 / Экон. отд-ние Ряз. губ. земской управы – Рязань, 1915. – С. 56–57.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 186–187.

³ Побединский ударник, № 46. – 1932. – 24 марта.

⁴ Побединский ударник, № 77. – 1932. – 28 апреля.

⁵ Побединский ударник, № 216. – 1932. – 26 октября.

пали снопы ржи у Линева, тогда Линева заявил председателю колхоза, что лошади растрепали 5 возов, явно преувеличивая. Несмотря на это, тов. Ребрикова без согласования с правлением разрешила Линева М. перевезти с поля колхоза лучшей ржи 5 кресцов»¹.

Массовое невыполнение вослебовскими единоличниками «твердых заданий» по сдаче государству хлеба и других сельхозпродуктов в 1932 г. привлекло к селу внимание властей. Члены сельсовета из числа зажиточных крестьян отстаивали интересы односельчан: «Что хотите, а план (поставок. – *Примеч. авторов*) нереален». Уполномоченный РИКа, с пониманием относившийся к проблемам крестьян, на это не возражал. Но план поставок сельхозпродукции государству надо было выполнять, поэтому в конце ноября 1932 г. в Вослебово была направлена бригада РИКа. О ее работе в селе и о реакции на нее местных противников советской власти сообщала своим читателям газета «Побединский ударник»: «В Вослебовском сельсовете 24 твердозаданца, сельсовет выполнил план по картофелю на 9 %, по зерну на 4 %. Кулацкий саботаж к этому времени начинает работать. Бригада РИКа разбила село на участки. В сельсовете Коробейникова Марья с участка Горюшки слезно умоляет снизить задание: “Все, что имела – вывезла, теперь есть нечего. Приходите сами смотрите, если не верите”. В нежилой избе на задах, под соломой в яме нашли 80 пудов картофеля. На Низовке Черных Андрей и Пономарев Филипп уверяют, что не имеют ни одной картошки, но при проверке первого было обнаружено 120 пудов, у второго 175 пудов. Изобличены Подсветов Степан, Калмыков Егор и Грачев Егор (участок Родник), прятавшие в ямах картофель. 16 ноября в 11 часов ночи взметнулись языки пламени над ригой активного члена сельсовета на порядке Родник <...> 26 ноября у активного работника по заготовке М.И. Линева (Горюшки) подожгли ригу с кормами. В тот же день в 10 часов вечера возвращалась домой председатель колхоза Ребрикова. У Низовки она почувствовала приближающийся свист и слегка наклонилась. Тяжелый кол пролетел у нее над головой. Другие действовали хитрее, твердозаданец Еремин Василий, спойв уполномоченного Праслова, добился снижения задания»². «Имевшие твердое задание крестьяне Слетов и Люлюкин упорно сопротивлялись по сдаче хлеба и картофеля и были приговорены к 6 годам с конфискацией имущества»³. При виде строгих мер, принятых к единоличникам, многие вослебовцы рассудили, что быть колхозником гораздо спокойнее. Зимой 1932–1933 гг. в колхоз «Пробуждение» вступили еще 50 хозяйств, ранее бывших единоличными.

Острые социальные противоречия, унаследованные селянами еще от дореволюционных времен, отравляли обстановку в селе. Зачастую взятый советским государством курс на коллективизацию сельского хозяйства и борьбу с кулачеством использовался для сведения личных счетов. Практически как кляуза на односельчан выглядит заметка одного из вослебовских селькоров, опубликованная в газете «Побединский ударник» в 1933 г. По утверждению ее автора, при составлении плана окончательного распределения доходов и урожая в колхозе «Пробуждение» был «вскрыт ряд вредительских махинаций кулаков, пролезших ранее в колхоз, но до сих пор не замеченных руководителями колхоза. За июль месяц 1932 г. в колхозе разбазарили на глазах кандидата в партию председателя Ребриковой 560 трудодней за счет кулаков», которые якобы не работали. «Кулак Лазарев «работал» не в поле, а по хозяйству. Правление считает его специалистом по сельхозмашинам. В июле месяце он заработал 102,5 трудодня. За что? Молотилка на второй день уже не работает, вторая молотилка пришла в негодность, так как поставлена не та передача. Сознательно испортил шерстобитку, поставив одежду шерстобитки не так, как нужно. Кулаки Обижаев и Арбузов работают в тесном

¹ Побединский ударник, № 161. – 1932. – 20 августа.

² Побединский ударник, № 248. – 1932. – 12 декабря.

³ Там же.

контакте с Лазаревым, так же по хозяйству. По 76 трудодней они получили за вредительство. Все эти кулаки авансированы в счет «заработанных» трудодней, так Лазарев получил 111 рублей, Обижаев 135 рублей, а лучшие колхозники нет. Перед уборочной кампанией они отвернули самую нужную часть кушленной жатки и заявили, что якобы жатка поставлена без нее. И тут же предложили купить ее правлению колхоза, которое втридорога заплатило за свое имущество. Даже железные зубья они отвергивали от бороны и продавали. В результате трудовая дисциплина упала, и на работу не выходило 20–25 работников. К тому же Председатель Ребрикова записала себе лишних 6 трудодней, своему мужу вместо 20 поставила 42 трудодня. Зав хозяйством также записал себе 15 лишних»¹. Похоже, что себя самого автор заметки считал одним из «лучших колхозников», незаслуженно обойденным денежным вознаграждением, в отличие от «кулаков Обижаева, Арбузова и Лазарева»...

В «жанре доноса» на односельчан исполнено и опубликованное в «Побединском ударнике» весной 1933 г. письмо вослебовского крестьянина Моторина, за строками которого прочитывается откровенная зависть к бывшим «хозяевам жизни». Им он припомнил все грехи: «Кулак Н.З. Линева, который до революции имел семь делянок леса, наемную силу, арендовал по сотне и более га, в настоящее время – церковный сторож, и до сих пор не выполнил план засыпки семян. Он считается середняком. В самом составе сельсовета «работает» кулак Честных – бывший жандарм, до сих пор получает пенсию. Линева, член церковного совета – подкулачница, родственница Линева»².

Любопытно, что сельская администрация в этом конфликте пыталась защитить зажиточных и, видимо, уважаемых односельчан. Например, тот же крестьянин Моторин с обидой подчеркивал, что в ответ на придирки к Линевым и Честным председатель сельсовета Филатов пытался урезонить его, говоря: «Какие они кулаки? Что у них – хоромы, что ли?»³ Той же тактики защиты «своих» придерживалась и вослебовская комсомольская ячейка. Известен случай, когда местный комсомолец Трушин выступил в защиту своего односельчанина Новикова, которого озлобленные вослебовские радикалы считали «кулаком». В редакцию «Побединского ударника» пришла жалоба на Трушина, который от имени комсомольской ячейки выдал Новикову справку о том, что он середняк и торговлей занимается «по случайности»⁴. Похоже, что вослебовская комсомольская ячейка в своей кадровой работе придерживалась сталинского принципа «сын за отца не отвечает», за что и подвергалась критике радикальной частью односельчан, которые писали в местную газету: «Отсутствие партруководства – одна из основных причин, что ячейка и отдельные комсомольцы приняли в свои ряды сына кулака – мельника Обижаева»⁵.

28–29 мая 1933 г. Вослебовский сельсовет посетил 2-й секретарь МК ВКП(б) К.В. Рындин⁶. Побывавшая в селе выездная бригада районной газеты «Побединский ударник» так описывала ситуацию в Вослебове накануне визита ответственного партийца из Москвы: «Сельсовет вместо борьбы за образцовую подготовку к севу... вел вредительскую работу, направленную на срыв посевной. Председатель сельсовета Филатов – кулак, секретарь сельсовета Грачев – подкулачник. Они имели тесную связь с местными кулаками, пьянствовали,

¹ Побединский ударник, № 39. – 1933. – 17 февраля.

² Побединский ударник, №74. – 1933. – 30 марта.

³ Там же.

⁴ Побединский ударник, № 120. – 1933. – 28 мая.

⁵ Там же.

⁶ Рындин Кузьма Васильевич (1893–1938) – советский партийный и государственный деятель, член ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1930–1934 гг. занимал пост 2-го секретаря Московского обкома ВКП(б), в 1934–1937 гг. – 1-й секретарь Челябинского обкома ВКП(б). Репрессирован в 1938 г., реабилитирован посмертно в 1956 г.

брали взятки и за это дали кулаками нужные справки. Избрали нового – Дурьгина. Старые члены сельсовета И.Н. Грачев, М.Н. Грачев, Никитушкин уже не работали, новый председатель растерялся, не зная за что братья. Кулаки В.А. Строганов, С.В. Праслов, А.Е. Карташев, М.Т. Подсветов, Н.З. Линева, А.М. Чистотин, видя это, не засеяли ни одного вершка своей земли, то же самое сделали некоторые бедняки и середняки: Климушкина Акулина, Овчинников Петр, Черных Варвара, Щербачев Андрей, Зайцев Дмитрий и другие»¹. Прибывшая бригада РИКа постаралась мобилизовать единоличников на сев. По плану в единоличном секторе должны были засеять 1325 га. Из них по культурам: 232 га овса, 250 га вики, 208 га зеленого пара, 200 га картофеля, 435 га проса. Фактически же на 29 мая 1933 г. было засеяно: 75 га овса, 139 га вики, 11 га зеленого пара, 17 га картофеля и 160 га проса. Позади всех был участок Урванка².

Призывы одного из руководителей московской парторганизации К.В. Рындина к более широкой поддержке инициатив советской власти на крестьян должного эффекта не произвели. Традиционно консервативная сельская среда с недоверием относилась к любой власти, так что советская не стала исключением. «Из 90 единоличных хозяйств только Павел Линева, Андрей Царев и Никитушкин закончили сев. Утром 29 мая единоличники Тихон Грачев, Николай Кураксин и К.В. Грачев торопливо собирали свои повозки. “Вы куда собираетесь?” – спросил председатель сельсовета Дурьгин. “На пахоту”, – в один голос ответили они. На повозках лежали сохи, бороны и все необходимое для работы. Вечером выяснилось, что они уехали не в поле, а в Скопин извозничать. Остальные же – Грачев Дмитрий заморил свою лошадь, сделав [ее] непригодной для полевых работ, Кураксин Николай перед началом сева продал лошадь, семена и фураж...» На следующий же день состоялся суд, который приговорил Тихона и Кузьму Васильевича Грачевых к году принудительных работ с конфискацией сельхозинвентаря и лошадей, Н.В. Кураксина к 6 месяцам принудительных работ с конфискацией инвентаря и лошади, а крестьянина Строганова к 10 месяцам принудительных работ с конфискацией инвентаря и лошади. Конфискованное имущество было передано в колхоз «Четвертый завершающий». В тот же день изрядно напуганные 12 оставшихся единоличников дружно выехали пахать свои наделы»³.

В 1935 г. в докладной записке Скопинского райотдела УНКВД по Московской области о политических настроениях среди колхозников отмечалось: «По Вослебовскому сельсовету единоличному сектору план весеннего сева в 1935 г. на 679 га, поэтому нужно было засыпать и семена. В результате единоличник Шорин Иван Семенович, середняк, план которому был спущен по засыпке овса 170 кг, проса 8 кг, картофеля 350 кг, засыпать отказался. Шорин 30 января в присутствии единоличников заявил: “Вы нас давите, я все равно семена засыпать не буду, какое вам дело сколько я буду сеять”. Единоличник Линева Иван Григорьевич, которому необходимо было засыпать овса 95 кг и картофеля 396 кг, в сельсовете 31 января в присутствии единоличников заявил: “Что вы над нами делаете, вы нас замучили, то налог один, то другой, то культурный, а тут опять семена давай, я семена ссыпать не буду, вот вам моя голова, куда хотите девайте”. Также от засыпки отказался Карташов Данила, которому надо было засыпать 70 кг овса, 362 кг картофеля и единоличница Подсветова»⁴.

Аналогичные настроения отмечались даже среди сельских учителей. В докладной записке райотдела УНКВД отмечалось: «Атлетова Елена Николаевна, 1897 г. рождения, соц. про-

¹ Побединский ударник, № 122. – 1933. – 30 мая.

² Там же.

³ Побединский ударник, № 124. – 1933. – 2 июня.

⁴ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 11.

исхождение духовное, школьный работник Вослебовской школы, говорила: “Вот обобрали всех мужиков хлебом, картофелем и другими продуктами, все ребята ходят побираются и умирают с голоду”. Это заявление скопинские правоохранители дезавуировали справкой: “... Случаев по с. Вослебово смерти от голода среди учащихся не зарегистрировано”¹.

Кстати, в 1935 г. в Вослебово началось возведение нового здания неполной средней школы. Стройка также контролировалась Скопинским райотделом УНКВД, который информировал вышестоящее начальство: «Вослебовская школа, директор Корыстелев. Строятся 3 классных комнаты, положение со строительством неудовлетворительное. Школа начата строиться по инициативе сельсовета и колхозов, последние на первых порах взялись очень горячо, но уже в августе месяце, отказал колхоз в рабочей силе и транспорте. Так же мало уделяет внимания председатель сельсовета т. Никифоров»². Несмотря на имевшиеся проблемы, школа была благополучно достроена. В 1937 г. в ней насчитывалось 749 учащихся³.

В записке того же райотдела УНКВД о политическом настроении колхозников, единоличников, приливе в колхозы, развитии стахановского движения, недочетах в работе шахт, колхозов, датированной 1935 г., вослебовскому хозяйству была дана следующая характеристика: «Колхоз «Пробуждение» к 1935 г. состоял из 241 хозяйства с 1239 членами. По социальному составу: бедняцких хозяйств 121, середняцких 119, зажиточных 1. Площадь земли – 1116,67 га. Материальная база: 2 жатки, 3 сеялки, 3 конных молотилки, 2 конных граблей, 6 веялок, 2 сортировки, 2 картофелесортировки, 43 двухлемешных плуга, 48 однолемешных, 30 деревянных сох, 44 телеги, триер, 75 саней и прочее. Скот: лошадей с молодняком 130, рабочих 119, молодняка 11, корова, 2 быка, телка, 16 свиней с молодняком. Постройки: 6 жилых помещений, баня, 5 риг, 5 овощехранилищ, конюшня на 33 головы, 3 конюшни. В 1934 г. учет был запущен, фураж давался без всякого учета. С вступлением в 1935 г. 106 хозяйств многие из них оказались безлошадными, с разрушенным инвентарем. Из 119 рабочих лошадей 80 % ниже средней упитанности, имеется вшивость, кормят просяной соломой. Наиболее напряженное положение сложилось с кормами. На покупку сена требовалось 18 000 руб., имелось 3000 руб. Телег было отремонтировано 40 %»⁴. Ситуация с единоличниками была такой: «К марту 1935 г. осталось их в районе около 900 хозяйств, из них в Вослебово 195 хозяйств, в Лопатино 280 и в остальных от 5 до 30. Единоличники пошли в колхоз, но, например, из 195 вослебовских единоличников с лошадьми вступило 40–45, в Лопатино на 280 около 50. Семена ими тоже не засыпаны»⁵.

Коллективизация русского села стала подлинной революцией его хозяйственной деятельности. Методы ее проведения диктовались объективными обстоятельствами жизни и политической волей руководства страны. Необходимо признать, что коллективизация впервые в истории русского крестьянства позволила обеспечить население хлебом и заставить его забыть о голоде, значительно поднять уровень жизни на селе. Какой ценой это осуществлялось, знали все в стране, а вопрос о том, можно ли было с самого начала решать проблемы на селе иначе, будет вызывать жаркие споры еще не одно десятилетие.

В ходе коллективизации немало крестьянских семей было «раскулачено». Наиболее массовый характер это явление приняло в 1932–1934 гг., когда в Вослебове пострадало около двух десятков семей. Среди них – Боруновы, Грачевы, Гаевы, Кураксины, Колмыковы, Ко-

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 24 об.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 117–118.

³ Там же.

⁴ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 50.

⁵ Там же, лл. 50, 52.

ченковы, Катины, Маркины, Новиковы, Обижаевы, Прясловы, Римские, Сазоновы, Строгановы, Соломатины, Трушины, Темниковы, Филатовы, Чистотины и Чебряковы.

В конце 1930-х гг. преследованиям подвергались и религиозные общины. Трагическая судьба постигла нескольких последних старост Христорожественского храма в Вослебово. Уроженец села Григорий Пименович Честных (1883–1937) в 1906–1909 гг. проходил службу в Лейб-гвардии Литовском полку, где был произведен в младшие унтер-офицеры. В 1909–1913 гг. он служил младшим унтер-офицером в жандармском управлении г. Саратова, в 1915–1917 гг. – на той же должности в Тамбове. В 1931–1937 гг. Г.П. Честных исполнял обязанности старосты в приходе церкви своего родного села. Он был арестован 13 сентября 1937 г., содержался в Скопинской тюрьме, а 9 октября 1937 г. тройкой при УНКВД СССР по Московской области был приговорен к расстрелу по статье 58–10 УК РСФСР с формулировкой: «активный церковник, контрреволюционная деятельность систематическая к/р и а/с агитация, непримиримая борьба против существующего строя». 10 октября 1937 г. Г.П. Честных был казнен на Бутовском полигоне под Москвой. Еще раньше – 6 августа 1937 г. – была арестована Прасковья Гавриловна Жиркова (1878–1937), которую источники также называют «старостой» вослебовской церкви. Ее обвиняли в контрреволюционной агитации. 8 сентября она была осуждена той же тройкой при УНКВД СССР по Московской области и приговорена к высшей мере наказания. 9 сентября 1937 г. П.Г. Жиркова была расстреляна на полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» под Москвой. Г.П. Честных и П.Г. Жиркова были посмертно реабилитированы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.

В 1937–1938 гг. Бутовский полигон также стал местом последнего упокоения вослебовцев Алексея Степановича Арбузова (1878–1937), Кузьмы Алексеевича Зверькова (1884–1938), Андрея Федоровича Люлюкина (1879–1937), Федора Алексеевича Панина (1878–1937), Владимира Даниловича Сучкова (1883–1937) и Григория Федотовича Чебрякова (1883–1937). Практически все они были осуждены за контрреволюционную пропаганду и агитацию.

В Скопинском районе 1936 и 1938 гг. выдались неурожайными. В 1938 г., к тому же, затянули и уборку, и обмолот. Хотя средний урожай зерновых по району составил 8,87 ц с га (яровой пшеницы 5,48 ц с га, проса 5,52 ц с га, во многих колхозах он не превышал 4 ц с га. Из-за этого сразу же сократилось поголовье скота. Количество лошадей в районе также снизилось с 3013 до 2924. Разбираться в причинах произошедшего, анализируя ситуацию в каждом хозяйстве, не стали. Действуя в духе времени, обвинили во вредительской работе весь районный отдел земледелия. Все его руководство и рядовых работников судили и приговорили к длительным срокам заключения¹.

В 1937 г. Вослебово вместе со всем Скопинским районом было передано из Московской области в новообразованную Рязанскую. В рассматриваемое время Вослебовский сельсовет включал лишь само село Вослебово, в котором к концу 1937 г. было 794 жилых строения и 3 торговые точки. В селе действовала средняя школа с 692 учащимися, 2 сезонных яслей. В личных хозяйствах колхозников под огородами состояло 4,71 га, садами около 10 га, картофелем 100,6 га, под яровыми 109,3 га. Содержалось 403 головы крупного рогатого скота, 164 свиньи и 885 овец. В личных хозяйствах колхозников под огороды было отведено 0,9 га, картофелем засажено 101,7 га, содержалось 299 коров, 159 свиней, 366 овец. На начало 1937 г. в трех колхозах состояло 354 двора, процент коллективизации, по данным районной администрации, составил 70,9. Колхозная площадь под озимыми составляла 1131 га, под яровыми – 995,7 га, под огородно-бах-

¹ Архив МГУ – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь №1, лл. 56 об-57.

чевыми культурами – 52,9 га, под картофелем – 239 га, под кормовыми – 540,2 га, поголовье колхозных лошадей составляло 220 голов, также имелись 32 коровы и 98 свиней. У вослебовских единоличников площадь озимых в среднем составляла 10,5 га, яровых – 63,5 га, под огородами – 0,3 га, под картофелем – 61,3 га, под садами – 10 соток. В хозяйствах сельских единоличников содержались 9 лошадей, 22 коровы, 25 свиней, 12 овец¹.

Обзор выполнения плана народного хозяйства Скопинского района на 1 января 1938 г. позволяет сравнить вослебовские личные и коллективные хозяйства с соседями по району. 23,2 % хозяйств скопинских колхозников не имело скота, хозяйства без крупного рогатого скота составляли 38,6 %, без мелкого – 68,5 %. В среднем на каждые 100 дворов приходилось 49 коров, 89 овец и 45 свиней². При этом в колхозе «Пробуждение» села Вослебова в 1938 г. было 147 лошадей, 38 жеребят, 19 коров и 6 телят, 47 свиней и 121 поросенок, овца. Пало 2 жеребенка и 30 поросят. Продано колхозникам 10 телят и 24 поросенка. В колхозе «Четвертый завершающий» в 1938 г. было 116 лошадей и 29 жеребят, 17 коров и 8 телят, 22 свиньи и 114 поросят, 7 овец. Пали в этом же году жеребенок, 2 теленка, 6 поросят. Было продано колхозникам 16 телят и 56 поросят³. У колхоза «Четвертый завершающий» имелся собственный черепичный завод, на котором работали 13 человек.

На 1 января 1939 г. в Вослебове было 794 двора. В колхозе «Пробуждение» числились 224 двора, в них работающих 371 человек. В 182 дворах колхозников имелся крупный рогатый скот. Вне колхоза состояло 223 жителя. Площадь посевов различных культур составляла 1406 га. К распределению на трудодни за 1938 г. было выделено 15,3 % прибыли, на администрацию – 7,1 %. В среднем каждый колхозник заработал за год 109 трудодней, на трудодень вышло по 2,67 кг зерна и 17 копеек деньгами. В колхозе «Четвертый завершающий» с добавлением в 1938 г. 8 дворов общее их количество достигло 158. В них проживали 753 жителя, в том числе 312 трудоспособных. 98 дворов содержали крупный рогатый скот. Вне колхоза находились 98 жителей. В 1938 г. с 912 га посевных площадей было собрано 3929 ц зерна и бобовых, с 80 га – 600 ц картофеля, с 7 га – 111 центнеров других овощей и бахчевых. Каждый колхозник в среднем заработал по 102 трудодня. После отчисления 22,9 % прибыли к выдаче за каждый трудодень полагалось 1,3 кг зерна и 8 копеек деньгами⁴.

Любопытный случай из жизни села приводится в материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, датированных 1939 г. В них сообщается: «У села Вослебово (со слов пожарного старосты) в марте текущего года в торфяном болоте был найден всадник в полном вооружении (видимо, провалившийся в болото). Находку можно отнести к началу XIX в.»⁵

1 июня 1940 г. в Вослебове была закрыта Христорождественская церковь. Ее здание планировалось переделать под сельский клуб, но до лета следующего года приступить к работам не успели.

Летом 1941 г. обычный ритм сельской жизни нарушило начало Великой Отечественной войны. Более 500 вослебовцев ушли на фронт. На место ушедших вставали женщины, подростки и старики.

¹ Архив МГУ – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Архив МГУ – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь №1, л. 56.

³ Архив МГУ – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁴ Там же. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁵ Там же. Тетрадь №1.

25 ноября 1941 г. прорвавшие фронт немецко-фашистские части заняли город Скопин. Советские войска приступили к подготовке контрнаступления. Директивой № 116 Ставки Верховного Главнокомандования от 25 ноября 1941 г. 61-й резервной армии генерал-лейтенанта М.М. Попова предписывалось сосредоточиться по железной дороге в районе Рязск, Раненбург, Мичуринск, Старо-Юрьево. Сосредоточение армии должно было быть осуществлено к 5 декабря. Справа к исходу 2 декабря заканчивала сосредоточение 10-я резервная армия генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова¹. Одновременно приказом командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова предписывалось «создать полосы сплошных заграждений, эшелонированных в глубину, в которых оставлялись проходы для своих войск, эти проходы прикрывались отрядами заграждения». В числе прочих важных рубежей указывались Катино, Павелец, Лопатино, Секирино, Трухачево, Аманово, Говорово, Салтыки². В число заграждений включались и минные поля.

28 ноября 1941 г. Скопин был освобожден от оккупантов решительным ударом батальона морской пехоты из состава 84-й отдельной стрелковой бригады³. Но советское контрнаступление только начиналось.

Первые части 61-й армии начали выгрузку в Рязске уже 29 ноября 1941 г. По прибытии первого эшелона на станцию Рязск в 10.00 29 ноября 1941 г., 3-й батальон 1164-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Серскова, закончив разгрузку в 18.00, выдвинулся в район Скопина и к 20.00 30 ноября занял оборону на западной и юго-западной окраинах города. В Скопине уже несколько дней хозяйничали немцы и финны, успевшие разгромить все здания советских учреждений (впрочем, многое было испорчено еще до их прихода, чтобы «не досталось врагу»), расстрелять 26 активистов, изнасиловать нескольких женщин и ограбить многих местных жителей. Главные сила полка к этому времени начали сосредотачиваться в районе Желтухинский хутор – Шелемишево – Зезюлино⁴.

В непосредственной близости от села Вослебова выдвигалась 83-я кавалерийская дивизия под командованием полковника С.Н. Селюкова, входившая в состав 61-й армии. В период с 28 ноября по 5 декабря, следуя по железной дороге с мест формирования, ее части выгрузились на станции Ухолово и, двигаясь походным порядком по маршруту Рязск – Скопин – Боршевое – Ростово – Никитское – станция Волово, выполняли задачу по обеспечению правого фланга 61-й армии, выходявшей на стык между 10-й и 3-й армиями⁵. К 12 декабря 1941 г. 83-я кавдивизия сосредоточилась в районе Скопина. Ее 226-й кавалерийский полк расположился в районе совхоза им. С.М. Буденного и выдвинул конные караулы в направлении шоссе Кораблино – северная окраина Вослебова. 215-й кавалерийский полк занял позицию по западной окраине города и далее на юг, до пересечения дороги в Новиково, выдвинув конные караулы к поселку Московский. 231-й кавалерийский полк расположился на восточной окраине города южнее Вослебова и железной дороги, выдвинув караулы к поселку Лесничество и по дороге к Старобараково и Ивановке. «Занятие позиций совпало с авианалетом противника, в результате 2 бойца были ранены и убита лошадь»⁶. К 23.00 13 декабря 1941 г. дивизия, совершая

¹ ЦАМО, ф. 3, оп. 11556, д. 4, лл. 136–137.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 85а, л. 449.

³ Бригада формировалась Чердакинским РВК ПривВО с 26 октября по 13 ноября 1941 г. по штату отдельной стрелковой бригады. Приказом НКО № 0512 от 27 декабря 1941 г. она получила наименование 84-й морской стрелковой бригады. См. ЦАМО, ф. 1891, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁴ ЦАМО, ф. 418, оп. 10696, д. 4а, лл. 140–141; ф. 1665, д. 1, лл. 1–5.

⁵ ЦАМО, ф. 3549, оп. 1, д. 1, л. 2.

⁶ ЦАМО, ф. 3549, оп. 1, д. 4, л. 15–16, 18.

марш, преследовала отступавшего противника и вышла на рубеж Ново-Александрово – Боршевое¹.

В первые дни после освобождения Скопина обстановка в его окрестностях оставалась неясной и до предела напряженной. Нередко случались трагические недоразумения. В докладе начальника штаба 346-й стрелковой дивизии полковника Зеновьева в штаб 61-й армии сообщалось о том, что «8 декабря 1941 г. на наше минное поле у Скопина наехала грузовая машина 803-го отдельного батальона связи. Кузов машины взорван, мотор остался цел. Ранено 4 красноармейца, из них 2 тяжело. Ведется дознание»².

В течение кратковременного пребывания в Скопине немецко-фашистские оккупанты успели побывать и в Вослехове. В докладной записке от 21 января 1942 г. в адрес исполкома Рязанского областного совета депутатов трудящихся об итогах их пребывания в селе сообщалось: «Новое здание Вослеховской начально-средней школы, где обучалось 640 человек, выведено из строя. В школе выбиты стекла, поломаны двери, повреждена крыша, частично расхищены парты и совершенно расхищены учебные кабинеты и библиотека»³. В целом же записка констатировала, что «несмотря на кратковременную оккупацию, в районе произведены большие разрушения и расхищение зданий и имущества...», в результате чего нормальная работа школ, больниц и других учреждений в районе была серьезно нарушена, а в отдельных случаях полностью прекращена. Но все повреждения удалось вскоре устранить.

В начале 1942 г. в воюющей стране было не до культуры, насущной проблемой оставалось обеспечение населения продовольствием. Поэтому здание закрытой Христорождественской церкви после ухода врага не стали переделывать в клуб, а передали областному тресту «Заготзерно» под склад.

В годы Великой Отечественной войны многие вослеховцы «героически сражались на различных фронтах, за что были удостоены высоких правительственных наград. Среди них Ф.М. Темников, Е.Н. Куракин, В.Р. Линева, В.Т. Подпасков, В.С. Найдин и другие. А вот о ратном подвиге вослеховца В.С. Сторожихина его односельчане узнали спустя почти 40 лет. В редакцию районной газеты, которая в то время называлась «Ленинское знамя», пришло письмо заслуженного учителя Литовской ССР, руководителя музея боевой славы одной из школ П. Фролова. В нем он рассказал об одном из фактов военной биографии, который стал известен краеведам. Письмо было опубликовано. Вот его краткое содержание.

5 июля 1943 г. на Орловско-Курской дуге рядовой В.С. Сторожихин, уроженец села Вослехово, воевал в составе 188-го стрелкового Аргунского полка. В одном из боев рота, где служил Сторожихин, после наступления противника оказалась в окружении на одной из высот. Двое суток войны вели кровопролитные оборонительные бои. В роте осталось 6 человек. И тогда командование принял на себя В.С. Сторожихин. Когда кончились боеприпасы, их собрали у погибших. Трое суток горстка бойцов держала оборону. Потом ночью стали прорываться к своим. Трех тяжело ранило, задело и Сторожихина, но, выходя из-под огня, он вел и тяжелораненого товарища. После боя командир полка всех шестерых представил к награде. В том числе Сторожихина – к ордену Красного Знамени. А когда об этом случае узнал командующий армией, он наложил на документах Сторожихина такую резолюцию: «Достоин более высокой награды». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. рядовой В.С. Сторожихин был награжден орденом Ленина»⁴.

¹ ЦАМО, ф. 3549, оп. 1, д. 4, л. 15–16, 18.

² ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 31.

³ ГАРО, ф. 1437, оп. 2, д. 27, л. 2.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996 – С. 187–188.

За годы Великой Отечественной войны полным кавалером ордена Славы стал уроженец Вослехова старший сержант Василий Иванович Римский (1914–1983), санинструктор 340-го стрелкового полка. В 1945 г. старшина В.И. Римский демобилизовался и вернулся на родину, до конца своих дней жил и работал в Скопине. Его имя сейчас носит одна из улиц города (бывш. Горняцкая).

«В Вослехово на военные годы пришлось очередная реорганизация здешних колхозов. Из двух хозяйств выделилось третье – колхоз «Заря». К нему отошло примерно по половине крестьянских дворов от колхозов «Пробуждение» и «Четвертый завершающий». Однако во многих из этих дворов солдаты с войны так и не вернулись. По последним данным, из 560 человек ушедших на фронт только из Вослехова, более 230 погибли»¹.

После оккупации мирная жизнь в селе налаживалась быстро. Атмосферу обычного январского рабочего дня 1942 г. в колхозе «Четвертый завершающий» сохранила заметка И. Сергеева в районной газете «Сталинец»: «Бригадиром 5-й бригады работает недавно пришедший к руководству молодой колхозник Александр Тимофеевич Подпасков. За короткое время он уже сумел проявить свои организаторские способности, хорошо наладил работу на полусложной молотилке. Обмолот идет быстро... На току идет напряженная работа. На двух сортировках очищается зерно. Полусложная молотилка работает без остановки. В этом немалая заслуга молодого бригадира тов. Подпаскова. В кузнице ремонтируются плуги. Работает кузница с утра и до ночи. Кузнец И.П. Ребриков, работающий по этой специальности бесшестилетним, вслед за ремонтом плугов будет ремонтировать сеялки и бороны. Идет починка сбруи. Приводятся в порядок пахотные хомуты. Шорник Федор Алексеевич Зверьков взял обязательство закончить починку хомутов в короткое время. Рабочий день в колхозе начинается рано. Дел много. С целью ускорения обмолота хлебов 25 человек молотят вручную. Успешно справляются с молотьбой колхозницы. Хорошо работает на молотьбе группа колхозниц, которую возглавляет Мария Антоновна Люлюкина. В ее группе пять человек. Норму по молотьбе они аккуратно выполняют. Работающие на молотьбе вручную колхозники Иван, Егор и Семен Пономаревы систематически перевыполняют нормы. Они молотят за день по две–две с половиной копны при норме в одну копну... Старший конюх Алексей Егорович Муратов неплохо ухаживает за лошадьми, своим личным примером он показывает всем конюхам образцы того, как надо относиться к колхозному коню. Позаботилось правление колхоза о проведении инвентаризации. Счетовод Аркадий Александрович Поляков закончил инвентаризацию своевременно»².

Главным дефицитом военного времени на селе стали кадры. Далеко не все, кому в трудную пору были доверены ответственные должности, смогли с ними справиться. Так случилось и в колхозе «Четвертый завершающий». В 1942 г. Скопинский райком рассматривал вопрос о неправильном подборе руководящих кадров в этом хозяйстве. В нем «в течение 2-х лет работал председателем колхоза Линева, занимавшийся пьянкой, развалил колхоз, за что был осужден на полтора года тюремного заключения. В этом же колхозе работал после Линева Чистотин, который в 1936 г. был снят с работы, как неспособный руководить колхозом, в 1941 г. он был снова выдвинут на должность председателя. За плохую подготовку к севу, за развал дисциплины общее собрание 20 марта 1942 г. освободило и его от работы»³. Трудности военного времени не перечислить: недостаток лошадей, тракторов, семян, да и просто

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996 – С. 188.

² Сталинец, №7. – 1942. – 20 января.

³ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 38.

продуктов питания. Все это двойной, тройной ношей легло на плечи тех, кто остался в тылу. Через несколько лет война окончилась, победители возвратились домой. Но объективные обстоятельства были таковы, что и в послевоенное время на селе еще долго не хватало и лошадей, и мужской силы, и специалистов.

Районная газета «Сталинец» сообщала: «В колхозе «Четвертый завершающий» в 1948 г. 5 лошадей пало: одна от перелома позвоночника, вторая от перелома конечностей, две от разрыва желудка при перекармливании и жеребец – от удушения на привязи в конюшне, 6 конематок абортировало. Причина падежа лошадей: преступная халатность, вызванная обезличкой. На 40 лошадей имелся один конюх. В соседнем колхозе «Пробуждение» абортировало 4 конематки и пало 8 лошадей»¹.

В 1951 г. вослебовские колхозы в среднем собирали ржи по 16–17 ц с га, яровой пшеницы – по 13 ц с га². Урожайность в колхозе «Заря» также была крайне низкой. В этом хозяйстве занимались еще и овощеводством, были парники под рассаду овощей³.

Постепенно жизнь послевоенного села налаживалась. В 1950 г. колхоз «Заря» влился в колхоз «Пробуждение», приняв его название. Председателем его стал Ф. Лиев. В укрупненном колхозе были образованы 7 полеводческих и 1 огородная бригады, их бригадирами стали Н. Овинников, А. Овинников, И. Назаров, П. Темникова, А. Сухих, М. Анюшкин, М. Исаев. Животноводческими фермами заведовал М. Сычев. В хозяйстве были построены овчарник на 200 голов, птичник на 1500 и свиарник на 100 голов. В 1950 г. колхозникам «Пробуждения» предстояло убрать озимые на 424 га и яровые на 714 га⁴.

В ходе очередного укрупнения в 1952 г. два вослебовских колхоза «Пробуждение» и «Четвертый завершающий» объединились в одно хозяйство – колхоз им. Кирова. Однако и он просуществовал немногим более десятилетия. На основании постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1964 г. №448 совхозу им. Мичурина были переданы колхозные земли от колхозов им. Кирова Вослебовского сельсовета в количестве 3981 га и «Советская Волна» Лопатинского сельсовета в количестве 1349 га. К 1965 г. совхоз им. Мичурина имел 4 отделения: Центральное, Вослебовское, Немеровское и Вороновское. До 1963 года директором совхоза им. И.В. Мичурина был Иван Антонович Сурков, бывший до этого главным агрономом⁵.

«После того, как Вослебово определили как центр отделения совхоза им. Мичурина, тут началось интенсивное производственное, социально-бытовое и жилищное строительство. За короткий срок сдали в эксплуатацию здания сельсовета, медпункта, почты, кафе, продовольственного и промтоварного магазинов⁶.

В 1965 г. в состав Вослебовского сельсовета входили село Вослебово, станция Брикетная, железнодорожные будки, поселок Лесничество с лесными сторожками. В селе действовали школа-восьмилетка, два магазина, фельдшерско-акушерский пункт и 2-е отделение совхоза им. Мичурина⁷.

Знаменательным событием в культурной жизни Вослебова 1980-х гг. стало создание в сельском Доме культуры народного ансамбля русской песни «Селяне». В 1982 г. ему было присвоено звание «народный».

¹ Сталинец, № 36. – 1948. – 3 апреля.

² Сталинец, № 103. – 1951. – 7 сентября.

³ Сталинец, № 41. – 1950. – 7 апреля.

⁴ Сталинец, №82. – 1950. – 16 июля.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 43, лл. 1–2.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 188.

⁷ Архив Скопинского района, ф. 41, л. 1.

«В 1986 г. недалеко от села был построен один из крупнейших в области Вослебовский свинокомплекс. Ему отошло более 1000 га совхозных земель, примыкающих непосредственно к селу. Сюда перешли работать из совхоза многие жители Вослебова и других соседних населенных пунктов»¹.

В 1993 г., на волне охвативших всю страну перемен, совхоз им. И.В. Мичурина был преобразован в акционерное общество.

Начало 1990-х гг. в Вослебове было ознаменовано возрождением церковной жизни. Генеральный директор ООО «Альфа» Александр Николаевич Люлюкин, посоветовавшись со своим коллективом, решил восстановить сельский храм. В его возрождение внесли свой вклад администрации города Скопина и Скопинского района, руководитель скопинского лесничества А.И. Гришин, директор ЗАО «Ремонтник» В.Э. Николаев, директор АО «Скопин-хлебпродукт» В.В. Строганов, а также вослебовцы Е.И. Жирков, В.В. Ульянов, А.В. Найдин и многие другие. В декабре 1999 г. при стечении большого количества народа церковь в Вослебове была освящена архиепископом Рязанским и Касимовским Симоном как Рождество-Богородицкая. Приход возрожденного храма возглавил священник Павел Плятов². В 2016 г. на церковном здании были установлены новые купола.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Вослебово стало административным центром Вослебовского сельского поселения. В него вошли села Вослебово, Вердереево, Кушуново, Новое, деревни Летоно, Савиловка, Воздвиженка, Свистовка, Дмитриевский хутор, поселок Лесничество и станция Брикетная. Общая площадь Вослебовского сельского поселения составляет 128 кв. км. На его территории в 2008 г. действовали две средние общеобразовательные школы, три дошкольных детских учреждения, два Дома культуры, три фельдшерско-акушерских пункта, два отделения связи. Численность населения Вослебовского сельского поселения – 2937 человек, из них детей дошкольного возраста 189 человек, школьников 293, пенсионеров и инвалидов 757 человек³.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Вослебове одноименного сельского округа сейчас проживает 1861 человек – 858 мужчин и 1003 женщины. В селе действует ИП Глава КФХ «Зверьков Дмитрий Анатольевич».

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 188.

² *Солышкин П.Т.* Я счастлив тем, что я живу... : Рассказы, очерки, стихи, зарисовки, воспоминания: Книга вторая – Скопин-М.: Пресса, 2000. – С. 13–14.

³ Архив Скопинского района, ф. 496, л. 1.

ВЫСОКОЕ

село

(сельское поселение Ильинское)

Село Высокое при р. Слободке, по левую сторону большой Пронской дороги, возникло как новосельная деревня на землях дворцового Конюшенного ведомства между 1746 и 1767 гг. В окладной книге прихода алтынного и семигривенного денежного сбора по городу Скопину с уездом¹ за 1746 г. селение с таким названием еще не упоминается. В то же время, в книге И.В. Добролюбова сообщается, что первая церковь будущего села – Ильинская – была построена в 1767 г.²

В окладной книге 1769 г. указано, что в «деревне Высокой» проживают 253 души волюстных крестьян мужского пола³. Необычно высокая для недавно основанного селения численность его населения указывает, что первыми жителями деревни стали переселенцы из окрестных сел. Название первого храма будущего села недвусмысленно указывает, что большинство деревенских жителей составили выходцы из близлежащего села Ильинки.

Село Высокое и его жители были приписаны к Конюшенному ведомству. Основной обязанностью местных крестьян было обеспечение функционирования скопинских конных заводов. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, датированных 1779 г., о селе Высоком сказано: «150 дворов, 395 душ мужского и 423 женского пола, лежит на левой стороне речки Слоботки, в коей пруд, и по обе стороны верха Прогоннова, в нем три пруда, и трех безымянных отвершков. Церковь деревянная во имя Покрова Пресвятой Богородицы»⁴.

На карте (чертеже) Генерального межевания 1779 г. можно видеть, что упомянутый в описании пруд на реке Слободке находился напротив центральной части села. В 400 саженьях (746,8 м) находилась сельская церковь. Выше по течению речки и ближе к ней, чем церковь, располагалась довольно широкая улица крестьянских домов, начинавшаяся в 100 саженьях (213,4 м) от церкви. Дома на стороне улицы, располагавшейся ближе к реке, были обращены к ней своими огородами. Дальше от реки, за улицей, находилось гумно или амбары, рядом с которыми стояло несколько крестьянских дворов. Ниже церкви по течению реки и примерно в 400 саженьях (853,4 м) от этой улицы располагался отдельный порядок домов, также обращенный задками к реке и с огородами напротив домов. Общая протяженность села составляла около 800 саженьей (1600,2 м)⁵.

К 1850 г. село Высокое описывалось как стоящее «в истоках речки Слободки, при двух прудах и с десятью ветряными мельницами». Четыре из них располагались недалеко от кладбища на его восточной окраине⁶. По 10-й ревизии податного населения Российской импе-

¹ Еще до официального образования Скопинского уезда в 1778 г. так нередко называли Скопинскую дворцовую волость, формально являвшуюся территорией Рязского уезда.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 208.

³ РГАДА, ф. 572, д. 10, л. 36 об.

⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 3 об.; д. 1240, л. 15.

⁵ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, л. 4 об.

⁶ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

рии, проводившейся в 1858 г., в селе Высоком насчитывалось 171 домохозяйство, а население составляло 902 мужчины и 919 женщин¹. При организации волостей в начале 1861 г. село Высокое вошло в состав Чуриковской волости Скопинского уезда Рязанской губернии.

В селе время от времени созывался крестьянский сход для решения насущных вопросов. Мелкие правонарушения разбирались в волостном суде, более серьезные в уездном. Например, для ответа по иску в Скопинский уездный суд, как ясно из сообщения от 3 ноября 1862 г., вызывался «государственный крестьянин села Высокого, Скопинского уезда, Василий Матвеев Романов, – против прошения односельного с ним крестьянина Егора Трофимова Савостина, по делу о взыскании последним с первого по росписке денег. При чем уездный суд предвеляет Романова, что в случае не представления им ответа в определенный 1 пункт 289 ст. 2 ч. X т. св. зак. гражд. (изд. 1857 г.) двухмесячный срок, без достаточных законных к тому препятствий, означенное дело, согласно 290 ст. того же свода, имеет быть решено по имеющимся в нем доказательствам»². В разделе «Объявления и извещения» газеты «Рязанские губернские ведомости» за 1864 г. вызывался в Скопинский уездный суд «кантонист, проживающий в селе Высоком, Скопинского уезда, согласно 289 ст. 2 ч. X т. св. зак. гражд. (изд. 1857 г.), в двух месячный срок, считая оный со дня получения ею повестки, которая для передачи ему отослана в Скопинское уездное управление 6 марта 1864 г. – для ответа против прошения государственного крестьянина села Высокого Петра Ишполитова Голяшкина по делу о спорном между ними доме»³.

Все это время средоточием духовной жизни высококовцев оставалась построенная в 1767 г. на средства прихожан деревянная Ильинская церковь, регулярно ремонтировавшаяся и обновлявшаяся. Известны имена лишь двух священников, служивших в ней в эти годы. Ими были Матвей Макариев (в 1795–1827 гг.) и Алексей Матвеев Соловьев (в 1827–1878 гг.)⁴. Последний из них стал пионером местного образования. В 1861 г. в его доме открылось «церковно-приходское от крестьянского общества училище с платой за оное и на жалованье наставнику». Средства для содержания училища также предоставлялись Палатой государственных имуществ. В 1866 г. в нем обучались 34 мальчика⁵.

В 1871 г. в селе началось строительство нового кирпичного церковного здания с колокольней. Освящение храма Иерусалимской иконы Божией Матери состоялось в 1872 г. Ее приход состоял из одного только села Высокого, в котором насчитывалось 314 дворов, а население составляло 1365 мужчин и 1307 женщин. По штату при церкви полагался один священник и один псаломщик, к церкви были приписаны (3,27 га) усадебной земли и 33 десятины (36 га) – пахотной. До 1878 г. в храме служил все тот же священник А.М. Соловьев⁶, которого сменил Михаил Иванович Можаров⁷.

В ноябре 1874 г. в Высоком было основано мужское земское училище. Законоучителем в нем состоял священник А.М. Соловьев, остальные предметы преподавал учитель Петр Ива-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 116.

² Рязанские губернские ведомости, № 44. – 1862. – 3 ноября.

³ Рязанские губернские ведомости, № 14. – 1864. – 4 апреля.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 208.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань 1868. – С. 588–589.

⁶ Интересно отметить, что высококовский священник А.М. Соловьев стал родоначальником целой династии православных священнослужителей. Его сын Семен Алексеевич Соловьев (1829–1903) прослужил 52 года священником Сретенской церкви города Скопина, за годы службы был награжден орденами Св. Анны 2-й и Св. Владимира 4-й степеней, в 1898 г. был удостоен звания протоиерея. В свою очередь, его внук Владимир Семенович Соловьев в 1890–1900-х гг. служил протоиереем соборной Николаевской церкви города Зарайска.

⁷ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 208.

нович Комаров. В 1875 г. в училище обучались 53 мальчика. От земства на его содержание выплачивалось 300 рублей, сельское общество предоставляло помещение для занятий¹.

К 1880 г. в селе насчитывалось 324 двора с 2339 жителями, церковь, лавка². По переписи населения 1882 г., в Высоком было 355 домохозяйств, 1313 мужчин и 1346 женщин, из них грамотными были только 120 мужчин. Земельный надел на душу составлял 3,6 десятины (3,9 га). Почвы в окрестностях села – чернозем с сильной примесью глины – давали высокие урожаи ржи и овса – «сам-шест» для ржи и «сам-четверг» для овса (т.е. собранный урожай был в 6 и 4 раза больше посеянного). Четверть домохозяйств села были безлошадными. Из 348 изб топились «по-белому» лишь 58, при них состояло: 256 плетневых дворов, 28 заборных и каменных, 222 горницы и клетки, 157 амбаров и сараев, 293 риги и овина. В селе насчитывалось 128 мастеровых, 354 мужчины числились в отхожих промыслах. Действовали 11 промышленных заведений, 2 кабака, лавка³. По сведениям о промышленных предприятиях Скопинского уезда за 1893 г., ветряные мельницы в Высоком принадлежали крестьянам Тимофею Захарову, Тимофею Дорофееву, Алексею Степанову, Михаилу Матвееву и Якову Кузьмину, просорушки – Алексею Степанову и Герасиму Павлову⁴. В 1894 г. в селе действовало «овчинное заведение» крестьянина Н. Пантелеева, а также двухконные просорушки Г. Яковлева и А. Потуткина⁵.

В материалах ревизии земской школы, проводившейся в 1893 г., о ней сообщалось: «Учеников в школе 115. Первым учителем состоит, окончивший курс в скопинском городском училище Сдобняков, второю учительницею его сестра Сдобнякова, Закон Божий преподает местный священник Можаров, попечительствует над школой кр[естьянин] Голяшкин. К экзамену, произведенному М.И. Загряжским, были представлены 8 человек, которые все и были удостоены свидетельства. В школе учителем Сдобняковым организован прекрасный хор»⁶.

Из истории Иерусалимской церкви в селе Высоком известно, что в мае 1893 г. епархиальным начальством было «разрешено перелить разбитый колокол весом 9 пудов <...> на средства церковного старосты Ермолая Петрова Росихина»⁷. В сентябре того же года «на средства прихожан» было «разрешено переправить потолок в храме, оштукатурить его алебастром, а также сделать новые рамы и две печи с употреблением 400 руб. церковных денег»⁸. В 1903 г. вокруг храма была построена каменная ограда с железными решетками⁹.

В 1905 г. в Высоком было 469 дворов, 1600 душ мужского пола и 1612 женского, церковь каменная, школа, ветряная мельница, казенная винная лавка и три просорушки¹⁰. К 1908 г. в селе из 3310 жителей насчитывалось 299 детей школьного возраста, из них посещали школу только 156. В школе обучали детей законоучитель и 2 учителя¹¹.

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 427.

² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 33.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 116–121.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, л. 52, 53.

⁵ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 61, 90.

⁶ Журнал Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года. Скопин, 1894. – С. 91, 92.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 9 (1 мая 1893 г.). – С. 375.

⁸ Рязанские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1893 г.). – С. 624.

⁹ Рязанские епархиальные ведомости, № 15 (15 сентября 1903 г.). – С. 73.

¹⁰ Населенные места Рязанской губернии, под ред И.И. Проходцова, Рязань, 1906. – С. 640.

¹¹ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 48–49.

В 1913 г. в Высоком насчитывалось 299 детей школьного возраста, в действовавшей трехкомплектной школе учились 214 детей, а еще 70 желавшим в приеме было отказано из-за недостатка места. Тогда Скопинское уездное земство объявило о намерении построить в селе каменную «2-ю школу в с. Высоком – двухкомплектную». Бюджет строительства планировался следующим: «4000 руб. в пособие, 2400 руб. в ссуду, 1600 руб. из земских средств по смете...»¹ По отчету за 1916 г. земских школ в селе стало две – старая трехкомплектная и новая двухкомплектная².

Предприимчивости скопинским крестьянам было не занимать. В 1910-х гг. в Высоком действовала чайная и пивная лавка Василия Ивановича Лепнева – серьезное предприятие, оценивавшееся в 1000 рублей. В начале 1913 г. она закрылась, однако в марте месяце с хозяйина, как тогда было заведено, потребовали уплаты сборов за предыдущий год. Очень неплохо владевший пером В.И. Лепнев попытался «заговорить зубы» Скопинской уездной земской управе и добиться от нее сложения сборов. В своей пространной жалобе он демагогически рассуждал: «Земская управа через своих членов не имеет сведений о прекращенных предприятиях в 1913 г., а руководствуется сведениями, имеющимися за 1912 г., что безусловно в жизни является как будто не справедливым, и этою не справедливостью, или, иначе сказать, ошибкою вводят содержателя в расходы, кроме этого отвлекают от занятий, что, конечно, и отражается на понижении заработка». Однако наивный маневр высококовского предпринимателя не произвел впечатления на уездную земскую управу, поэтому его прошение удовлетворено не было³.

Другими высококовскими «промышленниками» были братья Абрам и Павел Виноградовы. В 1914 г. им принадлежала ветряная мельница. Обращаясь в уездную земскую управу, Абрам Михайлович Виноградов писал: «Ветряная мельница моя существует уже 30 лет, пришла в довольно ветхость и требует значительного ремонта, а работа на ней производится весьма ничтожная благодаря ее ветхости и имеющимся в соседних селах паровым мельницам». По рассмотрении прошения Скопинским уездным земским собранием налог на мельницу братьев Виноградовых был снижен с 700 до 400 рублей⁴.

В 1917 г. в селе Высоком Чуриковской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 365 дворов и 4143 жителя (2186 мужчин и 1957 женщин)⁵. Революционные события крестьяне встретили спокойно. Они мало что изменили в их жизни, т.к. помещичьего землевладения в окрестностях села не было. Советская власть в селе была установлена в декабре 1917 г. В следующем году был создан местный комитет бедноты, позднее появился сельсовет.

В начальный период Гражданской войны молодая советская республика задыхалась в кольце контрреволюционных фронтов. В хозяйстве царили разруха и всеобщий дефицит. Руководимому большевиками государству остро не хватало средств на самые насущные потребности. Приходилось прибегать к чрезвычайным, конфискационным мерам в отношении прежде господствовавших классов. 30 октября 1918 г. ВЦИК РСФСР принял разработанный Народным комиссариатом финансов декрет о введении единовременного чрезвычайного 10-миллиардного революционного налога на имущие группы городского и сельского насе-

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания внеочередного созыва 3 июня 1912 года, Скопин, 1912. – С. 11.

² Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 168.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 256–257.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 598–599.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 153.

ления. Отъем сохранившихся у «городской и сельской буржуазии» денежных накоплений должен был подорвать ее экономическую базу, одновременно нанеся удар по вольготно себя чувствовавшему в условиях национальной катастрофы «паразитическому элементу» – спекулянтам, мешочникам, кулакам. Вырученные средства должны были пойти, среди прочего, на укрепление Красной армии. Обложению чрезвычайным налогом не подлежали лица, получавшие пенсию или зарплату менее 1500 рублей и не имевшие запасов. Беднота от него вообще освобождалась, а представители «среднего класса» облагались небольшими ставками. Вся тяжесть налога должна была лечь на оставшуюся на контролируемой большевиками территории городскую буржуазию и богатых крестьян. На селе списки лиц, подлежащих обложению, должны были составлять специальные комиссии из двух членов волостного исполкома и трех членов комбеда. Декрет допускал проявление беднотой инициативы в способах сбора налога. Члены комиссий, следуя своим представлениям о социальной справедливости, облагали поборами своих богатых односельчан, вызывая их недовольство и озлобление против новой власти. Не в меру деятельным сельским активистам новой власти нередко приходилось расплачиваться за это собственными жизнями. Власть поначалу смотрела сквозь пальцы на имевшие место в ходе «выбивания» революционного налога эксцессы. А их было немало: практиковались и аресты, и принудительные распродажи имущества, и избиения, и даже купания в ледяной проруби...

В селе Высоком Чуриковской волости Скопинского уезда из местной бедноты была создана специальная комиссия по раскладке чрезвычайного налога. Распределили его «по классовому принципу», обложив 32 наиболее состоятельных хозяйства суммами от 500 до 8000 рублей. Судя по суммам платежей, самыми богатыми высококовцами в это время считались Андрей Михайлович Соломатин, Василий Антонович Заикин, Осип Николаевич Разсказов, Егор Иванович Патупкин, Татьяна Тимофеевна Сбытова и Лука Григорьевич Юдин¹. Возможно, сведения об их состоятельности оказались несколько преувеличенными завистью беднейших односельчан. Во всяком случае, с таким распределением налога они не согласились. В уездный финансовый отдел была направлена жалоба от имени всех обложенных высококовских крестьян, в которой указывалось: «Наша сельская комиссия по раскладке чрезвычайного налога в составе Ивана Лукича Сбытова, Григория Романова Сбытова, Михаила Захарова Сумина, Егора Иванова Дворянова и Ивана Емельянова Сбытова наложила на нас неправильно чрезвычайный налог, который мы по своему семейному и имущественному положению уплатить не в состоянии, и комиссия при раскладке действовала самопрохвостью: и производила раскладку не на общем собрании, и сама комиссия никакого на себя налога не начислила, а также и не начислила налога и на некоторых граждан, которые по своему состоянию должны быть обложены, например, Григорий Ананьев Разсказов, Михаил Евстигнеев Усиков, Николай Никитин Машокин и другие. Из чего ясно видно, что раскладка налога произведена неправильно и неправильно по состоянию, а потому мы ходатайствуем пред финансовым отделом, ввиду неправильной раскладки в нашем селении, произвести раскладку вновь под контролем финансового отдела, и мы таки уверены, что новая раскладка обнаружит виновность нашей комиссии, и наложенный налог будет на них, т.к. в раскладку не вошло около 70 домохозяев, которые по своему состоянию должны были подложены налогом соразмерно со своими состояниями. 18 января 1919 года. Дмитрий Разсказов, Василий Юдин»². Подобные жалобы стали в 1919–1920 гг. массовым явлением. Как оказалось,

¹ ГАРО, ф. П-1436, оп. 1, д. 11, л. 20.

² Там же, л. 34–35.

четких критериев определения состоятельности крестьянских хозяйств не было, а некомпетентность городских и сельских комиссий нередко приводила к тому, что налог затрагивал и бедняков, и середняков, облагая их непосильными ставками. В итоге из планировавшейся изначально суммы с трудом удалось получить 1,6 млрд рублей, которые тут же «съела» катастрофическая девальвация рубля в условиях Гражданской войны. С апреля 1919 г. налог взимался довольно вяло, а 3 февраля 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление о приостановке взимания всех денежных налогов. Так попытка сбора «всероссийской контрибуции» не только не оправдала себя, но и принесла правительству большевиков значительный вред, сплотив против них массы городского и сельского населения.

Несмотря на революционные потрясения, быт крестьян Скопинского уезда в 1920-х гг. еще долго оставался вполне традиционным, устоявшимся еще с дореволюционных времен. Среди отхожих промыслов традиционным и наиболее массовым в начале XX в. был уход местных крестьян на торфоразработки. Уходили не только в районы торфяников под Тверью и Шатурой, но и занимались перевозкой торфа в зимнее время в Московскую, Владимирскую и другие губернии. На заработки уходили не только мужчины, но и женщины и даже девушки. В книге В.Н. Ильинского сохранены следующие подробности, относящиеся к 1920-м гг.: «После 14-го октября нового стиля в селе Высоком начинаются засадки, на которых девушки начинают свою работу до отхода в торф. Работа девушек разнообразна, а именно: вышивка крестом, вязание крючком, строчка гладью, которая в настоящее время распространена в селе. Эта работа протекает у них до марта месяца. С марта же месяца девушки начинают готовиться в торф: вязать чулки, варежки, фуфайки и т.д. Работа женщин однообразней, чем у девушек. С сентября месяца они начинают прясть шерсть на чулки, варежки, лен и коноплю на холст, приблизительно до февраля месяца. После этого начинают ткать, то есть «снаряжать красно», как они выражаются. Ткут они холст, материи на юбки, реднику на мешки и т.д.»¹.

Однако следование традиционному укладу жизни входило во все большие противоречия с жизнью быстро менявшейся страны. В 1925 г. молодые сельские «воинствующие атеисты» с возмущением писали в скопинскую уездную газету: «В селе Высоком Чуриковской волости по почину старух-кликуш попы устроили по старой традиции по деревьям крестный ход, дабы бог послал дождя. И что же в результате?» По утверждению сельских корреспондентов, «дождик не пошел», но и без него организаторы мероприятия собрали неплохой «урожай» в виде 600 яиц, и теперь «спокойно кушают и ожидают второго молебна»².

Газеты 1920-х гг. пестрят корреспонденциями из сел с жалобами на несправедливости и злоупотребления новой администрации. В 1925 г. кто-то из жителей села так обличал председателя Высоковского сельсовета: «В селе Высоком Чуриковской волости есть гражданин Галяткин Михаил Матвеевич, разграбивший кооператив в 1920 г., состоя там приказчиком. В 1921–1922 гг. его общество избрало для передела, и что же получилось: всю землю хорошего качества отдал кулакам, а бедняки получили самую плохую, и в результате после передела у Голяткина появляется 5 лошадей <...> В 1924 г. опять благодаря поддержке своих друзей – зажиточных кулаков (коих наделил землей) пролезает председателем сельсовета и делает жандармские выходы, делает произвольные расходы. Благодаря скорому вмешательству властей уезда и волости его снимают с должности, делают ревизию, и в результате оказался недочет. Растрата 74 руб. Было заведено дело, но вот уже год как пропало и деньги оста-

¹ *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). – Скопин, 1929. – С. 70.

² Коллектив, № 54. – 1925. – 27 мая.

ются за ним. Голяткин себя чувствует свободно и посмеивается над крестьянами. Что, мол, взяли или нет?»¹ Вопрос о том, насколько обоснованными являлись эти обвинения, остается открытым. Похоже, все-таки дыма без огня не было и в этом случае. Из других источников известно, что сельсоветы Скопинского уезда работали плохо, не обходилось в их деятельности и без «коррупционной составляющей». Косвенным свидетельством этого можно считать тот факт, что многие сельсоветы не отчитывались о своей работе даже накануне выборов. Среди таковых в 1926 г. оказался и Высоковский сельсовет, не представивший отчета, «так как председатель еще в начале января был снят с работы за обнаруженные ревизионной комиссией злоупотребления по должности». Не лучшим образом обстояли дела и в округе: «В Ильинском сельсовете председатель снят с работы с заключением под стражу за обнаруженные преступления по должности, Старокелецкий не смог отчитаться только потому, что в течение года было сменено четыре председателя и три секретаря»².

Пробуксовывала в 1920-х гг. и деятельность местной кооперации. Уездная газета «Коллектив» в 1925 г. информировала своих читателей: «4 июня в гор. Михайлове был суд. Судили растратчиков и подрывщиков общественного дела – кооперации. Первого судили быв. члена правления Высоковского общества потребителей Чуриковской волости гр-на Сбытова С.К. за то, что, будучи завлажкой, «проторговал» 180 руб. Суд присудил деньги взыскать для пополнения растраты с имущества Сбытова, а его посадить на 1 годок»³. Одной из причин таких явлений была, по мнению крестьян, неустойчивость власти. Даже в середине 1930-х гг. многие из них считали ее временной.

В 1929 г., после упразднения деления на волости, уезды и губернии, территория Высоковского сельсовета вошла в состав Центрально-Промышленной области, вскоре переименованной в Московскую. В 1929–1930 гг. как часть Скопинского района она входила в Рязанский округ Московской области, вскоре упраздненный. 21 июля 1931 г. Высоковский сельсовет вместе с группой других (Гремячевским, Ильинским, Моховским, Никольским (Никола-Скопинским) и Чижовским) был передан Пронскому району Московской области.

С 1929 г. в Высоковском сельсовете действовали три колхоза – им. 1 Мая, им. Л.М. Когановича и им. В.В. Куйбышева⁴. Если судить по публикациям в районной газете «Пронский колхозник», в 1933 г. положение дел в колхозе им. 1 Мая было неутешительным. Посеянные 35 га проса зарастали сорняками. Из 118 трудоспособных женщин выходили на работу 2–3, а остальные «под влиянием классового врага игнорируют работу, надеясь на уравнилельное распределение труда»⁵. В 1933 г. на собраниях высококовских колхозников часто выступал некто Калмыков, заявлявший о себе как об активном стороннике советской власти и коллективизации сельского хозяйства. Его деятельность была замечена. Калмыкова избрали членом сельсовета, а затем он стал и председателем колхоза им. 1 Мая. О новом председателе ходили смутные слухи, что он был сыном городского и внуком судьи царских времен, а в село приехал из Шатуры, «натворив разных дел» на прежнем месте работы. Вскоре опасения колхозников подтвердились. После нескольких месяцев руководства Калмыкова пришла пора уборки урожая, и выяснилось, что колхоз к ней совершенно не готов. Решением бюро Пронского райкома ВКП (б) председатель Калмыков был снят с работы и отдан под суд⁶.

¹ Коллектив, № 56. – 1925. – 3 июня.

² Коллектив, № 10. – 1926. – 3 февраля.

³ Коллектив, № 58. – 1925. – 10 июня.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 387, л. 1, 2.

⁵ Пронский колхозник, № 62. – 1933. – 1 июля.

⁶ Пронский колхозник, № 73. – 1933. – 5 августа.

В начале 1930-х гг. Высоковский сельсовет неоднократно критиковался на страницах районной печати за то, что «совершенно искривил классовую линию», сросся с кулаками. Похоже, по окончании периода военного коммунизма и на фоне перехода к нэпу зажиточные крестьяне в селе взяли реванш и подчинили себе сельсовет. Газета «Пронский колхозник» писала: «Председатель сельсовета Козлов вместе с кулаками пьянствовал, за что скрывал их от индивидуального обложения. Кулаку Михаилу Григорьевичу Рассказову Козлов произвел раздел с целью уменьшения ставки сельхозналога и не выдал, таким образом, индивидуального задания. Кулак Николай Точилин к индивидуальному налогообложению привлечен не был, он был членом налоговой комиссии, хотя из года в год арендовал землю, имел молотилку. До 1930 г. владел 5 домами и имел 4 лошади и прочий скот. До этого, в 1928 г., за спекуляцию хлебом был осужден к 1 году принудительных работ. Таких как Точилин, не привлеченных к индивидуальному обложению, было 16 хозяйств. Кулацкая налоговая комиссия обходила кулаков, а нажимала на бедняков и середняков. Она незаконно обложила в индивидуальном порядке 11 бедняцко-средняцких хозяйств. Кулак Голяткин вступил в колхоз и активно, работая в сельсовете, определял такое обложение. Точилин, Гаяткин и перешедший на их сторону Козлов облагали так, что бедняки и маломощные середняки платили непосильный для них сельхозналог в размере 200 рублей, а зажиточные по 28–30 рублей. Сельсовет не только не руководил, но и разлагал колхоз им. 1 Мая. Он официально предлагал правлению принимать в колхоз раскулаченных. В 1931 г. он выдал из страхового фонда семи колхозным хозяйствам по 5,5 центнера ржи, разрешил зарезать общественного быка и разделить мясо среди тех же семи хозяйств. Этим он настроил бедноту против колхоза, который расширился за счет кулаков и зажиточных. Председатель сельсовета Козлов был арестован, как и Точилин, а пленум сельсовета был распущен»¹.

Порядок в Высоковском сельсовете пришлось наводить чрезвычайными мерами. В 1932 г. «выездная сессия нарсуда за злостное уклонение от засыпки семян, отказ подчиняться власти, агитацию против неё», приговорила О.Е. Борисова, зажиточного, к 1 году принудительных работ и штрафа 150 рублей; члена сельсовета Букарева Н.П. – к 6 месяцам принудительных работ².

В 1930-е гг., когда поднимавшая из руин промышленность и сельское хозяйство советская власть не принимала альтернативных точек зрения на формы и методы реализации стоявших перед страной задач, немало высококовцев постигла трагическая судьба. Были раскулачены представители крестьянских семей Патупкиных, Рассказовых, Соломатиных, Точилиных. В Карлаге был расстрелян Петр Алексеевич Бурда (1884–1937). Все они были впоследствии реабилитированы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.

Не менее тяжелым испытанием стала для жителей Высокого Великая Отечественная война. В конце ноября 1941 г., с занятием города Скопина немецко-фашистскими войсками, село оказалось в прифронтовом районе. Вызванный эвакуацией хозяйственный хаос и панические настроения среди населения в связи с быстрым наступлением врага требовали от властей наведения порядка и восстановления дисциплины любым доступным способом. Самым простым и эффективным оказался силовой. Только суровыми законами военного времени и близостью вражеских оккупационных войск можно оправдать следующий случай. «В Высоком произошла трагедия: четырех сельчан приговорили к высшей мере наказания. Свидетельница разыгравшейся драмы Анна Петровна Крючкова рассказывала, что суд не пощадил

¹ Пронский колхозник, № 29. – 1931. – 3 ноября.

² Пронский колхозник, № 19. – 1932. – 29 марта.

даже опекуна пятерых детей, вся вина которого состояла в том, что он украл колхозную овцу, чтобы накормить изголодавшихся ребятишек. Да, тезис Сталина о том, что вор, покушающийся на социалистическую собственность, есть предатель и изменник, если не хуже – в военное время имел силу закона... 7 декабря 1941 г. на глазах жителей Высокого и собранных со всей округи людей приговор был приведен в исполнение. Расстреляно 7 человек – 4 высококовца и 3 из Рождественно и Никольского. Все они давным-давно реабилитированы»¹.

Как раз в эти дни развивалось зимнее контрнаступление советских войск, ставшее решающим аккордом масштабной битвы за Москву. В районе села Высокого выдвигалась на запад 57-я кавалерийская дивизия под командованием полковника И.И. Мурова, действовавшая в составе 10-й армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова. Как раз 7 декабря 1941 г. дивизия расположилась в районе Веркановки, Мамонова, Булычева (в последнем селе находился ее командный пункт). Линия сторожевого охранения прошла через Воронки, Рюмки, Моховое и Галино. Справа действовала 326-я стрелковая дивизия полковника В.С. Андреева, слева – 41-я кавалерийская дивизия комбрига П.М. Давыдова.

К 8 декабря 1941 г. командный пункт 57-й кавдивизии расположился в селе Катино, дивизия вела разведку в направлении сел Богослово и Петрушино. В соответствии с приказанием по разведке разведдонесения присылались к катинской церкви. 225-й кавалерийский полк стоял в селе Чурики, 212-й – в районе Семенского, 218-й – в Высоком².

Двигаясь походным маршем, 57-я кавдивизия прошла по маршрутам Высокое – Казинка – Берязняги – Мшанка – станция Кремлево – Хворощевка – Ново-Александровка и Семенское – Высокое – Чурики – Катино – Дмитриево и к исходу 13 декабря 1941 г. вышла на рубеж Горлово – Рудинка – Ново-Александрово. Справа от нее действовала 41-я кавдивизия, слева – 83-я кавдивизия полковника С.Н. Селюкова³.

Но ни суровые законы военного времени, ни показательные расстрелы преступников и паникеров не останавливали отдельных личностей перед противоправными действиями даже в тяжелый для страны час. В сентябре 1942 г. газета «Пронский колхозник» сообщила о том, что бывший председатель одного из колхозов Высоковского сельсовета Толмачев «вместо решительной борьбы с расхитителями общественной собственности сам возглавил расхищение зерна в колхозе. По обоюдному сговору со счетоводом Деминой и весовщицей Савоськиной Толмачев похитил из колхоза 1,5 тонны ржи. Толмачев, Демина и Савоськина были арестованы и преданы суду военного трибунала»⁴.

Однако героизма в военные годы было неизмеримо больше, чем неблагоприятных поступков. Примером боевой работы высококовцев на фронте может служить уроженец села гвардии младший сержант Дмитрий Антонович Бокарев (1905 –?), старший телефонист взвода связи 38-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады. Мобилизованный в 1941 г., он участвовал в обороне Сталинграда, а с 1944 г. воевал на 1-м Белорусском фронте. «Тов. Д.А. Бокарев в боях с немецкими захватчиками показал себя смелым, решительным воином Красной Армии. В боях при форсировании Одера в трудных условиях по ненадежному льду обеспечил бесперебойную связь с полком, в результате чего полком была выполнена поставленная задача. В боях при прорыве обороны немцев и вступлении в Берлин тов. Бокарев на своем направлении обеспечил бесперебойную связь с полком на всю глубину

¹ *Митрохин А.М.* Ради жизни на земле: Землякам-сельчанам, труженикам полей – ратных и мирных. – Рязань: Пресса, 2001. – С. 1 01–102.

² ЦАМО, ф. 3581, оп. 1, л. 7–12.

³ ЦАМО, ф. 3581, оп. 1, д. 1, л. 29–32.

⁴ Пронский колхозник, № 78. – 1942. – 24 сентября.

боя. В уличных боях за гор. Берлин тов. Бокарев также отличился по обеспечению бесперебойной связи командира бригады с командиром полка»¹. За участие в Берлинской наступательной операции гвардии младший сержант Д.А. Бокарев был представлен к медали «За отвагу», однако командование решило, что отважный связист достоин более высокой награды. В итоге он был удостоен ордена Красной Звезды.

В 1950 г. все три колхоза Высоковского сельсовета Пронского района Рязанской области – им. 1 Мая, им. Л.М. Кагановича и им. В.В. Куйбышева – слились в одно хозяйство, которое стало называться колхозом им. И.В. Сталина². Жизнь подсказывала руководителям хозяйств искать способы выполнения спущенных сверху планов в условиях, когда большое количество колхозников или не выходило на работу, или, числясь в колхозе, устраивалось на местные производства и в кооперацию. Как сообщал на страницах «Пронского колхозника» районный прокурор В. Никишин, бывший председатель колхоза им. В.В. Куйбышева Высоковского сельсовета Наумкин в нарушение п. 13 устава артели, в котором говорится, что все работы в ее хозяйстве осуществляются личным трудом ее членов, нанимал на сельхозработы единоличников, которым выдавал по 8 кг зерна за каждый убранный гектар пашни, в то время когда свои колхозники прогуливали»³.

Конечно, по мере сил и возможности, каждый руководитель старался сделать жизнь колхозников более комфортной, но результат такой деятельности во многом зависел от личных качеств председателя колхоза. Тогда начинания уже не превращались в пустую формальность, как это случилось в 1955 г. с выездной торговлей. Газета «Пронский колхозник» сообщала: «Продавец сельмага села Высокое М.С. Дворенкова приехала к животноводам для выездной торговли в сопровождении кучера И.В. Плугина и фельдшера А.Н. Колмыковой. Когда доярки подступили с радостными ожиданиями, выяснилось, что ассортимент товаров состоял из сахарного песка, черствого черного хлеба, туалетного мыла, <...> косметических принадлежностей: пудры, крема. «И это все?» – разочарованно спросили колхозники. – «Почему же нет сельдей, конфет и пряников?» – «На них нет расценок», – удовлетворила их Дворенкова, хотя эти продукты были завезены еще месяц назад. Продав 2 кг сахарного песка, приехавший продавец со своими спутниками поспешил в чащу леса, где и был отмечен по всем правилам выезд к животноводам»⁴.

С тех пор как председателем высококовского колхоза им. И.В. Сталина стал Ф.П. Чапчиков, хозяйство начало постепенно вставать на ноги. Активизировалась и школа, «учителя Масленников В.М., Лупанов Д.С., Быстрова М.С., Смагина М.С. во главе с директором Масленниковой Александрой Михайловной. Они работали агитаторами, читали и обсуждали книги с колхозниками, редактировали колхозные боевые листки и стенные газеты. Дали в селе, в своем районе и соседнем Горловском 21 концерт художественной самодеятельности»⁵. Колхоз купил местной семилетней школе «точильный станок, 6 тисков, 6 рубанков, 20 стамесок, 10 напильников, ящик с набором сверл»⁶. В рамках шефства школы над колхозом ей был выделен участок в 5 га для посева кукурузы⁷.

В 1955 г. колхоз им. И.В. Сталина Высоковского сельсовета успешно развивал все отрасли сельского хозяйства. Значительно увеличили урожайность. «Приобрели за год 2 ав-

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 3076, л. 29.

² Архив Скопинского района, ф. 387, л. 1.2.

³ Пронский колхозник, № 101. – 1952. – 15 декабря.

⁴ Пронский колхозник, № 91. – 1955. – 31 июля.

⁵ Пронский колхозник, № 137. – 1955. – 18 октября.

⁶ Пронский колхозник, № 92. – 1956. – 1 августа.

⁷ Пронский колхозник, № 86. – 1955. – 20 июля.

томшины и трактор ХТЗ-7, соломорезку, плуг и другой инвентарь. Передовые доярки от коровы надаивали по 3700 литров в год, а Пономарева и Россихина – по 4000 литров. Даже наметили меры по росту производительности. Кто надаивал по 4000 литров – премировали швейными машинками, по 3700 – шерстяным отрезом на платье. Дояркам, надаивавшим по 16 кг в день от коровы, выплачивать по 20 рублей, по 18–50 рублей, 20 литров – 50 рублей. Решили в 1956 г. получить доход 1,1 млн. рублей»¹.

В 1961 г. колхоз им. И.В. Сталина Высоковского сельсовета Пронского района на волне хрущевской «десталинизации» был переименован в колхоз «Родина». В 1962 г. в него был влит колхоз им. Я.М. Свердлова Ильинского сельсовета Пронского района. Укрупненное хозяйство сохранило название «Родина».

В 1963 г. Высоковский и Ильинский сельсоветы были переданы из Пронского района в Скопинский². По административному делению 1970 г. Высокое вместе с Ильинкой составляли Ильинский сельсовет³. Такая ситуация сохранялась до конца советской эпохи.

В 1980-х гг. жители Высокого, которых насчитывалось 312 человек, работали в отделении колхоза «Родина». В селе действовали животноводческая ферма и механическая мастерская. На территории Высокого работали начальная школа, медпункт, клуб, магазин. Председателем колхоза в эти годы был Вячеслав Андреевич Мартынов.

В 1992 г. высококовский колхоз был преобразован в АОЗТ «Родина». Реорганизованное в 1994 г., оно стало называться «Обособленное подразделение – сельскохозяйственное предприятие «Родина» – предприятие по транспортировке и поставке газа РАО «Газпром». В 1990-х гг. с помощью «Газпрома» в селе было построено 33 жилых дома, проведена дорога с асфальтовым покрытием⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Высокое вошло в состав Ильинского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в селе насчитывалось 193 жителя – 86 мужчин и 107 женщин. В селе действует ИП Глава КФХ «Сбытов Александр Анатольевич».

Хотя ферма, другие унаследованные от колхоза постройки в Высоком в начале XXI в. пустовали, но все поля вокруг села были всегда засеяны фермерскими хозяйствами. В 2010-х гг. началось восстановление Иерусалимской церкви, в советское время использовавшейся для колхозных нужд, а после заброшенной. В разоренном здании установили окна и восстановили венчания. Церковь стала действующей, при ней образовался приход. При селе был освящен родник пророка Божия Илии, к нему, как встарь, состоялся крестный ход.

---

¹ Пронский колхозник, № 22. – 1956. – 19 февраля.

² Архив Скопинского района, ф. 387, л. 1, 2.

³ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 9.

⁴ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 7. – Рязань, 2006. – С. 70.

ВЯЗОВЕНКА

село

(городское поселение Павелецкое)

Основание села Вязовенка предположительно относится ко 2-й пол. XVI в. Весьма велика вероятность того, что будущее село является одной из четырех безымянных деревень в скопинской вотчине бояр Романовых в Рязском уезде, упоминающихся в платежных книгах 1595–1597 гг. Появляющееся в более поздних источниках название села, очевидно, происходит от имени р. Вязовенки, на берегах которой оно стоит.

Первые подробные сведения о Вязовенке как о селе содержатся в подлиннике писцовой книги 137–139 (1629–1631) гг. письма Григория Киреевского: «За боярином ж за Иваном Никитичем Романовым в вотчинах село Вязовенка, а в селе церковь Рождества Пречисты Богородицы древена клетцки и в церкви Божие милосердие, образы и книги и ризы и колокола и всякое церковное строенье боярина Ивана Никитича и мирское, а на церковной земле дв[ор] поп Михайло, двор дьякон Иван, дв[ор] пономарь Филько Лаптев, дв[ор] просвирица Марфица, да за попом на церковной земле бобылей и старцов: дв[ор] Федка Иванов, дв[ор] Васька Сидоров, дв[ор] Тренька Устинов; пашни паханой и перелогу и дикого поля церковной земли двадцать чети в поле, а в дву потомуж, сена по конец поль сорок копен, да в том же селе за боярином Иваном Никитичем... крестьянских 42 двора»¹.

В переписной отказной книге 1640 г. писца Василия Фатьяновича Неретина за вдовой боярина Ивана Никитича Романова Ульяной Федоровной и её сыном стольником Никитой Ивановичем Романовым записано: «В селе церковь Рождества Пречисты Богородицы, древена клетцка, а церкви Божия милосердия образа и книги и ризы и колокола и всякое церковное строение боярское и мирское, а на церковной земле двор попа Михаила, у него сын поп Иван, двор пономаря Ивашко Иванова, двор просвирицы Оксиньицы Семеновой, да за попом на церковной земле бобылей старцов (всего 5 дворов. – *Примеч. авторов*). Пашни паханы и перелогом и дикого поля церковной земли 25 четь в поле, а дву потомуж, сена покосу 40 копен». Всего в селе 85 дворов и два двора «в пусте»².

По Рязским переписным книгам 154 (1646) г., «село Вязовенка, за пречистинским попом за Михайлом и за сыном его, попом Иваном, на церковной земле бобыли <...> 2» (всего 8 дворов), всего же в ней значилось 93 двора³. По переписной книге 1675 г., в селе уже было 112 дворов крестьянских и 2 бобыльских, а в них 448 душ⁴.

С кончиной боярина Н.И. Романова в 1654 г. Вязовенка вместе со всей принадлежавшей ему скопинской вотчиной перешла в собственность царя Алексея Михайловича, приходившегося преждему владельцу двоюродным племянником. Местные крестьяне из владельческих стали дворцовыми. Они обязаны были поставлять к царскому двору столовые запасы – свиней, баранов, сушеных кур. При царе Алексее Михайловиче в дополнение к этим поставкам была введена десятинная пашня.

¹ РГАДА, ф. 1209, д. 13329, лл. 641–641 об.

² РГАДА, ф. 1209, оп.2, ч. 1, д. 13918, лл. 468, 475 об.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 191; РГАДА, ф. 1209, д. 13901, л. 401.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 78–78 об.

В окладных книгах монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г., о церковном приходе в Вязовенке сказано: «Богородицерождественская церковь, двор попа Наума, двор попа Алексея, двор дьячков, двор просфирницын, 2 двора церковных бобылей. В приходе: 110 дворов крестьянских, 12 дворов бобыльских. Церковной пашни 12 четвертей в поле, а в дву потому ж, санных покосов 50 копен...»¹ «По окладу 1676 г. дани с означенной церкви вместо 2 рублей 3 алтын 2 денег положено 2 руб. 32 алтына.

Из досмотра старосты поповского в марте 1708 г. видно, что в начале XVIII ст[олетия] в приходе с[ела] Вязовенки произошла значительная убыль, в нем осталось только 48 дв[оров] крестьянских и 17 дв[оров] бобыльских; такое сокращение в досмотре объясняется тем, «что от того села Вязовенки учинился приход вновь – село Боршевое, и в нем построена церковь во имя Покрова Богородицы и данью обложена особо»².

В переписной книге 1710 г. говорится: «В селе Вязовенка церковь во имя Рожества Пресвятой Богородицы, у той церкви поп Макей Никифоров сын, у него попадья Ксения Алексеева <...>, поп Трофим Васильев сын, у него попадья Меланья Дементьева <...>, во дворе дьячок Карп Иванов сын Попов <...>, дьячок Севастьян Алексеев сын Салов <...>, пономарь Перфил Андреев <...>, солдатских четыре двора, в них мужеска пола одиннадцать человек, <...> женска пола двенадцать человек. Крестьянских семдесят один двор, мужеска пола 226 человек, в том числе женатых сто дватцать один человек<...>, против прошлого 186 (1678) года по нонешней переписи не явилось сорок восем дворов и тех дворов жители после переписных книг 186 года, из того села Вязовенки крестьяне вышли. Того ж села на свои крестьянские тяглые жеребьевые земли сорок дворов, что в переписной книге написано село Боршевое. Да из них же крестьян после переписи 186 года выдано в солдатскую службу, в переписной книге написано <...> пять дворов»³.

В 1732 г. крестьяне села Вязовенки, вместе со всеми окрестными, были переведены в ведомство дворцовой Конюшенной канцелярии. Их статус, таким образом, конкретизировался по характеру деятельности. В официальных документах местные крестьяне стали называться конюшенными или коннозаводскими. «В 1734 г. в Вязовенке числится 97 дв[оров], а в при- чте, благодаря увеличению числа прихожан, состоят 2 попа, дьякон и 2 причетника»⁴.

В росписном списке Скопинской канцелярии при приеме дел новым управителем упомянуто письмо из дворцовой Конюшенной канцелярии от 13 (24) октября 1757 г. «О взыска- нии с бывших Скопинской волости старост и с хлебоустроителей Школина и Кузнецова с товарищами недомолоченной ржи рода 756 года – 143 четвертей». Тут же сохранилась при- писка канцеляриста: «Но за неурожаем хлеба и за скудостью и по ноне не взыскано». Как видно старосты дворцовых сел, в том числе и Вязовенки, несли персональную ответствен- ность за «невывшийся» хлеб.

В книгах управителей в Скопине и волости велся учет количества «недомолотного, не- вывшегося и краденого из житниц» казенного хлеба, которое необходимо было взыска- вать с хлебоустроителей и крестьян. По ведомостям управителей за 1742–1756 гг. в селе Вязовенка за Яковом Гледюшкиным, Дмитрием Пономаревым, Савелием Захаровым, Ива-

¹ Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004. – С. 354.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 191.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч.3, д. 213, 447 об, 457 об, 458 об, 459.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 191.

ном Ходаковым, Осипом Степановым и Василием Степановым числилась «задолженность» в более 275 четвертей ржи и 85 четвертей овса¹. Всего же за период с 1740 по 1757 г. за коношенными крестьянами Скопинской волости числилось в «недомолоте» более 9170 четвертей ржи и 2122 четвертей овса². Количество недополученного зерна при обмолоте определялось опытным путем по его количеству из одной копны с различных по плодородности земель. Исходя из этого показателя, пересчитывали урожай на ту или иную площадь. Если с десятинной пашни получалось меньше расчетного количества зерна, то оно записывалось на сдатчиках, т.е. на конкретных крестьянах или сельских старостах, как «неявившееся». Хлебоустроителей на десятинной пашне тоже наказывали за «неявившееся» зерно, за ними за тот же период числилось почти 600 четвертей ржи. При этом учитывалось не только «недомолотное» зерно, но и потерянное при перевозке и хранении.

В 1758 г. на казенных гумнах Скопинской волости имелось 70 овинов и 126 житниц. В окрестностях села Ильинки было 6 житниц и 5 овинов, села Катина – 8 житниц и 3 овина, села Горлово – 6 житниц и 3 овина, села Хворощавки – 6 житниц и 3 овина, села Вязовенки – 6 житниц и 4 овина³.

В ведомости 1758 г. о наличии в городе Скопине и в селах Скопинской волости «молоченного и немолоченного десятинного хлеба, и у кого под хранением значилось» указано: «Села Вязовенки у Дениса Ходакова ржи молоченой – 2 четверти, немолоченой 171 копна, по опыту 184 четверти 6,65 четверика. Овса молоченого 5,5 четверти, немолоченого 193 копны, по опыту 64 четверти 5,25 четверика. Конопляного семени 1 четверть 2,5 четверика. У Ефима Квасова покупного овса 61,5 четверть»⁴.

В 1778 г. в ходе административных реформ Екатерины II в составе Рязанского наместничества был образован Скопинский уезд. В черновике экономических примечаний к планам Генерального межевания Скопинского уезда сохранилось подробное описание села по состоянию на конец 1770-х гг. В нем отмечено, что Вязовенка «лежит по обе стороны верха в коем два пруда, на берегу речки Вязовенки, та речка против одного села в летнее время глубиною бывает три вершка, шириною одна сажень. В селе 122 двора, 571 душа, церковь деревянная Рожества Пресвятой Богородицы». В более поздних примечаниях в документе отмечено, что по 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе было 84 двора, 286 крестьянских душ мужского пола и 269 – женского. Также указывалось, что село «лежит речки Вязовенки по левому, а безымянного отвершка – на правой сторонах, верха Ржавца, в коем два пруда, и трех безымянных отвершков»⁵. По чертежу (карте) Генерального межевания 1779 г. село начиналось у истоков ручья Ржавец, где в него впадало 8 небольших ручьев. Ржавец впадал в Келец (Ерзовку). Речка Вязовенка протекала примерно параллельно Ржавцу, но впадала в Келец ниже по его течению. Улицы селения располагались по обе стороны Ржавца, лишь один небольшой порядок находился на левом берегу Вязовенки. На Ржавце в пределах села было 2 пруда. Протяженность вытянутой вдоль Ржавца улицы по левой стороне составляла около 700 саженей (1494 м) и далее до речки Келец оставалось незастроенным пространство около 600 саженей (1280 м). Улица была образована порядком домов с огородами, обращенными к Ржавцу. Напротив них также располагалась полоса огородов, но без строений. На правой стороне располагалась такая же улица, обращенная к ручью огородами без строений.

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, л. 88 об.

² Там же, л. 91.

³ Там же, л. 76.

⁴ Там же, л. 81.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 3-3 об.; д. 1240, л. 17.

Через проезжую часть от них располагались крестьянские дома с огородами. Ниже по течению от улицы в 200 саженьях (427 м) стояло деревянное здание церкви. От церкви до впадения Ржавца в речку Келец на 600 саженьях (1280 м) простиралась пашня¹.

В 1797 г. в соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства были разделены на более мелкие административно-территориальные единицы.

«Вместо существовавшей в XVIII ст[олетии] Богородице-Рождественской церкви в 1797 г. поставлена была новая – в то же наименование»². Известны следующие священники вязовенского храма, которые служили в нем в XVII–XVIII вв.: Михаил (упоминается в 1629 и 1640 гг.), Иван Михайлов (упоминается в 1640 г.), Наум и Алексей (упоминаются в 1676 г.), Мокий Никифоров (с 1688 г., упоминается в 1710 г.), Василий Наумов (упоминается в 1692 г.), Никита Трофимов (рукоположен в 1710 г.), Константин Мокиев (упоминается в 1734–1746 гг.), Илларион Константинов (с 1746 г.), Иоанн Константинов (с 1748 г.), Петр Алексеев, Варфоломей (упоминается в 1782 г.). В XIX в. в обновленной вязовенской церкви служили священник Василий Иоаннов (с 1800 г.), Василий Алексеевич Дашковский (в 1800–1845 гг.), Василий Васильевич Славянский (с 1845 г.)³.

Планы села середины XIX в. показывают, что Богородице-Рождественская церковь находилась на главной улице в центре села. Церковная земля на чертежах указана на его северо-восточной окраине⁴. Однако И.В. Добролюбов по этому поводу замечает: «Церковной земли во владении причта должно состоять по плану и межевой книге, хранящихся в ризнице, усадебной 3 (3,7 га), пахотной 44 (48 га) и дуговой 3 (3,7 га) десятины, но вследствие того, что межевые знаки в 1853 г. показаны не согласно с планом и межевой книгой, причт ныне (1884 г.) владеет только 47 десятинами (51,2 га)»⁵.

Во 2-й пол. XIX в. духовная жизнь вязовенцев не ограничивалась официальным православием. Имеются данные о постоянном присутствии в селе секты «духовных христиан», более известных под именем духоборов. В своей статье о вязовенской церкви, написанной ок. 1884 г., И.В. Добролюбов отмечал: «Духоборцев в 1860 г. показано 7 м[ужчин] и 8 ж[енщин]; в 1850-х гг. в отчетах причта о духоборцах не упоминается еще, но в 1860 г. их значится уже 27 об[оего] пола»⁶. Этому сообщению вторят материалы обследования Рязанской губернии офицерами Генерального штаба в конце 1850-х гг.: «Но всего замечательнее секта духовных скопцов, существующая преимущественно в Скопинском уезде, в селах Хворощевке, Кремлеве, Вязовенке и Топилах, а также в Зарайском уезде в селе Карине⁷, откуда пришла она в Скопинский уезд. Последователей этой секты в народе называют хлыстами, духоборцами, масонами, но сами себя они называют духовными христианами. Некоторые обряды и песни духовных скопцов, как при поступлении в секту, так и при собраниях общего моления, и теперь не утратили еще свой первоначальной масонский характер, хотя, конечно, обряды и песни эти применены к крестьянским понятиям»⁸. Современники отмечали, что «секта

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, оп. 1, л. 4 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 191.

³ Там же. С. 192.

⁴ Карта А.И. Менде, 1850 г., 1 см – 420 м.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2.– С. 191.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Ныне в Зарайском районе Московской области.

⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. (сост Баранович М.С.). – СПб., 1860. – С. 358–359.

эта замечательна также и тем братским чувством, которое соединяет всех единомышленников по секте в тесное общество, никогда не уклоняющееся от одного направления. Духовные скопцы отличаются примерною нравственностью, грамотность между ними очень развита, от посещения церквей и исполнения православных обрядов они нисколько не уклоняются»¹. Свои общины скопцы называли «кораблями», «молитвенное собрание – радением». Во главе стояли «кормишки», которые обладали неограниченной властью над «голубями» (членами секты). Принадлежность к секте скопцов каралась по русскому уголовному законодательству ссылкой в Сибирь. В 1859 г. в Скопине, по официальным данным, значилось «раскольников разных сект» 112 человек обоего пола, в уезде – 66. Кроме того, раскольнических молелен (деревянных) в городе была одна, и в уезде две, а к 1868 г. отмечалось, что «теперь в Скопине живут одни лишь старообрядцы, числом более 70-ти. Они имеют свою молельню, где каждодневно служат часы, вечерне и заутрене. Причислены они к благословенной Рогожской церкви в Москве, но совершать таинства брака, крещения и причащения отправляются большею частью в Тулу»². С 1896 г. специальным изучением раскола и сектантства в Рязанской губернии стало заниматься Братство Св. Василия. По его данным, в Скопинском уезде насчитывалось 209 последователей раскола и различных сект, которые проживали в 10 селениях. К 1903 г. их уже стало 566 человек в 29 селениях. Из этого количества собственно раскольников (поповцев и беспоповцев) было 227 человек, сектантов тайных: скопцов – 229 человек, хлыстов – 106 человек. В это же время в Вязовенке было зафиксировано проживание 12 человек последователей секты хлыстов³. До середины 1850-х гг. по решению Скопинского уездного суда участники незаконных религиозных собраний в уезде находились под надзором полиции, позднее отношение к ним стало более либеральным. Присутствие духоборов в селах Скопинского уезда прослеживается вплоть до советских антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг., когда они полностью исчезли.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в селе Вязовенка Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 126 домохозяйств, в которых проживали 670 душ казенных крестьян мужского пола и 709 – женского⁴. После отмены крепостного права в 1861 г. село вошло в состав Павеледской волости.

«В 1861 г. местным диаконом открыта была в с[еле] Вязовенка школа на 60 чел[овек], помещавшаяся в его же доме»⁵. В 1866 г. Вязовенское церковно-приходское училище по-прежнему размещалось там же, в нем обучались 65 мальчиков. Необходимые средства на содержание школы и организацию учебного процесса предоставлялись Палатой государственных имуществ⁶.

В 1869 г. в Вязовенке было выстроено новое деревянное здание Богородице-Рождественской церкви с Никольским приделом. Ее приход состоял из одного села, в котором при 255 дворах числились 931 мужчина и 975 женщин⁷. Церковный приход оставался источни-

¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. (сост. Баранович М.С.). – СПб., 1860. – С. 358–359.

² *Алексеев И.А.* Историческое, статистическое и современное значение города Скопина. – Скопин : тип. А.И. Яцко., 1868. – С. 46.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1891 г.). – С. 206; Календарь Рязанской губернии на 1905 год. – Рязань, 1905. – С. 389–390.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁵ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 192.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 236–237.

⁷ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 192.

ком образовательной деятельности. В 1875 г. в Вязовенском мужском сельском училище обучались 24 мальчика. Законоучителем в нем состоял приходской священник В.В. Славянский (в 1879 г. его сменил священник Василий Васильевич Волков), прочие предметы преподавал дьякон Ефим Михайлович Виноградов. Училище содержал Е.М. Виноградов, от общества ему платили по 12 копеек с души, то есть 100 рублей в год. На пособия учителям от Скопинского уездного земства выделялось еще 25 рублей¹.

По переписи населения 1882 г., в Вязовенке насчитывалось 267 домохозяйств, население составляло 990 мужчин и 1011 женщин. Грамотными в селе были 90 мужчин, 6 женщин и 3 учащихся мальчика. Безземельных крестьян насчитывалось 6 дворов, безлошадных – 123, из них без лошади и коровы 73. При этом процент зажиточных домохозяев также был высок – в 51 хозяйстве насчитывалось 3 и более лошади. В селе было 3 кирпичных дома и 267 деревянных изб, «по-белому» топили в 41 из них. При жилых строениях было 246 плетневых дворов, один заборный, 194 горницы и клетки, 190 амбаров и сараев, 237 риг и овинов. В отхожих промыслах числились 273 мужчины. В селе действовали 5 промышленных предприятий, 2 лавки и кабак². В 1893 г. среди сельских промышленных предприятий отмечены ветряные мельницы крестьян Семена Тимофеева, Василия Ананьева, Андросима Кудрина, Сидора Филиппова, Афанасия Иванова³.

Большое внимание вязовенцы уделяли благоустройству Богородице-Рождественской церкви. В 1883 г. при ней построили деревянную колокольню. В 1896 г. епархиальные власти разрешили устроить новый придел «в существующей деревянной церкви и новый иконостас в оном приделе»⁴. На церковные нужды от состоятельных крестьян нередко поступали довольно крупные для того времени суммы. Например, в 1902 г. братья Иван и Петр Гребеньковы пожертвовали «на храм» 100 рублей. При церковном приходе продолжала функционировать школа. Известно, что в 1888–1899 гг. здание для нее бесплатно предоставлял церковный староста – местный крестьянин Иван Гребеньков⁵.

В 1905 г. в Вязовенке было 338 дворов, в которых проживали 1226 мужчин и 1204 женщины, церковь деревянная, церковно-приходская школа, ветряная мельница, казенная винная лавка⁶. Год был тяжелым для всего Скопинского уезда. Шла непопулярная война с Японией, на которую в составе полков 35-й пехотной дивизии были мобилизованы многие скопинцы. Немало семей потеряло кормильцев. Обстановка по всей России была беспокойной. После событий Кровавого воскресенья в Санкт-Петербурге то в одной, то в другой губернии вспыхивали волнения, объединенные впоследствии под общим названием Первой русской революции 1905–1907 гг. Власти прилагали все возможные усилия для того, чтобы успокоить взбудораженную страну. Циркуляром от 27 февраля (12 марта) 1905 г. министр внутренних дел Российской империи А.Г. Булыгин «предложил земским начальникам <...> обязательно объехать в течение марта все волости их участков в целях основательного личного ознакомления с современным состоянием и проявлением местной общественной жизни», о чем предписал сообщать ему установленным порядком. Об итогах ознакомления с ситуа-

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 430.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 26–31.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 24 об, 27.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 18 (15 сентября 1896 г.). – С. 329.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 1 (1 января 1900 г.). – С. 90.

⁶ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 638–639.

цией в волостях земский начальник 5-го участка Скопинского уезда 3 (16) апреля 1905 г. докладывал рязанскому губернатору С.Д. Ржевскому следующее: «Доношу вашему превосходительству, что случаев волнений среди населения моего участка был один – в с. Вязовенка, во время сбора податей, вследствие неправильного толкования высочайшего манифеста от 11 августа 1904 г., причем крестьяне не хотели исполнить распоряжение полиции разойтись по домам и уплачивать подати, за что виновные привлечены к ответственности и строго наказаны...»¹ Упомянутый в докладе высочайший манифест от 11 (24) августа 1904 г. был издан императором Николаем II по случаю рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича и в действительности предусматривал лишь прощение долгов по недоимкам. Крестьяне же, разумеется, истолковывали содержание документа в свою пользу.

Осенью 1905 г. в Рязанской губернии случился неурожай, за которым закономерно пришел голод. Голод и эпидемии случались в дореволюционной России регулярно. Не было исключением и Скопинский уезд. Например, в период с сентября 1909 по январь 1910 гг. в уезде свирепствовала скарлатина. По подсчетам земских статистиков, всего ей переболели 1776 человек. Наибольшего распространения болезнь достигла в селах Городецком (179 чел.), Ново-Александрове (198 чел.) и Вязовенке (106 чел.). В остальных селах уезда эпидемия коснулась не более 50 чел. в каждом, но при этом смертность доходила до 27 %. Медицинского персонала постоянно не хватало, все время требовалось его усиление. В течение 1910 г. на эпидемию скарлатины в Вязовенку приглашался ротный фельдшер (видимо, стоявшего в Скопине 140-го пехотного Зарайского полка), его охватывали и на случившуюся тогда же вспышку брюшного тифа в Катине и Казинке. В Казинке в 1910 г. из 163 заболевших оспой умерло 36 чел., в Ильинском из 76 заболевших умерло 8, Вязовенке из 23 заболевших – 4².

В 1910-х гг. мукомольная отрасль в Вязовенке переживала кризис. Несколько ветряных мельниц в селе в то время принадлежало крестьянам Андрею Васильевичу Мохову и Якову Мохову. В 1908 г. последний обращался к Скопинскому уездному земству с просьбой о снижении налогообложения его мукомольного предприятия, поскольку «с заведением мельницы на керосиновом двигателе в находящемся недалеко селе Жерновках³ дела пошли худо. К тому же 8 сентября 1908 г. в селе сгорело 26 домов, в пожаре <...> сгорели все принадлежащие постройки и хлеб»⁴, так что моховская мельница осталась без размола⁵. В 1913 г. другой вязовенский мельник – крестьянин Евдоким Андреевич Посадский просил также снизить оценку своей ветряной мельницы по причине ее малого помола⁶.

О других вязовенских «бизнесменах» начала XX в. можно узнать из следующего прошения к уездному земству, поданного вдовой крестьянкой В.Н. Зотовой. Заявительница сдала «помещение под торговое заведение крестьянину села Вязовенки Федору Васильеву Соло-

¹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). – Рязань: Кн. изд-во, 1960. – С. 43, 288.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 274–276.

³ Ныне в Милославском районе Рязанской области.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года. – Скопин, 1909. – С. 63–64, 214.

⁵ Причина этого пожара осталась невыясненной. Более четверти пожаров в Скопинском уезде возникало от поджогов, как например в 1882 г.: «В ночь с 29 на 30 марта, Скопинского уезда, в с. Вязовенке, сгорела рига отставного рядового Королева; убытка понесено на 100 р. При дознании выявлено, что пожар произошел от поджога, но виновных не обнаружено и подозрение ни на кого не заявлено». Рязанские губернские ведомости, № 29, – 1882. – 24 апреля.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 598–599.

вьеву, за которое уездным земским собранием положено платить промысловый налог, и со дня сдачи до настоящего времени накопилось такового 27 руб. Означенный налог взыскивать с меня, Веры Николаевны Зотовой, [считаю] неправильным, по моему мнению таковой должен взыскиваться с крестьянина Федора Васильева Соловьева, так как торговля производится им, а не мною. Уговора относительно платы промыслового налога между нами не было. На основании всего вышеизложенного я прошу уездное земское собрание взыскивать промысловый налог не с меня, а с Федора Васильева Соловьева. Если же по положению устава о промысловом налоге таковой постановлено нести тому, кто сдает помещение под торговлю, а не кто производит таковую, то платить таковой налог я не в состоянии ввиду того, что я вдова, и на моем полном иждивении находятся 3 человека малолетних детей, которых я прокармливаю своими трудами и сдачей помещения за 48 рублей в год. Из таковой суммы платить налог я не в состоянии ввиду моей бедности...»¹ По справке земской управы оказалось, что два торговых помещения просительницы были заняты чайной и торговой лавками, и по мнению управы, ввиду того, что «просительница не заявляет о неправильном обложении, а только просит уменьшить платеж вследствие бедности <...> не видит оснований к удовлетворению...»² Дальнейшим дознанием все же было установлено, что «недоимки взыскать невозможно», а потому они были представлены к сложению³.

К 1908 г. в Вязовенке на 2539 жителей насчитывалось 229 детей возрасте от 8 до 11 лет. При этом из них только 97 учились в церковно-приходской школе⁴.

В 1914 г. в селе было 372 двора, проживало 1358 мужчин и 1380 женщин. В приходе Богородице-Рождественской церкви значились одноклассные церковно-приходская и земская школы. В церковной библиотеке 156 книг⁵.

Отчет 1916 г. свидетельствует о том, что к этому времени в Вязовенке уже действовала двухкомплектная школа. В ней преподавали русский язык и чистописание, арифметику в простейшем изложении, закон Божий и церковнославянский язык, а также церковное пение⁶.

В 1917 г. в селе Вязовенка Павелецкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 418 дворов, проживали 2551 мужчина и 2548 женщин⁷. С установлением в уезде советской власти в селе был образован комитет бедноты, позднее появился и сельсовет.

Несмотря на официальную атеистическую пропаганду, околицерковные круги в Вязовенке еще долго пользовались авторитетом и уважением односельчан. Их представителей даже избирали в сельсовет. В 1925 г. местный активист с возмущением писал об этом нетипичном явлении в скопинскую уездную газету «Коллектив» в корреспонденции под заголовком «Благочестивый сельсовет»: «Есть такой у нас в уезде в селе Вязовенки Павелецкой волости. Возглавляет его предсельсовета, сын местного дьякона Л. Смирнов. И в то время, когда папаша его с амвона провозглашает: «Господу помолимся...», Л. Смирнов в качестве регента местного хора зычно подпевает: «Поддай, Господи...» Имея, очевидно, в виду содержание сво-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913. – С. 243–244.

² Там же.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин 1914. – С. 564–565.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 36–37.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 552–553.

⁶ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 168.

⁷ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 149.

их и родительских карманов. Неплохо выполняет обязанности псаломщика и местный избач, брат председельсовета Е. Смирнов. Обладатель баритона в церковном хоре председатель ККВ А.Д. Автономов, тот хоть со стыда за икону «святого Власия» прячется, а вот член сельсовета А. Юркин, так тот с «благославения сельсовета», ничтоже сумняшеся, для «украшения храма» занялся сбором яиц по верующим: «Хоть пару да подай...» Интересно знать, как пойдет наше советское строительство в Вязовенках с такими заправилками?»¹ Осенью 1925 г. тот же автор сигнализировал в газету, что «семенная ссуда в селе была распределена так, что ее сумели получить попы, торговцы и зажиточные элементы. Почему так случилось? А потому, что председатель дьяконов сын»².

В 1926 г. в Вязовенке было 400 дворов и 2242 жителя. В селе имелись 3 запруды, 3 вырытых пруда, 51 колодец. Основным занятием населения в это время было земледелие и «отход на торф»³.

В 1929 г. дореволюционное административное деление было упразднено. Волости, уезды и губернии ушли в прошлое. Вязовенский сельсовет вошел в состав Центрально-Промышленной области, вскоре переименованной в Московскую. В 1929 г. село стало одним из населенных пунктов Горловского района Московской области.

В 1930 г. в Вязовенке был организован колхоз «Красная заря»⁴. В годы коллективизации администрация Вязовенского сельсовета и колхоза и неоднократно подвергались критике на страницах районной газеты «Ленинская искра». Весной 1932 г. она сообщала, что члены сельсовета всячески уклонялись от работы во время болезни своего председателя. Председатель колхоза «Красная заря» Терешин самовольно снизил переданный из Райзо посевной план, заявляя, что «он невыполним»⁵. В 1932 г. жители Вязовенки Левшина и Брычева за скупку скота и вывоз мяса на рынок в Москву получили соответственно 2 и 1 год лишения свободы, а председатель сельсовета был снят с работы и попал под суд за взяточничество (видимо, имелась в виду незаконная выдача им справок о том, что перепродававшийся скот был выращен в личных хозяйствах попавшихся на спекуляции вязовенских крестьянок)⁶. Как говорят в народе – рыба гниет с головы. Видя, что в селе позволено многое, «письмоносец села Вязовенка тов. Щорин почти постоянно на работе был пьяным; так, 16 ноября, получив в пьяном виде в почтовом отделении письма и газеты, он потерял сумку»⁷.

В 1933 г. председателем вязовенского колхоза «Красная заря» был назначен уроженец села Горлово Яков Павлович Панов (1902–1938). Сведения о его деятельности на этом посту сохранились в протоколах заседаний ячейковой комиссии по чистке Горловской районной партийной организации, заседавшей в селе Кремлево 24–25 октября 1933 г. («чистками партии» в начале 1930-х гг. сопровождалась борьба с внутривнутрипартийной оппозицией).

При разборе личного дела председателя колхоза «Красная заря» ему была дана следующая характеристика: «Панов Яков Павлович, 1902 г. рождения, член ВКП (б) с 1931 г., партбилет № 2014426, социальное происхождение – крестьянин. Отец до 1914 г. служил на ж/д по найму, в 1914 г. ему было куплено 46 лошадей и еще 20 лошадей, а всего 65, и он на них работал как подрядчик. В 1917 г. конторой лошади были проданы, в собственности отца

¹ Коллектив, № 50. – 1925. – 13 мая.

² Коллектив, № 96. – 1925. – 1 октября.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 262, лл. 1–2.

⁵ Ленинская искра, № 35. – 1932. – 5 апреля.

⁶ Ленинская искра, № 113. – 1932. – 20 сентября; № 119. – 1932. – 2 октября.

⁷ Ленинская искра, № 128. – 1933. – 5 декабря.

было оставлено 8 лошадей, которых он продал, оставив для ведения хозяйства 2-х лошадей. Тов. Панов имеет образование среднее, в настоящее время работает пред[седателем] вязовенского колхоза с февраля 1933 г. В Красной армии служил 2,5 месяца, был освобожден по болезни, в белой армии не служил, в других партиях не состоял, во фракционной работе не участвовал, партвызисаний не имеет. В чистку 1929 г. был исключен по признакам кулацкого хозяйства отца, но МКК был восстановлен»¹.

В ходе прений работу своего председателя оценивали вязовенские колхозники, как коммунисты, так и беспартийные. Колхозница Зукова, б/п, заявила: «Перед приездом к нам тов. Панова наш колхоз был на краю развала; и тов. Панов своей хорошей работой поставил колхоз на ноги, работает он очень хорошо, день и ночь бывает в поле, везде смотрит, и все колхозники его работой очень довольны, и я считаю, что он может и должен остаться в рядах партии». Ее поддержал колхозник Музланов, б/п: «Я знаю Панова с 1929 г. Панов в момент работы по сплошной коллективизации показал себя как стойкий большевик, он ни с какими трудностями не считался и по заданию партии принимал меры к своим родственникам. В вязовенском колхозе он работает хорошо: вывел колхоз из прорыва, поставил дело так, что все колхозники им довольны, и быть коммунистом он вполне достоин». Колхозник Брычев, б/п, подтвердил: «Наш колхоз был в очень плохом состоянии в момент подготовки к весеннему севу, но благодаря Панову наш колхоз с весенним севом справился успешно, сумел содержать скот, несмотря на имеющиеся трудности с фуражом. Панов хороший хозяйственник, хороший коммунист, и он вполне достоин быть в рядах коммунистической партии». Член ВКП (б) Апестин заявил: «Я недавно работаю председателем Вязовенского сельсовета, и тов. Панов оказал мне большую помощь в практической работе. Панов как коммунист помимо работы в колхозе активно участвовал в работе с/совета, никогда от работы не отказывался. Тов. Панов должен и достоин остаться в рядах партии». Высказалась о председателе колхоза и школьная работница Вольнская: «Я знаю тов. Панова по Хворощевскому с/совету, когда он работал там как прикрепленный от района. Панов в это время пользовался авторитетом среди населения, и сейчас на работе в качестве пред. колхоза он среди колхозников пользуется авторитетом. Я считаю, что Панова нужно оставить в партии». Колхозник Колосов, б/п, подвел итоги дискуссии: «До момента прибытия к нам в колхоз тов. Панова прошлый председатель довел колхоз до развала, там люди пьянствовали, и когда приехал к нам тов. Панов, то он, благодаря правильному руководству, вывел колхоз из прорыва. Проявил решительную борьбу с пьянством, положение в колхозе в настоящее время очень неплохое. Тов. Панов пользуется большим доверием от колхозников, и я считаю, что он вполне может быть в рядах партии». По итогам рассмотрения личного дела комиссия постановила: «Панова Якова Павловича, члена ВКП (б) с 1931 г., крестьянина, считать проверенным»².

Однако на новом заседании комиссии по чистке Горловской районной парторганизации, собравшемся 16 ноября 1933 г. в Горлове, вопрос о членстве Я.П. Панова в ВКП (б) был поднят вновь. Если в Вязовенке и Кремлево его знали в основном по работе последних лет, то в Горлове выступали люди, знакомые с ним и с его семьей с дореволюционных времен. Беспартийный Шишкин свидетельствовал: «Знаю тов. Панова хорошо, так как работал у его отца по найму, тов. Панов в эксплуатации рабочих никакого участия не принимал, т.к. учился». Беспартийный Шкирин подтвердил: «В отношении Панова могу сказать, что я работал у его отца в хозяйстве, и Панов никакого участия не принимал; Панов чуткий товарищ и

¹ ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 59.

² Там же, лл. 59–60.

членом партии должен быть». Беспартийный Савостьянов отметил: «Отец Панова имел немалую силу рабочих, но он Панова не любил и всегда называл его «барсуком»». Член ВКП (б) Марков говорил: «Не касаясь социального положения, я знаю, как тов. Панов проводил генеральную линию партии, тов. Панов занимал ряд ответственных работ в районе и последним решением РК партии был послан по укреплению вязовенского колхоза; под его руководством колхоз первым сдал хлебокартофелепоставки, членом партии быть может». Однако решающим стало мнение члена ВКП (б) Трушкина: «Тов. Панов как коммунист достойный, но недостаток у Панова – крайне непролетарское отношение: взял жену из самого богатого дома, вторая жена также из богатого дома. В партии он состоять не может». Итогом заседания стало постановление комиссии: «Как выходца из классово-чуждой семьи (сын крупного подрядчика), за отсутствие классового чутья, связь с чуждым элементом, как не оправдавшего доверие партии в практической работе Панова из партии исключить»¹.

Классовый подход к подбору кадров являлся важным элементом политики советских властей. Нельзя сказать, что его повсеместно возводили в абсолют и не учитывали личные способности кандидатов, но перегибов все же было немало. Многое зависело от личных отношений между руководителями разного уровня. Происхождение из зажиточных слоев крестьянства по понятиям того времени, конечно, считалось недостатком для коммуниста, но все же исключение Я.П. Панова из партии, как представляется, стало следствием того, что председателю колхоза «Красная заря» не удалось найти общий язык с кем-то из районных руководителей.

В годы коллективизации в Вязовенке было раскулачено несколько местных состоятельных крестьян. Среди них оказался и бывший член сельсовета Андрей Дмитриевич Юркин (1896–?) и несколько его родственников. Все они были реабилитированы в 1989 г.²

По сведениям, собранным Рязанской комплексной географической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в селе Вязовенка Вязовенского сельсовета Горловского района в начале 1937 г. в колхозе «Красная заря» состояло 298 крестьянских дворов, т.е. село было коллективизировано на 95,2 %. Колхозная посевная площадь, включая усадьбы колхозников, составляла 1670,3 га, в том числе колхоза 1580,2 га, единоличников – 5,1 га. В колхозе была 91 лошадь, 17 голов крупного рогатого скота, 48 свиней, 24 овцы. В хозяйствах жителей села насчитывалось 230 голов крупного рогатого скота, 79 свиней, 318 овец, 15 коз. В хозяйствах единоличников содержались 3 головы крупного рогатого скота и 2 свиньи. Площадь садов жителей села превышала 5 га³.

В 1937 г. Вязовенка в составе Горловского района была передана новообразованной Рязанской области. Впоследствии она вновь была населенным пунктом Московской области в 1942–1946 гг., после чего уже навсегда возвратилась в Рязанскую область.

В 1939 г. в Вязовенке действовала неполная средняя школа, имелись изба-читальня, магазин, агентство почтовой связи, 2 мельницы и 2 просорушки⁴. Всего на 1 января 1939 г. в селе насчитывалось 333 двора. Из них 327 дворов (1658 чел.) находились в колхозе «Красная заря», вне его оставались 153 жителя села. Крупный рогатый скот содержался в 208 хозяйствах. Лиц трудоспособного возраста от 16 лет и старше в колхозе насчитывалось 917 человек. В течение 1938 г. в колхоз вступило 1 хозяйство, выбыло 2. В 1938 г. колхоз «Красная

¹ ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 131 об.

² Ленинское знамя, № 14. – 1991. – 31 января.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния на 1939 год.

заря» обрабатывал общую площадь в 1625 га. Под зерновыми было 1237 га, под картофелем – 100 га, под прочими овощами и бахчевыми – 11 га. Урожайность зерновых составила 6,1 ц с га, картофеля – 10 ц с га, других овощей и бахчевых – 20,3 ц с га. В среднем в 1938 г. каждым колхозником выработано 63 трудодня, на каждый трудодень после распределения 38 % денежных доходов колхоза к выдаче полагалось 1,4 кг зерновых и 55 копеек деньгами. На административно-хозяйственные нужды колхоза пошло всего 2,5 % денежных доходов колхоза¹. К 1939 г. в «Красной заре» было 23 головы крупного рогатого скота, в т.ч. 8 коров, 40 свиней (из них 11 свиноматок), 44 овцы, 121 лошадь (из них 80 рабочих)².

С началом Великой Отечественной войны многие вязовенцы были мобилизованы в действующую армию. Среди защитников Родины особо отличился уроженец села Андрей Никифорович Пирязев (1916–1983). Призванный в армию в 1941 г., к октябрю 1943 г. красноармеец А.Н. Пирязев был сапером 12-го отдельного саперного батальона 106-й дивизии 27-го стрелкового корпуса 65-й армии Центрального фронта. В ходе битвы за Днепр 16 октября 1943 г. он в составе передовой группы переправился через Днепр в районе поселка Лоев Гомельской области Белорусской ССР и принял активное участие в боях за захват, удержание и расширение плацдарма на западном берегу реки, лично уничтожил несколько вражеских солдат. Перевоза бойцов и командиров со снаряжением, он совершил пять рейсов через Днепр и продолжал выполнять свою боевую задачу, несмотря на тяжелое ранение в спину, пока не потерял сознание от потери крови. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство» А.Н. Пирязев был удостоен звания Героя Советского Союза. Он демобилизовался из армии в звании старшины в 1946 г., до конца своих дней жил и работал в Коломне.

В 1943 г. вязовенский колхоз «Красная заря» был разделен на два хозяйства. Первое из них сохранило прежнее название, второе стало колхозом «Ясная поляна». В 1950-х гг. они были вновь объединены.

Первые послевоенные годы для рязанских колхозников были не менее тяжелыми, чем военное время. Повсеместный недостаток лошадей и техники приходилось компенсировать ручным трудом и работой в ночное время. Предсельсовета П. Курбатов сообщал газете «Ленинская искра»: «13 августа 1947 г. в селе Вязовенка после напряженного дневного труда 16 человек из числа молодежи, отдохнув часок-другой, решили организовать скирдование овса ночью. Пока погода хорошая стоит надо заскирдовать хлеб. <...> В эту ночь бригада артели «Красная заря» заскирдовала 100 копен. Лучше других потрудились возчики снопов Александра Брычева, Татьяна Жукова; скирдовщики Мария Посадская, Мария Кулева, Александра Ходакова, Дмитрий Брычев³.

Кто-то ударно работал в поле, кто-то в это же время посягал на скудное крестьянское имущество. Наказание преступнику в этом случае могло быть по-военному суровым. Районная газета писала: «Разбирали в августе 1947 г. дело гражданина Дроздова в краже личного имущества у гражданки Терешинной и в хищении колосьев с колхозного поля колхоза «Ясная поляна». Вор был приговорен на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. к 7 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества»⁴.

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

² Там же.

³ Ленинская искра, №48. – 1947. – 16 августа.

⁴ Ленинская искра, №53. – 1947. – 28 августа.

Послевоенный быт крестьян налаживался медленно. Вплоть до конца 1950-х гг. кооперативные магазины Горловского района работали из рук вон плохо. Жители села сообщали в районную газету: «В селе Вязовенка имеется магазин. В нем длительное время отсутствуют товары первой необходимости. Если вам нужны спички, то их в вязовенском магазине не купите. Этого товара нет в продаже около двух месяцев. Соли нет, керосина нет. По милости местного сельпо население ходило за этими и другими товарами за 5 километров»¹.

В 1958 г. колхоз «Красная заря» Вязовенского сельсовета был присоединен к колхозу «Восход» Кремлевского сельсовета. Объединенное хозяйство обрабатывало 5450 га земли².

До 1959 г. Вязовенка оставалась населенным пунктом Горловского района Рязанской области. С его упразднением село перешло в Скопинский район. В 1964 г. Вязовенка и Кремлево образовывали единый Кремлевский сельсовет. В 1965 г. в Вязовенке работали школа-восьмилетка, клуб, медпункт, магазин. Жители села в основном работали в колхозе «Восход»³.

Прогрессирующая депопуляция стала одним из характерных признаков жизни Вязовенки в 1980–1990-х гг. В 1992 г. колхоз «Восход» был реорганизован в АОЗТ «Кремлево» с центральной усадьбой в селе Кремлево.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Вязовенка была включена в сельское поселение Павелецкое. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в селе в это время насчитывалось 64 постоянных жителя – 25 мужчин и 39 женщин. В начале XXI в. на месте разрушенной Богородице-Рождественской церкви в Вязовенке был установлен памятный крест.

---

¹ Ленинская искра, № 100. – 1956. – 13 декабря.

² Архив Скопинского района, ф. 262, лл. 1–2.

³ Архив Скопинского района, ф. 409, лл. 1–2.

ГАЛИНО деревня (сельское поселение Успенское)

Деревня Галино (Михайловское) известна с 1-й пол. XVII в. Исторически она связана с вотчиной рязанских бояр а затем русских дворян Вердеревских с центром в старинном скопинском селе Вердереево, а также с местными владениями князей Хилковых.

Название деревни, очевидно, связано с именами протекающих в этой местности рек Сухая и Мокрая Галина. По всей видимости, смысл этого гидронима – «река с лишенными кустарника и леса берегами». В Толковом словаре В.И. Даля значение глагола «прогалить» (голь, проголить) – «прочистить, открыть, дать куда проникнуть свету. Прогалить заросли. На небе прогалило, прояснило. Погалить дорогу, прочистить от леса, кустов, снега, чистое пространство, простор, пустое открытое место, среди чего-либо: большой проем, пролом, где голо, не закрыто». Также и значение слова «голь» – «состояние голого, голина, голизна; нагота, нагость, обнаженность. Самый предмет или вещь, все что голо; голое тело, голое место, без лесу, без травы, без снегу и пр. Голина – голь, голое место, голая земля»¹.

Первое упоминание о деревне Галино имеется в недатированной переписной книге дворов церковнослужителей, подьячих и помещиков г. Рязска, помещичьих и крестьянских дворов Рязжского уезда, по ряду признаков относимой к первой трети XVII в. В это время «деревня Галина, записанная «за стольником за Федором да за Василием Петровыми детьми Вердеревскими», представляла собой «крестьянской 1 двор, в нем четыре человека, а бобыльской 1 двор, людей в них 4 человека, итого 2 двора, а людей в них 8 человек, (за стольником, за князь Федором, да за князь Андреем князь Андреевыми детьми Хилкова в вотчине крестьянских дворов 11, людей в них 106 человек, бобыльских 15, людей в них 41 человек, итого 26 дворов, людей в них 147 человек)»².

По книге письма и меры Григория Киреевского 1629–1631 гг. деревня, как и центр вотчины – село Вердереево – значится «за Иваном да за Михайлом Петровыми детьми Вердеревскими». Именно в это время оно получило второе название – Михайловское, по имени своего владельца М.П. Вердеревского³. По окладной книге 1676 г., она как деревня Галинка показана в приходе Богородице-Рождественской церкви села Вердереево⁴.

По переписной книге 1710 г. в деревне было 12 крестьянских дворов, в которых проживали 49 душ крестьян мужского пола и 46 – женского. По переписной книге 1716 г. «в той деревне за стольником Иваном Михайловым сыном Вердеревским крестьянских семь дворов, людей мужского пола пятьнацать человек, женского пола семнацать»⁵.

С образованием в 1778 г. Скопинского уезда деревня Галино вошла в него вместе с прочими владениями Вердеревских. По экономическим примечаниям к планам Генерального

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 347–348.

² РГАДА, ф. 350, д. 350 а, л. 1 об.

³ О нем см. очерк «Вердереево» настоящего издания.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 180.

⁵ РГАДА, ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 291.

межевания Скопинского уезда, составившимся в 1779 г., «села Вердерево, Рождественно, Архангельское, Никольское, Чижово, селцо Моховое, деревни Рюмки, Ендовище тож, Дроково, Галино, Брынец, Демьншина» были «общего владения вдовствующей генеральши Елисаветы Петровны Ивенской, вдовы прапорщицы Катерины Ивановой дочери, гвардии поручика князь Сергея, гвардии сержанта князь Николая Алексеевых детей Хилковых; бригадира Ивана Иванова, поручика Петра Александрова, статского советника Алексея Алексеева детей Вердеревских; полковника Василия Ивановича Толстого; полковника князь Сергея Ивановича Одоевского; Василия Васильевича Маркова с вырезанною церковною землею». По данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в «деревне Галиной, Михайловщине тож» было 28 дворов и проживали 114 душ мужского пола и 102 – женского¹.

В окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г., «деревня Галина» записана как собственность следующего поколения помещиков Вердеревских и Хилковых. «Малолетних Александра и Данилы Вердеревских 34 души, причисленных 11 ноября 1827 г. за Александром Вердеревским, подкидыша Александра, по крестному отцу Данилова; майорши Прасковьи Петровны Вердеревской 13 душ; гвардии капитана и кавалера Петра Иванова сына Вердеревского 82 души; полковника князь Михайла Петрова сына Хилкова 15 душ»².

По окладной книге 1834 г. «деревня Галина» являлась собственностью «Вердеревских – Владимира и сестер его Анны, Марьи и Александры Петровых – 100 душ поселян и 15 дворовых, переведенных в 1840 г. в имение другой губернии; штабс-капитана Александра Александровича Вердеревского 35 душ поселян и 5 дворовых, в 1839 г. переведенных из другого имения; села Вердерева 9 поселян и 2 дворовых; прапорщиком Владимиром Петровичем Вердеревским причислено в 1840 г. 9 душ, в 1844 г. переведенных обратно в Сергиевское». С 1840 г. в деревне показаны 54 души крепостных крестьян штабс-капитанши Марии Петровны Засс³.

По плану межевания от 27 сентября (9 октября) 1850 г. «деревня Галина, Михайловщина тож» находилась во владении коллежского ассессора Александра Александровича Вердеревского, за которым было 49 душ мужского пола и свыше 224 десятин земли, а также за Марией Петровной и Николаем Ивановичем Засс. За ними состояло 35 душ и свыше 314 десятин земли⁴.

Как и в большинстве селений Скопинского уезда, крестьяне деревни Галино были издельными – «за выделенную им в пользование от помещика землю» они должны были работать на помещика три дня в неделю. Обязательными летними работами считались полевые по земледелию, зимой чаще всего крестьяне должны были заниматься молотью и возкой помещичьего хлеба для продажи. Кроме того, взимались с каждого тягла так называемые «столовые запасы»: определенное количество баранов, телят, кур, гусей, индеек, яиц, масла, овечьей шерсти, холста... Стоимость таких поставок обычно колебалась в диапазоне от 2 до 5 рублей. Наконец барщинное положение обязывало крестьян содержать караулы в помещичьих лесах, чистить сады, возить дрова. При этом наравне с казенными крестьянами они исполняли различные повинности, например, дорожную, постоянную и прочие»⁵.

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 47–48; д. 1240, лл. 24–26 об.

² ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 37 об – 38 об.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 29–32, 41 об – 42, 109 об – 110.

⁴ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 7.

⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. (сост. Баранович М.С.) – СПб., 1860. – С. 241–242.

По клировым ведомостям в 1854 г. жители Галино являлись прихожанами Крестовоздвиженской церкви села Моховое. В это время в деревне насчитывалось 19 дворов и 178 жителей¹.

На карте А.И. Менде 1850 г. деревня изображена в верхнем течении и на левом берегу речки Мокрой Галины, которая служила границей земельных наделов².

К концу 1850-х гг. помещики Вердеревские утратили права на свою родовую вотчину. По данным 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., деревня Галино принадлежала помещикам Зборжевской и Засс. В ней было 23 домохозяйства, 111 душ мужского пола и 110 женского³. По сведениям 1859 г., в «Галиной (Михайловщине), деревне владельческой при р. Галине», находившейся в 16 верстах от уездного города, насчитывалось 18 дворов, в которых проживали 91 мужчина и 102 женщины⁴.

С отменой крепостного права в 1861 г. деревня была отнесена к Моховской, затем к Сергиевской волости. Скопинского уезда Рязанской губернии. В списке уставных грамот, полагававшихся к составлению между помещиком и сельским обществом в ходе крестьянской реформы, значится поступивший в 1862 г. в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие документ: «Скопинск[ого] уезд[да], участка мир[ового] посредника Жилинского, дер[евня] Галина – Михайловщина тож, кол[лежского] совет[ника] Н.И. Граве и дочерей его А.Н. Граве и В.Н. Засс, 70 душ]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1421 саж[еней], повинность издельная. Грамота написана по обоюдному согласию»⁵.

По данным переписи населения 1882 г., в Галино имелось 59 домохозяйств, население составляло 181 мужчину и 169 женщин. Земля в окрестностях деревни была описана как «глубокий чернозем», средняя величина крестьянского надела составляла 3,6 десятины (3,9 га), однако его размеры у разных владельцев колебались от 2,4 до 4,6 десятины (от 2,6 до 5 га). В Галино был 21 безлошадный двор (из них 17 дворов не имели также и коров), по три и более лошадей держали в 11 дворах. 25 семей деревенских жителей арендовали внеадельные земли, общая площадь которых составляла 111 десятин (121 га). Все 54 избы деревни топились «по-черному», в отхожих промыслах находились 17 мужчин⁶.

В 1905 г.в «деревне Галино, Михайловщину тож» насчитывала 53 двора, в которых проживали 147 мужчин и 163 женщины⁷. В это время при деревне еще была цела помещичья усадьба, последнее напоминание о крепостных временах. К сожалению, не удалось установить, кем из бывших помещиков она была построена и какой семье принадлежала, т.к. известна она лишь по объявлению о продаже в местном «Листке объявлений», датированному 1906 г.: «Продается дом при деревне Галине, деревянный на каменном фундаменте, длиной 18 аршин, шириной 12 аршин, с коридором. При доме кухня 8 аршин и сени с чуланом. Также продается сеялка системы «Нормант», три плуга, две тележки – одна с верхом, два карет-

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVIIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорчье, 1998. – С. 582–583.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 26.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. – СПб., 1862. – С. 128.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 44, – 1862. – 3 ноября.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 26–31.

⁷ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 610–611.

ных сарая – один крытый соломой, другой дранью, один амбар 8 аршин, одна лошадь, жеребенок кровный 3-х лет и разная домашняя мебель»¹.

Во время аграрных волнений в Скопинском уезде в июне 1907 г. жители деревни Галино принимали участие в разгроме и поджоге усадьбы помещика И.А. Голощапова, бывшего Скопинского уездного предводителя дворянства, при селе Моховом. Секретное донесение Рязанского губернатора В.А. Левашова Министру внутренних дел П.А. Столышину от 22 июня (1 июля) 1907 г. сообщает о том, что «собравшиеся на пожар из соседних сел Мохового, Рюмок и деревни Галиной крестьяне растаскивали с пожара имущество»². Хотя П.А. Столыпин и наложил на документ резолюцию: «Нужны быстрые репрессии. Написать министру юстиции», никакого наказания жители Галино не понесли.

В 1914 г. в деревне Галино Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 62 двора, в которых проживали 162 мужчины и 155 женщин. Все жители деревни были прихожанами Крестовоздвиженской церкви села Моховое³. На 1917 г. в Галино значилось 109 дворов и 457 жителей (232 мужчины и 225 женщин)⁴.

В 1920-х гг. Галино было включено в Моховский сельсовет. В 1929 г., после отмены исторического административного деления на волости, уезды и губернии, она стала населенным пунктом Пронского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В деревне был создан колхоз «Светлый путь», однако точный год его образования неизвестен. В 1937 г. вместе с Пронским районом Галино было передано новообразованной Рязанской области.

Во время Великой Отечественной войны, в декабре 1941 г. Галино находилось в полосе наступления советской 10-й армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, освобождавшей район-центр Рязанской области город Михайлов.

В суровые дни борьбы с немецко-фашистскими захватчиками галинские колхозники старались помогать сражающейся Родине чем только могли. В одном из номеров районной газеты «Пронский колхозник» за декабрь 1942 г. сообщалось: «Председатель колхоза «Светлый путь» Моховского сельсовета Данилин из своих личных запасов сдал в Фонд обороны 100 кг зерна, колхозница Голяткина 60 кг, инвалид войны Митюхин Федор Васильевич 16 кг»⁵.

Из фронтовиков-галинцев стоит упомянуть Михаила Терентьевича Панюшкина (1915–?), кадрового офицера-танкиста, служившего в РККА с 1936 г. В 1941–1942 гг. он воевал на Центральном фронте, в 1943 г. – на Юго-Западном, с 1944 г. – на 2-м Белорусском. В конце войны лейтенант М.Т. Панюшкин командовал танком М4-А2 в составе 83-го танкового полка 67-й механизированной бригады 8-го механизированного корпуса. «В боях на территории Польши и Восточной Пруссии с 14 по 25 января 1945 г. тов. Панюшкин проявил себя отважным и смелым офицером. 14 января 1945 г. тов. Панюшкин повел свой танк за населенный пункт Карнево на территории Польши. Наткнувшись на танковую засаду противника, он смело ринулся своим танком вперед, преодолев минное поле, и огнем и гусеницами уничтожил до 15 фрицев, очистив путь для наших танков и пехоты»⁶. За личную храбрость и

¹ Листок объявлений [Скопинского уезда], №10. – 1906. – 4 марта.

² Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века: Сб. документов (июнь 1907 – июль 1914 гг.) – М.: Соцэкгиз, 1966 – С. 70.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 582–583.

⁴ ГАРО, Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

⁵ Пронский колхозник № 103. – 1942. – 24 декабря.

⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 6995, л. 95.

умелое маневрирование танком на поле боя лейтенант М.Т. Панюшкин был награжден орденом Красной Звезды.

В рамках укрупнения хозяйств в 1950 г. колхоз «Светлый путь» деревни Галино Моховского сельсовета был объединен с колхозами «Борьба» деревни Рюмки Мамоновского сельсовета, «7-й съезд Советов» деревни Гривцы Мамоновского сельсовета, «2-я пятилетка» деревни Деменьшино и «Ударник» села Моховое – оба Моховского сельсовета. Новый крупный колхоз стал называться «Светлый путь» Моховского сельсовета Пронского района Рязанской области¹.

В послевоенные годы колхоз «Светлый путь» не был на хорошем счету у районной администрации. В начале 1950-х гг. он отличался предельно низкими удоями молока. Газета «Пронский колхозник» сообщила: «Колхоз «Светлый путь» в 1954 г. получил за год от коровы по 793 кг молока, за 11 месяцев в 1955 г. уже по 1626. Передовая доярка Баканова получала по 12–13 кг от коровы»². Отмечалось, что «по старинке гоняли [скот] по пастбищу вместо стойлового содержания»³.

В декабре 1962 г. Моховский сельсовет был включен в Старожиловский район Рязанской области, однако уже в марте 1963 г. был передан Скопинскому району. В эти годы колхоз «Светлый путь» обрабатывал более 2993 га земли⁴.

В 1964 г. в составе Моховского сельсовета находились село Моховое, деревни Галино, Гривцы, Деменьшино, Рюмки. На территории сельсовета действовали клуб, медпункт, библиотека, магазин, ларек⁵. Административное деление 1970 г. сохранило Моховский сельсовет в прежнем составе. В таком виде он просуществовал до самого конца советской эпохи.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Галино была включена в состав Успенского сельского поселения. Хотя правильнее было бы сказать, что это был лишь призрак прежней деревни. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Галино осталось всего 5 постоянных жителей.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 388, л. 1.

² Пронский колхозник № 112. – 1955. – 18 сентября.

³ Там же.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 388, л. 1.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 391, л. 1.

ГОВОРОВО

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Говорово исторически связана с Рязким уездом Рязанской губернии. Ее основание относится к 1840-м гг. В XVIII в. земля, на которой впоследствии появилась деревня, принадлежала «князю Сергею Осипову сыну Щербатову»¹. Согласно экономическим примечаниям к планам Генерального межевания Рязского уезда, составленным в 1774 г., он был собственником 200 десятин (218 га) дровяного леса «на левой стороне реки Рановой»². Окладная книга 1850 г. свидетельствует о появлении в этой местности «вновь поселенного хутора», владельцем которого был подполковник Иван Алексеевич Говоров³. На хуторе проживали 35 поселян мужского пола и 11 дворовых⁴. Свое название он получил по имени основателя и первого помещика.

По предшествовавшей отмене крепостного права последней, 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., в деревне Говорово помещика Говорова Рязского уезда Рязанской губернии проживало 45 душ мужского пола и 29 – женского⁵.

Подробности освобождения говоровских владельческих крестьян от крепостной зависимости неизвестны. В 1861 г. деревня была приписана к Нагайской волости Рязского уезда.

Важным событием в истории Говорова стало строительство Рязко-Вяземской железной дороги. Начало ему было положено созданием Общества Скопинской железной дороги, учрежденного 26 июля (6 августа) 1869 г. Трасса участка Рязск – Скопин пролегла к северу от деревни. Движение на нем было открыто 8 (20) декабря 1870 г.⁶

До 1882 г. говоровское имение перешло к другому владельцу, а в конце года «Рязанские губернские ведомости» сообщили: «Мировой судья Рязанской губернии Рязского округа 4-го участка вызывает наследников к имуществу умершего 2-го числа октября 1882 г. коллежского советника Ивана Ивановича Азарова-Храпова, состоящему в земле разного наименования с домом и хозяйственными постройками, разным движимом имуществе, – крепостных, процентных и долговых документах Рязского уезда при деревне Говоровских хуторах, а также кредиторов и должников покойного и лиц, имеющих от него сохранные записки, с тем чтобы явились для предъявления своих прав по подсудности и уплаты своих прав»⁷.

По переписи населения 1887 г., в Говорове насчитывалось 22 домохозяйства, в которых проживали 72 мужчины и 63 женщины. Грамотными из них были только 2 мужчины. Средний размер надела говоровских крестьян был очень небольшим – всего 1,3 десятины (1,4 га)

¹ Щербатов Сергей Осипович (1707–1777) – князь, статский советник.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1228, л. 16 об.

³ Говоров Иван Алексеевич (1786 – ?) – подполковник в отставке, в 1829–1831 гг. по выборам от дворянства занимал должность председателя Рязского уездного суда, в 1845–1848 гг. – должность посредника в уездной администрации.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 192, лл. 71 об-72.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 122.

⁶ Рязко-Вяземская железная дорога. – СПб., Б.и., б/г – С. 2.

⁷ Рязанские губернские ведомости, № 85. – 1882. – 6 ноября.

на душу, поэтому 16 семей арендовали внеадельную землю, а две семьи были и вовсе безземельными. Четверть деревенских дворов не имела лошадей, другая четверть – коров, без лошади и коровы жили обитатели 3 дворов. Все 20 говоровских изб были крыты соломой, при них было 20 плетневых дворов, 7 горниц, 14 амбаров и сараев, 18 риг и овинов, а также 14 «колодок пчел»¹.

Среди жителей Рязского уезда, имевших право участвовать в избирательном съезде землевладельцев для избрания гласных уездного земского собрания, на 1 декабря 1882 г. по Говоровскому хутору значился данковский купец Иван Сергеевич Пешков владевший при селении 100 десятинами (109,3 га) земли².

После неурожая 1892 г. Рязское уездное земство выделило крестьянам Говорова хутора пособие на продовольствие и обсеменение. Однако это зерно не было гуманитарной помощью, оно давалось крестьянам в долг и его надо было возвращать со следующего урожая³.

В 1898 г., была введена в эксплуатацию и железнодорожная станция Говорова Сызрано-Вяземской железной дороги, ставшая важным узлом транспортных коммуникаций для всей округи.

В первые годы XX в. при деревне Говоровский хутор действовала ветряная мельница, принадлежавшая данковским купцам Николаю и Сергею Сергеевич Пешковым. Н.С. Пешков также был собственником водяной мельницы в селе Кучукове⁴.

Справочник 1906 г. издания описывает селение как «Говорова, новопоселенный хутор, дер. Говоровка тож» Нагайской волости Рязского уезда Рязанской губернии при р. Рановой и Сызрано-Вяземской железной дороге. В деревне было 25 дворов, население состояло из 91 мужчины и 99 женщин. Деревня находилась в 12 верстах от уездного города Рязка и в 6,5 версты от волостного правления в ныне исчезнувшем селе Нагайском⁵.

Некоторые говоровские крестьяне состояли членами Нагорновского кредитного товарищества, созданного в 1912 г. На 1 января 1914 г. в него также входили жители близлежащих сел Нагорное, Шелемишево, деревень Александровка, Рановка, Гореловка, Сельчевка и Ключерево – всего 436 членов, которым с начала функционирования общества было выдано ссуд на общую сумму 11 885 рублей⁶.

Жители деревни Говорова были прихожанами Знаменской церкви села Чирково Рязского уезда Рязанской губернии, находившейся от них в 6 верстах. В состав прихода, кроме села Чирково с 38 дворами и деревни Говорова с 33 дворами, входили также деревни Кучукова, Иванькова и хутор Ключарев.

В 1917 г. в деревне Говорова Нагайской волости Рязского уезда Рязанской губернии было 34 двора, в которых проживали 214 человек (105 мужчин и 109 женщин)⁷.

В годы Гражданской войны советским властям приходилось прибегать к чрезвычайным мерам обеспечения продовольствием воюющей армии и населения основных промышлен-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 122–129.

² Рязанские губернские ведомости, № 10, – 1883. – 2 февраля.

³ Журналы Рязского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года. – Рязск, 1893. – С. 222–223.

⁴ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXVIII очередного созыва с приложениями 29 и 30 сентября 1901 года и экстренного созыва 25 ноября 1901 года. – Рязск, 1902. – С. 50.

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 396–397.

⁶ Справочник по Рязанской губернии: Вып. 1 / Экон. отд-ние Ряз. губ. земской управы – Рязань, 1915. – С. 38–39.

⁷ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 89.

ных центров страны. Рязанский губернский продовольственный комитет ввел заградительные отряды, стоявшие на всех железнодорожных станциях Рязского уезда. В рамках борьбы со спекуляцией в соответствии с декретом Наркомпрода РСФСР от 5 августа 1918 г. запрещалось вывозить из сельской местности более 20 фунтов (9,1 кг) нормированных продуктов, в том числе печеного хлеба – более 10 фунтов (4,5 кг), масла – более 2 фунтов (0,9 кг), мяса – более 5 фунтов (2,27 кг) ¹. По селам и деревням уезда ездили продовольственные отряды, занимавшиеся реквизицией излишков продовольствия.

Интересные свидетельства о жизни деревни Говорово в начале 1920-х гг. время сохранились в публикациях газеты «Наш путь», органа Рязского уисполкома и укома РКП (б). Одна из заметок под интригующим заголовком «Любвеобильный продовольственник», подписанная псевдонимом «Зоркий», полностью погружает читателя в атмосферу деревенской жизни в то непростое время.

«22 января с.г. (имеется в виду 1920. – *Примеч. авторов*) в д. Говоровку Нагайск[ой] вол[ости] прибыл продовольственный отряд во главе с уполномоченным Медведевым. С момента приезда Медведев принялся за работу и разместил солдат; сам же расположился на квартире в доме Архипа Майорова, у которого живет сноха-солдатка с весьма задорным нравом и сомнительным поведением. Со снохой Майорова Медведев не преминул завести нечто похожее на флирт, а так как сноха, как и каждый смертный, к одним из гр[аждан] деревни благоволит, а к другим не особенно, то скоро такое же чувство (в благодарность за любовь) появилось и у Медведева. Результаты этой «благодарности за любовь» не замедлили сказаться на гражданах д. Говоровки. Любимцы снохи были напоены тов. Медведевым самогонкой, отобранной в с. Чиркове, и наделены на дом по бутылочке и по две. Остаток самогона был долит водой и отправлен в Рязк по принадлежности при протоколе, в котором уполномоченный отряда благоразумно умалчивает, что в Чиркове пьянство и варенье самогонки, а в Говоровке вводилось при представителе власти и его содействии. Нелюбимцы снохи, преимущественно беднота, страдали непосильными отборами хлеба и всевозможными угрозами. Ввиду очень плохого урожая хлеба и большого количества отбора на сходе крестьяне порешили ходатайствовать перед волпродкомом об отмене отбора остающихся[ся] 120 пудов. С этой просьбой командировали одного из граждан Григория Прудцева. Очередная подвода была Архипа Майорова, который пригласил Прудцева помочь ему запрячь лошадь. Сноха, узнав, зачем нужна подвода, заспорила, что подводу она не даст обществу, и что по их все равно не будет, а будет так, как хочет Медведев, и в сердцах крикнула: «Завтра же будешь арестован!» Действительно, ходатайства граждан ни к чему не повели, а ходока их Медведев пришел арестовать, но он был болен, другой раз одному Медведеву не подчинился, а в третий раз солдаты не нашли его. Что в конце концов сделают с ходоком, известно было одному Медведеву. Но только через неделю пришлось этому ходоку приветствовать тюрьму. Страшно после этого становится каждому, кто по нечаянности косо взглянет на сноху Майорова. Как ни говорите, а туда, куда один из нелюбимцев ее уже попал – не хочется никому даже заглянуть. Отряд уехал из Говоровки, но гражданин Медведев продолжает ездить ночевать и по сие время из других деревень на Говоровку, гоня крестьянских лошадей «по своему делу» и доедая последний кусок свинины у стариков, которые не могут унять свою «Марфу Посадницу». Вот как открыто действуют! Надеемся, что местная власть примет меры против подобных вопиющих фактов, явно подрывающих доверие к советской власти»².

¹ Жизнь железнодорожника, №№ 24–25. – 1918. – 15 августа.

² Наш путь, № 23. – 1920. – 23 февраля.

Следующая интересная бытовая зарисовка из жизни говоровцев – фельетон «Просветился» – относится к июню 1922 г. Похоже, речь в ней идет о той же крестьянской семье, что и в предыдущей.

«В деревушке Говоровке, Нагайской волости, при проведении собрания 12/V 23 г. было предложено сельсоветом прочистить трубы. Предложение всеми было принято к исполнению, за исключением одного А.И. Майорова. Указанному Майорову привели такой поучительный факт: когда его жена Марфа просила не один раз прочистить трубу, то он ей отвечал, что он, как человек «просвещенный» (возвратился из плена в Германии), мазаться в сапуге трубы отказывается.

Однажды Марфа, встав рано утром, затопила печь и, протопив таковую, посадила в нее хлеба, а сама пошла полоть в поле просо.

В 11 часов дня (в июне 1922 г.) загорелась изба А.И. Майорова, и пожар охватил еще 12 домов и 12 риг. Майоров после этого все же оправдался, сказав, что в этом виновата его жена, так как боров трубы тряпкой заткнула.

Вот оно куда вышло – “просвещение”-то!»¹

Атмосферу деревенских собраний, в первые годы советской власти проходивших в традиционном духе дореволюционных волостных и сельских сходов, передает еще одна публикация из «Советской деревни» за 1924 г., озаглавленная «Говоровцы не обучились еще деловито проводить собрания». Неизвестный селькор писал:

«У граждан дер. Говоровки на собраниях бывает полная неразбериха. Президиум собрания, не вырешив окончательно ни одного вопроса, переходит к другому. Постановления составляются самим секретарем, без подробного зачитывания их гражданам. Значит, что вздумается секретарю, то он и записывает. Предсельсовета, его секретарь и представитель ВИКа во время собрания не проронили ни одного слова, как будто «вмешиваться» – не их дело.

На одном из таких бесполовых собраний вопрос был о найме пастуха.

Лицо, желавшее взять на себя караул общественного стада, было приглашено в собрание для личных переговоров.

– Гриша, сколько возьмешь за пастьбу скотины?..

– Я еще от вас цены не слыхал.

– Возьми 50 пудов хлеба.

– Ну, за такую плату стерегите сами.

Пастух уходит. Говоровцы набросились на гражданина, предложившего такую ничтожную плату:

– Что ты?.. Чего на 50 пудов сделаешь?..

– Я пошуту-ил, – протянул «шутник»...

А тут поднялся говор в толпе: «Да чего больше-то? Хорош пастух – прошлый год ни одного ягненка не получили»...

И пошло: кто хвалит, кто бранит – не разберешь.

Вдруг секретарь кричит:

– Вот у меня есть еще вопрос. Кто знает, что у гражданина Глухова под мельницей площадь вычтена из надельной земли?

Все молчат. Секретарь спрашивает одного гражданина:

– Ты, Данилыч, знаешь это?..

– Да как те сказать-то: кажись, тогда говорили...

---

¹ Советская деревня, №14. – 1923. – 6 июня.

– Ну да. Значит, подтверждаешь.

И секретарь пишет в протокол.

Но председатель, имевший в виду взять у ККОВ эту мельницу в аренду на культпросвет, протокол подписывать не стал.

И секретарь (зять гражданина Глухова), как ни настаивал на подписи, не смог добиться надобных для себя результатов.

ВИК, займись говоровцами и научи их вести свои собрания!..»¹

В 1926 г. некие «Современцы» сигнализировали в уездную газету о некорректных, с их точки зрения, действиях отдельных членов Говоровского сельсовета: «д. Говоровка Рязской волости. Со сбором единого сельхоз налога у нас дело слабо: выполнено не более 10 %. Член сельсовета Белозеров недавно производил сбор хлеба по деревне, но только не в уплату «единого», а на содержание церковного сторожа с. Чирково, куда говоровцы зачислены прихожанами. Но так как сам Белозеров – бывший член РКСМ, то сбор делать он послал своего брата Ивана. Сбор произведен вполне удачно; если бы Белозеров такое же внимание оказывал и вопросу о ремонте школы или вопросам о порядках в деревне – куда бы каким деловым работником сочли его говоровцы! С выполнением «единого» пора пораскаться!»²

В годы массовой коллективизации в Говорове был создан колхоз им. М. Горького. Точное время его образования не известно, но в 1932 г. он уже функционировал. На начальном этапе существования говоровского колхоза ведущие позиции в нем заняли местные зажиточные крестьяне. Привыкшим к работе в индивидуальных хозяйствах селянам было трудно свыкнуться с мыслью о необходимости обобществления своего скота и сельхозинвентаря при вступлении в артель. Многие рассуждали таким образом: «Если бедняк вступает в колхоз без лошади и коровы, почему я должен отдать своих 2–3 лошадей и другой инвентарь?» Поэтому многие предпочитали перед вступлением в колхоз продавать или каким-либо другим выгодным для себя лично образом избавляться от имущества, подлежащего обобществлению. Такие действия не могли укрыться от внимания односельчан, сигнализировавших о таких фактах в местную прессу. Рязская газета «Колхозник» публиковала следующие корреспонденции из Говорова: «Председатель Ф.Н. Белозеров, сам бывший твердозаданец, вступая в колхоз, разбазарил свое имущество, лошадь и четырехконную косилку. Член колхоза Прудцев Дмитрий Афанасьевич, также бывший кулак, до революции имел 6 лошадей, 4 коровы, быка, 15 овец и в дер. Говорово имел купчую землю. Пролез в колхоз и его брат Павел Афанасьевич, в колхозе он стал членом ревизионной комиссии, без учета роздал 40 пудов ржи колхозникам, обнаружилась недостача. На собрании недостачу он предложил возместить за счет колхозников. Прудцев Михаил, сын кулака – счетовод, всю весну вручал колхозникам трудовые книжки»³. Все это не способствовало популяризации колхозного движения. Видя злоупотребления бывших «хозяев жизни» в колхозе, многие крестьяне говорили: «Мы пойдем в колхоз, когда оттуда выгонят кулаков»⁴. В результате в колхозе им. М. Горького к 1934 г. насчитывалось всего 17 крестьянских хозяйств.

Нездоровая ситуация в говоровском колхозе потребовала вмешательства администрации Рязского района Московской области. 21 августа 1934 г. вышло специальное постановление РИКа, в котором сообщалось: «Майоров, бригадир Белозеров, бывший трудозаданец Д.А. Прудцев, кладовщик Г.Б. Прудцев, протравившись к руководству колхоза, проводили явно

¹ Советская деревня, №12. – 1924. – 12 апреля.

² Советская деревня, № 8. – 1926. – 21 марта.

³ Колхозник, № 142. – 1933. – 30 октября.

⁴ Там же.

кулацкую политику, направленную на подрыв мощности колхоза, разбазаривали и разворывали колхозный урожай. Бригадир Белозеров расхищал социалистическую собственность. Продал сено и вырученные деньги истратил на свои личные нужды. Кладовщик Прудцев украл в колхозе 16 досок и 100 кг ржи. По вине руководства погрело до 200 центнеров сена. Произвели выдачу аванса колхозникам ржи, сена, соломы, яблук по едокам. Для общественного скота оставили самое худшее сено, а хорошее было распределено по колхозникам. В оплате труда полная уравниловка. Ударники-колхозники, выходя на работу раньше, оканчивали позднее. Им начисляли трудодни наравне с лодырями, тем самым разложили трудовую дисциплину. Во время сенокоса из 14 косцов выходили на работу только 9, в колхозе наблюдалась систематическая пьянка¹. В итоге все виновные в злоупотреблениях колхозные деятели были отданы под суд и понесли наказание по всей строгости советских законов.

В 1920-х гг. Говорово было населенным пунктом Гореловского сельсовета, располагавшегося на территории Рязского уезда Рязанской губернии. С отменой исторического административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. деревня стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области (с конца года – Московской). Вместе с Гореловским сельсоветом в 1935 г. Говорово было передано новообразованному Желтухинскому району, в составе которого в 1937 г. вошло в Рязанскую область.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война внесла свои коррективы в быт говоровских колхозников. Ушедших на фронт мужчин заменили в полях женщины, старики и подростки. В 1942 г. им приходилось заниматься и пахотой, и косьбой, и прочими работами под руководством председателя колхоза П.П. Кочеткова. Поля косили вручную, крюками. Косцы Е.Д. Прудцева, М.А. Панферова, М.И. Прудцев, А.И. Прудцев выкашивали по 0,7–0,8 га².

Осенью 1942 г. желтухинская районная газета «Колхозная правда» сообщала о трудах заменивших отцов пахарей-подростков и стариков: «Прудцев Коля, Прудцев Володя закончили пахоту. Престарелые колхозники Тихон Павлович Котоменков и Тимофей Васильевич Егоров работают от темна до темна. У каждого в трудовой книжке более 300 трудодней»³.

В 1944 г. уроженец Говорова рядовой-стрелок мотострелкового пулеметного батальона 79-й танковой Сивашской бригады Иван Михайлович Панферов (1921–?) отличился в ходе освобождения Крыма. «Тов. Панферов – участник прорыва обороны противника в районе Сиваш-Томашевка, Сапун-гора, бухта Камышовая и мыс Херсонес. За время этих боев тов. Панферов проявил стойкость, мужество и отвагу. 12 мая 1944 г. в боях за бухту Камышовая и мыс Херсонес тов. Панферов, ворвавшись первым в траншею противника, огнем из своего автомата уничтожил 17 фрицев и взял в плен 31 солдата и офицера противника»⁴. За этот подвиг рядовой И.М. Панферов был награжден орденом Красной Звезды. Свой второй орден Красной Звезды старшина И.М. Панферов получил летом того же года за участие в освобождении Советской Литвы.

В послевоенные годы в говоровском колхозе вновь не обошлось без злоупотреблений. В апреле 1950 г. вышло постановление Желтухинского райисполкома «О нарушениях устава сельхозартели в колхозе им. М. Горького», в котором сообщалось: «Проверкой было установлено, что председатель Кочетков допускал разбазаривание общественного животноводства и денежных средств колхоза. За три месяца было продано 59 поросят, 2 овцы и стельная тел-

¹ Побединский ударник, № 100. – 1934. – 21 августа.

² Колхозная правда, № 63. – 1942. – 24 августа.

³ Колхозная правда, № 71. – 1942. – 24 сентября.

⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 2215, л. 134.

ка. Средства не поступали ни на счет капиталовложений, ни в отделение банка, а расходовались через «черную кассу». Вместе с бывшим счетоводом Панферовым незаконно расходовал средства, оформляя фиктивными актами. И наконец, при наличии хорошей кормовой базы, вследствие варварского отношения к скоту, последний доведен до истощения, а некоторая часть пала. Решения принимались, как например, об отсрочке долга некоторых колхозников колхозу, в присутствии неположного числа колхозников. Учет трудодней в отдельных бригадах был совершенно запущен»¹.

В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован, и Говорово в составе Гореловского сельсовета было передано Скопинскому району Рязанской области. В 1958 г. все колхозы Гореловского сельсовета были объединены в одно хозяйство, получившее общее название колхоза им. М. Горького.

1 сентября 1961 г. в Скопинском районе был создан совхоз «Желтухинский». При его организации были объединены все окрестные колхозы – им. Ф.Э. Дзержинского (деревни Козловка), «Новый путь» (деревни Кондауровка), «Советская волна» (поселка Ленинский), им. М.М. Литвинова (деревни Желтухино), «13 лет Октября» (деревни Петровские хутора), «Дружба» (деревни Большая Косыревка), «Сознание» (деревни Малая Косыревка), «Красные всходы» (деревни Ивановково), «Красный богатырь» (деревни Гусиловка), «Авангард», ранее «КРАФТ» (Ново-Бараковского сельсовета), им. М. Горького (деревни Гореловка), «Россия» (с центральной усадьбой в селе Шелемишево), им. В. Володарского (деревни Уланово), «Красное знамя» и «15 лет РККА»² (оба села Городецкого)³.

По административному делению 1970 г. деревня Говорово входила в Желтухинский сельсовет.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Говорово стала населенным пунктом Шелемишевского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., постоянного населения в ней нет. Деревня фактически превратилась в дачный поселок жителей окрестных городов (прежде всего – Рязска). В поселке железнодорожной станции Говорово значатся 5 жителей.

---

¹ Колхозная правда, № 21. – 1950. – 27 апреля.

² Видимо неточность, т. к. в 1950 году все городецкие колхозы объединили в одно хозяйство под названием колхоз «Красное знамя». Колхозная правда, №32. – 1950. – 19 августа.

ГОРЕЛОВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Основание деревни Гореловка на землях Рязского уезда относится ко 2-й пол. XVIII в. Ее прошлое тесно связано с семейной историей нескольких хорошо известных русских аристократических фамилий.

Первое упоминание о будущей деревне имеется в экономических примечаниях к плану Генерального межевания Рязского уезда, датированных 1774 г. Земельное владение описано следующим образом: «Селение на правой стороне речки Песочни, Чернавки тож, на коей пруд, а дача по берегам реки Ранова, речек Ямна, Песочни тож, Песочни, Чернавки тож – на правой и по обе стороны оных рек и речек, земля черноглинистая, хлеб и покосы средственны лес дровяной». Строения хутора располагались на площади 3 десятины 1616 сажень (3,44 га), пашенные земли простирались на 589 десятины 1181 сажень (645 га), а всего с лугами, лесами и неудобьями площадь имения составляла 1260 десятины 494 сажени (1382 га)¹. В алфавитном списке к планам Генерального межевания Рязского уезда указан собственник владения: дача «проданной земли тайному советнику Петру Михайловичу Салтыкову, на которой поселен хутор». По данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., на хуторе проживали 6 душ «мужеска полу», удобной земли было 1152 десятины 1391 сажень (1259 га), неудобной – 107 десятины 1503 сажени (117,3 га)².

Упомянутый в документе «Петр Михайлов сын Салтыков» – в действительности Петр Васильевич Салтыков (1724 – после 1796), сын генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. Он имел придворное звание камергера и чин тайного советника, находился на службе при дворе в царствования Елизаветы Петровны и Петра III. Екатерина II лично знала его (он был братом ее первого фаворита), но оставила о нем довольно не лестное мнение в своих записках: «Старшего <...> брата звали Петром, это был дурак в полном смысле слова, у него была самая глупая физиономия, какую я только видела в моей жизни. Большие неподвижные глаза, вздернутый нос и всегда полуоткрытый рот; при этом он был сплетник первого сорта и, как таковой, был довольно хорошо принят у Чоголовых, которые, впрочем, считали его незначимым человеком»³.

Следующим владельцем хутора был сын П.В. Салтыкова действительный статский советник Василий Петрович Салтыков (1750–1807). В 1777 г. он вступил в брак с княжной Евдокией Михайловной Белосельской (1748–1824), фрейлиной великой княгини Натальи Алексеевны, первой супруги наследника престола великого князя Павла Петровича. После кончины мужа в 1807 г. Е.М. Салтыкова унаследовала все его имения, включая землю и хутор на речке «Песочне, Чернавке тож» в Рязском уезде Рязанской губернии.

Е.М. Салтыкова завещала свое рязское имение племяннику, князю Эсперу Александровичу Белосельскому-Белозерскому (1802–1846). Он был товарищем М.Ю. Лермонтова по служ-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1228, л. 16 об.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 408, ч. 1, л. 30 об.

³ Записки императрицы Екатерины Второй. – СПб., 1907. – С. 307.

бе в Лейб-гвардии Гусарском полку, участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в боевых действиях против горцев на Северном Кавказе в 1833–1843 гг., с 1835 г. был флигель-адъютантом императора Николая I. Генерал-майор князь Э.А. Белосельский-Белозерский умер от тифа, которым заразился в ходе ревизии лазаретов Николаевской железной дороги.

С 1831 г. князь Э.А. Белосельский-Белозерский был женат на одной из первых светских красавиц николаевской эпохи фрейлине Елене Павловне Бибиковой (1812–1888), падчерице графа А.Х. Бенкендорфа. В ее честь разросшийся до небольшой деревни безымянный хутор на р. Песочне получил название деревни Еленовской.

В 1850 г. Еленовская располагалась по обе стороны р. Песочни, ниже ее по течению находился хутор из двух дворов¹. По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в деревне проживали 310 душ – 155 мужчин и столько же женщин. В качестве собственников крепостных крестьян деревни Еленовки, как и соседней Нагорной и части Рановки (все Рязжского уезда Рязанской губернии), в ревизской сказке указаны «князь Константин², княгини Елизавета³ и Ольга⁴ Эсперовы Белосельские-Белозерские и вдова статская советница княгиня Елена Павловна Кочубей» (после кончины своего первого мужа, в 1847 г. вдовствовавшая княгиня Е.П. Белосельская-Белозерская вторым браком вышла замуж за статского советника князя В.В. Кочубея, но в 1850 г. овдовела снова).

25 июля (6 августа) 1855 г. княжна О.Э. Белосельская-Белозерская вышла замуж за корнета Лейб-гвардии Конного полка графа Павла Андреевича Шувалова (1830–1908). Деревня Еленовка в Рязжском уезде отошла к мужу княжны в качестве приданого. Среди местного населения сохранилось предание о том, что название деревни Еленовка было дано ей в честь дочери графа Шувалова. Действительно, в 1857 г. у супругов родилась дочь Елена⁵. Однако карты А.И. Менде свидетельствуют о том, что деревня на р. Песочне называлась Еленовкой задолго до ее рождения. Видимо, в народной памяти произошло смешение двух Елен – бабушки и внучки.

С образованием волостей в 1861 г. Еленовка была включена в Журавинскую волость Рязжского уезда. В 1868 г. в деревне, находившейся «при пруде и по правую сторону Скопинского тракта», было 35 дворов, а население составляло 160 мужчин и 165 женщин⁶.

В ходе реформы 1861 г., когда крестьяне освобождались от крепостной зависимости, их бывшие владельцы – помещики заключали с ними выкупные сделки на землю. До погашения выкупных платежей за предоставленную землю крестьяне считались временнообязанными своих бывших помещиков. Жители деревни Еленовка также перешли в категорию «графа Шувалова временнообязанных», но выход их из этого состояния затянулся. «Памятная книж-

¹ Карта А.И. Менде 1850г., 1 см – 420 м.

² Белосельский-Белозерский Константин Эсперович (1843–1920) – князь, генерал-лейтенант (1906), генерал-адъютант императора Николая II (1906), крупный землевладелец и заводчик. Умер в эмиграции во Франции.

³ Трубещкая (Белосельская-Белозерская) Елизавета Эсперовна (1834–1907) – княгиня, фрейлина великой княгини Марии Александровны, затем супруга князя П.Н. Трубещкого, хозяйка известного парижского салона.

⁴ Шувалова (Белосельская-Белозерская) Ольга Эсперовна (1838–1869) – графиня, супруга графа П.А. Шувалова, флигель-адъютанта императора Александра II и военного агента во Франции в 1859–1861 гг. Впоследствии П.А. Шувалов занимал должности посла в Берлине в 1885–1894 гг. и Варшавского генерал-губернатора в 1894–1896 гг.

⁵ Мейендорф (Шувалова) Елена Павловна (1857–1943) – баронесса, супруга генерала от кавалерии барона Ф.Е. Мейендорфа. Умерла в эмиграции в Вене.

⁶ Там же.

ка Рязанской губернии на 1868 год» свидетельствует, что к этому времени крестьяне деревни оставались все в том же статусе¹. Причиной стало позднее заключение с бывшим помещиком выкупной сделки. О ней «Рязанские губернские ведомости» сообщили лишь в декабре 1882 г.: «Графа Павла Павловича Шувалова с временнообязанными ему крестьянами села Нагорного и деревень: Рановой, Александровки и Еленовского посада Рязского уезда, по которой предоставляется крестьянам в числе 669 душ в выкуп земли из дач: дачи села Нагорного, дачи деревни Рановой, Александровки и из дачи деревни Еленовского посада 1839 дес. 1800 саж. (2005 га) удобной и 150 десят. 1352 саж. (164 га) неудобной. Выкупной ссуды за это имение испрашивается от Правительства 62 440 руб.»².

В 1864–1868 гг. в селе Нагорное Рязского уезда³ была построена Константино-Еленинская церковь. В 1873 г. в состав ее прихода, кроме самого села Нагорного и деревень Рановка с 74 дворами (в 2 верстах от него), Александровка с 40 дворами (в 4 верстах), Карандеевка с 5 дворами (в 5 верстах), вошли также жители деревни Еленовский посад (так в эти годы звучало ее название). В деревне в это время был 71 двор, расстояние до церкви составляло около 3 верст⁴.

В деревне Еленовский посад Журавинской волости по ревизии Рязанского губернского земства в 1875 г. было 155 мужских крестьянских душ, расстояние от деревни до волостного правления, становой квартиры и квартиры мирового судьи составляло 10 верст. Как указывалось в документах ревизии «сношение волостного правления с обществами удобно и производится на лошадях, содержащихся при волостном правлении»⁵. Кроме деревень Еленовский посад и Рановки, в Журавинскую волость входили село Журавинка, где были волостное правление и сельское училище, село Малая Журавинка, село Нагорное, где также крестьяне в 1875 г. устроили дом под училище, но само оно еще не открылось, село Столпово, а также деревни Александровка, Пышнина, Крапотинка и Крапотинские выселки. Для водоснабжения в селе Журавинка был пруд, в Рановке речка, в Еленовском посаде три пруда, а в прочих селениях колодцы⁶. Все селения волости, кроме Нагорного, вместо засыпки зерна на случай неурожая перешли на денежный сбор. Все сельские общества по дорожной повинности для исправления больших дорог не высылались, исправляли, существовавшие в волости 8 мостиков на проселочных дорогах для чего собирали ежегодно до 200 рублей. Постоянная повинность также не исправлялась. Для развозов волостного начальства и корреспонденции при волостном правлении содержалась пара лошадей, содержание которой обходилось в 199 рублей в год. Также все сельские общества, в том числе и еленовское, «обязались приобрести каждое по 3 бочки, по 8 багров, по 3 лестницы и под них по 4 дрог, кроме того иметь ведра и топоры, иметь не менее 3 человек караульных ночных, а в праздничные дни и денных»⁷.

По переписи населения 1887 г., в деревне «Еленовский посад Нагайской волости графа Шувалова» насчитывалось 85 домохозяйств, население составляло 523 человека. Из них грамотными были лишь 134 мужчин. За бывшими крепостными крестьянами графа Шувалова числилось 426 десятин (596,4 га) наделной земли. В двух самых богатых крестьянских хозяйствах содержали по 3 лошади, еще в пяти – по две. При этом безлошадными были кре-

¹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 542–543.

² Рязанские губернские ведомости, № 92, – 1882. – 1 декабря.

³ Ныне в Рязском районе Рязанской области.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 293.

⁵ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 576.

⁶ Там же, С. 576–577.

⁷ Там же. С. 579.

стьяне из 21 двора, без коров обходились жители 30 дворов, а без коровы и лошади – 16 дворов. В деревне было 2 кирпичных дома и 80 деревянных изб. Все крестьянские жилища были крыты соломой, из них только 7 (наиболее зажиточные) топились «по-белому». При избах было 66 риг и овинов. Отхожими промыслами занимались 3 деревенских жителей. Также в деревне отмечены 2 промышленных заведения, 30 плодовых деревьев и 30 колод пчел¹.

Несмотря на усилия земства, оказание медицинской помощи жителям села оставляло желать много лучшего еще долгие десятилетия. Введение системы врачебных участков обозначило хотя и скромный, но существенный прогресс на этом направлении. Селениям Нагайской волости Рязского уезда относительно повезло благодаря близости уездного города. До 1890 г. они были приписаны к врачебному участку города Рязька, в 1891 г. их отнесли к врачебному участку в селе Пехлец².

В связи с неурожаем 1892 г. крестьянам деревень Нагайской волости, в т.ч. и жителям Еленовского посада, от земства были выделены пособия на продовольствие зерном ржи, пшеницы и кукурузы в размере 1660 пудов (26,6 т), а также около 306 пудов овса и других культур «на обсеменение». Среди всех селений Нагайской волости только у сельских обществ Еленовского посада и Рановки имелись незначительные денежные капиталы на случай неурожая. На эти средства можно было закупить не более 100 пудов (1,64 т) зерна, но и они были хорошим подспорьем при повсеместных пустых запасных магазинах (складах)³.

В справочнике «Населенные места Рязанской губернии» 1906 г. издания деревня упоминается как «Посад Еленский, Гореловские хутора тож» – деревня Нагайской волости Рязского уезда Рязанской губернии близ Сызрано-Вяземской железной дороги. В ней было 79 дворов, в которых проживали 294 мужчины и 304 женщины. Селение располагалось в 8 верстах от железнодорожной станции Желтухино и в 7,5 от волостного правления в селе Нагайском⁴. По данным за 1904 г., в деревне Еленовский посад Рязского действовало одно «промышленное заведение» – кузница крестьянина Петра Семеновича Фадеева⁵.

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. уроженцы Еленовского посада (Гореловки) сражались в рядах Русской императорской армии. В 1916 г. житель деревни Егор Павлович Котоменков (1896–?) 20-летним новобранцем принимал участие в Брусиловском прорыве. Ему довелось пройти две мировые войны – в 1942 г. Е.П. Котоменков был мобилизован в РККА, служил санитаром 164-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. В представлении к медали «За отвагу», которой ветеран двух войн был награжден в 1944 г., командир батальона майор Кирюшин писал о его боевой работе: «В период прорыва вражеской обороны юго-западнее [гор.] Шауляй, не взирая на сильный артиллерийский противника, проявил мужество и самоотверженность, быстро прибывал с повозкой на поле боя, немедленно оказывал помощь раненым и незамедлительно отвозил их в санчасть. Всего тов. Котоменков вывез с поля боя 19 человек»⁶.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 114–121.

² Журналы Рязского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года. – Рязск, 1893. – С. 160.

³ Журналы Рязского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года. – Рязск, 1893. – С. 222–223.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 396–397.

⁵ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXIX очередного и экстренных созывов 2 марта и 8 мая 1904 года. – Рязск 1904. – С. 35, 42.

⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 7578, л. 179.

В 1917 г. в Еленовском посаде Нагайской волости Рязжского уезда насчитывался 121 крестьянский двор и 696 жителей (345 мужчин и 349 женщин)¹. После установления советской власти в Рязжском уезде в начале 1918 г. в деревне был создан сельсовет.

Основной проблемой гореловцев, как и многих других рязжских крестьян в рассматриваемое время, было малоземелье. Конфискация и распределение между крестьянами помещичьих и церковных земель слегка сгладило ее остроту, но не решило полностью. О ситуации с пашенной и луговой землей в 1925 г. по просьбе жителей писал в газету «Советская деревня» уроженец деревни Горелово, военкор крейсера «Коминтерн» Черноморского флота: «Несколько десятин бывшей помещичьей [земли], в 15 верстах, хотя и удалось в первый год засеять, но ее сжали жители ближних селений, а в дальнейшем стали ее возделывать сами. А с луговой вышло чуднее: гореловские луга выходили к реке Рановой. В революцию часть лугов отошло к Фофановской волости, и теперь нет для гореловцев и хорошей воды для скота, скот пользуются прудовой и от этого он часто болеет»².

В это же время гореловцы решали вопрос об открытии в деревне школы. Для ее размещения не было подходящего здания. В 1924 г. сельсовет подыскал под школу дом, а вернее сарай, но местный волостной комитет заплатил 250 рублей в 1924 г. и столько же в следующем не согласился. Пока с новой школой не получалось, «в этот же год постановили на собрании отвести братское кладбище около старой школы, где хоронили бы без попов и оплаты. При этом старик лет 70 просил общество, что «если я умру, то меня похороните с духовым оркестром»³. Об этом в короткой заметке «Новый быт», опубликованной в газете «Советская деревня», сообщал из Подвисловской волости селькор «Щ». Как видно из корреспонденции под названием «Бездействуем, товарищи» в рязжской районной газете «Колхозник», с организацией школы ничего не получилось и в 1930 г., а «новый быт» автора этого очерка, писавший под псевдонимом «Справедливый», характеризовался так: «Судя по работе Гореловского сельсовета, трудно рассчитывать на успешное выполнение проводимых кампаний. Предсельсовета около двух месяцев «старается» провести пленум сельсовета, и все безрезультатно. Пользуясь тем, что люди не собираются, он с оправданной совестью опустил руки и ничего не делает. К распределению займа «Пятилетка в четыре года» еще не приступали и даже еще не выданы закрепительные талоны по «Третьему займу индустриализации». Не лучше обстоит дело и по другим видам работы. Ревизионной комиссией была обнаружена неразбериха в финансовой части сельсовета. Например, деньги в сумме 10 руб. 20 коп., полученные за общественные мешки, на которые должна быть куплена облигация «Третьего займа», до сих пор находятся на руках предсельсовета. Кроме того, собранные средства в сельхозналог, страх суммы и средства на школьное строительство в количестве 250 руб. около полгода остаются не сданными. Канцелярия сельсовета по несколько дней на замке. Председатель, часто разъезжая по личным делам, не оставляет заместителя. Со стороны райисполкома необходимы срочные меры, чтобы оживить работу сельсовета»⁴. Ему вторили и другие критические публикации: «В среднем 50 % плана заготовки по всем культурам исполнено по району Гореловского сельсовета. Верхушка деревни в заготовках не участвует. Применяется метод уравнительности. Бедняк и середняк сдают одинаковое количество хлеба по едокам, а зажиточный и кулак стоят в стороне и расхваливают работу сельсовета, взявшего их под свою защиту»⁵. Не

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 89.

² Советская деревня, № 28. – 1925. – 5 сентября.

³ Советская деревня, № 44. – 1924. – 13 декабря.

⁴ Колхозник, № 20. – 1930. – 19 августа.

⁵ Колхозник, № 27. – 1930. – 14 октября.

ладилось и со школой. К началу 1930/1931 учебного года «в Гореловке под школу сняли избу. Заключили на нее договор. Но из Москвы приехал хозяин этой избы и занял ее»¹.

В начале 1930-х гг. (точная дата неизвестна) в Гореловке был образован колхоз «Красный борец». Стимулируя приток крестьян в колхозы, власти проводили дискриминационную политику в отношении единоличников, для хозяйств которых ввели «твердые задания» по поставкам сельхозпродукции государству. Крупные хозяйства не могли с ними справиться при запрете на использование наемной рабочей силы (ведь именно на низкой себестоимости наемного батрацкого труда держались кулацкие хозяйства в дореволюционной России). В Рязском районе Московской области (в 1929 г – Центрально-Промышленной), как и повсеместно, единоличники нередко отказывались выполнять «твердые задания», отговариваясь самыми разнообразными причинами. Здесь было важно не «перегнуть палку» – тех, кто активно сопротивлялся властям, раскулачивали, а принадлежавшие им строения, скот и другое имущество передавали колхозам. Ситуацию этого времени в Гореловке наглядно характеризует заметка «Не сдавали, чтоб осталось для спекуляции», появившаяся в 1931 г. в рязской районной газете «Колхозник»: «Твердозаданцы Панферов и Гаранина Прасковья выполнили только часть твердого задания, несмотря на наложенный сельсоветом штраф и ссылки на плохую погоду. Середняки Гаранин Иван, Горелов Филипп частично не выполнили договор контрактации. Гаранин бобовые не сдавал, из 6,5 пудов проса выполнил 2 пуда, из 120 пудов картофеля выполнил 24 пуда. При этом продал продукты на рынке. Горелов по ржи выполнил наполовину, вместо 185 пудов картофеля сдал только 13 пудов. По овсу, просу и бобовым не сдал ничего. Горелов, по его словам, мог выполнить, но бережет для сына, работающего уже 5 лет в Москве. Зажиточные: Панферов получил по суду год исправительных работ и штраф 500 рублей, Гаранина оштрафована на 300 рублей, середняки – каждому по 2 месяца исправительных работ с конфискацией по овце и изъятию контрактационной продукции»².

В колхозе «Красный борец» поначалу тоже не все шло гладко. Районная пресса сообщала, что председатель колхоза «Красный борец» Г.В. Горелов до конца марта 1933 г. не производил расчета с колхозниками за предыдущий отчетно-хозяйственный год. Была проведена ревизия колхоза, вскрывшая совершавшиеся его правлением злоупотребления. «В ходе ревизии, – сообщала Рязская газета «Колхозник», – выявлено незаприходованные 142 пуда ржи, скрытой от распределения. <...> Скрыта растрата в сумме 273 рубля...»³ В 1934 г. гореловские колхозники жаловались: «Во второй бригаде колхоза на току под дождем лежат большие вороха ржи, овса, гороха. Весь этот хлеб сырой и начинает гнить. Бригадир Горелов мер не принимает, ему некогда, Горелов пьянствует. Председатель колхоза Горелов Г.В. по родственному чувству прикрывает безобразия бригадира»⁴.

В 1935 г. в Московской области был образован Желтухинский район, куда вошел и Гореловский сельсовет. В 1937 г. вместе с районом он был передан в состав новообразованной Рязанской области.

В 1941 г. в Гореловке было около 750 жителей. С началом Великой Отечественной войны почти четверть из них отправились на фронт. С войны в родную деревню не вернулись 114 гореловцев.

В конце ноября 1941 г. на советско-германском фронте сложилась непростая обстановка. Гитлеровские войска прорывали фронт севернее Тулы, обошли город и устремились в на-

¹ Колхозник, № 28. – 1930. – 19 октября.

² Колхозник, № 61, – 1931. – 25 ноября.

³ Колхозник, № 36. – 1933. – 29 марта.

⁴ Колхозник, № 100. – 1934. – 26 августа.

правлениях Венев–Михайлов–Кашира, Михайлов–Захарово–Рязань, станция Павелец–Скопин–Рязск. Передовые части врага к утру 24 ноября 1941 г. вышли на подступы к Скопину и вскоре заняли город.

По приказу командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова от 25 ноября 1941 г. началось создание полос сплошных заграждений, которые должны были остановить продвижение врага. Одним из важных рубежей стала линия Аманово–Говорово–Салтыки¹. С целью скорейшего занятия обороны на обозначенных рубежах из тыла выдвигались соединения сформировавшихся 10-й армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова и 61-й армии генерал-лейтенанта М.М. Попова. Горелово оказалось в полосе действий входившей в 61-ю армию 346-й стрелковой дивизии полковника И.Е. Давидовского.

В боевом приказе № 1 от 25 ноября 1941 г. командир 346-й стрелковой дивизии И.Е. Давидовский определил представителем к военному коменданту станции выгрузки Рязск начальника 1-го отдела штаба дивизии капитана Дьячкова². Дивизия приступила к выгрузке уже 29 ноября 1941 г. 3-й батальон 1164-го стрелкового полка после разгрузки направился к Скопину. «В 4.00. 8.12.41 г. 2 с[трелковый] б[атальон] 1168 с[трелкового] п[олка] 346 с[трелковой] д[ивизии] разгрузился на ст. Рязск. Командный пункт полка расположился в Нагорном, 3 с[трелковый] б[атальон] следовал в 16-м эшелоне. К 21.00 7 декабря ранее выгрузившаяся 1 рота, действуя в передовом отряде, овладела разъездом Топилы. 1168 с[трелковый] п[олк] после разгрузки немедленно занял оборону:

– 1 и 2 ротой 1 батальона – Гореловка; 3 ротой – Говорово;

– 2 батальон позиции района обороны: Рановка, Нагорное. 6 рота- Рановка; 4 рота – 500 метров западнее Нагорное; 5 рота сев.-вост. окраина Нагорное.

– 3 с[трелковый] б[атальон] прибыл в 1.00 9 декабря и сосредоточился в Нагорное, имея задачу после отдыха приступить к оборонительным работам на рубеже Журавлиха, Шелемишево³.

В районе Гореловка–Рановка–колхоз им. Мичурина расположились огневые позиции дивизионной артиллерии. В боевом приказе № 2 от 4 декабря 1941 г. комдив поставил ей в задачу не только поддерживать части дивизии огнем, но и препятствовать передвижениям противника по дорогам. Полковник Е.И. Давидовский требовал: «Подготовить ПТОЗ по дороге Городецкое–Шелемишево. Воспрепятствовать сосредоточению противника в Дмитриево, Петровский хутор, Кузьминка-2, Дегтярка, Журавлиха. Подготовить ПТОЗ по дороге Петровский хутор–Шелемишевский хутор. Поддерживать контратаки в направлении Александровка–Чирково»⁴.

6 декабря 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление. Линия фронта быстро покатила на запад. С вечера 9 декабря, по мере продвижения вперед частей 346-й стрелковой дивизии, 1168-й стрелковый полк выступил на новый рубеж Барановка–Бухвостово–Курбатово⁵.

Среди уроженцев Гореловки, отличившихся на полях сражений Великой Отечественной войны, необходимо отметить гвардии младшего лейтенанта Николая Федоровича Севальникова (1922–?). В 1942 г. он защищал Сталинград, был два раза ранен. Весной 1945 г. Н.Ф. Севальников воевал на 2-м Украинском фронте, командовал стрелковым взводом 1-го

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 85 а, л. 449.

² ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 11, л. 1.

³ Там же, д. 12, л. 27.

⁴ Там же, д. 11, л.л. 2–3.

⁵ Там же, д. 12, л. 29.

стрелкового батальона 136-го гвардейского стрелкового Краснознаменного полка 42-й гвардейской стрелковой дивизии. «В ожесточенном бою с противником за город Бжеслав гвардии младший лейтенант Севальников повел свой взвод на штурм немецкого оборонительного рубежа в районе завода, стремительным рывком выбил гитлеровцев из занимаемых ими позиций и занял территорию завода. Не давая врагу передышки, тов. Севальников составом одного взвода продолжал преследование врага до реки Дыйе, опрокинув его на противоположный берег. За день боевых действий младший лейтенант Севальников лично сам уничтожил 5 гитлеровцев. Взвод его истребил более 15 немецких солдат и офицеров и уничтожил 2 пулемета врага»¹. За этот бой Н.Ф. Севальников был награжден орденом Красной Звезды.

Тяжелые последствия войны еще долго сказывались на хозяйствах Гореловского сельсовета. Во 2-й пол. 1940-х гг. в колхозах катастрофически не хватало лошадей – каждая из них была на счету. Пахали и бороновали на быках и коровах. Женщинам приходилось заниматься косьбой. Даже в 1948 г. колхозам не хватало семян для посева. Желтухинская районная газета «Колхозная правда» сообщала: «Председатель Гореловского сельсовета доложил, что «Красный борец» вносит свои сбережения на покупку семян. Оказалось, что было 113 центнеров, а стало еще меньше – 108 центнеров. В колхозах Гореловского сельсовета лошади, в большинстве своем, доведены до истощения»².

Начальство нередко винило в хозяйственном упадке «беспечность правления» колхоза. Но факты свидетельствуют о том, что ни колхозное руководство, ни сами колхозники не жалели для дела не только лошадей, но и самих себя. Гореловская колхозница Мария Павловна Гаранина в 1948 г. косила так, что не каждый мужчина утонится. Вот показатели ее труда: «10 сентября скошено 1,2 га овса, 11 сентября – 1,42 га, 12 сентября – 1,5 га»³.

Долго не налаживался и послевоенный быт рязанской деревни. Имелись трудности со снабжением селян продуктами и предметами первой необходимости. «Колхозная правда» писала: «В гореловском магазине портились продукты, редко бывал керосин, рыба и другие продукты. Текла крыша, 14 марта 1950 г. на собрании колхозников артели «Красный борец» заслушивался доклад Ивановского сельпо, отчитывался работник сельпо Маникин. Выполнен был план товарооборота, в остальном: убытки от списания испорченных продуктов и товаров, закупка и заготовка продуктов у населения не выполнены. После доклада колхозники задавали вопросы: «Сколько членов-пайщиков числится в Гореловке? Почему работники сельпо не бывают в гореловском магазине? Почему плохо относятся к запросам покупателей?» На все вопросы Маникин ответил фразой: «Не могу знать, – добавив, – я работаю заготовителем и послан в Гореловку, чтобы отправить пустую посуду, кстати и отчитаться»⁴.

В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован, и населенные пункты Гореловского сельсовета вошли в Скопинский район Рязанской области. В 1958 г. колхозы деревень Рановка, Дубровщина, Ключеревка, Гореловка и Говорово были объединены в один колхоз им. М. Горького. В 1958 г. председатель колхоза Белозеров подвел итоги его работы за год перед 245 колхозниками, собравшимися в Гореловке: «На корову получено 3945 кг молока. Прибавка по сравнению с 1956 г. составила 967 кг... Урожай зерновых 7–8 центнеров. Со всем недавно урожай проса и овса во всех бригадах составлял 16–18 центнеров с гектара, а теперь эти культуры не возделываются...» Достраивался коровник на 110 голов, а конюшни в Рановке, Дубровщине и Ключеревке приспособлялись под телятники. Но при этом в кол-

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 690306, д. 942, л. 150.

² Колхозная правда, №6. – 1948. – 20 февраля.

³ Колхозная правда, № 36. – 1948. – 16 сентября.

⁴ Колхозная правда, № 15. – 1950. – 16 марта.

хозе не было хорошего клуба, бани, детских яслей¹. В 1959 г. колхозу предстояло вдвое и более увеличить показатели по видам скота и птицы. Хозяйство должно было иметь 350 голов крупного рогатого скота, в том числе 115 коров, 260 свиней, 410 овец, 2000 голов птицы. Ставилась задача поднять урожайность зерновых до 10 ц с га, картофеля до 110 ц с га. Для решения нашли выход – колхоз был готов покупать телят из личных хозяйств своих членов².

В 1961 г. был расформирован желтухинский совхоз им. Чапаева. Его хозяйство было разделено на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское³. 1 сентября 1961 г. в Скопинском районе на базе бывшего совхоза им. В.И. Чапаева был создан совхоз Ф.Э. Держинского (деревни Козловка), «Новый путь» (деревни Кондауровка), «Советская волна» (поселка Ленинский), им. М.М. Литвинова (деревни Желтухино), «13 лет Октября» (деревни Петровские хутора), «Дружба» (деревни Большая Косыревка), «Сознание» (деревни Малая Косыревка), «Красные всходы» (деревни Иваново), «Красный богатырь» (деревни Гусиловка), «Авангард», ранее «КРАФТ» (Новобараковского сельсовета), им. М. Горького (деревни Гореловка), «Россия» (села Шелемишева с близлежащими деревнями), им. В. Володарского (деревни Уланово), «Красное знамя» и «15 лет РККА» (оба села Городецкого)⁴.

В 1990 г. в Гореловке насчитывалось 190 жителей, большинство – пенсионного возраста. Сельская молодежь, как и во многих других местах, сделала ставку на городскую жизнь, открывавшую более широкие возможности. В деревне располагалось отделение совхоза «Желтухинский» директором, которого была Н.Ю. Кривова, а управляющей Т.Н. Маникина. 9 механизаторов и столько же животноводов занимались откормом около 600 голов скота⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Гореловка стала населенным пунктом Шелемишевского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в ней насчитывается 118 жителей – 51 мужчина и 67 женщин.

---

¹ Сталинец, № 17. – 1958. – 7 февраля.

² Сталинец, № 17. – 1958. – 7 февраля; № 18, – 1958. – 9 февраля.

³ Архив Скопинского района, ф. 445, л. 1–2.

⁴ Там же.

⁵ Ленинское знамя, № 80. – 1990. – 5 июля.

ГОРЛОВО

село

(сельское поселение Горловское)

Основание знаменитого своей хлебной торговлей и богатством скопинского села Горлово предположительно относится к XVI–XVII вв. Изначально оно было деревней Рязанского уезда, жители которой являлись прихожанами Дмитриевской церкви в селе Хворощево¹. Необходимо оговориться, что это Хворощево (Хворощевка) идентично не современному селу Хворощево Скопинского района Рязанской области, а соседнему населенному пункту, имевшему в XVII – начале XVIII в. двойное название «Хворощевка, Руденка тож», т.е. современному селу Рудинка².

Название села, скорее всего, связано с именем протекавшей через него ныне пересохшей р. Горловки. В позднее время, на рубеже XIX и XX вв., сами горловцы объясняли его мрачной легендой: якобы в старину в этой местности разбойники напали на купеческий обоз и «особо жестоко расправились» с сопровождавшими его людьми – «всем им перерезали горла»³. Оттого-де и назвали речку Горловкой. На самом же деле этот гидроним может указывать на принадлежность угодий, на которых возникло поселение, землевладельцам Горловым. Рязанская ветвь этой дворянской фамилии, известной с XVI в. – потомки Дружины Васильевича Горлова, испомещенного (т.е. поселенного) в Рязанском уезде в 1649 г., впоследствии была вписана в VI часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии. Д.В. Горлов и его брат Роман владели 40 четвертями земли в деревне Михалково Рязанского уезда. Эта ветвь рода Горловых никакого отношения к истории скопинского села Горлово не имеет. Однако какие-то другие помещики Горловы были и в Пехлецком стане Рязанского уезда, в одноименной деревне Горлово, находившейся на левом берегу р. Рановы в 4 км южнее впадения в нее р. Полотебны. В платежных книгах 1595–1597 гг. упоминается в ней жеребей «за вдовою за Ориною за Никифоровою женою Горлова да за ее детьми, за Безсонком з братьею...»⁴. Ныне это село Горлово в Чаплыгинском районе Липецкой области. Еще один землевладелец из этой семьи жил «в деревне Теробунской, в Рассыльщикове», где «за рассыльщиком за Якушком, за Филатовым сыном Горлова; на ево жеребей четвертные пашни впусе 7 четвертей с осминою»⁵. Возможно, ранее принадлежавшая Горловым земля на месте нынешнего села до 1595 г. была приобретена или выменяна боярами Романовыми для «окруления» их скопинской вотчины, а взамен Горловы получили землю на р. Ранове.

Первое документальное упоминание о деревне Горлово относится уже к тому времени, когда она стала частью дворцовой волости царя Алексея Михайловича с центром в Скопине. Оно датируется 1666 г. и связано с волнениями под предводительством атамана Василия

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 202.

² Об этом см. подробное очерк «Рудинка» настоящего издания.

³ Соколова В.К. Исторические предания Рязанской области. / Литературоведческий сборник. – Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ин-та, 1972. – С. 58–59.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 140.

⁵ Там же. С. 146–147.

Уса¹. К казацкому войску, шедшему с Дона походом к Москве, прибывались многие воронежские, рязанские и тульские крестьяне. «Рязанские помещики в своих посланиях царю по этому поводу доносили: «Казаки донские прибрали себе людей и крестьян наших, которые от нас сбежали. Приезжают и деревнишки наши разоряют всяким разореньем». А скопинский воевода А. Мерчуков писал царю следующее: «Ко мне приходили Скопинского уезду села Хворощевки да деревни Горлова староста Пронька Синецын с товарищами и сказали: казаки у них, хворощевских и горловских крестьян, детей и братьев многих подговорили с собой: Ромашку Пужая, Ивашку Сотникова...»² Кроме этих двоих к отрядам В.Р. Уса примкнули также горловцы «Иван Светиков, Кирилл Галкин, Иван Галкин, Лука Спорьихин, Петр Недошивин с товарищи, вместе с детьми и братьями»³. Видимо, некоторые из жителей села в 1670–1671 гг. принимали участие и в Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина.

С 1671 г. Горлово упоминается уже как село – в нем была построена деревянная церковь Св. Димитрия Солунского. В окладных книгах монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г. о ней сказано следующее: «Церковь мученика Дмитрия Солунского, двор попа Макария, двор пономарский. <...> В приходе 125 дворов крестьянских, 13 дворов бобьльских. Церковной пашни 10 четвертей, <...> санных покосов на 50 копен. А преж сего с тое церкви дани не было, церковь построена и освещена в прошлом во 179 (1671) году, а данные денги с того приходу тот поп Макарей по се число (т.е. по 1676 г. – *Примеч. авторов*) платил села Хворощева с Дмитриевским попом Дорофеем согча, для того что приход был один»⁴. Из священников, служивших в горловской Дмитриевской церкви в XVII в., известны Макарий (упоминается 1671–1687 гг.), Исидор Макариев (в 1687–1698 гг.) и Кирилл Макариев (в 1698–1734 гг.)⁵.

По переписным книгам 1675 г. в Горлово в это время было 129 дворов крестьянских, 3 бобьльских, а общее количество мужских крестьянских душ составляло 519. Крестьяне дворцовой волости были обязаны ежегодно поставлять к царскому двору «столовые запасы». Горловцы ежегодно отправляли в Москву 107 пудов (1,7 т) свиного мяса, 72 барана, 72 гуся, 144 утки и 107 сушеных кур⁶. С введением в 1663–1664 гг. десятинной пашни запахивалось на царя 70 десятин в одном поле, т.е. с учетом земли под парами – 210 дворцовых десятин. Хлеб обычно возили в Москву по зимнему пути, но с началом организации вотчинного хозяйства в 1663–1664 гг. царь Алексей Михайлович начал отдавать предпочтение его транспортировке по воде и требовал, чтобы «про воску хлебных запасов ис Скопина до Поплевинской волости до Москвы и о струговом деле распрося и розыскав подлинно отписать к Москве». Доставка остальных припасов в зависимости от времени года осуществлялась не только по воде с пристани при селе Поплевино на р. Ранове, но и на санях по льду рек, как это было издавна принято на Руси, или гужом по сухопутным трактам⁷. Об этом свидетельствует немало сохранившихся архивных

¹ Ус Василий Родионович (? – 1671) – донской атаман, участник русско-польской войны 1654–1667 гг., в 1666 г. возглавил поход беднейших донских казаков к Москве для найма на царскую службу, который был воспринят властями как бунт. В 1670–1671 гг. был одним из ближайших соратников С.Т. Разина. Умер в Астрахани от болезни.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 232.

³ Фулин Ю.В. Города и районы Рязанской области. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 413.

⁴ Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004. – С. 358–359.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 203.

⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 131 об.

⁷ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. – С. 1039.

документов. Например, 12 (22) января 1667 г. была «послана государева грамота на Скопин к Ондрею Мерчукову о перевозке хлебных запасов Скопинскими крестьяны по Иванову приказу Хитрово с Скопина на пристань (Поплевинскую. – *Примеч. авторов*) и о высылке столовых запасов». А 7 (17) апреля 1669 г. «великий государь указал <...> из своей государева десятинной гречи сделать круп на Скопине 300 чети <...> и привезть к Москве в нонешнем 177-м году к Троицыну дни на подводах или водою, как пристойно»¹.

Во времена царя Алексея Михайловича в Скопинской дворцовой волости были заведены образцовые порядки ведения хозяйства и учета, что видно по упоминающимся в росписном списке 1688 г. всевозможным книгам, среди которых были «посевные, и ужинные, и опытные, и замолотные, и перечневые, и Скопинским градским и уездным стрелцам, и казакам, и крестьяном, и всяких чинов людям книги, и на пасечных дворе ули со пчелами, и на скотих дворах государских остаточных порченных лошадей, и рогатую скотину, и в Скопине, и в Скопинском уезде гумна и мельницы со всеми пристройи. И в житницах молоченой семенной хлеб»². Всего было «в Скопине ж, за посадом, и в Скопинском уезде двадцать три гумна, горожены тыном, на них дватцать три избы сторожевых, тритцать половень, тритцать шесть овинов, шестьдесят три житницы»³.

В переписной книге 1710 г. о селе Горлово сказано: «Церковь во имя великомученика Димитрия, у той церкви поп Кирилл, у него попадаья Марья Игнатова дочь и Кириллы дети <...>, дьячок Никита Макарьев сын Попов тритцать сем лет <...>, солдатских пятнатцать дворов, в них людей мужеска полу пятдесят два человека, в том числе женатых дватцать девять человек, женска полу сорок сем человек. Крестьянских девяносто сем дворов, в них людей мужеска триста сорок один человек, в том числе женатых сто семдесят два человека. Женска полу двести девяноста два человека...» Со времени предыдущей переписи «которые ноне написаны в том селе налицо»: 15 дворов взяты в солдатскую службу, а жители 21 дворов умерли, а «дворы их загнили и разорили, а селища их и ноне в пугсте». Среди солдат села указаны: Игнат Борисов сын Боровиков, Ларион Григорьев сын Грудинин, Ефрем Иванов сын Скороыхин, Макар Киреев сын Чернышов, Автоном Михеев сын Шмелев, Филип Анофриев сын Мохов, Андрей Захаров сын Рябых и другие. Среди крестьян: Клим Евдокимов сын Ляпин, Алексей Яковлев сын Бордаков, Селиверст Митин сын Пирузов (Бирюзов), Никита Иванов сын Ухорев, Аким Трофимов сын Строков, Яков Елистратов сын Коморов, Фока Понкратов сын Кучин, Александр Иванов сын Воронин, Агафий Понтелеев сын Суханов и другие⁴.

В 1732 г. Горлово вместе с другими селениями Скопинской дворцовой волости перешло в ведомство дворцовой Конюшенной канцелярии. Из Санкт-Петербурга в Скопин постоянно поступали указания о взыскании «неявившегося хлеба» с дворцовых крестьян. Например, в 1741 г. из столицы империи писали: «...И управителям прапорщикам Денисьеву, Перепечину с товарищем и для понуждения к прапорщику Сипягину указами велено о неявляющемся прошлых лет десятинном хлебе тысячи дву стам тридцати четырех четвертей, дву четвериков с третью доследовать. И на ком сколько оного хлеба взыскать надлежит оной, взыскать без послабления. И сколько когда и с кого взыскано будет, записав в приход Конюшенной канцелярии, репортовать»⁵.

¹ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. С. 1458–1459.

² Селифонтов Н.Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. – СПб.: Археогр. комис. 1871. – С. 70.

³ Там же. С. 73.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 550–551 об, 555–556 об.

⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 16.

И.В. Добролюбов сообщает: «В 1734 г. приходских дворов при Дмитриевской церкви состояло только 87. Но церковь эта в половине прошлого столетия (имеется в виду середина XVIII в. – *Примеч. авторов*) сгорела, на месте ее поставлена другая, также деревянная и в то же храмоименование, которую предписано было в 1752 г. марта 24 освятить на новом антиминос строителю Скопинского Троицкого монастыря Иринарху; но и эта церковь также сгорела»¹. В XVIII – начале XIX вв. в Дмитриевской церкви в Горлово служили священники Симеон Сампсонов (рукоположен в 1734 г.), Ипатий (упоминается в 1734 г., умер в 1739 г.), Мартин Ипатьев (служил в 1739–1756), Павел Мартинов (в 1756–1799 гг.), Алексей Алексеев (упоминается в 1778–1810 гг.) и Игнатий Карпов (упоминается в 1799–1815 гг.)².

В Скопинской волости в 1758 г. на казенных гумнах имелось 70 овинов и 126 житниц, из них в окрестностях Горлова – 6 житниц и 3 овина. Коннозаводские гумна располагались на возвышенных местах, выгонах, куда и свозился в снопах хлеб. Тут его молотили и засыпали в амбары, которые охраняли специально отряженные для «караульной службы» крестьяне. Такие предосторожности были далеко не напрасны. Судя по сохранившимся преданиям, накопление хлебных запасов и особенно их перевозка по дорогам были сопряжены со значительными опасностями. Окрестные леса изобиловали разбойниками, беспощадно грабившими «богатых» и не трогавшими «бедных» (что вполне логично, т.к. с бедного крестьянина много не возьмешь). В народной памяти сохранилось несколько фамилий рязанских «робин-гудов» XVII–XVIII вв. – Чуркин, Веревкин, Цветков и др.

В ведомости 1758 г. о наличии в городе Скопине и селах волости молоченого и немолоченого десятинного хлеба, «и у кого под хранением», сообщалось: «Села Горлово у Сергея Коморева ржи молоченой 5 четвертей и 5,25 четверика, немолоченой 317 копен, по опыту 264 четверти 6 четвериков, овса молоченого 120 четвертей и 1,25 четверика, конопляного семени 2,25 четверти». Книги управителей в Скопине и волости учитывали количество «недомолотого, неявившегося и краденого из житниц» казенного хлеба, числившегося на «хлебостроителях и крестьянах». По ведомостям управителей, в селе Горлове за Васильем Скорьихиным в 1743 г. числилось 211 четвертей 7 четвериков ржи, в 1747 г. за Ермилой Скорьихиным 10 четвертей 4 четверика, в 1748 г. за Лаврентием Улитиным 55 четвертей 2,75 четверика, в 1750 г. за Филатом Тулянкиным 120 четвертей 3,75 четверика, в 1752 г. за Афонасьем Савидовым 38 четвертей 4,25 четверика³.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленные в 1779 г., сообщают, что село Горлово лежит «речек Малой Таболы и Горловки на правых сторонах и по обе стороны пяти больших дорог, лежащих из городов Скопина в Михайлов, Данков, Епифань, в нем церковь деревянная во имя Великомученика Дмитрия Солунского». О воде речки Горловки сказано: «А тоя речка для употребления здорова». По 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе было 97 дворов, в которых проживали 319 крестьянских душ «мужеска» и 310 – «женска полу»⁴.

В конце XVIII в. Горлово было рядовым селом скопинского коннозаводства, ничем не отличавшимся от других окрестных селений, разве только уступавшим многим из них по численности населения. В 1824–1827 гг. в нем было возведено новое кирпичное здание церкви Св. Дмитрия Солунского. Видимо, его строительство на месте сгоревшей деревянной церкви началось с придела в честь Святителя Николая, который был освящен в 1819 г.⁵

¹ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 202.

² Там же. С. 203.

³ РГАДА, Ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 76, 83 об, 90.

⁴ РГАДА, Ф. 1355, оп. 1, д. 124, л. 6 об; д. 1240, л. 15 об.

⁵ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 202.

С началом форсированного освоения новых плодородных земель Чернавской степи и соседней Тульской губернии в первые десятилетия XIX в. Горлово постепенно превратилось в важный региональный центр хлебной торговли. В село свозили зерно – преимущественно рожь и овес – для последующей отправки гужевым, а со 2-й пол. XIX в. – железнодорожным транспортом в Москву, а оттуда – в прибалтийские порты Рига и Либава¹. В 1850 г. в центре Горлова, занимавшего тогда лишь левый берег р. Горловки, отмечен действующий постоялый двор². Согласно данным последней, 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., в селе насчитывалось 207 домохозяйств государственных душевых крестьян, в которых проживали 1074 мужчин и 1088 женщин³. После отмены крепостного права в 1861 г. Горлово стало центром одноименной волости Скопинского уезда Рязанской губернии.

В 1860 г. был перестроен Никольский придел Дмитриевской церкви в Горлове. В 1862 г. с левой стороны трапезной храма был возведен второй придел во имя Трех Святителей. И.В. Добролюбов писал: «Дмитриевский храм в настоящее время имеет фигуру крестобразную, простирается в длину на 30, а в ширину на 11 сажень (64 и 23,5 м)»⁴. С 1860–1870-х гг. он стал важным центром народного благочестия. В ночь под 27 октября (8 ноября) 1869 г. на паперти храма неизвестным лицом была оставлена икона Божьей Матери Скоропослушницы «вышиною в 1 аршин с четвертью и шириною не более аршина». «...Икона эта сочтена была в народе «явленной» и привлекала множество молящихся изо всех окрестных селений, вследствие чего в 1871 г. по указу преосвященного Алексия⁵ велено было передать икону на хранение в ризницу Скопинского собора, откуда она возвращена была в Дмитриевскую церковь преосвященным Палладием⁶ только в 1879 г.»⁷ С тех пор и до 1920-х гг. образ находился в одном из приделов Дмитриевского храма, привлекая к себе массы верующих со всей округи. В 1870 г. церковь была окружена кирпичной оградой с железными решетками.

В XIX – начале XX в. в Дмитриевской церкви в Горлове служили следующие священники: Парфений Андреев (в 1816–1829 гг.), Павел Федорович Мизеров (в 1829–1859), протоиерей Иоанн Стахийев (в 1849–1853 гг.), Митрофан Петрович Рудинский (в 1853–1880 гг.), Евфимий Михайлович Назаретов (в 1860–1873 гг.), Иван Яковлевич Архангельский (в 1873–1915 гг.), Александр Ефимович Незлобин (в 1881–1905 гг.)⁸.

В 1844 г. священником П.Ф. Мизеровым в селе было открыто первое церковно-приходское училище. В 1866 г. оно размещалось в доме одного из священников Дмитриевского храма, в нем обучалось 73 мальчика. Необходимые средства на его содержание и обучение предоставлялись Палатой государственных имуществ⁹. В 1867 г. Скопинским уездным земством в селе была открыта земская школа (училище). В учебном заведении был всего один класс, состоявший из трех групп: младшей, средней и старшей. Срок обучения составлял 3 года. В 1875 г. школу в Горлове ревизовало Рязанское губернское земство. В отчете о ревизии сообщалось: «Земская мужская школа, законоучитель священник Иван Архангельский, учитель

¹ Архив МГУ–Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района. – С. 6.

² Карта А.И. Меңде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 202.

⁵ Алексий /Ржаницын/ (ок. 1812 – 1877) – архиепископ Рязанский и Зарайский в 1867–1876 гг.

⁶ Палладий /Раев/ (1827 – 1898) – епископ Рязанский и Зарайский в 1876–1881 г., в 1881–1882 гг. – архиепископ.

⁷ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 202–203.

⁸ Там же, С. 203–204.

⁹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань, 1868. – С. 2 36–237.

прочих предметов – окончивший курс Александровской учительской семинарии, обучается 48 мальчиков»¹. В 1877 г. в селе также открылась школа для девочек².

В 1869 г. началось строительство ветки Вязьма–Павелец Рязско-Вяземской железной дороги. Ее полотно пролегло в одной версте к северу от Горлова. Первый поезд по новой трассе прошел 16 (28) декабря 1874 г.

Заслуживают внимания заметки о Горловской волости, содержащиеся в материалах ревизии Скопинского уезда Рязанским губернским земством в 1875 г. Имя их автора, рязанского земского деятеля, к сожалению, установить не удалось, но ему нельзя отказать в наблюдательности и ответственном отношении к порученному делу. В своем отчете он записал: «От города Скопина совершенно на запад идет Епифанская большая дорога. По мере удаления от города кряж земли становится черноземнее и плодороднее. На 32-й версте лежит довольно большое торговое село Горлово, где скрещивается Епифанский тракт с Веневским и Михайловским. На этом тракте по обе стороны в 4-х верстах от Горлова лежат села Руденка и Дмитровка. Эти-то три села и составляют население Горловской волости в 2 379 ревизских душ мужского пола.

Местность по преимуществу ровная, низменная, с тучным, рыхлым черноземом. Речка Мокрая Табола и несколько ручейков, носящих названия селений, прорезывают местность в разных направлениях; по низменным берегам некоторых имеются сенокосы.

<...> Современное население волости можно положить в пять с половиною тысяч душ обоего пола. Если сопоставить итог мужского населения при ревизии (1858 г.) с итогом мужского современного населения, то окажется, что население возросло на 334 души, т.е. на 13,1 %.

Население Горловской волости, как и многих других отдаленных от уездного города волостей, за правосудием, медицинским пособием и другими нуждами должно обращаться в г. Скопин, где сосредоточились как все власти, так административные и хозяйственные учреждения; такая централизация, едва ли встречаемая в других уездах, должна не совсем удобно отзываться на благосостоянии жителей.

Земский врач Пушкарев иногда по понедельникам бывает в с. Павельце; но так как это делается неаккуратно, то жители Горловской волости, во избежание напрасного путешествия, в крайней нужде обращаются или к фельшеру, живущему на павелецкой шахте, или к врачу, живущему в с. Молоденках Епифанского уезда. Оспопрививание в волости идет довольно исправно, потому что жители охотно обращаются к оспеннику, живущему в с. Руденке. Сифилитические случаи – редкость, и те скрываются тщательно не только от врача, но и от соседей; осмотры же или освидетельствования врачом никогда не производилось. За несколько времени перед ревизиею в волости была какая-то знахарка по фамилии Цветкова, которая, говорят, лечила сифилис и другие болезни, а главное будто бы искусна была в отношении родильниц и продавала такие лекарства, что бесплодные женщины делаются беременными, а иногда беременность пропадает; но теперь эта женщина уже посажена следователем в острог.

<...> В городскую больницу поступает на излечение весьма мало: в нынешнем году был один только случай, и то по распоряжению судебного следователя. Падежей скота не слышно давно, но в последние годы эпизоотия появилась на домашней птице, почти все куры у крестьян упали.

Волостной старшина Федотов неграмотный также, как и все сельские старосты, но сборщики грамотные; из 4-х судей грамотны трое. Земская почта является аккуратно по средам и субботам. Волостной суд бывает через неделю или через две в будничные дни, потому что по воскресным бывают в Горлове базары.

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. – С.427.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 203.

Помещение для школы горловское общество дает довольно просторное и удобное; земство входит помощью в размере 350 руб. Законоучитель – местный священник; остальные предметы преподает сельский учитель из Троицкой семинарии Архангелов...»¹

В 1875 г. в селениях бывших коннозаводских крестьян Скопинской дворцовой волости еще были целы магазины – хлебные амбары, построенные в XVIII в. для хранения запасов зерна на случай неурожая. О них земский ревизор сообщал: «Нельзя не сознаться, что во время управления коннозаводством народное продовольствие обеспечивалось далеко прочнее, чем в настоящее время. Жаль смотреть на эти огромные амбары, построенные во всех обществах прочно и красиво, с внутренней хорошей выделкой, но приведенные в настоящее время в крайнее запустение: в них не только князек, но и стропила с решетником наружи; во всех шести амбарах поместится по крайней мере 10 000 четвертей хлеба, а между тем налицо озимого – ничего, а ярового 43 четверти 4 меры. Большая часть хлеба была разобрана в 1869 г., а остальное в 1873 г.; с того времени хлеб не собирается и мер ко взысканию разобранного никаких не предпринималось. Мне говорили, что много хлеба раскрадено в провернутые в полу дыры. На выгонах селений и сейчас заметны следы общественных гумен, куда прежде свозился в снопах общественный хлеб; тут его молотили и засыпали в амбары.

Урожай предвидится порядочный, а особенно яровых хлебов. Удобрение вывозится в близлежащие поля крестьянами весьма усердно; навозу вволю как на постоянных, так и на скотопрогонных дворах, жаль только, что надельная земля слишком разбросана: есть в пользовании у общества земли и не только около Скопина, но и в Рязском и Сапожковском уездах.

Продовольственная часть никогда никем не была проверяема с самого перехода крестьян в ведение мировых крестьянских учреждений.

Страховое дело состоит только под надзором волостного начальства, но главная деятельность – введение страховых, дополнительных и исключительных списков, квитанционных тетрадей и проч. – находится в руках сборщиков податей. Они собирают страховую премию с страхователей, в недоимке отчитываются перед обществом, из сумм которого вносят все страховые платежи, согласно раскладке, делаемой по страховым спискам. Квитанции из книг сборщиками выдаются только тем в руки, которые уплатили премии. Из книги переходящих сумм видно, что деньги погорельцам выдавались без задержки.

Добровольного страхования в волости 20 №№ на сумму 18 676 руб.; всей премии 237 руб. 24 ½ коп.; из этого числа 5 №№ застрахованы в дополнение к обязательному. Страховой список ведется в волостном правлении, которое и распоряжается оценкой и принятием на страх, выдает временную белую квитанцию, обмениваемую на красную, но белые квитанции не сохраняются. №№ 2 и 19 мещанина Федорова составляют одну общую постройку и под одной крышей. Сколько можно судить из бумаг волостного правления и словесных объяснений волостных и сельских начальников, в страховом деле уездная управа здесь не принимала никакого участия, агентом же иногда производились проверки дополнительных и исключительных списков. При коннозаводском управлении в селах были содержимы особые водоемы, весьма удобные на случай пожара, также и полный инструмент для тушения, но впоследствии все это распало или разрушено.

В 1866 г. куплена старая труба; ее исправили, и теперь она могла бы быть употреблена в действие, если бы были рукава, но таких еще не приобретено, собираются послать купить в

---

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 501–503.

Москве. При волостном правлении лежит целая куча старых поломанных багров, рассыпанных бочек, колес и дрожин...»¹

Земский ревизор выборочно осмотрел в Горлове ряд застрахованных построек, оставив их описание. По нему можно судить об уровне благосостояния селян в 1870-х гг. «По обязательному страхованию осмотрены следующие №№ в с. Горлове:

№ 3. Крестьянина Лариона Григорьева две избы, одна кирпичная, другая деревянная, с плетневым двором, под одной соломенной крышей, и две плетневые риги, все оценены в 360 руб., приняты в 240 руб.

№ 4. Крестьянина Семена Анисимова деревянная изба с двором и ригую, крытые соломой, оценены в 150 рублей, приняты в 100 руб.

№ 5. Крестьянина Ивана Степанова деревянная изба, плетневый двор, рига и амбар, крытые соломою, оценены в 150 руб., приняты в 100 руб.

№ 8. Крестьянина Архипа Леонтьева деревянная изба с плетневым двором, деревянный амбар и плетневая рига, все оценено в 142 руб. 50 коп., принято в 95 руб.»².

Документ подробно сообщает об исполнявшихся крестьянами общественных повинностях: «Подводная повинность для нужд волости исполняется подрядом за 495 руб.; подрядчик обязан содержать 7 лошадей для разгона; если потребуется более, то берут по очереди с крестьян. Все чиновники, проезжающие по тракту через Горлово и сменяющие лошадей, обыкновенно платят прогоны содержателю или крестьянам, земская же управа снабжает своих членов особыми билетами, из которых вырезаются талоны, передаваемые подводчикам, и последние рассчитываются по ним впоследствии.

Дорожная повинность не составляет особого бремени для общества: исправление полотна на расстоянии 5 верст по тракту к Горлово требует не более 150 чел. дня на 2 или на 3.

Небольшие местные мостовые сооружения и гати по селам исправляются местными средствами; кроме того, в числе прочих десяти коннозаводских волостей, на Горловскую волость ложится повинность исправления мостов по Рязскому тракту близ села Конюшков. Эта повинность исполняется подрядом, отдаваемым с торгов при Скопинском полицейском управлении.

Постоянная повинность составляет незначительный налог на случай прохода команд бессрочно-отпускных; она исполняется натурой – отводом квартир по очереди у крестьян»³.

О состоянии волостных финансов ревизор сообщал: «При волостном правлении обревизованы мною две книги мирского сбора 1874 и 1875 гг.; по 1-й оставалось к январю 1875 г. 237 руб. 18 коп., затем на приход поступило по 2-й книге 522 руб. 72 коп., что составит всего прихода мирских денег 759 руб. 90 коп.; в течение года выведено в расход на разные нужды волости и жалованье чиновникам по день ревизии – 712 руб. 69 коп.

<...> Обе книги ведены по всем правилам счетоводства, оправдательные документы оказались верными по всем приходным и расходным статьям, в книгах проставлены итоги постранично, помесечно и транспорты, а 17 июля сего года в книгах значится свидетельство. Деньги оказались хранящимися в железном сундуке волостного правления; в число их старшиною Федотовым представлен билет Скопинского городского банка за № 2245 на 60 руб., бланков для паспортов на 3 руб. 70 коп. и наличными деньгами в кредитных билетах и звонкой монете 61 руб. 51 коп.

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 503–504.

² Там же. С. 505.

³ Там же. С. 506.

Кроме вышеупомянутых книг, при волостном правлении хранится книга с алфавитным указателем крестьян, получивших в разное время ссуду из особого капитала, оставшегося после коннозаводского управления и разделенного между 10-ю коннозаводскими волостями. Как мне объяснил бывший старшина Лука Егоров, капитал коннозаводских крестьян хранился прежде в управлении, но с упразднением его и с переходом крестьян в ведение посредников капитал этот был разделен между волостями и одновременно выдавался в ссуду, но в возврат никогда не собирался, так что в 1872 г. совсем иссяк: по исчислению, всех денег выдано в ссуду по 1872 г. 4 821 руб., не исключая процентов, следующих из этого капитала»¹.

Налогообложение крестьян волости было организовано следующим образом: «Крестьяне села Горлово пользуются поземельным наделом по 3 десятины с сажениями на каждую ревизскую душу. При этом они платят подушной подати 1 руб. 90 коп. с души, оброчной подати с надела 4 руб. 32 $\frac{3}{4}$ коп., государственного земского сбора 43 коп. и дополнительного 9 коп., общественного сбора 39 коп., земского сбора на уездные и губернские потребности 70 $\frac{3}{4}$ коп., мирского сбора 1 руб. 17 коп. и земельного сбора на государственную земскую повинность 28 $\frac{3}{4}$ коп.; следовательно всего с души сходит, кроме страховых, 9 руб. 36 $\frac{1}{4}$ коп. серебром. На Горловской волости значатся недоимки: подушной подати 200 руб. 45 коп., государственного земского сбора 44 коп., общественного сбора 40 коп., оброчной подати 3 322 руб. 65 коп.»².

О торговле и промыслах волостных крестьян земский ревизор сообщал: «В самом селе Горлове раз в неделю, по воскресеньям, существуют базары; обыкновенно торг идет сельскими произведениями и продуктами первой крестьянской надобности. Осенним временем торговля оживляется хлебной ссыпкой, доходящей иногда в базаре до 400 четвертей и более; этого рода торговлю ведут больше приезжие купцы из Епифани и Скопина, местные же зажиточные крестьяне, мещане и купцы по преимуществу торгуют скотом и мясом, а если покупают хлеб, то для скопинских торговцев, получая с четверти за комиссию от 10 до 15 коп. Кроме того, в Горлове проживают мастеровые, как-то: штукатуришки, сапожники, валяльщики и проч., занимающиеся мастерством на стороне.

В Горлове есть несколько дворов, занимающихся с незапамятных времен специально ловлею перепелов, для чего с особо приученными к этой ловле легавыми собаками и сетью ежегодно отправляются в степные губернии. Собака, находя выводки, останавливается, а охотник накрывает ее с окружающим пространством сетью; затем спуганный выводок запутывается в тонких ячейках этой сети. Такого рода охота производится осенью и весною. Охотятся также в своих местностях с дудками и самками, заманивая самцов под расставленные на траве или на хлебе сети. Некоторые из хозяев в течение лета и осени налавливают до 30 000 пар и, откормив их в садках, везут в Москву, где продают по 40 и 50 коп. за пару. Промысел этот, как я слышал, не доставляет особенных выгод вследствие больших расходов на наем работников, отъезды в дальние губернии и выкормку перепелов и большой их убыли в садках, особенно когда бывает на них нечто вроде эпизоотии.

Огородничество, а в особенности табаководство в Горловской волости получило довольно широкое развитие. Табак сеется преимущественно простой, двух сортов: так называемый бакун и махорка (*amer-fort*). Промыслом этим занимаются мещане, живущие в Горлове. Всего в год выделяется табаку до 1000 пудов. По случаю дороговизны рабочих рук производство это идет очень туго, потому что своевременная шинковка, т.е. обрывка побегов, составляющая главное условие достоинства табаку, бывает в самое рабочее время, когда поденный мужской

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 506–507.

² Там же. С. 508.

день стоит от 90 коп. до 1 руб. 20 коп., а женский от 60 до 90 коп., годовые же работники доходят до 75 руб. Причин такой дороговизны рабочих рук в Горловской волости весьма много: близость линии Рязско-Вяземской железной дороги, отхожий промысел, куда ежегодно отправляется до 500 чел., местные полевые работы, поглощающие не только все остающиеся рабочие силы в урожайные годы, но и привлекающие из соседних волостей часто до 300 рабочих. Так как земли Горловской волости составляют исключительно надел крестьян, а потому никогда не переходят в другие руки по купчим, то и цена земли определена быть не может, соседние же помещичьи земли продаются не дешевле 130 руб. десятина. Хотя у крестьян и отчуждена часть земли под Рязско-Вяземскую железную дорогу по 100 руб. десятина, но этот случай образом служить не должен, ибо способы, предпринимаемые обыкновенно в Скопинском уезде при обделывании дел с крестьянскими обществами, ни в каком случае не могут быть сравнены с добровольным соглашением договаривающихся собственников – уж такой обычай. Это доказывается даже не соответствующей местною ценой земли, где платят за полевую десятину неудобренной земли на один хлеб до 15 руб., а огородной и луговой до 30 руб.»¹.

Горловцы не оставались в стороне от общественной жизни 1870–1880-х гг. Некоторые из них оказались причастными к делу о крахе Скопинского общественного банка, директор которого И.Г. Рыков² первым в отечественной истории применил принцип «финансовой пирамиды» для личного обогащения. С конца 1870-х гг. махинации И.Г. Рыкова пытались вскрыть скопинские общественные деятели Леонов, Попов и Рязцов. Возможно, именно они подключили к этой деятельности крестьянина села Горлово Скопинского уезда Михаила Трифоновича Богатырева, который в 1867–1874 гг. служил в Скопинском общественном банке помощником бухгалтера вексельного отделения. И.Г. Рыков «уволил его от службы в банке за нетрезвое поведение», да еще и обидел при этом денежным содержанием.

В апреле 1880 г. М.Т. Богатырев, направил на имя прокурора Рязанского окружного суда заявление о злоупотреблениях банка, переданное затем Рязанскому губернатору С.С. Зыбину, а от него поступившее Скопинскому городскому голове для рассмотрения. О своей службе в банке И.Г. Рыкова до 1874 г. заявитель сообщал: «...На моей обязанности лежало ведение книг лицевых счетов по вексям и залогам, случалось писать книги и черновых касс. Денег было так много, что все они не могли быть употреблены на операции банка вексельные и ссудные, вследствие этого довольно значительное количество денег находилось на текущих счетах в различных банкирских конторах...» Далее бывший банковский служащий писал о том, что «громные суммы вкладывались в акции различных железных дорог, не гарантированных правительством, открывались кредиты несостоятельным». В заявлении также содержались сведения о фиктивных операциях с процентными бумагами. В заключении он отмечал: «Долги Рыкова банку по вексям составляли сумму не более 70 тыс., а когда я ушел из банка в 1874 г., долги его уже простирались до миллиона рублей»³. Из журнала заседаний Скопинской городской думы известно, что по рассмотрении 29 января (10 февраля) 1881 г. жалобы М.Т. Богатырева, а также другой от неизвестного лица от 24 января (5 февраля), на имя Рязанского губернатора был направлен следующий ответ: «Содержащиеся в них <...> изветы относительно фиктивно-

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 509–510.

² Рыков Иван Гаврилович (1831–1897) – предприниматель-авантюрист, в 1863–1882 гг. занимавший пост директора Скопинского общественного банка. После его краха в 1882 г. был арестован, в 1884 г. осужден и провел остаток своих дней на поселении в Красноярском уезде Енисейской губернии. Скончался 21 августа (2 сентября) 1897 г. в переселенческом отделении Красноярской городской лечебницы.

³ Дело о злоупотреблениях в Скопинском городском общественном банке, произведенном судебным следователем А.Г. Спиридовым. Ч. 1 – Рязань, 1883. – С. 87–88.

сти покупки и продажи есть одна ложь, все операции производились и производятся Правлением банка на точном основании Банковского положения, отчеты утверждены установленным порядком»¹. Сказывались тесные связи И.Г. Рыкова со скопинской городской администрацией. Поэтому Скопинская городская дума определила: жалобы Богатырева и неизвестного лица оставить без последствий. Изобличить банкира Рыкова удалось лишь в 1882 г., после скандальных публикаций в газете «Русский курьер». Кредиторы со всех концов страны ринулись забирать свои вклады, но обнаружили, что касса банка пуста. О крахе банка и последовавшем затем долгом судебном разбирательстве писали М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов и К.М. Станюкович, сделав его одним из печальных символов зарождавшегося русского капитализма².

Еще одно скандальное происшествие в Горлове стало своеобразным эхом крушения Скопинского общественного банка. Как выяснилось, священники вкладывали в него не только свои собственные деньги, но и средства своих храмов, а также действовавших при них крестьянских кредитных организаций. В 1884 г. «Рязанские губернские ведомости» довели до сведения своих читателей: «По определению Рязанского окружного суда, состоявшемуся 31 января 1884 г., налагается запрещение на недвижимые имущества бывших членов правления Горловского ссудосберегательного товарищества священника села Горлова, Скопинского уезда Иоанна Яковлева Архангельского, дьячка того села Ивана Николаева Комарова и крестьянина того же села Автонома Матвеева Суханова, где бы таковые не оказались, в обеспечение могущим пасть на них денежных взысканий по обвинению их в преступлениях, предусмотренных 1154 и 1155 ст. улож.»³.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в бывшем государственном селе Горлово было 353 двора и 2710 жителей. В селе располагалось волостное правление, действовали церковь, школа, 14 лавок, овчинный завод и 2 красильни. По воскресеньям в Горлове устраивался базар⁴. В «Памятной книжке Рязанской губернии» на 1868 г. в селе показаны винные склады купцов Савельева и Праскурина, причем последний обозначен как оптовик⁵. Упомянутое в справочнике «овчинное заведение» действовало с 1867 г. В 1893 г. оно принадлежало крестьянину Серпуховского уезда Пущинской волости села Нижнего Шахлова Ивану Ефимовичу Радионову. На предприятии были заняты 5 рабочих, которые выдeldывали около 1300 овчин в год. Каждому наемному рабочему

¹ Дело о злоупотреблениях в Скопинском городском общественном банке, произведенном судебным следователем А.Г. Спиридовым. Ч. 1 – Рязань, 1883. – С. 130–131.

² Интересно отметить, что в 1939 г. участники Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова общались с жителем Скопинского района Алексеем Михайловичем Афонасовым, представившимся им близким родственником И.Г. Рыкова. О нем он рассказал следующее: «Происхождение Рыкова – беспризорный, приемный сын купцов Никитиных. Александр II являлся кумом – крестил дочь Рыкова... У Рыкова в Елифанском уезде и рядом у великого князя Николая Николаевича также было имение. На псовой охоте познакомились, и Рыков дал ссуду под имение в сумме 4 млн. рублей, которая не возвратилась. Рыков дал неограниченные ссуды своим родственникам и зятям. Из них купцы Власов, Черкасов, Брежнев, Афонасов, Мухин (мануфактурист) стали миллионерами». (Архив МГУ – Ф.42, оп. 6, д. 91. Тетрадь №1, л. 21 об). Информация А.М. Афонасова основывается на слухах, циркулировавших вокруг личности скандального скопинского банкира. Многие из них, возможно, основывались на официальных поздравительных телеграммах и прочих знаках внимания в адрес И.Г. Рыкова со стороны императорской фамилии, приводившихся в материалах следствия, но не всплывших на суде. Сведения о некоей «елифанской великокняжеской усадьбе», скорее всего, основаны на факте приобретения великим князем Николаем Николаевичем (Младшим) усадьбы Першино в Алексинском уезде Тульской губернии. Однако это произошло лишь в 1887 г., когда И.Г. Рыков уже был осужден и сослан в Сибирь.

³ Рязанские губернские ведомости, №18. – 1884. – 3 марта.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 328.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 169, 191.

выплачивалось за 8 месяцев работы по 70 рублей¹. По данным за 1894 г., шерстобитки с одноконными приводами принадлежали крестьянам Н.Т. Ивочкину и К.И. Куликову. На каждой было по два рабочих². Синильные предприятия имели А.М. Калашников и С.В. Уткин, на каждом было по три рабочих, у П.А. Суханова и К.М. Воротникова – по одному³. Также в селе работало «овчинное заведение» И.Е. Родионова, где выдывалось около 250 овчин в год.⁴, трехконная просорوشка А.В. Егорова и маслобойка с одноконным приводом В.И. Пустовалова⁵.

По данным переписи населения 1882 г., в селе Горлово насчитывалось 382 домохозяйства, население составляло 1530 мужчин и 1518 женщин. Из них грамотными были только 228 мужчин, 20 женщин, а также учившиеся в школах 72 мальчика и 11 девочек. Из 379 крестьянских домов каменными были лишь 14, «по-белому» топились 89. Площадь земельных угодий Горловского сельского общества составляла 3715 десятин (4049 га), из них 39 десятин (42,5 га) находились в Сапожковском и Рязском уездах. Таким образом, на ревизскую душу в среднем приходился надел в 3,4 десятины (3,7 га). Дополнительную землю арендовала 91 горловская семья, ее совокупная площадь составляла 200 десятин (218 га). В селе насчитывалось 535 рабочих лошадей, 120 жеребят, 310 коров, 265 телят, 2404 овец и 225 свиней. Безлошадными были 134 крестьянских хозяйства, в 82 из них обходились и без коров. В то же время у 26 богатейших семей было по три и более лошади⁶.

В 1884 г. И.В. Добролюбов сообщал о горловском храме: «В настоящее время при Дмитриевской церкви числится неприкосновенного капитала, проценты с которого идут на поддержание благолепия храма, 1500 руб. Церковной земли во владении причта состоит: усадебной 5 ½, луговой 3 и пахотной 38 ½ десятин (6, 3,3 и 42 га соответственно). К Дмитриевской церкви принадлежит устроенная в том же с. Горлове в 1882 г. часовня в память о Царе-Освободителе Императоре Александре Николаевиче⁷, в которой ежегодно в 1-й день марта совершается крестный ход из приходского храма. <...> При часовне предполагено было устроить склад духовного содержания книг для народа, что легко может быть осуществимо в настоящее время при открытии Братством Св. Василия центрального склада в г. Рязани, каталог которого и опубликован через епархиальные ведомости. В состав Дмитриевского прихода, кроме села, входят деревни: Ново-Александровка (Потеряевка) в 2 верстах и Даниловка (в 7 верстах), в коих при 465 дворах числится мужского пола 2010 [человек], женского пола – 2098 [человек]. По штату 1873 г. в причте положены 2 священника и 2 псаломщика»⁸. В 1896 г. при храме была возведена колокольня.

В 1880-х гг. горловская школа оставалась тесно связанной с церковным приходом. О ее состоянии в это время свидетельствуют отчеты ревизовавших ее членов Скопинского уездного земства. В одном из них, датированном 1884 г., сообщается, что школа в Горлове «помещается в большом здании с двумя классными комнатами и с двумя комнатами для учителей. Само по себе училище очень удобное, но ремонтируется плохо, именно: железо на крыше

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 4, 4 об.

² Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. – С. 10.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122–127.

⁷ Часовня Св. Александра Невского в Горлове была уничтожена в 1930-х гг. Предположительное место ее нахождения – напротив храма, где сейчас стоит памятник советским воинам, павшим при освобождении села в 1941 г.

⁸ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 203.

местами проржавело, и в эти отверстия каплет дождевая вода, в пол дует, печи дымят и чадят так, что ученики угорают. В дверях классных комнат нет порогов, так что под эти двери дует ветер. В помещении учителя страшный холод, из печки вываливаются кирпичи. Отопление и наем сторожа происходит на счет общества, причем плата берется по 2 рубля в год с ученика. Всех учеников 107, из них 11 девочек. В старшем отделении 22, среднем – 33, младшем – 52. При школе находятся учитель и учительница. Учитель – из воспитанников Рязанской учительской семинарии, занимается средним и старшим отделениями, учительница же с младшим. Успехи и ответы учеников по всем предметам замечательно хороши. Кроме того, учитель обучает мальчиков переплетному ремеслу, и я видел несколько книг, переплетенных самими учениками. Выпускной экзамен выдержали 6 мальчиков и 2 девочки. Экзамен производил член от министерства и г. исправник»¹.

«Сборник статистических сведений по Рязанской губернии» за 1889 г. свидетельствует о том, что в 1885–1886 учебном году, начавшемся 10 сентября и окончившемся 2 июня, в горловской школе проходили обучение 149 мальчиков и 21 девочка. 12 детей происходили из купеческого или мещанского сословия, остальные – из семей местных крестьян. Здание школы было деревянным, крытым железом, классные комнаты имели общую площадь 210 кв. аршин (106,2 кв. м) и имели 6 окон. Школа отапливалась четырьмя печами, одна из которых была русской. Стоимость содержания школы (в основном – денежное довольствие учителей) составляла 620 рублей в год. В школьной библиотеке насчитывалось 700 экземпляров книг. Плата за обучение бралась в размере 2 рублей в год только с детей из других селений. Крестьяне расходовали на отопление и наем сторожа до 80 рублей в год. Попечителем школы с 1884 г. состоял крестьянин Ф.А. Графов, законоучителем с 1873 г. – священник И.Я. Архангельский, учителем с 1879 г. – окончивший курс Рязанской учительской семинарии Л.И. Колубаев, учительницей с 1879 г. – получившая образование в частном пансионе г-жи Войлошиковой в Москве С.И. Ляшкевич².

По результатам проведенной в 1893 г. ревизии оказалось: «Учеников в школе 204. Первым учителем состоит окончивший курс Александровской учительской семинарии Прошков, второю же учительницею его жена, окончившая курс в Рязанском епархиальном училище, законоучителем местный священник Архангельский. Школа по занятиям учеников может быть названа 1-ю в уезде; в особенности замечательно хороши диктант и Закон Божий. К сожалению, общество крестьян села Горлово чрезвычайно небрежно относится к ремонту прекрасного, но все-таки нуждающегося в поддержке здания школы. Это обстоятельство вынудило учителя Прошкова употреблять деньги, собираемые за учебу тех ходящих в школу мальчиков, которые не принадлежат к Горловскому обществу, не на отопление, как это прежде делалось обществом, а на ремонт школы, так как по ходатайству Прошкова отопление школы обеспечено управлением Сызрано-Вяземской дороги, разрешившим выдачу на этот предмет достаточного количества старых шпал. Прошков преподает мальчикам и пение, так что часть учеников входят в состав церковного хора, поющего под управлением Прошкова. Хор этот для сельской церкви не оставляет желать ничего лучшего. К экзамену, произведенному 24 апреля Д.А. Леоновым, были представлены 20 человек, из которых выдержали 18. Законоучитель Архангельский представлен училищным советом к награждению Преосвященным»³.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года, Скопин, 1885. – С. 179–180.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 8–13, 24.

³ Журнал Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года, Скопин, 1894. – С. 92.

В 1891–1892 г. Скопинский уезд Рязанской губернии пострадал от голода, охватившего 17 губерний Черноземья и Среднего Поволжья. Наряду с правительственными структурами, с последствиями голода боролись и частные благотворители. Одним из них был Л.Н. Толстой, которому как из России, так и из-за рубежа направлялись значительные пожертвования на помощь голодающим. В Скопинском уезде толстовцы развернули 75 бесплатных столовых и 51 приют, помогали крестьянам лошадьми, кормами и др. В Горлове действовали 7 «толстовских» столовых и 7 приютов. В «Отчете об употреблении пожертвованных денег с 12 апреля по 20 июля 1892 г.» сообщалось: «Нужда в столовых чувствовалась летом при длинном дне и напряженной работе больше, чем зимою. Очень часто во многих деревнях женщины просили, чтобы вместо того обеда, на который они имели право, вечером принимали бы на ужин их мужей или отцов, приходивших поздно с работы»¹.

В 1894 г. в 1 версте к северу от Горлове открылась железнодорожная станция Кашино. Она сразу же стала важным логистическим центром хлебной торговли. В первые годы XX в. станция была переименована в Миллионную в память о погрузке на ней первого миллиона пудов зерна. В 1902 г. В.П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «За Клекотками железнодорожный путь, перейдя границу Рязанской губернии, достигает в 11 верстах станции Миллионной (Кашина), расположенной в верховьях р. Мокрой Таболы у обширного села Горлова. Село это одно из самых значительных в Скопинском уезде, имеет до 3200 жителей, школу, множество лавок, 2 красильни и еженедельные базары и ведет значительную торговлю хлебом. Торгово-промышленный оборот Горлова достигает 339 500 рублей в год при 70 предприятиях. Из этой суммы 334 500 рублей, при 68 предприятиях, падают на торговлю. В торговле самой крупной является хлебная группа, имеющая оборота 168 700 рублей при 22 предприятиях. Кашинская станция грузит до 800 тыс. пудов преимущественно хлебных грузов»².

В 1902 г. попечителем горловской школы был крестьянин А.М. Калашников, учителем – П.С. Прошков, выпускник Рязанской Александровской учительской семинарии³. Законоучителем оставался сельский священник И.Я. Архангельский. В 1900 г. «за многолетние труды по народному образованию» он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁴.

В 1903 г. по соглашению с Дирекцией народных училищ Министерства народного просвещения с Горловским сельским обществом был решен вопрос о преобразовании земского училища в селе в двухклассное министерское и строительстве нового здания для его размещения. Скопинское уездное земство выделило беспроцентную ссуду в 3000 рублей и оставило будущему министерскому училищу все имевшееся оборудование прежнего земского. Министерством было выделено 10 000 рублей на строительство, однако к лету 1905 г. потребовалось ассигнование дополнительных 8000 рублей для его завершения. Строительство школьного здания велось во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда в неурожайный год многие крестьянские семьи вдобавок остались и без кормильцев. Даже в богатом торговом селе уже в первые месяцы войны оказались без средств к существованию семьи мобилизованных в действующую армию крестьян Никиты Никитича Бабаева, Ивана Еремеевича Голдобина, Лариона Ивановича Голованова, Якова Степановича Серухина, Егора Федоровича Бутрова и Матвея Астаховича Деева. В соответствии с распоряжением Министра финансов В.Н. Коковцова земство представляло их семьи к сложению недоимок и различных сборов.

¹ Толстой Л.Н. Т. 29, М., 1954. – С. 162, 163.

² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей/под ред. В.П. Семенова. Т. 2. – СПб., 1902. – С. 484.

³ Сведения о начальных училищах в 1902 году. – Скопин: Тип. Благих, 1904. – С. 44.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 9–10–15 (1 мая 1900 г.). – С. 193.

Новая министерская школа в Горлове была открыта 1 (14) сентября 1906 г. По мнению Скопинского уездного земства, построенное здание «по сравнению со зданиями земских школ в селениях не менее многолюдных», далеко превосходило потребности села. В нем также проходили занятия воскресной школы для крестьян, организованной еще в прежнем земском училище при содействии попечителя и Горловского сельского общества трезвости¹. К 1908 г. в Горловской министерской школе работали три учителя и законоучитель. В ней одновременно занималось 273 учащихся, но объемы здания могли вместить одновременно более 400 человек. При школе функционировал ремесленный класс. В селе также работала женская земская школа, где занимались 66 учениц².

В 1905 г. в Горлове насчитывалось 592 двора, в которых проживали 2357 мужчин и 2302 женщин. В селе были «церковь каменная, каменная часовня в память императора Александра II, волостное правление, почтовое отделение, квартира урядника, трактир с продажей вина (до введения казенной продажи имелось три трактирных заведения), смешанная земская школа, еженедельно с 31 января по воскресеньям базары, паровая мельница князей Голицыных, 4 ветряные мельницы, казенная винная лавка, пивная лавка, аптека и фельдшерский пункт, кирпичный завод, а также торговая база Шмонова и мыловаренный завод Воротникова. В одной версте станция Миллионная Сызрано-Вяземской железной дороги и купеческий поселок, где 14 дворов, проживали 30 мужчин и 28 женщин. На станции паровая мельница Шеффера³. В 1905 г. Горлово также могло похвастаться хорошо оборудованной пожарной командой. В ней состояли 4 служителя, в распоряжении которых имелись 4 лошади. Содержание команды обходилось сельскому обществу в 413 рублей в год⁴.

В конце 1905 г. в Горлове была закончено строительство новой земской больницы на десять коек, на которую в разное время было ассигновано около 10 000 рублей. Отчет Скопинского уездного земства описывал ее так: «Больничное здание двухэтажное, верхний этаж занимают палаты мужская и женская, квартиры помощников врача, фельдшера и акушерки. Квартира врача помещается в отдельном флигеле, пожертвованном Пугачевой. В нижнем этаже помещаются: ожидальня, кабинет врача, операционная, ванна, аптека, кухня, комнаты для прислуги и сиделки. Стены и потолки окрашены клеевой краской. Все здание отапливается печами с круговой подпольной вентиляцией. Клозеты теплые». В 1907 г. при земской больнице была выстроена часовня⁵.

Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. Скопинский уезд был охвачен аграрными волнениями. Случай неповиновения властям имел место и в селе. Как докладывал впоследствии Рязанский губернатор В.А. Левашов министру внутренних дел П.Н. Дурново, 24 ноября (7 декабря) 1905 г. в «село Горловку Скопинского уезда прибыл земский начальник Федоровский для выдачи пособий крестьянам, которые, найдя его недостаточным, потребовали в наглой форме от г. Федоровского отправки о том телеграммы началь-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XL очередного 1904 года. – Скопин, 1905. – С. 42; Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 июня 1905 года. – Скопин, 1906. – С. 15, 40–41, 64.

² Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 6–7, 56.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 630–631.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XL очередного 1904 года. – Скопин, 1905. – С. 127, 205.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания ХLI очередного 1905 года. – Скопин, 1906. – С. 196; Журналы Скопинского уездного земского собрания ХLIII очередного созыва 1907 года. – Скопин, 1908. – С. 167.

нику губернии. Исполнив это, Федоровский хотел отправиться на ближайшую станцию, что ему с великим затруднением удалось достигнуть, но едва он приехал на станцию, как туда ворвались те же крестьяне и буквально потащили его обратно в село. К счастью в это время проходила воинская команда, начальнику которой (офицеру) было дано знать о положении Федоровского, которого он без затруднения освободил. В настоящее время зачинщики этого насилия арестованы судебным следователем»¹.

В 1905 г. было капитально обновлено здание горловской церкви Св. Дмитрия Солунского. Фактически был выстроен новый кирпичный храм с двумя приделами: с левой стороны – в честь Святителя Николая Чудотворца, освященный 26 ноября (9 декабря) 1905 г., а с правой стороны – в честь образа Пресвятой Богородицы Троиручицы, освященный 25 сентября (8 октября) 1907 г. В Горлово из Скопина на поезде привезли большую икону Божьей Матери Троиручицы и на руках внесли ее в церковь.

Жители богатого села заботились об украшении своего приходского храма и не скупались на поддержание «церковного благолепия». Так, в 1906 г. унтер-офицер Захар Христофорович Спорыхин пожертвовал Дмитриевской церкви икону преподобного Серафима Саровского в киоте, оценивавшуюся в 545 рублей. Тогда же другой житель Горлова Николай Яковлевич Рыбин преподнес храму облачение на престол и жертвенник на 50 рублей, мещанин Иван Михайлович Лапкин – семисвечник в 75 рублей, а местным священником И.Я. Архангельским была сделана киота для иконы «Достойно есть» в 250 рублей.² До этого в 1903 г. горловский храм стал одной из четырех окрестных церквей, получивших пожертвования из капитала в 5000 рублей Матрены Ивановны Пугачевой, жены пронского мещанина Макария Пугачева³. В 1907 г. на собранные крестьянином Петром Ворониным по просительной книге средства (с добавлением церковных 500 рублей) в Дмитриевской церкви был устроен новый иконостас⁴. В 1908 г. по духовному завещанию коллежского секретаря И.Н. Министрова храм получил 14 000 рублей на содержание церквей в Горлове и в соседнем Ново-Александрове, а также призрение бедных прихожан⁵. В 1910 г. на церковные деньги и пожертвования прихожан были оштукатурены вновь устроенные в церкви приделы и возведена вокруг нее новая кирпичная ограда. В пределах ограды также построили два каменных помещения для церковно-хозяйственных потребностей⁶.

В 1914 г. при Дмитриевской церкви села Горлова числилось земли усадебной – 7 десятин 1800 саженой (11 га), пахотной – 32 десятины (35 га), сенокосной – 1 десятина (1,09 га). В церковной библиотеке насчитывалось 120 книг духовного содержания. В приходе действовали земское начальное училище, четырехклассное земское училище и двухклассное земское училище. В приход храма, помимо самого села, входили также жители деревни Даниловки.

В 1905 г. скончался и был погребен возле апсиды горловского храма его второй штатный священник А.Е. Незлобин. С этого времени И.Я. Архангельскому сослужил брат покойного Алексей Ефимович Незлобин. Многолетнее пастырское служение И.Я. Архангельского завершилось с его кончиной в конце 1915 г. Глубоко почитаемый горловцами сельский батюш-

¹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). – Рязань: Кн. изд-во, 1960. – С. 114.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 10. – 15 мая. – 1906. – С. 187–188.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 6. – 15 марта. – 1903. – С. 91.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 14. – 1 августа. – 1907. – С. 91; Рязанские епархиальные ведомости, № 11 – Июня. – 1906. – С. 93.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 62. – 15 января. – 1908. – С. 53.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 21. – 15 ноября. – 1910. – С. 435.

ка и подвижник народного образования также был погребен на кладбище при Дмитриевской церкви. Священник А.Е. Незлобин продолжал служить в горловском храме во время Гражданской войны и в первые годы советской власти, до самой своей смерти в 1926 г. Преемником И.Я. Архангельского в 1916 г. стал его племянник Валентин Михайлович Попов.

В 1913 г. Скопинские уездное земство рассматривало ходатайства об открытии в окрестных селениях профессиональных отделений при школах: в Гремячке, Князеве, Ермолове – столярно-плотницких, в Казинке – каменно-бетонного, в Катине, Павельце, Лето-ве – слесарно-кузнечных, в Хворощавке, Городецком – каменно-печных, в Затворном – сапожно-скорняжного, в Полянах – штукатурно-малярного, в Пушках – гончарно-печного, а в Горлове – портняжного¹.

В Горлове в 1913 г. значились действующими 1-я и 2-я земские школы, попечителями которых были местные уроженцы Капитон Михайлович Воротников и Семен Афонасьевич Симонов². По отчету за 1916 г. земских школ в селе было уже три – четырех- двух- и одно-комплектная³.

Как свидетельствуют земские отчеты об инспектировании школ, крестьянские дети в Скопинском уезде часто страдали от эпидемических заболеваний. Санитарное состояние практически всех селений уезда было удручающим, уровень медицинской помощи оставлял желать много лучшего, так что болезни распространялись быстро. В 1906–1907 гг. в Горло-веотмечалось 62 случая кори, 18 – рожи, 24 – заушницы, 148 – гриппа. В соседней Ново-Александровке тогда же вспыхнула эпидемия сыпного тифа – заболели 82 человека и был развернут участок Красного Креста. В другой Ново-Александровке, находившейся в Князев-ской волости, сыпным тифом переболело 162 человека⁴. Данные за 1910 г., не сильно отли-чавшиеся от других, дают представление об эпидемиологическом состоянии уезда: корь была зарегистрирована в 1278 случаях, треть из которых приходилось на Павелецкий участок и почти столько же – на Горловский. За зиму 1912 г. в Горлове переболели оспой 10 человек, корью – 77 человек, дифтеритом – 75 человек. Для сравнения: в селе Затворном в то же вре-мя оспой переболели 355 человек, в Муравлянке – 83 человек⁵.

Некоторым жителям Горлова к началу XX в. удалось сколотить немалые для выходцев из крестьянского сословия капиталы. «Например, семья Гусевых, владевшая двухэтажным кир-пичным зданием. Нижнюю часть его занимал магазин, верхнюю – чайная и трактир. В рас-поряжении известного скопинского купца Черкасова находились магазин и сапожная мастер-ская. Горловская пивная принадлежала купцу Шахветову, принося ему немалый доход. Богато жил и местный купец Жевырев, заведовавший лесным складом. Другой купец – Воротников был известен тем, что соорудил в селе мыловаренный завод. От торговой деятельности куп-цов была определенная выгода всему селу, так как они перечисляли деньги на строительство, как тогда говорили, богоугодных заведений»⁶.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года, Скопин, 1913. – С. 25.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года, Скопин, 1913. – С. 273.

³ Отчет за 1916 год, Скопин, 1918. – С. 170.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIII очередного созыва 1907 года, Скопин, 1908. – С. 41.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года, Скопин, 1913. – С. 332; Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года, Скопин, 1911. – С. 274–276.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 233.

В Горлове же по состоянию на 1914 г. было 660 дворов, в которых проживали 2764 мужчин и 2743 женщин¹. В 1914 г. в селе действовали аптека провизора Виктора Феликсовича Здановича, аптекарский магазин Леонида Капитоновича Воротникова, склад лесной торговли Петра Тимофеевича Швырева, хлебная торговля Николая Ивановича Гусева, Ивана Ивановича Гусева и Степана Карповича Ермолаева². По воспоминаниям жителей села, также в Горлове работали лавки и магазины бакалейных, мануфактурных и колониальных товаров Александра Михайловича Пересыпкина, Николая Яковлевича Рыбина, Федора Петровича Фадеева, Александры Михайловны Пересыпкиной, Капитона Михайловича Воротникова, Кузьмы Николаевича Ильина, Евдокии Ефимовны Калашниковой, Николая Порфильевича Каменского. Кожевенные предприятия принадлежали Надежде Александровне Черкасовой, Василию Михайловичу Шамонову. Торговыми лавками щепного товара владели Пелагея Ивановна Пересыпкина, Николай Васильевич Шамонов, мыловарни принадлежали О.Н. Лисицину и Л.К. Воротникову. Трактир в селе был собственностью Петра Николаевича Швырева и торговца Гусева, сапожная мастерская – братьев Черкасовых³.

Участники Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в 1939–1940 гг., основываясь на документах и воспоминаниях местных жителей, так характеризовали Горлово начала XX в.: «В селе значилось 70 торгово-промышленных предприятий, из них 22 по торговле хлебом. По размолу зерна работало две механические мельницы. После истребления местных лесов выросла торговля привозным лесом, одновременно было до 3–5 лесных фирм. Кроме еженедельных базаров периодически происходила конская межрайонная торговля, тогда здесь разводились кони породы тяжеловесов. В числе достопримечательностей прошлого Горлова было: 11 тракторов, одна сельская школа и каменная часовня на базарной площади, выстроенная купцами в знак признательности одному из великих князей, приезжавшему сюда для охоты на волков»⁴.

О нравах дореволюционного Горлова старожилы села вспоминали и в советские годы. Так, например, накануне выборов в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. «Ленинская искра» опубликовала статью «Черные дни царского режима. Рассказ колхозника артели имени Димитрова (Горлово) М.М. Коночкина о выборах в царское время». Немного ступая краски под советский пропагандистский заказ, она все же доносит многие реальные детали процесса выборов волостных старшин Горловской волости в начале XX в.

«Вся наша необъятная страна готовится сейчас к выборам в верховный орган власти. В газетах и по радио сообщают о лучших людях нашей Родины, которых народ выдвинул кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР.

И вот по вечерам, слушая радиопередачи из Москвы о подготовке к выборам, невольно всплывают в памяти черные дни царского режима. Ведь тогда управлять государством могли только богатые, которые путем угнетения бедных наживали капитал и свободно заслуживали высокие чины.

Мой рассказ может показаться нашей советской молодежи неправдоподобным, потому что она не знает далеко ушедших беспроблемных дней. Но это было именно так.

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 556–557.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 460–461.

³ Сообщение Г.Б. Климошкиной.

⁴ Архив МГУ. – ф.42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района. – С. 7.

Обычно выборы старшины в селах были в начале нового года. Подготовка шла к ним месяца два. Собирались бурные сходки, где мужики избирали уполномоченных для голосования за старшину. Я говорю только о мужиках, потому что женщины не имели голоса. «У баб волос длинен, да ум короток», – говорили тогда. Молодежь также не участвовала в выборах.

Большей частью уполномоченные избирались из зажиточных крестьян. Бедняк был совсем бесправным человеком. Узнав о выборщиках, будущий старшина или сам идет к ним, или подсылает своих людей, дает денег на водку, уговаривает голосовать за него. Так делал Соловьев Иван Матвеевич, Графов Федор Аксенович и другие. Лести и денег в предвыборные дни они не жалели. Они прекрасно знали, что все расходы после выборов окупятся с лихвой.

Желающих стать старшиной было много. Между ними шла борьба. А среди уполномоченных нередко были кровопролитные драки, когда они пьяные вели агитацию за своего кандидата.

Особенно наглядна была несправедливость в день выборов. С раннего утра будущий старшина обделяет выборщиков своего села деньгами, хорошо угощает вином и посылает каждого встречать уполномоченных из других сел. При встрече с последними происходит разговор, за кого намерены они опустить шары. И когда горловские выборщики дают деньги своим «коллегам», они соглашаются голосовать за «благодетеля».

Но вот прошло голосование. Волостной старшина приступает к своим обязанностям. Тут же подходит крестьянин к нему с просьбой. И куда только девалась лесть нашего избранника! Он говорит со своими избирателями свысока, а иногда и совсем не разговаривает. Крестьянин отдаст старшине последние гроши, чтобы быть в милости начальника.

Вспоминается мне один случай. Братья Прохор и Матвей Сухановы решили разделить между собой имущество. Матвей был почестнее человек, понадеялся на справедливость старшины Соловьева и не дал ему взятки. А Прохор для того, чтобы ему больше имущества досталось, дал денег старшине.

Состоялся суд в пользу Прохора. Брат не согласился с этим решением и подал жалобу. Но сила-то была в старшине. Шесть лет судился Матвей, просудил все пожитки, а толку так и не добился.

Все это показывает, насколько несправедливы были «избранники» к народу.

Теперь это не вернется никогда. Наша власть на стороне трудящегося народа. По Сталинской Конституции имеют одинаковые права мужчины, женщины и молодежь. Молодежи у нас обеспечено светлое будущее, завоеванное кровью отцов и братьев в борьбе с ненавистными врагами...»¹

Другой рассказ М.М. Коночкина на ту же тему был опубликован газетой год спустя. «Это было лет сорок тому назад, – вспоминал он. – Быть старшиной большая охота появилась у нашего односельчанина Бойкова. Это был видный богач: имел ссыпной пункт, две шасталки и, кроме того, занимался торговлей. <...> Бойков заигрывал с нами, говорил, что будет верным человеком, обещал помогать нам. До самого дня голосования Бойков кланялся мужикам, и нам казалось, что он будет самым лучшим старшиной. Но на деле оказалось, он такой, как и все предшествующие.

Как только закончилось голосование, опускание шаров в кувшин и кандидатура Бойкова получила большинство, старшина отвернулся от народа, не отвечал на поклоны мужиков. Не говоря о какой-либо помощи вдове или сироте, или хозяйству, пострадавшему от стихийного бедствия. Жаловаться на старшину не приходилось, потому что недовольных он мог быстро

---

¹ Ленинская искра, №5. – 1946. – 20 января

посадить в тюрьму, приписав тяжелое обвинение. Что касается нашего избранника Бойкова, не долго издевался он над народом, его зарезали в пьяной компании...»¹

В 1917 г. в Горлове, центре одноименной волости Скопинского уезда Рязанской губернии, было 835 дворов в которых проживали 3141 мужчина и 2976 женщин². «События в период второй и третьей русских революций в селе были отмечены лишь многочисленными митингами и собраниями. До столкновений между враждующими классами в 1917 г. дело здесь не доходило»³.

Летом 1918 г. в Горлове был создан комитет бедноты, ставший основным инструментом проведения политики партии большевиков в волости. Его появление было связано с тем, что образованный в том же году Горловский сельсовет находился под влиянием зажиточных жителей села и зачастую саботировал решения центральной власти по экономическим и политическим вопросам. Комбед выполнял функцию параллельного органа власти, боролся с влиянием кулачества и помогал государству в изъятии излишков хлеба. Однако уже к концу года руководству страны стало понятно, что опора на беднейшие слои населения себя не оправдывала – уж слишком много злоупотреблений допускала дорвавшаяся до власти беднота, торопившаяся выместить свои прежние обиды на наиболее зажиточных односельчанах. А поддержка крестьянина-середняка была так важна в условиях разгоравшейся Гражданской войны. Поэтому VI Всероссийский съезд Советов, заседавший в Москве 6–9 ноября 1918 г., принял постановление о ликвидации комбедов.

«Лебединой песней» горловского комитета бедноты стали перевыборы местного сельсовета в декабре 1918 г. При их проведении членам комбеда пришлось столкнуться с открытой неприязнью горловских хлеботорговцев, которые в условиях введенного с началом Первой мировой войны «сухого закона» освоили новый прибыльный «бизнес» – самогонварение. О произошедших эксцессах члены горловского комбеда сообщали в не очень складно написанном «заявлении» в Скопинский уездный Совет Советов: «...5 декабря 1918 г. были назначены выборы в сельские депутаты в с. Горлове, на которые явились почти все мелкие сельские спекулянты и торговцы самогонкой. При открытии заседания члены к[омите]та бедноты, видя свое бессилие, давление на комитет д[еревенской] б[едноты] кулацким элементом, но все-таки попросили избрать председателя данного собрания для выборов. Когда же была прочитана инструкция волостным председателем Сухановым, что комитеты дер[евенской] бед[ноты] ликвидируются, кулаки и спекулянты с. Горлова, зная, [что] учреждения к[омитет]а бед[ноты] вредят только кулакам и спекулянтам, стали приветствовать, кричали: «Не нужны нам к[омите]ты бедноты, они у нас отбирали хлеб и не пропускали в Москву для вывоза хлеба!» При том секретарь собрания Дмитрий Сергеев Бурмистров выступил с речью, сказал: «Граждане, довольно существовать к[омите]там бедноты, вы знаете, что когда они только организовывались, я стал им препятствовать. Когда они донесли в Чрезвычайную комиссию, то меня посадили как контрреволюционера в тюрьму». Было такое же заявление на волостного председателя Суханова, что он был подрядчиком земляных работ и эксплуатировал чужой труд несколько лет, и что он не бедный, а как подрядчик в последнем году сделал себе дом стоимостью около 20 000 руб., в то же время члены к[омитет]а бедноты, из числа около пяти заявили, что, работая они у подрядчика Суханова, он их эксплуатировал, и что однажды осенью в 1914 г. он нас посылал в канаву на работу, которая была полна воды,

¹ Ленинская искра, №1. – 1947. – 1 января.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 234.

а мы отказались. Тогда он нас называл забастовщиками и прогнал с работ. Во время войны он ускользнул от мобилизации на оборону, куда – нам это не известно. На основании вышеизложенного просим Скопинский Совет Советов выборы считать неправильными, сделать перевыборы. Что же касается вол[остного] председателя Суханова и секретаря Бурмистрова, первого как подрядчика земляных работ, а второго как элемента, вредящего делам к[омите]тов бедноты, от названных должностей отставить. Члены к[омите]та бедноты, работая около 5 месяцев и стоя на платформе советской власти безвозмездно, в данный момент потоптаны сельскими кулаками, и деревенская беднота осталась опять под ярмом кулаков.

К сему подписуемся: члены Горловского к[омите]та бедноты И.Д. Бородкин, Н. Якушин, И. Седов, В. Савидов, И. Ухаров, Ф. Петранин, У. Попов, М. Ухаров.

Добавляя при сем, что члены комитета бедноты заявляли как волостному председателю, а точно так же политическому комиссару А.К. Живалову о неправильности выборов согласно инструкции по выборам, что каждые 100 жителей имеют право послать своего представителя, и что выборы должны быть посотенно, на что вол[остному] правлению было объявлено политическим комиссаром Живаловым, но вол[остной] председатель категорически отказался руководствоваться по инструкции выборами»¹.

Заявление горловского комбеда было направлено для рассмотрения в Скопинский уездный комитет РКП (б), который санкционировал проведение перевыборов в Горловский сельсовет.

Описывая катастрофическое положение товарного рынка страны в 1919 г. и очень догматично рассуждая о его причинах, Д. Бурмистров делился своими мыслями с читателями скопинских «Известий»: «...Многие оказались способными разрушителями новой жизни. Люди эти разрушают все, что только попадет под руку. Разрушили весь железнодорожный транспорт своими непрерывными поездками в разные места с целью спекуляции... У людей вместо строительства нашей жизни на новых началах, у большей части явилась какая-то ненасытная алчность к легкой наживе пачек керенок, которых многие понаклали и не перестают все еще класть, наживая от преступной спекуляции... Теперь перейду к местным изделиям, которыми торгуют на базаре в с. Горлово. Мне пришлось исторговать ушат и кадушку, за первый с меня спросили 80 руб., который в мирное время стоил 60 коп., за кадушку 150 руб., стоила ранее 1 руб. 10 коп., на которые пошло материалу не более 30 руб. Сделать это один человек может легко в 3 дня. Сколько же он может заработать? Далее, лапти тоже своего изделия, продаются по 30 руб., а лыка на них пошло на 3 руб. и хороший плеталап может сплести 2 пары лаптей в день, валенные сапоги 350 руб., кожаные 600 руб., и вот от своих личных-то изделий зарабатывают от 30 до 100 руб. в день, это уже есть спекуляция трудом»². По этой публикации можно судить о ценах и ассортименте горловского базара в годы Гражданской войны.

Другой корреспондент Суханов в том же 1919 г. сообщал: «Недели две тому назад Скопинский продовольственный отдел отпустил Горловскому обществу потребителей около 100 л керосина для раздачи населению волости. На своем собрании граждане отказались от керосина и поручили местному Совету раздать его мельникам за недостатком топлива. Мельниц в Горлове три, первая богатых купцов Гусевых, вторая не мене богатого Нефедова и третья бедного гражданина Пономарева. Что же сделал совет, от которого пахнет только самогонкой? Да он отдал керосин двум буржуям Гусеву и Нефедову, потому что они богаты и умеют говорить на ушко с комиссаром Горловского продотдела, человеком вечно пьяным. Мельницы их теперь работают и нефтью, и гудроном, а керосин меняется на свинину, мясо и масло, а Пономарев, у которо-

¹ ГАРО, ф. П-1436, оп. 1, д. 2, лл. 147–150.

² Известия, № 12. – 1919. – 20 февраля.

го не на что купить самогонки и угостить совет, ходит и плачет. Нужно заметить, что при раскладке чрезвычайного налога на мельницу Гусевых наложили 7 тысяч, Нефедова 10 тысяч, а на Пономарева 15 тысяч (?). Вот где нужна ревизионная комиссия!! Пора бы выгнать людей, продающих власть советов буржуазии, а мельницы Гусевых и Ко национализировать. Ведь, как известно по сбору муки, последней больше всего для общества дала мельница Пономарева»¹.

Уклонения от призыва в Красную Армию в годы Гражданской войны были довольно распространенным явлением. Нередко этим грешили даже члены органов советской власти. В середине августа 1919 г. уездные «Известия» сообщили о том, что «в Скопин прибыл из Рязани революционный трибунал и отбыл в уезд. По возвращению революционным трибуналом будет произведен суд над дезертирами и в г. Скопине»². Разбором дел в открытом публичном заседании, допросом самих обвиняемых, в частности было установлено: «что Шкирин Павел, будучи Председателем Горловского сельсовета и обязанный выполнять постановления Советской Власти, сознательно укрывал, и в том числе двух своих сыновей...», за что был заключен в концентрационный лагерь на год. Сыновей Григория и Михаила Шкириных приговорили «условно к мере наказания РАССТРЕЛУ с немедленной отправкой на красный фронт», где им предоставлялась возможность искупить свою вину»³. В этом же номере газеты сообщалось об успехах уездных властей в борьбе с бандитизмом: «Скопинский уголовный розыск схватил бандита Паничкина в Горлове, «наводившего ужас на окрестное население и поселки. При Паничкине были обнаружены револьвер и две бомбы»⁴.

Другим характерным для периода Гражданской войны явлением местной жизни было повсеместное самогоноварение. Самогон служил средством добывания денежных средств и их эквивалентом. В уездной газете «Власть труда» в заметке «Черное гнездо» сообщалось: «В Горлово зачастую приходится видеть пьяных граждан. Самогонку гонят во всех селах Горловской волости, в особенности в с. Дмитриеве, где сельские власти никаких мер не принимают. По воскресным дням, когда бывает базар, это предательское производство продают жителям Горлова, которые, не стесняясь, торгуют самогонкой распивочно и на вынос. В особенности это распитие можно наблюдать на конной площади, где при купле-продаже скота, как называется, пьют «магарыч». Село Горлово – это притон для всех кулаков, съезжающих из разных местностей. Спекулянты в этом селе имеются всякого рода. Тут они раздувают свои темные делишки, тут же распускают всякие провокационные слухи о советской власти и нашей доблестной Красной армии. С налетом Мамонтова на Тамбов наши горловские буржуа и кулаки собирались печь пирог для встречи любимых гостей. Все время поговаривали о Мамонтове, но, к их несчастью, надежда на эту встречу у них отпала. Бандиты Мамонтова окружены красными войсками и прогнаны за пределы Рязанской губернии. Теперь горловские друзья этих бандитов говорят иначе: «Да, что и Мамонтов? Он тоже не на все время. Если бы он пришел навсегда... А то побудет, а потом его и прогонят». Вместе с кулаками работают и некоторые представители нашего духовенства. Черные стаи контрреволюционеров свивают гнездо в нашей волости. Приходится серьезно на это обратить внимание, дабы не могли они пустить свои ядовитые зубы в тело израненного рабочего и крестьянина»⁵.

В еще одной заметке – «Вот так местечко» – корреспондент, скрывшийся под псевдонимом «Проезжий», делился впечатлениями о своем посещении села в январе 1919 г.: «...Проезжая по

¹ Известия, № 19. – 1919. – 27 марта.

² Известия, № 47. – 1919. – 16 августа.

³ Известия, № 50. – 1919. – 3 сентября.

⁴ Там же.

⁵ Власть труда, № 53. – 1919. – 17 сентября.

Сызрано-Вяземской железной дороге, мне совершенно случайно пришлось остановиться на ст. Миллионной, так как поезда не было, то отправился в село Горлово, которое расположено при станции Миллионной, да к тому и голод страшно тянул... Устав с дороги, я без разговоров уселся [на подводу] и поехал. Минуту длилось неловкое молчание, потом я первый начал разговор.

– А что, у вас здесь можно достать хлеба, не пуд-два, а только чтоб утолить свой голод.

– Гм, да я право не знаю, как вам сказать; очень трудно, но фунт или два я сам могу вам дать.

Я выразил благодарность и переменял тему, начав прямо с того, какова власть на месте. Он мне толково начал рассказывать, что подбор служащих совета еще ничего, а вот в комиссариате по военным делам собрались, как он выразился, «шайка». Я с любопытством начал расспрашивать, что же это за люди. Да вот такие люди, сверху до низа буржуи. Так, например, военный комиссар Рязанов имеет порядочное состояние, две лавки, к тому еще офицер старой армии и ярый спекулянт; другой военный комиссар тоже из зажиточных мужичков, офицер старой армии; военный руководитель Янсон (как будто правильно), латыш, офицер старой армии; делопроизводитель (фамилию не помню), купец, спекулянт, тоже с состоянием, которое хватит для прожития с семьей на десяток лет при настоящей дороговизне, чиновник военного времени; заведующий волостным бюро по всеобщему военному обучению – его брат торгошник, спекулянт, и помощник его торговец Лезин, тоже не без грехов. Выслушав эту обрисовку, довольно краткую, но яркую, я подумал: «Да, еще не скоро советская власть освободится от этих ненавистных порабитителей». «Ну, мы приехали, – сказал мне человек, – вы ступайте в дом, а я пока разделаюсь с лошадыю». Расправившись с лошадыю, он повел меня в помещение, где я подождал немного, как только получил хлеб, поблагодарив, поспешил на станцию. По дороге я опять подумал, неужели нельзя вывести весь сор из советских учреждений? Здесь я схватился за слово «сор», э, думаю, а ведь правда, как сор из своего жилища никогда не выведешь, всегда останется и с негодными элементами, пока бороться трудно. Но все же скажу, что надо объявить подобным, самую жестокую страшную войну»¹.

Об особенностях культурной жизни в селе в 1919 г. писал в скопинских «Известиях» Ф. Соловьев: «В Горлово давно организован культурно-просветительский кружок, состоящий преимущественно из торгового класса, к ним же примкнула местная интеллигенция, учителя и учительницы. При кружке образовалась драматическая секция из артистов-любителей. Любителями часто устраиваются спектакли в здании высшего начального училища в пользу бедных сирот, вдов, мужья которых убиты на войне. Но никакой пользы этим бедным детям они не приносят. Обыкновенно по окончании спектакля до утренней зари у них продолжаются танцы. Тут есть и буфет, за которым и прогуливаются вырученные от продажи билетов деньги... Как только я приезжаю к себе в Горлово, со мной встречаются крестьяне, и каждый из них, поздоровавшись, обязательно спросит меня, что в Скопине нового, что пишут в газетах. Я тогда им отвечаю, что газеты и у нас получают в совете и они должны передаваться в культурно-просветительский кружок, и последний должен прочитывать их крестьянам. На это крестьяне мне отвечают, что в этом кружке находятся все богатые и ученые, – они не хотят с нами зняться. Собираются они всегда одни у купца Воротникова в доме и там о чем-то беседуют»².

Интересным эпизодом в жизни села 1920-х гг. стала история Горловской коммуны. «В 1924 г. демобилизовавшийся из армии Д.А. Ухаров и пятеро его товарищей решили создать в селе коммуну для совместной обработки земли. На Рязанщине это была одна из первых ласточек коллективного хозяйствования. За разрешением они обратились в Скопинский

¹ Известия, № 7. – 1919. – 31 января.

² Известия, № 6. – 1919. – 26 января.

уездный Совет рабочих и крестьянских депутатов, который их поддержал. Для коллективной обработки коммунарам выделили 100 га плодородной земли.

По воспоминаниям старожиллов удалось в общих чертах воссоздать принципы труда и быта коммунаров. Как уже говорилось, коммуна состояла из шести семей. Жили они вместе в небольшой постройке, разгороженной на шесть крохотных квартирок. Продовольствие и вещи у них были общими, питались они также за общим столом. Обобществили также скот, орудия производства, даже птицу. Работали дружно, с большим подъемом.

Пример горловских коммунаров вызвал большой интерес к ним не только в Горлове, но и в других селах и деревнях. В коммуны стали подавать заявления с просьбой о вступлении. Однако многие приходили в коммуны, предварительно распродав свое имущество и скот. Расчет был прост – получить все блага из общего котла, ничего туда не внося. Очень скоро таких иждивенцев в коммуны стало гораздо больше, чем добросовестных работников. Что и послужило главной причиной ее распада»¹.

По данным за 1926 г., в Горлове насчитывалось 1075 дворов и 5154 жителя, 2 выкопанных пруда, 150 колодцев, в 0,5 км от села протекала р. Табола. Основными занятиями населения села в это время, как и до революции, оставались «земледелие, огородничество, работа на ж/д станции и отходничество»².

В 1929 г. в жизнь Горлова пришло много новшеств. Было отменено прежнее административное деление на волости, уезды и губернии. Вместе с другими городами, селами и деревнями бывшей Рязанской губернии Горлово стало населенным пунктом Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Тогда же был образован и Горловский район, первоначально отнесенный к Тульскому округу Московской области. В него вошли села и деревни не только из бывшего Скопинского уезда Рязанской губернии, но и из дореволюционного Епифанского уезда Тульской губернии. В 1930 г. в Горлове тиражом до 2700 экз. начала издаваться районная газета «Ленинская искра», которая регулярно выходила в свет вплоть до упразднения Горловского района в 1959 г.³

Годы первой пятилетки были ознаменованы массовой коллективизацией. Уже в 1929 г. в Горловском районе появились первые 18 колхозов. В селе Затворном были образованы сельхозартели «Пролетарий» и «Маяк», в Горлове – «Труд». В других селах возникли товарищества по совместной обработке земли «Новый Путь» (село Рудинка), «Новая жизнь» (село Катино), «Новый быт» (село Павелец), «Новый путь» (село Нагиши), «Дружба» (село Муравлянка). Были и машинные товарищества: в Горлове – «Новый Путь», в Муравлянке – «Жнейка», в Катине – «Пробуждение», в Клетотках – «Луч деревни», в Петрушине – им. Калинина, в Измайловке – также им. Калинина⁴.

В 1930–1931 гг. в Горлове была создана машинно-тракторная станция, предоставлявшая сельхозтехнику окрестным колхозам. На начальном этапе в работе МТС было немало трудностей, о которых откровенно писала районная газета «Ленинская искра»: «Прицепные машины к тракторам – 25 плугов не имеют частей, не завезено ни одной сеялки, культиваторов и прицепов. Ремонтная мастерская МТС не готова к севу. К организации полевого ремонта МТС не приступила. Не выявлено, насколько МТС обеспечена качественным составом кур-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 234–235.

² Архив МГУ, ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района..

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 235.

⁴ Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Милославского и Чернавского районов. – Тула, 1930. – С. 48–49.

сантов-трактористов. Вопрос о прикреплении трактористов к тракторам еще не прорабатывался. Рабочие планы не составлены, использование агросил происходит нерационально (частая переброска) ... Тракторы в количестве 21 штук на места не завезены¹. Но постепенно работа Горловской МТС налаживалась.

В период массовой коллективизации на время «воскресли» исчезнувшие в годы военного коммунизма комбеды. Теперь это были группы сельской бедноты, которые проводили регулярные собрания, давали наказы сельсоветам, определяли кандидатов в сельсовет и т.д. Рекомендованные такими группами к избранию члены сельсоветов отстаивали интересы беднейшего крестьянства. В Горлове такая группа бедноты состояла из 27 домохозяев. Из них к весне 1929 г. 12 человек были членами ВКП (б).

Горловский колхоз «Труд» также образовался в 1929 г. Изначально в него вошли 13 безлошадных хозяйств села. Но уже в 1930 г. в колхозе состояли 150 хозяйств, было 40 рабочих лошадей, 40 коров, 115 овец, 24 свиней и большое количество поросят. Горловские колхозники засеяли яровой клин в 490 га, организовали пасеку в 19 ульев, построили свинарник, два скотных двора и конюшню. В 1931 г. в колхозе «Труд» стало 504 хозяйства. Площадь засеянного горловскими колхозниками ярового клина превысила 1040 га. На площади в 10 га был разбит колхозный сад. В хозяйстве колхоза было 133 рабочие лошади, молочная ферма на 43 коровы, 200 овец, 29 свиноматок².

В 1931 г. селькор И. Суханов писал на страницах «Ленинской искры»: «Первое мая село Горлово встречает большим приливом единоличников в колхоз «Труд». Бедняки и середняки-единоличники на общих собраниях, вполне осознав выгодность коллективного хозяйства, добровольно изъявляют желание работать в колхозе. Сейчас в горловском колхозе «Труд» состоит 517 хозяйств. Недалек тот день, когда Горлово, по примеру Нагишей, превратится в сплошной колхоз»³.

«Одним из первых председателей колхоза «Труд» был Комаров Дмитрий Иванович, 1893 г. рождения, член партии с 1918 г., крестьянин, образование низшее, в старой армии служил в 1915–1917 гг., в Красной Армии с 1918 по 1922 гг., партвызсканий не имел. До 1915 г. работал ломовым извозчиком, в 1923–1925 гг. – председателем комитета взаимопомощи, в 1926 г. – председателем правления сельхозтоварищества, в 1930–1932 гг. – в Горловском РКК, с 1933 г. – председателем колхоза «Труд». В начальный период его руководства из колхоза было вычищено 33 хозяйства. Весной вступило еще около 200 хозяйств»⁴.

Стараясь обеспечить монолитность колхозной организации, из них старались исключать неблагонадежные элементы, в частности бывших кулаков, торговцев, других мелких предпринимателей. Об одном из них горловская районная газета «Ленинская искра» писала в январе 1932 г.: «Недавно из горловского колхоза «Труд» были вычищены, как чуждые, кулацкие 14 хозяйств, но кулак Д.Ф. Боровиков ускользнул каким-то образом от вычистки. Боровиков – ростовщик, давал займы и брал большие проценты. Был лишен права голоса, состоит членом церковного совета. Недавно купил кулацкий дом за 200 рублей. Ярый спекулянт. В колхоз вступил, чтобы скрыть свою кулацкую шкуру»⁵.

С 5 июня 1932 г. традиционный базар в Горлове начали организовывать по-новому, по-советски. Корреспонденты «Ленинской искры» Н. Шагин и Строгий так писали о нем в статье «Первый колхозный базар в Горлове»: «3 июня Райснаб, РКС, РайФО, Горловское

¹ Ленинская искра, № 20. – 1931. – 18 апреля.

² Ленинская искра, № 23. – 1931. – 8 мая.

³ Ленинская искра, № 22. – 1931. – 1 мая.

⁴ ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 48.

⁵ Ленинская искра, №8. – 1932. – 28 января

сельпо, Госбанк, колхоз «Труд» и милиция обсуждали вопрос о развертывании советско-колхозной торговли. Особой комиссии было поручено руководство первым колхозным базаром.

5 июня – 1-й советско-колхозный базар. Едущих на базар встречает лозунг: «Колхозники, бедняки и середняки-единоличники, излишки своих продуктов вывезем на колхозный базар!».

Первыми на базар приезжают единоличники и отдельные колхозники. Приехавших с маслом, яйцами, творогом приятно удивляют длинные белые столы, приготовленные для продажи молочных продуктов. Быстро освоившись – начинают раскладывать на столах продукты. Но столов мало, и приехавшим попозднее приходится раскладывать на земле.

Часам к 9 утра один за другим приезжают колхозы. У подводы мшанского «Богатыря» – очередь. Мед – 5 рублей кило. А в прошлый базар меду на базаре почти не было, а если и был, то по 8 рублей. Торгует медом и горловский колхоз «Труд».

У подводы троице-орловского колхоза в большом деревянном ящике поросята – по 130 рублей. Рядом тоже подвода с поросятами, но они заслуживают меньшего внимания – они по 160 рублей. Колхозник-продавец подходит к хозяину подводы и говорит: «Ты что же за своих по 160 просишь, а вот купи за 130». Хозяин поворачивается и вдруг звонко кричит: «Вот поросята по 130 рублей – подходи!» Привез поросят и рудинский колхоз «Гремучий».

На подводах нагишевского колхоза – горох, пшено, мед.

На углу против РИКа под красным лозунгом: «Развернем колхозную торговлю!», растянутым между двумя подводами, в большой бочке свежая рыба. Караси – 3 рубля кило. Рядом бочка с медом. На зеленых дугах подвод надпись: «Лазинский колхоз “Новая жизнь”».

Колхозный базар в полном разгаре. У палаток сельпо, Мосторга колхозники и единоличники покупают промтовары. Кооперация, хотя и мало, но все же выдвинула их навстречу продающим свои излишки.

Рудинское сельпо продает гончарные изделия. Под навесом райпотребсоюз продает шипковые товары: колеса, грабли и шорные изделия.

Границы старого базара сломаны, колхозный базар в полтора раза больше обычных базаров. Только во втором часу базар начинает разъезжаться.

Сейчас после первого колхозного советского базара надо сделать первые выводы, выявить недочеты с тем, чтобы их не допустить в будущем.

Во-первых, самый центральный недостаток – то, что не был выделен специальный колхозный ряд, и колхозы раскинулись по разным углам базара. Мало сделано столов для торговли молочными продуктами.

Кооперация не сделала должной встречи колхозникам и беднякам и середнякам-единоличникам, продающим свои излишки. Товаров широкого потребления было недостаточно. В палатке Горловского сельпо носки были только шелковые.

Пропускная способность чайной очень низкая и явно не смогла удовлетворить всех желающих. Почему бы и не использовать бывшую чайную артели инвалидов?

Дальше, РайФО надо бы организовать на базаре консультацию по вопросу о колхозной советской торговле и о новом ЕСНХ.

Лозунгов и плакатов на базаре было мало, и притом вывешены они были уже в середине базара.

Комиссия и милиция не сумели планово организовать базар, и в ряде мест получилась толкучка.

Эти недочеты мы должны немедленно учесть и не допустить их в следующие базары. На базаре надо развернуть широкую массовую разъяснительную работу, к этому делу надо при-

влечь комсомол, пионеров и общественные организации»¹. С 4 января 1934 г. был установлен второй базарный день – среда².

Наряду с легальной торговлей некоторые жители Горловского района пытались заниматься перепродажей скота, что считалось спекуляцией и преследовалось государством. Очередной этап борьбы с этим явлением развернулся после выхода Постановления ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией» от 20 мая 1932 г. В том же году горловская милиция рапортовала о выявлении «шайки» злостных спекулянтов. Народный суд приговорил кулака Спиридонова (деревня Бутырки) «к лишению свободы в концентрационном лагере на 5 лет» и С.С. Михеева (село Павелец) к 3 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Их вина заключалась в том, что они скупали скот, забивали его, а мясо отвозили на продажу в Москву³. В 1934 г. «житель Горлова М.И. Серов и его зять С.И. Соловьев 11 ноября купили 6 овец по цене 75–100 рублей за каждую, продали мясо по 12–13 рублей кило и возвратились с мануфактурой, подошвами. М.М. Деева еженедельно ездила в Москву для продажи продтоваров, а возвращалась, привозя даже керосин. П.М. Фатин скупал пшено и пр., а его зять развозил в промышленные города для продажи по специальным ценам»⁴. Все эти факты также расценивались как нарушение государственной монополии на торговлю.

Допускали злоупотребления и сотрудники предприятий советской торговли. О них «Ленинская искра» писала в блоке статей под общим заголовком «Беспощадно разоблачать как нэпманских перерожденцев организации и лиц, виновных в нарушении розничных цен!» В одной из заметок сообщалось: «Председатели правления Чуриковского и Горловского сельпо (Сасов и Графов) делали «рекордные» накладки на товары, тем самым обманывали, обворовывали потребителя – своего пайщика. <...> Разительные факты накладок цен на отдельные товары сверх нормальной розничной цены по Горловскому сельпо. На соду накладка 50% вместо 20 плановых. На головные уборы 30–35 %. На железные лопаты – 25 %. Мыло хозяйственное вместо 3 руб. 60 коп. продавалось по 3 руб. 80 коп.»⁵.

Яркую жанровую картинку горловского быта начала 1930-х гг. дает статья «Опять о горловской столовой», опубликованная в «Ленинской искре». Журналисты Архипов и Нигаш свидетельствовали: «Уже не один раз писалось о работе горловской столовой. Но сельпо ограничилось только проработкой заметки о столовой и вынесением резолюции, которая так и осталась на бумаге. Никаких мероприятий по улучшению работы столовой не проведено в жизнь.

Цены на разные обеды и завтраки установлены одинаковые. В закрытой столовой завтрак – 40 копеек и обед 65 коп. Сегодня вы получите за 40 копеек хороший завтрак, а на другой день за ту же цену – селедку. Такая же история и с обедами.

Утром в закрытой столовой томительное ожидание, примерно часов до 9, а открывается она по расписанию в 8 часов. Обеда ждать в столовой надо минут 20–30. Почему, может не хватает подавальщиц? Нет. Подавальщиц в столовой три, но в работе их полнейшая обезличка. Столы не распределены между ними, что приводит к излишней толкотне.

Некоторые подавальщицы столовой отличаются недопустимой грубостью к посетителям. «Чего, черти, бродите, сидели бы уж!» – огорошивает подавальщица Сечкина измученных

¹ Ленинская искра, № 75. – 1932. – 8 июня.

² Там же.

³ Ленинская искра, № 108. – 1932. – 8 сентября.

⁴ Ленинская искра, № 216. – 1934. – 21 ноября.

⁵ Ленинская искра, № 165. – 1934. – 12 сентября.

долгим ожиданием обеда посетителей. На справедливое негодование одного из «счастливых» посетителей, который в супе выловил таракана, Сечкина отвечает: «А я что, слежу что ли?» Такой же ответ готов и гражданину, в хлебе у которого обнаружены залежи мочалы.

Таких примеров можно было бы привести очень много, но и это уже хорошо характеризует отношение служащих столовой к посетителям. Мы просим РКИ проверить работу горловской столовой и руководство ей со стороны сельпо»¹.

В 1929 г. в Горлове отмечались волнения и протесты православной общественности против антирелигиозной политики советского государства. Они ускорили решение Горловского сельсовета о закрытии Дмитриевской церкви. Однако проживавший в селе почти до самой своей кончины в январе 1938 г. последний священник храма В.М. Попов продолжал венчать, крестить и отпевать горловцев до зимы 1937–1938 гг.

В 1933 г. в горловском колхозе «Труд» было 501 хозяйство, из них 267 вступили в него в предыдущем году. На 15 ноября 1933 г. юридических членов в колхозе было 768. Село Горлово считалось коллективизированным почти на 90 %. Колхоз «Труд» обрабатывал 2345 га пахотной земли. Под посевы основных культур было выделено: рожь – 746 га, овес – 546 га, просо – 106 га, картофель – 92 га, вика – 234 га. По выдаче продуктов на трудодень горловский колхоз занимал последнее место в районе – каждый из них «конвертировался» в 4,1 кг зерновых и 0,45 кг картофеля (в среднем же по району на трудодень колхозники получали 11 кг зерновых и 10 кг картофеля). Средняя урожайность ржи составляла 8,75 ц с га, овса – 9 ц с га, проса – 5 ц с га, картофеля – 7,5 т с га. В составе хозяйства было 11 полеводческих и одна садово-огородная бригада. Всего насчитывалось 170 рабочих лошадей, действовали СТФ и МТФ². В 1935 г. колхоз «Труд» разделили на пять: «Труд», им. Калинина, им. Кагановича, им. Хрущева и им. Димитрова³. «Их возглавили соответственно Царев, В.А. Шишкин, И.И. Тулянкин, С. Федорин и А.С. Ермагин»⁴.

Газеты 2-й пол. 1930-х гг. по-прежнему были полны критических публикаций о проблемах сельской торговли. Примером может служить статья журналиста Журкина «Поднесешь чарку – получишь тесину». В ней, в частности, сообщалось: «Заведующим лесным складом Горловского райпотребсоюза работает М.А. Леонов, который своим плохим поведением позорит систему советской торговой организации. Нет такого дня, чтобы Леонов не был пьяным, пьет исключительно за счет покупателей. Если его не сводят в буфет при станции Миллионная и не возьмут ему вина или пива, то лесоматериала никогда не получают. Например, гражданин Ново-Александрово Рыбочкин, напоив Леонова пьяным, получил воз теса, а В.И. Жуков не мог получить ни одной тесины. Даже МТС не могла взять теса до тех пор, пока один из хозяйственников не сводил в буфет Леонова. После этого даже получил лес в кредит. Много и других таких фактов. У Леонова это вошло в привычку.

Пьяный Леонов, приходя на склад, начинает матерно ругаться на работающих на лесоскладе, обращается с ними грубо и дерзко.

Правлению райпотребсоюза нужно подумать о дальнейшей работе Леонова на складе, ибо он, как окончательно разложившийся человек, не заслуживает доверия и тормозит выполнение плана товарооборота»⁵.

¹ Ленинская искра, № 12. – 1932. – 11 февраля.

² ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 125.

³ Архив Скопинского района, ф. 249, л. 1.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 235.

⁵ Ленинская искра № 94. – 1936. – 16 августа.

С дореволюционных времен на одной из центральных улиц села – Капкас, переименованной в 1930-е гг. в Советскую, располагалась бывшая земская школа. В ней в две смены обучались ребята 5–10 классов. Преподавали в школе 20 педагогов с высшим образованием. В 1936 г. в селе было возведено новое двухэтажное школьное здание на ул. Садовой. Дети обучались в 14 классных комнатах, занятия проходили в две смены. В школе была большая библиотека, около здания был разбит цветник и построена спортивная площадка. Директором этой школы был Н.А. Быков. Большим уважением учеников пользовались учитель химии Анна Ивановна Титова, учитель немецкого языка Вера Михайловна Неуронова, учитель биологии Анна Павловна Панкратова.

Иногда, однако, и горловская школа попадала под критический огонь прессы. Так, в 1936 г. в «Ленинской искре» появилась статья А. Медведева «Пироги печет сапожник», посвященная ее проблемам. В ней сообщалось: «Еще покойный Иван Андреевич Крылов говорил: «Беда, коль пироги печи начнет сапожник, а сапоги тачать пирожник». А вот в горловской неполной средней школе так и делается. Например, А.В. Мишанин, естественник, а преподает арифметику. Может быть, в школе нет математиков? Ничего подобного – есть. Вот вам математик Гнилокостов, и неплохой математик. Но он почему-то преподает другую дисциплину. И не только Мишанин и Гнилокостов. Андросова, Птицына, Быкова тоже занимаются по другим предметам. Они преподают арифметику, географию, русский язык – словом, все, что угодно, независимо от того, знают они этот предмет или нет. Преподают для того, чтобы получить практику, но каково от этого ученикам? Может быть, эти учителя хотя бы серьезно подготовиться по тем предметам, которые они преподают? Может быть, они работают над собой? Ничуть не бывало. Например, от законченного образования они наотрез отказались.

В школе есть еще много плохого. Например, систематически срываются последние два-три урока. Срываются потому, что нет освещения. Как будто купить пять-шесть ламп – такое большое дело! Школа летом ремонтировалась, но этого ремонта не чувствуется. Штукатурка со стен обвалилась, крыша протекает, в классах вода, грязь по всей школе непролазная. Проще говоря, нет хозяйственного глаза в школе, нет большевистской заботы о ней. На каждом шагу чувствуется здесь крыловское: “Беда, коль пироги печи начнет сапожник...”¹

В середине 1930-х гг. на Горловской МТС некоторое время работал Федор Андрианович Полетаев (1909–1945), уроженец села Катини Скопинского уезда, будущий участник итальянского движения Сопротивления, национальный Герой Италии и Герой Советского Союза (1962). О его работе сохранилось интересное свидетельство бригадира кузнецов Горловской МТС Кирюшина, давшего интервью районной газете «Ленинская искра». В нем он подчеркивал: «...От правильной расстановки рабочих, от правильного распределения времени многое зависит. Мы работаем так: я, старший кузнец и одновременно бригадир, работаю вместе с кузнецом Полетаевым и молотобойцем Лазаревым. Каждый из нас, прежде всего, знает свое место. Наряд на работу следующего дня я обязательно выдаю с вечера, дисциплину соблюдаем. Инструменты расположены так, что их не приходится разыскивать по 5–10 минут, а подходишь и берешь что нужно. Горн разжигаем за полчаса до начала работы. У нас небольшой коллектив, но мы часто проводим производственные совещания, соревнуемся друг с другом и помогаем разбираться в непонятных вопросах»².

¹ Ленинская искра №129. – 1936. – 2 ноября.

² Ленинская искра №105. – 1936. – 12 сентября

В начале 1937 г. в Горлове, райцентре Горловского района Московской области насчитывалось 574 двора. Все жители села состояли в пяти колхозах, так что оно считалось коллективизированным на 100 %. Колхозная посевная площадь составляла 2599,5 га, с усадьбами колхозников – 2757,2 га. Колхозные сады занимали площадь в 13,3 га. В хозяйствах жителей села насчитывалось 453 голов крупного рогатого скота, 294 свиньи, 324 овцы¹. Все пять горловских колхозов владели в общей сложности 105 головами крупного рогатого скота, из них 44 коровами, 183 свиньями (включая 30 свиноматок), 212 овцами и 329 лошадьми².

Борьба с внутрипартийной оппозицией и политические процессы 2-й пол. 1930-х гг. нашли свое отражение и на жизни Горлова. 22 августа 1936 г. в селе прошло совещание передовиков-стахановцев, созванное редакцией газеты «Ленинская искра» и дирекцией Горловской МТС. Его участниками была принята политическая декларация, появившаяся в районной газете два дня спустя под характерным для эпохи заголовком «Врагов расстрелять». В документе говорилось: «Мы, стахановцы-трактористы и комбайнеры Горловской МТС 22 августа собрались на совещание в редакцию газеты «Ленинская искра» [и] с чувством пламенного гнева требуем уничтожить шайку бандитов, покушавшихся на жизнь наших вождей, на жизнь беспредельно любимого и дорогого нам Сталина и его соратников.

Наш гнев, наше возмущение троекратно возросло, когда из показания Зиновьева мы узнали о сочувствии террористам правых оппортунистов Бухарина, Рыкова и Томского. По-сылаем проклятье всем бешеным фашистским псам, трижды презренным контрреволюционным выродкам, и требуем их расстрела.

Мы просим наше советское правительство, пролетарский суд вынести грозный приговор этим злодеям и привлечь к такой же ответственности Бухарина, Рыкова, Томского и др. за то, что они скрыли действие врагов.

В ответ на мерзкие вылазки врагов сплотимся вокруг любимой ленинско-сталинской партии, в тысячу раз повысим классовую бдительность, беспощадно будем вести борьбу с врагами народа и обещаем показать еще лучшие образцы в нашей работе.

По поручению совещания члены президиума: Сатаров, Васильев, Панов³.

Волна «Большого террора» накрыла и некоторых жителей Горлова. 5 января 1938 г. в Рязани был расстрелян Яков Павлович Панов (1902–1938). Он был сыном крупного горловского подрядчика дореволюционных времен, но его потенциал способного хозяйственника раскрылся уже в советское время. С 1926 г. Я.П. Панов был кандидатом в члены ВКП (б), однако его отношения с партией носили сложный характер. Он стал большевиком, но в партийную чистку 1929 г. был исключен «по признакам кулацкого хозяйства отца» и вновь переведен в кандидаты. В 1929 г. Я.П. Панов исполнял обязанности прикрепленного от района в Хворощевском сельсовете, в 1931 г. был вновь принят в ВКП (б). С февраля 1933 г. Я.П. Панов работал председателем колхоза «Красная заря» в селе Вязовенка. Под его руководством расстроенное хозяйство колхоза сравнительно быстро наладилось. Это, однако, не спасло предколхоза от партийной чистки 1933 г. – он вновь был исключен за классово-чуждое происхождение и «связь с чуждым элементом» (обе жены Я.П. Панова были из богатых горловских семей). Он был арестован 4 октября 1937 г. по делу группы руководящих работников Горловского района. На момент ареста Я.П. Панов занимал должность заведующего

¹ Архив МГУ, ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

² Архив МГУ, ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939.

³ Ленинская искра, № 117. – 1936. – 24 августа.

Горловским районным земельным отделом. Трагическая судьба постигла и его брата Ивана Павловича Панова (1891–1937), бригадира одного из горловских колхозов. Он был расстрелян 16 сентября 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой.

Архип Матвеевич Кутузов (1885–1937) работал в своем родном Горлове слесарем-механиком на частном подряде. 26 августа 1937 г. он был арестован, а 26 сентября – осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации и враждебном отношении к членам партии и руководству страны. 29 сентября 1937 г. А.М. Кутузов был расстрелян в Бутове, а в 1956 г. – посмертно реабилитирован.

Уроженец Горлова Степан Дмитриевич Ухаров (1895–1938) был братом раскулаченного в начале 1930-х гг. Николая Дмитриевича Ухарова. Он проживал в селе Карачарово Ухтомского района Московской области и был рабочим Карачаровской электростанции Мосэнерго. С.Д. Ухарова арестовали 27 февраля 1938 г. 16 июля он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в антисоветской агитации среди рабочих и высказывании «террористических настроений по адресу вождя ВКП (б)». С.Д. Ухарова расстреляли 3 августа 1938 г. в Бутове, в 1958 г. он был посмертно реабилитирован.

Другой уроженец Горлова Ананий Назарович Шибанов (1880–1937) жил и работал в Москве, был пожарным на сапидиловом заводе. 23 сентября 1937 г. он был арестован и 11 ноября осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации. А.Н. Шибанов был расстрелян на Бутовском полигоне 13 ноября 1937 г., а в 1957 г. был посмертно реабилитирован.

Также на подмосковном полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» обрели место последнего упокоения горловцы Иван Михайлович Бармотин (1915–1937), Александр Яковлевич Долгунов (1911–1937), Владимир Прокофьевич Прошков (1893–1937) и Ефим Николаевич Якушин (1905–1937), Петр Захарович Мартынов (1902–1937) и Иван Осипович Соловьев (1897–1937).

В сентябре 1937 г. Горловский район со всеми населенными пунктами был включен в состав новообразованной Рязанской области. В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова сохранилось подробное описание административного центра района по состоянию на 1939–1940 гг.: «Село Горлово – организующий центр с административными, культурными и торгово-заготовительными функциями. Расположено село в низменной и сравнительно сырой местности, веерообразно выпянулось по обе стороны пяти больших дорог, лежащих из городов Скопина, Михайлова, Данкова, Епифани, Венева и по правому берегу речки Мокрой Таболы. С восточной стороны его некогда орошала другая, ныне высохшая река Горловка. Запруда на Таболе и два искусственно вырытых пруда дополняют систему водоснабжения села, базирующегося на полутора сотне колодцев, разбросанных по улицам и дворам. К Горлову как железнодорожному и географически центральному пункту для значительной части территории района хозяйственно тяготеют большинство сельсоветов с радиусом на север и юг до 15–18 км и наполовину меньшим в сторону Клекоток и Павелецкого рабочего поселка»¹.

В Горлове еженедельно происходят базары, среди местной кустарной продукции преобладают гончарные изделия – хозяйственная посуда, трубы и пр. Ныне в селе население 4774 человека, имеются: начальная, неполная средняя и средняя школы, больница, радиозел, телефонная станция, почтово-телеграфное отделение, баня, 13 магазинов-лавочек потребительской кооперации, в том числе сельмаг, культмаг, чайная-столовая с ежегодным оборотом по продаже до 4 млн рублей. Небольшая электростанция освещает учреждения, часть улиц, жилых домов, а также гостиницу – дом колхозника, известный в области по своему благоустройству.

¹ Архив МГУ – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района. – С. 6.

Жилые строения села в большинстве деревянные и частично кирпичные. В молодом садике, в центре села – памятник В.И. Ленину, рядом клуб и редакция районной газеты, несколько далее кооперативная мастерская строчки и вышивки. В Горлове находятся правления 4-х с/х артелей, при них механическая мельница, кирпичный завод.

Село Горлово находится по Московско–Донбасской ж/д, на полпути между Скопином и Бобриком–Донским (40–45 км). С Москвой оно связано двумя железнодорожными линиями на северо-запад через ст. Узловую и на северо-восток через ст. Кремлево, перекрестка двух ж/д линий: Тула–Рязск и Лев Толстой–Москва. В первом случае расстояние 292 км, во втором 258 км, через указанные узловые станции осуществляется пассажирское движение. Транспортировка грузов в Москву с линии Тула–Рязск происходит при помощи передаточной ветки ст. Павельца-2 или Сызранского на Павелец 1-й или Тульский, что в 6 км на юго-запад...

Прямой ж/д связи у Горлова с Рязанью нет, осуществляется она с пересадкой в Москве либо в Рязске (в первом случае 455 км, во втором 214 км). В проезжее время горловцы предпочитают иногда железной дороге авто сообщение по дороге через Михайлов, вдоль того самого большака екатерининской эпохи, который вполне узнается по сохранившимся кое-где пням вековых деревьев. Теперь это дорога межрайонного значения.

«Телефонная связь <...> имеется у райцентра с каждым сельсоветом, отдельными колхозами и районными организациями. Народная связь представлена почтово-телеграфным отделением в Горлове с 10 агентствами и 7-ю почтовыми отделениями, тоже районной телефонной станцией с коммутаторными подстанциями в местах почтовых отделений»¹.

Данные отчета по жилищно-коммунальному хозяйству Горлова дополняют описание села: «Число жилых строений 839, хозяйств 983, жителей 4061 человек (по переписи 1939 г. – 4774 человека), черепичный и кирпичный заводы, телефонная станция и почтово-телеграфное отделение связи. Средняя, неполная средняя и начальная школы, детсад-ясли, клуб, баня, 3 медпункта, ветлечебница, 6 магазинов, сельмаг. Общая протяженность улиц и тротуаров – 9 км, в том числе замощенных – 7 км. Общее количество световых точек – 3. Установленная мощность электростанции РИКа – 16 кВт. Присоединено к электросети 78 домов. Баня с единовременной вместимостью 35 человек, гостиница на 27 коск. Кроме того, индивидуальных домов – 35 обобщественных, с площадью 1735 кв. м»².

В 1939–1940 гг. местными властями была предпринята попытка уничтожить здание закрытой Дмитриевской церкви. С колокольни были сняты и отправлены на переплавку колокола (один небольшой колокол остался в селе в качестве пожарного). Были сломаны венчания церковного здания и снята жесь с его крыши³. Кирпич храма предполагалось использовать для возведения новых построек. Сравнительно быстро были разобраны колокольня, паперть и церковная ограда. Однако с основным объемом храма возникли проблемы – кирпичная кладка начала XIX в. оказалась практически монолитной и не давала целого кирпича. Не удалось до конца разрушить даже алтарную часть храма, так что от этой идеи вскоре отказались.

«В предвоенные годы в социальном развитии Горлово становится, пожалуй, лучшим селом по сравнению с соседними в Скопинском районе. В 1936 г. здесь построили новую двух-

¹ Архив МГУ – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района. – С. 7, 9.

² Архив МГУ – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Отчет по жилищно-коммунальному хозяйству за 1938 год.

³ Жители села вспоминают, что при раскрытии крыши и снятии колоколов по неосторожности погибло двое рабочих. Имеются свидетельства людей, бывших на похоронах одного из них, которому жостью церковной крыши разрезало живот. Возможно, предание имеет под собой реальное основание, хотя абсолютно идентичные истории рассказывают и в других окрестных селах (Клеточки, Троице-Орловка и др.), где церкви подверглись целенаправленному разорению в 1930-х гг.

этажную школу. В ней можно было получить не только семиклассное образование, но и среднее десятиклассное. В 1937 г. открылся горловский Дом культуры, где действовали кружки: хоровой, драматический, танцевальный, пения, духовой, художественного слова. В 1938 г. в Горлове начала работать первая общественная баня»¹.

Мирное развитие Горлова было прервано Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. С лета 1941 г. Горловский райвоенкомат стал центром отправки на фронт мобилизованных в РККА жителей района.

В годы войны горловцам довелось пережить кратковременную немецко-фашистскую оккупацию. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 23 ноября нацисты захватили Горлово, 25 ноября – Скопин, а к 26 ноября вышли на рубежи Мордвес – Серебряные Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава.

28 ноября 1941 г. Скопин и еще три населенных пункта были освобождены от оккупантов решительным ударом батальона 84-й отдельной стрелковой бригады. Горлову пришлось дожидаться освобождения немного дольше.

После внезапного прорыва врага Ставка Верховного Главнокомандования приняла безотлагательные меры по выдвиганию из тыла соединений 61-й резервной армии генерал-лейтенанта М.М. Попова. Первый эшелон прибыл в Рязск 29 ноября в 10.00. Армия сосредотачивалась на рубеже Кораблино – Чирково – Зезюлино – Татищево – Зыково – Черное – Чичерино. Две дивизии готовились совершить марш в районы Лебедяни и Липецка².

В составе 61-й армии выгружались и разворачивались ее дивизии. 350-я стрелковая дивизия по мере выгрузки в Александро-Невском занимала рубеж южнее, исключая Зезюлино. 342-я стрелковая дивизия по мере выгрузки в Жолобове, занимала рубеж обороны Кораблино – Чирково с целью не допустить выдвигания противника к Рязску с северо-запада³. Обстановка была до конца не ясна, поэтому продвижение шло медленно и сопровождалось тщательной разведкой и перегруппировкой частей дивизии в ночное время. Уже «3 декабря нашей авиацией в районе Горлово – Елифань было уничтожено 127 автомашин, около 20 повозок, около 460 солдат и офицеров, 4 танка, 4 бронемшины и 2 лошади»⁴.

Хронология прибытия и развертывания 346-й стрелковой дивизии восстанавливается по оперативной сводке №1 опергруппы штаба дивизии, которую возглавлял начальник 1-го отделения капитан Дьячков: «19.00, 2.12.1941 г., Рязск, Управление военного коменданта. 1) 346 сд следует по ж/д от ст. Вольск до ст. Рязск 19-ю эшелонами. Погрузка 1-го эшелона на ст. Привольная началась 27.11.1941 г., 1-й эшелон убыл со ст. Привольная в 16.40, 27.11.1941 г., прибыл на ст. Рязск в 10.00 29.11.1941 г. Прибывший 1-м эшелонам 3/1164 сп в 18.00 29.11.1941 г. выступил в Скопин для занятия обороны на западной и юго-западной окраинах Скопина. К 20.00 30.11.1941 г. 3/1164 сп (ПО №1) прибыл в Скопин, занял оборону на указанном рубеже, который и удерживает. Противник не обнаружен.

2) 2-й эшелон прибыл в 15.30 29.11.1941 г. 3-й эшелон в 22.05 30.11.1941 г. 4-й эшелон в 24.00 30.11.1941 г. Прибывшие во 2–4-м эшелонах 1–2/1164 сп и остальные подразделения 1164 сп заняли оборону на южном берегу р. Рановы, на участке от ж/д через р. Ранова, что севернее Рязска 8 км до Добрая Воля. В 2.00 2.12.1941 г. в связи с получением новой

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 235.

² ЦАМО, ф. 418, оп. 10695, д. 4, л. 3.

³ Там же.

⁴ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 6.

задачи оборонительные работы были прекращены и с утра 2.12.1941 г. полк (без 3 сб) с 1/315 ап, двумя колоннами... выступил для занятия обороны: отм. 141,7, Шелемишевские хутора, Шелемишево, Зезюлино. В 9.00 2.12. колонна прошла западную окраину Рязьска.

3) Решением командира 1164 сп 2/1164 сп поставлена задача занять оборону отм. 141,7, Шелемишевский Хутор, Гореловка; 1/1164 искл. Шелемишевский хутор, Шелемишево, Равновка. В район обороны прибыть к 12.00 12.12.1941 г. С 12.00 приступить к оборонительным работам, к 18.00 организовать огневую систему; 3/1164 продолжает удерживать Скопин. Командир 1164 ведет наблюдение Шелемишево-Зезюлино.

4) Ожидаемый 2.12.1941 1/1168 сп после разгрузки немедленно будет выслан левым ПО (передовым отрядом) на рубеж: Большак, отм. 186,8, Побединский с задачей прочно удерживать его.

5) По мере прибытия последующих эшелонов дивизии незамедлительно будет выполняться приказ штабмрии 61 №1 от 30.11.1941 г. в части:

- высылки ПО в составе усиленной стрелковой роты на рубеже: Роговая, Подноволоки;
- занятия обороны на рубеже: иск. Шелемишево, Зезюлино.

6. Штадив (по прибытию) Нагорное»¹.

В оперативной сводке №3 сообщалось, что «1/1166 сп (ПО №2) в ночь на 4.12.1941 г. после разгрузки выступил на рубеж: Большак, Чулково-Одноворцы, Побединский, Роговая с целью не допустить противника на восток», 2-й батальон, прибыв в 8.00 4.12.1941 г., занимал оборонительный рубеж в полосе Шелемишево-Зезюлино, 3-й батальон ожидался к прибытию 9-м эшелоном днем 4.12.1941 г. К этому времени прибыли начальник штаба дивизии полковник Зеновьев и комиссар дивизии ст. политрук Жидких².

Части дивизии еще полностью не выгрузились, оборона готовилась на различных рубежах, основным из которых был Шелемишево-Зезюлино, а уже 6 декабря 1941 г. дивизия получила приказ двумя усиленными передовыми отрядами двигаться в направлении ст. Павелец и разъезда Топилы, а далее – на Горлово с задачей овладеть селом и иметь связь с соседом справа. 1-й батальон 1164-го стрелкового полка под командованием капитана Сорокина выступил из Шелемишево, а 1-й батальон 1166-го стрелкового полка под командованием ст. лейтенанта Дядина – из Побединского. Перед этим в 7.00 в Шелемишево прибыл командующий 61-й армией генерал-лейтенант М.М. Попов и командир 346-й стрелковой дивизии полковник И.Е. Давидовский, поздравившие бойцов с высокой честью вступить в бой с врагом³.

6 декабря 1941 г. штаб 346-й стрелковой дивизии докладывал: «По дороге Горлово – Епифань непрерывное движение крытых машин... 4–5 декабря по показаниям возвращающихся пленников: на ст. Павелец, Новые Кельцы немцы собирают теплые вещи, кур, свиней. В 14.00 по сведениям возвращающихся пленников в Н. Кельце 1 машина и 5 человек пеших немцев»⁴.

Разведсводка штаба 346-й стрелковой дивизии в штаб 61-й армии сообщала: «После захвата ст. Павелец в 10.00 8 декабря 1941 г. передовые отряды выступили по маршрутам: 1-й батальон 1164-го стрелкового полка 346-й стрелковой дивизии – Делехово, Хворощевка, Горлово; 1-й батальон 1166-го стрелкового полка этой же дивизии – Боршевое, Затворное, Ново-Александровка с задачей к исходу 9 декабря 1941 г. одновременным ударом с востока и юго-востока овладеть Горлово. Еще не имея достаточного опыта и опасаясь ловушки, 1-й батальон 1164-го стрелкового полка продвигался медленно, совершив 18-километровый марш в течение суток.

¹ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, лл. 3–4.

² Там же, л. 6.

³ ЦАМО, ф. 418, оп. 10696, д. 4а, л. 141.

⁴ Там же, л. 12.

Разведка, подойдя к Горлову, наблюдала картину спешного бегства фашистов, они взорвали 3 больших школьных здания, подожгли элеватор, несколько домов и бежали. В 20.00 1-й батальон 1166-го стрелкового полка занял Ново-Александровку.

В Горлово были захвачены большие трофеи. По неполным данным – 208 автомашин, 140 ящиков снарядов, 10 000 патронов, 60 ящиков взрывчатки, 300 ручных гранат, 40 винтовок, мотоцикл, 55-мм орудие, несколько километров кабеля, много другого имущества. Политработники батальона восстанавливали органы советской власти, проводили беседы с местным населением, встретившим наших бойцов с большой радостью, приводили бесчисленное количество примеров фашистского грабежа. Колхозника Комарова они раздели прямо на улице, отобрали у него валенки, шапку, затем забрались к нему в дом и ограбили его. Колхозницу вдову Бобкову ограбили и выгнали с ребенком на мороз»¹.

В следующем донесении штаб 346-й стрелковой дивизии докладывал: «В 20.00 9 декабря передовой отряд дивизии 1/1164-й стрелковый полк занял Горлово. Противник, поспешно отходя на Епифань, бросил в Горлово много снарядов, патронов, мотоциклов, автомашин (неисправных) и другого имущества и вооружения. Уходя, противник зажег много домов в Горлово и элеватор. Организован учет и сбор трофеев. Одновременно занято Ново-Александрово. Батальон организовал оборону Горлово и Ново-Александрово»².

9 декабря в 21.00 346-я стрелковая дивизия находилась на марше в направлении Богородицкого, Змеевки и Воскресенского. К 19.00 10 декабря разведчики доложили, что «противника в Чернаве нет. В Чернаве находится наша саперная часть, которая производит минирование дорог на подходах к Чернаве»³.

Другое соединение 61-й армии, 57-я кавалерийская дивизия, «двигаясь походным маршем по маршрутам: Высокое, Казинка, Берязняги, Мшанка, ст. Кремлево, Хворощавка, Ново-Александровка; Семенское, Высокое, Чурики, Катино, Дмитриево, вышла к исходу 13 декабря на рубеж Горлово – Рудинка – Ново-Александрово. Из района сосредоточения в 22.00 15 декабря 225-й кавалерийский полк – передовой отряд дивизии, и за ним 212-й кавалерийский полк выдвинулись по маршруту: окраина Рудинки, Троице-Орловка, Алмазово, Исаковские Выселки, а 218-й кавалерийский полк по маршруту: Ново-Александровка, Муравлянка, Молоденки, южн.окраина Красное для сосредоточения на рубеже Задонщина-Милославщина – Матвеевское». Справа от нее действовала 41-я кавалерийская дивизия, входившая в состав 10-й армии, слева – 83-я кавалерийская дивизия⁴.

Ущерб, нанесенный оккупантами селу, был значительным. «По свидетельству акта сельского совета от 13 марта 1942 г. в селе Горлово при паническом отступлении немцами были взорваны: элеватор «Заготзерно» с хлебом, пакгауз с хлебом, средняя школа, неполная средняя школа, здания: НКВД, РПС, военкомата, аптеки с жилым домом райсовета, клуба, жилого дома, общежития, амбулатории, роддома, детяслей, малярной станции, детской консультации; дом врача, ресторан сельпо, чайная столовая сельпо, магазин сельпо, оптовая база РПС, коммунальная баня, ветеринарный пункт, часть здания райкома партии. Кроме того, за время пребывания немцев с 23 ноября по 8 декабря 1941 г. ими разрушены и сожжены полностью 30 домов колхозников с постройками и имуществом»⁵. Документы отмечают, что среди сожженных гитлеровцами жилых строений были дома председателей горловских кол-

¹ ЦАМО, ф. 418, оп. 10696, д. 4а, лл. 140–141; ф. 1665, д. 17, лл. 1–5.

² ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 32.

³ Там же.

⁴ ЦАМО, ф. 3581, оп. 1, д. 1, лл. 29–32.

⁵ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 24, л. 4.

хозов «Труд», им. Димитрова и им. Кагановича¹. «Первый секретарь Горловского райкома ВКП(б) т. Юдков, будучи комиссаром партизанского отряда, погиб на своем посту»² в декабре 1941 г. в селе Ильинка. Обстоятельства его гибели были описаны А.М. Митрохиным³.

Среди освободителей Горлова зимой 1941 г. уроженцев села не было. Горловцы сражались за советскую Родину на других фронтах. Сотни уроженцев села погибли и пропали без вести, немало вернувшихся с войны было отмечено высокими правительственными наградами. Наибольшей известностью среди них пользуется Иван Ильич Федорин (1922–1991). До войны он работал в родном селе трактористом. В мае 1941 г. И.И. Федорин был призван в РККА, в 1942 г. окончил Ростовское артиллерийское училище и был направлен на фронт. В сентябре 1943 г. старший лейтенант И.И. Федорин командовал батареей 109-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 110-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии Степного фронта. Во время битвы за Днепр в ночь с 28 на 29 сентября 1943 г. батарея под его командованием переправилась через реку в районе села Кудеволовка Онуфриевского района Кировоградской области УССР и приняла активное участие в боях за захват и удержание плацдарма на ее западном берегу. Во время отражения одной из немецких контратак батарея И.И. Федорина уничтожила две бронемашины и более роты солдат противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» И.И. Федорин был удостоен звания Героя Советского Союза. В 1945 г. он принимал участие в Параде Победы, после которого отправился на советско-японский фронт. И.И. Федорин уволился в запас в звании полковника в 1969 г., до конца своих дней проживал в Ворошиловграде (Луганске).

В годы войны большинство мужчин села были мобилизованы в действующую армию, поэтому главной рабочей силой в колхозных артелях стали женщины. Особенно тяжело им приходилось в 1942 г.: первые похоронки, первая уборочная страда без мужей... О трудовых подвигах горловских колхозниц газеты писали: «Варвара Серова в колхозе им. Кагановича никогда не косила, а в этот год пришлось. Получалось не сразу, первые дни плохо, но потом лучше. Евгения Ивановна Цветова по 0,66 га выкашивала. Была подспорьем жатка, но бригадир никак не мог подобрать жатчика»⁴. «Женщины-косцы колхоза им. Димитрова А.П. Савина, М.Т. Силкина, М.С. Панина, В.С. Малашкина, П. Фомина выкашивали по 0,75 га и больше. Наталья Курнина, Акулина Галдобина, Екатерина Гаврина и многие другие вязальщицы выполняли ежедневно по две нормы. Но были и такие, как Каптилина и Бочарова, которые за год не заработали ни одного трудодня. Когда же от них потребовали, то они вышли и связали за полдня по 8 снопов. Колхозники расценили это как помощь немецкому фашизму»⁵.

Для более эффективного восстановления пострадавшего от боевых действий народного хозяйства Горловского района в 1942 г. его перевели из Рязанской области в Московскую. В 1946 г. Горловский район был вновь возвращен Рязанской области.

В связи с тем, что отступавшими в 1941 г. оккупантами были взорваны оба здания горловских школ, учить детей приходилось в помещениях начальных школ на ул. Садовая и Совет-

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 24, л. 4.

² Немеркнущий подвиг: Сб. документов и материалов / Парт. арх. Рязан. обкома КПСС, Гос. арх. Рязан. обл. – М.: Московский рабочий, 1982. – С. 100.

³ Митрохин А.М. Ради жизни на земле: Землякам-сельчанам, труженикам полей – ратных и мирных. – Рязань: Пресса, 2001. – С. 96.

⁴ Ленинская искра, №41. – 1942. – 9 августа.

⁵ Там же.

ская. Директором одной из начальных школ в селе в военные годы был Александр Иванович Душкин. Всего учащихся было около 1000 человек, занимались в 3 смены. Под школьные классы приспособили также некоторые частные дома по ул. Базарная, Садовая и Московская. Электрическое освещение было лишь в центральной части села, так что для школьных занятий приходилось использовать керосиновые лампы, которые часто гасли от недостатка кислорода в помещениях. В зимнее время печи отапливались соломой и торфом, от холода чернила замерзали, и школьникам приходилось отогревать их за пазухой. В классах было по 40–50 человек, не хватало учебников и бумаги. Учебный год начинался в октябре и заканчивался в мае, учились без каникул. В летнее время бригады школьников вместе с учителями работали на прополке посевов и уборке урожая. В 1943 г. школа получила благодарность от ЦК ВКП (б) за активное участие в сборе средств на строительство самолетов за подписью И.В. Сталина¹.

В годы войны через Горловский район проходили потоки беженцев с оккупированных врагом территорий, среди которых было немало детей, потерявших своих родителей. Их обычно снимали с поездов и отправляли в детские дома. В 1943 г. детский дом для приема маленьких жертв войны был создан и в Горлове. Особенно трудно было содержать его в суровые военные годы, когда не хватало буквально всего. Но постепенно жизнь налаживалась. По описанию 1950 г. горловский детский дом был в следующем состоянии: «Сейчас здесь учатся и воспитываются 59 детей. Богатое подсобное животноводство позволяет дирекции систематически улучшать и разнообразить питание детей, а с земельного участка, лишь в 1949 г. собрано 40 т различных овощей. Все дети хорошо одеты и обуты. Первого октября 1949 г. детдом тепло проводил выпускников в горный техникум, ж/д и с/х училища»².

В послевоенные годы главным желанием людей было восстановить разрушенное хозяйство и вернуться к счастливой несмотря ни на что довоенной жизни. Восстанавливалось не все и далеко не сразу. Но, как и до войны, чайная-столовая Горловского сельпо оставалась наиболее проблемным объектом. В 1946 г. «Ленинская искра» писала: «В горловской чайной торгуют товарами, которые не увидишь на витрине. Если покупатель спросит хамсы, то ее извлекают из-под спуда. Почему так получается? Дело в том, что эта хамса непригодна к употреблению, в ней кишат черви»³. В 1949 г. ситуация не изменилась: «Мы снова в чайной, и опять здесь чаю нет. Здесь холодно, неприглядно, хотя помещение было хорошо отремонтировано в прошлом году. Вечером приходится кушать в полной темноте, потому что нет освещения»⁴. Не помогала даже смена заведующего. Им в послевоенные годы был некто Плужников. По свидетельству «Ленинской искры», в 1950 г. он вместе с другими сотрудниками «наворовал больше 50 тысяч рублей» в Горловской райтопконторе, «пьянствовал, устраивал вечера и в результате попал в тюрьму»⁵. Но ничего не менялось. В 1953 г. районная газета вновь писала: «Многие посетители горловской чайной жалуются на то, что там очень плохо готовят завтраки и обеды. Кроме соленой ветчины, другого мяса нет. Первые блюда состоят из вермишели и квашенной капусты, а вторые из довольно соленой ветчины»⁶. Еще год спустя: «В этой столовой нет раздевалки, не каждый имеет возможность помыть руки, так как умывальник висит в кухне. Щи сварены за день вперед,

¹ Сообщение Г.Б. Климочкиной.

² Сталинское знамя, № 3. – 1950. – 4 января.

³ Ленинская искра, № 48. – 1946. – 5 сентября.

⁴ Ленинская искра, № 3. – 1949. – 8 января.

⁵ Ленинская искра, № 27. – 1950. – 4 марта.

⁶ Ленинская искра, № 60. – 1955. – 28 июня.

а суп-лапша, приготовленный на вчерашнем отваре, тоже был кислым». Но усилия новой заведующей все же приносили свои плоды. Газета констатировала: «Хорошо приготовлены были котлеты, гуляш, рассольник»¹.

Денежная реформа 1947 г. осталась в памяти горловцев в связи с громкой уголовной историей. В 1948 г. в районе слушалось дело бывшего заведующего Горловским межрайонным отделением Сельхозснабжения А.М. Пановой, старшего бухгалтера А. Косоруковой и В. Горбачевой. «Суд установил, что все трое по стовору между собой в период проведения Закона о денежной реформе в обход Закона, устанавливающего условия обмена денег, сдали в Госбанк на текущий счет Сельхозснаба свои наличные деньги и частных лиц в сумме 10 150 рублей, пытаясь получить [их] деньгами нового образца полноценным рублем. Панова и Косорукова еще в мае месяце 1946 г. похитили из средств Селхозснабжения 2925 рублей, на эту сумму оформив подложные документы. Суд признал их виновными по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 июня 1947 г. об уголовной ответственности за хищение государственного, общественного имущества и приговорил: Панову и Косорукову сроком по 15 лет ИТЛ каждую с конфискацией имущества; Горбачеву сроком на 10 лет ИТЛ с конфискацией имущества»².

В 1949 г. дошли руки до ремонта и благоустройства Горлова. К маю силами колхозов высадили по улицам более 2000 деревьев. Колхоз им. Кагановича благоустроил ул. Базарную, колхоз «Труд» – Октябрьскую, им. Димитрова – Советскую, им. Хрущева – Садовую, им. Калинина – Красноармейскую и Московскую. Восстановили и озеленили сквер, поставили в нем новые памятники Ленину и Сталину. Организации изготовили скамейки. Произвели ремонт Дома культуры. Разбили стадион. Капитально отремонтировали среднюю, начальную школы, детский сад, Дом пионеров, консультацию. Огородили и озеленили прилегающие к ним площади. Отремонтировали, покрасили частные дома, райбольницу с пристройкой к ней инфекционного отделения, колодцы, участки дорог с бульжной мостовой. Продолжили радификацию села³. Интересно отметить, что административная комиссия Горловского райсовета не останавливалась перед строгими мерами в отношении людей, нарушавших общественный порядок в райцентре. Например, в декабре 1956 г. житель села Горлова Владимир Васильевич Луньков был «оштрафован на 100 рублей за то, что он, находясь в конторе райпотребсоюза, вел себя недостойно, выражаясь нецензурными словами»⁴.

«В 1950 г. в селе проживали 2998 жителей, в нем находился колхоз, молокозавод, МТС с ремонтной мастерской, механическая мельница, типография, швейная мастерская, начальная и средняя школы, больница, Дом культуры, библиотека, радиоузел, Дом пионеров, действовало 3 электростанции»⁵. Одну из них в 1950 г. построила Горловская МТС, впервые дав свет в частные дома колхозников.

В Горловской средней школе в 1949/50 учебном году среди 19 выпускников было четверо серебряных и золотых медалистов, выпускники поступили в институты, двое в МГУ им. М.В. Ломоносова. Горловские школьники послевоенного времени не стеснялись оставаться на второй год. Так, в 1950 г. из 594 учащихся на второй год остались 80 человек. Учительнице А.Е. Карауловой было присвоено звание заслуженного учителя РСФСР⁶.

¹ Ленинская искра, № 97. – 1956. – 2 декабря.

² Ленинская искра, № 56. – 1948. – 3 июня.

³ Ленинская искра, № 46. – 1949. – 23 апреля.

⁴ Ленинская искра, № 97. – 1956. – 2 декабря.

⁵ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. – Рязань, 2006. – С. 90.

⁶ Ленинская искра, № 117. – 1950. – 3 октября.

В 1950-х гг. в уцелевшем от разрушения основном объеме бывшей Дмитриевской церкви в Горлове был оборудован сельский клуб, где по вечерам демонстрировались кинофильмы и устраивались танцы для молодежи. В это время в нишах боковых фасадов здания все еще оставались фрески с изображениями Богородицы и Св. Николая. Их регулярно закрашивали, но старинные росписи проступали сквозь свежие слои краски. В итоге не соответствовавшие духу времени религиозные изображения пришлось уничтожить при помощи паяльной лампы.

В 1952 г. пять горловских колхозов были вновь объединены в одно хозяйство – колхоз им. Н.С. Хрущева. Похоже, объединение позволило лучше увидеть недостатки и злоупотребления в работе некоторых сотрудников. В 1955 г. «Ленинская искра» писала: «В артели им. Хрущева Горловского района была не заприходована часть зерна и муки. Пользуясь плохим учетом, кладовщик Карцев продал на колхозном рынке мясо, а 3400 рублей присвоил»¹. Еще одному деятелю «с предпринимательской жилкой» из Горлова районная газета в 1956 г. посвятила целую статью: «В Горловском райпотребсоюзе вот уже несколько лет «усердно» работает «опытный кооператор», как он сам себя называет, Александр Парфирьевич Исаев. Вот несколько фактов из деятельности этого человека.

Александр Парфирьевич был командирован в один из колхозов района для покупки поросят, которые идут на пополнение свинофермы райпотребсоюза. Одна из купленных чушек приглянулась Исаеву, и он решил ее оставить у себя. При сдаче поросят на ферму обнаружилась недостача одной головы. На вопрос, куда делся поросенок, Исаев спокойно ответил:

– При перевозке убежал. Поэтому я и привез меньше, чем купил в колхозе.

При проверке обнаружилось, что поросенок оказался в хлеву Исаева, откуда он и был изъят и поставлен на свиноферму райпотребсоюза.

Работая экспедитором и товароведом, Исаев часто ездит в город Рязань за товарами. Нередко бывает, что количество привезенных товаров не сходится с тем количеством, которое было отпущено с базы, и всегда в сторону уменьшения. По этому поводу ревизор облпотребсоюза тов. Чигарков написал специальный пункт в акте и предложил снять с работы Исаева. Но сердобольные дядюшки из райпотребсоюза вместо того, чтобы выполнить указание ревизора, перевели Исаева из товароведов в заведующие чайной, а потом в буфетчики.

С первых дней работы в буфете Исаев стал обманывать покупателей. Он продавал портейн по завышенной цене. Ну уже после такого факта, конечно, Исаева сняли с работы. Но... его не сняли, а перевели опять в товароведы, где он сейчас спокойно работает.

Не только это отметил в акте тов. Чигарков. Он указал и на недостачу, которую допустил Исаев, когда временно заведовал складом продовольственных товаров.

На все у Исаева находится время, а на выполнение общественного поручения у него нет и свободной минуты. В порядке шефства сотрудники райпотребсоюза помогали выращивать кукурузу колхозу им. Хрущева. Однако Исаев ни разу не был на кукурузном поле и не принимал участия в выращивании кукурузы.

Обо всех этих фактах хорошо знает правление райпотребсоюза, но ничего не делает для того, чтобы прекратить комбинации Исаева. А их давно надо прекратить»².

К 1950-м гг. относится окончательное оформление внутренней топонимики села. Еще в начале XX в. в Горлове сформировались четыре улицы. Старейшей среди них была ул. Базарная. Изначально она называлась Комарёвщина, но позднее получила свое нынешнее название. Связано оно было с тем, что на этой улице по воскресным и праздничным дням проходили

¹ Ленинская искра, № 60. – 1955. – 28 июня

² Ленинская искра, № 101. – 1956. – 16 декабря

базары, на которые съезжались торговцы и покупатели не только из соседних сел и деревень, но и из Скопина, Епифани и Данкова. Базар располагался вдоль всей улицы, занимая и территорию соседней ул. Красной, с большим количеством повозок, и продолжался 2–3 дня. Были устроены отдельные торговые ряды, где продавали домашний скот, зерно, сено, продукты, овощи, а также мануфактурные, галантерейные и скобяные товары. Возле Дмитриевской церкви продавали изделия гончаров из Рудинки и Ново-Александрова: крынки («махотки»), кувшины, посуду. Женщины приносили вязаные и вышитые вещи, тканые полотенца и дорожки. Традиции проведения базаров в Горлове продолжались и в советские годы.

Ул. Московская, ранее называвшаяся Самодуровкой, считается главной улицей села. Ее прежнее неблагозвучное название было изменено по решению сельского схода. Улица упирается в железнодорожную линию Узловая – Ряжск, которая соединяет города Тульской и Рязанской областей. Недалеко от переезда находится станция Миллионная.

Ул. Октябрьская разделена р. Мокрая Табола на две части: до моста она звалась Тадинкой, а после моста – ул. Веников. По рассказам сельчан, жители улицы Веников ходили в соседние березовые рощи и заготавливали там веники, которые потом продавались на базаре. В начале Октябрьской улицы находится бывшее здание храма Св. Дмитрия Солунского, а недалеко от него – здание бывшей земской больницы, построенной в 1905 г. Тадинка и ул. Веников были переименованы в ул. Октябрьскую к юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, который отмечался в 1957 г.

Советская улица – одна из центральных улиц села, была разделена р. Мокрой Таболой на две части, которые в начале XX в. назывались Капкас и Понизы. В 1930-х гг. местные активисты переименовали ее в Советскую. На этой улице стояли двухэтажные дома самых состоятельных жителей Горлова – купцов, промышленников и подрядчиков. В 1930-х гг. в них разместились детская библиотека, районная типография, ряд других организаций. До сих пор в начале улицы находятся почта, АТС и отделение «Сбербанка». В двухквартирном доме располагалась аптека, в дореволюционное время принадлежавшая провизору В.Ф. Здановичу; на левой стороне улицы находился двухэтажный дом, владельцами которого были братья Черкасовы: на первом этаже размещалась сапожная мастерская, а на втором жила семья купца Гусева. Впоследствии в этом доме на первом этаже было почтовое отделение, а на верхнем – телеграф и телефон. Также на нынешней Советской улице находится бывший дом торговца Шахметова. В начале XX в. его выкупили и передали священнику села Муравлянка, который хотел после ремонта устроить в нем церковный дом с небольшой библиотекой, где могла бы собираться горловская православная община. Проект остался неосуществленным из-за преждевременной кончины муравлянского священника, а дом был заброшен.

Справа проходит небольшой проулок, прозванный жителями Поповской улицей, так как там находились дома священнослужителей Дмитриевской церкви. Сохранился большой дом священника, в котором в советское время сначала размещалось отделение Госбанка, а позже районный военкомат. В доме торговца и церковного старосты А.М. Калашникова была аптека. Недалеко от этого дома располагалась двухэтажная начальная школа, построенная в 1913 г., вокруг нее был высажен фруктовый сад.

Историческое название ул. Садовой – порядок Ольховец или Картень. Садовой она стала уже в советское время. Эта часть села славилась своими плодовыми садами. Выращенные фрукты и ягоды жители Горлова продавали на воскресных базарах. На этой улице находилась церковно-приходская школа, в которой обучались совместно мальчики и девочки. После революции она была преобразована в школу II ступени, которая просуществовала до 1951 г. Затем в это здание перевели детский сад, который там находится до сих пор. В народе улицу звали Милли-

оновкой, так как по ней можно было пройти к железнодорожной станции Миллионная. Дорога была вымощена белым камнем-известняком. В пристанционном поселке располагались дома состоятельных торговцев с большими плодовыми садами, а также склады с зерном и лесом.

Ул. Красноармейская, находящаяся за Московской, была застроена уже в годы советской власти. На ней с довоенных лет располагался молокозавод, зерновой склад и детские ясли.

Ул. Заречная изначально называлась Барановкой по фамилии проживавшего на ней торговца Баранова, продававшего мясные продукты. В 1938 г. здесь была построена ветеринарная лечебница. В 1945 г. ее переименовали в ул. Сталина, а в 1957 г. она стала Заречной.

Ул. Красная образовалась позже других. Изначально на ее месте находилось сельское кладбище, позднее возникла улица, называвшаяся Непочетовой. Возможно, ее название связано с тем, что здесь селились молодые семьи, не желавшие жить с родителями под одной крышей, а может быть и с тем, что в этом месте селились наименее состоятельные жители села.

В центре села находится сквер с памятником на братской могиле воинов 170-го кавалерийского полка 41-й кавалерийской дивизии и других воинских соединений, погибших при освобождении Горловского района от немецко-фашистских захватчиков в ноябре–декабре 1941 г. 6 мая 1955 г. в парке районного центра Горлова были перезахоронены 25 неизвестных воинов, погибших в ноябре–декабре 1941 г. и первоначально захороненные в 500 м восточнее деревни Поповки Клекотковского сельсовета. Сюда же перенесли останки 18 защитников Родины из некоторых других воинских захоронений, находившихся на территории Горловского района (в т.ч. 2 военных летчиков, погибших в районе сел Делехово и Хворощевка). Торжественное открытие памятника состоялось 9 мая 1957 г.

В 1957 г. горловский колхоз им. Хрущева был переименован в колхоз им. XX партсъезда. Его председателем стал А.Н. Алешин. В 1958 г. к хозяйству был присоединен колхоз им. Кирова села Ново-Александрово. К 1964 г. общая площадь сельхозугодий горловского колхоза им. XX съезда КПСС составляла 5298 га¹.

В 1959 г. Горловский район был ликвидирован. Его населенные пункты вошли в Скопинский район Рязанской области. В 1965 г. в Горловский сельсовет Скопинского района входили: села Горлово, Ново-Александрово, Дмитриево, деревни Большой Луг и Даниловка. На территории сельсовета находились два клуба, две школы, два медпункта².

1960-е гг. стали временем возрождения горловской средней школы. До 1960 г. директором горловской школы работал И.И. Кочуров, в 1960–1965 гг. – Е.Н. Андросова, в 1965–1968 гг. Н.В. Бакулин, в 1968–1978 гг. М.Н. Магдалинская, с 1980 г. Н.Т. Орехова. В новой двухэтажной школе, построенной в 1962 г., насчитывалось 12 классных комнат (в одной располагалась библиотека), хороший актывый зал, в котором проводились праздники, вечера отдыха, встречи. За школой была устроена спортивная площадка и разбит большой фруктовый сад.

«В 1960-е гг. главной статьей дохода горловского колхоза было производство зерна. За счет него на селе активно ведется социально-бытовое строительство. Облик села быстро меняется. В 1968 г. на горловской станции Миллионная построили новый железнодорожный вокзал. Сдали в эксплуатацию двухэтажную школу. Горловцы разбили в селе два парка <...> В селе открылся комбинат бытового обслуживания.

Особенно активно шло жилищное строительство. С окончания войны до конца 1960-х гг. в Горлове появилось более 150 новых домов. Больше других расстроилась ул. Октябрьская, где за этот период сдали до 60 домов. 48 домами обновилась ул. Садовая, по 35–40 домов

¹ Архив Скопинского района, ф. 249, л. 1.

² Архив Скопинского района, ф. 412, л. 1.

поднялись на ул. Советской и Базарной. Такой размах жилищного строительства стал возможен потому, что возведение жилья велось не только на подрядной основе. Многие дома жители возводили самостоятельно, для чего выделялись средства и материалы. Одновременно велось и благоустройство жилого фонда. Впервые главная сельская улица покрылась асфальтом. В дома пришли водопровод, электричество, радио.

В 1970-е гг. горловский колхоз им. XX партсъезда, наряду с производством зерна, начинает активно развивать животноводческую отрасль. Шаг вперед был сделан в молочном животноводстве. Укрепив кормовую базу, хозяйство за короткий срок смогло реально добиться получения четырехтысячных надоев молока от коровы за год сразу в нескольких группах.

В результате значительно вырос уровень жизни горловцев. Еще более высокими темпами велось жилищное строительство, в том числе и индивидуальное. Достаточно сказать, что за 1970-е гг. в селе построили около 400 новых домов. Таким образом, Горлово практически полностью обновилось. Многие дома к тому же получили такие удобства, как газ и водопровод. Об уровне жизни свидетельствует и такой показатель. К концу 1970-х гг. в селе насчитывалось более 250 телевизоров, немногим меньше холодильников и стиральных машин.

К началу 1980-х гг. колхоз им. XX партсъезда по своей энерговооруженности стал одним из самых мощных в районе. В нем насчитывалось около 50 тракторов, 17 комбайнов, два с лишним десятка автомобилей. Производительность труда в полеводстве всего за три года увеличилась на 20 %. В этот период колхозные рационализаторы впервые в районе разработали и внедрили на своих полях новую технологию уборки сахарной свеклы, исключая трудоемкий и дорогостоящий процесс доочистки корней. Новшество позволило сначала колхозу им. XX партсъезда, а затем и остальным свеклосеющим хозяйствам района значительно уменьшить привлечение людей на уборку свеклы, что сказалось на снижении ее себестоимости.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг., в связи с ухудшением обстановки в сельскохозяйственном производстве в целом по стране, динамика развития хозяйства стала замедляться. В начале 1990-х гг. оно, как и другие колхозы и совхозы района, оказалось в тяжелейшем финансовом положении»¹.

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории российского села. В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в горловском колхозе им. XX партсъезда была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в АОЗТ «Горлово». Во исполнение Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» и в соответствии с Постановлением главы Администрации Скопинского района Рязанской области от 27 июля 1994 г. № 338 бывшим членам колхоза и работникам социальной сферы были выданы свидетельства на право собственности на землю согласно списку владельцев земельных и имущественных паев АОЗТ «Горлово» (всего 319 чел. по 9,4 га каждому на общую площадь 2 998,6 га). Впоследствии деятельность АОЗТ «Горлово» была приостановлена.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 236–237.

В 1980-е – 1990-е гг. в горловской средней школе работали 27 учителей. Многим из них было присвоено звание заслуженного учителя РСФСР, в частности – Е.И. Башкировой, З.Н. Ляминой, Д.Н. Комарову, В.В. Степиной. Высокое звание «Отличника народного образования» носят учителя З.А. Каптилина, В.П. Филин, Т.М. Морских, А.А. Сечкина, Н.Т. Орехова, Н.Д. Хоткина¹. В 2004 г. было построено благоустроенное здание интерната, в котором занимаются и отдыхают после уроков дети из соседних сел Рудинка, Дмитриево, Богослово, Павелец, Муравлянка. После занятий детей развозили на школьных автобусах по домам. В 2009 г. директор школы Н.Т. Орехова была награждена знаком «Почётный работник общего образования Российской Федерации».

В начале 2000-х гг. от сильного ветра пострадал стоявший в горловском сквере памятник советским воинам, павшим при освобождении села в 1941 г. Обветшавший с 1957 г. монумент был восстановлен усилиями жителя села Льва Борисовича Орехова. На его постаменте была выбита надпись: «Здесь похоронены неизвестные солдаты, погибшие за освобождение Горловского района от немецких захватчиков в 1941 году». Территория вокруг памятника была благоустроена – выложена плиткой и огорожена.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Горлово стало административным центром Горловского сельского поселения. В него вошли села Алмазово, Богослово, Горлово, Дмитриево, Затворное, Катино, Клекотки, Муравлянка, Нагиши, Ново-Александрово, Нюховец, Петрушино, Рудинка и Троице-Орловка, поселки Красный Май и станции Катино, деревни Измайловка, Купчая, Львовка, Писарево и Суровцы.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Горлове постоянно проживают 790 человек – 339 мужчин и 451 женщина. В настоящее время в селе работает ООО «АПК Горловский», в котором заняты около 150 человек. Предприятие создано по инвестиционному проекту, в обороте у него около 5500 га залежных земель в окрестностях сел Горлово, Рудинка, Затворное и Нагиши. ООО «АПК Горловский» специализируется на выращивании зерновых, продолжая 300-летние традиции коннозаводских крестьян Скопинской дворцовой волости.

В дни празднования 75-летия победы в битве под Москвой распоряжением губернатора Рязанской области О.И. Ковалева селам Горлово, Богослово и Клекотки Скопинского района было присвоено почетное звание «Рубеж воинской доблести». 20 декабря 2016 г. в селе Горлово прошли связанные с этим торжественные мероприятия. «Прошел праздничный митинг, в ходе которого ветераны, представители администрации Скопинского района, местные жители и гости Горлово возложили цветы к памятнику воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Глава Горловского поселения Николай Мишин поблагодарил всех, кто принимал участие в поиске архивных документов, в работе по сохранению героического прошлого села. Он отметил, что жители населенных пунктов, которым присвоена награда «Рубеж воинской доблести», будут с честью нести это высокое звание, и молодое поколение будет воспитываться в духе патриотизма, уважительного отношения к истории Отечества»². В 2017 г. на въезде в Горлово был сооружен памятный знак в честь присвоения селу звания «Рубеж воинской доблести».

---

¹ Сообщение Г.Б. Климочкиной.

² Рязанские ведомости, № 238. – 2016. – 21 декабря.

ГОРОДЕЦКОЕ

село

(сельское поселение Шелемишевское)

Село Городецкое лежит на правом берегу р. Вёрды в местности, изобилующей археологическими памятниками. Непосредственно в окрестностях села и на его окраинах выявлены два поселения эпохи бронзы, селище раннего железного века и селище XIV–XVII вв., которое можно считать предтечей более позднего Городецкого.

Первое поселение эпохи бронзы («Поселение 1») локализовано на склоне надпойменной террасы противоположного от села берега р. Вёрды в 1 км к северу от него, в 3,7 км к северо-востоку от села Новобараково и в 4 км к северо-западу от села Шелемишево. Его размеры – 170x80 м, высота над поймой реки 3–8 м. Территория памятника в настоящее время распаивается, и культурный слой до 0,3 м почти полностью нарушен современной хозяйственной деятельностью. В нем, тем не менее, была найдена лепная керамика без орнамента, отнесенная к эпохе бронзы, а также гончарная позднесредневековая XV–XVII вв., подтверждающая, что люди продолжали селиться на этом месте и в более близкие к нам века.

Второе поселение эпохи бронзы («Поселение 2») находится у северной окраины села, на склоне надпойменной террасы правого берега р. Вёрды, в 0,7 км к востоку от железобетонного моста. Его размеры – 230x90 м, высота над рекой – 6–8 м. Территория памятника распаивается под огороды, так что культурный слой до 0,5 м в верхней части разрушен. Здесь была найдена лепная керамика, преимущественно плоскодонная, иногда с закраинами у днища, с орнаментом из «жемчужин» и оттисков зубчатого штампа, принадлежащая поздняяковской культуре эпохи бронзы. В более высоких слоях обнаружили фрагменты гончарной позднесредневековой керамики, в т.ч. чернолощенной XVI–XVII вв., обломки позднесредневековых керамических погребушки и свистульки, а также кремневые отщепы

Селище раннего железного века («Селище 1») также лежит на противоположном левом коренном берегу р. Вёрды, в 1 км к северу от западной окраины села и в 2,5 км к северо-востоку от села Новобараково. Размеры этого памятника – 150x100 м, высота над старицей реки – до 30 м. Северная часть этого памятника нарушена скотомогильником, восточная часть – оврагом. Толщина культурного слоя доходит до 1,07 м. Здесь была найдена лепная керамика с рогожными и сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, принадлежащие городецкой культуре раннего железного века, а также гончарная позднесредневековая, в основном белоглиняная и чернолощенная XVI–XVII вв.

Наконец, обнаруженное по обе стороны дороги, ведущей к железобетонному мосту, «Селище 2» относится к XIV–XVII вв. Оно протянулось вдоль берега р. Вёрды и имело размеры 550x55–60 м и высоту над рекой до 10 м. Сейчас территория памятника распаивается под огороды, так что культурный слой нарушен до глубины 0,5 м. На территории памятника было найдено значительное количество гончарной позднесредневековой белоглиняной и чернолощенной керамики XVI–XVII вв.¹

¹ Археологическая карта России: Часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 107–108.

Выдающийся советский историк-медиевист академик М.Н. Тихомиров отмечал, что из упоминающихся в древних памятниках рязанских городов остаются не идентифицированными поселения с названиями Шипино, Крылатеск, Бобруеск, Ломихвост, Урюпеск, Дубечин¹. Также ученый высказывал предположение, что на месте села Городецкого мог находиться город Вердерев, имя которого традиционно связывается со скопинским селом Вердереево².

Как представляется, имеются некоторые основания предполагать, что в окрестностях современного Городецкого мог располагаться и город Ломихвост. Возможно, под этим названием было известно одно из выявленных селищ или даже комплекс поселений на обоих берегах р. Вёрды, если они существовали одновременно. Как свидетельствует план Генерального межевания дачи села Городецкого, датируемый 1779 г., в это время около 1 км выше по течению реки от современного моста ее русло делало крутой поворот, образуя два параллельных излома с островом посередине. Не исключено, что название Ломихвост указывает как раз на эти излучины или заломы реки с островом. В словаре В.И. Даля: «Заламывань ср. длит. заломанье окончат. заломленье однократн. залом м. заломка ж. об. действ. по знач. глаг. || Залом и самый предмет или та часть его, место, которое заломлено: колено, локоть реки, поворот дороги, загиб»³. В том же словаре сообщается об одном из значений слова «хвост» – «хвост острова, арх. нижний конец по течению; верхний голова, а берег головы: взглавье»⁴. Острова на излучине Вёрды существовали и северо-западнее Городецкого, немного ниже по течению. Возможно, название Ломихвост является образным описанием резкого изгиба реки как излома и образовавшегося ниже по течению некоего хвоста в виде трех рукавов реки.

Современное село как «слобода Городецкая» или «слобода Городень» впервые упоминается в ввозной грамоте царя Василия IV Шуйского от 24 мая (3 июня) 1609 г.: «В жеребью слободе Городецкой по книгам Неудачи Плещеева да подьячего Ивана Обрабова 111-го (1603) году написано пашни и дикова поля добрые земли сто шестьдесят две чети...» Этот «жеребий» был записан за Якимкой Климовым Поплевиным. В грамоте сообщается, что в «деревне Зезюлиной», «деревне Мякишевой» и «слободе Городень» (в рукописи Городень) «были те жеребьи деревень и жеребий слободы в поместье за Правым Поплевиным, да за Ивашком Старыниным, да за Якимком Климовым Поплевиным и Правой и Ивашко и Якимко нам изменили...» Видимо, в годы Смутного времени прежние помещики оказались среди сторонников Лжедмитрия II, поэтому «боярский царь» пожаловал этими поместьями Семена Петрова сына Шарова и Никифора Матвеева сына Рукина, указав «поделитца им теми поместьми меж себя самим полюбовно по половинам, по сту дватцати чети»⁵.

Названию слободы а затем села имеется несколько объяснений. В.И. Даль свидетельствует: «Городить, церковное градить что, гораживать, забирать забором, обносить тыном, рубить или класть стену... || Вообще строить, громоздить... Гороженье действ. по глаг. Городьба ж. об. То же действ.; || всякого рода загородка, ограда, огорожа, забор, оплот или тын из лесу; околица; прясельная ограда вокруг полей; || учут, закол, перебой, рыбная забойка, или с воротами, в которые вставлен кошель, или глухая, или же простой плетень, для

¹ Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних. М.: Наука, 1979. – С. 124..

² Там же. С. 121.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. Т. 1. – М.: Астрель, 2001. – С. 536.

⁴ Там же. С. 531.

⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т. 2. – М.: Археограф. центр, 1998. – С. 405.

притона рыбы»¹. Интересно отметить, что на чертеже Генерального межевания дачи села Городецкого 1779 г. примерно в 1 км выше по течению от ныне существующего моста через Вёрду наряду с двумя параллельными изломами реки Вёрды и образованного между ними острова показана и находящаяся примерно в 350 саженьях (747 м) от моста плотина с двумя нисходящими протоками. Можно предположить, что плотина, имевшая около 200 саженьей (427 м) в длину – пожалуй, крупнейшая во всем Скопинском уезде, – имела и собственное название, что-нибудь вроде «гороженье» или «горотьба». Близкое к нему значение имело и слово «городьба» – «перебой, рыбная забойка или ворота в которые вставлен кошель»². Хорошо известен способ рыбной ловли в реках с плотиной, когда кошель вставлялся в один из протоков. Его могли использовать и местные жители. Также нельзя исключать, что название слободы отсылает к некогда находившемуся в этих местах крупному поселению – городу Ломихову или Вердереву, если только они находились именно здесь.

По переписной книге 1646 г., село Городецкое было записано «за рязанцами Максимом Ондреевым сыном Фроловым, да за Василием, да за Воином Насоновыми детьми Булашова, да за ряшанином Семеном Мининым сыном Лихачевым, да за зарайцы за Левонтъем, да за Перфильем Семеновыми детьми Стерлиговыми, да за ряшенином за Матвеем Михайловым сыном Лихачевым на их жеребьях крестьянских и бобыльских, и задворных людей за ними нет, живут однодворцы»³. В том же селе за ряшениным, за Игнатъем Матвеевым сыном Свиридовым на ево жеребье крестьян: двор, Демка Кривоногов у нево брат Исачко; двор, Пердушка Елькин у нево детей Ивашко, да Гришка, да Симанка <...> всего заним крестьянских семь дворов, а в них людей дватцать два человека⁴. В том же селе за ряшенином, сыном боярским, за Алексеем Дмитриевым сыном Старова на высылке Костемерева, на ево жеребье <...> один крестьянский двор, а в нем людей два человека. За ряшанином Леонтъем Клементьевым Буниным з братьями, с Елисеем, да с Анисимом на их жеребьях <...> крестьянских семь дворов, а в них людей дватцать два человека»⁵. Из этого числа один двор значился в пусте: «в нем жил бобыль Амелка Федоров сын Султавнов, кузнец и в прошлом во 153 году тот Амелка бежал на Скопин, в вотчину Никиты Ивановича Романова и з детьми»⁶. В том же селе за ряшени детьми боярскими, за Понкратъем Ивановым сыном Спицыным, да за Степаном Семеновым сыном Мюшеровым, да за Харланом Матвеевым сыном Неретиным на их жеребьях крестьян и бобылей нет, живут однодворцы своими дворами. В том же селе за ряшениным сыном боярским, за Агеем Федоровым сыном Булыгиным, да за племянником ево за недорослем за Гурьем Булыгиным на их жеребьях крестьян двор, Стенька Березина у нево детей Мирошка, да Кленка, да Онашко, да ево ж крестьянина Ивашку Березина [писал] пиесец Иван Рагозин в казаки, в Городецкую слободу. В том же селе за ряшени, за Алексеем, да за Любимом Гавриловыми детьми Кутукова на их жеребьях.. крестьянской двор, а в нем два человека. В том же селе за ряшенином, за Найденом Ермоловым Филатовым на ево жеребье <...> один крестьянкой двор, а в нем два человека»⁷.

Во 2-й пол. XVII в. Городецкое Рязского уезда упоминается как село с собственной церковью и приходом. И.В. Добролюбов пишет: «Городецкое, находящееся не в дальнем рас-

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 4. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 531.

² Там же. С. 531.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 54 об, 55.

⁴ Там же, лл. 55–55 об.

⁵ Там же, л. 56.

⁶ Там же, л. 57.

⁷ Там же, лл. 58–58 об.

стоянии от впадения Вёрды в Ранову, в качестве села с Покровскую церковь упоминается в окладной книге 1676 г., где при ней показано «церковныя пашни 10 четвертей в поле, а в дву потомуж, сенных покосов на 50 копен; в причте 2 попа и просвирница, а в приходе 80 дворов драгунских и казачьих и 1 бобьльский. Дани по окладу 1676 г. положено было с Покровской церкви 1 рубль 27 алтын 3 деньги»¹. Из священников городецкого храма, служивших в XVII – начале XVIII вв., известны Иоанн Прокопиев и Иоанн Васильев, упомянутые в 1676 г., Тимофей Васильев, время службы которого точно не известно, и Григорий Иванов, упоминаемый в 1709–1728 гг.

В переписной книге 1716 г. о Городецком сказано: «В том селе церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, у той церкви поп Григорий Иванов сын, тридцати девяти лет, у него попадья Василиса Пракофьева дочь, сорока шести лет, <...> дьячок Иван Васильев сын Пигов, тридцати шести лет, у него жена Анна Афонасьева дочь, тридцати шести лет, а брат ево родной Петр с дочерью Агафей пропали без вести в 705 году, а жена ево, Петрова, Марья Минаева дочь, умре в 711 году. Пономарь Григорий Тимофеев сын Пигов... Итого, в том селе Городецком служилого солдатского чину (однодворцев) дватцать четыре двора, а в них людей мужеску полу тридцать один, а летами 6 лет один, до 10 лет два, 20 лет один, до 40 лет тринадцать, до 50 лет восемь, до 58 лет три, до 70 лет два, до 76 лет один, да женску полу 29 <...>, да вдовьих и солдатских пять дворов, да убыло во вдовьих пять дворов, да без остатка сорок три двора, людей мужеску полу померло семдесят один, бежало один, взято в солдаты три, да женску полу померло семдесят два, бежало три. <...> А по переписным книгам 710 года написано в том селе Городецком служилого чину людей семдесят два двора, в них людей мужеска полу сто шесть человек да женску полу сто одинатцать человек»².

В переписной окладной книге, датируемой после 1724 г., в селе Городецком показаны 126 однодворцев, подлежащих окладу, и десять отставных церковников-однодворцев³. В 1744 г. в подушный оклад в селе Городецком были положены 248 однодворцев. Дворовых и помещичьих крестьян в селе не было⁴.

В 1761 г. на смену обветшавшего Покровского храма XVII в. в Городецком была выстроена новая деревянная церковь «в прежнее храмоименование»⁵. Из служивших в нем в XVIII в. священников известен только Конон Григорьев, рукоположенный в 1728 г. и упоминающийся до начала 1760-х гг.

Отношения между жителями села складывались по-разному. Если и возникали конфликты, то в основном из-за земли. Сохранилась датированная 1763 г. челобитная в Рязскую воеводскую канцелярию села Городецкого церкви Покрова Пресвятой Богородицы иерея Конона Григорьева, который, как полагалось в те времена, писал о своих невзгодах «на высочайшее имя» – «вспресветлейшей, державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице Всероссийской, государыне всемилостивейшей...» Жаловался городецкий священник на однодворца того же села Петра Тимофеева сына Бушманова, который «незнаемо с какого вымуслу церковной земли поддесятины, по наглости своей, отнял у меня, именованного, в прошлом 1762 году, и, отняв, посеяв рожью, и ту рожь оной Бушманов намерен, сжав, увести к себе в дом...» Кроме этого, «без всякой моей к нему, Буш-

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 247.

² РГАДА, ф. 350, д. 350, л. 259, 264 об.

³ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, л. 279.

⁴ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, л. 18.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 247.

манову, притчины, сего 1763 года в июле месяце, в воскресный день, по одслужбы утренне вышедши из церкви всенародно называл меня якобы з братом своим родным Куприяном, стоял под дорогой и в том он меня, именованного, обесчестил»¹.

В 1778 г. Городецкое стало одним из сел Скопинского уезда Рязанского наместничества. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания, составленным в 1779 г., о селе сказано, что оно «лежит на берегу Вёрды по течению ее на правой стороне, на коей пруд и мучная мельница о трех поставах, и по обе стороны озера безымянного, церковь деревянная во имя Покрова Пресвятой Богородицы»². По приведенным в документе данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в Городецком в это время был 81 крестьянский двор, в которых проживали 211 душ «мужеска» и 152 – «женска полу», все лично свободные крестьяне-однодворцы.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в селе Городецком Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 104 домохозяйства государственных крестьян, в которых проживали 586 мужчин и 530 женщин. С образованием волостей в 1861 г. Городецкое стало центром одноименной волости Скопинского уезда.

К середине XIX в. село Городецкое вытянулось вдоль Вёрды. На реке появилась мельница при протяженной плотине, перегораживавшей несколько рукавов реки. Крестьянские дома группировались вокруг озера, сформировавшегося, видимо, из старицы р. Вёрды. Близ озера стояло и здание Покровской церкви, отмечавшее центр села³.

В 1852 г. в Городецком было начато строительство нового здания Покровской церкви с Троицким приделом, также деревянного. Его освящение состоялось 1 (13) мая 1853 г., а придела – 10 (23) октября 1874 г. В 1861 г. «за ветхостью» было разобрано старое здание Покровской церкви, которое простояло ровно сто лет. Ее место было отмечено часовней, в которой хранились иконы, прежде бывшие в самом храме. В 1884 г. И.В. Добролюбов писал о церкви в Городецком: «При церкви имеется неприкосновенный капитал в 850 руб. Земли во владении причта состоит 30 десятин (32,78 га). В состав прихода входят село Городецкое с 221 двором, деревня Дегтярка, выселенная из села Дегтярки, (в 3 верстах) с 8 дворами и деревня Кузминка, отчисленная в 1865 г. от прихода Костемеровского (в 5 верстах) с 22 дворами, в коих мужского пола 1 043, женского пола 943, в числе коих грамотных считается только 70 человек, хотя школа Палатою государственных имуществ открыта была еще в 1863 г. В причте по штату 1873 г. положены 1 священник и 1 псаломщик»⁴.

В XIX в. в церкви Городецкого служили следующие священники: Нестор Андреев (в 1803–1809 гг.), Иоанн Стефанов (в 1809–1822 гг.), Алексей Петров (в 1822–1826 гг.), Авраамий Никитин (в 1826–1856 гг.), Иоанн Михайлов Гривцов (в 1856–1872 гг.), Петр Авраамиев Никитин (в 1872–1884 гг.) и Иоанн Августов (с 1884 г.) Священник И.М. Гривцов стал пионером народного просвещения в селе: он был первым наставником открывшегося в Городецком в 1863 г. училища, занятия учеников которого проводились у него на дому. Жалование наставнику и оплата за помещение поступали от Палаты государственных имуществ. В 1866 г. в училище занимались 25 мальчиков⁵.

¹ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 130, лл. 1–1 об.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 69 об.

³ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 247.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868 – С. 238–239.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в бывшем государственном селе Городецком при р. Вёрде насчитывалось 228 дворов и 1438 жителей. В селе действовала православная церковь¹.

По данным переписи населения 1882 г., в Городецком было 268 домохозяйств, в которых проживали 927 мужчин и 887 женщины. Грамотными среди них были лишь 56 мужчин и 25 учащихся мальчиков. Земельные наделы на ревизскую душу были сравнительно велики – 4,3 десятины (4,7 га). Некоторые крестьянские семьи могли себе позволить аренду как вненадельной земли, так и земли своего сельского общества. В селе было 55 зажиточных хозяйств, в которых было по три и более лошадей, 69 дворов с двумя лошадьми, 60 дворов – с одной и 84 безлошадных двора. Без лошади и коровы обходились жители беднейших 22 крестьянских дворов. Все 273 избы были крыты соломой, но «по-белому» из них топились только 9. При избах состояло 259 плетневых дворов, 158 горниц и клетей, 261 амбар и сарай, 253 риги и овина. В селе проживали 17 мастеровых, 47 семей имели земледельческий заработок, более сотни мужчин уходили в отхожие промыслы. В это время в Городецком действовали четыре промышленных заведения, кабак и лавка².

Зажиточные хозяйства, владевшие несколькими лошадьми, а иногда и каким-нибудь промышленным предприятием, формировались постепенно. Полученная когда-то однодворцами земля прирастала не у всех хозяйств, так как семьи дробились и наделы уменьшались. Более всех преуспевали крестьяне, наделенные здоровьем, смёткой, умением вести дело. У таких хозяйства богатели и расширялись. Прирастали они, в том числе, и благодаря судебным решениям. В 1882 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщили о том, что «и.д. судебного пристава при Скопинском съезде мировых судей, 2-го участка Николай Попов, живущий в г. Скопине, на 2-й Мещанской улице в доме № 66, объявляет, что на удовлетворение взыскания крестьянина села Городецкого Степана Борисова Беляева в сумме 420 руб. с %, 1 мая 1882 г., в 10 час. утра, при означенном съезде будет продаваться пахотная земля 3 дес. (3,3 га) при селе Полянах Скопинского уезда, принадлежащая крестьянке того села Домне Ивановой Неверовой. Имение это не заложено и оценено в 150 руб., с какой оценки начнется торг»³. Еще один иск в 1884 г. преследовал цель удовлетворения «взыскания крестьян села Городецкого Василья и Никифора Кирилловых Набатчиковых 21 июля 1884 г., в 10 часов утра, при означенном съезде будет продаваться пахотная земля чрезполосного владения в даче села Костемерева, в урочище «Чернолесье», 6 десятин, принадлежащая крестьянам Скопинского уезда села Питомши <...> и дер. Бахаровки» (всего 13 собственникам).⁴ В этих двух случаях, как видно, претензии были удовлетворены мирно, по суду. Однако нередко, по заведенной истари традиции, противоречия между жителями села решались и иными способами. В 1882 г. губернская газета сообщала о том, что «10 апреля, Скопинского уезда, в с. Городецком крестьянин Иван Горбачев, умер от побоев, нанесенных ему в споре одним человеком»⁵.

По данным за 1893 г., Городецкому обществу государственных крестьян принадлежала водяная мукомольная мельница с четырьмя поставами, основанная в 1871 г. Ее арендовала крестьянка Татьяна Михайлова Михеева⁶. Кузницы в селе принадлежали мещанам Николаю

¹ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 328.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 68–73.

³ Рязанские губернские ведомости, № 6. – 1882. – 20 января.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 47. – 1884. – 20 июня.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 33. – 1882. – 8 мая.

⁶ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 25, 5 об.

Петухову, Василию Иконникову и крестьянину Григорию Маталову, маслобойки – Василию Набатчикову и Василию Иванову¹.

В 1891 г. на церковные средства была возведена новая колокольня Покровского храма в Городецком. В 1896 г. его деревянное здание было капитально отремонтировано «с употреблением 100 рублей из церковных денег»². Но старая церковь уже не вмещала всех прихожан разросшегося села. В 1901 г. от епархиального начальства было получено разрешение «к постройке нового каменного храма по проекту архитектора <...> на изысканные церковью и прихожанами средства»³. Однако его возведение затянулось до начала Первой мировой войны.

В 1896 г. в Городецком открылась земская школа. В 1902 г. она размещалась в двух помещениях по 88 кв. аршин (44,5 кв. м) каждое⁴. К 1908 г. из 237 детей в возрасте от 8 до 11 лет обучались в школе 127 человек. Кроме законоучителя, преподававшего закон Божий, в школе работали еще два учителя⁵. В 1913 г. Скопинское уездное земство собиралось построить каменную «2-ю школу в с. Городецкое – двухкомплектную». Бюджет строительства планировался следующим: «4000 руб. в пособие, 2400 руб. в ссуду, 1600 руб. из земских средств по смете...» В Городецком в это время было 237 детей школьного возраста. В существовавшей двухкомплектной школе обучалось 126 детей, еще 20 было отказано из-за отсутствия мест⁶. К 1916 г. в селе были две земские школы – 1-я и 2-я Городецкие, обе двухкомплектные⁷.

В 1905 г. в селе значились 401 двор, 1417 жителей-мужчин и 1372 женщин, деревянная православная церковь, земская школа, водяная мельница, просорушка⁸.

В начале XX в. подавляющее большинство строений в Городецком, не исключая и кузниц, по-прежнему крыли соломой. Поэтому пожары случались здесь часто и могли приобретать масштабы подлинных бедствий. По данным земской статистики, с 1 ноября 1910 по 1 ноября 1911 г. в Скопинском уезде случилось 304 пожара, сгорело 2798 различных строений, за которые получено 73032 рубля страховых вознаграждений. Количество погорельцев превысило 12 000 человек. В масштабах всей Рязанской губернии больше пожаров отмечалось только в Сапожковском уезде – 366. Наиболее масштабные пожары в этот период произошли 21 декабря, 26 марта, 4, 15 и 27 июня, а также 30 сентября в селе Городецком Боровской волости, где пострадали 133 домохозяйства, и в селе Корневом 27 апреля, 2 и 27 мая, 20 и 27 сентября, где сгорело 71 строение и пострадало 222 домохозяйства. Пострадавшим было выплачено 9306 рублей страхового вознаграждения. При этом 24 % пожаров стали следствием поджогов, а 28,8 % произошли по неизвестным причинам⁹.

Еще одной бедой скопинского села в начале XX в. были эпидемические заболевания. В 1904–1905 гг. в Городецком бушевали эпидемии оспы, коклюша и кори. Одной только корью переболело 246 человек¹⁰. Нередко заносился брюшной тиф, им в селе переболело

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 3 об – 4.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1896 г.). – С. 291.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 23 (1 декабря 1901 г.). – С. 359.

⁴ Сведения за 1902 год. – Скопин, 1904. – С. 44.

⁵ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 4–5.

⁶ Журнал Скопинского уездного земского собрания внеочередного созыва 3 июня 1912 года. – Скопин, 1912. – С. 11.

⁷ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. – С. 170.

⁸ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 614–615.

⁹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 174–175, 212.

¹⁰ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLI 1905 года созыва. – Скопин, 1906. – С. 159.

40 человек, в соседнем селе Перки около 30, в Наумовском – 32. В те годы эта болезнь сильнее распространялась в селах Князево-Займище, Мшанка и Павелец – всего в них было около 150 заболевших¹.

По данным Скопинского уездного земства, в период с сентября 1909 по январь 1910 гг. в уезде переболело скарлатиной 1776 человек, из них в Городецком – 179. На некоторых врачебных участках наряду с фельдшерами, как в Бараково и Городецком, работали и сестры милосердия².

Жизнь крестьян в Городецком была не труднее, но и не легче, чем в других окрестных селениях. Опись имущества за долги по земским и казенным сборам была рутинной процедурой и считалась обычным делом. Решения о взыскании местных сборов принимались местными же властями. Как правило, земство старалось сохранять крестьянские хозяйства и без особой нужды их не разорять. Частым явлением были такие прошения, вроде того, что направил в 1913 г. Скопинской уездной земской управе крестьянин села Городецкого Илья Иванович Гудков: «Имею честь покорнейше просить <...> рассрочить мне взыскание недоимок земского сбора, так как пристав 3-го стана назначил продажу на 18 сего мая лошади, коровы и поросенка...»³ По справке Скопинской уездной земской управы на 1 января 1913 г. причиталось около 200 рублей пени с помещения трактира в Городецком. Собрание постановило рассрочить платеж на четыре года...⁴ По данным земства, долг по платежам и сборам числился и на городецком кузнеце Григории Матвеевиче Колтыгине. Но проверка показала, что он с 1912 г. числился умершим, а кузница его была разрушена⁵.

В 1914 г. при Покровской церкви в селе Городецком числилось усадебной земли – 4,5 десятины (4,9 га), пахотной – 33 десятины (36 га). В приходе действовали три земские школы. В селе было 454 двора, население составляло 1599 мужчин и 1603 женщины. В церковный приход входили также деревни Кузминка и Дехтярка, в которых в общей сложности насчитывалось 45 крестьянских дворов⁶. Медленно, но верно двигалось к завершению строительство кирпичного здания Покровской церкви. В 1915 г. во время посещения скопинских сел и церковей преосвященным Амвросием⁷ отмечалось, что «благодаря стараниями местного старосты <...> почти окончен постройкой новый храм, который по своей архитектуре и обширности превзойдет многие сельские и городские храмы»⁸.

О быте и нравах дореволюционного Городецкого сохранились заслуживающие внимания воспоминания старейшей жительницы села Надежды Ивановны Яшкиной, записанные в 2012 г. ее внуком Владимиром Евгеньевичем Яшкиным. «Посреди села лежит озеро. Как оно возникло? Ему много лет. Пока существует село, оно всегда было его достопримечательностью.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIII 1907 года созыва. – Скопин, 1908. – С. 363.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 274–276.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIX созыва 1913 года созыва. – Скопин, 1914. – С. 256–257.

⁴ Там же. С. 256–257.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 572–573.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церковей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 554–555.

⁷ Амвросий /Смирнов/ (1874–1938) – епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии в 1911.–1917 гг.

⁸ Рязанские епархиальные ведомости, №15 (1 августа 1915 г.). – С. 608.

Его северный берег отделён от реки высокой грядой известкового камня. Известняк дугой обнимает водоём. С юга лежат поля, с которых весной стекает вода и стоит в озере. Но, наверное, есть родники, потому что оно никогда не пересыхало, и в нём водилась рыба. На восточном, таком же каменном берегу озера люди построили церковь и заложили кладбище. Здесь тоже застроили улицу с севера на юг. Всё село лежит не на пахотной земле, на неудобье: озеро, торфяник (у школы), глинище, поэтому люди берегли каждый клочок пахотной земли. До 1917–1930 гг. люди редко отрывались от села. Летом занимались хлебопашеством. В зимнее время мужики, не занятые хозяйством, уходили на заработки. Оставшиеся мужчины ухаживали за скотиной, обрабатывали овчины, делали кожу, валяли валенки, мастерили инвентарь для лошадей: хомуты, седёлки, плели верёвки – вожжи, делали сани, телеги, сохи, бороны.

На Покров (14–16 октября) играли свадьбы, их было по 10–15 на селе. После свадеб ходили в гости к тем, кто гулял на свадьбе – случалось, гуляло всё село. В год рождалось 40–50 детей. Село росло, сыновья выделялись. Отступив 50 метров к реке, уже на ровном месте закладывали дома. Улицу назвали «Угол». Дома строили кирпичные, глину копали недалеко за околицей, сами формовали кирпичи и обжигали их в ямах (были «старики-умельцы»). К крайним домам «Угла» весной подходила вода с реки, заливала пороги и оставалась в затоне до зимы. Летом в затоне размножались лягушки, и место называли «Лягушовка». Сейчас затон высох, лягушки не водятся.

Крайняя улица, идущая с севера на юг, называется «Ржавец». Она начала застраиваться всего 60 лет назад. С поля здесь течёт ручей, где-то бьёт родник. Вода застаивается в низинах, образовалось болото. Вода ржавая, вот и ручей назвали «Ржавец». До образования колхозов в 1930–1933 гг. каждый хозяин усадьбы чистил свой участок этого ручья, воду проводили до самой реки; торф, который выкапывали при этом, шёл на топливо, а вода ручья стекала в реку. Когда всё стало общее, канаву чистить перестали, и сейчас с восточной стороны села лежит болото. Мелиораторы вместо того, чтобы прорезать канал по старой канаве, прорезали его по сухому полю, чем испортили плодородную долину, а ручей заболотился ещё больше¹.

В 1917 г. в селе Городецком Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 526 крестьянских дворов, население составляло 1638 мужчин и 1637 женщин². Советская власть в селе, как и во всей Боровской волости, была установлена в декабре 1917 г. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В годы Гражданской войны на территории Скопинского уезда боевых действий не велось, но время это все равно было трудным для местных жителей. Слабая советская власть едва контролировала ситуацию в сельских районах. В 1919 г. один из представителей уездных властей, побывавший в ряде волостей с целью проверки проведенных в них перевыборов в сельсоветы, описывал общее состояние дел в очерке «Недостаток механизма по волостям и селам» в скопинской газете «Известия» в следующих выражениях: «То, что представилось мне увидеть в деревне, увидеть царящий хаотический порядок, который безошибочно можно назвать не только хаотическим, но и катастрофическим, и это происходит не только в одной волости, но и в других соседних волостях, как то Яблоневской, Маклаковской, Сергиевской и Володарской; местная власть бездействует, подлаживаясь к населению, чтобы быть милыми, или непосредственно

¹ Цитируется по материалам, предоставленным Г.А. Барсуковой.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

участвует сама в этом, недопустимом хаотическом порядке, комитеты бедноты и вся беднота вошла в контакт и сделку с богатеями и кулаками. Спекулируют хлебом богачи, спекулирует и беднота, и спекуляция идет в открытую, масса приезжает из Тулы, Москвы и других городов, ходят шайками, привозят ситец, соль, керосин и другие товары, меняют на хлеб, пшено и муку по бешеным ценам, за один аршин ситцу 1 пуд муки, за 7 фунтов керосина 1 пуд пшена, а табак в деревне покупают эти приезжие спекулянты по 300 рублей пуд, ездят обозами спекулянты приезжие, обозами и вывозят хлеб <...>. Гонят самогонку вовсю...»¹

В это время в самом Скопине «в городском бараке к 1-му февраля лежало больных сыпным тифом 50 чел. На дому 27 чел., – извещал чрезвычайный уездный комиссар по борьбе с сыпным тифом А. Еремеев. В уезде, как свидетельствовали выступления врачей и представителей волостных советов на заседании уездного санитарного совета, число болевших намного превышало официальный статистический показатель в 500 человек. В селах Городецком, Ильинском и Моховом открывались тифозные бараки. В первое село был направлен медицинский персонал во главе с врачом Чернавской, во второе – во главе с врачом Игнатовой, в третье – с врачом Егоровой»². К весне 1919 г. в Городецком действовал эпидемиологический отряд, открылся и барак для заболевших, но эпидемия усилилась. Уездный комиссар сообщал о том, что «с ноября прошлого [1918] года, т.е. с самого начала эпидемии сыпного тифа, медико-санитарным отделом зарегистрировано в городе и уезде больных сыпным тифом 1393 человека. Из этого числа умерло 54 человека, выздоровело 613 человек и состояло больных к 15 февраля 726 человек»³. Наиболее сильно болезнью были охвачены Городецкое – 85 человек, Ильинка – 54, Горлово – 58, Потеревка – 41, Лопатино – 27, Моховое – 25.

С укрупнением уездов и волостей Рязанской губернии в 1924–1925 гг. Городецкое было передано из Скопинского уезда в Рязский. После упразднения старого административного деления на губернии, уезды и волости в 1929 г. Городецкое вместе с окрестными населенными пунктами вошло в состав Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1931 г. Городецкий сельсовет был вновь подчинён Рязску. В обзоре селений, отошедших от Скопинского к Рязскому району в 1931 г., который был напечатан в газете «Колхозник», отмечалось: «В состав Рязского района в начале июля, согласно распоряжения Мособлсполкома, вошли следующие сельсоветы: 1) Желухинский (319 хозяйств и 1655 едоков), 2) Городецкий (578 хозяйств и 3011 едоков), 3) Новинский (448 хозяйств и 2349 едоков) и 4) Новобараковский (637 хозяйств и 3184 едоков). Всего 1982 хозяйств и 10 279 человек. Из данных сельсоветов первый и третий расположены по течению реки Моши, а остальные сельсоветы по реке Вёрде. Размещение селений этих сельсоветов по поймам рек Моши и Вёрды создает благоприятные условия для развития огородничества. Супесчаные почвы, окружающие Городецкий и Новобараковский сельсоветы, послужили основой для распространения картофеля. Общая экономическая структура сельсоветов довольно однородна с соседними сельсоветами Рязского района. Отличительной особенностью данной группы сельсоветов, за исключением Городецкого, является мелкоселье. Так, в остальных трех сельсоветах имеется 18 населенных пунктов. Основное занятие населения сельское хозяйство. Основные виды почв – коричневый чернозем и коричневый суглинок...»⁴

Начавшаяся в 1930-х гг. массовая коллективизация была встречена большинством городецких крестьян «в штыки». Газета «Авангард», орган Побединского РК ВКП (б), РИКа

¹ Известия, № 4. – 1919. – 26 января.

² Известия, № 9. – 1919. – 9 февраля.

³ Известия, № 15. – 1919. – 2 марта.

⁴ Колхозник, № 24. – 1931. – 24 августа.

и РСФСР Московской области, в 1930 г. так описывала царившие среди местных крестьян настроения: «...Подкулачники-кликуши, подлаживаясь к беднякам, вели разговоры: “И што, матушка моя, про колхоз, ведь этого слова и в Библии нетути... Эфто слово и произнести-то грех. А в советы-то, мы и своих людей найдем... Пошто нам колхозные?”»¹.

Городецкий колхоз образовался довольно поздно – датой его рождения стало 23 февраля 1933 г. В этот день праздновалось 15-летие образования Рабоче-Крестьянской Красной Армии, поэтому он получил наименование «15 лет РККА». В постановлении бюро Рязского райкома ВКП(б) и районной комиссии по чистке парторганизаций от 8 октября 1933 г. отмечалось, что «организация колхоза «15 лет РККА» проходила в обстановке ожесточенной классовой борьбы, выразившейся в круговой поруке, саботаже в сдаче зерна и картофеля верхушки деревни и отдельных середняков, скрытию от заготовок в ямы и другие места зерна, картофеля, в антисоветской агитации и еще в целом ряде других форм кулацкой агитации»². С кулацким саботажем удалось справиться при поддержке партийных и советских организаций Рязского района. Из колхоза исключили 17 хозяйств особо злостных саботажников. Некоторые жители села были раскулачены – в частности, семьи Ивана Сергеевича Кашкина (1875 -?), Никифора Васильевича Набатчикова (1895 -?) и Гавриила Ивановича Томина (1875 -?). К концу 1933 г. в городецком колхозе было до 340 хозяйств.

О становлении и первых годах городецкого колхоза написал в 1934 г. обозреватель рязской районной газеты «Колхозник» В. Казанский: «Городецкое стоит на горе. С юго-запада восемь разбросанных улиц села опоясывает широкая, рыбная река Вёрда. На восток от самой околицы зелеными волнами плещется озеро пшеницы. Пшеница засеяна впервые. Тучные колосья гнут в дугу тростниковую солому. По 55–60 зерен в колосе. По осторожному подсчету 60 га должны дать в полтора раза больше, чем бы дала рожь. В 1933 г. предколхоза Сашин предложил колхозникам опыт – посеять пшеницу. Собрание протестовало:

- Не уродится, земля плохая.
- Деда не сеяли.
- Деда? Деда лебеду ели, а мы колхозники.

Не только деды, отцы, но и большинство колхозников хорошо помнят, когда лебеду ели. За 17 лет до советской власти 408 домохозяев покинули веками насиженные места. Люди бежали от нищеты, бежали от голодной смерти. В 1900 г. в селе родилось 127 человек. Умерло 188 человек. Смертность повышалась из года в год. В 1913 г. родилось 114 человек, умерло 194 человека. Возраст большинства умерших – 25–38 лет. У середняков урожая хватало до декабря, у бедноты – до конца осени. С первых лет революции люди зажили по-человечьи. В первые годы рождение поравнялось со смертностью, и сейчас рождаемость опередила смертность.

По Союзу Республик катилась могучая волна коллективизации. Шел 1930 г. Но в Городецком о колхозе слушать не хотели.

– Живем дальше некуда – хорошо! После вымирания от голода им казалось: то, что им дала советская власть – больше получить невозможно. Но опыты соседних колхозов, особенно жизнь в колхозе им. Академии Крупской Шелемишевского сельсовета, убеждала в противоположном. Первым агитатором за коллективную жизнь в селе был Андрей Федорович Набатчиков. Везде на собраниях, в личной беседе Набатчиков заявлял:

– Вот живут люди. Живут! Всего хватает. А у нас на 700 домов два самовара. Спим на соломе. Можно жить лучше. Крестьяне колебались, ходили в соседние колхозы. Возвращались

¹ Авангард, № 17. – 1930. – 30 декабря

² Колхозник, № 139. – 1933. – 21 октября

агитаторами. В день 15-летия Красной Армии в колхоз вступило 300 хозяйств. Колхоз назвали годовщиной этого исторического дня...

Первый колхозный год окончен. На трудодень пало по 16 фунтов зерна, и 300 домохозяйств, большинство которых с декабря ели лебеду, не знавшие закромов, жаловались на недостаток зернохранилищ. Большинство обеспечили себя 2-летним запасом хлеба. Осень, ошеломленные единоличники, пораженные богатством колхозников, вступили в колхоз в количестве 150 хозяйств.

Вместе с хлебом в Городецкое пришла культура. Еще год назад в село приходило 27 газет, а теперь ежедневно в колхоз доставляли 1862 экземпляра. Нередки были случаи, когда колхозники заходили в сельпо, спрашивали книги, тюлевые занавески, эмалированную посуду.

Предоставим слово организатору колхоза Андрею Федоровичу.

– До колхоза у нас, у бедноты, хлеба едва хватало до Рождества. А теперь? Прошлый год я на свою семью получил хлеба 120 пудов, пшеница 40 пудов, картофеля 100 пудов. Купил корову, детям по две пары белья и ботинкам, жене впервые в жизни справил городское пальто. У меня в хате появились книги. В колхозе я работал один, заработал 426 трудодней, нынешний год у нас трудодень будет гораздо выше. В прошлом году мы израсходовали 90 тысяч трудодней. В нынешнем расходуем 80 тысяч. А земли у нас больше прошлогодней на 300 га. Прошлый год у нас были большие потери зерна. В эту уборочную моя бригада будет бороться, чтобы ни одного килограмма не потерять. Лучших людей своей бригады я приставил к молотилке, к жнейке, к охране зерна. Заверяю, ни один грамм колхозного зерна не попадет врагу. Нынешний год у меня будет белый хлеб, я получу не менее 15 пудов пшеницы. Кроме того, будет своя свинина. Видите, я работаю честно и становлюсь зажиточным.

Действительно, Набатчиков – передовой колхозник, показывает образцы подлинно социалистического труда. В дни весеннего сева Набатчиков перевыполнял нормы в 2–3 раза. В покос Набатчиков с звеном косцов скошил отведенную площадь лугов в два дня против шести дней прошлого года. По его бригаде равняются остальные. Набатчикова знают не только в колхозе, но и в районе. Он первый в районе получил значок участника похода имени Кагановича за высокий урожай. Его бригада имеет переходное красное знамя и держит его крепко.

Сейчас Городецкое не узнать. Когда-то в селе было несколько домов, выделяющихся из остальных, похожих один на другой. Эти дома принадлежали кулакам и попу. А теперь лучшим зданием в селе будет двухэтажная школа, школа будет иметь десять классов. У реки достраивается каменная баня, парикмахерская, закончена постройка зернохранилища на 50 тыс. пудов. Начата постройка мастерской колхоза с кузнечным, столярным, слесарным и колесным отделениями. Отведен участок под сад. Осенью 1934 г. будет посажено 40 га яблонь, черешен и груш.

На днях после проработки постановлений пленума ЦК ВКП (б) о развитии животноводства колхозники постановили организовать 4 фермы. 9 июня закуплены первые 6 коров. Куплено несколько десятков свиней. Меняется лицо села, меняются и названия. 8 участков – «Голодовка», «Московка», «Лягушки», получают название именами вождей, именами челюскинцев, именами писателей¹. (Очевидно, к этой волне переименований относятся сохранившиеся в селе до настоящего времени названия улиц Ленина, Калинина и Горького).

Свои воспоминания о периоде становления колхозного строя остались у Н.И. Яшкиной: «В 1930 г. началась коллективизация, т.е. крестьян заставили объединиться в кооперативы

¹ Колхозник, № 82. – 1934. – 21 июля

и работать, вести хозяйство коллективно. Крестьяне не хотели идти в «коммуну». Многие семьи были «раскулачены», т.е. у них отняли всё, что они нажили тяжёлым крестьянским трудом: лошадь, соху, плуг, веялку, зерно. Об этом очень правдиво описано у М.А. Шолохова в «Поднятой целине». Мужчины – умные, трезвые, работающие, были сосланы на каторгу. Их дома, постройки, кирпичные амбары для хранения зерна были сломаны. Сломали и церковь. Об этом здании до сих пор вспоминают старожилы. Постройка была уникальная. Строили её не один десяток лет на самом высоком берегу озера. Церковь была видна из любой точки села. В раствор, на котором возводилась кирпичная кладка, добавляли куриные яйца «для крепости», полы были с подогревом, чтобы прихожане не застудили колени, молясь Богу. Потом из церковных кирпичей сложили школу в селе Шелемишево. Многие семьи, особенно староверы, в колхоз не пошли, так и прожили единоличниками. Прадеды Яшкины кулаками не были, они были середняками, т.е. наёмных рабочих не нанимали. Всё в хозяйстве делали сами: пахали, сеяли, косили, молотили, держали овец и гусей и т.д. И всё равно они были поставлены «на твёрдое задание». Это такой налог, когда из дома уносили всё, и семье приходилось голодать»¹.

К ноябрю 1933 г. в Городецком сложилась довольно крупная партиячейка – в селе к этому времени был 21 член ВКП (б). Характеристики некоторых первых городецких коммунистов сохранились в документах проводившейся в это время чистки партии. Так, например, 7 октября 1933 г. на заседании ячейки комиссии по чистке Городецкой парторганизации разбирались личные дела следующих сельских коммунистов:

«1) Букаткина Антипа Кузьмича. Член ВКП (б) с 22/1 30 г., п/б № 1463297, колхозник, 1905 года рождения. Бригадир, парторг бригады. Образование имеет низшее. Соревнуется. Имеет строгий выговор, вынесенный ему в 1933 г. РКК за пьянку.

Бригада Букаткина является ведущей в колхозе. Политически неграмотный. Слабо воздействует на семью в антирелигиозном воспитании (в 29 г., будучи кандидатом, венчался в церкви, в 32 г. жена крестила ребенка).

Постановили: Букаткина считать проверенным.

Слушали:

2) Качанова П.В. член ВКП (б) с 26/5 25 г., п/б № 0099493. Рабочий, 1905 года рождения. Прислан на работу в колхоз с шефствующего завода ЛЭПСЗ, образование начальное. Секретарь партиячейки тов. Качанов много работал по организации хозяйственного укрепления колхоза. Дисциплинирован. Политически грамотный.

Постановили: считать проверенным.

Слушали:

3) Набатчикова Георгия Павловича. Кандидат с 8/X 31 г., к/к № 165878, колхозник. 1901 года рождения. Образование ниже среднего. В РККА (флот) был с 21 по 24 г. Работает учителем. Соревнуется. Партнагрузка – редактор стенгазеты. Председатель ревизионной комиссии колхоза, председельсуда, партвызысканий не имеет.

Тов. Набатчиков иногда выпивает, выпивку оправдывает привычкой, оставшейся у него от службы в Красном флоте. Как председатель ревизионной комиссии колхоза за 4 месяца ни одной ревизии не делал. Стенгазеты выпустил, как председатель сельсуда разобрал только два дела. К школьной работе относится формально. Своей педагогической квалификации не повышает. В 1932/33 г. в ячейке активно работал по хлебозаготовкам, коллективизации и подготовке к весеннему севу (Бажанов, Лесной, Кулешов, Куравлев).

---

¹ Цитируется по материалам, предоставленным Г.А. Барсуковой.

Постановили: Набатчикова Г.П. как недисциплинированного, политически неграмотного, не выполняющего добросовестно партийных обязанностей и не выполняющего большевистски постановлений ЦК о школе – переместить из кандидатов в сочувствующие.

Слушали:

4) Сашина Василия Ивановича. Кандидат с 12/Х 31 г., к/к 155841. Колхозник, 1899 года рождения. Работает председателем колхоза. Парторг бригады. Образование – низшее. За несоблюдение охраны имущества колхоза по решению МК ВКП(б) ставился вопрос об его исключении из партии. В партии оставлен, предупрежден.

В прениях отмечается хороший подход т. Сашина к работе, способность мобилизовать колхозников на борьбу за трудовую дисциплину. В политических вопросах разбирается.

Постановили: Сашина считать проверенным.

Слушали:

5) Косольгина Ефима Фаддеевича. Член ВКП (б) с 24/І 32 г., п/б №52989. Крестьянин, 1906 года рождения. Образование – низшее. Не соревнуется. Работает директором молочного пункта. РК ВКП (б) (11/ІІ 33 г. за пьянку и примиренческое отношение к кулацким хозяйствам, саботирующим заготовки, исключался из партии. МКК восстановлен, партбязанностей в ячейке не выполняет.

Косольгин продолжает систематически пьянствовать до восстановления и после восстановления его членом ВКП (б). За трудовую дисциплину не борется, счетовода допускает на работу в пьяном состоянии.

Вместо воспитательной работы среди рабочих завода производил штрафы. Отлынивает от общественной работы (Кузнецов). Политически неграмотный.

Постановили: Косольгина Е.Ф. как перерожденца, морально разложившегося, не желающего вести борьбу с разгильдяйством, с прогулами, за трудовую дисциплину и неактивного из членов ВКП (б) исключить»¹.

В 1935 г. в Московской области был создан Желтухинский район. Ему был передан ряд сельсоветов Рязского района, среди которых был и Городецкий. В 1937 г. вместе с остальными населенными пунктами Желтухинского района село вошло в состав новообразованной Рязанской области.

В 1937 г. значительный резонанс получило громкое уголовное дело о низких урожаях в отдельных колхозах, по которому осудили ряд руководителей ключевых административных и хозяйственных структур соседнего Скопинского района. На этом фоне Желтухинский райисполком усилил работу по выявлению недостатков в работе хозяйств района. Им было посвящено специальное постановление от 20 августа 1937 г., отдельного упоминания в котором удостоился и городецкий колхоз. В документе, в частности, указывалось: «В колхозе «15 лет РККА» намолоченное зерно с семенных участков отдельно не скирдовалось и частично расходовалось не на семенные цели». Из этого делался вывод о необходимости «передать дело прокуратуре для привлечения виновных лиц к ответственности»². Похоже, смысл в этом был: время от времени желтухинская «Колхозная правда» сообщала о вопиющих примерах бесхозяйственности, граничившей с саботажем, в колхозе «15 лет РККА». Например, о таком факте: «Председатель Титов, заведующий хозяйством Журавлев обнаружили, что не скошено восемь гектаров пшеницы. Пшеница уже осыпалась. По приблизительным подсчетам потери составили 500–600 пудов»³.

¹ ГАРО, ф. П-44, оп. 1, д. 1, лл. 32–34.

² Колхозная правда, № 92. – 1937. – 25 августа.

³ Колхозная правда, № 103. – 1937. – 22 сентября.

Но наряду с недостатками были и серьезные достижения. Крестьяне почувствовали преимущества коллективного хозяйства, увидели реальные плоды своего труда. Уровень их жизни стал постепенно повышаться. В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, работавшей в регионе в 1939–1940 гг., сообщается, что в это время в Городецком работал колхозный родильный дом на 5 коек¹. Городецкая водяная мельница, обслуживавшаяся 3 рабочими и имевшая суточную пропускную способность в 135 ц, не успевала перемалывать зерно. За 1938 г. на ней перемололи 6402 ц². В колхозе «15 лет РККА» по состоянию на 1938 г. было 138 лошадей (в том числе 92 рабочие), 36 голов крупного рогатого скота (в том числе 12 коров), 12 свиноматок с 52 поросятами. Жители села содержали 243 головы крупного рогатого скота (в том числе 184 коровы), 125 свиней и 151 овцу³.

Одной из сельскохозяйственных культур, на которых специализировалось хозяйство городецкого колхоза «15 лет РККА», была горчица. В 1940 г. к ее уборке отнеслись настолько бесхозяйственно, что забила тревогу районная газета: «Обмолоченная горчица около месяца лежала на току под открытым небом, не раз находилась под дождем. В результате в 30 ц горчицы имеется не менее 60 % прелого зерна, и 20 ц попрекло целиком и не пригодны ни к сдаче государству, ни на семена. Председатель сельсовета Набатчиков даже не знает, что в колхозе творятся такие безобразия. На полевые работы колхозники выходят в 9 часов утра, обеденный перерыв 4–5 часов, в результате рабочий день равен не более 4–5 часов»⁴.

На рубеже 1930-х и 1940-х гг. жителей Городецкого стали все чаще принимать участие в событиях международного значения. В 1940 г. на весь Советский Союз прогремело имя уроженца села Никиты Ивановича Русина (1915–1997). По окончании 7 классов средней школы он работал комбайнером МТС, в 1937 г. был призван в РККА и принял участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. В бою 15–16 декабря 1939 г. красноармеец Н.И. Русин, механик-водитель танка 85-го отдельного танкового батальона (39-я отдельная легкая танковая бригада, 13-я армия), находясь на переднем крае обороны противника, уничтожил противотанковую пушку, ряд других огневых точек, а также большое количество живой силы врага. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1940 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и героизм» красноармейцу Н.И. Русину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за № 219. Впоследствии он также принимал участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., командовал взводом, ротой, батальоном. В 1956 г. майор Н.И. Русин вышел в запас, до конца своих дней жил и работал в подмосковном Подольске.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война сказалась на труде и быте городецких колхозников. Большинство мужчин призывного возраста ушло на фронт. Как и везде, их заменили женщины, старики, подростки. В июле 1942 г. колхоз «15 лет РККА» Городецкого сельсовета приступил к косовице ржи. «В бригаде №7 вышло на работу 9 косцов, из них 6 косцов – женщины. После обеда косцы И.Г. Набатчиков и Д.Ф. Ломакин скосили ржи по 0,26 га при дневной норме 0,5 га. Женщины-косцы Д.К. Набатчикова, У.Е. Набатчикова за это же время скосили по 0,23 га. Хорошо работал косец 2 бригады 60-летний И.А. Русин»⁵.

¹ Колхозная правда, № 129. – 1937. – 27 ноября.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 64. Сведения по мельницам Желтукхинского района за 1938 год.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 64.

⁴ Колхозная правда, № 110. – 1940. – 25 сентября.

⁵ Колхозная правда, № 55. – 1942. – 30 июля.

В 1942 г. городецкий колхоз был разделен на три хозяйства. Одно из них сохранило название «15 лет РККА», два новых получили актуальные наименования «Красное знамя» и «Путь к победе». По итогам 1942 г. колхоз «Красное знамя» Городецкого сельсовета «был занесен на доску почета области как получивший в среднем по 17 центнеров с гектара» (речь, видимо, идет об урожае зерновых)¹.

В годы Великой Отечественной войны среди других потомков драгун и казаков петровского времени из села Городецкого более всех прославился Иван Тимофеевич Моргунов (1919–2016). С марта 1942 г. сапер И.Т. Моргунов воевал на Калининском фронте, затем на Брянском и на 1-м и 2-м Белорусских. В 1943–1945 гг. он принимал участие в Ржевско-Вяземской, Болховско-Орловской, Брянской, Гомельско-Речицкой, Белорусской и Восточно-Прусской операциях. Его боевая работа позволила сохранить огромное количество солдатских жизней. С войны ефрейтор И.Т. Моргунов вернулся полным кавалером ордена Славы. Демобилизовавшись в 1946 г., он до выхода на пенсию работал в воинской части № 86741 железнодорожных войск. До 2010 г. ветеран жил в поселке Говорово, последние годы провел в Рязани. И.Т. Моргунов похоронен на кладбище своего родного села Городецкого.

В 1947 г. сельхозартель «15 лет РККА» выполнила план хлебозаготовок. Но уже в 1948 г. в ней обострились давно назревавшие проблемы. Как оказалось, насмотревшиеся на частные крестьянские хозяйства в странах Восточной Европы фронтовики, вернувшись на Родину, утратили стимулы для работы в колхозе. Желтухинская «Колхозная правда» писала о том, что в мае 1948 г. в Городецком «три недели велись полевые работы, однако посеяли только 86 гектаров из 400. Из этого числа только 10 гектаров с помощью лошадей. Все дело в том, что в колхозе <...> вместо укрепления общественного хозяйства и превращения его в основной источник доходов колхозников, способствуют раздуванию личных хозяйств членов колхоза, а интересы общественного отодвигают на задний план. Это сильно ослабило трудовую дисциплину: из 119 трудоспособных членов артели в самом лучшем случае только 60 человек числятся на работе в колхозе. Да и то формально. Остальная масса либо отсиживается дома или трудится на приусадебных участках. Бросил артельные дела и в поте лица трудится на своем огороде со всей семьей бригадир Журавлев Ф.П. Жена и дочь его лишь числятся на бумаге колхозниками, однако ни в прошлом году, ни ныне они не выработали ни одного трудового дня. По соседству с колхозом находятся торфоразработки. Директор топливной конторы т. Рожников без ведома правления колхоза начал вербовку рабочей силы и взял под защиту нанявшихся к нему дочерей Калинычевой Анастасии... Оставшаяся их мамаша бросила работу в артели, но цепко держится за приусадебный участок 0,33 га. Удивляет одно: почему правление колхоза во главе с ее председателем т. Назаровым заняли безразличную позицию к лжеколхозникам»².

В 1949 г. городецкий колхоз «Красное знамя» убрал озимую рожь с 303 га, а всего зерновых с 592 га. Урожай картофеля собрали с 30 га, махорку с 10,7 га, а прочие культуры, включая многолетние травы на семена, с 36 га. Работали 3 полеводческие и одна овощеводческая бригады. На косовице ржи трудились 158 человек, 14 рабочих лошадей, 7 повозок, комбайн и тракторная молотилка. Комбайном планировалось убрать 130 га, а остальные 362 га вручную. На поля вышли 45 косцов с крюками и столько же вязальщиц. Скирдовали тоже вручную³.

В 1950 г. все три городецких колхоза вновь объединились в одно хозяйство, получившее название «Красное знамя». В том году ему предстояло убрать озимых ржи и пшеницы, яровой пшеницы, овса, гречихи, проса, вики и гороха на 1587 га. Также необходимо было

¹ Пронский колхозник, № 94. – 1942. – 22 ноября.

² Колхозная правда, № 16. – 1948. – 9 мая.

³ Колхозная правда, № 27. – 1949. – 30 мая.

собрать урожай с 35 га махорки, 18 га горчицы, 96 га картофеля, 14 га овощей и 0,6 га конопли. «Колхозная правда» рапортовала: «На уборке уже 2 самоходных комбайна, тракторная молотилка, 2 жатки, 2 конных граблей, 4 сортировки, 3 веялки, триер, 70 крюков (70 косцов и 70 вязальщиц), 19 повозок, 45 рабочих лошадей, 2 вола. Всего 8 полеводческих бригад, в которых 483 колхозника»¹.

«В июле 1952 г. в колхозе «Красное знамя» Городецкого сельсовета доклад о сельскохозяйственной артели сделал секретарь райкома ВКП(б) Капкин». Выступление районного партийного функционера было посвящено «деятельности председателя Г. Набатчикова и других должностных лиц», которые «допустили разбазаривание трудодней, общественной земли. Под видом авансов и премий расходовали денежные средства, допустили падеж скота при наличии кормов». После «проработки» председатель колхоза «Красное знамя» Г.П. Набатчиков был снят с должности, а на его место при поддержке райкома партии был избран Иван Михайлович Мамонов².

В апреле 1956 г. в связи с необходимостью «укрепления районного звена» Желтухинский район Рязанской области был ликвидирован. Городецкий сельсовет в составе села Городецкого и деревни Журавлиха был передан Скопинскому району.

В 1960 г. в процессе укрупнения сельсоветов Скопинского района Городецкий сельсовет был объединён с Новобараковским³. В этом же году городецкий колхоз «Красное знамя» влился в совхоз им. В.И. Чапаева с центральной усадьбой в поселке Желтухинский.

По административному делению 1970 г. Городецкое входило в состав Новобараковского сельсовета вместе с селами Новобараково, Костемерово, Поляны, деревнями Гудовка, Дмитриевский Хутор, Журавлиха, Конюхово, Московка, Старобараково и поселком Полянские Выселки⁴.

В 1971 г. совхоз им. В.И. Чапаева Шелемишевского сельсовета был разукрупнен в целях более эффективного использования его земель. Часть хозяйства, оставшаяся в Шелемишево, оформилась в совхоз «Нива»⁵. Новый совхоз был организован на основании приказа по Рязанскому областному управлению сельского хозяйства №43 от 26 февраля 1971 г. В нем работало большинство жителей Городецкого вплоть до конца советской эпохи.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Городецкое вошло в состав Шелемишевского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе Городецком Шелемишевского сельского поселения Скопинского района Рязанской области проживают 364 человека – 176 мужчин и 188 женщин. В 2015 г. в селе действовали фельдшерско-акушерский пункт, библиотека, магазин. На месте разобранной в 1930-х гг. сельской Покровской церкви возведена деревянная часовня Покрова Пресвятой Богородицы⁶.

¹ Колхозная правда, № 32. – 1950. – 19 августа.

² Колхозная правда, №44. – 1952. – 20 июля.

³ Архив Скопинского района, ф. 94, л. 1.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971.– С. 199.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 462, лл. 1–3.

⁶ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ГРЕМЯЧКА

село

(сельское поселение Успенское)

Село Гремячка было основано в начале 1670-х гг. на землях Скопинской дворцовой волости царя Алексея Михайловича в Рязском уезде. Оно стало выселком из села Вослебы (современное Вослебово). В него перебрались те жители Вослебы, которым не хватало наделов в окрестностях родного села.

Название Гремячки В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов истолковывают следующим образом: «Село основали на речке Слободке. Она изобиловала холодными чистыми ключами, бьющими из глубины земли. Такие ключи в народе называли «гремячими» или «гремячкой», откуда и пошло название. Со временем большинство гремячих ключей исчезло, но прежнее наименование сохранилось до сих пор»¹. В словаре В.И. Даля, однако, слово *гремяч* объясняется как народное название ключа, но не находящегося на дне реки, а текущего из подземного грота и издающего характерный гремящий звук². Гремячками в Рязском и Скопинском уездах называли и вовсе небольшие ручьи и речки. Была в этой местности и своя речка Гремячка, показанная в плане Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. По ней селение и получило свое название, ныне это сезонный ручей.

История появления Гремячки отражена в записях окладных книг 1676 г., посвященных основанной за два года до их составления сельской церкви во имя Архистратига Божия Михаила. В них сообщается, что «у тое церкви двор попа Пахомия, двор дьчков, двор понамарской. Церковныя пашни десеть четвертей в поли, а в дву потомуж. Сенных покосов на пятьдесят копен». В приходе Архангельской церкви в то время было «шестьдесят дворов крестьянских, восемь дворов бобыльских, и всего семьдесят один двор <...>, а преж сего с тое церкви дани не было, а приход выселился Скопинскому уезду из села Вослебы вновь, а благословенная грамота взята на церковь Божию в прошлом, во 182-м (1674) году, и по се число церковь не достроена, и тот поп Пахомей с того приходу данные деньги по се число платил села Вослебы с рожественским попом сопча для того, что приход был один»³.

По переписным книгам 1675 г., в Гремячке было 67 дворов крестьянских, а население составляло 305 душ. Местные крестьяне обрабатывали на царскую казну 40 десятин в одном поле, то есть на двор приходилось в трех полях по 1,8 дворцовой десятины. Кроме того, с крестьян Гремячки ежегодно собиралось столовых запасов: свиного мяса – 60 пудов (960 кг), по 40 баранов, 40 гусей, 70 уток и 40 сушеных кур к царскому столу и для снабжения войска⁴. О сборе столовых запасов царь Алексей Михайлович наказывал: «А впредь по нашему, великого государя, указу, по разсмотрени учинить, кому в мочь з двора и дать по туше, ко все-

¹ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 200.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 364.

³ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при пресвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] – Рязань: Александрия, 2004. – С. 361–362.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 164.

му тому велеть давать еже год по туше, а кому не в мочь и тем указать з дву дворов по туше с потрохом же, а сала класть на всякую тушу по рассмотрению по чему доведеца, а тушу класть по 2 пуда <...>, а денги на завод по 20 алтын дать, а что они челом бьют, чтобы не платить, и в том показать жестоким обычаем...» Кур сушеных собирали по две с двора, на их заведение давали 2 алтына, а были «даны те денги на три года, а впред мы, великий государь, пожаловали их как три года выдет, имать с них не велели, и воеводам приказать словесно записать нашего государев указ, как три года выдет неописывать впредь...»¹ Как десятинный хлеб, так и столовые запасы чаще собирались частями, чтобы не залеживались, не портились и по возможности шли сразу в расход или распределялись в разные места хранения. Качество и количество зерна и мяса проверялось при сборе и при приеме продуктов после их привоза. Так, в 1668 г. «генваря в 17 день <...> послан государев указ в Хлебный приказ, а велено перевести на пристань ис Скопина 2000 чети ржи, 7000 чети овса, 100 чети пшеницы ярой, да из гречи, сделав 200 чети круп, по нынешнему зимнему пути; да изо всех сел ис которых велено привести к Москве, взять для опыту пшеницы по четверику из села тотчас. И послать для того опытного хлеба ис Хлебного приказа нарочно»².

В 1669 г. «генваря в 4 день послана память в Хлебный приказ, велено скопинских столовых запасов отдать на Обтекарский двор: 100 туш свиных мяс, весом туша 2 пуда, 300 гусей, 490 потрохов гусиных, 378 уток с потрохами, а достальные свиные мяса и гуси и потроха гусиные и утки с потрохами и сало ве[ле]но отослать в Семеновское на Потешный двор»³.

По переписной книге 1710 г., в Гремячке было «крестьянских сорок четыре, вдовьих безтяглых девять дворов, оскудалых безтяглых три, пустых два. Итого пятьдесят восемь. В жилых дворах людей мужского пола девеносто человек, в том числе женатых шездесят шесть <...>, женска полу девеносто восемь человек»⁴.

После того как в 1732 г. Скопинская волость была приписана к дворцовой Конюшенной канцелярии, ее крестьяне, помимо обработки десятинной пашни, стали также заготавливать сено для казенных лошадей и нести повинности, связанные, в том числе, со строительством новых конюшен.

Конюшенная канцелярия с помощью управителя жестко контролировала весь процесс от посева до сбора зерна, и крестьяне постоянно числились в недоимках. По данным Скопинской канцелярии по урожаям («роду») за 1743–1748 гг., крестьяне села Гремячки Федор Митрофанов, Михайла Глазков, Степан Богатырев, Никита Степанов, Ларион Ганзин, Ефим Федотов должны были более 550 четвертей ржи и 30 четвертей овса, а по «роду» в 1758 г. на хлебоустроителе села Пахоме Токареве числилось «в недомолоте» 108 четвертей ржи. С крестьян, наряду с заготовкой леса из казенных дач для ремонта и строительства конюшенных дворов и других строений, «выскивали лесные припасы». Правда, стоимость работы материалов засчитывалась при уплате дворцовых сборов. Так за 1757–1758 гг. с крестьян села Гремячки было «выскано» 61 бревно, 45 «решетин» (жердей) и 2 доски, всего на 4 рубля 71 копейку⁵. Что и где заготавливать, определяла Скопинская канцелярия. Так, «минувшего августа 17 дня 1758 года стремянному конюху Воронову, да задворному конюху Волкову, данными из Скопинской канцелярии инструкциям определены в скопинских дачах во всех лесах, в казенных и собственных крестьянских, при каждом селе, сколько при котором явитца

¹ РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 339.

² Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. - СПб., 1907 - С. 1381.

³ Там же. С. 1497.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 620.

⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 76, 78 об, 88 об, 96 об.

против означенного исчисления годных дерев отписать...» Вскоре Воронов докладывал: «По осмотру де ево при селе Гремячка в собственных крестьянской на слуги дубовых дерев до тысячи, да казенном городском и вослещком пчельниках под перерубья, на подставы стульев трех и двух аршин в отрубе десяти вершков 90 дерев отыскать можно...»¹

При императрице Анне Иоанновне конюшенное ведомство подчинялось кабинет-министру А.П. Вольнскому. В 1740 г. влиятельный сановник попал в опалу и был казнен, но работа следственной комиссии по выявлению допущенных им злоупотреблений продолжалась и после его гибели на эшафоте. Так, например, в 1740 г. Московский губернатор князь Б.Г. Юсупов² поручил Конюшенной канцелярии принять следственные дела «по описи о судьях и волостных управителях и протчих чинах, на которых показано от крестьян во взятые казенных денег и в других взятках и не порядках размотреть <...> надлежит забрать и, исследовав, учинить экстракты и с приложениями своего мнения прислать конечно в месяц»³. По требованию губернатора в Скопине были взяты под стражу подьячие Петр и Мартин Сорокины и рассыльщик Петр Каширкин, которые были доставлены в Конюшенную канцелярию и содержались там «под караулом до будущего о них определения»⁴. Судьбу скопинских коррупционеров XVIII в. решил случай. 17 (28) октября 1740 г. императрица Анна Иоанновна скончалась. Изданный регентом Э.И. Бироном от имени малолетнего Ивана VI высочайший указ о помиловании пострадавших в предыдущее царствование от 23 октября (3 ноября) 1740 г. предписывал «...показать милосердие таким образом, как в пунктах изображено, в том числе, между протчим, в 11-м пункте по следствию делавшей учрежденной коллегии дворцовой Конюшенной канцелярии, впадшим в погрешении виной отпустить и по недоследованные дела далее не следовать, и одним словом оные комиссии уничтожить и все дела отдать в дворцовую Конюшенную канцелярию, поэтому экстракты с описями отослать при указе в Конюшенную канцелярию с реестром и описи впредь для ведома оставить точные копии, и показанных подьячих Сорокиных и рассыльщика Каширкина освободить и отослать в тот город Скопин к управителю Перепечину с товарищи при указе, а стремянному конюху Рогову для ведома послать указ и в дворцовой Конюшенной канцелярии о вышеписанном учинить»⁵.

В реестре с делами к этому указу перечислены: «дело Скопинской дворцовой волости села Гремячки крестьянина Алексея Степанова о зачете им разных строений и работ», на 522 листах, с пометкой: «Из оных дел производимы следствие»; «экстракт из дела по прошению ведомства Конюшенной канцелярии Скопинской волости села Гремячки крестьянина Алексея Степанова с товарищи о прибавочной десятиной пашне и о зачете их работ и строений и о протчих», на 86 листах; «экстракт о строении бывшим штал-директором Аврамом Лопухиным в деревне своей волостными скопинскими крестьянами хором, и о вывозе на то строение из Рязкого уезду 500 дерев дубового лесу и по тому экстракт следствия», на 194 листах; «экстракт о строении оным бывшим штал-директором Лопухиным ведомства Конюшенной канцелярии в городе Скопине мазанки волостными скопинскими крестьянами», на 48 листах; «экстракт о строении оным же штал-директором Аврамом Лопухиным в городе Скопине зверинца волостными скопинскими крестьянами», на 68 листах⁶.

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 112, д. 60169, л. 68.

² Юсупов Борис Григорьевич (1695–1759) – князь, действительный тайный советник (1740), действительный камергер (1730), Московский губернатор в 1740–1741 гг., Петербургский губернатор в 1749–1750 гг.

³ РГАДА, ф. 1239, оп. 15, д. 522, л. 1.

⁴ Там же.

⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 15, д. 522, л. 1об.

⁶ Там же.

К селу Гремячке и р. Слободке примыкало Вороновское пастбище, на котором паслись табуны казенных конных заводов. Его достаточно подробно описал в своем доношении ассессор Конюшенной канцелярии Хитрово, в 1741 г. направлявшийся с проверкой в Скопин: «По реке Слободке мельница, на оной имеютца дворовые собаки, которые кормятца падолишной мясницей и бегают по пазбищу, и от оных заводным лошадям немалая опасность. Вблизи оного пазбища усмотрена палая лошадь, чему притом быть в такой близости неподлежит, також при некоторых корованых конюшнях имеют по две лошади подъемных, а при протчих по одной лошади нет, а надлежит при каждой короване, для всяких прилучающихся нужд иметь подъемных лошадей, когда ж в оных подъемных лошадей бывает недовольство, то должно иметь хотя по одной. При тех же пазбищах, подле пригонов, поставлены для караульных конюхов шалаши, в которых конюхи для варения пищи завсегда имеют огонь, отчего немалая опасность и хотя для ворения конюхам пищи без огня пробыть и невозможно и для того подлежит избрать безопасное место далее от пригонов и ближе к реке. В тех же пазбищах ходят множество гусей, а по неже при оных пазбищах усмотрение, неотлучно обретаецца скопинской конюшни нарядчик Коноплев, которого в том как выше показано найдено смотрение слабое. За что оному нарядчику объявлены ему вышеписанному вина, при собрании конюшенных служителей учинено наказание батожем и накрепчайшее запрещено, чтоб впредь того чинено не было в показанных же пазбищах. В урочищах едучи из Скопина по Большой Московской дороге в левой стороне проехав пригон к реке Вёрде, да от речке Слободке два верха через старую Ильинскую дорогу до поля и по речке Слоботке до Ильинской дороге, а от Ильинской дороге с вершины речки Вороновки вниз и по оной речке к Московской дороге, хотя б удобная трава родитца, но оные пустоши заросли, отчего лошадям не токмо, чтоб довольно корма быть могло, но и прогон чрез оные от зверья весьма опасно, також на некоторых местах около реки Слободки и Вёрды немалые ямы, от которых лошадям, а особливо жеребяткам, не без опасности, для того выше помянутые урочища по наказанию велено путь расчистить, ямы заравнять землю, имеющиеся камни выбрать»¹.

В 1778 г. Гремячка стала одним из сел новообразованного Скопинского уезда Рязанского наместничества, позднее (в 1796 г.) преобразованного в губернию. К 1779 г. относится описание села в черновиках экономических примечаний к плану Генерального межевания Скопинского уезда. Гремячка располагалась «двух безымянных отвершков на правой, а речки Слоботки на левой стороне, на коей пруд». Среди крестьянских изб возвышалась «церковь деревянная Архистратига Божия Михаила». Всего по 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в Гремячке был 91 двор. В них проживали 273 души «мужеска» и 176 – «женска полу»². По карте (чертежу) Генерального межевания видно, что крестьянские дворы тянулись вдоль правого берега р. Гремячки на протяжении около 350 саженей (747 м), с одним пролетом, до впадения ее в р. Слободку. На левом берегу Слободки, в 100 саженях (213 м) ниже впадения в нее ручья Ильинки, стоял отдельный двор. Дальше до слияния Слободки с Гремячкой тянулись крестьянские огороды. Здание Архангельской церкви располагалось приблизительно на равноудаленном расстоянии около 50 саженей (107 м) от левого берега Слободки и правого – Гремячки³.

И.В. Добролюбов сообщает, что «на место упоминаемой в XVII столетии Архангельской церкви в 1776 г. начато строение новой деревянной церкви, также Архангельской с приде-

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 67об – 69.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 3; д. 1240, л. 15.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, л. 4 об.

лом Фрололаврским, которая освящена была в 1784 г.»¹ Из служивших в гремячковском храме в XVII–XIX вв. священников известны Пахомий (упоминается в 1674 г.), Григорий Ермолаев (рукоположен в 1700 г.), Иоанн Григорьев упоминается в 1750 и 1760 гг.), Тимофей (был уволен в 1801 г.), Пантелеймон Тимофеев (в 1801–1811 гг.), Трифон Тимофеев (в 1811–1830 гг.), Стефан Пантелеймонов Гремячевский (в 1830–1854 гг.) и Петр Иоаннов Муретов (в 1854–1882 г.)².

Карты А.И. Менде, составленные в 1850 г., свидетельствуют, что в середине XIX в. при селе на р. Слободке действовала водяная мельница. В 1 версте на северо-восток от Гремячки показана пасека («пчельник»).

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в Гремячке насчитывалось 165 домохозяйств, в которых проживали 956 мужчин и 916 женщин. До освобождения от крепостного права в 1861 г. все они были государственными коннозаводскими крестьянами. С образованием волостей в ходе крестьянской реформы 1861 г. Гремячка вошла в состав Казинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии.

В 1861 г. в Гремячке было основано сельское училище. Занятия проводились в доме священника П.И. Муретова. Училище содержалось Палатой государственных имуществ, которая перечисляла средства на оплату его помещения и жалованье педагогу. В 1866 г. в училище обучались 68 мальчиков и 1 девочка³.

В 1872 г. в Гремячке рядом со зданием обветшавшего деревянного храма XVIII в. было начато возведение кирпичного здания Архангельской церкви с приделом в честь Свв. Флора и Лавра. Новое храмовое здание было освящено в 1876 г. Как свидетельствовал в 1884 г. И.В. Добролюбов, «при церкви имеется капитал в билетах на 1000 руб. Церковной земли в настоящее время состоит во владении причта 43 десятины (47 га), но плана и межевой книги на нее не имеется. <...> В приходе, состоящем из одного села, при 351 дворе числится мужского пола 1331, женского пола 1311. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»⁴.

В 1870-х гг. существенную поддержку развитию образования в Гремячке оказывало Скопинское уездное земство. По данным земской ревизии, в 1875 г. в Гремячковском училище обучались 56 мальчиков и 3 девочки. Закон Божий в нем по-прежнему преподавал сельский священник П.И. Муретов, остальные предметы – учитель Никита Каменев, выпускник Скопинского уездного училища. Училище содержалось П.И. Муретовым без помощи сельского общества, земство выделяло на пособие учителям 50 рублей в год⁵.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в бывшем государственном «селе Гремячево» Казинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 334 двора и 2478 жителей. В селе действовали православная церковь, церковно-приходская школа, лавка и 10 ветряных мельниц⁶. Об одном неудачливом местном мельнике главная губернская газета в 1869 г. сообщала: «18-го февраля, Скопинского уезда, села Гремячки крестьянин Тихон Андреев был смят колесом на ветряной мельнице, отчего в то же время умер»⁷.

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 211.

² Там же. С. 211–212.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. – С. 238–239.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 211.

⁵ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязанского 1875 году. Москва, 1877. – С. 431.

⁶ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁷ Рязанские губернские ведомости, №22. – 1869. – 22 марта.

По переписи населения 1882 г., в Гремячке было 381 домохозяйство, в которых проживали 1394 мужчин и 1329 женщин. Из них грамотой владели только 92 мужчины и 17 учащихся мальчиков. Надельной черноземной земли на ревизскую душу приходилось 3,8 десятины (4,1 га), 53 семьи арендовали дополнительно 120 вненадельных десятин (131 га). В селе насчитывалось 4 безземельных двора и 99 безлошадных, из которых 57 дворов не имели также и коровы. Крестьяне 95 дворов имели по три и более лошадей. Из 379 изб «по-белому» топились лишь 22. Все жилые строения села были деревянными и крытыми соломой. В Гремячке проживали 20 мастеровых, около 300 мужчин занимались отхожими промыслами. В селе действовали 15 «промышленных заведений», кабак и лавка¹. Среди них были шерстобитки с одноконными приводами, принадлежавшие крестьянам В. Крючкову и М. Муримину, и «овчинное заведение» с двумя рабочими Ф. Сазонова².

Крытые соломой избы легко загорались от неосторожного обращения с огнем, а при небольшом ветре от одиночного пожара загорались десятки строений. В 1882 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «21 июня, Скопинского уезда, в с. Гремячке, сторело от неизвестной причины 6 крестьянских домов с надворными строениями, убытка понесено на 1750 р.»³.

По данным Скопинского уездного земства, в 1885/1886 учебном году, который начался 22 ноября, занятия в Гремячевском церковно-приходском училище проходили в новом доме священника. Это было двухэтажное каменное строение под железной крышей с 8-ю окнами и двумя печами. Площадь классных комнат составляла 90 кв. аршин (45,5 кв. м). Курс обучения, продолжавшийся 3 года, проходили 92 мальчика, разделенных на три группы: младшую, среднюю и старшую. Библиотеки при школе не было. Ее годовое содержание обходилось сельскому обществу в 100 рублей. Попечителя у училища не было. Закон Божий и все остальные предметы до 1883 г. преподавал П.И. Муретов, которого сменил новый сельский священник В.И. Поляков. С 1881 г. помощником учителя в школе подвизался выпускник Рязанской духовной семинарии В.П. Муретов⁴.

Священник В.И. Поляков запомнился жителям Гремячки не только трудами на ниве народного просвещения. В 1891 г. по его инициативе и с благословения епархиального начальства в селе было образовано общество трезвости⁵.

Старое деревянное здание Архангельской церкви постройки 1770–1780-х гг. простояло в селе рядом с новым кирпичным храмом почти до конца XIX в. В апреле 1890 г. епархиальное начальство разрешило причту и попечителям разобрать ветхую постройку. В июле 1890 г. из материала, оставшегося от разборки старой церкви, вокруг кирпичного Архангельского храма была сделана деревянная ограда, простоявшая до 1907 г.⁶ В апреле 1905 г. было получено разрешение на строительство «новой каменной ограды» с употреблением 200 рублей из церковных денег, а уже в 1907 г. вокруг Архангельской церкви в Гремячке появилась кирпичная ограда с железными решетками.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122–127; Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 430.

² Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 10, 60.

³ Рязанские губернские ведомости, №56. – 1882. – 28 июля.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 14–19, 25.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 3, – 1 февраля. – 1891. – С. 101.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 7, – 1 апреля. – 1890. – С340; № 13. – 1 июля. – 1890. – С. 652.

В 1891 г. в Гремячке была открыта земская школа¹. До 1898 г. в селе также существовала школа грамоты. В феврале 1893 г. местную земскую школу ревизовал гласный уездного земского собрания Д.А. Леонов. По ее результатам им был сделан следующий доклад: «Земская школа основана в с. Гремячке всего лишь два года назад и потому в текущем учебном году 3-го отделения не имеет. Учеников в ней 92, т.е. столько, сколько может поместиться в довольно просторном, выстроенном на счет общества деревянном здании. Здание это крестьяне предполагают расширить, так как желающих поступить в земскую школу, несмотря на одновременное существование в с. Гремячке тоже переполненных учениками церковно-приходской школы и частной школы грамотности множество. Попечителем в школе состоит местный сельский староста Токарев, обязанности учителя исполняет, выдержавший экзамен на право преподавания в означенных училищах Павел Зайцев, Закон Божий преподает местный священник Поляков. Чтение и чистописание в младшем отделении может быть названо очень хорошим, среднее отделение, хотя и не выделяется чтением, но все-таки читает вполне удовлетворительно. Сделанный среднему отделению и состоявший из отдельных предложений диктант был написан большинством с очень немногими ошибками, а частью и вовсе безошибочно. Оба отделения считают очень недурно, но в письменном решении четырех действий ученики среднего отделения гремячской школы отстали от учеников средних отделений других хороших школ. Закон Божий ученики знают довольно слабо. Видимыми причинами к этому служат частые эпидемия в селе, вследствие которых школу приходилось закрывать на более или менее продолжительное время и тот факт, что местный священник, имея большой приход, кроме того принужден преподавать Закон Божий в двух школах, земской и церковно-приходской. Ученики знают несколько молитв. Экзамена в школе произведено не было»².

С прибытием в село молодого священника И.Я. Покрывалова, ставшего новым настоятелем Архангельской церкви, им было принято решение «предоставить под женскую церковно-приходскую школу на 10 лет нижний этаж (12 на 7 аршин, т.е. 8,5х5 м) при собственном доме с обязательством отапливать и иметь от себя сторожа». Школа грамоты была переименована в женскую церковно-приходскую школу. 1 октября 1900 г. состоялось освящение школьного здания. По окончании литургии был совершен крестный ход к школе, где «при большом стечении молящихся, о. Покрываловым в сослужении диакона В. Родимова – учителя школы и иеродиакона-миссионера из Урмии о. Анатолия были совершены водоосвящение и молебное пение пред началом учения. После положенного многолетия <...> были произнесены приличествующие торжественные речи, после чего ученицы были допущены к целованию святого креста, окроплены освященной водой и получили по кресту...»³. Жена священника Анна Покрывалова бесплатно обучала учениц школы рукоделию «с усердием в этом деле»⁴. В первые годы XX в. в земской школе при содействии попечителя и общества трезвости работала также воскресная школа для крестьян⁵, где им давались полезные знания о правилах составления различных договоров и прочих документов хозяйственной деятельности⁶.

В 1905 г. в Гремячке насчитывалось 530 дворов, в которых проживали 1930 мужчин и 2000 женщин. В селе действовали две начальные земские школы, церковно-приходская школа,

¹ Сведения о начальных училищах в 1902 году. Скопин: Тип. Благих, 1904. – С. 44.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года. Скопин, 1894. – С. 86–87.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 21, – 1 января. – 1900. – С. 629–630.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 3, – от 1 февраля. – 1901. – С. 36.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XL очередного 1904 года. Скопин, 1905. – С. 42.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XL очередного 1904 года. Скопин, 1905. – С. 42.

казенная винная лавка, девять ветряных мельниц, четыре просорушки¹. Одна из этих просорушек до 1912 г. принадлежала местному крестьянину Ефиму Ивановичу Краснову, затем его сыну Дмитрию². Владельцы ветряных мельниц часто обращались в Скопинскую земскую управу с просьбой о пересмотре налогообложения, указывая на их плохое состояние и сокращение объемов помола из-за конкуренции с паровыми мельницами в соседних селах. В 1911 г. Скопинское уездное земство освидетельствовало мельницы крестьян села Гремячки Егора Петровича Гурова, Дмитрия Петровича Гурова, Михаила Савельевича Богатырева и Михаила Петровича Чернышкова и пришло к выводу, что они «действительно оказались не стоящими против старой оценки» и налоги на них подлежали к понижению вдвое. Доходы гремячковых «предпринимателей», судя по всему, были очень небольшими. Когда в 1912 г. скончался крестьянин Е.И. Краснов, его вдова оказалась не в состоянии уплатить налог и пени за просорушку в сумме 16 рублей³. В это же время содержательница чайной лавки в селе Мария Степановна Быкова сообщила управе о невозможности для нее «не только полностью, но частично оплатить» накопленные за 1906–1913 гг. недоимки, сумма которых составляла 27 рублей. Лавка закрылась в 1913 г., достаточного для погашения задолженности имущества у М.С. Быковой не было, зато была семья в 18 человек, которую надо было кормить... Настоящим бегством от земского налогообложения закончилось в 1913 г. торговое предприятие крестьянина села Гремячки Петра Дементьевича Быкова. Его женой Александрой Николаевной, торговавшей в казенной винной лавке, на его имя была записана продовольственная лавка, действовавшая в селе весь 1912 г. По окончании года супруги лавку закрыли, а сами уехали в неизвестном направлении⁴.

В 1908 г. в Гремячке проживали 4851 человек, в том числе 436 детей в возрасте 8–11 лет, но обучались в школе только 188 из них. Преподавали в ней законоучитель (местный священник) и два учителя⁵. В 1909 г. отчеты Скопинского уездного земства отмечали недостатки старого школьного здания: «...Стены деревянные ветхи, сильно дует, так что сидящие у стен испытывают холод»⁶.

Бичом дореволюционной русской деревни были эпидемические болезни. Частыми «гостями» в крестьянских домах были оспа, холера, брюшной и сыпной тиф, отмечались случаи сифилиса, а безобидные в наше время корь и коклюш нередко были смертельными. Эпидемии носили массовый характер, и к ним крестьяне относились как неизбежному стихийному бедствию. Например, в 1906–1907 гг. в Гремячке 108 человек переболело скарлатиной и 303 – коклюшем⁷. В 1909 г. по селениям Казинской волости прокатилась сильнейшая эпидемия кори. В 1910 г. ее последствия все еще ощущались в Гремячке: в селе было отмечено 382 случая кори, из них 11 смертельных⁸.

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 604–605.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва созыва 1913 года. Скопин, 1914. – С. 261–262.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. – С. 394–395.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. – С. 562–563, 568–569.

⁵ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908 – С. 18–19.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV очередного созыва созыва 1908 года. Скопин, 1909. – С. 158.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIII очередного созыва 1907 года. Скопин, 1908. – С. 361.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин 1911–С. 274–276.

Весной 1913 г. при гремячковской школе был организован большой питомник плодовых и декоративных деревьев. В имении С.Н. Худекова Ерлино и в Рязском лесничестве было закуплено более 1 тыс. привитых яблонь и 7 тыс. елей и сосен. Новые посадки были сделаны весной и осенью 1914 г. Высаживали ели, боярышник, дикие груши, липы, березы, до 5 тыс. черенков черной, красной и белой смородины, около 3 тыс. саженцев сливы и вишни было получено от гремячковского священника о. Иоанна Прилуцкого и моховского помещика Гошапова. Надзор за садом осуществлял священник Прилуцкий¹.

В 1914 г. в Гремячке насчитывался 631 крестьянский двор, в которых проживали 2366 мужчин и 2409 женщин². В сельской Архангельской церкви по новому штату служили два священника. Последним предреволюционным настоятелем храма был Арсений Михайлович Боголюбов, сослужил ему Иоанн Симеонович Прилуцкий³. При сельской Архангельской церкви числилось приусадебной земли – 3 десятины (3,3 га), пахотной – 36 десятин (39), сенокосной – 4 десятины (4,4 га). При церкви имелась библиотека в 128 томов⁴. По отчету за 1916 г. в селе было уже две земские школы – 1-я Гремячевская (трехкомплектная) и 2-я Гремячевская (двухкомплектная)⁵. С 1910 г. действовало Гремячевское кредитное товарищество, в котором также состояли членами крестьяне сел Казинка и Ильинка. На 1 января 1914 г. в нем было 599 членов, общая сумма полученных ими ссуд составляла 8465 рублей⁶.

Некоторые уроженцы Гремячки отличились на полях сражений Первой мировой войны 1914–1917 гг. Житель села Сергей Никанорович Гнездов (1894 – после 1920) был призван в ряды Русской императорской армии в феврале 1915 г. За время пребывания на фронте он был награжден Герогиевским крестом 4-й степени, а в сентябре 1916 г. произведен в младшие унтер-офицеры. Из разваливавшейся армии он демобилизовался в декабре 1917 г., но в 1918–1920 гг. служил в РККА, участвовал в Гражданской войне.

Говоря об особенностях крестьянского быта в Гремячке в дореволюционный период, В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов отмечают: «Несмотря на то, что тут никогда не знали крепостного права, местные крестьяне жили крайне бедно. Об этом свидетельствовали, прежде всего, жилища гремячинцев. Практически все они строились из глины. Ни кирпич, ни даже лес были им недоступны. Глинобитный сельский дом сооружался следующим способом, древним и надежным. В подготовленную заранее опалубку закладывали разжиженную глину, смешанную с соломой. По мере затвердевания массы опалубку поднимали выше и выше, пока стены не достигали нужной высоты.

Об укладе крестьянской жизни в родном селе в те времена рассказывает ровесник XX века В.К. Каравайцев: «Жили мы в семиаршинной избе 13 человек: бабка с дедом, отец с матерью и нас девять человек детей. Рядом с нами в таком же доме жила семья из 28 человек. Росли дети, парни женились, приводили в дом невесток, обзаводились своими детьми – и все в той же избе. А отделиться от родителей, жить своей семьей – считалось очень трудно.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года, Скопин. – С. 310.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 553–554.

³ Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 446.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 553–554.

⁵ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 170.

⁶ Справочник по Рязанской губернии: Вып. 1 / Экон. отд-ние Ряз. губ. земской управы – Рязань, 1915. – С. 56–57.

Земли в селе не хватало. Самые отчаянные строили себе каморки прямо во дворе или в огороде. Когда места для нового строительства вообще не стало, несколько семей переселились из Гремячки и основали свой поселок километрах в трех. Вскоре в другой стороне на таком же расстоянии появился и еще один. В народе их называли Гремячинскими.

Перед Октябрьской революцией на тысячу гремяченских дворов приходилось 3 продовольственные лавки, 2 трактира, 9 ветряных мельниц, 4 просорوشки, 3 кирпичных заводика. <...> Самыми главными фигурами в селе являлись староста, учетчик и сборщик налогов. Все, кроме них, да еще церковнослужителей, ходили в домотканной коноплиной одежде, крашенной на скопинских красильнях. На ногах носили лапти».

Бедность, граничащая с нищетой, большая плотность населения, дефицит земли вынуждали многих гремячинцев заниматься отхожим промыслом. Основным из них были торфоразработки. Но имелась здесь и собственная специализация. Так, более полусотни гремячинских мужиков ежегодно работали в Петербурге вожатыми и кондукторами на первых появившихся в столице конках»¹.

В 1917 г. в селе Гремячка Казинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 754 двора, в которых проживали 2637 мужчин и 2600 женщин². Советская власть в селе, как и повсюду в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1918 г. образовался ее местный низовой орган – Гремячинский сельсовет. Но наряду с ним продолжали действовать традиционные крестьянские сходы, называвшиеся в те годы «общими собраниями». Нередко именно они принимали важнейшие для жизни села решения. Например, как сообщали уездные скопинские «Известия», в селе Гремячка Казинской волости «общим собранием от 1-го декабря 1918 года постановлено: 1) отчислить на создание местной библиотеки из средств кооператива 500 руб., кредитного товарищества 50 руб., и пройти с подписным листом по селу; 2) налагать на все товары в обществе потребителей по 20 коп. на 1 руб. прибыли; 3) чайную общества потребителей переименовать в «Советскую чайную» и 4) всю частную торговлю взять на учет под контроль местного совдепа»³.

В первые годы советской власти слабость администрации и отсутствие эффективных мер контроля приводили к тому, что «на местах» пышным цветом цвели различного рода злоупотребления. О них много писала в начале 1920-х гг. скопинская уездная газета «Коллектив». Гремячка в этом контексте упоминалась нередко. Например, в марте 1924 г. в селе создали сельскохозяйственный кооператив, в который вошли 200 пайщиков. Судя по публикациям в уездной прессе, дела в гремячковском кооперативе шли не важно, и в основном из-за человеческого фактора. «...Пять приказчиков один за другим сменились за растратой кооперативных денег». Новый приказчик И.Е. Каравайцев раздавал «членам и не членам товару на 1200 рублей». Правление нерационально использовало «деньги, данные Шатурским Госторфпредприятием», щедро оплачивало «разные командировки по 1 рублю 50 копеек в день, приобрели мельницу с нефтяным двигателем, который оказался негодным»⁴. История приобретения этой мельницы, кстати, такова. 9 июля 1925 г. она была продана с аукциона как собственность крестьянина села Ильинки Ивана Панфиловича Носова за его долг крестьянке Мирошкиной и другим лицам, оцененный в 1715 рублей золотом⁵. Приобрели

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 200.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

³ Известия, № 24. – 1918. – 12 февраля.

⁴ Коллектив, № 65. № 74. – 1925.

⁵ Коллектив, № 64. – 1925. – 1 июля.

ее гремячевские кооператоры, о чем на страницах скопинской газеты «Коллектив» не без удовлетворения писал некто В. Монахов: «Недавно в с. Гремячке на берегу ручейка Гремячевская сельскохозяйственное кредитное товарищество «Победа» отстроило и пустило в ход паровую мельницу, купленную с аукциона за 625 руб. у разорившегося ильинского мельника. Постройка мельницы заново обошлось около 3000 руб. Правление товарищества хочет при мельнице открыть просорушку, крупорушку и толчею. Товарищество «Победа» одержало победу. В добрый час»¹. Однако, проработав некоторое время, двигатель мельницы встал – то ли из-за неправильного ухода, то ли вследствие изначально плохого состояния.

Были претензии и к деятельности Гремячковского сельсовета. Уездная газета сообщала: «На отчетное собрание <...> 14 января 1926 г. из 250 явилось 90 человек, большинство сторонники старого сельсовета. Председатель Рудаков сказал 5–6 фраз, все чисто, гладко, только на 500 рублей нет оправдательных корешков по форме. На председателя Рудакова насчитали 123 рубля растраты, из них 85 рублей «непредвиденных» расходов... на пьянку с землеустройством. Собрание большинством – 50 против 30 – растрату простили. Признали большинством 39 против 37 работу удовлетворительной. Переголосовывали четыре раза»².

Дореволюционные промышленные заведения находились во владении крестьян Гремячки до 1926 г. С 1925 г. против их владельцев начали в большом количестве поступать иски за долги. Имелись ли у них реальные задолженности, или же это делалось умышленно с целью избавиться от имущества под угрозой его возможной конфискации – неизвестно. Но в газетах того времени часто можно было видеть объявления вроде этого: «Исполнитель судебных решений по Скопинскому уезду объявляет, что 20 марта 1925 г. в 10 часов утра будет производиться публичная продажа имущества, принадлежащего гр-ну села Гремячка Ивану Митрофановичу Иконостасову, заключающегося в двух лавках на снос, оцененного в 1100 руб. зол. за иск гр-на Хлевнера, согласно определению нарсуда 1-го уч. Скопинского у. от 12 февраля 1925 г.»³.

О новшествах в жизни села за 1920-е гг. краевед В.Н. Ильинский писал: «Семейный быт крестьян села Гремячка Скопинской волости. Со времени Революции жизнь семьи во многом изменилась. Раньше старшие в семье пользовались уважением от младших, вели свое хозяйство, приходы и расходы и держали в повиновении младших членов. Приказания старших считались чуть ли не законом в семье, и младшие беспрекословно выполняли волю старших.

Теперь наоборот: не всякий старший пользуется почетом, уважением, а бывает так, что сын, еще молодой, управляет всем хозяйством, а отец стоит в стороне. Раньше муж возглавлял семью, теперь же бывает и так, что муж круглый год живет на отхожих промыслах, а жена управляет хозяйством и расходует присылаемые средства мужем по своему усмотрению, не спрашиваясь старших. Ссоры в семье бывают разного характера: больше всего на почве алкоголизма, сильно развитого в селе Гремячка. Потом идут ссоры между свекровью и молодой, между двумя снохами. Эти ссоры мелкого характера. Бывают ссоры между отцом и двумя сыновьями: один сын дал больше, заработок одинаковый, другой меньше. Опять ссора, доводящая до раздела семьи. Культурная жизнь семьи на невысоком уровне. В последние годы намечается стремление родителей дать первоначальное образование детям, научить читать, писать не только мальчиков, но и особенно девочек, которым считают [нужным] дать образование наравне с мальчиками потому, что девушки вынуждены отходить на отхожие заработки наравне с мужчиной. Старое поколение (особенно женщины)

¹ Коллектив, № 84. – 1925. – 12 сентября.

² Коллектив, № 9. – 1926. – 14 января.

³ Коллектив, № 29. – 1925. – 12 марта.

в большинстве неграмотны. Газеты распространяются только среди торфяников. Их выписывают около 180 экземпляров. Есть крестьяне-передовики, которые выписывают газеты и журналы по сельскому хозяйству.

В селе есть изба-читальня, которая работает периодически только зимние месяцы, посещаемость ее удовлетворительная. Спрос на литературу со стороны молодежи очень большой и преимущественно на беллетристику.

К ВКП (б) и к совласти отношение со стороны молодежи и взрослого населения сочувственное, со стороны стариков – безразличное. Молодежь стала антирелигиозная, часть из них исполняет обряды (венчание, крестины и похороны) по традиции под влиянием старших. Часть же населения совершенно не исполняет обряды: не ходит в церковь, не принимает духовенство с требами, не причащается, не говееет и т.д. За последнее время есть секта баптистов из 6 крестьянских домов.

К школе население относится удовлетворительно. Проведение церковных праздников отмечается обильными яствами и выпивкой, но некоторые праздники, особенно летние, стали выходить из почитания, крестьяне в них работают, как в будни. В революционных праздниках участвует пока не все население, а только передовая часть крестьян, особенно из молодежи. Заметно падение части религиозных обрядов в церковные праздники, как-то: обязательное хождение в церковь, непринятие попов с требами, работа в поле и т.д. Обряды венчания стали соблюдаться не всеми, есть часть молодежи, которая, расписавшись в ЗАГСе, не идет к попу венчаться. Даже пожилые женятся только гражданским браком. Посты соблюдаются только стариками, даже есть старики, которые не соблюдают постов. Говеет стали наполовину меньше, причем говееет преимущественно женский пол.

Развлечений в селе мало. Население не прочь посещать кино, спектакли. Распространенный способ развлечения – это гуляние по селу с гармошкой, песнями и посиделками. Деревенские песни преобладают в форме частушек, в которых есть и новый быт. Из песен преобладают среди молодежи любовные, но в последние годы стали петь и революционные. Передовая часть поет романсы и лирические песни. Суеверия и предрассудки до революции были сильны, теперь в связи с огромной политпросветработой суеверия и предрассудки отходят в область предания. Верят только старики и часть женщин¹.

С упразднением в 1929 г. старого административного деления на волости, уезды и губернии, Гремячка была включена в Пронский район, вошедший в состав Рязанского округа Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Несмотря на это, как отмечают В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов, «...по традиции село продолжало тяготеть к более близкому для него Скопину. Сюда обычно ходили для продажи и покупки товаров, за приобретением топлива и другими надобностями»².

В 1931 г., на волне массовой коллективизации, в Гремячке был организован колхоз «За индустриализацию». В инициативную группу по его созданию в апреле 1931 г. вошло 19 крестьянских хозяйств, но идея коллективного труда быстро набирала популярность, и через 2–3 дня во вновь организованном колхозе числилось уже 40 хозяйств³. «Председателем колхоза селяне единодушно избрали В.Н. Гарлушина, который пользовался в селе авторитетом как разумный и справедливый крестьянин»⁴.

¹ Ильинский В.Н. Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. – С. 67–70.

² Там же. С. 203

³ Авангард, № 19. – 1931. – 16 апреля.

⁴ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 203.

В марте 1931 г. в колхоз «Индустриализация» Пронского района Московской области входило уже 70 хозяйств середняков и бедняков. В нем было 16 лошадей, 3 коровы, 6 плугов и 16 телег и некоторый другой сельхозинвентарь. Заняв у государства 750 рублей, колхозники купили три лошади и плуги. Правильная организация сева привлекла в колхоз еще 52 хозяйства. К ноябрю гремячковские колхозники выстроили конюшню на 50 лошадей¹. В 1932 г. строительство развернулось еще шире: на колхозные средства в селе были возведены мастерская, кузница, склад для хранения зерна.

Отличительной особенностью гремячковского колхоза «Индустриализация» на начальном этапе его существования стал прием в него значительного количества бывших сельских кулаков. В Гремячке в колхоз вступили 25 индивидуально-обложенных хозяйств, т.е. таких, которые по своему совокупному доходу и состоянию были богаче середняцких. Районная газета «Пронский колхозник» об этом писала: «Наиболее прыткие и бойкие из них пробрались в правление колхоза. Член правления Кузьмин устроился счетоводом, Ипаткин – завхозом, Дубровин – успел завоевать авторитет и выдвигается в сельпо на работу в качестве счетовода. Многие оптовые торговцы и церковнослужители нашли себе приют в колхозе. Сдельщина введена только на бумаге. Многие колхозники не выходят на работу, об ударных темпах работы и говорить не приходится. Труд организован плохо, поэтому батраки не идут в колхоз. Кое-какие записи трудодней теряются на клочках бумаги. Женщинам записывают меньшее количество трудодней, хотя они работают одинаково с мужчинами. А в это время идет прилив за счет зажиточных. Председателя колхоза – кулака Ф.Е. Корнесева – кулачество превратило в своего человека, он уже заодно с ними»².

В сентябре 1931 г. было созвано общее собрание, где колхозники решили, что «кулацкая группа своими действиями запутала колхоз и тормозила его, срывала сдельщину, насаждала безотчетность. <...> Собрание исключило Рудакова, Пустовалова, М.П. Быкова, И.Т. Быкова, П.П. Быкова и А.К. Куприянова»³. Тогда же был снят с должности председатель колхоза и переизбрана его ревизионная комиссия. Интересно, что в селе в это время проживал и даже был принят в колхоз бывший стражник А.А. Гнездов, участвовавший в подавлении крестьянских волнений в селе Ильинкав 1905 г. Жил в Гремячке и И. Бурычев, один из дореволюционных «крестьянских помещиков», «владевший раньше около 100 десятин земли и имевший свой хутор»⁴. Какое-то время бывших кулаков не трогали, но постепенно нажим на бывшие опоры «старого режима» в селе усиливался. В марте 1932 г. народный суд Пронского района «за злостное уклонение от засыпки семян и неподчинение местной власти, агитацию против нее, а также невыполнение твердых заданий» приговорил кулака Г.Г. Рудакова к 5 годам ссылки с конфискацией всего имущества, а И.А. Глазкова к 3 годам ссылки. После этого процент хлебосдачи крестьянами-единоличниками увеличился почти вдвое⁵.

К началу 1933 г. гремячковский колхоз «Индустриализация» имел собственную МТФ на 20 коров, 3 свиноматки с 17 поросятами, пасеку на 95 пчелиных семей, предприятие по изготовлению веревок, две ветряные и одну паровую мельницу, три мастерские, кузницу. В колхозе состояло 189 хозяйств. Если за 1931 г. один трудодень работы в колхозе конвертировался в 1 руб. 12 коп., то в 1932 г. – уже в 1 руб. 60 коп., из которых 82 коп. погашались выдачей продуктов. Колхозная активистка Марфа Ивановна Моисеева, имея на руках двух

¹ Пронский колхозник, № 1. – 1933. – 1 января.

² Пронский колхозник, № 16. – 1931. – 22 августа.

³ Пронский колхозник, № 22. – 1931. – 27 сентября.

⁴ Пронский колхозник, № 1. – 1933. – 1 января.

⁵ Пронский колхозник, № 19. – 1933. – 5 апреля.

малолетних детей, заработала за год 255 трудодней. Бригадир И.П. Глазков был избран делегатом областного съезда колхозников-ударников¹.

«Трактор прибыл в Гремячку в 1933 г. Доверили его мастерскому крестьянину И.Ф. Краснову. Колхоз назвали «За индустриализацию», видимо, не случайно. Здесь тяга крестьян к технике была наиболее сильной. Об этом свидетельствует тот факт, что именно из Гремячки отправили первых кандидатов на учебу на курсы механизации. Среди них можно назвать В.Н. Чернышкова и И.М. Берзукова»².

Важной темой в 1930-е гг. была и борьба с врагами колхозного строительства. В июле 1933 г. корреспондент «Пронского колхозника» Ямпольский писал о событиях в Гремячке в статье «Суровая кара вора́м колхозного урожая: кулацкие «парикмахеры» перед пролетарским судом» следующее: «18 июля в селе Гремячка заседала выездная сессия нарсуда под председательством тов. Ивлева. Суд происходил в избе-читальне, куда к 8 часам утра пришли колхозники и единоличники. На скамье подсудимых бывший торговец лишенец кулак М.Л. Гамзин и его сообщница – жена А.Е. Гамзина. Эти лица, являясь врагами колхозного строительства, действовали, по меткому выражению вождя тов. Сталина, «тихой сапой», стараясь гадить, пакостить, лишь бы тормозить колхозное строительство.

Кулак Гамзин в конце 1930 г. судился за срыв хлебозаготовок. В середине мая этого года он был оштрафован за потраву колхозного посева. Не смотря ни на что, Гамзин продолжает вредить. 12 июля этого года он вместе с женой срезывает колосья с колхозных полей. На вопрос суда, признает ли он себя виновным, Гамзин тихо отвечает: «Я-то, конечно, не виновен, виновна моя жена».

Показания свидетелей ярко разоблачают кулацкую физиономию Гамзиных. Свидетельница-колхозница А.И. Кулишна и на предварительном следствии, и на суде заявила: «12 июля мой сосед Гамзин с женой пошли в ту сторону, где колхозная рожь. Целых 2 часа они там пробыли. У меня появилось подозрение, что они крадут колосья. Я об этом рассказала колхознице С.В. Калининой. Как только мне сообщила Кулишна, – говорит суду Калинина, – о том, что Гамзины направились в сторону, где колхозная рожь, я немедленно обратилась к председателю колхоза Калмыкову с требованием обыскать двор Гамзиных».

При обыске у Гамзина были обнаружены колосья. Гамзин пытался доказать, что эти колосья не принадлежат урожаю Гремячевского колхоза, но ему быстро доказали, что семена этих колосьев «Лисиченские», они имеются только в колхозе.

Выступавшие на суде другие свидетели привели достаточно улик, разоблачивших насквозь кулацкие дела Гамзиных.

После допроса свидетелей и обвиняемых Гамзиных суд приступил к слушанию второго, аналогичного дела о хищении колхозного урожая, которое был выявлено в тот день, когда приехала в Гремячку выездная сессия нарсуда. На этот раз перед судом предстал колхозник М.И. Герасимов, который из-за плохой бдительности колхозных руководителей находится еще в рядах гремячевского колхоза. Герасимов был пахарем. За частое избивание прикрепленной к нему лошади он был снят с работы пахаря. В последнее время Герасимов систематически рвал морковь из колхозного огорода. Два раза его ловили за этим делом, и вот теперь он предстал перед судом.

Вредительские действия Герасимова являются прямым пособничеством классовому врагу – кулаку. Свою вину Герасимов не отрицает, говоря: «Крал морковь, топтал семена». Осо-

¹ Пронский колхозник, № 1. – 1933. – 1 января; № 10. – 1933. – 8 февраля.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 202.

бо ценными являются показания свидетелей М.П. Глазкова, Ф.К. Моисеева, которые сообщили суду о том, что они заявляли правлению колхоза и председателю Калмыкову о том, что Герасимов вырывает морковь из колхозного огорода, но мер со стороны правления не было принято.

По ходатайству государственного обвинителя – прокурора Юрова был вызван в качестве свидетеля предколхоза Калмыков. “Мне заявили, – говорит Калмыков, – об этом устно, а не письменно, поэтому я не мог привлечь Герасимова к ответственности”. На вопрос председателя суда, почему он преступно формально отнесся к делу, Калмыков ничего не мог ответить.

После прений сторон суд объявил перерыв и удалился на совещание для вынесения приговора. Во время перерыва прокуратурой и редакцией была проведена беседа о значении охраны колхозного урожая с присутствующими колхозниками и единоличниками.

Поздней ночью объявлен приговор суда. За хищение колхозного урожая кулак Гамзин и его жена приговорены к 10 годам лишения свободы. Герасимов – к 3 годам лишения свободы. По ходатайству государственного обвинителя тов. Юрова суд решил привлечь к ответственности гр. Калмыкова, предколхоза «За индустриализацию», за несвоевременное принятие мер к расхитителям колхозного урожая, за плохую охрану колхозного урожая. Приговор встречен с большим удовлетворением присутствующими колхозниками»¹.

В августе 1933 г. тройка контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции Пронского района Московской области проводила проверку колхоза «Индустриализация» Гремячковского сельсовета. В ее отчете отмечалось: «Тройка КК РКИ <...> установила, что постановка организации труда по колхозу не обеспечивает проведение в установленный срок уборочных работ и зернопоставок государству. Труддисциплина ослаблена, имеются случаи несвоевременного выхода на работу (30–31/VII), косцы и вязальщицы вышли в 8–9 часов утра (первая молотьба и сдача государству хлеба по обязательствам за июль месяц, намеченные на 31/VII, сорваны). Срыв произошел вследствие нераспорядительности правления, в частности – членов правления Калмыкова, Корнеева и Борычева, не организовавших своевременно тока, подвозку сухой ржи к молотилкам (ток очистили и начали молотьбу к 11 часам дня).

Исходя из этого тройка РКК-РКИ постановила: обязать правление колхоза организовать молотьбу с расчетом выполнения обязательств государству не позднее 2/VIII с перекрытием июльского плана.

Под ответственность завхоза Борычева и зав. столовой провести организацию вывозки обеда в поле колхозникам по бригадам, одновременно улучшить качество выпекаемого хлеба и выдачу обедов организовать исключительно по талонам. Совершенно изжить случаи, когда на работе числится 400 чел., а фактически на довольствии 500 с лишним человек.

Обязать правление колхоза под ответственность организатора труда члена правления т. Корнеева и бригадиров не позднее 1/VIII перестроить производственную работу, обеспечив выход колхозников в поле не позднее 4-х часов утра, борясь за укрепление дисциплины полным применением в жизнь Закона об организационном укреплении труда в колхозах.

<...> Правлению колхоза не позднее 3/VIII провести выдачу колхозникам 10 % аванса от обмолоченного зерна. Выдачу произвести мукой с строгим учетом выработанных трудодней. Предложить правлению колхоза *вынужденный простой колхозных бригад на молотьбе оплатить за счет 3 % отчисления правления*, так как простой произошел исключительно из-за нераспорядительности правления.

¹ Пронский колхозник, № 66. – 1933. – 21 июля.

<...> Председателю правления, кандидату партии Калмыкову за необеспечение большевистского руководства уборки, срыв сдачи зерна государству по июльскому плану объявить строгий выговор. Предупредить тов. Калмыкова, что в случае отсутствия перелома в хлебо-сдаче колхозом, он будет исключен из партии и отдан под суд.

Организатору труда, члену правления Корнееву за отсутствие должной организации труда объявить строгий выговор. Предупредить тов. Корнеева, что в случае неисpravления им недостатков в ближайшее время будет привлечен к строгой ответственности, вплоть до предания суду.

<...> Обязать бухгалтерию колхоза под ответственность тов. Пантелева обеспечить полное заполнение и учет трудодней по колхозникам и постановку учета прохождения зерна и продуктов урожая. <...> Предупредить, что отсутствие точного учета повлечет за собой привлечение к строгой ответственности.

Бригадирю Глазкову за проезд 100 саж. по ржи на жатке, чем была попорчена рожь, объявить выговор. Предупредить тов. Глазкова, что за повторение подобной халатности он будет привлечен к уголовной ответственности.

За выдачу рваной тары на молотьбу для возки зерна и грязное содержание конюшен члену правления Лазареву объявить выговор и снять с работы фуражира, поставить вопрос перед правлением колхоза и общим собранием о выводе Лазарева из членов правления как не оправдавшего доверия...»¹

Примерно в эти же годы подверглись раскулачиванию несколько зажиточных крестьянских семей из Гремячки. Из села были высланы Иван Кононович Дубровин (1887–?) и Николай Григорьевич Ремизов (1870–?), их жены и дети. Но и после этого некоторые состоятельные крестьяне-единоличники продолжали противодействовать властям. Атмосфера сопротивления царил даже в сельсовете, который своими действиями, по сути, саботировал хлебопоставки государству (и это на фоне голода 1933–1934 гг. на Украине, в Поволжье и в Северном Казахстане!). Пронская районная газета писала: «В Гремячевском сельсовете ищут кулака с обрезом и звериной рожей, но, не найдя их, часами сидят и гадают о причинах прорыва в хлебозаготовках. А в это время уполномоченный земобщества крупный кулак В. Каксенов угрожает беднякам жестокой расправой и обходит стороной своих единомышленников кулаков В.Н. Максимова, И.Г. Гладкова, И.Н. Устинова, давая им возможность укрыть хлеб от государства»². В ответ государство прибегало к мерам принуждения. «Пронский колхозник» сообщал из Гремячки: «Выездная сессия нарсуда 19 октября 1933 г. за злостную несдачу картофеля приговорила середнячку П.А. Богатыреву условно к году исправительных работ и штрафу 250 рублей; Е.С. Дубровину, кулацкое хозяйство, к конфискации имущества; середняка И.Д. Горина к 1 году исправительных работ и штрафу 200 рублей; середняка Р.Ф. Сазонова как особо злостного и ранее судимого к 2 годам лишения свободы и частичной конфискации»³.

В 1935 г., к приближавшейся 18-й годовщине Октябрьской революции 1917 г., в «Пронском колхознике» появился очерк журналиста А. Терехова «Прошлое и настоящее Гремячки», в котором был образно обрисован пройденный селом за последние десятилетия путь. Начинаясь он с безотрадной картины недавнего прошлого: «Вечер. Большие свинцовые тучи пластырем залегли над деревней. С изморозью колкий дождь безжалостно хлестал в лицо. Хлюпала в промокших лаптях вода. Ноги, как мухи в клейкой бумаге, вязли в липкой и неприятно холодной жиже.

¹ Пронский колхозник, № 74. – 1933. – 6 августа

² Пронский колхозник, № 80. – 1933. – 15 августа

³ Пронский колхозник, № 112. – 1933. – 27 октября

В захарканном и прокуренном кабачке Рудакова полно людей. Бесперывно хлопает дверь от посетителей. На стенах, засиженных мухами и в пятнах от раздавленных клопов, висят безликие иконы и выцветшие фотографии. Сморд, хоть топор вешай.

Спорят, смеются, шепчутся, хрипит, издавая ржавые звуки, граммофон. Плотно чокаются в дрожащих руках наполненные до краев кружки с водкой.

Здесь торгуются, рядются, покупают и продают.

– Последнюю! Последнюю одежонку заложил, – нервно ударяя кулаком по столу кричит в пьяном угаре, дрожа, тощий и весь в заплатах и в рваных лаптишках мужичок.

– У... Сво...

– Хведор, крепись.

– Двадцать рублей! Двадцать! По копейке. Целый год. Все тут оставил. Натё, смотрите, вот они, карманы-то. Пустые! – плакал в отчаянии вечный батрак Тимоха.

– Крепись.

– Ха, ха, ха.

– Два штофа?

– Што-о? Новую. Два штофа.

– Три.

– С полуштофом.

– По рукам.

И сполз с широких плеч новенький тудупчик под стойку Рудакова.

– Водки! Магарыч!

– Тя-а-жела ты, безотрадн...

– До-о-ля бедняка...

Сначала тихо, потом все громче, то высоко забирая, то опускаясь, лилась из пьяных уст невеселая песня. Ее подхватывали хором, и тогда застывали на месте невольные гости. Слезы текли по щекам, бороде и капали в кружки, смешиваясь с водкой.

Горькое вино, ещё горче слезы. Завертелось, закрутилось в голове. Занавесились мутной пеленой глаза. Ничего не разберешь. Темно, как у крота в норе. Желтый свет керосиновой лампы то и дело вздрагивал, точно в лихорадке.

– Бей его! Бей! Наддай!

Расползлись по сторонам шаткие столы и стулья. Началась потасовка. Рудаков спокойно стоит, плотно упершись о стойку, и зевает. Шум все сильнее. Летит со столов посуда. Тесным кольцом пьяные обступили пьяных драчунов.

Подсчитав прибыль от драки и перестав зевать, Рудаков спокойно раздвинул увлеченных дракой людей, с силой схватил барахтающихся на полу драчунов и вытолкнул их за дверь в осеннюю мутную ночь.

* * *

Большое село Гремячка. Сколько улиц, закоулков и переулков. А людей, людей! И все беднота и батраки. Крепко свили себе теплое гнездо пауки-мироседы: мельники Чернышевы и Корнеевы, крупные оптовики, торговцы шерстяными и бумажными красками братья Гамзины, Борычевы и Максимовы. В железные тиски они зажали гремячковскую бедноту, тонкой паутинкой обвили село. Разорили вконец крестьян. За гроши, не зная ночей, работали гремячковские мужики на кулаков-мироседов и последнее, что зарабатывали, оставляли в трактирах темных дельцов Иконостасова и Пантелина, и у кабатчика Рудакова.

Не выходили из кабалы крестьяне, все были в долгах у этих кровососов-мироедов. Не звали и попы, выматывали последние гроши у жен мужичков за похороны, за крестины, за молебны, проклинали анафемой неплательщиков.

Отошала земля. Никто и не думал ее как следует обрабатывать. Урожай с каждым годом понижался. Последний хлебушек, что уберешь, уходил за долги. Пользовались темнотой и невежеством пауки, высасывая кровь у крестьян.

О грамотности, о знании никто и не мечтал. Всего одна школа была на все село, а училось там не более 60 детей, да и те из семей зажиточных и кулаков.

Холод и голод дополняли нищету села. Так выглядела Гремячка в прошлом.

* * *

Открылась новая страница [истории] села Гремячки. Революция смела всю свору, которая закабалила крестьян. А в 1931 г. крестьяне стали строить новую жизнь. Организовали колхоз «Индустриализация».

Правда, пытались случайно уцелевшие пауки от революции пробраться в колхоз, даже был создан особый штаб секретного порядка, который помогал кулакам пролезть в колхоз и вредить. Но не удалось им. Хорошо запомнили колхозники, бывшие бедняки и батраки, своих эксплуататоров и выбросили их вон, как вредных гадов, из колхоза.

Стал колхоз крепнуть и развиваться. Сначала семьдесят, потом триста семьдесят, а в этом году двести новых единоличников влились в колхоз. Так, из семидесяти хозяйств колхоз вырос до пятисот семидесяти шести.

Хорошо зажили колхозники. Хлеба не только на год, а излишки стали оставаться. Десятками тысяч исчисляется валовый доход колхоза. Расширилась посевная площадь. Уже не дедовскими сохами, а глубоко тракторами разрыхляется почва. С каждым годом урожай все больше и больше. Вместо прежних четырех-пяти центнеров – восемнадцать центнеров ржи собирается с га. Вот она где рождается, зажиточная жизнь – в труде, в коллективе.

Развернулось мощное строительство колхоза. Крупные зернохранилища, картофелехранилища, конюшни, свинарники, коровники построены силами колхозников. Заработали две ветрянки-мельницы и паровая. Своя автомашина появилась в колхозе.

Взялись колхозники и за культурную жизнь. Изба-лаборатория, большой народный дом, ясли и школы – вот достояние, которое приобрели сами колхозники. Уже не шестьдесят, а семьсот детей учится в этих школах. Имеется и своя семилетка.

Немало Гремячка дала стране хороших людей – шоферов, трактористов, учителей, командиров, техников и крупных партийных работников.

Далеко вперед ушла Гремячка. Сильно вырос колхоз «Индустриализация» в борьбе с трудностями за эти годы. Много знатных людей вырастил колхоз. Бывшая батрачка Морозкина стала бригадиром, ее муж – трактористом. Всем известная Марина Глазкова, которая побывала на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, также [стала] бригадиром. Много хороших людей имеется в колхозе «Индустриализация».

Далеко отброшено старое прошлое. Нет к нему больше возврата. Куется новая, зажиточная жизнь¹.

---

¹ Пронский колхозник, № 228. – 1935. – 7 ноября

В 1935 г. в селе прошло собрание женщин-колхозниц (присутствовало 350 человек), по единогласному решению которого была закрыта Архангельская церковь. Храм решили переделать в клуб, о чем гремячковские колхозницы сообщили в письме на имя Н.К. Крупской¹. Клуб вместимостью 600 человек в бывшем церковном здании был открыт в середине мая 1935 г.

В 1937 г. село Гремячка Пронского района вошло в состав новообразованной Рязанской области. К этому времени колхозное хозяйство окрепло, крестьяне-бедняки забыли про голод, но до подлинно обеспеченной жизни было еще далеко.

В конце 1930-х гг. некоторые уроженцы Гремячки пали жертвами «Большого террора». Василий Николаевич Афанасьев (1888–1937) был сыном церковнослужителя Архангельской церкви, со временем сам стал священником. Он проживал в селе Осово Захаровского района Рязанской области. 17 ноября 1937 г. В.Н. Афанасьев был арестован, а 6 декабря – осужден тройкой УНКВД по Рязанской области по обвинению в злобной антисоветской агитации. Его расстреляли 23 декабря 1937 г. В 1989 г. В.Н. Афанасьев был посмертно реабилитирован.

Василий Авдеевич Дубровин (1901–1937) был крестьянином-единоличником села Гремячки. Его арестовали 5 августа 1937 г. Тройка УНКВД по Московской области осудила его 19 августа по обвинению в систематической контрреволюционной пропаганде и во враждебном отношении к советской власти. 21 августа 1937 г. В.А. Дубровин был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Реабилитировали его посмертно в 1989 г.

Были среди уроженцев села и ответственные сотрудники органов госбезопасности. Михаил Фролович Глазков (1906–1963) родился в семье ломового извозчика из Гремячки, в первый год жизни потерял отца. В 1920 г. он окончил начальную школу в родном селе, затем 6 классов трудовой школы в Скопине, работал на торфоразработках под Шатурой. М.Ф. Глазков выдвинулся по партийно-комсомольской линии: в 1924 г. заведовал политпросветом Казинского волкома комсомола, в 1928–1929 гг. был секретарем райкома комсомола в Шатуре, в 1934–1936 гг. – секретарем парткома московского завода «Изолятор», в 1936–1937 гг. – инструктором Ленинградского райкома ВКП (б) в Москве. С 1937 г. М.Ф. Фролов служил в органах НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ СССР, работал в Монголии, занимал ряд ответственных постов в Тульской и Сталинской областях, в 1947–1950 гг. находился в длительной командировке в Албании. В 1952 г. полковник М.Ф. Фролов был уволен в запас по болезни. За годы службы он был награжден орденами «Знак почета» (1943), Красной Звезды (1945), а также «Полярная звезда» (МНР, 1939) и Орденом Свободы (НДРА, 1950).

В 1941 г. мирное развитие Гремячки было прервано начавшейся Великой Отечественной войной. На фронт из села ушло в общей сложности около 1000 человек. В ноябре 1941 г. бои разворачивались в ближайших окрестностях Гремячки, в самом селе некоторое время даже находилась вражеская разведгруппа. В конце ноября – начале декабря 1941 г. гитлеровцы были выбиты с территорий Скопинского и Пронского районов.

Для подготовки пополнения РККА в это время был возрожден созданный в 1918 г. Всеобуч. В Гремячке разместился один из его пунктов. Уроженец соседнего села Ильинки А.М. Митрохин, тогда еще подросток, позднее вспоминал: «Военная подготовка мужчин в возрасте 16–50 лет осуществлялась по 110-часовой программе. Для этого формировались отделения, взводы, роты и батальоны. Один из таких батальонов, в который вошли призывники из Ильинки и Высокого, базировался в Гремячке. Туда в 1942–1943 гг. и ходили на занятия мы, шестнадцатилетние юнцы, так как мужчины, вплоть до пятидесяти лет, уже были призваны на фронт, на передовую, а кто, как тогда говорили – в «обоз». Штаб пункта Всеобуча размещался в

¹ Пронский колхозник, № 55. – 1935. – 14 марта

клубе. Здесь же проводились и классные занятия. Строевым плацом служило ровное пространство между клубом и школой. Тактическая подготовка проходила в поле. Учителями военного дела, инструкторами, были раненый сержант-фронтовик и унтер-офицер царской армии. Оба из Гремячки. Фамилии их, к сожалению, не запомнились. А третьим был участковый, лейтенант милиции Медведев. Он, как офицер, возглавлял пункт Всеобуча...¹

Некоторые письма защитников Родины с фронта адресовались не только родным и близким, но и всем землякам. В 1942 г. «Пронский колхозник» опубликовал письмо участника обороны Москвы красноармейца Николая Дмитриевича Коготкова (1921–?), уроженца села Гремячка, в котором он давал «обязательство колхозникам биться с врагом беспощадно, до последней капли крови отстаивать родную землю»². Впоследствии сержант Н.Д. Коготков воевал на Калининском, Западном и 3-м Белорусском фронтах, был награжден медалью «За боевые заслуги». В сентябре 1944 г. старший сержант Н.Д. Коготков, шофер 541-й отдельной автороты подвоза 215-й Краснознаменной Смоленской стрелковой дивизии, был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе о его заслугах сообщалось: «Водитель Коготков, подвозя боеприпасы нашим передовым частям, которые вели бои по освобождению Советской Литвы, проявил мужество и отвагу в выполнении боевых заданий командования. Тов. Коготков, не считаясь со временем и опасностью для жизни, всегда доставлял груз вовремя. Подвергаясь налетам вражеской артиллерии, т. Коготков умело преодолевал эти препятствия, сохранял груз и свою машину, что давало в дальнейшем возможность выполнять боевые задания»³.

Ударным трудом помогая фронту, гремячковские колхозники мечтали поскорее вернуться к мирной жизни. Семьи фронтовиков с нетерпением ждали возвращения с войны отцов, мужей и братьев. Но прилагать усилия для приближения победы стремились не все. Люди, для которых личные интересы значимее общественных, были всегда, и в период Великой Отечественной войны тоже. Но к таким гражданам в те годы небезосновательно применялись суровые законы военного времени. Районная газета сообщала о том, что в 1942 г. жительница Гремячковского сельсовета гражданка Н.И. Горлупина получила повестку о мобилизации на работу в торфопредприятия Шатуры. «Вместо того, чтобы прибыть, как все честные граждане, в указанный срок, она уклонилась от явки. За уклонение в указанный срок от мобилизации в период военных действий Н.И. Горлупина была осуждена народным судом к 1,5 годам лишения свободы»⁴. «Бригадир колхоза «За индустриализацию» Артемьев похитил из колхоза 240 кг зерна. Был арестован и предан суду»⁵.

Самыми трудными для районов и сельсоветов Рязанской области стали 1941–1942 гг. Приходилось работать в условиях близости линии фронта, бороться с погружением прифронтовой полосы в хаос, восстанавливать разрушенные хозяйства на переживших оккупацию территориях. В чрезвычайных условиях практические действия каждого руководителя открывали его истинное лицо, и никакие оправдания трусам и паникерам не помогали. По счастью, таких было немного. В Гремячке в период наступления войск врага никто не призывал к грабежам и мародерству, но в целом по Пронскому району несколько подобных случаев было.

¹ *Митрохин А.М.* Ради жизни на земле: Землякам-сельчанам, труженикам полей – ратных и мирных. – Рязань: Пресса, 2001. – С. 104–105.

² Пронский колхозник, № 94. – 1942. – 22 ноября.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 1739, л. 30.

⁴ Пронский колхозник, № 94. – 1942. – 22 ноября.

⁵ Пронский колхозник, № 78. – 1942. – 24 сентября.

Послевоенные годы, вплоть до середины 1950-х гг. также были не простым временем. Колхозы не знали, то ли быт в селах и деревнях налаживать, то ли впрягаться и выполнять спускавшиеся руководством области планы. Но за невыполнение директив грозила ответственность, так что бытовые проблемы приходилось откладывать. В Гремячке вошло в практику закрывать на зиму сельский клуб, на поддержание которого не хватало сил и средств. Осенью 1956 г. председатель Гремячевского сельсовета Устинов, уже привыкший к установившемуся положению, с грустью признавал: «Мы каждый год на зиму клуб закрываем, и в этом году будет тоже самое. Хотя требовалось только подштукатурить изнутри и снаружи стены. Утеплить окна и двери. Да завезти топливо»¹.

Распространение кукурузы в российском Нечерноземье традиционно связывают с эпохой Н.С. Хрущева. Это, однако, не совсем верно. Еще до Великой Отечественной войны в Рязанской области искали пути наиболее быстрого и эффективного создания кормовой базы и экспериментировали со множеством разных сельхозкультур, в том числе и с кукурузой. На гремячковские поля она пришла в начале 1950-х гг. «Пронский колхозник» писал: «В 1951 г. правление колхоза «За индустриализацию» впервые решило посеять кукурузу на площади 10 га. Сеяли разбросным способом, вместе с овсом. Овес взошел, а кукуруза так и не появилась. Председатель Чухарев съездил в Скопин и привез брошюру о возделывании кукурузы, из нее узнали, что нужна определенная температура при посеве, глубокая пахота и навоз. В 1952 г., посеяв 12 га, собрали по 150 центнеров. В 1953 г. не сеяли, так как не было семян. Сразу ощутили нужду в кормах. В 1954 г. с 15 га собрали по 300–350 центнеров, а с 3 га оставленных на семена – 17 тонн зерна. В 1955 г. засеяли уже 110 га»².

В 1950-х гг. учащиеся гремячковской семилетней школы активно помогали колхозу «За индустриализацию». Они работали на строительстве силосных траншей, на заготовке кормов для скота, на закладке силоса, уходе за телятами, посадке и уходе за кукурузой³.

В сентябре 1955 г. газета «Пронский колхозник» сообщала: «Используя передовой опыт колхозов Можарского района Рязанской области, колхоз «За индустриализацию» (председатель колхоза тов. Чухарев, секретарь парторганизации тов. Буянов, зав. СТФ тов. Глазков) добился первых положительных результатов по откорму свиней.

За короткий срок в колхозе откормлено 42 головы свиней весом в 100–110 килограммов каждая при среднесуточном привесе по 900–1200 граммов. Правильная организация откорма позволила колхозу выполнить план сдачи свинины государству на 150 % и получить только от 42 голов свиней 15 600 рублей чистой прибыли.

В колхозе правильно поставлены случка и опорос свиней, что способствует нормальной постановке поросят на доращивание и созданию хороших условий для откорма свиней в течение всего года.

Бюро райкома КПСС и исполком Райсовета постановили: за достигнутые хорошие показатели по откорму свиней присудить колхозу «За индустриализацию» переходящее Красное знамя райкома КПСС и райисполкома»⁴. Награда была вручена делегации колхоза на районном совещании работников свиноводства 7 декабря 1955 г.

В мае 1956 г. в колхозе «За индустриализацию» было 98 коров, средний надой составлял 2021 кг молока в год, намечали довести его до 3200 кг. На откорме находились 69 голов крупного рогатого скота, 46 овец, 750 голов птицы. Планировали получить 240 тонн мяса

¹ Пронский колхозник, № 131. – 1956. – 31 октября

² Пронский колхозник, № 26. – 1956. – 2 марта

³ Пронский колхозник, № 91. – 1955. – 31 июля

⁴ Пронский колхозник, № 146. – 1955. – 9 сентября.

вместо 157 тонн в предыдущем году. Сдали государству 33 свиньи весом по 150 кг, доращивали 28 голов. К 110 головам молодняка решили докупить на откорм еще столько же. Всего за год должны были откормить 850 голов свиней¹.

«К концу 1950-х гг. колхоз «За индустриализацию» не только возродил былую славу крепкого хозяйства, но и сумел начать развитие новой отрасли производства – животноводства. Численность колхозного дойного стада возросла до 200, а свиней – до 500 голов. Для развития новой отрасли в колхозе многое сделали в ту пору животноводы А.А. Степанова, Е.Ф. Карвайцева, А.Н. Герасимова и другие»².

В процессе реорганизации Пронского района Рязанской области в декабре 1962 г. Гремячковский сельсовет был передан сначала Старожиловскому району, а в марте 1963 г. – Скопинскому. К этому времени колхоз «За индустриализацию» обрабатывал 3700 га земли³.

«Наиболее заметные улучшения в жизни сельчан начались в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В 1958 г. в Гремячку провели радио, в начале 1960-х – подключили электроэнергию. С 1962 г. колхозников перевели на денежную оплату труда. Однако далеко не все шло в местном колхозе гладко. 1960-е гг., например, многим здесь запомнились тем, что в колхозе то и дело сменялись председатели. Каждые три года к руководству хозяйством привлекались новые люди, что сказывалось как на организации работ, так и на жизни всего села. Особенно пагубно это отражалось на животноводстве, которое из года в год становилось все более убыточным.

<...> Главным событием в истории села в этот период следует считать строительство автомагистрали Москва–Волгоград, которая прошла по окраине Гремячки. Надежная бетонная дорога помогла решить сразу несколько наиболее острых проблем как для колхоза, так и для сельских жителей. Гремячка получила надежную связь не только с районным центром, но и с Рязанью, Москвой. Значительно улучшилось снабжение села, появились большие возможности для развития торговли, улучшилось транспортное сообщение, что позволило лучше решать социальные и производственные вопросы»⁴.

В 1965 г. в селе Гремячка Скопинского района Рязанской области располагались центральная усадьба колхоза «За индустриализацию», клуб, библиотека, школа, медпункт, аптека, отделение связи, молокозавод, магазин⁵. Со строительством автомагистрали колхозное хозяйство «оказалось, по сравнению со многими другими, в гораздо более выгодных условиях. Здесь активно началось производственное, жилищное, культурно-бытовое строительство. <...> К концу 1970-х – началу 1980-х гг. колхоз «За индустриализацию» вновь возвращает себе славу крепкого рентабельного хозяйства. Ряд колхозников удостоивается правительственных наград. В их числе В.И. Безруков, А.В. Гнездов, Н.Г. Махонин и другие»⁶.

«В 1980 г. в селе 250 дворов с 530 жителями – центральная усадьба колхоза «За индустриализацию», 8-летняя школа, дом культуры, библиотека, магазин, медпункт, водопроводная сеть. Колхоз специализировался на молочно-мясном животноводстве, выращивании зерновых и свеклы. Общая площадь землепользования 3703 га, в т.ч. пашни 3034 га. В хо-

¹ Пронский колхозник, № 64. – 1956. – 27 мая.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 203.

³ Архив Скопинского района, ф. 409, л. 1.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 203–204.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 420, лл. 1–1 об.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 204.

зайстве было 850 голов крупного рогатого скота, в т.ч. коров 420, свиней 600. Надои молока на фуражную корову составили 3200 кг, урожай зерновых 30 центнеров с га. С 1980 г. колхоз продолжал производственное, культурно-бытовое, жилищное строительство. В 1987 г. открылась новая средняя школа на 192 учащихся. В том же году построили свинарник на 120 голов. В 1988 г. был пущен в эксплуатацию молочный комплекс на 200 голов. В 1989 г. построили зернохранилище на 1000 тонн, проложили по селу дорогу с твердым покрытием. Для специалистов сельского хозяйства возвели 20 домов, открыли новую почту, аптеку, комплексный приемный пункт, детский сад»¹.

«Наивысших успехов колхоз «За индустриализацию» достиг в 1980-х гг. Здесь одними из первых в области начали получать среднюю урожайность зерновых, превышающую 30 ц с га, а надои – более 3000 кг молока от коровы в год. Соответственно заметно повысился и уровень жизни колхозников. Заработная плата многих из них превышала среднерайонную в 2–2,5 раза. В 1990-е гг., после преобразования хозяйства в акционерное общество, оно остается одним из немногих, кто продолжает стабильно развивать как полеводство, так и животноводство»². Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 29 декабря 1994 г. № 2227 Борису Аркадьевичу Бродскому, директору АО «Гремячка» Скопинского района Рязанской области, было присвоено почетное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации».

В условиях экономического упадка и общего кризиса отечественного сельского хозяйства в 1990-х гг. немаловажной статьей дохода жителей Гремячки стала придорожная торговля на трассе М 6 «Москва – Тамбов – Волгоград» (ныне федеральная автомобильная дорога Р-22 «Каспий»).

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Гремячка вошло в состав Успенского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в селе Гремячка Успенского сельского поселения Скопинского района Рязанской области проживает 424 человека (190 мужчин и 234 женщин). В селе работает сельхозпредприятие СПК «Гремячка» (руководитель – Надежда Михайловна Цаплина), занимающееся растениеводством и животноводством – преемник колхоза «За индустриализацию». Также имеется фермерское хозяйство ИП Глава КФХ «Бродский Борис Аркадьевич».

---

¹ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 7. – Рязань, 2006. – С. 98.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 204.

ГРИВЦЫ деревня (сельское поселение Успенское)

Деревня Гривцы возникла как хутор крестьян, переселившихся из деревни Рюмки в рамках общего процесса основания поселков на дальнотемельях, который наблюдался в Скопинском уезде Рязанской губернии в 1914–1917 гг. Его название связано с фамилией помещицы, владевшей этими землями в середине XIX в.

Надворная советница Ольга Ивановна Гривцова была собственницей усадьбы в сельце Рюмки, владела землей при нем и обрабатывавшими ее крепостными крестьянами. По межеванию 1850 г. за ней числилось более 210 десятин (229 га) земли при сельце. Принадлежавшая помещикам сельца Рюмки земельная дача была разделена на два неравных участка, сходящихся в одной точке на дороге в село Моховое. По данным 9-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1850 г., О.И. Гривцовой в сельце принадлежали 6 мужских и 4 женские души дворовых людей и 7 крестьянских дворов, в которых проживали 42 мужские и 33 женские крепостные души. Крестьянские дворы помещицы располагались близ господского дома, в той части Рюмков, которая примыкала с правой стороны к большой дороге из Скопина в Пронск¹. Последняя в истории России 10-я ревизия податных сословий, проводившаяся в 1858 г., свидетельствует о сокращении владений О.И. Гривцовой в Рюмках. В этом году ей принадлежало лишь 4 крестьянских двора, 22 мужские и 15 женских душ крепостных крестьян. Крестьянская реформа 1861 г. положила конец душевладению О.И. Гривцовой в Рюмках. Рязанская губернская «Ведомость о переменах владельцев, произошедших по разным уездам в течение 1845–1865 гг.» свидетельствует, что в 1865 г. часть земли в дачах сельца Рюмки перешла по купчей крепости к другому владельцу. Недвижимое имение «надворной советницы Ольги Ивановой Гривцовой отошло подпорунице Софье Николаевой Вердеревской»². Видимо, проданной частью были дом и земля, которая отошла бывшей помещице после отмены крепостного права. Крестьяне же, скорее всего, еще в начале 1860-х гг. рассчитались с ней по выкупным платежам.

В 1882 г. сельское общество крестьян «б. Гривцовой» в Рюмках состояло из крестьян-собственников. В 13 домохозяйствах было 11 изб, в которых проживали 34 мужчины и 33 женщины. Их земельные наделы занимали общую площадь в 50 десятин (54,5 га) земли, 8 семей арендовали дополнительно 14 десятин (15,3 га) внеадельной земли. На ревизскую душу в среднем приходилось 2,3 десятины (2,5 га). 3 двора были безлошадными, 6 с одной лошадей и 4 с двумя. Жители 2 дворов обходились без коровы и без лошади. 5 мужчин числились в отхожих промыслах³.

Удаленность полученных крестьянами после реформы 1861 г. земельных наделов от места проживания создавала им большие неудобства. Эта проблема решалась созданием хуторов и выселок, приближенных к обрабатываемым участкам. В 1910-х гг. на такой шаг решились

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 52.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 1094.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 26–28.

и некоторые жители Рюмков. Списки населенных мест по волостям Зарайского, Данковского, Егорьевского, Рязского, Сапожковского и Скопинского уездов Рязанской губернии за 1917 г. сообщают, что в деревне Гривцы Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии в это время было 17 дворов, в которых проживали 47 мужчин и 56 женщин¹. Просторечное по форме название новооснованного населенного пункта указывает либо на то, что большинство переселенцев принадлежало к сельскому обществу крестьян «б. Гривцовой» селца Рюмки, либо на то, что прежде окрестная земля была собственностью помещицы.

В 1929 г., с упразднением исторического административного деления на волости уезды и губернии, деревня стала населенным пунктом Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК (Известия ЦИК №158 от 13 июля 1929 г.) в развитие постановления Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» и других документов, Московская область была разделена на 10 округов, одним из которых стал Рязанский. В него вошли многие территории, ранее принадлежавшие Скопинскому уезду: Пронская волость полностью, большая часть Михайловской волости, 30 селений Гагаринской, 2 селения Скопинской и 35 селений Ерлинской волости, в числе которых были и Гривцы². Вскоре, однако, округа упразднили.

С началом коллективизации в 1930-х гг. в деревне Гривцы Мамоновского сельсовета Пронского района Московской области был создан колхоз «7-й съезд Советов». С 1937 г. он стал одним из хозяйств новообразованной Рязанской области, войдя в нее вместе с Пронским районом.

По топографическим картам РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) видно, что в Гривцах в это время было 22 жилых строения. Интересно отметить, что к концу 1930-х гг. жители деревни, похоже, утратили всякую связь с родиной первых переселенцев. Из Гривцов на Рюмки не было даже прямой дороги. Деревенские проселки вели только в села Моховое и Мамоново, где располагался сельсовет.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. небольшому гривцовскому колхозу приходилось работать в условиях недостатка мужских рабочих рук и сельхозтехники. Требовалось максимальное напряжение человеческих сил, на которое не все были способны. О ситуации в колхозе в 1943 г. газета «Пронский колхозник» писала: «В колхозе «7-й съезд Советов» Мамоновского сельсовета председатель колхоза Кирюхин задержал хлебопоставку зерна государству и нарушил закон о выдаче аванса колхозникам. Исполком райсовета снял с работы Кирюхина и привлек его к судебной ответственности. Сейчас временно исполняет обязанности председателя колхоза бригадир тов. И.К. Галухин. На 25 августа колхоз полностью закончил косовицу и стогование зерновых и бобовых культур, сдал государству 410 цент., т.е. выполнил августовский план на 78 %. Трудовая дисциплина значительно повысилась: колхозники на работу стали выходить рано утром и кончают работу поздно вечером»³.

Уроженцам деревни Гривцы также довелось внести посильный вклад в приближение Великой Победы и непосредственно на фронтах Великой Отечественной войны. Гвардии старший сержант Николай Евдокимович Кирюхин (1919–?) начал войну в июне 1941 г., сражался на Южном, Кавказском, Юго-Западном, 1-м и 4-м Украинских фронтах, в 1944 г. был два раза ранен, в начале 1945 г. награжден орденом Красной Звезды. В конце войны Н.Е. Ки-

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

² Материалы по районированию Московской области. – М., 1929. – С. 42, 129, 131, 134–135, 170.

³ Пронский колхозник, № 48. – 1943. – 26 августа.

рюхин служил командиром минометного расчета минометной батареи 120-мм минометов 325-го гвардейского стрелкового Краснознаменного орденов Суворова и Богдана Хмельницкого полка 129-й гвардейской стрелковой Житомирской Краснознаменной дивизии, участвовал в освобождении Чехословакии. «Тов. Кириухин принимал активное участие в прорыве обороны противника на подступах к городу Моравска-Острава. 25 апреля 1945 г. в районе села Гать метким огнем подавил огонь трех пулеметных точек и рассеял до взвода противника. 30 апреля 1945 г., прикрывая переправу подразделений, вел меткий и четкий огонь по врагу. Благодаря умелым действиям с расчетом истребил до 15 гитлеровцев, уничтожил 1 пулеметную точку, поджег 2 автомашины с боеприпасами, разбил 3 НП противника»¹. В мае 1945 г. гвардии старший сержант Н.Е. Кириухин стал кавалером ордена Славы 3-й степени.

В 1950 г. были объединены в одно хозяйство колхозы «Ударник» села Моховое, «Борьба» деревни Рюмки, «7-й съезд Советов» деревни Гривцы (обе Мамоновского сельсовета), «2-я пятилетка» деревни Деменьшино и «Светлый путь» деревни Галино (обе Моховского сельсовета). После слияния колхоз стал называться «Светлый путь» Моховского сельсовета Пронского района.

В декабре 1962 г. Гривцы вместе с Моховским сельсоветом были переданы из Пронского района в Старожиловский, а оттуда в марте 1963 г. – в Скопинский. Сельхозгодья колхоза «Светлый путь», в котором в это время трудилось большинство жителей Гривцов, простиралась на 2993 га². В 1964 г. в населенных пунктах Моховского сельсовета, куда входили село Моховое и деревни Галино, Гривцы, Деменьшино и Рюмки действовали клуб, медпункт, библиотека, магазин, ларек³.

К концу 1970-х гг. расположенная «на отшибе» деревня Гривцы была отнесена к категории бесперспективных населенных пунктов. Строились планы переселения ее жителей в другие окрестные села и деревни.

Точное время, когда Гривцы были окончательно покинуты своими жителями, установить не удалось. Скорее всего, это произошло в середине или в конце 1980-х гг. Перед лицом масштабной геополитической катастрофы, надвигавшейся на весь Советский Союз, естественную смерть маленькой деревеньки попросту не заметили. Этим, по-видимому, объясняется отсутствие какого-либо официального постановления о ее ликвидации.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Гривцы была включена в список населенных пунктов Успенского сельского поселения, хотя в это время уже не имела населения. Его отсутствие подтвердила и Всероссийская перепись населения 2010 г. В настоящее время на месте деревни находится урочище без каких-либо признаков жилья.

---

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 4821, л. 263.

² Архив Скопинского района, ф. 388, л. 1.

³ Архив Скопинского района, ф. 391, л. 1.

ГУДОВКА деревня (сельское поселение Шелемишевское)

Основание деревни Гудовка относится ко 2-й пол. XVIII в. Ее первое историческое название – «сельцо Анненское». Появление этого селения на земле Скопинского уезда Рязанского наместничества связано с историей знатного дворянского рода Васильчиковых.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., упоминается «проданная часть земли из Ряско-Рановской засеки во владении камер-юнкера Василия Семеновича Васильчикова, жены ево Анны Кириловны, на которой земле поселено сельцо Анненское, пашни 103 десятины 1279 сажень (113 га), леса 496 десятин 1121 сажень (542 га), лежит на левой стороне речки Песоченки, в том сельце дом господский деревянный, при нем сад, а дача простирается по обе стороны речки Песоченки...»¹

Владелец сельца В.С. Васильчиков (1743–1808) был братом камергера Александра Семеновича Васильчикова (1746–1813), фаворита императрицы Екатерины II в 1772–1774 гг. В период наибольшего влияния своего родственника он также находился на придворной службе в Петербурге, в 1773 г. был пожалован чином камер-юнкера. В 1773 г. в Царском Селе В.С. Васильчиков венчался с фрейлиной императрицы графиней Анной Кирилловной Разумовской (1754–1826), дочерью графа К.Г. Разумовского, генерал-фельдмаршала (1764), последнего гетмана Малороссии (1750–1764) и президента Петербургской Академии наук в 1746–1765 гг.² Именно в ее честь было названо новопоселенное сельцо Васильчиковых в Скопинском уезде.

После «отставки» фаворита А.С. Васильчикова его родственники вслед за ним предпочли удалиться от двора. В 1778 г. супруги Васильчиковы переселились в Москву. Несмотря на это, В.С. Васильчиков в 1786 г. был награжден императрицей чином действительного камергера. А.К. Васильчикова отличалась большой набожностью. В 1797 г. она, передав все свое состояние мужу, намеревалась уйти в монахини, но тот не позволил ей этого сделать. Монашеский постриг под именем Агнии она приняла лишь после того, как овдовела в 1808 г. Остаток своих дней А.К. Васильчикова провела в монастыре Казанской иконы Божией Матери в Калуге.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г., в сельце Анненском Скопинского уезда было у «действительной камергерши Анны Кириловой Васильчиковой 150 душ». Из них 30 декабря 1823 г. (10 января 1824 г.) было исключено 97 душ, как «проданные полковнику Михайле Лихареву³ в том сельце». Другая часть проданных крестьян была переведена в сельцо Перки: «В оную округу с 1823 г. 52 души»⁴.

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 136 об.

² Архив князя Куракина. Т. 7. – Саратов, 1898. – С. 179.

³ Лихарев Михаил Дмитриевич (1767–1846) – полковник, Скопинский уездный предводитель дворянства в 1797–1799 гг., Рязанский губернский предводитель дворянства в 1813–1816 гг.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 13 об – 14.

По окладной книге 1834 г., Анненское полностью принадлежало полковнику Михаилу Дмитриевичу Лихареву. В сельце и усадьбе у него было 90 душ крепостных крестьян и 7 душ дворовых людей¹.

На карте А.И. Менде 1850 г. сельцо Аннинское показано стоящим на опушке леса около двух прудов². По окладной книге 1850 г., его владельцем был титулярный советник Павел Михайлович Лихарев, помещик села Чулково-Лихарево и Скопинский уездный предводитель дворянства в 1857–1862 гг. За ним в окладе числились «мужеска пола» 92 крепостные крестьянские души и 4 души дворовых людей³. В 1850 г. сельцо Анненское с 25 дворами, в которых проживали 94 мужские и 78 женских душ, входило в приход Покровской церкви села Костемерево⁴.

Подробные сведения о скопинских имениях П.М. Лихарева содержатся в 3-м томе справочного издания «Сведения о помещичьих имениях», вышедшего в свет накануне отмены крепостного права в 1861 г. В это время помещиком «деревни Анненской, Гудовки тож, села Чулково, Никольского тож, и села Костемерева» по-прежнему оставался отставной титулярный советник П.М. Лихарев. По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в Анненской-Гудовке в 20 дворах проживали 104 крепостных крестьянина и 3 дворовых людей (в книге показаны только мужские души, в ревизских сказках указано и женское население деревни – 72 души. – *Примеч. авторов*). Крестьяне были разделены на 19 издельных тягол и еще 13 тягол, состоящих частью на оброке, а частью на барщине. В пользовании у гудовских крестьян находилось 7 десятин (7,6 га) усадебной (по 0,06 десятины на душу) и 178 десятин (194,5 га) пахотной земли, а также 21 десятина (22,9 га) сенокоса. Выгон для скота у них был общий. Годовой оброк в пользу помещика с тягла составлял 21 руб. 50 коп. Кроме этого, крестьяне обязаны были тратить три летних дня на вспашку земли помещика и неделю на уборку его урожая⁵.

Накануне отмены крепостного права Анненское сменило помещика. «Ведомость о переменах владельцев, произошедших по разным уездам Рязанской губернии в течение 1845–1865 гг.» свидетельствует о том, что в начале 1859 г. «имение <...> титулярного советника Павла Михайловича Лихарева» по купчей крепости перешло к «штабс-капитану Елисею Маркову Гавриленко с крестьянами, землею, господским домом и другими разными заведениями»⁶.

Высочайший манифест от 19 февраля 1861 г. предписывал, чтобы выходящие из крепостной зависимости крестьяне подписывали с бывшими помещиками уставные грамоты, в которых описывались земли, предоставлявшиеся сельским обществам в постоянное пользование, оговаривались размеры выкупных платежей и повинностей в пользу бывшего владельца на период пребывания крестьян во временнообязанном состоянии. Бывшие помещики и сельские общества составляли их при участии мировых посредников. В списке таких

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 162 об – 163.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 197 об – 198.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 572.

⁵ Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том III. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. – СПб., 1860. – С. 62–63.

⁶ РГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 554об.

грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г., значилась поступившая из имения «Скопинск[ого] уезд[а], участка мир[ового], посредника Вердеревского, с[ель]цо Аннинское – Гудовка тож, штаб[с] -кап[итана] Е.М. Гавриленко, 103 ду[ши]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 900 саж[еней] (2,6 га), повинность издельная. Грамота написана помещиком»¹.

С образованием волостей в Скопинском уезде в 1861 г. село было включено в состав Яблоновской волости. А уже в 1866 г. местные крестьяне расплатились по выкупным платежам и стали крестьянами-собственниками. В «Ведомости о поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 5 августа по 30 сентября 1866 года выкупных сделках» значится таковая между 103 душами крестьян и помещиком Елисеем Марковичем Гавриленко в имении сельца Аннино, Гудовки тож, Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии. «Имение значится заложенным в Московской охранной казне. Выкупная сделка определена в 10 200 руб. 80 коп.»².

В «Списке населенных мест Рязанской губернии по сведениям 1859 г.» село значится под названием Анненское, хотя в крестьянском обиходе все чаще использовалось и второе наименование – Гудовка. Объясняется оно тем, что селение находилось при двух прудах у истока р. Песоченки. Как и многие небольшие реки региона, в летние месяцы она почти пересыхала, особенно у истоков. При дождях же Песоченка стремительно набирала силу, собирая воду с нисходящих к руслу оврагов, текла с гулом и шумом. Толковый словарь В.И. Даля подтверждает: «Гудеть, издавать гуд, гул, урчание, протяжный звук. *Колокола гудят, ветер гудет. Одна голова, и гуде(и?)т и пляшет.* // Ряз. быстро вытекать с гулом»³. После того как между деревней и Дмитриевским хутором (Дмитриевкой, в обиходе местных жителей – Лихаревкой) пролегло полотно Рязско-Вяземской железной дороги, у ее второго названия появился новый смысл. Движение по железнодорожной линии открылось 8 декабря 1870 г. В окрестностях деревни рельсы делали резкий поворот на юго-восток, поэтому в этом месте паровозы давали гудок, чтобы зазевавшийся крестьянин, заблудившаяся лошадь или корова не попали под колеса поезда. К началу XX в. название Гудовка как более понятное и логичное совершенно вытеснило изначальное.

По переписи населения 1882 г. в Гудовке-Анненской было 33 домохозяйства крестьян-собственников, вышедших после 1861 г. из крепостной зависимости и заключивших выкупную сделку с выплатой первого взноса за землю с получением всех прав свободных сельских обывателей. Всего в деревне проживали 126 мужчин и 119 женщин, ни одного грамотного человека среди них не было. Средний душевой надел составлял 2,9 десятины (3,2 га), земля большей частью была черноземной, местами – глинистой и песчаной. При 32 избах, крытых соломой, – 26 плетневых дворов, 8 горниц и клетей, 24 амбаров и сараев, 23 риги и овина. В отхожих промыслах числилось несколько мужчин⁴.

В окрестностях Гудовки очагами еще сохранялся лес, который в годы деятельности Скопинского городского общественного банка скупали у местных помещиков близкие к И.Г. Рыкову мещане и купцы. После краха банка в 1882 г. в «Рязанских губернских ведомостях» появилась череда объявлений вроде этого: «Присяжные попечители по делам

¹ Рязанские губернские ведомости, № 27. – 1862. – 7 июля

² Рязанские губернские ведомости, № 35. – 1867. – 13 мая

³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 375

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 62–67

несостоятельного должника, почетного гражданина Ивана Никифоровича Афонасова сим объявляет, что совместно с конкурсным управлением, учрежденным по делам Скопинского банка, назначили на 22 ноября сего года публичную продажу на сруб строевого и дровяного леса при деревне Гудовке Скопинского уезда Рязанской губ. в количестве 150 десятин (163,9 га), принадлежащего несостоятельному должнику Ивану Никифоровичу Афонасову, бывшему скопинскому купеческому сыну Петру Яковлеву Барабанову и скопинскому мещанину Степану Яковлевичу Барабанову. Продажа эта будет происходить в городе Скопине, в доме Афонасовой, в гостинице Коняева с 12 часов дня, причем вывозка леса как и платеж денег могут быть рассрочены <...> Продажа начнется с оценочной суммы в 400 рублей за десятину леса»¹.

В 1905 г. в «Аннинском, Гудовке тож» было 50 дворов, в которых проживали 160 мужчин и 178 женщин. О реках или ручьях в ее окрестностях с этого времени не сообщается – видимо, Песоченка к началу XX в. окончательно пересохла. Население деревни занималось кустарными промыслами и плетением кружев².

В 1908 г. в Гудовке было 355 жителей, из них 31 ребенок школьного возраста. Скопинское уездное земство планировало в деревне «школу построить с тем, чтобы в неё ходили из Дмитриевского и Жмурок»³. Ок 1910 г. это и было сделано. В небольшом, но добротном кирпичном здании с широкими окнами открылась деревенская школа.

По отчету за 1916 г. в Гудовке действовала однокомплектная земская школа, где класс земской школы разделялся на три отделения, соответствующие трём годам обучения детей. Один учитель в единственной классной комнате проводил занятия со всеми тремя отделениями одновременно⁴.

В 1917 г. в деревне Гудовка Яблоновской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 62 двора и 212 жителей (160 мужчин и 152 женщины)⁵.

В 1918 г. Гудовка была подчинена Летовскому сельсовету. В ноябре 1918 г. сельсовет подверг критике учителей гудовской школы за «политическую пассивность», причем фамилии их тактично не были названы⁶. Критика подействовала. В последующие годы скопинская уездная пресса нередко сообщала о культурно-просветительской деятельности гудовской школы. Например, в 1919 г. «7 апреля гудовским кружком самообразования был поставлен спектакль для взрослых «Жена ямщика» и «Трагик поневоле» и продублировано «Друг мой» Надсона и «Портной» Никитина. Спектакль был закончен пением народных и революционных песен, исполненных хором любителей под управлением тов. Беляева»⁷.

С 1929 г. Гудовка числилась населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1931 году деревня, согласно распоряжения Мособлисполкома перешла в Рязский район⁸. Административная ре-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 80. – 1883. – 19 октября.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 620–621.

³ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 48–49.

⁴ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 170.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 153.

⁶ Известия, № 19. – 1918. – 24 ноября.

⁷ Известия, № 23. – 1919. – 15 апреля.

⁸ Колхозник № 24. – 1931. – 24 августа; Экономическая карта Рязского района Московской области. 1931, М 1:100 000.

форма была окончательно утверждена Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1932 г. Рязскому району были переданы Городецкий, Ермоловский, Желтухинский, Летовский, Новобарановский и Полянский сельсоветы¹.

Как населенный пункт Летовского сельсовета в 1935 г. она вошла в состав новообразованного Желтухинского района Московской области. По данным за 1937 г., на территории Летовского сельсовета работали колхозы «Новая жизнь» (в Свистовке), «Новый путь» (в Кондаурове), им. П.Л. Войкова (в Лето-во), «6-й съезд Советов» (в Новом), «Пролетарский труд» (в Савиловке), «15 лет Октября» (в Воздвиженке). В Гудкове был колхоз «Новый путь». В Лето-во, Свистовке и Гудовке действовали начальные школы². Вместе с Желтухинским районом в 1937 г. деревня была передана Рязанской области.

Хотя Гудовка и была небольшой деревней, исторические перипетии XX в. определяли судьбы ее жителей не в меньшей степени, чем тех, кто проживал в столице страны и других крупных городах. Примером могут служить биографии представителей крестьянской семьи Крылков из Гудовки. Павел Тимофеевич Крылков (1902–1938) пал жертвой «Большого террора». Он был осужден, скорее всего, за контрреволюционную агитацию, и расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 16 марта 1938 г. Его старший брат Иван Тимофеевич Крылков (1900–1945) стал участником Великой Отечественной войны, был награжден медалью «За оборону Москвы» и двумя медалями «За боевые заслуги» (1944, 1945). В мае 1945 г. красноармеец И.Т. Крылков был ездovým 150-го инженерно-саперного ордена Красной звезды батальона. В представлении к последней правительственной награде о нем сообщалось: «Повозочный красноармеец Крылков И.Т. в Отечественной войне участвует с октября 1941 г., в батальоне служит с 19 января 1942 г. Отличаясь дисциплинированностью, честностью и исполнительностью, за все время службы не имел дисциплинарных взысканий. Его кони всегда в исправном состоянии, хорошо упитаны и вычищены. В трудных условиях наступательных боев, при непрерывных длительных маршах – сохранил коней. При выполнении боевых заданий по устройству переправ для форсирования водных рубежей подвозил лесоматериалы, перевыполняя задания по количеству рейсов»³. Скромный труженик войны из Гудовки не надолго пережил Великую Победу – 18 июня 1945 г. он умер от воспаления легких в эвакогоспитале в бранденбургском городе Виттшток. Трагическая судьба постигла в годы войны родственника вышеупомянутых братьев Ивана Николаевича Крылкова (1907–1941). Летом 1941 г. он вместе с другими жителями Гудовки был мобилизован Желтухинским райвоенкоматом. Во время сентябрьских боев под Ельней красноармеец Крылков попал в плен. Его отправили на одну из нацистских «фабрик смерти» – в польский Освенцим. В этом страшном месте он и погиб 30 ноября 1941 г.⁴

С ликвидацией Желтухинского района в 1956 г. Гудовка стала деревней Скопинского района Рязанской области. Быт села во многом определяла близость железной дороги. Рядом с деревней существовал Гудовский разъезд. В 1960-х гг. главная (и единственная) улица деревни, представлявшей собой два противоположащих порядка крестьянских домов, получила название ул. Железнодорожной.

¹ Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 516.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 64.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 1336, л. 38.

⁴ ЦАМО, ф. 58, оп. 977521, д. 2257, л. 7.

В 1970 г. деревня Гудовка относилась к Новобараковскому сельсовету, куда также входили села Городецкое, Костемерево, Новобараково, Поляны, поселок Полянские Выселки, деревни Дмитриевский хутор, Журавлиха, Конюхово и Московка¹.

В 1970-х гг. маленькая деревенька обезлюдела. Ок. 1972 г. закрылась деревенская школа, все эти годы размещавшаяся в построенном Скопинским уездным земством здании. В середине 1990-х гг. жителей в ней совсем не осталось.

По Закону Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Гудовка была включена в список населенных пунктов Шелемишевского сельского поселения, хотя к этому времени она уже фактически не существовала.

В настоящее время бывшая деревня Гудовка представляет собой урочище, хорошо известное скопинским грибникам. О том, что здесь когда-то жили люди, напоминает высохший пруд, близ которого в XVIII–XIX вв. находилась помещичья усадьба Васильчиковых-Лихаревых, и несколько заросших остовов кирпичных строений, из которых лучше всего сохранились стены земской школы начала XX в.

---

¹ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. – Рязань, 1971. – С. 199.

ГУМЕНКИ

деревня

(городской округ город Скопин)

Деревня Гуменки (Михайловское) известна с XVI в., но археологическое исследование ее окрестностей показало, что поселения людей на ее месте существовали и в гораздо более древние эпохи. Привлекательность этого места объясняется его удобством для земледелия и изобилием воды: здесь, неподалеку от р. Вёрды, в оврагах протекало множество ручьев.

Древнейшее поселение близ Гуменок было выявлено на останце надпойменной террасы р. Вёрды в 0,5 км к юго-востоку от северной и в 0,8 км от южной окраины деревни. Размеры поселения – 160х55 м, толщина культурного слоя до 0,7 м. Здесь была обнаружена лепная керамика с резко отогнутыми наружу венчиками, с орнаментом из оттисков крупнозубчатого штампа и без орнаментации, предположительно относящаяся к эпохе бронзы¹.

Найденные в слоях почвы фрагменты гончарной позднесредневековой керамики XIV–XVII вв., скорее всего, остались от раннего периода истории Гуменок. Под именем «деревни Гуменной» это селение впервые упоминалось в 1592 г. В челобитных царю Петру I, направлявшихся от имени преосвященного Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского, 8 (18) июня 1699 г. и 11 (22) сентября 1700 г., имеется указание на то, что в 1592 г. «по указу блаженные памяти великого государя и великого князя Федора Ивановича всяя России, взято из домовых вотчин Пресвятые Богородицы у преосвященного Митрофана, архиепископа Рязанского и Муромского, к Рязкому городу новоприборным казакам на реке на Вёрде село Кореневое, да Подвелемье, да село ж Секирино, деревня Гуменная, село Пупки, а в них пашни перелугу дикого поля 3850 четвертей, а вместо тех вотчин дано в Коломенском уезде в Маковском стану вотчины боярина Федора Васильевича Шереметева...»²

Название деревни имеет ярко выраженный сельскохозяйственный смысл. В словаре В.И. Даля объясняется слово «гуменник – м. гумно, ср. место, где ставят хлеб в кладях и где его молотят; крытый ток или ладонь, собств. гуменце ср. и половня, а вблизи бывает и овин...»³

Ко 2-й пол. XVIII в. «деревня Гуменная» исчезла. В экономических примечаниях к плану-Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., упоминаются пустоши Гуменки и Беломестная «общего пользования секунд-майора Дмитрия Васильева сына Лихарева⁴, Володимира и Павла Александровых детей Нарбековых, однодворца Андрея Михайлова сына Федюкина, Анкиндина Васильева сына Пименова, Михаила Дмитриева сына Зайцева, однодворческой жены Прасковьи Ивановой. Пашни 375 десятин 802 сажени (410 га), сенокоса 15 десятин (16,4 га), леса 56 десятин (61,2 га), неудобий 71 десятина (77,4 га). Пустошь Беломестная располагалась «реки Вёрды на правой, а речки Брусны и Кудияровки на

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. – М.: Институт археологии РАН, 1996. – С. 109.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 172.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 377.

⁴ Лихарев Дмитрий Васильевич (? – до 1788) – секунд-майор (1762), владелец имений в Скопинском и Сапожковском уездах Рязанского наместничества, в т.ч. винокуренного завода в селе Чулково. Первый Скопинский уездный предводитель дворянства в 1779–1787 гг.

левых сторонах, и по обе стороны залива реки Вёрды». Пустошь Гуменки лежала близ «оврагов Черемошнева, Каменова, Прудичи и двух безымянных отвершков и большой дороги из Скопина в Рязск»¹.

На рубеже XVIII и XIX вв. пустошь Гуменки заселяется вновь. Появившаяся в этих местах деревенька принадлежала помещикам Кареевым. В окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. в деревне Гуменки упоминаются «покойной прапорщицы Прасковьи Федоровой дочери Кареевой 36 душ». Из них 22 марта (3 апреля) 1824 г. «по купчей оной округи вновь заведенную деревню Михайловскую исключены <...> 16 душ», приобретенные полковником М.Д. Лихаревым, Рязанским губернским предводителем дворянства в 1813–1816 гг. Позднее, 5 (17) февраля 1832 г. «исключено за капитана Дмитрия Иванова Кареева² в то село (имеются в виду Гуменки – *примеч. авторов*) 9 душ, добравшихся по разделу от матери прапорщицы Прасковьи Кареевой»³. Таким образом, после 1824 г. большинство проживавших в Гуменках крепостных крестьян, принадлежало помещику М.Д. Лихареву. В его честь деревня получила новое название – Михайловская. По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии, 1834 г. в деревне Михайловской Скопинского уезда Рязанской губернии за полковником М.Д. Лихаревым числились 32 души поселян⁴.

По данным 9-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1850 г., в сельце Михайловском «состоит один господский дом и двадцать крестьянских дворов, в них ревизских мужеска пола 99, женска пола 93 души, ныне (в 1853 г.) на лицо дворов тож число, в них крестьян мужеска пола 102 души, женска пола 100 душ»⁵. Само сельцо располагалось по левую сторону дороги из Скопина в Рязск, в одну улицу длиной 100 сажений (213 м), с двумя прудами, а по правую сторону от дороги при впадении в р. Гуменку безымянного ручья находился господский дом помещика Лихарева со строениями. Там же, в месте слияния ручья и речки, появилась плотина. К северу от поместья на р. Вёрде стояла мельница, собственником которой был сын местного помещика поручик Александр Михайлович Лихарев, за р. Вердой на левом ее берегу располагалась пустошь Городка и земля другого сына помещика, титулярного советника Павла Михайловича Лихарева, а также наделы волостных крестьян села Вослебово⁶.

По межеванию от 14 (26) октября 1853 г. пустоши Гуменки и Беломестная, «что ныне сельцо Михайловское», значатся как общее владение села Секирина государственных крестьян Сысоя Иванова «с крестьяны», за ними около 85 десятин (93 га) земли. Другая часть владения – Андрея Климонова Гейдорова «с крестьяны», за ними более 25 десятин (27 га). Наконец, третья часть владения числилась за поручиком Александром Михайловичем Лихаревым, у которого здесь было около 421 десятин (460 га) земли⁷.

В материалах 10-й ревизии податного населения Российской империи селение упоминается как «Гуменки, Михайловское тож». Оно принадлежало помещику А.М. Лихареву. В селении, располагавшемся при р. Гуменке и двух прудах (у южной и юго-восточной околиц) по

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 33; д. 1240, л. 20.

² В «Адрес-календаре или общем штате Российской империи на 1843 г.» (СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1843) упоминается Скопинский уездный предводитель дворянства штабс-ротмистр Дмитрий Борисович Карев, кавлер ордена Св. Анны 4-й степени и «императорского знака военного достоинства» 4-й степени.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 35 об.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 162 об – 163.

⁵ РГАДА, ф. 1354, оп.411, ч. 2, д. 64 (син.).

⁶ РГАДА, ф. 1354, оп.411, ч. 2, л. 10.

⁷ РГАДА, ф. 1354, оп.411, ч. 2, л. 10.

левую сторону тракта Скопин – Рязк, проживали 69 душ мужского и 56 женского пола¹. Об условиях хозяйствования в сельцах Коржавино и Михайловское помещика А.М. Лихарева сообщает 3-й том справочного издания «Сведения о помещичьих имениях», вышедшего в свет в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. По его данным, в Михайловском в 20 дворах проживали 63 мужские крепостные души. Жители сельца подразделялись на 26 издельных тягол. В пользовании у михайловских крестьян находилось 6 десятин (6,5 га) усадебной (по 0,09 десятины на душу) и 117 десятин (128 га) пахотной земли, а также 13 десятин (14 га) сенокоса. Выгон для скота у них был общий. Годовой оброк в пользу помещика с тягла составлял 21 руб. 50 коп. Кроме этого крестьяне обязаны были тратить три летних дня на вспашку земли помещика и неделю – на уборку его урожая. Издание также сообщало: «При имении находятся две мельницы и сады, из которых первые приносят до 600, а вторые до 200 руб. серебром годового дохода. В имении есть каменные слои бутовых, мраморных и гранитных пород, чугунные руды и каменный уголь, которые составляют исключительную собственность помещика»².

Высочайший манифест от 19 февраля 1861 г. предписывал, чтобы выходящие из крепостной зависимости крестьяне подписывали с бывшими помещиками уставные грамоты, в которых описывались земли, предоставлявшиеся сельским обществам в постоянное пользование, оговаривались размеры выкупных платежей и повинностей в пользу бывшего владельца на период пребывания крестьян во временнообязанном состоянии. Бывшие помещики и сельские общества составляли их при участии мировых посредников. Все вопросы, связанные с ходом крестьянской реформы, рассматривались в Рязанском губернском присутствии по крестьянским делам. В 1862 г. «мировой посредник Скопинского уезда Лихарев представил на утверждение губернского присутствия, согласно 3 п. ст. 65 правил. о пор. привед. в дейст. полож. уставную грамоту на имение поручика Александра Михайловича Лихарева, сельцо Михайловское, составленную помещиком без участия крестьян. В грамоте полагается повышение повинностей на 1 р. с души. Посредник объясняет, что по личному его удостоверению оказалось, что 15 десятин поемных лугов по реке Вёрде, отводимых в надел крестьянам, могут доставлять ежегодного дохода не менее 10 руб. с десятины, итого 150 руб., ибо эти луга, находясь в 3-х верстах от Скопина, никогда ниже означенной цены не отдаются и, сверх того, за пастбища собираются с проходящих гуртов еще особые деньги, притом вся земля в имении отличного черноземного качества и особенно ценна по близости к городу, а потому надбавка оброка по 1 руб. на 69 душ не обременительна для крестьян и вполне справедлива, ибо и в таком размере оброк будет менее прежнего на 64 рубля в год, возражений на повышение оброка со стороны крестьян не было»³. Губернское присутствие в заседании от 12 (24) января 1862 г., согласно изложенному, утвердило уставную грамоту, в соответствии с которой оброк с временнообязанных крестьян бывшего помещика Лихарева повышался на 1 рубль. В итоговой уставной грамоте значилось: «с-цо Михайловское поруч[ика] А.М. Лихарева, 69 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 115 саж[еней] (2,3 га); повинность оброчная. Грамота написана помещиком»⁴. В 1866 г. местные крестьяне стали полноправ-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 2.

² Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том III. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. – СПб., 1860. – С. 62–63.

³ Рязанские губернские ведомости, № 19. – 1862. – 12 мая.

⁴ Там же.

ными собственниками. В 1866 г. была утверждена выкупная сделка «поручика Александра Михайловича Лихарева с крестьянами Скопинского уезда сельцов: Михайловского и Каржавина, в числе 190 душ; ссуда разрешена с 1 февраля 1866 г. под выкупаемые 413 десятин 1364 сажень (452 га) земли в количестве 18 505 руб. 60 коп.»¹

В 1861 г. в Скопинском уезде Рязанской губернии были созданы волости. «Деревня Михайловская» была включена в Корневскую волость. В 1870-х гг. она какое-то время входила в Чулковскую волость, но ок. 1882 г. вновь вернулась в Корневскую.

В 1875 г. Рязанское губернское земство провело ревизию ряда волостей Скопинского уезда. В изданном по его итогам отчете имеется описание Чулковской волости, в котором часто упоминается деревня Гуменки-Михайловская. «Из осмотренных мною селений я нашел, что постройка дворов деревни Михайловской более других соответствуют правилам строительного устава, хотя существующие прожоги через каждые 2 двора слишком малы – 5 сажень; проулки же прочих селений застроены даже и те, где существовал проезд. В самом опасном положении в отношении недостатка воды находится деревня Михайловская, которая, кроме глубокого колодца, не имеет воды, так что для домашнего мытья белья отправляются за 2 ½ версты к реке Вёрде. У некоторых дворов стоят бочки с водой, но пожарного инструмента в целой волости до сего времени не заведено»².

В Михайловке продовольствие на случай неурожая, как и повсеместно в Чулковской волости, обеспечивалось натуральной засыпкой. И если, например, в селе Перки не только зерно не было засыпано, но и сам амбар для засыпки разрушился, то в Михайловке из 27 четвертей ржи, «оказалось 20 четвертей какой-то смеси, так что невозможно определить, что находится перед глазами»³. А между тем виды на урожай в 1875 г., судя по земскому отчету, были неутешительны. Ревизор писал: «Урожая не предвидится: рожь редка, овес сидит у корня, засуха в июне месяце лишила всякой надежды на улучшение озими»⁴. О животноводстве сообщалось: «Сказывают, что в деревне Михайловой два года тому назад был падеж рогатого скота, так что осталось всего две коровы, но какие были приняты меры к прекращению его – сельскому и волостному начальству неизвестно»⁵.

О жилищах михайловских крестьян можно судить по приведенной в отчете оценочной стоимости застрахованных деревенских домов. Ревизор писал: «Осмотрены следующие №№ обязательного страхования по деревне Михайловке: № 13. Трофима Александрова дом с двором и рига оценены и приняты в 60 руб.; № 12. Михаила Петрова изба с двором и рига оценены и приняты в 55 руб.; № 9. Петра Дмитриева изба с двором и рига оценены в 105 руб., приняты в 70 руб.»⁶ Видимо, михайловские избы были очень плохи. Хороший дом с постройками в это время стоил от 700 до 1000 рублей, обычная изба – от 70 до 120 рублей, а например, 9-аршинный сруб с выделкой – до 200 рублей. Цена кирпича из-за увеличения числа кирпичных заводов и использования для обжига каменного угля, опустилась в это время до 12 рублей за тысячу. В сравнении с этим корова стоила от 15 до 30 рублей, рабочая лошадь от 25 до 50 рублей. Найм работника на год обходился нанимателю от 30 до 40 рублей, работницы – от 10 до 15 рублей.

¹ Рязанские губернские ведомости, №48., – 1866. – 15 июня.

² Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 517.

³ Там же. С. 513.

⁴ Там же. С. 513.

⁵ Там же. С. 513.

⁶ Там же. С. 515.

По переписи населения 1882 г., в «деревне Гуменки, Михайловское тож», насчитывалось 24 двора. В них проживали 112 мужчин (из них 52 человека в возрасте от 18 до 60 лет) и 97 женщин (из них 48 в возрасте от 16 до 55 лет). Все они уже погасили выкупные платежи бывшему помещику и стали полноправными крестьянами-собственниками. Грамотными в селении было всего 5 мужчин и 1 учащийся мальчик. Из 25 домохозяйств 6 числились безземельными, на остальных жителей приходилось по 2,5 десятины (2,7 га) земли. Безземельно-бездомовыми были 4 семьи. 15 дворов (48 %) в деревне числились безлошадными, из них 10 – еще и бескоровными. При этом 22 крестьянских дома топились «по-белому», и только два беднейших – «по-черному». В сельце было 23 двора плетневых, четыре амбара и 19 риг и овинов. Местными промыслами занимались 25 семей, в отхожих числились 4 мужчины. В Гуменках отмечено одно промышленное заведение¹. Да и то вскоре сгорело. В разделе происшествий по губернии «Рязанских губернских ведомостей» за 1882 г. сообщалось: «В ночь с 5 на 6 октября Скопинского уезда в дер. Гуменках, в имении г. Лихарева, сгорела от неизвестной причины толчая, убытка понесено на 450 р.»². В 1884 г. плотная застройка селения стала причиной его полного выгорания, за исключением нескольких подсобных строений. «Рязанские губернские ведомости», умалчивая о значении произошедшей катастрофы для местных жителей, скупо констатировали: «В деревне Михайловке Скопинского уезда от неизвестной причины, 27 июля сгорело 25 крестьянских домов с надворными строениями, 12 ригами, 7 амбарами и 10 копен ржи; убытка понесено на – 15 800 руб.»³

По свидетельству И.В. Добролюбова, в 1884 г. «деревня Михайловка с 26 дворами», в которых проживали 606 мужчин и 594 женщины, входила в приход Георгиевской церкви села Старый Келец⁴.

После отмены крепостного права в 1861 г. при деревне Гуменках (Михайловском) продолжала существовать усадьба, принадлежавшая помещику А.М. Лихареву, которую в 1885 г. приобрел под дачу барон Константин Фердинандович фон Таубе (1854–1919), крупный чиновник Министерства иностранных дел и выдающийся отечественный криптограф⁵.

По данным за 1893 г., при «деревне Михайловке-Гуменовке» действовала построенная ок. 1868 г. водяная мукомольная мельница. Она принадлежала владелице усадьбы Гуменки баронессе Марии Николаевне фон Таубе и находилась в аренде у крестьянина Дмитрия Николаевича Крутова⁶.

В 1905 г. в сельце Михайловском, Гуменках тож, был 31 крестьянский двор, в которых проживали 121 мужчина и 111 женщин. В версте от селения находился «хутор жены посланника госпожи Гирс», где было два двора. При сельце также упоминается «мельница госпожи Гирс» на р. Вёрде⁷.

В начале XX в. некоторым местным жителям довелось принять участие в событиях исторического значения. В частности, в несчастливом для русского флота морском бою у острова Цусима 14–15 (27–28) мая 1905 г. погиб участник похода 2-й Тихоокеанской эскадры Алек-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 2–8.

² Рязанские губернские ведомости, №89. – 1882. – 20 ноября.

³ Рязанские губернские ведомости, № 65, – 1884. – 22 августа.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 170.

⁵ О ней см. очерк о поселке Дома Отдыха настоящего издания

⁶ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 46–46 об.

⁷ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 634–635.

сей Александрович Топский, машинист 1-й статьи броненосца «Император Александр III»¹, уроженец деревни Гуменки (Михайловское) Корневской волости Скопинского уезда².

В 1912 г. в деревне Гуменки насчитывался 231 житель³. В 1914 г. в ней был 31 двор. Жители деревни оставались прихожанами Георгиевской церкви села Старый Келец⁴.

Революционный 1917 г. деревня Гуменки Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии встретила с 57 дворами, в которых проживали 165 мужчин и 162 женщины⁵.

С ликвидацией Рязанской губернии в 1929 г. Гуменки стали населенным пунктом Тульского округа Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Деревня, включенная в состав Старокелецкого сельсовета, вошла в состав Скопинского района.

В период массовой коллективизации в деревне Гуменки был образован колхоз «3-й решающий». В него до конца десятилетия вступило подавляющее большинство населения деревни.

Интересно отметить, что неудовлетворительное состояние пожарной охраны в деревне, отмечавшееся еще земской ревизией 1875 г., сохранилось и при новой власти. Это подтверждает следующая публикация газеты «Побединский ударник»: «В ночь на 13 сентября 1932 г. в д. Гуменки вспыхнул пожар, уничтоживший 3 колхозные риги, где погибло много кормов. Своя команда была не готова, на пожар прибежали корневские, но тушить было нечем. Не оказалось пожарных рукавов, машины и даже багров. Воду пришлось подвозить, так как к пруду было не подъехать»⁶.

В обстановке острой внутривластной борьбы за власть в руководстве Советского государства даже представителям сельской интеллигенции было трудно разобраться в быстро менявшейся политической обстановке, когда известные революционеры и партийные деятели в одночасье объявлялись врагами народа. В докладной записке Скопинского райотдела УНКВД в 1935 г. сообщалось: «Школьная работница Новокелецкой школы Тетеркина у граждан дер. Гуменки Старокелецкого сельсовета так построила беседу по приговору над Московским центром, что ребята стали говорить, что “Зиновьев и прочие тоже вожди рабочего класса”⁷.

В 1937 г. вместе со Скопинским районом населенные пункты Старокелецкого сельсовета, включая и деревню Гуменки, вошли в состав новообразованной Рязанской области.

Во 2-й пол. 1930-х гг. заведующим начальной школой в Гуменках работал житель г. Скопина Александр Степанович Комаров (1898–1937). Он был человеком сложной биографии. Уроженец Саратовской губернии, до революции 1917 г. А.С. Комаров успел получить военное образование и некоторое время прослужить в Русской императорской армии. С началом Гражданской войны он оказался в одном из белогвардейских формирований, однако в 1918 г. дезертировал из него в Красную Армию, где служил помощником коменданта штаба дивизии до 1921 г. Белогвардейское прошлое А.С. Комарову припомнили в конце 1930-х гг. Вместе

¹ Циркуляр Главного Морского Штаба. Августа 23-го дня 1905 г., № 216.

² Циркуляр Главного Морского Штаба. Августа 23-го дня 1905 г., № 216.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913. – С. 349.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVIII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным кировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 610–611.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

⁶ Побединский ударник, № 198. – 1932. – 4 октября.

⁷ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 24 об.

с группой из 19 бывших царских и белых офицеров, проживавших в Скопине, 13 сентября 1937 г. он был арестован и отправлен в рязанскую тюрьму. Их обвинили в причастности к антисоветской военной организации, якобы созданной в городе в 1918 г. в ходе пребывания в нем бывшего генерала М.А. Дормана¹. А.С. Комаров виновным себя не признал, но против него свидетельствовали показания других обвиняемых. На допросах бывший подполковник дореволюционной армии Валентин Павлович Мошелов (? –1938), арестованный по другому делу, утверждал: «...А.С. Комарову мною, как участнику контрреволюционной организации, неоднократно давались указания о проведении антисоветской агитации и распространения провокационных слухов, как то: о скором свержении соввласти, невыносимой жизни крестьян в колхозах. Также Комарову было указано, чтобы он подготовлял ряд надежных крестьян-кулаков с целью вовлечения их в нашу к-р организацию. Комаров при встрече в июне месяце 1937 г. меня информировал, что задание к-р организации выполняет...»² На основании показаний следствие сделало вывод, что А.С. Комаров, «являясь участником контрреволюционной военно-офицерской организации, систематически вел к-р агитацию против партии и советского правительства»³. 10 декабря 1937 г. А.С. Комаров вместе с другими участниками «дела скопинских офицеров» был осужден тройкой УНКВД по Рязанской области по ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Давший против него показания В.П. Мошелов из числа обвиняемых по «офицерскому делу» был исключен и переведен в свидетели, однако по другому делу он все же был осужден и приговорен к 8 годам ИТЛ. Он умер в заключении в 1938 г.

В 1957 г. материалы архивно-следственного дела № 011724 о скопинской военно-офицерской организации были изучены следователем следственного отдела УКГБ СССР при Совете Министров СССР по Рязанской области лейтенантом Седовым. Доказательства вины обвиняемых были признаны недостаточными. Дело в отношении А.С. Комарова и других бывших офицеров Русской императорской армии из Скопина было прекращено по ст. 204-б УПК РСФСР «за недостаточностью улик»⁴.

По данным Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, на 1 января 1939 г. в деревне Гуменки Старокелецкого сельсовета насчитывалось 74 двора. В местном колхозе «3-й решающий» числилось 72 деревенских двора с совокупным населением в 351 человека, при этом за рамками колхоза оставались еще 76 человек деревенских единоличников. Всего в колхозе было 128 трудоспособных членов, которым в течение года было начислено 7099 трудодней. В сфере растениеводства на один трудодень в гуменковском колхозе пришлось по 3,64 кг зерновых и бобовых и 96 коп. деньгами. В среднем на каждого колхозника пришлось 55 трудодней. Коров держали только на 37 дворах. Под зерновые, бобовые, картофель, овощи, бахчевые культуры и сады в «3-м решающем» было отведено 101 га уборочных площадей⁵. В колхозе были 22 лошади и

¹ Дорман Михаил Антонович (1868–1918) – полковник (1905), командир дислоцировавшегося в Скопине 140-го пехотного Зарайского полка в 1910–1915 г. За отличия в полку в начальный период Первой мировой войны был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и произведен в генерал-майоры (1915). В 1915–1917 гг. был начальником штаба 21-го армейского корпуса, в 1917 г. командовал 185-й пехотной дивизией. С 1918 г. служил в РККА, одновременно вел активную антисоветскую деятельность, был руководителем западного отделения монархического союза «Наша Родина» в Смоленске. Был арестован органами ВЧК в сентябре 1918 г., осужден и расстрелян.

² ГАРО, ф. 8, оп. 4, д. 172, л. 114.

³ Там же, л. 116.

⁴ Там же, д. 167, лл. 350–370.

⁵ Архив МГУ. –Ф.42, оп. 6, д.91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского р-на.

6 жеребят, 6 коров и 2 теленка, 11 свиней и 83 поросенка. За год было продано 5 коров и телят, а также 56 поросят¹.

В ноябре–декабре 1941 г. Гуменки несколько дней находились на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории. С прекращением боевых действий на территории Скопинского района Рязанской области жизнь в деревне постепенно стала налаживаться. Но еще долгое время большой бедой района оставались дороги, основательно разбитые за время, когда по ним шли эвакуировавшиеся трактора и скот, а потом наступали советские части. Ни в войну, ни в первые послевоенные годы ремонтировать их было некогда. В особенно удручающем состоянии находилась дорога от деревни Гуменки до поселка Механического завода.

На фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уроженцы деревни дали немало примеров воинской доблести. Красноармеец Петр Михайлович Чураков (1911–1980) находился в рядах РККА с июля 1941 г., за годы войны на разных фронтах был четыре раза ранен. В начале 1945 г. он служил санитаром 785-го стрелкового Краснознаменного полка 144-й стрелковой дивизии 5-й армии 3-го Белорусского фронта. «В боях на территории Восточной Пруссии 14–16 февраля 1945 г., работая санитаром стрелковой роты, [гов. Чураков] вынес с поля боя 19 раненых бойцов и командиров с их личным оружием. Будучи сам легко ранен, не ушел с поля боя, пока не вынес всех раненых своей роты»². Находясь на излечении, рядовой П.М. Чураков получил свою заслуженную награду – орден Славы 3-й степени.

Гуменковская артель «3-й решающий» никогда не входила в число передовых хозяйств района, но была в целом на хорошем счету. В 1947 г. областная газета «Сталинское знамя» так описывала рабочий день местных колхозников: «К большой, просторной риге примыкает навес. Под ним установлен молотильный барабан, приводимый в движение электромотором. По инициативе секретаря комсомольской организации, колхозного машиноведа Сергея Чуракова электрифицированы работы по очистке зерна. Две веялки и две сортировки приводятся в движение электромоторами. На току работает постоянная молотильная бригада, которой руководит Г.К. Мещеряков, машинист у барабана М.Д. Аборкин. За день электрифицированный барабан от конной молотилки намолачивает около 10 тонн зерна, почти столько же и за ночь. Весовщик, 60-летний колхозник В.И. Мещеряков вместе со звеньевым взвешивает помолоченное зерно и отправляет на заготовительный пункт. Постоянная тракторная бригада, возглавляемая колхозным кассиром Аграфеной Кондрашиной, возит зерно на Скопинский заготовительный пункт, 2 августа зерном была нагружена полутонна машина в счет плановых 156 центнеров хлеба. Автомашину с зерном, украшенную красным знаменем, полученным молодежью от райкома комсомола за старательный труд, сопровождали секретарь комсомольской организации Сергей Чураков и звеньевые. Колхоз «Третий решающий» первым выполнил план хлебозаготовок»³.

Следующий 1948 г. колхоз «3-й решающий» завершил более чем достойно, полностью выполнив план по всем показателям. В счет следующего года было сдано 100 % мяса и 50 % молока. На отчетном собрании в феврале 1949 г. была отмечена хорошая работа колхозниц М. Зудиной, П. Мещеряковой, А. Мещеряковой, Е. Топской, П. Шамоновой, М. Коноваловой, старшего конюха П. Абаркина, заведующей МТФ Е. Сенициной. Председателем колхоза «3-й решающий» в 1949 году был С. Абаркин. По плану поставок государству отчитались уже

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д.91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 г.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 1111, л. 72.

³ Сталинское знамя, №154. – 1947. – 6 августа.

1 августа. В эту страду отличились косцы К.С. Кудряшов и П.Г. Топский. В уборке колхозникам помогали рабочие транспортного управления «Октябрьуголь». Работа в том году спорилась: «...После косцов шли женщины, быстро связывали снопы, сначала подгребали граблями, а затем конными. Вскоре за косью и вязкой началась молотба электромолотилкой в крытой риге. Снопы предварительно просушивали, выставляли в поле при хорошей погоде. Затем зерно здесь же очищалось и взвешивалось, и отправлялось на заготовительный пункт. За качеством работ следил председатель, бригадиры и 72-летний колхозник Г.П. Топский»¹. В 1949 г. ожидался неплохой урожай: гуменковские колхозники планировали собрать по 17 ц ржи, по 22 – озимой пшеницы и по 20 – картофеля с га².

В 1950 г. в рамках процесса укрупнения скопинских колхозов артели «3-й решающий» и им. Кирова Старокелецкого сельсовета были присоединены к колхозу «Красный горняк» Корневского сельсовета, который имел полеводческо-животноводческое направление.

В 1958 г. в Корневский сельсовет входили села Корнево, Старые Кельцы, Пупки, поселки Красный городок и Кирпичного завода, деревни Новиково, и Гуменки³. В 1970 г. в составе Корневского сельсовета находились села Корнево, Старые Кельцы, Пупки, деревни Гуменки, Ивановка, Новиково, поселки Кирпичного завода, Красный городок и Дома отдыха⁴. В таком составе сельсовет просуществовал до конца советской эпохи.

По Закону Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 77-оз «О наделении муниципального образования – городской округ город Скопин статусом городского округа и установлении его границ» деревня Гуменки была включена в состав этого территориального образования. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Гуменках в настоящее время проживает 247 человек (115 мужчин и 132 женщины).

---

¹ Сталинец, № 89, – 1949. – 2 августа; № 17, – 1949. – 8 февраля.

² Сталинец, № 53, – 1949. – 19 мая.

³ Архив Скопинского района, ф. 12, лл. 1–2.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 98.

ГУСИЛОВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Гусиловка была основана в 1850–1852 гг. на землях Рязского уезда Рязанской губернии как выселок из села Чирково. Однако исследования ее окрестностей выявили археологические страты, свидетельствующие о более глубокой предыстории. Близость реки издавна привлекала в эти места земледельцев. В частности, в 200 м к югу от деревни на надпойменной террасе левого берега р. Моши было найдено селище XIV–XVII вв. Протянувшееся вдоль края террасы, оно имело размеры 350x70 м. До 1990-х гг. территория памятника распахивалась. В культурном слое селища были найдены фрагменты позднесредневековой гончарной керамики, в т.ч. белоглиняной и мореной XVI–XVII вв. и более позднего времени, а также кости животных¹.

По окладной книге Рязского уезда за 1850 г., «за прапорщиком Иваном, малолетним братом Ильей и сестрой Олимпиадой Васильевыми Трескиными» в близлежащем селе Серзево числилось 60 душ крепостных крестьян и еще 107 «оных же Трескиных и медико-хирурга Лехнера». В селе Чирково дворяне Трескины владели 34 душами, а совместно с Александром Федоровичем фон Лехнером – еще 79 крестьянами и 3 дворовыми. Гусиловка была образована вследствие переселения крестьян Трескиных из Чиркова в новую деревню на противоположном берегу р. Моши. Это обстоятельство подтверждается тем фактом, что в 1852 г. 79 крестьян и 3 дворовых Трескиных и А.Ф. фон Лехнера (учтены только души мужского пола) были исключены из села в связи с их переводом «в другие поместья уезда»².

Название деревни Гусиловка, похоже, указывает на то, что ее жители, пользуясь близостью реки, в больших количествах разводили гусей. Такое предположение высказал в личной беседе с одним из авторов этих строк современный российский историк А.И. Аксенов³, уроженец Гусиловки. По его воспоминаниям, еще в конце 1940-х гг. в деревне «в каждом дворе были гуси, и никто на речку за ними не ходил, сами собирались в стадо и затем возвращались по дворам». Название Гусиловка также созвучно наименованию близлежащего селения Лупиловка. В Рязском уезде был еще один населенный пункт со сходным по форме названием – деревня Утиновка, по окладной книге 9-й ревизии (1850 г.) принадлежавшая гвардии поручику К.С. Аладыну⁴. По свидетельству А.И. Аксенова, Гусиловка – это еще и название центрального порядка деревенских домов. Выше от него по течению р. Моши находилась Бахаровка, с которой предположительно началась деревня. У одного из крестьянских хозяйств было свое название – Царевка (возможно, так было отмечено место

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. – М.: Институт археологии РАН, 1996. – С. 109–110..

² ГАРО, Ф. 129, оп. 46, д. 192, лл. 71 об – 72

³ Аксенов Александр Иванович (р. 1942) – историк, основоположник полномасштабного научного изучения генеалогии российского купечества. Доктор исторических наук (1994), главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 192, лл. 7 об – 8.

проживания семьи вернувшегося после 18-летней службы бессрочно-отпускного солдата николаевского времени).

Материалы последней, 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., свидетельствуют, что в рассматриваемое время помещик Трескин владел в деревне Гусиловке Рязского уезда 95 душами «мужеска» и 95 – «женска полу».

Крестьянская реформа 1861 г. предоставляла выходящим из крепостной зависимости поселянам право выкупа земли у бывших помещиков. Среди утвержденных в 1866 г. выкупных сделок на основании 108 ст. положения о выкупе значилась таковая «прапорщика Ивана Васильевича Трескина с крестьянами Рязского уезда деревни Гусиловки – Иваньково тож, в числе 80 душ; ссуда разрешена с 1 ноября 1865 г. по выкупаемые 220 десятинам (240,36 га) земли, в количестве 9600 р.»¹.

С образованием в Рязском уезде волостей в ходе крестьянской реформы 1861 г. Гусиловка была отнесена к Нагайской волости. В «Памятной книжке Рязанской губернии на 1868 год» в деревне Гусиловке, находившейся «при реке Моше и по левую сторону Пронско-го тракта», отмечено 15 дворов, в которых проживали 90 мужчин и 92 женщины².

При деревне действовала ветряная мельница о двух поставах. За день она могла перемолоть не менее 5 четвертей зерна. Такие мельницы, как правило, не приносили владельцам больших доходов. Крестьяне охотнее возили зерно на водяные мельницы, поскольку они моли быстрее, а главное – их работа не зависела от погоды³.

Многоотное исследование священника И.В. Добролюбова сообщает, что по крайней мере с середины 1880-х гг. жители Гусиловки, деревни с 20 дворами, состояли прихожанами Спасской церкви села Серезево⁴.

По переписи населения 1887 г., в деревне Гусиловке Нагайской волости Рязского уезда насчитывалось 45 домохозяйств, в которых проживали 124 мужчины и 119 женщин. Лишь 10 мужчин в деревне владели грамотой. Крестьяне обрабатывали 220 десятин (240,36 га) общественной земли, в среднем на душу приходилось 2,8 десятины (ок. 3 га). Две семьи жителей Гусиловки имели по 10,5 десятины (ок. 11,5 га) собственной земли, 11 семей арендовали 79 десятин внеадельной земли. Урожаи ржи и овса были высокими, «сам-шест» и «сам-пят» (т.е. в 5 и 6 раз превышали количество посеянного зерна). Жители 3 дворов держали по 3 лошади, в то время как безлошадных насчитывалось 12 дворов. Без коров обходились жители 16 дворов, причем 10 из них не имели также и лошадей. Из 37 деревенских изб только 3 топились «по-белому». При крестьянских домах, кроме плетневых дворов, было 20 амбаров или сараев и 34 риги или овина⁵.

Рязский уезд Рязанской губернии жестоко пострадал от голода 1891–1892 гг. В 1892 г. показатель смертности его жителей с 34,6 человека на тысячу в 1886 г. или 34,3 на тысячу в 1889 г. резко подскочил до 53,4 человека на тысячу. Многим крестьянам, прежде считавшимся достаточно зажиточными, приходилось влачить полуголодное существование. По итогам 1891 г. в Рязском и Скопинском уезде оказался самый низкий прирост населения по губернии –1,7 и 2,7 человека на тысячу вместо обычных 16–18 человек в прежние годы⁶.

¹ Рязанские губернские ведомости, №33, – 1866. – 25 апреля.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань, 1868. – С. 540, 541

³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. (сост. Баранович М.С.). – СПб., 1860. – С. 301.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 324.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 122–129.

⁶ Адрес-календарь Рязанской губернии на 1898 год, Рязань, 1897. – С. 124–125, 136–137.

После неурожая 1892 г. обществу крестьян деревни Гусиловки Нагайской волости Рязским уездным земством было выделено на продовольствие 236 пудов (3,8 т) ржи, 177 пудов (1,9 т) пшеницы, 364 пуда (5,8 т) кукурузы, 80 пудов (1,3 т) отрубей, а на обсеменение – 78 пудов (1,2 т) ржи и 90 пудов (1,4 т) овса. Но это зерно не было безвозмездной «гуманитарной помощью», крестьяне были обязаны вернуть его с будущих урожаев¹.

В 1905 г. в деревне Гусиловке при реке Моше было 40 дворов, в которых проживали 157 мужчин и 146 женщин. В деревне действовала ветряная мельница. Ближайшая железнодорожная станция Желтухино находилась от деревни в 9 верстах, до ближайшей больницы в уездном городе Рязске надо было ехать 18 верст². Ветряная мельница принадлежала крестьянину Андрею Филипову. Крестьянка Пелагея Яковлевна Юшкина содержала мелочную лавку (по некоторым данным, она располагалась в соседней деревне Ивановко). По уровню своей доходности лавка уступала мельнице более чем в 10 раз³.

В начале XX в. волны ходивших по уезду эпидемических заболеваний докатывались и до Гусиловки. Правда, благодаря ее удаленности от уездного города Рязска, крупного железнодорожного узла, где имелся значительный пассажиропоток, случаи заболеваний в деревне были единичными. Частота эпидемий ставила перед уездным земством задачу учреждения постоянного эпидемиологического отряда. Решение об этом было принято в 1908 г., когда «первые заболевания сыпного тифа <...> от невыясненных [больных] между низшими служащими станции Рязск 2-й Сызрано-Вяземской железной дороги, живущими в слободах города Рязска и в окрестных селениях. Таковых больных всего было 148 чел.». Эпидемия дошла и до Гусиловки, но заболело лишь несколько человек, так как были своевременно приняты меры к предотвращению ее распространения⁴.

В предреволюционные годы количество домов в деревне выросло, но ее население при этом заметно не увеличилось. Так, в частности, в 1917 г. в Гусиловке Нагайской волости Рязского уезда было 47 дворов. В них проживали 165 мужчин и 149 женщин⁵.

С упразднением в 1929 г. старого административного деления на волости, уезды и губернии Гусиловка стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1935 г. деревня была переведена из Рязского в новообразованный Желтухинский район. В 1930-х гг. в деревне был создан колхоз «Красный богатырь». Вместе с колхозами «Красные всходы» деревни Ивановко, «Дружба» деревни Большая Косыревка и «Сознание» деревни Малая Косыревка он стал одним из хозяйств Ивановковского сельсовета. В 1937 г. вместе с Желтухинским районом Гусиловка вошла в Рязанскую область.

Немало уроженцев Гусиловки приняло участие в военных событиях 1930–1940-х гг. Среди них отдельного упоминания заслуживает кадровый офицер-артиллерист РККА Федор Сергеевич Титов (1908–1943). В 1939–1940 гг. он принимал участие в советско-финляндской войне, был награжден орденом Красного Знамени. На фронтах Великой Отечественной войны Ф.С. Титов сражался с самого первого ее дня, в 1942 г. был награжден орденом Крас-

¹ Журналы Рязского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года, Рязск, 1893. – С. 222–223.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 398–399.

³ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXVIII очередного созыва с приложениями 29 и 30 сентября 1901 года и экстренного созыва 25 ноября 1901 года, Рязск, 1902. – С. 50, 51.

⁴ Рязского уездного земского собрания 46-го очередного созыва 27 и 28 сентября 1910 года. Рязск, 1911. – С. 171.

⁵ ГАРО, Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 89.

ной Звезды. В сентябре 1943 г. командир 948-го артиллерийского полка 985-й стрелковой дивизии подполковник Ф.С. Титов погиб в ходе упорных боев за райцентр Мокрое Смоленской области. Посмертно он был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени¹.

В ходе кампании по укрупнению рязанских колхозов в 1950 г. все хозяйства Ивановковско-го сельсовета были объединены в один колхоз, получивший название «Красный богатырь»². В 1954 г. укрупнение коснулось и сельсоветов. Ивановковский (куда входила и Гусиловка) и Кучуковский сельсоветы Желтухинского района были объединены с Желтухинским сельсоветом³.

В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был ликвидирован. Гусиловка, вместе с прочими населенными пунктами Желтухинского сельсовета, вошла в Скопинский район.

В 1961 г. был расформирован совхоз им. В.И. Чапаева с центральной усадьбой в поселке Желтухинский. Его хозяйство разделилось на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское. Вскоре на базе совхоза им. Чапаева был создан совхоз «Желтухинский». В Желтухинское отделение совхоза вошли колхозы: «Красный богатырь» деревни Гусиловка, «Красные всходы» деревни Ивановково, «Сознание» деревни Малая Косыревка, «Дружба» деревни Большая Косыревка, им. М.М. Литвинова деревни Желтухино, им. Ф.Э. Дзержинского деревни Козловка, «13 лет Октября» деревни Петровские хутора, «Советская волна» поселка Ленинский, «Новый путь» деревни Кондауровка⁴.

По административному делению 1970 г. Гусиловка входила в Желтухинский сельсовет. Это было довольно значительное территориальное образование как по занимаемой площади, так и по количеству населенных пунктов. В его составе были Большая и Малая Косыревки, Воздвиженка, Говорово, Гореловка, Дегтярка, Дубровщина, Желтухино, Ключеревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Летово, Ленинка, Шелемишевские Хутора, Петровка, Рановка, Савиловка, Свистовка, поселки железнодорожных станций Желтухино и Говорово, центральное отделение совхоза «Желтухинский» и село Новое⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Гусиловка вошла в состав Шелемишевского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., постоянного населения в Гусиловке нет. Несколько деревенских домов используются как дачи потомками ее жителей из близлежащих городов.

---

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 682526, д. 1314, л. 10.

² Колхозная правда, №39. – 1950. – 2 сентября.

³ Архив Скопинского района, ф. 98, л. 1.

⁴ Архив Скопинского района ф. 445, л. 1, 2.

⁵ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. – Рязань, 1971. – С. 97.

ДЕГТЯРКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Дегтярка Скопинского уезда Рязанской губернии предположительно была основана в 1840-х гг. Она появилась на землях, которыми с XVI–XVII вв. жаловались за пограничную службу однодворцы сел Городецкого, Подовечья¹ и Дегтярки².

В 1850 г. у селения еще не было устоявшегося названия. На карте А.И. Менде, составленной в этом году, деревня обозначена как Хутора. Более поздние названия – Дегтярский хутор или Дегтярка – объясняются тем, что первые жители деревни были выходцами из одноименного села Курбатовской волости Скопинского уезда. Эта версия подтверждается сообщением патриарха скопинского краеведения священника И.В. Добролюбова. В его книге «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии» (1884) в приходе Покровской церкви села Городецкого упоминается деревня Дегтярка, «выселенная из села Дегтярки (в 3 верстах), с 8 дворами»³. Возможно, именно этих переселенцев имеет в виду «Сборник статистических сведений по Рязанской губернии» (1882), в котором сообщается, что до 1876 г. из села Дегтярки выселились 10 крестьянских семей⁴.

В «Списке населенных местностей Рязанской губернии» (1888) название деревни передано как «Дегтярский хутор Боровской волости». Она находилась на равном расстоянии от ближайших уездных городов Скопина и Ряжска (по 25 верст), в 7 верстах от ближайшей железнодорожной станции Желтухино. До волостного правления в селе Боровом и врачебного пункта в селе Поляны из Дегтярки надо было ехать 8 верст⁵.

В деревне Дегтярский Хутор Боровской волости в 1905 г. было 12 крестьянских дворов, проживали 51 мужчина и 55 женщин⁶. В 1912 г. здесь было 95 жителей⁷. В 1914 г. Дегтярка вместе с деревней Кузьминка, в которой было 16 дворов и 99 человек населения, по-прежнему относилась к приходу Покровского храма в селе Городецком⁸.

В 1917 г. на хуторе Дегтярский хутор Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии был 21 двор, население составляло 65 мужчин и 58 женщин⁹. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память об убитом в июне 1918 г. большевике В. Володарском) Боровская волость также стала Володарской.

¹ Ныне в Милославском районе Рязанской области.

² Ныне там же.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 247.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 19.

⁵ Список населенных местностей Рязанской губернии. – Рязань, 1888. – С. 285.

⁶ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 614–615.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913. – С. 349.

⁸ Писцовые книги Рязанского края. XVIIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 555.

⁹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

После укрупнения уездов Рязанской губернии в 1925 г. Володарская волость была передана в Рязский уезд. С отменой в 1929 г. исторического административного деления на волости, уезды и губернии деревня Дегтярка в составе Рязского района вошла в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

В 1931 г. был создан совхоз им. В.И. Чапаева «Свиноводтреста» г. Рязани. С начала 1930-х гг. в нем работала часть жителей Дегтярки.

В 1935 г. в Московской области был образован Желтухинский район, в который деревня Дегтярка вошла как населенный пункт Желтухинского сельсовета. В 1937 г. вместе с районом она была передана новообразованной Рязанской области. По топографическим картам РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) видно, что в Дегтярке в это время было 20 жилых строений.

Некоторым уроженцам деревни довелось пройти всю Великую Отечественную войну от начала до конца. Василий Васильевич Грачев (1911–?) в 1941–1942 гг. защищал Москву, в 1942–1943 гг. сражался на Смоленском направлении под Ярцево, был тяжело ранен. Свой боевой путь рядовой В.В. Грачев, вожатый-минер 71-го отдельного инженерного батальона миноискателей, завершал весной 1945 г. «Во время наступательных операций войск 3-го Белорусского фронта в Литве и Восточной Пруссии с октября 1944 по апрель 1945 гг. им обнаружено и снято на рубежах обороны противника 824 мины. В городе Кенигсберг им обнаружено и снято 25 противотанковых мин, подобрано и уничтожено до 1000 артснарядов и гранат»¹. За боевую работу в Восточной Пруссии рядовой В.В. Грачев был награжден медалью «За отвагу».

В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был ликвидирован. Дегтярка, вместе с другими населенными пунктами Желтухинского сельсовета, вошла в Скопинский район. В 1961 г. совхоз им. В.И. Чапаева был расформирован и реорганизован в совхоз «Желтухинский», куда вошла также и Дегтярка.

По административному делению 1970 г. Дегтярка входила в Желтухинский сельсовет. В его составе также были Большая и Малая Косыревки, Воздвиженка, Говорово, Гореловка, Дубровщина, Желтухино, Ключеревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Летоно, Ленинка, Шелемишевские Хутора, Петровка, Рановка, Савиловка, Свистовка, поселки железнодорожных станций Желтухино и Говорово, центральное отделение совхоза «Желтухинский» и село Новосе².

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Дегтярка вошла в состав Шелемишевского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в деревне Дегтярка Желтухинского сельского поселения Скопинского района Рязанской области в настоящее время живут 14 человек (6 мужчин и 8 женщин).

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 1550, л. 365.

² Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. – Рязань, 1971. – С. 97.

ДЕЛЕХОВО

село

(городское поселение Павелецкое)

Село Делехово было основано во 2-й пол. XVII в. Его появление связано с введением ок. 1663 г. десятинной пашни в Скопинской дворцовой волости царя Алексея Михайловича. С ростом населения вотчины площадь десятинной пашни увеличивалась за счет лугов и крестьянской запашки. Поэтому в какой-то момент между 1663 и 1685 гг. часть крестьян села Кремлева переселилась на новое место, расположенное ближе к их наделам, образовав деревню Делехово. При этом они по-прежнему оставались прихожанами Архангельской церкви своего родного села Кремлева. Происхождение названия Делехово остается неясным.

В своем многотомном исследовании «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии» (1884) священник И.В. Добролюбов, сообщая о размерах дани с Архангельской церкви села Кремлева, отмечает: «“193-го (1685) года замечено в окладных книгах, августа в 1 день били челом преосвященному Павлу¹, митрополиту Рязанскому и Муромскому, того ж села Кремлева архангельские попы, выселилось де из того приходу в новоселебное село Делехово приходских дворов много, чтоб с них данных денег сбавить”. Вследствие чего преосвященный указал досмотреть в селе Кремлеве число оставшихся дворов, которых оказалось 73 двора»².

Ок. 1685 г. в Делехово была построена собственная церковь, также в честь Св. Архангела Михаила. «К новопостроенной в селе Делехове Архангельской церкви от старого кремлевского прихода отошло земли 11 четвертей, сенных покосов на 20 копен и 43 приходских двора»³.

В переписной книге 1710 г. о Делехове говорится: «...В том селе церковь во имя Архистратига Михаила, у той церкви поп Филипп Родионов сын, у него попадья Марья Савостьянова...» а также того села крестьяне Тихон Романов сын Бунин, Макар Мосьев сын Полушин, Антон Яковлев сын Позняков, Михаил Тимофеев сын Лысяков, Филипп Кондратьев сын Детков, Трофим Тимофеев сын Нестеров и другие. «...Крестьянских петьдесят девят дворов, в них людей мужеска полу сто восемьдесят человек <...>, женска полу сто девяносто один человек, а в переписной книге 186-го (1678) года не написано, потому что после оной переписи вышли оне в Скопинском же уезде из села Вязовенки с тяглых жеребьев <...> в землю, что ныне <...> по переписи написано село Делехово тридцать один двор...». Однако в той же книге сказано, что 31 двор вышел также из села Кремлева на «свою крестьянскую тяглую жеребьевую землю и поселились вновь»⁴.

В 1678 г. площади десятинной государевой пашни в Скопинской вотчине положено было 1000 десятин в поле, то есть при трехпольной системе всего 3000 десятин. 9 апреля 1710 г. по указу Воронежской губернской канцелярии (так в документе, хотя официально губерния называлась Азовской. – *Примеч. авторов*) было «прибавлено из собственных крестьянских

¹ Павел /Моравский/ (? – 1686) – митрополит Рязанский и Муромский в 1681–1686 гг.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 193.

³ Там же. С. 195.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 445 об, 555, 558 об.

земель 248 десятин с осьминою»¹. В 1726 г. «по указу из приказа Большого двorca к тому числу еще прибавили 890 десятин в поле, а в дву потому ж, по расчислению на число мужеска полу душ на 8607 душу, на четыре души по десятине, не выключая пустот»². В качестве компенсации за прибавленную пашню по приказу Большого двorca крестьянам была прощена половина положенного двorцового оклада, во всяком случае до 1730 г.

В 1740 г. коннозаводские крестьяне Скопинской волости обрабатывали десятинную пашню на 4276 десятинах и косили луга на 1379 десятинах. Всех сборов на мужскую душу в денежном выражении приходилось немногим больше 22 рублей. Для сравнения, в двorцовом селе Сидоровском эта сумма составляла около 68 рублей на душу, в подмосковном Хорошеве – около 19 рублей, в Бронницах – 68 рублей³. Крестьяне несли ответственность за пахоту, посев, а также за сбор и хранение урожая с десятинной пашни. Следили за хранением собранного зерна специально выбранные хлебоустроители. В июне 1741 г. скопинский управитель прапорщик Перепечин с товарищем доношением известили двorцовую Конюшенную канцелярию о том, что «в Скопинском уезде в селе Делехове усмотрена в житницах слегаля рожь. Привезена из Ранибурха в прошлом 1738 году в оное село 40 четвертей, а хлебоустроитель Иван Филипов об оной на допросах показал, что рожь слегла в городе Оранибурхе от долговременного стояния в скирдах, а о том хлебе репортования в Скопинской канцелярии известия нет. Из двorцовой Конюшенной канцелярии 6 июля 1741 года велено о привозном из Ранибурха слегом гнилом хлебе [доложить], подлинно ли оной гнилой в город Скопин привезен <...> справитца с ранибурским управителем понеже, а тот оной хлеб гнилой <...> из Ранибурха привезен, такого в Конюшенной канцелярии известия нет». Ранибургский управитель подпоручик Волосатов доносил, что в его бытность «ржи в отпуске не имелось», а бывший управитель прапорщик Сонин «ответствовал, что в прошлом 738 году в феврале и в июне месяце <...> села Делехова с подвотчиком Михаилом Нестеровым с товарищи и при них с соцким села Кремлева Никифоровом Перетокином отпущено 40 четвертей самой хорошей...» К тому же скопинский управитель прапорщик Перепечин также доносил, что «крестьянин села Кремлева Никифор Перетокин показал: в прошлом 738 году в марте и в июне месяцах по наряду от Скопинской канцелярии и по выбору села Делехова крестьян послан он был, Перетокин, в Ранибурх для молотбы и перевоски в Скопин десятинной ржи того села на крестьянских подводах и, приняв от управителя прапорщика Сонины ржи сорок четвертей, в том числе затхлой шесть четвертей, насыпав привез в село Делехово и отдал хлебоустроителю Ивану Филипову, а в Скопин о той затхлой ржи репорт простотой своей крестьянину Михайлу Нестерову указ дал. А по справке в Скопинской по приходной книге показано привозной им из Ранибурха ржи 42 четверти, а чтоб оной хлеб гнилой известия нет, а хлебоустроитель Филипов допросом же показал, что оная рожь <...> загнила от долгого временного лежания в скирдах, а о гнилости той ржи в Скопинскую канцелярию нерепортовал. При том же следствии явилось, что оной Филипов выбран в хлебоустроители от села Делехова из разночинцев, которые по генералитетских переписях Скопинской волости от крестьян положены в подушный оклад особливо, а выбором того села от старост и крестьян написан крестьянином подложно и уповательно... Для того по определению Скопинской канцелярии того села Делехова прошлого 738 года старост и выборщиков за подложный выбор учинено наказание батажьем, а означенная гнилая рожь сорок четвертей роздана оным крестьянам, а вместо оной взыскано с них самой доброй ржи толикое число»⁴.

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34198, л. 157.

² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34198, л. 157, 157 об.

³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34198, лл. 157, 466.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 224, 230–234.

Дворцовая Конюшенная канцелярия столь плотно контролировала обработку крестьянами десятинной пашни и содержание конных заводов, что порой ее указания напоминают директивы партийных органов колхозам советской эпохи. После посещения Скопинской вотчины ассессором Конюшенной канцелярии Хитрово в 1741 г. из Петербурга управителю немедленно были спущены детальные указания: «...Почетые скирды немедленно все обмолотить и убрать во устроенные на то исправные житницы, дабы оному хлебу от непорядочного покрытия повреждения чинитца не может, а хлебоустроителям за непокрытие скирдов зато при собрании прочих хлебоустроителей же учинено наказание батажем. <...> При казенных ригах построенные в близости скирдов овины и караульные избы немедленно отнестъ от тех скирдов далее и поставить на безопасных к тому удобных местах, чтоб содержащемуся в скирдах казенному хлебу и в житницах от того опасности быть не могло»¹.

В черновике экономических примечаний к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленном ок. 1778 г., о селе Делехово сказано: «Лежит по обе стороны Делеховского верха и по берегу ж Герасимового логу, в нем пруд, а всего 4 пруда. Церковь деревянная Архистратига Божия Михаила, 58 дворов, 241 душа». В более поздней редакции примечаний 1779 г. уточняется, что в Делехово, по данным 3-й ревизии податного населения Российской империи (1761–1765 гг.), значатся 96 дворов, 248 душ «мужеска» и 216 – «женска полу»². На чертеже (плане) Генерального межевания 1779 г. село показано лежащим по обе стороны оврага «Делеховской верх», огородами к протекавшему по его дну ручью, на котором показаны два пруда. По левую сторону вытянулись 6 групп строений общей длиной около 600 саженей (1280 м), через значительные, иногда до 70 саженей (150 м) промежутки, до самой р. Теменки, куда впадал ручей. На правом берегу оврага на возвышении показана Архангельская церковь с разбросанными вокруг неё строениями и огородами, которые тянулись до самого Герасимова лога, впадавшего в безымянный ручей примерно в 100 саженях (216 м) от впадения самого ручья в р. Теменку. Церковь располагалась в 150 саженях (324 м) от Делехова верха, как раз напротив одного из устроенных на ручье прудов. В 100–150 саженях (216–324 м) от группы строений вокруг церкви, около пруда на левой стороне от Герасимова лога, находился отдельный порядок в несколько крестьянских домов, также с огородами»³.

Как сообщает И.В. Добролюбов, «вместо упоминаемой в XVII столетии и обветшавшей церкви в 1712 г. поставлена была новая в прежнее храмоименование, которая по приказу Святейшего Синода в 1839 г. была распространена и сделана крестообразною»⁴. Из служивших в ней в XVII–XIX вв. священников известны Иов Прокопьев (упоминается в 1685–1700 гг.), Филипп Иродионов (рукоположен в 1700 г.), Василий (упоминается в 1734 г., умер в 1745 г.), Авксентий Васильев (рукоположен в 1745 г.), Тарасий Филиппов (рукоположен в 1741 г.), Симеон Иоаннов (рукоположен в 1799 г.), Николай Георгиев Павлов (в 1832–1849 гг.) и Афанасий Иоаннов Оливков (в 1849–1868 гг.)⁵.

По последней, 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., в селе Делихове Скопинского уезда Рязанской губернии числились 680 душ «мужеска» и 663 – «женска полу» государственных душевых крестьян⁶. В селе было 7 ветряных мельниц, 4 из которых стояли рядом с церковью.

¹ РГАДА, ф. 1239, оп.47, д. 8, л. 77 об.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 11об; д. 1240, л. 16 об.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 195.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 74.

В 1861 г. в Скопинском уезде были образованы волости. Делехово стало одним из селений Затворнинской волости с центом в одноименном селе.

Эпоха отмены крепостного права ознаменовалась для сельских жителей прогрессом народного образования. В 1861 г. в Делехове было открыто церковно-приходское училище. В 1866 г. оно размещалось в доме местного священника А.И. Оливкова, в нем обучалось 45 мальчиков. Средства на содержание училища и обучение предоставлялись Палатой государственных имуществ¹.

Похоже, природные условия окрестностей Делехова благоприятствовали использованию технических приспособлений, движимых силой ветра. В 1868 г. в селе действовали 5 ветряных мельниц, 4 крупорушки и маслобойня².

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Делехово, «селе бывшем государственном», было 220 дворов и 1487 жителей. В селе действовала православная церковь³.

По данным переписи населения 1882 г., в селе Делехово Затворнинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 221 домохозяйство, в которых проживали 885 мужчин и 874 женщины. Грамотными из жителей села были только 77 мужчин и 3 мальчика. Земля в окрестностях Делехова характеризовалась как «на одну треть чернозем, а остальная черноземная, но с примесью песка и глины». Средний душевой надел составлял 3,2 десятины (3,5 га). Четверть всех крестьянских дворов не имела лошадей, а жители 36 из них – и коров. 13 из 224 крестьянских домов были сложены из кирпича, но, как и деревянные избы, крылись соломой. В селе работали 3 мастеровых, 8 промышленных заведений, кабак и 2 лавки. На рубеже 1870–1880-х гг. «в поисках лучшей доли» Делехово покинули 20 крестьянских семей⁴.

В 1878 г. в Делехове было последний раз обновлено деревянное здание Архангельской церкви. В 1868 – ок. 1884 гг. в ней служил священник Федор Иванович Павлов. В 1884 г. И.В. Добролюбов писал о делеховском храме: «Церковной земли ныне состоит во владении причта усадебной – 3 десятины (3,27 га), пахотной 30 десятин (32,7 га). В приходе, состоящем только из села, при 230 дворах числится мужского пола 875, женского пола 919. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»⁵.

В 1896 г. в Делехово на средства прихожан было возведено кирпичное здание Архангельской церкви с колокольней. Храм имел два придела – во имя Св. Николая Чудотворца и Св. пророка Илии и был покрыт железом. В ноябре 1896 г. епархиальное начальство дало разрешение «освятить 2 иконостаса во вновь отстроенном храме на новом антимиинсе»⁶. Благочинным 2-го Скопинского округа священником Василием Волковым и благочинным 1-го Рязанского округа протоиереем Петром Павловым 4 ноября 1896 г. были освящены оба придела в новопостроенном храме⁷.

Старое деревянное церковное здание простояло в селе до апреля 1897 г. Тогда церковному причту было «разрешено разобрать молитвенный дом с колокольней и сделать из разо-

¹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868 – С. 236–237.

² Там же. С. 610–611.

³ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 74–79; Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 195–196.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 21, – 1 ноября, – 1896. – С. 390.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 24. – 15 декабря, – 1896. – С. 449.

бранного материала церковно-приходскую школу»¹. Ее освящение состоялось в 1898 г. «Рязанские епархиальные ведомости» сообщали об этой церемонии: «8-го ноября текущего года совершилось важное в жизни церковных школ Скопинского уезда событие: в этот день в селе Делехове состоялось торжество освящения здания второклассной церковно-приходской школы. Школьное здание, на постройку которого израсходовано 15 200 руб., выстроено в текущем году. Двухэтажное, просторное (42x23 арш.), светлое – оно производит приятное впечатление². После литургии и молебна Архистратигу Михаилу, которому посвящен храм села Делехова, был совершен крестный ход из храма в новоустроенное школьное здание, где местным священником Д. Орловым в сослужении священника села Затворного А. Боголепова, был отслужен молебен Спасителю и Божией Матери с водоосвящением. На молебствии присутствовали дети-школьники (более 200) и во множестве собравшиеся крестьяне с Делехова и других окрестных сел. По совершении молебствия членом-секретарем Скопинского отделения Рязанского епархиального училищного совета А.А. Соколовым была произнесена речь о важности и значении церковных школ вообще и второклассных в частности; в речи была выражена благодарность священнику Д. Орлову за понесенные им при устройстве здания заботы и труды, и подрядчику работ Д. Москвину за аккуратное и добросовестное выполнение возложенного на него дела постройки; заключительные слова были обращены к учащимся, которым дано наставление вести себя благонаравно, учиться успешно и развивать в жизни добрые семена школьного воспитания и обучения. После произнесения речи дети-школьники были допущены к целованию креста и окроплены св. водою. По окроплении всего здания крестный ход возвратился в храм. На торжестве освящения школы из почетных гостей, кроме члена уездного отделения Совета А.А. Соколова, присутствовал участковый земский начальник Я.К. Федоровский, всегда сочувственно относящийся к церковным школам»³. В 1899 г. делеховскому священнику Дмитрию Петровичу Орлову (служил в храме с 1897 г.) и учителю сельской двухклассной школы Дмитрию Ильину в числе немногих было преподано архиерейское благословение «за их успешный школьный труд»⁴.

В 1905 г. в Делехове было 285 дворов, население составляло 1130 мужчин и 1126 женщин. В селе действовали церковь каменная, церковно-приходская двухклассная школа, три ветряных мельницы, три крупорушки⁵. К 1908 г. в селе уже числился 2361 житель. Несмотря на наличие церковно-приходской школы, из 212 детей в возрасте от 8 до 11 лет в ней обучались лишь 158⁶.

Документы Скопинского уездного земства о налогообложении «индивидуальных предпринимателей» начала XX в. рисуют безрадостную картину вопиющей бедности сельских обывателей. Например, в 1913 г. за делеховским кузнецом Михаилом Ивановым числились недоимки по налогам и сборам в сумме 21 рубля. Исследование вопроса земством выявило: «Иванов около 3-х лет умер, после его смерти осталась вдова с малолетними детьми. Кузница развалилась, кроме избы, в которой проживает семья Иванова, ничего нет»⁷. Долги пришлось списывать.

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 8. – 15 апреля, – 1897. – С. 142.

² Школьное здание 1898 г. постройки сохранилось до наших дней и является одной из достопримечательностей села.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 23. – 1 декабря, 1898. – С. 817–818.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 19. – 1 октября, – 1899. – С. 343.

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 632–633.

⁶ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 8–9.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 544–545.

В условиях привычной крестьянам антисанитарии эпидемические болезни распространялись легко и быстро. В 1912 г. Скопинскому уездному земству «пришлось ликвидировать эпидемию сыпного тифа в Делихове. Для борьбы был вытребован эпидемический отряд губернского земства»¹. Центром распространения болезни по округе оказалось село Рудинка. Врач, посещавший в эти годы Делехово, писал: «Семьи крестьян села Делихова в большинстве превосходят 10 человек. Так на 348 домов приходится 2425 жителей, т.е. 7 человек на каждый, если же принять в расчет, что в некоторых семьях имеется по 2–4 человека, то в большинстве других будет по 10–15 человек. И все они живут в избе 6–8 аршин (4,3–5,7 кв.м). Нет, это еще не все. Крестьяне села Делихова не имеют для скота теплых помещений (хлебов), поэтому в той же избе, в которой живут сами, держат как крупный, так мелкий скот: тут и корова доится, тут и теленок с поросенком, тут и овца с ягненок. Когда однажды вечером в сопровождении фельдшера я зашел в одну из таких изб, буквально не мог разобрать, где люди, где животные... При таких условиях как не развиться эпидемии тифа?»²

В 1914 г. в селе Делехово Затворнинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 358 дворов, в которых проживали 1307 мужчин и 1277 женщин³. Начавшаяся в том году Первая мировая война никак не сказалась на демографическом росте. К 1917 г. в Делехове было уже 383 двора, а население составляло 1359 мужчин и 1298 женщин⁴.

И в дореволюционное, и в послереволюционное время самым любимым праздником жителей Делехово был Михайлов день – 21 ноября, престольный праздник Архангельской церкви. К нему готовились почти так же, как к Пасхе. Отличие было лишь в том, что перед престольным праздником не было поста и пекли к нему не куличи, а курники. Ключевым моментом дня было «ломание» курника хозяином дома. Считалось, что самого дорогого гостя глава семьи обязан угостить гузкой птицы из курника. Дополнением к этому лакомству на праздничном столе служили холодец, блины и каравайцы⁵.

В 1918 г. в Делехово был организован сельсовет. В консервативной крестьянской среде даже орган новой, революционной власти первое время действовал по лекалам давно укорененных обычаев. Весной 1925 г. в скопинскую уездную газету «Коллектив» писали из Делехова: «В старые времена <...> весной староста и сборщик ходили по домам, осматривая печные трубы для принятия противопожарных мер, за что собирали по паре яиц с дома. В нынешнем же году председельсчета Козырев и секретарь Воеводин соединили приятное с полезным и при обходе села с учетом обложения единого сельхозналога поверхностно осматривали трубы, за что тоже собирали по паре яиц с дома, заставив таскать корзину с яйцами мальчишка сотского»⁶.

К 1926 г. относится следующее описание села: «В Делехове 373 двора, в них 2000 жителей, [расположение] представляет [не] непрерывным порядком, а состоит из отдельных усадеб или групп их, тесно прижавшихся друг к другу. Местность степного характера, насажены одни ветлы, пруд, 35 колодцев, 3 ручья и 6 родников, р. Теменка. В Теменке поят скот, моют

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913 – С. 321.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь III. Путевые записки Васильева Н.А. (со ссылкой на журнал «Врачебно-санитарная хроника Рязанской губернии» № 7, Рязань, 1912. – С. 460–473.

³ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при пресвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004. – С. 557–558.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 142.

⁵ Сообщение А.М. Фетисовой.

⁶ Коллектив, № 67. – 1925.

бельё, мочат лен. Вода пруда нехорошая, мутная, загрязнена отходами и сточными водами. Чистится редко. Население занимается земледелием, более чем 200 человек отходит на торф и около 50 на железную дорогу»¹.

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было упразднено. Делехово стало населенным пунктом Горловского района Тульского округа Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В составе этих административных единиц село вступило в период коллективизации. В 1930 г. в Делехово был создан колхоз «Красный пахарь».

Альтернативы созданию на селе крепких коллективных хозяйств, во главе которых которые зачастую становились умные, трудолюбивые, инициативные люди, не было. Но лихорадочные усилия местных властей, стремившихся поскорее захватить в колхозы как можно больше единоличных хозяйств, вызывали у не любивших резкие перемены крестьян немало вопросов. В основном – по извечной русской теме справедливости. Почему нажитое законным путем при «старом режиме» в одночасье превратилось в незаконное? Отчего обещанная свобода обернулась для части крестьянства притеснениями?

Советская власть взяла курс на подавление влияния бывших сельских эксплуататоров и ликвидацию их как класса экономическими методами – через дискриминационное обложение. В 1930 г. в Горловском районе Московской области под индивидуальное обложение попали 293 зажиточных крестьянских хозяйства, т.е. 1,9 % от их общего числа. Поначалу единый годовой сельхозналог на каждое составил около 238 рублей, притом что середняки и бедняки платили по 12 руб. 72 коп., да еще 40 % беднейших хозяйств вообще были от него освобождены. В 1931 г. сумма сельхозналога для зажиточных составила уже 456 рублей в год². При этом не следует забывать, что кроме сельхозналога единоличники и колхозники платили еще и культурный налог, а также налог самообложения. Имели свою градацию для разных категорий крестьян и нормы поставок сельхозпродукции. Для бывших кулацких хозяйств вводились так называемые «твердые задания». Впрочем, из-за «революционного» понимания справедливости «на местах» порой твердыми заданиями облагались и середняки. Пагубность такой политики несомненно чувствовали и в Делехово. Районное начальство отмечало, что местный «сельсовет очень снисходительно относится к кулацким выступлениям, достаточно сказать, что им не обнаружено ни одного кулацко-зжиточного хозяйства»³. И тут же приводились примеры искомым хозяйств, хотя все их «богатство» уже осталось в прошлом: «Полухин И.И. имел зажиточное хозяйство и в Москве легковую лошадь; А.И. Полухин имел в Москве 3 легковые лошади»⁴. На собрании в селе весной 1932 г. крестьянин И.И. Полухин выступил против создания семфондов, заявив, что-де «незачем засыпать семена, как хотим – так и поседем»⁵. Член делеховского сельсовета И.Н. Полухин его поддержал, за что был также отмечен в числе потенциально неблагонадежных крестьян, выступающих с контрреволюционной агитацией⁶.

Вопросам народного образования советская власть традиционно уделяла первостепенное значение. В 1933 г. горловская районная газета «Ленинская искра» сообщала, что в Делехово

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик сводной таблицы населенных пунктов Горловского района..

² ГАРО, Ф. П-1115, оп. 1, д. 48, л. 40.

³ Ленинская искра, №29, – 1932. – 30 марта.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Несколькоими годами позже один из представителей этой семьи – Василий Алексеевич Полухин (1913–1937) – пострадал от политических репрессий. Он был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 9 сентября 1937 г.

имеется прекрасная двухэтажная школа, где в две смены занимаются 11 групп учащихся (10 в первую смену и 1 во вторую). Односменное обучение не получалось организовать из-за бытовых проблем: ряд классных комнат был занят для проживания учителей¹.

В 1934 г. из 363 крестьянских хозяйств села Делехово в колхозе «Красный пахарь» состояло 237, в которых в общей сложности насчитывалось 1228 едоков². К началу 1937 г. Делехово было коллективизировано на 100 %. Колхозная посевная площадь, включая усадьбы колхозников, составляла 1535,8 га, собственно колхоза – 1462,7 га. В колхозе было 114 лошадей, 48 голов крупного рогатого скота, 63 свиньи, 42 овцы. Жители села держали в своих подсобных хозяйствах 199 голов крупного рогатого скота, 38 свиней, 380 овец, 16 коз. В хозяйствах единоличников было на всех 5 лошадей, 3 головы крупного рогатого скота, 12 коз. Площадь садов колхозников не превышала 3,8 га³. Показатели урожайности в колхозе «Красный пахарь» в 1938 г. были следующие: урожайность зерновых – 5,7 ц с га, картофеля – 38 ц с га, других овощей и бахчевых – 20,3 ц с га. В среднем каждый колхозник выработал в 1938 г. 98 трудодней, каждый из которых «конвертировался» в 1,5 кг зерновых и 22 копейки деньгами. На административно-хозяйственные нужды колхоза было выделено 5 % полученного за год денежного дохода⁴.

В сентябре 1937 г. Делеховский сельсовет вместе с Горловским районом был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. В 1938 г. в колхозе «Красный пахарь» имелось 46 голов крупного рогатого скота, 76 свиней (в том числе 9 свиноматок), 36 овец, 137 лошадей (в том числе 101 рабочая)⁵. Работали мельница и просорушка. В селе действовала неполная средняя школа, изба-читальня, магазин, агентство отделения связи⁶.

Священник Архангельской церкви Д.П. Орлов прожил в Делехово до конца своих дней. Он скончался в 1939 г. и навеки упокоился на сельском кладбище. 21 июня 1939 г. решением Рязанского облисполкома Архангельская церковь в Делехово была закрыта.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила свой след в истории села. Сотни его жителей защищали Родину на фронте и в тылу. В ноябре–декабре 1941 г. Делехово пережило непродолжительную немецко-фашистскую оккупацию. В окрестностях села нацистами был сбит советский самолет (летчик погиб). Как и в других населенных пунктах Горловского района, от пребывания оккупантов пострадало колхозное хозяйство, был нанесён ущерб административным зданиям и делеховской семилетней школе, которой в то время руководил А.М. Сардановский. Однако к окончанию 1941/42 учебного года школа уже не требовала ремонта. Все классы вычистили, парты и инвентарь были исправлены. Учащиеся делеховской начальной школы постоянно трудились на полях, а в ноябре 1942 г. сдали 1824 заработанных рубля в фонд постройки эскадрильи санитарных самолетов⁷. Ушедших на фронт мужчин на колхозных полях заменили женщины. Осенью 1942 г. районная газета «Ленинская искра» писала: «На должности конюхов были выдвинуты Т.Н. Колтомова и Т.Н. Полухина, которые быстро навели порядок»⁸.

¹ Ленинская искра, №106, – 1933. – 13 октября.

² Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 7. – Рязань, 2006. – С. 104.

³ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

⁶ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

⁷ Ленинская искра, № 70. – 1942. – 19 октября.

⁸ Ленинская искра, №73. – 1942. – 29 октября.

С войны не вернулись 144 жителя села. Практически все возвратившиеся домой делеховские фронтовики были отмечены высокими правительственными наградами. Например, демобилизовавшийся в звании майора Василий Иванович Богачев (1921–?), в годы войны командовавший ротой автоматчиков, был отмечен орденами Красной Звезды (1944), Александра Невского (1944) и Красного Знамени (1945). Еще в 1943 г. демобилизовался из армии после тяжелого ранения, полученного при выходе из окружения на Волховском фронте, уроженец села Сергей Андреевич Крутилин (1921–1985). В 1953 г. он дебютировал как писатель с повестью «Родники». Первый роман С.А. Крутилина «Подснежники» вышел в свет в 1961 г. Вершиной его литературного творчества стал роман «Липяги. Из записок сельского учителя» (1963–1965). В 1967 г. он был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Интересно отметить, что в творчестве С.А. Крутилина нашли отражение предания родного села, в частности – легенда о т.н. «Денежном месте», которое до наших дней показывают в окрестностях Делехово. В своем романе «Липяги» С.А. Крутилин писал: «То ли по причине отчужденности этого места, то ли и вправду было какое-то событие, но в народе сохранилось предание, будто в Денежном зарыт несметный клад. От дедов к внукам передается рассказ о том, как возвращался с Куликова поля победитель Мамаю князь Дмитрий Донской. По всем большим и малым дорогам от Куликова поля на Москву двигалось войско. Сам великий князь возвращался «большой» дорогой на Венев. А обоз с золотом и иными драгоценностями, захваченными у татар, пробирался соседней дорогой. Было это поздней осенью, отряд в пути заблудился. Под самый конец пути на обоз с золотом налетел полк литовского князя Ягелло, спешившего на помощь Мамаю. Произошла стычка. Видя, что силы неравны, обозники решили спрятать золото. Они облюбовали глухое место, отбиваясь от наседавших врагов, в темноте, наспех, закопали клад. В ночном бою все русские были перебиты. Получив известие о пропаже обоза, Дмитрий Донской послал на розыски два полка воинов. Те отыскивали место ночного побоища, но золота не было. Всюду пустые опрокинутые повозки, трупы воинов и лошадей. Москвали вернулись ни с чем. Они доложили князю, что татарским золотом завладел Ягелло. А клад-то и по сей день лежит на том самом месте над оврагами, в Денежном!

Так ли это, но как бы там ни было, а все мужики верят в реальность клада. Мало того, редко кто из селян в старину не пытал счастья, не пробовал искать клад. Но вот что странно: каждому, кто отваживался на поиски, непременно мешала «нечистая сила». То ведьма пролетит на помеле, то пронесется по степи огненная колесница, то послышится человеческий голос из-под земли. Одним словом, с каждым, кто рылся в Денежном, непременно что-нибудь случится. И напуганный до смерти мужик потом всю жизнь рассказывает про ту ночь всякие небывлицы¹.

В 1942–1946 гг. Делеховский сельсовет вместе с Горловским районом административно подчинялся Московской области. В послевоенное время в Делехово одновременно работали три колхоза: «Красный пахарь», им. А.С. Щербакова и «Путь к коммунизму». Образовались они, скорее всего, вследствие разукрупнения колхоза «Красный пахарь» ок. 1942 г. Об одном из них «Ленинская искра» в 1946 г. писала: «Вскрыто хищение семенного зерна в колхозе им. Щербакова Делеховского сельсовета. Бывший председатель Чувилкин и ответственный за сохранность семян колхозник Тараканчиков при перевозке семенной ссуды, полученной

¹ Крутилин С.А. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 1. Липяги: Из записок сельского учителя. – М.: Современник, 1984. – С. 15–16.

со склада Горловского пункта «Заготзерно», по сговору похитили и продали свыше 113 кг овса, 24 кг гороха, 43 кг вики»¹. Чувилкин в итоге был осужден на 5 лет, Тараканчиков – на 3 года лишения свободы.

Состояние хозяйств рязанских колхозов к концу 1940-х гг. только приближалось к довоенному уровню. В 1947 г. ушла в прошлое карточная система, но дефицита почти всех товаров это не отменило (во многом и из-за бесхозяйственности на местах). В 1949 г. «Ленинская искра» так описывала обстановку, в которой в первые послевоенные годы приходилось работать сотрудникам сельской администрации: «Делеховский сельсовет в центре села, да и проводы хорошая примета. Войдя же в помещение, никто не скажет, что здесь могут работать люди, облеченные большим доверием народа, люди из органов власти на селе. Сельсовет занимает комнату не больше 3 метров ширины и 5 метров длины. Здесь стоит стол, предназначенный для председателя тов. Ющикова и секретаря тов. Лункина, один стул, шкаф для документов и небольшая скамейка для дежурных. По словам дежурных, стены сельсовета когда-то были побелены, но от времени они изменили цвет, теперь не понять – каков он. В стене около стола неизвестно кем вынут один кирпич, а в этом уступе аккуратно поставлена стеклянная баночка с керосином и поплавком. С наступлением сумерек зажигается эта «лампа». Она до того коптит, что стена здесь сделалась совершенно черной. На полу щепки дров, крошки торфа и угля, а за шкафом – сноп соломы. У лежанки сидит дежурная и проворно вяжет варежку, другой дежурный, закрыв шапкой лицо, спокойно спит. В прошлом году 9600 рублей сельсовета не было освоено, и эти средства были списаны»². Не лучше выглядел в 1949 г. и делеховский магазин: «Сразу бросается в глаза ужасная грязь... Нельзя купить товаров первой необходимости. Редко бывает соль, папиросы. Тов. Ющикова открывает магазин, когда ей вздумается. Также и закрывает его: раньше десяти часов утра магазин открыт не бывает, а обед длится 3–4 часа»³.

К середине 1950-х гг. намечались некоторые улучшения, хотя проблем все еще хватало. В 1956 г. «Ленинская искра» писала: «Колхоз «Путь к коммунизму», с. Делехово, где председателем Жеребцов, по сравнению с 1952–1953 гг. увеличил валовый сбор и денежные доходы артели. Было 6 автомашин, но не все эксплуатировались из-за того, что колхозам не продавались запасные части к ним. Колхоз не радиофицирован»⁴.

В 1954–1957 гг. Делехово входило в Кремлевский сельсовет Горловского района Рязанской области. В 1957 г. Делехово и поселок Южный передали во вновь образованный Хворощавский сельсовет. В его составе село вошло в Скопинский район Рязанской области после упразднения Горловского района в 1959 г.

В 1965 г. в Делехово работала восьмилетняя школа, клуб, библиотека, медпункт, магазин. Жители трудились в объединенном колхозе им. В.П. Чкалова Хворощавского сельсовета⁵.

В составе Хворощавского сельсовета Делехово находилось и в 1980-х гг. В селе находилась центральная усадьба колхоза им. В.П. Чкалова, работали механические мастерские, восьмилетняя школа, дом культуры, магазин, медпункт. В селе был оборудован водопровод. Колхоз им. Чкалова специализировался на молочно-мясном животноводстве, выращивании зерновых, картофелеводстве, пчеловодстве (имелась пасека на 50 пчелиных семей). Площадь землепользования колхоза составляла 5 617 га, в т.ч. пашни – 4 470 га. В колхозе дер-

¹ Ленинская искра, № 26. – 1946. – 9 мая.

² Ленинская искра, № 18. – 1949. – 17 февраля.

³ Ленинская искра, № 129 – 1949. – 25 октября.

⁴ Ленинская искра, № 102. – 1956. – 20 декабря.

⁵ Архив Скопинского района ф. 412, л. 1.

жали 800 голов крупного рогатого скота, в том числе 380 коров. С 1980 г. в селе началось строительство жилых домов для специалистов сельского хозяйства. В 1986–1987 гг. к селу проложили дорогу с твердым покрытием. В конце 1980-х гг. завершилось строительство нового животноводческого комплекса на 400 голов крупного рогатого скота и механической мастерской¹.

Распад Советского Союза положил начало новому этапу в истории российского села. В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в делеховском колхозе им. В.П. Чкалова была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в АОЗТ «Делехово», деятельность которого впоследствии была приостановлена.

К середине 1990-х гг. здание делеховской Архангельской церкви 1896 г. постройки пришло в окончательное запустение. Инициатором его возрождения выступила уроженка села Раиса Михайловна Посадская, бывшая директор делеховской школы. 15 февраля 1998 г., на праздник Сретения Господня, состоялось освящение возрождаемого храма, которое совершил архиепископ Рязанский и Касимовский Симон². В настоящее время храм действует, его купол и шпиль колокольни восстановлены (последний – в марте 2015 г.), идет ремонт внутренних помещений. Служит в Архангельской церкви архимандрит Варлаам (Василий Михайлович) Лункин³, представитель крестьянской семьи из Делехово.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Делехово было включено в состав Павелецкого городского поселения с административным центром в рабочем поселке Павелец.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в селе Делехово Скопинского района Рязанской области постоянно проживают 126 человек – 51 мужчина и 75 женщин. Потомки многих жителей села переселились в окрестные города и поселки, поэтому в летние месяцы Делехово оживает за счет приезда дачников.

В 2014 г. в Делехове провели газовую магистраль. Газета «Рязанские ведомости» по этому поводу писала: «Холода нынешней зимы впервые за долгие годы жители села Делехова Скопинского района встретили спокойно. На улице – за тридцать, а в домах тепло и уютно. Не надо вставать в пять часов утра, топить печь, выгребать золу и угольную пыль, надевать на себя теплые вещи. Чиркнул спичкой, и по дому разлилось благодатное тепло, а на кухне за считанные минуты зафыркал чайник, приглашая хозяйку к столу. В такие минуты забывается все плохое, что случалось в их жизни. Словно и не было того времени, когда приходилось разрываться между бытовыми неудобствами и работой. <...> Владельцы домов с 2007 г.

¹ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 7. – Рязань, 2006. – С. 104.

² Симон /Новиков/ (1928–2006) – епископ Рязанский и Касимовский в 1972–1978 гг., с 1978 г. – архиепископ, в 2000–2003 гг. – митрополит.

³ Варлаам /Лункин/ (р. 1939) – архимандрит, настоятель Архангельского храма в селе Делехово. Выпускник Московской духовной семинарии (1968), в том же году был хиротонисан во иеродиакона, затем во иерея.

обращались в разные инстанции, но только сегодня газ пришел в дома сельчан. Как говорит глава администрации Павелецкого городского поселения Александр Николаевич Авдохин, это стало возможным благодаря коллективным усилиям губернатора Рязанской области, администрации Скопинского района, сотрудников Скопинского филиала ОАО «Газпром газораспределение Рязанской области». Для каждого жителя Делехова – это шаг к новой жизни, знак добрых перемен не только для них, но и для района в целом. Сожалеть приходится лишь о том, что раньше этого не было сделано»¹.

В настоящее время в Делехово действуют медпункт, сельская библиотека, клуб, магазин. Усилиями уроженца села художника-любителя Юрия Николаевича Ющикова в бывшей делеховской школе создан музейный комплекс «Малая Родина». Он включает тематические экспозиции «Земли родной печальники», «Забывтые кумиры» и «Любимые барды на все времена», основу которых составляют портреты-памятники, созданные Ю.Н. Ющиковым в разные годы. Другими достопримечательностями села являются памятник погибшим в Великой Отечественной войне односельчанам (ок. 1965 г.), 12 родников, получивших в народе название «12 Апостолов», Святой источник Дмитрия Солунского, святой источник «Иордань» и уникальный сероводородный источник, вода которого используется для лечения опорно-двигательной системы².

---

¹ Рязанские ведомости, № 281, – 2014. – 27 февраля.

² По материалам Скопинской районной библиотеки.

ДЕМЕНЬШИНО

деревня

(сельское поселение Успенское)

Основание деревни Деменьшино предположительно относится к первым годам XVIII в. Она возникла на землях, принадлежавших старинному рязанскому боярскому, а позже – русскому дворянскому роду Вердеревских. Название деревни – антропоним, образованный от имени «Дементий» и его уменьшительной формы «Деменьша». Однако кем был этот Дементий, остается загадкой. Среди представителей рода Вердеревских, живших на рубеже XVII–XVIII вв., такого имени никто не носил. Не исключено, что в названии селения сохранилось воспоминание о первом деревенском старосте.

Первое документальное упоминание о деревне относится к Петровской эпохе. В переписных книгах Рязского уезда 1716 г. о селении сказано: «Деревни новоселенной Деменьщина стольника Ивана Михайлова сына Вердеревского двор помещиков, да крестьянских восемь дворов <...>, а по переписным книгам 710 года двор скоцких, <...> обоих полов 8 человек, да крестьянских 8 дворов, в них людей обоих полов пятьдесят три...»¹

Последующие владельцы деревни известны из архивного дела об ознакомлении с указом императрицы Елизаветы Петровны о борьбе с ворами и разбойниками: «1756 года июня 21 дня, Рязского уезду Мошенского разезду деревни Деменьшины помещика Алексея Петрова сына Вердеревского старосты ево Якова Минаева, помещицы Елены Васильевой дочери Вердеревской старосты ея Трофима Иевлева и со крестьяны, присланной из Рязкой воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии указа императрицы иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматривании о поимке злодеев – слышали и по оной исполнять во всем непременно в чем и подписуемся»².

По экономическим примечаниям к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленным в 1779 г., села Вердереево, Рожественно, Архангельское, Никольское, Чижово, селцо Моховое, деревни Рюмки, Ендовище тож, Дроково, Галино, Брынец, Деменьщина были «общего владения вдовствующей генеральши Елисаветы Петровны Ивенской, вдовы прапорщицы Катерины Ивановой дочери, гвардии поручика князь Сергея, гвардии сержанта князь Николая Алексеевых детей Хилковых, бригадира Ивана Иванова, поручика Петра Александрова, статского советника Алексея Алексеича детей Вердеревских, полковника Василия Ивановича Толстого, полковника князь Сергея Ивановича Одоевского, Василия Васильевича Маркова с вырезанною церковною землею»³. Располагалась деревня «на берегу речки Гремячки по течению ее на левой стороне, в коей два пруда»⁴. В «Деменьщине» насчитывалось 25 дворов, в которых проживали 137 мужских и 133 женских душ крепостных крестьян.

В окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. о принадлежности крестьян «деревни Деменьщины» сказано: «...Малолетнего Ивана Александрова сына Вердеревского 33 души, девицы Елизаветы Васильевой дочери Вердеревской

¹ РГАДА, ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 503.

² РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, л. 32.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 46, 48; д. 1240, л. 24.

⁴ Там же.

33 души, гвардии капитана и кавалера Петра Иванова сына Вердеревского 23 души, оных 23 велено считать за порутчиком Акимом Григорьевым, 22 января 1821 года проданы им Григорьевым лейтенанту Никандру Филатову и переведены оные в Саратовскую губернию»¹.

По окладной книге 1834 г., проживавшие в деревне крепостные крестьяне распределялись следующим образом: «...Девушки Настасья Александровна Альмьовой 29 поселян и 13 дворовых, чиновника 14 класса Ивана Александровича Вердеревского 40 поселянина и 9 дворовых, а с 1839 года 49 душ полковника Алексея Васильевича Голощапова; девушки Елизаветы Васильевны Вердеревской (по мужу Кобяковой) 48 душ»².

План специального межевания земель от 1 (13) ноября 1850 г. свидетельствует, что в деревне Деменьшине находилась часть владения коллежского советника Николая Ивановича Засс и его супруги Марии Петровны, за которыми числились 17 мужских душ и около 125 десятин (136 га) земли. Полковнице Елизавете Васильевне Кобяковой принадлежали 44 мужские души и свыше 115 десятин (125 га). Около 145 десятин (158 га) было размежевано за скопинским 1-й гильдии купцом Иваном Ивановичем Гречишниковым. Еще около 38 десятин (41 га) земли значились за Александром Дмитриевичем Ивинским³ и его женой Аграфеной Ивановной⁴.

По последней в истории России, 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в деревне Деменьшиной Скопинского уезда Рязанской губернии было 10 домохозяйств, в которых проживали 51 мужчина и 48 женщин. Селение лежало близ проезжей дороги из Пронска в Скопин, в нем находился постоянный двор⁵.

Подробности выхода деменьшинских крестьян из крепостной зависимости после реформы 1861 г. неизвестны. С образованием в Скопинском уезде волостей деревня вошла в Сергиевскую волость.

Данные переписи населения 1882 г. свидетельствуют, что в это время в Деменьшине было 24 домохозяйства, в которых проживали 72 мужчины и 72 женщины. Грамотой в деревне владели только 5 мужчин. Земля вокруг деревни описана как «глубокий чернозем», на ревизскую душу приходилось 2,2 десятины (2,4 га), 7 крестьянских семей арендовали 31 десятину (33,8 га) внеадельной земли. Безземельным был 1 деревенский двор, безлошадными – 8. На шести дворах держали по одной лошади, на семи – по две, на трех – по три. Все 22 избы топились по-черному. В отхожих промыслах числился 1 мужчина⁶. По сведениям за 1893 г., в деревне имелась ветряная мельница, принадлежавшая крестьянину Андрею Миرونвичу Горелову⁷.

В 1905 г. в «деревне Деменьшине» значился 41 двор, население составляло 115 мужчин и 111 женщин. В деревне по-прежнему работала ветряная мельница. При Деменьшине также обозначен хутор купца Михайлова, на котором проживали 10 человек⁸.

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 46 об – 47 об.

² ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 1 об, 27 об – 28, 33 об – 34, 60 об – 61.

³ Ивинский Александр Дмитриевич (1799–1877) – подполковник, владелец усадьбы Ерлино в Скопинском уезде Рязанской губернии (ныне в Кораблинском районе Рязанской области). Скопинский уездный предводитель дворянства в 1830–1835 гг.

⁴ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 10А – 10А об.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868 – С. 582–583; Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 26–31.

⁷ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 16 об – 17.

⁸ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 608–609.

В 1914 г. в Деменьшине было уже 49 дворов, в которых проживали 132 мужчины и 121 женщина. Все жители деревни были прихожанами Крестовоздвиженской церкви в селе Моховом¹.

Рост деревенского населения не остановила даже Первая мировая война. К 1917 г. в «деревне Деменьшиной» Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 55 крестьянских дворов, население составляло 179 мужчин и столько же женщин².

После укрупнения уездов Рязанской губернии в 1925 г. Деменьшино включили в Ерлинскую волость. Казалось бы, время массового голода в Поволжье 1921–1922 гг., отразившегося и на других регионах страны, уже прошло, однако положение с продовольствием в Рязанской губернии все еще оставалось тяжелым. Скопинская газета «Коллектив» писала: «Повсеместно по уезду чувствуется острое недоедание у населения и наблюдается питание суррогатами. Волости: Володарская, Ерлинская, Горловская (кроме 3-х деревень), Казинская, Милославская, Павелецкая, Победенская (за исключением малой ее части), Хаввертовская, Чуриковская и Чернавская определенно голодают и нуждаются в немедленном оказании помощи. В Ерлинском ВИК выдается хлеб для беднейшего населения. Но в порядке выдачи – есть недочеты: так напр., гр-н Щукин вместо 1 пуда получил 30 фунтов с мешком, гр-н Горелов[а] и Кондратьевы[х] д. Деменьшина тоже обвесили. Нужно проверить весы и исправить ошибки. Потом, разве это правильно? – берут за провоз с одного пуда 15 коп.; эти же суммы берут и с 20, 30 и 18 фунтов и не берут во внимание мешок, который следовало бы вывешивать как тару. Все это нужно исправить, ведь бедняку дорог каждый фунт хлеба»³.

До 1929 г. деревня находилась в составе укрупненного Скопинского уезда. С отменой старого административного деления на волости, уезды и губернии она вошла в Пронский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1931 г. на волне массовой коллективизации в деревне Деменьшино Пронского района Московской области был образован колхоз «2-я пятилетка».

В годы Великой Отечественной войны прославился уроженец деревни Деменьшино Петр Тимофеевич Горелов (1923–?). В сентябре 1941 г. он был призван в РККА и направлен на фронт. Разведчик 270-го гвардейского стрелкового полка 89-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии (Степной фронт) гвардии рядовой П.Т. Горелов 28 сентября 1943 г. одним из первых преодолел р. Днепр в районе села Келеберда Кременчугского района Полтавской области УССР. В составе группы разведчиков он в течение двух суток удерживал захваченный рубеж, отразив шесть вражеских контратак, лично уничтожил танк противника. В ночь на 30 сентября 1943 г., когда у разведгруппы кончились боеприпасы, П.Т. Горелов переплыл на левый берег Днепра и к утру на лодке доставил ящик с патронами и гранатами. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии красноармейцу П.Т. Горелову было присвоено звание Героя Советского Союза. До окончания войны он также был награжден орденом Красного Знамени (1943) и медалью «За боевые заслуги» (1943). После демобилизации П.Т. Горелов проживал в городе Гомеле (БССР).

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 583–584.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

³ Коллектив, № 57. – 1925. – 6 июня.

В рамках линии на укрупнение колхозов в 1950 г. деменьшинский колхоз «2-я пятилетка» был объединен с колхозами «Борьба» деревни Рюмки и «7-й съезд Советов» деревни Гривцы Мамоновского сельсовета, «Ударник» села Моховое и «Светлый путь» деревни Галино Моховского сельсовета. Получившееся в итоге крупное хозяйство назвали колхоз «Светлый путь» Моховского сельсовета Пронского района Рязанской области. В декабре 1962 г. он был передан Старожиловскому району, а в марте 1963 г. отошел к Скопинскому. Площадь колхозных земель в это время составляла 2993 га¹.

В 1964 г. в Моховском сельсовете Скопинского района Рязанской области находились село Моховое, деревни Галино, Гривцы, Деменьшино, Рюмки. На его территории действовали клуб, медпункт, библиотека, магазин, ларек². В таком составе Моховский сельсовет просуществовал до конца советской эпохи.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Деменьшино вошла в число населенных пунктов Успенского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в деревне Деменьшино Успенского сельского поселения Скопинского района постоянно проживают 47 человек – 21 мужчина и 26 женщин.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 388, л. 1.

² Архив Скопинского района, ф. 391, л. 1.

ДМИТРИЕВО

село

(сельское поселение Горловское)

Село Дмитриево (Дмитриевское, Горловские выселки), находящееся «при р. Вёрде, по правую сторону Епифанской дороги»¹, появилось ориентировочно во 2-ой пол. XVIII в. Первоначально оно было деревней, выселившейся из близлежащего села Горлова для удобства обработки десятинной пашни в Скопинской дворцовой волости. С 1732 г. Скопинская волость была приписана к дворцовой Конюшенной конторе, в екатерининское время преобразованной в дворцовую Конюшенную канцелярию.

Связь жителей деревни с Горловом подчеркивает то обстоятельство, что до середины XIX в. они оставались прихожанами Дмитриевской церкви в этом селе. С почитанием Св. Димитрия Солунского связано, очевидно, и позднее название села. Однако первые документальные упоминания о нем сообщают и о других, ныне позабытых названиях этого поселения. Так, например, в черновике экономических примечаний к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составившемся ок. 1778 г., позднее Дмитриево упоминается как «выселки Вёрды» с 49 дворами, в которых по 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1763 г., числились «184 душ, налицо 178 душ»².

В итоговых экономических примечаниях к плану Генерального межевания 1779 г. деревня значится как «Дмитриево, Горловские выселки тож» владения дворцовой Конюшенной канцелярии. В ней, судя по документу, было 49 дворов, проживали 106 мужских и 102 женские души. О местоположении деревни также сообщалось: «Лежит на правой стороне верха Риова, в коем пруд, и по обе стороны реки Вёрды, ложины Степной», в ее истоках³.

На чертеже (плане) Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. деревня обозначена как «Выселки Горлово». Ее строения тянулись по правому берегу Вёрды от верха Ревы вниз по течению реки, а также и по левому до безымянного ручья и далее за ним ниже по течению Вёрды, на месте нынешней ул. Воронина. Наибольшая протяженность деревни по левому берегу – около 200 саженей (427 м). Здесь дворы стояли ближе к реке. По правому берегу от верха Рева до Вёрды уже шла улица, ныне носящая название Центральной. Дворы располагались вдоль дороги, а огороды спускались к реке. На противоположном берегу ее были только огороды без строений⁴.

Карты А.И. Менде 1850 г. передают название поселения как «деревня Дмитриевка (Выселки)». Она находилась в истоках р. Вёрды. В это время у западной околицы деревни стояла одна, а у юго-западной – три ветряные мельницы. В деревне в середине XIX в. было всего две улицы, но планировка поселения обращает на себя внимание своей правильностью⁵. По данным последней в истории России 10-й ревизии, проводившейся в 1858 г., в деревне Дмитри-

¹ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 200.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 17.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 17; д. 1241, л. 14.

⁴ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 590–591; карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

ево (Горловские выселки) было 80 домохозяйств, в которых проживали 513 душ «мужеска» и 534 – «женска полу»¹.

В разряде коннозаводских местные крестьяне состояли до самой отмены крепостного права. После того как в 1835 г. прекратили работу скопинские конные заводы, они обслуживали Скопинский рассадник кровных азиатских лошадей, созданный в 1843 г. После 1861 г. они перешли в категорию «бывших государственных крестьян».

Об истории местной церкви многомное исследование И.В. Добролюбова сообщает следующее: «В 1856 г. священником села Горлово Павлом Федоровичем Мизеровым куплена была деревянная церковь на его же собственный капитал, которая в 1858 г. и поставлена была в дер. Дмитриевское (Горловские выселки) в качестве кладбищенской, с устройством в ней престола в честь Архистратига Божия Михаила. В 1859 г. по указу Святейшего Синода от 29 октября за № 1.115 обращена в приходскую»².

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Дмитриеве (Горловских выселках), «селе бывшем государственном» при р. Вёрде, было 166 дворов и 1214 жителей. В селе действовали православная церковь и красильня³.

По переписи населения 1882 г., в Дмитриеве насчитывалось 175 домохозяйств, в которых проживали 664 мужчины и 651 женщин. Грамотой среди них владели только 76 мужчин, 1 женщина и 60 учащихся мальчиков. В среднем по селу на душу приходилось 3,6 десятины (3,9 га) наделной земли. 164 семьи (почти все жители села) арендовали дополнительно вне-наделную землю – всего 380 десятин (415 га). В рассматриваемое время местные крестьяне собирали высокие урожаи ржи и овса – «сам-шест», т.е. в 6 раз больше посеянного. В селе числился 71 безлошадный двор, на 42 из них не было и коров. В то же время трех и более лошадей держали на 26 дворах. Из 168 изб села только 2 были выстроены из кирпича, все они были крыты соломой. При избах было 159 плетневых дворов, 40 клетей и горниц, 37 амбаров и сараев, 139 риг и овинов. Крестьяне занимались местными промыслами, в том числе и земледельческими, в отхожих числилось 208 мужчин. В селе действовали 4 промышленных заведений и кабак. До 1876 г. из Дмитриева выселилось 19 семей⁴.

В 1884 г. И.В. Добролюбов сообщил об Архангельской церкви в «селе Дмитриевском»: «Земли при ней числятся усадьбой 3 (3,27 га) и пахотной 33 десятины (36 га). В приходе первоначально состояло не более 80 дворов, но в настоящее время в нем при 175 дворах считается мужского пола 638, женского пола 651. В причте по штату 1873 г. положены 1 священник и 1 псаломщик»⁵. В 1859–1880 гг. в храме служил священник П.Ф. Мизеров, в 1880 г. его сменил на этом посту Николай Алексеевич Левитов⁶.

В 1882 г. по инициативе Дмитриевского сельского общества в селе было основано земское училище с двухлетним сроком обучения. В 1885–1886 гг. в его младшей, средней и старшей группах обучалось 72 мальчика в возрасте от 7 до 15 лет. По итогам учебного года 8 учащихся сдали выпускной экзамен и получили соответствующие свидетельства. Плата за

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 200.

³ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 328.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122–127.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 200–201.

⁶ Там же. С. 201.

обучение с учащихя не взималась. В 1880-х гг. здание дмитриевского училища было деревянным и имело площадь 72 кв. аршина (36,41 кв. м), объем 270 куб. аршин (136,5 куб. м), было покрыто железом и отапливалось голландской и русской печами. Крестьяне тратили на отопление училища, наем сторожа и ремонт здания 60 рублей в год, общая сумма расходов с учетом платы учителям составляла 379 рублей. При школе имелось помещение для учителя, небольшая библиотека. Попечителем училища с 1885 г. состоял крестьянин С.В. Венедиктов, законоучителем с 1882 г. священник И.Н. Караулов, учителем – окончивший курс двухклассного Скопинского училища Ф.И. Черенков¹.

По данным ревизии 1893 г. «учеников в школе 53. Учителем состоит окончивший курс в Гатчинском институте Тихонов, законоучителем местный священник Караулов, попечителем кр[естьянин] Богданов. К экзамену, произведенному 24 апреля Д.А. Леоновым, были представлены 6 человек, из которых не выдержал лишь один. Знание учеников, выдержавших экзамен, хороши по всем предметам, а по Закону Божию в особенности. Законоучителю Караулову училищным советом объявлена благодарность»².

3 (15) марта 1894 г. экзамен также проводил член училищного совета, помещик д. Конюховки Д.А. Леонов. Он отметил в докладе: «Учеников в школе – 56. Школа по преподаванию находится в прекрасном состоянии. Младшее отделение хорошо по всем предметам. Одинаково хорошо и среднее отделение, исключая чтение, которое несколько не твердо. Очень хорошо старшее отделение. Особенно блестяще поставлено в школе преподавание Закона Божия. К экзамену произведенному Д.А. Леоновым было представлено все старшее отделение, 7 человек, из которого выдержали 6. Законоучитель – священник Караулов представлен училищным советом преосвященному к награждению»².

В 1901 г. на средства прихожан в Дмитриеве было возведено новое здание Архангельской церкви – кирпичное и под железной крышей. Потомок жителей села И.А. Лебедев сообщил: «Строили ее в конце XIX в. на народные деньги. Собирали не только деньги с жителей, но и яйца для приготовления раствора для кладки стен. Мой прадед Ерофей три раза был доверенным лицом по распоряжению денежными средствами на строительство храма. При открытии церкви в ней одной из первых венчалась внучка Ерофея Ульяна».

В 1905 г. в Дмитриеве насчитывался 241 двор. В селе проживали 912 мужчин и 900 женщин, действовали церковь, земская школа, четыре ветряные мельницы, просорушка, кирпичный завод³. Мельницы, как и все остальные промышленные заведения, облагались промысловым налогом, размер которого устанавливался земской управой. Сумма выплаты зависела от получаемой владельцем прибыли, от количества размолотого зерна. Имена дмитриевских мельников устанавливаются по их прошениям, рассматривавшимся в ходе заседаний Скопинского уездного земского собрания. Так, например, в 1910 г. земское собрание приняло решение понизить ставку промыслового налога на ветряные мельницы крестьян Тихона Тимофеевича Гореликова, Ивлия Тимофеевича Гореликова, Бориса Фомича Бобкова и Андрея Фроловича Улитина, «так как в селе Горлове заработала паровая мельница князей Голицыных»⁴.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 8–13, 23.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года., Скопин, 1894. – С. 92, 93.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 626–627.

⁴ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года, Скопин, 1911. – С. 222.

К 1908 г. в селе действовала не только земская школа, полезная площадь помещений которой составляла 45 кв. аршин (22,8 кв. м.), но и недавно открытая школа грамоты. Из 1802 жителей Дмитриева 163 были детьми школьного возраста, однако обучались в школах всего 70 человек¹.

В 1914 г. в Архангельской церкви в Дмитриеве служил священник Федор Михайлович Петропавловский². При храме имелась небольшая библиотечка, в которой было 19 книг духовного содержания. К этому времени при церкви по-прежнему оставались 3 десятины 1200 саженой (3,8 га) усадебной земли и 30 десятин (32,7 га) пахотной. В год начала Первой мировой войны в Дмитриеве было уже 239 крестьянских дворов, население которых составляли 877 мужчин и 888 женщин³. По отчету за 1916 г. в Дмитриеве значилась земская двухкомплектная школа⁴.

В 1917 г. в селе Дмитриеве Горловской волости Скопинского уезда Рязанской губернии значился 281 двор, в которых проживали 1015 мужчин и 1036 женщин⁵. Советская власть пришла в волость в декабре 1917 г., в 1918 г. в Дмитриеве уже действовал свой сельсовет.

Гражданская война обошла стороной Скопинский уезд Рязанской губернии. В ее годы местные крестьяне в основном были погружены в решение проблем выживания и не проявляли большой политической активности. Однако были среди жителей уезда и те, кто рвался в бой за светлое будущее. Так, например, 28 сентября 1918 г. «бывший крестьянин села Дмитриева, бывший начальник пулеметной команды 2-го Партизанского отряда Балтийского флота и 1-го Красноармейского полка 49-го корпуса» Михаил Петрович Егоров писал председателю Скопинской уездной ЧК: «Как Вам известно, 1-го октября назначен призыв всех офицеров для зачисления в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. <...> В число призываемых попадаю и я как бывший подпоручик 14-го Финляндского стрелкового полка, пулеметной команды. Я всей душой рад отдать все силы, знания и опытность свою горячо любимому коммунизму, рад положить жизнь свою за великие идеи его. Я много сделал уже в этом направлении. Спросите, кто организовал военно-революционные Советы в 5-й пехотной дивизии и вел и их к свержению буржуазного правительства, а после Октябрьской революции был председателем дивизионного Военно-революционного комитета, и Вам ответят, что Егоров делал все это не щадя ни сил, ни жизни. Мною уже была сформирована и обучена пулеметная команда, действовавшая совместно с матросами Дыбенко⁶ под моим командованием под Нарвой, где я, несмотря на ранение в ногу, оставался на своем ответственном посту, сдерживал яростные атаки ненавистной белой гвардии...»⁷

С упразднением дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии, в 1929 г. Дмитриево стало населенным пунктом вновь образованного Горловского района, включенного в Тульский округ Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

¹ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии, Скопин, 1908 – С. 38–39.

² Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 445.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 558–559.

⁴ Отчет за 1916 год, Скопин, 1918. – С. 170.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

⁶ Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) – в 1917 г. – председатель Центрального комитета Балтийского флота («Центробатга»), первый народный комиссар по морским делам РСФСР в 1917 – 1918 гг. В феврале 1918 г. командовал отрядом моряков под Нарвой.

⁷ ГАРО, ф. П-1436, оп. 1, д. 2, л. 16–18.

Коллективизация в Дмитриеве проходила трудно. Крестьяне и избранный ими сельсовет встретили навязываемые сверху нововведения без особого энтузиазма. Против организации колхоза выступали даже середняки, которых, в случае сопротивления инициативам власти, районная пресса тут же переквалифицировала в «подкулачников». В январе 1931 г. горловская газета «Ленинская искра» писала, что в Дмитриеве накануне перевыборов сельсовета, который блокировал создание колхоза, «подкулачник явился на избирательное собрание с топором в руках и кричал: “Расходитесь, а то всех перебыю!” Пытался сорвать перевыборы. В этом же совете, благодаря кулацкой агитации, избиратели не принимали наказа с пунктом о коллективизации»¹. Один из зажиточных дмитриевских крестьян, имевший твердое задание по мясозаготовкам, явившись в сельсовет, заявил, что ему «беднота не дает корову сдавать». Большинство бедноты, сознавая свою зависимость от кулаков, выступала на их стороне. Когда уполномоченный Горловского РИКа поставил на собрании дмитриевских бедняков вопрос о выполнении кулаками твердых заданий, то бедняки заявили, что «у нас нет кулаков, кого вы считаете кулаками, они не кулаки, они нам помогают, разорите их – разорите нас»².

В 1931 г. в Дмитриеве был создан колхоз «Новая жизнь». Однако сопротивление противников колхозного строя не прекратилось, оно продолжилось уже внутри созданной артели и приняло формы саботажа. В 1932 г. горловская районная газета сообщала о том, что счетовод дмитриевского колхоза «Новая жизнь» П.М. Плущников заявлял колхозникам: ««Если я буду счетоводом, то колхоз обязательно развалю». Осенью ему было дано на хранение 2 воза горчицы и 3,5 копны проса, но он их израсходовал на собственные нужды»³.

Не вступивших в колхоз крестьян-единоличников и особенно кулаков обложили повышенным сельхозналогом, выдали твердые задания и соответствующие им планы и количественные показатели сева. Однако наложенные сельсоветом повышенные поставки сельхозпродуктов государству дмитриевские крестьяне саботировали. В 1932 г. наиболее активным противникам политики властей пришлось отвечать за свои дела. «Ленинская искра» сообщала: «...Выездная сессия народного суда, рассмотрев дела о невыполнении твердых заданий кулацкими хозяйствами, приговорила П.Л. Глотова к 2 годам лишения свободы с конфискации имущества, Я.Е. Дьянова к 3 годам лишения свободы с конфискацией лошади, коровы, семи штук овец, четырех уток и пяти гусей, А.И. Миусова к 3 годам лишения свободы с конфискацией имущества»⁴.

К 1934 г. коллективизацией было охвачено 160 из 286 дмитриевских хозяйств. Как и в других населенных пунктах Горловского района, постепенно колхозная жизнь налаживалась. При всех недостатках, были в ней и неоспоримые плюсы для рязанского крестьянства: повысился уровень жизни в селах, люди стали забывать о регулярно повторявшихся до революции голодных годах.

Антиколхозная агитация не прошла даром некоторым жителям села. 14 сентября 1937 г. в Дмитриеве был арестован колхозник Иван Григорьевич Спорьихин (1877–1937). В октябре он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «резкой контрреволюционной агитации, направленной против колхозного строительства». 13 октября 1937 г. он был расстрелян на Бутовском полигоне в Подмосковье. Там же по сходному обвинению 27 ноября 1937 г. был казнен другой уроженец села Михаил Аристархович Лапин (1908–1937).

¹ Ленинская искра, №1. – 1931. – 12 января.

² Ленинская искра, №15. – 1931. – 23 марта.

³ Ленинская искра, № 37. – 1932. – 8 апреля.

⁴ Ленинская искра, № 118. – 1932. – 30 сентября.

О судьбе Архангельской церкви в Дмитриеве в годы борьбы с религией А.И. Лебедев со слов своих родственников сообщил: «Храм простоял около 30 лет. Коммунисты решили его разрушить, удалось разобрать только колокольню. Но перед этим нужно было снять колокол. Никто не хотел это совершать, вера в Бога не давала это сделать людям. Но нашелся из актива человек по фамилии Чуркин, гольтмба. Проклинали и ругали его бабки за это дело, но колокол был сорван. Вскоре судьба Чуркина оказалась трагична, он был найден под обвалившимся на него накатом погребца. Закрытая церковь в 1930-е гг. «по просьбе трудящихся», использовалась как зернохранилище. От разрушенной колокольни остался фундамент, трапезная».

В 1937 г. Горловский район был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., осталось следующее описание Дмитриева, сделанное участником экспедиции Н.А. Васильевым: «В 4-х км к северо-востоку от Горлова по грунтовой дороге на Пронск лежит село Дмитриево, 1004 человека жителей, одно из сравнительно старых сел, как выселки села Горлово, оно во второй половине XVIII столетия имело 49 дворов... Территория современного села охватывает значительную часть местного водосбора истоков р. Вёрды. В период половодья Вёрда не разливается. До Октябрьской революции было 5 чайных, ряд лавок. Жилые постройки, примерно половина каменные (железный кирпич), вторая половина деревянные, крыша обыкновенно соломенная (80 %), железная черепичная – единичные случаи. Неграмотных 70 человек. Имеется телефонная связь. Медпомощь получается в Горлово. Школа начальная, постройки 1915 г., земством. Имеются сезонные колхозные ясли на 50 детей. Ветряных мельниц было 4, ныне одна, если не считать конной просорушки. Клуб работает, бани нет. Село квадратом раскинулось вдоль пологих берегов ряда речных истоков. Вокруг него в 2–3 км появились молодые поселки – Большой колодец (Катинские выселки) и Большой луг (Дмитриевские выселки). В Дмитриево имеется три пруда, четвертый в поле, число колодцев невелико – 17, грунтовые воды встречаются неглубоко – до 10 метров. Село в районе известно нахождением правления с/х артели, принявшей на себя функции районного семенного хозяйства (райсемхоза) с обязанностью выращивания при высокой агротехнике высоких урожаев зерновых культур. Райсемхоз с площади 1162 га получил урожай 8 ц с га»¹. Наряду с семеноводческой направленностью в колхозе развивалось и животноводство: в 1938 г. в «Новой жизни» было 66 единиц крупного рогатого скота (в т.ч. 33 коровы), 49 свиней (в т.ч. 15 свиноматок), 76 овец, 196 лошадей (в т.ч. 115 рабочих)².

С началом Великой Отечественной войны многие дмитриевские мужчины были мобилизованы в РККА. В ноябре 1941 г. село оказалось на оккупированной врагом территории. В Дмитриеве в это время оставались только женщины, старики и дети. Скот эвакуировать не успели. Житель села Александр Николаевич Мизерев вспоминал о днях оккупации: «В землянках жили на той стороне Вёрды, нас туда немец выгнал: «Матка, матка забирай». А потом, когда уходить – последние дни – загнал туда, где конюшня, там яма была. А воротина – ту голую от конюшни на эту яму и положили... Дней десять был, две недели... У них гранату утащил, маме картошку толочь, ручки деревянные такие... Вот они ходили, курицу немец пистолетом стрелял, чугулки с мамой ходил после собирал, немцы брали, с яйцами брали. Вон там собирали, домой свое взять. А так у нас ничего не тронули, никого не убили. Еще мне в

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Описание Горловского района, лл. 10–11; Тетрадь «Колхоз «Новая жизнь».

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

глаза, помню, бросилось: надевали на немца рубахи такие длинные. Сгорбатятся, стоят, а на них натягивают. Солдат называется, какие это солдаты были?.. А потом наши уже пошли. По левому берегу пушки тянули, два дня волокли. Ехали, ехали... Верховые – кавалерия в шубах, маленькие лошади, по правому берегу Вёрды». Своими воспоминаниями поделилась и Мария Николаевна Евсютина (1925–1999) праправнучка священника П.Ф. Мизерова: «И вот только он ушел, немец, может там день, пролетел самолет. И он низом пролетел, нас и не захватил. И начал бомбить. Первый он фугас бросил в Оболонковых дом. Рядом жила бабка Варвара, маленький домик деревянный, он в него бросил, дом весь разрушился. Это между нами и Оболонковыми в поселке, в эту сторону от нас. Весь был домик он небольшой, деревянный, и он весь вразналогу с одной бомбы... Когда самолет стал бомбить, мы начали вытаскивать продукты, горох... Немцы кое-чего растащили... Только я начала вытаскивать в мешках – бревно взлетело и прям мне по губам ударило, бревно-то. Кровь была – будь здоров. Но тут было не до крови, все вытаскивала... И потом пролетел на конюшню, сбросил на конюшню две фугасы, загорелась конюшня. А у нас там, за огородом, рядом конюшня стояла. Лошадей во время немца растащили, и она была пустая. В каждой бригаде была конюшня, семь бригад – семь конюшен. Лошадей растащили, когда немец пришел. Сделана была из соломы, как рига была сделана. С земли и до верха одна солома... А справа от нас, в эту сторону, сюда, к Горлову, тут сгорели два дома, там жили два брата. В одном дед Афанасий, а в другом доме дед Иван – Горожановы. Он туда зажигательный бросил, в один дом и в другой, они оба загорелись... Они спокойно горели, как свечи... А ведь солома, она как горит? Страшно как горит, невозможно. А наш дом тоже соломой был покрыт. И двор, и дом. Ну мы зато своих-то вытащили, мама ребят, восемь человек, мама девятая. Но нам помогал дядя наш... Он нам тогда сказал: “Давайте постелки, одеялки собирайте, лохмотки – и на крышу, накрывать и заливать водой”. А иначе не спасешь от такой жары. Такой огонь был! Горела как лампочка, страшно как горело. Он влез, все накрыл... Я была шустрая. Начали таскать воду. Зинка стала черпать. У нее ничего не получается, медленно... Я слезла черпать воду, колодец у нас напротив. Я до того черпала, вот как электричество идет – автомат. Верка, Олька, Зинка – все таскали воду. Больше никого людей. Там они свои дома спасали... Поливали, поливали – залили, так и дом отстояли»¹.

О других разрушениях в селе в период оккупации сообщает акт сельского совета от 13 марта 1942 г.: «По свидетельству председателя сельсовета села Дмитриево т. А.А. Филиной, председателя колхоза В.П. Глотова, секретаря К.И. Евсютиной, заведующего школой А.Д. Медведева во время оккупации села Дмитриево сожжена школа (остались одни стены), выставлены и сожжены рамы в клубе, сожжена сцена и скамьи клуба и т.п.»².

В 1942–1946 гг. Горловский район вновь административно подчинялся Московской области. В уборочную 1942 г. вместе «с председателем колхоза Ф. Артамоновым все трудоспособное население села колхоза «Новая жизнь» вышло на уборку ржи, собрались на площади по бригадам с крюками и граблями. Тут же и жатки, конные грабли. Собрались для проверки готовности. А до начала проверки под двурядную гармонь веселись, то хором затягивали песню, то резко в плясовую. Потом собравшихся обходил секретарь райкома П. Демидов. Подошел к вязальщице, 57-летней Фекле Дмитриевне Герасимовой, поинтересовался насчет нормы выработки. “В прошлом 0,6, а вот ныне 0,66”, – отвечает. Приехали проверять готовность и из соревнующегося колхоза «Новая жизнь» села Катиню. Им, то опускаая, то поднимая

¹ Сообщение И.А. Лебедева.

² ГАРО, Ф. П-1437, оп. 2, д. 24, лл. 7–8.

голову, твердо отвечает Иван Григорьевич Горажанов. У вязальщицы Евсютиной на граблях нет двух зубьев. “Сегодня они будут”, – краснея и улыбаясь ответила та, а Пелагея Захаровна Свирина, прерывая неловкую паузу, тут же вставила, что «она сама может отбить косу... ну, а на работе от мужчин не отстану». Все знали, что в довоенном году по-стахановски работала Миусова Мария, не уступала мужчинам, поэтому стремились встать с ней в один ряд. Проверку закончили. А уж снова послышалась двухрядка. В круг вышли две крестьянки и закужились. Послышался звонкий голос Нюры Гусевой:

«По завету Ленина,
По завету Сталина,
Мы построили колхоз –
Верный путь крестьянина...»

В стороне пошли пожилые колхозницы, слушая уже частушки и разговаривая между собой: “Боевая девка, 17 лет, руководит звеном, справляется с любой работой, словно мужчина. Нынче будет косить рожь”¹. После уборки в правлении наперебой обсуждали: «Бывало в колхозе все мужики косили, в этом Мария Евсютина, Екатерина Тушкина, Клавдия Жилкина выполнили по полторы нормы. Они пожалуй потянутся и не с одним мужчиной не только в количестве, но и в качестве. А вязальщицы? Александра Доронина, Анна и Прасковья Глотовы, Ксения Мизерева по две нормы выполнили. Этого же никогда не было до войны»². Дмитриевская начальная школа, которой в это время заведовал Андрей Дмитриевич Медведев, также помогала колхозу в уборке урожая.

В годы Великой Отечественной войны уроженцы Дмитриева сражались на многих фронтах. Некоторые из них дошли до Берлина. Например, уроженец села ефрейтор Степан Иванович Анчуткин (1924–?), огнеметчик 597-го стрелкового полка, за участие в уличных боях в германской столице 2 мая 1945 г. был награжден орденом Славы 3-й степени.

Окончание войны не сразу принесло облегчение дмитриевским колхозникам. Расслабиться им было нельзя. Колхоз «Новая жизнь» являлся сортовым хозяйством обслуживавшим весь район. Чуть не углядел – беда. В 1946 г. в колхозе была допущена порча всех яровых культур на 75 % по всхожести и частично по сортовому смешению³. Но скандал более-менее удалось замять.

Средоточием культурной жизни послевоенного Дмитриева был местный клуб. При нем действовал хоровой кружок, которым руководил Петр Евстигнеевич Жилкин. Им были охвачены 22 человека, не исключая 75-летнего Д.А. Дворянова. Председатель сельсовета К. Евсютина поощряла эту культурную инициативу⁴.

В 1950 г. в дмитриевском колхозе «Новая жизнь» числилось 210 хозяйств, в которых проживали 206 трудоспособных работников. Площадь обрабатывавшихся колхозом земель составляла 2437 га, в т.ч. 1936 га пашни и 208 га сенокоса. В колхозе было 199 лошадей, 88 голов крупного рогатого скота, 15 свиней, 165 голов птицы. В этом же году в колхоз в рамках политики укрупнения хозяйств были влиты два соседних колхоза – «Дружба» села Большой луг, существовавший с 1933 г., и «Память Кирова» деревни Даниловки, образованный в 1935 г.

¹ Ленинская искра, № 38. – 1942. – 30 июля; № 30. – 1942. – 2 июля.

² Ленинская искра, № 42. – 1942. – 13 августа.

³ Ленинская искра, № 52. – 1946. – 3 октября.

⁴ Ленинская искра, № 3. – 1946. – 13 января.

В 1954 г. в Дмитриеве был ликвидирован сельсовет, а село вошло в состав Горловского сельсовета. Ему же административно был передан укрупненный колхоз «Новая жизнь». После упразднения Горловского района в 1959 г. Дмитриево стало населенным пунктом Скопинского района Рязанской области.

В 1963 г. дмитриевский колхоз «Новая жизнь» был переименован в сельхозартель «Победа» Горловского сельсовета Скопинского района Рязанской области. К 1964 г. за ней было закреплено 2423,52 га земли¹.

По решению Скопинского райисполкома от 24 ноября 1970 г. на базе земель и имущества колхозов «Культура» Богословского сельсовета и «Победа» Горловского сельсовета был создан совхоз «Культура» с центральной усадьбой в селе Богослове. В 1974 г. в совхозе действовали два отделения – Богословское и Дмитриевское².

В 1980 г. в селе Дмитриеве Горловского сельсовета насчитывалось 165 жителей. В селе, помимо отделения совхоза «Культура», в составе которого имела молочно-товарная ферма, работали начальная школа, медпункт, магазин.

Приметой времени в 1980–1990-х гг. стала депопуляция села, вызванная оттоком молодежи в города. К 1990 г. в нем остались 83 жителя, занимавшихся сельским хозяйством³.

После распада Советского Союза деструктивные процессы в сельском хозяйстве на Рязанщине лишь усугубились. Урожай зерновых в дмитриевском отделении совхоза «Культура» в последние годы его существования упали ниже 9 ц с га. Коров перевели с фермы в Дмитриеве на центральную усадьбу в Богослове. Потом забрали и последний исправный трактор. В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в совхозе «Культура» была проведена приватизация земли и его реорганизация.

В конце 1992 г. семья дмитриевцев Агуревых обратилась в общероссийскую газету «Труд» с письмом, описывавшим бедственное положение сельских жителей в новых реалиях постсоветской жизни. В своем обращении они писали: «...Больше 30 лет отработали мы с мужем в совхозе «Культура» отд. № 2 село Дмитриево, я – мастером машинного доения, муж – механизатором, а последние 10 лет – возчиком молока. В апреле этого года наше отделение переименовали в акционерное общество «Агродрев». Представители а/о проживают в Павловском Посаде – Даткаев Валерий Григорьевич и Федоров Владимир Михайлович. А какое предприятие они представляли для нас и чем они занимаются – мы не знаем. В апреле было общее собрание жителей нашего села под руководством нашего директора совхоза «Культура» Новикова Николая Георгиевича в присутствии Даткаева и Федорова, которые решили купить наше отделение. Выступая перед нами, они наобещали «золотые горы». Поверив им, мы согласились на продажу наших земель. Лично для меня они обещали улучшить труд доярки.

В.Г. Даткаев предложил всем рабочим написать заявление о переводе из совхоза «Культура» в а/о «Агродрев». Заявления мы написали.

Отработав 10 дней дояркой в новой организации, мы получили первый обман – этих коров угнали в центральное отделение совхоза. Оказалось, что наше новое руководство их не

¹ Архив Скопинского района, ф. 248, л. 1.

² Архив Скопинского района, ф. 461, лл. 1, 3.

³ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. – Рязань, 2006. – С. 109.

купило. Хотя все рабочие писали заявление о переводе с указанием своей профессии, многие из нас оказались без нее, и нас посылали на разные работы. Убрал урожай, мы остались без работы, а наше руководство нас покинуло. Забрав последний рабочий трактор, на котором работал Прохоров Анатолий Иванович, они оставили нас с двумя нерабочими тракторами. Не подумали они о нас, что мы жители глухой деревни, от которой до больницы 5 км, что нужно нам привезти и уголь, и дрова.

В сентябре–октябре мы являлись на работу и в ненастную погоду. Фронт работы нам не обеспечивали, но В.Г. Даткаев сказал, что тому, кто является в плохую погоду на работу, будет ставиться 8-часовой рабочий день. Однако нас опять обманули – нам не оплатили эти дни. А в чем были виноваты мы?

А с ноября мы все остались без работы. Начальники у нас не появляются. А на собрании они нам обещали, что без работы никто не останется. И опять нас обманули.

Оформлялись мы в а/о «Агродрев» переводом из совхоза «Культура», но вовремя не успели оформить трудовые книжки, и их бухгалтер сказала нам, что мы все временно работающие, и ссылаются на это, не предоставив нам работу.

Не оплатили они нам и выходные дни по закону в двойном размере. Не платят они нам и «чернобыльские», т.к. наша зона оказалась зараженной.

И оставили они нас у «разбитого корыта». Рабочих нас всего 10 человек.

Дорогая редакция, просим вас разобраться в нашем вопросе и дать нам письменный ответ, т.к. подписаться на вашу газету нет денег – мы безработные»¹.

Письмо Агуреевых было передано редакцией писателю Б.А. Можаяеву², который незамедлительно посетил Дмитриево. Итогом его поездки села стал рассказ «Проданная деревня» (1993). Описывая современное состояние села, писатель констатировал: «От огромного когда-то Дмитриева, вольно расселившегося на живописных холмах посреди бескрайней степи, уцелели жалкие остатки; избы деревянные заметно обветшалые: три-четыре окошка по фасаду, из-под тесовой обшивки кое-где проступают старые бревна; красные источенные временем кирпичные дома, словно обгрызаны по углам неведомой скотиной с железными зубами. Изб всего десятка три-четыре, не больше. И только буйная поросль ветел и тополей, оставшихся от старых усадеб, да одинокий непролазный ивняк, покрывший неоглядные холмы да распадки, да огромный обезглавленный остов кирпичного храма на самом видном холме... Езда по селу, немыслимая для любого транспорта, – не дорога, а спаренная траншея <...>, и на всю глубину знаменитый русский чернозем»³.

К 2000 г. количество жителей села, занимавшихся сельским хозяйством, сократилось до 54. В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Дмитриево вошло в состав Горловского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Дмитриеве в это время постоянно проживали только 38 человек – 20 мужчин и 18 женщин.

Современное состояние села по просьбе авторов этих строк описал И.А. Лебедев: «В наши дни вытянулось село Дмитриево по обе стороны реки Вёрды на километр. Вёрда

¹ Труд, № 9–10. – 1993. – 16 января.

² Можаяев Борис Андреевич (1923–1996) – прозаик, драматург, сценарист, публицист, один из представителей «деревенской прозы» в советской литературе. Наибольшей известностью пользуется его роман-хроника «Мужики и бабы» (1966). Лауреат Государственной премии СССР (1989).

³ Труд, № 9–10. – 1993. – 16 января.

больше напоминает ручей в зарослях ракут и ив. В границах села она имеет два притока. Справа по течению в начале села – Реова (Риова). Второй мощный левый приток идет из Степного, где находится сельский пруд. Рядом с местом, где соединяются Вёрда и Реова, находится знаменитый в селе родник. Наши прадеды сделали его удобным для пользования и назвали «Дудкой», наверное из-за трубы, по которой вытекает вода. «Дудка» дает не только воду людям в селе, но и значительно подпитывает Вёрду. По левому берегу реки идет ул. Блинова (сейчас Заречная), параллельно ей, по правому – улица Богданова (сейчас Центральная). Улица вытянулась вдоль дороги из Горлова, которая то поднимается, то опускается до пересечения с Вердой. Начало улицы – ещё от луга Ревы, через верх Риовы с продолжением уже на левом берегу в виде ул. Воронина с 6 домами. На ул. Богданова жилых осталось 11 домов. Первые огоньки по этой улице, когда идешь в сумерках от станции Миллионной, в окнах семьи Локтевых. Далее, у ручья – Ворошиловы, по правой ее стороне живут Тарасовы, Бурдаковы, Ерошкины, а напротив Горожановы и Лялюшкины. Вёрда в центре села, в районе перехода улицы Богданова в Воронина, поворачивает на юго-восток, течет мимо двора Екатерины Галкиной и, между прочим, прямого потомка священника Мизерова, основателя Архангельской церкви – А.Н. Мизерева. Дальше река, вырвавшись из села, спешит к Поселку (до 1974 г. в нем ещё были жилые дома) и остались сады «барина». В конце села, по левой стороне Вёрды, где сливаются ул. Блинова и Воронина, на бугре раньше была школа и хранилище зерна, правее на самой высокой точке – кладбище, чуть дальше песчаный карьер. От места слияния улиц из села выходит дорога в Катино, минуя Катинские кусты с дубами, или направо к Мшанке и дальше в Кремлево, или поворачивая налево в Богослово. На ул. Блинова – разрушенная церковь Михаила Архангела, которая использовалась раньше для хранения зерна, бывшая кузница и около 7 жилых домов. В церкви сейчас убрались, поставили иконы и даже служба была. Рядом с церковью раньше располагались столовая и сельский клуб. Дальше за улицей, на север, в урочище тоже селились люди. Называется урочище Малым Степным. Говорят, туда переселяли людей за провинности. Еще дальше за этим урочищем были фермы и рядом местность – Большое Степное с прудом, который выкопали наши прапрадеды. На берегу пруда раньше стояла общественная баня»¹.

---

¹ Сообщение И.А. Лебедева.

ДМИТРИЕВО

село

(сельское поселение Полянское)

Село Дмитриево появилось как слобода при Свято-Дмитриевском монастыре¹ на р. Вёрде. Местная традиция относит его основание к XIV в. Патриарх рязанского краеведения священник И.В. Добролюбов пишет: «Дмитриевский Рязский мужской монастырь находится от Скопина в 7 верстах, от Куликова поля в 45, расположен на левом берегу р. Вёрды, на горе, именуемой Дмитриевскою, близ деревни Дмитриевки. Монастырь этот, по сохранившемуся преданию, основан великим князем Московским Димитрием Иоанновичем Донским после одержанной им в 1380 г. победы над татарами на поле Куликове. Инок Сергиевой лавры Александр Пересвет, отправляясь на битву, заходил на Дмитриеву гору и оставил проживавшему в то время близ часовни отшельнику свой дорожный посох, который хранится в монастыре доселе. Посох этот сделан из яблоневого дерева, первоначально хранился в алтаре, а теперь находится у клироса в футляре, запертом на замок. Верхушка этого посоха сильно попорчена богомольцами, отгрызавшими от него частички для предохранения себя от зубной боли»².

Археологические исследования подтверждают, что окрестности Дмитриевой горы были населены издревле. Здесь были выявлены четыре поселения эпохи бронзы, причем жизнь в некоторых из них, судя по найденным артефактам, продолжалась и в раннем железном веке, и в XIV–XVII вв. В 0,5 км к юго-западу от современного села Дмитриева и в 0,15 км от монастыря на склоне левого коренного берега р. Вёрды было найдено селище XI–XIII и XIV–XVII вв. Советский археолог Н.П. Милонов³ посчитал его городищем, однако никаких следов укреплений здесь обнаружено не было. Размеры памятника – ок. 40х70 м, толщина культурного слоя доходит до 0,4 м. В нем была найдена гончарная керамика XIV–XVII вв., Н.П. Милоновым также были зафиксированы обломки древнерусских сосудов. Еще одно селище XIV–XVII вв. находится в 1,2 км от северной окраины Дмитриева на высокой надпойменной террасе левого берега р. Вёрды. В его культурном слое (до 0,2 м) была найдена белоглиняная керамика XV–XVII вв.⁴

Археология, однако, не может подкрепить достоверность предания об основании Свято-Дмитриевского монастыря Дмитрием Донским. Проведенные в 2010 г. исследования т.н. «посоха Пересвета», ныне являющегося частью экспозиции историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль», также не подтвердили его связи с героями Куликовской битвы. По заключению лаборатории радиометрической датировки и изотопных исследований им. Лейбница Кильского университета (Германия), яблоневое дерево, из которого был

¹ До закрытия в 1918 г. монастырь назывался Дмитриево-Рязским, после возрождения в 1995–1996 гг. известен как Дмитриевский Скопинский мужской монастырь.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 242.

³ Милонов Николай Петрович (1896–1975) – советский историк, археолог, этнограф, краевед. Профессор (1962). В 1942–1964 гг. заведовал кафедрой истории СССР Рязанского педагогического института. С 1964 г. заведовал кафедрой методики преподавания Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской.

⁴ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 110.

изготовлен посох, не могло вырасти ранее 1663 г., а наиболее вероятный период его роста (и возможного изготовления дорожного посоха) относится к 1735–1805 гг.

Самое раннее из ныне известных документальных упоминаний о Свято-Дмитриевом монастыре и будущем селе Дмитриеве относится к концу XVI в. В платежных книгах Пехлецкого стана Рязского уезда за 1594–1597 гг. имеется запись: «Дмитриевскова монастыря, што на реке Вёрде <...>, слаботка да одна деревня Ермоловская...»¹

В писцовой книге 1629–1631 гг. о Свято-Дмитриевом монастыре и прилегающей к нему слободе говорится: «...Да на монастыре ж и в тое воротах, а на них Двоисусе, а круг монастыря замет около ево по мере вдоль двадцеть шти сажень, а поперек двадцеть пять. За монастырем слободка, а в ней крестьянских дворов: двор Панка Фомина, у него сын Куземко, двор Володка Яковлева, двор Федоско Семенова, двор Олфимка Григорьева, двор Ларка Кондратьева, двор Янко Федорова, двор Конюшка Микифорова...» (перечислены 23 крестьянских двора). «Всего за Дмитриевским монастырем слобода да деревня, а в них тритцать на девять дворов крестьянских да девятнатцеть бобьльских...» (т.е. в монастырской слободе и деревне Ермоловской в это время было в общей сложности 58 крестьянских дворов). «Пашни паханой доброй крестьянской земли и бобьльской пахоты сорок четей, перелогом шесть десят четей и дикого поля семьдесят один четь с третиком, а всего пашни паханье и перелогом и дикого сто сем десет четь с третиком в поле в дву потому ж, а сошного письма в живущей и в пусте полтрети и пол чети сохи, да недошло в сошное письмо четырех четей бес третника пашню, а з живущего по мере крестьянину и бобьли в сошное письмо платит с семи чети, сена меж поли, и по дикому поли, и по дубравам в их межах триста копен, а лес в Рановской и Верденской с казаки и с помещики вопче, а межа той их вотчины Дмитрия Солунского селу Пичину да деревни Ермоловской, слободе Бараковой, казацкой слободе от помещиков, от Федора Голицина да Василья Федюкина, да от Якова да от Ортемьева да от Воина Ворониных, однодворцы к речке Перке да верх по речке Перке к вязу на нем грани, да от вязу вверх по речке Перке к Ряской Большой дороге к столбу <...> и по урочищам от речки Вёрды по праву лощин и дикого поля Дмитриевского монастыря, а по леву по тем же граням и по урочищам слободы Бараковой помещиков, да слободы Воскресенской, Победная тож»². Другими словами, земля вотчинных селений – села Пичина (так называлось будущее Дмитриево) и деревни Ермоловской – граничили с казацкой слободой Бараковой, где проживали помещики Федор Голицын, Василий Федюкин, а также Яков, Артемий и Воин Воронины.

В переписной книге 1646 г. о Дмитриеве и деревне Ермоловой сообщается: «...Всего монастырских крестьянских пятьдесят два двора, а в них людей шестьдесят человек, бобьльских три двора, а в них девять человек»³. В вотчинном селении Свято-Дмитриева монастыря четыре двора числились пустыми, «а бежали те крестьяне на Козлов во 145 (1637) году, а живут оне в государевых разных службах в детех боярских и в казаках, тот Алифанко живет в Ряском уезде за Иваном Семеновым сыном Скуратовым в крестьянех, в селе Чюлкове»⁴.

В Подлинной дозорной книге Рановской и Пустотенской засек письма и дозора Никиты Захаровича Вельяминова от 1 (11) августа 1676 г. монастырская слобода впервые упоминается как село. О ней сказано: «Село Дмитриева монастыря, от речки Песоченки против Засечной черты».

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 156.

² РГАДА, ф. 281, оп. 15, д. 10131, лл. 1–5.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901Ю, л. 67.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 64–64 об.

В датируемой периодом до 1724 г. переписной и окладной книге в Дмитриеве в окладе указаны 2 отставных церковника и 106 монастырских крестьян, конюхов, скотников, а также 14 малолетних, не вошедших в оклад. Кроме них упоминаются еще не состоявшие в окладе 5 «действительных попов, дьячков и пономарей»¹.

Вотчинные крестьяне активно участвовали в монастырской жизни. «Под 1752 г. встречается известие, что игумен Дмитриева монастыря Феодорит с братиею и с старостами вотчинных деревень просил о дозволении перестроить бывшую в том монастыре и обветшавшую деревянную церковь во имя Св. великомученика Димитрия старым лесом и на том же месте, на что и послан был 18 (29) мая того же года из Духовного приказа указ на имя соборного протопопа Никиты»².

Село Дмитриево и деревня Ермоловская оставались собственностью Свято-Дмитриева монастыря до секуляризации церковного землевладения, проведенного правительством императрицы Екатерины II. И.В. Добролюбов сообщает: «До 1764 г. за Дмитриевым монастырем состояли в вотчинах село Дмитриевское и деревня Ермолова, в 1763 г. считалось 331 душа, земли 188 четвертей, сенных покосов на 500 копен, близ монастыря «блюденая разного мелкого лесу роща на пяти десятинах, да по реке Вёрде мелкой дровиной лес»; на той же реке окладная рыбная ловля»³.

Указ Екатерины II о секуляризации церковных владений вышел 26 февраля (8 марта) 1764 г. В соответствии с ним все учреждения церкви отстранялись от управления имениями. Земельные владения Святейшего Синода, епархиальных кафедр, монастырей, и приходов поступали в казну и передавались в управление Государственной коллегии экономии. Крестьяне, проживавшие в бывших церковных имениях, также передавались Государственной коллегии экономии и впредь именовались «экономическими крестьянами». С 1 (12) января 1764 г. вместо барщины и оброков они переводились на подушный оклад в размере 1,5 руб. с человека в год, который уплачивался казне через Государственную коллегия экономии. Из доходов коллегии выделялись суммы на содержание церковных учреждений.

В 1760–1770-х гг. деревянные храмы Свято-Дмитриевского монастыря были заменены каменными, строительство которых финансировали местные помещики. До 1763 г. был возведен храм Св. Димитрия Солунского, в 1770 г. – Св. Сергия Радонежского. Появились при них и новые хозяйственные постройки⁴.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленные в 1779 г., упоминают «село Дмитриевское, Боровок тож, с деревнею Ермоловою, владения ведомства Рязанской казенной палаты». О селе сообщается, что оно лежало на левой стороне р. Вёрды. В Дмитриевском была «церковь каменная во имя Димитрия Солунского», 95 дворов и 238 душ экономических крестьян. Селение располагалось на 50 десятинах (54,5 га) усадебной земли. Местные крестьяне обрабатывал 1305 десятин (1426 га) пашни, сенные покосы занимали площадь 70 десятин (76 га), к селу также были приписаны 630 десятин (688 га) леса⁵.

В 1-й пол. XIX в. дмитриевские крестьяне участвовали в развернувшихся в Свято-Дмитриевском монастыре масштабных строительных работах. В начале столетия был реконструирован и заново расписан храм Св. Димитрия Солунского. Богослужения в нем возоб-

¹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, 374 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 242–243.

³ Там же. С. 243.

⁴ ГАРО, ф. 627, оп. 48, д. 98, лл. 49–54, 71–72.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 30.

новились в 1829 г., но работы по внутренней отделке и росписи продолжались до 1854 г. В 1863 г. кирпичная трапезная была перестроена в храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Тогда же вокруг монастыря появилась каменная ограда, была возведена трехъярусная колокольня¹.

Карты А.И. Менде 1850 г. показывают, что в это время единственная улица села вплотную подходила к Свято-Дмитриевскому монастырю с восточной стороны. Противоположный ее конец упирался в р. Вёрду. Ниже по ее течению, после впадения в реку безымянного ручья, стояла водяная мельница с хозяйственной постройкой².

По данным 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., в казенных селах Дмитриево и Ермолово насчитывалось 184 домохозяйства, в которых проживали 1934 мужские и 2006 женских крестьянских душ³.

В 1861 г. в Скопинском уезде Рязанской губернии были образованы волости. Дмитриево было включено в Полянскую волость с центром в селе Поляны. Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Дмитриевском, «селе бывшем государственном» при р. Вёрде, было 130 дворов и 851 житель⁴.

По данным переписи населения 1882 г., в селах Дмитриево и Ермолово Полянской волости Скопинского уезда проживали 1377 мужчин и 1277 женщин. В 19 беднейших семьях (а это 69 человек), не было работников, т.е. мужчин и подростков, способных зарабатывать. Грамотой в селах владели 129 мужчин и 53 учащихся мальчика. Все женщины были поголовно неграмотными. Душевой надел пахотной земли (чернозем с примесью глины) составлял 3,1 десятины (3,4 га). Помимо общественной земли 31 зажиточная семья владела еще 169 десятинам (184 га). Ещё 67 семей арендовали дополнительно 139 десятин (51,5 га) пашни и 12 десятин (13 га) сенокосных лугов. Урожай ржи в 1882 г. оценивался как «сам-четверть и ½», овёс – «сам-третьей и ½» (т.е. в 4,5 и в 3,5 раза превышал посеянное). В крестьянских хозяйствах Дмитриева и Ермолова содержались 449 рабочих лошадей, 94 жеребенка, 345 коров, 237 телят, 1338 овец и 57 свиней. В 14 домохозяйствах имели более 3 лошадей, безлошадными числились 37 хозяйств, бескоровными – 106. На два села было 4 каменных дома и 407 деревянных изб. Лишь в 16 крестьянских жилищах топили «по-белому». В обоих селах было 20 мастеровых и 72 мужчины, занимавшихся отхожими промыслами. На два селения было 3 промышленных заведения и 2 кабака. В недоимках по налогам и сборам на 1 января 1882 г. за двумя сельскими обществами числилось 694 рубля. За период 1876–1882 гг. из обоих сел выселилось 32 семьи⁵.

Свято-Дмитриевский монастырь большим богатством не отличался, хотя средства, которыми он располагал, в сравнении с крестьянскими хозяйствами могут показаться впечатляющими. И.В. Добролюбов пишет о состоянии монастырского хозяйства в 1884 г.: «В настоящее время во владении монастыря состоит пахотной земли 190 десятин (207 га), из числа коих 50 десятин (54,5 га) находятся в 5 верстах от монастыря, 50 – при селе Петрове Рязского уезда, 10 (11 га) – при селе Серезеве того же уезда, 50 при селе Астапове Данковского уезда, 30 десятин (32,7 га) близ села Теплового того же уезда и мельница о двух поставках

¹ ГАРО, ф. 627, оп. 142, д. 23.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 32.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 32–37.

на реке Плетеной близ села Плахина Михайловского уезда. Неприкосновенного капитала в билетах значится 18 398 руб. <...> По штату положено братии: 1 настоятель, 2 иеромонаха, 2 иеродиакона и 2 послушника; ныне в состав братии входят: 1 настоятель, 4 иеромонаха, 1 иеродиакон, 1 монах, 1 послушник и 4 послушника на испытании»¹.

В начале XX в. ежегодным бедствием для жителей села был постоянно расширявшийся овраг. Не только каждую весну, но и после сильного дождя потоки воды затапливали многие крестьянские постройки и огороды. Вода так заносила песком крестьянские дома, что владельцам нередко приходилось бросать их. В 1902 г. Скопинское уездное земское собрание рассмотрело ходатайство общества крестьян села Дмитриева об оказании помощи по устройству запруды у находящегося на общественной земле оврага. Обследовавший его, инженер-гидротехник Владимирско-Рязанского управления госимуществ сообщил, что «если вскорости не будут предприняты меры для пресечения его распространения, овраг грозит испортить громадное пространство крестьянских полей и даже пересечь грунтовые дороги в г. Скопин и на станцию железной дороги Скопин–Чулково»². Дмитриевцы обязались предоставить для проведения необходимых работ до 25 человек и хворост, но требовавшаяся для их финансирования сумма в 2000 рублей оказалась неподъемной для земской управы, и «вопрос оставили открытым до поиска средств»³. К рассмотрению вопроса о дмитриевском овраге вновь вернулись в 1904 г., но денег снова не нашли.

Интересно отметить, что много лет спустя эта же проблема отмечалась в документах советской эпохи. В частности, в материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939 г. сообщалось: «В районе с. Дмитриево наблюдается рост овражности. После таяния снега талая вода заполняет овраги, подмывает их и уносит с собой песок, местами около станции железной дороги Мехзавод-Брикетная и в самом селе Дмитриево, в долине Вёрды; во время талой воды речка разливается, население выселяется наверх»⁴.

В 1905 г. в селе Дмитриеве насчитывалось 156 дворов, население составляло 532 мужчины и 551 женщину, крестьяне занимались земледелием и отхожими промыслами⁵. Промышленные заведения в Дмитриеве действовали довольно нестабильно – то возникали, то исчезали. Следы их деятельности остались преимущественно в налоговой документации Скопинского уездного дворянства. Чаще всего земское собрание обсуждало вопрос о снижении или списании земских сборов. Например, в начале XX в. была в «селе Дмитриевском» торговая лавка крестьянина Абрама Бурденкова, «который 18 января 1911 г. умер, из наследства оставил только одну деревянную избу, где жили его жена и трое малолетних детей»⁶. Конечно, налоговую задолженность с бедствовавших наследников дмитриевского «предпринимателя» списали. В 1913 г. «синильное заведение Бурдакова Ивана Мироновича в селе Дмитриевском было отнесено к кустарному промыслу, так как он работал в нем сам и не более 3–4 месяцев в год, сбор в половинном окладе оставили»⁷.

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 243–244.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года созыва, Скопин, 1905 – С. 181–183.

³ Там же.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91, тетрадь № 1.

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 626–627.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913. – С. 398–399.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 568–569.

Большой бедой для дмитриевцев были болезни и эпидемии. Иногда своевременными усилиями земства эпидемии болезней пресекались. «В конце июня <1910 г.> Рязанская губерния была объявлена угрожаемой по холере. 3 июля в с. Дмитриеве Полянкой волости был констатирован первый случай подозрительного по холере заболевания, а 12 июля... бактериологическим исследованием признаны на холеру. За период времени с 3 июля в с. Дмитриеве, Победенке, Ермолове и Истобенке за указанное время всего заболело 14 человек: из них умерло 5 и выздоровело 9 человек. Холера в Скопинский уезд была занесена в с. Дмитриеве возвратившимися с юга России, где свирепствовала эта болезнь, рабочими. Для борьбы с эпидемией холеры управою два раза вызывался из Рязани эпидемический отряд губернского земства и были приглашены два временных эпидемических фельдшера. В с. Дмитриеве был выстроен временный холерный барак. Предохранительные меры позволили прекратить эпидемию»¹.

В 1914 г. в Дмитриеве было 152 двора, в которых проживали 568 мужчин и 614 женщин. В селе действовала церковно-приходская школа². За годы Первой мировой войны местное население довольно заметно увеличилось. В 1917 г. в «деревне Дмитриевке» Полянкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии значилось уже 184 двора и 1242 жителя – 598 мужчин и 644 женщины³.

Советская власть в Полянкой волости, как и повсеместно в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1918 г. в Дмитриеве был организован сельсовет.

Дореволюционные традиции оказывали определяющее влияние на сельский быт 1920-х гг. На Рождество по-прежнему устраивались кулачные бои «стенка на стенку». Молодежь села Дмитриеве обычно билась со сверстниками из Ермолова⁴.

В начале 1920-х гг. был закрыт Свято-Дмитриевский монастырь. Некоторые из его прежних насельников остались жить в бывших монастырских строениях на правах частных лиц. В 1925 г. скопинская уездная газета «Коллектив» свидетельствовала, что в это время бывшая обитель находилась в удручающем состоянии: «...Все окна побиты и вытащены, сараи растаскиваются. Живут там только монахи, в одном доме помещаются школа и сельсовет, в другом была изба-читальня»⁵.

Одним из первых мероприятий занявшего бывшие монастырские строения Дмитриевского сельсовета стало оказание помощи голодающим после неурожая 1925 г. Скопинская газета «Коллектив» писала, что в селе Дмитриеве «сельсовет получил в 1926 г. для голодающих 100 пудов пшеницы и 50 пудов ржи. Муку эту следовало использовать как плату за общественные работы. Была и работа – починка дорог, голодающие брались ее поправить за 4 пуда пшеничной муки, и отдал вперед. Председатель сельсовета С.И. Ерофеев эту починку дорог сдал бывшему торговцу, а теперь церковному сторожу за 4 пуда пшеничной муки и отдал вперед. Дорога в прежнем состоянии»⁶.

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было упразднено. Дмитриевский сельсовет в составе новообразованного Скопинского рай-

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 138.

² Писцовые книги Рязанского края. XVIIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 561.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 149.

⁴ Коллектив, № 7. – 1925. – 6 февраля.

⁵ Коллектив, №98. – 1925.

⁶ Коллектив, № 82. – 1925. – 26 августа.

она вошел в состав Тульского округа Центрально-Промышленной области с центром в Москве. До конца года область была переименована в Московскую.

В начале 1930-х гг. в Дмитриеве на волне массовой коллективизации был создан колхоз «1-я пятилетка». В него активно принялись загонять крестьян-единоличников. Приняв на вооружение наиболее распространенные в то время на всех административных уровнях методы руководства, Дмитриевский сельсовет стремился обеспечить требуемые районным начальством темпы сева голым администрированием. За это в 1932 г. его руководство попало под огонь критики газеты «Побединский ударник». «Вместо того, – писала газета, – чтобы на основе упорной разъяснительной работы мобилизовать трудящихся единоличников на сев зеленых паров, председатель отдал под суд 25 бедняков и середняков»¹. Житель Дмитриева Владимир Ермилович Коломин (1886–?) был раскулачен и выслан из родного села.

Ситуация в дмитриевском колхозе в первые годы его существования была далека от идеальной. В докладной записке от 3 февраля 1935 г. секретарю Скопинского РК ВКП(б) тов. Агееву о состоянии семенного фонда и с/х инвентаря по колхозам и единоличному сектору Скопинского района Московской области начальник Скопинского РО УНКВД по МО Лазарев докладывал: «В колхозе имени «Пятилетка в 4 года» (так в тексте. – *Примеч. авторов*) Дмитриевского сельсовета правление колхоза вместо подготовки к весеннему севу занимается пьянством, возглавляет это пьянство сам председатель колхоза Корелин, его участники кладовщик Посевкин, председатель ревкомиссии Сотников Федор Осипович и счетовод колхоза Костин М. Ст., все пьянки проходят в доме бригадира Сибирова, тогда как в колхозе телеги, колеса еще до сего времени не отремонтированы и есть не отремонтированный с/х инвентарь к весеннему севу»².

В начале 1930-х гг. в Дмитриеве появилась сельская ячейка партии большевиков. Но на первых порах «классовое чутье» нередко подводило местных коммунистов. На собрании партактива 11 декабря 1932 г. секретарь Скопинского райкома партии тов. Хоченков докладывал: «Дмитриевская ячейка приняла кандидатом в члены ВКП(б) монархиста, члена «Союза русского народа» Костюрина, работавшего счетоводом в сельпо. К тому же – растратившего 24 000 рублей»³.

В 1937 г. в Дмитриеве насчитывалось 194 двора. 854 жителей села были членами колхоза «1-я пятилетка», 218 человек оставались за рамками колхоза. В 1938 г. дмитриевская сельхозартель собрала урожай различных культур с площади в 428 га. Урожай картофеля в колхозе составил 5,7 т с га. Зерновые и бобовые не уродились – в среднем получилось по 3,3 ц с га. На трудодни было распределено 19,2 % денежного дохода хозяйства. В результате на 1 трудодень в колхозе «1-я пятилетка» колхозники получили 430 г зерна и 13 коп. денег. На каждого из 390 трудоспособных колхозников пришлось в среднем 49 трудодней⁴.

В 1930-х гг. на западной окраине Дмитриева, вдоль дороги из Свинушек на станцию Брикетная, вырос поселок Козловский с 58 дворами. Поселок почти упирался с севера в сельскую церковь. С восточной стороны села образовался поселок Груздовский с 8 дворами.

В 1937 г. в Дмитриевский сельсовет входили село Дмитриево, деревни Свинушки, Жмурки и поселок Козловка. В Дмитриеве и Козловке были открыты торговые точки⁵. Во всех поселениях сельсовета в 1937 г. насчитывалось в общей сложности 608 жилых строений. Жители всех населенных пунктов сельсовета, в которых насчитывалось 314 дворов, работали в трех

¹ Побединский ударник, № 116. – 1932. – 22 июня.

² ГАРО, Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 10.

³ Побединский ударник, № 251. – 1932. – 15 декабря.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Таблица. Населенные пункты Скопинского района.

колхозах с усадьбами в Дмитриеве, Свинушках и Жмурках. По данным районной статистики, Дмитриевский сельсовет был коллективизирован на 98,7 %. В трех колхозах под посевы озимых было отведено 276,4 га, яровых – 379,9 га, огородно-бахчевые культуры – 42,4 га, картофель – 68,6 га, кормовые культуры – 132 га, сады – 2,1 га. В селениях Дмитриевского сельсовета действовали 2 начальные школы с 159 учащимися. В трех колхозах содержали 108 лошадей, 54 коровы, 43 свиньи и 33 овцы. Личные хозяйства колхозников включали 61,8 га посевных площадей, 12,8 га было отведено под сады. В хозяйствах колхозники держали 224 коровы, 86 свиней и 259 овец¹. По данным отчета за 1938 г., в хозяйстве колхоза «1-я пятилетка» в это время были 51 лошадь и 4 жеребенка, 25 коров и 16 телят, 10 свиней и 124 поросенка, овца. Пали в течении года 2 жеребенка, 3 теленка, 31 поросенок. Колхозникам по льготным ценам было продано 88 поросят².

Политическая обстановка в стране отражалась и на колхозе «1-я пятилетка». Один из членов артели Дмитрий Кириллович Замараев (1895–1937) пал жертвой «Большого террора». 11 августа 1937 г. его арестовали в Дмитриеве, а 8 сентября он уже был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации. 9 сентября 1937 г. Д.К. Замараев был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. В 1958 г. он был посмертно реабилитирован.

В 1937 г. Дмитриевский сельсовет в составе Скопинского района был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война заставила решать хозяйственные вопросы в экстремальной обстановке, когда большинство трудоспособных колхозников-мужчин было мобилизовано в РККА. В 1942 г. в Скопинском районе на уборочной по всем колхозам работало 1650 крюков и 800 серпов. В колхозе «1-я пятилетка» «председатель Янин привлек к уборке всех колхозников и не членов колхоза, обучил женщин косить крюком, внедрил сдельщину и убрал рожь за 5 дней»³. Более подробно об инициативном подходе дмитриевского председателя к руководству артелью в 1943 году первый секретарь Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостин: «Колхоз «1-я пятилетка» (Председатель тов. Янин) для ускорения сева приучил к полевым работам бычков, организовал на копку огородов 145 женщин, в результате чего колхоз на 20 апреля закончил сев овса, пшеницы и вики имеет все возможности занять в районе передовое место и по срокам, и по получению хорошего урожая»⁴.

В 1942–1946 гг. Скопинский район вновь административно подчинялся Московской области, затем был возвращен в Рязанскую. Несмотря на героический труд, урожаи в колхозе были незначительными, а по району и вовсе низкими. Повышению урожайности не способствовала плохая обработка земли Побединской МТС, когда отдельные трактористы пахали на глубину 5–6 см.

10 декабря 1943 г. состоялся пленум Скопинского райкома ВКП (б), который заслушал доклад секретаря МК ВКП (б) С.Я. Яковлева о решении бюро МК ВКП (б) по отчетному докладу секретаря Скопинского райкома Н.Ф. Старостина и полностью его одобрил. В частности, как писалось в районной газете, «пленум райкома считает, что бюро МК ВКП (б) правильно вскрыло крупные недостатки в руководстве райкома партии и исполкома райсовета

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

³ Сталинец, № 61. – 1942. – 6 августа.

⁴ Сталинец, № 89. – 1943. – 15 декабря.

сельским хозяйством и промышленностью района и признало работу Скопинского райкома ВКП (б) неудовлетворительной»¹. В постановлении отмечалось, что сельское хозяйство района запущено. Большинство колхозов не соблюдает элементарных правил агротехники, севообороты в колхозах нарушены. Качество обработки полей силами колхозов и МТС в ряде случаев было низким, вследствие чего урожай в 1943 г. в среднем по району получился невысоким. Скопинский район по урожайности занял последнее место в Московской области². Пленум РК ВКП (б) освободил Н.Ф. Старостина от должности как не справившегося с работой и избрал первым секретарем райкома Н.М. Мельникова³.

Из уроженцев Дмитриево, внесших заметный вклад в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., стоит отметить кадрового офицера-артиллериста РККА Василия Ивановича Бобылева (1914–?). Он служил в армии с 1936 г., в войну вступил с самого первого ее дня, за ее неполные четыре года получил три ранения и одну контузию. В 1945 г. капитан В.И. Бобылев служил командиром батареи 75-го отдельного артиллерийского дивизиона в составе 43-й армии, воевал на 3-м Белорусском фронте. «Тов. Бобылев в боях за гор. Кенигсберг проявил исключительное умение в ведении меткого огня по разрушению форта № 5а «Лендорф», чем обеспечил беспрепятственное продвижение нашей пехоте. Во время наступления правого соседа – 319-й стрелковой дивизии – на форт № 6 тов. Бобылев под сильным огнем противника сменил НП и вел огонь на разрушение форта № 6, подойдя к нему на 250 метров. Тов. Бобылев метким огнем уничтожил 2 орудия и 4 станковых пулемета, находящихся на форту, чем дал возможность нашей пехоте блокировать, а затем и взять форт № 6. Сам с передовыми частями вошел в форт»⁴. За мужество, проявленное при взятии Кенигсберга капитан В.И. Бобылев был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Некоторое время спустя, в боях за города Пиллау и Фишхаузен, батарея В.И. Бобылева рассеяла группировку немецких танков, уничтожив один из них, а также подожгла 2 вражеские автомашины с боеприпасами, прибавив к наградам своего командира также орден Отечественной войны 2-й степени⁵.

В 1942–1946 гг. Скопинский район вновь административно подчинялся Московской области, затем был возвращен в Рязанскую. В послевоенные годы нелегкая жизнь дмитриевских колхозников усугубилась хозяйственной разрухой и горем десятков односельчан, чьи родные не вернулись с фронта. Скучное обеспечение трудодней в колхозе «1-я пятилетка» не могло обеспечить колхозникам даже достойного пропитания. В то же время, с военных лет действовало совместное постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Каждый колхозник с 12 лет был вынужден выработать установленный документом минимум. При низком обеспечении обязательных трудодней люди старались больше работать на собственных огородах, чем в артели. Колхоз и каждый колхозник обязаны были сдавать по госпоставкам определенное количество продукции, но по ценам, приближенным к себестоимости. Еще в довоенное время имевшие такую возможность сельские мужчины устраивались работать на шахты и промышленные предприятия района. Но желавшие уехать из села без веских на то оснований колхозники не могли этого сделать – паспорта выдавались лишь с санкции сельсоветов.

¹ Сталинец, № 89. – 1943. – 15 декабря.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 2813, л. 280.

⁵ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 4861, л. 258.

В связи с большим объемом задач по восстановлению нарушенного войной хозяйственного развития страны усилился административный нажим на колхозы. Причем спускавшиеся сверху указания не всегда согласовывались с экономической целесообразностью. Например, в 1948 г. каждому колхозу Скопинского района было дано указание об обязательной посадке арбузов на площади в 2,5 га, а также дынь на 4 га «в порядке широкого производственного опыта»¹. Колхозы «1-я пятилетка» и «Красная новь» выращивали их на протяжении последующих 5 лет. Их примеру чуть позже последовали колхозы «Горняк», «Красный горняк», «Красное знамя» и «Восход». Насколько был оправдан такой упор на бахчевые культуры судить трудно. Показательно, однако, что с 1960-х гг., когда в скопинских колхозах начали больше заботиться об экономии средств, арбузы и дыни в таких количествах выращивать прекратили.

В конце 1940-х гг., несмотря на наличие тракторов, комбайнов и прочей сельхозтехники доля ручного труда в скопинских колхозах оставалась очень большой. Отчасти это объясняется несовершенством техники, приводившим к большим потерям урожая – после работы комбайнов тех лет нередко приходилось подгрести и подбирать колоски. В 1949 г. колхозу «1-я пятилетка», которым руководил В. Крючков, предстояло убрать озимые с площади в 120 га. «Вышло с крюками 86 человек и с серпами 44, а всего на уборке 245 колхозников. Косцы Максим Михайлович Зудин, Василий Трофимович Сидоров, Антон Иванович Ерофеев при норме 0,5 га скашивали по 0,85–0,9. По две с лишним нормы косили Дмитрий Степанович Стенин, Алексей Михайлович Бирюков, Петр Григорьевич Ключников, Петр Петрович Кудряшов. Жницы Матрена Федоровна Костина, Пелагея Дмитриевна Михайлова, Дарья Андреевна Жарикова, Татьяна Андреевна Сафонова, Евдокия Петровна Власова скашивали вместо 0,12 по 0,25–0,3 га. Работало около 5 подростков и конные грабли на сборе колосков»². В уборочную страду колхозникам помогали рабочие электростанции, работавшей с 1922 г. и находившейся на правом берегу Вёрды в 2,5 км к северо-востоку от села³.

В 1950 г. был взят курс на укрупнение колхозов. В Скопинском колхоз «1-я пятилетка» Дмитриевского сельсовета был объединен с соседними хозяйствами – колхозами им. Ворошилова, им. Калинина, им. Сталина, им. Хрущева и «Красная новь». Укрупненный колхоз назвали «Красная новь». До приобретения им собственных тракторов и комбайнов в 1958 г. пахота в основном осуществлялась тракторами Побединской МТС. Над колхозом «Красная новь» взял шефство Скопинский машиностроительный завод. Председателем колхоза в 1964 г. был Иван Иванович Колосов⁴.

В 1964 г. село Дмитриево входило в составе Ермоловского сельсовета. В 1970 г. в состав этой административно-территориальной единицы, помимо Дмитриева, входили село Ермоловой, деревни Жмурки, Перики, Свинушки и железнодорожная будка 460 км⁵.

В 1981 г. в Дмитриеве было 200 дворов и 435 жителей. В 1980–1990-х гг. произошло резкое сокращение коренного населения села, но одновременно увеличилось дачное. Дома и земельные участки приобретали в собственность в основном жители Москвы и Архангельска. В 1990 г. в селе было 132 двора и 159 жителей, действовала начальная школа. На 1 января 2000 г. в Дмитриеве оставалось 116 домов, 69 жителей, магазин, фельдшерский пункт.

¹ Сталинец, № 120, – 1948. – 18 ноября.

² Сталинец, № 87, – 1949. – 28 июля.

³ О ней см. очерк «ЦЭС».

⁴ Архив Скопинского района, ф. 169, л. 1.

⁵ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань 1971. – С. 96.

Конец 1980-х гг. постройки дореволюционного Дмитриево-Рязского монастыря на Дмитриевой горе встретили в руинированном состоянии. Старинные здания активно разбирались на строительные материалы. Рязанские краеведы Г.К. Вагнер и С.В. Чугунов в 1989 г. писали: «Дмитриево-Рязский монастырь интересен, прежде всего, как памятник Куликовской битвы. Мы вынуждены обойти его молчанием, так как памятников старины здесь не сохранилось, а сохранившиеся искажены до неузнаваемости. В будущем, когда сюда придут труженики-реставраторы, о Дмитриевском монастыре, вероятно, напишут интересные строки»¹. Однако реставрация была признана невозможной ввиду тяжелого состояния памятника.

В 1990-х гг. в Дмитриеве началось возрождение церковной жизни. В мае 1994 г. общине церкви Св. Димитрия Солунского для восстановления и капитального ремонта были переданы здание церкви Св. Сергия Радонежского, колокольня, здание бывшей начальной школы. 21 октября 1995 г. епископ Рязанский и Касимовский Симон освятил возрожденный храм Св. Димитрия Солунского. Постановлением Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного синода Русской православной церкви от 4 января 1996 г. приход в честь Димитрия Солунского был преобразован в Дмитриевский Скопинский мужской монастырь для возобновления в нем монашеской жизни. К 2010 г. монастырь был полностью восстановлен, на месте бывшей школы построен братский корпус для монахов. Наместником возрожденного монастыря стал иеромонах Амвросий, в миру Владимир Владимирович Калабухов.

Несмотря на тяжелый кризис, охвативший нечерноземное село после распада Советского Союза, в Дмитриеве в 1990-е гг. отмечались и позитивные перемены. В 1996 г. был построен железобетонный мост, соединивший село с деревней Свинушки, поселками ЦЭС и Заречный. До его постройки жителям Дмитриева во время весенних разливов Вёрды приходилось добираться до другого берега по висячему мосту. В 1997 г. к селу была подведена и проложена по его центру дорога с асфальтовым покрытием².

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Дмитриево вошло в состав Полянского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Дмитриеве в это время постоянно проживали 39 человек – 23 мужчины и 16 женщин.

---

¹ Вагнер Г.К., Чугунов С.В. Рязанские достопамятности. – М.: Искусство, 1989. – С. 83, 84.

² Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. – Рязань, 2006. – С. 10.

ДМИТРИЕВСКИЙ ХУТОР И ЖМУРКИ деревни (сельское поселение Вослебовское)

Дмитриевский хутор (в обиходе местных жителей – Лихаревка) был основан в середине XVIII в. Инициатива его образования, скорее всего, исходила от скопинского помещика отставного секунд-майора Дмитрия Васильевича Лихарева, первого уездного предводителя дворянства в 1779–1787 гг. Имя основателя поселения навсегда осталось в его названии.

Первое документальное упоминание о Дмитриевском хуторе относится к 1779 г. В составленных в том году экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда описано неразделенное земельное владение, в которое входили села Костемерево, Питомша, а также деревни Гульки и Дмитриевская. В этих селениях проживали крепостные крестьяне, принадлежавшие «Семену Куприяновичу Лунину, Дмитрию Васильеву сыну Лихареву, Сергею Иванову сыну Филимонову, Василью Иванову сыну Толстову, Алексею Иванову сыну Дубровскому, графине Катерине Сергеевне Гендриковой, Луке Ефимову сыну Храпову, <...> баронессе Елизавете Алексеевне дочери Шафировой, Николаю Лаврентьевичу Шетневу, <...> князю Степану Андреевичу Борятинскому, князю Якову Петровичу Шеховскому, <...> Павлу Петрову сыну Уланову»¹ и еще нескольким десяткам помещиков. Крестьяне состояли на издelle. В самой деревне Дмитриевской, называвшейся также хутором, по данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., насчитывалось всего 6 дворов, в которых проживали 33 крестьянские души обоего пола².

Среди местных помещиков было немало представителей знатных аристократических родов. Графиня Е.С. Гендрикова (? –1784), урождённая Бутурлина – внучка генерал-аншефа И.И. Бутурлина и супруга графа И.С. Гендрикова, племянника императрицы Екатерины I. Баронесса Е.А. Шафирова (ок. 1740–?), урождённая княжна Кропоткина – супруга внука известного петровского дипломата вице-канцлера барона П.П. Шафирова. Князь С.А. Барятинский – Рюрикович, потомок удельных князей Черниговских. Отдельного внимания среди них заслуживает князь Яков Петрович Шаховской (1705–1777), известный государственный деятель и автор мемуаров. Его служба началась при Петре I в Лейб-гвардии Семеновском полку, молодость прошла в походах русско-турецкой войны 1738–1740 гг. под командованием генерал-фельдмаршала графа Миниха. В 1741–1753 гг. он занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. О деятельности князя Я.П. Шаховского на посту генерал-кригскомиссара в 1753–1760 гг. известный отечественный биограф А.А. Половцев сообщает следующий примечательный анекдот: «...Кн. Шаховской решил не возобновлять контракта с английским консулом, известным купцом Вульфом, на поставку сукна для русской армии. Он представил об этом письменные доклады сенату и военной коллегии, сделав предварительно подсчет английского сукна, находившегося в запасе от прежних лет, и составив смету, сколько сукна можно заготовить по установленному образцу на русских фабриках. Многие его знакомые считали несбыточным намерение кн. Шаховского обойтись без английского сукна, а два приятеля явились к нему от имени Вульфа с просьбой не мешать возобновлению контракта. На вопрос кн. Шаховского: «какая же польза будет им всем от этого» – они отвечали, что кн. Шаховской получит, на выбор, серебряный сервиз или 25 тысяч рублей золотом, а каж-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 44 об.

² Там же.

дый из них по 5 тысяч рублей. Заметив колебание со стороны кн. Шаховского, приятели его стали доказывать, что гораздо благоразумнее согласиться и поддержать Вульфа, чем упорствовать, так как Вульф все равно возьмет верх, имея сильных покровителей. Кн. Шаховской отложил решение до следующего дня и пригласил их приехать обедать. На другой день, когда явились к обеду приглашенные им приятели, кн. Шаховской твердо сказал им: «Прошу уверить г. Вульфа, что я справедливость, славу моей монархини и пользу моего отечества ни за какую цену продавать не намерен». Несмотря на все старания, Вульфу не удалось получить желаемой поставки¹. В 1760 г. императрица Елизавета Петровна назначила князя Я.П. Шаховского генерал-прокурором Правительствующего Сената, однако Петр III сразу по восшествии на престол сместил его с этого поста. После дворцового переворота 1762 г. Екатерина II вернула князя на государственную службу, сделал его сенатором и наградив по случаю своей коронации орденом Св. Андрея Первозванного. В 1766 г. Я.П. Шаховской вышел в отставку в чине действительного тайного советника и провел свои последние годы в Москве. Как видно, ко времени составления экономических примечаний в 1779 г. наследство князя еще не было оформлено, и он продолжал фигурировать среди землевладельцев Скопинского уезда два года спустя после своей кончины.

В окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. упоминается сельцо Дмитриевское полковника и кавалера Михайлы Дмитриевича Лихарева, в коем 55 душ². По окладной книге 1834 г., за полковником М.Д. Лихаревым числились уже 91 душа поселян и 11 дворовых³. В окладной книге 1850 г. сельцо Дмитриевка, «Лихаревские хутора тож», было записано за губернским секретарем Николаем Михайловичем Лихаревым, за которым было положено в оклад мужского пола 88 крестьян и 14 дворовых, а в 1854 г. добавлено к ним ещё 7 крестьян⁴.

По картам А.И. Менде видно, что в 1850-х гг. в Дмитриевском хуторе в центре села стояла небольшая часовня, в овраге в истоках речки Песошенки был устроен пруд, к которому с южной стороны примыкала владельческая усадьба, строения которой располагались вплоть до южной околицы сельца⁵. В 1858 г. в сельце Дмитриевском было 22 двора, а в них проживали помещичьи крестьяне – 99 душ мужского и 88 женского пола⁶.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. бывшие крепостные помещиков Лихаревых перешли в категорию временнообязанных. Однако усадьба и значительные земельные угодья при ней остались во владении помещичьей семьи. По специальному межеванию 1863 г. сельцо Дмитриевское с земельной дачей к нему было записано за губернским секретарем Н.М. Лихаревым: пашенной земли 47 десятин 560 сажений (51,5 га), сенокоса 18 десятин 2250 сажений (20,6 га), дровяного леса 60 десятин 1648 сажений (66,2 га), под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками 16 десятин 1480 сажений (18,1 га). Господский дом с садом располагался на левом берегу Песоченки, выше его по течению была плотина с прудом и впадающим в него ручьем, также с прудом в верховьях. Напротив плотины и выше по течению Песоченки, до впадающего ручья, в один порядок стояли обращенные к речке крестьянские избы с огородами. За крестьянскими огородами находились амбары и риги, располагавшиеся в углах и в центре квадрата площадью 80 на 80 сажений (2,9 га). За господским домом, дальше от реки, вдоль и ниже по течению находился еще один порядок изб, длиной около

¹ Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева. Т. 22. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1991. – С. 590, 593, 598–599.

² ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 47 об.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 161 об–162.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 196 об–197.

⁵ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 52.

100 саженой (213 м). С запада земельная дача Н.М. Лихарева граничила с землей казенных крестьян села Полян и деревни Бараковой. С юга к ней примыкали владения помещиков 1-й, 3-й и 4-й части дачи к селу Костемерову С.А. Татаринова и В.П. Боклевской¹.

При образовании в Скопинском уезде волостей в ходе крестьянской реформы 1861 г. Дмитриевский хутор был включен в состав Боровской волости с центром в селе Боровое.

По переписи населения 1882 г. в Дмитриевском хуторе насчитывалось 42 домохозяйства, которые населяли 139 мужчин и 151 женщина. На ревизскую душу приходился надел в 2,5 десятины (2,7 га) земли – иловатого чернозема. 17 семей арендовали внеадельную землю. 8 дворов в селении были безлошадными, в двух беднейших хозяйствах обходились и без коров. Всего в Дмитриевском хуторе насчитывалась 41 изба, но только одна среди них топилась «по-белому». 7 деревенских мужчин занимались отхожими промыслами².

В 1905 г. село упоминается под названием «Дмитриевка, Лихаревский хутор тож». В нем было 58 дворов и 373 жителя. В 4 верстах от селения располагалась железнодорожная станция Желтухино, в 14 верстах – волостное правление в селе Боровом³.

С июля 1931 г. Дмитриевский хутор числился населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В том же году в Дмитриевском хуторе был создан колхоз «Пролетарский труд»⁴. В это время в деревне действовала начальная школа (видимо, основанная еще земством в дореволюционное время). К началу 1930-х гг. она требовала капитального ремонта, о чем свидетельствует очерк селькора Савельева «Петр кивает на Ивана» в рязской районной газете: «Школы в деревнях Дмитриевке и 2-й Кузьминке 2-го Кузьминского сельсовета требуют основательного ремонта в особенности школа в Дмитриевке, где потолок угрожает обвалом. Предсельсовета и учителя не раз ездили в РИК, но РИК ссылается на техника, а техник на сельсовет. В итоге получается «Петр кивает на Ивана, Иван на Петра», а школы ждут ремонта»⁵.

С 1935 года колхоз стал называться «Единый путь»⁶. В этом же году Дмитриевский хутор вошел в состав новообразованного Желтухинского района Московской области, а в 1937 г. вместе с ним был передан Рязанской области.

Уроженцы Дмитриевского хутора принимали участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Гвардии рядовой Александр Иванович Шишков (1919–?) служил в 21-м гвардейском Перемышльском ордена Кутузова кавалерийском полку 7-й гвардейской кавалерийской Житомирской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии, к концу войны воевавшей на 1-м Украинском фронте. Он был коноводом комсорга полка и «во время боевых действий неоднократно выполнял обязанности связного. 25 июля 1944 г. при доставке донесения встретился с группой немцев и из своего автомата уничтожил 4 немецких солдат»⁶, за что был награжден медалью «За отвагу». Свою вторую медаль «За отвагу» рядовой А.И. Шишков заслужил в боях на территории Германии, когда «28 апреля 1945 г. немцы силой до батальона пытались захватить тылы полка. Тов. Шишков, участвуя в отражении немцев, из своего автомата убил 5 немецких солдат и вывел из-под обстрела 3 лошади»⁷.

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, Д-42 сип.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 52–57.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 616–617.

⁴ Колхозник, № 32. – 1931. – 5 июля.

⁵ Колхозник, № 55. – 1931. – 25 октября.

⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 717037, д. 117, л. 312.

⁷ Там же, л. 49.

В 1954 г. деревни Дмитриевский хутор, Гудовка, 19-й разъезд и железнодорожные будки вошли в состав Новобараковского сельсовета¹.

По Закону Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Дмитриевский хутор была включена в Вослебовское сельское поселение.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в деревне Дмитриевский хутор насчитывалось 22 жителя – 9 мужчин и 13 женщин.

В 6 км к западу от Дмитриевского хутора находилась деревня Жмурки. Ее история прослеживается с середины XIX в. Жмурки также были частью скопинских владений помещиков Лихаревых. По окладной книге 1850 г. деревня числилась за малолетней дочерью полковника М.Д. Лихарева Елизаветой Михайловной. В ней проживали 35 душ крестьян и 6 дворовых мужского пола². По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в деревне «Жмурки, Горюшки тож» помещицы Е.М. Лихаревой числилось 11 домохозяйств, в которых проживали 33 души мужского и 28 женского пола³.

Название деревни, похоже, объясняется ее местоположением. По карте А.И. Менде 1850 г. видно, что с запада от деревни находилась густая роща, протянувшаяся с юга на север, которая полностью закрывала крестьянские дома от проходивших за ней дорог из сел Дмитриево и Ермолово в деревни Свистовка и Ивановка⁴. О том, что в этом месте лежит деревня, можно было узнать, лишь свернув с дороги и пройдя через рощу по ведущей в нее тропинке. Возможно, в связи с этим в названии Жмурки правильно будет видеть намек на игру в прятки.

Известны некоторые подробности выхода деревенских крестьян селения из крепостной зависимости после 1861 г. В ходе реформы помещики и их крепостные составляли уставные грамоты, которые были предусмотрены Высочайшим манифестом от 19 февраля 1861 г. В них отражалось количество и местоположение земли, предоставляемой бывшим помещиком крестьянам, а также размер повинностей временнообязанных в пользу своего бывшего барина. При несогласии крестьяне могли обжаловать действия помещика. Такая жалоба поступила и от жителей селца Жмурки.

«Крестьяне Скопинского уезда, дер[евни] Жмурки, помещика Лихарева, жаловались губернскому присутствию на то, что земля отведена им по уставной грамоте дурного качества, и они не в состоянии платить за нее повинности. Жалоба их была препровождена мировому посреднику для освидетельствования земли с тем, чтоб он, при доставлении выкупного объявления г. Лихарева, уведомил – находит ли он достаточным, то понижение повинности, которое последует вследствие выкупа угодий без согласия крестьян. Ныне кандидат посредника извещает, что по освидетельствовании при сторонних добросовестных и крестьянах дер[евни] Жмурки, он нашел, что земля, поступившая в надел последним и назначаемая в выкуп, иловата, частью перемешана с песком, местами бугровата и местами поросла кустами, часть этой земли засеяна хлебом, а другая приготовлена к посеву. Из осмотра он заключает, что земля эта хотя и не лучшего качества, но, применяясь к ст. 27-й мест. пол. и 1-му к ней примечанию, назвать ее неудобною невозможно, тем более что те же крестьяне, обрабатывая ее, несколько лет имели достаточные урожаи и платили исправно помещику оброк, притом небольшую часть этой земли, не только некоторые из них, но

¹ Колхозник, № 32, – 1931. – 5 июля.

² ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 288 об.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 62.

⁴ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

и государственные крестьяне Дмитриева и Ермолова, нанимали в разных местах под распашку и платил по 6 и 7 р[ублей] сер[ебром] за десятину, что подтвердили сами наемщики, крестьяне дер[евни] Жмурок. Вместе с тем кандидат мирового посредника представляет подлинное дело, из которого видно: 1) что г. Лихарев изъявил желание предоставить крестьянам надел в выкуп с уступкою 20 %; 2) что волостному старшине поручено было посредником истолковать крестьянам 35 и 97-ю ст. пол. о выкупе и крестьяне составили приговор о том, что они вовсе не желают выкупа; 3) что крестьяне при осмотре показали, что просьбу в губернское присутствие писал им диакон села Поплевина, которого как звать не знают, но в лицо его признают, почему же за них подписался крестьянин села Ермолова Михаил Андреев им не известно, ибо они его вовсе о том не просили и его не знают, а просили крестьянина Антона Осипова»¹. В ходе заседания Рязанского губернского присутствия по крестьянским делам 13 (25) июля 1862 г. жалоба была рассмотрена и отклонена. При этом отмечалось: «...Что касается до сделанного крестьянами показания о том, что в просьбе губернскому присутствию фальшиво росписался за них крестьянин Михаил Андреев, которого они не знают и не просили, то обстоятельство сие передать на распоряжение начальника губернии, тем более, что посредник Александровский неоднократно уже жаловался присутствию на диакона села Поплевина за то, что он сочиняет крестьянам ябеды, часто совершенно противные его желанию»².

В 1861 г. Жмурки, Горюшки тож, были включены в Боровскую волость Скопинского уезда. В 1868 г. крестьяне деревни оставались «помещицы Лихаревой временнообязанными». В деревне в это время насчитывалось 6 дворов, в которых проживали 38 мужчин и 34 женщины³. По земской ревизии 1875 года также и помещика В.Л. Маркова – 35 душ мужского и 40 женского пола.

По переписи населения 1882 г., в Жмурках было уже 16 домохозяйств, население составляло 48 мужчин и 47 женщин, грамотными среди них были лишь 4 человека. За обществом числилось 99 десятин (108 га) земли, по 3 десятины (3,3 га) на ревизскую душу. Земля в окрестностях деревни была песчаной. 8 семей деревенских жителей арендовали 16 десятин внеадельной земли. 2 семьи с 13 едоками земли не имели. Видимо эти же беднейшие семьи не имели ни коров, ни лошадей. Не держали лошадей и еще на двух крестьянских дворах. В то же время по одной лошади имелось в восьми хозяйствах, по две – в двух, три – в одном, и еще в одном держали более трех лошадей. Крестьяне Жмурок собирали урожаи ржи «сам-четверг», овса – «сам-третей» (т.е. собранное в 4 и 3 раза превосходило посеянное). Все 16 деревенских изб были покрыты соломой и топились «по-черному». Восемь семей занимались местными промыслами, в отхожих ни одного человека не числилось. Каких-либо промышленных и торговых заведений в деревне также не было.⁴

С отменой крепостного права крупное землевладение перестает быть преимущественной привилегией дворянства. Среди собственников земли появляются представители податных сословий – купечества, мещанства, крестьянства. Не всем, правда, удавалось сохранять свой статус землевладельцев надолго. Об одном таком случае сообщает заметка в «Рязанских губернских ведомостях» за июль 1882 г.: «Правление Скопинского городского общественного банка, на основании журнального постановления своего состоявшегося 1 сего июля сим объявляет, что оно в присутствии своем назначило 8 октября 1882 года торг с переторжкою чрез три дня на продажу принадлежащей скопинским мещанам Степану Николаеву, Настасье Ивановой, Марье

¹ Рязанские губернские ведомости, № 38, – 1862. – 27 октября.

² Там же.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 587–588.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 62–67.

Ивановой и Максимовой Буниным земли в количестве 148 д. 1314 с. (162,28 га), состоящей Скопинского уезда при д. Жмурках близ села Ермолова, заложенной в сем банке за выданную 17 июля 1875 года на 12-летний срок ссуду 11 840 р. Означенная земля оценена в 14 850 р., которая будет продаваться за просрочку платежа части капитального долга на сроки 17 июня 1878, 1879, 1880, 1881 и 1882 годах 5920 р. с следующими процентами¹.

В 1905 г. в деревне Жмурки, Горюшки тож, Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 17 дворов, в которых проживали 70 мужчин и 67 женщин². В отчете за 1916 г. в деревне упоминается однокомплектная земская школа³. В 1917 г. в Жмурках уже 20 дворов, население составляло 71 мужчину и 72 женщины⁴.

В ходе административных реформ советского времени с 1925 г. Жмурки некоторое время были населенным пунктом Рязского уезда Рязанской губернии. Однако уже в 1929 г. деревня вошла в состав Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1937 г. деревня Жмурки Дмитриевского сельсовета Скопинского района стала населенным пунктом Рязанской области. На 1 января 1939 г. в ней насчитывалось 32 двора и 185 жителей. 58 трудоспособных жителей работали в созданном в деревне колхозе им. И.В. Сталина, еще 28 человек трудились на других предприятиях района. При распределении 19,9 % дохода колхоза, работающие в растениеводстве колхозники, в среднем выработавшие по 80 трудодней, получили на каждый трудодень по 12 копеек деньгами и 460 г зерна. На содержание административного аппарата было потрачено 12,5 % колхозных доходов⁵.

На долю уроженца деревни Жмурки красноармейца Михаила Васильевича Зайцева (1916–?), стрелка взвода особого отдела НКВД 126-й стрелковой дивизии, в 1941 г. выпал редкий подвиг, воодушевивший бойцов и командиров РККА в тяжелые летние месяцы первого года войны. В наградном листе он описан так: «25 августа 1941 г. на участке Западного фронта в районе севернее деревни Озерцы Торопецкого района Калининской области на наш обоз напали немецкие пикирующие бомбардировщики. Красноармеец тов. М.В. Зайцев, находившийся в этом районе, не растерявшись, открыл прицельный огонь бронезажигательными пулями из винтовки по самолетам, когда они пикировали на обоз. В результате чего 6-ю выстрелами сбил один вражеский бомбардировщик, который, объятый пламенем, вместе с экипажем упал на землю. Это могут подтвердить председатель колхоза и колхозники, которые наблюдали за падением горящего самолета»⁶. Красноармеец М.В. Зайцев был награжден орденом Красного Знамени. Позднее, в 1944 г., сержант М.В. Зайцев также был удостоен медали «За отвагу».

В 1950 г. в процессе укрупнения колхоз им. И.В. Сталина был присоединен к колхозу «Красная новь» в селе Ермолове⁷. В 1964 г. деревня Жмурки с 21 хозяйством была включена в Ермоловский сельсовет. Видимо, определяющим фактором здесь стала работа жителей деревни в колхозе «Красная новь»⁸.

На закате советской эпохи Жмурки испытали на себе все негативные последствия деструктивных процессов в отечественном сельском хозяйстве. В итоге деревня обезлюдела. Точное время ее исчезновения неизвестно, но, вероятно, речь идет о рубеже 1980-х и 1990-х гг. В настоящее время на ее месте урочище без признаков жилья.

¹ Рязанские губернские ведомости, № 51. – 1882. – 10 июля.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Язаны: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 616, 617.

³ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 170.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

⁵ Архив МГУ. –Ф. 42, оп. 6, д. 91.

⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 256, лл. 247–247 об.

⁷ Архив Скопинского района, ф. 169, л. 1.

⁸ Архив Скопинского района, ф. 156, л. 1.

ДОМА ОТДЫХА поселок (сельское поселение Корневское)

Ядром образованного в советское время поселка Дома отдыха стала старинная усадьба, история которой уходит своими корнями в XVIII в. Ее основателями стали представители дворянского рода Лихаревых.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленному в 1779 г., упоминаются пустоши Гуменки и Беломестная «общего пользования секунд-майора Дмитрия Васильева сына Лихарева» и других помещиков. Пустошь Гуменки, где впоследствии возникло имение, показана близ «оврагов Черемошнева, Каменова, Прудичи и двух безымянных отвершков и большой дороги из Скопина в Рязск»¹.

С 1750-х гг. отставной секунд-майор Д.В. Лихарев был известен как крупный винозаводчик и один из основных откупщиков вина, поставлявших его на кружечные дворы Данкова, Рязска, Сапожка, Лебедяни, Скопина и других городов. В феврале 1757 г. из Лебедянской воеводской канцелярии в Рязскую писали: «По заключению в той государственной Камер-коллегии о поставке подрядного в город Лебедянь и в протчие места вина подрядчиком секунд-майором Дмитрием Васильевым сыном Лихаревым контракту с нынешнего от 1757 году в предстоящие 10 лет в оной город Лебедянь на кружечный двор по пяти сот тридцати ведер в год, и то вино, когда сколько потребно будут, требовать в поставку...»² Винокуренный завод Д.В. Лихарева находился в его имении в селе Чулково³. Объемы поставок лихаревского вина год от года возрастали. Например, в рапорте Рязской воеводской канцелярии Воронежскому губернатору генерал-майору И.А. Потапову, докладывалось, что «секунд-майором и Рязким дворянским депутатом Дмитрием Васильевым сыном Лихаревым сего 1777 года на февральские дни» поставлено 1000 ведер⁴.

Основание усадьбы Д.В. Лихарева в пустоши Гуменки, очевидно, относится к последней четверти XVIII в. Богатый откупщик и поставщик вина в кабаки Рязского и других уездов имел возможность не скупиться на строительство, однако первые усадебные постройки, скорее всего, все же были деревянными. В начале XIX в. усадьбой владел сын Д.В. Лихарева. Достоверно известно, что в 1824 г. во «вновь заведенную деревню Михайловскую», через дорогу от имения были заселены 16 крестьянских семей помещика Михаила Дмитриевича Лихарева⁵. В 1834 г. в деревне Михайловской проживали 34 ревизские души полковника М.Д. Лихарева⁶. Специальное межевание 1853 г. свидетельствует, что село Михайловское располагалось по левую сторону дороги из Скопина в Рязск в одну улицу длиной в 100 сажень (213 м), при нем же имелось два пруда, а по правую сторону от этой же дороги – чуть в отдалении, при впадении безымянного ручья в р. Гуменку, находился господский дом поме-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 33; д. 1240, л. 20.

² РГАДА, ф. 566, оп. 1, д. 46, лл. 1–2.

³ РГАДА, ф. 566, оп. 1, д. 46, лл. 1–2.

⁴ РГАДА, ф. 566, оп. 1, д. 26, лл. 1–2.

⁵ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 35 об.

⁶ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 162 об–163.

щика Лихарева со служебными строениями. В середине XIX в. главный корпус усадьбы был уже каменным¹.

Во 2-й пол. XIX в. усадьбой при селъце Михайловском владел поручик Александр Михайлович Лихарев. В 1885 г. его имение приобрел барон Константин Фердинандович фон Таубе (1854–1919). С 1877 г. он служил по Министерству иностранных дел и был крупным специалистом по криптографии. Много лет спустя, в годы Первой мировой войны, тайный советник барон К.Ф. фон Таубе возглавлял «цифирный комитет» российского внешнеполитического ведомства. Несомненно, в 1880-х гг. им были проведены работы по благоустройству новоприобретенной усадьбы в Скопинском уезде, но что именно было построено или перестроено в бывшем имении Лихарева без специального исследования определить невозможно. Определенно, к этому времени относится разбивка усадебного парка и садов, а также устройство сложных гидротехнических сооружений, позволивших создать каскад прудов.

Супругой барона и подлинной хозяйкой имения была Мария Николаевна фон Таубе, урожденная Замятина (1860–1942). Несмотря на скромную фамилию, она имела хорошие связи в петербургском обществе. Известный отечественный государственный деятель и мемуарист М.М. Осоргин, вспоминая события зимы 1878–1879 гг., писал: «Коробыны были знакомы по Рязанской губернии, где в Михайловском уезде было их фамильное гнездо Машково, с семьей графа Дмитрия Андреевича Толстого, в то время министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода. <...> Таким образом, мой товарищ Гриша Коробын был интимен в этом кружке и ввел меня в дом министра народного просвещения в качестве юного танцора. Единственная дочь графа Толстого была уже замужем за графом Толем. Оставался еще сын Глеб и еще две родные племянницы, молоденькие, еще не выезжавшие – Замятины. Для этих двух племянниц и устраивались по воскресеньям утром танцы, приглашалась более юная учащаяся молодежь»².

Интересно отметить, что баронесса М.Н. фон Таубе была владелицей некоторых промышленных заведений в окрестностях усадьбы. В документах, датированных 1893 г., упоминается принадлежавшая ей водяная мукомольная мельница 1868 г. постройки при Михайловке-Гуменовке Корневской волости, которая в это время находилась в аренде у крестьянина Дмитрия Николаевича Крутова³.

В 1895 г. брак М.Н. Замятиной и барона К.Ф. фон Таубе закончился разводом, после которого она стала полноправной владелицей усадьбы в Скопинском уезде. В 1896 г. ее вторым мужем стал дипломат Михаил Николаевич Гирс (1856–1932), сын министра иностранных дел Н.К. Гирса и внучатый племянник канцлера князя А.М. Горчакова. В 1895–1898 гг. камергер и действительный статский советник М.Н. Гирс занимал пост российского посланника в Бразилии и Аргентине, в 1898–1901 гг. – в Китае (в 1900 г. он находился в Пекине во время боксерского восстания и «за особые заслуги при совершенно исключительных обстоятельствах во время военной обороны зданий миссии, в виде совершенного исключения», был награжден боевым орденом Св. Анны 1-й степени с мечами), в 1901–1902 гг. – в Баварии, в 1902–1912 гг. – в Румынии (в этот период он получил чины гофмейстера и тайного советника), в 1912–1914 гг. был послом России в Турции, а в 1915–1917 гг. – в Италии. Специфика службы позволяла М.Н. Гирсу бывать в имении жены лишь наездами, однако и он, подобно другим скопинским помещикам, время от времени посвящал свои досуги сельскому

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, с. 10.

² *Осоргин М.М.* Воспоминания, или что я слышал, что я видел и что я делал в течении моей жизни, 1861–1920. – М.: Российский фонд культуры; Студия ТРИТЭ; Российский архив, 2009. – С. 150–151.

³ ГАРО, Ф.7, оп. 1, д. 809, лл. 46 об – 6.

хозяйству. Так, например, известно, что в 1911 г. по его распоряжению в виде опыта в усадьбе были вспаханы 3 десятины (3,3 га) песчаной и 1 десятина (1,1 га) совершенно болотистой почвы. Их засеяли овсом с травой, льном и просом. Опыт оказался удачным, после сбора урожая была получена значительная прибыль¹.

В 1905 г. в сельце «Михайловское, Гуменки тож», был 31 двор и проживали 121 мужчина и 111 женщин. В версте от него находился «хутор жены посланника госпожи Гирс», в котором значились два двора. При сельце, на р. Вёрде, работала «мельница госпожи Гирс»². По состоянию на 1917 г. усадьба в Скопинском уезде описана как «хутор жены посланника Гирс (в 1½ версте от Корневого и 5 верстах от Скопина) и две мельницы (одна из них водяная мельница «Новенькая» в 4 верстах от Скопина)³.

После Октябрьской революции 1917 г. М.Н. Гирс с супругой остались за границей. В 1918–1920 гг. дипломат входил в состав Русского политического совещания, которое представляло российские интересы на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., с 1921 г. возглавлял Совет русских послов за рубежом. Во Франции М.Н. и М.Н. Гирс прожили до конца своих дней. Их скопинская усадьба была национализирована.

В советское время бывшая усадьба Лихаревых-Таубе-Гирс неофициально была известна под именем «дачи барона Таубе». Видимо, экзотический для Центральной России титул остзейского аристократа звучал для местного населения романтично и привлекательно.

В 1925 г. в «бывшей даче Таубе» в 6 км от Скопина Московской областной отраслевой страховой кассой профсоюза угольщиков при непосредственной помощи районных организаций был открыт дом отдыха⁴. В основном он обслуживал работников близлежащих шахт №№ 47 и 51. В мае 1932 г. средняя посещаемость дома отдыха составляла около 35 человек ежедневно. Учреждение обслуживало в основном горняков ведущих специальностей: забойщиков, вагонщиков, крепильщиков и прочих. В первые годы своего существования дом отдыха скопинских горняков не раз подвергался критике на страницах периодической печати. В 1932 г. газета «Побединский ударник» обращала внимание на то, что «никакой культурно-массовой работы среди отдыхающих горняков не велось»⁵. В 1933 г. она же писала: «В доме отдыха 5-го дня с питанием дела обстоят из рук вон плохо, 28 июля на завтрак было подана селедка с луком и... червяк. Рабочий, получивший это, позвал заведующего домом отдыха т. Крючкова (в действительности это был завхоз. – *Примеч. авторов*), тот равнодушно посмотрел и заменил эти порции другими. На второе подали колбасу с той же необыкновенной приправой, но на этот раз червяк был живой и неторопливо пополз по тарелке. На обед квас со свежим огурцом, на второе гуляш, а третьи зеленые червивые яблоки, собранные здесь же в саду»⁶.

В 1939–1940 гг. в зимний период в бывшей усадьбе одновременно находились на отдыхе 50–60, а летом – до 100 горняков⁷. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в доме отдыха разместили госпиталь на 100 коек. Другие два заняли здания Учительского института (бывш. духовного училища) и средней школы №1 (бывш. реального училища) в Ско-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIX созыва 1913 года созыва, Скопин, 1914. – С. 311.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 634, 635.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

⁴ Коллектив, № 61. – 1925. – 20 июня.

⁵ Побединский ударник, № 149. – 1932. – 4 августа.

⁶ Побединский ударник, № 113. – 1933. – 15 июня.

⁷ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91.

пине. В них в общей сложности было 550 коек¹. Был еще и третий эвакогоспиталь в здании нынешнего лабораторного корпуса на Гончарной площади.

В послевоенные годы, несмотря на пережитые перипетии, бывшая усадьба Лихаревых-Таубе-Гирс оставалась хорошо сохранившимся памятником старины. В 1948 г. директор Скопинского краеведческого музея К.В. Победин описывал ее так: «Имение Лихаревых было одним из самых больших в уезде. Вещественным памятником далекого прошлого остался дом-усадьба с парком, прудом и садом около села Корневого, занятый под дом отдыха горняков. Этот дом старинной постройки сохранил как снаружи, так и внутри характерный стиль архитектуры крепостного времени: колонны, мезонин, хоры и др.»². Интересно отметить, что скопинский краевед сделал акцент на первых владельцах усадьбы. Видимо, немецкие фамилии ее дореволюционных собственников в послевоенное время все еще звучали «неполиткорректно».

На рубеже 1940-х и 1950-х гг. в Скопинском горняцком доме отдыха каждое лето отдыхало более 1500 человек. В 1951 г. газета «Сталинец» так описывала один из дней работы учреждения: «Утреннюю тишину нарушает голосистый колокольчик, возвещающий подъем на зарядку... Кругом разметено, ровные дорожки посыпаны песком. Играет музыка. Входим в центральный корпус. Диваны и кресла покрыты чехлами. На столах стоят букеты цветов, на полу разостланы ковры. Часть отдыхающих репетирует концерт художественной самодеятельности. На веранде любители шахмат в товарищеских встречах проверяют силы к предстоящему турниру. В бильярдной комнате также состязаются. Излюбленным местом отдыхающих является пруд. С утра до вечера здесь многолюдно и шумно. Над прудом звенят веселые, задорные песни, и эхо прибрежного леса разносит их по всей окрестности. Любители спорта на волейбольной и других спортивных площадках. Хорошо отдохнуть и в центральном сквере, погулять, посидеть у фонтана, среди цветов. При доме отдыха имеется большая библиотека. В ней более двух тысяч книг классической литературы. В читальне свежие газеты, журналы, настольные игры, радиолы, патефон. Вечерние сумерки спускаются над домом отдыха. Баянист играет последний вальс»³.

В 1954 г. о доме отдыха шахтеров как об одном из региональных очагов соцкультбыта Подмосковного угольного бассейна один из организаторов угольной промышленности СССР Д.Г. Оника⁴ писал: «Здесь, в доме отдыха «Скопинский», одновременно отдыхает до 200 горняков, Недавно построены новый корпус и ряд подсобных помещений. На территории дома отдыха пруд с лодочной станцией и сад, обеспечивающий отдыхающих фруктами»⁵.

Начиная с середины 1950-х гг. при доме отдыха было возведено несколько служебных строений. После закрытия скопинских угольных шахт учреждение находилось в административном подчинении Московского курортного управления. В 1960-х гг. оно было преобразовано в профилакторий Скопинского автоагрегатного завода и оставалось им до конца советской эпохи.

По административному делению 1970 г. комплекс бывшей усадьбы с дополнившимися ее постройками был выделен в самостоятельный поселок Дома отдыха в составе Корневого сельсовета⁶.

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 13.

² Сталинец, № 35. – 1948. – 31 марта.

³ Сталинец, № 109. – 1951. – 21 сентября.

⁴ Оника Дмитрий Григорьевич (1910–1968) – один из организаторов угольной промышленности в СССР. Заместитель наркома угольной промышленности СССР (1939–1946), в 1946–1947 гг. занимал должность министра угольной промышленности западных, затем восточных районов СССР, первый заместитель министра угольной промышленности СССР (1948–1953, 1955–1957).

⁵ Оника Д.Г. Подмосковский угольный бассейн (1855–1955). М.: Московский рабочий, 1956. – С. 206..

⁶ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года, Рязань, 1971. – С. 98.

Кризис 1990-х гг. катастрофическим образом сказался на сохранности «дачи барона Таубе». Испытывавший финансовые трудности Скопинский автоагрегатный завод лишился возможности содержать профилакторий, и его пришлось закрыть. Обветшавшие бесхозные здания быстро пришли в руинированное состояние. В непосредственной близости от объекта культурного наследия (1 км к юго-востоку) начал действовать санкционированный полигон твердых бытовых отходов (свалка). Продукты горения постоянно попадают в воздух, загрязняя дымом в том числе и территорию бывшей усадьбы.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» ставший все более прозрачным населенным пунктом поселок Дома отдыха вошел в состав Корневского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в нем в это время постоянно проживали 11 человек – 4 мужчины и 7 женщин.

В 2013 г. появился проект создания на базе бывшего дома отдыха современного туристического гостиничного комплекса «Дворянская усадьба». Он предполагает использование архитектурных и ландшафтных решений усадьбы Лихаревых-фон Таубе-Гирс в современном прочтении стилистики дворянской усадьбы XIX в. с заимствованием элементов архитектуры нового времени. Помимо использования существующих исторических построек он предполагает возведение комплекса современных зданий, позволяющих обеспечить круглогодичное функционирование комплекса. Проект, однако, до настоящего времени остается замороженным из-за отсутствия финансирования. Если он когда-либо будет реализован, то даст памятнику старины шанс обрести вторую жизнь.

ДУБРОВЩИНА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Основание деревни Дубровщина относится к концу XVIII в. Исторически она относилась к Рязскому уезду Рязанской губернии.

Датированные 1779 г. экономические примечания к плану Генерального межевания Рязского уезда свидетельствуют, что земля, на которой впоследствии возникла деревня, принадлежала помещику Сергею Иванову сыну Дубровскому. В документе она описана следующим образом: «По обе стороны речки Ямны, Песочни тож, земля черноглинистая, хлеб средственный, лес дровяной»¹. Площадь пашенных земель, которыми в этой местности владел С.И. Дубровский, составляла 16 десятин 1813 сажений (18,3 га), лесных угодий – 223 десятины 584 сажени (243,3 га), еще 14 десятин 2170 сажений (16,3 га) считались «неудобиями».

Таким образом, название появившейся здесь после 1779 г. деревни объясняется фамилией помещика. Скорее всего, в этих местах еще при жизни С.И. Дубровского возник хутор, положивший начало селению.

К середине XIX в. Дубровщина превратилась в помещичье сельцо с небольшой усадьбой. Из материалов специального межевания 1848 г. известно, что сельцо Дубровщина Рязского уезда Рязанской губернии числилось владением «чиновника XIV класса» (коллежского регистратора) Петра Дмитриевича Ценина и дворянки Анны Ивановны Цениной. За первым было записано более 124 десятин (135,2 га) земли, за второй – свыше 65 десятин (70,9 га). Часть сельца, принадлежащая П.Д. Ценину, располагалась при пруде на речке «Янме, Песоченке тож», по обе стороны. На правом берегу реки был разбит сад, вплотную примыкавший к пруду. Противоположная от пруда сторона сада примыкала к господскому дому с пятью служебными постройками (видимо, как обычно, среди них были конюшни, строения для прислуги, кладовые и проч.). Господский дом представлял собой два флигеля, поставленных под прямым углом друг к другу. От сада и служебных построек его отделяли примерно 30 сажений (64 м). Ниже по течению Песочни, за плотиной, через дорогу от господского дома стоял небольшой порядок крестьянских домов, обращенных окнами к реке. Дорога эта вела из села Говорова в Чирково и проходила через плотину на левый берег. Проходя через плотину и поворачивая на левом берегу в сторону Чирково, она как бы прижимала к запруженной реке одиноко стоявший крестьянский двор с огородом. Под этой частью поселения было 7 десятин 1221 квадратная сажень (8,2 га) земли. Всего же, по данным 8-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1834 г., помещику П.Д. Ценину принадлежало дворовых людей мужского пола 18, женского – 20 душ. Принадлежавшие ему крепостные крестьяне жили в 4 дворах, всего их было мужского пола 26, а женского 30 душ. В 1848 г. у него было дворовых мужского пола 9, а женского – 12 душ, крестьян мужского пола 13, женского – 15 душ. По левому берегу от плотины шла дорога на село Нагайское. Вдоль этой дороги сразу от плотины начинался порядок крестьянских дворов, принадлежавших «из дворян девице Анне Ивановне Цениной». В них, по 8-й ревизии 1834 г.,

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 16 об.

проживали 27 душ мужского и 30 женского пола, а к 1848 г. остались мужского пола 26, а женского 28 душ¹.

В окладной книге Рязского уезда за 1850 г. село Дубровщина было записано за «коллежской регистраторшей Фроловой-Багреевой», которой принадлежало 16 душ мужского пола и 7 дворовых мужского пола, и все тем же «чиновником XIV класса П.Д. Цениным, у которого были 12 душ крестьян мужского пола и 8 душ дворовых мужского пола. А.И. Ценина упомянута как владелица 33 ревизских душ в деревне Константиновке Рязского уезда². По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., мелкие помещики Ценин и Фролова-Багреева владели 50 душами мужского и 58 – женского пола³.

С освобождением от крепостного права в 1861 г. жители Дубровщины перешли в категорию временнообязанных крестьян своих бывших помещиков. В списке уставных грамот, поступивших в губернское присутствие в 1862 г., значится «Ряск[ого] уез[да], участка мир[ового] посредника Комарского, с[ель] по Дубровщину шт[абс]-капитана С.Д. Ценина, 27 д[уш]. Душевой надел прежний – 1 дес[ятина] 192 саж[еней] (1,18 га), повинность издельная. Грамота написана помещиком»⁴.

С образованием в Рязском уезде волостей в 1861 г. село было отнесено к Подвисловской волости. В «Памятной книжке Рязанской губернии на 1868 г.» в деревне Дубровщина, находящейся при пруде и по правую сторону Скопинского тракта, упомянуты 7 дворов, в которых проживали 50 мужчин и 49 женщин – все временнообязанные крестьяне⁵.

В материалах ревизии Рязского уезда Рязанской губернской земской управой, проводившейся в 1875–1877 гг., отмечается, что в деревне Дубровщине Подвисловской волости на 16 крестьянских дворов приходилось без малого 42 десятины (45,8 га) пахотной земли⁶. Дубровщина располагалась в 15 верстах от камеры мирового судьи и в 10 верстах от волостного правления в селе Подвислово, сообщение волостного правления с деревней производилось на лошадях, нанимавшихся волостью. Больниц в волости не имелось, в ней работал только один оспопрививатель. На 12 селений Подвисловской волости было только 3 сельские школы – в Подвислово, в Поплевино и в Петрово⁷.

По переписи населения 1887 г., в деревне Дубровщина было 22 домохозяйства, население составляло 68 мужчин и 55 женщин, грамотными среди них были лишь 4 мужчины. Крестьянские наделы были очень небольшими. На надельную душу у крестьян «бывших Ценина» приходилось только 1,1 десятины (1,2 га), у остальных – по 2,6 десятины (2,8 га). Но 15 семей имели в собственности почти 45 десятин (49 га), при этом 11 семей арендовали вненадельную землю. Урожай ржи в хозяйствах крестьян Дубровщины составляли «сам-пят», овса – «сам-четверт» (т.е. собранное в 5 и 4 раза превосходило посеянное). Треть деревенских дворов обходилась без коровы, еще треть – и без лошадей. В деревне насчитывалась 21 крестьянская изба, но лишь одна из них топилась «по-белому»⁸.

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 408, д. 52, 53 син.

² ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 192, лл. 570 об-571, 608 об, 610.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 122.

⁴ Рязанские губенские ведомости, № 44. – 1862. – 3 ноября

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 596–597.

⁶ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 552.

⁷ Там же, с. 552–553.

⁸ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 122–129.

В начале 1890-х гг. крестьяне деревни Дубровщины из сельских обществ «б. Ценина» и «б. Фроловой-Багреевой» пострадали от череды неурожайных лет. Самым трудным для жителей Рязского уезда был 1891 г., но и следующий не отличался хорошей урожайностью. Как и другим крестьянам Рязанской губернии, крестьянам Дубровщины была оказана продовольственная помощь зерном, для обоих обществ потребовалось 492 пуда (7,9 т) ржи, пшеницы и кукурузы¹. Зерно, однако, не было «гуманитарной помощью» и давалось на условиях займа, который необходимо было вернуть земству с последующих урожаев.

В 1905 г. в деревне «Дубровщине, Ценино тож» Нагайской волости Рязского уезда насчитывалось 24 двора, население составляло 88 мужчин и 70 женщин. Деревня лежала на линии Сызрано-Вяземской железной дороги», в 1 версте от станции Говоровка. До села Нагайское, где находились приходская церковь, школа и торговые лавки, ее жителям надо было идти или ехать около 5 верст, ближайшая больница находилась в уездном городе Рязске, в 15 верстах².

В 1905 г. деревня Дубровщина стала очагом крестьянских волнений, сопровождавших Первую русскую революцию. Благодаря близости железной дороги в глухую некогда деревеньку попали агитационные материалы ЦК РСДРП. 11 (24) ноября 1905 г. рязский уездный исправник докладывал прокурору Рязанского окружного суда: «Доношу вашему высокоблагородию, что крестьяне деревни Дубровщины Петр и родной брат его Михаил Михайловы Кирьяновы, только вернувшиеся из г. Москвы, где они работали на фабрике, 7-го сего ноября участвовали в свадебном торжестве, бывшем в их деревне, а когда свадебная процессия подошла к дому усадьбы дворянки Цениной и остановилась у колодца для совершения местного обычая «умывания», то Петр Кирьянов, обратясь к толпе и вынув из кармана пачку каких-то листков, начал кричать: “Мужики! Ныне господ нет, нет мещан! Мы все равны, вот у меня законы (показывая листки)! Держитесь за меня, я все у вас – и царь, и закон! Слушайте! Завтра вам будет нарезка земли”. Брат его, Михаил поддерживая Петра в этом направлении, закричал: «Ура!», которое было подхвачено всею толпою. Оба брата Кирьяновы в момент описанного находились в нетрезвом виде. По удалении толпы у дома Цениной найден был один печатный листок прокламации под заглавием «Российская социал-демократическая рабочая партия», призывающей к вооруженному восстанию крестьян против землевладельцев. Листок этот вместе с дознанием направлен судебному следователю Рязского уезда...»³

После установления советской власти в Рязском уезде деревня Дубровщина вошла в Александровский сельсовет. В его составе в 1929 г. она стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1931 г. в Дубровщине был создан колхоз «Большевик». Коллективизация в деревне проходила, как и везде, не без сопротивления. В ее ходе пострадали члены «раскулаченной» семьи Ионовых – Матрена Ивановна (1876–?) и Сергей Ефимович (1897–?)⁴.

В 1934 г. по плану Рязского районного отдела народного образования в Дубровщине должны были построить школу. Однако не обошлось без проблем. Районная газета «Колхозник» сообщала: «Материал завезли, а плотников нет»⁵.

¹ Журналы Рязского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года. – Рязск, 1893. – С. 222–223.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 394–395.

³ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). – Рязань: Кн. изд-во, 1960. – С. 78–79.

⁴ Ленинское знамя, № 22. – 1991. – 19 февраля.

⁵ Колхозник, №83. – 1934. – 23 июля.

В 1935 г. с созданием в Московской области Желтухинского района деревня Дубровщина была передана ему в составе Гореловского сельсовета. В 1937 г. она стала населенным пунктом новообразованной Рязанской области.

В 1937 г. в Дубровщине действовала начальная школа, учащиеся которой обеспечивались бесплатными завтраками. Однако в этом хорошем деле не обошлось без изъянов. Для завтраков учеников Дубровщинской начальной школы Гореловского сельсовета заведующий школой В.С. Мошаров ежедневно получал 6 кг хлеба. Но, как выяснилось в результате журналистского расследования, этот хлеб школьникам не попадал, Мошаров его делил со сторожихой Е. Ионовой. В районной газете по этому поводу писали: «Да и завтрак для школьников готовился плохо. Если, например, варится еда, то очень жидкая и невкусная»¹. По сигналу были приняты меры.

В 1930-х гг. желтухинская районная газета «Колхозная правда» без устали бичевала изъяны сельской жизни. Иногда под огонь критики попадал и дубровщинский колхоз «Большевик». Например, в 1937 г. газета обращала внимание на творившуюся в нем бесхозяйственность: «В дырявую ригу ухитрились сложить обмолоченный хлеб, охраняет эту ригу сторож, иногда он уходит на несколько часов домой. Рига остается без охраны, начинается растаскивание хлеба»².

С началом в 1941 г. Великой Отечественной войны многие жители Дубровщины, как и повсюду в стране, были призваны в РККА. В конце ноября – начале декабря 1941 г., с приходом боевых действий на территорию Рязанской области, Дубровщина оказалась в полосе выдвижения 346-й дивизии 61-й армии, осуществленного по приказу Ставки Верховного Главнокомандования с целью занятия обороны в этом районе. По мере наступления советских войск под Москвой и Тулой, части дивизии 9 декабря 1941 г. начали выдвижение отсюда на запад.

В годы войны один из уроженцев деревни отличился на гуманитарном поприще. Младший лейтенант медицинской службы Иван Акимович Емельянов (1921–?) служил в РККА с 1940 г., с июля 1941 г. участвовал в Великой Отечественной войне. В мае 1945 г. он был удостоен ордена Красной Звезды. В наградном листе о его работе в военное время сообщалось: «Тов. Емельянов работает фельдшером в 819-м батальоне аэродромного обслуживания со дня его организации. Хорошо знает свое дело по специальности, тов. Емельянов ведет основную работу по медицинскому обеспечению во время боевой работы на аэродромах. Чуткий и внимательный к больным и раненым, а поэтому заслуженно пользуется деловым авторитетом и любовью всего личного состава части и обслуживаемых авиаполков. Тов. Емельянов в дни боевой работы авиаполков всегда бесценно нес дежурство на старте, оказывая медицинскую помощь раненым летчикам и воздушным стрелкам. За период Отечественной войны тов. Емельянов после тяжелых ранений спас жизнь более 10 человек летчикам и воздушным стрелкам своевременным оказанием медицинской помощи»³.

В условиях вынужденного отсутствия работников-мужчин, отправившихся на фронт, женщины-колхозницы приняли на себя всю тяжесть работ в полях и на фермах. В уборочную страду 1942 г. на полях колхоза «Большевик» хорошо потрудились колхозницы П.А. Емельянова, М.Т. Иванова и Ф.И. Емельянова. «Колхозная правда» сообщала: «За честное отношение этих товарищей они премированы по 10 кг муки, записаны в книгу почета, им вынесена благодарность»⁴.

¹ Колхозная правда, № 38. – 1937. – 6 апреля. .

² Колхозная правда, № 130. – 1937. – 30 ноября. .

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 6975, л. 201.

⁴ Колхозная правда, № 64. – 1942. – 30 августа.

В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован и населенные пункты Гореловского сельсовета вошли в Скопинский район Рязанской области. В 1958 г. колхозы деревень Рановка, Дубровщина, Ключеревка, Гореловка и Говорово были объединены в один колхоз им. М. Горького.

В 1961 г. был расформирован желтухинский совхоз им. В.И. Чапаева. Его хозяйство было разделено на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское¹. 1 сентября 1961 г. в Скопинском районе на базе бывшего совхоза им. В.И. Чапаева был создан совхоз «Желтухинский». При его организации были объединены все окрестные колхозы – им. Ф.Э. Дзержинского (деревни Козловка), «Новый путь» (деревни Кондауровка), «Советская волна» (поселка Ленинский), им. М.М. Литвинова (деревни Желтухино), «13 лет Октября» (деревни Петровские Хутора), «Дружба» (деревни Большая Косыревка), «Сознание» (деревни Малая Косыревка), «Красные всходы» (деревни Иваньково), «Красный богатырь» (деревни Гусиловка), «Авангард», ранее «КРАФТ» (Новобараковского сельсовета), им. М. Горького (деревни Гореловка), «Россия» (села Шелемишева с близлежащими деревнями), им. В. Володарского (деревни Уланово), «Красное знамя» и «15 лет РККА» (оба села Городецкого)².

В условиях кризиса, охватившего отечественное сельское хозяйство на закате советской эпохи, шансы маленькой деревни на выживание быстро устремились к нулю. Очевидно, Дубровщина начала терять население еще в 1980-х гг., в следующем десятилетии этот процесс усугубился.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Дубровщина вошла в состав Шелемишевского сельского поселения. Была ли она в это время реально существующим населенным пунктом, авторы не знают. Однако уже по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в деревне Дубровщина Шелемишевского сельского поселения ни одного жителя не осталось. На месте бывлой деревни сейчас лишь несколько строений.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 445, лл. 1–2.

² Там же.

ДЫМОВО-ВОЛКОНСКОЕ

село

(сельское поселение Шелемишевское)

Берега Рановы издавна привлекали к себе людей. Река, в древности выполнявшая функции транспортной артерии, была богата рыбой, а подступавшие к ее берегам леса – дичью, что еще в доземледельческие времена гарантировало пропитание поселенцев. В окрестностях сел Дымово-Волконское и Дымово-Государственное выявлены два поселения эпохи бронзы. Первое находилось в 0,6 км к югу от центра села на мысовидном выступе левого берега Рановы, имеет размеры 200x150 м и толщину культурного слоя до 0,6 м. Здесь была найдена лепная керамика с органическими примесями, кремневые скобель и ножевидные пластины. Второе поселение, примерно таких же характеристик, перекрытое селищем XIV–XVII вв., располагалось на левом берегу Рановы близ устья р. Питомши. Кроме того, здесь же обнаружены еще пять селищ XIV–XVII вв., определяемых по наличию в культурном слое гончарной позднесредневековой керамики различных типов¹.

В XVI–XVII вв. здешние земли нередко жаловались русскими государями своим служилым людям за участие в войнах и боевые отличия. Одним из них был Иван Константинов сын Дымов, живший при Иване IV Грозном, Федоре I Ивановиче и Борисе Годунове. О пожалованиях ему имеется упоминание в платежных книгах «городов Рязани, Пронска и Ряжска, да станов Окологородного, Каменского и Пехлецкого по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова» за 1594–1597 гг. – «в той же деревне (Мякишеве) и в деревне Петелине жеребей за Иваном Костентиновым сыном Дымовым...»² Мякишево находилось в одной земельной даче, что и позже возникшее Дымово. Очевидно, основание деревни при впадении р. Питомши в Ранову следует отнести к рубежу XVI и XVII вв.

В подлинной переписной книге письма Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г.³ в районе будущего села Дымова описаны несколько небольших поселений, называвшихся по фамилиям своих основателей: «В деревне Скуратово за ряшениным за Елисеем да за Яковым Федоровым детьми Скуратовых на их жеребьях <...> крестьянских десять дворов, а людей в них тритцать три человека⁴. В той же деревне за Иваном, да за Васильем Семеновым детей Скуратовых на их жеребьях <...> четыре двора крестьянских, а в них людей одинатцать человек⁵. <...> В деревне Филатова, за ряшениным, за Степаном Ондреевым сыном Татариновым, за ним один крестьянский двор, в нем четыре человека. В той же деревне за Мироном Ивановым сыном Филатовым на ево жеребье три двора крестьянских, а в них людей шесть человек⁶. В той же деревне за

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 111–112.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898 – С. 135.

³ *Селифоитов Н.Н.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. – СПб.: Археогр. комис. 1871. – С. 66–67.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 275 об-276.

⁵ Там же, л. 276 об.

⁶ Там же, л. 277.

ряшенином, за Степаном Герасимовым сыном Корчагиным <...> за ним крестьянских три двора, а людей в них десять человек. В той же деревне за ряшениным, за Васильем Ивановым сыном Корчагиным на его жеребье один крестьянский двор, в нем два человека. В той же деревне ряшенин Третьяк Иванов сын Корчагин...¹ <...> В деревне Дымово за ряшениным за Иваном меньшого сына Кореева на его жеребье <...> один крестьянской двор, в нем нет человек. В той же деревне за ряшенином за Иваном Назарьевым сыном Трухановым на его жеребье <...> один крестьянской двор в нем три человека². В той же деревне за вдовой за Евсевскою женою Тольпыгина за Настасьёю, да за сыном ее за Иваном на его жеребье <...>. Всего за нею три двора крестьянских, а людей в них девять человек. В той же деревне за ряшениным за Денисом Еремеевым сыном Тольпыгиным на его жеребье <...> за ним два двора крестьянских, а в них людей восемь человек. В той же деревне за ряшенином за Иваном Еремеевым сыном Тольпыгиным на его жеребье <...> два двора крестьянских, а людей в них восемь человек³. В той же деревне за ряшениным за Патрекеем Сидоровым сыном Татаринцовым <...> один крестьянской двор, а в нем два человека⁴. В той же деревне за ряшениным за Ульяном за Ниловым сыном Куркиным, за резанцом за Микитом Иванова сыном Кореева, за Ульяном Клементьевым сыном Куркиным, за Логином Степановым сыном Полянским за Борисом Матвеевым сыном Куркиным, за Сергеем Родивоновым сыном Кореевым, за Фомою Родивоновым сыном Кореева, за Лавром Ларионовым сыном Татаринцовым, за Дадоном Ларионовыми детьми Татаринцовыми, за Степаном Ондреевым сыном Татаринцовым, за Кирияном Ивановым сыном Юмашева на их жеребьях крестьянских и бобыльских [дворов] нет, живут однодворцы»⁵.

По другой переписной книге, составленной, очевидно, до 1693 г., «за вотчинники и всяких чинов за людьми крестьян и бобылей нет, а написаны в помещиковых дворах старинные полонные и деловые люди»: деревня Дымово – «за Потапом Лаврентьевым сыном Татаринцовым двор помещиков, в нем людей не написано; за Иваном Яковлевым сыном Татаринцовым двор помещиков, в нем людей не написано; за Фролом Степановым сыном Полянским двор помещиков, в нем людей не написано; за Афонасьем Семеновым сыном Кареевым двор помещиков, в нем людей не написано; за Саввой Никитиным сыном Кареевым двор помещиков, в нем людей не написано; за Севостьяном Исаевым сыном Юмашевым двор помещиков, в нем людей один человек; за Иваном Гавриловым сыном Ворониным двор помещиков, в нем людей три человека; за Иваном Авдеевым сыном Обловым двор помещиков, в нем людей одиннадцать человек, впрочем з братьями; за Павлом Васильевым сыном Татаринцовым двор помещиков, в нем людей не написано»⁶.

И.В. Добролюбов о Дымово сообщает: «...Первоначальное построение в этом селе церкви относится к 1693 г.; до этого же времени Дымово в качестве деревни входило в состав Богородице-Рождественского прихода в [селе] Боровом. Попостроении в [селе] Дымове отдельной церкви, к нему «по заручной полюбовной челобитной [села] Борового попа Петра и [села] Дымова попа Михайла» отошли от [села] Борового деревни: Филатова, Лешукова, Скуратова, Свиридова и Княжое, в коих, как значится в окладн[ых] кн[игах], состояло «помещиковых и детей боярских 38 дв[оров] и крестьянских 19. Церковной земли, по заручной

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 277 об-278.

² Там же, л. 278 об.

³ Там же, л. 279 об..

⁴ Там же, л. 280.

⁵ Там же, л. 280 об., 281.

⁶ РГАДА, ф. 350, д. 350 а, л. 68.

челобитной всех прихожен и записи, 15 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сеньх покосов против дач на 15 четвертей, пашни против писцового наказу полчетверты десятины с четвериком, а на десятине по десяти копен, итого 38 копен. Дани в год два рубли шесть алтын четыре денги. Пошлин гривна десятельница, доходу полтина»¹.

В переписной книге 1710 г. в селе Дымове показана «церковь Николая Чудотворца, у той церкви поп Михайло Петров <...>, а село за князем Михайло Васильевым сыном Кропоткиным, двор ево помещиков, вотчинников, а в нем служилые люди Артемий Федоров сын Соловьев <...>, двор скоцкой, в нем скотники <...>, двор помещиков <...>, у него повара и хлебники Иван Савельев <...>, Ерофей Григорьев 50 лет, Ерофей Григорьев 13 лет, Корней Автономов 15 лет, Федор Максимов 15 лет, Степан Карпов 13 лет. Пивовар Иван Миронов 50 лет». Конюхи – всего 5 душ, и деловые люди – 5 душ, и крестьянских три двора; Тараса Микифорова сына Курова, в нем дворовые и деловые люди...», а также дворы рязанцев и ряшан. В том же селе «двор помещика (рязанца) Сергея Афонасьева сына Облова, в нем деловые люди» – 3 двора².

По сказкам 1719–1723 гг., в селе в это время был один двор поповский, два помещичьих, три однодворческих, два крестьянских и «двор скотской». В них проживали 11 однодворцев и отставной драгун, у которых в подушном окладе было записано 62 человека дворовых и крестьян, сверх того, еще три пленных шведа и два поляка. Селение также значилось владением «вдовы княгини Марфы Никитиной дочери стольника княз Михайловской жены княз Васильева сына Кропоткина, а у неё в помещичьем дворе кабальные люди...» всего 21 человек. Дворовых и крестьян 49, в том числе два шведа; Алексея Тарасова сына Курова – 16 дворовых. У проживавших в селе «отставного драгуна Любима Гаврилова сына Кареева», «однодворческой вдовы дворянки Семеновской жены Татаринцевой Пелагеи Филипповой дочери», дворянского сына Якова Кирилова сына Филатова, однодворца Гаврилы Иванова сына Кожаринова собственных крестьян не было³.

«В «Известии о количестве церквей в Рязанск[ой] епарх[ии] за 1734 г.» бывшая в с[еле] Дымове церковь названа Никольскою, при коей церковной земли показано 15 четв[ертей], сена на 6 копен и 14 приходских дворов»⁴. Из священников, служивших в ней в это время, известен только Савва Климентов, упоминавшийся в 1734 и 1753 гг.⁵

В ходе 2-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1745 г., село Дымово было записано за коллежским асессором «князь Александром князь Михайловым сыном Кропоткиным» как прежде бывшее за его матерью «Марфою Никитиной дочери стольника князя Михайловского Кропоткиною». Князь владел в Дымово дворовыми людьми и крестьянами в количестве 71 души. Еще 29 душ принадлежали Лейб-гвардии Преображенского полка солдату Алексею Тарасову сыну Курову. Таким образом, всего в селе проживали 100 дворовых и помещичьих крестьян, а также 17 лично свободных однодворцев⁶.

Мелкие землевладельцы, не имея крестьян для обработки пашни, порой за долги и в силу других жизненных обстоятельств продавали свои имения более состоятельным помещикам. Порядок продажи и оформления сделки был приблизительно такой. После того, как продавец и покупатель договаривались о цене, совершалась купчая. Затем покупатель на основе купчей обращался или «бил челом» в воеводскую канцелярию. Из нее выезжал, например,

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 252.

² РГАДА, ф. 350, д. 349, лл. 226, 234 об.

³ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2865, л. 357.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 252.

⁵ Там же, с. 252.

⁶ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2872, лл. 470-480.

канцелярист и на месте «отказывал» то, что было указано в купчей. При этом для подтверждения границ продававшегося имения вызывали «сторонних» лиц, а именно представителей от смежных имений. То есть составлялся своего рода геодезический план. После этого следовал указ Вотчинной канцелярии. Так, например, выглядел указ Вотчинной канцелярии 1750 г. о передаче помещику И.С. Усову имения в селе Дымово, приобретенного у помещицы П.А. Свиридовой: «Указ Ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской из государственной вотчинной коллегии в Рязскую воеводскую канцелярию нынешнего 1750 года августа 29 дня. Бьет челом Ее Императорскому Величеству порутчик Иван Евтифьев сын Усов – продала ему Прасковья Алимпиева дочь Яковлевская жена Свиридова недвижимое свое имение в Рязком уезде, о чем значит в подлинной купчей, с которой предложил дать и просил, чтоб, то недвижимое имение за ним и отказать, а в купчей написано: 1747 года сентября 27 дня вдова Прасковья Алимпиева дочь драгуна Яковлевская жена Свиридова, продала она порутчику Ивану Евтифьеву сыну Усову жене ево и детям недвижимое имение в Рязком уезде в Пехлецком стане после смерти брата её родного капрала Кирилы князь Олимпиева сына Толпыгина, которое надлежит ей по наследству и за отца ее Олимпия Денисова сына в деревне Дымовой, что ныне село Дымово, из Филатовской дачи три четверти в селе Дымово, семь четвертей в поле, а в двупотомуж, с усадьбой, с лесы и с санными покосы и со всеми угодьи, а взяла она, Прасковья, у него, Ивана, за ту свою землю денег десять рублей, к той купчей вместо ее, продавца, отца ее духовный села Борового церкви Рождества Богородицы поп Селивестр Куприянов по святому велению руку приложил, и по справке по дате за Кирилой Олимпиевым сына Толпыгина недвижимое имение по документам 203 (1694) года января 26 дня, что ему дано матери ево вдове Афросинье Олимпиевской жене и отца его Олимпиева поместье Талпыгиных в Рязком уезде, Пехлецком стане в деревне Дымовой двенадцать четвертей, да в пустоши Филатовой три четверти, имеет быть в отказ порутчику Ивану Усову десять четвертей в поле, а в двупотомуж, со всеми угодьи и сего 1750 году ноября 29 дня по Её Императорского Величеству и по определению в государственной вотчинной коллегии велено в Рязскую воеводскую канцелярию послать Ее Императорского Величества указ»¹.

Располагавшиеся одно подле другого сельца Дымово, Новобогородицкое тож, Лешуково, Бесово тож, Скуратово и Филатово, возникшие в разное время, получили свои названия по именам первых владельцев. Разрастаясь, они постепенно слились в одно селение, превратившись в XIX в. в порядки села Дымова.

Согласно черновику экономических примечаний к планам Генерального межевания Скопинского уезда середины 1770-х гг. сельцо Дымово лежало «на левой стороне реки Рановы», где был «дом господский деревянный. Земля иловатая с сeryю. Хлеба и покосы средственны». Сельцо было «общего владения баронессы Елисаветы Алексеевны дочери Шафировой; Ульяны Савиной дочери, Ивана, Михайлы Михайловых детей Фроловых-Багреевых; Ильи, Ивана Алексеевых детей, Анны Ивановой дочери Куровых; Алексея Фокина сына, Прасковьи Федоровой дочери Каресевых; Ульяны Александровой дочери Беклемишевой; Афонасья, Василья, Ивановых детей Усовых; Петра Максимова сына Бунина и того села однодворцев». В сельце было 9 дворов, 15 душ мужского и 16 женского пола. Селение занимало 5 десятин 200 сажень (5,5 га), пашни – 280 десятин 256 сажень (305,3 га), покосы – 49 десятин (53,4 га), лес – 137 десятин 2200 сажень (150,3), еще 26 десятин 1080 сажень (28,8 га) считались неудобной землей².

¹ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, д. 9, лл. 1-1 об.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 73 об; д. 1241, л. 241 об.

На чертежах (картах) Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. и в экономических примечаниях к ним сельца Дымово, Новобогородицкое, Лешукова и Бесово тож с 18 дворами, в которых проживали 128 душ мужского пола, лежат примерно на месте позднейшего Дымова-Волконского и, как сказано в тексте экономических примечаний, «на правой речки Питомши, а речки Рановой на левой сторонах, и по обе стороны речки Кулешовки». Сельца обозначены как общее владение вдовы полковницы Ульяны Савиной дочери Фроловой-Багреевой и детей ее умерших; Лейб-гвардии Конного полка Ивана и Лейб-гвардии Измайловского полка сержанта Ивана Михайловых детей Фроловых-Багреевых; секунд-майора барона Павла Исаевича Шафирова жены его Елизаветы Алексеевны с вырезанной церковной землей». Под селением было более 25 десятин (27,3), а всего леса, пашни, сенокоса и неудобий около 188 десятин (205 га). Документ также сообщает: «В том селе церковь каменная во имя Смоленской Пресвятой Богородицы, дом господский каменный майора Шафирова, при нем сад с плодовыми деревьями, яблоневыми и грушевыми, черной и красной смородиной. Рыбы в Кулешовке нет, она глубиной в вершок, а шириной в аршин. В Ранове и Питомше щука, окунь, лини, налимы, язи, головли, пескари, гольцы и плотва»¹.

На плане Генерального межевания 1779 г. упомянутая в экономическом примечании каменная церковь показана севернее сельца Дымова. Видимо, на момент составления документа ее строительство только началось. По сообщению И.В. Добролюбова, первой готовой частью церковного здания стал придел в честь Святителя Николая, возведенный в 1783 г. Само же церковное здание было закончено в 1789 г. «Строителями каменной церкви были барон Павел Исаевич Шафиров и вдова Ульяния Саввина Фролова-Багреева. Находящаяся при этой церкви колокольня с приделом в честь иконы Божией Матери Федотьевския, построена в 1805 г. подпоруницей Приклонской»². Первыми священниками, служившими в новопостроенном храме, стали Феодор Стефанов (в 1780–1802 гг.) и Георгий Феодоров (в 1803–1810 гг.)³.

Судя по плану Генерального межевания 1779 г., сельцо Филатово лежало выше по течению р. Рановы и находилось южнее Лешукова, как бы примыкая к нему. Ниже по реке, т.е. южнее, находилось сельцо Дымово, примерно на месте позднейшего Дымова-Государственного. В нем было всего 6 дворов и деревянный господский дом Куровых. Сельцо и угодья находились в общем владении баронессы Елизаветы Петровны Шафировой, вдовы помещицы Ульяны Савиной дочери Фроловой-Багреевой дочери и детей ее умерших Лейб-гвардии Конного полку корнета Ивана, Лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михайлы Михайловых детей Фроловых-Багреевых, Ильи Ивана Алексеевых детей, Анны Ивановой дочери Куровых, Афанасия и поручика Василия Ивановых детей Усовых и однодворцев Карпа Кузьмина Корчагина, Ивана Степанова Полянского и однодворки Акулины Павловой дочери Полянской. Пашни, покосов, леса и неудобий за ними значилось 122 десятины (133 га), селение же занимало площадь 1 десятины 1400 сажень (1,7 га)⁴.

О первом владельце сельца Скуратова в отдельной выписи рязанского писца Третьяка Григорьевича Вельяминова на порожние земли по р. Ранове «под объезжим липягом» в Пехлецком стане Рязского уезда говорится: «А Онисимко Скуратов служил... Онисимка Скуратова во сто пятом (1597) году не стало, а после его осталось жена его вдова Варвара з детьми с

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 234–234 об; Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, Д-43 син; Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, Д-4 син.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 252.

³ Там же. С. 252–253.

⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 228–228 об.

Офремьком, он шти лет, да с Косткою, а он трех лет»¹. Скуратово находилось к северо-западу от Лешукова и как бы примыкало к нему. В нем в 1779 г. было 8 дворов, а всего под селением и угодьями 223 десятины 2352 сажени (244 га) с «вырезанной церковной землею к селу Новобогородицкое...» Скуратово также состояло в общем владении баронессы Елизаветы Петровны Шафировой, Ульяны Савиной дочери Фроловой-Багреевой и ее детей, прапорщика Алексея Фокина сына Кареева, а также малолетних Александра, Владимира, Алексея, Павла и Дмитрия Ивановых детей Кареевых².

В 1813 г. в семье одного из церковнослужителей Смоленского храма в Дымове родился Николай Иванович Надеждин (1813–1890), протоиерей (1860), настоятель Покровского собора (храма Василия Блаженного) на Красной площади в Москве в 1873–1890 гг. Благочинный Китайского сорока, председатель Московского комитета по исправлению церковно-богослужебных книг, плодовитый церковный писатель, за свою разнообразную деятельность он был награжден государственными орденами (до Св. Анны 1-й степени включительно) и золотым наперсным крестом с бриллиантами (1886).

Окладная книга 1816 г. сообщает о следующих помещиках, которым принадлежали дымовские крестьяне: губернского секретаря Сергея Ильина сына Курова 4 души, капитанши Марьи Герасимовой дочери Куровой 12 душ, девицы Анны Ивановой дочери Куровой 14 душ, штабс-капитана Николая Ильина сына Курова 2 души, капитанши Александры Михайловой дочери Сербиной 119, причисленные «по ведению от 9 июня 1823 г. 100 душ, оных велено считать за юнкером Михайлою Никитиным сыном Сербиным, а остальных 19 после смерти жены его за капитаном Никитой Сербиным с будущего 1824 года». У майора барона Павла Александрова сына Шафирова было 29 душ, у майорши баронессы Елизаветы Алексеевны дочери Шафировой 125 душ, часть из которых были проданы: 9 (21) февраля 1824 г. – 61 душа дворянке титулярной советнице Вильгельмине Егоровой Кременицкой³ и обер-гофмейстерше Екатерине Васильевне Торсуковой 17 (29) марта 1826 г. – 48 душ. Кроме того, ею было приобретены крепостные у помещиков Акуловых, Дубенского, Лыкошиной. 15 (27) апреля 1827 г. 10 душ проданных крестьян, «доставшихся из одного села от Шафировых», были записаны за полковником Порфирьем Матвеевым сыном Акуловым. 15 душ «девицы Александры Ильиничны Куровой», положенных в оклад в 1845 г., были переведены в другое ее имение в Рязанской губернии⁴.

По окладной книге 1834 г., в Дымово проживали: подпоручицы Веры Ильиничны Вердеревской 13 поселян (в 1845 г. они были переведены в другие губернии), обер-гофмейстерши Екатерины Васильевны Торсуковой 152 души поселян и 9 дворовых (после ее кончины в 1842 г. в 1843 г. они были записаны в оклад ее внучке княгине Марии Петровне Волконской⁵), девиц Елизаветы и Софьи Модестовых-Окуловых и сестры их гвардии поручицы Анны, по мужу Брянчаниновой, 13 душ (причислены в 1847 г.), однодворческой жены Екатерины Терентьевны Есаковой 13 душ (из них в том же году были вывезены 9), коллежского регистратора Лаврентия Ивановича Зальцмана 15 душ поселян и 16 дворовых (из них в

¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т. 3. – М.: Археограф. центр, 2002. – С. 280.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 231.

³ Речь идет о фрейлине Екатерине Васильевне Торсуковой, урожденной Перекусихиной (1772–1842), племяннице доверенной камер-юнгферы Екатерины II М.С. Перекусихиной и вдове обер-гофмейстера и генерал-майора А.А. Торсукова (1754–1810)..

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 48-49 об, 141об-142.

⁵ Волконская (Кикина) Мария Петровна (1816–1856) – супруга церемониймейстера высочайшего двора и действительного статского советника князя Дмитрия Петровича Волконского (1805–1859).

1838 г. были вывезены в другие имения губернии 14 душ поселян и 10 дворовых), канцелярского служителя Василия Никифоровича Заикина 11 душ (с 1841 г.), девицы Александры Ильиничны Куровой 15 душ (в 1845 г. они были переведены в другое имение губернии), малолетних Павла, Егора, Надежды, Елизаветы и Александры Ивановых-Кременицких 55 душ поселян и 6 дворовых, поручика Егора Борисовича Кондаурова 15 душ (с 1838 г.), капитанши Аграфены Васильевны Корчагиной, урожденной Плудюниковой, 2 поселян и 26 дворовых (с 1845 г.), поручицы Надежды Ивановны Небольсиной 5 душ (с 1847 г.), полковника Парфрия Матвеевича Окулова 11 душ (в 1841 г. они были вывезены в другие имения губернии), канцеляристки Анны Ивановны Соловкиной 4 души (с 1847 г.)¹. В 1850-х гг. село Дымово именовалось также «Новобогородицкое „Лешуково и Бесово тож», так как прежнее сельцо Дымово срослось с Лешуковым и с усадьбой с садом на его южной окраине, к нему с западной стороны вплотную примыкали сельцо Филатово и с северо-запада деревня Скуратово, состоявшая из 29 домохозяйств крепостных крестьян князя Д.П. Волконского².

По окладной книге 1850 г., за действительной статской советницей княгиней Марией Петровной Волконской состояло мужского пола 115 поселян и 6 дворовых. В 1855 г. еще 6 дворовых было ввезено в Дымово из ее имений в других губерниях. В 1857 г. было исключено из оклада в другие имения губернии мужского пола 115 душ крестьян и 12 дворовых. За женой однодворца Екатериной Тимофеевной Есаковой в окладе показан 1 крестьянин. За коллежским регистратором Лаврентием Ивановичем Зальцманом к 1852 г. оставались мужского пола 8 поселян и 5 дворовых, к 1856 г. убыло 7 поселян и 4 дворовых в другие его имения. За женой канцелярского служащего Надеждой Ивановной Жуковой числились 4 поселянина мужского пола и 4 дворовых. За капитаншей Аграфеной Васильевной Корчагиной к 1852 г. состояли мужского пола 8 поселян и 18 дворовых. За надворным советником Иваном Павловичем Кременецким и детьми его жены – инженер-поручицей Елизаветой Кашкиной, девицей Александрой и внуком его Владимиром Моллером – были записаны мужского пола 51 крестьянин и 11 дворовых людей, отдельно за Елизаветой Кашкиной – 4 крестьянина. Наконец, еще 3 крестьянина были записаны за канцеляристкой Анной Ивановной Соловкиной³.

Осенью 1857 г. имение с дворовыми людьми, крестьянами, строениями и землей «в селе Дымове, сельце Желтухине и сельце Кикине <...>, что преж было действительной статской советницы княгини Марьи Петровны Волконской», перешло по ее духовному завещанию мужу, князю Д.П. Волконскому, и их детям: князю Петру Дмитриевичу и княжне Екатерине Дмитриевне Волконским. В окладной книге сообщается, что за гофмейстером князем Д.П. Волконским и его дочерьми княжнами Софьей и Екатериной Дмитриевными были положены в оклад мужского пола 115 душ поселян и 12 дворовых⁴.

В середине 1850-х гг. государственные четвертные крестьяне основали между реками Питомшей и Рановой деревню, также получившую название Дымово. Для того, чтобы отличать одно селение от другого, село Дымово стало официально называться Дымово-Волконским, по фамилии крупнейших душевладельцев. Новое Дымово, которое также скоро стали называть селом, получило известность как Дымово-Государственное, т.к. в нем проживали казенные крестьяне четвертного права.

¹ ГАРО, й. 129, оп. 32, д. 219, лл. 28 об-29, 44, 95 об-96, 108 об-109, 110 об-111, 137 об-138, 143 об-144, 151 об-152, 207 об-208 об, 284 об, 291 об-292.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 40 об-41, 89 об-90, 125-126, 154 об-155, 276 об-277.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 53 об-54.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Дымово-Волконское, «Новобогородицкое, Лешуково и Бесово тож», насчитывалось 40 крестьянских дворов, в которых проживали 120 душ мужского и 125 женского пола.

Накануне освобождения от крепостного права крестьяне мечтали не только получить личную свободу, но и достаточное количество пахотной земли. Поэтому предусмотренный крестьянской реформой 1861 г. переход из крепостного состояния во временнообязанное с необходимостью выкупа у бывшего помещика очень небольшого земельного надела стал для многих земледельцев разочарованием – ведь до выкупа крестьяне должны были по-прежнему трудиться на барина. У многих закрадывались подозрения, что помещики их обманывают, оглашая подложный текст манифеста. Не стали исключением и дымовские крестьяне. 12 (24) мая 1861 г. временнообязанные крестьяне бывшего помещика Кременицкого из села Дымово-Волконское отказались выполнять барщинные работы в его пользу. Властям пришлось урезонивать их угрозами и силой¹.

При организации волостей в Скопинском уезде Рязанской губернии в 1861 г. Дымово-Волконское было отнесено к Боровской волости. Характерной особенностью пореформенной поры было разорение и продажа усадеб, не одно столетие служивших родовыми гнездами дворянским семьям. Так, например, в это время помещики Корчагины, упоминающиеся в документах XVII–XVIII вв., окончательно утратили остатки своих владений при Дымове. В 1866 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «По распоряжению Рязанского губернского правления, состоявшегося на основании 1010 ст. X т. 2 ч., вследствие заявленных долгов наследников умершей жены должника Катерины Павловой Карчагиной 8012 руб. 75 коп., – будет продаваться имение, принадлежащее канцелярскому служителю Валериану Алексею Карчагину, состоящее Скопинского уезда, при селе Дымове, из земли: усадебной 1 дес. (1,09 га), под выгоном 2 дес. 270 саж. (2,31 га), пахотной 47 дес. 1527 саж. (52,05 га), кустарнику по болоту, по коему покос, 6 дес. 1200 саж. (7,1 га), а всей вообще 57 дес. 646 саж. (62,46 га). Земля эта состоит в одной общей окружной меже и находится в чрезполосном владении с прочими владельцами. В имении этом суходонных рек, доставляющих слав хлеба, леса и т.п. не находится, отстоит оно от губернского города Рязани в 120, уездного города Скопина 30, от Рязьска 18, от Перевлеской пристани в 80 верстах. В имении этом есть небольшая река Ранова, из которой по временами производится рыбная ловля. Все означенное имение оценено для продажи в две тысячи сто семьдесят рублей и находится в залоге у бывшего Рязанского приказа общественного призрения, а посему будет продаваться с переводом долга оному приказу»².

По межеванию 1876 г. за «умершей действительной статской советницей княгиней Марией Петровной Волконской» числилось 700 десятин 1640 сажень (763,8 га) земли, причем пахотная земля в этих угодьях занимала площадь 455 десятин 1148 сажень (496,5 га)³. Земля находилась при селе Дымове, сельце Филатовском, пустоши Татаринцевой, деревне Скуратовой и пустоши Свиридовской.

По переписи населения 1882 г., в Дымово-Волконском насчитывалось 58 домохозяйств, в которых проживали 154 мужчины и 149 женщин. Грамотных среди них было всего 3 человека. Бывшие крепостные крестьяне князей Волконских к этому времени приобрели статус кре-

¹ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967. – С. 110–111.

² Рязанские губернские ведомости, № 102. – 1866. – 21 декабря.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 11 об.

стьян-собственников и получили все права свободных сельских обывателей. Средняя величина индивидуального надела у бывших помещичьих крестьян села Дымова составляла 3,1 десятины (3,4 га) черноземной земли. Средние урожаи ржи и овса считались хорошими, «сам-пят» и «сам-четверт» (т.е. собранное в 5 и 4 раза превосходило посеянное). Половина крестьянских дворов не имела лошадей, на 24 дворах не держали и коров. Из 47 деревянных изб, крытых соломой, «по-белому» топились 10, при них состояло 25 плетневых дворов, 10 горниц и клетей, 16 амбаров и сараев, 27 риг и овинов. Все крестьяне занимались местными промыслами, в отхожих числилось около десятка мужчин¹. Из промышленных заведений, по сведениям 1893 г., в Дымове работала одноконная маслобойня мещанина Григория Лукича Алексеева².

О Смоленской церкви в Дымово в 1884 г. И.В. Добролюбов сообщал: «Церковной земли во владении причта ныне состоит усадебной 2 десятины (2,2 га) и 33 – пахотной (36 га), кроме того с 28 апреля 1875 г. выдается причту пособия из сумм Св. Синода в количестве 84 рублей. В приходе, состоящем ныне из одного только села, при 89 дворах считается мужского пола 294, женского пола 290. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»³. Из служивших в храме в XIX в. священников известны Иван Алексеевич Екимецкий (в 1810–1839 гг.), Иван Афанасьевич Соколов (в 1839–1866 гг.), Михаил Владимиров (в 1868–1874 гг.) и Иоанн Кобозев (с 1874 – после 1885 гг.)⁴.

С 1885 г. в Дымово-Волконском действовала церковно-приходская школа, основанная священником И.Л. Кобозевым. Группы детей обучались в ней по возрастам, а порой – по уровню успеваемости в течение 2 лет. В 1885/86 учебном году, начавшемся 12 (24) января и окончившемся 12 (24) июня, в ней насчитывалось 40 учащихся детей в возрасте от 9 до 15 лет. Учебный день длился 6 часов. В школу принимали также детей купеческого и духовного сословия. Плата за обучение не взималась. Площадь классной комнаты школы составляла 45 кв. аршин (22,8 кв. м) с двумя печами, отопление помещения осуществлялось за счет родителей учеников школы. Попечителя у школы не было. Законоучителем в ней состоял дымовский приходской священник И.Л. Кобозев, учителем – выпускник Рязанской духовной семинарии А.И. Кобозев⁵.

В 1890 г. епархиальное начальство разрешило причту и старосте дымовской церкви заменить в храме пол. В марте 1891 г. по духовному завещанию протоиерея Покровской церкви города Москвы Николая Надеждина Смоленская церковь в Дымово-Волконском получила пожертвование в 500 рублей⁶. Значительные пожертвования поступали храму и до того, и позднее. Например, в 1872 г. надворный советник Лев Михайлович Ясниковский пожертвовал церкви села Дымова Скопинского уезда 200 рублей по духовному завещанию с тем, чтобы проценты со 100 рублей употреблялись в пользу церкви, а с других 100 рублей – в пользу причта за помин завещателя с его родственниками⁷. Также в 1910 г. коллежский советник Михаил Львович Ясниковский завещал в собственность церкви села Дымова Скопинского уезда 1000 рублей на содержание памятника на могиле отца Л.М. Ясниковского⁸.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 68–73; РГАДА, ф. 1354, оп. 411, л. 11 об.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 3 об-4.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 252.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 14–19, 26.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 6 (15 марта 1891 г.). – С. 243; № 19 (1 октября 1890 г.). – С. 948.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 24 (15 августа 1872 г.). – С. 494.

⁸ Рязанские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1900 г.). – С. 114.

По данным за 1905 г., в селе Дымово-Волконском Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 56 дворов крестьян-собственников. В 4 верстах от села при р. Питомше находился выселок – Дымовский хутор с 22 дворами¹.

В 1910-х гг. в приходе дымовской Смоленской церкви имелась небольшая библиотека. По данным за 1914 г., в ней насчитывалось 90 томов. В это время при храме имелось земли усадьбы – 2 десятины (2,2 га), пахотной – 40 десятин (43,6 га), сенокосной – 5 десятин (5,45 га). В приходе действовала одноклассная церковно-приходская школа, где обучались 20 мальчиков и 27 девочек. Всего же в селе было 89 дворов, население составляло 302 мужчины и 280 женщин. В приход Смоленской церкви входил и Дымовский хутор, где было 20 дворов и проживали 69 мужчин и 65 женщин². Последним предреволюционным настоятелем дымовского прихода был священник Николай Иванович Мелиоранский³.

В 1917 г. в Дымово-Волконском было 57 дворов, население составляло 464 человека – 234 мужчины и 230 женщин⁴. Советская власть в селе, как и во всей Боровской волости, была установлена в декабре 1917 г. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В 1925 г. Боровская волость была передана укрупненному Рязанскому уезду. После упразднения исторического административного деления на губернии, уезды и волости в 1929 г. село Дымово-Волконское вместе с окрестными населенными пунктами вошло в состав Рязанского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Дымово-Волконское входило в состав Боровского сельсовета. Из публикаций региональной прессы тех лет можно сделать вывод, что он не без труда справлялся с возложенными на него задачами по обновлению культурной жизни села. Бытовые и хозяйственные вопросы решались в первую очередь, а на все остальное старались не обращать внимания. Такое отношение к делу вызвало ряд критических публикаций в региональной прессе. Например, в корреспонденции «Незавидная встреча» за подписью «Побывающий», опубликованной в рязанской газете «Колхозник», сообщалось, что в октябре 1931 г. «секретарь Дымовского сельсовета Петров <...> срывает работу Осоавиохима на селе. Учеников школы Дорстройуч, приехавших с целью организовать работу ячейки Осоавиохима и добиться организации обороны, он поставил в условия, ни в коем случае не обеспечивающие успех работы. «Мало ли ездят, нет у меня квартир», – закричал Петров ошеломленным ребятам. Срыв Осоавиохимовской работы надо расценивать как вылазку классового врага. Дымовский сельсовет должен подумать о дальнейшем пребывании Петрова в сельсовете»⁵.

Меньше чем через месяц в заметке «Личное выше общественного» отмечалось: «До сих пор в селе Дымове Боровского сельсовета, не выполняется директива партии – неграмотность не ликвидируется. Дело ликбеза было поручено в этом селе тов. Слободской, но по-

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 612–613.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 559.

³ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 445.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 138–138 об.

⁵ Колхозник, № 56. – 1931. – 31 октября.

следняя занимается всем, чем угодно, а больше личными делами, но только не ликбезом. Райкому ВКП(б) не мешало бы попристальнее взглядеться в указанного товарища»¹.

В январе 1931 г. в Дымово-Волконском образовалась инициативная группа из 11 хозяйств по организации колхоза. В марте того же года в селе был образован колхоз «Волна». В него вступило 26 хозяйств². Одним из первых председателей дымовского колхоза был некто Милехин, оставивший по себе довольно противоречивую память. После его отстранения от должности в сентябре 1934 г. рязская районная газета «Колхозник» писала: «Он хозяйничал в колхозе как барин. Приехал 21 июня 1934 г. из города пьяным, зашел в сельсовет и, увидев там колхозника В.А. Филатова, которого он подозревал в том, что тот пишет в газеты, с бешеной яростью закричал, что «если он узнает, кто пишет в газеты, того он среди белого дня зарежет, а пускай потом судят». Жутко было, когда Милехин, напившись до одурения, бил окна в правлении колхоза, гонялся за колхозниками с вилами, грозясь убить того, кто попадется ему под руку. Когда некоторые колхозницы обращались к самодуру за справками для помола зерна и за лошадьми, то он требовал от них вступить с ним в связь. Обо всех этих гнусных делах Милехина написали в областную газету. Редакция выслала в колхоз открытое письмо, которое обсуждалось на собрании, но это собрание было сорвано по вине компании Милехина»³.

В 1935 г. село Дымово-Волконское Боровского сельсовета было включено в новообразованный Желтухинский район Московской области. Вместе с ним в 1937 г. село было передано Рязанской области.

В конце 1930-х гг. Смоленская церковь в Дымове-Волконском была закрыта. Здание храма было передано колхозу «Волна» и почти до самого конца советской эпохи использовалось как зернохранилище.

В 1939 г. в Дымово-Волконском насчитывалось 86 дворов. Уровень благосостояния колхозников постепенно повышался. На 1 июля 1939 г. во всех колхозах Боровского сельсовета было 142 лошади (81 рабочая), 73 головы крупного рогатого скота (23 коровы), 87 свиней (15 свиноматок), 133 овцы (83 овцематки)⁴. В хозяйствах колхозников и единоличников содержались 121 лошадь (79 рабочих), 277 голов крупного рогатого скота (155 коров), 228 свиней (27 свиноматок), 365 овец, 10 коз⁵.

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» по стране прокатилась кампания по борьбе с прогульщиками. Народные суды оказались буквально завалены делами в отношении прогульщиков, летунов и прочих нарушителей трудовой дисциплины. В Желтухинском районном народном суде рассматривались дела учителей-прогульщиков дымовской школы Юнковых и Котоменковой. Были претензии и к сельскому фельдшерскому пункту. Районная газета «Колхозная правда» сообщала: «Санитарка Дымовского фельдшерского пункта 24 июля 1940 г. самовольно покинула работу. Зав. пунктом т. Игнатев тут же передал дело на дезорганизатора производства в суд, который, разобрав это дело, заочно приговорил Корчагину к 4 месяцам лишения свободы. От родственников удалось узнать, что она уехала в Москву. Народный судья тов. Шестов сообщил в прокуратуру

¹ Колхозник, № 60. – 1931. – 20 ноября.

² Колхозник, № 1. – 1931. – 13 марта.

³ Колхозник, № 113. – 1934. – 21 сентября.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 64. Сведения о наличии поголовья по колхозам.

⁵ Там же. Похозяйственный список по переписи скота сельских местностей на 1 января 1938 г.

г. Москвы о приговоре и просил привлечь ее к отбытию наказания»¹. Однако суровость советских законов нередко компенсировалась необязательностью их исполнения. Как сообщала та же газета, в сентябре 1940 г. Корчагина вернулась на прежнюю должность санитарки. Народный судья Татаринев якобы сообщил Игнатьеву о том, что дело Корчагиной в Москве не разбиралось. Так что возникший «на производстве» конфликт, очевидно, удалось уладить полюбовно.

В ходе наступления гитлеровцев под Москвой в зимние месяцы 1941 г. село Дымово-Волконское Желтухинского района Рязанской области оказалось в полосе выдвижения 346-й стрелковой дивизии 61-й армии Юго-Западного фронта. Дивизия имела задачу «упорной обороной на рубеже не допустить выдвижения противника в направлении Рязька <...>, имея ввиду предстоящие активные действия дивизии на запад с этого рубежа»². К 19.00 5 декабря 1941 г. 1166-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии, выгрузившийся из эшелона в Рязьке, занял оборону по линии юго-западная окраина Шелемишево – западная окраина Наумово – Боровое – Дымово-Волконское – Дымово-Государственное – 2-е Марчуки /иск./. Его 3-й батальон вышел на рубеж Боровое /иск./ – Дымово-Волконское – Дымово-Государственное – 2-е Марчуки /иск./³. С развертывания на этом рубеже начались боевые действия полка в рамках контрнаступления советской армии под Москвой зимой 1941–1942 гг. в составе Юго-Западного, а затем Брянского фронтов.

Боевая биография некоторых уроженцев села складывалась непросто. Например, о заслугах одного из простых тружеников войны гвардии старшины Ивана Ивановича Полянцева (1924–?) известно лишь из наградных документов к ордену Красной Звезды, которого он был удостоен в мае 1945 г.: «В марте месяце 1942 г. добровольно вступил в Красную армию и был зачислен в 201-ю воздушно-десантную бригаду им. тов. Кирова, действовавшую на Центральном фронте, выполняя спецзадания. 21 апреля 1942 г. в составе группы до 400 человек был заброшен в тыл врага в Смоленскую область для уничтожения коммуникаций, подрыва мостов, железных дорог и уничтожения живой силы противника. 12 июня 1942 г. при подрыве одного моста был тяжело ранен в правое плечо и 13 июня 1942 г. был вывезен на самолете в г. Раменск в госпиталь. После выздоровления в сентябре 1942 г. был направлен в 1-й Краснодарский мехкорпус 35-й МСБ, в составе которого участвовал в боях под Белгородом и 16 сентября 1943 г. при взятии г. Красноград был вторично ранен в правое бедро. После выздоровления был направлен в 14-ю ШМАС и по окончании ее в октябре 1944 г. прибыл в 1-ю гвардейскую ШАД и, ввиду слабого состояния здоровья после полученных ранений, был назначен старшиной взвода охраны. Работая в этой должности, тов. Поляnceв умело организует охрану штаба дивизии, воспитывая бойцов взвода охраны в духе беспрекословного выполнения Устава Красной армии, в несении караульной службы, дисциплины и поведения, лично сам являясь примером среди подчиненных»⁴.

В 1950 г. колхозы Боровского сельсовета «Ударник», «Утро» и «Волна» объединились в одно хозяйство, получившее название «Утро»⁵.

С ликвидацией в 1956 г. Желтухинского района село Дымово-Волконское было передано Скопинскому району Рязанской области. Боровский сельсовет, в который оно входило, объединился с соседним Наумовским, а в 1958 г. – и с Шелемишевским.

¹ Колхозная правда, № 104. – 1940. – 11 сентября.

² ЦАМО, ф. 1665, оп. 1. д. 11, лл. 2–3.

³ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1. д. 12, л. 9.

⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 4107, л. 78.

⁵ Колхозная правда, № 39. – 1950. – 2 сентября.

В 1965 г. на территории Шелемишевского сельсовета располагались села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Наумово, Уланово, Ураково¹. По административному делению 1970 г. к ним добавилась деревня Зараново².

В 1971 г. боровский колхоз «Утро» был включен в совхоз «Нива» Шелемишевского сельсовета, который был организован на основании приказа по Рязанскому областному управлению сельского хозяйства № 43 от 26 февраля 1971 г. о разукрупнении совхоза им. В.И. Чапаева³.

Кризис отечественного сельского хозяйства 1980-х – 1990-х гг. подписал смертный приговор и Дымово-Волконскому. В эти годы небольшое село окончательно обезлюдело.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Дымово-Волконское вошло в состав Шелемишевского сельского поселения. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. констатировали смерть этого населенного пункта – ко времени ее проведения ни одного жителя в Дымове-Волконском не осталось. Сейчас это безлюдное урочище без признаков жилья. Среди разрастающихся год от года зарослей возвышается выщербленный остов здания Смоленской церкви – памятника архитектуры XVIII в., также обреченного на гибель.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 96, л. 2.

² Архив Скопинского района, ф. 214, л. 1; Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 100.

³ Архив Скопинского района, ф. 214, л. 1.

ДЫМОВО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ село (сельское поселение Шелемишевское)

В середине 1850-х гг. близ владельческого села Дымова Скопинского уезда Рязанской губернии возникла небольшая деревня. Появилась она на земле государственных крестьян четвертного права Максима Григорьева, Макара Макарова, Василия Иванова, Василия Никитина, Петра Корнеева, Ивана Павлова и Максима Петрова, вымежеванной из дач сел Дымова и Бесова с деревнями. Новая деревня также получила название Дымово. Чтобы отличать ее от помещичьего села Дымова, жители которого были крепостными крестьянами князей Волконских, село с тех пор стали называть Дымово-Волконским, а новооснованную деревню, вскоре также ставшую селом, – Дымово-Государственным.

В материалах последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., Дымово-Государственное упоминается как селение государственных четвертных крестьян (бывших однодворцев). В нем первоначально было 6 домохозяйств, а население составляло 28 душ мужского и 36 – женского пола. Собственниками земли являлись крестьяне села Дымова. Им принадлежало более 107 десятин (117 га) угодий вдоль берегов р. Питомши, а также между Питомшей и Рановой. По утвержденному размежеванию 1866 г. «на сем числе во время межевания земли в поселении состояло 8 крестьянских дворов, в них по последней ревизии 28 душ мужского пола и 31 душа женского пола»¹.

По переписи населения 1882 г., в Дымово-Государственном было уже 9 домохозяйств, население составляло 52 мужчины и 44 женщины. Из них грамотой владели только 10 мужчин. Величина земельного надела у бывших государственных крестьян составляла 4,1 десятины (4,5 га). Только один двор был безлошадным, на остальных содержалось по 3 и более лошадей. При 12 избах состояло 8 плетневых дворов, четыре горницы (клетки), 12 амбаров и сараев, 8 риг и овинов. В селении был открыт кабак².

В 1905 г. Дымово-Государственное упоминается уже как село между реками Рановой и Питомшей. В нем в это время насчитывалось 17 дворов³.

В 1917 г. село Дымово-Государственное Боровской (с 1918 г. – Володарской) волости Скопинского уезда Рязанской губернии состояло из 30 дворов. Его населяли 88 мужчин и 79 женщин⁴.

В 1925 г. Боровская волость была передана из Скопинского уезда в укрупненный Рязский. После упразднения исторического административного деления на губернии, уезды и волости в 1929 г. село Дымово-Государственное вместе с окрестными населенными пунктами вошло в состав Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1935 г., с образованием в Московской области Желтухинского района, село вошло в его состав как один из населенных пунктов Боровского сель-

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 408, д. 50.

² РГАДА, ф. 1354, оп. 411, л. 11 об.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 612.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 138–138 об.

совета. В 1937 г. Дымово-Государственное стало одним из сел новообразованной Рязанской области. Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Дымово-Государственном было 34 строения.

С ликвидацией в 1956 г. Желтухинского района Дымово-Государственное, как и соседнее Дымово-Волконское, было передано Скопинскому району Рязанской области. Боровский сельсовет, в который входили оба села, объединился с соседним Наумовским, а в 1958 г. – и с Шелемишевским.

В 1965 г. на территории Шелемишевского сельсовета располагались села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Наумово, Уланово, Ураково¹. По административному делению 1970 г. к ним добавилась деревня Зараново².

В 1971 г. колхоз «Утро», где работали жители села, вошел в состав совхоза «Нива» Шелемишевского сельсовета, организованного в результате разукрупнения совхоза им. Чапаева³.

Видимо, население небольшого села начало сокращаться еще в 1960–1970-х гг. В 1980 г. в Дымово-Государственном оставались только 13 дворов и 25 жителей, работавших в совхозах «Нива» Скопинского района и «Знамя» Ряжского района. Несмотря на это, в селе в рассматриваемое время действовали медпункт и магазин.

В 1990-е гг. в Дымово-Государственном остались лишь 4 двора и 5 жителей⁴. В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Дымово-Государственное вошло в состав Шелемишевского сельского поселения. По Всероссийской переписи населения 2010 г., в селе в это время оставался 1 житель. В настоящее время Дымово-Государственное – безлюдное урочище, где не видно даже фундаментов некогда стоявших здесь домов.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 96, л. 2.

² Архив Скопинского района, ф. 214, л. 1; Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – с. 100.

³ Архив Скопинского района, ф. 214, л. 1.

⁴ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. – Рязань, 2006. – С. 117.

ЕРМОЛОВО

село

(сельское поселение Полянское)

История села Ермолова тесно связана с прошлым Свято-Дмитриевского монастыря на р. Вёрде, основание которого местная традиция связывает с Куликовской битвой 1380 г. и личностью московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Документальных подтверждений этому, однако, нет. Тем не менее данные археологии свидетельствуют о том, что первое поселение на месте современного Ермолово действительно могло появиться в XIV в. У северной окраины села на правом берегу р. Вёрды и на левом – ее притока р. Рановы, в 60 м к юго-западу от моста было выявлено селище XIV–XVII вв., протянувшееся вдоль берега реки с запада на восток. Его размеры – ок. 440х70 м, высота над рекой – до 6 м. В культурном слое толщиной до 0,45 м были обнаружены фрагменты позднесредневековой гончарной керамики, в т.ч. сероглиняной и белоглиняной, преимущественно XV–XVI вв.¹

Первое документальное упоминание о «деревне Ермоловской» относится к концу XVI в. В платежных книгах Пехлецкого стана Рязского уезда 1594–1597 гг. описана вотчина «Дмитреявскова монастыря, што на реке Вёрде; и всево Дмитреявскова монастыря за монастырем слаботка да одна деревня Ермоловская...»² Название селения местное предание возводит к имени Ермолая (Ермолы), жителя слободы при Дмитриевском монастыре, который первым переселился на место будущей деревни.

В переписных книгах стольника Ивана Большого Иванова Ляпунова да подьячего Родиона Чевкина 137 (1631) г. отмечается: «В вотчине монастыря <...> в деревне Ермоловой крестьянских одиннадцать дворов, людей в них шесть десят девять человек, бобыльских дватцать один двор, людей в них девять десят человек, обоих крестьянских и бобыльских тридцат два двора, людей в них тож детей, и братьев, и зетьев, и пасынков, и шурьев, и соседев сто тридцать вом человек»³.

По переписной книге 1646 г., в селе Дмитриеве и деревне Ермоловой «всего пятьдесят два двора, а в них людей шестьдесят человек, бобыльских три двора, а в них девять человек»⁴. В ней же сказано: «Тоже деревни Ермоловой пустых крестьянских дворовых мест» тринадцать, бежали некоторые те крестьяне в 1636 г. «на Козлов, а живут на Козлове в государевых разных службах, а тот Савка Иванов сын Лопоть з детьми и братом своим с Митькою, прозвище Очицало, живет в Ряском уезде в рясках казаках в селе Чюлкове, а брат ево Митька живет в пономарях у церкви с таго чудотворца Николая за попом Иваном в селе Чюлкове»⁵.

И.В. Добролюбов сообщал, что «...по окладн[ой] кн[иге] 1676 г. в с[еле] Дмитриевском и дер[евне] Ермоловой показано «63 дв[ора] крестьянских и 8 дв[оров] бобыльских»⁶.

¹ Археологическая карта России: часть 3 / сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко, Институт археологии РАН. – 1996. – С. 113.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 156.

³ РГАДА, ф. 281, оп. 15, д. 10132, л. 1–4, 7.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 67.

⁵ Там же, лл. 66 об–67.

⁶ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 241.

В переписной книге 1716 г. отмечается: «В том же Дмитриевском монастыре Селунского, в деревне Ермоловой 7 дворов, мужеску полу 17 человек <...>, женска полу 16 человек <...>, да солдатских жон два двора, в них людей женску полу два <...>, а по переписным книгам 710 года написано крестьянских 19 дворов, людей в них мужеска полу 59 <...>, да женска полу 46...»¹

По другой переписной и окладной книге, составленной не позднее 1724 г., сообщается, что в «деревне Ермоловой» было 14 крестьянских домов, крестьян мужского пола 107 душ, состоявших не в окладе 18 малолетних (новорожденных), «в бегах» находились 15 крестьян².

До секуляризации церковного землевладения, предпринятого правительством императрицы Екатерины II, деревня Ермоловская была собственностью Свято-Дмитриева монастыря. И.В. Добролюбов сообщает: «До 1764 г. за Дмитриевым монастырем состояли в вотчинах село Дмитриевское и деревня Ермолова, в 1763 г. считалось 331 душа, земли 188 четвертей, сенных покосов на 500 копен, близ монастыря «блюденая разного мелкого лесу роща на пяти десятинах, да по реке Вёрде мелкой дровиной лес»; на той же реке окладная рыбная ловля»³.

Указ Екатерины II о секуляризации церковных владений вышел 26 февраля (8 марта) 1764 г. В соответствии с ним все учреждения церкви отстранялись от управления имениями. Земельные владения Святейшего Синода, епархиальных кафедр, монастырей, и приходов поступали в казну и передавались в управление Государственной коллегии экономии. Крестьяне, проживавшие в бывших церковных имениях, также передавались Государственной коллегии экономии и впредь именовались «экономическими крестьянами». С 1 (12) января 1764 г. вместо барщины и оброков они переводились на подушный оклад в размере 1,5 руб. с человека в год, который уплачивался казне через Государственную коллегия экономии. Из доходов коллегии выделялись суммы на содержание церковных учреждений.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленные в 1779 г., указывают, что «село Дмитриевское, Боровок тож», с деревнею Ермоловою» в это время относились к ведомству Рязанской казенной палаты. В деревне Ермоловой, лежащей по «обе стороны речки Песочинки», было 18 дворов и проживали 22 крестьянские души⁴.

В начале XIX в. деревня Ермолово получила статус села – в ней появилась собственная приходская церковь. Точное время постройки храма в честь Св. Дмитрия Солунского неизвестно, но его первый священник Феодор Елисеев упоминается как служивший в 1814–1844 гг. При нем же в 1832 г. было начато строительство нового здания Дмитриевской церкви с Троицким приделом. Храмовое здание было освящено 27 октября (8 ноября) 1839 г. После Федора Елисеева в ермоловской церкви служили священники Иван Георгиевич Тихвинский (в 1844–1873 гг.), Андрей Перехвальский (в 1873–1878 гг.) и Семен Никитич Аполлонов (в 1878–1883 гг.)⁵.

В 1861 г. в Ермолово открылось приходское училище, содержавшееся на средства Палаты государственных имуществ. Оно помещалось в доме священника И.Г. Тихвинского. В 1866 г. в нем занимались 35 учеников⁶.

¹ РГАДА, ф. 350, д. 350, л. 109 об.

² РГАДА, ф. 350, оп.2, ч. 2, д. 2864, л. 375.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2 – С. 243.

⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 30.

⁵ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2 – С. 242.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 238, 239.

В 1873 г. при Дмитриевском храме в Ермолово были выстроены трапезная и колокольня¹. И.В. Добролюбов сообщает о ермоловской церкви в 1884 г.: «При ней земли во владении причта ныне состоит 36 десятин (39 га), на которую плана и межевой книги у причта не имеется. В состав прихода входят: село Ермолово с 203 дворами, Дмитриева (в 2 верстах) с 137 дворами, деревня Горюшки (в 2 верстах) с 14 дворами и деревня Перики с 16 дворами, в коих мужского пола 1413, женского пола 1384. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 2 псаломщика»². Кстати, известно имя и одного из псаломщиков Дмитриевской церкви в Ермолове: в 1881 г. временно исправлять эту должность был назначен выпускник духовного училища Гавриил Липягов, в 1885–1898 гг. он продолжал свое служение уже как штатный псаломщик.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Ермолово Полянкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии, «бывшем селе государственном при речке Вёрде», насчитывалось 203 двора и 1291 житель. В селении действовали православная церковь, школа и лавка³.

В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов утверждают, что во 2-й пол. XIX в. Ермолово «считалось одним из самых бедных поселений в округе. Многие местные крестьяне, не имея возможности прокормить семью работой на земле, занимались отхожим промыслом. Сразу после весеннего сева ермоловцы собирались в артели и отправлялись на торфоразработки Подмосковья, в Шатуру или Орехово-Зуево. <...> После того, как в здешних местах открылся Побединский рудник (1868 г.)⁴, примерно каждый пятый ермоловский крестьянин стал шахтером. Это в какой-то мере повлияло на увеличение доходов здешних жителей, повышение их образовательного уровня. Однако еще долго село слылло самым отсталым и малограмотным в округе»⁵.

В 1874 г. по инициативе Скопинского уездного земства в Ермолове было основано земское училище. В 1885/86 учебном году в нем обучались 42 крестьянских мальчика и 2 девочки из семей духовенства в возрасте от 7 до 15 лет. Плата за обучение не взималась. Здание училища имело площадь внутренних помещений в 64 кв. аршина (32,4 кв. м) было деревянным, крытым соломой и с 8-ю окнами. Школа отапливалась одной русской печью, дрова приносили родители учеников, они же нанимали двух сторожей. Стоимость содержания школы уездным земством составляла 358 рублей в год. Квартира учителя находилась при школе, имелась при ней также библиотека, состоявшая из 125 книг различного содержания, присланных из Санкт-Петербургского Комитета грамотности. Попечителем школы с 1885 г. состоял отставной солдат из местных крестьян Ф.Г. Генералов. Законоучителем с 1883 г. был приходской священник М.И. Тихвинский, учителем – выпускник Рязанской духовной семинарии С.И. Машков⁶. С 1897 г. в здании церковно-приходской школы работала и воскресная школа грамоты⁷.

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-с изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 561.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 242.

³ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁴ Победенским он стал называться позднее, изначально же местное месторождение бурого угля именовалось Чулковская копь. В 1868 г. там начала работу первая, затем вторая шахты. См. Оника Д.Г. Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955 – М.: Московский рабочий, 1956. – С. 36.

⁵ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 144.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 8–13, 23.

⁷ Рязанские парихиальные ведомости, № 19 (1 октября 1899 г.). – С. 629.

По данным за 1894 г., в Ермолово работали шерстобитки с двухконными приводами крестьян Д.М. Ульянова и И.Г. Резвых, «овчинное заведение» с двумя рабочими К.С. Карпухина, двухконные просорюшки П.А. Волченкова, К.С. Карпухина и П.Б. Борисова. На мельнице сельского общества крестьян села Ермолово была сукновалка, которая сдавалась в аренду крестьянину села Чулковские выселки И. Наседкину¹.

В июне 1893 г. причт Дмитриевской церкви в Ермолове получил разрешение епархиального начальства «поставить иконостас в предельном храме во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца, пожертвованный церковным старостой отставным майором Сергеем Николаевичем Худековым»². Из этого сообщения «Рязанских епархиальных новостей» известно, что старостой ермоловского храма в 1890-гг. был ерлинский помещик С.Н. Худеков, беллетрист и общественный деятель, создатель парков-дендрариев в Ерлино и Сочи, Скопинский уездный предводитель дворянства в 1893–1901 гг.

В 1905 г. в селе Ермолове было 297 дворов, население составляло 1166 мужчин и 1089 женщин. В селе имелись церковь деревянная, церковно-приходская школа, 2 ветряных мельницы, 3 маслобойки и водяная мельница совместного владения с сельским обществом соседнего сельца Дмитриева³.

Важным событием в жизни села стало посещение Свято-Дмитриевского монастыря и Дмитриевской церкви в Ермолове епископом Рязанским и Зарайским Никодимом⁴, состоявшееся 30 августа (12 сентября) 1909 г. По этому случаю «Рязанские епархиальные ведомости» писали: «...Монастырь этот очень бедный, с малым числом братии. Основан он на месте, где собирались войска Дмитрия Донского для битвы с Мамаем. За оградой монастыря показывают сосну значительной толщины, под которой, по преданию, был шатер Дмитрия Донского и откуда он обзирал свои полки... В 5 часов пополудни Преосвященный отбыл из монастыря в село Ермолово. Церковь в Ермолове деревянная и очень обширна. К прибытию владыки прихожане собрались в громадном количестве, храм переполнился, было тесно...»⁵ После встречи с прихожанами, «посетив дом священника и выпив чашку чая, Его Преосвященство возвратился в [скопинский] Свято-Духов монастырь в 10 вечера»⁶.

В 1913 г. было принято решение о перестройке и расширении церковного здания в Ермолове за счет средств прихожан⁷. Храм обновили в следующем 1914 г. Новая Дмитриевская церковь была также деревянной, крытой железом. Стены внутри всего храма были обиты холстом и покрыты росписями, выполненными масляной краской⁸. Последним предреволюционным настоятелем Ермоловского прихода был священник Иосиф Николаевич Фелонин⁹, служивший в селе с 1898 г. В 1912–1914 гг. он был благочинным 4-го округа Скопинского уезда.

В журналах Скопинского уездного земского собрания за 1912 г. сообщается о том, что к этому времени в селе действовали две земские школы – ермоловская 1-я и 2-я, попечите-

¹ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 10, 61, 90.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 12 (15 июня 1893 г.). – С. 449.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 626–627.

⁴ Никодим (Боков) (1850–1914) – епископ Рязанский и Зарайский в 1906–1911 гг.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 20, – 15 октября, – 1909. – С. 498.

⁶ Там же.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1913 г.). – С. 589.

⁸ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорожье, 1998. – С. 561.

⁹ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 447.

лем которых состоял помещик деревни Перки П.П. Харнский, активный член уездного земства, по некоторым данным, оставшийся после революции в Скопинском уезде¹. По отчету за 1916 г., обе школы числились двухкомплектными². В 1910-х гг. в Ермолове работал учитель В.П. Лапшин. «Сам выходец из ермоловских крестьян, он, благодаря природным способностям, получил образование, стал учителем и всю жизнь посвятил обучению здешних ребят. За что пользовался большим авторитетом у жителей, хотя фактически школой и обучением в ней руководил местный священник»³.

В 1914 г. в селе Ермолове Полянской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 354 крестьянских двора, в которых проживали 1349 мужчин и 1266 женщин⁴. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов сообщают, что «в начале XX в. в Ермолове имелись водяная мельница, крупорушка и четыре лавки в частных домах. К особенностям села можно отнести отсутствие тракторов и обилие колодцев. На каждом порядке их насчитывалось не менее десятка. Это объяснялось близостью грунтовых вод и простотой сооружения. Вырыть колодец могла практически каждая семья. Причем все они были обязательно с «журавлями». Село состояло из пяти порядков: Заливный (в половодье он заливается Вердой), Двойной, состоявший из двух рядов домов, Церковный, где стояла церковь, в тридцатые годы переименованный в Кооперативный, Новлянка – здесь селились вновь строящиеся семьи, и самый красивый сельский порядок – Красный. <...> Сельской общественной территорией считались окрестные леса: Подбольшак, Кульков лог, Темный лог и Казенный лес. В этих местах ермоловские крестьяне рубили лес для хозяйственных нужд. Имелись небольшие торфоразработки, торф из которых использовался местными жителями для отопления.

Через село проходила дорога, мощенная камнем, как ее называли – «каменка», соединявшая волостное село Поляны со Скопином. О том, как жили в ту пору ермоловские крестьяне, вспоминает местный старожил В.М. Лытаев:

«– Детство у меня и большинства моих сверстников было тяжелое. Уж сколько лет прошло, а как вспомню те времена, до сих пор плакать хочется. И не детство это было, а одна мука. Бедно жили, голодно. С двенадцати лет отдала меня мать в работники. За конями присматривать. Все лето работал. За кормежку, штаны и буханку хлеба, которую при расчете дали. А сколько упреков, обид, унижения приходилось терпеть – не перечислить. И деваться некуда. Дома есть нечего, а в работниках хоть помереть не дадут. Где уж тут учиться? И засыпали, и просыпались с одной мыслью: что бы поесть?»

Но мне еще повезло, я живой остался. А сколько детей умирало от голода, болезней, которые ребяtnю как косой косили! Мебели, считай, никакой не стояло. В переднем углу для гостей – лавка. Прямо у двери располагалась другая лавка под названием «коник». В дальнем углу устраивали «задник» – такой настил немного выше пола, на котором дети и ели, и спали, и играли. Зимой в избе помещалась и скотина. Убирали за ней так. Посыплют мокроту золой для подсушки, и потом все это соскребают и выметают на улицу. Мыли и скоблили полы только по годовым праздникам, в Пасху, например, или в Троицу».

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 273.

² Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. – С. 170.

³ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 144–145.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочь, 1998. – С. 561.

По свидетельству ермоловских старожилов, в конце XIX – начале XX в. в селе примерно 15 процентов домов были глинобитными. Возле них такие же хозяйственные постройки. Для строительства делали вязкую глину, смешивали ее с соломой и другими добавками. Из этой массы формировали кирпичи, после просушки из них клали стены. Кирпичных домов стояло только процентов 30, все остальные – деревянные. Всего десятка полтора-два домов крыты были тесом, остальные соломой.

Примерно половина ермоловских крестьян не имели ни одной лошади. Почти в каждой семье держали корову, телка, по 5–10 овец. Свиньями не занимались. Сякли в Ермолове рожь, просо, овес, чечевицу, коноплю, сажали картофель, свеклу, огурцы, капусту, лук, а про помидоры и вовсе редко кто слышал. Обязательной культурой для каждой семьи считалась конопля, из которой ткали холсты для мужской и женской одежды»¹.

В предреволюционные годы в окрестностях села на хуторе поселился разбогатевший крестьянин П.В. Дроздов. На поденные работы к нему нередко нанимались местные женщины. Его хозяйство по понятиям того времени считалось, в общем-то, кулацким, однако у жителей села он почему-то был на хорошем счету даже в советское время. В 1925 г. скопинская уездная газета «Коллектив» писала о нем в заметке «Хороший хозяин»: «Между селом Ермолово и Бараково живет хуторянин П.В. Дроздов. Крестьяне к нему ходят за различными агрономическими сведениями. Так как он ведет свое хозяйство по науке, то он из топкого болота сделал хорошие луга, на песках получает много хлеба, хорошо ухаживает за своим садом и огородом. У П.В. Дроздова имеется хорошая пасека; благодаря правильной постановке дела, его пасеку можно считать образцовой и показательной. Многие крестьяне окружающих сел, видя пример, завели пчел и правильно за ними ухаживают. На пасеке у Дроздова летом всегда находятся крестьяне и учатся, как ухаживать за садом и пчелами. Скотина в теплом хлеву и поится теплой водой, отчего получается большая экономия в корме. С наступлением весны тов. Дроздов переходит на многополье»².

В 1914 г. началась Первая мировая война. Немало жителей Ермолова было мобилизовано в Русскую императорскую армию. В 1915 г., когда село посетил преосвященный Амвросий³, епископ Михайловский и vicарий Рязанской епархии, местный священник, приветствуя владыку речью, говорил, что «из его прихода в 2400 душ взято на войну и несколько человек уже убиты, что скорбно для него и его паствы»⁴.

Некоторым уроженцам села довелось прославиться на поле брани. Например, сапер Иван Филиппович Куприянов (1888–1971) за годы войны был награжден Георгиевскими крестами 2-й, 3-й и 4-й степеней. Ему, однако, выпало стать героем иного времени – Гражданской войны. «С первых дней Февральской революции И.Ф. Куприянов активно участвовал в организации солдатских комитетов. После победы Октябрьской революции, в 1918 г., Куприянов назначается заместителем рязанского губернского комиссара, занимается формированием красноармейских отрядов. В середине 1918 г. было принято решение о формировании в Скопине добровольческого батальона. Согласно сохранившимся данным, за 3 дня набора в батальон записалось около 900 добровольцев, хотя требовалось только 600»⁵. Во-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 144.

² Коллектив, №40. – 1925. – 10 апреля.

³ Амвросий (Смирнов) (1874–1938) – епископ Михайловский и vicарий Рязанской епархии в 1911–1917 гг.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, №15. – 1 августа. – 1915. – С. 608.

⁵ Он получил название 1-го Рязанского маршевого батальона.

енным комиссаром батальона стал И.Ф. Куприянов. Батальон героически сражался с интервентами на Северном фронте, освобождал город Архангельск от английских, американских и французских оккупантов. Позже он, в числе других подразделений, вошел в сформированный 155-й стрелковый полк, военным комиссаром которого назначили И.Ф. Куприянова. В конце 1918 г. полк влился в созданную 18-ю стрелковую дивизию под командованием одного из прославленных военачальников Гражданской войны И.П. Уборевича. Комиссар дивизии – тот же Куприянов. После Гражданской войны И.Ф. Куприянов работал в Свердловске заместителем начальника промышленности Южного Урала. В марте 1922 г. ему предложили поехать в Скопинский уезд для восстановления шахт. Он успешно справился с поставленной задачей. В 1926 г. И.Ф. Куприянов избирается членом губисполкома и назначается заместителем председателя губсовнархоза¹. В последующие годы И.Ф. Куприянов находился на хозяйственной работе. В 1956 г. он стал персональным пенсионером союзного значения.

В 1917 г. в селе Ермолове Полянской волости Скопинского уезда Рязанской губернии проживало 1412 мужчин и 1413 женщин. Близ села на р. Вёрде действовала водяная мельница, принадлежавшая Ермоловскому сельскому обществу². «После Октябрьской революции каждый ермоловский крестьянин, независимо от пола, получил по 25 соток земли. Эту долгожданную долю ермоловцы защищали с оружием в руках на фронтах Гражданской войны. Среди них можно назвать имена И.И. Теплухина, Г.М. Астахова, Т. Потапова, И.И. Кочеткова, Н.А. Сизова, Д.Ф. Карпухина»³.

Советская власть в Ермолowo, как и повсюду в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В апреле 1918 г. в селе появился первый орган новой власти – сельсовет. В начальный период «военного коммунизма» при сельсоветах некоторое время действовали комитеты бедноты, призванные содействовать властям в преодолении сопротивления контрреволюционно настроенных элементов. Появился свой комбед и в Ермолowo. Он разместился в одном из школьных зданий села. В 1918 г. Скопинский отдел народного образования обратился в уездный комитет РКП (б) с просьбой «принять меры к освобождению 1-й Ермоловской школы Полянской волости, занятых канцелярией комитета бедноты и членами волостного Совета Советов, а также принять меры к восстановлению расхищенных школьных пособий, школьного инвентаря и ремонта здания»⁴. С ликвидацией комбедов к концу 1918 г. проблема была решена.

«В первые годы после революции страна переживала чрезвычайно трудные времена. В большинстве областей свирепствовал голод. В ногу с ним часто шли и эпидемии. Старожилы Ермолова до сих пор помнят страшную эпидемию тифа в 1918–1919 гг. <...> В 1922 г. в Ермолове была организована партийная ячейка, секретарем которой избрали И. Бутусова. В нее вошли П.А. Лытаев, А.В. Денисов, Л.А. Кульков, Я.М. Астахов, К.У. Кульков. Вскоре после этого в селе образовалась и комсомольская организация. Первыми ермоловскими комсомольцами в то время стали Я.М. Савин, Ф.Г. Генералов, Е.П. Савелов, В.Г. Генералов. Первым председателем Ермоловского сельского совета односельчане избрали П.А. Лытаева»⁵.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 146.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 150.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 146.

⁴ ГАРО, ф. П-1436, оп. 1, д. 2, л. 35.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 146–147.

Дореволюционные традиции оказывали определяющее влияние на сельский быт 1920-х гг. На Рождество по-прежнему устраивались кулачные бои «стенка на стенку». Молодежь села Ермолова обычно билась со сверстниками из Дмитриева¹.

Середина и вторая половина 1920-х гг. в Рязанской губернии стали временем административных реформ новой власти. В Скопинском уезде первым делом подверглись укрупнению существовавшие волости, причем их границы иногда определялись прямо «на местах». 5 сентября 1925 г. на заседании президиума Скопинского уездного исполнительного комитета (УИКа) из состава Скопинской доукрупненной волости была выделена Победенская волость, которая должна была существовать «в старых границах, за исключением сел Вослебово, Лопатино, Вороновка, Красный поселок, Московский поселок, Новые Кельцы, Старые Кельцы, Новиково, Гуменки, Ивановка (Марково), Красный городок. Кроме того, из Володарской волости к новой Победенской волости присоединились Старо-Бараково, хутор Дроздова, Конюховка, Ново-Бараково, Московка, Городецкое, Корчагинский хутор, Бахаровка, Питомша, Дымовский хутор, Жмурки»². Таким образом, Ермолово и упоминавшийся выше хутор П.В. Дроздова оказались в разных волостях.

В первые годы советской власти ее органы «на местах» далеко не сразу приобрели профессионализм и эффективность. Некоторых приходилось «подтягивать» с более высокого административного уровня. В 1925 г. скопинская газета «Коллектив» давала следующие рекомендации Ермоловскому сельсовету: «...Вставить стекла в побитые окна сельсовета, а не закладывать их кирпичом, через которые свищет ветер. Председателю сельсовета Ермолово Карпухину надо подтянуться, исправить мосты через Вёрду, затем товарищу Карпухину надо поменьше сквернословить во время занятий в сельсовете». Зимой 1925 г. «на повестку дня был поставлен доклад «О революционной законности» и доклад председателя сельсовета Карпухина. В собрании участвовало много беспартийных. По докладу председателя сельсовета, который он делал в пьяном виде, было много высказываний»³. Такому состоянию председателя немало способствовали местные предприниматели-самогонщики. Нередко сверху указывали: «Победенской волмилиции открыть поход против ермоловских самогонщиков, источника развивающегося в этом селе хулиганства среди молодежи»⁴.

При описанном выше отношении к работе у сельсовета к весне накопилась масса нерешенных вопросов. В 1925 г. селькор № 62 сообщил газете «Коллектив»: «У нас в селе Ермолове ежегодно, уже несколько лет, бывает дележка земли, отчего земля год от году не удобряется и идет к истощению. Каждый гр-н желал бы удобрить, но не делает этого, говоря: “Я сегодня сниму урожай, а на следующие года будет пользоваться какой-то дядя, не утрачивая своей силы на удобрение”. Редакция отвечала: “Ермоловским гражданам надо последовать примеру Володарских крестьян (так называлось Боровое, Ермолово входило после укрупнения уезда волостей в Победенскую волость. – *Примеч. авторов*), которые постановили всем обществом ежегодно удобрять навозом пар, причем в обязательном порядке на каждую душу должно быть вывезено по 6 возов навоза. Затем гражданам надо прекратить частые переделы земли”⁵. В том же 1925 г. житель Ермолова Е. Генералов, надеясь на помощь, тоже писал в газету: «В селе Ермолово 23 апреля, при перегоне коров через большой мост на Вёрде, корова бедняка Гребнева, благодаря неисправности моста, сломала себе ногу и тут

¹ Коллектив, № 7. – 1925. – 6 февраля.

² Коллектив, № 84. – 1925. – 12 сентября.

³ Коллектив, № 33. – 1925.

⁴ Коллектив, № 85. – 1925. – 16 сентября.

⁵ Коллектив, № 84. – 1925. – сентября.

же была прирезана. Надо скорее починить мост. Необходимо также исправить мост между селом Ермоловым и дер. Периками. 18 апреля через этот мост ехал один гражданин и у него опрокинулась и сломалась телега: еще бы немного и лошадь могла бы погибнуть»¹.

Вообще в том году обстановка в селе была напряженной. Газета свидетельствовала: «В селе Ермолове продолжают пожары. Так, 25 марта сторела рига, 26 марта – 2 дома и сарай с ульями и пчелами, 28-го – рига, 29-го две риги, 30-го дом. Граждане принимают горячее участие в тушении пожаров. Причины пожаров – неизвестны, ведется расследование»². Ночные дежурства жителей села не помогли, но на крайнюю меру, которой было переселение в другие места, отважились немногие. Большинство вышло из положения другим способом.

Местный селькор, скрывавшийся под псевдонимом Батьялай, писал в июне 1925 г.: «В селе Ермолово Победенской волости в связи с пожарами, появились огнеупорные экономические постройки. Все приступили к ливке литух, притом стали крыть тесом, так что опасность становится меньше»³. Одновременно продолжались поиски хулиганов.

Дело о поджогах в Ермолове разбиралось на выездной сессии Рязгубсуда с участием обвинения и защиты, которая заседала в селе 30 апреля – 2 мая 1925 г. В местной прессе сообщалось: «В течение ряда последних лет в селе Ермолове группой лиц, именовавшей себя «организацией по пожару», был совершен ряд поджогов крестьянских строений. Эти поджоги продолжаются и до сего времени, причем даже в день приезда сессии возникло три пожара в разных местах села. Местное население настолько запугано пожарами, что не спит по ночам, некоторые же гр-не принуждены были выселиться из Ермолово в другое место. Поджигателями подбрасывались анонимки с извещением о предстоящем пожаре, который и производили путем подкладывания в крышу особо изготовленных медленно тлеющих фитилей. В течение 1922–1924 гг. поджогами уничтожены строения у 53 домохозяев. За последнее же время стали поджигаться и постройки селькоров. Выездная сессия судила в помещении школы, которая переполнена была толпой крестьян, с неослабным интересом следивших за ходом процесса. Сессия установила виновность привлеченных к ответственности участников шайки поджигателей: Протасова Ефима, Сусова Алексея, Власова Якова и Блохина Николая, и, признав смягчающим вину обстоятельством принадлежность их к трудовому населению и бедность, присудила их по 197 ст. УК: Протасова к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением в правах на один год, с применением высылки из Рязанской губ. по отбытии наказания сроком на два года. Гр-на Сусова – к 3 годам лишения свободы. Гр-на Власова – на 1,5 года и Блохина – на 1 год лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением прав. Признано так же право потерпевших на возмещение убытков от поджогов»⁴. После суда пожары прекратились не сразу. Трудно сейчас установить мотивы поджигателей, но видимо была здесь и классовая подоплека, так как, по мнению многих ермоловцев, «с отъездом молодежи на торфа – беднота с. Ермолова почувствовала себя плохо. Кулачье и пьяницы сильно дают себя знать при решении общественных вопросов. Бедноте надо стряхнуть с себя спячку, а не смотреть на все глазами соседа»⁵.

В этом же 1925 г. уже без псевдонимов К.Н. Колдашов писал в газете «Коллектив» о новой беде сельчан: «Когда ермоловские крестьяне приступили к косьбе своих заливных лугов около р. Вёрды, то мельник с. Старобараково поднял так высоко воду, что затопило все Ер-

¹ Коллектив, № 49. – 1925. – 9 мая.

² Коллектив, № 40. – 1925. – 10 апреля.

³ Коллектив, № 62. – 1925. – 24 июня.

⁴ Коллектив, № 49. – 1925. – 9 мая.

⁵ Коллектив, № 62. – 1925. – 24 июня.

моловские луга. Таким образом, сено пришлось косить в воде, которое погнило и втопталось в грязь. По этому Ермоловские крестьяне потерпели очень большой убыток. А мельник держит воду выше определенного уровня с целью, чтобы Ермоловские крестьяне поклонились ему в ноги и дали бы несколько луговой площади за то, чтобы он спустил воду. Раньше он затопил луга с. Чулково и опустил воду тогда, когда чулковские крестьяне дали ему за это лугов. Следует познакомить такого мельника с пролетарским судом»¹. В короткой заметке проглядывается не только грамотность ермоловца, но и его обстоятельность.

Частые обращения селькоров и жителей в местную газету, не всегда давали положительные результаты. Вот, например, один из них в июне 1925 г. пытался выяснить: «В село Ермолово Победенской волости раза два приезжал ветеринар по прививке коров от болезней, который совместно с председателем оповестили крестьян через очередных дежурных о том, чтоб шли прививать коров и несли яйца. Так и было, некоторые крестьяне несли яйца. Прав ли ветеринар с председателем?»² Следствием обращения в газету стало полное равнодушие ветеринара к болезням лошадей в селе. При заболеваниях он долго не появлялся под разными предложениями, так что у крестьян до конца года пали две лошади.

Несмотря на новые порядки в стране, богатые крестьяне продолжали играть лидирующую роль в общественной жизни Ермолова. В 1926 г. многим из них удалось войти в состав сельсовета. Скопинская газета «Коллектив» свидетельствовала, что на 9-м году советской власти выборы в сельсовет все еще проводились по лекалам дореволюционных выборов волостных старшин: «...В Ермолово главную роль играли горлопаны, подпоенные самогоном, и благодаря этому прошел в сельсовет Карпухин, который оказался растратчиком. Раньше был председатель Н.Ф. Головин, который тоже много растратил общественных денег»³.

В 1920-х гг. почти половина ермоловских крестьян оставались безлошадными. Богатые односельчане не стеснялись навязываться на бедствии соседей. Информационная сводка ОГПУ от 7 мая 1927 г. констатировала: «25 апреля в с. Ермолово Побединской волости Скопинского уезда с наступлением весенних полевых работ хозяйства, имеющие лошадей, объявили цену на обработку земли одной души 10 рублей. <...> Беднота селения, благодаря слабой ККОВ, живет в плохих условиях и до настоящего времени в обработке земли находится в зависимости от середняков и кулаков»⁴. Об этом явлении скопинский краевед В.Н. Ильинский несколько лет спустя писал: «Кулакам выгодно безлошадье, так как они за очень большую цену обрабатывают безлошадному бедняку землю и обрабатывают притом очень плохо. Когда обострилась в последние годы классовая борьба в деревне, то кулацкая верхушка повела агитацию за массовый убой скота: «Все равно-де в колхоз возьмут...»⁵

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было упразднено. Ермоловский сельсовет вместе с новообразованным Скопинским районом вошел в состав Тульского округа Центрально-Промышленной области с центром в Москве. До конца года область была переименована в Московскую.

Взятый руководством СССР курс на коллективизацию сельского хозяйства обещал изменить традиционно несправедливый уклад сельской жизни. Ермоловский старожил И.М. Астахов на закате советской эпохи вспоминал события 1929 г.: «Село прямо бурлило от собраний и сходок, которые проходили каждый день, а то и по несколько раз в день. Я служил рассыльным

¹ Коллектив, №74. – 1925. – 5 августа.

² Коллектив, №62. – 1925. – 24 июня.

³ Коллектив, №12. – 1926. – 16 февраля.

⁴ Советская деревня глазами ВЧК. Т.4, Москва, 2012. – С. 562.

⁵ Ильинский В.Н. Скопинский район Московской области. – Скопин, 1931. – С. 22.

в сельском совете, разносил односельчанам уведомления о предстоящих собраниях. Они проходили в избе-читальне, в здании школы или в центре села, где обычно собирались сходы. Но люди часто затевали собрания стихийно. Вопрос организации колхоза волновал всех без исключения. Тут не было равнодушных. Спорили и доказывали друг другу свою правоту до хрипоты.

Бедняки горой стояли за советскую власть и колхозы. Середняки опасались обобществления нажитого за долгие годы скота и инвентаря. Богачи выступали против колхозов. Собрание, положившее начало организации первого ермоловского колхоза, проходило весной 1929 г. в деревянном здании школы. Говорили тогда много, высказывались и «за», и «против», но заявлений в колхоз подавать не спешили.

Несмотря на то, что на общем собрании присутствовали почти все жители села, в колхоз вступило всего 30 семей. Среди них первыми колхозниками стали Я.М. Савин, Е.Г. Генералов, М.Г. Власова, И.С. Ушанов, Ф.В. Сырцова, Л.А. Кульков, А.А. Елагина, М.Д. Сиворин, М.Е. Астахов, А.Д. Сиворин, Н.Н. Межевых».

Ермоловскому колхозу выделили хорошие земли, семена, лошадей, плуги и другие орудия. Первую борозду по колхозной земле пропахал председатель К.Н. Колдашев. По его инициативе местный колхоз назван «Красная новь», как популярный в то время крестьянский журнал. В 1930 г. уехавшего на учебу в Московский горный институт К.Н. Колдашева сменил подготовленный им за время работы его преемник Л.А. Кульков. председателями Ермоловского сельского совета в 1930-е гг. работали М.М. Блохин, К.А. Теплухин, Т.В. Лагуткин, Д.Н. Балашов, Д.А. Захаров, С.П. Кузин, И.М. Астахов»¹.

Создание колхоза «Красная новь» помогло ермоловцам справиться с вековой проблемой голода. У сельской же бедноты вообще иной дороги, кроме как в колхоз, и не было. Неудивительно, что уже в начале 1932 г. в недавно образованной сельхозартели состояло 448 хозяйств и 82 лошади², а к 1933 г. Ермолово вообще было коллективизировано почти на 100 %. Появление в селе колхоза способствовало обострению противоречий между сторонниками и противниками советской власти. С одной стороны, районная газета «Коллектив», проводя в жизнь политику руководства страны, выявляла богатых крестьян, имевших до революции доходные предприятия, а значит, подлежавших раскулачиванию. С другой – зажиточные крестьяне старались саботировать все решения власти, противодействовали коллективизации всеми доступными им способами. Поэтому в скопинской районной газете появлялись заметки, носившие для Ермоловского сельсовета разъяснительно-указательный характер, например: «Кто такой Волченков Гер[асим]. Пав[лович]? Форменный кулак! Имел большие купчие земли, просорушку, применял наемный труд, лишенец, каким-то образом сумел восстановить право голоса. В прошлом году за несдачу излишков хлеба был приговорен судом к году лишения свободы с конфискацией поросенка, овец и просорушки. Два его сына Герасим и Федор сделали фиктивный раздел»³.

В начале 1930-х гг. несколько наиболее зажиточных ермоловцев, активно сопротивлявшихся политике советской власти, «раскулачили» и вместе с семьями выслали из села. Среди них была многодетная семья Павла Васильевича (1884–?) и Анны Петровны (1881–?) Максимовых.

В 1931 г. посевные площади колхозов Скопинского района Московской области составляли 5524,7 га, совхозов – 1161,5 га, единоличников – 18 184,3 га. К 1933 г. количество колхозных посевных площадей возросло до 14 287,6 га, совхозных – до 2390,7 га, и все это,

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 147–148.

² Побединский ударник, №12, – 1932. – 23 января.

³ Коллектив, № 37. – 1931.

очевидно, за счет единоличников, у которых осталось 8089,4 га. Постепенно продвигалась и механизация сельского хозяйства. В 1931 г. МТС района располагали всего 15 тракторами. В 1932 г. еще две машины находились в собственности у колхозов, но в следующем году были проданы МТС. В 1933 г. скопинские МТС могли предоставить колхозникам уже 28 тракторов. Постепенно росла и производительность труда, что отражалось на уровне благосостояния колхозников. Например, в 1931 г. в скопинских колхозах в среднем на 1 трудодень выдавали 5,073 кг зерновых, а в 1933 г. – уже 6,15 кг¹.

В 1933 г. постановлением Мособлисполкома Полянский и Ермоловский сельсоветы из Побединского района (так некоторое время назывался Скопинский район) были переданы в соседний Рязжский район. К концу 1933 г. ермоловский колхоз «Красная новь» своевременно сдал государству зерно и картофель. В хозяйстве были построены кирпичное зернохранилище, три картофелехранилища, склад, конюшни. Удалось капитально отремонтировать мельницу. Конфискованный кулацкий дом был переоборудован под школу. Для раздачи бескоровным колхозникам были выделены 24 телки. С января по октябрь 1933 г. в «Красную новь» вступили 22 единоличника. В то же время из колхоза были «вычищены» 13 хозяйств, объявленных кулацкими².

На рубеже 1920–1930-х гг. в Ермолово возникла ячейка ВКП (б). Ее секретарем был присланный с завода ЛЕПСЕ Константин Иосифович Рублев. К концу 1933 г. ермоловская партийная ячейка состояла из 8 членов и кандидатов, из которых многие занимали ответственные посты в сельской администрации. Среди них оказалось немало карьеристов, не вполне соответствовавших занимавшимся ими должностям. Всем им пришлось несладко в ходе чистки партии в 1933 г. В ходе открытых дебатов всплыли все их неблагоприятные поступки. Например, П.А. Колдашев, 1895 г. рождения, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г., сын торговца, работал председателем сельпо. Односельчане упрекали его в наплевательском отношении к порученному делу. О нем говорили: «Выступить нельзя – иначе махорки не получишь, и не хочет выпускать газету». Из кандидатов в члены партии он был исключен. Лука Алексеевич Кульков, рабочий, член партии с 1929 г., сын торговца, 1893 г. рождения, имевший выговор за продажу лошади в период коллективизации и другой выговор от РКК за слабое руководство колхозом «Красная новь». В ходе чистки о нем говорили, что он «под видом сохранения трудодней затягивает работу, чем допускает потерю урожая и искусственно создает невозможность зарабатывать одним колхозникам и главным образом вдовам, тогда как другие, близкие Кулькову, зарабатывают по 400 трудодней. В разгар уборки картофеля на работе было 194 человека из имеющихся 794 трудоспособных. Царствует обезличка лошадей, грязь на скотных дворах. Имеет бюрократические наклонности. Администрирование Кулькова было доведено до крайних пределов путем прямых и косвенных угроз беднякам, выступать не давали, вплоть до зажима беднячке – делегатке А.Е. Логтаевой рта рукой со стороны жены кулака Колотилиной... Семь вдов беднячек в одно слово говорят, что «больше терпеть такого издевательства от Кулькова не можем и просим защиты, иначе он нас уморит с голоду». Основной характер жалоб был следующий: преднамеренное лишение вдов возможности получить выгодную по количеству трудодней работу; бездушное отношение к социально-бытовым запросам бедняков. При протесте он грозил исключением из колхоза. Старик Архипушкин, сын которого служил в РККА, на работу допущен не был. Только после вмешательства удалось поставить его сторожем. Многосемейную беднячку, вдову А.Я. Логтаеву он

¹ *Кирьянов П.П.* Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области (1927–1935 гг.), – Рязань, 1962. – С. 238–239.

² ГАРО, ф. П-44, оп. 1, д. 5, лл. 1-1 об, 3.

снял с работы на мельнице, так как она заболела, а поставил подкулачницу Власову за то, что она обшивала Кульковых. Генералов Петр, хороший слесарь, но сын беднячки, на работу не брался. Генералову Т., беднячку, бригадир на более выгодную работу, такую как вязка снопов (1,5 трудодня) не ставил, а посылал постоянно жать. На снопы посылал своих Кульковых. На протест он заявлял: «Идите работать, а то не дам никакой». В ходе чистки Л.А. Кульков был из партии исключен¹. Обсуждали ермоловцы и Василия Гавриловича Трифонова, кандидата в члены ВКП (б) с 1932 г., рабочего, 1894 г. рождения, председателя колхоза «Волна» в деревне Перики Ермоловского сельсовета, назначенного вместо осужденного за воровство бывшего председателя периковского колхоза Кузина, но к нему больших претензий не было. Зато со всей строгостью ермоловские коммунисты подошли к личному делу Якова Дмитриевича Куликова, члена партии с 1932 г., 1893 г. рождения, завхоза колхоза «Волна». Ранее он уже находился под судом, был осужден на 1 год принудительных работ за совместное расхищение зерна с бывшим председателем периковского колхоза Кузиным. О нем говорилось, что он «не изжил пьянство, политически неграмотный». В ходе чистки из партии его исключили².

С образованием в 1935 г. Желтухинского района Ермолово снова вернулось в Скопинский район Московской области. Документы УНКВД свидетельствуют об ожесточенном характере борьбы противников советской власти с колхозным строем. Например, в августе 1934 г. в Ермолово возвратился по отбытии 5-летней ссылки «кулак, бывший городской» Иван Павлович Сусов (1880–?), ранее осужденный по ст. 58 п. 10 УК РСФСР. По возвращении он подал заявление на вступление в колхоз «Красная новь», председателем которого в это время был И.Ф. Пушкин, но получил отказ. По свидетельству документа, в конце января 1935 г. в ходе беседы с односельчанами И.П. Сусов заявлял: «Ну чего вы в колхозе работаете? Скоро этим колхозам будет конец и вам всем по шапкам». Сын И.П. Сусова Иван поддержал отца, сказав: «О том, что колхозы развалятся, это так и будет, мой отец говорит правду, он ведь недавно вернулся с ссылки, а там все каторжники об этом говорят». Вдохновив своими речами собеседников, Сусовы организовав группу из трех человек, которые «подломали колхозный амбар, насыпали 5 мешков ржи», но при этом были замечены. И.П. Сусов скрылся. В это время в колхозе состоял Михаил Петрович Елагин (1896–?), сын кулака. Его отец Петр Михайлович и старший брат Иван Петрович Елагины еще в 1931 г. были высланы ОГПУ из села за антисоветскую агитацию. М.П. Елагин, тем не менее, остался в селе, т.к. с 1928 г. был отделен от отца. До революции семья имела каменный дом, крытый соломой, плетневый двор, ригу, 3 лошади, 2 коровы, быка, подтелка, овец 10–12 штук, 2–3 свиней, гусей 16 штук, а летом до 70. П.М. Елагин арендовал 10–15 десятин внеадельной земли, занимался скупкой и перепродажей хлеба (кстати, продолжал это делать и после революции), нанимал до 3 человек сезонных рабочих. Понятно, что при таком прошлом внимание «компетентных органов» к семье Елагиных было пристальным. И оно оказалось оправданным. Так, в докладной райотдела УНКВД на имя секретаря Скопинского райкома партии Агеева, датированной февралем 1935 г., сообщалось, что, «находясь у дома Зимарева, Елагин Михаил Петрович в присутствии колхозников заявил: «Немного вы надышите, придет скоро время – мы с вами рассчитаемся, ни за что вы сослали моего отца, брата и зятя, и все ваши колхозы полетят». В двадцатых числах января Елагин Михаил Петрович ездил на подвозку кирпича на мехзавод, благодаря его хищническому отношению к лошадям побил холку, и в результате чего лошадь врачом поставлена на лечение до 15 апреля с.г., кличка лошади Буланец. Такие же случаи были осенью прошлого года, тоже выводил из строя лоша-

¹ ГАРО, ф. П-44, оп. 1-3, д. 5, л. 1, 2, 8, 9.

² ГАРО, ф. П-44, оп. 1-3, д. 5, л. 8–10.

дей. Все это могут подтвердить Корешков Петр Евстигнеевич, Локтионов Андрей Алексеевич, Жданов Петр Васильевич, Селюкин Мирон Миронович»¹.

В ходе проводившихся в 1935 г. хлебозакупок в ермоловском колхозе вновь обострились политические дискуссии. УНКВД докладывало: «В колхозе «Красная новь» на собрании в бригаде 16 сентября 1935 г. колхозница Генералова Наталья Ивановна, в прошлом жена кулака, говорила: «На будущий год в колхоз работать никто не пойдет, потому что хлеба не дают, пусть лучше дохнут не колхозники, кто сидит у власти». В другой бригаде Гребнев Иван Иванович, 35 лет, в прошлом середняк, говорил: «Мы хлеба ни одного килограмма не продадим, сами сидим голодные». Присутствующая на том же собрании Кулькова, 65 лет, заявила: “Вот прислали нам чужого председателя, а он готов нас с голоду поморить, давайте мы все заявим, что у нас излишнего хлеба нет и продавать нечего”². Колхозники и единоличники платили сельхозналог, культурный налог, налог самообложения и наряду с колхозом обязаны были сдавать государству зерно, мясо, молоко, картофель – фактически по себестоимости. Госпоставки и сельхозналог были дифференцированы в зависимости от состояния хозяйств. Бедняки вовсе были освобождены от них. Кулаки получали повышенные «твердые задания».

Несмотря на отдельные случаи недовольства, общая картина жизни ермоловского колхоза «Красная новь» все же была скорее позитивной. «Особого подъема хозяйство добилось во 2-й пол. 1930-х гг., когда им руководил Н.Я. Агеев. Инициативный, энергичный и хорошо знающий свое дело руководитель сумел не только закрепить успехи, достигнутые его предшественниками, но и приумножить их. Н.Я. Агеев широко развернул строительство базы колхозного производства: помещений для хранения и переработки зерна, содержания лошадей, коров и другого скота. Благодаря его усилиям в предвоенные годы в «Красной нови» создали хорошую основу для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства. <...> В 1930-е гг. на селе заметно активизировались перемены и в социальной сфере. Ермоловцы организовали кружки ликбеза, где занятия вели местные жители А.М. Сурков и П.М. Жданова. В 1933 г. в Ермолове открылся первый клуб. Его разместили в здании закрытой церкви. При клубе действовало несколько кружков, где занимались певцы, танцоры, чтецы. Особой популярностью пользовался драматический кружок. Кружковцы сами сочиняли и ставили на клубной сцене небольшие пьесы на злобу дня. С 1932 г. в колхоз начала поступать новая техника. Первыми пришли трактора марки «Фордзон», затем автомобили-полупорки. Одним из первых ермоловских водителей стал С. Буянов»³.

В 1937 г. Ермоловский сельсовет в составе Скопинского района был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. В это время в него входили село Ермолово, деревня Перики и поселок Груздовский. Жители трех селений были объединены в 2 колхоза, в составе которых числились 556 дворов. Уровень коллективизации по сельсовету составлял 99,8 %. Под озимые в колхозах было отведено 499,8 га земли, под яровые – 740,1 га, под огороды – 50,8 га, под картофель – 170,1 га, под кормовые культуры – 261,1 га, под сады – 27 га. В колхозах сельсовета выращивались яблони, груши, сливы, вишни. В двух хозяйствах насчитывалось 205 лошадей, 123 коровы, 30 свиней, 117 овец. На территории сельсовета действовали начальная школа с 102 учащимися, средняя школа с 528 учащимися, 2 сезонных яслей, 3 торговые точки. В личных подсобных хозяйствах колхозников 136,8 га были заняты различными сельхозкультурами, 12,2 га приходилось на сады. В хозяйствах колхозников со-

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 22.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 125.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 148.

держались 368 коров, 221 свинья, 348 овец¹. В ермоловский колхоз «Красная новь» входили 424 из 431 дворов села (с учетом 8, вступивших в колхоз в 1938 г.). Всего в нем трудились 1970 жителей Ермолова, еще 401 человек оставались за рамками колхоза (многие из них работали на шахтах №№ 11 и 49, куда добирались пешком, хотя расстояние составляло от 1 до 7 км, а также на шахте № 51, куда приходилось ехать поездом²). Колхозники держали крупный рогатый скот в 217 дворах, от своих коров в 1938 г. получили 62 678 л молока. К выдаче на трудодни в 1938 г. было выделено 29,8 % прибыли колхоза. На 650 трудоспособных было заработано 52 570 трудодней. Каждый конвертировался в 1,53 кг зерновых и 28 копеек деньгами³. В колхозе также было 158 лошадей и 26 жеребят, 135 коров и 52 теленка, 28 свиней и 113 поросят, 100 овец и 76 ягнят. В этом же году пали жеребенок, 3 теленка, 4 поросенка, 6 ягнят. Колхозникам по льготным ценам было продано 56 поросят и 23 овцы⁴.

В конце 1930-х гг. некоторые уроженцы Ермолова пали жертвами «Большого террора». 13 августа 1937 г. в селе был арестован Тимофей Дмитриевич Ульянов (1887–1937). В сентябре того же года он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в систематической антисоветской агитации и активной контрреволюционной троцкистской пропаганде. Т.Д. Ульянова расстреляли и похоронили на Бутовском полигоне под Москвой. Там же, на Бутовском полигоне, в сентябре 1937 г. оборвалась жизнь Михаила Васильевича Парнассова (1875–1937). Он был сыном псаломщика Дмитриевской церкви в Ермолово, окончил духовную семинарию и сам стал священником. В 1937 г. он служил в храме Рождества Христова села Пронюхлова Зарайского района Московской области, хотя по советским документам официально числился «безработным». Тройка УНКВД по Московской области осудила его по обвинению в «активной контрреволюционной агитации повстанческо-террористического характера и клевете в отношении руководителей советского государства и ВКП (б)» по статье 58–10 УК РСФСР. Приговор был приведен в исполнение 9 сентября 1937 г. В 1989 г. Т.Д. Ульянов и М.В. Парнассов были посмертно реабилитированы.

«С начала Великой Отечественной войны и до конца 1941 г. на фронт из села ушло более 300 мужчин. Многие из них сделали это добровольно, не дожидаясь официальной повестки. Вот лишь один пример из того сурового и героического времени. 18-летним пареньком пошел добровольцем на войну И. Елагин. Служил сапером. Сотни вражеских мин обезвредил он за время боев. Но одна все же подстерегла его. Взрывом Елагину оторвало обе руки, он потерял зрение. Его отправили в госпиталь, но раны были слишком тяжелыми, и солдат скончался. С пожелтевшей фотографии тех лет на нас смотрит стриженный под «нулевку» мальчишка с широко распахнутыми в мир глазами. Не верится, что это на его долю выпали такие нечеловеческие муки.

Героически сражался на фронтах Великой Отечественной войны И.И. Астахов – участник боев на Курской дуге, освобождавший от немцев Украину, Венгрию, Югославию. Его ратный путь отмечен орденом Красной Звезды, многими медалями. От Москвы до Берлина дошел другой ермоловец Ф.И. Зоткин. В боях за Белоруссию он собственноручно подбил немецкий танк, за что был удостоен ордена Славы. Еще в 1939 г. началась война для Н.И. Сусова, который участвовал в освобождении Монголии от японских захватчиков, за что имел боевые награды.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь №1, л.63.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп.6, д. 91.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах.

Единственный незамерзающий порт в советском Заполярье, Мурманск, защищал в годы войны В.В. Генералов. В штурме Берлина участвовал кавалер орденов Славы и Красной Звезды Н.Ф. Судов, на самом рейхстаге посчастливилось расписаться кавалеру орденов Красной Звезды и Отечественной войны Н.И. Зайцеву. Всю тяжесть войны вынесла на своих женских плечах фронтовая хирургическая сестра А.И. Елагина. Не на жизнь, а на смерть сражались с фашизмом ермоловцы И.П. Королев, И.М. Жданов, В.Ф. Кряжков, Ф.И. Денискин, А.И. Мызников. Был среди них и Н.С. Сиворин, после войны продолживший службу в Советской армии и ставший впоследствии генерал-майором.

Но многим не суждено было вернуться после военных сражений. В боях за Черкасск погиб танкист М.П. Кряжков. Обороняя другой украинский город, Житомир, пал смертью храбрых И.И. Сусов. Сложили свои головы на полях сражений В.И. Гаврилин, Д.Е. Блохин, перед самой победой при освобождении Австрии нашла смерть ермоловца Д.М. Сиворина.

Завершая рассказ о ермоловцах-фронтовиках, особо надо остановиться на замечательной военной судьбе полного кавалера ордена Славы, командира отделения разведчиков Ивана Антоновича Журавых (1924–2006). Он участвовал в освобождении от немцев Прибалтики, воевал в Восточной Пруссии. Юные следопыты города Вильнюса, собиравшие материал о кавалерах ордена Славы, воевавших в их родных местах, заинтересовались судьбой И.А. Журавых. Они собрали богатый материал о боевом пути ермоловца. О нем подробно рассказал в своем письме на родину героя руководитель военно-исторического кружка школы № 27 города Вильнюса П. Фролов. Вот некоторые выдержки из этого письма:

«...Взять языка!» Таков был приказ командира полка разведчикам отделения, которым командовал И.А. Журавых. Темной ночью в масках, с гранатами и ножами отправились разведчики за линию фронта. Впереди саперы. Действовали быстро, ловко. Под отдаленный стрекот автоматов режут проволоку и разминируют поле. Путь открыт. Разведчики держат направление на блиндаж. 11 гранат летят в одну точку. Вслед за взрывом бросок вперед. И тут Иван Журавых увидел пулемет. Разведчик прыгнул на фашиста. Короткая схватка. Пока закрывал немцу рот, тот успел крикнуть и порядком покусать пальцы. Помогли подоспевшие товарищи Володя Пантелеев и Леня Елисеев.

В другой раз за «языками» проходили так. 70 немецких разведчиков лощиной шли на окружение наших разведчиков. Первым заметил неприятеля Иван Журавых. Враг находился в десятке метров. Журавых бросает гранату. За ней летят еще и еще. Взрывы гранат, стоны и крики ошеломленных фашистов. Бой был коротким. Разведчики доставили в штаб офицера, не потеряв ни одного человека. В схватке Иван Журавых был ранен. За проявленное мужество и находчивость при захвате «языков» И.А. Журавых был награжден орденом Славы 2-й степени. Первый свой орден Славы разведчик получил за смело выполненный приказ по обнаружению сил противника на левом берегу реки Неман у города Алитус.

А орден Славы 1-й степени И.А. Журавых заслужил так. У деревни Ванлаукан в Восточной Пруссии вражеские солдаты атаковали командный пункт, где находилось полковое знамя. Так случилось, что основной удар врага приняло на себя отделение разведки под командованием Журавых. Их было восемь. На каждого приходилось не менее 20 гитлеровцев. «Знамя врагу не отдадим», – поклялись воины. Вначале отбивались огнем автоматов. Враг приближался через кустарник по оврагу. – «Вперед, разведчики!» – крикнул младший сержант Журавых. Выдвинувшись вперед, отделение встретило врага гранатами. Только Иван Журавых уничтожил лично пять фашистов. Атака за атакой. К дому во весь рост идут немцы. Раненный в спину осколком гранаты, Иван Журавых из автомата ведет огонь по наступающим. Дело дошло до рукопашной. Бой длился до тех пор, пока враг не отошел. Указом Пре-

зидиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. младший сержант И.А. Журавых был награжден золотым орденом Славы».

Пока ермоловцы, которые были призваны в армию, отважно сражались с врагом на фронтах, на их родине в тылу тоже шла героическая борьба за Победу. Вскоре после начала войны на всю страну прозвучал призыв «Женщины – на трактор!». На него откликнулись и ермоловские женщины. Заменяв мужчин, стали трактористками М.И. Серюкина, Е.П. Клочкова, М.П. Колдашева. И работали они, не уступая мужчинам ни в мастерстве, ни в трудолюбии»¹.

Летом 1941 г. на уборку урожая в ермоловском колхозе вышли женщины, дети и старики. Колхозники условились считать началом рабочего дня 3 часа утра, а окончанием – наступление темноты. Утром 29 июля, как только занялась заря, колхозники и помогавшие им рабочие поселка Скопинского механического завода направились в поля. Косили жатками и вручную. «Рожь косили и жали серпами, выполняя и значительно перевыполняя нормы, Мария Сырцова, Евдокия Кириюшина, Елена Архипушкина, Евдокия Генералова, Пелагея Сухова, Пелагея Савина, Евдокия Звонова и вместе с ними еще 130 колхозниц. Вязали снопы еще 90 женщин. Урожай зерновых составил около 11 ц с га. На отдельных участках было убрано по 15 ц ржи и по 18 проса. Звеньевые Аксиныя Власова, Елена Архипушкина, Анна Жданова, Евдокия Зыкова и Анна Локтионова за выполнение плановых заданий по урожайности сверх трудодней были премированы 3 ц зерна и 10 ц картофеля. На каждый трудодень пришлось по 3 кг зерна, 4 – картофеля, 4 – грубых кормов, 2 килограмма сена и 1 рублю деньгами»². Не отставали от молодежи и пожилые колхозники. «Генералову В.И. исполнилось 60 лет, он скашивал за день по 0,75 га. За ним вязали скошенную рожь его дочери Мария, Прасковья и Татьяна. Его ровесник А.И. Максимов ночью сторожил, а днем был на косьбе. М.Г. Власова жала рожь серпом, выполняя две нормы. Вышел косить рожь даже 80-летний Семен Артамонович Жданов»³.

Боевые действия на территории Скопинского района в конце 1941 г., а также связанный с ними массовый приток беженцев и дезертиров дезорганизовали работу органов местной администрации и объектов местной инфраструктуры. Докладная записка Скопинского райисполкома в адрес исполкома Рязанского областного совета депутатов трудящихся от 21 января 1942 г. констатировала, что «несмотря на кратковременную оккупацию, в районе произведены большие разрушения и расхищение зданий и имущества...», в результате чего нормальная работа школ, больниц и других учреждений нарушена, а в отдельных случаях полностью прекращена. «Выведено из строя основное здание Ермоловской НСШ, в котором обучалось 250 чел. учеников. В здании выбиты стекла, поломаны рамы и двери, повреждены печи, частично расхищены парты, совершенно расхищены учебные кабинеты и библиотека»⁴. В условиях близости фронта подняли голову враждебные советской власти элементы. С ними пришлось бороться со всей строгостью военного времени. Так, например, в 1942 г. прокуратура Скопинского района привлекла к суду военного трибунала гражданина села Ермолово Савелова А.П. «за злостное уклонение от выполнения мясопоставок государству»⁵.

Но подавляющее большинство жителей района, оставшихся в тылу двинувшихся на запад советских армий, конечно же, всеми силами старались помочь сражающейся Родине. В ряде

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 148–150.

² Сталинец, № 161. – 1941. – 23 октября.

³ Сталинец, № 124. – 1941. – 2 августа.

⁴ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 27, лл. 1–2.

⁵ Сталинец, № 90. – 1942. – 5 декабря.

колхозов Скопинского района в 1942 г. были организованы мастерские по валке теплой обуви для воинов. Первым инициативу проявил ермоловский колхоз «Красная новь», где «по вечерам собирались группы пожилых и молодых женщин и вязали из собранной шерсти шерстяные носки, перчатки. За три месяца 1941 г. с района собрали 570 пар валенок, 85 овчинных шуб, 298 овчинных пиджаков, 21 тулуп, 300 ватных фуфаяк и 360 ватных брюк и, кроме того, 1 тонну шерсти и 1500 овчин»¹.

В трудное послевоенное время приезд кинопередвижки всегда был «радостным событием для жителей села Ермолово»². Когда показывали кинокартины, помещение избы-читальни едва вмещало желающих. Иногда же ее не было по нескольку месяцев. Киномеханик приезжал из Чулково и, бывало, кинопередвижка по месяцу стояла в Чулковском сельсовете.

«До конца 1940-х гг. село и его жители залечивали раны, нанесенные войной. С начала 1950-х гг. жизнь стала постепенно входить в свою колею. В это время председателем колхоза «Красная новь» вновь был избран Н.Я. Агеев, много сделавший для восстановления колхозного хозяйства и дальнейшего его развития. Председателями Ермоловского сельского совета в этот период работали Н. Зольников, И.М. Астахов, Е.И. Кульков, И.Т. Максимов.

В начале 1950-х гг. приняли решение об укрупнении колхоза за счет мелких хозяйств, расположенных в соседних селах и деревнях»³. К 1 июля 1950 г. слились три артели Ермоловского сельсовета. Сначала к колхозу «Красная новь» присоединили колхоз им. Хрущева из деревни Перики. Несколько позже в хозяйство влились колхозы «1-я пятилетка» села Дмитриево, им. Ворошилова деревни Свиноушки, им. Сталина деревни Жмурки⁴. Председателем укрупненной «Красной нови» был избран Д. Никитин. отныне хозяйство располагало 2117 га пашни (в т.ч. под озимыми 556 га) и 305 га лугов. Сильно увеличилось количество колхозного скота – до 279 голов крупного рогатого, 132 свиней, 49 лошадей. Отдельной отраслью работы хозяйства стало птицеводство. «Строительная бригада начала строительство нового коровника на 160 голов, капитально отремонтировала свинарник, телятник, расширили зернохранилище. Спланировали строительство silосной башни. Под садом стало 26 га. Увеличили количество пчелосемей до 35, планировалось 80. С целью сокращения расходов на веревки, вожжи, решено было посеять коноплю на 2 га»⁵.

В 1955 г. колхозом «Красная новь» вновь руководил Н.Я. Агеев. Урожай зерновых в 1954 г. оказался плохим – в среднем получили всего лишь 4,5 ц с га. В отдельных бригадах этот показатель был еще ниже. Лучшего урожая добилась полеводческая бригада Кулькова – 11,4 ц с га. «Картофель тоже не уродился, только 21,5 ц с га. Не получили дохода по садоводству. На корову в среднем надоили 1140 кг. Доход от всех отраслей был получен 204,5 тыс. рублей, в том числе от огорода 59 тыс. рублей и от животноводства 64,5 тыс. рублей. 63 семьи не выполнили плана по трудодням, а 12 вовсе не принимали участия в работах»⁶.

В 1958 г. председателем колхоза «Красная новь» был В. Астахов. При нем средний урожай зерновых составлял 7,4 ц с га, картофеля – 58 ц с га. Последний показатель стал плодом целенаправленной работы ермоловских картофелеводов. Как сообщил бригадир Воробьев, выступая на отчетно-выборном собрании 1958 г., «по распоряжению правления высаживал

¹ Сталинец, № 18. – 1942. – 6 января.

² Сталинское знамя, № 448, – 1947. – 13 декабря.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 151.

⁴ ГАРО, ф. П-44, оп. 1, д. 5, лл. 1-1 об, 3.

⁵ Сталинец, № 92. – 1950. – 6 августа.

⁶ Сталинец, № 14. – 1955. – 2 февраля.

не по 2–2,5 т, а по 1,2 т на гектар. Вдобавок, с целью экономии средств, правление запретило проводить междурядную обработку»¹.

До приобретения в 1958 г. собственных тракторов и комбайнов на колхозных полях работала техника Побединской МТС. Над колхозом «Красная новь» шефствовал Скопинский машиностроительный завод².

В 1964 г. в состав Ермоловского сельского совета входили: село Ермолово – 607 хозяйств, восьмилетняя школа, клуб, магазин; деревня Перики – 108 хозяйств, начальная школа, клуб, магазин; деревня Жмурки – 21 хозяйство; деревня Свинушки – 383 хозяйства, начальная школа; село Дмитриево с начальной школой³. «Наибольшего подъема в экономике ермоловский колхоз достиг в 1970-е гг., когда хозяйством руководили И.И. Колосов, а затем П.И. Назаров. За достижение высоких результатов в этот период колхозный механизатор Ю.П. Сырцов был награжден орденом Трудовой Славы⁴.

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории российского села. В 1993 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в ермоловском колхозе «Красная новь» была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в АОЗТ «Ермолово». Во исполнение Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» бывшим членам колхоза и работникам социальной сферы были выданы свидетельства на право собственности на землю согласно списку владельцев земельных и имущественных паев. Впоследствии деятельность АОЗТ «Ермолово» была приостановлена.

1990-е гг. ознаменовались возрождением церковной жизни в Ермолово. Деревянное здание дореволюционного храма Св. Димитрия Солунского, находившееся на ул. Церковной, не сохранилось. В 1992 г. под храм был переоборудован сельский дом на ул. Двойная. Новая церковь числится по 2-му Скопинскому благочинию. С 2010 г. настоятелем храма служит протоиерей Николай Васильевич Звонов.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Ермолово стало населенным пунктом Полянского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Ермолово постоянно проживали 475 человек – 216 мужчин и 259 женщин. В 2015 г. на территории села размещалась администрация Полянского сельского поселения, фельдшерско-акушерский пункт, где работали 2 фельдшера (он был капитально отремонтирован в 2013 г.), сельская библиотека, 3 торговые точки⁵.

¹ Скопинский шахтер, № 20. – 1958. – 14 февраля.

² Архив Скопинского района, ф. 169, л. 1.

³ Архив Скопинского района, ф. 156, л. 1.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 152.

⁵ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ЖЕЛТУХИНО

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Археологические раскопки, проводившиеся в окрестностях деревни Желтухино, позволяют отнести возникновение этого селения к середине XVI в. В 0,26 км к юго-востоку от центра села, на надпойменной террасе левого берега р. Моши было выявлено средневековое селище размером ок. 340х60 м. Территория памятника распаивалась, но местами под пахотным горизонтом сохранился культурный слой толщиной до 0,10–0,15 м. В нем присутствуют фрагменты гончарной позднесредневековой керамики, в т.ч. сероглиняной, белоглиняной, чернолощеной и мореной, преимущественно XVI–XVII вв. и более позднего времени¹.

Одним из наиболее вероятных собственников земли, на которой возникла деревня Желтухино, был земский дьяк пронский Пятой Иванов сын Желтухин, писавший отдельную и межевую выпись Ивана Степанова сына Губастого на вотчинные жеребьи Юноса Будаева сына Мельгунова, Кудаша, Кушника и Гура Григорьевых детей и Бориса и Истомы Исаевых детей – Вердеревских в слободах Кушуновка и Козловка в Пронском уезде 11 июня 1567 г.: «А отдельную писал земской дьяк пронской Пятой Иванов сын Желтухин. К сей отдельной Ивашка Губастов руку свою приписал и печать свою приложил»². Помещики Желтухины вообще часто упоминаются в документах Рязского и Скопинского уездов более позднего времени. Так, например, в материалах Генерального межевания Рязского уезда 1774 г. упоминается поместье землевладельца Петра Григорьевича Желтухина недалеко от нынешней деревни Говорово, «на левой стороне речки Рановой и по обе стороне речки Чернавки, Песочне тож»³, совсем рядом с Желтухино. Не исключено, что речь идет о потомке дьяка XVI в., но для точного установления этого потребовалось бы отдельное исследование по генеалогии рязанских Желтухиных.

В Платежных книгах городов Рязани, Пронска и Рязска, да станов Окологородного, Каменского и Пехлецкого по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова 1595–1597 гг. сообщается, что в это время деревня Желтухино состояла «за сотником козачьим за Иваном за Лаврентьевым сыном Майковым – жеребей <...>, что было в поместье за Меншичком да за Боженком за Чертанковыми <...>, за Поспелом Ширяевым сыном Коромолиным, Степаном Клементьевым сыном Семердяевым с мачехой Авдотьей и ее сыном Позняком, за Михаилом Бахтеяровым сыном Новиковым»⁴.

В переписной книге посадских дворов и людей города Рязска поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане и дворов вотчин боярина Н.И. Романова – города Скопина с деревнями (Пехлецкий стан) переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. сказано: «В деревне Желтухина рязане

¹ Археологическая карта России: часть 3 / сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко, Институт археологии РАН. – 1996. – С. 113.

² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т.2. – М.: Археограф. центр, 1998. – С. 390.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 408, ч. 1, Ж-118 син.; РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 44.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 126.

дети боярские Позняк Косимов сын Семердяев, да Павел Степанов сын Семердяев на их жеребьях крестьянских и бобыльских и задворных людей дворов нет, живут однодворцы своими дворами. В той же деревне за ряшенином, за Гаврилом Ивановым сыном Протасовым на ево жеребье, двор бобыля Илюшка Левонтьев у него два сына Кирьяшка да Гаврилко, за ним один бобыльской двор, а в нем три человека»¹.

По другой переписной книге, составленной не позднее 1693 г., «деревня Желтухина за Петром Никифоровым сыном Протасовым, двор помещиков, в нем людей 11 человек, задворных 5 дворов, людей в них 17 человек, бобыльских 3 двора, людей в них 6 человека, итого 8 дворов, людей в них 23 человека; за ряшенином за Гаврилой Ивановым сыном Протасовым, двор помещиков, в нем людей 11 человек, задворной 1, а людей в нем 5 человек, бобыльских 2 двора, а людей в них 4 человека. крестьянской 1, людей в них 4 человека, итого 4 двора, а людей в них 13 человек»².

По переписной книге 1716 г., «гренадерского полку за поручиком за Емельяном Ивановым сыном Перекусихиным вопче з братом родным с прапорщиком Саввою, двор их помещиков, а в нем дворовые люди живут... обоих полов тридцать человек, да крестьянских четыре двора..., за стряпчим за Степаном Гавриловым сыном Протасовым, двор ево помещиков, а в нем дворовые и деловые люди..., а по переписным книгам 710 года... обоих полов девятнадцать человек, да поляк, да скотников... обоих полов пять человек, да крестьянских два двора... обоих полов дватцать человек»³.

Из документов Придворной конюшенной конторы за 1741 г. известны урожаи в имениях капитана Саввы Иванова сына Перекусихина и майора Федора Ларионова сына Исаева в деревне Желтухиной. При высеве на дворцовую десятину ржи по одной четверти и 6 четвериков, а овса 3 четверти намолачивали «с десятины доброй земли ржи 40 четвериков, а овса 55 четвериков»⁴. О другом помещике деревни известно из дела 1755 г. «Об отказе за помещицей П.Н. Потуловой земельных владений в д. Желтухиной и с. Агломазово, доставшихся ей в наследство от Н.С. Протасова». В нем упоминается масса родственников умершего помещика, и разобраться в отношениях их родства непросто, так что дело вышло довольно запутанным. По справке Вотчинной коллегии, за морского флота корабельным писарем Никифором Степановым сыном Протасовым недвижимые имения «по даче 1740 года марта 12 дня... справлено[было] после отца ево Степана Гаврилова сына Протасова третьей ево жеребей, да остаточно брата ево Антона за указною частью жены ево вдовы Прасковьи в Ряжском уезде в Пехлецком стане в деревне Желтухина сто десять четвертей полуосминою и с четвериком, в селе Агломазово одиннадцать четвертей с осминою, в пустоши Протасове тридцать восемь четвертей с осминою с полутором четверика, в пустоши Тяне одна четверть с осминою и полутором четверика, в пустоши Поляне Долгой две четверти с осминою, в пустоши Старой Поляне две четверти с осминою и с четвериком, в пустоши Дикое поле под Урусовым липягом тридцать одна четверть с полчетвериком, в пустоши Алферовской семь четвертей с полутора четвериком, в деревне Чюлковой девятнадцать четвертей с полуосминою, всего двести дватцать четвертей с полуосминою»⁵. Уже в 1742 г. за Никифором Протасовым числится та часть имений, которая к тому времени досталась ему от умершей племянницы «ево родной девки Авдотьи Антоновой дочери Протасовой в деревне Желтухиной дватцать две четверти с

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 148 об – 149 об.

² РГАДА, ф. 350, д. 350 а, л. 6 об.

³ РГАДА, ф. 350, ч. 3, д. 350, л. 468.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 170.

⁵ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, д. 165, л. 1–2.

осминою». В 1755 г. «ноября 15 дня деревня Желтухина бывшего помещика морского флота шкипера Никифора Степанова сына Протасова с крестьянами и с дворовыми людьми» перешла к дочери его капральше Пелагее Никифоровой дочери Потуловой¹.

Рязские помещики Перекусихины хорошо известны в истории России. Например, упоминавшийся в 1741 г. капитан С.И. Перекусихин – отец знаменитой Марьи Саввишны Перекусихиной (1739–1824), доверенной камер-юнгферы императрицы Екатерины II. Ее старший брат, унаследовавший Желтухино после смерти родителей – Василий Саввич Перекусихин (1724–1788), обер-прокурор 4-го департамента Правительствующего Сената в 1765–1777 гг., тайный советник (1777), сенатор (1785). По долгу службы он проводил много времени в Санкт-Петербурге, также посещал пожалованные ему Екатериной II богатые имения в Воронежской и Нижегородской губерниях. Крестьянам же его исконных владений в Рязском уезде, видимо, жилось несладко. Некоторые, не вынося притеснений и нищеты, бежали в поисках лучшей жизни в иные места. Об одном из таких случаев в 1771 г. уездным властям докладывалось: «Бьет челом правительствующего Сената господина обер-прокурор Василья Савича Перекусихина вотчины сво Рязкого уезда деревни Желтухиной служитель Тимофей Андреев, именованного господина моего и с показанной вотчины деревни Желтухиной [бежал] крестьянин Ермил Андреев тому назад лет с шесть, а в котором именно году того не знаю...»² Упомянутому в документе желтухинскому крестьянину не повезло. «Колодник помещика Перекусихина крестьянин Ермил Андреев» был пойман и 4 (15) октября 1771 г. содержался под караулом. На допросе он указал: «Подлинно Ермолаем зовут Андреев сын Тармоков, от роду тритцать шесть лет, в подушном окладе положен в деревне Желтухиной, а жительство имел у разных людей, именний Тамбовского уезда села Воронцова Ивана Ларионова графа Воронцова, у крестьянина Наума Григорьева месяц с два заведома беглого, деревни Ольшанка у однодворца Ивана Васильева сына Серебрякова заведома беглого, села Княжое у волостного крестьянина Алексея Максимова сына Тюкова полгода заведома беглого, села Кузминки у однодворца Тихона Татарина пол года <...>, а окрамя оного житья пробовал у разных мест поденно, и что не воровал и никого не убивал». 2 (14) января 1772 г. он был из-под караула освобожден и «отдан означенного Перекусихина служителю Тимофею Андрееву с расписку: взял, а в место сво по сво прошению вдовы помещицы Ульяны Савичны Фроловой-Багреевой служитель Родион Ефимов расписался»³.

В черновике экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, датированных 1779 г., селцо Желтухино значится «во владении статского советника Василия Савича Перекусихина, ротмистра Павла Федорова сына Исаева, вдовы прапорщицы Пелагеи Никифоровой, гвардии капралши Василисы Ильиной дочерей Потуловых, вдовы маиорши Надежды Семеновы дочери Левашовой, прапорщиков Николая, Ивана Семеновых, недоросля Александра Васильевых детей Чевкиных»⁴. Селцо описано лежащим «речек Большой Моши, Дунайки налевой и по обе стороны безымянного оврага, на коем пруд»⁵. В Желтухине стояли следующие усадебные дома: «ст. советника Перекусихина на каменном фундаменте с дву этажей, и при нем состоит сад регулярный с плодовыми деревьями <...>, второй вахмистра Исаева, третий вдовы Левашовой и Потуловых, при коем сад. В одной из усадеб (скорее всего – В.С. Перекусихина) имелась «домовая церковь Святителя Василия Великого». Земля в имении были черной, «покосы средственны, лес строевой и дровяной дубовый, березовый, осиновый и липовый, крестьяне на

¹ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, д. 165, лл. 1–2.

² РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 4, д. 24, л. 1.

³ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 4, д. 24, лл. 1–7.

⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 36 об.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 248 об.

пашне»¹. По 3-й ревизии податного населения Российской империи 1761–1765 гг. в сельце было 48 дворов, в которых проживали 171 душа мужского и 156 – женского пола. Жители селения имели в пользовании 43 десятины 690 сажень (47,2 га) огородной земли, 452 десятины 690 сажень пашни (493 га), 76 десятин 780 сажень покосов (83,2 га), 242 десятины 674 сажени леса (264,1 га). Еще 41 десятина 2100 сажень (45,7 га) считались «неудобиями»².

По окладной книге 1816 г., в сельце Желтухино проживали крепостные следующих помещиков: «губернского секретаря Дмитрия Федорова сына Потулова 19 душ; майора Василья Федорова сына Потулова 17 душ; подпоручицы Анны Алексеевой дочери Корчагиной 9 душ; дворянина Ивана Понкратова сына Корчагина 1 душа; камер-юнкерши Марьи Саввишны Перекусихиной 67 душ, которые от 6 февраля 1829 года велено считать за обер-гофмейстершей Екатериной Васильевной Торсуковой; генерал-майорши Марьи Ардалионовны Кикиной 14 душ (в 1829 г. их также унаследовала Е.В. Торсукова, а всего за ней числится в 1816 г. 145 душ); за майоршей Елизаветой Павловной дочерью Сергеевой 38 душ»³. Из этой записи видно, что в начале XIX в. крупнейшими желтухинскими душевладельцами были сама Марья Саввишна Перекусихина (видимо, как одна из сонаследниц умершего в 1788 г. В.С. Перекусихина), ее племянница Е.В. Торсукова, урожденная Перекусихина (1772–1842) и дочь последней М.А. Кикина, урожденная Торсукова (1787–1828).

Окладная книга 1834 г. «о числе поселян» сельца Желтухина сообщает, что в это время его жители были разделены между помещиками следующим образом: «обер поручицы Елизаветы Ивановны Бородиной в 1850 году, причисленными 4 душами; подпоручицы Ольги Ивановны Гириной с 1850 года, причисленными 6 душами; обер гофмейстерши Екатерины Васильевны Торсуковой 227 душ поселян и 26 дворовых, из коих княгине Марии Петровны Волконской с 1843 года в оклад записано 266 душ; коллежской регистраторши Елены Панкратовны Дмитриевой 8 дворовых; поручицы Анны Яковлевны Десницкой (урожденной Соловкиной) с 1848 года, имевшей 12 душ поселян и 8 дворовых; титулярной советницы Марьи Федоровны Зубовой с 1850 года, причисленными 16 душами; подполковницы Анны Алексеевны Корчагиной 4 души поселян и 2 дворовых; поручика Алексея Семеновича Кандаурова с 1836 года, имевшего 44 души поселян и 15 дворовых; майора Василия Федорова Потулова 24 душ поселян и 22 дворовых, исключенных из оклада в 1850 году; девицы Елизаветы Александровны Полубояриновой с 1850 года, имевшей в окладе 8 душ; губернской секретарши Капитолины Ивановны Соболевой с 1850 года, владевшей 4 душами»⁴. Упомянутая в документе княгиня М.П. Волконская, урожденная Кикина, (1816–1856) – внучка Е.В. Торсуковой. В 1840 г. она стала женой князя Дмитрия Петровича Волконского (1805–1859), впоследствии – церемоний-мейстера Высочайшего двора и действительного статского советника.

Планы межевания середины XIX в. свидетельствуют, что сельцо Желтухино постепенно вытягивалось вдоль берега р. Моши за счет строительства новых порядков, которые именовались по фамилиям помещиков. По межеванию от 27 июня (8 июля) 1846 г. почти вся восточная сторона сельца была собственностью статской советницы княгини Марьи Петровны Волконской. Ее крепостные жили на улице, тянувшейся с востока на запад вдоль берега реки. Улицу пересекала дорога, проходившая из Шелемишево в Великую Луку и Агломазово. До пересечения дороги с улицей, по левую сторону, начиная от моста, тянулись обращенные к реке крестьянские огороды. Фасады

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 248 об.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 36 об.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 53 об–55 об.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 19 об–20, 44. 65 об, 74 об–75, 76 об–77, 111 об–12, 132 об–133, 149 об–150, 231 об–232, 233 об, 287 об, 290 об–291.

около двух десятков крестьянских изб выходили на пересекающуюся дорогой улицу. На противоположной стороне от них, через улицу, располагались хозяйственные постройки с прилегающими огородами. По правую сторону дороги стоял господский дом. Он находился близ реки и имел в плане крестообразную форму. Напротив него, через улицу, стояли пять крестьянских домов с огородами, располагавшиеся друг от друга на расстоянии 20–30 сажень (43–65 м). По 8-й ревизии 1834 г. в этой части селца всего было 50 дворов, в которых проживали 253 души мужского и 243 женского пола. С восточной стороны селца, за оврагом Крутым, по дну которого протекал ручей, находилась пустошь Алферовская общей площадью около 55 десятин (60 га), также принадлежавшей М.П. Волконской. Всего же в окрестностях селца ей принадлежало более 456 десятин (498 га) земли. С западной стороны к владениям княгини примыкала земля подпоручицы Анны Алексеевны Корчагиной, узкой полосой выходившая к р. Моше, – более 60 десятин. Никаких строений на ней не показано, но в примечаниях к плану сообщается, что за помещицей «состояла часть селца Желтухино, в ней один господский двор, по скаске 8-й ревизии мужского пола 6, а женского пола 7 душ». Далее к западу по левому и правому берегам р. Моши лежали земли наследников майора В.Ф. Потулова, титулярной советницы М.Ф. Зубовой, подпоручицы О.И. Гириной, губернского секретаря Ивана Соболева, А.Я. Десницкой, поручицы Е.И. Бородиной и малолетней Е.А. Полубояриновой. Они владели 248 десятинами (270 га) земли. По межеванию 1846 г. из этого количества на долю пашенной земли приходилось 176 десятин 812 сажень (192 га), сеного покоса и выгона – 53 десятины 2046 сажень (58,7 га), еще 10 десятин (11 га) были заняты «селением, огородами, гуменником и конопляником». В этом имении был господский дом, 5 крестьянских дворов, а в них по 8-й ревизии 1834 г. проживали мужского пола 46 душ и женского пола – 50. Господский дом находился напротив моста на р. Моше, к которому подходила дорога из Скопина. За домом стояли крестьянские избы. Далее на запад по левому берегу реки находилась последняя часть селца. К нему прилегало землевладение подпоручицы Ульяны Анисимовны Кандауровой (имение в народе получило название деревня Кондауровка, позже закрепившееся официально) площадью более 138 десятин (150 га). Еще одна небольшая часть селца и 18 десятин (19,6 га) земли принадлежали подпоручице Анне Яковлевне Десницкой. Ее участок выхода к реке не имел. Земельная дача Десницких вклинивалась между землями помещицы А.А. Корчагиной и общим землевладением помещиков Соболева, Бородиной, Зубовой, Гириной, Полубояриновой, Десницкой. Последнее землевладение помещиков охватывало имение и селение У.А. Кандауровой с юга, запада и востока. Селения помещиков вытянувшись вдоль левого берега Моши, в межевых и прочих официальных документов фигурируют под общим названием Желтухино (например, помещики Десницкие во всех документах показаны в селце Желтухино, как имевшие в нем крепостных крестьян)¹.

По окладной книге 1850 г., в селце Желтухина за действительной статской советницей княгиней М.П. Волконской состояли мужского пола 281 поселянин и 46 дворовых, за поручицей Е.И. Бородиной 3 души, за подпоручицей О.И. Гириной – причисленные в оклад из другой губернии 3 дворовых мужского пола (со второй половины 1851 г.), за провинциальной секретаршей А.Я. Десницкой мужского пола 14 душ и 3 дворовых; за титулярной советницей М.Ф. Зубовой 7 крестьян и 5 дворовых людей, за подпоручицей У.А. Кандауровой 30 душ крестьян и 26 дворовых, за подпоручицей А.А. Корчагиной 10 крестьян мужского пола².

В 1856 г. княгиня М.П. Волконская скончалась. Год спустя принадлежавшие ей крепостные и дворовые в селе Дымове и селце Желтухине Скопинского уезда Рязанской губернии

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, Ж-2 син., Ж-3 син., Ж-4 син.

² ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 19об-20, 74 об-75, 82 об-83, 127 об-128, 166 об-167.

по духовному завещанию перешли ее мужу князю Д.П. Волконскому и их детям князю Петру Дмитриевичу и княжне Екатерине Дмитриевне¹. В окладной книге приписано, что за гофмейстером и князем Д.П. Волконским и дочерьми его княжнами Софьей и Екатериной Дмитриевыми в 1857 г. положены в оклад мужского пола 281 душ поселян и 46 дворовых². Мелкие желтухинские помещики в 1857 г. совершили купчие крепости на землю. Так, 60 десятин (65 га) земли перешли от поручицы Е.И. Бородиной, Николая Гирина и Ивана Соболева майорше Марье Николаеве и майору Василию Ивановичу Головиным³.

По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в сельце Желтухине и деревне Козловке насчитывало 43 домохозяйства, в которых проживали 256 душ мужского пола и 228 – женского⁴.

С приближением реформы 1861 г. отношения между крестьянами и помещиками обострились. Фигура барина уже не вызывала прежнего пиетета. В июле 1860 г. несколько дворовых людей избили своего помещика Кушинского, за что были арестованы сотским и привлечены к судебной ответственности. Как оказалось, поводом к инциденту послужила попытка помещика отнять у крестьян сенокосные урочища, отданные им бывшим помещиком Филатовым⁵.

Подробности выхода желтухинских крестьян из крепостной зависимости в 1861 г. неизвестны. При образовании в Скопинском уезде волостей бывшее помещичье сельцо Желтухино вошло в состав Яблоневской волости.

В конце 1860-х гг. близ Желтухино проходило строительство Рязско-Вяземской железной дороги. Участок Скопин – Рязкск был открыт для движения 8 декабря 1870 г.⁶ На нем было устроено 44 остановочных пункта, одним из которых стала станция Желтухино. На 1 января 1880 г. Желтухино являлось «станцией 4-го класса» – это было одноэтажное здание, где при пассажирском зале имелось помещение для служащих, две стрелочных будки и 70 крытых товарных помещений. Источником воды для паровозов служил пруд с земляной дамбой и водокачкой (сохранилась до наших дней)⁷. Со временем при Желтухино вырос пристанционный поселок (похоже, основой его стало селение Желтухинские выселки, существовавшее в этом месте с 1850-х гг. и отмеченное на картах А.И. Менде), жители которого были связаны с обслуживанием железной дороги. К 1905 г. в пристанционном поселке проживали 60 человек (42 мужчины и 18 женщин)⁸.

К 1882 г. желтухинские поселяне полностью погасили выкупные платежи своим бывшим помещикам и стали крестьянами-собственниками. Последняя выкупная сделка поступила на утверждение в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие от жены штабс-капитана Зинаиды Дмитриевны Лактаевой, по которой «с временно-обязанными крестьянами сельца Желтухина Скопинского уезда, в числе 36 душ» было заключено соглашение о предоставлении им в выкуп «земли из дач: части дачи сельца Желтухина, дер. Дубовицкой и из пустошей Большой и Малой Стрелковой 88 десятин 1863 саженой (96,5 га) удобной и 11 десятин 400 саженой неудобной земли». Выкупной ссуды за это имение испрашивалось от правительства 3671 руб. 71 коп.

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 40 об-41.

² ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 53 об-54, 154 об-155.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 229, лл. 363 об, 402 об.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 86.

⁵ *Литвак Б.Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967 – С. 108–109.

⁶ Рязско-Вяземская железная дорога. – СПб., Б.и., б/г. – С. 2.

⁷ Там же. С. 18–19.

⁸ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 622–623.

По данным проводившейся в том же 1882 г. переписи населения, в сельце насчитывалось 104 домохозяйства, в которых проживали 324 мужчины и 299 женщин. Крестьянские наделы в местном сельском обществе составляли в среднем 2,6 десятины (2,8 га) на ревизскую душу и 4,8 десятины (5,2 га) на работника. Крестьяне в основном занимались местными земледельческими промыслами. В Желтухино трудились 6 мастеровых, работали 2 промышленных заведения, действовал кабак¹. Об одном из предприятий села, кирпичном заводе, «Рязанские губернские ведомости» в 1882 г. писали: «8 мая Скопинского уезда в с. Желтухине, в имении князя Оболенского, сторело от неизвестной причины 2 кирпичных сарая, убытка понесено на 200 руб.»²

Капризы погоды иногда приносили желтухинским крестьянам колоссальные для их скромных хозяйств убытки. Например, в 1883 г. главная губернская газета сообщила: «15 июля, Скопинского уезда, в полях крестьян сел Гремячки и Желтухина и деревень Наземной, Великой Луки, Дубовицкой, Крутой и Миролевки, побито градом 870 десятин (948 га) ярового и озимого хлеба; убытка понесено на 18625 руб.»³

Во 2-й пол. XIX– начале XX вв. в окрестностях села Желтухина процветала усадьба князя Александра Сергеевича Оболенского (1840–1917), действительного статского советника, кавалера орденов Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Его хутор, называвшийся Желтухино 2-е, находился примерно в 1 версте от сельца. Князю А.С. Оболенскому в 1893 г. принадлежали желтухинские промышленные заведения – ветряная мельница и кузница⁴. К 1907 г. земельные владения князя в Скопинском уезде Рязанской губернии составили 1383 десятины 2283 саженой (1511 га), принадлежавшее ему недвижимое имущество оценивалось в 2550 рублей⁵. Об имении князя А.С. Оболенского у желтухинцев остались следующие воспоминания: князь «был крупным русским помещиком, имевшим владения ни только в Рязанской, но и в Смоленской, Новгородской и других губерниях. Он жил в двухэтажном кирпичном доме с колоннами и портиком, окруженном кирпичными конюшнями и скотными дворами, крытыми железом. Дом находился на холме между деревнями Желтухино и Кондауровка. Все строения поместья утопали в зелени дубов, кленов, орешника, малины. Тут же устроен был довольно широкий пруд, наполнявшийся тальми водами. Летом по нему обитатели дома и их гости катались на лодках. К дому примыкал сад, обсаженный по периметру кленами, липами и елями. Он особенно славился своими яблонями. Среди них плодами отменного качества выделялся царский ранет. <...> По соседству, в Кондауровке, жили два мелкопоместных дворянина Десницкий и Лактаев⁶. Ни по своему положению, ни по богатству они, конечно, не могли сравниться с Оболенским, однако, тем не менее, и тот, и другой считался барином. Отличало Оболенского и другое качество. Он много внимания уделял благоустройству села. Так, практически на его деньги в Желтухино были построены церковь, ветряная мельница, больница и школа»⁷.

О другом помещике Николае Сергеевиче Десницком и его семье известно немного. Он состоял гласным Скопинского уездного земского собрания и, судя по поступкам, был человеком

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 86–91.

² Рязанские губернские ведомости, № 44. – 1882. – 16 июня.

³ Рязанские губернские ведомости, № 69. – 1883. – 10 сентября.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 808. лл. 2 об-3 об.

⁵ Листок объявлений [Скопинского уезда], № 23, – 1907. – 10 августа.

⁶ Кондауровка, которой в 1850 г. владела подпоручица У.А. Кондаурова, в 1905 г. фигурирует как «Желтухино, сельцо госпожи Кандауровой». Дома помещиков Десницкого, Лактаева и их крестьян, располагаясь на принадлежащих им землях, примыкая к Кондауровке с востока и именовались сельцом Желтухино.

⁷ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 225.

вполне порядочным. Об этом можно судить по его ходатайству в земскую управу от 21 июля (2 августа) 1910 г., из которого известно о том, что Н.С. Десницкий был опекуном над малолетними детьми своего покойного соседа, землевладельца и дворянина Сергея Ивановича Корчагина. В ходатайстве, направленном председателю управы, говорилось: «14-го июля сего года выпавшим градом уничтожены посевы как озимого, так и яровых хлебов. Покорнейше прошу Вас, ввиду этого бедствия, войти с ходатайством в земское собрание об отсрочке платежей земских и других недоимок, разложив на года, начиная уплату с 1911 г. с сентября месяца». Произведенное членом управы К.Н. Сухомлиновым обследование установило, что в имении наследников Корчагина было повреждено градом до 80 десятин (87 га) ржи и до 90 десятин (98 га) овса. Хотя на имении умершего Корчагина числилось различных недоимок более 400 руб., земское собрание, войдя в положение сирот, разложило платежи по годам¹.

Русско-японская война 1904–1905 гг. не прошла мимо Желтухино, жители которого присутствовали в принимавших в ней участие частях и подразделениях Русской императорской армии. В морском бою у острова Цусима погиб местный уроженец Константин Егорович Сидоркин, минер эскадренного броненосца «Император Александр III»².

В 1905 г. в селе Желтухине «бывшем кн. Волконского» насчитывался 71 двор, проживали 276 мужчин и 265 женщин. В нем действовали церковно-приходская школа, кирпичный завод, ветряная мельница, просорушка, казенная винная лавка. Рядом находилось селцо Желтухино, Козловка тож, с 34 дворами и с 222 жителями. В 1 версте от них лежал хутор князя Оболенского Желтухино 2-е с каменной ветряной мельницей³.

Революционное брожение среди крестьян Рязанской губернии началось задолго до событий 1905–1907 гг. Еще в ноябре–декабре 1894 г. под влиянием писем, полученных от бывших односельчан, уходивших на заработки в Москву и Санкт-Петербург, крестьяне на своих сходах составляли по всей губернии приговоры об отказе от уплаты податей, а крестьяне Скопинского уезда отказались также вносить помещикам деньги за аренду земли. Крестьяне, вносившие подати, по донесениям скопинского исправника требовали от старост вернуть им деньги. В присылавшихся в села и деревни письмах сообщалось, что скоро должен выйти царский манифест о сложении всех недоимок. Желтухинцы не оставались в стороне от этих процессов. «Крестьянин села Желтухино Яков Сергеев побывал на отхожих промыслах на юге Украины. Там участвовал в забастовках. За революционную работу в 1900 г. он был отдан на 4 года под надзор полиции и выслан на родину. Он «упорно вел противоправительственную пропаганду» среди крестьян села Желтухино, рассказывал им о борьбе рабочих против предпринимателей и царизма»⁴.

В годы Первой русской революции Желтухино впервые оказалось в сфере пропагандистской работы нелегальных политических партий. 19 января (1 февраля) 1906 г. в село пришло анонимное письмо – воззвание к крестьянам, призывавшее их выступить против помещика Десницкого. В нем говорилось: «Многоуважаемые крестьяне! Вы же граждане, что вы спите, не проснетесь? В настоящее время идет война из-за земли. И вы собирайтесь, и сплотитесь, и двиньте на Десницкого. Что [бы] вы у него ни растащили, отвечать не будете ни за что в настоящее время. Вы знаете, сколько времени он из вас кровь высасывает. Пришло то время отомстить ему. При сем письме посылаю вам эти бумаги [к письму были приложены листовки

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года, Скопин, 1911. – С. 143.

² Циркуляр Главного Морского Штаба. Августа 23-го дня 1905 г., № 216.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 622–623.

⁴ Ученые записки. Т. 105, вып.6. Москва, 1961. – С. 51, 53, 86.

Московского комитета и московской группы РСДРП (меньшевиков) и пр. листовки содержали призыв к вооруженному восстанию]; вы знаете, как поступать с этим делом. Никто вам не поможет, если вы не будете сами своей силой. Если же вы будете сидеть сложа руки, то никогда не получите земли. Вы, может быть, слышали, как в других сторонах крестьяне добываются земли. Если бы мы стали требовать то, что нам нужно, то не устояла бы никакая сила. Итак, товарищи крестьяне, требуйте и требуйте. И посредством требований вы получите»¹. До открытых выступлений тогда дело не дошло, но газета «Рязанский вестник» в 1907 г. сообщала: «Скопин. 3 сентября в имении полковника С.А. Десницкого при селе Желтухине от поджога сторел сарай и 1500 пудов сена. Убыток 1000 рублей»².

В начале XX в. основным занятием местных крестьян оставалось земледелие. «Но с окончанием полевых работ многие мужчины и женщины уходили на торфоразработки. Отдельные мастеровые крестьяне, например, каменщики, плотники, собирались в артели и уходили на заработки в большие города, а также на Украину и другие южные губернии России.

Желтухинские крестьяне не чуждались предпринимательства. Правда, прибыль от их деятельности была зачастую столь небольшой, что приходилось просить Скопинскую уездную земскую управу о списании задолженности по налогам и сборам. Так, например, в 1907 г. крестьянин села Желтухино Моисей Григорьевич Голованов писал в адрес Скопинского земства: «В 1901 году, собрав все свои средства и заняв много у знакомых, я построил деревянно-глиняный дом, который я сдал с 1-го июля 1902 года Акцизному управлению под торговлю вином, с 1-го января 1906 года оно отказало занимать у меня помещение, так как оно оказалось плохо. В 1906 году я получил окладный лист о причитающемся с меня земском сборе за 1906 год – 26 руб. 68 коп. и недоимки 23 руб. 20 коп. (полагаю, за 1905 год), а в 1907 году получил повестки г. станового пристава о взыскании с меня тех же денег за два года с добавкой пени 6 руб. 4 коп., а всего 55 руб. 92 коп. <...> Из урожая же сего года я много платил долгов, и предстоит еще платить 20 руб. податей и 23 руб. 20 коп. в земскую лавку за взятый в 1905 году плужок. Работник в доме я один, имею 5 человек детей-подростков и девиц. Скота никакого не имею, кроме одной лошади»³. Однако даже при таких аргументах в Скопине не спешили слагать с крестьян земские сборы, не расследовав детально всех обстоятельств дела. Из пионеров желтухинского бизнеса, работавших до 1914 г., следует упомянуть еще крестьян Ефима Михайловича Басова, державшего пивную лавку, Василия Михайловича Новикова, владевшего мелочной лавкой, и Лукерью Ивановну Дорьину, у которой была торговая лавка⁴.

Желтухинские помещики князь А.С. Оболенский и С.А. Десницкий⁵ в начале XX в. состояли гласными Скопинского уездного земского собрания⁶. Кроме того, князь А.С. Обо-

¹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). – Рязань: Кн. изд-во, 1960. – С. 143–144.

² Рязанский вестник, № 85, – 1907. – 14 сентября.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIII 1907 года созыва. – Скопин, 1908. – С. 211.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 552–553.

⁵ О. Сергее Алексеевич Десницком известно, что он находился на военной службе и имел чин полковника. Его дочь Надежда Сергеевна была супругой участника Первой мировой войны подполковника Павла Семеновича Юрина (1877–1937), командира батальона 10-го гренадерского Малороссийского полка, кавалера Георгиевского оружия (1915) и ордена Св. Георгия 4-й ст. (1916). В советские годы он с семьей (жена и шестеро детей) жил и работал в Скопине, где в 1937 г. был арестован по сфабрикованному «делу скопинских офицеров», осужден и расстрелян. Потомки супругов Юриных в настоящее время проживают в Москве.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва, Скопин, 1913. – С. 273.

ленский был попечителем земской школы в Кузьминке, заботился о доступности медицины в Желтухино. Землевладелец «предоставил скопинскому земству в бесплатное пользование в течение 24 лет выстроенное им в имении при селце Желтухино новое кирпичное здание со всеми необходимыми службами для нужд земства по медицинской части»¹. О желании князя А.С. Оболенского преподнести земству такой подарок докладывалось Чрезвычайным уездным земским собраниям 20 февраля (5 марта) и 17 (30) июня 1905 г. В заявлении князя от 17 июня отмечалось: «Ввиду далекого расстояния д.д. Желтухино, Козловки от медпункта, бывшего ранее в с. Летово, а затем прекративший свою деятельность..., предлагаю построить на свой счет помещение для приема больных при селце Желтухино...»² Скопинская земская управа постановила установленным крепостным актом передать земли и постройки и перевести фельдшерский пункт из Летово в Желтухино, что и было сделано 27 сентября (5 октября) 1910 г. Учреждение возглавил фельдшер Георгий Герасимович Сорокин³. О нем местные жители вспоминали даже в советские годы, о чем свидетельствуют строки книги В.А. Соболева, В.Н. Егорова и А.Ф. Крылова: «Известно было Желтухино еще и тем, что сюда на прием к местному доктору Егору Герасимовичу съезжались крестьяне со всей округи»⁴. Фельдшерский пункт в Желтухино действовал и в советские годы. В 1940 г. районная газета писала о нем: «Чисто и уютно. На столах цветы. Помещение недавно капитально отремонтировано. Пол и стены покрашены масляной краской. Здесь работает фельдшер Ф.С. Паршков. Население его уважает, с удовольствием слушает лекции и беседы. В прошлом году единогласно выбрали депутатом Желтухинского сельсовета, заведует школьным сектором и часто посещает школы»⁵.

По данным военно-конской переписи в Рязанской губернии за 1905 г. и «Справочника частных конных заводов России», в Желтухино действовал конный завод князя А.С. Оболенского, где разводили английских скаковых и рысистых лошадей. В это время завод располагал 5 жеребцами и 10 кобылами с 5 жеребятами⁶. Многие из них брали призы на скачках и бегах. К 1912 г. конюшня поменялась полностью. В ней теперь содержались полукровки и тяжело-возы: 4 жеребца, 20 кобыл и 6 жеребят⁷.

Несмотря на несколько дворянских усадеб, своей церкви в Желтухино долго не было. Село относилось к приходу Спасской церкви села Серезево Рязского уезда. К строительству желтухинской церкви Св. Василия Великого приступили только 16 (29) мая 1913 г. Освящение новоустроенного храма состоялось 25 сентября (7 октября) 1915 г. Это было деревянное здание с колокольней, стоявшее на каменном фундаменте. Храму выделили 3 десятины (3,3 га) усадебной земли (с погостом) и 33 десятины (36 га) пахотной. В 1914 г. в его приход входило село Желтухино, где было 119 дворов и проживали 372 мужчины и 392 женщин, деревня Петровский хутор, где было 33 двора и проживали 107 мужчин и 106 женщин, и деревня Кондауровка, где было 24 двора и

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года, Скопин, 1911. – С. 141.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 июня 1905 года, Скопин, 1905. – С. 9, 10.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 июня 1905 года, Скопин, 1905 – С.9,10; Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года, Скопин, 1911. – С. 141.

⁴ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 225.

⁵ Колхозная правда, №140. – 1940. – 5 декабря.

⁶ Коневодство в 60-ти губерниях Европейской России и Кавказа. – СПб., 1908. – С. 56–57.

⁷ Заводское коневодство и пункты торговли лошадьми в 78 губерниях Империи, С-П. 1914. – С. 73.

проживали 69 мужчин и 75 женщин¹. В 1914 г. настоятелем строившегося желтухинского храма был священник Павел Васильевич Бобров². В период с 1914 по 1916 г. в Желтухино появилась двухкомплектная земская школа с четырехлетним курсом обучения³.

В 1917 г. в селе Желтухино-Волконское Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 100 дворов и 599 жителей – 299 мужчин и 300 женщин. В окрестностях села располагались «посёлок частных владельцев» и хутор князя А.С. Оболенского Желтухино 2-е⁴. Земельные владения желтухинских помещиков к этому времени составляли: полковника Сергея Александровича Десницкого – ок. 175 десятин (193 га), жены коллежского советника Зинаиды Дмитриевны Локтаевой – 194 десятины (212 га). Князь Александр Сергеевич Оболенский, помимо 1184 десятин (1294 га) земли, владел водяной мельницей на р. Моше и кузницей⁵.

12 октября 1917 г., когда противостояние с местными крестьянами достигло наивысшего предела, князь телеграммой сообщил в главное управление по делам милиции: «в имении кн. Оболенского Скопинского уезда крестьяне отнимают силой всю рожь и грозят погромом»⁶.

В 1918 г. в Желтухино был образован сельсовет, некоторое время спустя заработали и советские кооперативные учреждения. О становлении потребительской кооперации в селе в 1920-х гг. можно судить по короткому фельетону «Баланс – сошелся» в скопинской газете «Коллектив» за 1925 г.: «На 4 февраля в Желтухинской потребилровке была назначена ревизия. Через некоторое время все были в сборе; предправления Зудин раздобыл для гостей-ревкомиссии самогон, а приказчик Киселев приготовил закуски. Ревизия... самогона прошла настолько успешно, что на другой день член ревкомиссии Медведев не мог сам идти, и его вели под руки; при этом Медведев громогласно объявлял: «Баланс сошелся!..»⁷

В 1929 г. старое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Желтухинский сельсовет находился в составе Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В начале июля 1931 г. по распоряжению Мособлисполкома Желтухинский, Городецкий, Новинский, и Ново-Бараковский сельсоветы были переданы Рязскому району Московской области⁸.

На волне массовой коллективизации в 1931 г. в Желтухино был создан колхоз им. М.М. Литвинова. В 1935 г. в Московской области был образован Желтухинский район, административным центром которого стало село Шелемишево. В 1937 г. район был передан в состав новообразованной Рязанской области.

В конце 1930-х гг. двое уроженцев Желтухино попали под каток «Большого террора». Так, 9 августа 1937 г. в селе был арестован местный колхозник Василий Кондратьевич Тишкин (1873–1937). 25 сентября 1937 г. он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «систематической антисоветской агитации среди населения и активной контрреволюционной пропаганде, направленной против проводимых советской властью мероприятий на селе». Он был расстрелян 27 сентября 1937 г. на Бутовском полигоне под

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVIIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 562; Рязанские епархиальные ведомости, № 119 (1 июня 1913 г.). – С. 391; № 15 (1 августа 1915 г.). – С. 608.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань 1914. – С. 447.

³ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 170.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 154.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 43. – 1913. – 8 июня.

⁶ К.Г. Котельников, В.Л. Меллер. Крестьянское движение в 1917 году. Москва, Ленинград, 1927. – С. 326.

⁷ Коллектив, № 35. – 1925. – 29 марта.

⁸ Колхозник, № 24. – 1931. – 24 августа.

Москвой. 17 февраля 1938 г. там же оборвалась жизнь другого желтухинца – Игоря Ильича Новикова (1915–1938). Он был осужден и казнен в соответствии с оперативным приказом Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. В 1989 г. оба они были посмертно реабилитированы.

Немало желтухинцев сражалось за Родину на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Боевыми орденами и медалями были награждены местные уроженцы П.И. Басов, Г.М. Голованов, Г.С. Демяшев, В.М. Киселев, О.И. Родина, П.А. Тишанков, М.Н. Поливанов, Е.Д. Фетисов и многие другие. Примером ратной доблести желтухинцев может служить сержант Николай Петрович Гришков (1923–?), разведчик взвода пешей разведки 570-го стрелкового полка 227-й стрелковой Краснознаменной Темрюкской дивизии. «В боях за освобождение Крыма с немецкими захватчиками тов. Гришков, выполняя боевую задачу в районе Акмонайских позиций, захватил в плен 2-х солдат и 2-х офицеров противника. Действуя в составе группы разведки в районе г. Карасу-Базар, захватил в плен до 140 солдат и офицеров противника. В этих боях сержант Гришков был ранен»¹. Приказом по дивизии № 032/н от 22 мая 1944 г. Н.П. Гришков был награжден орденом Славы 3-й степени.

В 1954 г. в связи с укрупнением сельских советов Желтухинский сельсовет был объединен с соседними Ивановским и Кучуковским. В 1956 г. Желтухинский район был упразднен, а его населенные пункты переданы Скопинскому району Рязанской области. В 1961 г. Желтухинский сельсовет вновь укрупнили – в него включили населенные пункты ликвидированного Летовского сельсовета.

В 1960–1980-х гг. к Желтухинскому сельсовету относились населенные пункты Желтухино, Новое, Свистовка, Ивановково, Летово, Кондауровка, Козловка, Ленинка, Петровские хутора, Косыревка, Савиловка, Воздвиженка и Гушиловка. На его территории действовали две восьмилетних школы, две начальные, две библиотеки, три клуба, два медпункта, фельдшерско-акушерский пункт, три магазина, колхоз «Новая жизнь» и совхоз «Желтухинский»².

На закате советской эпохи население Желтухино последовательно сокращалось. К 1990-м гг. деревня заметно обезлюдела.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Желтухино стала населенным пунктом Шелемишевского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Желтухино к этому времени оставался 21 постоянный житель – 5 мужчин и 16 женщин. Летом население увеличивается за счёт дачников. Тем не менее у деревни имеются хорошие индустриальные перспективы. Близ Желтухино открыто Брикетно-Желтухинское уран-молибден-рениевое месторождение. Его рениеносность была подтверждена специалистами ФГУП «Урангео» в 2005 г. В связи с тем, что с распадом СССР Российская Федерация лишилась собственных источников рений-содержащего сырья и при ежегодной потребности в 5–6 т вынуждена импортировать его из-за границы, он является одним из самых дефицитных металлов в стране. Намечающийся подъем отечественной авиационной промышленности увеличивает спрос на рений и делает промышленную разработку Брикетно-Желтухинского месторождения более чем рентабельной³.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 4487, л. 40

² Архив Скопинского района, ф. 98, л. 1

³ *Кайлазаков П.Э.* Особенности геологического строения редкометального Брикетно-Желтухинского месторождения. // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты.* – № 29, 2016. – С. 24

ЖУРАВЛИХА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Предыстория деревни Журавлихи уходит своими корнями в третье тысячелетие до нашей эры. В эпоху бронзы и раннего железного века в этих местах существовало поселение древних людей. По данным археологов, оно находилось в 0,28 км к юго-востоку от окраины деревни в первой надпойменной террасе левого берега р. Вёрды. Сохранившийся культурный слой местами нарушен распашкой и имеет толщину до 0,3 м. В нем была найдена лепная керамика, отнесенная к эпохе бронзы, в т.ч. к балановской культуре, а также лепная керамика с рогожными отпечатками, характерная для городецкой культуры раннего железного века¹.

Развитие земледелия и торговли в последующие века заставило человека селиться в более пригодных для этих занятий местах. Однако к началу XX в. скученность народонаселения Скопинского уезда заставила людей вернуться к давно покинутым древним селищам. На заливных лугах поймы р. Вёрды пасли свой скот жители села Городецкого. Со временем здесь возникло небольшое поселение Бычиные хутора, которому позднее дали более благозвучное название – Журавлиха. В этой тихой, болотистой местности действительно было много журавлей.

Первое упоминание о деревне относится к 1917 г. В датированном этим годом «Списке населенных мест Рязанской губернии» в Боровской (с 1918 г. – Володарской) волости упоминается хутор дворянина Васильцовского и его же лесная сторожка № 2, находившиеся в Журавлихе².

В качестве поселка Журавлиха впервые упоминается в 1925 г. в заметке агронома Володарской волости Скопинского уезда тов. Возненко в газете «Коллектив». Статус поселка свидетельствует о том, что к прежнему хутору прибавилось несколько переселенных дворов из другого селения. Заметка называлась «Поселок «Журавлиха» производит опыт с торфяным удобрением». В ней сообщалось: «Граждане поселка «Журавлиха» торфом удобрили 5 десятин, торф брали хорошо разложившийся и выветрившийся. Возили его зимой; хотели вывезти больше, но не удалось благодаря плохой санной дороге. Почва у них бедная, песчаная. Осенью можно будет сказать, какие результаты окажет удобрение торфом»³.

В 1925 г. было закончено укрупнение волостей и уездов Рязанской губернии. Володарская волость была передана из Скопинского уезда в Рязский. С отменой дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. деревня Журавлиха Городецкого сельсовета вошла в состав Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1931 г. Городецкий сельсовет был вновь переподчинён Рязску. Не позднее 1932 г. в деревне был организован колхоз «Коммунар»⁴.

¹ Археологическая карта России: часть 3 / сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко, Институт археологии РАН. – 1996. – С. 113.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 139.

³ Коллектив, № 54. – 1925. – 27 мая.

⁴ Административно-экономическая карта Желтухинского района Моск. обл. М1:75 000.

В 1935 г. в Московской области был создан Желтухинский район. Ему был передан ряд сельсоветов Рязского района, среди которых был и Городецкий. В 1937 г. вместе с остальными населенными пунктами Желтухинского района деревня Журавлиха, но в составе 2-го Кузьминского сельсовета вошла в состав новообразованной Рязанской области.

Даже в таком небольшом селении нашлись те, кто не смог примириться с новой властью и ее политикой на селе. 9 сентября 1937 г. в деревне был арестован колхозник Максим Григорьевич Мишенкин (1893–1937). 26 сентября он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «систематической антисоветской агитации и контрреволюционной пораженческой пропаганде, направленной против советской власти» и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 27 сентября 1937 г. на Бутовском полигоне в Подмосковье. В М.Г. Мишенкин был посмертно реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.¹

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Журавлихе было 16 строений. Дороги связывали деревню только с близлежащими населенными пунктами Дегтярка и Рановка.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. не прошла мимо Журавлихи. В конце 1941 г. маленькая рязанская деревня появилась на армейских оперативных картах.

18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 23 ноября нацисты захватили Горлово, 25 ноября – Скопин, а к 26 ноября вышли на рубежи Мордвес – Серебряные Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава.

Советская Ставка Верховного Главнокомандования приступали к планированию контрнаступления. Директивой №116 от 25 ноября 1941 г. Ставка ВГК приказала сосредоточить 61-ю резервную армию генерал-лейтенанта М.М. Попова в районе Рязк – Раненбург – Мичуринск – Старое Юрьево к вечеру 5 декабря². В составе армии выдвигалась 346-я стрелковая дивизия, ее предстояло передислоцировать железнодорожным транспортом из Вольска. Приказом от 25 ноября 1941 г. командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова оперативно-инженерной группе генерал-майора В.Ф. Зотова предписывалось создать полосы сплошных заграждений в районе предстоящих действий 61-й армии. Среди важнейших рубежей упоминались населенные пункты Катино, Павелец, Лопатино, Секирино, Трухачево, Аманово, Говорово, Салтыки³.

Журавлиха оказалась в полосе действий 346-й стрелковой дивизии, обеспечивавшей правый фланг позиций 61-й армии. В боевом приказе № 2 от 4 декабря 1941 г. командир дивизии полковник И.Е. Давидовский, поставил артиллерии следующую задачу: «Подготовить ПТОЗ по дороге Городецкое–Шелемишево; воспрепятствовать сосредоточению противника в Дмитриево, Петровский хутор, Кузьминка-2, Дегтярка, Журавлиха; подготовить ПТОЗ по дороге Петровский хутор, Шелемишевский хутор. Поддерживать контратаки в направлении Александровка–Чирково»⁴.

Генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, командовавший 10-й армией Западного фронта, соединения которой сосредотачивались справа от 61-й армии, вспоминая об этом времени, писал: «До последнего момента не было ясности <...> в намерениях главных сил 2-й танковой армии. Лишь только после войны мы узнали из мемуаров Гудериана, что в ночь с 5 на 6 дека-

¹ Ленинское знамя, № 22. – 1991. – 19 февраля.

² ЦАМО, ф. 3, оп. 11556, д. 4, л. 136.

³ ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 85а, л. 449.

⁴ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 11, лл. 2–3.

бря он отдал приказ «прекратить, – как он выражается, – изолированное наступление и отвести далеко выдвинутые вперед части на линию верхнее течение реки Дон – река Шат – река Упа, где и занять оборону»¹.

Эшелоны 346-й стрелковой дивизии прибыли в Рязск и выгрузились по графику. 2-й эшелон был там 29 ноября в 15.30, 3-й – 30 ноября в 22.05, 4-й – 30 ноября в 24.00. Прибывшие 2–4-м эшелонами 1-й и 2-й батальоны 1164-го стрелкового полка начали занимать оборону на рубеже от железной дороги севернее Рязска до населенного пункта Добрая Воля².

С началом советского контрнаступления 1164-й стрелковый полк без 3-го батальона и с 1-й батареей 915-го артиллерийского полка в полдень 5 декабря 1941 г. перешел на новый рубеж: высота 141.7 – Журавлиха – западная окраина Шелемишево³. К 10.00 6 декабря КП дивизии находился в селе Нагорное.

В 9.40 6 декабря 1941 г. передовой отряд дивизии – 1-й батальон 1164-го стрелкового полка со 2-й батареей 916-го артиллерийского полка, двумя отделениями роты автоматчиков и минометной ротой выступил по маршруту Шелемишево, Новобараково, Чулково-Лихарево, Пупки, Новый Келец с задачей захватить железнодорожную станцию. Павелец⁴. Во время подготовки рубежей, оборудования окопов и укрытий противник вел воздушную разведку. К 19.00 7 декабря 1-й батальон 1164-го стрелкового полка достиг села Пупки и вел разведку на Новый Келец. К утру 8 декабря штаб 346-й дивизии переместился в Шелемишево.

По мере выдвижения 1164-го стрелкового полка его позиции занимал выгрузившийся 1168-й стрелковый полк, его 3-й стрелковый батальон, прибыв в 01.00 9 декабря, сосредоточился в Нагорном, имея задачу после отдыха приступить к оборонительным работам на рубеже Журавлиха – Шелемишево⁵. Занимая позиции, полк одновременно доукомплектовывался и проводил боевое слаживание подразделений.

События развивались быстро. К 20.00 9 декабря 1-й батальон 1164-го стрелкового полка, действуя в передовом отряде дивизии, занял село Горлово. К 10.00 10 декабря 1941 г. 1164-й стрелковый полк уже был сосредоточен на рубеже Роговое – Подноволоки⁶.

В 1941–1945 гг. уроженцы Журавлихи принимали участие в Великой Отечественной войне. Капитан Иван Ильич Калинин (1908–?), ветеран советско-финляндской войны 1939–1940 гг., находился на фронте с июля 1941 г., был заместителем командира роты по политчасти 67-го отдельного полка связи 53-й армии. В 1943 г. он был награжден медалью «За отвагу». В представлении к награде командир полка подполковник Тычина писал о боевой работе И.И. Калинина: «За время работы в полку проявил себя смелым, самоотверженным работником. 1 августа 1941 г. получил первое боевое крещение от авиации противника. 5 февраля 1942 г. был назначен старшим политработником по обслуживанию группы Миссане, ввиду исключительно напряженной обстановки был назначен начальником направления связи к 52-й стрелковой бригаде, где обеспечивал связь под сильным артиллерийским и минометным огнем противника. Для поддержания связи в тех условиях требовалась исключительная самоотверженность. Он лично возглавил линейное отделение и, быстро устраняя повреждения, поддерживал непрерывную связь и управление подразделениями. 21 апреля в районе д. Рамушево, обеспечивая связью 116-ю стрелковую бригаду, он с группой связистов попал

¹ Галиков Ф.И. В Московской битве. – М.: Наука, 1967. – С. 48.

² ЦАМО, ф. 1665, д. 1, д. 12, л. 1–5.

³ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 9.

⁴ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 11–12.

⁵ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 27.

⁶ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 29.

под сильный артиллерийский огонь противника. Работая в радиороте, сумел правильно организовать воспитательную работу среди личного состава, в результате все старослужащие стали классными радистами. В роте 33 человека награждены правительственными наградами. В период наступательных операций 53-й армии рота справилась полностью с возложенными на нее задачами по обеспечению радиосвязью»¹.

В 1952 г. 2-й Кузьминский сельсовет был ликвидирован, а его населенные пункты переданы соседнему Шелемишевскому сельсовету.

В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был упразднен, а его населенные пункты поделены между Скопинским и Рязским районами. В 1960 г. Городецкое и деревня Журавлиха вошли в состав укрупненного Новобараковского сельсовета².

В условиях кризиса, охватившего отечественное сельское хозяйство на рубеже 1980-х и 1990-х гг., маленькая деревня постепенно теряла свое население. Старики уходили, молодежь уезжала в поисках работы.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Журавлиха стала населенным пунктом Шелемишевского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в деревне Журавлихе Шелемишевского сельского поселения оставалось всего 2 постоянных жителя.

---

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 682526, д. 621, л. 122.

² Архив Скопинского района, ф. 94, л. 1.

ЗАРЕЧНЫЙ микрорайон (город Скопин)

Возникновение поселка, позднее развившегося в микрорайон Заречный, связано с открытием Скопинского механического (позднее – машиностроительного) завода. В 1924–1925 гг. на площадку близ деревни Свинюшки Полянской волости Скопинского уезда Рязанской губернии в 12 км от города Скопина были перенесены механические мастерские, действовавшие при шахтах бывшего Бельгийского акционерного общества каменноугольных копей при селе Воскресенском (Победном тож). В соответствии с декретом Совета народных комиссаров о национализации ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц от 28 июня 1918 г. шахты были национализированы и переданы в ведение и управление Главного угольного комитета Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ)¹. Мастерские тогда получили официальное наименование «Районные механические мастерские, ремонтная база трестов комбината «Москвоуголь» (сам комбинат находился в Туле). Первоначально в них было занято полтора-два десятка рабочих². До 1927 г. мастерские производили только ремонт шахтных клеток, насосов и вагонеток³. Технологическое развитие угольных шахт стимулировало расширение мастерских, при которых были построены кузнечный цех и цех металлоконструкций. К ним были проложены подъездные пути от станции Вослебово.

7 сентября 1927 г. мастерские Побединского рудоуправления были переименованы в Скопинский рудоремонтный завод комбината «Москвоуголь». К этому времени относится первое упоминание о жилищах рабочих, строившихся близ предприятия. Постепенно они оформились в поселок Мехзавода. В 1930 г. был создан Механический поселковый совет. В 1-й пол. 1930-х гг. поселок при механическом заводе треста «Мосбасстрой» стал полноценным населенным пунктом Скопинского района Московской области. Неофициально он назывался «поселок Заречный», но на довоенных картах не обозначался из-за важного стратегического значения своего градообразующего предприятия.

«В 1933–1935 гг. была произведена коренная реконструкция завода, расширены цеха, построены новые корпуса, завезено большое количество машин и станков. В 1939 г. выстроены новые кузнечный и механосборочный цеха. В это время завод обеспечивал шахтным оборудованием весь Подмосковский угольный бассейн и производил ремонт паровозов, принадлежащих угольным трестам бассейна. Завод также выпускал шахтные простые вагонетки (весом 0,5, 0,81 и 1 т) и опрокидывающиеся (весом в 0,75 и 2,5 т), забойные транспортеры, механические грузчики, насосы «Борзиг» и «Красный факел», колонковые лебедки, вентиляционные трубы, шахтные клетки, оборудование шахтных копров, сортировки и стрелочные переводы, опрокидыватели лобовые и механические, ребристые трубы, компенсаторы высоты, угледробилки, коллекторы, колосниковые грохоты, конвейерные решетки и другое

¹ *Оника Д.Г.* Подмосковский угольный бассейн. 1855–1955. – М.: Московский рабочий, 1956. – С. 57.

² О них и Скопинском механическом заводе до 1940 г. см. Приложение 6.

³ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 92. Врезка:отдельные листы.

оборудование. Завод состоял из литейного, кузнечного, механического цехов, цеха железных конструкций и паровозного цеха. Для внутризаводских и внезаводских потребностей имелось 20 лошадей и 8 машин. Все цеха были связаны друг с другом узкоколейными путями, длиной около 3-х км, имелся один мотовоз»¹.

Интересные подробности обстановки на предприятии содержатся в датированной 1935 г. докладной записке Скопинского райотдела УНКВД по Московской области о политических настроениях колхозников, единоличников, приливе в колхозы, развитии стахановского движения, недочетах в работе шахт и колхозов. Документ сообщает: «По мехзаводу треста «Мосбасстрой»: в поселке проживает 1490 человек. Из имеющихся 28 домов на рабочем поселке капитального ремонта требуют 15 домов и 13 домов текущего ремонта. Намечено планом строительство 3-х новых двухквартирных домов из шлако-диатомовых кирпичей для ИТР. До 5 мая 1935 г. Сталиногорским трестом на производство работ было отпущено 53 000 рублей, в результате развертывание работ <...> не обеспечено, имеется только 1 лошадь. Рабсилой стройотдел обеспечен на 40 %, вместо предусмотренных планом на 15 мая 165 человек рабочих разных квалификаций имеется только 65 человек... Достройка 2-х двенадцатиквартирных шлако-диатомовых домов № 6/2 и 7/3 – по плану должны быть сданы уже в начале 1935 г., но из-за недостатка и необеспеченности стройматериалами дом № 7/3 будет закончен в июне с.г. Намеченная перепланировка 4-х домов ИТР не начата. К постройке погребов, сараев и т.д. у домов № 15, 16, 17, на которые отпущены средства, не приступали»².

В 1933–1937 гг. Скопинским механическим заводом руководил директор Николай Эдуардович Битинский (1900–1937), чья деятельность вызывала немало нареканий и работников предприятия, и «компетентных органов». О настроениях заводского коллектива начальник Скопинского райотдела УНКВД по Московской области Лазарев докладывал секретарю Скопинского райкома ВКП (б) Агееву: «За последнее время на механическом заводе среди ИТР и служащих напряженные и склоные отношения. Во-первых, технические работники разбиваются на две группы, одна поддерживает гл. инженера Кожевникова, а вторая – во главе директора Битинского, с прямой целью выжить гл. инженера Кожевникова и на его место поставить инженера Горлатенко, близкого друга Битинского по прежней работе и пьянкам. Во-вторых, поведение и дела самого директора завода Битинского компрометируют как руководителя, а именно: при устройстве вечера ИТР 1 мая трестом разрешено израсходовать до 2000 руб., Битинский в счет указанной суммы набрал лично кредитов на 225 руб. и предложил помощнику по ОРСу Долгих указанную сумму внести в счет на продукты для вечера, без указаний, что за продукты. Кроме того, от вечера осталась масса продуктов и вин, т.к. за плохой погодой половина приглашенных не явилась, из коих большую половину Битинский также забрал себе, а остальные передал Горлатенко, Федосееву и Могилевскому, у которых на квартирах все это распивалось и поедалось с участием Битинского, что известно почти всем рабочим поселка. Из фонда премирования по соцсоревнованию израсходовано на покупку премий в магазине 2000 руб., покупка директором была поручена Долгих, из каковых также немало перепало Битинскому. Кроме того, Битинский держит себя так, как ранее держал собственник завода, что хочу – то для себя возьму, даже в таких мелочах: всю зиму держал кур, гусей, кормил овсом завода, а конюхи кричат на весь завод – овса нет для лошадей, гуси директора съели, керосин пудами шофер Воронин доставляет, конечно за счет гаража, и

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 92.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 78–94.

другие мелочи, не входящие в бесплатные коммунальные услуги, видя такое действие самого директора, и другие начинают также действовать»¹.

НКВД внимательно следил за действиями руководства завода, которые вызывали все больше вопросов. В спецсводке материально-бытового обслуживания рабочих и шахтеров Скопинского района по состоянию на 3 февраля 1935 г. отмечалось, что «особенно безобразно с выдачей зарплаты обстоит по Скопинскому мехзаводу треста «Мосбасстрой» – зарплата за декабрь месяц вместо 12 января 1935 г. выдавалась 1 февраля 1935 г., задержка 18 дней <...>, сумма задолженности по авансу 60 000 руб.»². Среди рабочих завода отмечалось нараставшее недовольство произволом руководства предприятия. НКВД зафиксировало жалобы грузчика литейного цеха Гаврилы Ивановича Буянова, высказывавшиеся в беседе с рабочими Королевым, Кандашевым и Лукичевым: «Мне завтра издыхать придется, хлеб не на что выкупить. Хлеб повысили, а зарплату не прибавили. Набавят, когда с голоду сдохнешь!»³ Отмечались на предприятии и мелкие злоупотребления, также вызывавшие озлобление рабочих. Например, зав. производством столовой мехзавода Епихин по состоянию на 1 января 1935 г. недодал 19 кг гречневой крупы, и рабочий контроль, при снятии остатков, почему-то этого не обнаружил⁴. Через пару месяцев вскрылось: «Хранение продуктов в кладовой неудовлетворительное, масло содержится не на леднике, на леднике обнаружен жбан со сметаной, покрытой толстой пленкой плесени, – сметана хранится давно; овечьи головы, полученные давно, хранятся в кадке мокрыми, неопаленными, на леднике стоит кадка с давно забракованными (выпущенными) яйцами, лежит сырая кожа, издающая запах... В дни, предшествовавшие празднованию революции, в столовой, где готовилась пища для 500 человек, было обнаружено, что вторые блюда готовятся из испорченного червями гусяного мяса»⁵. Зав. столовой Хатченко, член ВКП(б), был снят с работы, а материалы о его деятельности были направлены в прокуратуру, но общей обстановки это не разрядило.

Интересно отметить, что помимо бытовых и производственных вопросов в рабочей среде с подачи местной интеллигенции обсуждались и острые политические темы. Скопинский райотдел УНКВД докладывал: «Поселок Заречный. В школе мехзавода Дроздов Иван Тимофеевич, 1916 года рождения, на уроке, при проработке сочинения Горького преподавательнице Слободчиковой Елизавете Николаевне заявил: “Почему меняется в книгах издание, то 1-е, то 6-е?” Слободчикова полностью не ответила, Дроздов заявил: “Нет, вы неверно говорите, вот возьмем произведение Ленина, в 1-м издании 4-м томе Ленин о Сталине писал, что Сталина нельзя допускать к руководству... Я слышал от хорошего человека и книжку сам читал”. Не получив надлежащего ответа преподавательницы, стал убеждать учащихся. По сведениям, Дроздов это слышал от преподавателя литературы Побединской ФЗС Тараскина Александра Ивановича»⁶.

В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 26 сентября 1937 г. Скопинский район вместе со всеми его населенными пунктами был передан новообразованной Рязанской области. В первых числах декабря 1937 г. прокуратура Рязанской области выпустила официальное сообщение следующего содержания: «Органами НКВД Рязанской области вскрыта

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 78–79, 94.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 13, 144.

³ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 17.

⁴ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 14.

⁵ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 105, 139.

⁶ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 25 об.

троцкистская контрреволюционная организация, проводившая вредительскую деятельность на Скопинском механическом заводе.

В состав контрреволюционной троцкистской организации входили: Н.Э. Битинский – бывш. директор Скопинского механического завода, иностранный подданный, обманным путем получивший документы гражданина СССР и пробившийся в ВКП (б); С.В. Федосеев – быв. зам. нач. планового производственного отдела завода, белогвардеец, быв. дворянин; Э.Я. Зейдер – быв. начальник литейного цеха, исключенный из членов ВКП (б) за ряд злоупотреблений и бытовое разложение; Е.В. Авраменко. – быв. нач. механического цеха, судимый за ряд должностных преступлений, скрывшийся с Вишерского бумажного комбината после разоблачения его вредительской работы на комбинате; Е.И. Могилевский – быв. нач. отдела снабжения – аферист, присвоивший звание инженера, исключенный из членов ВКП (б) за растрату, снятый с работы из треста Сельмаш за злоупотребление по службе и присвоение звания члена ВКП (б); А.И. Кожевников – быв. зам. гл. инженера, троцкист, и И.М. Васильев – быв. гл. инженер завода.

Эта контрреволюционная вредительская организация ставила своей непосредственной задачей разрушение и вывод из строя Скопинского механического завода, основного завода, снабжающего оборудованием шахты Подмосковского угольного бассейна, срывала капитальное строительство на заводе, разбазаривая отпущенные для этой цели государственные средства.

Эти троцкистско-фашистские выродки выпускали заведомо негодное оборудование для шахт, тем самым срывали добычу угля на шахтах Подмосковского бассейна.

С целью вызвать недовольство среди рабочих, на заводе были созданы такие условия труда, в результате которых имели место случаи отравления, потери зрения, увечья и гибели рабочих, в частности, в конце 1936 г. на заводе был убит электротоком рабочий Попов.

Свою вражескую деятельность эти предатели всячески маскировали, скрывая свое фашистское лицо от трудящихся советской страны.

Изобличенные материалами предварительного расследования, эти враги признали себя виновными в контрреволюционной вредительско-подрывной деятельности, направленной к выводу завода из строя и срыву добычи угля, и ставившей конечной целью свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР.

За контрреволюционную вредительскую деятельность Н.Э. Битинский, С.В. Федосеев, Э.Я. Зейдер, Е.В. Авраменко, Г.И. Могилевский, А.И. Кожевников и И.М. Васильев Рязанской областной прокуратурой переданы суду по ст. ст. 58 п. 7 и 11 УК РСФСР.

Дело назначено к слушанию в спецколлегии Рязанского облсуда на 6 декабря 1937 г. с выездом на место в гор. Скопин, в открытом судебном заседании. Прокурор Рязанской области Зайцев»¹.

Дело в отношении руководства Скопинского механического завода разбиралось на фоне серии судебных процессов 1936–1938 гг., завершивших разгром внутрипартийной оппозиции группировкой И.В. Сталина. Видимо, по этой причине в НКВД решили приписать ему конъюнктурный политический характер. В настоящее время имеются веские основания предполагать, что дело «контрреволюционной троцкистской вредительской организации» на Скопинском механическом заводе было сфабриковано. Никакой подпольной организации, проводившей подрывную деятельность и преследовавшей далеко идущие политические цели, в Скопине никогда не существовало. Однако состав преступления в деятельности фи-

¹ Сталинское знамя, № 48, – 1937. – 4 декабря.

гурантов процесса, безусловно, имелся. Свидетельские показания, прозвучавшие в ходе открытых заседаний суда, которые проходили в помещении клуба Скопинского механического завода 6–9 декабря 1937 г., выявили множественные случаи управленческой некомпетентности, безалаберности, финансовых махинаций, пренебрежения интересами предприятия и его работников, равнодушия к людям труда со стороны руководства завода. Отмечалось, что директор предприятия совершенно не заботился об улучшении условий труда. «В результате с каждым годом росло количество несчастных случаев. В 1935 г. был 71 несчастный случай с рабочими, в 1936 г. – 91 и за 10 месяцев 1937 г. – 77. Вентиляция в цехах отсутствовала, в результате чего рабочие подвергались отравлению вредными газами. <...> Для того, чтобы вызвать недовольство советской властью, директор завода Битинский умышленно не проводил ремонта рабочих квартир, крыши квартир стахановцев протекали, а контрреволюционер Битинский, вместо принятия мер, высмеивал рабочих. <...> Подсудимый Федосеев рассказывает суду, что в 1935 г., когда была очень суровая зима и в реке Вёрда вода почти вымерзла, Битинский приказал выкопать канаву от водокачки к заводу для подачи воды. На это было затрачено около 6000 рублей. Затем наступила оттепель, и надобность в канаве миновала. Да ею и не пользовались. Рабочие указывали на ненужность канавы, но их, конечно, не слушали. <...> Заводу отпустили 500 000 рублей для приобретения материалов на капитальное строительство. Битинский решил во что бы то ни стало эти средства израсходовать. Началась закупка совершенно не нужного заводу оборудования. Завезен, например, заточный станок стоимостью в 23 000 рублей, который работал в год только 5–6 часов. Купили второй фрезерный станок, заводу совершенно не нужный»¹. «К охране труда вредители относились так, чтобы вызвать недовольство рабочих. <...> Заливщику Бобалеву жидкий металл попал в сапог, и ногу сожгло до костей. Рабочему Бирюкову сломали позвоночник. Рабочий Попов был насмерть убит током»². «Бывший начальник литейного цеха завода Зейдер систематически брал с рабочих взятки. Были случаи, когда работницы литейного цеха Королева и Звонкова ходили к Зейдеру мыть полы. Битинский с Зейдером были в хороших отношениях, и если впоследствии Битинский снял Зейдера с работы, то это было сделано с целью замести следы, так как вредительская работа Зейдера была настолько заметна, что дальше оставлять его на заводе было нельзя. По вине Могилевского бывшим ученикам школы ФЗУ не выплачивалась зарплата ровно год. <...> Федосеев издевался над рабочими. Был случай, когда он хотел модельщику Матвееву проломить голову моделью. Профсоюзная организация хотела за этот поступок исключить Федосеева из профсоюза. На его защиту встал Битинский. Зейдер еще больше издевался над рабочими, всячески обзывая их. Многих рабочих он просто оставлял без заработка, высчитывая весь заработок как штраф»³.

На суде была оглашена и выяснившаяся в ходе следствия курьезная подробность: бывший директор завода Н.Э. Битинский, как оказалось, не имел оформленного советского гражданства (он был уроженцем Екатеринославской губернии, проживал в одном из западных регионов Российской империи и в какой-то момент Гражданской войны или позднее успел получить гражданство Польши). Это обстоятельство несколько не помешало ему несколько лет руководить крупным советским предприятием и вступить в ВКП (б).

Процесс, в духе традиций того жестокого времени, сопровождался массовыми митингами скопинских трудящихся. Скопинская районная газета в эти дни писала: «Узнав из газет о разоблачении троцкистско-бухаринской шайки на Скопинском механическом заводе, рабо-

¹ Сталинское знамя, № 50. – 1937. – 8 декабря.

² Сталинское знамя, № 51. – 1937. – 9 декабря.

³ Сталинское знамя, № 52. – 1937. – 10 декабря.

чие на своих митингах требуют применения к бандитам высшей меры социальной защиты – расстрела.

На митинге в гор. Скопине, где присутствовало около 5000 трудящихся, принята резолюция, в которой говорится: «Фашистские бандиты просчитались. Им никогда не остановить победного шествия социализма». Митинг просит спецколлегию Рязанского областного суда приговорить преступников к расстрелу.

Состоялся объединенный митинг рабочих кирпичного завода и колхозников колхоза «Завет Ильича». В резолюции митинга записано требование о применении к врагам народа самой беспощадной кары.

На митингах рабочих механического завода, на шахтах №№ 47, 43, 51, в колхозах «Красный горняк» и других рабочие, колхозники клеймят позором шайку предателей и требуют от суда приговорить их к расстрелу»¹.

Итог процесса был предсказуем. Газета «Сталинское знамя» сообщила: «На вечернем заседании 8 декабря специальной коллегии Рязанского областного суда был закончен допрос свидетелей, заслушана речь государственного обвинителя, речи защитников и последние слова подсудимых. После этого председатель суда товарищ Рубичев объявил судебное заседание оконченным и суд удалился в совещательную комнату.

В 7 часов утра 9 декабря был объявлен приговор. Подсудимые Битинский, Могилевский, Федосеев, Авраменко, Кожевников, Васильев и Зейдер приговорены специальной коллегией Рязанского областного суда по ст. 58 п. 7 и 11 УК РСФСР к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Присутствующие в зале заседания около пятисот рабочих встретили приговор аплодисментами»². Возможно, фигуранты процесса не заслуживали столь сурового вердикта. Однако вред, нанесенный их действиями работникам Скопинского механического завода, самому предприятию, а следовательно – и развитию советской промышленности в непростую предвоенную пору, сомнению не подлежит.

В конце 1930-х гг. Скопинский машиностроительный завод был подчинен Народному комиссариату топливной промышленности РСФСР. Среднесписочный состав обслуживающего персонала завода в 1938 г. составлял 929 человек, в том числе 766 рабочих. Работники предприятия в основном проживали в выросшем при нем поселении, по документам носившем название Механического поселка. При заводе были построены 11 стандартных двухэтажных домов и 9 деревянных одноэтажных, всего на 124 квартиры³.

В 1937–1941 гг. директором Скопинского механического завода был Александр Павлович Шерудилло. С первых дней Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. он был призван в РККА комиссаром полка инженерных войск, где сражался до победы, был награжден многими орденами и медалями, потом трудился по восстановлению народного хозяйства. На завод был прислан директор завода с Украины инженер Васенко Александр Максимович.

Как и все советские люди, трудящиеся Скопинского машиностроительного завода с первых дней Великой Отечественной войны старались сделать все возможное для обеспечения победы над врагом. Работали по 12 часов без выходных дней, без отпусков. Завод переключился на изготовление оборонной продукции.

В помощь заводу была прислана группа специалистов с южных заводов и из Москвы. Завод получил задание по изготовлению нескольких видов авиационных бомб и деталей для легендарной «катюши», которые являлись главнейшим заданием и особо контролировались

¹ Сталинское знамя, № 50. – 1937. – 8 декабря.

² Сталинское знамя, № 53. – 1937. – 11 декабря.

³ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 92.

наркоматом. С первых дней освоения производства «катушки» завод посетили заместитель наркома Д.Г. Оника и Народный комиссар угольной промышленности СССР Вахрушев Василий Васильевич¹.

Скопинский завод одним из первых освоил изготовление деталей «катушки» и поставку их на сборку. Трудящиеся завода, казалось, делали невозможное, все они не просто работали, а думали и предлагали все новые варианты технологии производства, новые приспособления и инструменты, улучшали качество, а производительность труда росла не по дням, а по часам. Над внедрением новшеств рабочие и руководители трудились по несколько суток, днём и ночью, без отдыха, принимая пищу на рабочем месте, среди них токари И.М. Савин, В.П. Соловьёв, П.Ф. Генералов, А.В. Асташкина, 16-летний Аркадий Леснухин, сверловщик Д.В. Зимарев и многие другие.

В начале ноября 1941 г. был получен приказ об эвакуации завода. Люди с болью в сердце стали демонтировать оборудование, но делали это быстро. Жалко было снимать станки, на которых проработали много лет, но ещё тяжелее было от сознания, что если не успеешь, всё это может попасть в руки врага.

Перед отъездом корпуса цехов завода были заминированы, чтобы в случае прихода фашистов, с одного пульта взорвать весь завод. Этот пульт был известен только коммунисту Подковырову Ивану Петровичу, оставленному с группой охраны для исполнения гражданского долга и подпольной работы.

Немцы в Скопине были, а до завода не дошли, их выгнали морские пехотинцы. Слабонервные охранники бросили оружие и сбежали, а И.П. Подковыров заявил «охране»: «Пока сам не увижу немцев, взрывать завод не буду». Благодаря исключительной честности и стойкости И.П. Подковырова корпуса цехов завода уцелели.

Завод был эвакуирован на Урал в трёх эшелонах:

Первый эшелон – платформы с оборудованием и одна теплушка с охраной 20 человек (начальник эшелона главный инженер завода И.Э. Фонштейн).

Второй эшелон – в теплушках около 1000 человек трудящихся завода и членов их семей, а также 14 платформ с оборудованием (начальник эшелона начальник цеха №1 И.В. Продай)

Третий эшелон – одна теплушка с охраной и платформы с оборудованием (начальник эшелона директор завода А.М. Васенко, его помощник начальник первого отдела М.Н. Богданов).

Когда началась война, на заводе в цехе № 1 проходила производственную практику группа учащихся Скопинского ПТУ в количестве 40 человек. Это были мальчики и девочки в возрасте 15–16 лет. Они трудились в коллективе цеха № 1 наравне со взрослыми по 12 часов в день без выходных и без отпусков, многие из них были в числе передовиков производства. Эта группа эвакуировалась вместе с заводом на Урал и там продолжала трудиться наравне со взрослыми рабочими.

Ехать на Урал долго, и это вынужденное безделье тревожило каждого. К месту назначения на станцию Егоршино Свердловской области прибыли 19 октября 1941 г. Встретил нас непривычный, пятидесятиградусный мороз. В этот же вечер эшелоны были поставлены к месту предстоящей разгрузки на подъездные пути лесного склада треста Егоршинуголь. Через час по прибытии на место руководители Егоршинского райкома партии, треста Егоршину-

---

¹ Вахрушев Василий Васильевич (1902–1947) – советский партийный и государственный деятель, член ЦК ВКП (б) с 1939 г., Председатель Совета народных комиссаров РСФСР в 1939–1940 гг., народный комиссар угольной промышленности СССР в 1939–1946 гг., народный комиссар, затем министр угольной промышленности восточных районов СССР в 1946–1947 гг. Герой Социалистического Труда (1943).

голь и нашего завода на собрании начальников цехов и отделов обрисовали обстановку, что цехам придется размещаться в двух гаражах, в одной бане, в клубе и подсобных помещениях шахты и в клубе им. Артема, т.е. в разных помещениях, расположенных друг от друга на расстоянии от одного километра до десяти. Это совещание было очень непродолжительным, но предельно ясным. Начальники цехов тут же отправились на осмотр зданий, где им предстояло организовывать производство боеприпасов.

В частности, цеху № 1 по изготовлению деталей предстояло расположиться в подсобных помещениях шахты и клуба им. Артема. Коллектив трудящихся в клубе им. Артема, т.е. будущего цеха № 1, набрались терпения досмотреть концерт и в 23 часа 19 декабря 1941 г. приступила к подготовке помещения к монтажу оборудования. К утру полностью освободили помещения от клубного оборудования, инвентаря, мебели и пола, подготовили площадь клуба под монтаж оборудования. Для устройства фундаментов не было цемента, щебня, не было и времени, ведь в нашем распоряжении для выполнения производственной программы декабря месяца 1941 г. оставалось около двух дней. Поэтому было принято решение монтировать оборудование и электродвигателей на рамы из бревен, скрепленных между собой строительными скобами. В бревнах сверлили ручную отверстия и крепили к бревнам станки фундаментными болтами, а для того, чтобы уменьшить вибрацию станков, ставили распорки из досок между станками и электродвигателей.

Для разгрузки и транспортировки оборудования не было механизмов, поэтому станки вручную сбрасывали из железнодорожных платформ в снег, а потом ставили на листовой металл, дружно брались от 20 до 30 человек и тащили на расстояние 400–500 метров к месту монтажа. Разгрузка оборудования, перенос к месту монтажа и монтаж производились круглосуточно, днем и ночью. В результате такой напряженной работы за одиннадцать суток цех № 1 был восстановлен, пущен в эксплуатацию и план декабря месяца 1941 г. по изготовлению и отгрузки деталей для «катушки» был выполнен. Аналогично героически трудились и коллективы всех цехов завода. Рожденное в грозные годы Великой Отечественной войны, это предприятие, его славный коллектив внес значительный вклад в дело победы советского народа над фашизмом, а в послевоенный период – в восстановление народного хозяйства, в развитие технического прогресса в горнодобывающей промышленности.

Через пять месяцев со дня выдачи первой продукции, 14 апреля 1942 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР директор завода А.М. Васенко и токарь цеха №1 И.М. Савин награждены орденами Ленина, главный инженер завода И.Э. Фонштейн, начальник цеха № 1 И.В. Продай – орденами Трудового Красного Знамени. Орденами «Знак Почета» награждены: начальник цеха № 2 С.В. Борискин, токарь-лекальщик инструментального цеха А.М. Ельцов, мастер-газосварщик цеха №3 М.Т. Ершов. 29 работников в конце этого же 1942 года были награждены значками «Отличник социалистического соревнования Наркомугля СССР».

В 1945 г. коллективу завода было вручено Красное знамя Государственного комитета обороны.

На Урале завод получил название: Государственный Союзный Артемовский машиностроительный завод Наркомугля СССР.

После войны по генеральному проекту построены новые благоустроенные корпуса цехов, расположенные на одной территории. В это время завод изготавливает горно-шахтное оборудование, подчинен Министерству тяжелого машиностроения.

В уцелевших пустых корпусах цехов завода (в Скопине. – *Примеч. авторов*) нужно было организовать изготовление металлоконструкций и оборудования для восстановления разру-

шенных шахт Подмосквовного угольного бассейна. Нужно было восстановить разрушенную электростанцию, обеспечить электроэнергией завод и шахты, обеспечить завод крайне необходимым оборудованием.

Уже отмечалось, что благодаря героизму коммуниста Ивана Петровича Подковырова корпуса цехов завода не были взорваны, но они остались пустые, без оборудования, без мостовых кранов, без силовых электрокабелей и без электропроводки. В складах завода и в цеховых кладовых не было приспособлений, мерительного и режущего инструмента.

Скопинская электростанция была взорвана. Соответствующим организациям предстояло срочно восстановить электростанцию, так как это был единственный источник обеспечения электроэнергией шахт, завода, шахтных мастерских, жилфонда и т.д. К 15 января 1942 г. электростанция была частично восстановлена, имела мощность 1000 кВт, а к 9 марта 1942 г. 1750 кВт, к июлю 1942 г. – 3700 кВт.

Как только была отремонтирована и пущена в эксплуатацию электростанция, а тем временем на заводе были частично восстановлены сети электроснабжения, было приобретено кое-какое оборудование, началось оживление производственной деятельности завода. Со второй половины 1942 г. завод начал изготовление вагонеток 0,5 и 1,0 т, клетей, лебедок, насосов перекачных, конвейеров скребковых длиной 50 м и производительностью 50 т в час, обухов, зубов к обухам, пик и т.п. Была отремонтирована вагранка и начато чугунолитейное производство. В бывшем паровозоремонтном цехе в 1942 г. организовали изготовление скребковых цепей для конвейеров, изготавливаемых заводом.

Мостовые краны и кранбалки, вывезенные в 1941 г. во время эвакуации на Урал, там применения не нашли, поэтому в 1942 г. были возвращены и смонтированы в цехах восстанавливаемого Скопинского завода.

В период войны и до победы на старом месте Скопинский завод медленно, но уверенно рос по численности трудящихся, объему и качеству выпускаемой продукции, по производительности труда и т.д. В 1943 г. на заводе работало 785 человек. В это время уже выпускали клетки, вентиляторы, шкивы копровые.

О работе коллектива завода в 1943 г. можно судить по материалу «Бригада Смирнова», опубликованному в скопинской газете «Сталинец»: «Сергею Смирнову 17 лет, но он работает так, что к нему с уважением относятся взрослые рабочие. Заслуженным авторитетом пользуется его бригада на механическом заводе. В работе она всегда идет впереди. Ноябрьский план выполнила на 215 %. Сережа не жалеет ни сил, ни времени, чтобы ребята в его бригаде работали по-фронтному. Приходит за час раньше до работы, узнает задание и распределяет его среди членов бригады. Чуткий и заботливый в обращении со своими товарищами по работе, он старается сразу устранить возникающие неполадки. Своим личным примером в работе Смирнов добился того, что все члены его бригады выполняют нормы от 116 до 215 %. Самый младший из бригады – Андрияша Бушманов, план выполняет на 170–190 %. За хорошую работу он награжден значком «Отличник социалистического соревнования». Бригада Смирнова передовая не только в работе, она передовая и в быту. В общегититии у нее образцовый порядок, в свободное от работы время читают газеты, журналы и аккуратно занимаются в кружке по изучению книги товарища Сталина о Великой Отечественной войне»¹.

В последний период, к 1948 г. были построены и отданы в эксплуатацию: инструментальный цех, кислородная станция, столовая.

---

¹ Сталинец, № 89. – 1943. – 15 декабря.

В 1949 г. было освоено изготовление электровозов шахтных для перевозки рабочих в забой на работу и обратно с работы к шахтному стволу, а также для перевозки угля в шахте.

Приказом Главуглемаша от 14 марта 1952 г. № 204 завод переименован в Скопинский машиностроительный завод Главуглемаша Минугля СССР.

Выпуск электровозов продолжался по 1953 г., а с 1954 г. эти производственные площади используются цехами – учебным и термическим.

В 1957 г. закончено строительство и принят в эксплуатацию цех скребковых и пластинчатых цепей с шагом 50,8 мм, 100 мм. В 1958 г. была построена новая школа им. Горького.

В 1957 г. завод получил задание организовать производство автомобильных запчастей на территории бывшей Чулковской МТС, где производственные площади равнялись 1000 кв. м. На этой территории в течение года построен корпус площадью 5000 кв. м, гальванический цех, склады и ряд других подсобных помещений, обеспечено энергоснабжением и теплом, а с 1958 г. начат выпуск амортизаторов для автобусов, для грузовых и легковых автомашин, а также тормозных кранов с сигналом «стоп» и другие автозапчасти.

Приказом Рязанского Совнархоза от 15 ноября 1962 г. эти цеха были реорганизованы в отдельное предприятие «Автодеталь» (будущий Скопинский автоагрегатный завод) и передан Министерству автомобильной промышленности.

С 1963 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об укрупнении сельских районов, об образовании промышленных районов и городов Рязанской области» было изменено административное подчинение поселка. Город Скопин стал центром сельского и промышленного районов г. Скопин. В состав промышленного вошли: Скопин, рабочие поселки Горняк, Металлург, Октябрьский, Побединский (с 1963 г. Заречный), Поплевинский и Центральный. Сельский район включал территорию Скопинского и Милославского районов. Однако уже в 1964 г. (после смещения Н.С. Хрущева с руководящих постов в партии и государстве) из-за неэффективности эта реформа была свернута, а разделение на сельские и промышленные районы ликвидировано.

В 1962 г. был построен новый клуб. С 1964 по 1968 гг. были построены: водокачка, водонапорная башня, проведен водопровод в квартиры, построены очистные сооружения, завершена канализация завода и всего поселка, завод и поселок обеспечены центральным отоплением от ЦЭС, построен стадион, заасфальтирована территория завода и ряд улиц поселка, оборудована автоматическая телефонная станция и кабельная связь с городом на расстоянии 16 км.

В 1968 г. построена компрессорная станция. В 1973 г. построены: детский сад на 150 мест и профилакторий на 50 мест.

С 1971 г. начата газификация завода и жилфонда поселка, вначале жидким газом пропан-бутаном, а в дальнейшем природным газом. В данное время более 90 % жилфонда поселка пользуется природным газом, а на заводе ряд печей и котельная работают на природном газе, в результате чего воздух в поселке стал значительно чище.

В поселке завода работала вечерняя школа рабочей молодежи (с 1950 по 1977 г.). В это время получили среднее образование 1122 человека, восьмиклассное образование – 534 человека.

С 1958 по 1971 г. работал филиал Скопинского горно-машиностроительного техникума, с 1972 по 1977 г. – Скопинский филиал Узловского машиностроительного техникума. За это время выпущено 797 человек, в том числе рабочих завода 503 человека.

В 1983 г. на заводе построена новая котельная для центрального отопления цехов и служб завода, а так же жилфонда поселка.

В 1947 г. жилфонд поселка составлял 7475 кв. м.

С 1947 по 1957 г. жилфонд поселка увеличился на 6703 кв. м.

С 1957 по 1967 г. – на 6367 кв. м.

С 1967 по 1977 г. – на 6714 кв. м.

С 1977 по 1984 г. – на 2816 кв. м¹.

В 1953 г. Механический поселок стал носить название Побединский, а указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 760 от 23 октября 1963 г. рабочий поселок Побединский Скопинского промышленного района Рязанской области был переименован в Заречный². На территории поселка в это время действовали 2 клуба, 3 медпункта, амбулатория, 2 детских яслей, детский сад, школа-интернат, 2 столовые, 2 магазина, хлебозавод, швейная мастерская, парикмахерская, машиностроительный завод и электростанция³.

По административно-территориальному делению, действовавшему на 1 января 1970 г., поселок Заречный подчинялся Скопинскому горсовету⁴.

В 1995 г. Заречный приобрел статус поселка городского типа. Решением Скопинского городского Совета депутатов от 9 декабря 2004 г. № 94/16 «О наименовании жилых районов Октябрьский и Заречный, территорий бывших поселков Коготково, Комсомольский города Скопина Рязанской области» жилой район Заречный стал именоваться микрорайоном Заречный города Скопина (с включением в территорию микрорайона территории бывшего поселка Заречный и жилых застроек ЦЭС-1 и ЦЭС-2). В 2006 г. население микрорайона Заречный составило 3185 человек, из них трудоспособного возраста – 1558 человек, старшего возраста – 1045 человек, учащихся – 372 человека, дошкольного возраста – 183 человека.

По состоянию на 2015 г. на территории микрорайона Заречный города Скопина работают Дом культуры, средняя общеобразовательная школа им. Горького, детская музыкальная школа, школа-интернат, детский сад, амбулатория, поликлиника, аптека, стадион «Машиностроитель», рынок площадью 1000 кв. м, 8 магазинов, 5 торговых павильонов, почтовое отделение, отделение электросвязи, филиал Сберегательного банка России, баня, отделение «Скорой помощи», пожарная часть⁵. На базе бывшего Скопинского машиностроительного завода создан Скопинский завод горно-шахтного оборудования. 13 февраля 2015 г. на здании школы им. М. Горького были открыты мемориальные доски в честь ее выпускников Алексея Елагина и Геннадия Матюшина, погибших в ходе выполнения интернационального долга в Демократической Республике Афганистан в 1979–1989 гг.

---

¹ *Продай И.В.* История Скопинского машиностроительного завода (пос. Заречный). <http://www.history-ryazan.ru/node/13259>.

² Архив Скопинского района, ф. 8, л. 1.

³ Там же.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года, Рязань, 1971. – С. 14.

⁵ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ЗАТВОРНОЕ

село

(сельское поселение Горловское)

Первое упоминание о старинном скопинском селе Затворном относится ко 2-й пол. XVII в. 20 (30) марта 1666 г. царь Алексей Михайлович направил скопинскому воеводе «Андрею Мерчукову по челобитью села Задворного (в печатном тексте название села ошибочно передано как Заботное. – *Примеч. авторов*) крестьянина Оскина жены Бирюкова Офимьицы о сыску про Денисова налоги Остафьева (прежнего воеводы. – *Примеч. авторов*) мужу ее. Отдана грамота ей, Офимьице, того ж числа послана». Дело это довольно долго занимало государя: известно, что 19 (29) июня 1666 г. в Скопин была отправлена новая царская грамота «о сыску про Дениса Остафьева против челобитья крестьянина Оскины жены Бирюкова против прежнего отпуску»¹.

В окладных книгах монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г. впервые упоминается Христорождественский храм в Затворном. В документе сообщается: «Церковь Рождства Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в селе Затворной Поляне. Двор попа Захария, двор дьячка Григория, церковной пашни десеть четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на пятьдесят копен. В приходе шестьдесят шесть дворов крестьянских, семнадцать дворов бобьельских и нищих пришлых людей, и всего восемьдесят пять дворов»². «По окладу 1676 г. дани с означенной церкви, вместо 24 алт[ынов] 5 ден[ег], положено «один рубль тридцать три алтына зденгою»³. Первым известным священнослужителем храма был поп Захария, упоминавшийся под 1676 г.⁴

В толковом словаре В.И. Даля – «затворять, затворь ж. тамб. мельничное творило, вешняк, западня, подъемный щит на запрудах, отделяющий верхнюю воду от нижней»⁵. Название селу, скорее всего, было дано по местности – Затворной поляне. На планах Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. в 400 сажнях (864 м) от села, ниже по р. Сухой Таболы, изображена плотина, возможно, существовавшая и в XVII в. Так как регулировка уровня воды была устроена с затвором, то именовалась она, видимо, Затворной, как и поляна неподалеку от нее. Но такое прозаическое объяснение, вероятно, не устраивало местных жителей. И родилась легенда: «На Затворной поляне, где в начале XVII в. возникло селение, по местным преданиям, жил в землянке затворник, уединившийся от всех людей в лесную глушь. Одни говорили, что в молодости он был разбойником и душегубом, другие рассказывали, что он ушел в лес потрясенный страшной бедой – его жена и дети сторели в большом пожаре, когда самого его не было дома»⁶.

¹ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. – С. 1174, 1205.

² Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004. – С. 356–357.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 226.

⁴ Там же, с. 227.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 577.

⁶ *Левшин Н.Н.* ГАРО, ф. Р-6713, оп. 1, д. 15, л. 220.

В 1654 г., после кончины бездетного боярина Никиты Ивановича Романова, последнего представителя боковой линии царской семьи, скопинская вотчина перешла в собственность царя Алексея Михайловича. С 1663 г. в вотчине, включавшей и город Скопин, было организовано значительное хозяйство. Крестьяне окрестных сел, в том числе и Затворного, несли различные повинности, поставляли столовые запасы ко двору и для нужд войска. По переписным книгам 1675 г., они поставили свиного мяса 61 пуд (9,76 ц), 46 баранов, 46 гусей, 92 утки и 91 сушеную курицу. В селе тогда насчитывалось 92 двора, население составляло 401 человек. Основной обязанностью крестьян была обработка царской десятинной пашни. На двор приходилось половина десятины в одном поле или полторы в трех полях. Крестьянские хозяйства использовались для выращивания скота, особенно молодняка. Ущерб казне от падежа скота взыскивался с крестьян. По отпискам из Скопина в Тайный приказ на 1666 г., в самом городке в «скотье дворе: старых 390 овец, 8 баранов, молодых 141 баран, 138 ярок, 470 свиней, 30 боровов старых, да приплодных 50 поросят годовых, 370 поросят зимних, 362 поросенка вешних <...>, а Скопинским де крестьяном роздано при Денисе Остафьеве на бараны на 916 дворов, а оброчных баранов иметь с них по барану на год з двора».

Переписная книга 1710 г. свидетельствует, что в петровские годы в селе было 68 домов крестьянских и 8 солдатских¹. О Затворном в ней сказано: «...Церковь во имя Рождества Христова, у той церкви поп Ефрем Васильев сын, у него попадя Ирина Семенова <...>, поп Александр вдов <...>, дьячок Петр Захаров сын Попов <...>, солдатских восем дворов, в них мужеска пола деветнатцать человек, в том числе женатых одинатцать человек <...>, женска пола семнатцать человек <...>, крестьянских шесдесят восемь, в них мужеска пола двести тритцать восемь, в том числе, женатых сто деветнадцать человек <...>, женска пола двести шеснадцатъ человек <...>, против переписной книги 186 (1678) года выбраны из них крестьян в солдатскую службу, которые и ноне в переписной книге на лицо написаны, восем дворов и пятнатцать дворов жители в прошлых годах, а в который год, того неупомнят, померли, а после тех умерших детей их и свойственников никого не осталось, а дворовое строение обветшало и развалилось»².

В 1732 г. село Затворное в составе Скопинской дворцовой волости было приписано к новоучрежденной дворцовой Конюшенной канцелярии. Местные крестьяне стали коннозаводскими. Большая часть их повинностей отныне была связана с разведением лошадей для нужд армии на окрестных конных заводах. Жители Затворного выращивали овес, заготавливали сено, ремонтировали и строили конюшни и строения, необходимые для хранения зерна. На окраинах села в 1758 г. было 4 житницы и 3 овина для хранения и обмолота урожая. Молоченый и не молоченый хлеб находился «под охранением» специально отряженных для этой цели крестьян. В Затворном в тот год у крестьянина Кирилы Полухина ржи молочной было одна четверть, не молочёной – 218 копен и два крестца, а по опыту, то есть по пробному умолоту, 148 четвертей 5 четвериков; овса молоченого – 30 четвертей и 4¼ четверика и не молоченого 36 копен, по опыту же 10 четвертей 1¼ четверика; конопляного семени 1 четверть и 2 четверика, да у Прокофья Потошнова покушного овса 66 четвертей 2 четверика. В недоимках числились крестьяне Марк и Карп Халатковы – 118 четвертей ржи, «по роду» в 1746 и 1747 гг.

Недостача казенного хлеба строго взыскивалась с хлебоустроителей. Так, например, по «неявившемуся», то есть недомолоченному зерну, в 1758 г. на хлебоустроителе Акинфее Ха-

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 532; Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. – С. 1198.

² РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 511 об, 532–532 об, 534.

латкове числился долг в размере более 40 четвертей ржи. Взыскивали и за сено, которое крестьяне не каждый год могли доставить. В частности, в 1757 г. на конюшенный двор было недопоставлено 9 копен сена и еще 56 пудов. Скопинская канцелярия докупила это сено, но на крестьян была начислена его стоимость – 59 рублей.

Также в окрестностях Затворного крестьянами заготавливался камыш для покрытия казенных конюшен и строений, а также лес для их постройки. В 1757–1758 гг. местные поселенцы должны были заготовить 104 бревна и 278 решетин на сумму 9 рублей 2 копейки. Их стоимость затем засчитывалась в счет оплаты различных податей¹. Значительное количество леса в этот период было заготовлено недалеко от села задворным конюхом Волковым. «Усмотрено-де им Скопинской волости при селе Затворном в крестьянских дачах лесу – слег до трех сот решетин – длины семи аршин, толщина трех вершков – дочетырех тысяч, а кроме де того годных против данного о исчислении лесов как в казенных, так и в крестьянских дачах ничего не отыскалось». Поэтому лес вывозился волостными крестьянами из других мест, но уже покупной. Строевой лес «в селах Пустотине, Лесунове и Троицком, от них шесть-семь верст, а от Скопина в шестидесяти... ежели крестьянам дано будет по договору в сентябре месяце половинное число денег и тот лес преуготовят» – докладывал пищик скопинской канцелярии Пафнутьев².

«Под 1734 г. в селе Затворном при 61 дворе в причте показано 2 попа, дьячок и пономарь»³. На протяжении XVIII в. в сельской Христорождесвенской церкви служили священники Александр Лукьинов (был рукоположен в 1705 г.), Ефрем (был пострижен в монахи в 1734 г.), Леонтий (упоминается в 1734 г.), Павел Ефремов (был рукоположен в 1734 г.), Лев Леонтьев (упоминается в 1745 г.), Ерофей Львов (был рукоположен в 1745 г.), Евтропий Ерофеев (упоминается в 1760 и 1789 гг.) и Авксентий Евтропиев (упоминается в 1774–1806 гг.)⁴.

В черновиках экономических примечаний к плану Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. село Затворное описывается как лежащее «по обе стороны верха Прошенова колодца при речке Сухая Тобола, в коей плотва, пескари, гальцы <...>, церковь Казанской Пресвятой Богородицы». В более поздней версии примечаний «в Затворном по последней ревизии 1761–1765 гг. 117 дворов, 239 душ мужского и 261 душа женского пола, и лежит на правой стороне безымянного отвершка и по обе стороны Прошеного колодезя и речки Сухая Тобола. Церковь деревянная во имя Казанской Пресветыя Богородицы»⁵.

По преданию, название родника в Затворном – «Прошенный колодезь» – связано с легендарной красавицей Прошеной, возлюбленной разбойника Косога. Однако, скорее всего, поэтическая легенда возникла для того, чтобы объяснить уже устоявшееся название. Оно, видимо, было указанием на целебный характер или, во всяком случае, на безопасность употребления местной воды для питья. В «Ученых записках Императорской академии наук» слово «простить» определено в народном употреблении в значении «избавить» (в смысле избавить от недуга, болезни)⁶. В Словаре русского языка XI–XVII вв. одно из значений слова «прошение» – освобождение от болезней, страданий, исцеление. Например, как в следующих летописных строках, относящихся к 1431 г.: «Того же льта от Можанска града за

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 76, 81 об, 90 об-91 об, 98 об.

² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 112, д. 60169, л. 68 об.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 226.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 9; д. 1241, л. 22 об.

⁶ Ученые записки Императорской академии наук. Т. 4. – СПб., 1856. – С. 206.

10 верьсть <...> от иконы пресвятыя Богородица явилося жалования и прощения людем много: слъпымъ, хромым, раслаблным, глухым и немым»¹.

На чертеже (карте) межевания 1779 г. видно, что село Затворное располагалось по обе стороны р. Сухая Тобола. На левом берегу реки строения начинались в полуверсте от ее истока и лежали от русла на расстоянии до 250 сажений (540 м). К реке спускались крестьянские огороды, в то время как избы стояли напротив их вдоль улицы на взгорье. Ниже по течению реки находилась вторая часть улицы, устроенная таким же образом. В промежутке между ними, протяженностью до 100 сажений (216 м), стояла церковь. Крестьянские избы заканчивались примерно в 100 саженьях (216 м) от верха Козье болото. Верхом в то время называли балку или овраг с протекающим ручьем. На правом берегу реки избы стояли от безымянного ручья, впадавшего в Сухую Тоболу напротив церкви, до русла ручья Прощеный колодезь. И здесь к реке спускались огороды, но были и другие, за задами крестьянских домов. Эта улица имела длину около 150 сажений (324 м) и, как видно, появилась позднее: на плане 1779 г. еще видны противопожарные «прожоги» – разрывы между тремя секциями улицы, которые здесь еще не успели застроить. В 250 саженьях (540 м) за Прощеным колодезем находился верх Кутырки с впадающим в него Гнилым оврагом. В 300 саженьях (648 м) ниже по течению от места впадения верха Кутырки в Сухую Тоболу находилась затворная плотина с прудом².

В 1801–1804 гг. в Затворном на средства прихожан была построена каменная Христорождественская церковь с Казанским приделом. Из служивших в ней в XIX в. священников известны Евтропий Авксентиев (в 1806–1829 гг.), Алексей Евтропиев Гиацинтов (в 1829–1849 гг.), Георгий Федорович Новиков (в 1849–1878) и Александр Федорович Боголепов (в 1878 – после 1886 гг.)³. Последний в 1886 г. был благочинным над 18 церквями уезда⁴.

По материалам последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Затворном проживало государственных душевых крестьян 1117 душ мужского пола и 1114 – женского.

В 1861 г. в Скопинском уезде были образованы волости. С этого времени и до 1929 г. село являлось центром Затворнинской волости.

С 1844 г. в Затворном действовала сельская школа, открытая местным священником Г.Ф. Новиковым и его женой в их собственном доме. В 1866 г. в ней обучались 50 мальчиков и 15 девочек. Средства для содержания школы предоставлялись Палатой государственных имуществ⁵. В 1875 г. священник Г.Ф. Новиков все еще состоял законоучителем и учителем Затворненского мужского сельского училища, где обучались 55 мальчиков. На содержание училища сельское общество платило ему 200 рублей в год. В 1874 г. 25 рублей на пособие учителю также выделило Скопинское уездное земство⁶.

Природные условия Затворного благоприятствовали для развития мукомольного промысла. В 1860-х гг. на западной и юго-восточной окраинах села располагались 13 ветряных мельниц. К 1868 г. их количество несколько сократилось: в Затворном остались только 8 ветряных и 1 водяная мельницы. В селе ежегодно проводились ярмарки 8 июля и 22 октября⁷.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. – М.: Наука, 1993. – С. 13–14.

² РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр..

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 226–227.

⁴ Календарь Рязанской губернии на 1886 год. – Рязань, 1886. – С. 73.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 236–237.

⁶ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 431.

⁷ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 606–607.

В 1871 г. к Христорождественской церкви в Затворном была пристроена трапезная. Тогда же был разобран и расширен старый Казанский придел и пристроен новый – Никольский. «...В 1881 г. в обоих приделах поставлены были новые иконостасы. При церкви земли во владении причта состоит ныне (в 1884 г. – *Примеч. авторов*) 33 десятины (36 га); в состав прихода, кроме села Затворного с 430 дворами, входит деревня Писаревка с 25 дворами, получившая свое название от имени владельца помещика Писарева и населенная в начале нынешнего столетия; в них числится мужского пола 1686, женского пола 1762. <...> По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 2 псаломщика»¹.

По переписи населения 1882 г., в Затворном было 460 домохозяйств, в которых проживали 1727 мужчин и 1709 женщин. Грамотой в селе владели 95 мужчин и 1 женщина. Затворнинское сельское общество располагало 3810 десятинами (4153 га) земли, из которых 42 десятины (45,8 га) находились в соседних Сапожковском и Рязском уездах. На ревизскую душу приходилось 3,4 десятины (3,7 га), на работника 4,6 десятины (4,6 га). Более половины дворов обрабатывали наделы самостоятельно, без найма работников. Безлошадных было 195 дворов, то есть около 40 %. Дворов без лошади и коровы насчитывалось 87. Из 461 избы 41 была построена из кирпича, «по-белому» топились 26 домов. Все избы были покрыты соломой. В селе работали 7 мастеровых, функционировали 10 промышленных заведений, 3 кабака, 4 лавки, в отхожих промыслах числилось около 500 мужчин. Недоимки общества по сборам составляли 1489 рублей².

В конце XIX в. село не производило впечатления бедности и отсталости. По сравнению со многими соседними населенными пунктами показатели уровня его социального развития выглядели даже очень неплохо. При этом, однако, Затворное пользовалось в округе славой центра «профессионального нищенства». Не исключено, что из 500 человек, числившихся в 1882 г. «в отхожих промыслах», большинство занималось именно им.

В большом селе не обходилось без происшествий. В хронике «Рязанских губернских ведомостей за 1882 г. сообщается: «20 февраля Скопинского уезда в с. Затворном сгорели от неизвестной причины крыши на домах отставного рядового Лукина и крестьянина Лукина, убытка понесено на 140 руб.»³ «20 апреля проживавший Скопинского уезда в селе Затворном бессрочно-отпускной рядовой Матвей Палкин изранил неизвестно за что сапожным шилом крестьян того села: Андрея Петрова с сыном, Родиона Александрова, Тимофея Иевлева и рядового Михаила Матвеева»⁴. «Рязанский окружной суд на основании 846 ст. уст. Угол. Суд. разыскивает: крестьянина Скопинского уезда, села Затворного, обвиняемого в краже со взломом. Приметы разыскиваемого: 38 лет, волосы и брови светло-русые, глаза серые, нос и рот обыкновенные, лицо чистое, особых примет нет»⁵.

Начало 1883 г. заметного позитива к жизни крестьян села не добавило. События в жизни села не выходили за рамки привычной канвы: пожары, иногда кражи, голод, болезни. «В ночь на 4 января в гор. Скопине с постоялого двора мещанки Ольги Николаевой Воротниковой неизвестным лицом украдена принадлежащая крестьянину с. Затворного Ивану Трофимову лошадь – кобыла буланой масти, 8 лет, грива на правую сторону, с ременным хомутом и неуздом; причем похитителем взамен этой лошади оставлена своя кобыла рыже-

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 226.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 74–79; Карта А.И. Менде 1850г., 1 см – 420 м.

³ Рязанские губернские ведомости, № 23. – 1882. – 24 марта.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 34. – 1867. – 10 мая.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 29. – 1882. – 24 апреля.

чала, с белой лысиной на голове, стоящая гораздо дешевле украденной»¹. 15 января «сгорел от образовавшейся в печи трещины верх на доме, занимаемом волостным правлением; убытка понесено на 700 руб.»² В июле 1883 г. уменьшилось на одну единицу количество действовавших в селе промышленных заведений: «В ночь с 29 на 30 июня Скопинского уезда в с. Затворном сгорела от неизвестной причины крестьянская мельница; убытка понесено на 1015 р.»³ Пожары в больших селах случались по 5–6 раз в год, нередко от умышленного поджога. «25 июля Скопинского уезда в с. Затворном сгорело от неизвестной причины 4 крестьянских дома с надворными строениями и ригами; убытка понесено на 1650 руб.»⁴

Голод и нищета русской деревни в XIX в. были настолько обыденными явлениями, что местные власти даже не считали необходимым делать что-либо для улучшения положения крестьян. Когда обеспокоенные представители общественности через прессу пытались обратить внимание рязанского губернского начальства на особо вопиющую ситуацию в отдельных уездах, это вызывало у него раздражение. Судить о нем можно по статье «Опровержение», появившейся в «Рязанских губернских ведомостях» за 1883 г. в ответ на публикацию в либеральной петербургской газете «Голос». В ней, в частности, сообщалось: «В № 6 газеты «Голос» помещено письмо из Рязани «о страшной нищете, в которую поставлен весь юг губернии в нынешнюю зиму». В этом сообщении объясняется, что «у всего почти населения южных уездов хлеб с лебедою и другими непитательными отбросами *перестал быть лакомым блюдом*»; что «теперь поселяне кормятся там исполу со скотиной, мешая хлеб со ржаной резкою, отрубями всех сортов и мякиною, не брезгуя и той, которая предназначалась служить подножным кормом для скота»; что «сильный недород всех вообще хлебов отзывается полною голодовкой, совершенною нищетою и самою отчаянною нуждой» и «нужда эта такова, что появляется уже заболеваниями сельчан голодным тифом и распространением между ними разных эпидемических болезней»; что «большинство поселян, не имея ни топлива, ни хлеба, еще с осени стало закладываться у местных кулаков, а крестьянский скот с осени же распродан *почти весь*; и что «замерзших считают уже десятками: мерзнут даже малые дети в избах». На сих днях, по поводу приведенного сообщения газеты «Голос», от рязанского губернатора получено подробное, основанное на собранных им, при содействии земства, ближайших местных данных, донесение, из коего усматривается, что это сообщение представляет положение южных уездов Рязанской губернии в совершенно извращенном виде. Так: <...> 3. В *Скопинском* уезде в некоторых деревнях, весьма впрочем немногих, крестьяне хотя и подмешивают в ржаную муку часть лебеды, но это случалось и в прежние годы, когда отдельные семейства постигали случайные бедствия. И теперь случаи подобного рода являются исключительными, но случаев смерти от голодного тифа положительно не было. Не составляют также чего-либо исключительного и бывшие в уезде замерзания (всего шесть), так как они имели место и прежде во время метелей и от неумеренного употребления водки. Но замерзания детей в избах, равно как и повсеместной распродажи скота, осенью не было. Существующие же в Скопинском уезде каменноугольные копи дают столько местных заработков, что крестьяне могут свободно продовольствоваться при самой сильной нужде»⁵.

Плачевное состояние многих домохозяйств превращало даже проводившиеся властями профилактические меры по предотвращению возможного голода в обузу для крестьянско-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 28. – 1883. – 9 апреля.

² Рязанские губернские ведомости, № 16. – 1883. – 23 февраля.

³ Рязанские губернские ведомости, № 56. – 1883. – 27 июля.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 68. – 1883. – 7 сентября.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 16. – 1883. – 23 февраля.

го населения. В записке от 31 мая (12 июня) 1889 г. и.д. правителя канцелярии рязанского губернатора В.И. Мартынович-Лашевский сообщал в Департамент полиции о сопротивлении крестьян села Затворного взысканию с них недоимок по денежному сбору на хлебные запасные магазины, предназначавшиеся к использованию в случае голода. Он писал: «Три общества крестьян Затворнинской волости, заменив натуральную хлебную засыпку в запасные магазины денежным сбором, до настоящего года, несмотря на все принимаемые меры понуждения, уклонились от платежа этого сбора. В настоящем году 2 общества после составления описи имущества неплательщиков и назначения торгов внесли следующий с них сбор; третье общество продолжало упорствовать.

Для продажи имущества упорных неплательщиков были назначены 24 февраля торги, но таковые не состоялись за неявкой покупателей. В этот же день около волостного правления собралась толпа крестьян, которая с шумом заявила, что платить недоимку не будет, что взыскание незаконно, что продовольственные деньги принадлежат крестьянам, и что продажу имущества не допустят.

Из толпы особенно выделялись 13 человек, видимо имевших влияние на остальных, и распространяли между крестьянами слух, что в Тульской губ. таких сборов не платят.

О вышеизложенном пристав 2-го стана составил акт, и зачинщиков в числе 13 человек привлек к ответственности у мирового судьи Скопинского округа 3-го участка по ст. 37 Уст. о наказ., нал. мир. суд.

Между тем, на 4 марта вновь были назначены торги на продажу имущества крестьян, упорствующих в платеже вышеобъясненного сбора, а 3 марта мировой судья, разобрав дело о 13 обвиняемых в распространении ложных слухов, подверг аресту 4 человек на 2 недели, 2 – на десять дней и 7 человек – на 7 дней. Осужденные остались недовольны и изъявили неудовольствие.

В день вторичных торгов, т.е. 4 марта, в село Затворное прибыл уездный исправник, дабы лично наблюдать за производством становым приставом торгов. В то же время в сказанное село явились, вследствие распоряжения исправника, для наблюдения за порядком трое старшин из соседних волостей с понятыми, 3 урядника и полицейский служитель, уроженец села Затворного. Кроме того, в качестве местных понятых уездный исправник пригласил от каждой сотни местных крестьян по два, а всего 37 человек.

Перед началом торгов уездный исправник, собравши всех понятых в волостном правлении, объяснил им порядок торга и их обязанности. После чего понятые от недоимщиков объяснили исправнику, что они не платили и не заплатят недоимку, потому что так советовал им настоящий их старшина Хлопотов, когда еще не был старшиной, и они ему верят. По поводу сего уездный исправник понятым из недоимщиков сделал надлежащее разъяснение.

Затем был установлен такой порядок продажи: дабы выгнанный разом весь описанный скот не перемешался, предположено начать продажу с № 1 по описи и, идя по порядку, продавать сначала жеребят и телят, как менее необходимых в крестьянском хозяйстве, а за ними таковых продавать овец.

По установлении порядка продажи были вызваны крестьяне Николай Степанов, Яков Ильин, Филипп Парамонов и Алексей Яковлев, которые по предложению станового пристава привести скот к волостному правлению отказались. Тогда пристав выбрал из местных крестьян в качестве понятых Ефима Аксенова, Петра Евстропова, Алексея Трофимова, Степана Курганова и Петра Ермилова, но из них только один Петр Ермилов не ослушался приказания пристава и вместе с ним, а также с сторонними понятыми, отправились отбирать от недоимщиков скот.

Крестьяне, от которых нужно было отобрать скот, заперлись в домах и не отпирали их, несмотря на стук и приглашение отворить двери; пришлось при помощи сторонних понятых сломать двери и разыскивать попрыганный скот на чердаках, в чуланах и погребках и отбирать таковой, устраняя сопротивление баб. Таким образом, отобранный скот от первых 6 домов на подводах под охраной понятых и урядников был доставлен к волостному правлению и продан с аукциона. При отобрании скота у следующих домов, толпа крестьян, начавшая собираться, когда еще отбирали скот в первых 6 домах, все более и более увеличивалась, мешаясь с бабами и подростками. Оттесняемая с одной стороны урядниками и понятыми, толпа начинала напирать с другой. Продолжая так маневрировать, толпа, уловив минуту, оттеснив урядников и понятых, накинулась на подводы со скотом и растащила таковой.

Собрав понятых и урядников, уездному исправнику удалось оттеснить толпу, которая хотя рассеялась, но не разошлась. Как отдельные лица, выдававшиеся из толпы до ее нападения на подводу, так и лица, тем или другим путем возбуждавшие толпу к нападению и первые кинувшиеся отбивать скот, обнаружены и выяснены при помощи городского, как выше сказано, уроженца села Затворного.

Когда уездный исправник с прочими чинами полиции направился к волостному правлению для составления протокола, толпа снова кинулась на подводчиков и лошадей сторонних понятых, а потом он вновь должен был принять меры, чтобы разогнать толпу и здесь же в соседнем доме становым приставом был составлен протокол. Толпа, побуждаемая крестьянином Шемберь, не расходилась, хотя новых нападений не делала. Ввиду такого возбуждения крестьян уездный исправник приостановил торги, а для сопровождения и охраны покупателей ввиду разошедшегося слуха, что крестьяне хотят, дорогой избив их, отнять купленный скот, – отрядил урядника и нескольких понятых.

Оставив для наблюдения за порядком в селе Затворном местного урядника, уездный исправник возвратился в город Скопин, а оставленный протокол передал судебному следователю.

Донося о произошедшем в селе Затворном упорстве крестьян, уездный исправник при совокушил, что, по собранным сведениям, он пришел к такому заключению, что толпа взволновалась благодаря влиянию нескольких мироедов, извлекающих выгоду из беспорядков. Часть из них фигурировала 3 марта у мирового судьи; все они получают за это вознаграждение от общества, как страдающие за мир. На руках не сборщиков податей, а у мироедов находилось 200 руб. сер[ебром], полученные за общественные арендные статьи, и эти деньги они расходовали по своему усмотрению.

Через 2 дня после торгов, а именно 6 марта, в селе Затворном, по распоряжению сельского старосты был собран сельский сход, на котором были избраны уполномоченные Яков Пирызев, Никифор Бодров и Дмитрий Кулаков, которые, явившись к уездному исправнику, заявили, что они осознали свою ошибку и предложат обществу добровольно платить недоимку.

На втором сходе, состоявшемся по прибытии уполномоченных в село Затворное, большинством голосов решено заплатить недоимку по продовольственному капиталу. К 15 марта уполномоченные собрали по 1 руб. с ревизской души, и деньги эти того же числа внесли в земскую управу и тем погасили недоимку.

По делу о сопротивлении крестьян села Затворного, оказанном при продаже имущества, к ответственности привлечено 30 человек, из коих 5 человек заключены в тюрьму¹. Дело о крестьянах из Затворного разбиралось Рязанским окружным судом в Скопине 17 апреля

¹ Крестьянское движение в России в 1881-1889 гг.: Сборник документов. – М.: Соцэкгиз, 1960. – С. 716–718, 774.

1889 г. Из числа привлеченных к суду 29 человек (в том числе 8 женщин) двое приговорены к заключению в тюрьму на 4 месяца, остальные к аресту при полиции на разные сроки; один на месяц, 25 – на 3 недели, один – на 7 дней.

В 1891–1893 гг. масштабный голод, ставший следствием нескольких неурожайных лет, охватил ряд центральных губерний России. Не миновал он Рязанской и Тульской губерний. Для борьбы с голодом были мобилизованы значительные государственные средства и частные пожертвования. Многие частные благотворители, не доверяя официальным структурам, предпочитали передавать свои взносы пользовавшимся авторитетом общественным деятелям, прилагавшим свои усилия параллельно с государством. Одним из них был писатель Л.Н. Толстой. Во время голода он неоднократно приезжал и подолгу жил в усадьбе Бегичевка Данковского уезда Рязанской губернии¹, принадлежавшей его другу И.И. Раевскому. Оттуда Л.Н. Толстой координировал работу своих последователей по организации помощи голодавшим в Епифанском и Данковском уездах.

В феврале 1892 г. одному из жителей Затворного довелось побеседовать с великим русским писателем. 29 февраля (12 марта) 1892 г. Л.Н. Толстой сделал в своем дневнике следующую запись: «...Третьего дня было поразительное: выхожу утром с горшком на крыльцо – большой, здоровый, легкий мужик, лет под 50, с 12-летним мальчиком, с красивыми, выючимися, отворачивающимися кончиками русых волос. «Откуда?» Из Затворного. Это село, в [котором] крестьяне живут профессией нищенства. Что ты? Как всегда, скучное: – К вашей милости. – Что? – Да не дайте помереть голодной смертью. Все проели. – Ты собираешься? – Да, довелось. Все проели, куска хлеба нет. Не ели два дня. – Мне тяжело. Все знакомые слова и все заученные. Сейчас. И иду, чтобы вынести пятак и отделаться. Мужик продолжает говорить, описывая свое положение. Ни топки, ни хлеба. Ходили по миру, не подают. На дворе мятель, холод. Иду, чтоб отделаться. Оглядываюсь на мальчика. Прекрасные глаза полны слез, и из одного уже стекают светлые, крупные слезы. Да, огрубевашь от этого проклятого начальства и денег»².

Впечатления от этой встречи писатель позднее развил в одной из своих статей, посвященных бедствиям голодающих: «Мы притерпелись и уже ничего не видим. <...> Здесь, когда они с утра до вечера стоят под окнами или в дверях, и нельзя по улице пройти, чтобы не слышать все одних и тех же фраз: «Два дня не ели, последнюю овцу проели. Что делать будем? Последний конец пришел. Помирать, значит?» и т.д., – здесь, как ни стыдно в этом признаться, это уже так наскучило, что как на врагов своих смотришь на них. Встаю очень рано; ясное морозное утро с красным восходом; снег скрипит на ступенях, выхожу на двор, надеясь, что никого еще нет, что я успею пройтись. Но нет; только отворил дверь, уже двое стоят: один высокий широкий мужик в коротком, оборванном полушубке, в разбитых лаптях, с истощенным лицом, с сумкой через плечо (все они с истощенными лицами, так что эти лица стали специально мужичьи лица). С ним мальчик лет 14-ти, без шубы, в оборванном зипунишке, тоже в лаптях и тоже с сумой и палкой. Хочу пройти мимо, начинаются поклоны и обычные речи. Нечего делать, возвращаюсь в сени. Они всходят за мной. – Что ты? – К вашей милости. – Что? – К вашей милости. – Что нужно? – Насчет пособия. – Какого пособия? – Да насчет своей жизни! – Да что нужно? – С голоду помираем. Помогите сколько-нибудь. – Откуда? – Из Затворного. Знаю, это скопинская нищенская деревня, в которой еще мы не успели открыть столовой. Оттуда десятками ходят нищие, и я тотчас же в своем

¹ Ныне в Липецкой области.

² *Толстой Л.Н.* ПСС. – Т. 52. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1952. – С. 64.

представлении причисляю этого человека к нищим профессиональным, и мне только досадно на него и досадно, что и детей они водят с собой и развращают.

– Чего же ты просишь? – Да как-нибудь обдумай нас. – Да как же я обдумаю? Мы здесь не можем ничего сделать. Вот мы приедем... Но он не слушает меня. И начинаются опять сотни раз слышанные одни и те же кажущиеся мне притворными речи: «Ничего не родилось, семья 8 душ, работник я один, старуха померла, летось корову проели, на Рожество последняя лошадь околела, уж я, куда ни шло, ребята есть просят, отойти некуда, три дня не ели!» Всё это обычное одно и то же. Жду, скоро ли кончит. Но он всё говорит: «Думал, как-нибудь пробьюсь. Да выбился из сил. Век не побирался, да вот... Бог привел!» – «Ну, хорошо, хорошо, мы приедем, тогда увидим», – говорю я и хочу пройти и взглядываю нечаянно на мальчика. Мальчик смотрит на меня жалостными, полными слез и надежды прелестными карими глазами, и одна светлая капля слезы уже висит на носу и в это самое мгновение отрывается и падает на натоптаный снегом дощатый пол. И милое, измученное лицо мальчика с его вьющимися венчиком кругом головы русыми волосами дергается всё от сдерживаемых рыданий. Для меня слова отца – старая, избитая канитель. А ему – это повторение той ужасной години, которую он переживал вместе с отцом, и повторение всего этого в торжественную минуту, когда они, наконец, добрались до меня, до помощи, умиляют его, потрясают его расслабленные от голода нервы. А мне всё это надоело, надоело; я думаю только, как бы поскорее пройти погулять. Мне старо, а ему это ужасно ново. Да, нам надоело. А им всё так же хочется есть, так же хочется жить, так же хочется счастья, хочется любви, как я видел по его прелестным, устремленным на меня, полным слез глазам, хочется этому измученному нуждой и полному наивной жалости к себе доброму жалкому мальчику¹.

По составленному Л.Н. Толстым «Отчету об употреблении пожертвованных денег с 12 апреля по 20 июля 1892 года», число организованных им за это время бесплатных столовых для голодающих значительно увеличилось. В частности, в Затворном Скопинского уезда Рязанской губернии появилось 7 «толстовских» столовых. Кроме того, в организованном в селе приюте при кухне, готовившей детскую молочную кашу, продовольствовалось 140 крестьянских детей.

В последние годы XIX в. в Затворном проводились ежегодные однодневные Казанские ярмарки, получившие имя по престольному празднику сельской Христорожественской церкви. Днем их проведения было 22 октября (3 ноября). По данным земской статистики, если в 1893 г. на ярмарку в Затворное было привезено товаров на сумму 1000 руб., а продано на 800 руб., то уже в 1895 г. стоимость привезенного в село составила 9000 руб., а проданного – 3000 руб².

По данным за 1894 г., в Затворном действовала водяная мельница с одним поставом, принадлежавшая крестьянину К.Н. Взнуздаеву, а также одноконные маслобойки крестьян Н.И. и М.И. Сычевых³.

К организации детского образования в Затворном, похоже, относились очень серьезно. Многое для сельской церковно-приходской школы делалось по инициативе самих крестьян, что не оставалось без внимания церковного начальства. Так, например, в 1900 г. староста Христорожественской церкви в Затворном Иван Гладышев был отмечен «архипастырским благословением за понесенные им труды» в обустройстве приходского училища⁴.

¹ Толстой Л.Н. Т. 29, М., 1954. – С. 167–168.

² Адрес-календарь Рязанской губернии на 1898 год. – Рязань, 1897. – С. 105.

³ Мартынов Н.И. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 73–74, 102.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 2 (15 января 1901 г.). – С. 16.

В 1905 г. в Затворном насчитывалось 605 дворов, в которых проживали 2315 мужчин и 2443 женщины. В селе действовали «церковь каменная, смешанная церковно-приходская школа, волостное правление, фельдшерский пункт, 7 ветряных мельниц, казенная винная лавка, 2 крупорушки, 2 маслобойки, водяная мельница»¹.

Бремя Русско-японской войны 1904–1905 гг. легло на плечи крестьян дополнительной тяжестью. Газета «Русские ведомости» в те годы писала: «В Рязанской губернии произведен на войну набор людей и лошадей. Влияние той и другой мобилизации сказывается особенно чувствительно для крестьянского хозяйства в уездах, в которых сельское население мало занимается земледелием, уходя на отхожие промыслы на большую часть года. Благодаря этому, в этих уездах встречаются селения, из которых взято почти все взрослое население и все лошади, что, разумеется, должно тяжело отразиться на местном хозяйстве. Только толпы баб с грудными ребятиками осаждают ежедневно и председателя, и членов управы с просьбами, жалобами, претензиями – все по поводу выдачи пособия»². Лучшее отношение населения к войне видно из анкет, которые рязанский губернатор направлял для заполнения всем земским начальникам. «С мест» начальнику губернии отвечали: «Последние мукденские события привели крестьян в волостях Корневской, Князевской, Горловской и Затворнинской Скопинского уезда в полное уныние, все приуныли за своих родных»³.

К 1908 г. в Затворном было 4966 жителей. В церковно-приходской школе обучались 117 детей. Кроме законоучителя, преподававшего закон Божий, в ней работали еще трое учителей, преподававших другие предметы⁴.

В августе 1909 г. в приделах Христорождественской церкви села Затворного были освящены новые престолы в честь Казанской иконы Божьей Матери и в честь святителя Николая Чудотворца, воздвигнутые на средства прихожан. Ими же была собрана 1000 рублей на новый иконостас в трапезной церкви⁵.

На закате советской эпохи модно было вспоминать о патриархальных дореволюционных временах, когда нравы на селе были столь просты, что избы поселян не запирались и никто ничего не воровал. Такие воспоминания, правда, скорее свидетельствуют о вопиющей бедности подавляющего большинства сельских обывателей. Смысла запирать убогое крестьянское жилище действительно зачастую не было, т.к. украсть в нем при всем желании было нечего. Иное дело – церковь, где какие-то ценности водились всегда. Феномен церковного воровства в Скопинском уезде в дореволюционные времена был хорошо известен. Статистика 1910 г. свидетельствует о том, что похищавшиеся из храмов денежные суммы зачастую были небольшими. И это отнюдь не показатель скромности запросов церковных воров, просто при всеобщей скудости преступники были рады и тому немногому, что удавалось урвать. Так, 15 (29) апреля 1910 г. из церкви села Корневого были похищены 7 рублей, 19 (3 мая) из церкви села Катина – 150 рублей, из Вознесенского храма города Скопина – 30 рублей, 27 июля (10 августа) из Дмитриевской церкви села Горлова – 100 рублей, 13 (27) ноября из церкви села Мшанки – 26 рублей. Воров, как правило, не находили. Но бывали и исключения. В том же 1910 г. «в ночь на 1 мая села С[тарого] Кельца местным жителем похищено 70 рублей и 40 копеек в селе Затворном крестьянским мальчиком Сергеем Андреевым Са-

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 632–633.

² 1905 год в Рязанской губернии. – Рязань, 1905. – С. 205.

³ Там же. С. 206.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 8–9.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1909 г.) – С. 119; № 20 (15 октября 1909 г.) – С. 498.

востиным, который был задержан и в краже сознался»¹. Впрочем, в Рязанской губернии ухитрились воровать и десятипудовые церковные колокола, если они, на взгляд преступников, «плохо висели»...²

Документы Скопинского уездного земства свидетельствуют о развитии в селе частного предпринимательства. Так, например, до 1912 г. в Затворном действовала торговая лавка крестьянина Сергея Верестенкова. Закрылась она с призывом хозяина в армию – «с момента его взятия на службу, где и без вести пропал»³. Примерно в это же время работала и торговая лавка крестьянки Авдотьи Федоровны Постниковой. В 1913 г. за ней числилось по налогам и сборам «недоимки 25 рублей». Расследование земства выяснило, что к этому времени предприятие уже закрылось: «У Постниковой в селе лавки нет, а равно нет никакого имущества, которое можно было бы обратить на взыскание»⁴. То же самое касалось и торговой лавки крестьянина Федора Рудакова: «Не существует около 4-х лет, сам он уехал в Томскую губернию, точного адреса неизвестно, имущества в Затворном не осталось»⁵. Впоследствии, в 1918 г., продовольственную торговлю в селе взяло в свои руки Затворнинское общество потребителей⁶.

В 1910–1917 гг. году в Скопинском уезде функционировало Затворнинское кредитное товарищество, куда входили крестьяне сел Горлово, Делехово, Хворощевка, Затворное, Муравлянка и Быковка. На 1 января 1910 г. в нем состояло 543 члена, впоследствии их количество возросло⁷.

В первые десятилетия XX в. Затворное пережило серию эпидемических заболеваний, с которыми пытались бороться Скопинское уездное земство. Например, в 1907–1908 гг. сыпным тифом в селе переболело 56 человек (и это при том, что коклюш или корь были совершенно обычным делом)⁸. Всю зиму 1912 г. в Горловском врачебном участке свирепствовала оспа. Начавшись в селе Затворном, эпидемия охватила большинство окрестных сел и деревень – Муравлянку, Липяги, Горлово, Рудинку, Писаревку и Потеряевку, где в общей сложности переболело 355 человек. В охваченные болезнью волости было направлены два эпидемических отряда и временный фельдшер для усиления оспопрививания. Кроме того, отдельный фельдшерский пункт работал и в Затворном. В этом селе, а также Рудинке и Муравлянке, были устроены пункты питания, при которых состояли две сестры милосердия⁹.

Эпидемия сменялась неурожаями. В июне 1909 г. сильным градом были выбиты посевы в Горловской, Затворнинской и Павелецкой волостях общей площадью до 3779 десятин (4119 га). С целью поддержки населения Скопинское уездное земство исходатайствовало 15 000 руб. на производство общественных работ, которые начались осенью 1909 г., продол-

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 9–10 (1–15 мая 1910 г.). – С. 357; № 17 (1 сентября 1910 г.). – С. 544; № 24 (15 декабря 1910 г.). – С. 799; № 13 (1 июля 1910 г.). – С. 477; № 11 (1 июня 1910 г.). – С. 421.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 2 (15 января 1913 г.). – С. 61.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913. – С. 398–399.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 546–547.

⁵ Там же.

⁶ ГАРО, ф. П-1436, оп. 1, д. П. л. 23.

⁷ Справочник по Рязанской губернии: Вып. 1 / Экон. отд-ние Ряз. губ. земской управы – Рязань, 1915. – С. 56–57.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV очередного созыва 1908 года. – Скопин, 1909. – С. 374.

⁹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 321.

жались всю зиму и завершились в августе 1910 г. Среди прочих объектов, были сооружены две плотины: одна для образования пруда в селе Муравлянка, «что послужило к постепенному уничтожению там глубокого и опасного оврага», при ней же был устроен бетонный водоспуск «с водобойным колодцем». «Вторая устроена близ села Затворного на ручье Тобола. С устройством этой плотины образовался громадный пруд, на протяжении 2 верст, весьма нужный для крестьян. При плотине устроен бетонный водослив со створками»¹.

По данным за 1914 г. в селе Затворном было 682 двора, население составляло 2372 мужчины и 2375 женщин. Все жители села были прихожанами Христорождественской церкви. В это время в ней служили священники Леонид Александрович Боголепов и Федор Николаевич Хитров². К храму было приписано земли усадебной 3 десятины 249 саженой (271 га), пахотной – 33 десятины (36 га). При церкви имелась библиотека из 63 книг. Действовали церковно-приходская и две земские школы³. Отчет за 1916 г. уточняет, что земские школы были однокомплектной и двухкомплектной⁴.

В 1917 г. в селе Затворном Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 827 дворов, в которых проживали 2728 мужчин и 2837 женщин⁵. С дореволюционных времен и до середины 1950-х гг. в селе сохранялись названия порядков крестьянских домов, определявшие внутреннюю топонимику села: Казинка, Высокогорка, Камыши, Студенец, Заречка, Кривцы и Бирюковка⁶.

В декабре 1917 г. в Скопинском уезде была установлена советская власть. Летом 1918 г. в Затворном был образован комитет бедноты, основной задачей которого стало подавление противодействия революционной власти со стороны богатых крестьян. Однако этот орган оказался неэффективным и к концу года был распущен. В 1923 г. в Затворном был создан сельсовет.

Октябрьская революция 1917 г. и начавшаяся вслед за ней Гражданская война вызвали в стране всплеск преступности. Молодые органы правопорядка, которым по началу не хватало опыта и профессионализма, слабо контролировали ситуацию на местах. Началась и постепенно расширялась практика использования их властью в качестве репрессивного аппарата. В частности, данные по Скопинскому уезду Рязанской губернии за 1922 г. свидетельствуют, что в это время за совершение различных преступлений было осуждено 332 мужчины и 57 женщин. Из них по статье «против порядка управления», иначе говоря – против действовавшей власти, было привлечено к ответственности 172 мужчины и 34 женщины, что составило около 35 % от общего числа правонарушений⁷.

В первые годы советской власти жизнь в Затворном мало отличалась от дореволюционных времен. Большое значение для традиционного крестьянского труда имел доступ к воде. По данным за 1926 г., в Затворном в это время существовали вырытые и запрудные пруды, ключи, 70 колодцев. Подъезды к реке Таболе были удобны только в нескольких местах. В ней

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 63.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 446.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 564.

⁴ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 172.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 142.

⁶ Ленинская искра, № 11, – 1950. – 26 января.

⁷ Статистический справочник по Рязанской губернии / РСФСР. Рязанское губернское статбюро. – Рязань: Гостиполитография, 1923. – С. 18–19.

мочили лен и использовали воду для питья, причем забор воды тоже осуществлялся только в определенных местах, где вода была чище. «Летом вода в реке портится, цветет и покрывается водорослями. Занятие жителей – земледелие и отход на заработки»¹.

В 1920-х гг. некоторые уроженцы Затворного активно вливались в управленческий класс советского государства. Так, в 1924 г. новым председателем Рязского уездного исполкома стал Иван Николаевич Ширяев (1895–?), выходец из бедной крестьянской семьи. Отсутствие средств у родителей в дореволюционные годы стало причиной того, что способный мальчик, окончив церковно-приходскую школу в Затворном и второклассную в Делехово, не смог продолжить образование в Рязанской учительской семинарии. Для поддержания семейных доходов вместе с отцом ему приходилось работать на подмосковных торфоразработках, в 1913–1915 гг. он служил в канцелярии Затворнинского волостного правления, затем был мобилизован на военную службу. В 1917–1918 гг. И.Н. Ширяев занимал должность помощника начальника милиции 1-го участка г. Тирасполя, с 1 апреля 1918 г. работал в Затворнинском волостном земельном отделе, был секретарем волостного исполнительного комитета Затворнинской волости. С 1920 г. И.Н. Ширяев находился на службе в уголовном розыске, милиции, с 1 марта 1921 г. был начальником Скопинской уездной милиции. Последняя должность, с которой он был назначен в Рязк, – председатель уездного исполкома в Шацке².

В конце 1920-х гг., с началом массовой коллективизации, воскресли «комитеты бедноты» времен военного коммунизма. Теперь они назывались группами бедноты, через которые в значительной степени проводилась политика советской власти в деревне. Во всяком случае, они подбирали кандидатуры в сельсовет, давали им наказания, контролировали их выполнение и прочее. Через группы бедноты разъяснялась политика государства, выносились решения по налогообложению. Показательно, что весной 1929 г. в такую группу в селе Затворном входило 22 домохозяина, причем 14 домохозяев были членами ВКП (б), кандидатами в члены партии или сочувствующими. Их имущественное положение было следующим: 7 домохозяев имели корову и лошадь, 10 – только лошадь, 5 – не имели ни коров, ни лошадей³.

В конце 1928 г. в Скопинском уезде уже действовали первые колхозы – сельхозартели «Пролетарий» и «Союз» в Затворном, товарищество по совместной обработке земли «Новый быт» в Павельце, машинное товарищество «Пробуждение» в Катино⁴. Положение же в сельском хозяйстве Скопинского уезда по состоянию на 1926 г. было следующим. По опросам крестьян, более 50 % посевных площадей занимала рожь, 24,8 % – овес, 9,6 % – просо, 6,7 % – картофель, 4,1 % – гречиха. Также в уезде сеяли горчицу, чечевицу и прочие культуры. В усадьбах 50,9 % земли было отведено под картофель, 29,3 % – под коноплю, 11,1% – под овощи. На остальных площадях выращивали лен, табак и прочие культуры. Коллективизация внесла свои изменения в эту картину. Если в 1932 г. средний урожай ржи в Скопинском районе составил в личных хозяйствах 6,7 ц с га, то в колхозах – 7,8 ц с га. Колхозники и единоличники получали урожай овса примерно по 4,8 ц с га, картофеля – по 58 ц с га. В 1934 г. в скопинских колхозах урожай ржи и овса уже составляли около 12 ц с га, у единоличников чуть меньше. В колхозах картофеля собирали около 105 ц с га, частники оставались на прежнем уровне. Росту урожая в колхозах способствовало введение новых со-

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района..

² Советская деревня, №17. – 1924. – 24 мая.

³ ГАРО, ф. П-1117, оп. 1, д. 9, л. 139.

⁴ Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Милославского и Чернавского районов. Тула, 1930. – С. 47.

ртов и другие агромероприятия, на которые слабые единоличные хозяйства просто не были способны¹.

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Вместе с другими городами, селами и деревнями бывшей Рязанской губернии Затворное стало населенным пунктом Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Его включили в состав Горловского района, первоначально отнесенного к Тульскому округу Московской области.

В 1920–1930-х гг. перед талантливой сельской молодежью открылся доступ к более высокому уровню образования, чем тот, что давали дореволюционные сельские школы. Крестьянские дети потянулись в советские вузы и техникумы. В городах им приходилось сталкиваться со множеством опасных соблазнов, одним из которых оказалось участие в политической борьбе, сотрясавшей в эти годы высшие эшелоны партийно-хозяйственного аппарата. Для некоторых из них политический активизм заканчивался трагически, как, например, для уроженца села Затворного Петра Ивановича Пирязева (1914–1933), студента Московского планово-экономического техникума. 25 октября 1932 г. он был арестован ОГПУ по месту жительства – станция Тарасовка Ивановской ж/д, поселок Черкизово, дача № 3. 20 января 1933 г. П.И. Пирязев был осужден коллегией ОГПУ по обвинению в антисоветской правотроцкистской агитации, а 27 февраля расстрелян в Москве и похоронен на Ваганьковском кладбище. В годы перестройки в СССР он был посмертно реабилитирован.

Коллективизация в Затворном проходила при сильном сопротивлении крестьян-единоличников, первую скрипку в котором играли бывшие кулаки. Колхоз «Память Ильича» был образован в селе еще в 1929 г. (видимо, в него были преобразованы первые скопинские сельхозартели). Однако даже к 1934 г. Затворное было коллективизировано всего на 17,4 % (и это при том, что в те годы многие населенные пункты района докладывали о 100 % коллективизации!). Примерно аналогичной была картина и в близлежащем селе Ново-Александрово².

Для зажиточных крестьян, до революции оказывавших решающее влияние на жизнь Затворного, настали тяжелые времена. Власть фактически взяла курс на разорение кулацких хозяйств. Причем «отделяли овец от козлиц» – решали, кто кулак, а кто нет – местные власти. Они же определяли степень лояльности населения. Во всем этом, разумеется, присутствовал элемент произвола. При этом всякое неповиновение, попытка высказать иную точку зрения, немедленно и жестко подавлялись. У противников советской власти не оставалось иного пути сопротивления, кроме саботажа. Но к саботажникам применялись репрессии.

Горловская районная газета «Ленинская искра» сообщила из Затворного: «Выездная сессия суда 21 мая 1931 г., рассмотрев дела по обвинению в отказе от сева по твердым заданиям, приговорила крестьян Л.И. Ширяева к штрафу 300 рублей, Ф. Бирюкова к высылке на 3 года и к штрафу в 500 рублей»³. Высылали раскулаченных вместе с семьями.

В марте 1932 г. секретарь партиячейки в Затворном Соколов, оценивая ситуацию в селе, в частных разговорах заявлял: «Семена все забрали по заготовке. У кулака также нет семян. Если не будут завезены семена, то мы сев сорвем». Выездная партколлегия Горловского районного контрольного комитета ВКП (б) исключила его из партии «за пособничество кулаку и дезорганизацию партиячейки, оппортунистическую практику». Акты сопротивления властям в селе тем временем продолжались. В марте 1932 г. «десятидворка» решила ссыпать семена и выбрала для этого мазанку единоличника Холодкова, но когда крестьяне «Побочин, Глады-

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д.91. Тетрадь №2, л. 119.

² Там же.

³ Ленинская искра, № 68. – 1932. – 27 мая.

шев и другие стали свозить семена, Холодков отказался их принять»¹. Нажим на единоличников в Затворном был сильным. Общим фоном служила политика государства, чрезмерно давившая на богатых крестьян и середняков сельхозналогом, от которого бедняки были вовсе освобождены. Кроме того, состоятельные крестьяне были обложены обязательными к выполнению твердыми заданиями по посеву культур и сдаче государству значительно повышенного объема мяса, зерна и других продуктов.

Выездная сессия Горловского народного суда 28 марта 1932 г. в Затворном рассмотрела два дела, по которым житель села С.М. Путилин «за отказ принять план в порядке твердого задания и злостное уклонение от засыпки семфонда» был приговорен к высылке на 3 года за пределы Московской, Ленинградской и Центрально-Черноземной областей с конфискацией имущества, а В.В. Пяткин, владевший до 1930 г. хозяйством, считавшимся кулацким, «за отказ принять план в порядке твердого задания и антисоветскую агитацию» – к 3 годам принудительных работ в отдаленной местности с конфискацией имущества².

Но даже крутые меры не всегда оказывались действенными. В сентябре 1932 г. «Ленинская искра» писала: «Из рук вон плохо проходят хлебозаготовки в Затворнинском сельсовете. На сегодня годовой план выполнен только на 10,9 %. Сельсовет хлебозаготовками не руководит...»³

Со ссылкой на постановление Президиума Мособлисполкома от 26 ноября 1932 г. практиковались и такие виды наказания, как лишение «хозяйственного земельного надела и усадебных участков за злостный отказ от засыпки зерна... в соответствии с обязательствами, доведенными сельсоветом». В январе 1933 года Президиум Горловского РИКа передал площади под озимыми и яровыми посевами И.Т. Рудакова и А.А. Бирюкова колхозу «Память Ильича», а их усадебные участки – лучшим колхозникам⁴. Видимо, для А.А. Бирюкова этим дело и закончилось. И.Т. Рудакова, а также И.Ф. Пирязева, М.И. Гладышева, И.Т. Пирязева, Г.Д. Бокарева, С.Д. Гладышева, В.Ф. Ширияева выездная сессия нарсуда приговорила к 9 месяцам исправительно-трудовых работ. Дополнительно М.И. Гладышев, Г.Д. Бокарев и С.Т. Гладышев были приговорены к штрафу по 300 рублей, В.Ф. Ширияев – к «общественному порицанию»⁵.

Наряду с саботажем, имело место и обычное воровство, причем далеко не только в Затворном. В 1935 г. районная газета сообщала: «На мельнице колхоза «Память Ильича» мельник Д.И. Сычев произвел помол зерна для единоличников без взимания гарницевого сбора, а также брал гарницевый сбор, не выдавая квитанции. При проверке мельницы 21 января были обнаружены излишки гарницевого сбора – 890 кг». Мельник был снят с работы, а его дело передано в НКВД для привлечения к судебной ответственности. Растраты гарницевого сбора были выявлены в павелецком колхозе «Путь к социализму» – 1300 кг, где мельником был И.В. Терехин, а также в колхозе «Гремучий», где мельником был И.М. Зайцев, – 850 кг. «Комсомольцы вместе с ревизионной комиссией на делеховской мельнице обнаружили 39 пудов лишней муки»⁶.

В соответствии с оперативным приказом Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. в сентябре того же года был арестован крестьянин-единоличник села Затворного Иван Петрович Бирюков (1876–1937). 22 сентября 1937 г. он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной

¹ Ленинская искра, № 27. – 1932. – 28 марта.

² Ленинская искра, № 31. – 1932. – 1 апреля.

³ Ленинская искра, № 111. – 1932. – 16 сентября.

⁴ Ленинская искра, № 2. – 1933. – 4 января.

⁵ Ленинская искра, № 4. – 1933. – 10 января.

⁶ Ленинская искра, № 19. – 1935. – 5 февраля.

агитации и систематической антисоветской пропаганде. И.П. Бирюкова расстреляли 23 сентября 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой. Там же завершился и жизненный путь его односельчанина Сергея Никитовича Гладышева (1899–1937). В 1989 г. оба они были посмертно реабилитированы.

В конце 1930-х гг. погибли и несколько уроженцев Затворного из числа потомков священнослужителей Христорождественского храма. Василий Матвеевич Кузьмин (1879–1938) в это время сам был священником в рязанском селе Аристово. Он был арестован 11 декабря 1937 г., две недели спустя осужден тройкой УНКВД по Рязанской области по ст. 58 УК РСФСР и 10 января 1938 г. расстрелян в Рязани. Такая же судьба постигла и Павла Федоровича Свистова (1873–1937), проживавшего в селе Дулово Конаковского района Калининской области. Он был арестован 13 ноября 1937 г., 25 числа осужден тройкой УНКВД по обвинению в контрреволюционной агитации и два дня спустя расстрелян. В.М. Кузьмин и П.Ф. Свистов были посмертно реабилитированы.

Уроженец Затворного Василий Иванович Холодков (1884–1937) проживал в поселке Дальний Яр Каргасокского района Томской области. Он состоял членом неуставной сельхозартели «Колония инвалидов». 18 июля 1937 г. он был арестован и вскоре осужден по обвинению «в участии в контрреволюционной кадетско-монархической организации». В.И. Холодков был расстрелян 27 июля 1937 г., в 1959 г. его посмертно реабилитировали.

В 1937 г. Горловский район был передан из Московской в новообразованную Рязанскую область. Затворное, таким образом, вновь стало рязанским селом.

Среди материалов Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., сохранилось следующее описание села: «В 3 км от Горлова по направлению к отделению свиноводческого совхоза МЮД, крупное село Затворное Затворнинского сельсовета – 2626 человек, известное по сохранившимся здесь несколькими единоличным хозяйствам. Среди некоторых женщин еще уживаются пестрые наряды рязанцев. Речка Сухая Табола, запруды, вырытые пруды и несколько десятков колодцев обеспечивают водоснабжение села»¹. В Затворном в это время насчитывалось 330 жилых строений, 336 хозяйств, в них 2344 жителей. В селе действовали мельница, маслобойка и пророрушка, неполная средняя школа (директор – Василий Сергеевич Игумнов), изба-читальня, медпункт, агентство отделения связи, магазин².

По состоянию на начало 1937 г. в Затворном 283 двора состояли в колхозе «Память Ильича». Уровень коллективизации села составлял 92,2 %. Посевная площадь, включавшая усадьбы колхозников, составляла 2407,1 га, в том числе колхоза – 2325,4 га, единоличников – 40,8 га. В колхозе было 137 лошадей, 14 голов крупного рогатого скота, 163 свиньи, 8 овец. В личных хозяйствах колхозники держали 236 голов крупного рогатого скота, 69 свиней, 184 овцы, 4 козы. Во владении единоличников находились 22 лошади, 45 голов крупного рогатого скота, 23 свиньи, 47 овец и 7 коз³.

На 1 января 1939 года в Затворном было уже 330 дворов. 288 дворов с 1514 жителями (из них трудоспособного возраста – 687 человек) были объединены в колхоз «Память Ильича». Вне колхоза оставались 240 человек. Крупный рогатый скот держали в 202 хозяйствах.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района. – Л. 13.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния на 1939 год.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

В течение 1938 г. в колхоз вступило 25 новых хозяйств, выбыло 52. В 1938 г. общая площадь обрабатываемых земель составляла 2067 га. Собранный урожай зерновых составил 6,3 ц с га, картофеля – только 57 ц с га, других овощей – 8,3 ц с га. В среднем каждым колхозником было выработано 119 трудодней, каждый из которых, после распределения 21 % денежных доходов сельхозартели, конвертировался в 1,3 кг зерновых и 14 копеек деньгами. На административно-хозяйственные нужды колхоза было выделено 4,7 % от всего денежного дохода. По данным за 1938 г., колхоз в это время располагал 175 лошадьми, в том числе 92 рабочими, 15 головами крупного рогатого скота, в том числе 6 коровами, 141 свиньей, в том числе 17 свиноматками, и 8 овцами¹.

В годы Великой Отечественной войны многие мужчины Затворного отправились защищать свою родину на полях сражений. Из них более всего прославился сержант Егор Иванович Холодков (1921–1943), командир отделения 8-й стрелковой роты 574-го стрелкового полка (121-я Рылльская стрелковая дивизия, 30-й стрелковый корпус, 60-я армия, Центральный фронт). 28 сентября 1943 г. отделение Е.И. Холодкова в числе первых переправилось через Днепр и решительным броском овладело передовой траншеей противника. Удерживая захваченные позиции, воины успешно отбили пять вражеских контратак. В бою по расширению плацдарма 30 сентября 1943 г. Е.И. Холодков погиб.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 г. за успешное форсирование реки Днепр севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр и проявленные при этом отвагу и героизм сержанту Е.И. Холодкову было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Героя похоронили в братской могиле в селе Глебовка Вышгородского района Киевской области (Украина). Его именем названы улицы в селах Глебовка и Затворное. В родном селе в честь Е.И. Холодкова установлена мемориальная доска.

В 1942 г. Горловский район, хозяйство которого в конце предыдущего года пострадало от кратковременной немецко-фашистской оккупации, был возвращен из Рязанской области в Московскую, где оставался до 1946 г. На этот период пришлось разукрупнение колхозов района. В Затворном из колхоза «Память Ильича» сделали четыре самостоятельных хозяйства: «Красная Звезда», «Красный гвардеец», «Слава героям» и «Память Ленина»².

В условиях эвакуации перед лицом наступавшего противника, а также вследствие гибели мирного населения от боевых действий в регионе оказалось немало детей, оставшихся без родителей. О них старались заботиться, несмотря на скудость и разруху. В 1943 г. в Затворном открылся детский дом для маленьких жертв войны. Руководила им Мария Степановна Благих. Первоначально в нем было 12 детей, со временем стало больше. Под детский дом было отремонтировано старое здание, колхозники первое время помогли продуктами. К 1949 г. он превратился в самодостаточное хозяйство, в котором было 2 лошади, 3 дойные коровы, 2 телки, 2 поросенка, 13 овец, 50 кур, 80 кроликов. С подсобного участка воспитанники собрали в год до 4 т капусты, 33 т картофеля, 2 т огурцов, морковь. Все 59 воспитанников учились в Затворнинской семилетней школе. По ее окончании те, кто достигал предельного возраста, направлялись для продолжения образования в различные учебные заведения: железнодорожную и сельскохозяйственную школы, горный техникум³.

В послевоенные годы жизнь колхозников была трудной. Регулярной зарплаты в колхозах в то время не получали, паспорта колхозникам выдавались лишь в случае направления в

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

² Ленинская искра, № 51. – 1942. – 10 сентября.

³ Ленинская искра, № 129. – 1949. – 25 октября.

город на учебу или на работу, долгое время после войны жители села, начиная с 12-летнего возраста, должны были отрабатывать в своих колхозах повышенный минимум трудодней, установленный еще в военное время. Тем, кто не справлялся, грозило лишение приусадебного участка – зачастую, главного источника доходов семей колхозников. Колхозы сдавали продукцию государству по заниженным ценам, и лишь остатки подлежали распределению по трудодням.

Короткие сообщения послевоенных газет о налагавшихся на жителей Затворного административных взысканиях дают достаточно красочную картину суровых условий послевоенной жизни. В 1947 г. «Максим и Тимофей Клиновы, остановив лошадь у возчиков зерна колхоза «Красный гвардеец» Затворинского сельсовета Пирязева и Бирюкова, взяли у них мешок ржи. Народный суд приговорил Клиновых к 3 годам лишения свободы»¹. В том же году «гражданин села Затворное Ф.Д. Пирязев был мобилизован на лесозаготовки, но отказался выезжать на работу. Народный суд приговорил его к 2 годам лишения свободы с частичной конфискацией»². В 1949 г. «граждане села Затворное Крутилин Т.П. и Рудаков Т.Г. категорически отказывались от поездки для работы на лесозаготовках в порядке платной трудовой повинности и отказались от вручения повесток. За отказ от поездки райсовет наложил на Крутилина штраф пять тысяч рублей, на Рудакова две тысячи. Заодно они и были предупреждены, что если не выедут и после штрафа, то будут привлечены к уголовной ответственности по статье 61 УК РСФСР»³.

В 1950 г. четыре колхоза Затворнинского сельсовета вновь объединились в одно хозяйство с прежним названием – «Память Ильича». В июле 1958 г. к нему был присоединен колхоз им. Андреева близлежащей деревни Писарево, существовавший с 1933 г. Общая площадь земельных угодий укрупненного колхоза к 1964 г. составляла 4068 га⁴.

В 1953 г. к Затворнинскому сельсовету были присоединены Ново-Александровский и Хворощавский сельсоветы. В 1958 г. Ново-Александрово, Хворощево и совхоз МЮД были переданы в Горловский сельсовет.

В 1959 г. Горловский район был ликвидирован. Его населенные пункты вошли в Скопинский район Рязанской области.

В 1965 г. Затворнинский сельсовет включал село Затворное и деревню Писарево. В Затворном работала восьмилетняя, школа, клуб, медпункт, в Писарево – начальная школа⁵. Колхоз «Память Ильича» просуществовал до 1993 г. Позднее в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» он был преобразован в акционерное общество.

Начало XXI в. Христорождественская церковь в Затворном встретила в руинированном состоянии. В начале 2000-х гг. ее основной объем был отремонтирован и вновь превращен в действующий храм. В настоящее время он числится по 2-му Скопинскому благочинию Скопинской епархии, его настоятелем является иерей Николай Бородин.

¹ Ленинская искра, № 52. – 1946. – 3 октября.

² Ленинская искра, № 83. – 1947. – 18 ноября.

³ Ленинская искра, № 129. – 1949. – 25 октября.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 256, лл. 1–2.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 415, л. 1.

На въезде в село около заброшенной ныне фермы находится святой источник Казанской иконы Божией Матери. По преданию, на этом месте была обретена икона Пресвятой Богородицы. В советское время источник много раз пытались уничтожить, но он снова и снова пробивался из-под земли. Местные жители называют его святым колодцем, считают его воду целебной для болезней душевных и телесных. 21 июля, в день праздника Казанской Божией Матери, на колодце проходят службы с водоосвящением, на которые собираются не только жители Затворного, но и гости из соседних сел и деревень, и даже из соседних областей.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Затворное стало населенным пунктом Горловского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Затворном постоянно проживали 214 человек – 94 мужчины и 110 женщин.

В 2015 г. в селе располагались администрация сельского поселения, клуб, сельская библиотека, почта, магазин¹.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ИВАНОВКА

деревня

(городской округ город Скопин)

Сельцо Ивановское возникло на территории Скопинского уезда Рязанской губернии в первые годы XIX в. Первое упоминание о нем относится к 1816 г. В датированной этим годом окладной книге оно указано как собственность статского советника Ивана Васильевича Трусевича, которому принадлежали 9 крестьянских душ, и его жены Катерины Андреевны Трусевич, владевшей 72 душами¹. Очевидно, название селению было дано по имени его основателя – помещика И.В. Трусевича.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1834 г., сельцо Ивановское принадлежало уже прапорщику Василию Львовичу Маркову. В нем проживали 93 души поселян мужского пола и 3 души дворовых². В 1834 г. В.Л. Марков также стал владельцем сельца Стрелецкая дубрава, где у него было 64 крепостные души³.

По окладной книге 1850 г., сельцо Ивановское по-прежнему числилось за прапорщиком В.Л. Марковым. За ним в окладе состояло 48 крестьян мужского пола и 21 человек дворовых, а также 129 крестьян в ныне исчезнувшем сельце Стрелецкая дубрава⁴. Сельцо Ивановское в 1850 г. находилось при двух прудах. По разбросанности крестьянских дворов относительно протекавшего подле них ручья можно сделать вывод, что это поселение развилось из небольшого хутора⁵. Деревня «господ Марковых Стрелецкая дубрава, Ванючка тож», находилась в 20 верстах от Ивановского по дороге на Елифань. В ней к 1858 г. проживало 135 мужских и 140 женских душ⁶. По легенде, ходившей среди крестьян Стрелецкой дубравы, чтобы вычислить «лодырей», помещик Марков якобы наблюдал за ними из Ивановки в подзорную трубу. Рельеф местности теоретически позволял барину таким образом рассматривать свои владения. Хотя увидеть, и тем более, идентифицировать конкретных людей он, конечно, не мог.

По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в сельце Ивановском числилось 16 домохозяйств, в которых проживали 72 мужчины и 77 женщин. Как и сельцо Стрелецкая дубрава, оно было собственностью помещика В.Л. Маркова, в силу чего в документах нередко упоминалось с двойным названием – «Ивановское, Марково тож».

После освобождения от крепостного права в 1861 г. и образования в Скопинском уезде волостей оба селения бывшего помещика Маркова были включены в Чулковскую волость. По материалам ревизии Рязанского губернского земства, проводившейся в середине 1870-х гг., можно сделать вывод, что пережитки крепостного прошлого в это

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 56 об.

² Там же, лл. 178 об-179.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 177 об-178.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 208 об-209.

⁵ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 44.

время были еще сильны. В них, в частности, о Стрелецкой дубраве говорилось: «Трудно объяснить причину, почему это селение, отдаленное от Чулково на 20-верстное расстояние, приписано к Чулковской волости, если только не потому, чтоб соединить его в одну волость с [еревней] Ивановской тех же господ Марковых, где господская усадьба и крестьян 90 душ мужского пола и 100 душ женского. В этой же деревне другое общество господина Лихарева – 78 душ мужского пола и 75 женского. Этого же помещика в деревне Жмурки – 35 душ мужского и 40 женского пола – в 7 верстах»¹. Впоследствии Ивановское было переведено из Чулковской волости в Вослбскую (видимо, по результатам земской ревизии).

Интересное описание сельца Ивановского было сделано в конце 1860-х гг. авторами исследования о разведках каменного угля в Рязанской губернии. В нем, в частности, сообщается: «... Мы приехали в Ивановское, лежащее в 2 верстах от города (Скопина. – *Примеч. авторов*) и принадлежащее гг. Марковым. Оно лежит на одном из тех высоких холмов, которые окаймливают левую сторону реки Вёрды и тянутся к Духову или Троицкому монастырю. С балкона господского дома открывается обширнейший вид во все стороны, и особенно на Скопин, отделяющийся от Ивановского долиною, в которой извивается река Вёрда. Самый дом с принадлежащим к нему обширным садом и прудами очарователен и живо напоминает собою все раздолье прежнего помещичьего быта. Впрочем, быт Ивановского и в то время должен был составлять нечто не совсем обыкновенное по своему гостеприимству и по своей домашней обстановке. По крайней мере, так надо заключать по обширным залам господского дома и по множеству служб, к нему принадлежащих. Само собою разумеется, что в наше время прежняя помещичья обстановка немислима. В Ивановском, как и в других местах, она по необходимости должна была измениться. Но не изменилось при этом то радушие, с которым принимали тут всякого заезжего гостя. В доме почтенной владелицы Ивановского, Анны Михайловны Марковой, и посреди ее семейства мы нашли самый ласковый прием и полнейшую готовность помогать нашей цели.

По соседству с господским домом, заслуживающим внимания, большой овраг, который лежит позади сада и составляет естественную грань между Ивановскою усадьбою и землею, принадлежащею городу. В верхней половине этот овраг имеет вид глубокой и узкой лощины, а спускаясь ниже, он более и более расширяется и впадает наконец в обширную долину р. Вёрды. По всему оврагу течет ручей. В нижней или широкой части оврага он сдерживается плотинами и образует пруды, весьма богатые рыбою и живописно расположенные по северной окраине сада. Таких прудов было три, но один из них, именно верхний, затянуло илом. Дачи Ивановского законтрактованы для разработки каменного угля компаниею Мангольда, Рыкова и Бернарда, но до сих пор нигде еще не разведаны»².

По переписи населения 1882 г., в Ивановском было 40 домохозяйств, население составляло 149 мужчин и 145 женщин. Грамотой из них владели 21 мужчина, 2 женщины и 2 мальчика. Земля во владении местного сельского общества была в основном черноземной, но при этом было и 15 десятин (16,39 га) земли песчаной. На ревизскую душу (их в сельце насчитывалось 75) приходилось около 3 десятин (3,3 га) пахотной земли. Кроме того, 23 семьи арендовали 114 десятин (124,5 га) внеадельной земли. При этом безземельными считались крестьяне, проживавшие в 10 дворах, 16 дворов сдавали свои наделы в аренду. 18 дворов считались безлошадными, по одной лошади имели 5 дворов, по две – тоже 5 дворов, по три

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 511.

² О новых разведках каменного угля в Рязанской губернии. – М., 1870. – С. 23–25.

и более – 12 дворов. Не имели одновременно коров и лошадей 14 домохозяйств. 32 местных крестьянина занимались отхожими промыслами¹.

В 1905 г. в сельце «Марково, Ивановское тож», было 50 дворов, в которых проживали 169 мужчин и 172 женщины. По санитарному расписанию селений 1907 г. оно было приписано к уездному городу Скопину, как и близлежащие селения Вороновка, Гуменки, Пупки и Кочугурки².

В 1912 г. в Ивановском насчитывалось 349 жителей³. В 1914 г. здесь было 33 двора, а все их обитатели были как и в XIX в. прихожанами Казанской церкви города Скопина, в которой существовал придел Иоанна-воина⁴.

В 1910-х гг. в Ивановском действовала земская школа. Ее попечителем был дворянин Павел Михайлович Лихарев⁵. По отчету за 1916 г., земская школа в Ивановском была однокомплектной. Школьный класс разделялся на три отделения, соответствующие трем годам обучения детей. Один учитель в единственной классной комнате проводил занятия со всеми тремя отделениями одновременно⁶.

По данным за 1917 г., в деревне Ивановке Вослебской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 62 двора и 527 жителей. Как отдельный поселок при деревне значилась помещичья усадьба. Недалеко от Ивановки находились два хутора: крестьянина Степанова с домом, где проживали 7 человек, и купца Афонина⁷.

Находившаяся поблизости от уездного города деревня по меркам своего времени считалась богатой. Местные крестьяне занимались торговлей и извозом, дополнительные доходы позволяли им арендовать значительное количество внеадельной земли, что еще более укрепляло их хозяйства. С установлением советской власти вольготная жизнь для них закончилась, но местные кулаки отчаянно сопротивлялись новым порядкам, причем не только словом, но, порой, и делом. В 1930 г. газета «Авангард» писала: «О степени наглости кулачества и духовенства можно судить хотя бы по факту избиения начальника районной милиции ивановскими кулаками и церковниками за то, что он проводил в жизнь решения ЦИК СССР о передаче помещений бывшего Троицкого монастыря керамическому техникуму»⁸.

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Ивановка стала населенным пунктом Скопинского района, который вошел в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую. Был образован Ивановский сельсовет, в состав которого, помимо самой деревни, входили Красный городок и поселок Лесничество.

В начале 1930-х гг. в Ивановке был организован колхоз «Заветы Ильича». Его первые шаги были довольно уверенными, даже успешными. Газеты сообщали: «В 1932 г. Иванов-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 44–49.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 ноября 1907 года. – Скопин, 1908. – С. 74.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 347.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 159; Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 614.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913. – С. 273.

⁶ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 172.

⁷ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

⁸ Авангард, № 6, – 1930. – 30 октября.

ский колхоз более чем на 100 % выполнил план хлебозаготовок»¹. Колхоз имел немало достижений. Районная газета писала: «Несмотря на неоднократные кулацкие вылазки, строительство колхоза идет... Построены детские ясли, рига, конюшня общего пользования, столовая. Ефанов Г. <...> часто агитирует против оплаты по трудодням, что привело, например, к задержке конюшни»².

В Ивановке было на лицо сильное противодействие кулаков коллективизации, выразившееся в халатном отношении к колхозному имуществу, а порой и откровенном вредительстве. Поэтому в ивановском колхозе случались такие сцены: «И.М. Шмонов, член ивановского колхоза «Заветы Ильича», до начала уборочной компании спрятал веялку. Когда к нему обратился колхозник П.М. Поляков, он заявил, что «веялка неисправна». Оказалась исправна»³. Председателем ивановского колхоза был некто Фролов – зажиточный крестьянин, который до революции арендовал землю и применял в хозяйстве наемный труд. Должность завхоза занимал сначала кулак Степахин, которого выслали за пределы Московской области, после него стал завхозом Попов – тоже кулак. Счетоводом Копылов – кулак, кладовщиком Я.Я. Купцов – бывший сборщик податей, а сторожем колхозного имущества С.И. Поляков – сын городского. В должности мельника – И.В. Ручкин – кулак. Дело велось таким образом, что с начала организации колхоза имущество расхищалось, оставляли лошадей без корма, в результате три лошади пали. В 1932 г. вместо положенных для посева 8–9 пудов ржи на гектар, засеяли по 5–6 пудов, и всего на 70 га. Разницу присвоили. Купцов из кладовой колхоза украл 105 кг гороха, 500 кг муки, 50 кг печеного хлеба, заморозил 100 пудов картофеля. Член правления Королев совместно со сторожем Поляковым украл еще 20 пудов ржи.

Для видимости руководство проводило «чистки» колхоза, «вычищали» Полякова и Купцова, но в районной комиссии был членом Фролов, который давал на них положительные характеристики, доказывал, что они преданы делу коллективизации, и они благополучно возвращались. Председатель сельсовета Васин облагал кулака Шмонова как маломощного середняка, в то время, когда беднячка М.Ф. Шмонова облагалась как зажиточная.

Все эти дела разбирались в 1933 г. на выездном заседании Скопинского районного народного суда, проходившем в переполненном помещении кирпичного завода. «На нем председатель Фролов сказал: «Я знал, что Поляков сын городского, но что из этого? Ведь его отец был городовым, а не он. О хищениях знал, но сделать ничего не мог, так как счетное дело запутано. Обвиняемый Королев (колчаковец): «Виноватым я себя не признаю. Все колхозники знают, я никогда курицу пальцем не трону». Колхозник Воронов рассказал суду о том, что председатель Васин пьянствовал, завышал ставки налогов на середняков и бедняков, а разницу в 1500 рублей присвоил. «Предсельпо Головкин А.И., будучи свидетелем, заявил, что он дал Васину 900 рублей на покупку коровы». На вопрос председателя суда: «Зачем давали?» – он ответил: «Мы обязаны давать. Мы кооперация», и тут же прокурор Сафонов обратился с ходатайством привлечь Головкина как соучастника Васина. Свидетель Овсянников показал, что «председатель колхоза Фролов относился к хозяйству спустя рукава». Фролов заявил, в свою очередь, что «Овсянников (кузнец) вредил, затягивая ремонт сельхозмашин. Прокурор и его привлек к суду. Больше 20 свидетелей показали также, что Фролов, Купцов, Королев и Поляков расхищали колхозное добро, «вредительски обрабатывали землю». В итоге «Васин, Фролов и Купцов были приговорены к 10 годам, Королев к 5, а Поляков к 1 году лишения свободы»⁴.

¹ Побединский ударник, № 189. – 1932. – 22 сентября.

² Побединский ударник, № 155. – 1932. – 12 августа.

³ Побединский ударник, № 189. – 1932. – 22 сентября.

⁴ Побединский ударник, № 163. – 1933. – 18 июля.

В начале 1930-х гг. в разное время были «раскулачены» и высланы из Ивановки Даниил Иванович Купцов (1894–?), Никифор Семенович Овсянников (1872–?), Василий Никифорович Овсянников (1901–?), Сергей Иванович Шмонов (1903–?), Александра Никифорова Шмонова (1904–?), Сергей Николаевич Шмонов (1890–?), Сергей Михайлович Шмонов (1899–?), Иван Васильевич Шмонов (1899–?), Егор Васильевич Шмонов (1901–?)¹. Жители Ивановки старались защитить друг друга от давления со стороны властей. Именно такой мотив угадывается за действиями председателя Ивановского сельсовета Васина. Газета «Побединский ударник» в 1933 г. с неодобрением сообщила, «бывший председатель Ивановского сельсовета Васин из четырех кулацких хозяйств, имеющих землю и посевы, освободил одно от сдачи зерна и картофеля, двум хозяйствам выдал обязательство по норме единоличников и одному по норме колхозника. Новый председатель Артемкин в первый же день вскрыл это»².

В 1937 г. Ивановка вместе со всем Скопинским районом перешла из Московской области в новообразованную Рязанскую. В том же году жертвой «Большого террора» пал уроженец деревни бывший городской Иван Иванович Поляков (1873–1937). В это время он проживал в Скопине, работал стрелочником на железнодорожной станции Коготково. Он был арестован 28 октября 1937 г., осужден тройкой УНКВД по Рязанской области и 10 декабря расстрелян в Рязани. Впоследствии И.И. Поляков был посмертно реабилитирован.

В 1937 г. во всех населенных пунктах Ивановского сельсовета насчитывалось 132 жилых строения, в деревне Ивановской и в поселке Лесничество действовали торговые точки райпотребсоюза³. Все население было объединено в колхозе «Заветы Ильича» с центральной усадьбой в Ивановской, в котором состояло 100 дворов. По данным районных властей, сельсовет был коллективизирован на 94 %. Под озимые культуры в колхозе было отведено 121,6 га, под яровые – 153,9 га, под огороды – 14,1 га, под картофель – 40,8 га, под кормовые культуры – 63,3 га, под сад – 1 га. В колхозном хозяйстве было 50 лошадей, 25 коров, 29 свиней. Действовала начальная школа со 100 учащимися, 2 сезонных яслей. В личных хозяйствах ивановские колхозники держали 75 коров, 57 свиней, 116 овец⁴. На территории сельсовета работали кирпичный и черепичные заводы, просорушка, кузница, бригада плотников. В поселке Лесничества с 15 дворами и 53 жителями занимались изготовлением саней, колес и других изделий из дерева⁵.

К 1939 г. в Ивановке было 123 двора, из 477 жителей в колхозе «Заветы Ильича» числился 401 человек (из них трудоспособных 186). За 1938 год, после отчисления 10,5 % от дохода колхоза за 1938 г., деньги были распределены для выплаты по трудодням. На один трудодень пришлось по 1,34 кг зерна и 7 копеек деньгами. В среднем на ивановского колхозника приходилось по 72 трудодня⁶. По отчетным данным, на 1 января 1939 г. в колхозе «Заветы Ильича» было 56 лошадей и жеребят, 25 коров и 12 телят, 29 свиней и 202 поросенка, 7 овец и 21 ягнят⁷.

Недалеко от Ивановки и Красного городка в 1920-х гг. образовался небольшой поселок (в 1926 г. в нем было всего 13 домов⁸), начало которому положили основанные здесь заво-

¹ Ленинское знамя, № 22. – 1991. – 19 февраля.

² Побединский ударник, № 145. – 1933. – 27 июня. .

³ Архив МГУ. – Ф.42, оп.6, д. 91. Таблица. Населенные пункты Скопинского района.

⁴ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

⁵ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов по состоянию на 1939 год.

⁶ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов за 1938 год.

⁷ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁸ *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. – С.45.

ды по производству кирпича и черепицы. Значительную роль для развития поселка сыграли планы по открытию здесь производства плитки из черной тугоплавкой глины, о залежах которой было известно еще с довоенного времени. Из нее делали кирпич и черепицу. В 1928 г. в Троицком лесу близ Скопина был построен кирпично-черепичный завод «Крестьянин»¹. «В 1935 г. доразвели ее запасы, пласт оказался довольно мощным, около 4 метров толщиной с предварительной оценкой в 4,5 млн тонн. В 1939 г. образцы глины были отправлены в Москву. Из нее изготовили красивую посуду и испытали, бросая с высоты 2 метров. При этом она не разбивалась. Спланировали строительство керамического завода»². Но эти планы пришлось отложить из-за начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войны.

18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 25 ноября 1941 г. передовой отряд немцев вошел в Скопин. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава.

Находившаяся в Рязске 84-я отдельная стрелковая бригада получила приказ выбить фашистов из города. Очевидец и участник этих событий Е. Дронов вспоминал: «27 ноября при подходе подразделений 84-й ОМСБ к д. Ивановка (Марково) появился самолет Ю-87 и стал штурмовать походную колонну, пикируя на нее. Моряки сумели быстро рассредоточиться, благо рядом был лес, и открыли огонь. По цепям передавалось распоряжение комбрига: кто собьет этот самолет, будет представлен к высокой награде. Сбить его не удалось, и он особого урона не нанес. Складки местности (овраги, противотанковый ров), лес (так называемая Троицкая роща), расположенный перед деревней, позволили морякам укрыться, а затем занять исходные рубежи перед штурмом. С левого фланга, в районе мельницы (около ст. Коготково), в 1,5 км от г. Скопина располагался 2-й батальон бригады. Этот батальон был одет в серые солдатские шинели. В центре наступающих был батальон моряков (в черных шинелях и бушлатах, маскхалатов не было). От основной, центральной группы по оврагу, идущему от д. Ивановка, затем входящему в противотанковый ров, отделилась и двинулась группа, примерно около двух взводов, в сторону городского железнодорожного вокзала. Ранее же в этом направлении вдоль железнодорожного полотна станции Брикетная-Скопин проследовала аналогичная группа. Видимо это была группа из роты автоматчиков под командованием старшего лейтенанта Сурнина. Конечно, я тогда не мог знать замысла комбрига полковника В.А. Молева. Но впоследствии нетрудно было догадаться, что опытный командир, узнав о численном составе, вооружении противника, о всех дорогах и месте размещения штаба немцев, стремился окружить город с трех сторон, как выражаются военные – загнать противника в мешок. Поэтому, на мой взгляд, основные силы были сосредоточены именно там, откуда можно было бы кратчайшим путем перерезать дороги, выходящие из Скопина на юго-запад, самое вероятное направление отступление немцев. Таким образом, подразделения 84-й ОМСБ собрались в районе д. Ивановка, которая, кстати, очень выгодно расположена: две дороги на Скопин, от противника закрыта (Троицкой рощей), вокруг несколько глубоких оврагов, вблизи противотанковый ров... Словом, бригаде удалось скрытно, без особых помех подготовиться к штурму города. Получив последние указания, подразделения бригады немедленно двинулись на рубеж развертывания для перехода в атаку. Двигались мимо детдома, размещенного тогда в здании бывшего монастыря, что находится в Троицкой роще. Мы увидели, как оттуда из ворот выскочили три мотоцикла с

¹ *Ильинский В.Н.* Скопинский район Московской области. – Скопин, 1931 – С. 13.

² Сталинец, № 26. – 1941. – 15 февраля.

немцами. Два из них были сразу же расстреляны, третьему удалось удрать. И так, 84-я ОМСБ вступила в сражение с ходу, не имея соседа ни слева, ни справа. Это диктовалось сложившейся обстановкой. В дальнейшем подтвердились наши опасения: немцы стремились срочно усилить свою группировку в Скопине. Поэтому, несмотря на то, что было много неясного, командир бригады Молев принял единственно правильное тогда решение – наступать! После того как подразделения бригады заняли исходные рубежи, были даны сигнальные ракеты. Это было около полудня. Большинство моряков сняли шапки, достали из вещмешков бескозырки и надели их, расстегнули шинели и бушлаты так, чтобы была видна «морская душа» – тельняшка...

Справедливости ради следует отметить, что немцы обнаружили группу моряков, которые двигались по железнодорожному полотну от станции Брикетная. От деревни Ивановка (Марково), от Троицкой рощи на Скопин имелись две дороги: одна – через возвышенность (ярмарочный холм-бугор) входила затем в улицу Карла Маркса, делящую весь город на две части; другая слева огибала этот ярмарочный бугор (сейчас там жилой Автозаводской микрорайон) и входила в улицу Советская. По этим-то дорогам в сторону Скопина и двинулись моряки с винтовками наперевес.

В цепи матросов с карабином наперевес, находясь в приподнятости духа, шагал и я. Мы шли освобождать мой родной город! Как потом стало известно, одновременно с нами двигался второй батальон, двумя группами: одна шла вдоль дороги через д. Гуменки–Кельцы–Новиково, а другая от ст. Коготково через р. Вёрда в район водяной мельницы и далее по дороге, входящей в ул. Володарского. Эти же дороги давали возможность по кратчайшему пути выйти к единственной дороге, по которой противник мог отступить из Скопина на запад через Новиково–Стрелецкая дубрава–Горлово»¹.

В 1941–1945 гг. уроженцы Ивановки сражались на многих фронтах Великой Отечественной войны. Красноармеец Максим Николаевич Горшков (1912–?) в 1941–1942 гг. воевал на Юго-Западном и Воронежском, с 1943 г. – на 3-м Украинском, в 1944 г. перенес ранение, был награжден медалью «За отвагу». В 1944 г. он служил во 2-й стрелковой роте 604-го стрелкового полка 195-й стрелковой Новомосковской Краснознаменной дивизии. «В боях по уничтожению окруженной группировки немцев в районе села Минжир Молдавской ССР с 24 по 27 августа 1944 г. [тов. Горшков] отразил вместе с подразделением 2 яростные атаки врага. В этих схватках уничтожил 10 немецких солдат и 10 человек немцев захватил в плен»². За проявленные в бою мужество и отвагу рядовой М.Н. Горшков был удостоен ордена Славы 3-й степени.

После войны обстановка в колхозе «Заветы Ильича» Ивановского сельсовета была безрадостной. Хозяйство считалось одним из отстающих. В 1947 г. в нем был собран урожай в среднем по 4,9 ц зерновых с гектара при плане в 10 ц. Выручка от реализации овощей оказалась в 15 раз меньше планируемой. В колхозе было 166 трудоспособных, из них 85 постоянно работающих, 19 человек совершенно не работали. Около 50 человек работало в учреждениях и на предприятиях. Не все выполняли повышенный минимум трудодней, введенный в военное время. К тому же часть колхозников отказалась продавать телят из своих личных хозяйств колхозу в рамках так называемой контракции молодняка, преследовавшей цель восстановления поголовья. В довершение всего, халатность заведующего фермой, не позаботившегося о том, чтобы забить окна в овчарне, привела к тому, что в конце сентября 1947 г. туда забрался волк и загрыз 14 колхозных овец³.

¹ Дронов Е. Страшные дни ноября сорок первого. www.skopin.net/history/strashnye-dni-noyabrya-sorok-pervogo-chast-1.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 690306, д. 3097, л. 170.

³ Сталинец, № 120. – 1948. – 18 ноября; № 45, – 1948. – 29 апреля.

Председателем ивановского колхоза в 1948 г. был С. Горшков. При нем дела хозяйства не улучшились. Районная газета «Сталинец» писала: «В колхозе на исходе 20-й день, а посеяно было только треть площади, или 70 га. На общественном дворе было 20 голов крупного рогатого скота. Добрую половину животных можно было использовать для пахоты и боронования»¹. В 1949 г. средний урожай зерновых в колхозе «Заветы Ильича» составил 5–6 ц с га, недоставало семян для ярового клина. Звеньевая Александра Воронцова говорила: «Четвертый год меня назначают звеньевой, а какой толк от этого, когда за звеном не закрепляют земельный участок, не доводятся задачи по урожаю?»²

Сходная картина наблюдалась и в 1950 г. К выезду в поле в июле колхоз «Заветы Ильича» готов не был. «В колхозной кузнице скопилась техника, требующая ремонта: в разобранном виде жатка, две молотилки, веялка, конные грабли». Кладовая протекала³. При председателе Филатове гречиха и овес все еще стояли на корню в начале сентября. Скопинская районная газета отмечала: «Перед жатвой 120 га озимых в колхозе имелось 5 жаток, 2 конных граблей и 25 крюков. Председатель почему-то поставил в работу только 3, которые убрали лишь 9 га, потери на квадратный метр до 30 колосьев, не подгребали даже конными граблями. Начали в 8 часов, обед с 12 до 15 часов»⁴.

Как видно, желания ударно работать у большинства колхозников не было, и на то были веские причины. В послевоенные годы их труд колхозников оплачивался чисто символически. Многие работали мало, живя на доходы от приусадебного участка. Поэтому еще до войны был введен обязательный минимум выработки трудодней для трудоспособных работников. С 1942 г. действовал введенный на период войны обязательный повышенный минимум трудодней. В случае его невыполнения колхозника могли лишить приусадебного участка или привлечь к уголовной ответственности на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». «Первым тревожным звонком», как правило, была критика на страницах газет. Так, в духе своего времени, районная газета «Сталинец», писала: «Простые колхозницы Матрена Григорьевна Кушцова, Анна Михайловна Шмонова, Евдокия Федоровна Головкина, Александра Сергеевна Шмонова день и ночь на колхозном поле, выполняли полторы и более норм. Член правления И.Б. Шмонов в поте лица трудится на своем приусадебном участке. Ежегодный доход от реализации продукции его сада 10–15 тыс. рублей. В мясокомбинат пешел работать М.Н. Шмонов. В его хозяйстве 0,38 га, корова и птица»⁵.

В 1955 г. колхоз «Заветы Ильича» полностью рассчитался с государством по молоку, годовой удой от коровыв в среднем составил 1513 кг. Лучших удоев добивалась доярка Анна Васильевна Головкина – 1846 кг. Однако это был один из самых низких показателей в районе.

В 1958 г. председателем ивановского колхоза был К. Бурчихин. «Заветы Ильича» в те годы не ругал только ленивый. Доярки говорили: «Если наш руководитель и дальше поведет так дело, то он доведет МТФ до ручки». Пастухи рассказывали почему удои молока были низкими: «Коров поят один раз в сутки и совсем не дают соли – лизунца. Коров больше гоняют, чем пасут, с 12 до 4 часов дня они находятся около реки Вёрды. Затем перегоняют в лошину к Казенному лесу, за пять километров от речки. Пастбище там с плохим травостоем, совсем

¹ Сталинец, № 50. – 1948. – 12 мая.

² Сталинец, № 16. – 1949. – 5 февраля.

³ Сталинец, № 83. – 1950. – 19 июля.

⁴ Сталинец, № 87. – 1950. – 2 июля.

⁵ Сталинец, № 78. – 1950. – 7 июня.

нет воды, если не считать небольшого водоема с обрывистым берегом трехметровой высоты. На другой день в 12 часов дня коров снова гоним к речке на водопой. Голодный, непоеный скот ежедневно проходит по 10 километров»¹.

В июле 1958 г. Ивановский сельсовет был ликвидирован. Входившие ранее в него населенные пункты деревня Ивановка, поселок Красный городок, поселок Кирпичного завода были отнесены к Корневскому сельсовету.

В 1964 г. колхоз «Заветы Ильича» был объединен с корневским хозяйством «Красный горняк»². В состав Корневского сельсовета в 1965 г. входили села Корневое, Старые Кельцы, Пупки, поселки Красный городок и Кирпичного завода, деревни Новиково, Гуменки. На его территории располагались корневский детский сад, 2 медпункта, восьмилетняя школа, 3 библиотеки, 2 магазина и колхоз «Красный горняк»³. В таком составе сельсовет просуществовал до конца советской эпохи.

По Закону Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 77-оз «О наделении муниципального образования – городской округ город Скопин статусом городского округа и установлении его границ» деревня Ивановка была включена в состав этого территориального образования. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Ивановке проживают 224 человека (102 мужчины и 122 женщины).

---

¹ Скопинский шахтер, №28, – 1958. – 5 марта.

² Архив Скопинского района, ф. 29, лл. 1–2.

³ Архив Скопинского района, ф. 12, лл. 1–2.

ИВАНЬКОВО

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

О раннем периоде истории деревни Ивановково свидетельствуют данные археологии. К юго-востоку от восточной окраины деревни на второй надпойменной террасе правого берега р. Моши, примерно в 0,5 км от русла было выявлено средневековое селище XIV–XVII вв. Размеры памятника – ок. 250х70 м, высота над поймой – 6–8 м. В советское время территория древнего селища распаивалась, через него проходила асфальтированная дорога. Однако под пахотным горизонтом местами сохранился неповрежденный культурный слой небольшой мощности. В нем присутствуют фрагменты гончарной позднесредневековой керамики, в т.ч. белоглиняной XVI – XVII вв., было найдено также пряслице из обломка стенки гончарного сосуда¹.

Первое письменное упоминание о существовавшем близ берегов Моши селении относится к концу XVI в. В платежных книгах Пехлецкого стана Рязского уезда за 1595–1597 гг. о нем сообщается: «За князь Ларионом за князь Борисовым сыном Засекиным – село Иванкова на речке на Мошене, да к тому селу припущены Павлова Поляна, да в пустошах в Павловской и в Олферовской и в Черткове; сошного письма в живущем пол-полчети и пол-чети сохи, а в пуге пол-чети и пол-полсохи, да в переходе 6 ч.»² Алферовская пустошь, кстати, упоминается и в межевых документах XIX века, она находилась восточнее и северо-восточнее села Желтухина.

В подлинной переписной книге посадских дворов и людей города Рязска поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане и дворов вотчин боярина Н.И. Романова – города Скопина с деревнями переписи 1646 г. указано: «В селе Иванкова за князь Володимиром князь Ондреевым сыном Волхонским на ево жеребье³ задворной человек Гришка Григорьев сын Воронов расспросом сказал, служу-де государю своему по служилой кабале, а кабалы исположил, потому что та кабала на Москве...»⁴ «Всего за ним шестнатцать дворов, а людей в них пятьдесят девять человек, два двора бобьльских, а в них три человека и задворной человек. В том же сельце за ряшены детьми боярскими, за Яковом Семеновым сыном Фетудиновым, да за Федором Ивановым сыном Волковым, да за Исаем Ивановым сыном Волковым на их жеребьях крестьянских и бобьльских и задворных людей дворов нет, живут одноворцы, а за Исаем на ево жеребье двор, бобьль Томилко Кузьмин, у нево сын Антипка, а за ним двор бобьльской, в нем два человека»⁵.

В дозорной книге засек Рановской, Пустотинской и Новошацкой письма и дозора Курова от 4 (14) апреля 1672 г. перечислены «деревня Чиркова и дрв Иванкова князя Володимира

¹ Археологическая карта России: часть 3 / сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко, Институт археологии РАН. – 1996. – С. 114.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 126.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 156 об.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 158.

⁵ Там же, л. 158 об.

Андреева сына Волконского»¹. В дозорной книге Рановской и Пустотенской засек письма и дозора Никиты Захаровича Вельяминова от 1 (11) августа 1676 г. упомянуты «дрв Иваньково и села Чиркова Тимофея Перекусихина с братьями и разных помещиков...»²

По переписной книге, составленной ок. 1700 г., село Иванково на речке на Моше значится «за князь Володимиром князь Андреевым сыном Волконским, двор помещиков, в нем людей и [с] прикащиком, крестьянских 13 дворов, людей в них 102 человека; бобьльских 14, людей в них 48 человек; задворных 5, в них людей 20 человек; итого 32 двора, в них 173 человека»³.

В переписной книге 1716 г. Иваньково записано «за маиором за князь Григорием князь Федоровым сыном Волконским, двор ево помещиков на вотчинной земле, а в нем дворовые люди и прикащики Григорий Герасимов сын Черкасов сорока шести, Елифан Иванов сын Голохвастов шестидесяти шести <...>, дворовых <...> обоих полов дватцать шесть человек, двор ево помещиков на вотчинной земле, в нем дворовые люди живут восьми избах<...>, <...> а по переписным книгам 710 года написано в том сельце за ним же дворовых <...> обоих полов тринацать человек, да крестьянских десять дворов <...> обоих полов тритцать шесть человек»⁴.

В доношении рязскому воеводе от местных помещиков по поводу организации караулов и рогаток на проезжих дорогах и в населенных пунктах Рязского уезда для борьбы с ворами и разбойниками имеется следующая расписка: «1756 года июня 18 дня, Рязкого уезду Мошенского разъезду сельца Иванькова подполковника князя Василья Степанова сына Волконского⁵, староста ево Петр Коренов, полковника князя Григорья Федорова сына Волконского, староста ево Козьма Поляков и со крестьяны, присланной из Рязкой воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии Указа императрицы, иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматривании о поимке злодеев – слышали и по оной исполнять во всем непременно, в чем и подписуемся»⁶.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Рязского уезда, составленные в 1779 г., сообщают, что «сельцо Иваньково княгини Афросиньи Сергеевой дочери Волконской; князь Тимофея Петрова, князь Григорья Федоровича, княжны Ульяны Григорьевой Волконской; Сергея Андреева сына Кайсарова⁷; Михайлы, Владимира и Павла Александровых детей Нарбековых; Николая Лаврентьевича Шетнева; Василия Савича Перекусихина; княгини Натальи Ивановны Несвицкой с вырезанной церкви Святых Чудотворцев безсребриников Козьмы и Демьяна, что в селе Чиркове церковной землей» располагалось на правой стороне р. Моши и по обе стороны безымянного оврага, в нем имелись «дома господские деревянные с плодovitыми садами, церковная земля на суходоле, земля черноглинистая, хлеб средственный, крестьяне на пашне». В сельце было 40 крестьянских дворов, проживали 152 души мужского и 160 женского пола. Площадь огородной землив имении составляла 37 десятин (40 га), пашни – 731 десятину (797 га), а всего с лесами, лугами и недобьями имение занимало 1032 десятины 1377 сажень (1126 га)⁸.

¹ РГАДА, К. 416 (по МАМЮ), л. 119. Волконский Владимир Андреевич (?–?) – князь, стольник (1642) и воевода. В 1654 г. участвовал в походе на Польшу, в 1662 г. упоминается как сходный воевода на южной границе, в 1672 и 1675 гг. был воеводой в Нежине, в 1676 г. – в Переяславле..

² РГАДА, К. 389 (по МАМЮ), л. 13 об.

³ РГАДА, ф. 350, д. 350а, л. 6 об.

⁴ РГАДА, ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 478.

⁵ Волконский Василий Степанович (1670–?) – князь, с 1741 г. упоминается как отставной подполковник.

⁶ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 2, л. 30 об.

⁷ Кайсаров Сергей Андреевич (?–?) – отставной секунд-майор Лейб-гвардии Измайловского полка, предводитель дворянства Рязского уезда в 1782–1784 гг.

⁸ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1228, л. 17.

Материалы специального межевания, проводившегося 4 (16) октября 1845 г., свидетельствуют о том, что земельные угодия при селце Иванькове были разделены между тремя владельцами. Более 800 десятин (872 га) принадлежало тайному советнику Петру Сергеевичу Кайсарову¹. Малолетние дворяне Приклонские владели более 239 десятинами (261 га). Еще 23 десятины (25 га) были записаны за поручиком Василием Ивановичем Ключаревым.

Владения П.С. Кайсарова состояли из 506 десятин 656 сажень (552 га) пашни, 63 десятин 2000 сажень (70 га) сенных покосов, 8 десятин 500 сажень (9 га) выгона, 124 десятины (135 га) леса строевого и 31 десятины 1200 сажень (34 га) леса дровяного. Под частью поселения, а также огородами, гуменниками и конопляниками находилось 35 десятин 1000 сажень (39 га). Улицей и проселочной дорогой были заняты 12 десятин 420 сажень (14 га), половиной речки Моши и ручьем – 19 десятин (21 га). По 8-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1834 г., в Иванькове П.С. Кайсарову принадлежали 30 крестьянских дворов, в которых проживали 193 души мужского и 188 женского пола. Столько же у него и оставалось на дату проведения межевания, т.е. на 1845 г. Земельная дача лежала как по левую, так и по правую стороны р. Моши. Стрoения находились на правой стороне, образуя вдоль реки довольно прямую улицу, разделенную двумя пролетами. Удаляясь от реки, пролеты, закрытые с одной стороны домами, а с другой огородами, также образовывали порядки. Главная улица селца центральной своей частью выходила к плотине. На восточной околице селца улица переходила в дорогу к селу Желтухино, которая поворачивала от середины селца и шла через мост на левую сторону к Кучуково, Серезево и деревне Веревкиной. Господский дом стоял в середине сельской улицы, выходя своим фасадом на проезжую часть. Примыкающий к дому сад спускался к плотине. Напротив господского дома располагалось еще одно меньшее строение с садом.

Часть земли дворян Приклонских лежала к востоку от Иваньково, на левом и частично на правом берегах р. Моши. Крестьянские дворы располагались фронтом к реке, в виде одного порядка, вытянувшегося вдоль реки на 150 сажень (324 м). Помещики Приклонские владели 195 десятинами (213 га) пахотной земли, под селением, гуменниками и конопляниками у них было 5 десятин 1760 сажень (6,3 га), а всего почти 240 десятин (262 га). По 8-й ревизии 1834 г., собственностью Приклонских числились 13 крестьянских дворов, в которых проживали 22 души мужского пола и столько же женского. В 1845 г. мужского пола стало 26 душ, женского – 23².

В окладной книге 1850 г. имение в «селце Иваньково» было записано «за тайным советником Двора Его Императорского Величества камергером и кавалером Петром Сергеевичем Кайсаровым». В нем числились 170 душ мужского пола и 49 дворовых³.

В 1854 г. помещик П.С. Кайсаров скончался. По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., деревни Иваньково и Иваньковский хутор значились за помещиками Кайсаровыми, наследниками предыдущего владельца. В обоих селениях проживали 473 крепостные души обоого пола⁴.

В соответствии с «Ведомостью о переменах владельцев, произошедших по разным уездам в теченин 1845–1865 гг.», в 1859 г. имения в селах Нагайском и селце Иваньково пере-

¹ Кайсаров Петр Сергеевич (1777–1854) – камергер Высочайшего двора, тайный советник, сенатор. Пользовался известностью как поэт и переводчик. Брат генерала от инфантерии Паисия Сергеевича Кайсарова (1783–1844), правителя канцелярии М.И. Кутузова в 1811–1812 гг.

² РГАДА, ф. 1354, оп. 408, И-8-10син.

³ ГАРО, ф. 129, оп.46, д. 192, лл. 258 об – 259.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 114.

шло по наследству «жене, бывшей французской поданной, а ныне русской баронессе Наталье Дароман, урожденной Кайсаровой» как «доставшееся ей по наследству после смерти двоюродного брата надворного советника Андрияна Михайловича Кайсарова»¹. В этой записи имеется в виду Н.П. Кайсарова, единственная дочь героя Отечественной войны 1812 г. Пасия Сергеевича Кайсарова, унаследовавшая имущества его братьев. В 1845 г. ее мужем стал французский барон Жозеф-Арман-Густав дю-Буа-де-Роман (1810–1871). В 1859 г. указом императора Александра II он был принят в русское подданство, а в следующем году высочайше утвержденным мнением Государственного совета камергеру и действительному статскому советнику барону Густаву Армановичу дю-Буа-де-Роман было дозволено присоединить к своей фамилии и гербу фамилию и герб своей жены, последней представительницы старинного русского дворянского рода. В 1866 г. род баронов дю-Буа-де-Роман-Кайсаровых был внесен в 1-ю часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии.

По свидетельству И.В. Добролюбова, жители сельца Ивановькова были прихожанами Знаменской церкви в селе Чирково Рязского уезда Рязанской губернии. Ее строительство было начато в 1813 г. помещицей Натальей Васильевной Кайсаровой, вдовой А.С. Кайсарова², погибшего в мае 1813 г. в ходе Заграничного похода русской армии. Храм стал усыпальницей супругов: «Под алтарем придельного храма, как видно из надписи, покоится тело храмостроительницы и ее мужа майора Андрея Сергеевича Кайсарова»³. В 1884 г. «в составе прихода, кроме села (Чиркова. – *Примеч. авторов*) с 38 дворами, входят деревни: Кучукова (в 2 верстах) с 76 дворами, Ивановькова, бывшая в XVIII столетии вотчиною князей Волконских – (Василия Степановича, Григория Федоровича и Андрея Ивановича) в 1½ верстах с 54 дворами, хутор Ключарев (в 4 верстах) с 19 дворами и хутор Говоров (в 6 верстах) с 33 дворами, в коих числится мужского пола 796, женского пола 829»⁴.

После устройства в Рязском уезде волостей в начале 1860-х гг. сельцо Ивановьково, которое с упадком существовавших в нем усадеб все чаще называли деревней, было включено в Нагайскую волость. По переписи населения 1887 г. в Ивановьково насчитывалось 83 домохозяйства, в которых проживали 252 мужчины и 230 женщин. Грамотными среди них были лишь 19 мужчин. Средний душевой земельный надел жителя Ивановькова составлял всего 2,2 десятины (2,4 га). 32 крестьянские семьи арендовали дополнительно 21 десятину (23 га) внеадельной земли, 3 семьи были полностью безземельными. Ивановьковские крестьяне получали неплохие урожаи: ржи – «сам-шест», овса – «сам-пят» (т.е. собранное в 6 и 5 раз превосходило посеянное). Безлошадных было 32 двора, бескоровных 35, при этом на 29 дворах обходились и без лошадей, и без коров. В то же время на 14 дворах держали по 3 и более лошадей. Все 69 деревенских изб были крыты соломой, при них имелось 45 амбаров (сараяв) и 48 риг и овинов. В деревне действовали 2 «промышленных предприятия», в отхожих промыслах числился 21 мужчина, 7 семей жили «на стороне». В селении отмечены еще 15 плодовых деревьев и 3 колоды пчел⁵.

Небольшие наделы жителей Ивановькова контрастировали не только с помещичьими владениями, но и с имениями богатых крестьян. Впрочем, даже у тех не всегда получалось

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 561 об.

² Кайсаров Андрей Сергеевич (1782–1813) – публицист, филолог, поэт. В 1812 г. находился на военной службе в походной типографии при Главной квартире армии, выпускавшей листовки и воззвания к местному населению и солдатам наполеоновской армии, а также газету «Россиянин» на русском и немецком языках. Погиб в тылу французских войск, находясь в отряде своего брата генерала П.С. Кайсарова.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 340.

⁴ Там же. С. 340–341.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – М.: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 114–121.

эффективно вести хозяйство. Например, в 1882 г. Правление С.-Петербургско-Тульского поземельного банка доводило до всеобщего сведения, что «по неплатежу следующих банку взносов, назначены в продажу <...> крестьян Фаддея и Дмитрия Сидоровичей Зиминых имение Ряжского уезда при селе Ивановке Ногаевской волости (в другом объявлении при селе Иванькове, в даче Рановская засека, 156 десятин (170 га), в 8 верстах от станции «Желтухино» Ряжско-Вяземской железной дороги, в коем земли удобной 150 десятин (163,5 га), а именно: усадебной 5 десятин (5,5 га), пахатной 145 десятин (158 га), в имении находятся усадебные и хозяйственные постройки»¹.

Скудный надел вынуждал крестьян к переселению. О дальнейшей жизни после одного из таких переселений в докладе Ряжского земского собрания от 28 сентября 1887 г. сообщалось, что общество крестьян деревни Иваньковой Нагайской волости ходатайствовало о перечислении выданной им ссуды за переселение на полевые земли в безвозвратное пособие. В пояснении к докладу отмечалось: «По истечении льготных 4-х лет управа, начиная с 1880 г., обращалась с просьбой взыскать с общества деревни Иваньковой причитающиеся с них взносы в возврат ссуды, но таковые не уплачивались. Меж тем, поселок этот (название поселка не указано, возможно он находился рядом с деревней. – *Примеч. авторов*) после переселения несколько раз горел, и в настоящее время переселенцы дошли до такой крайней бедности, что взыскать с них что-либо не представляется возможности за неимением, кроме дворов, никакого имущества и скота». В дополнении управа констатировала, что крестьяне «имеют на десять дворов одну корову». Решили: 750 рублей отдать безвозвратно, 250 руб. рассрочить на десять лет².

Скудная жизнь крестьян селения заставляла их идти на поклон к богатым, а расплачиваться приходилось имуществом – последним наделом. Судебный пристав Рязанского окружного суда по Ряжскому уезду Г.А. Тихомиров, живший в г. Ряжске, через губернскую газету объявлял о том, «что 16 мая 1892 г. с 10 часов утра при Ряжском уездном съезде будет продаваться недвижимое имение крестьянина деревни Иваньковой Ряжского уезда Ивана Алексея Мещерякова, состоящее Рязанской губернии Ряжского уезда Нагайской волости при деревне Иванькове, и заключающееся в праве на 3 десятины пахотной полевой земли, на удовлетворение крестьянина Еленовского посада Ряжского уезда Андрияна Васильева Пролыгина по исполнительному листу уездного члена Рязанского окружного суда по Ряжскому уезду от 27 января 1892 г. за № 90, в количестве 305 рублей. Имение это не заложено и оценено в 200 рублей, с каковой суммы и начнется торг»³.

В конце XIX в. самыми суровыми невзгодами для крестьян были эпидемические заболевания, пожары и неурожай. Из всех уездов Рязанской губернии Скопинский и Ряжский больше всего пострадали от голода 1891–1892 гг. По данным Ряжского уездного земства, в 1891 г. в продовольственной помощи нуждались 26 221 жителей уезда, в 1892 г. – 17 388. При этом отмечалось, что в селениях Нагайской волости урожай зерновых в 1892 г. был хуже, чем в предыдущем: рожь, овес и просо уродились плохо, картофель – средне⁴.

В неурожайном 1892 г. крестьяне деревни Иваньково получили наибольшую продовольственную помощь среди всех сельских обществ Нагайской волости. Земство выделило им «на

¹ Рязанские губернские ведомости, № 33, – 1882. – 8 мая.

² Журналы Ряжского уездного земского собрания XXIII очередного 27–28 сентября 1887 г. – Ряжск, 1888. – С. 83–84.

³ Рязанские губернские ведомости, № 28, – 1892. – 22 апреля.

⁴ Журналы Ряжского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года. – Ряжск, 1893. – С. 160–167.

продовольствие» 591 пуд (9, 5 т) ржи, 457 пудов (7,3 т) пшеницы, 919 пудов (14,7 т) кукурузы, 194 пуда (3,1 т) отрубей, а «на обсеменение» – 413 пудов (6,6 т) ржи и 447 пудов (7,2 т) овса. Но это зерно не было гуманитарной помощью, оно давалось в качестве ссуды на льготных условиях, которую крестьянам необходимо было возвращать с последующих урожаев¹.

В 1905 г. в деревне Иваново Нагайской волости Рязского уезда Рязанской губернии было 80 дворов, в которых проживали 297 мужчин и 258 женщин. Деревня находилась в 18 верстах от уездного города Рязька, в 8 верстах от ближайшей железнодорожной станции Желухино и в 7 верстах от волостного правления в селе Нагайском².

Из документов Рязского уездного земства известны некоторые промышленные заведения, действовавшие в Ивановке в начале XX в. В 1901 г. в деревне действовали рушалка крестьянина Ивана Фадеева и мелочная лавка Марии Васильевны Никкульшиной. При этом лавка приносила в 10 раз меньше дохода, чем рушалка³. 1 (14) января 1904 г. в Ивановке открылись кузница крестьянина Михаила Васильевича Алексеева и торговая лавка Пелагеи Григорьевны Завьяловой⁴. В 1908 г. в деревне действовали лавки Евгении Васильевны Мещеряковой и Натальи Семеновны Гордюшиной, причем доходность последней была в два раза выше первой⁵.

Местной достопримечательностью Иваново был деревянный мост через р. Мошу. Окрестные реки Моша, Ранова, Вёрда и прочие, хотя и небольшие, но в период половодья достаточно бурные. Мосты через них обычно по весне разбирали, чтобы их не сносило – это было дешевле, чем каждый год строить заново. Например, в 1915 г. по смете Рязской уездной земской управы, «за разборку перил и настил перед полой водой и после слития воды постановку на место при залильном мосте через р. Мошу у деревни Ивановкой, р. Хупту у села Введенского и через р. Ранову у села Княжего»⁶ заплатили 90 руб. 15 коп.

В 1917 г. в деревне Иваново Рязского уезда Рязанской губернии было 87 дворов, в которых проживали 297 мужчин и 263 женщины⁷. В первые годы советской власти (точная дата неизвестна) был создан Ивановский сельсовет.

После укрупнения уездов и волостей Рязанской губернии в 1925 г. Иваново до 1929 г. находилось в составе Скопинского уезда. Крестьянская жизнь в 1920-х гг. мало чем отличалась от дореволюционной. Характерной приметой времени было широкое распространение различных форм крестьянской самоорганизации. Например, в 1926 г. в деревне Иваново была создана трудовая артель из семи человек – инвалидов войны. Каждый из артельщиков внес пай в 50 рублей. Скопинская газета «Коллектив» сообщала: «Артель открыла торговлю крестьянским товаром, и торговля у инвалидов зацвела. Избрали из своей среды одного ответственного приказчика за плату и выбрали председателя, секретаря и возчика – пока бесплатно»⁸.

¹ Журналы Рязского уездного земского собрания XVIII очередного созыва 12 и 13 октября 1892 года. – Рязьск, 1893 – С. 218–219.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 396–397.

³ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXVIII очередного созыва с приложениями 2 9 и 30 сентября 1901 года и экстренного созыва 25 ноября 1901 года. – Рязьск, 1902. – С. 50–51.

⁴ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXIX очередного и экстренных созывов 2 марта и 8 мая 1904 года. – Рязьск, 1904. – С. 35.

⁵ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXX очередного созыва 27, 28 и 29 сентября 1908 года и экстренного 29-го ноября 1908 года. – Рязьск, 1909. – С. 94.

⁶ Отчет Рязской уездной земской управы за 1915 год. – Рязьск, 1916. – С. 199.

⁷ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 89.

⁸ Коллектив, № 8. – 1926. – 27 января.

В 1929 г. старое административное деление на волости, уезды и губернии было упразднено. Ивановский сельсовет вошел в состав Рязского района, включенного в Центрально-Промышленную область, в том же году переименованную в Московскую.

В годы коллективизации в населенных пунктах Ивановского сельсовета было организовано четыре колхоза: «Красные всходы» в Ивановке, «Красный богатырь» в Гусиловке, «Дружба» в Большой Косыревке и «Сознание» в Малой Косыревке. Среди первоочередных задач, стоявших перед молодыми коллективными хозяйствами, была организация пожарной охраны. С этой задачей во всех колхозах сельсовета, судя по всему, справлялись неудовлетворительно. В 1934 г. районная газета «Колхозник» писала: «...Ни в одном (колхозе. – *Примеч. авторов*) не организована пожарная охрана. При сельсовете имеется пожарный сарай, но никто не знает, в каком состоянии находится пожарный инвентарь. В колхозе «Красные всходы» кузница покрыта соломой. От кузницы до поселения всего только 15–20 метров»¹.

Для восстановления поголовья скота в Ивановке применяли контрактацию молодняка, заключающуюся в предварительной закупке колхозами телок у колхозников и единоличников для продажи их бескоровным колхозникам и для укомплектования колхозной животноводческой фермы. Были предусмотрены льготы для колхозников и единоличников, стимулирующие выращивание ими телок: скидка с годовой нормы сдачи государству молока на 25 % и сдачи мяса на 20 %, начисление по 10–15 трудодней за каждую выращенную и сданную телку. Телку в возрасте, как правило 6 месяцев, колхоз выкупал по цене договора контракта. В соответствии с составленным планом развития животноводства в ивановском колхозе «Красные всходы» в 1934 г. были законтрактованы «для ликвидации бескоровности 15 телок и для создания фермы выращивания молодняка 23 телки»².

В 1935 г. Ивановский сельсовет был передан из Рязского в новообразованный Желтухинский район Московской области. В 1937 г. Желтухинский район вошел в состав Рязанской области.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уроженцы Ивановки доблестно защищали Родину на разных фронтах. Ефрейтор Григорий Андреевич Фадеев (1907–?), пулеметчик роты крупнокалиберных пулеметов 1265-го зенитно-артиллерийского полка, воюя с июня 1941 г. Командир полка майор Бунаков писал о его боевой работе: «В боях с немцами захватчиками проявил себя смелым, инициативным воином. Имеет на боевом счету три сбитых самолета противника. 12 марта 1945 г. в районе Юлиенталь, дежуря у пулемета на переднем крае, своевременно обнаружил разведку противника, подпустил на близкую дистанцию и открыл огонь. В этом бою он уничтожил 9 немецких солдат. 22 марта 1945 г. в районе Хасенберг отразил пулеметом две контратаки противника и уничтожил один пулемет с прислугой»³. За эти подвиги ефрейтор Г.А. Фадеев был награжден орденом Славы 3-й степени.

После Великой Отечественной войны ивановский колхоз «Красные всходы» долгое время не мог подняться. Не было хорошо укомплектованной молочно-товарной фермы, были проблемы и с семенами. Так, в феврале 1948 г. члены правления колхоза обнаружили, что семян для посева в хозяйстве недостает. «Чтобы исправить дело, председатель Черкасов предложил собрать недостающее количество из личных запасов. От себя сдал 6 пудов картофеля, всего собрали 114 пудов»⁴. Если семена находили, то выяснялось, что не на чем пахать. Ло-

¹ Колхозник, №75. – 1934. – 2 июля.

² Колхозник, № 100. – 1934. – 21 августа.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 2732, л. 251.

⁴ Колхозная правда, № 6. – 1948. – 20 февраля.

шадей не хватало. При этом некоторые местные руководители, цепляясь за свои небольшие номенклатурные привилегии, осложняли и без того непростую жизнь колхозников. Например, председатель Ивановского сельсовета Громов заявил предколхоза «Красные всходы»: «Пешком я ходить не буду». Пришлось выделять для него лошадь из числа колхозных, так нужных для работы. Колхозники ворчали: «Громов поставил ее к себе во двор как свою <...>, возит ежедневно жену на работу, в сельпо»¹.

В связи с укрупнением сельских советов в 1954 г. Ивановский и Кучуковский сельсоветы были объединены с Желтухинским. После упразднения Желтухинского района в 1956 г. Иваново в составе Желтухинского сельсовета вошло в Скопинский район Рязанской области.

В 1961 г. был расформирован совхоз им. В.И. Чапаева с центральной усадьбой в поселке Желтухинский. Его хозяйство разделилось на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское. Вскоре на базе совхоза им. Чапаева был создан совхоз «Желтухинский». В Желтухинское отделение совхоза вошли колхозы: «Красный богатырь» деревни Гусиловка, «Красные всходы» деревни Иваново, «Сознание» деревни Малая Косыревка, «Дружба» деревни Большая Косыревка, им. Литвинова деревни Желтухино, им. Дзержинского деревни Козловка, «13 лет Октября» деревни Петровские хутора, «Советская волна» поселка Ленинский, «Новый путь» деревни Кондауровка². Совхоз «Желтухинский» просуществовал до конца советской эпохи и в 1993 г. был преобразован в акционерное общество.

В 1965 г. в Желтухинский сельсовет Скопинского района Рязанской области входили населенные пункты: села Желтухино, Новое, деревни Свистовка, Иваново, Летово, Кондауровка, Козловка, Ленинка, Петровские хутора, Косыревка, Савиловка, Воздвиженка и Гусиловка³.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Иваново вошла в состав Шелемишевского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в деревне Иваново в это время оставался 1 житель. В настоящее время Иваново – безлюдное урочище без признаков жилья.

---

¹ Колхозная правда, № 8. – 1948. – 5 марта.

² Архив Скопинского района, ф. 445, лл. 1–2.

³ Архив Скопинского района, ф. 98, л. 1.

ИЗМАЙЛОВКА

деревня

(сельское поселение Горловское)

Деревня Измайловка является еще одним населенным пунктом Скопинского района, чья история связана с Епифанским уездом Тульской губернии. Ориентировочное время ее основания – середина XVIII в. Деревня обозначала юго-восточную границу богатой вотчины с усадьбой в селе Хитровщине¹ (Богоявленском), располагавшейся по обоим берегам р. Улыбыш в Епифанском уезде Тульской губернии и Михайловском уезде Рязанской губернии. Большая часть вотчины находилась в Епифанском уезде и составляла 10 438 десятин (11 404 га)².

Название Хитровщины указывает на ее принадлежность боярской семье Хитрово в XVII в., однако точных данных на этот счет нет. В 1696 г. село Богоявленское с деревнями, находившееся в казенном владении, было пожаловано Петром I своему известному сподвижнику Ф.Я. Лефорту³ в награду за участие в успешном 2-м Азовском походе. Наследники петровского генерал-адмирала – его вдова и сын, а затем племянник Петр Лефорт⁴ – владели вотчиной до 1732 г. Документы 2-й ревизии податных сословий Российской империи по Епифанскому уезду Тульской провинции Московской губернии⁵, проводившейся в 1745 г., называют помещицей села Богоявленского, Хитровки тож, Анну Михайловну Измайлову (1701–1748), дочь фельдмаршала князя М.М. Голицына⁶ и вдову генерал-поручика и подполковника Лейб-гвардии Семеновского полка Льва Васильевича Измайлова⁷.

Видимо, появление деревни Измайловки связано с хозяйственной деятельностью сыновей А.М. Измайловой – братьев Михаила Львовича и Дмитрия Львовича. Генерал-поручик М.Л. Измайлов (1734–1797), кавалер орденов Св. Александра Невского и Св. Анны, был личностью исторической. Записанный в Лейб-гвардии Семеновский полк в 1742 г., он получил свой первый офицерский чин 8 лет спустя. В годы царствования императрицы Елизаветы Петровны он состоял камер-юнкером при наследнике престола великом князе Петре Федоровиче, потом был камергером при его дворе. Во время Семилетней войны 1756–1762 гг.

¹ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 16.

³ Лефорт Франц Яковлевич (1655–1699) – видный государственный и военный деятель эпохи Петра I, генерал-адмирал русского флота (1695), участник 1-го и 2-го Азовских походов (1695–1696).

⁴ Лефорт Петр (1676–1754) – генерал-лейтенант русской службы (1709), кавалер ордена Св. Александра Невского. В 1732 г. выехал в Мекленбург и в Россию более не возвращался.

⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 965, л. 211 об.

⁶ Голицын Михаил Михайлович (1675–1730) – князь, генерал-фельдмаршал (1725), президент Военной коллегии в 1728–1730 гг. Соратник Петра I, выдающийся полководец периода Северной войны 1700–1721 гг., участник битв при Лесной (1708) и Полтаве (1709), а также морского сражения при Гренгаме (1720).

⁷ Измайлов Лев Васильевич (1687–1738) – дипломат и военачальник, генерал-поручик (1734), подполковник Лейб-гвардии Семеновского полка. В 1706 г. направлялся с дипломатическим поручением в Данию, в 1719–1720 гг. возглавлял посольство в Китай. Участвовал в войне за польское наследство 1733–1735 гг., за победу при Сенцах над войсками короля Станислава Лещинского в сентябре 1734 г. был пожалован чином генерал-поручика и орденом Св. Александра Невского. В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. участвовал в походах на Крым фельдмаршала Миниха (1735) и фельдмаршала Ласси (1737).

М.Л. Измайлов находился при австрийской армии волонтером, в 1760 г. был произведен в полковники, в 1761 г. участвовал в военных действиях под Кольбергом.

25 февраля 1762 г. император Петр III произвел его в генерал-майоры и назначил шефом 2-го гренадерского полка. В дни переворота 1762 г. М.Л. Измайлов ездил к императрице Екатерине с увещательным посланием от Петра III. Переметнувшись на сторону заговорщиков, он на правах старого друга уговорил императора подписать отречение от престола¹. Вместе с графом Гудовичем² и графиней Воронцовой³ он сопровождал отрекшегося императора на пути из Ораниенбаума в Петергоф. В благодарность Екатерина II в тот же день 28 июня 1762 г. пожаловала Измайлову орден Св. Александра Невского, 22 сентября 1768 г. он был произведен в генерал-поручики. Выйдя в отставку в 1769 г., М.Л. Измайлов подолгу жил в своих поместьях, в т.ч. в Богоявленском-Хитровщине. В 1768 г. на его средства в селе был возведен сохранившийся до наших дней каменный храм во имя Богоявления Господня с приделом во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Младший брат М.Л. Измайлова полковник Дмитрий Львович Измайлов (1737–1779) был женат на графине Елизавете Ивановне Гендриковой (1745–после 1788), троюродной сестре Петра III.

Генеральный план Епифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время деревня Измайловка представляла собой один порядок крестьянских домов, стоявший на луку к юго-западу от проезжей дороги из Венева в Скопин. От дороги ее отделял овраг, а задником деревне служил лес, позднее получивший название Журавлиного.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Епифанского уезда описывают богатую вотчину Измайловых, в которую были включены «село Богоявленское, селца Кудашево⁴ и Клубучки з деревнями Измайловкой, Поповкой⁵, Галицкой, Львовой, Ковалевой и Кашиной⁶». Об Измайловке в документе сказано, что она стояла «на суходоле... при большой дороге изгорода Венева вгород Скопин⁷». В деревне насчитывалось 15 дворов, в которых проживали 49 мужчин и 50 женщин.

В 1-й пол. XIX в. в своем богатом хитровщинском имении подолгу проживал известный крепостник-самодур Лев Дмитриевич Измайлов (1763–1836). Его многочисленные чудачества, а также крайне деспотичное обращение со своими крестьянами, сделали его печально знаменитым среди современников. Считается, что Л.Д. Измайлов стал одним из прототипов образа Троекурова в повести А.С. Пушкина «Дубровский», что именно к нему относятся строки из комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова:

Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь, и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!..

¹ Дашкова Екатерина Романовна (1743 или 1744–1810) – княгиня, дочь генерал-аншефа графа Р.И. Воронцова, подруга и соратница императрицы Екатерины II.

² Гудович Андрей Васильевич (1731–1808) – генерал-аншеф, доверенное лицо Петра III.

³ Воронцова Елизавета Романовна (1739–1792) – дочь генерал-аншефа графа Р.И. Воронцова, фаворитка императора Петра III.

⁴ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

⁵ Ныне не существует.

⁶ Ныне все в Кимовском районе Тульской области.

⁷ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 16 об.

В основе эпизода «из крепостного быта», упоминаемого в беседе Ивана и Алеши Карамазовых в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, также лежит реальный случай из повседневного быта хитровицинского имения Л.Д. Измайлова. Его жизни посвящено историко-публицистическое исследование рязанского писателя С.Т. Славутинского «Генерал Измайлов и его дворня» (1876)¹, как представляется – довольно пристрастное, т.к. дед автора конфликтовал с Л.Д. Измайловым, и у внука были основания выставить хитровицинского помещика монстром-крепостником в глазах «прогрессивной общественности» пореформенной России.

Биография Л.Д. Измайлова довольно примечательна и богата неожиданными поворотами судьбы. В 1770 г. ребенком он был записан в Лейб-гвардии Семеновский полк. 13 лет спустя по заочной выслуге Л.Д. Измайлов получил первый офицерский чин и начал действительную службу. В чине капитана он принимал участие в русско-шведской войне: 27 мая 1790 г. Измайлов был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени «во уважение за усердную службу его при шведском наступлении 24 мая на Саивтайпольский пост, когда отличным мужеством ободрил подчиненных и поспешествовал к получению победы».

Позднее Л.Д. Измайлов перевелся в армию с повышением в чине. В 1794 г. он получил в командование Кинбурнский драгунский полк, во главе которого принимал участие в военных действиях в Польше.

С воцарением Павла I Измайлов, связанный с партией Зубовых, был вынужден подать в отставку. Несколько лет он жил в своих поместьях Дедново² и Хитровщина, унаследованных после смерти дяди. С воцарением Александра I Л.Д. Измайлов вернулся на службу, получил чин генерал-майора, но вскоре снова был отправлен в отставку.

В 1803 г. он был избран предводителем дворянства Рязанской губернии, в 1806 г. сформировал рязанскую милицию, а в Отечественную войну 1812 г. возглавил рязанское ополчение, принимавшее участие также в Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. По окончании кампании Измайлов был награжден чином генерал-лейтенанта и золотой табакеркой с бриллиантами.

За жестокое обращение с подвластными ему крестьянами Л.Д. Измайлов неоднократно находился под следствием. В 1826 г. над его имениями была установлена опека, сам же генерал в 1831 г. был удален в принадлежавшее ему село Горки Зарайского уезда Рязанской губернии³, где прожил до самой смерти.

В 1836 г. огромное хитровицинское имение унаследовал родственник Л.Д. Измайлова граф Александр Дмитриевич Толстой (1794–1856), генерал-лейтенант и кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени. Следующим владельцем усадьбы стал брат предыдущего помещика граф Павел Дмитриевич Толстой (1797–1875), видный придворный сановник николаевской эпохи. П.Д. Толстой окончил Пажеский корпус, в 1818 г. был определен в Гренадерский полк Его Величества короля Прусского. Вскоре граф был переведен оттуда в Лейб-гвардии Преображенский полк, позднее в чине полковника – в Лейб-гвардии Семеновский полк, где в 1828 г. командовал 1-м батальоном. После П.Д. Толстой перевелся в пехотный полк, затем числился на гражданской службе: в декабре 1836 г. он упоминается как действительный статский советник в отставке, позднее – тайный советник. С 1834 г. граф П.Д. Толстой состоял

¹ *Славутинский С.Т.* Генерал Измайлов и его дворня. (Очерк помещичьего быта первой четверти нынешнего столетия) / И.В. Селиванов, С.Т. Славутинский. Из провинциальной жизни. – М.: Современник, 1985. – С. 319–388.

² Ныне Дединово в Луховицком районе Московской области.

³ Ныне не существует. Место, где располагалось село Горки, сейчас находится на территории Луховицкого района Московской области.

камергером, с 1855 г. – гофмаршалом двора принца Петра Ольденбургского. Граф был кавалером многочисленных наград, в т.ч. ордена Св. Станислава 1-й степени (1843), Св. Анны 1-й степени (1848), Белого Орла (1856) и Св. Александра Невского (1856) ¹.

Статистический справочник «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедший под редакцией академика П.И. Кешпена, отмечает, что в это время население деревни, находившейся «при оз. Алешине» (?), составляло 165 человек «помещичьих крестьян»². Жители деревни являлись прихожанами Богоявленской церкви в селе Хитровщина. Сведения о деревне накануне отмены крепостного права содержатся в изданном в 1862 г. списке населенных мест Тульской губернии. Согласно этому изданию, Измайловка, «деревня владельческая», находилась «при безыменном ручье». В ней насчитывалось 93 двора, в которых проживали 175 мужчин и 190 женщин³.

Военно-топографическая карта Тульской губернии 1863 г. свидетельствует, что в рассматриваемое время Измайловка, как и за сто лет до того, представляла собой один рядок домов, вытянувшийся вдоль проселочной дороги, связывавшей село Клубочки с селом Клетотки.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. деревня Измайловка вошла в состав Петрушинской волости. С 1861 по 1864 гг. ее жители имели статус временнообязанных крестьян бывшего помещика графа Толстого. В 1864 г. «Тульские губернские ведомости» сообщили об утверждении Главным выкупным учреждением выкупной сделки по имению «тайного советника гр[афа] П.Д. Толстого в селе Хитровщине, дер[евнях] Кудашевой, Галицкой, Измайловке, Поповке, Клубочков и Кашиной Еп[ифанского] у[езда]». Размер выкупной ссуды, полученной бывшим душевладельцем от правительства, составил астрономическую по тем временам сумму в 168 840 р⁴.

Земская статистика 1866 г. подтверждает, что жители Измайловки в это время уже являлись полноправными крестьянами-собственниками. Мужское население деревни составляло 87 чел. Общая площадь обрабатывавшейся деревенскими крестьянами земли равнялась 239 десятинам 600 саж. (261,39 га). По состоянию на 1 января 1867 г. недоимок за ними не числилось⁵.

Жизнь в небольшой деревне на краю Епифанского уезда почти не отражалась на страницах губернской прессы. За несколько десятилетий удалось найти лишь несколько упоминаний о ней в «Тульских губернских ведомостях». В разделе «Происшествия по губернии за 1-ю пол. февраля 1869 г.» можно прочесть следующее: «Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Измайловке солдатка д[еревни] Поповки Матрена Васильева, 65 л[ет], 7 ч[исла] умерла скоропостижно от излишнего употребления вина»⁶.

Хроника происшествий по Тульской губернии за 2-ю пол. августа 1870 г. сообщает: «14 августа Еп[ифанского] у[езда] Петр[ушинской] вол[ости] в дер[евне] Измайловке солдатка Дария Моисеева 55 л[ет] скоропостижно умерла»⁷. Возможно, за этим событием скрывалась какая-то деревенская детективная история, привлекавшая внимание уездного полицейского управления, почему она и попала в прессу.

¹ Tolstoy-Miloslavsky Dmitry. The Tolstoys – Genealogy and Origins. Javea (Spain), 1991. – P. 318.

² Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. – Тула, 2006. – С. 90.

³ Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862. – С. 71.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 28. – 1864. – 11 июля.

⁵ По данным имеющегося в распоряжении авторов не идентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 7. – 1869. – 15 февраля.

⁷ Тульские губернские ведомости, № 39. – 1870. – 12 сентября.

О том, как судебная реформа 1861–1864 гг. затронула крестьянскую среду, можно судить по опубликованному главной губернской газетой очередному списку присяжных заседателей на 1872 г. В нем, в частности, сообщалось, что запасными присяжными заседателями на третью четверть года были избраны крестьяне Петрушинской волости деревни Измайловки Марк Филиппов, Петр Егоров, Сергей Федулов, Афанасий Федулов и Андрей Иванов¹. Три года спустя одним из присяжных заседателей на первую четверть года стал крестьянин Петрушинской волости деревни Измайловки Федор Данилов².

В 1891 г. Петрушинская волость, к которой относилась Измайловка, была объединена с соседней Клекотковской в Клекотковско-Петрушинскую. В нее деревня входила вплоть до начала 1920-х гг.

В конце XIX в. в Измайловке проживали состоявшие из многочисленных семей крестьянские кланы Максимовых (они были потомками отставного солдата николаевских времен), Рытовых и Завойкиных. Сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1896) свидетельствует, что в это время жители деревни были прихожанами Вознесенской церкви в селе Петрушине³.

По информации, опубликованной в «Тульских епархиальных ведомостях» в 1901 г., в Измайловке с 1895 г. действовала школа грамоты. Заведовал ей священник Георгий Соловьев, учителем состоял крестьянин Иван Миронов, не имевший «учительского звания»⁴.

По данным клировых ведомостей Тульской епархии, в 1915–1916 гг. в деревне Измайловке насчитывалось 50 дворов, а население составляло 204 мужчины и 220 женщин. В деревне действовала земская школа⁵.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. деревня Измайловка вошла в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда и была административно подчинена Петрушинскому райсельсовету. Справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в 1925 г. в деревне работала школа 1-й ступени (видимо, реорганизованная бывшая земская школа)⁶.

В 1926–1929 гг. деревня входила в Клекотковский район Тульской губернии. В 1929 г. Измайловка вместе с другими окрестными населенными пунктами была включена в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района деревня попеременно относилась то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В мае 1930 г. в Измайловке был создан колхоз им. К.Е. Ворошилова. Он специализировался на выращивании ржи, пшеницы, проса, овса, картофеля и бобовых культур. С самого начала своего существования измайловский колхоз вышел в число передовых хозяйств района. Его достижениям время от времени посвящала свои публикации горловская районная газета «Ленинская искра». Показательна выдержанная в духе эпохи статья председателя измайловского колхоза Тельшиова «Измайловка близка к сплошной», опубликованная в мае 1931 г.:

¹ Тульские губернские ведомости, № 19. – 1872. – 11 марта.

² Тульские губернские ведомости, № 9. – 1875. – 29 января.

³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Персвет», 2010. – С. 180.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.). – С. 177–178.

⁵ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Новый Кешпен: приходы Тульской губернии. 1915–1916 годы. Справочник. – Тула, 2014.

⁶ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. – Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. – С. 173.

«Измайловский колхоз готовится к севу по-ударному. Колхозники принимали активное участие во всей подготовке к выезду в поле. Расстановка рабочей силы проведена своевременно. Рабочая сила разбита на бригады по специальности. Каждому колхознику прикреплена как тяговая сила, так и инвентарь. Сейчас колхоз, развернув соцсоревнование и ударничество, борется за выполнение и перевыполнение посевного плана. Первые итоги сева показали, что нормы выработки отдельными колхозниками не только выполняются, но и перевыполняются. В колхозе состоит 98 проц. всех хозяйств дер. Измайловка. Под руководством партийных и советских организаций измайловский колхоз успешно проведет второй большевистский сев, уборку урожая и приложит все силы к количественному и качественному укреплению своих рядов, тем самым дав решительный отпор классово-враждебным элементам и оппортунистам всех мастей»¹.

В апреле 1932 г. «Ленинская искра» писала: «Колхоз им. Ворошилова Клетокковского сельсовета является передовым в нашем районе. Своевременно управившись с уборкой урожая, выполнив хлебозаготовки на 129 проц., сейчас колхоз по-боевому заканчивает подготовку к третьей большевистской весне. В <19>32 году колхоз засеет 60 га овсом, 18,5 га викией на зерно, 40 га вики овсяной, 16 га просом, 6 га гречихой, 5 га горохом и 80 га картофелем, не считая огородных культур. <...> В колхозе есть излишек семян проса (15 цен.) и 60 цен. чистосортного, высококачественного овса, 30 цен. которого ворошиловцы в порядке социалистической взаимопомощи обменяли на фуражный овес нагишевскому колхозу «Новый путь» и остальные 30 цен. обменяют другому колхозу района. Семена колхоза высокого качества (шагиловский), отсортированы. Сохраняют семена образцово – в сухих, крепких амбарах. За хранением их установлен постоянный контроль колхозников. Обеспечив себя семенами, колхоз отремонтировал инвентарь, починил пахотную сбрую. Ворошиловский колхоз, передовик района, встречает весну во всеоружии и твердо решил драться за выполнение плана сева»².

В начале июня 1932 г. «Ленинская искра» опубликовала триумфальный «Рапорт от измайловского колхоза имени Ворошилова». В нем, в частности, говорилось: «В борьбе за генеральную линию партии на основе неуклонного проведения в жизнь шести условий тов. Сталина, правильной работы бригад методами соцсоревнования и ударничества, мы, колхозники колхоза им. Ворошилова, 31 мая вечером закончили сев 3-й большевистской весны. План сева выполнили на 102 проц. По плану мы должны были засеять 257 га, а засеяли в порядке встречного 5 га – всего засеяно яровых культур 262 га. Мы заверяем РК ВКП (б), РИК, РКС и газету «Ленинскую искру», что на основе дальнейшей борьбы за последние решения партии и правительства о колхозной торговле, на основе выполнения всех хозяйственно-политических задач, стоящих перед колхозом, добьемся хозяйственно-политического укрепления нашего колхоза, поставим его в ряды передовиков в районе. <...> Мы призываем все колхозы района большевистским окончанием сева дать крепкий отпор кулаку и оппортунистам всех мастей, пытающимся сорвать колхозное строительство»³.

Позитивом пропитаны и публикации об измайловском колхозе последующих лет. Такова, например, заметка, напечатанная в одном из июльских выпусков газеты за 1934 г. В ней сообщалось: «Вчера измайловский колхоз имени Ворошилова закончил косьбу и вязку ржи. Работа прошла дружно и организовано, особенно хорошо работала бригада комсомольца Завойкина Н., которая не упускает первенства по колхозу. На жнейке Максимов и Радов в

¹ Ленинская искра, № 23. – 1931. – 8 мая.

² Ленинская искра, № 32. – 1932. – 2 апреля.

³ Ленинская искра, № 72. – 1932. – 2 июня.

день скашивали по 8–9 гектар. Женщины при норме вязки 4,5 копны, вязали по 7 и 8 копен. В колхозе приступили к молотьбе»¹.

В 1930-х гг. измайловцы уделяли внимание организации своего культурного досуга. О нем можно судить по статье районной газеты «Выступление измайловцев в Горлове»: «Измайловские колхозники, как и другие, широко развернули колхозную самодеятельную работу в своем селе. Инициаторами самодеятельности явились пожилые колхозники. Они решили создать в своем колхозе драматический и хоровой кружки. Решили и сделали. Кружки эти уже работают. 28 января <1936 г.> измайловских колхозников пригласили выступить для членов пленума РК ВКП (б). Измайловцы приняли это предложение с восторгом. Вечером выступили в Горлове. Выступление на сцене они провели хорошо, их тепло встретили члены пленума РК ВКП (б), да и сами исполнители, не стесняясь, выступали и демонстрировали свои достижения...»²

Не обходилось в жизни колхоза и без неблагоприятных происшествий. Одному из них «Ленинская искра» посвятила заметку «Хулиган»: «В деревне Измайловка в красный уголок, где девушки и парни занимались чткой газет и изучали частушки, явился Камолов Мих. Мих. Камолов подошел к девушке Радовой, ухватив ее за воротник, свалил на пол. На ее возражение ответил площадной руганью, а гражданина Максимова ударил кулаком, грозил железной тростью выколоть глаза. Радова и Максимов комсомольцы. 19 апреля народный суд, рассмотрев дело Камолова, приговорил его к лишению свободы сроком на 2 года. Камолова немедленно заключили под стражу»³.

В 1938 г. в измайловском колхозе им. К.Е. Ворошилова насчитывалось 42 головы крупного рогатого скота, 53 головы овец и коз, 62 лошади, из которых рабочими были 40. В 1939 г. председателем измайловского колхоза им. Ворошилова был Георгий Никитович Соколов. На протяжении 1930-х гг. доходы измайловского колхоза постепенно возрастали. Это позволило создать при нем социокультурную инфраструктуру: в 1939 г. в Измайловке действовал клуб на 100 чел., были организованы детские ясли на 40 чел.⁴

В материалах Яранской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.» Согласно этому документу, в Измайловке, деревне Петрушинского сельсовета, насчитывалось 64 жилых строения, 63 хозяйства и 345 чел. населения. Из промышленных заведений отмечены ветряная мельница (построена в 1931 г.) и конная просорущка (действовала с 1918 г.). Из социокультурных учреждений обозначены начальная школа и изба-читальня⁵. Если в 1933/34 учебном году в измайловской начальной школе насчитывалось 40 учащихся (15 мальчиков и 25 девочек), то в 1939/40 их было уже 57 (29 мальчиков и 28 девочек).

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в первой половине XX в. Измайловка достигла своего наибольшего расцвета. В деревне насчитывалось 63 двора. Она состояла теперь из двух рядов крестьянских домов, выстроившихся друг против друга по обе стороны значительно удлинившейся в сторону села Клеотков единственной деревенской улицы. К югу от деревни находился небольшой плодовый сад, за ее

¹ Ленинская искра, № 127. – 1934. – 29 июля.

² Ленинская искра, № 13. – 1936. – 2 февраля.

³ Ленинская искра, № 50. – 1936. – 6 мая.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Характеристика колхоза им. Ворошилова.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

юго-западной околицей был выкопан круглый пруд. Накануне Великой Отечественной войны в деревне насчитывалось 63 двора.

В 1941–1945 гг. большинство мужчин Измайловки было мобилизовано в РККА. Многим из них не суждено было больше вернуться домой. Практически все, кто возвратился, были отмечены правительственными наградами. Танкист Андрей Васильевич Завойкин (1924–?) ушел на фронт в 1942 г., воевал на западном направлении. С 1943 г. он служил в созданной в СССР 1-й армии Войска польского, воевал на 1-м Белорусском фронте, в 1944 г. перенес тяжелое ранение, в 1945 – легкое. В конце войны А.В. Завойкин служил в 3-м танковом батальоне 1-й Польской танковой бригады. Весной 1945 г. «старший сержант Завойкин, механик-водитель танка Т-34, во время боя под Баумгартен умелым вождением помогал выполнять боевую задачу. Огнем его танка рассеяно до двух взводов немцев и уничтожена пулеметная точка. Будучи раненым, вывел поврежденный танк в укрытие и помог эвакуировать тяжело раненого заряжающего»¹. За этот бой старший сержант А.В. Завойкин был награжден орденом Славы 3-й степени.

Любопытно, что у Измайловки как минимум со второй половины XIX в. имелось неофициальное название – Бугровка². На картах и в справочниках оно никогда не упоминалось. Единственный раз оно появилось как альтернативное официальному на топографических картах РККА 1941 г., и после сразу же исчезло. Но именно так Измайловку чаще всего называли в обиходе жители окрестных сел и деревень вплоть до начала XXI в.

В 1957 г. измайловский колхоз им. К.Е. Ворошилова был присоединен к клеткотковскому колхозу им. И.В. Сталина³. С упразднением Горловского района в 1959 г. Измайловка вошла в состав Скопинского района Рязанской области, среди населенных пунктов которого числится и поныне. В составе Клеткотковского сельсовета деревня находилась до конца советской эпохи. Среди действовавших в деревне в 1965 г. инфраструктурных объектов упоминаются начальная школа и продуктовый магазин⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Измайловка вошла в состав Горловского сельского поселения.

Со 2-й пол. XX в. население Измайловки неуклонно сокращалось из-за переезда ее жителей в соседние более благоустроенные села и оттока молодежи в города. К началу XXI в. деревня совершенно обезлюдела. Летом 2008 г. Измайловку оставили ее последние жители – семья Рыговых, переселившаяся в село Петрушино. Брошенные деревенские дома постепенно ветшают и разрушаются.

---

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 4102, л. 261.

² Название Бугровка вообще довольно распространено в регионе. Достаточно вспомнить старинную деревню Бугровку Епифанского уезда Тульской губернии (ныне в составе населенного пункта Бугровка-Ключевая Кимовского района Тульской области) или деревню Бугровку в Милославском районе Рязанской области. Также «Бугровка» – неофициальное название Автозаводского микрорайона г. Скопина.

³ Архив Скопинского района, ф. 278, л. 1.

⁴ Там же, ф. 408, лл. 1–2.

ИЛЬИНКА

село

(сельское поселение Ильинское)

Основание села Ильинского относится к 1-й пол. XVII в. Первыми его жителями стали переселенцы из села Вослебы (совр. Вослебово), что объясняет изначальное название поселения – «Вослебны Ильинск». Данное именование села Ильинки повторяется в переписных книгах 1675 и 1710 гг.¹ В переписной книге 1716 г. «Скопинским Ильинском» недвусмысленно именовалось соседнее село: «Скопинска Ильинска, Казинка тож»². Что позволяет устранить путаницу в названиях сел у И.В. Добролюбова, который сообщал, что «в книге записной новопоставленным 1680–1691 гг. Ильинск называется «Скопинским Ильинском», а село Вослеба носит название “Вослебского Ильинска”»³

Во 2-й пол. XVII в. в селе появился собственный приходской храм – Ильинская церковь, которая была «построена и освящена во 173 (1665) году»⁴. Описание ее прихода известно по окладным книгам монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии 1676 г. – Ильинская церковь, «у тое церкви поп Григорей да поп Хрисанф живут в одном дворе, двор дьячков, двор пономарский. Церковныя пашни дватцет четвертей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на сто копен; а в приходе сто сорок дворов крестьянских, осьмнатцет дворов бобльских, и всего сто шестьдесят один двор»⁵. «По окладу 1676 г. дани с Ильинской церкви положено было «четыре рубли два алтына две денги. А преж сего с тое церкви дани не было и попы (села Ильинска) с своего приходу данные денги платили села Вослебы с Рождественскими попами по старому окладу сопча»⁶. С 1688 г. в Ильинском храме села служил «поп Петр Иосифов»⁷.

Ильинское возникло на территории скопинской вотчины бояр Романовых, близких родственников царской семьи. После кончины бездетного боярина Никиты Ивановича Романова в 1654 г. его владения унаследовал царь Алексей Михайлович, превратив их в Скопинскую дворцовую волость – автономную единицу в составе Рязанского уезда. В окрестностях Скопина стал формироваться крупный сельскохозяйственный комплекс, задачей которого стало снабжение царского двора и армии. До 1663 г. местные крестьяне служили в Смоленском драгунском полку «по человеку з двора», но с этого года драгунская служба была заменена десятинной пашней. В 1675 г. жители Ильинского запахивали на царя 80 дворцовых десятин в одном поле. Царским наказом был введен следующий порядок: «Полным [хозяйствам] велеть пахать, будет мочно по ниве, а на ниву выходить по 4 человека, а будет по ниве не в мочь пахать, а по десятине мало, и им, полным, велеть по полу-

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 50, 164об, 234 об.

² РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 370, л. 266.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 213.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 213.

⁵ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004. – С. 361.

⁶ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 213–214.

⁷ Там же. С. 214.

тора десятина пахать [на двор]; средним полностью по десятине, бедным по полудесятине или как мочно»¹. По переписным книгам 1675 г., в селе Вослебна Ильинска был 151 двор крестьянский и 13 дворов бобыльских, в которых проживали 703 человека. Для нужд царского двора сельские жители ежегодно поставляли 120 пудов (1,9 т) свиного мяса, 80 баранов, 80 гусей, 160 уток и 120 сушеных кур².

В переписной книге 1710 г. о селе Ильинске сообщается: «...В том селе церковь во имя святого пророка Илии, у той церкви поп Афонасей Петров, у него попадьа Варвара Ивлева <...>, поп Алексей Силин, у Алексея попадьа Фекла Васильева <...>, дьякон Тимофей Ермолаев, у него жена Прасковья Хрисанфова <...>, дьячок Ефрем Иванов <...>, пономарь Сафрон Ермаков сын Попов <...>, солдатских тридцать дворов, в них людей мужеска пола тридцать четыре, в том числе женатых пятнадцать человек <...>, женска пола дватцать один человек <...>, крестьянских тяглых сто дватцать один, в них мужеска пола триста пятнадцать человек, женатых двести дватцать <...>, женска пола триста семнатцать человек <...>, безтяглых вдовьих два, оскудалых семь, в них мужеска пола семь человек, женска пола шесть человек. Пустых обмороченных четыре, беглых крестьянских девять»³.

В 1732 г. скопинская вотчина была приписана к дворцовой Конюшенной канцелярии. Коннозаводство не было новым делом для местных крестьян, в начале XVIII в. в царских конюшнях Скопина уже содержалось до 200 лошадей. Новоучрежденные заводы должны были выращивать лошадей для армейской кавалерии, которых раньше закупали за границей. Для этого строились конюшни – сначала деревянные, а затем каменные, засеивались большие площади под различные культуры – в основном под овес, рожь, пшеницу, просо, коноплю и прочее.

Количество собиравшегося крестьянами хлеба жестко контролировалось властями. Так, например, скопинский управитель прапорщик Перепечин доносил в Конюшенную канцелярию о том, что в «Скопинском уезде в селе Ильинску ржи роду 738 года, скирд роду 739 года овса при смене с управителя Денисьева явилась – загнили, о котором де в росписном списке написано и в Конюшенную канцелярию сентября 21 дня 740 года доношением представлено, именно того же 740 года декабря 29 дня по Указу из Конюшенной канцелярии велено оной хлеб перемолотить и сколько того хлеба по вымолоту и какою добротою явитца, о том репортовать, но токмо де оной хлеб неперемолочен ...»⁴

Отлаженная система контроля за всеми повинностями, которые исполняли крестьяне, позволяла выявлять не только «недомолоченное» зерно из собранного десятинного хлеба, которого бывало более 980 четвертей ржи и 304 четвертей овса, но и кражи зерна. Например, учрежденной в 1740 г. правительством Анны Иоанновны следственной комиссией по делу бывшего руководителя Конюшенной канцелярии кабинет-министра А.П. Волынского было начато дело «по показанию той комиссии города Скопина села Ильинского от крестьянина Максима Назарова на крестьян Ивана Умного и протчих в краже казенной ржи 10 четвертей. И с той ржи в даче подьячим Николаю Ремезову...» В 1741 г. Конюшенная канцелярия предписала это дело «недоследованной доследовать, и тот хлеб на ком надлежит взыскасть». Из Скопина отвечали: «Села Ильинка от крестьянина Ивана Умного и протчих в краже казенной ржи не доследовано того ради, что оной крестьянин Умной выслан в Елецкую провинциальную канцелярию по делу показанного крестьянина Михаила Назарова та-

¹ *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 162.

² РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 183об.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 164 об-165.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 78 об, 79.

гош села с крестьянкой Татьяной Дмитриевой дочери Блудно <...> а со многими по тому делу крестьяном ему, Умному, очных ставок не дано»¹.

В 1758 г. в Скопинской волости на казенных гумнах было 70 овинов и 126 житниц, в том числе, в окрестностях села Ильинки – 6 житниц и 5 овинов. В ведомости 1758 г. о наличии в городе Скопине и «волости селах молоченного и не молоченного десятинного хлеба, и у кого под хранением» значатся в селе Ильинска у Филипа Савостина «овса молоченного 23 четверти 6,3 четверика, проса молоченного 3,5 четверика. Немолчленого [овса] 30 копен, по опыту в копне 13 четвертей 1 четверик. Конопля семени – 7,5 четверика, пшени роду 756 года – 2 четвери и полчетверика. У Игната Козлова покушного овса 174 четверти и 2,45 четверика»².

Ильинские крестьяне относились к разряду коннозаводских, но в случае провинностей их наказывали батогами (прутьями толщиной в палец, видимо – чтобы не переломать ребра), как и крестьян помещичьих. Однако они были лучше защищены от произвола, чем частновладельческие крепостные. В росписном списке Скопинской канцелярии, составленной в середине XVIII в. при приеме дел новым управителем, значится письмо из дворцовой Коношенной канцелярии от 22 марта (2 апреля) 1757 г. «О взятии от бывшего в Скопинской волости управителя капитана Матвеева ответа Скопинской волости села Ильинска крестьянина Зота Сорокина с сыном ево о причиненных им от стремянного конюха Михайлы Бычкова побоев»³.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., отмечается, что в селе Ильинском «по ревизии 1762 г. 86 дворов, 321 душа мужского и 267 женского пола». Село располагалось «на правой стороне отвершка и по обе стороны речки Ильинки, на коей три пруда, и четырех безымянных отвершков. Церковь деревянная во имя Святого Пророка Илии»⁴. На чертеже (карте) Генерального межевания 1779 г. видно, что большая часть села лежала на левом берегу Ильинки. Крестьянские строения не составляли улицу, а были расположены тремя группами, разделявшимися небольшими оврагами с ручьями. На правой стороне, ближе к середине села, стояла церковь. Выше и ниже ее по течению ручья на расстоянии до 300 сажень (648 м) находились крестьянские дома и огороды. Границы поселения ниже по течению ручья определяли два оврага на противоположных берегах Ильинки»⁵.

И.В. Добролюбов отмечает, что «в XVIII столетии число приходских дворов при Ильинской церкви было почти то же, что и в XVII столетии». До конца века в этом храме служили священники Алексей Афанасьев (ок. 1734–1742 гг.), Павел Алексеев (с 1742 г.), Афанасий (до 1743 г.), Василий Афанасьев (ок. 1734–1743 гг.), Назарий Васильев (в 1743–1798 гг.) и Тимофей (в 1798–1804 гг.)⁶.

В 1830–1833 г. в Ильинском на средства прихожан была выстроена каменная церковь иконы Казанской Божией Матери. До конца XIX в. в ней служили священники Иоанн Тимофеев (в 1804–1838 гг.), Василий Васильев Дятьков (в 1838–1873 гг.), Василий Иаковлев Сапфиров (в 1873–1877 гг.) и Михаил Иоаннов Боголюбов (в 1877 – после 1885 г.)⁷.

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 16 об, 242.

² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 76–79.

³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, л. 21.

⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 15; д. 1241, л. 3.

⁵ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, л. 4 об.

⁶ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 214.

⁷ Там же.

К середине XIX в. ильинские крестьяне числились уже не коннозаводскими, а государственными. По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе было 229 домохозяйств, в которых проживали 1211 душ мужского и 1220 женского пола.

С отменой крепостного права в 1861 г. село Ильинское было приписано к Казинской волости Скопинского уезда. В том же году в селе было открыто церковно-приходское училище от крестьянского общества. Располагалось оно в доме местного священника. Средства на жалованье наставнику и содержание училища предоставлялись Палатой государственных имуществ. В 1866 г. в училище обучались 60 мальчиков¹.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в селе Ильинском Казинской волости, «бывшем селе государственном», насчитывалось 436 дворов и 2935 жителей. В селе действовали церковь и 11 ветряных мельниц².

Примерно к этому времени относится следующее любопытное происшествие из жизни села и церкви. Один из первых бытописателей Скопина Алексеев в 1866 г. в «Рязанских губернских ведомостях» сообщил: «19-го числа сего февраля месяца, в присутствии Скопинского уездного суда на основании высочайше утвержденного 11 октября 1865 г. мнения Государственного совета об изменении и дополнении статей свода законов, касающихся судопроизводства в нынешних судебных местах, допущены были, по пригласительным билетам, сторонние лица при докладе дел. Это нововведение не только мужчин, но и женщин, которые также находились в числе слушателей. Докладывались два дела: одно о порубке казенного леса, другое о пятидневном пребывании жениха с невестой в церкви села Ильинского (Скопинского уезда). Последнее из этих дел обратило на себя внимание посетителей. Оно начинается тем, что священник сказанного села согласился на повенчание в приходской церкви трех свадеб. Посему в назначенный день вечером и прибыли три жениха и три невесты с своими провожатыми. Совершив две свадьбы, священник отправился к новобрачным, приказав третьей чете ожидать его возвращения. Время шло, а священника не было. Наконец, отец жениха, являсь к нему в дом, стал просить о повенчании сына, но священник сказал, что он венчать сына его не будет, потому что невесте нет узаконенных лет. Ни просьбы отца, ни его слезы, ничто не подействовало на служителя церкви: священник остался непоколебим. Между тем, прошла ночь, наступило утро, а жених с невестой все ожидают желанного конца. Об этом дали знать благочинному, который увещевал обрученных выдти из храма, но ни они, ни проводники их, как объяснил докладчик, не послушались этих увещаний, боясь, чтобы после того не обвинили их в похищении каких-либо церковных вещей. Между тем, отец жениха отправился в Рязань, и, испросив там, у епархиального начальства дозволение на повенчание его сына с избранной им невестой, возвратился на пятые сутки в село, и брак был совершен. Во все это время жених с невестой находились в нетопленной церкви. Мороз был до того жесток, что невеста, несмотря на теплую одежду, отморожила у себя на руках пальцы»³.

О Казанской церкви села Ильинск И.В. Добролюбов писал: «В 1870 г. в настоящей церкви устроен был новый в пять ярусов иконостас; в 1877 г. распространен придел, а в 1878 г. окончена кладкою колокольня, имеющая в вышину до 40 аршин (28,5 м). В настоящее время Казанская церковь вместе с колокольнею имеет в длину 50 аршин (35,5 м), ширина насто-

¹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 240–241.

² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

³ Рязанские губернские ведомости, № 17. – 1866. – 26 февраля.

ящей – не превышает 13, а придельной – 16 аршин (11,4 м). Церковной земли во владении причта состоит 33 десятины (36 га), которая находится в трех отдельных участках, отстоящих от дворов причта в 4 и 5 верстах. В приходе Казанской церкви, состоящем только из одного села, при 403 дворах числится мужского пола 1360, женского пола 1560, из них грамотных считается мужского пола 117, женского пола 38. В причте с половины XVII–XIX столетия состояло 2 священника, с настоящего столетия значится только 1 священник, по штату 1873 г. при одном священнике положен 1 псаломщик»¹.

По переписи населения 1882 г., в Ильинском было 272 домохозяйства, в которых проживали 1676 мужчин и 1712 женщины. Грамотными среди них были 67 мужчин и 1 женщина, а также ученики школы – 98 мальчиков и 1 девочка. Ильинское сельское общество располагало 4980 десятинами (5428 га) земли, в том числе 44 десятинами (48 га) в Сапожковском и Рязском уездах. В среднем на ревизскую душу приходилось 4,1 десятины (4,5 га). Урожайность ржи оценивалась как «сам-пят», овса – «сам-четверт» (т.е. урожаем в 5 и в 4 раза превосходил посеянное. В селе было 530 лошадей, 179 жеребят, 389 коров, 271 теленок, 3303 овцы, 204 свиньи. Безлошадные крестьяне составляли 36 % населения села, на 80 дворах обходились без лошади и коровы. Из 482 сельских изб, 42 уже топились «по-белому». 7 домов были построены из кирпича, 4 были крыты деревом (все остальные – соломой). В Ильинском работал 21 мастерской, 422 мужчины села числились в отхожих промыслах. Также в селе действовало 15 промышленных предприятий, 2 трактира и 1 лавка². По данным 1894 г., шерстобитки с одноконными приводами принадлежали крестьянам С. Макарову, Г. Вавилову, Н. Перельгину, М. Куликову, кирпичные производства – крестьянам И.В. Попкову, И.В. Положнову, Ф.И. Кочетову, И.П. Ростовцеву. Овчинные заведения с двумя рабочими каждое имели Ф. Варакин, Т. Комов, Ф.А. Фомин³.

В ночь с 16 на 17 февраля (28 февраля – 1 марта) 1882 г. «в селе Ильинском сгорела от неизвестной причины крестьянская ветряная мельница, убытка понесено на 300 руб.»⁴ Судя по скромной оценке, она представляла собой не очень значительное сооружение. Скорее всего, причиной происшествия стал поджог. Сведения о последующих пожарах в селе в 1882–1883 гг. можно найти в «Рязанских губернских ведомостях»: «В ночь с 12 (24) на 13 (25) июля [1882 г.] Скопинского уезда в селе Ильинском сгорело от неизвестной причины 2 крестьянских дома с надворными строениями, убытка понесено на 400 руб.»⁵ «В ночь с 27 (8 февраля) на 28 января (9 февраля) [1883 г.] <...> сгорел от неизвестной причины верх на крестьянском доме; убытка понесено на 40 руб.»⁶ «7 апреля <...> сгорели от неизвестной причины крыши на мазанке и амбаре крестьянина Давыдова; убытка понесено на 40 руб.»⁷ «17 сентября <...> в селе Ильинском сгорело от неосторожного обращения с огнем 23 крестьянских дома с надворными строениями; убытка понесено на 9655 руб.»⁸

В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов пишут, что в Ильинском не было «хаотически расположенных порядков, улиц, хуторов. <...> В центре, как обычно, жило духовенство и

¹ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 214.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122–127.

³ *Мартынов Н.Н.* Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 10, 42, 60.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 23. – 1882. – 24 марта.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 52. – 1882. – 14 июля.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 16. – 1883. – 23 февраля.

⁷ Рязанские губернские ведомости, № 33. – 1883. – 7 мая.

⁸ Рязанские губернские ведомости, № 82. – 1883. – 26 октября.

местная привилегированная верхушка. Подальше от церкви – люди среднего достатка, и на окраине – самые бедные крестьяне»¹. В обедневших дворах проживали, как правило, вдовы с детьми. Некоторым из них помогало Скопинское уездное земство. Например, 12 (24) декабря 1883 г. солдатские вдовы Казинской волости направили на имя рязанского губернатора действительного статского советника князя К.Д. Гагарина прошение, которое он своим отношением от 2 (14) ноября препроводил в Скопинскую земскую управу. В нем вдова отставного унтер-офицера из села Березяги Феодора Тимофеева Устинова, а также жительницы села Ильинского «вдова унтер-офицера Марья Герасимова Кагатанова и крестьянки Прасковья Иванова Зевалкина и Марья Тимофеева» просили «о назначении им с сиротами пособия от земства на продовольствие...» Губернатор указал, что «если окажется, что они по семейному положению нуждаются в пособии, то назначить им таковое из сумм, ассигнованных земством на непредвиденные расходы», так как это было первое подобное обращение из Скопинского уезда и необходимые суммы не были предусмотрены Рязанским губернским земским собранием. Для исследования этого вопроса в Ильинское был командирован член Скопинской уездной земской управы дворянин П.Н. Голощапов, и уже постановлением от 30 января (11 февраля) 1884 г. нуждавшимся вдовам была назначена ежемесячная продуктовая выдача. На душу они получали муки ржаной – 1 пуд 28 фунтов (28,7 кг), круп 10 фунтов (4,5 кг) и соли 4 фунта (1,8 кг). По тогдашним ценам эквивалентная стоимость продуктов определялась суммой 1 руб. 35 коп. в месяц. Пособие получали вдова Марья Кагатанова (на 3 души), сирота Марья Аникина и трое сирот умершего отставного солдата Семена Матвеева Корешкова².

В 1885 г. усилиями священника М.И. Боголюбова в Ильинском была возобновлена работа церковно-приходской школы. В 1885/86 учебном году она размещалась в выделенном Ильинским сельским обществом деревянном здании под соломенной крышей, с 5-ю окнами и русской печью, общая площадь которого составляла 81 кв. аршин (41 кв. м). Курс обучения, скорее всего, составлял два года, вместе с крестьянскими детьми учились и дети церковнослужителей. Библиотеки при школе не было. Сельское общество выделяло 150 рублей в год на жалованье учителю, остальные расходы нес священник М.И. Боголюбов, состоявший попечителем и законоучителем школы. Остальные предметы преподавал выпускник Рязанской духовной семинарии А.М. Боголюбов³.

Последние годы XIX в. прошли для ильинских крестьян под знаком голода. Особенно неурожайными выдались 1891–1892 гг., когда от сильного недорода пострадал ряд центральных губерний России, и 1898 г., когда в Ильинском, вдобавок к засухе, были «уничтожены пожаром хлеба у 54-х домохозяев»⁴. В голодные годы «в Ильинке при посредничестве великого русского писателя Л.Н. Толстого и князя Оболенского в одном из домов организовали столовую. Помещалась она на улице Фадеевка. По два раза в день в ней кормили больных и детей»⁵.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 206.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года, Скопин, 1885. – С. 95–96.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 2–13, 22–23.

⁴ Журнал Скопинской уездного земского собрания 34-го очередного созыва 1898 г. – Скопин, 1898. – С. 74.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 208.

Видимо, перенесенные невзгоды заставили Скопинское уездное земство задуматься о дополнении образовательной системы уезда обеспечением питания учеников земских школ. 12 (24) августа 1894 г. уездное земское собрание экстренного созыва по ходатайству сельских обществ постановило «открыть училища в селах Липягах, Боровое, Ильинском» и разрешило «выдать ссуду на постройку и ремонт училищ: Муравлянского – 1000 руб., Липяговского – 1000 руб., Боровского – 600 руб., Полянского – 200 руб. и Березняговского – 600 руб. и особо ему безвозвратное пособие 100 руб.». Ссуды были выданы под 8 % годовых. При этом особо отмечалось, что «...полезно иметь при земских училищах огороды и питомники» и требуется «обязательное наделение открывающейся школы земельным участком, хотя бы около десятины». С.Н. Худеков, Скопинский уездный предводитель дворянства в 1893–1901 гг., предлагал «кроме наделения землею» отнести на счет земства расходы «на приобретение для сего инструментов и семян»¹.

В начале XX в. земское училище в Ильинском благополучно функционировало. В 1902 г. его попечителем был крестьянин С.М. Харлашкин², учителем в 1894–1907 гг. работал Д.С. Кобылкин³. При содействии попечителя и общества трезвости с 1904 г. в селе действовала воскресная школа для крестьян⁴.

В первые годы XX в. началось строительство монументальной трапезной Казанской церкви в Ильинском, увеличившей объем храмового помещения в несколько раз. В 1900 г. свой вклад в ее возведение в виде денежного пожертвования внес святой праведный Иоанн Кронштадтский⁵. Построенная церковная трапезная была освящена 19 октября (1 ноября) 1906 г. во имя Пророка Илии и святителя Николая Чудотворца⁶.

В 1905 г. в селе Ильинском Казинской волости было 608 дворов, в которых проживали 2231 мужчин и 2266 женщин. В селе действовали «церковь каменная, школа, 8 ветряных мельниц, 3 просорушки, 4 шерстобитки, 5 кирпичных заводов»⁷.

На фоне аграрных волнений, охвативших страну во время Первой русской революции 1905–1907 гг., крестьяне Казинской волости, видя слабость властей, перестали платить налоги и сборы, рассчитывая, видимо, что их задолженности впоследствии спишут. Однако губернские власти отреагировали жестко. О событиях в селе можно узнать из датированного 22 января (4 февраля) 1907 г. акта, составленного чиновником, командированным рязанским губернатором В.А. Левашовым: «1907 г. января 20 дня, мы, нижеподписавшиеся, при-

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания, экстренного созыва 16 марта 1894 г. – Скопин, 1895. – С. 74, 77.

² Сборник статистических сведений по рязанской губернии. Т. XII, Рязань, 1889. – С. 14–19, 26; Сведения о начальных училищах в 1902 году. – Скопин: Тип. Благих, 1904. – С. 44.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV созыва 1908 года. – Скопин, 1909. – С. 253.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XL очередного 1904 года. – Скопин, 1905. – С. 42.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 11 (1 июня 1900 г.). – С. 222. Иоанн Кронштадтский /в миру Иван Ильич Сергиев / (1829–1909) – православный священник, митрофорный протоиерей (1899), настоятель Андреевского собора в Кронштадте в 1894–1909 гг. Проповедник, духовный писатель, церковно-общественный деятель правоконсервативных, монархических взглядов. В 1964 г. был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей, в 1990 г. был прославлен Русской Православной Церковью для общецерковного почитания.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 568–569; Рязанские епархиальные ведомости, № 22 (15 ноября 1906 г.). – С. 538.

⁷ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 604–605.

быв в с. Ильинское Казинской волости Скопинского уезда и ознакомившись с делом, нашли следующее: в с. Ильинском около 700 домохозяев, 4 села расположено от 4 до 5 верст. Крестьяне означенного села в 1906 г. выразили упорное нежелание платить окладные сборы и продовольственную ссуду. Принятые меры уговоров и убеждений со стороны властей не привели ни к каким результатам, а крестьяне с каждым днем держали [себя] более вызывающе. Вследствие сего на 17 января назначено было отобрание описанного имущества за неплатеж на предмет продажи. Для содействия сельским властям прибыли уездный исправник с отрядом конных стражников в числе 29 человек и полусотня казаков под начальством хорунжего Долгопятова. 17-го утром было приступлено к отобранию имущества, так как крестьяне на предложение г. исправника приступить к добровольному погашению лежащих на них денежных повинностей отказались. Толпа с момента прибытия исправника с вооруженной силой держала себя крайне вызывающе; были даже случаи, когда небольшие толпы с криком: «Бери колья, чего смотреть на них!» собирали около себя большие толпы. Когда уже было приступлено к отобранию имущества, то крестьяне запирали помещения, выгоняли скот в степь, но видя, что такие действия с их стороны не приостанавливают отобрание, просили г. исправника [разрешить им] уплатить теперь 1/6 часть всех лежащих на них денежных повинностей, а остальную часть отсрочить на год. На это г. исправник, ввиду наступивших сумерек, предложил им собрать сход, на котором приступить ко взысканию, и о размерах взысканной суммы на следующий день донести. 18 января, придя утром в с. Ильинское из с. Гремячки, где была устроена квартира для г. исправника с командой ввиду вызывающего и враждебного отношения ильинских крестьян, снова было приступлено к отобранию имущества, т.к. схода не состоялось, к платежу крестьянами не было приступлено и платежа никакого не поступало. Отобрание имущества началось с крестьян братьев Кузькиных. На предложение пристава Кузькиным добровольно уплатить деньги, причитающиеся с них, последние отказались, почему пристав приступил к отобранию описанной телки, но нашедши двери дома запертыми, пристав пошел обходить двор, чтобы проникнуть туда. Г. пристава сопровождали несколько стражников и казаков, которые даны ему были г. исправником для ограждения личностей сельских властей. Когда было приступлено к отобранию телки, то братья Кузькины, обежав с другой стороны своей усадьбы с криком «Нас грабят!» бросились, вооруженные кольями, цепями и осью, на отбирающих имущество, стали призывать близ стоящую толпу крестьян к тем же действиям. Большая часть толпы была заранее уже вооружена кольями, цепями и осями, топорами и др. Невооруженная часть стала вооружаться, ломая изгороди, и всей толпой бросились во двор, отесняя стражу, стоящую на мосту и сдерживающую напор толпы. При этом были избиты стражник, которому был нанесен колом по спине настолько сильный удар, что у висевшей за плечами винтовки лопнула прицельная рамка, и 3 казака, из которых одному был нанесен удар осью, вследствие чего хорунжим Долгопятовым был произведен выстрел из револьвера в нападавшего крестьянина и приказано было открыть огонь для защиты войск от нападающих крестьян. С другой стороны, по той же причине было отдано такое же распоряжение г. исправником находящимся около него стражникам. Последними выпущено 36 патрон, а первыми – 80. Вследствие произведенного залпа оказались убитыми два брата Кузькиных, легко ранен крестьянин Волков и шальной пулей случайно ранен крестьянский мальчик Кривошеин, умерший в настоящее время. После этого толпа разбежалась, отобрание описанного имущества продолжалось, настроение крестьян к лучшему изменилось, а платежи начали поступать. Сбор продолжается до сих пор и поступает довольно удовлетворительно. Крестьяне соседних селений, расположенных в очень близком расстоянии от с. Ильинского – сел Гремячки и Казинки, явившись сего числа, заявили, что они добровольно уплатят

недоимки окладных сборов и следуемую часть продовольственной ссуды, прося взыскать вместо 10 % – 5 %, не вводить в их селения войск»¹.

В 1908 г. в Ильинке приобщей численности населения в 4851 человек проживали 436 детей в возрасте 8–11 лет. Однако только 188 из них учились в школе. В ней в это время работали законоучитель – местный священник – и два учителя². По отчету за 1916 г. к этому времени земских школ в Ильинке стало уже две – двухкомплектная и трехкомплектная³.

В предреволюционные годы эпидемические заболевания были обыденным явлением сельской жизни. Основной причиной этого были господствовавшая антисанитария и почти полное отсутствие медицинской помощи. На государственном уровне с ними не боролись, а возможности Скопинского уездного земства были ограничены. Как правило, земство начинало принимать экстренные меры, когда заболевания уже начинали приобретать массовый характер. Шли они волна за волной. Например, в 1903 г. по Скопинскому уезду прошла эпидемия кори, которой в Ильинке переболело 77 человек⁴. Не успела она закончиться, как в 1904–1905 гг. пришли scarlatina, поразившая 107 жителей села, и оспа, которой заразились еще 50 человек⁵. В 1906–1907 гг. по селу прокатился коклюш, которым переболело 375 человек⁶. В 1909 г. по всей Казинской волости прокатилась грандиозная эпидемия кори. Не сильно отличался от предыдущих и 1910 г.: в селе было отмечено 165 случаев брюшного тифа (многие больные умирали), и 76 случаев оспы (умерло 8 человек). Борьба с эпидемиями в основном велась профилактическими мерами – дезинфекцией, изоляцией, вакцинированием. Поголовное оспопрививание было проведено в селе Ермолове, в некоторых селах Измайловской и Курбатовской волостей, а также в Казинке и Ильинском⁷.

В начале XX в. среди промышленных предприятий Ильинки наибольшее распространение имели ветряные мельницы. Они отличались друг от друга по доходности, но имели одну общую тенденцию – все они проигрывали более современным и технологически совершенным машинам. Но и владельцы паровых мельниц, получавших все большее распространение, бывало, попадали в трудное материальное положение. Так, например, крестьянин села Ильинки Иван Логинович Борунов взял в 1913 г. в аренду паровую мельницу, но к концу года накопил 32 рубля недоимок по промысловому налогу. Как выяснилось при разбирательстве, паровая мельница была опечатана судебным приставом вследствие предъявленного И.Л. Борунову иска владельца мельницы о ее возврате. Таким образом, проработав без малого 2 месяца, паровая мельница не оправдала затрат арендатора и создала ему дополнительные трудности⁸. Но все же владельцы ветряков проигрывали в конкурентной борьбе. Если в 1911–1912 гг. с просьбой о рассрочке промыслового налога с ветряных мельниц обратились два крестьянина села Ильинского, Иван

¹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). – Рязань: Кн. изд-во, 1960. – С. 233–235.

² Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 18–19.

³ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 172.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XL очередного созыва 1904 года. – Скопин, 1905. – С. 61.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLI очередного созыва 1905 года. – Скопин, 1906. – С. 159.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIII очередного созыва 1907 года. – Скопин, 1908. – С. 361.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 274–276.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 92.

Миронов и Алексей Брунов (Борунов)¹, то год спустя владельцы ветряных мельниц Иван Иванович Миронов, Алексей Егорович Борунов, Артемий Логинович Борунов, Григорий Матвеевич Пахомов и просорушки Сергей Филиппович Кочетов заявили, что «с устройством в селе Ильинском мельниц с нефтяным двигателем потеряли значительный заработок»². Крестьянин А.Л. Борунов сообщал земству, что его «ветряная мельница ветха и не работоспособна, кроме того, в сажнях в 200 от нее поставлена паровая мельница с 18-сильным двигателем»³.

В 1914 г. в Ильинке было 713 дворов, население составляло 2636 мужчин и 2726 женщин. В Казанской церкви села служили священники Александр Михайлович Боголепов и Петр Григорьевич Чтецов⁴. К храму было приписано 5 десятин (5,5 га) земли усадебной, 33 десятины (36 га) пахотной и 3 десятины (3,3 га) сенокосной. При церкви имелась библиотека, где было 218 книг. В приходе Казанской церкви действовали школы – 1-я земская, основанная в 1911 г., и 2-я земская, действовавшая с 1894 г.⁵

В конце 1980-х гг. интересными воспоминаниями о жизни в селе накануне Первой мировой войны поделился ильинский старожил Н.С. Барабанов: «Село состояло из нескольких порядков, улиц и так называемых «концов». Вот их названия: Фадеевка, Стугменка, Сады, Савин, Демин, Попов, порядки Люберцы (или, как их все называли, Рюбельцы) и Таганка. Большинство порядков и улиц именовались по фамилиям, которые носили их первые жители. Названия Люберцы и Таганка пришли из Москвы. Их привезли подрабатывавшие там на отхожих промыслах.

На селе имелось 4 мельницы. Две из них держали крестьяне Бруновы, и по одной – Мироновы и Федосовы. Было несколько магазинов. Ими владели Д.П. Тетеркин и В.С. Сафонов. Ни один из магазинов не давал своим хозяевам хорошего дохода. Торговля в них шла бойко лишь в выходные и праздничные дни, когда в селе собирались базары и ярмарки. Большинство сельских дел решал староста Пырков и подчиненный ему старшина.

Село наше тогда выделялось не только ярмарками, базарами и церковью с необыкновенным колокольным звоном. Славились в округе ильинские мастеровые. Всех не припомню, назову лишь тех, кто остался в памяти по их именам, фамилиям, уличным прозвищам. Это плотники Иосиф Феофилович по кличке Куриный, Иван Чачин, Филипп Брунов, который сделал коней для сельских каруселей, что размещались у церкви и стали центром всех торжищ. А самый знаменитый мастер – это, конечно, Федор Буробин. Он изготовил деревянные часы без единой металлической детали. Они не только ходили, но и показывали точное время.

Славилась у нас и портняжная семья Акатовых, работал шорник Иван Васильевич Гераськин. Мастеровые жили лучше обычных крестьян, так как имели постоянный и немалый приработок. Но богаче всех жили легковые и ломовые извозчики, работавшие в Москве, и те, кто смог поступить в столице на какую-нибудь службу: в дворники, привратники, сторожа. Они у нас считались городскими»⁶.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 215–216.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 570–571.

³ Там же. С. 590–591.

⁴ Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 446.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 568–569; Рязанские спархияльные ведомости, № 22 (15 ноября 1906 г.) – С. 538.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 207–208.

Нескольким уроженцам Ильинки довелось отличиться на полях сражений Первой мировой войны 1914–1917 гг. Полным Георгиевским кавалером стал призванный в армию местный крестьянин С.И. Тюльпанов. Его односельчанин П.Ф. Сафонов заслужил Георгиевские кресты 3-й и 4-й степеней. В XX в. им обоим довелось стать участниками трех войн¹.

В 1917 г. в селе Ильинка Казинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 828 дворов, население составляло 2815 мужчин и 2860 женщин². По воспоминаниям старожилов, в это время она считалась одним из наиболее революционно настроенных скопинских сел. Многие местные крестьяне занимались отхожими промыслами в Петрограде, Москве, других крупных промышленных центрах страны и следили за происходившими там политическими событиями. Например, зимой 1917 г. в село из Москвы приехал А.П. Барабанов, работавший там портным. «В своих разговорах с односельчанами он твердо заверял их, что грядет революция и царя скинут. Подобные разговоры вели и многие другие ильинцы, приезжавшие в село на побывку и не пропускавшие случая поговорить с односельчанами о том, что делается в столицах»³.

Советская власть в селе, как и повсеместно в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1918 г. был образован Ильинский сельсовет. В условиях введенного в 1914 г. «сухого закона» местные умельцы освоили новый прибыльный «бизнес» – самогонарение, который расцвел пышным цветом в годы Гражданской войны. Советские власти пытались с этим явлением хоть как-то бороться. Скупно, но красноречиво тогдашнюю обстановку в селе характеризует заявление председателя и комиссара продовольственной комиссии в Скопинский уездный комитет РКП (б) от 4 марта 1919 г.: «Чрезвычайная продовольственная комиссия просит выдать разрешение на право ношения оружия председателю Ильинского сельского совета Казинской волости Якову Семеновичу Чучелову, на которого возложена комиссией борьба с массовым курением самогонки в селе Ильинске, а также со спекуляцией. Оружие тов. Чучелов надеется найти в селе Ильинске, на право же реквизиции оружия ему также нужно разрешение»⁴.

«В первые годы после установления в Ильинке советской власти особых изменений в жизни сельчан не произошло. Свообразным толчком к таким переменам послужил переход к новой экономической политике. <...> Получив самостоятельность в ведении дел, предприимчивые крестьяне начали строить небольшие перерабатывающие предприятия, главной особенностью которых стало использование не привычной дедовской технологии, а самых современных машин и механизмов. Так, крестьянин по фамилии Кочетов прославился тем, что одним из немногих в Рязанской губернии сумел построить крупорушку, работавшую на двигателе внутреннего сгорания»⁵.

До середины 1920-х гг. традиционные ветряные мельницы и рушалки оставались в частной собственности сельских жителей, позднее их частично вытеснили более производительные мельницы с водяными и механическими двигателями. В укрупненной Скопинской волости, куда в 1925 г. влились населенные пункты упраздненной Казинской волости, в это время насчитывалось около 600 человек, занимавшихся кустарными промыслами. Проведенное в это

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 208.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 208.

⁴ ГАРО, ф. П-1436, оп. 1, д. П. л. 50.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 208.

время силами учащихся Скопинского педагогического техникума обследование выявило наличие в Ильинке 3 сапожников, также выяснилось, что в селах Казинка и Ильинка в 84 дворах работали 180 вальщиков. Конечно, были в селах также столяры, плотники и кузницы¹.

В середине 1920-х гг. широкое распространение в уезде получили сельскохозяйственные кредитные товарищества. На этом фоне потребительская кооперация постепенно отказывалась от кредитных операций, сохраняя за собой только вкладные и займовые. Кооперация сокращала и свои сбытовые функции, отказывалась от снабжения деревни сельскохозяйственными орудиями и машинами. Ее становление шло трудно из-за конкуренции с частным сектором, в работе которого чувствовались опыт и сноровка сельских предпринимателей. Как писала в 1925 г. скопинская газета «Коллектив», в селе Ильинском Казинской волости действовало сельскохозяйственное товарищество «Красный луч», и тут же «неподалеку – частная лавка Симкина. Многие товары у Симкина дешевле, чем в кооперативе: махорка 6 копеек, сигареты 12, а в кооперативе 8 копеек... И потому Симкин в гору идет, а крестьянское товарищество едва концы с концами сводит. В чем же тут дело? Симкин знает, когда какой товар привести»².

В 1920-х гг. работа Ильинского сельсовета часто подвергалась критике местной прессы. Сказывался острый недостаток квалифицированных управленческих кадров и непрофессионализм новых властей, отдельные представители которых нередко продолжали следовать старорежимным предрассудкам. Корреспондент «Местный» писал в заметке «Первый блин комом» в уездной газете «Коллектив»: «Новый председельсчета села Ильинское открыл свою деятельность тем, что запродавал церкви торфа по 10 коп. за воз. На возражения граждан, что лучше бы этот торф передать школам, председельсчета объявил, что этот торф для школ не годится. Едва ли учащиеся школы будут благодарны председателю за «такую новую экономическую политику»³.

Другой селькор, писавший под псевдонимом «Бедняк», весной 1925 г. сообщал: «Бывший председатель Ильинского сельсовета И.И. Митрохин, как обнаружила ревизионная комиссия, допускал много злоупотреблений, например, вывел в расход 18 рублей за печную работу печнику Ращашенову, а денег фактически не уплатил. Печник подал об этом заявление в ревкомиссию. 14 марта Митрохин в помещении избы-читальни набросился на Ращашенова с кулаками и стал его бить, приговаривая: «Вот тебе деньги! Не будешь спрашивать, да разные заявления подавать!» На перевыборах население не выбрало Митрохина даже в члены сельсовета, несмотря на то, что членам ВИКа, да и вообще приехавшему начальству хотелось почему-то оставить Митрохина в сельсовете»⁴. В 1926 г. «в Ильинском сельсовете председатель был снят с работы с заключением под стражу за обнаруженные преступления по должности»⁵.

В 1927 г. по решению Ильинского сельсовета была закрыта Казанская церковь. Несколько лет спустя в ее пустующих помещениях поставили мельницу-зернодробилку, которая функционировала до 1946 г. Там же был оборудован и зерносклад.

Тогда же, в конце 1920-х гг., в село пришла коллективизация. «В декабре 1928 г. в с. Ильинском организовался колхоз «Пахарь Красного Октября» в 60 дворов, исключительно из бедняков: 10 лошадей обобщественных и 10 переданных от раскулаченных, один двухлемешный плуг. Государство выделило инвентарь и кредит. Вначале кулаки хотели укрыться в

¹ *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). – Скопин, 1928. – С. 43–44.

² Коллектив, № 63. – 1925.

³ Коллектив, № 32. – 1925. – 22 марта.

⁴ Коллектив, № 39. – 1925. – 8 апреля.

⁵ Коллектив, № 10. – 1926. – 3 февраля.

самом колхозе, предлагая при вступлении в колхоз мельницы, крупорушки. Полагая, что они взорвут колхоз изнутри, их не приняли. Свое отношение к коллективизации они стали высказывать открыто, с особой неприязнью: «В колхоз идут одни лодыри. Хороший человек в колхоз не пойдет». Стали настраивать бедноту на избиение колхозников и комсомольцев, а во время отъезда члена правления Маркина на подкурсы, председельсчета Ахромеева на курсы председателей и председателя правления Макеева в отпуск пустили слух, что Маркин сидит в тюрьме, Ахромеев отбывает принудительные работы. Макеев прислал письмо: «Болен чахоткой. Забаламутил я вас. Прощайте, я умираю». Всех происков не перечесать, однажды чуть до открытого побоища не дошло. В ноябре[1930 г.] колхоз насчитывал 145 дворов, 60 лошадей, 2 жнейки, 2 молотилки, 40 двухлемешных плугов конные грабли. Задумались о тракторе»¹.

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Ильинский сельсовет был включен в Пронский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. О положении в колхозе «Пахарь Красного Октября» в это время районная газета писала: «Ильинский колхоз был одним из самых больших в Пронском районе, он объединял 235 хозяйств, 125 мужчин и 160 женщин. К осени 1931 г. сложилась тревожная обстановка, ввиду того, что уборка слишком затянулась. Часть гречихи, проса и картофеля могли остаться в зиму необранными. Кормом скот был не обеспечен, а ржаная солома была сложена так, что оказалась насквозь промоченной. Конюшня на 100 лошадей стояла недостроенной – без крыши. На работу из общего числа женщин выходило не более четырех десятков. Дело шло к развалу. Отсутствовала сдельная работа, а присутствовала обезличка в использовании машин, инвентаря, рабочего скота. Премияльный фонд был неиспользован. Кулаки, числясь в колхозе, работать не желали. Получивший до вступления в колхоз твердое задание И.И. Демин с 1 апреля по 1 июня выработал 29,6 трудодня, а с 1 июня по 1 сентября ни одного. А.И. Демин с 1 апреля по 1 июня выработал 8,6 трудодня и с 1 июня по 1 сентября 17,3 трудодня, другой А.И. Демин за три месяца 29,2 трудодня. Заведующий столовой Дубинин на собраниях наводил панику, крича о неизбежной гибели колхоза. Его жена за 5 месяцев выработала 13 трудодней. Активист Носов утверждал, что колхоз не может существовать без уравниловки. Что и делали члены его семьи. Жена полгода совсем не работала, а с 1 июня по 1 сентября выработала 10,4 трудодня. Дочь (17 лет) выработала за 5 месяцев 11,2 трудодня. Жена члена правления Ахромеева полгода на работу не выходила, жена завхоза и члена правления Пыркова за полгода выработала около 38 трудодней. Жена члена правления Кушцова, организатора труда в колхозе, с января по июнь выработала 13 трудодней. Руководящие работники менялись часто: полевод 4 раза, завхоз 4 раза, бригадир полеводческой бригады 8 раз, бригадир по строительству 8 раз. Для столовой были убиты 3 колхозные коровы, 6 телят, 56 овец, 10 свиней. Фактически колхозники снабжались по домашней и колхозной норме. Колхоз не сдал государству ни одного килограмма мяса. От 22 колхозных коров сдали только 20 литров молока. Остальное молоко пошло на питание колхозникам, хотя они имели своих коров»². Как отмечалось руководством района, «потребительские, самоедские стремления колхозников, реализованные правлением, превратились в кулацкое дело»³. Приводился такой пример: «Василий Демин. У него свинья сделала два опороса, он получил приблизительно выручки 1000 рублей. У него дома: корова, телка, 6 овец, 7 кур, боров на центнер. Дочь кроме этого питалась в столовой»⁴.

¹ Авангард, № 9. – 1930. – 20 ноября.

² Пронский колхозник, № 29. – 1931. – 3 ноября.

³ Там же..

⁴ Там же.

Порой в селе на почве неприятия политики советской власти возникали серьезные конфликты. В 1931 г. газета «Авангард» сообщала: «Бригада ШМК, выехавшая в Ильинку для проведения подготовки к весеннему севу, встретила наглую кулацкую вылазку. 20 февраля дочь кулака П.М. Шилова нанесла удар в голову бригадирше Макаровой. Не ограничиваясь этим, Шилова в руках с кирпичами бегала за бригадиром. Когда бригада вела разъяснительную работу по подготовке семян, то она агитировала среди крестьян, чтобы семена не сортировать: «Ваши семена отберут» – разносила по всему селу»¹. Озлобление бывшей сельской элиты – кулаков – и наиболее состоятельной части середняков понятны. Новая власть лишила их прежних привилегий и отобрала немало из нажитого, мало что дав взамен. А преимуществу насаждавшегося колхозного строя были далеко не очевидны.

В конце концов «за право-опportunистическую практику, разрушавшую колхоз «Пахарь Красного Октября», президиум РКК-РКИ и райисполком отстранили от руководства председателя колхоза, а для оздоровления ильинской сельхозартели направили из передового хозяйства района – коммуны «Заря» – нового секретаря партячейки И.П. Кузнецова. Своими первыми впечатлениями от нового места работы он поделился с читателями газеты «Пронский колхозник»: «Встречен я не особенно приветливо. При появлении в селе Носов и Канищев набросились на меня с брызгами ядовитых, враждебных слов:

– Жандарм явился. Портфель... Небось, грязную работу не заставишь тебя делать...

Почему такое отношение к только что прибывшему в село для партийной работы человеку? Почему такая враждебность?

Собака чует чужого человека и лает на него, как только он сделает первый шаг во двор. Носову и Канищеву я оказался чужим. Залаяли они не даром: они почуяли опасность, грозящую их шкуре.

Носов – горький пьяница. В прошлом судился за невозвращенный беднячке долг. Мастер по тяге – что-либо «стянуть». Работал в Упродкоме, часто потаскивая, что можно, на пьяный разгул. В колхозе абсолютно нетерпим. Он – сборщик колхозников на работу. Взял на себя эту обязанность для того, чтобы больше пить: выпросит чашку водочки и освобождает от работы. Специализируется по методике выращивания колхозных лодырей. Кулацкий агент.

Канищев – заведующий производственной частью колхоза. Пьяница и вор. Украл 0,25 центнера крупы. Пропивал железо из кузницы. Скопинский мещанин. Ведет вредительскую агитацию против всех представителей, приезжающих в село, называя их жандармами.

Но не только лающие собаки опасны. И тихие кусаются. В колхозе, кроме Канищева и Носова, есть чуждый, вредный элемент.

С. Кушаков – владелец лучшего дома в с. Ильинке. Этот дом называют дворцом. В Москве у него – 2 собственные лошади на извозе. Он – полевод. По его вине потравлено скотом около 25 га проса в поле, 7 га картошки осталось зимовать в земле. Он срывает работу, разлагает труддисциплину, говоря колхозникам:

– Я работаю в колхозе – мне деться некуда, а вы зачем работаете, что вам нужно?

Пырклов – завхоз. Он – известный арендатор земли. Вошел в колхоз с целью спастись от раскулачивания. Безусловно, вреден для колхоза.

Эта кулацкая компания держала ставку на развал колхоза и была близка к цели. Ей удалось разложить труддисциплину, добиться невыхода колхозников на работу, вселить в них дух сопротивления новому руководству, подорвать хозяйство, нанести колхозу ущерб на тысячи рублей. 700 копен урожая поставлено под угрозу гибели. Лошади стоят почти снаружи, сви-

¹ Авангард, № 14. – 1931. – 10 марта.

ны – без жилья, и питаются мерзлой картошкой. Корм растаскивается колхозниками. Сбруй мало, телег недостаточно, сани не подготовлены. Целый ряд других безобразий.

На собрании колхозников пришлось разоблачить колхозных вредителей и разъяснить причины бесхозяйственности и развала в колхозе. Колхозники решили выгнать из колхоза кулаков и их пособников. Установили срок (5 дней) для обмолота гречихи. Поставили задачу – полностью выполнить план хлебозаготовок.

На следующий день все трудоспособные вышли на молотьбу. Колхозникам стали помогать единоличники. Вместо 3 подвод по вывозке хлеба поехали 29 подвод. Для быстрой ликвидации вредительских последствий и укрепления колхоза необходима помощь от районных организаций»¹.

Разобравшись в ситуации «на местах», районное начальство перешло к репрессивным мерам. Коснулись они не одну только Ильинку, но и ближайшие к ней села, где общее положение не сильно отличалось от описанного. Выездная сессия народного суда Пронского района применяла меры по борьбе с кулаками также в селах Высоком и Гремячке. Кулацко-зажиточная часть селян систематически не подчинялась распоряжениям сельсовета и вела агитацию против засыпки семян. «Суд приговорил Е.Ф. Барькову за злейшее уклонение от выполнения твердого задания к 3 месяцам принудительных работ и штрафу 200 рублей»². Как свидетельствует газета, через три дня после этого выполнение плана «с 5 % поднялось до 17»³.

Одновременно была усилена агитационно-разъяснительная работа среди бедняков и середняков. Колхозница Мария Глазкова, делегат от Ильинки на областной слет колхозников-ударников, выступая на собраниях в 1933 г., делилась историей своего жизненного успеха: «Хозяйство у нас с мужем было самым разбедняцким. Сколько мы с ним ни работали, никак не могли из бедности выбиться, а вот как вошли в колхоз – сразу другое дело стало. Бедность нашу колхоз перешиб. И хлеба, и блинов, и пирогов пеку сколько душе хочется. Когда спервоначала вошли в колхоз – хулили меня бабы кулацкие, срамили на чем свет стоит, «безбожницей старой» так и прозвали. Бывало, на собрания тайком бегала, потому что кулаки грязью закидывали. Теперь не смеют, примолкли гады. До огорода я большая мастерица, сейчас маты для парников плету»⁴.

Взались и за наведение порядка среди единоличников. Выездная сессия народного суда Пронского района «за злостную несдачу картофеля приговорила 21 октября 1933 г. зажиточную В.И. Зеленову к 5 годам исправительных работ с конфискацией имущества; середнячку Е.П. Сафронову к штрафу; середнячку Е.Д. Ватлину к году исправительных работ, условно; середнячку А.Ф. Черкасову к году исправительных работ и штрафу 250 рублей, условно; середняка М.Ф. Шилова к году исправительных работ и штрафу 250 рублей, условно; середнячку А.Г. Акатову к штрафу 250 рублей»⁵. Пронская районная газета писала: «Единоличник И.К. Пырков, по мнению сельсовета, несмотря на все возможности провести успешно сев не начинал подготовку. Кроме того, добивался, чтобы и другие не сеяли. Вдобавок он оказал сопротивление уполномоченному, прикрепленному к сельсовету. Нарсуд 25 апреля 1934 г. за саботаж сева приговорил его к 2 годам лишения свободы»⁶. К середине 1930-х гг. наиболее злостных нарушителей новых правил сельской жизни осудили и посадили, а по оставшимся единоличникам проверили ставки налогообложения. И здесь не обошлось без злонамерен-

¹ Пронский колхозник, № 36. – 1931. – 11 декабря.

² Пронский колхозник, № 1 9. – 1932. – 29 марта.

³ Там же.

⁴ Пронский колхозник, № 16. – 1933. – 1 марта.

⁵ Пронский колхозник, № 112. – 1933. – 27 октября.

⁶ Пронский колхозник, № 67. – 1934. – 5 мая.

ных нарушений. Президиум райисполкома, «проверив Ильинский сельсовет, обнаружил, что единоличные хозяйства обложены по ставке ниже, чем колхозники. При этом не было обложения единоличников в индивидуальном плане»¹.

Перелом наступил только к 1935 г. Тогда районная пронская газета писала, вспоминая недавнее прошлое: «Районные работники представляли себе Ильинку «страшным местом» и, посылая туда на работу, сопровождали серьезным и неоднократным предупреждением: «Смотри в оба, ты ведь едешь в Ильинку». Весенний сев занимал 55 дней. Уборка картофеля начиналась в октябре. Были случаи, когда площадь засевали просом, а выросал почему-то овес. Выходили на работу в 8–9 часов и заканчивали в 7 вечера с перерывом на обед с 12 до 17 часов»². Ильинский колхоз так быстро вырос, что к 1935 г. его решили разделить на пять частей. «Крестьяне порядков Демин и Попов организовали колхоз «Власть Советов». В Люберцах колхоз назывался «Красный партизан»³, на Сгуменке – им. Свердлова. Порядок Фадеевка объединился в колхоз им. Фрунзе, а два порядка Савин и Сады образовали колхоз им. Димитрова. Все они были закреплены за Мамонтовской МТС Пронского района. Оттуда прибыл в Ильинку и первый трактор марки «Фордзон». Сохранились в памяти местных жителей имена первых трактористов, пользовавшихся большой известностью в округе и уважением местных крестьян, особенно мальчишек. Среди них Я.И. Шилов, И.П. Тюрин, С.И. Шилов и другие»⁴.

Процессы колхозного строительства в Ильинке сопровождались заметным прогрессом народного образования. «В 1933 г. сельская школа преобразовалась в семилетнюю. В это время в ней сложился сильный коллектив творчески работавших учителей. Доброй славой в школе-семилетке, каких немного было в тогдашних селах, пользовался завуч М.Д. Миронов. Большой энтузиаст художественной самодеятельности, организатор и руководитель сразу нескольких кружков. Необходимо назвать учителя труда И.И. Дьячкова, отличного столяра и талантливого педагога. Очень любили и учителя физкультуры А.Н. Тартынского, предмет которого считался самым любимым у местных ребят. Об их любви к своей школе свидетельствует такой факт. Один из выпускников А.М. Митрохин, которому учителя помогли развить его природные способности, своими руками собрал и подарил школе электрогенератор, тогда большую редкость даже на предприятиях»⁵.

Мирную жизнь ильинских колхозников прервала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. К концу первого года войны линия фронта пролегла по Скопинской земле. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 25 ноября 1941 г. передовой отряд немцев вошел в Скопин. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Возникла угроза продвижения противника к Рязску.

Об этих тяжелых днях уроженец села А.М. Митрохин вспоминал в своей книге «Ради жизни на земле»: «Накануне появления в Ильинке немецкой разведки, когда председатель сельсовета Василий Андреевич Чухарев и другие коммунисты ушли в подполье, заявили о себе наши дезертиры. Их оказалось немного, но свою отрицательную роль они сыграли.

¹ Пронский колхозник, № 136. – 1934. – 5 августа.

² Пронский колхозник, № 227. – 1935. – 4 ноября.

³ По другим данным, эта часть хозяйства сохранила за собой изначальное название «Пахарь Красного Октября»..

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 208.

⁵ Там же. С. 208–209.

Вспоминает Николай Егорович Зеленев: «Как-то вечером в конце ноября сорок первого, вернувшийся с работы отец (а он был бригадиром) сказал, что объявился наш бывший председатель. Собрал на конюшне колхозников и заявил: мол, советская власть рухнула, и нам надо жить по-новому – во-первых, разделим лошадей... Ну, и разделили... Нахрапистые организаторы дела расхватили хороших лошадей, сбрую, а старикам и бабенкам достались ключи... В тот вечер на веревочном обрывке (уздечки не досталось) привел домой лошадь и мой дед, Иван Поликарпович Митрохин. Одну – аж на четыре семьи Митрохиных, где мужиков-то всего было: он – глубокий старик, да я – 15-летний юнец. Это был старый, иссохший, беззубый, еле живой и давно ослепший мерин... И пока мы с дедом искали жердь, чтобы перегородить дверной проем, и корм для Филина, он отвязался и ушел. На следующий день с утра до вечера от стога к стогу колесил я аж до самого Казенного леса. Безрезультатно – вернулся ни с чем. А дома меня ожидали важные новости. Раненые красноармейцы поднялись на чердак, проделали в крыше отверстие для наблюдения и стрельбы и готовились принять свой последний бой. Так же поступили и два пулеметчика, остановившиеся на ночлег у Натальи Ивановны Фокиной. Предварительно хозяйку, ее детей укрыли в отрытом за двором окопе. В доме осталась одна бабушка. Стоя перед образами, сказала: «Теперь мне и немец не страшен» – осеняла себя крестным знаменем... Распираемый нетерпением прокомментировать происшедшее, ко мне прибежал Кривопальчик и в подробностях рассказал о событиях и слухах: о том, как немцы сорвали телефон в сельсовете, распугали учителей и учеников школы. С Ивана Сафронова, разинув рот смотревшего на мотоциклы, они сорвали меховую шапку-ушанку, сказав ему: «Комм нах хаузе!» Зашли они и в дом Тюриных. На пиджаке Викторки (Виктора) увидели значок, которым он был награжден после окончания ФЗО. «Вас ист дас?» – показал дулом автомата на награду фриц. Викторка смекнул: дело плохо – не нравится... Сорвал значок и бросил на пол. «Эс ист гут», – загоготали немцы...

Уже поздно ночью к моей маме прибежала вне себя от испуга ее родная сестра Мария Михайловна Чачина. Они долго шептались. Позже я узнал, что в избушке-землянке Чачиных, находящейся на дне оврага рядом с дорогой, нашими партизанами была устроена засада. Супруг тети Иван Павлович (по прозвищу Кочеван), участник Первой мировой войны, остался дома с группой вооруженных людей, а ей предложили уйти к родственникам на случай неблагоприятного развития событий... А утром стало известно, что появившиеся мародеры взломали замки на дверях церкви, где хранилось колхозное зерно, и начали раздавать его. Кто-то разграбил сельский магазин. Та же участь постигла школу. Впрочем, растащивка не ограничилась пределами Ильинки: «предприимчивые» сельчане целыми тушами стали возить мясо со скопинской бойни (один из инициаторов был после изгнания немцев арестован и осужден военным трибуналом) ...

Председатели колхозов, коммунисты с сельским председателем Василием Андреевичем Чухаревым во главе захватили с собой оружие, провизию, и на лошадях в лес уехали в партизаны. Тут как раз в Ильинку прибыл секретарь Горловского райкома ВКП(б) [Юдков] организовывать партизанский отряд. Собрал он нас, учителей, в сельсовете и сказал: «Вы одевайтесь попроще, дабы не обращать на себя внимание. Если мы будем отступать, вас заберем, в беде не оставим». Переночевал он у Марии Григорьевны Петровичевой (по мужу Тартынской. Она у нас учительствовала, а супруг ее Арсений Николаевич был на фронте¹), не разде-

---

¹ Гвардии старший лейтенант А.Н. Тартынский (1917–1944), комсорг 592-го артиллерийского полка 4-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады 2-го Белорусского фронта был награжден медалью «За боевые заслуги» (1944) и орденом Красной Звезды (1944). Он погиб в бою 4 июля 1944 г., похоронен в селе Драчково Смолевичского района Минской области (Белоруссия).

ваясь. Голова на подушке, а ноги на пол свесил. Оружие, гранаты рядом с собой положил. На другой день утром мы снова в сельсовете собрались. Секретарь райкома в кабинете председателя в маленькой комнатухе находился. Звонил в Пронск, спрашивал, когда и куда должен партизанский отряд прибыть. Секретарь сельсовета, молодой еще паренек Петр Кушаков, в общей комнате вместе с нами находился, на своем секретарском месте сидел. Тут-то и подкатил автомобиль с вооруженными людьми. Мы их за своих приняли – в красноармейской форме, по-русски хорошо говорят. Одна из наших учительниц была уж слишком развеселая и разбитная (не называю ее имени из морально-этических соображений). Она у Алексея Еврафовича Ахромеева жила на квартире. Небольшая росточком, она подхватила высоченного детину под ручку и с ним хи-хи да ха-ха. Он вышел с ней прогуляться. И никому из нас в голову не пришло, что это вражеский диверсионный отряд. А секретарь райкома сразу смекнул. Пока немцы с хохотушкой развлекались, он потихонечку из помещения и не на улицу, а через коридорчик во двор и на огород вышел. Уже к пруду начал спускаться. Хватились немцы – его нет. Выскочили за ним в погоню... Открыли пальбу. На пруду, недалеко от двора Шапкиных, его, бедного и настигла вражеская пуля. Услышав стрельбу, мы все разбежались. А на следующий день приехали из Горлова на санях мужики и увезли своего руководителя, чтобы похоронить на его родной стороне. Видно, очень уважали его... Как потом выяснилось, немецкие диверсанты охотились именно за ним, партийным вожаком. А помогал им предатель, житель соседнего села Казинки. Он на мотоцикле с ними разъезжал и показывал, где кто находится. Говорили, что еще во время Первой мировой он в немецком плену был... Да, были и такие. С хлебом-солью фашистов встречали»¹. Несколько дней спустя после описанных А.М. Митрохиным событий немецкая разведгруппа снова побывала в Ильинке.

В последних числах ноября 1941 г. советские войска готовили контрнаступление, ставшее переломным моментом всей битвы под Москвой. Его предвестником стало освобождение города Скопина 28 ноября 1941 г. С конца ноября и в первых числах декабря 1941 г. по Скопинскому, Желтухинскому и Горловскому районам пошли на запад соединения и части 10-й армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова и 61-й армии генерал-лейтенанта М.М. Попова. Сельские советы вышли из подполья и вновь взяли власть в свои руки. Колхозы были восстановлены, им удалось вернуть значительную часть расхищенного имущества.

Не всем было суждено вернуться домой с войны. В Ильинке «почти каждый третий мужчина, ушедший отсюда на фронт, погиб или умер по возвращении от полученных ран. Среди отважных воинов-ильинцев имена кавалера ордена Славы И.В. Черкасова, его однофамильца С.И. Черкасова, награжденного орденом Красной Звезды»².

По окончании Великой Отечественной войны ситуация в колхозах оставалась тяжелой. Причинами были не только последствия войны, но и засуха 1946 г. Тогда же наметился и общий кризис всей колхозно-совхозной системы. Требовался переход от экстенсивных форм ведения хозяйства к интенсификации всего сельскохозяйственного производства, от преобладания ручного труда к индустриальным методам его ведения. Для этого был необходим отказ от административно-бюрократических методов руководства колхозами. Еще до войны сельские жители в колхозах работали мало, жили в основном на доходы от приусадебных участков. С 1942 г. действовал введенный на период войны обязательный повышенный минимум трудодней. В случае его невыполнения колхозника могли лишить приуса-

¹ *Митрохин А.М.* Ради жизни на земле: Землякам-сельчанам, труженикам полей – ратных и мирных. – Рязань: Пресса, 2001. – С. 96.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 210.

дебного участка или привлечь к уголовной ответственности. В 1952 г. в ильинском колхозе им. Я.М. Свердлова 73 из 465 трудоспособных колхозников не выработали установленного минимума трудодней. В связи с этим газета «Пронский колхозник» сообщила: «Недобросовестно относились к общественному труду П.Н. Астаркина, Я.П. Федосов, М.С. Чучелова и др. Эти лодыри были осуждены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г. и приговорены к 6 месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 25 % заработка в пользу колхоза»¹. Были при этом и злоупотребления со стороны местного начальства. Провинившихся нещадно бичевала местная пресса: «Председатель Ильинского сельсовета Маркин в колхозе им. Свердлова самолично взял лошадь для сельсовета, за которую не уплатил колхозу ни одной копейки. Зная, что распоряжение колхозным имуществом принадлежит колхозникам в лице общего собрания»². «В колхозе им. Фрунзе Ильинского сельсовета Ахромеев, пользуясь тем, что пункт 24 устава сельхозартели предусматривает наем счетных работников, явился прямым расточителем колхозных средств. Председатель Ахромеев счетоводу Козлову ежемесячно платил по 9 пудов зерна, в то время как колхоз не рассчитался по обязательным поставкам»³. Начальник районного отделения милиции Жабин сообщал, что председатель колхоза им. Я.М. Свердлова Попков «предоставил в распоряжение спекулянтов 10 автомашин картофеля»⁴.

На рубеже 1940–1950-х гг. колхозы, колхозники и крестьяне-единоличники обязаны были сдавать значительную часть продукции своих личных хозяйств государству по очень низким ценам. Действовавшая система экономических отношений государства с колхозами, полное бесправие крестьян-колхозников тормозили развитие сельского хозяйства, приводили к деградации деревни, а нерешенные социальные проблемы – к стихийному оттоку колхозного населения в города. Права колхозов, формально считавшихся равноправными с государством собственниками, были урезаны до минимума. Программа преодоления кризисной ситуации в сельском хозяйстве была выработана на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС. В ней впервые открыто признавалось тяжелое положение на селе. Для подсобных хозяйств колхозников был значительно снижен размер сельскохозяйственного налога, уменьшены нормы обязательных поставок их продукции государству, списаны недоимки за прошедшие годы

В 1952 г. в рамках укрупнения рязанских колхозов все сельхозартели Ильинского сельсовета Пронского района вновь были объединены в одно хозяйство – колхоз им. Свердлова. «Председателем укрупненного колхоза избрали И.И. Попкова. Площадь пашни возросла сразу до 3,5 тысячи га»⁵. Если в 1954 г. в колхозе в среднем получали от коровы за 9 месяцев 930 кг молока, то уже в 1955 г. этот показатель составил 2016 кг. Передовые доярки П.Н. Кузькина и А.П. Дубинина добивались до 2960 и 2230 кг в год. Был выращен хороший урожай зерновых. На каждую корову было заготовлено по 7 т кукурузы, по 30 центнеров клеверного сена и пр.⁶

Конец 1940-х и 1950-е гг. стали периодом временного возрождения церковной жизни в Ильинке. Оно было связано с именем протоиерея Николая Семеновича Ятрова (1883 – ок. 1959), уроженца села Салаур Касимовского уезда Рязанской губернии. До 1930 г. он служил

¹ Пронский колхозник, № 79. – 1952. – 6 июля.

² Пронский колхозник, № 101. – 1952. – 15 декабря.

³ Там же.

⁴ Пронский колхозник, № 140. – 1955. – 25 ноября.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 210.

⁶ Пронский колхозник, № 140. – 1955. – 25.

священником в селе Благие Рязанского уезда, в 1930–1933 гг. отбывал заключение по статье 58–13 УК РСФСР («активная борьба против революционного движения, проявленная на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или контрреволюционных правительствах в период гражданской войны»). В 1944 г. Рязанская епархия направила Н.С. Ятрова в Ильинку. По воспоминаниям А.М. Митрохина, «поселился он в избе А. Тюльпановой на Фадеевке и начал свою деятельность с того, что создал приходский совет. <...> С их помощью собрал по селу несколько икон и разместил их в большой комнате (она же спальня) своего жилища, сразу же ставшей похожей на церковь в миниатюре. <...> Сам батюшка жил одиноко и скромно. На себя денег не тратил. Даже отказался от зарплаты. Возрождение православия стало его делом жизни, которому он служил до последнего вздоха. Благодаря его усилиям храм в Ильинке был восстановлен полностью. Он сумел найти и средства, и замечательных мастеров, художников-иконописцев, которые отреставрировали и старую (1549 г.) и новую (конец XIX в.) иконы. Умер Николай Семенович в конце пятидесятых. Подходящего священнослужителя взамен его не нашлось. В приходском совете начались распри, и он распался. Храм закрыли и превратили в зерносклад колхоза»¹. Было это уже в 1961 г.

В 1950-х гг. Ильинка пережила новый расцвет промысла по выделке валенок. «Среди тех, кто стоял у истоков нового дела, можно назвать М.А. Митрохина и Д. Брунова. Шерстобитки, на которых они работали, приносили колхозу немалый доход. Кроме того, изготавливаемый полуфабрикат для валенок давал возможность многим крестьянским семьям освоить валяльный промысел, сделать его массовым...

Рассказывает один из первых шерстобитов села М.А. Митрохин: «В послевоенные годы многие в Ильинке держали овец, и шерсть на рынке стоила не очень дорого – 2 рубля за фунт. На мужские валенки идет 4 фунта, на женские – 2–3. Валенки продавали примерно по 15–20 рублей за пару. Так что за вычетом всех расходов с пары хороших валенок семья имела 7–8 рублей дохода. Это для тех лет – большое подспорье.

В общей сложности в Ильинке в ту пору насчитывалось до сотни валяльщиков, как мужчин, так и женщин. У многих из них имелись свои секреты валки, которые помогали добывать более высокого качества товара. Его продавали в Скопине, Бобринке-Донском, Елифане и других городах».

2-я пол. 1950-х гг. многим колхозникам запомнилась освоением «царицы полей» – кукурузы. Интересны в связи с этим воспоминания профессионала В.А. Мартынова, работавшего тогда главным агрономом ильинского колхоза им. Свердлова: «Ни техники, ни технологии выращивания этой диковинной культуры у нас не было. Ученые еще только приступили к их разработке. А корма требовались немедленно. Вот и приходилось до всего доходить самим, методом проб и ошибок. Сначала сеяли так. Пускали по пашне лошадь с деревянными граблями, у которых зубья отстояли один от другого на 70 см. Так требовала технология. Следом за лошадьё по каждой борозде шли три человека. Один копал лунку, другой ссыпал в нее семена, третий – удобрения. Конечно, производительность была мизерная, зато качество отменное. К концу лета кукуруза стояла трехметрового роста, урожайность составляла 350–400 ц с га.

Через год-два предложили нам первую, хотя и примитивную, но все же механизированную технологию сева. Для этого использовался трактор. Чтобы соблюдать квадратно-гнездно-

---

¹ Митрохин А.М. Ради жизни на земле: Землякам-сельчанам, труженикам полей – ратных и мирных. – Рязань: Пресса, 2001. – С. 135–139.

вой способ, использовали мерную проволоку, которую натягивали на каждом поле, да еще перетягивали после каждого прохода трактора. Хлопотно и неудобно, но все-таки сев кукурузы мы освоили хорошо. В конце 1950-х – начале 1960-х она у нас росла отменная, вымахивала до 4 м в высоту. Урожайность составляла до 500 ц с га. Выращиванием ее занимались в основном два механизатора – Н.И. Пырков и Н.И. Демин. Первый стал участником ВДНХ, где удостоился медали». К этому можно добавить, что и сам главный агроном за получение высоких урожаев кукурузы в начале 1960-х получил орден “Знак почета”¹.

В 1960 г. в связи с укрупнением сельских советов к Ильинскому был присоединен Высоковский сельсовет Пронского района Рязанской области. В 1962 г. объединили и два колхоза укрупненного сельсовета – им. Я.М. Свердлова и «Родина». Новое крупное хозяйство унаследовало название высококовского колхоза «Родина»². «Первым его председателем стал Ф.П. Чапчиков. До конца 1960-х гг. в колхозе сделали большой шаг вперед в выращивании зерновых культур. Урожайность зерна удалось довести до 20 ц с га, что являлось высоким достижением. За это руководитель хозяйства, главный агроном, ряд механизаторов были награждены орденами Трудового Красного Знамени. К сожалению, впоследствии темпов развития зернового хозяйства в колхозе «Родина» по разным причинам сохранить не удалось»³.

В 1963 г. Ильинский сельсовет был передан из Пронского района в Скопинский⁴. В 1965 г. в его двух селах – Ильинке и Высоком – действовали колхоз «Родина», средняя и восьмилетняя школы, участковая больница, медпункт, 2 клуба, 2 библиотеки. Сельсовет располагался в деревянном доме. Председателем сельсовета работал ветеран Великой Отечественной войны С.И. Черкасов⁵. «Ильинка была полностью электрифицирована в 1962 г. Первые лампочки загорелись в домах колхозников Г.И. Коронина, А.И. Чухарева, М.Н. Кадушкиной. В связи с этим клуб был оборудован киноустановкой, к зданию средней школы пристроено 6 классных комнат, на улице установили фонари, в отдельных домах смонтировали водопровод. В 1963 г. было закончено строительство центрального механизированного тока. За три года текущей пятилетки в колхозе было установлено 96 двигателей, обеспечивающих подачу воды из артезианской скважины, механизированную кормораздачу, вращение жерновов мельницы, работу станков в мастерской. Выстроено новое правление и двухэтажная школа. В планах стояла задача сделать Ильинку поселком с многоквартирными домами»⁶.

По административному делению 1970 г. Ильинский сельсовет по-прежнему состоял из Ильинки и Высокого⁷. В 1975 г. в семье учителя и медсестры из Ильинки родился современный русский писатель Захар Прилепин⁸. В селе он прожил до 1986 г., когда переехал с родителями в город Дзержинск Горьковской области⁹. «Конец 1970-х – начало 1980-х гг. отличались в колхозе «Родина» активизацией производственного, жилищного и культурно-бытового строительства. Наглядным примером тому может служить возведение в Ильинке одного из

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 210–211.

² Архив Скопинского района, ф. 387, лл. 1–2.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 211.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 387, лл. 1–2.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 394, лл. 1–2.

⁶ Ленинское знамя, № 9. – 1965. – 21 января.

⁷ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 9.

⁸ Прилепин Захар /настоящие имя и отчество – Евгений Николаевич/ (р. 1975) – современный русский писатель, публицист и общественный деятель, автор романов «Патологии» (2004), «Санька» (2006), «Грех» (2007), «Черная обезьяна» (2011), «Обитель» (2014).

⁹ Ныне Нижегородская область.

крупнейших в районе Домов культуры, а также комплекса по очистке и переработке зерна. В 1993 г. колхоз «Родина» был преобразован в акционерное общество»¹.

В 1996 г. был воссоздан приход Казанского храма в Ильинке. Церковное здание было отремонтировано и с 4 ноября 1999 г. в нем возобновились службы. 2 января 2000 г. архиепископ Рязанский и Касимовский Симон освятил главный алтарь храма. Ныне он числится по 2-му Скопинскому благочинию. Настоятелем храма является протоиерей Дмитрий Еренович Оспангазин. Восстановление церкви в Ильинке продолжается.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Ильинка стало административным центром Ильинского сельского поселения. В него, помимо Ильинки, вошли села Высокое, Казинка, Березняги, Лазинка, Мшанка, поселки Широкий и станции Лазинка. На территории Ильинского сельского поселения в 2010 г. находились 3 школы, детский сад, амбулатория, 2 фельдшерско-акушерских пункта, 3 Дома культуры, 3 библиотеки, 3 отделения связи, церкви. Население сельского поселения составляло 1737 человек².

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. в Ильинке в это время было 568 жителей (247 мужчин и 321 женщина). В наши дни в селе располагается администрация сельского поселения, детский сад, Дом культуры, сельская библиотека, почта, амбулатория, церковь Казанской иконы Божией Матери. Работают предприятия агропромышленного комплекса: ООО «Родина» (генеральный директор П.В. Колчин) «АНП – Скопинская нива», ООО «Ильинское» (директор В.Н. Таекин), фермерские хозяйства: ИП «Таекин Виктор Николаевич», «Борунова Татьяна Валерьевна», «Сбытов Александр Анатольевич»³.

В 2008 г. здание Ильинской средней школы, построенное в 1910 г., было признано аварийным. В 2015 г. в рамках федеральной программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг.» и региональной программы «Социальное и экономическое развитие населенных пунктов в 2015–2020 гг.» началось строительство новой школы на 132 места, открытие которой запланировано на 1 сентября 2017 г.

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 211.

² Архив Скопинского района, ф. 500, л. 1.

³ По материалам Скопинской районной библиотеки.

КАЗИНКА

село

(сельское поселение Ильинское)

Исторические источники свидетельствуют о том, что село Казинка на территории скопинской вотчины боярина Никиты Ивановича Романова в Рязском уезде было основано переселенцами из Скопинского посада в середине XVII в. Его изначальное название по документам – Скопински Ильинск. Видимо, это указание на то, что в 1665–1670 гг. приходским храмом села была Ильинская церковь в соседнем селе, будущей Ильинке. В переписных документах 1675 г. современные Ильинка и Казинка, располагавшиеся друг от друга в двух верстах, именовались соответственно «Вослебны Ильинск» и «Скопински Ильинск». Похоже, села в приходе одной и той же церкви различались по происхождению первопоселенцев, которые происходили из села Вослебы и из Скопина.

Второе название села – Казинка (Козинка) – получено по ныне носящему это же имя ручью, на берегу которого было основано поселение. В XVII–XVIII вв. овраг, по которому протекал ручей, был известен под названием «верх Козье болото»¹. Собственно же Казинкой назывался починок при селе Скопински Ильинск, который позднее образовал с ним единое поселение (возможно, какое-то время по-разному назывались оконечности села, его «порядки»). В данном случае имеется полная аналогия с селом Затворным, где один из близких к ручью (верху) порядков крестьянских домов до XX в. сохранил наименование Казинки.

После строительства в селе Скопински Ильинск собственного приходского храма – Пятницкой церкви, освященной в 1670 г.², его изначальное название перестало соответствовать реалиям времени и постепенно стало забываться. С годами топоним «Казинка» стал основным наименованием поселения.

Ранний период жизни села развивался на фоне истории скопинской вотчины бояр Романовых. В 1654 г. наследником умершего бездетным Н.И. Романова стал царь Алексей Михайлович. При нем бывшая вотчина была превращена в Скопинскую дворцовую волость, основной задачей которой стала поставка хлеба и съестных припасов для царского двора и для нужд армии.

По переписным книгам 1675 г., в селе Скопински Ильинск в это время было 78 дворов крестьянских, в которых проживали 430 душ мужского пола. Еще в 1663 г. Скопинская дворцовая волость по инициативе Алексея Михайловича была переведена на десятинную пашню, так что менее десяти лет спустя жители села запахивали «на царя» 40 дворцовых десятин в одном поле. Кроме этого, поселяне ежегодно поставляли к царскому столу следующие запасы: свиного мяса – 60 пудов (9,6 ц), 40 баранов, 40 гусей, 70 уток и 40 сушеных кур³.

В окладных книгах Рязанской епархии за 1676 г. впервые упоминается сельская приходская церковь. В них сказано: «Козинка – Пятницкая церковь, двор попа Григория, двор дьячков, двор просфирницын. В приходе 70 дворов крестьянских и 8 дворов бобыльских. Церковныя

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.; Ленинская искра, №11, – 1950. – 26 января.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 215.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 184–184 об.

пашни шестнадцать четвертей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на сто копен»¹. «Дани с Пятницкой церкви положено было «два рубли пятнадцать алтын четыре денги. А преж сего с тое церкви дани не было. Приход выселился из Скопина-города, из Пятницкого прихода, церковь освещена в 178 (1670) году, <...> и поп (Пятницкой церкви в селе Казинке) Григорий данные денги «платил по се число с Пятницкими (г. Скопина) попами по старому окладу сопча»².

Возросшие в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. нужды армии к середине 1660-х гг. потребовали увеличения продуктовых сборов со скопинских крестьян. Им пришлось жаловаться царю напрямую. В грамоте по челобитью скопинцев от 21 (31) января 1667 г. царь Алексей Михайлович велел начальнику Хлебного приказа боярину И.С. Хитрово «на Скопине их, скопинцов, росмотрить и в столовых запасах обложить; а что к тому делу ему понадобится, и ему иметь на Скопине у Андрея Мерчукова. И государева грамота о том к нему, Андрею, послана ж с скопинским челобитчиком»³.

В этот период большинство государевых грамот поступало в Скопинскую дворцовую волюсть из Тайного приказа, хотя формально бывшая романовская вотчина подчинялась Хлебному приказу. Например, если требовалось собрать столовые запасы, то направлялась грамота «в Хлебный приказ, к Федору Наумову сыну Елизарову <...> собрать с 5 дворов по животине живой <...>, да с Романова ж и с Скопина взяти свиные мяса и на Москве поставить февраля к 1-му числу. А куры сушити, пластать и, расплюстав, натирать солью, и в соли держать сутки и сушить в печах в лещадях; и, устроая все по наряду, прислать к Москве марта к 1-му числу. И о том послать в те города к воеводам государевы грамоты». (К этим словам имеется примечание на полях документа: «Генваря в 24 день прислано с Скопина и отдано на Обтекарский двор свиных мяс 1030 полот весом 840 пуд 18 гривенок, да на Потешный двор отдано 800 полот– 640 пуд 22 гривенки...») ⁴ Одновременной посылкой указов и царских грамот в приказы и вотчины достигались одинаковое толкование поставленных задач и быстрота их исполнения.

В селе Казинка (Скопински Ильинск) в 1676 г. были все те же 78 дворов. В ту эпоху крестьяне обрабатывали в среднем 3,5–4 десятины в поле на двор. Обычно сеяли рожь на озимом поле, а овес и другие культуры – на яровом. При стандартной величине высева в 9 пудов (1,4 ц) на 1 десятину для ржи и 12 пудов (1,9 ц) для овса, при урожае для скопинских полей в XVII в. для ржи «сам-четверт», а овса – «сам-пят» (в урожайные годы) чистый сбор с десятины составлял 33,3 пуда (5,3 ц) для ржи и 48 пудов (7,7 ц) для овса. Если учитывать, что раз в три года десятина оставалась под паром, средняя урожайность составляла 27,1 пуда (4,3 ц) зерновых с десятины. С надела в 10,5–12 дворцовых десятин в трех полях всего получалось 284,5–325,2 пуда (45,5–52 ц) на двор. При минимальной норме потребления на душу в 18 пудов (2,8 ц) и при среднем размере семьи в 6,6 человека потребление семьи составляло 119 пудов (19 ц), а разница – 165–206 пудов (26,4–32,9 ц). Заплатив налоги, которые составляли в этот период в пересчете на хлеб в дворцовых селах около 0,53 пуда (8,5 кг) и оброк около 0,9 пуда (14,4 кг) на душу т.е. всего 9,4 пуда⁵ (1,5 ц), излишек на семью составлял 155,6–196,6 пуда (24,9–31,5 ц), а в среднем – 176 пудов (28,2 ц). Однако, если учесть, что имелись крестьянские дворы, хозяева которых в конце XVII – начале XVIII в. использовали наемный труд работни-

¹ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004 – С. 360–361.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 215.

³ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. – СПб., 1907. – С. 1261.

⁴ Там же, С. 1013–1014.

⁵ *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. – С. 111.

ков (как, например, предок одного из авторов настоящей книги В.А. Коростелева – староста села Казинки Григорий Свиридович Скалин¹, в хозяйстве которого в переписной книге 1719 г. отмечен такой работник), то необходимо прибавить еще 1,8 десятины обрабатываемой земли, и, соответственно, излишки хлеба за вычетом налогов составляли дополнительно 47,4 пуда (7,6 ц), итого 223,4 пуда (35,7 ц). Помимо ржи и овса, скопинские крестьяне в меньших количествах сеяли пшеницу, ячмень, горох, просо, коноплю, возделывали огородные культуры. Естественно, доходы зажиточных хозяйств, которые могли обрабатывать 7–8 десятин (7,6–8,7 га) земли, были выше средних показателей. Излишки в урожайный год продавались для покупки скота, инвентаря и других необходимых вещей, которые не производило крестьянское хозяйство. Например, соли, стоившей недешево.

В 1710 г. «села Скопинска Ильинска староста Матвей Грачев, да рядовые крестьяне Кондратей Лаврентьев, Авдей Трубицын, Павел Бородин, Фетис Гладышев. Селиван Вашенин, Поликарп Перельгин, Митрофан Грачев, Григорий Перельгин, Федот Овчинников с товарищи <...> сказали <...>, крестьянских бездворных, живут у солдат свойственников в домах: Иван Иванов, Михай Евтеев сын Перельгин, Никифор Семенов сын Бормотьев<...>, в том же селе солдат бездворных, живут у крестьян, у свойственников в домах: Яков Ларионов сын Исаев, Григорий Сидоров сын Исаев, Григорий Сидоров сын Малеев<...>, вдовьих безтятных четыре и один в пуге. Солдацких девять дворов, в них людей мужеска полу 28, в том числе женатых 18 <...>, женска полу 22 человека. Крестьянских тяглых 72 двора, в них людей мужеска полу 238 человек, женска полу 236 человек»².

В переписной книге 1716 г. село впервые фигурирует под двойным названием «Скопински Ильинск, Казинка тож». По ревизии 1719 г. в селе «староста Грегорий Скалин и сторожилы крестьяне Семен Грачев, Матвей Грачев, Грегорий Перельгин, Григорий Трубицын, Семен Вашеников, Петр Мотколев, Логвин Гладышев, Исай Лаврентьев, Павел Бородин, Филат Бородин, Панфил Красиков, Молофей Сидоров» – всего 36 дворов, и «на государевом гумне гуменщик Федот Васильев...»³

С учреждением в 1732 г. дворцовой Конюшенной канцелярии крестьяне села Казинки перешли в разряд конюшенных. Об их обязанностях можно получить представление из текста указа дворцовой Конюшенной канцелярии от 18 (29) сентября 1740 г. в связи с резолюцией императрицы Анны Иоанновны «по доношению в оной кабинет из следственной дворцовой комиссии» по расследованию дела опального кабинет-министра А.П. Вольнского в части злоупотреблений, допущенных им по конюшенному ведомству. Императрица потребовала выяснить, «коликое число, которому городу, волости и селу с 732 по 738 год за какие строения и работ и за прочее крестьянам <...> зачетов учинить». В указе отмечается, что «крестьяне в тех местах, где кто, в которой волости жительство имел, пашут десятинную пашню, и на ту пашню навоз возят, и убор с тех десятин в ржаном и яровом хлебе, молодьбу хлеба исправляют, и сено косят, и на конюшенные дворы возят, и при том бывает временно в разные числа конных и пеших крестьян и не по равному числу, смотря по времени» направляют на разные работы. В ходе следствия по делу А.П. Вольнского выяснилось, что не только казинские, но и все волостные конюшенные крестьяне «за то время, как они были у вышепоказанных работ, ис казны никакой платы» не получили. Хотя только перечисление выполненных работ при подготовке к строительству Келецкого конюшенно-

¹ Его прадед крестьянин Родион Спиридонов сын Скала показан в переписным книгам 1626–1627 гг. жителем посада г. Скопина, в 1646 г. в деревне Неделенке (ныне село Березняги); отец Свирика Скалин согласно переписной книге 1675 г. проживал в селе Скопински Ильинск (Казинка).

² РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 571 об–572 об.

³ РГАДА, ф. 3175, оп. 2, ч. 2, д. 3175, л. 28.

го двора дает представление о степени их эксплуатации: вывезено из Рязжской засеки между Троицком и Лесуновом и из-под Пустотина 7450 бревен, 109 столбов, 1130 пластин. На постройку легкой конюшни было использовано 760 бревен, на унтер-шпальмейстерские покои – 600 бревен, на кузницу – 120 бревен. Чтобы вывезти все строительные материалы для возведения конюшennых и подсобных помещений, потребовалось 6537 конных и 1030 пеших крестьян. Все неоплаченные работы были оценены комиссией в 7023 рубля 97 копеек¹. Только в 1733 году в Рязжской засеке два месяца работало 100 человек «у заготовления припасов»², а в определенные дни в зимнее и летнее время 2286 конных крестьян вывозили лес³. Вместе с двумя сотнями олопецких плотников на постройке работали «выборные из крестьян» скопинские плотники⁴.

Конюшennые крестьяне села Казинки были обязаны обслуживать конюшennые дворы и обеспечивать их фуражом, сеять и собирать урожаи с десятинной пашни. На местных крестьян и хлебоустроителей постоянно начислялись недоимки из-за недомолота снопов, причем даже в урожайные годы. Например, за 1743–1745 и 1747 гг. за Самсоном Гурьевым, Семеном Перельгиным, Трофимом Бородиным и Никитой Трубицыным было записано в недоимки около 350 четвертей ржи и овса⁵. За хлебоустроителем Евстегнеем Ващенниковым в 1741 г. числились 166 четвертей «невывишейся» ржи. Хлебоустроитель села Казинки Семен Ларионов «допросом показал он десятинной ржи <...> учинилось у него в недомолоте <...> 19 четвертей того ради, что по приказу бывшего дозорщика Федора Прокофьева, да стремянного конюха Данилы Полянского, на оной опыт копны брали из среди скирды, ржи доброй, а в тотде год десятинная рожь родилось на протчих десятинной плоха, а с плохой ржи на опыте не молотили, и с поля копен незнаемо для чего не брали и счислили ту плохую рожь против доброй». Из допроса видна заинтересованность целовальников в том, чтобы обманом начислить на крестьян больше недоимок, чтобы самим быть «с прибылью»⁶.

Начиная с 1756 г. казинские крестьяне добывали и возили известковый камень, который использовался в качестве строительного материала при возведении каменных конюшен в Кельце. Как сообщают документы, «оной камень имеется под селом Казинка близ протока, называемого Клешня». Вывозили его обычно зимой «для обожжения»⁷, т.е. производства гашеной извести.

Документы свидетельствуют о том, что конюшennых крестьян обирали не только подьячие и дозорщики, но иногда, нисколько этого не стесняясь, и сами управители. В росписном списке Скопинской канцелярии, составленном в 1758 г. для передачи текущих дел новому управителю, значится письмо от 12 августа 1757 г. из дворцовой Конюшенной канцелярии «О взыскании з бывших скопинского управителя капитана Матвеева да стремянного конюха Бравчинского за взятие села Казинки у крестьянина Федора Сурова лошади и хомута, денег и прочее». Из этого же списка становится известно, что «вышеписаное учено, и деньги поразчислению бывшего стремянного конюха Бравчинского с сына ево Михайлы взысканы и оному Сурову отданы, а капитан Матвеев тех денег не платит, о чем в дворцовую Конюшенную канцелярию представлено февраля 1 дня 758 года доношение, а к оному капитану Матвееву о платеже тех денег сообщено письменно, точию на то от него в Скопинскую канцелярию и по ныне еще не сообщено»⁸.

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 75, д. 34198, л. 429 об.

² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 75, д. 34198, лл. 156–156 об.

³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 75, д. 34198, лл. 181–181 об.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 75, д. 34198, лл. 182 об–183.

⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 79, 89.

⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 240.

⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 112, д. 60169, л. 68.

⁸ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, л. 30.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленные в 1779 г., сообщают, что в селе Казинка (в черновом варианте название передано как «Казинское»¹), по данным 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., было «100 дворов, 290 душ мужского и 310 женского пола». Село описано лежащим на «безымянных отвершков, одного на правой, а другога на левой сторонах, и по обе стороны речки Казинки. Церковь деревянная во имя Святой великомученицы Прасковьи»². О том, что оно собой представляло, можно судить по чертежу Генерального межевания 1779 г. Вытянувшиеся в линию с одним пролетом крестьянские дворы располагались на протяжении около 800 саженей (1728 м) вдоль правого берега ручья Казинка. Ниже по течению, на юго-западной окраине села, стояли два отдельных двора, за которыми лежал верх Грачев, впадавший под прямым углом в ручей Казинку. Церковь находилась на левом берегу ручья напротив пролета, делившего село пополам³.

В 1797 г. в соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства были разделены на более мелкие административно-территориальные единицы.

С XVIII по начало XX вв. в сельской Пятницкой церкви служили следующие священнослужители: священник Петр Осипов (в 1710–1722 гг.), священник Аггей Петров (до 1736 г.), священник Василий Панкратьев (с 1736 г.), священник Моисей Васильев (упоминается в 1760 г.), иерей Леонтий Автономов (упоминается в 1771 г.), диакон Автоном Иванов (упоминается в 1771 г.). В 1784 г. было построено и освящено новое церковное здание, также деревянное. Из священнослужителей второй Пятницкой церкви в Казинке известны диакон Автоном Наумов (упоминается в 1798 г.), иерей Стефан Иоаннов Смирнов (в 1815–1851 гг.), диакон Василий Яковлев (упоминается в 1832 г.), пономарь Дмитрий Прокофьев (упоминается в 1832 г.), диакон Василий Кораллов (в 1851–1872 гг.), священник Евфимий Васильевич Славянский (в 1866 г.), диакон Иван Козлов (в 1866–1916 гг.), пономарь Иван Гриднев (в 1866–1910 гг.), диакон Василий Игумнов (в 1866–1888 гг.), священник Василий Петрович Скрижалин (в 1867–1892 гг.), священник Александр Аннин (в 1895 г.), диакон Василий Чельдов (в 1890–1894 гг.), священник Григорий Иванович Стрекалов (в 1891–1918 гг.), диакон Степан Прилуцкий (в 1895–1897 гг.), священник Сергей Алексеевич Лебедев (в 1897–1916 гг.), диакон Иван Игумнов (в 1902–1918 гг.), диакон Иван Покровский (в 1906 г.), псаломщик Федор Кустодин (в 1907–1912 гг.)⁴. Известны имена и нескольких старост Пятницкой церкви в Казинке 2-й пол. XIX в. В 1866–1869 гг. этот пост занимал крестьянин Василий Чернечиков, в 1869–1876 гг. – крестьянин Тимофей Евстигнеев.

Как свидетельствуют карты А.И. Менде, в 1850-х гг. на трех ручьях, впадающих в ручей Казинка, были устроены небольшие пруды⁵. По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Казинка Скопинского уезда Рязанской губернии было 218 домохозяйств, в которых проживали 1172 крестьянские души мужского пола и 1229 женского. Все жители села были государственными крестьянами⁶.

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 3.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 15; д. 1241, л. 3.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 215.

⁵ Карта А.И. Менде 1850г., 1 см – 420 м.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122.

С отменой крепостного права в 1861 г. Казинка стала административным центром Казинской волости, в которую, помимо самого села, вошли близлежащие села Березняги, Гремячка и Ильинское (Ильинка).

Во время проведения Крестьянской реформы 1861 г. в селениях Скопинского и Рязанского уездов циркулировали «анонимные письма с целью восстановления крестьян против помещиков». Они затрагивали преимущественно интересы бывших помещичьих крестьян, ставших временнообязанными, но вносили элемент брожения и в жизнь бывших государственных крестьян, так как в них сообщалось, что свою землю им также вскоре предложат выкупать. Появлялись различного рода слухи, пускались в обращение подложные «манифесты» о прощении всех недоимок и платежей за содержание коннозаводской земли. В селе Березняги Казинской волости 3 (15) марта 1857 г. был избит волостной старшина, запрещавший читать такой «манифест»¹.

Середина XIX в. ознаменовалась для Казинки заметным прогрессом народного образования. Еще в 1849 г. – раньше, чем в большинстве сел Скопинского уезда, здесь было основано сельское училище, содержавшееся на средства Палаты государственных имуществ. Занятия проводились местным священником в его собственном доме. Поступавшие от государства средства шли на оплату предоставленного помещения и жалованье преподавателю. В 1866 г. в школе обучались 74 мальчика².

Природные условия Казинки, похоже, благоприятствовали развитию в селе мукомольного промысла. В 1868 г. в селе действовали 6 ветряных мельниц³. Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Казинке, «бывшем селе государственном», насчитывалось 393 двора и 3120 жителей. В селе действовали церковь, 3 лавки и целых 13 ветряных мельниц⁴.

В 1870-х гг. в Казинке началось строительство кирпичного здания церкви Параскевы Пятницы, осуществлявшееся по проекту, близкому к типовому. Возведение храма осуществлялось «тщанием прихожан села Казинки и отчасти на добровольные пожертвования, поступившие по сборным книгам»⁵. По свидетельству И.В. Добролюбова, в 1878 г. была освящена первая завершенная часть церковного здания – «придел в честь Святителя Николая»⁶. Строительство и окончательная отделка храма были окончены уже после 1885 г. Законченное здание представляло собой двусветный четверик, завершенный декоративным пятиглавием, с обширной трапезной, в которой помещались Никольский и Успенский приделы. В 1884 г. при храме было «церковной земли <...> 36 десятин (39 га), в числе коих 4 десятины (4,4 га) показаны к хлебопашеству неудобными. В приходе при 393 дворах состоит мужского пола 1353, женского пола 1443. По штату 1873 г. в приходе положены 1 священник и 2 псаломщика»⁷.

По переписи населения 1882 г., в Казинке насчитывалось 421 домохозяйство, в которых проживали 1625 мужчин и 1722 женщины. Грамотными среди них были 208 мужчин,

¹ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967. – С. 102–103, 106–107.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. – С. 238–239.

³ Там же. С. 588–589.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 569.

⁶ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 215.

⁷ Там же.

1 женщина и 7 учащихся мальчиков. В Казинском сельском обществе на ревизскую душу приходилось 3,7 десятины (4 га) наделной черноземной земли. Дополнительно сельское общество владело 44 наделными десятинами (48,07 га) на территории Сапожковского и Рязжского уездов Рязанской губернии. Наиболее состоятельные семьи арендовали в общей сложности 149 десятин (162 га) вненаделной и 365 десятин (398 га) наделной земли своих односельчан. В хозяйствах крестьян села содержались 617 рабочих лошадей, 165 жеребят, 369 коров, 308 телят и 325 свиней. В среднем на домохозяина приходилось 3,6 головы скота. В 83 хозяйствах держали по 3 и более лошадей. При этом 123 двора были безлошадными, а 59 не имели ни коровы, ни лошади. Из 422 изб 43 были построены из кирпича, но все были крыты соломой. При жилых строениях состояло 99 плетневых и 293 заборных дворов, 288 горниц и клеток, 501 амбар и сарай, 397 риг и овинов. В отхожих промыслах числился 361 мужчина. В селе действовали 16 промышленных заведений и 2 лавки. До 1876 г. из села выселилось 58 семей, в 1877–1882 гг. еще 10 семей¹. Шерстобитки с одноконными приводами принадлежали крестьянам Е.П. Громову и Я.С. Кибиткину. Небольшое кирпичное производство было у К.С. Серезкина. «Овчинное заведение» с двумя рабочими имели А.Н. Жижин и И. Мартишкин².

Нравы крестьянской жизни 2-й пол. XIX в. были суровы, но в какой-то степени справедливы. Почти все житейские вопросы решал сход сельского общества. Руководствовались писаными и неписаными законами. Иной раз за поджог, воровство или какие-нибудь другие художества могли «проучить» крепко. Пример можно найти в хронике происшествий «Рязанских губернских ведомостей» за 1869 г.: «26 апреля Скопинского уезда села Казинки крестьянин Семен Тимофеев был найден на огороде своем до такой степени избитым неизвестно кем, что на другой день умер»³.

Пожары были страшным бедствием, наносившим небогатым жителям села катастрофические убытки. В 1882 г. губернская газета сообщила: «26 мая Скопинского уезда, в селе Казинке сторело от образовавшейся в печи трещины 14 крестьянских домов с надворными строениями и 4 ригами, убытка понесено на 2870 руб.»⁴ «26 сентября [1883 г.] <...> в селе Казинке сторело 3 крестьянских одонья хлеба; убытка понесено на 500 руб. При дознании заявлено, что пожар произошел от поджога, виновных не обнаружено, но на одно лицо имеется подозрение»⁵. Сопоставимый убыток могли нанести и атмосферные явления. Так, в том же 1883 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщили: «22 июля <...> в полях крестьян села Казинка побито градом 100 десятин ярового и озимого хлеба; убытка понесено на 550 руб.»⁶

В 1881 г. по инициативе Скопинского уездного земства в Казинке было основано земское училище с трехлетним сроком обучения. Оно разместилось в деревянном здании под тесовой крышей площадью 168 кв. аршин (85 кв. м) и объемом 588 куб. аршин (211,5 куб. м) с 14 окнами, которое отапливалось двумя русскими печами. При школе имелась небольшая библиотека из 74 книг. Квартира учителя находилась непосредственно в школьном здании. Согласно отчету представителя Скопинского уездного земства, в 1884 г. школа представляла собой «помещение новое, просторное и светлое, с хорошей квартирой для учителя. Наем сторожа [осуществляется] за счет общества, для отопления же собирается с учеников солома,

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122–127.

² *Мартинов Н.Н.* Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 10, 42, 60.

³ Рязанские губернские ведомости, №36. – 1869. – 21 мая.

⁴ Рязанские губернские ведомости, №49. – 1882. – 3 июля.

⁵ Рязанские губернские ведомости, №84. – 1883. – 7 ноября.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 69, – 1883. – 10 сентября.

поэтому нередко бывает недостаток топлива. Так как подобный порядок несогласен с приговором общества, то Училищный совет просил своего члена – г. исправника понудить Казинское общество исполнять их приговор. Всех учеников 107, из них: в старшем отделении 10, среднем 30, младшем 67. В младшем отделении многие ученики читают плохо и пишут также. В среднем плохо решают арифметические задачи, сообразительности и понимания очень мало. В старшем отделении порядочно решают арифметические задачи и порядочно пишут диктант. В общем в школе резко бросается в глаза слабость учеников младшего и среднего отделений, в то время как в старшем отвечают порядочно. Я объясняю это обстоятельство, во 1-х, тем, что учитель больше занимался со старшими учениками, готовя их к выпускному экзамену. Во 2-х, при числе более ста учеников ему не было возможности довести учеников младшего и среднего отделений до той степени развития, на какой они стоят в других школах. Настоящее земское собрание сделало бы большую пользу, если бы ассигновало в Казинскую школу жалованье на 2-х учителей. Экзамен выдержали только 3 мальчика. Производил экзамен член от земства А.Н. Голощапов»¹.

В 1885/86 учебном году в младшем, среднем и старшем отделениях школы обучалось 120 мальчиков и 15 девочек в возрасте от 8 до 15 лет. Плата за обучение не взималась. Крестьяне расходовали 124 рубля в год на наем сторожа, страхование и отопление. Попечителем состоял отставной унтер-офицер Г.Я. Вилков, законоучителем с 1881 г. – священник В.П. Скрижалин, учителями с 1881 г. – выпускники Рязанской учительской семинарии М.Т. Зайцев и Казанского женского монастырского училища Н.М. Зайцева².

Следующее по времени описание земской школы в Казинке было составлено в ходе ревизии, проводившейся уездным земством 20 декабря 1893 г. (1 января 1894 г.). «Казинская школа. Учеников 150 человек, менее прошлого года на 54 человека. Все три отделения школы помещаются в одной комнате, которая тесна даже и для 15 человек. Первый учитель – М. Зайцев, преподает в младшем и старшем отделениях, из которых первый хорошо читает и довольно слабо считает, а второе (16 чел.) прямо приводит в изумление выразительным чтением стихотворений и своими прекрасными, как в каллиграфическом, так и в грамматическом отношении письменными работами – диктантом и изложением, но решая удовлетворительно письменные задачи, считают весьма небойко. Преподавание русского языка в обоих этих отделениях доведено до высшего совершенства и должно поглощать массу времени, чем и объясняется то, что ученикам с начала текущего учебного года и до дня ревизии не приходилось много упражняться в беглом счете. Среднее отделение, [которым] заведовал переведенный в начале текущего года первым учителем в Муравлянскую школу и замененный учителем Бондаревым второй учитель Карташев, читает и считает довольно слабо. Слабости учеников среднего отделения в чтении объясняются тем, что все три отделения школы вообще, а среднее отделение в особенности, чрезвычайно плохо снабжены книгами по русскому языку. По Закону Божию младшее и среднее отделение очень плохо вследствие неаккуратного посещения законоучителем школы – преподавание Закона Божия в старшем отделении поставлено несколько лучше. Карташевым был организован из настоящих и бывших учеников прекрасный церковный хор. К экзамену, производившемуся С.Н. Худековым, из 18 учеников старшего отделения были представлены 14, который все выдержали»³.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. Скопин, 1885. – С. 176–177.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 2–13, 23.

³ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. – Скопин, 1895. – С. 85.

В 1899 г. сорвался и разбился один из колоколов Пятницкой церкви в Казинке, весивший 62 пуда. На средства прихожан он был перелит «с добавлением к весу 7 пудов 20 фунтов»¹.

В 1902 г. упоминание о Казинке попало в книгу «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», вышедшую под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского. В ней, в частности, отмечалось: «От Лазинки вер. от 5 до 10 на с.-в. расположено еще три крупных селения, а именно: Казинка, имеющая более 3,5 тыс. ж., волостное правление, лавки и 13 ветряных мельниц, Ильинское, также имеющее до 3,5 тыс. ж. и 11 ветряных мельниц, и Высокое – до 3 тыс. ж.»²

В 1902 г. попечителем казинской земской школы был крестьянин А.П. Меркулов, учителями служили Матвей Тимофеевич Зайцев (48 лет) и с 1896 г. – выпускница Скопинской прогимназии Ю.М. Зайцева (27 лет)³. К 1908 г. в Казинке среди 5231 человек населения был 471 ребенок в возрасте 8–11 лет, обучалось же в школе только 214 детей. Преподавание вели законоучитель – местный священник и три учителя. К началу XX в. здание школы уже порядком обветшало. В земских отчетах сообщается, что «сквозь стены проходит вода и наружный воздух...»⁴

Школьные учителя пользовались безусловным авторитетом в крестьянской среде и чем могли старались помогать местным жителям. Так, с 1905 г. на время уборки урожая школьные учительницы на небольшие деньги Скопинского уездного земства организовывали при школах детские ясли. Одной из первых такие ясли открыла учительница Зайцева из Казинки. Ее примеру последовали учительница Попкова из соседнего села Ильинского, учительницы Башнева из села Победное и Волкова из Высокого. Ясли также открывались при школах в селах Мшанка, Боровое и Корневое⁵.

Школьные помещения, хотя и были относительно просторными, не могли вместить всех детей, желавших учиться, поэтому в 1913 г. Скопинским уездным земством было принято решение построить в Казинке вторую школу. О ходе строительства можно узнать из сохранившегося прошения крестьянина села Казинка Лаврентия Евдокимова Ошкина: «По просьбе десятников, 6-го сего октября [1913 г.], находящихся при постройке в селе Казинке земской школы Н.М. Колдашева и Е.Н. Басистова, была сделана усиленная подвозка камня для постройки означенной выше школы, дорога же была от дождей и снега положительно невозможная для доставки материалов, но, видя просьбу оных десятников, я с помощью своих детей накладывал воза значительно тяжелые, желая уважить просьбу десятников. По окончании же работ 6-го октября немедленно, даже в присутствии десятника, возившая камень моя лошадь, стоящая не меньше 100 руб., от сильной натуги и перегону пала и тут же околела, чем оставила меня несчастным...» Несмотря на то, что в своем прошении Ошкин убеждал земство в том, что не может «поддерживать незначительное свое хозяйство» без лошади, «в слезной просьбе» на выдачу денежного пособия ему было отказано⁶. Зимой 1913–1914 гг.

¹ Рязанские спархильные ведомости, № 8–9 (15 июня 1899 г.). – С. 138.

² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 2. – СПб., 1902. – С. 484.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 8–13, 23.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908 – С. 16–17; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года. – Скопин, 1909. – С. 158.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIII созыва 1907 года. – Скопин, 1908. – С. 36.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 229.

строительство школы было приостановлено из-за наступивших холодов, но, кажется, здание все же успели возвести до начала Первой мировой войны¹. По отчету за 1916 г. в Казинке в это время работали две земские школы: двухкомплектная и четырехкомплектная².

Сведения за 1905 г. свидетельствуют, что в Казинке было 655 крестьянских дворов, население составляло 2277 мужчин и 2333 женщин. В селе находились волостное правление, фельдшерский пункт (он размещался в съемных помещениях, например до 1907 г. – в доме псаломщика Пятницкой церкви И.И. Козлова, а затем у крестьянина Асеева), начальное земское училище для девочек и мальчиков, казенная винная лавка, 9 ветряных мельниц, 2 просорушки, 3 шерстобитки, маслобойка, 4 кирпичных завода³.

Промышленных заведений в селе было много. Они хорошо известны из прошений крестьян о снижении налогов и из докладов гласных Скопинского уездного земства о взыскании недоимок с сельских «предпринимателей». Скопинские крестьяне не отличались высокой правовой грамотностью и нередко при покупке тех же ветряных мельниц не удосуживались запрашивать земскую управу о накопленных прежними владельцами недоимках по налогам. Это приносило им немало проблем, заставляя земство проводить целые расследования на предмет выяснения истины. Например, в 1910 г. крестьянин села Казинка Кузьма Моисеевич Сережкин, купив ветряную мельницу у односельчанина Тихона Лукашкина, в свою очередь приобрел ее у другого жителя села Матвея Сережкина, на второй день после покупки сломал ее и перевез на принадлежавший ему кирпичный завод. Хотя недоимки по уплате налога образовались в 1901–1910 гг., они не были сложены и перешли вместе с имуществом к новому владельцу – К.М. Сережкину. Нерабочее состояние мельницы во внимание принято не было: в протоколе земского собрания отметили, что, дескать, «то обстоятельство, что мельница разобрана, не доказывает, что она не имеет ценности»⁴. И Скопинское земство вынесло неумолимый вердикт: недоимки оплатить. Скорее всего, решение было мотивировано тем, что новый владелец мельницы К.М. Сережкин был в состоянии уплатить промысловый налог. По итогам другого расследования земства о неуплате этого же налога в 1912 г. был сделан следующий вывод: «Владелец кузницы в селе Казинка Семен Прокофьевич Масленников умер уж как 6 лет тому назад, и в наследство своему сыну ничего не оставил, поэтому его сын уплатить недоимку в размере 10 с лишним рублей не в состоянии»⁵. Еще один крестьянин села Казинка Дмитрий Алексеевич Васильев в 1913 г. имел в селе кузницу, недоимки по налогам на которую составляли около 16 рублей. Дознанием было установлено, что «недоимки взыскать невозможно, а потому представляются к сложению»⁶. Трактиры местных крестьян Красикова и Асеева в 1909 г. также не приносили значительного дохода, поэтому на основании зафиксированной протоколом земского собрания переоценки промысловый налог с них был снижен в 4 раза. Крестьянин Семен Егорович Мешочкин имел ветряную мельницу и недоимки по налогам на 54 рубля. В 1911 г. ему была дана рассрочка, но он так ничего и

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. – Скопин, 1914. – С. 192.

² Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. – С. 172.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 604–605.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания LVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 209.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. – С. 394–395.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. – С. 564–565.

не уплатил. В 1913 г. дознанием земства было установлено, что «человек он бедный, и недоимки взыскать невозможно, а потому представляются к сложению»¹. Петр Антонович Денискин из села Казинка имел торговую лавку, Пелагея Афонасьева Денискина – чайную лавку и торговую лавку. К 1913 г. их совокупные недоимки по налоговому сбору составили около 24 рублей. В заключении уездной земской управы по их делу сообщалось, что они «и по сие время занимается торговлей, живут в среднем достатке, но уплатить для них затруднительно», поэтому земское собрание постановило часть долга сложить. Еще один «злостный неплательщик», владелец ветряной мельницы Тимофей Силантьевич Аксенов, как выяснилось по результатам дознания, не информируя земство, продал свою мельницу и другое имущество и уехал как переселенец в Томскую губернию².

Были, однако, в Казинке и действительно богатые крестьяне-кулаки. В 1935 г. местные старожилы – семидесятилетние крестьяне Михаил Иванович Улькин и Алексей Михайлович Ступин вспоминали о дореволюционных временах: «Была сельская 3-х классная школа, обучалось 120 детей, из которых учились дети кулаков. Лучшие хлебоборонные земли принадлежали кулакам братьям Грачевым, которые засевали по 100 га, имели по 50 лошадей и столько же рогатого скота. О кулаках Грачевых знала вся Рязанская губерния. Вся Казинская волость была в их руках»³.

К началу XX в. окончательно сформировалась внутренняя топонимика села, сохранявшаяся в неизменном виде до 1950-х гг. Село делилось на Большой порядок (видимо, его историческое ядро) и порядки Савкин, Чернечков, Кумин и Сериков⁴.

Тяжесть крестьянского быта в скопинских селах усугублялась вопиющей антисанитарией, способствовавшей быстрому распространению эпидемических заболеваний. Казинка в этом смысле исключением не была. Документы Скопинского уездного земства свидетельствуют, что в начале 1904 г. в селе случилась эпидемия скарлатины – заболело 104 человека. Тогда же, в 1904–1905 гг. 63 жителя Казинки переболели корью⁵. В 1906–1907 гг. 93 человека перенесли коклюш, рожа была обнаружена у 25 человек, десятки жителей болели дизентерией, корью, скарлатиной⁶. В 1909–1910 гг. по селам Казинка и Катино прокатилась эпидемия брюшного тифа. В Казинке заболели 264 человека, из них 13 умерли. Для борьбы с эпидемией в села за счет земства вызывались фельдшера. Вслед за тифом пришла оспа: из 163 заболевших жителей села скончались 36 человек. Только после этого случая в селах Ермолово, Казинка и Ильинское провели поголовное оспопрививание. Постоянного медицинского персонала не хватало, в случае экстренной необходимости всегда требовалось привлечение дополнительного медперсонала. Порой в селе отмечалось несколько эпидемических заболеваний одновременно. Чаще, правда, одна болезнь сменялась другой. Необходимо отдать должное усилиям Скопинского уездного земства, стремившегося в условиях крайне ограниченных средств обеспечить крестьянское население хотя бы минимальной медицинской помощью. Летом 1910 г. в Казинке «во временно приспособленное... помещение шко-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. – С. 564–565.

² Там же. С. 570–571.

³ Ленинская искра, № 203., – 1935. – 24 ноября.

⁴ Ленинская искра, № 11. – 1950. – 26 января.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLI очередного созыва 1905 года. Скопин, 1906. – С. 159; Журналы Скопинского уездного земского собрания XL очередного созыва 1904 года. Скопин, 1905. – С. 61.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIII очередного созыва 1907 года. Скопин, 1908. – С. 361.

лы для бесплатного оказания медицинской помощи больным зрением» был приглашен отряд Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, который прибыл в село 1 августа. Амбулаторно было принято 2188 больных при 4042 посещениях и «сделано 178 операций и оперативных пособий»¹. Еще до революции, земством в селе была построена больница на 12 косок². Если же усилий земской медицины оказывалось недостаточно, больным оставалось надеяться только на силу молитвы. Люди несли в церковь написанные местными грамотеями записочки «за здравие» и, встречаясь глазами со священником, вздыхали: «На все воля Божия...»

В 1914 г. в Пятницком храме в Казинке служили священники Григорий Иванович Стрелков (в 1912 г. был благочинным 2-го округа Скопинского уезда) и Сергей Алексеевич Лебедев³. После начала Первой мировой войны в церкви стали чаще молиться за здравие мобилизованных в действующую армию односельчан. В 1915 г. на средства прихожан были промыты стены и возобновлен иконостас в трапезной⁴. В военное время продолжалась традиция празднования престольного праздника – дня памяти Святой мученицы Параскевы Иконийской 28 октября (10 ноября), который в селе называли просто «Пятница». В этот день храмовые иконы украшались вышитыми полотенцами и салфетками, которые приносили в дар прихожанки. Бытописатели XIX в. сообщают, что в этот день поселяне клали под икону святой «разные плоды» и хранили их до следующего года. Также, «собираясь праздновать в одно место, они выносили образ Параскевы Мученицы, обвешанный платками и лентами»⁵.

В 1917 г. в селе Казинке одноименной волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 787 дворов, в которых проживали 2951 мужчин и 3071 женщин⁶.

Февральская, а затем Октябрьская революции 1917 г. были восприняты в селе с воодушевлением. «Как только весть о революции дошла до Казинки, в селе началось стихийное революционное брожение умов. Народ собирался на митинги, говорили о новой жизни, о земле. Однако дальше этого дело <...> не шло. Власть, как и прежде, принадлежала группе зажиточных крестьян, из которых особо выделялась семья Грачевых. Она владела 9 ветряными мельницами, 4 кирпичными мастерскими, просорушками и маслобойкой»⁷. Помещичьего землевладения в волости не было, земля была давно поделена, а жители села настолько свыклись со своим статусом, что никаких новых благ от правительства большевиков не ожидали.

В 1918 г. был создан Казинский сельсовет, деятельность которого, как и дореволюционной администрации, быстро взяли под свой контроль местные богатеи. Однако долго так продолжаться не могло – разоренная Гражданской войной страна остро нуждалась в ресурсах для развития, а взять их можно было только из деревни. Скоро равнодушие к политике советской власти сменилось противодействием и саботажем. В конце 1918 г. уполномоченный Рязгуботдела ГПУ по Скопинскому уезду докладывал: «...Нельзя не отметить факт деятельности антисоветских партий в Казинской волости Скопинского уезда, где крестьяне, при распространении всяких провокаций о сдаче продналога, упорно таковой не хотят сдавать,

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин, 1911. – С. 139–140, 274–276.

² Статистико-экономический обзор Тульского округа. – Тула, 1930. – С. 66.

³ Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 446.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 14, – 15 июля, – 1915. – С. 556.

⁵ *Тузьева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круллый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. – Рязань: Ринфо, 2001 – С. 13–14, 17, 28.

⁶ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

⁷ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 213.

несмотря на ряд предпринятых репрессивных мер, как высылка, сессий нарсудей и пр. <...>, до 15 ноября [1918 г.] подвоза продналога не было, и в результате в Казинскую волость выслали отряд из роты ЧОН и милиции, а также послали особых уполномоченных для проведения в жизнь в таковой постановления сессии Совнарсуда, а также выяснения антиполитической подкладки в указанной волости»¹. В еженедельной сводке секретного отдела ВЧК за 15–22 декабря 1919 г. отмечалось: «В с. Казинке Скопинского уезда Рязанской губернии контрреволюционеры распространяют провокационные слухи и этим стараются поднять восстание крестьян, 22 ноября произошло восстание среди крестьян по поводу распространенных слухов о закрытии якобы местной колокольни...»²

Казинский крестьянин К.А. Кузин в 1919 г. так описывал положение дел в родном селе на страницах скопинских уездных «Известий»: «Наше село слишком далеко стоит от просвещения, и ничуть оно не хочет подойти ближе к делу просвещения. Меня это страшно удивляет, и я думаю, почему же граждане не могут придти к сознанию и заняться уничтожением темноты и несознательности в массах? Оказывается объясняется очень просто. У нас есть темные силы, которые не спят, а всей деревенской темноте напевают такие нелепые слухи, что невольно возмущаешься. В нашем селе более 25 лет живет батюшка о. Григорий Стрекалов, уважаемый нашими богатеями и спекулянтами. О. Григорий с амвона неоднократно после литургии говорил проповеди о том, что вот на православную веру пришло время гонений, заставляют иконы выносить, из школ и учреждений, а темные и несознательные массы слушают, думают, что правда на веру гонения начали. И рассуждают, что в школу посылать ребят не следует, нет там попа и, значит, научиться нечему. Так тормозится работа школы. Приведу еще пример. В нашем селе в декабре 1918 г. организовался культурно-просветительный кружок, куда вошло более 25 сознательных членов. Учащие (учителя. – *Примеч. авторов*) казинских школ в числе 9 человек совместно с членами кружка охотно принялись за дело. Стали устраивать по воскресеньям в школе лекции, чтобы дать свет народу. Молодежи это стало нравиться. Это лучше, чем собираться в какой-либо избе и играть в «двадцать одно». Кружок, по просьбе граждан, решил устроить спектакль. Стали готовиться. И тут Стрекалов не дремал. Вместе с В.П. Смолиным батюшка обдумал следующий план. Решили они обратиться к гражданам прихода за согласием взять из Скопина чудотворную икону Спасителя, авось она спасет от эпидемии тифа. Богатеи, кулаки и спекулянты были довольны этим и согласились взять икону, чтобы побольше денег накачать в карман нашим попам. Но этого проделать им не удалось, чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом хождения по домам с иконою не разрешила. Наш поп к этому прицепился. Теперь он гражданам, желающим взять икону из местного храма на дом и отслужить молебен, не разрешает, а посылает в Совет за разрешением. Наши граждане не понимают в чем дело, идут от попа и ругают Советы, забывая, что попы до сих пор играли в нас, как в бабки, запугивали адом да грехом, лишь бы побольше им валилось в карман капиталу. Знает поп, что кружок просветить народ хочет, труднее тогда будет ему обманывать бедняков, и решил он всячески мешать ему.

Узнал он, что кружок на масленицу ставить спектакль собирается. Вместе со своими друзьями В. Смолиным и Г. Тараскиным начали в народ нести пропаганду. «Нам по домам с иконами ходить нельзя, а устраивать спектакль можно, все равно туда собирается много народу, и тоже могут занести тиф». Так говорили они, забывая, что больные и те, у кого они есть, на спектакль не придут, а с иконой ходить разбирать бы не стали, шли бы подряд от больного к

¹ ГАРО. ф.П-1, оп. 1, д. 673, л. 287.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Т. 1 – М.:РОССПЭН, 2012. – С. 223.

здоровому. По выходе из церкви В. Смолин и Г. Тараскин собирают кружки баб и начинают им напевать о том, чтобы они своих рябятишек не пускали в школу, что там ничего нет хорошего. Божьему не учат, а только пляске да игре; это антихрист там выступает, а бабы слушают, да и говорят: «Да, да правда Василий и Гаврила, вся ваша правда». И так идут они до самого дома, все ругают кружок и Советы, а поп-то втихомолочку посмеивается, рад, что так ловко пока все еще им удастся народ морочить и культурно-просветительному кружку работу тормозить. Знают, что борется кружок с темнотой и мешает им карманы накалчивать. Товарищи! Не обращайтесь внимание на эти жужжания, стремитесь к просвещению; теперь вам доступно и свободно, довольно нам в темноте жить. Посылайте своих детей в школы, давайте им образование, расширяйте культуру, этим только победим темные силы эксплуататоров»¹.

Еще один местный житель К.С. Пономарев продолжил эту тему в газете: «Я прочитал в «Известиях» Скопинского Совета от 9 марта про темные силы села Казинки. С своей стороны мне хочется добавить несколько фактов. В октябре 1917 г. я был в отпуске в селе с царской войны. В это время в соседнем доме заболела моя бабушка, и меня попросили съездить для напутствия за попом, что я и сделал. По дороге я спросил попа, получает ли он газеты, и что нового. Он с неохотой и злостью ответил мне, что в Петрограде переворот и люди от сохи в начальство полезли. С тех пор он ведет агитацию против Совета, конечно тайком, передает свои лживые слова через посредников. А посредники у нас есть, напр. мать Дарья Сидоркина, Игнат Акимочкин... собираются вечером к отцу Стрекалову, слушают наставления отца духовного и с благословением расходятся домой. А в доме матери Дарьи уж собрались посетительницы, с нетерпением ждут ея прихода. Вот идет и она с большим посохом в руках, ее встречают в дверях, она тяжело вздыхает, так как тяжесть ея тела не позволяет делать вечерние прогулки, прежде всего, благославляет всех собравшихся, потом начинает говорить наставления о. Стрекалова о рождении Антихриста, к чему ведет эта власть, как избежать ея... Выслушав, все вдовушки с грустью расходятся по домам, говоря, вот до чего дожили: люди к вечерни, а молодежь в клятры (театры. – *Примеч. авторов*).

Так вот и идет у нас в селе Казинке: мать Дарья «просвещает» вдовушек да бабушек, а Игнат по прозвищу «Закат» в своей светлице показывает страницы из Библии, речет: «О, горе нам, дожившим до сих дней; богати обнищаша и взалкаша взыскающе всякого блага». Еще маленький пример... Товарищ Трушков, военный комиссар по военному обучению, служит примером, участвуя каждый день в уличных кулачках, где ему есть поддержка в лице инструктора. Это называется производят тактические занятия... В одном из таких боев был ранен в нос поручик Трушков; вот работники действительно служат примером Советской Республики»².

Во время голода в Поволжье 1920–1922 гг. ситуация с продовольствием в Рязанской губернии также оставляла желать много лучшего. В целях борьбы с голодом атеистическая советская власть инициировала практику конфискации церковного имущества, правовая основа которой была заложена декретом ВЦИК РСФСР «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» от 27 декабря 1921 г. и несколькими последующими постановлениями. В информационной сводке ГПУ №305 от 11 апреля 1922 г. о ситуации в Рязанской губернии сообщалось: «Положение крестьян крайне тяжелое. Многие питаются суррогатами. Крестьяне к изъятию церковных ценностей относятся отрицательно, однако открытых выступлений не наблюдалось, за исключением Скопинского уезда»³. И в более поздние годы упоминания о

¹ Известия, № 16. – 1919. – 9 марта.

² Известия, № 18. – 1919. – 23 марта.

³ Там же. С. 604.

Казинке не исчезали со страниц документов органов правопорядка. Например, в докладной записке секретного и информационного отделов ОГПУ от 17 февраля 1925 г. сообщалось: «...Гражданин с. Казинка той же волости Скопинского уезда Белов Михаил Егорович распространяет среди крестьян слух отом, что вот, мол, вывесили список лиц в количестве 400 человек, лишенных голоса при выборах в советы, это делают для того, чтобы в советы опять прошли коммунисты»¹.

В первые послереволюционные годы Казинка оставалась своеобразным оазисом до-революционных нравов, лишь слегка прикрытым тонкой амальгамой советского быта. От 1920-х гг. осталось следующее описание сельских посиделок в Казинке, традиции которых складывались веками: «Когдаходишь в избу, где девушки устраивают «посиделки», то сразу бросается в глаза украшение комнаты. На окнах развешены шторы, сделанные из бумаги. Полочки, на которых стоят образа, также убраны искусно вырезанной бумагой. На стене, рядом с образами, висят очень красиво вышитые полотенца. Дальше висят различные плакаты, большею частью касающиеся военизации и призыва в Красную армию. Стол накрыт ситцевой цветочной скатертью. Вот почти все, что составляет убранство и украшение комнаты. На посиделки девицы собираются с 4–5 часов вечера, сборы, конечно, идут раньше, но уже начинают «сидеть» с этого времени.

Прежде чем идти на посиделки, каждая девушка слегка накрадется, припудрится, одевается в самую что ни есть чистую рубаху, запан (передник), самотканую юбку и идет; иногда так не одеваются в церковь. Иногда все девицы одевают одинаковые запаны – синие. На сиделки девушки приходят каждая с какой-нибудь работой. Кто шьет, кто вяжет чулок, кто прядет, некоторые даже вяжут кружева. Шьют себе запаны, рубахи и так далее. Безработных почти нет, если же и заходят, то это уже не девушки, а женщины или молодые вдовушки, которые заходят просто поговорить. Сидят девушки каждый день, и всегда, когда бы вы ни вошли – они всегда за работой, и в будни, и в праздники: редкий праздник они не работают. Работают они здесь с той целью, дабы показать приходящим парням, что они умеют работать, на случай, если какой парень захочет свататься.

На посиделках время никто не ограничивает: сидят до двух часов и до четырех часов утра, и тогда только расходятся. Во время сиделок девушками соблюдается известный порядок. При входе партии ребят с гармоникой (гармонист во главе) две девушки без всякого стеснения встают, кладут свою работу на стол, становятся друг против друга и начинают плясать с пением частушек под гармошку. В своих частушках девица выливает все свои чувства к любимому ей парню, расхваливая и коря последнего. В конце, также с пением частушек, рассыпаются в благодарностях гармонисту, расхваливая его. Вообще, при входе гармониста все расступаются, как бы ни было много народу, гармонисту – первое место.

Во время пляски и пения частушек характерной чертой является сдержанность девушек и удивительная их серьезность. Ни одна из них в это время даже и не подумает улыбнуться. При парнях девушки очень натянуты, так что от них не добьешься ни одного слова, за исключением «да» или «нет». Только далеко за полночь девушка разговорится с парнем и даже некоторые уходят гулять.

На посиделки «сидится» девушка с 15 с половиной – 16 лет и выше. Каждый день в таком времяпровождении они проводят свою жизнь до тех пор, пока их кто-нибудь не возьмет замуж. «Сидящим» девушкам ночью почти спать не приходится, поэтому они спят чуть ли

---

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. – М: ИРИ РАН, 2001. – С. 326.

не целый день, до следующих посиделок. Родители нисколько не запрещают такие сиделки, даже наоборот поощряют их. Сидеть можно и сжигать керосину по две лампы – можно и по 3 рубля за комнату платить в месяц – а в избу-читальню пойдешь – значит в Бога не веруешь.

В будни сиделки проходят гораздо скучнее, чем в праздники. В праздники бывает больше пьяных и чаще проходят и заходят с гармошкой. Что касается хождения на улицу, то тут девчата почти не ходят, за исключением парней»¹.

В губернском ежемесячном журнале «Наше хозяйство» в октябре 1924 г. Н. Владимиров опубликовал статью «Казинская волость», в которой дал развернутое описание села первых послереволюционных лет: «В Казинской волости Скопинского уезда по переписи 1920 г. числилось населения 16 001 чел., из них женщин 8919 и мужчин 7082. На 1 же мая 17 958. Таким образом, по Казинской вол. население увеличилось по сравнению с 1920 г. на 1957 чел. или 12,38 %. Если сравнить абсолютные цифры числа дворов, то за 1920 г. их было 2598, тогда как в 1924 г. мы имеем уже 3141 и увеличение на 543 двора. Род занятий населения – земледелие и отхожие промыслы, неизбежные в Казинской волости, как мало обеспеченной душевым земельным наделом. Главный отхожий промысел – уход на торфяные разработки»².

Из других отхожих промыслов следует отметить торговлю красками для окрашивания материй домашнего производства. Всего на промыслы уходит 26,65 % населения. Обеспеченность пахотной землей населения волости весьма мала – всего пашни 13 510,17 дес., т.е на душу приходится 0,74 дес. Обеспеченность же сенокосными угодиями выражается в следующих цифрах: всего покосов – 1151, 57 дес. и на душу 0,06 дес. По роду культур посевная площадь распределяется следующим образом: рожь 53 % (4503 дес.), просо 15 % (1258 дес.), чечевица 8 % (636 дес.), гречиха 6 % (532 дес.), овес 5 % (452 дес.), конопля 40 дес., картофель 13 % (1084 дес.) Скотовладение волости характеризуется следующими цифрами: лошадей 1261, коров 2459, овец 2740, свиней 160, коз 9. Следовательно, на одно хозяйство приходится лошадей 0,4 головы. В отношении землеустройства население, вследствие крайнего малоземелья, к землеустроительным работам относится относительно равнодушно. Бюджет населения крайне слаб, так как, кроме сезонных заработков, население, за небольшим исключением не имеет, а сельское хозяйство находится в явно неудовлетворительном состоянии. Доход хозяйства в составе 7-ми человек при наличии одного трудоспособного лица, не обрабатывающего лично землю, а уходящего на заработки, не превышает в среднем 130 рублей. Из этой суммы хозяйству приходится уплачивать около 70 руб. за обработку земли, а остальная сумма идет на покупку хлеба, на уплату налогов и др. хозяйственные доходы. Точно также и доход хозяйств, самостоятельно обрабатывающих свою землю и не отпускающих работников на заработки, не превышает 100 руб. Ясно, что эти два типовых хозяйства не в состоянии свести бюджета бездефицитно. В хозяйствах же, имеющих в своем составе двух работников и более – доход, конечно, соответственно повышается... Связь с сельсоветами крайне слаба: обследование сельсоветов не производилось, отчетность не установлена. Связь с организациями расположенными на территории волости, отсутствует. Распоряжения вышестоящих органов выполняются не аккуратно, накладываются резолюции шаблонного характера «к сведению», «к исполнению», сельсоветам даются в копиях распоряжения УИКа, без каких-либо разъяснений...³

Пожаров по волости было 12, число погорельцев – 87 чел., а причинено убытка на сумму 1019 руб. 50 коп., выдано на погашения их 269 руб. 50 коп. и, кроме того, не оплачено за

¹ Ильинский В.Н. Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. – С. 79–81..

² Наше хозяйство, № 10. – 1924. – С. 86.

³ Там же. С.87.

пожары, впредь до утверждения пожарных производств 750 руб., пало рогатого скота 26 голов на сумму 393 руб.; выдано 393 руб. ... Прокатных пунктов, казенных случных пунктов и агропунктов в пределах волости не имеется, есть 4 случных пункта с одобренными жеребцами частных граждан, и только¹. Количество детей школьного возраста, примерно, от общего числа жителей составляет 10–11 %, обучалось же в 4 школах 1-й ступени в учебном году 1072 чел., причем после весенних каникул посещаемость упала до 40 %. Закрыто вследствие изношенности зданий 3 школы. Учителей всего 13 человек, следовательно, средняя нагрузка на учителя 82 человека... Политпросветработа слаба – номинально числится 4 сельских избы-читальни и 1 волостная, в момент обследования все они бездействовали, ликпунктов 4, все бездействуют, культпросветов 4, каковые за год поставили всего лишь 12 спектаклей... Своих лечебных учреждений волость не имеет и обслуживается Павелецкой больницей. Дело социального обеспечения совершенно не налажено, в волости совершенно не имеется комитетов взаимопомощи или каких-либо подобных организаций.

Как видно из вышеприведенного, Казинский ВИК мало работоспособен. Причин этому много, прежде всего внешнего характера – это экономическая слабость волости и как следствие отсюда – недостаток средств у населения и в самом ВИКе, несознательность населения, тормозящая развитие хозяйственной и культурной деятельности и отсутствие инициативы и предприимчивости у части работников ВИКа. Надо сказать, что проведенное УИКом частичное обновление аппарата ВИКа уже сказалось на работе, которая начала налаживаться. Выделение Казинской волости в показательную, при условии дальнейшего обновления аппарата и содействия в работе, дает возможность надеяться, что волость на самом деле будет показательной»².

Что же касалось экономики межличностных отношений, то здесь все шло образцово и почти по дореволюционным лекалам. В районной газете исполнитель судебных решений по Скопинскому уезду доводил до сведения граждан, что «2 числа апреля 1925 г. в 10 часов утра будет производиться публичная продажа имущества, принадлежащего гр. с. Казинки Семену Петровичу Панферову, заключающегося в 2 овцах с 2 ягнятами, одной свинье, одном самоваре, одном зеркале, одном пуде подсолнухов, 10 пуд. ржи, одних весах столовых, одной бочке и 5 отрезках деревьев, оцененного в 65 рублей зол. за иск гр. Ивана Ивановича Чеснокова, согласно исполнительного листа народного суда 3-го участка Скопинского уезда за № 3083. Продажа будет производиться в с. Казинке при сельсовете»³.

Местные жители считали, что в Казинке «до начала 1924 г. революция не настала». Во всей волости не было ячейки РКП (б) и РЛКСМ, не было кооператива. Но жизнь постепенно менялась. «Казинский сельскохозяйственный кредитный кооператив организован в марте 1924 г., куда вошли десятка два активных крестьян, внесшие свои пятирублевые взносы. В 1925 г. было уже 300 пайщиков. Торговал кооператив нужными для крестьян товарами, частный торговец закрыл лавку. Прибыль в кооперативе составила 800 рублей. На эти деньги, кроме моста стоимостью 500 рублей, устроили три колодца-журавля и наконец, построили электростанцию с электромельницей. Мощность электростанции составляла весьма значительную величину 47,5 кВт⁴. Кроме того, была взята в аренду у отдела местного хозяйства большая дорога общей площадью 22 десятины (24 га) и отдана для эксплуатации членам товарищества. На закупку учебников в школу-семилетку, отпуска керосина во все избы-чи-

¹ Наше хозяйство, № 10. – 1924. – С.89.

² Наше хозяйство, № 10. - 1924. - С.89.

³ Коллектив, № 33. – 1925. – 25 марта.

⁴ Статистико-экономический обзор Тульского округа. Тула, 1930. – С. 24.

тальни выделено 80 рублей. Кооперативная торговля привела к снижению цен на четверть в частной торговле»¹.

Не все, однако, шло гладко. Например, первичная электрификация села носила очень ограниченный характер. Скопинская уездная газета «Коллектив» в 1925 г. сетовала: «До сих пор в Казинке осветили 50 домов, а их в селе 1000. Казинцы недоумевают – чем задерживается дальнейшая проводка? Кроме того и существующий свет горит уж очень мало: зажгут в 7 час., а через час снова гасят. Крестьяне этим недовольны и просят светить подольше»². Даже в прогрессивном сельхозкооперативе не все еще отошли от привычек «милой стари-нушки». Красноречивым примером может служить случай, имевший место в 1926 г. Кооператив «за провоз нефти из Скопина для станции пообещал платить 13 копеек с пуда». Но когда в январе месяце местный крестьянин А. Сериков привез 20 пудов топлива, приказчик кооператива Ошкин и закупщик Бычков выплатили ему только 2 рубля, сказав: «Хватит с тебя и этого»³. Причудливые сочетания старого и нового были везде – в учреждениях культурпросвета, в школах, в клубах. Хамство и равнодушие нередко проявляли даже проводники новых тенденций – комсомольцы и ответственные работники. Нищета и дремучесть нравов встречались повсеместно, но рядом с ними было и искреннее стремление людей сделать свою жизнь лучше и светлее. По вечерам сельская молодежь находила время для развлечений и старалась хоть как-то скрасить трудовые будни, становившиеся особенно тяжелыми в дни летней страды. После работы парни и девушки 14–18 лет собирались вместе и кружилась на импровизированной карусели, устроенной из тележного колеса со свисавшими постромками, горизонтально крепившегося к вкопанному в землю столбу. Парни раскручивали колесо, временами высоко подпрыгивая в воздухе, к восхищению стоявших недалеко молодых девушек. Водились и традиционные хороводы под гармонь.

Как и во многих селах, центром культурной жизни Казинки была изба-читальня. Там получали периодические издания, среди которых были газеты «Правда», «Известия», «Беднота», «Крестьянская газета», «Деревенская газета», «Рабочий клич», «Красный воин», «Красная звезда», «Комсомольская правда», а также журналы «Селькор», «Красноармеец», «Лапоть», «Горнорабочий», «Изва-читальня», «Дружные ребята», «Спутник деревенского агитатора», «Крестьянка». Ежедневно изба-читальню и ее филиалы посещали более 50 человек. С 1925 г. в Казинке выпускали и собственную газету, которая сначала называлась «Вперед», а позднее «За урожай». Ее редактировал К.П. Гераськин. При читальне работали кружки: драматический, кооперативный, политический, антирелигиозный и военный. Кроме того, в селе действовало 6 красных уголков, где активистами проводилась читка газет. Сами казинские крестьяне выписывали 127 газет и 12 журналов. В 1927 г. на базе избы-читальни открылась сельская библиотека, в фондах которой было до 4 тыс. томов⁴.

Для усиления культурно-просветительной работы «среди членов профсоюза и наглядности таковой», по постановлению пленума скопинских профсоюзов от 5 ноября 1925 г. Скопинское упробюро приобрело кинопередвижку. Пробные сеансы дали хорошие результаты. В первой половине марта 1926 г. кинопередвижка показывала фильм «Борьба за жизнь». Другая передвижка – Побединского рудкома № 2 возила по селам фильм «Теплая компания». Вторую картину «крутили» целых два дня, 7 и 8 марта, в Казинке, а 9 марта – в Ильинке⁵.

¹ Коллектив, № 65. – 1925. – 4 июня.

² Коллектив, № 44. – 1925. – 22 апреля.

³ Коллектив, № 10. – 1926. – 3 февраля.

⁴ *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. – С. 62

⁵ Коллектив, № 28. – 1925. – 11 марта.

По данным за 1926 г., в Казинке насчитывалось 966 дворов. Населенный пункт был богат водными ресурсами: в селе было 156 колодцев, 2 родника, 5 вырытых прудов, 10 запруд. Основными занятиями населения, как и до революции, оставались земледелие, скотоводство, отходничество. Треть населения с началом зимнего пути и до Масленицы отправлялись на зимний извоз¹.

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Казинский сельсовет был включен в Горловский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1930 г. на волне массовой коллективизации в Казинке был образован колхоз. Назвали его «Красный шатуровец»². Немало сельчан выезжало на торфоразработки близ подмосковной Шатуры, откуда и приносило в жизнь родного села многие прогрессивные тенденции. Первым председателем колхоза стал И.И. Прохоров. Первоначально в него вошло 87 крестьянских хозяйств. Не все, однако, пришли в сельхозартель с добрыми намерениями. «Пробрался и кулак Павел Егорушкин, который вредил изнутри»³.

В 1931 г. в Казинке было уже 1070 дворов. В это время в селе появилась ячейка ВКП (б), в которой состояли 3 члена и 5 кандидатов в члены партии. Секретарем партячейки был И.И. Егорушкин. В первую весеннюю посевную колхоз успешно справился с задачей засеять 217 га ярового клина. Сев производили вручную. По указанию Горловского райкома партии, колхозники начали его 27 апреля, единоличники – после Пасхи 6 мая⁴. Позже в село стала поступать современная сельхозтехника. «Первый трактор «Фордзон» осваивал И. Мешочкин»⁵.

Политика государства по усилению давления на крестьян-единоличников с целью скорейшей коллективизации села вызывала недовольство даже у тех из них, кто входил в советские органы власти. В апреле 1932 г. горловская районная газета «Ленинская искра» писала: «Член казинского сельсовета П.Я. Маркина ведет агитацию на селе против засыпки страхсемфонда. Маркина была судима за хлебозаготовку, а сейчас неизвестно почему она остается членом сельсовета, работая на руку кулаку. С.Г. Коширенков также член сельсовета, но ведет работу против засыпки, срывает собрания. Активно помогают этой «парочке» и Х. Колотовкина, Демидкин, П. Коробимов, М. Тазов. Сельсовет должен вырвать из своего состава Маркину и Коширенкова»⁶.

В 1932 г. руководство Казинским сельсоветом и колхозом «Красный шатуровец» все еще оставалось в руках авторитетных, состоятельных крестьян, доказавших свою успешность в жестких условиях дореволюционной сельской жизни. Мириться с этим новые районные власти явно не собирались. В горловской районной газете «Ленинская искра» один за другим начали появляться разоблачающие публикации: «В составе Казинского сельсовета имеются классово-чуждые элементы: уполномоченный группы и председатель сельсуда Ф.П. Денискин – бывший торговец, имел патент 2-го разряда; Ванюхин – сын крупного арендатора земли и владелец крупорушки, состоящий в сельсовете членом ревизионной комиссии. В колхозе состоит бывший торговец М.Г. Тараскин. Кроме того, в Казинском сельсовете имеется ресурс кулацких хозяйств, не обложенных в индивидуальном порядке, и которым не даны

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

² Архив Скопинского района, ф. 273, л. 1.

³ Ленинская искра, № 203. – 1935. – 24 ноября.

⁴ Ленинская искра, № 58. – 1932. – 12 мая.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996 – С. 216.

⁶ Ленинская искра, № 36. – 1932. – 7 апреля.

твердые задания по хлебозаготовкам: Панкин – бывший торговец, имевший купчую землю; Д.И. Магюшин – имел купчую землю и применял наемную рабочую силу, имел батраков; П.Г. Забидаров – также применял наемную силу»¹. На пленуме сельсовета 10 марта 1932 г. был поставлен вопрос о засыпке страхового семфонда. Выступил член сельсовета Улькин, который заявил: «Семян у меня нет, и знаю, что и у других также». Комментируя это выступление, местная газета сообщала, что «Улькин семенами полностью обеспечен, в прошлом он бывший староста. В революционные годы арендовал землю у бедняков. В данное время имеет также зажиточное хозяйство»². 5 апреля 1932 г. в Казинке выездная сессия народного суда рассмотрела уголовные дела «по обвинению кулацко-закиточных хозяйств» и определила «за отказ от принятия посевного плана и отказ от засыпки страхсемфонда по твердым заданиям» приговорить: В.С. Панкина – к 8 месяцам принудительных работ и 150 рублей штрафа; В.И. Черничкова – к высылке на 3 года и конфискации имущества; А.Е. Трушников – к 9 месяцам принудительных работ и штрафу 150 рублей; Ф.П. Денискина – к 1,5 годам лишения свободы с конфискации имущества; Малашкина – к 6 месяцам принудительных работ и штрафу 150 рублей; Т.Е. Панферова – к высылке на 3 года с конфискацией имущества; Е.И. Абрамкина – к штрафу 400 рублей»³. Новая выездная сессия народного суда, заседавшая в селе до конца апреля 1932 г., «приговорила за злостное уклонение от исполнения «контракционного договора» Г.И. Серикова к штрафу – 100 рублей, Скалина к штрафу – 150 рублей, Ф.П. Родкина к принудительным работам сроком на 5 месяцев»⁴.

Выполнение плана мясоставок и уплата налогов крестьянами-единоличниками контролировались сельсоветом. В случае злостного уклонения дело передавалось в суд. Например, в 1934 г. зажиточный казинский крестьянин Меркулов не сдал государству мясо в размере 102 кг, не заплатил сельхоз- и культналог и, кроме всего прочего, агитировал против вступления в торфяные артели. Выездная сессия приговорила его к 2 годам лишения свободы с конфискацией имущества⁵. В том же году выездной сессией Горловского нарсуда рассматривалось дело злостных неплательщиков, срывщиков зернопоставок Казинского сельсовета Гагаева, П.К. Смутина и Смолиной Евдокии. Гагаева и П.К. Смутина – за злостное уклонение в течении ряда лет от всех видов поставок и налогов приговорили к двум годам лишения свободы. Смолину Евдокию – за срыв зернопоставок и укрывательство осудили на 6 месяцев принудительных работ⁶.

«Крепкие хозяева», не дожидаясь репрессий, покидали село. Среди них был Степан Павлович Фролов, а по сельскому прозвищу его пращуров Гуськов, а еще их называли Кирюшными и Галилеевыми после того, как дед Степана после обряда елеопомазания в храме по ошибке назвал елей «галилеем». Степан, 1900 года рождения, по сельской традиции завел семью рано. Его жене Татьяне Дерюгиной едва исполнилось 16 лет. Вернувшись после короткой службы в Красной армии, Степан Фролов построил каменный дом, ригу, погреб, баню, вырыл колодезь. В его хозяйстве было несколько лошадей, корова, птица, а сам он занимался извозом. В колхоз Степан идти не захотел, и его «раскулачили»: лошадь увели со двора, прямо из стада забрали корову. Сундук с добром («мануфактурой» – тканями, нарядными платками и проч.) отняли и распродали все в сельской лавке. Степан Павлович, не до-

¹ Ленинская искра, № 8. – 1932. – 28 января.

² Ленинская искра, № 23. – 1932. – 23 марта.

³ Ленинская искра, № 39. – 1932. – 12 апреля.

⁴ Ленинская искра, № 51. – 1932. – 28 апреля.

⁵ Ленинская искра, № 39. – 1934. – 24 марта.

⁶ Ленинская искра № 172. – 1934. – 21 сентября.

жидаясь худшего, увез семью с 7 детьми сначала под Торжок, а потом в Ярославскую область, в поселок Остеево (станция Беклемишево). Во время Великой Отечественной войны служил рядовым сапером, в 1944 г. подорвался на немецкой мине, но поправился и закончил войну в Кенигсберге. С.П. Фролов вернулся домой с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». По возвращении отца младшие дети Кирилл и Раиса, родившиеся перед войной, его не узнали. В 1946 г. в его семье родился десятый ребенок – сын Виктор. С 1950 г. большая семья проживала в Хотьково Московской области, но быт их оставался традиционным, казинским. Жена хорошо шила, Степан Павлович ходил в рубашках, сшитых ее руками. Иконы, лампада, часы с кукушкой – «ходики», лоскутные одеяла, на кроватях пирамиды пуховых подушек, а по низу кружевной «подзор». Чтобы жить было веселей, Татьяна Дмитриевна говаривала: «Хвалила сова совет – они у меня и глазастьенькие, и носастенькие, и ушастенькие..» Когда кто-то долго не возвращался домой, шутила: «Черный кобель на хвост надел, пока не стрясет домой не принесет». Видя сильно поношенную, во множестве заплаток одежду, замечала: «Хозяина нет, одни приказчики остались». Для человека, который постоянно приказывал, поговорка: «Не слуга – в лаптях, купи калоши!». У Степана Павловича тоже было шутивное «казинское» напутствие: «Ешь – потей, работай – холодей, ходи так, чтоб в сон кидало». А подбадривал детей он так: «Строгай, строгай сынок, я топориком подправлю»¹.

В 1934–1935 гг. в казинском колхозе «Красный шатуровец» числилось уже 905 хозяйств. Колхоз построил зернохранилище на 300 т зерна, свинарник на 150 свиней, конюшню на 90 лошадей, 2 картофелехранилища вместимостью 500 т, а в поле 4 риги для обмолота хлеба. Работала паровая мельница, при ней просорушка и крупорушка, имелись 2 паровых двигателя, обслуживавшие полусложные молотилки, 10 жаток, 2 триера, 2 автомашины. Также были организованы МТФ, овце- и свинофермы, птицеферма. В них содержались 31 корова, 190 свиней, 50 овец и 210 кур. В селе открылась собственная больница, действовала неполная средняя школа, в которой учились 735 детей, работала прачечная, строились новая баня, клуб и библиотека.

В 1934 г. «Ленинская искра» не без гордости сообщала об успехах казинских колхозников: «Бригада № 1 Куликова казинского колхоза «Красный шатуровец» первой в колхозе окончила сев яровых, а 18 мая также первой закончила посадку картофеля. Судейской комиссией установлено, что все свои работы бригада провела на «отлично». Бригада получила переходящее Красное знамя колхоза и денежную премию в 150 руб. Бригада добилась своих успехов на основе широко развернутого внутрибригадного социальноревнивания и ударничества, соблюдения твердой дисциплины и правильной расстановки сил»².

В 1935 г. колхоз «Красный шатуровец» был занесен на Московскую областную Доску почета. Виды на урожай были неплохие: зерновых планировали собрать по 18 ц с га, картофеля – по 240 ц с га³. Совершенно новым явлением для крестьян стало то, что их труд, в отличие от старого времени, стал оцениваться по-человечески. «Звеньевая бригады Лапшина Ефросинья Григорьевна вместе с мужем заработала в 1935 г. 360 трудодней, и за ударную работу ее премировали овцой. В хозяйстве были корова, поросенок, куры. Жизнь налаживалась. В семье шесть детей от 1 до 15 лет»⁴.

В начале 1937 г. в казинском колхозе «Красный шатуровец» состояло 847 дворов. Село было коллективизировано на 97,5 %. Колхозная посевная площадь, включая усадьбы кол-

¹ Сообщение Н.В. Малашиной.

² Ленинская искра, № 39. – 1934. – 18 мая.

³ Ленинская искра, № 31. – 1936. – 18 марта.

⁴ Ленинская искра, № 213. – 1935. – 18 декабря.

хозников, составляла 3437,5 га, в том числе колхоза – 3245,5 га, единоличников – 3,84 га. В колхозе было 228 лошадей, 84 головы крупного рогатого скота, 226 свиней, 124 овцы. В хозяйствах жителей села содержалось 428 голов крупного рогатого скота, 184 свиньи, 487 овец и 17 коз. В хозяйствах единоличников было 4 лошади, 12 голов крупного рогатого скота, 9 свиней, 12 овец. Площадь садов колхоза составляла 25,6 га, колхозников – 3,5 га, единоличников – 0,5 га¹.

В 1937 г. Казинский сельсовет вместе со всем остальным Горловским районом был включен в состав новообразованной Рязанской области. Незадолго до этого события несколько жителей Казинки пали жертвами «Большого террора». Священник Пятницкой церкви Петр Николаевич Орлов (1899–1937) был уроженцем села Шеенки Касимовского уезда Рязанской губернии. Его арестовали в Казинке 14 июня 1937 г. 10 сентября он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «контрреволюционной пропаганде и враждебном отношении к советской власти». Такая же судьба постигла уроженца города Скопина Трифона Ивановича Леонова (1900–1937). Он был художником и до 1933 г. преподавал рисование в казинской школе, позднее числился официально безработным. Его арестовали 21 июля 1937 г., а 10 сентября уже осудили по обвинению в «систематической контрреволюционной агитации среди окружающих лиц». П.Н. Орлов и Т.И. Леонов были расстреляны на Бутовском полигоне под Москвой в один день – 14 сентября 1937 г. Несколько дней спустя, 21 сентября 1937 г., там же оборвалась жизнь Якова Кузьмича Сerezкина (1890–1937), представителя крестьянской семьи из Казинки, работавшего химизатором в сельской больнице. Его обвинили в «систематической антисоветской агитации и активной контрреволюционной пропаганде». В 1989 г. П.Н. Орлов, Т.И. Леонов и Я.К. Сerezкин были посмертно реабилитированы.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., селу посвящена следующая статья. «Казинка (4854 чел.) – самое крупное после Горлова село района. Местность возвышенная, холмистая с многочисленными оврагами, балками. На окраине села фруктовый сад. Ручей Клешня, родники, пруды и 156 колодцев служат источниками водоснабжения. Вода в Казинке удовлетворительного качества, за исключением некоторых мест, где вода имеет темный цвет, неприятный запах и вкус. В Казинке выявлены месторождения угля и черепичных глин. Во второй четверти XIX в. в Казинке существовал конный завод Скопинского коннозаводства. Это село известно в области по хате-лаборатории, в которой колхозник-опытник, ныне участковый агроном, производит уже в течение ряда лет удачные опыты по сортоиспытанию зерновых культур, итальянской конопли. Казинский сельсовет известен как единственный в районе по культивированию арбузов, в 1938 г. было засеяно 5 га»². В «Перечне населенных пунктов Горловского района», составленном участниками экспедиции в 1939 г., о Казинке сообщается: «Число жилых строений 1098, хозяйств 1078, в них жителей 5869. Мельница, черепично-кирпичный завод. Средняя школа, изба-читальня, больница, почтовое отделение с телефонной станцией, магазин и сельмаг»³.

На 1 января 1939 г. в селе Казинка Казинского сельсовета Горловского района Рязанской области было 906 крестьянских дворов. 878 дворов с совокупным населением 4697 человек

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, С. 21-22.

³ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год..

входили в колхоз «Красный шатуровец», за рамками сельхозартели оставались 165 человек. Крупный рогатый скот держали в 454 хозяйствах. В колхозе насчитывалось 1337 человек трудоспособного возраста (от 16 лет и старше). В 1938 г. в колхоз вступило 14 хозяйств, выбыло 16. Общая площадь обрабатывавшейся колхозом земли составляла 2886 га: под зерновыми находилось 2406 га, под картофелем – 202 га, под прочими овощами и бахчевыми культурами – 17 га. Средняя урожайность зерновых составляла 7,3 ц с га, картофеля – 23,7 ц с га, других овощей и бахчевых – 68 ц с га. В среднем за 1938 г. каждым колхозником было выработано по 107 трудодней. После распределения 40 % денежных доходов колхоза, каждый из них конвертировался в 2,6 кг зерновых и 35 копейки деньгами. На административно-хозяйственные нужды хозяйства пошло 2,5 % его денежного дохода¹. По состоянию на конец 1938 г. колхоз «Красный шатуровец» имел 78 голов крупного рогатого скота (в том числе 34 коровы), 271 свинью (в том числе 48 свиноматок), 140 овец и 263 лошади (из них рабочих 151)².

В конце 1930-х гг. разросшийся колхоз «Красный шатуровец» был разделен на четыре самостоятельных хозяйства – «Путь Ильича», «Победа», «Сталинец» и «Коммунар»³.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. «...Повестки с вызовом в военкомат получили примерно 500 казинцев. Более 300 из них никогда уже не вернулись в родное село»⁴.

В ноябре 1941 г. немецко-фашистские захватчики, встретив сопротивление на подступах к Москве, устремились в обход столицы с юга, через Тулу. Войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 23 ноября нацисты захватили Горлово, 25 ноября – Скопин, а к 26 ноября вышли на рубежи Мордвес – Серебряные Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава. В Казинку немецкая разведка вступила 26 ноября в количестве 9 человек на трех мотоциклах. Их привел какой-то мужчина из Павельца. Они искали партийных активистов М.А. Ляпушкина и Я.М. Тюнина, которым удалось скрыться. В ходе пребывания немцев в селе были «разгромлены пасеки в колхозах “Сталинец”, “Путь Ильича”, “Коммунар”»⁵.

28 ноября 1941 г. Скопин и еще три населенных пункта были освобождены от оккупантов решительным ударом батальона 84-й отдельной стрелковой бригады, которая направлялась в эшелоне под Москву, но, выгрузившись в Рязске, вписала одну из славных страниц в историю Скопинской земли. В последующие дни, в соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования о подготовке контрнаступления, ставшего переломным моментом всей битвы под Москвой, к Рязску выдвигались части 346-й стрелковой дивизии 61-й армии Юго-Западного фронта, которой командовал полковник И.Е. Давидовский. По прибытии 1-го эшелона на станцию Рязск в 10.00 29 ноября 1941 г., 3-й батальон 1164-го стрелкового полка дивизии под командованием старшего лейтенанта Серскова, закончив разгрузку в 18.00, выдвинулся в район Скопина к 20.00. 30 ноября занял оборону на западной и юго-западной окраинах города⁶.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 216.

⁴ Там же.

⁵ ГАРО, Ф. П-1437, оп.2, д. 24, лл. 4–6.

⁶ ЦАМО. Ф. 1665, д. 1, д. 12, лл. 1–5..

Некоторые детали последующих событий известны по донесениям подразделений и частей 346-й стрелковой дивизии. Майор Савичев, командир 1164-го стрелкового полка, оборонявшего Скопин 2 декабря 1941 г., докладывал в штаб дивизии добытые передовыми отрядами данные о противнике. Пост ВНОС сообщал о замеченных «в Яблонево 2 бронемашин, 2 танках и 12 мотоциклах»¹. О Казинке разведка 1164-го стрелкового полка докладывала: «...В 3.00 6 декабря, северо-западной 9 км Скопин, занята противником, пехота и бронемашинны вокруг Казинки окружаются патрулями. По сведениям партизан, в Казинке в районе школы располагается штаб»².

В 6.00 6 декабря 1941 г. разведка дивизии в районе села Лазинка «обнаружила 30 человек пехоты, завязался бой, в результате убит немецкий солдат и один ранен. 2-я группа, действовавшая в Казинке, встретила до 10 человек солдат, завязалась перестрелка, в результате чего убит немецкий солдат, документов никаких не обнаружено. Остальные 9 человек ушли в северо-западном направлении...»³ В разведдонесении 346-й стрелковой дивизии от 6 декабря 1941 г. ее штаб докладывал: «Противник группирует свои силы в районе Горлово, имеет в наличии автомашины, мотоциклы и велосипеды, ведет разведку на рубеже: Казинка, Лазинка, Новые Кельцы, станция Павелец»⁴. 9 декабря 1941 г. был освобожден райцентр Горлово. По итогам контрнаступления Советской армии под Москвой зимой 1941–1942 гг. линия фронта отодвинулась далеко на запад от границ Рязанской области.

В 1942 г. для скорейшего восстановления пострадавшего от боевых действий хозяйства Горловского района он был временно переведен в подчинение Московской области. В начале 1942 г. в Казинку пошли похоронки, начали возвращаться бывшие бойцы РККА, демобилизованные после тяжелых ранений. Немалое их число осталось инвалидами на всю жизнь, но, несмотря на это, они продолжали вносить вклад в деятельность казинских колхозов, хотя условия работы были сложными. «За военные годы была значительно подорвана экономика здешних колхозов. Достаточно сказать, что на полях от случая к случаю работал один трактор, количество лошадей уменьшилось почти в 5 раз, да и те были далеко не первой свежести. Практически весь колхозный почвообрабатывающий инвентарь пришел в негодность»⁵.

Горловская районная газета писала об этих героях трудового фронта: «С.М. Сереежкин пришел раненый, и сразу пришел к председателю колхоза «Победа» Забидарову, вместе с П.Н. Соловьевым взялся за ремонт техники. Не было даже конных граблей»⁶. Лучшим бригадиром в колхозе «Сталинец» был П. Коростелев, также вернувшийся с войны. Работу в колхозе он воспринимал как продолжение борьбы с врагом, поэтому когда житель села Д.И. Кирюшин пытался похитить 12 кг зерна, он бросился за ним в погоню и при попытке задержать преступника был ранен им в правую руку. Вор был осужден по суровым законам военного времени и приговорен к 3 годам заключения. В это же время другие жители села С.П. Панферов и И.Т. Роганов за хищение керосина были приговорены соответственно к 5 и к 3 годам лишения свободы⁷. После войны на селе работал сеяльщик Владимир Михайлович Кольцов, награжденный орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». В колхозе «Коммунар» в самую отстающую бригаду был назначен бригадиром другой вете-

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 5.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 11.

³ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 12.

⁴ Там же.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 216.

⁶ Ленинская искра, № 37. – 1942. – 26 июля.

⁷ Ленинская искра, № 46. – 1942. – 27 августа.

ран войны Ф.И. Косткин. В колхозе «Победа», председателем которого работал М. Шилин, бывший фронтовик Степан Ильич Егорушкин занимался ремонтом тележных колес, тем же занимались вернувшиеся с войны Илья Семенович Тришин, Иван Дмитриевич Овечкин¹. Сразу после войны Райспромкомбинат организовал валяльную мастерскую, в которой работали 7 человек, в основном инвалиды войны. Мастерская из деревни Крыжи оказывала им помощь².

Казинский колхоз «Победа» из года в год входил в число передовых. В 1945 г., несмотря на неблагоприятные погодные условия, колхозники получили на трудодень 2,6 кг зерновых и 7 кг картофеля, обеспечили себя кормами. Рассчитались с государством сверх плана. В этом колхозе «Анна Сергеевна Климкина, как и многие женщины, научилась пахать, косить, выполнять другие работы. В 1945 г. она заработала 326 трудодней, получив 8 ц зерна, 2,5 т картофеля, много кормов для коровы и овец. Изъявила желание работать пахарем»³. В 1946 г. колхоз «Победа» построил зернохранилище, плотницкую мастерскую и баню⁴. Однако даже работая по-ударному прожить только на колхозные трудодни было трудно. Поддавшись соблазну «легких денег», некоторые сельчане преступали закон. Например, в 1946 г. «неработающий в артели им. Сталина П.С. Громов во время уборки похитил в поле 145 кг пшеницы и 92 г ржи. Суд приговорил его к 5 годам тюремного заключения»⁵. Были в послевоенной Казинке и вовсе закоренелые преступники. Н.Г. Борисов в течении ряда лет нигде не работал, а занимался кражами. В 1947 г. им были совершены кражи имущества крестьянок «Борисовой, М. Сорокиной. Затем организовал группу воров, и в ночь на 3 октября совершил ограбление М.А. Кулиной». Народный суд Горловского района приговорил Борисова к 20 годам заключения с конфискацией имущества⁶. Такой строгий приговор стал следствием усиления в 1947 г. ответственности за посягательство на государственную и колхозную собственность.

В 1946 г. Горловский район вновь был административно подчинен Рязанской области. После отмены карточной системы в 1947 г. на селе стал ощущаться дефицит товаров. Умножились злоупотребления в сфере торговли. Казинское сельпо «прежде всего стало снабжать себя, родственников и перепродавать на рынке. Продавец Бычкова вместо 2 кг в одни руки, отпускает 6 кг, если кто понравится, а учителей два дня без хлеба держала»⁷. Сталинская колхозная система, решавшая, прежде всего, задачи снабжения государства сельхозпродукцией, все больше вступала в противоречие с интересами людей села. В 1948 г. развернулась кампания полупринудительной продажи государству мелкого скота. Рыночная продажа колхозной продукции разрешалась лишь после выполнения колхозами планов обязательных поставок. Неуплата сельскохозяйственного налога, который повысился на 30 %, а для единоличников и бывших колхозников в 2 раза, приравнивалась к государственному преступлению⁸.

В 1947 г. казинский колхоз «Путь Ильича» получил урожай зерновых около 7 ц с га. План поставок зерна государству был выполнен на 75 %, при этом 65 колхозников не выработали

¹ Ленинская искра, № 26. – 1946. – 9 мая.

² Ленинская искра, № 4. – 1946. – 18 января.

³ Ленинская искра, № 16. – 1946. – 7 февраля.

⁴ Ленинская искра, № 55. – 1946. – 24 октября.

⁵ Ленинская искра, № 50. – 1946. – 19 сентября.

⁶ Ленинская искра, № 9. – 1948. – 29 января.

⁷ Ленинская искра, № 9. – 1948. – 29 января.

⁸ Петриков В.В., Галас М.Л. Сельское хозяйство России в XX веке. // Россия в окружающем мире: Аналитический ежегодник. М.: Издательство Международного независимого эколого-политологического университета, 2001. – С. 20.

установленного законом минимума трудодней¹. В колхозе «Победа», где председателем работал Корнюшкин, выстроили новую конюшню, баню. «Строили Кузьма Тихонович Ошкин, Петр Никифорович Соловьев, Иван Тимофеевич Тихонов и Максим Иванович Климкин»². В этом же хозяйстве «создали звено высокого урожая, которое возглавила Ошкина. Наметили бороться за урожай 12 ц зерновых с га. В 1948 г. в «Победе» закончено строительство птичника на 500 голов, приобрели 300 цыплят, еще 5 наседок должны были вывести несколько десятков, после птичника развернули строительство свинарника. Было 38 свиней и 8 свиноматок. Перевыполнили план развития свиней и овец. Было 57 лошадей много крупного рогатого скота. В соседнем колхозе, где председателем был Быков, 1 августа 50 женщин и столько же подростков на работу не вышли»³.

В 1950 г. колхозы Казинского сельсовета «Путь Ильича», «Победа», «Коммунар» и «Сталинец» вновь объединились в одно хозяйство под общим названием «Сталинец». «Его пахотные угодья увеличились до 5140 га. Председателем укрупненного хозяйства избрали Ф.П. Прохорова»⁴.

Основной проблемой колхозной системы послевоенного времени являлось то обстоятельство, что колхозники были вынуждены большую часть своего времени работать на колхоз, в то время как основной доход им приносил приусадебный участок. «Согласно бюджетным обследованиям, в 1950 г. 73 % рабочего времени колхозники были заняты на общественных работах в колхозе. В то же время от колхозов они получали 19,5 % своих денежных доходов. По решению сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС была расширена сфера хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, повышены закупочные цены, снижено налоговое бремя крестьян. Заготовительные цены на скот и птицу повысили в 5,5 раз, на молоко и масло – в 2 раза, на картофель – 2,5 раза, на овощи на 25–40 %. При этом нормы обязательных поставок снизили»⁵. Положительные сдвиги в сторону большего учета интересов людей села отразились и на производительности труда казинского колхоза. Уже в 1955 г. в «Сталинце» собрали зерновых в 2 раза больше, чем в 1953 г. – около 10 ц. Урожай картофеля вырос в 2,5 раза, овощей в – 3.

В начале 1950-х гг. руководители колхоза «Сталинец» менялись часто. Только в 1950–1953 гг. на этом посту сменилось три человека. «В 1958 г. казинцы избрали своим председателем первую в истории колхоза женщину П.Б. Ухарову. Она, кстати, первой среди здешних председателей проработала в этой должности более 7 лет. В период ее руководства хозяйством его переименовали в колхоз «Гигант»⁶. Это было сделано по решению колхозников 13 февраля 1957 г.»⁷

После упразднения Горловского района в 1959 г. Казинский сельсовет со всеми входившими в него населенными пунктами был передан Скопинскому району Рязанской области. В 1965 г. в Казинке действовали колхоз «Гигант», восьмилетняя и начальная школы, клуб, библиотека, медпункт, 2 магазина⁸.

¹ Ленинская искра, № 10. – 1948. – 1 февраля.

² Ленинская искра, № 40. – 1948. – 6 августа.

³ Там же.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 216.

⁵ *Петриков В.В., Галас М.Л.* Сельское хозяйство России в XX веке. // Россия в окружающем мире: Аналитический ежегодник. М.: Издательство Международного независимого эколого-политологического университета, 2001. – С. 20–21.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 216.

⁷ Архив Скопинского района, ф. 273, л. 1.

⁸ Архив Скопинского района, ф. 419, лл. 1–1 об.

«Один из самых ярких периодов в истории казинского колхоза начался с середины 1960-х гг. Первыми добились областного, а затем и союзного признания свекловоды, и прежде всего – звеньевой по выращиванию этой культуры. К середине 1960-х гг. он довел урожайность свеклы на своих полях до 220–230 ц с га»¹. За достижение этих рекордных для страны показателей Н.В. Лагуткин² был удостоен звания Героя Социалистического Труда. «Вслед за свекловодами в 1970-е гг. отменных успехов в труде добиваются хлеборобы, работники молочно-товарных ферм, свиноводы. В 1970, 1971 и 1972 гг. они не только становились участниками ВДНХ, но и отмечались различными дипломами этой самой престижной в стране выставки. О работе колхозных механизаторов в те годы вспоминает Герой Социалистического Труда Н.В. Лагуткин: «Уверен, что главным фактором успеха была тщательная работа с землей. Проблемы кадров высококвалифицированных механизаторов тогда у нас еще не существовало. Технология, например, выращивания сахарной свеклы выполнялась в точном соответствии с рекомендациями агротехники. Если требовалось, мы один и тот же агроприем выполняли по несколько раз, до тех пор, пока не добивались желаемого эффекта.

Может, кто-то и скажет, что нам давали все необходимое: новую технику, удобрения, гербициды, качественные семена. Да, все это так. Но дело в том, что давать нам все это стали только тогда, когда мы уже два года подряд смогли получать с гектара по 200 с лишним центнеров сахарной свеклы».

В 1975–1976 гг. хлеборобам колхоза «Гигант» одним из немногих в Рязанской области, да и во всем Нечерноземье, удалось собрать на круг по 30 ц зерна. Еще в конце 1960-х для Средней полосы России это считалось недостижимым результатом. А уже в следующем году зерновые звенья, возглавляемые Н.В. Кубановым и В.А. Сержкиным, превзошли и этот результат, собрав с га соответственно по 33,4 и 32,6 ц зерна. Наибольшим успехом всего колхоза «Гигант», безусловно, стало награждение хозяйства в 1976 г. орденом Трудового Красного Знамени. Это был выдающийся успех скопинского колхоза. И необходимо сказать, что свою весомую лепту в него внесли тогда и животноводы, значительно опередившие в своих показателях большинство хозяйств»³.

«В 1975 г. в колхозе «Гигант» было 45 тракторов, 19 комбайнов. 21 автомашина, новая животноводческая ферма. Средний урожай зерновых 22,7 ц с гектара. За пять лет 76 жителей справили новоселье. В 270 домах установили газовые плиты, водопровод, начато строительство дороги в Скопин. Рос и культурный уровень. В селе [действуют] Дом культуры, библиотека, магазины»⁴.

На уровне высоких показателей казинскому колхозу «Гигант» удалось продержаться примерно до конца 1970-х гг. Затем «Гигант» вошел в полосу спада производства как в полеводстве, так и в животноводстве. Лишь в начале 1980-х отмечалась некоторая стабилизация положения в полеводстве, однако этот период продолжался недолго. К концу 1980-х гг. колхоз «Гигант» перешел сначала в разряд средних, а затем и экономически слабых хозяйств. С введением рыночных отношений он был преобразован в акционерное общество закрытого типа»⁵.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 216–217.

² Лагуткин Николай Васильевич (1936–2005) – звеньевой свекловодов колхоза «Гигант» Казинского сельсовета Скопинского района Рязанской области, Герой Социалистического Труда.

³ Там же. С. 217.

⁴ *Мухоморова Р.* Молодость села. / Ленинское знамя, №134, – 1975. – 11 ноября.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 217.

Во 2-й пол. XX в. несколько уроженцев Казинки стали высокопоставленными иерархами Русской православной церкви. Епископ Платон (в миру – Петр Егорович Лобанков, 1927–1975) в 1970–1971 гг. занимал кафедру епископа Аргентинского и Южноамериканского, в 1971–1972 гг. – епископа Ташкентского и Среднеазиатского, в 1972–1975 гг. – епископа Воронежского и Липецкого. Митрополит Хризостом (в миру – Георгий Федорович Мартишкин, р. 1934) в 1972–1974 гг. занимал кафедру епископа Зарайского и был викарием Московской епархии, в 1974–1984 гг. – архиепископа Курского и Белгородского, в 1984–1990 гг. – архиепископа Иркутского и Читинского, а в 1990–2010 г. – был митрополитом Виленским и Литовским.

Село Казинка также является родиной российского политика Виктора Ивановича Черепкова (р. 1942). В 1967–1993 г. он служил на Тихоокеанском флоте и вышел в запас в звании капитана 1-го ранга. В 1993–1994 и 1996–1998 гг. В.И. Черепков занимал пост мэра г. Владивостока, в 2000–2007 гг. был депутатом Государственной думы III и IV созывов.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Казинка было включено в Ильинское сельское поселение¹.

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. в Казинке в это время было 580 жителей (264 мужчины и 306 женщин). В июле 2013 г. в селе имели место протестные выступления работников действующего здесь сельскохозяйственного предприятия «АНП – Скопинская Нива». После того, как «Сбербанк» подал заявление в арбитражный суд о признании их хозяйства банкротом, около 100 человек с сельхозтехникой на непродолжительное время перекрыли федеральную автодорогу М6 «Москва–Астрахань» (Р-22 «Каспий»). По словам организаторов протестной акции, труженики села пытались таким способом достучаться до первых лиц государства, требуя поддержки отечественного производителя. В начале августа 2013 г. Правительством Рязанской области совместно с «Россельхозбанком» было принято решение о поддержке «Скопинской нивы».

В 2015 г. в селе работали «АНП – Скопинская Нива» (управляющий П.В. Пименов), администрация сельского поселения, медпункт, почта, Дом культуры, сельская библиотека, магазин. Церковь Св. великомученицы Параскевы в Казинке в советские годы практически не закрывалась². В настоящее время она числится по 1-му Скопинскому благочинию. Ее настоятелем является иерей Сергей Ломакин.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 500, л. 1.

² По материалам Скопинской районной библиотеки.

КАТИНО

село

(сельское поселение Горловское)

Название старинного скопинского села «Катино» как будто указывает на связь со старинным родом служилых детей боярских, а позднее – мелкопоместных дворян Катиных-Ярцевых. Прямых данных, непосредственно указывающих на принадлежность Катиным-Ярцевым изначальной деревни Катиной или земли, на которой она была основана, обнаружить не удалось. Однако имеющаяся косвенная информация позволяет допустить такую возможность. В 1595–1597 гг. представители этого рода упоминаются как землевладельцы в Пехлецком стане: Ондрюшка Ярцов сын Катин и Пахомко Ярцов сын Катин «в пустоши Баклановской, что была деревней...» вблизи современного села Маклакова¹, а это около 35 км от Катина². В 1628–1629 гг. Катинь-Ярцевы появляются в Моржевском стане в 6 км от левого берега р. Кердь – в современном селе Старое Киркино напротив Чуриков³, где «деревни Киркиной, на речке Киркинке жеребей за Семеном да Яковом Васильевым детьми Катина <...>, и всего пашни паханы и перелогу и лесом поросло добрые земли 40 ч. с осминою в поле, а дву потому ж, сено и лес волче ко всей деревне»⁴. В это же время появляется починок Чурики (Чюрики) на той же речке Киркинке, возможно при ее впадении в Кердь: «За Данилом Ивановым сыном Сивцова жеребей пустоши, что была выселок ис Каменского стану ис деревни Чювиков починок Чюрики на речке Киркинке»⁵. Так или иначе, вопрос о связи скопинского Катина с родом Катиных-Ярцевых пока остается открытым.

Есть и «народная» версия происхождения названия села. В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. отмечается: «Среди населения имеются такие слухи, что известный разбойник Чуркин хозяйничал в этих самых местах. По легенде будто бы оно [Катино] и было его притоном. Легенда рассказывает, что он там в этой деревне, имел любовницу (имя ее, видимо, было Катерина), откуда и происходит название деревни»⁶. Конечно, ничего общего с исторической действительностью такие легенды не имеют.

Во 2-й пол. XVII в. Катино было деревней в приходе Богоявленской церкви села Становое, Чурики тож⁷. В 1676 г. оно впервые упоминается как село с собственной приходской церковью. В окладных книгах монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии сообщается: «Церковь Живоначальныя Троицы в Скопинском уезде в новоселебном селе Троицком, что была деревня Катина в Скопинском же уезде в селе Становых. У той церкви двор попа Филиппа, двор дьячка Ивана Матвеева, в том селе приходских шесть дворов солдатских,

¹ Ныне в Пронском районе Рязанской области.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 99, 135.

³ Ныне оба населенных пункта в Михайловском районе Рязанской области.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVI–XVII вв. / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 3 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1904. – С. 811–812.

⁵ Там же.

⁶ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59, д. 91., Путевые заметки, тетрадь № 4.

⁷ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 205.

пятьдесят четыре двора крестьянских, пять дворов нищих, всего шестьдесят шесть дворов. Церковные земли «десять четвертей в поли, в дву по тому ж». Сенного покосу на шестьдесят копен. По скаске того села Филипа положено на год дани платить рубль дватцать восемь алтын пять денег. Пошлина гривна, десятильница доходу полтина. Обложена в нынешнем семьсот десятом году августа во второй день»¹.

В переписной книге 1710 г. в селе Катино упоминаются «солдатских тринацать дворов, вдовый один, в них людей мужеска полу сорок сем, в том числе женатых дватцет четыре человека, женска полу 42 человека<...>, крестьянских шездесят девять дворов, в них людей мужеска полу двести семдесят пят человек, в том числе женатых 142 человека <...>, женска полу двести пятьдесят три <...>. В переписных книгах 154 (1646) года в них людей не написано, потому что де они, солдаты и крестьяне, в то село вышли после переписи 186 (1678) года Скопинского уезда из села Становых и поселились в нем солдатских четырнатцать дворов, крестьянских 41 двор»².

По приходскому храму Катино получило свое второе название – Троицкое. В ревизской сказке 1719 г. упоминается его староста Ермола Лукин и старожилы села крестьяне Анцыфор Шубин, Яков Болошов, Евсейка Данилов, Яков Мьльцов, Яков Томилин, Потап Федоров, Федор Колесников, Захар Платов, Илья Веселых, Гаврило Фролов, Терентий Коковкин, Филипп Муравляников, Полуехт Дубинин, Лазарь Мещеряков, Алексей Коковкин, Иван Томилин и всего 36 дворов³. В 1732 г. Катино-Троицкое вместе с другими селениями Скопинской дворцовой волости перешло в ведомство дворцовой Конюшенной канцелярии, а его жители, бывшие ранее дворцовыми, стали конюшенными или коннозаводскими крестьянами. Работа на десятинной пашне превратилась в их основное занятие.

Капризы погоды нередко приносили катинским земледельцам большие неприятности. Из донесения Скопинской канцелярии в дворцовую Конюшенную канцелярию известно, что «сего 1741 года мая 29 дня в скопинских селех Катине и Чюриках волею Божию десятинной и крестьянской ржи градом побило немалое число десятин, а сколько порознь десятинной и крестьянской ржи побито к тому приобщена ведомость, по которой управитель в тех селех оные побитые градом десятины свидетельствовал, а по свидетельству ево явилось с поданной ведомостью сходна, <...> такову ж прислана в Конюшенную канцелярию, в которой показано десятинной ржи в селе Катине 99, крестьянской 111 десятинной с полю, в селе Чюриках [побито] десятинной 32, крестьянской 30 десятин»⁴. На десятинной пашне в больших количествах сеяли овес для Скопинских дворцовых конных заводов, на которых могло одновременно содержаться до 1000 лошадей.

В 1758 г. на казенных гумнах Скопинской дворцовой волости было 70 овинов и 126 житниц. В окрестностях села Катино стояли 8 житниц и 3 овина. Для учета хлеба скопинские управители вели посевные, ужинные, замолотные, перечневые, опытные, укосные (сенные) книги, также книги помольных денег десятинного хлеба. В ведомости 1758 г. о наличии «в городе Скопине и волости селех молоченого и не молочёного десятинного хлеба и у кого под хранением значится» сообщается: «Села Катина у Ульяна Скоморохова ржи молоченой пол четверти, не молочёной 99 копен, по опыту 95 четвертей 7 четвериков. Молоченого овса 2 четверти

¹ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004. – С. 359, 379.

² РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 696–697.

³ Там же.

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 67 об–68.

0,75 четверика, не молочёного 174 копны, 2 кресца, по опыту 120 четвертей и 3,9 четверика. Проса молоченого – 3 четверти, не молочёного 18 копен, по опыту 6 четвертей и 6 четвериков; у Ивана Месцова покупного овса 21 четверть и 8,9 четверика, конопляного семени 2 четверти и 2,75 четверика». По книгам управителей, в Скопине и волости отдельно велось количество «недомолотного, неавившего и краденого из житниц на хлебоустроителях и крестьянах казенного хлеба». По ведомостям такого хлеба значилось «в селе Катине за Томилиным в 1744 году 10 четвертей 5 четвериков ржи, в 1750 году за Никитой Пехановым 133 четверти 7,25 четверика, в 1752 году за Козьмой Рекуновым 28 четвертей 3,9 четверика»¹.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., село Катина, Троицкое тож описано как лежащее «Незженного Лоска на правой и безымянного на левой сторонах и по обе стороны Мохового верха и пяти ево отвершках и в оных двенадцать прудов. Церковь деревянная Живоначальной Троицы». По 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе было 164 двора, в которых проживали 318 душ мужского пола и 292 – женского².

Из священнослужителей Троицкой церкви села Катина XVIII–XX вв., помимо уже упоминавшегося в 1710 г. попа Филиппа, известны Федотий Филиппов (умер в 1749 г.), Иоанн Афанасьев (служил в 1749–1790 гг.), Онисим Семенов (служил в 1797–1802 гг.), Марк Семенов (служил в 1802–1818 гг.), Филипп Прокопиев Соловьев (служил в 1818–1830 гг.), Андрей Прокопиев Виноградов (служил в 1830–1833 гг.), Петр Никифоров Скрижалин (служил в 1834–1873 гг.), Михаил Андреев Скрижалин (служил в 1873–1874 гг.) и Андрей Семенович Покровский (служил в 1875–1912 гг.). О храме в Катина И.В. Добролюбов сообщает следующее: «В обветшавшей от времени деревянной церкви в 1837 г. возобновлена была кровля, в 1844 г. ветхий иконостас заменен новым, и вся церковь украшена была стеною живописью; но, начиная с 1860 г., Троицкая церковь по отчетам причта рекомендуется “в прочности неблагонадежною”»³.

По карте А.И. Менде, составленной в 1850-х гг., видно, что Катина располагалась по обе стороны ручья, вытекавшего из верха Мохового. Между двумя порядками крестьянских домов лежали 5 прудов. За северной околицей села стояли 6 ветряных мельниц, за восточной – 2, а с юго-западной, недалеко от кладбища, их было 14⁴. Видимо, природные условия села благоприятствовали развитию мукомольного промысла. Со временем, правда, количество катинских мельниц несколько сократилось – в 1868 г. при селе упомянуты только 10 ветряков о двух поставах⁵.

По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Катина Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 278 домохозяйств, в которых проживали 1433 души мужского пола и 1504 – женского. Все жители села имели статус государственных душевых крестьян⁶.

В 1861 г. в Скопинском уезде были образованы волости. Катина вошло в состав Чуриковской волости с центром в одноименном селе. В 1861 г. в селе открылось церковно-приходское училище от крестьянского общества, разместившееся в доме местного священника.

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 76, 80, 89.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 15об; д. 1241, л. 6 об.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 205–206.

⁴ Карта А.И. Менде. 1850 г., 1 см – 420 м.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. – С. 590, 591.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 116.

Плата за его содержание и «жалование наставнику» поступали из Палаты государственных имуществ. В 1866 г. в школе обучались 50 мальчиков¹.

В 1862 г. в селе началось строительство нового кирпичного храмового здания. Два десятилетия спустя И.В. Добролюбов писал о нем: «В 1868 г. старанием прихожан вместо обветшавшей деревянной церкви поставлена была каменная – также Троицкая и с приделом Никольским, которая существует доньше. Земли при ней состоит 36 десятин (39 га); в приходе при 424 дворах числится мужского пола 1727, женского пола 1872. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 2 псаломщика»².

В больших селах было немало крестьян, наделенных хозяйственной сметкой и для своего времени грамотных. Реформы Александра II открыли перед ними новые возможности с учреждением земств. В 1871 г. в Скопинское уездное земское собрание от сельских обществ было избрано 17 человек, среди которых были крестьяне сел Подлесного-Чулкова, Купунова, Полян, Чулковских выселок, Горлова, Делехова. Село Катино в собрании представлял крестьянин Матвей Тимофеев³.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Катино, «бывшем селе государственном», было 422 двора и 3305 жителей. В селе действовала церковь и 4 лавки⁴.

По переписи населения 1882 г., в Катино насчитывалось 483 домохозяйства, совокупное население которых составляло 1721 мужчину и 1907 женщин. Грамотой в селе владели 153 мужчины, 2 женщины и 33 учащихся мальчиков и 1 девочка. Средний душевой надел у катинских крестьян составлял 3,8 десятины (4 га) чернозёмной земли с примесью глины, на работника в среднем приходилось 6,4 десятины (7 га). Четверть сельских домохозяйств были безлошадными. При этом различного скота в селе было немало: 762 рабочие лошади и 119 жеребят, 392 коровы и 288 телят, 3557 овец и 289 свиней. В Катино работал 21 мастерской, действовали 13 промышленных заведений, 2 кабака и 4 лавки. Более 500 жителей села ежегодно уходили в отхожие промыслы⁵. По данным 1894 г., шерстобитка с одноконным приводом принадлежала крестьянину Н.М. Томилину, «овчинные заведения» имели В.П. Панов, М.И. Бурухин и Д.Е. Манеркин, двухконные просорюшки принадлежали У.И. Никулину, Ф.Ф. Мильцеву, М.С. Коновалову и В.И. Батову⁶.

Жизнь крестьян в это время была далека от идиллии. Бедность была уделом большинства сельских обывателей. Хлеба не хватало уже с нового года. От голода и болезней умирало много катинцев. Опасность для жизни представляли и сильные морозы. В 1882 г. главная газета Рязанской губернии сообщала: «12 апреля <...> близ с. Катина умер в поле человек»⁷. «Судебный следователь Рязанского окружного суда по 2-му участку Скопинского уезда объявляет, что 13 апреля сего года близ села Катина <...> усмотрен труп неизвестного звания человека...»⁸ «22 октября <...> в с. Катино на улице найден мертвым крестьянин Василий

¹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. – С. 240–241.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 206.

³ Журналы Скопинского уездного собрания за 1871 г. – Скопин, 1872. – С. 277.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 330.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 116–121; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 590–591.

⁶ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. – С. 60, 90.

⁷ Рязанские губернские ведомости, №36. – 1882. – 19 мая.

⁸ Рязанские губернские ведомости, № 32. – 1882. – 5 мая.

Ланин»¹. Обыденным явлением была и детская смертность. Из 10–12 рожденных детей выживали 2–3. Не было такого дня, чтобы местный батюшка не заносил в метрическую книгу сведений об умерших крестьянских ребятишках. «Рязанские губернские ведомости» публиковали только из ряда вон выходящие случаи, вроде того, как, например, «2-го февраля [1867 г.] Скопинского уезда села Катина крестьянские дети 4 лет и 1 года задохнулись в дыму от загоревшейся нечаянно в избе соломы»². Выяснение отношений между конфликтовавшими односельчанами нередко выливалось в поджоги. В том же 1882 г. «17 апреля <...> в с. Катине сторела от неизвестной причины крестьянская рига, убытка понесено на 180 руб.»³ На следующий год ситуация повторилась: «4 июля Скопинского уезда в с. Катине сторело от неизвестной причины 3 крестьянских риги, убытка понесено 275 руб.»⁴

В 1883 г. по инициативе Катинского сельского общества в селе было основано земское училище. В 1888 г. было сделано следующее его описание: «Здание деревянное, крытое железом, отапливалось двумя печами-голландками, 198 квадратных аршин (100,2 кв. м), 792 куб. аршина (285 куб. м), 12 окон. Помещения для учителя и его помощницы при училище. Учащихся 127 мальчиков и 20 девочек»⁵. Младшая, средняя и старшая группы детей в возрасте от 7 до 16 лет обучались 3 года, 6,1 % учеников составляли дети купцов и церковнослужителей. Плата за обучение не взималась. Заканчивали курс с получением свидетельств лишь 6,7 % мальчиков и 9,5 % девочек. «Библиотека довольно обширная, учреждена на средства земства и средства Министерства народного просвещения. Крестьяне расходовали на наем сторожа, отопление, страхование и ремонт здания и классных принадлежностей 163 руб. Попечителем с 1883 г. состоял А.А. Попов, законоучителем священник А.С. Покровский, учителем – окончивший курс в Александровском училище М.И. Кудрин, помощником учителя – окончившая Дом Трудолюбия М.Т. Кудрина»⁶.

Весной 1893 г. школу в Катину ревизовал гласный Скопинского уездного земского собрания М.И. Загряжский. После проверки он сделал довольно лаконичную запись: «Учеников в школе 132. Первым учителем состоит окончивший курс в Александровской учительской семинарии Кудрин, второю учительницей его жена Мария Кудрина, законоучителем местный священник Покровский, попечителем крестьянин Попов. К экзамену <...> были представлены 17 учеников, из которых выдержало 16. Уровень знаний учеников катинской школы весьма высок»⁷.

В конце XIX в. преданность жителей Скопинского уезда царствовавшей династии чаще всего выражалась в религиозной форме. Примером этого может служить следующее сообщение «Рязанских епархиальных ведомостей»: в ноябре 1893 г. «крестьянин села Горлова <...> Николай Яковлев Рыбин пожертвовал в церковь села Катина <...> икону Господа Саваофа, писанную на Афонской горе, в резной вызолоченной киоте, стоящую 250 р., с тем, чтобы пред сею иконою ежегодно 6 декабря совершался Господу Богу молебен за спасения Государя Наследника»⁸ (имеется в виду будущий император Николай II).

¹ Рязанские губернские ведомости, № 94. – 1882. – 8 декабря.

² Рязанские губернские ведомости, № 14. – 1867. – 22 февраля.

³ Рязанские губернские ведомости, № 37. – 1882. – 22 мая.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 62. – 1883. – 17 августа.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 2–13.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года. – Скопин, 1893. – С. 93.

⁸ Рязанские епархиальные ведомости № 22 (15 ноября 1893 г.). – С. 624.

В 1902 г. Катино удостоилось упоминания в книге «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», вышедшей под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского. В ней сообщалось: «Через 8 вер. от ст. Гагарина железная дорога, перейдя рч. Кердь, приток Прони, входит в Скопинский уезд и через 3 вер. достигает разъезда при с. Катине. Село это самое людное в уезде. Имеет более 4000 ж. и несколько лавок»¹.

Русско-японская война 1904–1905 гг. не обошла Катино стороной. Среди погибших в несчастливом для русского флота Цусимском морском сражении был местный уроженец Федор Филиппович Шубин, матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Бородино»².

В 1905 г. в селе Катино было 683 двора, проживали 2667 мужчин и 2713 женщины. В селе имелись церковь каменная, 2 школы, казенная винная лавка, 7 ветряных мельниц, 3 кирпичных завода³. Действовал в Катино и трактир, принадлежавший местному крестьянину Сергею Григорьевичу Батову. Доходность его, однако, была невысока, и в 1912 г. управа Скопинского уездного земского собрания снизила его оценку, из которой высчитывалась сумма положенного к уплате содержанием промыслового налога с 2 до 1 тыс. рублей⁴. Еще одним катинским предпринимателем был Никифор Афанасьевич Батов, имевший чайную и ветряную мельницу. Налоги он выплачивал не очень аккуратно, однако по итогам проведенного в 1913 г. земством дознания было установлено, что «недоимки взыскать невозможно, а потому [они] представляются к сложению»⁵.

События Первой русской революции 1905–1907 гг. в целом обошли село стороной. Был лишь один инцидент в 1907 г., о котором газета «Рязанский вестник» сообщала: «30 сентября, около 12 часов дня, на разъезде Катино Московско-Павелецкой линии приехавшими с поездом №15 рабочими избита поездная прислуга, выбиты камнями во многих вагонах стекла и разбиты сигнальные фонари. Поезд задержан на 15 минут»⁶.

29 ноября (16 декабря) 1907 г. священник Троицкой церкви в Катино иерей Андрей Семенович Покровский праздновал 50-летие своей службы, 32 года которой прошли в селе. Как законоучитель местной школы, он пользовался в селе непрерываемым авторитетом и любовью своих прихожан. Учитель Катинского земского училища Тихон Богданов описал скромное празднование юбилея в статье для «Рязанских епархиальных ведомостей», судя по которой, главным элементом торжества стало богослужение в приходском храме: «В 8 часов утра юбилей начал божественную литургию при многолюдном стечении богомольцев-прихожан. Пел хор местных певчих»⁷.

К 1908 г. в Катино насчитывалось 5439 жителей. В это время в катинской двухклассной министерской школе было 240 учеников, которым преподавали законоучитель (местный священник) и три учителя. Скопинское уездное земство с беспокойством отмечало, что стояла школа «вблизи двух прудов, в которых вода загнивает»⁸. В 1912 г. в селе упоминаются уже

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей/под ред. В.П. Семенова. Т. 2. – СПб., 1902. – С. 403.

² Циркуляр Главного Морского Штаба. Августа 23-го дня 1905 г., № 216.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 640–641.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года, Скопин, 1913. – С. 402–403.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года, Скопин, 1914. – С. 566–567.

⁶ Рязанский вестник, № 258. – 1907. – 4 октября.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 1. – 1 января – 1908. – С. 91.

⁸ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 48–49; Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV очередного созыва 1908 года. Скопин, 1909. – С. 41.

две школы – 1-я и 2-я катинские земские, попечителями которых были Фрол Михайлович Головин и Федор Григорьевич Батов¹. По отчету за 1916 г., земские школы были двухкомплектной и четырехкомплектной².

Местный уроженец Ф.Г. Батов считался в селе состоятельным купцом. Он был не только попечителем местной школы, но и старостой Троицкой церкви в Катине. В 1910 г. за его счет была «окрашена крыша, наружные стены церкви»³. Не только жители села заботились о содержании своей приходской церкви. В том же 1910 г. «протоиреем Омского военного собора Василием Николаевым Грифцовым» были пожертвованы на церковные нужды «320 рублей, в том числе серебряно-вызолоченный потир»⁴.

В 1914 г. в Троицкой церкви в Катине служили священники Николай Александрович Амарантов и Сергей Александрович Субботин⁵. К храму было приписано «земли усадебной вместе с погостом» – 5 десятин (5,5 га), пахотной – 28 десятин (30,5 га). В церковной библиотеке насчитывалось 210 книг. В селе к этому времени было 747 дворов, в которых проживали 2809 мужчин и 2976 женщин⁶. К началу XX в. окончательно оформилась внутренняя топонимика села, оставшаяся неизменной до 1950-х гг. В Катине были порядки Минашкин, Кривцы, Садыри, Чачин, Лоцилин, Большой, Выглядовка, Скопинок⁷.

В 1917 г. в селе Катине Чуриковской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было уже 825 дворов, а население составляло 3378 мужчин и 3213 женщин⁸. В 1918 г. был образован Катинский сельсовет, в состав которого, помимо самого села, вошли станция Катина и близлежащее село Нюховец⁹.

В первые годы советской власти явственно проявилось обнищание населения и противостояние различных слоев крестьянства, злоупотребления властью. Село стояло на распутье. В скопинских уездных «Известиях» селькор Воробьев в 1919 г. писал: «Становится печально, когда заглядываешь в темные уголки и посмотришь, как живет деревня. Я вам приведу, к примеру, очень большое село Катина Чуриковской волости. Спросите, что оно сделало за все время революции? Могу с уверенностью ответить, что ничего. Там даже мало понимают значение революции; сойдутся в трактир и начнут истолковывать коммунизм по-своему. Про коммуну говорят, что это сказка о рыбаке и рыбке, что она хороша тому, кто не работает. Вот вам еще пример, 27 января с.г. из кооперативной лавки была украдена вся мануфактура, а 1 марта обокрадена кооперативная мельница. Зимой 1918 г. граждане повадились было ходить на железную дорогу искать товар, но, побывав в Москве на Таганской даче, немного охоту отшибли. Теперь опять забылись, не мешало бы им напомнить. В селе много пьяных, и им никто ничего не говорит. Поймите, граждане села Катина, что этим вы пьете кровь из своих голодных братьев. Много здесь и красноармейцев, опущенных по комиссии, это кажется очень подозрительным, ибо есть слухи, что они никуда и не являлись»¹⁰.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 273.

² Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 172.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 15 (1 августа 1910 г.). – С. 552.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 11 (1 июня 1910 г.). – С. 418.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 447.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 570.

⁷ Ленинская искра, № 11. – 1950. – 26 января.

⁸ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 153.

⁹ Архив Скопинского района, ф. 421, л. 1.

¹⁰ Известия, № 19. – 1919. – 27 марта.

В другой заметке 1919 г. в той же газете сообщалось: «7-го марта с.г. в с. Катинo Чуриковской волости около 10 часов утра контролер И.Л. Косырев при проверке мельницы был зверски избит мельником-кулаком Матвеем Никитиным Мыльревым за то, что он уличил его в краже муки. Побои наносились гирями. Несчастный лежит без движения. Если скорейшим порядком не будут приняты меры к прекращению устраиваемых кулаками преступлений, но судя по настроению кулаков села, последствия могут быть еще тяжелее и работа советских работников, стоящих за беднейшее население, будет невозможной»¹.

Как и везде, власть в Катинском сельсовете поначалу захватили кулаки. За подписью «Ячейка, сочувствующая коммунистам» в конце марта 1919 г. в скопинских уездных «Известиях» появилась заметка «Волки в овечьей шкуре»: «Есть у нас кулак Яков Мыльцов. За время своего председательствования он привел все к полной дезорганизации. Была разъединена беднота и соединена с кулаками, поднята страшная дороговизна на все предметы первой необходимости, а также на топливо и лесные материалы, допущена продажа и передача земли, что недопустимо законом и т.д. Совет идет по его стопам. Контроль над производствами отсутствует, вследствие чего появилась масса злоупотреблений со стороны предпринимателей, особенно мельников и маслобойщиков. По предписанию продотдела мельники собирают с каждого молодого пуда 1 фун. муки, которая сдается в продотдел не полностью, а большая часть остается в кармане у этих господ. Также и маслобойщики: оставляют жмых, часть которого сдается в продотдел, а большая часть продается ими, да еще 1/2 ф. масла с каждого затора идет в их же личную пользу. При реквизиции хлеба была масса злоупотреблений, особенно со стороны центрального работника И.И. Еремеева. Хлеб отбирался неправильно, делались снисхождения кулакам, тем самым вводя дезорганизацию в среду бедноты и среднего крестьянства. Хлеб давали тем, кто, по слухам, давал поборы реквизиторам: в это же время развилось пьянство и выделка самогонки, что продолжается и в настоящее время. Из личных наблюдений гр. с. Катинo С.С. Муравляникова выяснилось, что комиссар продовольствия Чуриковской волости Ковалев совместно с казначеем Щербаковым, прибыв к предпринимателю Ф.Г. Батову, вероятно с целью скрыть его наживу, пьянствовали, заставляя Батова доставать для них самогонку, что последний и исполнял. Все эти лица только подрывают авторитет советской власти, это волки в овечьей шкуре. Сельскому совету следовало бы обратить серьезное внимание на эти явления и принять к прекращению их самые решительные меры»².

Основным отхожим промыслом, которым занимались катинцы в 1910–1920-х гг., были выезды на торфоразработки в Московскую губернию, преимущественно – в Богородский уезд, где в годы Первой мировой и Гражданской войн действовали обслуживавшие Москву электростанции, которые работали на местном торфе. По окончании Гражданской войны дело приобрело невиданный ранее размах. В 1924 г. в Скопинском уезде была сформирована 531 артель торфяников (считая по 30 рабочих в каждой – около 15 930 человек), в 1925 г. предполагалось нанять в уезде уже 658 артелей – примерно 19 740 мужчин и дополнительно 9000 торфяниц, всего около 29 000 человек. 24 января 1926 г. в селе Катинo (оно в это время уже входило в укрупненную Гагаринскую волость Скопинского уезда) была созвана волостная конференция рабочих-торфяников. На ней выступали представители советских трестов, крестьяне просили улучшить жизнь рабочих на торфоразработках. Аналогичные собрания ежегодно проводились и в других волостях уезда³.

¹ Известия, № 17. – 1919. – 16 марта.

² Известия, № 19. – 1919. – 27 марта.

³ Коллектив, № 16. – 1926. – 24 февраля.

В первые годы советской власти ее органы «на местах» далеко не сразу приобрели профессионализм и эффективность. Некоторые из них нуждались в директивах с более высокого административного уровня. Катинский сельсовет не был в этом отношении исключением. Скопинская уездная газета «Коллектив» в 1925 г. писала: «У нас в с. Катино Чуриковской вол. не прошло еще и двух недель как они, председельсчета Дронов и секретарь Самохвалов, вступили в свои обязанности после перевыборов, где начинают ежедневно по ночам просиживать за «манахом» самогона у местного кулака Ф.Г. Батова. Затем они любят опивать граждан, приходящих с побочных заработков: например, у В.А. Сосулина 10-го марта напились самогона, [отправились] еще «добавлять» к кулаку Батову. И напившись до бесчувствия, они повалились кто куда, причем Самохвалова одна из баб этого дома выпихнула на двор. Нам, гражданам, таких пьяных советчиков не надо»¹. Стиль работы выбранных в органы власти не изменился и через несколько месяцев: «Если вы зайдете в сельсовет с. Катино, Чуриковской вол., то вы всегда увидите пустые стены. Если же понастойчивее заинтересуетесь, куда же стигнул, в конце концов, сельсовет, то вам объяснят, что председельсчета Дронов путешествует по домам, собирая себе надбавку, которую положили ему граждане за «усиленную» работу. Работа же эта выражается в том, что председельсчета «на месте» разрешает все разделы и конфликты при непременном и деятельном участии всесильного самогона. Любители выпивки и халатного отношения к общественным обязанностям, очевидно, вполне одобряют такой порядок работы председателя. Причем тот же Дронов совершенно не собирает общих собраний, считая, что собеседование «на паперти божьего храма» – с успехом могут их заменить. Не худо бы Чуриковскому ВИКу заглянуть в Катинский сельсовет»².

Газета давала низовому органу советской власти рекомендации указательного характера: «Катинскому сельсовету – принять меры к прекращению хищения леса, которое происходит не только ночью, но и днем. Заведующему школы КМ (коммунистической молодежи) принять меры к тому, чтобы школа отапливалась и чтобы учащиеся не играли в карты на деньги. Катинскому сельсовету почистить от навоза пожарный сарай, а то дежурные тонут, и обратить внимание на сохранность здания бывшей ремесленной школы»³. Если верить газетным публикациям, то в волостном исполнительном комитете ситуация была под стать сельсовету: «В селе Катино перед гражданами на общем собрании 23 июля 1925 г. предстал председатель ВИКа Макарихин и с печальным выражением лица начал разлагольствовать, указывая, как пример, снижение разряда по единому сельхозналогу, мол, де, результаты достигнуты его, Макарихина, «стараниями». Сжалились и отвели лично для его хозяйства долю лугов». Расходившиеся с собрания жители раздраженно «перемывали кости» председателю волисполкома: «Круглый год на жаловании, три головы скота, что ему за дело, что у бедных коровенка околевает...»⁴

По данным за 1926 г., в селе Катино было 748 крестьянских дворов при общем населении в 3838 человек. Водных ресурсов на такое большое население вполне хватало: в селе было 17 прудов, 6 из которых образовывались «от вешней воды», 120 колодцев. Основными занятиями населения по-прежнему оставались земледелие и отход «на торф», который ежегодно практиковали от 900 до 1500 человек⁵.

¹ Коллектив, № 32. – 1925. – 22 марта.

² Коллектив, № 63. – 1925..

³ Коллектив, № 74. – 1925..

⁴ Коллектив, № 78. – 1925.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

В 1929 г. было отменено прежнее административное деление на волости, уезды и губернии. Вместе с другими городами, селами и деревнями бывшей Рязанской губернии Катино стало населенным пунктом Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Село вошло в состав Горловского района, первоначально отнесенного к Тульскому округу Московской области.

С 1929 г. в Катино существовало товарищество по совместной обработке земли «Новая жизнь». В 1931 г. оно было преобразовано в колхоз, в состав которого первоначально вошли 54 хозяйства. В мае 1931 г. районная газета «Ленинская искра» писала: «Кулацкие элементы села не перестают вести подрывную работу против коллективизации. В первой половине апреля на общем собрании бывший старшина выступил с проповедью, что «он бы вступил в колхоз, да там вступительные взносы больно велики, которые ни он, ни другие единоличники заплатить не в состоянии». Мылцев не впервые льет «крокодиловы слезы», а сам имеет зажиточное хозяйство, излишки хлеба и т.п. Таково лицо этого «защитника» массы единоличников – бедняков и середняков. Интересно, между прочим, знать, почему Мылцев не получил твердых заданий по севу и хлебозаготовкам? Не потому ли, что он дружит с председателем колхоза Ермишиным? На этом же собрании кулацкие «агитпропы» Мылцев Михаил и Ломанин Михаил уговаривали собравшихся «подождать с вступлением в колхоз». Катинская сельская общественность, должна разоблачить кулацкие происки и добиться организации нового колхозного прилива»¹.

В итоге состоятельные катинские крестьяне тоже вступили в колхоз, но предварительно распродали свой скот. Местные активисты писали в горловскую районную газету: «Счетоводом работает П.Г. Батов – кулак. До революции имел бакалейную лавку в селе Катино, после имел магазин в селе Казинка. До 1929 г. был лишен избирательных прав, но после каким-то образом вступил в колхоз. Будучи заведующим на паровой мельнице, растратил общественные деньги»². После публикации в районной газете правление колхоза хотело было исключить бывшего кулака, однако «присутствующий милиционер Мочалин отстоял Батова». Кроме Батова, простым кузнецом в колхоз устроился зажиточный крестьянин Фадеев, который, как и многие, выступал против засыпки зерна в семфонд, опасаясь, на основании горького опыта времен Гражданской войны, что она плавно перетечет в изъятие зерна в пользу государства. Районная газета бичевала и его: «Вновь вступивший в колхоз Фадеев – кулак, ранее арендовавший землю под бахчу и имевший наемных рабочих до 50 человек. В настоящее время пробрался в колхоз и агитирует против сдачи остальных»³.

К осени 1933 г. в Катино действовали сельсовет, сельпо, школы, почта. По сельсовету числились 11 единоличных хозяйств, обложенных индивидуально, и 4 бывших кулацких хозяйства, переведенных на «твердое задание». В катинском колхозе «Новая жизнь» было уже 565 хозяйств и 210 рабочих лошадей. В 1933 г. катинские колхозники получали на 1 трудодень 6,2 кг зерновых, что было немного меньше, чем в 1932 г., но в среднем по району было довольно неплохим показателем⁴.

Не все председатели колхоза «Новая жизнь» справлялись со стоявшими перед ними задачами. Первые руководители сельхозартели оказались неудачливыми. На смену им из района прислали П.Н. Ватлина – члена ВКП (б) с 1920 г., выходца из крестьян-бедняков, ранее работавшего в соседнем колхозе села Покровского. Но во время чистки сельской партиячейки в

¹ Ленинская искра, № 26. – 1931. – 23 мая.

² Ленинская искра, № 13. – 1932. – 14 февраля.

³ Ленинская искра, № 30. – 1932. – 31 марта.

⁴ ГАРО, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 142.

1933 г. и ему пришлось держать ответ за допущенные злоупотребления. В ходе прений по его кандидатуре беспартийный катинец Назаров заявил следующее: «Ватлин, хоть и старый большевик, но разложившийся, даже, может быть, волк в овечьей шкуре, он оторвался от колхозной массы, зажимал критику, никому не позволял себя критиковать, грозил, что я раскулачу и т.д., а на самом деле сам имел связь с кулаками, в результате его плохого руководства мы имели очень большие потери...» По итогам нелюбезного обсуждения П.Н. Ватлина как «перерожденца, сросшегося с кулацкими элементами, за укрывательство кулаков и допуск их на ответственные участки колхоза (зав. мельницей, посылка на курсы трех кулаков, выдача справки кулаку-торговцу Мещерякову, как трудящемуся, чем помог ему скрыться) и за пьянку» из партии исключили и с работы сняли¹. Преемник П.Н. Ватлина, однако, на своем посту долго не продержался. В декабре 1933 г. в помещении Катинского сельсовета проходит открытое партийное собрание. «...Пришел председатель колхоза И.Ф. Назаров и начал срывать партсобрание говоря, что он, Назаров, сегодня будет говорить один. Секретарь партгруппы т. Батов предложил Назарову уйти с собрания, но Назаров был слишком пьян и уговоры не признавал, заявив Батову: “Зато, что вы не даете мне хозяйничать <...>, я тебе голову снесу. Я хозяин села, я выпил и буду пить, где мне хочется!” В результате, как сообщила районная газета «Ленинская искра», «парторганизация и Райколхозсоюз сняли Назарова с работы и передали дело в народный суд»².

Не обошлось без мер, на которые государство в те годы не скупилось по отношению к богатым, а порой и среднего достатка крестьянам. «Злостные неплательщики под судом» – так называлась заметка в «Ленинской искре» за 1934 г., сообщавшая о таких случаях: «За злостное невыполнение зернопоставок единоличники Катинского сельсовета отданы под суд. 6 сентября народный суд, разбирая их дело, приговорил: П.К. Белова к 2 годам лишения свободы с конфискацией имущества: лошадь, телка, овца, рига; с уплатой в двухдневный срок всех обязательств государству. П.И. Ласина к 2 годам лишения свободы с обязательной уплатой зернопоставок. Л.И. Бычкова к 1 году принудительных работ с отбыванием в трудовом лагере и 200 руб. штрафа в государственный фонд, обязав его в два дня выполнить полностью зернопоставки»³.

Становление социалистического образа жизни на селе шло медленно. Работавшие в предвоенные годы в районах Рязанской области сотрудники МГУ им. М.В. Ломоносова участвовавшие в Рязанской комплексной географической экспедиции, отмечали во многих селах Горловского, Желтухинского и Скопинского районов сохранение ряда черт дореволюционного уклада жизни. По заведенному истари порядку, любая должность обязана была приносить обладателю доход и выгоду. Однако те, кто следовал этому проверенному веками принципу, рисковали попасть под огонь критики горловской районной газеты. Об одном из таких «пережитков прошлого» она писала: «Бригадир катинского колхоза Ф. Данилин привез на колхозный ток во время обмолота проса и свой мешок. Приказал обмолотить, не убирая колхозный обмолот – всего центнера два. После обмолота своего проса он собрал все вместе и увез домой»⁴.

При всех своих недостатках, колхозный строй реально позволял бывшей крестьянской бедноте повысить уровень своего благосостояния честным трудом. Бригадир катинского колхоза комсомолец А.П. Семин за 1933 г. заработал 179 трудовней, его брат – 53, мать –

¹ РГАДА, ф. П-1115, оп. 1, д. 75, лл. 144–144 об.

² Ленинская искра, № 3. – 1933. – 7 января.

³ Ленинская искра, № 162. – 1934. – 9 сентября.

⁴ Ленинская искра, № 71. – 1934. – 9 мая.

64. Конвертировав трудодни по итогам годовой работы, семья Семиных получила 89 пудов (1,4 т) ржи, 13 пудов (208 кг) пшеницы, 9 пудов (144 кг) вики, 36 пудов (576 кг) проса и гречихи, 2 пуда (32 кг) гороха, 53 пуда (848 кг) свеклы, 5 пудов (80 кг) капусты и 550 рублей деньгами¹. Многие колхозники действительно работали не за страх, а за совесть. О таких ответственных работниках в 1935 г. селькор «Ленинской искры» рассказывал: «Кто не знает Колшакова Максима Ивановича в колхозе «Новая жизнь»? Он работает пахарем, за весенний сев заработал 90 трудодней, притом он бригадный инспектор по качеству. Он требовательный, у него не забалуешь, и огрех, и комок не оставишь. Вот помнится один случай, когда Максим Иванович не принял работу пахарей Ф.П. Власова и П. Порчкова и тут же заставил переделать все»².

К 1935 г. в Катино оставалось 126 крестьян-единоличников. Между ними и колхозниками иногда случались бытовые недоразумения, приводившие к тяжелым последствиям. К чести Горловского районного народного суда необходимо признать, что такие дела не политизировались. Например, «хулиганские действия Ф.И. и Ф.В. Савинкиных, нанесших три ножевые раны бригадиру колхоза» повлекли для виновных наказание в виде 5 лет тюремного заключения, но не рассматривались как «происки кулаков или подкулачников»³.

В начале 1937 г. в Катинском сельсовете, объединявшем также поселок Красный, Катинский разъезд, водокачку и железнодорожные будки, насчитывалось 618 дворов. Колхозная посевная площадь, включая усадьбы колхозников, составляла 3694,5 га (а за исключением усадеб – 3516,2 га). В двух колхозах сельсовета содержали 336 лошадей, 117 голов крупного рогатого скота, 315 свиней, 44 овцы. В хозяйствах жителей населенных пунктов сельсовета было 498 голов крупного рогатого скота, 384 свиньи, 745 овец, 34 козы. Площадь колхозных садов составляла 21,4 га, жителей сел – 6,2 га⁴. В катинском колхозе «Новая жизнь» содержали 128 единиц крупного рогатого скота, в том числе 52 коровы, 276 свиней (из них 65 свиноматок), 137 овец, 378 лошадей (из них 280 рабочих)⁵.

В 1937 г. Катинский сельсовет вместе со всем Горловским районом был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. В это время в селе была закрыта Троицкая церковь. Тогда же несколько уроженцев Катино пали жертвами «Большого террора». В соответствии с оперативным приказом Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. 8 сентября того же года был арестован Прокофий Васильевич Батов (1883–1937), рабочий железнодорожной станции Катино. 26 сентября он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации и на следующий день расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. В тот же день на полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» оборвались жизни его односельчан-колхозников Родиона Фроловича Маркина (1886–1937), Федора Тимофеевича Михеева (1876–1937) и Алексея Ларионовича Орлова (1876–1937). Все они были реабилитированы посмертно в мае 1957 г. Раньше их, 8 июля 1937 г., был арестован уроженец села Катино Мина Терентьевич Мильцев (1884–1937), проживавший в селе Тогур Колпашевского района Томской области и работав-

¹ Ленинская искра, № 112. – 1933. – 26 октября.

² Ленинская искра, № 99. – 1935. – 10 июня.

³ Ленинская искра, № 80. – 1935. – 15 мая.

⁴ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

⁵ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

ший статистиком Кетского лесозавода. Он был осуждён 25 июля по обвинению «в участии в контрреволюционной кадетско-монархической и эсеровской организации» и два дня спустя расстрелян. М.Т. Мыльцев также был реабилитирован в декабре 1959 г.

Репрессии носили массовый характер, но среди жителей скопинских сел они коснулись лишь единиц. В 1930-е гг. смыслом жизни абсолютного большинства населения был созидательный труд. Некоторое представление о работе отдельных подразделений катинской сельхозарттели можно составить по актам соцсоревнования. 19 мая 1939 г. колхоз «Новая жизнь» посетила делегация представителей Чапаевского района Рязанской области. В специальном акте члены комиссии отметили выявленные в ходе посещения недостатки работы катинских колхозников. В этом документе, в частности, сообщается: «Пахота, по севу удовлетворительны. Со стороны некоторых бригад были нарушены агромероприятия, а именно: пахота редкая, боронование плохое. В бригаде № 10 на площади 1 га просо посеяно по пожарищу. В бригаде №10 сев пшеницы на площади 4 га – много зерна поверху, картофеля много не завалено, борозды нарезаны неправильно. Руководство со стороны сельсовета недостаточно, а именно: полеводческая секция совсем не работает». Тут же приведены сведения о падеже скота в колхозе «Новая жизнь» за 1938 г.: «Телят – 4, коров – 2, рабочих лошадей – 2, жеребят – 2, овец – 5, свиноматок – 2, поросят – 265»¹.

В 1939 г. председателем колхоза «Новая жизнь» был Федор Федорович Данилин. Его заместителем по полеводству работал Иван Сергеевич Филимонов, организационно-массовой работой занимался Федор Иванович Чикин, а участковым агрономом был Михаил Васильевич Зенин. О колхозе и его хозяйственной деятельности Ф.Ф. Данилин рассказывал участникам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова следующее: «Для осуществления работ, предусмотренных производственным планом, созданы 24 полеводческие бригады, из них 1 огородная и 5 прочих. Из 18 бригадиров имеют стаж 5 лет шестеро, свыше 5 – трое, остальные 9 бригадиров имеют стаж от года до 3 лет. Бригадир жалуются на недостаток денежных средств и указывают на потребность в отходничестве для приработка. Средний заработок в 450–540 трудодней (в зависимости от стажа: для малостажного 1 рабочий день – 1,25 и многостажного – 1,5) не устраивает бригадиров, особенно в условиях неблагоприятных по урожаю лет. Желательно установить минимум по месяцам денежную плату бригадиру, что до определенной степени может закрепить кадры бригадиров. Сейчас получают денежную плату только председатель – 100 рублей в месяц, ст. счетовод – 50 рублей, а также шофер – 50 рублей и ст. слесарь (помимо трудодней), наемный шофер без трудодней получает 300 рублей в месяц и продукты по твердой цене. Все бригадиры мужчины, звеньевые, как правило, женщины. Рабочий день устанавливается в зависимости от сезона года и характера работ. В сезон полеводческих работ устанавливается время работы с 4 часов утра до 10 вечера с перерывом на обед с 12 до 2 часов. Фактически работы начинаются с 7 часов утра до 8 часов вечера с перерывом на обед. Следовательно, длительность рабочего дня 10 часов. Порядок назначения по рабочему дню: правление дает наряд бригадирам вечером на ночь, бригадир, в свою очередь, дает наряд колхозникам нередко на ночь, но, как правило, с утра личным обходом – «повесткой», на «высылку», либо отдельные колхозники сами являются в землянку, на конюшню за получением нарядов. Обход бригадир начинает примерно в 5 часов утра... В бригадиры колхозники идут неохотно – считают ответственной и неблагодарной работой, создающей нездоровые отношения с колхозниками в результате нажима на них по трудовой дисциплине. В зимний период рабочий день с 10 часов

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Тетрадь «Катино».

утра до 5 часов вечера (подвозка кормов для скота, сортирование семян, вывозка навоза и пр.). Трудовая дисциплина не на высоте положения, но нельзя назвать и плохой. Всего трудится в колхозе 1700 человек, из них около 700 вне колхоза (на торфоразработках и проч.). На работу в период уборки выходят около 600 человек и не выходят около 400 человек. Выходящих на работу 600 человек недостаточно для охвата всех работ, в частности, на сегодня не организована 2-я смена (круглосуточно) на сложной молотилке, где ныне работают в 1 смену, с 7 часов утра до 9 часов вечера, с 3 часов перерыв на обед (11-часовой рабочий день).

Меры к выходу на работу: а) предупреждение; б) штраф (за отказ от работы). Исключали из колхоза, был 1 случай за длительный невыход на работу и отказ подчиниться общему положению. За качественным и количественным выполнением заданий следят бригадир и инспектор по качеству, в случае плохого выполнения работы предлагают переделать, либо снижают расценку оплаты. В следующих работах принимают участие: мужчины – пахота, включая выпашку картофеля, сев, косьба, возка, скирдовка (часть женщин), молотьба (наравне с женщиной). Женщины – прополка, вязка, скирдовка, молотьба, веяние, триерование, копка картофеля. Подростки (с 14 лет) – водят лошадей в луг, подвозка воды, продуктов, отвозка соломы от молотильной машины, бороновка, возка навозов.

Распределение работ между МТС и колхозом. МТС выполняет: пахота (почти на всей площади колхоза); молотьба на «сложке» (колхоз имеет также одну сложную молотильную машину, но пускает ее в эксплуатацию в случаях остановки МТСовской молотилки. Колхоз не имеет трактора к молотилке, ранее у него был движок, ныне вышедший из строя); косьба комбайном (около 30 % общей площади); рядовой сев (ныне озимый сев полностью рядовым через МТС). Колхоз: пахота лошадьми на огородах, подправка за тракторами и частично на полях; подвозка семян, горючего, удобрений и пр.; перевозка урожая; ручной (вика и частично овес) и конный сев (чечевица, овес, рожь); веяние зерновых; копка картофеля; подвозка кормов. Колхоз соревнуется в 1939 г. с колхозом им. Ленина Павелецкого с/с, в прошлом году соревновались с колхозом «Победа» Казинского с/с. Бригадир еще не получил лицо хозяина-производственника, у него часто правление отбирает людей, назначает их на другие работы. Для бригадира должен быть составлен план работы и распределения людей, и за план целиком ответственен бригадир. В результате в бригаде бригадир самостоятелен, а ныне практически правление с вечера расписывает людей на другие работы, и его оставляют без работников, без выполнения плана, и делает их безответственными, получается обезличка.

Борьба с потерями. Потерь много, но борьбы мало. Не хватает сил для основных работ. Недостаток механизмов и плохая их работа. Комбайны простаивают тоже, в особенности гусеничные трактора. Свинарники – кирпичные, крыша у одного черепичная, у другого крыта соломой. Коровники, овчарни, свинарники – плетневые, замазанные глиной, крыши соломенные. Помещения, кроме свинарника, холодные. Пасека – 117 семей. Неземледельческие заработки. Поездка в зимнее время на извоз – подвозку топлива на предприятия: Куровская, Петушки. Черепичные заводы. Отход на заработки организованно по набору и самотеком, в том числе из 250 человек – 80 женщины, с мая по сентябрь»¹.

К 1939 г. относится следующее описание села, содержащееся в материалах все той же Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова: «Несколько особняком от других, в 18 км на северо-восток от Горлова в сторону Пронска, село Катино – некогда наиболее людное селение бывшего Скопинского уезда Катино одноименного сель-

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Тетрадь «Колхоз «Новая жизнь»».

совета. Число жилых строений 593, хозяйств 587, в них жителей 3297. Мельниц 2, просорушек 2, маслобойня, кирпично-черепичных заводов 2. Происхождение села не помнят самые древние старожилы... Расположено оно в котловине, местами заболоченной, часть порядков выходит на вершину окружающего поднятия. Вытянувшись на 3–4 км, село западными окраинами почти касается ж/д станции Катино, где в сезонное время действует картофелевно-овощная база. В 1 км от ж/д станции и в 3–4 км от центра села протекает небольшая речка Кердь, разливающаяся в половодье на 4 км. Источниками водоснабжения служат колодцы, их малый дебит компенсируется 120-ю колодцами глубиной от 6 до 23 метров и столбом в большинстве мягкой, пригодной для питья воды (0,7–1 метр). В развитии села большое значение имели пруды, числом 17, они перерезают село. Цепь прудов среди села растянута на 4 км. В одном пруду водится карп. Местные активисты намечают создание здесь целой серии постоянно действующих прудов с разведением в них рыбы и озеленением берегов. Пруды не раз оказывали большую услугу в борьбе с пожарами. Старожилам памятны крупные пожары 1900–1901, 1909, 1915 гг., когда сразу уничтожилось до 80 и больше дворов. В селе находится правление самого большого колхоза района – «Новая жизнь». (4726 га земельных угодий), границы его совпадают с границами сельсовета. Имеются сельмаг, чайная, 2 ларька. Также имеются: неполная средняя школа, амбулатория, ветпункт, колхозный родильный дом, ясли, детплощадка, библиотека-читальня, клуб, почта и телефонная станция (коммутатор на четыре точки). Неполная средняя школа на 500 человек, кружки в клубе были – распались. Планировалось создать парк отдыха. Имеется пожарная дружина, машина. Строения в основном (70 %) – кирпичные, остальные деревянные. Кирпичные (из продукции двух местных черепично-кирпичных и известкового заводов). Кровля преимущественно солома. Базара нет. В прошлом попытки организации были. Село, славившееся 11-ю ветряными мельницами, ныне имеет одну механическую. Здесь же и молочный завод. Зерновую продукцию Катинский сельсовет сдает в Горлово, с которым он связан грунтовой дорогой. Вблизи ж/д станции приступлено к эксплуатации каменноугольного месторождения с выявленными запасами в 672 тыс. тонн. Разработку намечено вести штольной, годовой производительностью 30 тыс. тонн»¹.

Начало Великой Отечественной войны в июне 1941 г. прервало мирное развитие села. Многие катинцы по мобилизации отправились в ряды действующей армии. В ходе битвы под Москвой Катино на короткое время оказалось на занятой врагом территории. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина и к 26 ноября выйти на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава.

После того как 28 ноября 1941 г. Скопин был освобожден от оккупантов решительным ударом батальона морской пехоты из состава 84-й отдельной стрелковой бригады, дальнейшие намерения противника были не ясны. Для того чтобы предотвратить возможный прорыв гитлеровцев в район Рязска, Ставка Верховного Главнокомандования в первых числах декабря приказала выдвинуть на рубеж Рязск–Раненбург–Мичуринск 61-ю резервную армию под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова. 6 декабря 1941 г. передовые отряды 346-й стрелковой дивизии из ее состава уже вступили в бой с врагом в районе станции Павелец. Справа от 61-й армии действовала 10-я армия генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова. После войны он вспоминал об этих днях: «Исходный рубеж наступления назначался на линии: Зарайск–Пронск–Гремячка. Переход в наступление с этого рубежа был назначен в

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59.

4 час. 00 мин. 6 декабря. Каждой дивизии было приказано вести разведку боем и иметь сильные головные и боковые отряды походного охранения <...> Центр тяжести усилий в первый день наступления армии сосредотачивался на г. Михайлов»¹.

Район Катино оказался на стыке двух армий. В окрестностях села действовала 57-я кавалерийская дивизия из состава 10-й армии. Ею командовал полковник И.И. Муров. С началом советского контрнаступления дивизия находилась в резерве и, выдвигаясь на запад, к 7 декабря 1941 г. расположилась в районе Веркановка–Мамоново–Бульчево (с командным пунктом в Бульчево). Линия сторожевого охранения дивизии проходила через населенные пункты Воронки, Рюмки, Моховое и Галино. Справа от нее действовала 326-я стрелковая дивизия, слева – 41-я кавалерийская дивизия². 8 декабря в Катино расположился командный пункт 57-й кавдивизии, части которой вели разведку в направлении сел Богослово и Петрушино. В соответствии с приказом по разведке, разведдонесения присылались к зданию катинской Троицкой церкви. Части дивизии располагались следующим образом: 225-й кавалерийский полк – в Чуриках, 212-й кавалерийский полк – в районе Семенского, 218-й кавалерийский полк – в Высоком³. Двигаясь походным маршем по маршруту Высокое–Казинка–Березянки–Мшанка–станция Кремлево–Хворощавка–Ново-Александрово–Семенское–Высокое–Чурики–Катино–Дмитриево, 57-я кавдивизия дивизия к исходу дня 13 декабря 1941 г. вышла на рубеж Горлово–Рудинка–Ново-Александрово⁴. В эти дни жители сел и деревень Горловского района размещали воинов по своим избам, делились с ними своими последними запасами еды и теплого белья.

В годы Великой Отечественной войны уроженцы Катино прославили свое родное село ратными подвигами. Самым известным из них является Федор Андрианович Полетаев (1909–1945). До войны он освоил профессию кузнеца, работал на Горловской МТС и в колхозе «Тринадцатый октябрь» Петрушинского сельсовета. В августе 1941 г. Ф.И. Полетаев был мобилизован в РККА. В составе 78-й стрелковой дивизии (позднее – 9-й гвардейской) он участвовал в битве под Москвой, весной–летом 1942 г. воевал на Дону. В июле 1942 г. в ходе боев в районе села Раздольного⁵ гвардии рядовой Полетаев был тяжело ранен и попал в плен. Ему пришлось пройти через ряд немецких лагерей для военнопленных на территории СССР и за рубежом. После неудачного побега из лагеря близ хорватского города Славонски-Брод в марте 1944 г. он был направлен в рабочую команду на территории Италии, близ Генуи. Летом 1944 г. при помощи итальянских коммунистов Ф.А. Полетаеву удалось бежать из лагеря и примкнуть к лигурийским партизанам-антифашистам. Он стал бойцом бригады «Оресте» партизанской дивизии «Пинан Чикеро». Участвуя во многих боях против немецких оккупационных войск в Северной Италии, Ф.А. Полетаев явил немало примеров высокого мужества и отваги. В отряде партизан он был известен как «русский богатырь» или «гигант Федор». Ф.А. Полетаев погиб в бою у лигурийского городка Канталупо 2 февраля 1945 г. Он был со всеми почестями похоронен на кладбище в местечке Рокетта, по окончании войны останки героя были перенесены на воинский участок «Кампо дела Глория» кладбища Стальено в Генуе.

Посмертно Ф.А. Полетаев был удостоен высшей воинской награды Италии – золотой медали «За воинскую доблесть» и медали Гарибальди. 25 мая 1947 г. знаки военных отличий героя были переданы советскому консулу в Генуе. Однако его личность долгое время оставалась не

¹ Голиков Ф.И. В Московской битве. М.: Наука, 1967. – С. 48.

² ЦАМО, ф. 3581, оп. 1, лл. 7–12.

³ Там же.

⁴ ЦАМО, ф. 3581, оп. 1, д. 1, лл. 29–32.

⁵ Ныне в Шевченковском районе Харьковской области (Украина).

идентифицированной – в документах партизанского отряда он был записан как «Федор Александр Поэтан». Потребовалась многолетняя и кропотливая поисковая работа советского писателя и публициста С.С. Смирнова¹, благодаря которой удалось с документальной точностью установить, что «русский богатырь» лигурийских партизан в действительности был уроженцем села Катино Ф.А. Полетаевым. Историю этого поиска писатель отразил в публицистическом очерке «Загадка далеской могилы», вошедшем в книгу «Рассказы о неизвестных героях» (1963). Военные заслуги Ф.А. Полетаева были признаны и на Родине. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1962 г. «за героизм и мужество, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков в составе отряда итальянских партизан в период Второй мировой войны» Ф.А. Полетаеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Жизнь и подвиги Ф.А. Полетаева вписали одну из ярких страниц в историю российско-итальянских отношений. Его имя стало одним из символов совместной борьбы народов Европы против человеконенавистнической идеологии фашизма в XX в. Памятники Ф.А. Полетаеву установлены в Москве, Рязани, а также в городах Генуя и Канталупо-Лигуре (Италия). В его честь названы улицы в Москве, Скопине, Липецке, Миассе, Караганде, Туапсе, а также в Мариуполе и Черновцах (Украина), Темиртау (Казахстан), Генуе (Италия). Бюст Ф.А. Полетаева установлен и в его родном селе Катино.

Еще одним героем Великой Отечественной войны из Катино является Федор Филиппович Соломатин (1910–1993). Во время боев на территории Белоруссии в марте–июне 1944 г. командир отделения 44-го отдельного саперного батальона 51-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта младший сержант Ф.Ф. Соломатин стал полным кавалером ордена Славы. С 1968 г. он проживал в городе Павловский Посад, до выхода на пенсию работал стрелком военизированной охраны в воинской части.

В 1942 г. Катино вместе со всем Горловским районом перешло в административное подчинение Московской области, однако уже в 1946 г. вернулось обратно в Рязанскую. В военное время колхоза «Новая жизнь» был разукрупнен, в 1948 г. в Катинском сельсовете упоминаются колхозы «Большевикский путь», «Ленинский путь», «Сталинский путь», «Слава». Колхозы Катинского сельсовета считались отстающими. Значительные части их земельных угодий оставались неосвоенными, ежегодно у них возникали проблемы при расчетах по поставкам сельхозпродукции государству².

В 1950 г. все катинские сельхозартели были объединены в одно хозяйство, получившее название «Сталинский путь». 21 декабря 1956 г. по решению общего собрания колхозников оно было переименовано в колхоз «Россия». В декабре 1962 г. катинский колхоз был вновь переименован и получил имя ставшего знаменитым уроженца села Героя Советского Союза Ф.А. Полетаева³.

После упразднения Горловского района в 1959 г. Катинский сельсовет был передан укрупненному Скопинскому району Рязанской области. В 1965 г. в его состав входили село Катино и одноименная железнодорожная станция. На территории сельсовета действовали восьмилетняя школа, клуб, библиотека, медицинский пункт, магазин, молокозавод, колхоз им. Федора Полетаева⁴.

¹ Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) – советский писатель, историк и общественный деятель. Главный редактор «Литературной газеты» в 1959–1960 гг., секретарь Союза писателей СССР в 1975–1976 гг. Лауреат Ленинской премии (1964) за книгу «Брестская крепость» (1957, 2-е изд. 1965).

² Ленинская искра, № 18. – 1948. – 4 марта.

³ Архив Скопинского района, ф. 279, л. 1.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 421, л. 1.

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории российского села. В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в катинском колхозе им. Федора Полетаева была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в акционерное общество закрытого типа.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Катино было включено в состав Горловского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Катино постоянно проживают 407 человек – 205 мужчин и 202 женщины. В 2015 г. в селе работало занимавшееся растениеводством СПК «Каскад» (генеральный директор – Ростислав Заурбескович Бетеев), почта, школа – филиал Горловской СОШ, школьный музей Героя Советского Союза Ф.А. Полетаева, Дом культуры, сельская библиотека, медпункт, магазин «ИП Гаммадов»¹.

Троицкая церковь, памятник архитектуры XIX в., закрытая в 1937 г., в последующее время использовалась катинским колхозом под разные хозяйственные нужды и к началу XXI в. пришла в плачевное состояние. В настоящее время здание очищено от мусора и требует восстановления. Богослужения временно проводятся в небольшом церковном здании без признаков архитектурного стиля, возведенном в 2000-х гг. рядом со старинным храмом. Настоятель Троицкой церкви в Катино – протоиерей Сергей Валерьевич Ломакин. Храм числится по 1-му Скопинскому благочинию.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

КЛЕКОТКИ

село

(сельское поселение Горловское)

Село Клекотки (Клекоток), исторически относящееся к Елифанскому уезду Тульской губернии, является одним из старейших населенных пунктов восточной окраины Скопинского района современной Рязанской области. Об этом свидетельствуют результаты исследований, проводившихся в 1982–1986 гг. Окско-Донской археологической экспедицией Государственного исторического музея под руководством Б.А. Фоломеева¹. В центральной части села, в 0,5 км к западу от его центра на левом берегу ручья Клекоток (правого притока р. Мокрая Табола) археологический разведочный отряд выявил средневековое селище. Размеры памятника ок. 250х50 м, высота над ручьем 2–3 м. В его структуре выявлены пласты, относящиеся к XI–XIII и XIV–XVII вв. Здесь находят фрагменты древнерусской гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом, встречается также и керамика позднесредневековая – сероглиняная, белоглиняная и чернолощевая XVI–XVII вв. В настоящее время памятник распаивается под огородами².

Очевидно, выявленное селище является историческим ядром села Клекотки. Как свидетельствуют данные, полученные в ходе раскопок, какое-то поселение существовало на этом месте уже в XI–XIII в. Не прекращалась здесь жизнь и в тяжелом для Руси XIV в. Однако новый импульс развитию поселения на берегах Клекотка придало первичное заселение образованного в 1566–1567 гг. Елифанского уезда князем Иваном Федоровичем Мстиславским (?–1586), известным политическим и военным деятелем эпохи царя Ивана IV Грозного.

В старейшем описании Елифанского уезда – «Писцовой книге 7080 (1571–1572) года письма и меры князя Ивана Федоровича Мстиславского да Григория Ярцева со товарищи» – нет упоминаний о населенном пункте, который можно было бы однозначно отождествить с Клекотками. Поэтому возникновение села можно условно датировать концом XVI – первой половиной XVII в., а *terminus post quem* его основания признать 1572 г.

Весьма вероятно, что село Клекоток, получившее свое имя по протекающему здесь ручью³, было одним из военных поселений, а может быть – даже частью укреплений Большой Засечной черты, призванной защищать центральные районы российского государства от набегов крымцев и ногайцев. Место расположения селища – так называемый Угол, образованный руслами нескольких ключевых потоков. Весьма вероятно, что оно было избрано для поселения благодаря особому удобству при обороне. В первые десятилетия существования Елифанского уезда его земли регулярно подвергалась опустошительным набегам крымских татар, наиболее значительный ущерб от которых отмечался в 1609, 1620–1622 и в 1659 гг. Близость села Клекоток к Муравскому шляху – древней дороге, связывавшей Крым и Москву (проходила в районе совр. населенных пунктов Кимовского и Скопинского районов с харак-

¹ Фоломеев Борис Андреевич (1942–2001) – советский и российский археолог, исследователь эпохи бронзы лесостепной полосы европейской части России, организатор современного этапа археолого-географических работ на территории Государственного музея-заповедника «Куликово поле».

² Археологическая карта России: Часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 114.

³ Название ручья может быть истолковано и как намек на шум воды, и как указание на то, что его деревья на его берегах были излюбленным местом отдыха перелетных птиц в периоды сезонных миграций.

терным названием «Муравлянка»), – придавало ему важное стратегическое значение для обороны местности между городами Елифань и Скопин.

В 1-й пол. XVIII в. селе Клекоток представителями одной из ветвей княжеского рода Голицыных была основана помещичья усадьба. Ее первым владельцем был князь Иван Андреевич Голицын (1683 или 1694–1741). Как сообщает вышедший под редакцией П.И. Малицкого сборник «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895), в 1740 г. на средства князя И.А. Голицына в селе был построен первый деревянный храм, освященный во имя Богоявления Господня¹.

Из материалов 2-й ревизии податных сословий Российской империи по Елифанскому уезду (1745) можно узнать имена следующих клекотковских душевладельцев. «Лейб-Гвардии Преображенского полку капрал князь Николай князь Александров сын Галицын». Ему принадлежали 60 душ дворовых людей и крестьян². «Отставной капитан Михаило Дмитриев Селеванов» владел 37 душами дворовых людей и крестьян³. За «полковником Андреем Тимофеевым сыном Тетеревым» числились 13 крепостных крестьян⁴. «Однодворец Трафим Андреев Сказенин» владел всего одной крестьянской душой⁵. Также в селе проживали 5 дворовых людей «дворянки Акилины Ивановой дочери Козяковой»⁶. Еще 3 проживавших в Клекотках дворовых людей числились собственностью «того села... вдовы Татьяны Рамановой дочери Михайловой жены Яковлева сына Агибалова»⁷. «Однодворец Иван Степанов сын Нечаев и жена ево Варвара Осипова дочь» владел 2 дворовыми людьми⁸. Один приписной крестьянин числился собственностью «того села Кликотка умершего пехотного полку поручика Федула Степанова сына Зенина»⁹. «Вдова Авдотья Петрова дочь Алексеева жена Степанова сына Гринева» владела 2 жившими в селе дворовыми людьми¹⁰. Один дворовый человек принадлежал «однодворцу Степану Исаеву сыну Зенину»¹¹. Наконец, за «морского флота отставным сержантом Пантелеем Акимовым сыном Грецовым» числились 2 души, за «отставным стряпчим Константином Лазаревым сыном Нечаевым» – один дворовый человек, за «того села Кликотка Иваном Ивановым сыном Бурцевым – еще один»¹². Из всех их в истории известен только князь Н.А. Голицын (1726–1751), закончивший свою военную службу в чине гвардии прапорщика¹³.

Генеральный план Елифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время одновременно существовали два расположенных по соседству населенных пункта с названием «Клекоток». Первый из них, собственно «село Клекоток», находился на левой стороне одноименного ручья. Он являлся частью обширного неразделенного владения, протянувшегося до самых предместий города Елифани. В него входили «Слобода Алешина»¹⁴ с селами Клекотком, Знаменским¹⁵, с селцами

¹ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Пересвет», 2010. – С. 178.

² РГАДА, Ф. 350, оп. 2, д. 965, л. 231 об.

³ Там же, л. 236.

⁴ Там же, лл. 236 об - 237.

⁵ Там же, л. 237 об.

⁶ Там же, лл. 237 об - 238.

⁷ Там же, л. 238.

⁸ Там же, л. 239.

⁹ Там же, л. 239 об.

¹⁰ Там же, л. 239 об.

¹¹ Там же, л. 240.

¹² Там же, лл. 240 – 240 об.

¹³ *Чижков А.В., Графова Е.А.* Рязанские усадьбы. – М.: НП «Русская усадьба», 2013 – С. 137.

¹⁴ Ныне село Алешино в Кимовском районе Тульской области.

¹⁵ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

Крутым Верхом¹, Кудашевым², Грезнавкой³, здеревнями Грезнавкой⁴, Кривозерьем⁵». Общая площадь этих земельных угодий превышала 6200 десятин (6773 га).

На момент составления экономического приложения к планам Генерального межевания собственниками этих земель и населявших их крепостных крестьян значатся более 50 владельцев. В селах, сельдах и деревнях проживали крестьяне «Александра Петровича Мельгунова; города Епифани церкви Николая Чудотворца священно-церковнослужителей; Матвея Васильевича Бибикова; Петра Иванова сына Загряжского; статского советника Максима Титовича Князева; прапорщика Якова Григорьева сына Бологовскаго жены Матрены Ивановой дочери; Настасьи Юрьевой дочери Жеребцовой; девиц Настасьи и Марьи Петровых дочерей Машковых; Федора Дмитриева сына Молчанова; Михаила Алексева сына Сонцова; Афонася Петрова сына Лихарева; Сергея Иванова сына Мельгунова; Катерины Алексеевой дочери Селивановой; Андрея Иванова сына Кобекова; Александры Демидовой дочери Масловой; Михаила Дмитриева сына Лисогорскаго; Петра Никитича Кожина жены Анны Александровны; Петра Николаева сына Лепунова жены Прасковьи Никитиной дочери; Катерины Васильевой дочери Секериной; Николая Михайлова сына Кропотова; Михаила Иванова сына Евреинова жены Любови Ивановой дочери; Михаила Федорова сына Авдулова; Ивана Иванова сына Киндякова; Льва, Ивана Афонася Ивановых детей Полуниных; Алексея, Григорья Савиных детей Воронициных; Якова Трофимова сына Коптина; Ивана Васильевича Несвицкова [дочери] Настасьи Ивановны; Михаила Львовича Измайлова; Филимона Петрова сына Грецова [сестры] Федосьи Петровой; Дмитрия, Трафима, Василья Степановых, Макария Лазарева, Артамона Степанова детей Нечаевых; Ивана Григорьева сына Первицкова; Саввы Михайлова сына Бегичева; Анны Филимоновой дочери Екимовой; князь Сергия Никитина сына Долгорукова; Семена, Ивана Ивановых детей Беклемишевых; Алексея Гаврилова сына Редрикова; князей Петра, Николая Алексеевых детей Кропоткиных; Михаила Михайлова сына Агибалова; Ивана, Петра Феоктистовых детей Нечаевых; Василья Дмитриева сына Позденова»⁶.

Экономические примечания к планам Генерального межевания описывают «село Клекоток» следующим образом: «налевой стороне речки Клекотка, на коей пруд; церковь деревянная Богоявления Господня; дом господской деревянной»⁷. В нем насчитывалось 170 дворов, население составляло 496 мужчин и 496 женщин. Кроме крепостных в селе проживали также семьи крестьян-однодворцев Алтуховых, Зениных и Дьяконовых. Они владели земельной собственностью на равных правах с помещиками. Об условиях хозяйственной деятельности местных крестьян документ сообщает: «Земля черная, хлеб средственной, покосы хороши, лес строевой дубовой, березовой, осиновой, и дровеной, однадворцы на оброке, крестьяне напашне»⁸.

На противоположном берегу ручья Клекоток на некотором расстоянии от воды располагалось «сельцо Клекоток», известное также под названием Савеловка. Очевидно, в XVII в. оно было основано представителями дворянского рода Савеловых, родственниками московского патриарха Иоакима. В 1770-х гг. сельцом владели князья Петр Алексеевич и Николай Алексеевич Кропоткины и «графиня Варвара Алексеевна Шереметева», помещица соседней деревни Погибелка⁹. Общая площадь поместья составляла 1121 десятину 1375 сажений (1225,36 га). Господский дом

¹ Ныне село Крутое в Кимовском районе Тульской области.

² Ныне село Машково в Кимовском районе Тульской области.

³ Ныне в составе села Знаменское Кимовского района Тульской области.

⁴ Ныне село Молчаново в Кимовском районе Тульской области.

⁵ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

⁶ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, лл. 7–8.

⁷ Там же, л. 7.

⁸ Там же, л. 8.

⁹ Ныне Дружное в Кимовском районе Тульской области.

был деревянным. Сельцо располагалось «на правой стороне речки Клетотка, на коей два пруда»¹. В это время в нем насчитывалось 18 дворов, в которых проживали 80 мужчин и 86 женщин. Помещичья усадьба и крестьянские дворы располагались на 8 десятинах 2110 саженьях (9,7 га). Пашенные земли крестьян сельца занимали 868 десятин 1375 саженьей (948,95 га). Сенокосные земли имели общую площадь в 220 десятин (240,36 га). Своего леса в имении не имелось. Касаясь хозяйственных особенностей имения Кропоткиных, экономическое приложение констатирует: «Земля черная, хлеб и покосы средственны, крестьяне на пашне»².

О князе П.А. Кропоткине (1738 – до 1807) известно, что ранее 1788 г. он вышел в отставку с военной службы в чине поручика. Постоянным местом жительства помещика была усадьба в селе Антиповское Егорьевского уезда Рязанской губернии. Его младший брат князь Н.А. Кропоткин (1747–1809) известен по источникам как отставной секунд-майор. Он постоянно проживал в своей усадьбе в селе Марковском Егорьевского уезда. В 1792 г. Н.А. Кропоткин занимал должность Егорьевского уездного судьи. Князь скончался в Москве и был похоронен в некрополе Новодевичьего монастыря.

Упоминание же в тексте документа «графини Варвары Алексеевны Шереметевой», как представляется, является следствием ошибки составителей. В статье о деревне Погибелка она названа более конкретно – «девица графиня Варвара Алексеевна Шереметева»³. Очевидно, в данном случае перепутаны две последовательно владевшие савеловскими и погибелскими крестьянами помещицы – мать и дочь.

Графиня Варвара Алексеевна Шереметьева, урожденная княжна Черкасская (1711–1767), камер-фрейлина и статс-дама императрицы Елизаветы Петровны, была единственной дочерью канцлера князя Алексея Михайловича Черкасского. В 1743 г. она вышла замуж за графа Петра Борисовича Шереметьева (1713–1788), единственного сына прославленного петровского фельдмаршала. Одним из шестерых детей, рожденных в этом браке, была графиня Варвара Петровна Шереметьева (1759–1824), впоследствии выданная замуж за графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748–1822). Видимо, подлинной владелицей деревни была все же графиня В.П. Шереметьева.

Дочь П.А. Кропоткина княжна Анна Петровна (1785–?) вышла замуж за отставного лейб-гвардии прапорщика Федора Ивановича Страхова (1753–?), который в 1788 г. служил ассессором в рязанской губернской Казенной палате. Их потомки дворяне Страховы владели унаследованной А.П. Страховой (Кропоткиной) частью клетотковской усадьбы вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Интересно отметить, что во 2-й пол. XIX в. в клетотковской усадьбе гостил внучатый племянник А.П. Страховой князь П.А. Кропоткин (1842–1921), один из выдающихся теоретиков и вождей анархизма⁴.

Интересные подробности жизни представителей провинциального дворянства в Клетотках в конце 1820-х гг. сохранил в одной из своих статей в журнале «Русский архив» известный общественный и земский деятель князь Д.Д. Оболенский⁵. В 1871 г. он был избран Елифанским уездным предводителем дворянства, активно участвовал в строительстве проходившей через уезд линии Рязско-Вяземской железной дороги. Обнаруженное им в архиве Елифанского уездного и земского судов дело стало основой статьи «Литературный процесс елифанских дворян

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 8 об.

² Там же.

³ Там же, л. 3.

⁴ *Чижков А.Б., Графова Е.А.* Рязанские усадьбы. – М.: НП «Русская усадьба», 2013. – С. 138.

⁵ Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1845–1931) – князь, шталмейстер Высочайшего Двора, статский советник, общественный и земский деятель, помещик Богородицкого уезда Тульской губернии.

1827 года», в которой он, в частности, пишет: «В северной части Елифанского уезда, недалеко от границ Михайловского уезда Рязанской губернии, верстах в 12 от Хитровщины и 35 от Иван-озера, лежит село Клекотки, издавна населенное однодворцами, село, в коем и доселе три господские усадьбы помещиков средней руки и одна четвертая богатого владельца С[трахо] ва. Теперь близ Клекоток построена железнодорожная станция того же имени, следующая за Елифанью, когда едешь по Сызрано-Вяземской железной дороге от Тулы к Рязкску. Это торговый пункт и пользуется уже благами просвещения, а в 1827 году, в коем произошло нижеописуемое происшествие, это была порядочная глушь. Жили в Клекотках разные помещики и в том числе отставных два военных брата, Дмитрий и Петр Федоровичи Страховы со своею матерью-старушкой, кои своим писаньем и вызвали уголовное дело, производившееся в Елифанских судах, уездном и земском, в архиве которых я оно и обозрел. Уголовный процесс разыгрался между клекотковскими дворянами братьями Страховыми с одной и штабс-капитаном Ефимом Артамоновичем Нечасвым и женою мещанина Ольгой Александровной Колосовой с другой (Колосова была из дворян Левашевых, замужем за московским мещанином Колосовым). Сосед братьев Страховых Ефим Артамонович Нечасев своим пьянством и дебоширством, как выражались в старину, надоедал и причинял неприятности соседям, так что старушка Страхова уже однажды жаловалась на него исправнику елифанскому Панову, и земский суд командировал в Клекотки заседателя своего и кавалера Нечасева (родного брата жившего в Клекотках Ефима) для вразумления последнего, таскавшегося с церковным причтом по крестинам и свадьбам и путавшего своими выходками соседей, в том числе и мать Страховых. И вот вздумал Петр Страхов воспеть в стихах весьма пространных, своего соседа Ефима Нечасва под именем Ефима Нечасы и также Ольгу Колосову, жену мещанина Колосова, имея в виду экстравагантность ея, своеобразные костюмы и неравный брак дворянки с мещанином. Страхов выставил обоих в весьма неприглядном виде. <...>

Стихи Петра Страхова представляют собой довольно толстую тетрадь *in quarto*, прекрасным почерком переписанную, так что читается она как печатная и в сущности обнимает два периода поэмы, обещанной читателям. <...> В заглавии тетрадки написано: «Деяния знаменитейших мужей, владельцев участных, в стране Клекотках, на Севере лежащей, и современная их история 1827 года» с виньеткой, изображающей пляшущего господина с бутылкою в руках, которую он прижимает к сердцу»¹.

После обеда в Богоявленской церкви в Клекотках 24 апреля (6 мая) 1827 г. П.Ф. Страхов отдал свое сочинение «в большом запечатанном конверте с шутовским адресом» крестьянину Савелию Широхову для передачи своему соседу, отставному прапорщику Степану Потаповичу Жильцову, квартировавшему в доме другого жителя села, отставного капитана Нила Дмитриевича Зыкова. По ошибке письмо попало в руки Е.А. Нечасва и О.А. Колосовой, которые, сочтя себя оскорбленными, возбудили в июне 1827 г. против П.Ф. Страхова судебное дело, призванное расследовать факт «сочинения в поношение их чести стихов».

В материалах дела упоминаются многие из жителей Клекотков и Савеловки первой половины XIX в.: помещица сельца Савеловки вдова титулярного советника Анна Петровна Страхова, урожденная княжна Кропоткина, проживавший в доме Страховых семинарист Яков Михайлович Прозоровский, сын дьячка из села Мочилы Веневского уезда, двоюродный брат Е.А. Нечасва майор и кавалер Николай Иванович Максимов, жена отставного капитана Н.Д. Зыкова Авдотья Павловна, мещанин Иван Гаврилов сын Колосов, священник села Клекоток Симеон Сергеев, сельский виноторговец Иван Никитин, а также дворянин Николай Борисович Алтухов, владевший в селе собственным домом.

¹ Оболенский Д.Д. Литературный процесс елифанских дворян 1827 года. // Русский архив, III, 28, 1898. – С. 417-421.

Ввиду неодобренных отзывов свидетелей о Е.А. Нечаеве и О.А. Колосовой чаша весов уездного правосудия начала постепенно склоняться в пользу П.Ф. Страхова. Не дожидаясь решения суда, Нечаев и Колосова в октябре 1827 г. подали в Епифанский уездный суд прошение о прекращении дела миром. «На этом, – заключает Д.Д. Оболенский, – и кончилось дело со стихами Страхова, взволновавшее было мирных обитателей Епифанского уезда вообще, а обывателей Клекоток в особенности. Но что дело наделало немало шуму в свое время, я сужу по тому, что мне рассказывал о нем старик-чиновник в начале 70-х годов, то есть почти полвека после происшествия в Клекотках. С его слов я и стал искать и нашел в архиве дело об оскорблении чести гг. Нечаева и Колосовой стихами, сочиненными Петром Страховым». Статья Д.Д. Оболенского сопровождается комментарием издателя журнала: «Стихи безграмотны и потому не печатаются»¹.

К 1830-м гг. относится первое упоминание о ежегодных ярмарках в селе Клекотки. Не исключено, что традиция их проведения уходит корнями в XVIII в. Ярмарочным днем было 15 сентября (28 сентября н. ст.) – день памяти Св. мученика Никиты. На однодневных Никитских ярмарках в «селе Кликотки» продавались «мелочные товары, крестьянские изделия, овощи и рогатый скот». В среднем товаров свозилось на сумму от 7 до 20 тыс. руб., продавалось на 3–4 тыс. руб. Ярмарка имела сугубо местное значение, на нее собиралось до 5,5 тыс. человек, преимущественно жителей окрестных сел и деревень².

Как сообщает сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей (1895)», в 1848 г. на средства прихожанина-помещика, отставного гвардии подпоручика Алексея Федоровича Страхова (1812–1875), младшего брата участников «епифанского литературного процесса», было выстроено новое деревянное здание Богоявленской церкви в Клекотках. В 1856 г. им же в церкви был устроен придел во имя праведных Богоотцев Иоакима и Анны³ (видимо, в честь святых покровителей его матери Анны Петровны). На кладбище при Богоявленской церкви была похоронена первая жена А.Ф. Страхова Надежда Васильевна (1814–1850). Ее надгробие сохранилось до наших дней.

В статистическом справочнике «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедшем под редакцией академика П.И. Кешена, указано, что в это время население села Клекотки, находившегося «при речке Клекотке», составляло 1090 человек. Из них 45 человек числились по военному ведомству, 35 – по гражданскому, насчитывалось 18 купцов, мещан и цеховых, а также проживало 504 казенных крестьянина и 488 крестьян помещичьих. О сельце Савеловка сказано, что в нем проживало 288 крестьян помещичьих⁴.

Согласно изданному в 1862 г. списку населенных мест Тульской губернии, при речке Клекотке находились «Клекотки, село владельческое и казенное», а также «Клекотки, сельцо владельческое» (Савеловка). В первом насчитывалось 132 двора, население составляло 459 мужчин и 470 женщин. Во втором – 36 дворов, в которых проживали 180 мужчин и 179 женщин. В селе Клекотки действовали еженедельные базары (базарным днем был четверг)⁵, ежегодно проводились ярмарки⁶.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. село стало центром Клекотковской волости. В нее также вошли сельцо Клекотки (Савеловка) и деревня Погибелка, Таболы тож.

¹ Оболенский Д.Д. Литературный процесс епифанских дворян 1827 года. // Русский архив, III, 28, 1898. – С. 425.

² Список существующих в Российской империи ярманок. – СПб., 1834. – С. 378.

³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Пересвет», 2010. – С. 178.

⁴ Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. – Тула, 2006. – С. 84.

⁵ Календарь Тульской губернии на 1868 год. – Тула, 1868. – С. 245.

⁶ Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862. – С. 71.

Большим авторитетом в селе и округе пользовался «бывший государственный крестьянин» Аристарх Степанович Жердев, бессменно занимавший пост волостного старшины Клекотковской, а затем Клекотковско-Петрушинской волости ок. 1870–1896 гг. Он же все эти годы являлся также председателем волостного суда. В 1891–1894 гг. А.С. Жердев избирался гласным Елифанского уездного земского собрания от сельских обществ¹.

На военно-топографической карте Тульской губернии 1863 г. село Клекотки и сельцо Савеловка показаны как один населенный пункт, разделенный р. Клекотком. Обращает на себя внимание широкое незастроенное пространство к северу и к югу от сельской церкви, обстроенное по периметру мелкими крестьянскими слободами. Его можно рассматривать как наиболее вероятное место проведения базаров и Никитской ярмарки. Здесь же располагались и мельницы (все деревянные): три к северу от деревянной Богоявленской церкви, и четыре к югу. Имелись свои мельницы и в Савеловке. Их было всего две, они располагались неподалеку от барской усадьбы к западу от совр. ул. Савеловская.

На эпоху отмены крепостного права приходится и появление первых образовательных учреждений в Клекотках – церковно-приходских школ. По сообщению «Тульских епархиальных ведомостей», на 1 (13) января 1862 г. в селе действовали «две школы», в которых местный священник П.П. Руднев и дьякон Селезнев обучали 30 мальчиков и 2 девочек². Итоги кратковременного существования первой клекотковской школы подвело следующее сообщение того же издания: «В селе Клекотках училище иногда помещалось в домах духовенства, а иногда в крестьянском доме, и существовало с сентября 1861 г. по апрель 1866 г.; обучалось ежегодно от 8 до 32 мальчиков; обучением занимались в некоторые годы священник Петр Руднев и диакон Василий Селезнев безвозмездно, а в некоторые годы наемные учителя под наблюдением священника»³.

С отменой крепостного права по Манифесту от 19 февраля 1861 г. зависимость крестьян от помещиков полностью не исчезла. Бывшие крепостные получали землю не в собственность, а в аренду с правом последующего выкупа. Полноправным собственником землепашец становился только после погашения всех выкупных платежей, причем не только за свой надел, но и за землю бывшего помещика. До выкупа себя и своей семьи крестьянин оставался на положении временнообязанного. К 1866 г. в «селе Клекотки» насчитывалось несколько самостоятельных сельских обществ временнообязанных крестьян, ранее принадлежавших 9 разным помещикам, а также бывших государственных крестьян. Все мужское население села составляло 408 душ.

Бывших крепостных князя Дмитрия Николаевича Кропоткина насчитывалось 70 человек. Они являлись оброчными крестьянами и обрабатывали 175 десятин 800 саженой земли (191, 56 га). На 1 января 1867 г. каких-либо недоимок за ними не числилось.

35 человек были временнообязанными оброчными крестьянами помещицы Прасковьи Федоровны Селезневой. Они обрабатывали 96 десятин 600 саж. (105,16 га) земли. На 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка «по прочим сборам» в сумме 53 коп.

52 человека были временнообязанными оброчными крестьянами отставного гвардии подпоручика Алексея Федоровича Страхова, младшего брата и наследника упоминавшихся выше Д.Ф. и П.Ф. Страховых. На их долю приходилось 143 десятины (156,23 га) земли. На 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка «по прочим сборам» в сумме 43 коп.

Временнообязанных оброчных крестьян княгини Гагариной насчитывалось 84 человека. На них приходилась 231 десятина (252,38 га) земли. На 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка «по прочим сборам» в сумме 71 коп.

¹ Памятная книжка по Тульской губернии на 1893 год. – Тула, 1893. – Отдел I, С. 78.

² Тульские епархиальные ведомости, № 13 (1 июля 1862 г.). – С. 12.

³ Тульские епархиальные ведомости, № 14 (15 июля 1867 г.). – С. 464.

Жили в селе и бывшие крепостные потомков участников «литературного процесса 1827 года», в частности, 5 издельно-оброчных крестьян помещицы Максимовой. Площадь их земли составляла всего 1200 саженой (0,55 га). На 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка «по прочим сборам» в сумме 6 коп.

40 крепостных до 1861 г. принадлежало майору Николаю Евстафьевичу Зорину (Зарину). После освобождения они стали временнообязанными оброчными крестьянами своего бывшего помещика. Они обрабатывали 110 десятин (120,18 га) земли. На 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка «по прочим сборам» в сумме 33 коп.

На 9 временнообязанных оброчных крестьян коллежского асессора Николая Петровича Никитина приходилась 21 десятина 422 сажени (23,14 га) земли. На 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка «по прочим сборам» в сумме 29 коп.

До 1861 г. в Клетотках проживали 27 крепостных слабоумного князя С.Н. Долгорукова, владельца огромного имения с усадьбой в селе Нагиши. К концу 1860-х гг. они также оставались временнообязанными оброчными крестьянами. Площадь их земли составляла всего 39 десятин 1009 саженой (43,07 га). На 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка «по прочим сборам» в сумме 12 коп.

Наконец, в селе также проживало 257 бывших государственных крестьян. Они обрабатывали более 755 десятин (824,87 га) земли. На 1 января 1867 г. каких-либо недоимок за ними не числилось¹.

«Ведомость о церквях Тульской епархии» сообщает, что в начале 1860-х гг. причт Богоявленской церкви села Клетоток состоял из 4 человек. Количество приписанной к храму земли составляло 33 десятины (36,05 га). В приходе числилась 751 душа мужского пола². В 1866 г. церковным старостой Богоявленской церкви был храмоздатель-помещик А.Ф. Страхов³. В том же году «Епифанского уезда села Кликоток церковный староста подпоручик Алексей Страхов» был «всемилоостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени за заслуги по духовному ведомству»⁴.

«2 (14) августа 1864 г. по инициативе Святейшего Синода был принят закон об устройстве приходских попечительств при православных церквях. Закон разрешал открывать церковные попечительства, по сути являвшиеся благотворительными обществами, «постепенно, и по мере удобств и надобности». Создавались попечительства с целью заботы о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви, начальном обучении детей, а также благотворительных деяний в рамках прихода»⁵. В 1867 г. такое попечительство появилось и в приходе Богоявленской церкви в Клетотках. «Тульские епархиальные ведомости» опубликовали следующий «приговор» клетотковских прихожан: «1867 г., апреля 10 (22) дня, мы, нижеподписавшиеся, Епифанского уезда села Клетоток приходские люди, казенные и временнообязанные крестьяне, быв располагаемы местным отцом благочинным и нашего села священником к заведению у нас попечительства, по предварительному между собою совещанию вознамерились учредить оное в нашем приходе, но к открытию его не приступали. 4 (16) сего апреля, в день памяти чудесного спасения жизни нашего возлюбленного монарха, собравшись в храм для принесения Господу Богу благодарственной молитвы и по

¹ По данным имеющегося в распоряжении авторов неидентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

² Памятная книжка Тульской губернии. – Тула, 1864. – Отдел IV, С. 50.

³ Тульские епархиальные ведомости, № 4 (15 февраля 1866 г.). – С. 48.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 24 (15 декабря 1866 г.). – С. 322.

⁵ Якубсон Е.В. Церковно-приходские попечительства Тульской губернии в конце XIX – начале XX века. // Тульский краеведческий альманах. – 2008. – С. 50.

выслушании поучения, в котором наш отец духовный советовал нам ознаменовать сей достопамятный день каким-либо добрым делом и именно указал на заведение приходского попечительства как многополезного для нас и удобного воле государя императора; по выходе из храма единодушно согласились, согласно высочайше утвержденному Положению, приступить к открытию попечительства. Председателем попечительства с общего согласия избрали старосту церковного отставного подпоручика Алексея Феодоровича Страхова; неперменными членами: приходского священника Петра Руднева и нашей Клекотковской волости старшину казенного крестьянина Аристарха Жердева; временными членами села Клекоток неслужащего дворянина Парфена Исаева Першина, казенных крестьян Ивана Нечаева, Николая Яковлева, Евстратия Никитина, Василия Евтеева, Димитрия Алексеева; временнообязанных крестьян: Савелия Егорова, Ивана Варфоломеева, Андрея Михайлова, Ивана Пантелеева, сельца Савеловки Ефрема Моисеева, Андрея Васильева, Афанасия Филиппова, Степана Степанова и деревни Таболи бывшего дворового человека Афанасия Смолкина и временнообязанного крестьянина Димитрия Иларионова – людей самых честных и добросовестных. Мы же с своей стороны обязуемся выполнять все законные постановления, какие по усмотрению членов окажутся нужными и полезными. Срок службы временным членам определяем трехгодичный. – Приговор сей подписан 82 лицами и 15 (27) мая утвержден следующею резолюциею Его Преосвященства: «Приговор сей утверждается с призыванием благословения Божия на председателя и членов попечительства и на подлежащий им труд во благо общее»¹.

В 1870 г. «Тульские епархиальные ведомости» сообщили о том, что «по благословиению Его Преосвященства» местный благочинный освятил «обновленный придельный Елифанского уезда в селе Клекотках [храм] во имя Св. Богоотец Иоакима и Анны»².

В 1860–1870-х гг. село Клекотки не раз упоминалось на страницах главной газеты губернии – «Тульских губернских ведомостей». События из хроники происшествий, официальные документы, статистика по торговым оборотам базаров и ярмарок – все это создает достаточно полную картину жизни села в годы реформ Александра II.

Накануне Крестьянской реформы 1861 г. от имени мирового посредника Веневского, Елифанского, Каширского и Алексинского уездов артиллерии поручика Янькова было опубликовано обращение к владельцам земельных дач в уезде с просьбой «прислать отзывы о согласии или несогласии подписать полюбовные сделки» с выходящими из крепостной зависимости крестьянами. Из «гг. владельцев сельца Кликоток, Савеловки тож» приглашались Алексей Федорович Страхов, Софья Ильинична Грасс, Прасковья Федоровна Селезнева и князь Николай Петрович Кропоткин³.

Весной 1864 г. в «Тульских губернских ведомостях» появилось следующее объявление: «О вызове к слушанию решений. В Елифанский уездный суд: майор Козьма Никифоров Алтухов, крестьяне его Иван Сергеев, Сергей Иванов, сын его Трафим Сергеев, жена Александра, дети их Федот, Пелагея, Евдокия и Евдокия Трафимовы по делу об утверждении его, Алтухова, в правах на наследство к имению, оставшемуся после смерти родителя его однодворца Никифора Борисова Алтухова, состоящему Елифанского уезда в селе Кликотках»⁴.

Судебная хроника лета того же года сообщала: «В Елифанском уездном суде совершена купчая крепость от жены капитанармуса Анисьи Никитиной Рудневой на продание ею исклю-

¹ Тульские епархиальные ведомости, № 13 (1 июля 1867 г.). – С. 403–405.

² Тульские епархиальные ведомости, № 1 (1 января 1870 г.). – С. 26.

³ Тульские губернские ведомости, № 1. – 1860. – 2 января.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 15. – 1864. – 11 апреля.

ченному из военного ведомства Матвею Васильеву Чигринову 1719 саженой пахотной земли, состоящей Елифанского уезда при селе Кликотках в урочище Лознигах ценою за 25 р.»¹

К этому же году относится опубликованная главной губернской газетой информация о ярмарке в Клекотках, позволяющая судить о том, что она собой представляла в рассматриваемую эпоху. Раздел «О ярмарках» сообщал: «В село Кликотки Елифанского уезда 15 сентября на Никитскую ярмарку было привезено товара красного, ситцу, шалей, платков, нюхотного табаку, луку и морквы, арбузов, яблок, кадушек, разного железного изделия – всего на 3170 р., а продано на 2055 р.»²

Появившаяся в печати летом 1866 г. заметка гласила: «Купчая крепость явлена в Елифанском уездном суде. От коллежского секретаря Филиппа Аникеева Козьякова на проданные им подпоручику Алексею Федорову Страхову 5 дес. пахотной и луговой земли, состоящие Елифанского уезда при селе Кликотках ценою за 250 р.»³ В том же выпуске газеты сообщалось еще о 6 десятинах земли при селе, проданных Ф.А. Козьяковым А.Ф. Страхову за 300 руб.

С началом практической деятельности по внедрению в Тульской губернии положений Судебной реформы 1861–1864 гг. «Тульские губернские ведомости» опубликовали список лиц, имеющих право быть избранными присяжными заседателями. В категории «владеющие землей в количестве не менее 100 дес. или другим недвижимым имуществом ценою не менее 500 руб.» в нем упомянут клекотковский помещик А.Ф. Страхов⁴. В списке присяжных заседателей, избранных на следующий 1867 г., упоминается один из местных крестьян. Исполнять эти функции во второй четверти года должен был «крестьянин Кликотковской волости Филипп Харитонов Поликарпов»⁵.

Раздел «О происшествиях по губернии в 1-й пол. ноября 1866 г.» сообщал: «В г. Елифани и в с. Клекотках и в д. Казановке появилась на людях болезнь горячка, к прекращению коей приняты должные меры»⁶.

В первых числах нового 1868 г. главная губернская газета опубликовала следующее официальное объявление: «Тульской губернской земской управою постановлением губернского земского собрания 7-го минувшего ноября утверждены существующие издавна без надлежащего разрешения следующие ярмарки и торжки: в г. Елифань – Никольская с 1 по 9 мая; Ивановская 29 августа. В Елифанском уезде: в с. Бучалках – Тихоновская трехдневная, в с. Никольском – Троицкая, в с. Нагишах – Смоленская, в с. Кликотках – Никитская, в с. Хованщине – Троерученская, в с. Троицком – Троицкая»⁷.

Хроника происшествий за 2-ю пол. января 1868 г. информировала: «Еп[ифанского] у[езда] с[ела] Кликоток крестьянин Григорий Петров, 35 л[ет], 15 ч[исла] найден близ того села замерзшим»⁸.

Весной того же года в газете был опубликован для всеобщего сведения следующий документ: «Мы, нижеподписавшиеся, объявляем во всеобщее сведение, что данную в 1861 году покойною нашей матерью вдовою прапорщика Еленою Филипповой Алтуховой доверенность крестьянину Ивану Иванову Дьякову на арендное содержание 4-х дес. земли Тульской губернии Елифанского уезда села Кликоток в Алешиной даче за смертью доверительницы

¹ Тульские губернские ведомости, № 26. – 1864. – 27 июня.

² Тульские губернские ведомости, № 43. – 1864. – 24 октября.

³ Тульские губернские ведомости, № 43. – 1866. – 24 октября.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 46. – 1866. – 12 ноября.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 49. – 1866. – 3 декабря.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 51. – 1866. – 17 декабря.

⁷ Тульские губернские ведомости, № 1. – 1868. – 6 января.

⁸ Тульские губернские ведомости, № 8. – 1868. – 24 февраля.

считаем уничтоженной. Наследницы дочери Варвара Семенова Алтухова, вдова Пелагея Семенова Никитина»¹.

В том же номере газеты появился обновленный «Список землевладельцев, имеющих право участвовать в избирательных съездах по земскому учреждению». В нем перечислены следующие клекотковские землевладельцы: «Козьма Никифоров Алтухов, дворянин; Владимир Константинович Гагарин, князь; Николай Евстафьевич Зарин, майор; Кузовлев, крестьянин села Кликоток; Александра Ефимовна Нечаева, дочь штабс-капитана; Николай Петрович Никитин, коллежский ассессор»².

В 1870 г. на страницах «Тульских губернских ведомостей» впервые появилась официальная благодарность волостному старшине Клекотковской волости А.С. Жердеву за эффективную деятельность на занимаемом посту. На первой полосе газеты можно было прочесть следующее объявление: «Епифанский уездный исправник донес начальнику губернии, что крестьяне Кликотковской и Хованской волостей уплатили весь оклад податей, выкупных платежей и земских сборов 1-й пол. сего года. За такое успешное выполнение крестьянами возложенных на них денежных повинностей объявляется волостным старшинам означенных волостей признательность губернского начальства»³.

Новое сообщение об объемах торговли на Никитской ярмарке в Клекотках появилось в прессе осенью 1870 г. В разделе «О ярмарках» сообщалось: «15 сентября в с. Кликотки Епифанского уезда в день Св. великомученика Никиты на ярмарку привезено красного товара, сельских произведений, щепного и железного товаров, разных сельских припасов всего на 2005 руб., продано на 470 руб.»⁴

Деятельность А.С. Жердева на занимаемом им посту, видимо, была настолько успешной, что до конца 1870 г. он удостоился еще одного упоминания в именном распоряжении губернатора: «Епифанский уездный исправник рапортом от 2 ноября за № 794 донес мне, что по Кликотковской волости при усердном старании местного волостного старшины Жердева подати и все повинности за 2-ю пол. сего года взысканы и окончательно внесены в Епифанское уездное казначейство. За таковое успешное взыскание по означенной волости денежных сборов за 2-ю пол. сего года объявляю старшине упомянутой волости совершенную мою благодарность. Губ[ернатор] Арсеньев»⁵⁶.

Случались в Клекотках и обычные для сельской местности в рассматриваемую эпоху события. О них красноречиво свидетельствуют заметки в декабрьском выпуске газеты за 1870 г.: «Епифанского уезда к крестьянину села Кликоток г. Страхова Филиппу Иванову убежала лошадь – кобыла рыжей масти, 3 лет, росту небольшого, грива на правую сторону, задняя нога от щетки до копыта белая»⁷. «6 декабря Епифанского уезда в селе Кликотках в 12 ч. дня от неизвестной причины сгорел дом с надворными постройками, принадлежащий крестьянину названного села Федоту Ермилову. Убыток неизвестен»⁸.

¹ Тульские губернские ведомости, № 20, – 1868. – 18 мая.

² Там же.

³ Тульские губернские ведомости, № 10. – 1870. – 7 марта.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 43. – 1870. – 26 сентября. После этого сообщения «Тульские губернские ведомости» на протяжении нескольких лет публиковали отчеты о торговом обороте на еженедельных базарах в Клекотках.

⁵ Арсеньев Юлий Константинович (1818–1873) – тайный советник, Смоленский губернатор в 1861–1862 гг., Олонецкий губернатор в 1862–1870 гг., Тульский губернатор в 1870–1873 гг.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 55. – 1870. – 7 ноября.

⁷ Тульские губернские ведомости, № 69. – 1870. – 23 декабря.

⁸ Там же.

В 1871 г. клетковский волостной старшина А.С. Жердев заслужил очередную благодарность губернского начальства. В газетах сообщалось: «Тульское губернское по крестьянским делам присутствие, во внимание к ревностной и усердной службе волостных старшин: [...] Епифанского уезда Кликотковской волости – Аристарха Жердева [...] засвидетельствованной уездными мировыми учреждениями, согласно определения своего, состоявшегося 7 января с.г., объявляет [им] признательность губернского начальства. 22 марта 1871 г. Председатель Арсеньев»¹.

Хроника происшествий за 1-ю пол. мая 1871 г. сообщала: «Епифанского уезда в селе Кликотках от молнии сторел дом с имуществом и надворною постройкою, принадлежащий крестьянину того же села Дмитрию Васильеву. Убытку понесено на 350 р.»²

Летом 1871 г. «Тульские губернские ведомости» опубликовали «Список лиц, имеющих право голоса в избирательных съездах уездных землевладельцев по земскому учреждению с означением имущества». В нем упомянут ряд клетковских землевладельцев:

– княгиня Ольга Дмитриевна Гагарина. Ей принадлежало 298 десятин (325,58 га) земли при селе;

– князь Дмитрий Петрович Кропоткин. Он был собственником 419 десятин (457,77 га) земли, из которых 175¼ десятины (191,4 га) находились в аренде у крестьян;

– Нечаевы: коллежский ассессор Дмитрий, титулярный советник Юлий, Софья и Анна (дочери действительного тайного советника) Степановичи. Совместно они владели 277 десятинами (302,63) земли;

– капитанша Селезнева Прасковья Федоровна. Она была собственницей 213 десятин (232,71 га), из которых 96¼ десятины (105,2 га) находились в наделе у крестьян;

– поручица Любовь Николаевна Чернопятава. Ей принадлежали 482½ десятины (526,6 га), 117 из которых (127,82 га) сдавались в аренду крестьянам.

Кроме них участвовать в съезде уездных землевладельцев через уполномоченных имели «государственный крестьянин села Кликоток» Федор Иванович Большаков, владевший 19½ десятинами (21,3 га), его односельчанин Кузовлев, собственник 17 десятин (18,6 га), дочь штабс-капитана Александра Ефимовна Нечаева, имевшая 23 десятины (25,13 га), и коллежский ассессор Николай Петрович Никитин, владевший 31¼ десятинами (34,14 га), из которых 21¼ (23,22 га) сдавались в аренду крестьянам, а также дворянин Дмитрий Исаевич Першин, в собственности у которого находилось 22¼ десятины (24,3 га)³.

В 1871 г. в третий раз состоялись выборы в Епифанское уездное земское собрание. Одним из кандидатов в гласные от сельских обществ был избран государственный крестьянин села Кликоток Иван Иванов Нечаев⁴.

«Тульские губернские ведомости» фиксировали последовательный спад торговых оборотов Никитской ярмарки. В 1871 г. газета сообщала: «15 сентября в с. Кликотки Епифанского уезда на ярмарку привезено хлеба, красного товара, щепного товара, железного изделия, сельских произведений на 1470 р., продано на 430 р.»⁵ В следующем году в село было привезено «красного товара, сельских произведений, щепного, железного товара, съестных припасов всего на 1240 р., продано на 305 р.»⁶

¹ Тульские губернские ведомости, № 22. – 1871. – 21 марта.

² Тульские губернские ведомости, № 37. – 1871. – 22 мая.

³ Тульские губернские ведомости, № 44. – 1871. – 16 июня.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 53. – 1871. – 17 июля.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 72. – 1871. – 22 сентября.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 71. – 1872. – 20 сентября.

Опубликованный главной губернской газетой «Очередной список присяжных заседателей на 1872 г.» сообщает, что исполнять эти обязанности в Епифанском уездном суде в четвертой четверти года должен был клетковский помещик А.Ф. Страхов¹.

«Список лицам, имеющим право быть избранными в мировые судьи на 3-е трехлетие по Епифанскому уезду» упоминает среди таковых клетковского землевладельца «свиты Его Императорского Величества генерал-майора Дмитрия Николаевича Кропоткина»².

В 1873 г. присяжным заседателем Епифанского уездного суда на четвертую четверть года был избран «Клиотковской волости села Кликоток крестьянин Павел Иевлевич Хлопов»³.

В 1873 г. несколько оживилась Никитская ярмарка в Клетокках. «Тульские губернские ведомости» сообщали: «15 сентября в с. Кликотки Епифанского уезда на ярмарку привезено хлеба, красного товара, железа в изделия, сельских произведений, съестных произведений, приведено крупного и мелкого скота всего на 2020 р., продано на 600 р.»⁴ В 1874 г. Тульское губернское земское собрание не дало разрешения на проведение ярмарки, поэтому вместо нее был организован обычный еженедельный базар.

В 1874 г. список присяжных заседателей Епифанского уездного суда пополнился именами многих клетковцев. Исполнять эти обязанности в четвертой четверти года были избраны «Клиотковской волости села Кликоток» крестьяне Федор Иванов Большаков и Семен Александров Сапронов. Запасными присяжными выбрали коллежского асессора Дмитрия Степановича Нечаева (на вторую четверть года) и поручика Алексея Федоровича Страхова (на третью четверть года)⁵.

Летом 1874 г. гласным Епифанского уездного земского собрания на 4-е трехлетие был избран «государственный крестьянин села Кликоток Алексей Васильев Зенин»⁶. Он участвовал в работе этого органа до 1876 г.

В январе 1875 г. «Тульские губернские ведомости» напечатали следующее объявление, дающее достаточно полное представление о бесхитростном быте и патриархальных нравах эпохи: «Епифанское уездное полицейское управление вызывает владельцев платка, оставшегося при краже из церкви села Кликоток Епифанского уезда. Платок этот ветхий, белесый с красными крапинками, коймы с красными цветами, середина его разорвана»⁷.

Присяжными заседателями уездного суда на 1875 г. была избрана группа клетковских крестьян: Фрол Иванов Зенин, Иван Иванов Нечаев, Егор Алексеев Ишутин, Козьма Васильев Руднев, Иван Васильев Егоров, Степан Иванов Наумов. Все они должны были исполнять возложенные на них функции в первой четверти года⁸.

Любопытную бытовую картинку дает опубликованная в губернской газете «Хроника происшествий по городу Туле» за сентябрь 1875 г. В ней сообщается о следующем криминальном эпизоде: «7 сентября крестьянка Епифанского уезда села Кликоток Василиса Николаева Зенина заявила 2-й [полицейской] части, что в ночь под означенное число она с неизвестной ей женщиной, называвшею себя Марьей, будто бы одного с ней уезда, приехала в г. Тулу по железной дороге и остановилась в нумерах Киселева, где неизвестная та женщина, похитив

¹ Тульские губернские ведомости, № 19. – 1872. – 11 марта.

² Тульские губернские ведомости, № 53. – 1872. – 15 июля.

³ Тульские губернские ведомости, № 1. – 1873. – 3 января.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 71. – 1873. – 22 сентября.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 2. – 1874. – 5 января.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 44. – 1874. – 1 июня.

⁷ Тульские губернские ведомости, № 2. – 1875. – 4 января.

⁸ Тульские губернские ведомости, № 9. – 1875. – 29 января.

у нея мешок с вещами и деньгами на сумму 13 руб., скрылась. К розыску женщины Марьи приняты меры»¹.

В 1876 г. присяжными заседателями Епифанского уездного суда были избраны клекотковские крестьяне Григорий Кузьмин (на первую четверть года), Астафий Николаев (на вторую четверть года) и Борис Исаев (на третью четверть года)².

9 (21) июля 1875 г. в селе Клекотки скончался помещик А.Ф. Страхов. Он был погребен на кладбище при построенной на его пожертвования деревянной Богоявленской церкви. Полгода спустя в «Тульских губернских ведомостях» появилось следующее объявление: «Епифанского уезда мировой судья 3-го участка³ на основании 1401 ст. Уст. гр. суд. вызывает наследников умершего подпоручика Алексея Федоровича Страхова предъявить в срок, установленный 1241 ст. 10 т. 1 ч. права свои на оставшееся после него недвижимое имение, находящееся в селе Кликотках Епифанского уезда и заключающееся в 215 десятинах (234,9 га) земли»⁴.

Хроника происшествий за сентябрь 1876 г. сообщала в разделе «Найденные смертные тела»: «Епифанского уезда села Кликотки крестьянин Андрей Котьяков, 42 лет, 17 сентября найден мертвым в колодеце. Дознание обнаружило, что Котьяков, идя в нетрезвом виде, упал в колодец и утонул»⁵.

В 1869 г. началось строительство ветки Вязьма-Павелец Рязско-Вяземской железной дороги. Ее полотно пролегло в одной версте к северу от села Клекотки. Первый поезд по новой трассе прошел 16 декабря 1874 г. В 1876 г. источники впервые упоминают «железнодорожную станцию Клекотки Рязско-Вяземской железной дороги»⁶. В это время, очевидно, был создан архитектурный ансамбль станции, состоявший из деревянного станционного павильона⁷, трех барakov для работников железной дороги⁸ и служебных сооружений железнодорожной инфраструктуры.

Появление железнодорожной станции сделало Клекотки важным транспортным узлом местного значения. Это потребовало качественного улучшения ведущих в село дорог. В ходе сентябрьской 1875 г. сессии Епифанского уездного земского собрания было принято решение ассигновать 300 рублей на перестройку моста в селе Клекотки с прилегающими к нему гатями⁹. На следующем заседании епифанского земства был представлен доклад «об устройстве управою на проселочной дороге между селами Кликотками и Нагишами моста и о шоссировании дороги на протяжении 29 сажень, при этом приложен особый отчет, из которого видно, что вся эта работа стоила земству 299 р. 95 к.»¹⁰ В последующие годы дорога между селами была шоссирована на средства земства и упоминается в источниках конца XIX – начала XX вв. под названием «Клекотковское шоссе»¹¹, одной из десяти земских шоссейных дорог Тульской губернии.

В начале 1870-х гг. в Епифанском уезде активно развивалось табаководство. Клекотковская волость занимала лидирующую позицию по выращиванию амерсфортского сорта табака (махорки) – в ней насчитывалось 156 табачных плантаций, совокупная площадь которых

¹ Тульские губернские ведомости, № 66. – 1875. – 16 августа.

² Тульские губернские ведомости, № 9. – 1876. – 31 января.

³ В 1876 г. эту должность занимал И.И. Раевский.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 30. – 1876. – 14 апреля.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 87. – 1876. – 30 октября.

⁶ Памятная книжка по Тульской губернии на 1876 год. – Тула, 1876. – Отдел III, С. 310.

⁷ Сгорел в ходе боевых действий в декабре 1941 г.

⁸ Сохранились до наших дней.

⁹ Тульские губернские ведомости, № 78. – 1875. – 27 сентября.

¹⁰ Тульские губернские ведомости, № 80. – 1876. – 6 октября.

¹¹ Статистические сведения о Тульской губернии за 1897 год. // Памятная книжка по Тульской губернии на 1899 год. – Тула, 1899. – Отдел V. – С. 31.

составляла 50 десятин (54,62 га). В 1870 г. крестьяне волости собрали 2500 пудов (40 т) табачного листа. Однако ввиду удаленности от места переработки его цена оказалась невысокой – 75 к. за пуд¹. В небольшом количестве табак для промышленного производства выращивался в Клеткотковской волости вплоть до 1910-х гг., когда был вытеснен более выгодными для крестьян культурами, в частности – мятой и свекловицей.

В середине 1870-х гг. уездное земство активно способствовало превращению традиционных Никитских ярмарок в Клеткотках из однодневных в трехдневные. Этому вопросу был посвящен специальный доклад, представленный на заседании 6 сентября 1875 г. Его участники «слушали заявление гласного Зенина, поддерживаемое гласным Раевским², относительно ярмарки в Клеткотках. По мнению их, Зенина и Раевского, следует возобновить ходатайство о разрешении 3-хдневной ярмарки в Клеткотках с 13 по 15 сентября включительно, так как таковая уже десятки лет существует, следовательно, вызывается местными потребностями, какового обстоятельства губернское земское собрание, не разрешившее в прошлом году открытие ярмарки, не имело в виду. Постановлено: поручить управе ходатайствовать об открытии в Клеткотках ежегодной трехдневной ярмарки с 13 до 15 сентября включительно»³. В 1876 г. такое разрешение было получено, о чем было доложено Елифанскому уездному земскому собранию на его заседании 1 сентября⁴.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Клеткотках, «бывшем селе владельческом и государственном», насчитывалось 212 дворов и 1485 жителей. В населенном пункте размещалось волостное правление, 9 лавок, 2 постоянных двора, базар. По-прежнему проводились ежегодные Воздвиженские ярмарки. С 1881 г. в селе действовали 2 земские школы: одна для мальчиков, а другая для девочек⁵.

В 1880-х гг. на станции Клеткотки делали обязательную 6-минутную остановку оба курсировавших между Ряжском и Вязьмой почтовых поезда: № 3 (вечерний) и № 4 (утренний)⁶. Ок. 1891–1895 гг. начальником станции Клеткотки Сызрано-Вяземской железной дороги служил «мещанин Матвей Семенович Лунеев». Помощником его в эти же годы числился «запасной фельдшер Василий Михайлович Смиринский». Обязанности товарного кассира исполнял «запасной телеграфист Николай Иосифович Вышелесский»⁷.

Исследование М.Т. Яблочкова «О состоянии садоводства и огородничества в Тульской губернии (в 1891 году)» сообщает, что в это время Клеткотки являлись одним из оазисов садоводства в волости, крестьяне которой вообще не разводили садов. В селе процветал плодовый сад княгини Ольги Александровны Кропоткиной, насчитывавший 1300 деревьев. Его годовая аренда оценивалась в 500 руб.⁸

В 1891 г. в Клеткотковской волости насчитывалось 3 селения, 1 церковь и 3 школы. В ее селах и деревнях в общей сложности было 397 крестьянских и 45 некрестьянских дворов. Крестьянское население волости составляло 1790 мужчин и 1811 женщин (всего – 3601 чел.), некрестьян-

¹ Памятная книжка по Тульской губернии на 1872 год. – Тула, 1872. – Отдел III. – С. 393.

² Раевский Иван Иванович (1833–1891) – коллежский секретарь, помещик Тульской и Рязанской губерний, общественный и земский деятель.

³ Тульские губернские ведомости, № 78. – 1875. – 27 сентября.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 80. – 1876. – 6 октября.

⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 76.

⁶ Памятная книжка по Тульской губернии на 1882 год. – Тула, 1882. – С. 130–131.

⁷ Памятная книжка по Тульской губернии на 1891 год. – Тула, 1891. – С. 122.

⁸ Яблочков М.Т. Исследование состояния садоводства и огородничества в Тульской губернии / Памятная книжка Тульской губернии на 1892 год. – Тула, 1892. – Отд. VI. – С. 30–31.

ское – 137 мужчин и 156 женщин (всего 293 чел.). Таким образом, всего в Клетковской волости проживали 3894 человека¹. Она относилась к группе наименее населенных в Елифанском уезде и в рамках местной административной реформы в 1891 г. была объединена с Петрушинской. Новообразованная волость получила название Клетковско-Петрушинской. Возглавил ее клетковский волостной старшина А.С. Жердев. В 1892 г. в ней насчитывалось 10 селений, 2 церкви и 7 школ. Число крестьянских дворов в селах и деревнях волости возросло до 1019, некрестьянских – до 51. Крестьянское население волости отныне составляло 4090 мужчин и 4100 женщин (всего – 8190 чел.), некрестьянское – 168 мужчин и 199 женщин (всего 367 чел.). Всего же в Клетковско-Петрушинской волости в первый год ее существования проживало 8557 человек. Крестьяне волости обрабатывали 5674 десятины земли (6199,07 га).

Ок. 1862–1894 гг. в Богоявленской церкви села Клетки служил священник Петр Павлович Руднев, пользовавшийся уважением сельчан и епархиального начальства. 3 апреля 1876 г. указом императора Александра II он был пожалован скуфьей «за отличную епархиальную службу»². В 1882–1894 гг. П.П. Руднев был благочинным 2-го округа Елифанского уезда.

К началу 1890-х гг. относится один из наиболее интересных эпизодов в истории села, связанный с пребыванием в нем великого русского писателя Л.Н. Толстого. Во время голода, охватившего в 1891–1893 гг. ряд центральных губерний России, Л.Н. Толстой неоднократно приезжал и подолгу жил в усадьбе Бегичевка Данковского уезда Рязанской губернии³, принадлежавшей его другу И.И. Раевскому. Оттуда он координировал работу своих последователей по организации помощи голодавшим в Елифанском и Данковском уездах. Как показывают дневники Л.Н. Толстого и его близких, станция Клетки была в этих поездках наиболее удобным местом пересадки на пути из Тулы или обратно.

Впервые Клетки упоминаются в дневниковой записи писателя от 25 сентября (8 октября) 1891 г.⁴ Двумя днями ранее Л.Н. Толстой прибыл в Елифанский уезд с первой ознакомительной поездкой. 23–24 сентября он исследовал ситуацию с голодом в ближайших от уездного города деревнях. В эти дни граф останавливался в доме земского деятеля Р.А. Писарева в Елифани. В Клетках, похоже, он пришел к мысли о том, что на роль «главного центра» по оказанию помощи голодающим лучше подходит Бегичевка.

В следующий раз Л.Н. Толстой приехал в Клетки 26 октября (7 ноября) 1891 г. вместе с дочерьми Татьяной и Марией, племянницей Верой Кузьминской, а также сопровождавшей их горничной Марией Кузнецовой. Атмосферу этого дня сохраняют бесхитростные воспоминания М.К. Кузнецовой, опубликованные в 2002 г. в Канаде. Много лет спустя в ее памяти удивительно точно сохранялись подробности этого дня. «Мы незаметно как доехали до станции Клетки, где нам нужно было слезать и ехать еще 40 верст на лошадях. Было 7 часов, когда мы слезли с поезда. Шел маленький дождь. Хоть лошади были высланы, но Лев Николаевич отказался ехать ночью, и мы остались ночевать на постоялом дворе. Подъезжаем к постоялому двору. Нас встретил пожилой мужчина лет 50. Он низко раскланялся с Графом и барышнями, попросил их в залу. Тут уже готов был самовар. Лев Николаевич куда-то вышел, но скоро вернулся и говорит: «Я сказал кучеру, что мы завтра часов в 8 выедем, да так мне, пожалуйста, сварите кофе».

Я стала разбирать вещи и готовить все для кофе. Мария Львовна начала варить кофе. Входит Граф: «Ну как, готов?» – «Сейчас, папá». – «Я буду находиться рядом в комнате, и

¹ Памятная книжка по Тульской губернии на 1891 год. – Тула, 1891. – Отдел III. – С. 18–19.

² Тульские губернские ведомости, № 48. – 1876. – 16 июня.

³ Ныне в Липецкой области.

⁴ Толстой Л.Н. ПСС. – т. 52: Дневники и записные книжки, 1891–1894. – М.; Л.: Гос изд-во, 1952. – С. 470.

кофе туда мне. А рукописи мои далеко?» Я с Татьяной Львовной скорее стала разбирать чемодан и искать рукописи. Рукописи были достаты, и Мария Львовна понесла кофе и рукописи в комнату Льва Николаевича. Мы все стали пить чай и после чаю скоро улеглись спать. Татьяна Львовна легла на диване, Мария Львовна, Вера Александровна и я попросту легли на полу. Утром мы рано встали. Я опять уложила все вещи в чемоданы. И напившись чаю, мы поехали туда, где ожидали Льва Николаевича голодающие. Эта местность называлась селцо Бегичевка Тульской губернии Скопинского уезда¹. Когда мы выехали из Клекоток, изредка попадались деревушки. Доехали до имения Самарина², где Лев Николаевич с дочерьми остановился завтракать. Они наскоро позавтракали, и мы поехали дальше. Здесь уже ни деревень, ни церквей, одна глухая степь. Кое-где виднелись ветряные мельницы. Доехали до реки Дона, и нам первый показался хутор помещиков Раевских. Мы спустились к мосту, тихо проехали по мосту, поднялись опять в гору. Тут уже показалось нам селцо Бегичевка с большим деревянным господским домом. Это и было имение Раевских»³.

Совсем другие впечатления от пребывания в Клекотках сохранила для нас дневниковая запись дочери писателя Т.Л. Толстой от 29 октября (10 ноября) 1891 г., сделанная в Бегичевке: «Третьего дня приехали мы на станцию Клекотки, и так как была метель, то мы там переночевали на постоялом дворе.

Вечером на меня напала тоска, беспокойство за мамá и жалость к ней и беспокойство за папá. Он кашлял и у него был насморк, и от вагонной жары он совсем осовел и тоже был уныл и мрачен.

Я написала письмо мамá, пошла на станцию его опускать, и темная ночь, ветер, который распахивал и рвал с плечей шубу, еще более навел на меня тоску. И обстановка угнетательно подействовала на меня: гадкие олеографии на стенах, безобразная мебель и обои, глупые книги. Я думала с замиранием сердца, что есть же на свете Репин, буду же я опять жить так, что все, что есть нового, интересного – все папá, и мы будем видеть, пользоваться этим и еще тем, что все это будет нам объяснено и, как на подносе, поднесено папá.

Утром меня утешило то, что было тепло и тихо, и папá приободрился.

В девять часов мы выехали. Папá, Иван Иванович и старуха, которую они подвозили, – в одних санях, а мы: Маша, Вера и я и Мария Кирилловна – на другой, самаринской тройке.

Снегу чуть-чуть, и тот ветром весь сметен в лощины. Лошади наши измучились ужасно, и мы устали от толчков, от жары, потому что мы оделись, как самоеды, так что мы в этот день ничего не сделали»⁴.

Сам Л.Н. Толстой описал свое путешествие в письме жене от 29 октября 1891 г. довольно лаконично: «Нас с билетами 3-го класса посадили во 2-й. <...> Жара страшная, и мы все осовели от нее. На Клекотках простились с Левой и Поповым и нашли две тройки в санях за нами. Ехать решили что нельзя, п[отому] ч[то] шел снег с ветром, и ночевали не дурно в беденьк[ой], но не очень грязной гостиннице. Девочки так ухаживают за мной, так укладывали все, так старательны, что только можно желать уменьшения, а не увеличения заботы <...> Рано утром поднялись, но выехали в 10. Ехали хорошо, тепло...»⁵

¹ В действительности Данковского уезда Рязанской губернии.

² Имеется в виду село Молоденки, ныне в Кимовском районе Тульской области.

³ Кузнецова М.К. 12 лет в доме графа Л.Н. Толстого / Из архива Н.Н. Гусева. Новые материалы о Толстом. – Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого – М.; Оттава, 2002. – С. 216.

⁴ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 196–197.

⁵ Толстой Л.Н. ПСС – т. 66 – М.; Л.: Гос изд-во, 1953. – С. 74.

Гуманитарная деятельность Л.Н. Толстого «на голоде» не встречала понимания церковных властей. Иерархи подозревали, что под видом помощи голодающим будет проводиться пропаганда в народе толстовского учения, признававшегося церковью вредным заблуждением.

В один из воскресных дней начала марта 1892 г. в битком набитом зале ожидания 2-го класса на станции Клековки один из авторитетных священников Тульской епархии выступил с жесткой проповедью против толстовцев. Свидетелем ее стал шведский журналист Юнас Стадлинг, приехавший к Л.Н. Толстому в Бегичевку. В своей статье «С Толстым на голоде в России» он по ошибке назвал выступавшего «епископом». Но это не мог быть архиепископ Тульский и Белевский Никандр (Покровский), не выезжавший в те дни из Тулы. Скорее всего, к собравшимся обращался либо местный благочинный – священник Богоявленской церкви села Клековки Петр Руднев, либо попечитель Красного Креста в Епифанском уезде о. Иоанн Покровский, настоятель Введенского храма села Прони.

В самых суровых выражениях проповедник клеймил Л.Н. Толстого как «антихриста, соблазняющего людей такой мирской тщетой, как еда, одежда и дрова». Он предостерегал крестьян от общения с опасным благотворителем и заверил, что православная церковь достаточно сильна, чтобы «изничтожить антихриста и его работу».

Ю. Стадлинг позднее вспоминал, что собравшиеся на станции окрестные жители были озадачены строгим внушением священника: «бедные мужики перепугались и не знали, что делать». В то же время он отметил запомнившуюся ему реакцию одного из бедняков на прозвучавшую проповедь. «Если Господь, – говорил тот, – похож на своих слуг – попов и чиновников, которые притесняют и мучают нас, и если антихрист – это такой человек, как Толстой, который бесплатно кормит нас и наших детей, тогда я лучше буду принадлежать антихристу и пошлю своих голодающих детей в его столовую»¹.

В свои последующие приезды в Бегичевку Л.Н. Толстой постоянно проезжал через Клековки, но в селе уже не останавливался. 14 (26) апреля 1892 г. он писал своей супруге С.А. Толстой из Бегичевки: «В Клековки доехали благополучно и так заторопились уехать поскорее, что не успели написать тебе. Ехали хорошо, но в темноте долго, сбились с дороги...»² В следующий раз писатель побывал в Клековках 3 (15) июня 1892 г. Со станции почтой он отправил жене короткое письмо: «Доехали благополучно до Клекот[ок]. Лошади Раевских везут. Напиши поскорее...»³

По письмам Л.Н. Толстого известны еще два его приезда в Клековки – 6 (18) февраля и 11 (23) июля 1893 г. Можно предположить, что и при всех возвращениях из Бегичевки в Ясную Поляну в 1892–1893 гг. граф также проезжал через Клековки, где садился на поезд, следовавший в Тулу.

В периоды пребывания в Бегичевке Л.Н. Толстой активно пользовался почтовым отделением станции Клековки при отправке и получении корреспонденции. Письма ему присылали и на более близкую к имению Раевских железнодорожную станцию Чернава, но в этом случае, по наблюдению самого писателя, они шли дольше. В Клековках поверенные графа получали и направлявшиеся на его имя грузы – в основном зерно для голодающих. В переписке Л.Н. Толстого в этой связи часто упоминается станционный ссыпщик хлеба Григорий Алексеевич Ермолаев.

В начале 1892 г. архиепископом Тульским и Белевским Никандром был утвержден список членов приходского попечительства Богоявленской церкви в Клековках на новое трехлетие.

¹ Стадлинг Ю. С Толстым на голоде в России / Прометей, вып. 10 – М.: Молодая гвардия, 1980. – С. 321–322.

² Толстой Л.Н. ПСС. – Т. 66 – М.; Л.: Гос изд-во, 1953. – С. 201.

³ Там же. С. 224.

В нем упомянуты следующие «лучшие люди» Клекотковско-Петрушинской волости: «председателем – местный помещик коллежский советник Павел Петрович Перцев; непременными членами: священник Петр Руднев, волостной старшина казенный крестьянин Аристрах Жердев и церковный староста крестьянин-собственник Владимир Бобров; временными членами: губернский секретарь Петр Петрович Перцев, неслужащий дворянин Матвей Исаевич Першин, казенные крестьяне Егор Ишутин, Алексей Дьяков, Евстафий Алухов, Прохор Дьяков; крестьяне-собственники: Иван Саженов, Даниил Евсеев, Афанасий Филиппов и Андрей Зотов¹».

В 1895 г. в свет вышел сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей», в которой дано следующее описание села по состоянию на начало 1890-х гг.: «Село Клекотки расположено на ровной, открытой местности в 1 версте от названной по его имени станции Клекотки Сызрано-Вяземской железной дороги. Оно отстоит от Тулы в 106 вер. и от г. Епифани на 22 версты. Около села протекает речка Клекотка, от которой и само село, вероятно, получило свое название»². Описав деревянную Богоявленскую церковь, П.И. Малицкий продолжает: «В 1888 г. рядом с этим храмом с его северной стороны выстроена была каменная колокольня – частью на церковные средства, а частью на средства прихожан. А в 1891 году рядом с каменной колокольней начата была постройка нового каменного храма тщанием помещика сельца Писаревки г. Перцева³. В 1894 г. наружная постройка трапезной уже окончена, но внутри она еще не отделана. Новый храм будет освящен во имя Богоявления Господня, и при нем предполагаются два придела: один – во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а другой – во имя великомученика Никиты. На содержание храма есть капитал 1128 руб. Причт состоит из священника, диакона и псаломщика»⁴.

Интересно отметить, что основной объем Богоявленской церкви в Клекотках, освященной в 1899 г., явно вдохновлен архитектурными формами Благовещенской церкви, возведенной в 1844–1849 гг. в Санкт-Петербурге по проекту К.А. Тона⁵ и бывшей полковым храмом Лейб-гвардии Конного полка⁶. Этому есть два возможных объяснения: либо храмоздатель П.П. Перцев в молодости был офицером-конногвардейцем и пожелал таким образом увековечить свою связь с этим элитарным воинским подразделением, либо при строительстве церкви использовался «образцовый проект» К.А. Тона для сельских храмов, вдохновленный одним из произведений архитектора. Строительство храма, однако, в 1899 г. было завершено не полностью. Как сообщали в 1901 г. «Тульские епархиальные ведомости», в том году «по благословению Его Преосвященства исполняющим обязанности благочинного Епифанского 3-го округа священником Тимофеем Чернавкиным было освершено освящение придела в честь Покрова Пресвятыя Богородицы в храме села Клекоток»⁷.

В 1894–1896 гг. в Клекотках проживал земский начальник 5-го участка Епифанского уезда отставной прапорщик Евгений Петрович Протопопов. В это время крестьяне села подразделялись на следующие сельские общества: Клекотковское государственных крестьян,

¹ Тульские епархиальные ведомости, № 3. – 1892. – 1 февраля.

² Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Пересвет», 2010. – С. 178.

³ Перцев Павел Петрович (1831–1896) – помещик Епифанского уезда, владелец усадьбы при сельце Писаревке. Погребен в крыте Богоявленской церкви в Клекотках.

⁴ Приходы и церкви..., там же.

⁵ Тон Константин Андреевич (1794–1881) – русский архитектор, разработавший т.н. «русско-византийский» стиль храмового зодчества. Автор проектов Храма Христа Спасителя и Большого Кремлевского дворца в Москве.

⁶ Благовещенская церковь в Санкт-Петербурге находилась на современной площади Труда. Она была снесена в 1929 г.

⁷ Тульские епархиальные ведомости, № 9 (1 мая 1901 г.). – С. 128.

Клекотковское кн. Кропоткина, Клекотковское г. Страхова, Клекотковское г. Селезнева, Клекотковское кн. Гагариной, Клекотковское г. Зарина, Клекотковское кн. Долгорукого и Клекотковское г. Никитина¹.

С 1895 г. в Клекотках постоянно работал один из земских врачей Епифанского уезда – лекарь Павел Михайлович Савченко². В 1896 г. он возглавил организованный земством Клекотковский врачебный пункт. С 1901 г. в Клекотках действовала земская больница на 8 коек, одна из трех в Епифанском уезде. Лекарь П.М. Савченко руководил ею до 1905 г. В 1907–1916 гг. на этом посту работал земский врач Алексей Павлович Протасов.

Грузооборот и пассажиропоток станции Клекотки Сызрано-Вяземской железной дороги в рассматриваемое время неуклонно возрастали. В 1894 г. через станцию по маршруту Рязк–Вязма курсировали уже шесть поездов – пассажирские №№ 11 и 14, почтовые №№ 3 и 4 и смешанные №№ 142 и 151³. В 1892 г. через станцию прошло 1 086 594 пуда грузов (17,4 т), большую часть которых – 993 248 пудов (15,9 т) – составляло зерно. В 1893 г. эти показатели составляли уже 1 905 455 пудов (около 30,5 т) и 1 757 213 пудов (28,1 т) соответственно, в 1894 г. – 2 154 407 пудов (34,5 т) и 2 039 124 пуда (32,6 т)⁴. В 1896–1897 гг. начальником станции Клекотки служил «крестьянин Александр Николаевич Досик», в 1898–1910 гг. – «крестьянин Федор Афанасьевич Самойлов», в 1911 г. – «мещанин Дмитрий Васильевич Ланьшин», в 1912–1914 гг. – «мещанин Иван Иванович Попов», в 1916 г. – «дворянин Леонид Владимирович Олехнович», в 1917 г. – «личный почетный гражданин Александр Степанович Букотин». В 1896–1898 гг. должность первого помощника начальника станции занимал «личный почетный гражданин Николай Петрович Прозоров», в 1899 г. – «дворянин Антон Антонович Павлович». В качестве второго помощника начальника станции в 1896 г. упоминается «крестьянин Александр Петрович Минеев», в 1897–1899 гг. – «запасной сигнальщик Кузьма Александрович Бочкарев».

На рубеже XIX и XX вв. железнодорожная станция Клекотки стала настоящим очагом цивилизации. В 1894 г. при ней открылась аптека. В качестве ее провизора в 1905 г. упоминается Вольф Мовшевич Бернштейн. С 1901 г. при станции работала шасталка овса и мельница братьев Петра и Максима Ивановичей Леоновых. В 1905 г. в Клекотках действовали бакалейные лавки Петра Гавриловича Дмитриева и Федора Тимофеевича Токарева, булочная Евгении Семеновны Лезиной, лесной склад Елизаветы Андреевны Дмитриевой, мануфактурная лавка Николая Парфеньевича Каменского. Должность ссыпщика хлеба при станции все еще занимал Г.А. Ермолаев⁵. В 1907 г. открылся второй лесной склад, принадлежавший представителю известной епифанской купеческой династии Дмитрию Гавриловичу Расторгуеву. На станции Клекотки продолжало действовать почтово-телеграфное отделение. В 1907 г. в качестве его руководителя упоминается коллежский секретарь Степан Васильевич Луганский, в 1913–1916 гг. – губернский, затем коллежский секретарь Михаил Николаевич Дорофеев. С 1914 г. в Клекотках работал агент страхового отдела Губернской земской управы Борис Ефимович Евдокимов, которого в 1916 г. сменил на этом посту Василий Агафонович Кучин. Также в Клекотках в 1915–1916 гг. постоянно проживал уездный агроном Григорий Тихонович Ивашенков.

В 1902–1907 гг. в имении коллежского асессора Петра Петровича Перцева в сельце Писаревке Клекотковско-Петрушинской волости Епифанского уезда, унаследованном им после

¹ Памятная книжка по Тульской губернии на 1894 год. – Тула, 1894. – Отдел VIII, С. 28.

² Там же, Отдел II. С. 9.

³ Там же, Отдел V. С. 14–15.

⁴ Памятная книжка по Тульской губернии на 1896 год. – Тула, 1896. – Отдел V. С. 273.

⁵ Памятная книжка по Тульской губернии на 1905 год. – Тула, 1905. – Отдел IV. С. 150–151.

смерти старшего брата, существовал частный конский завод, специализировавшийся на разведении битогов и рысистых лошадей. В 1902 г. в нем насчитывалось 4 заводских жеребца и 12 маток¹.

«Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии», помещенный в IV (XIII) томе сборника «Дворянское сословие Тульской губернии», сообщает, что в 1903–1909 гг. землей при селе Клеточки владели следующие помещики:

– Авилова Лидия Алексеевна, дочь поручика – 96 десятины в 1903–1906 гг. (104,88 га), в 1909 г. значится выбывшей;

– Авилон Михаил Федорович, надворный советник – 242 десятины (264,39 га) в 1903 г., 222 десятины (242,54 га) в 1906–1909 гг.;

– князь Гагарин Владимир Константинович – 1 десятина (1,09 га) в 1903–1909 гг.;

– вдова княгиня Ольга Дмитриевна Гагарина, урожденная Засецкая, с детьми Валерием Владимировичем, Сергеем Владимировичем и Ольгой Владимировной – 338 десятины (369,28 га) в 1903–1906 гг., 297 десятины (324,48 га) в 1909 г.;

– княгиня Ольга Андреевна Кропоткина, урожденная Берг, вдова князя Дмитрия Николаевича, и дети Николай и Алексей Дмитриевичи – 244 десятины (266,58 га) в 1903–1909 гг.;

– Максимов Дмитрий Николаевич, штабс-капитан – 5 десятины (5,46 га) в 1903–1909 гг.;

– Максимова Настасья Ивановна, вдова майора – 3 десятины (3,28 га) в 1903–1909 гг.;

– Нечаев Дмитрий Иванович, дворянин – 22 десятины (24,03 га) в 1903–1909 гг.

– Перцев Петр Петрович, коллежский ассессор – 303 десятины (331,04 га) в 1903–1906 гг., 27 десятины (29,50 га) в 1909 г.;

– Першин Дмитрий Исаевич, неслужащий дворянин – 23 десятины (25,13 га) в 1903–1909 гг.;

– Страхов Николай Алексеевич и его жена Маргарита Николаевна, урожденная Ризенкамф – 222 десятины (242,54 га) в 1903–1909 гг.;

– Чернопятковы: коллежский регистратор Николай, дворяне Александр и Сергей Григорьевичи, жена землемера Мария Григорьевна Сергеева, вдова коллежского советника Юлия Ивановна, дворяне Юлия и Григорий Васильевичи Чернопятковы – 124 десятины (135,47 га) в 1903–1909 гг.;

– Чувиков Василий Борисович, неслужащий дворянин – 6 десятины (6,56 га) в 1903–1909 гг.²

Упомянутая в списке Л.А. Авилова (Страхова) (1864–1943) – дочь А.Ф. Страхова и жена М.Ф. Авилова (1863–1916), писательница, автор воспоминаний об А.П. Чехове. Она родилась в Клетотках, провела здесь детские годы, впоследствии часто приезжала в село (последний раз – летом 1917 г.). Клетоткам посвящено немало строк в ее произведениях и дневниках.

Согласно воспоминаниям Л.А. Авиловой, усадьба в селе была разделена между тремя владельцами: Селезневыми, Кропоткиными и Страховыми. В конце XIX в. в усадьбе доживал свои последние годы Дмитрий Степанович Селезнев, брат помещика соседних сел Писаревки и Черемухова С.С. Селезнева. «Селезневским садом» назвалась часть усадебного парка, примыкавшая к принадлежавшей ему части господского дома. Выходивший на нее балкон в семье Страховых также назывался «Селезневским». О соседе-помещике Л.А. Авилова вспоминала в дневниках за февраль 1919 г.: «Д.С. Селезнев вел дневник, который мы, тогда еще зеленая молодежь, с хохотом читали после его смерти. Каждая запись начиналась так: «Под

¹ Памятная книжка по Тульской губернии на 1902 год. – Тула, 1902. – С. 347.

² Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии / Дворянское сословие Тульской губернии, т. IV (XIII). – М., 1910.

сие число сон...» И затем записывался сон. Почему он каждый день видел сны? И почему ему так хотелось их запомнить?»¹

После кончины А.Ф. Страхова в 1875 г. «страховскую» часть усадьбы в Клеветках унаследовала его вдова Надежда Афанасьевна, урожденная Кузмина (1841–1893). В рукописном наследии Л.А. Авиловой сохранился отрывок «Осень в деревне», в котором есть следующие строки о матери: «Я очень любила осень в деревне и оставалась с мамашей в Клеветках, пока она, всегда неохотно, не возвращалась в Москву. И заживалась она поздно, потому что всегда находила себе дело. После смерти отца хозяйства никакого не было, землю отдали в аренду. Мамаша увлеклась украшением усадьбы: сажала, пересаживала, группировала, фантазировала. Она намечала себе план, вдвоем с садовником вколачивала в землю колышки... Не знаю хорошенько, как она все это комбинировала и приготавливала, но осенью сзывались в усадьбу поденные и рыли бесконечное число ямок и больших глубоких ям для больших деревьев, которые перевозились зимой издалека. Маленькие ямки тут же засаживались кустами или саженцами из лесу, и удивительно, как почти все это принималось, приспособлялось на новом месте и меняло весь вид усадьбы. Поденные все были бабы и девки (теперь слово «девка» кажется обидным, а тогда оно было обычным, и матери говорили о дочерях «моя девка»), и все приходили веселые, смешливые. Я тоже рыла ямки вместе с ними, и это было весело, потому что мне очень нравилось их остроумие, их шутки, тот простонародный язык, которым они говорили. Было в них много чего-то неожиданного, нового. И мне очень хотелось научиться говорить, как они»².

В 1893 г. имение по наследству перешло ко второму сыну покойной помещицы Павлу Алексеевичу Страхову (1867–1914), который очень быстро прокутил его. Усадьба была приобретена М.Ф. Авиловым для своей жены «с молотка» на аукционе. На рубеже веков члены семьи Л.А. Авиловой принимали деятельное участие в общественной жизни Елифанского уезда. Ее брат, «корнет запаса П.А. Страхов», избирался гласным уездного земского собрания в 1898 г.³, муж М.Ф. Авилов входил в состав этого выборного органа в 1908–1913 гг.⁴, сын Л.М. Авилов⁵ – в 1914–1917 гг.⁶

В семье потомков Л.А. Авиловой до последнего времени сохранялись некоторые предметы интерьера клеветковской усадьбы, в частности – английские часы XVIII в., принадлежавшие еще князьям Кропоткиным.

Интересно отметить, что в первые годы XX в. отдельные клеветковские крестьяне еще до начала Столыпинских реформ стали крупными землевладельцами, чьи угодья зачастую превосходили по размерам аналогичные помещичьи. По данным имущественного ценза лиц, имевших право участвовать в выборах в Государственную думу, опубликованного в 1905 г., крупнейшим «крестьянским помещиком» села был Егор Алексеевич Ишутин, владевший 533 десятинами 200 сажениями земли (582,41 га). Значительно уступали ему, но также выделялись уровнем своего благосостояния односельчане Семен Александрович Сапронов, в чьей собственности находились 70 десятин 200 сажень (76,57 га), а также Дмитрий Николаевич Кузовлев, имевший 20 десятин 1200 сажень (22,4 га)⁷.

¹ Авилова Л.А. Рассказы. Воспоминания. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 297.

² Там же. С. 227.

³ Памятная книжка по Тульской губернии на 1898 год. – Тула, 1898. – С. 98.

⁴ Памятная книжка по Тульской губернии на 1908 год. – Тула, 1908. – С. 118.

⁵ Авилов Лев Михайлович (1888–1950) – старший сын Л.А. Авиловой, юрист.

⁶ Памятная книжка по Тульской губернии на 1914 год. – Тула, 1914. – С. 159.

⁷ Тульские губернские ведомости, № 209. – 1905. – 12 октября.

К началу XX в. окончательно оформилась внутренняя топонимика населенного пункта. На левом берегу ручья Клекоток с юго-запада на северо-восток располагаются слободы Раевка (район совр. ул. Раевской) и Зорина (Зоринова) (район совр. ул. Школьная). На правом берегу находятся Савеловка (район ул. Савеловская и Садовая) и Кобелевка, чаще называемая Закопинкой¹, примыкающая к бывшей усадьбе Кропоткиных–Селезневых–Страховых.

3-й том сборника «Материалы для оценки земель Тульской губернии», посвященный Епифанскому уезду, свидетельствует, что в первые десятилетия XX в. Клекотковское сельское общество состояло из «свободных хлебопашцев от Козьякова», а также крестьян «б. Гагарина, б. Зорина, б. государственных четвертного права». В сельце Клекотки, Савеловке тож жили крестьяне «б. Кропоткина, б. Максимова, б. Никитина, б. Селезневой, б. Соковнина, б. Страховой»².

В начале XX в. при селе Клекотки действовала каменоломня сельского общества крестьян Клекотковской волости Епифанского уезда. В 1910 г. в ней постоянно были заняты 20 рабочих³. Каменоломня находилась к востоку от села, неподалеку от станции железной дороги.

По свидетельству «Тульских епархиальных ведомостей», с 1899 г. в «селе Клекотках» действовала «одноклассная школа (58 девочек)», помещавшаяся «в церковном доме». Законоучителем в ней состоял священник Иоанн Черников, учительницей – окончившая курсы женского Епархиального училища Валентина Зайцева⁴.

По данным клировых ведомостей Тульской епархии, в 1915–1916 гг. в селе Клекотки насчитывалось 385 дворов, в которых проживали 1105 мужчин и 1091 женщина. В селе действовали церковно-приходская школа и министерское училище. Несмотря на это, общий образовательный уровень населения оставался низким. По данным земской статистики, в период с 1899 по 1911 г. уровень грамотности среди мужчин Клекотковско-Петрушинской волости поднялся с 35–40 до 50 %. Грамотность среди сельских женщин оставалась на вопиюще низком уровне. В 1899 г. не более 5–10 % уроженок волости умели читать и писать. К 1911 г. этот показатель едва превышал 15 %.

Документы также сообщают имена последних предреволюционных клириков, служивших в Боявленской церкви в Клекотках, – дьякона Дмитрия Ивановича Никольского (1866–?) и псаломщика Александра Ивановича Бажанова⁵. В 1916 г. священник села Клекотки Иван Григорьевич Черников, служивший в храме как минимум с 1905 г., был благочинным 3-го округа Епифанского уезда⁶.

Немалому числу уроженцев села Клекотки довелось принять участие в последних войнах императорской России – русско-японской и Первой мировой. Наибольшей известностью среди них пользуется старший унтер-офицер Трофим Дмитриевич Лукьянов (1878–?), ставший за годы этих конфликтов полным Георгиевским кавалером. По окончании 2-классного министерского училища в родном селе, Т.Д. Лукьянов жил и работал в Москве. В 1899 г. он был призван на военную службу, в 1902 г. произведен в старшие унтер-офицеры. На русско-японскую войну он отправился в составе 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. За мужество

¹ Видимо, по причине нахождения на краю населенного пункта. Подобные названия слобод встречаются еще в нескольких населенных пунктах Скопинского и Ряжского районов Рязанской области, в частности – в Троице-Орловке.

² Епифанский уезд / Материалы для оценки земель Тульской губернии. Том III. Вып. 1. Тула, 1914. – С. 412.

³ Браиловский М. Список фабрично-заводских промышленных заведений Тульской губернии. – Тула, 1911. – С. 18.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.). – С. 178.

⁵ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Новый Кешпен: приходы Тульской губернии. 1915–1916 годы. Справочник. – Тула, 2014.

⁶ Памятная книжка по Тульской губернии на 1916 год. – Тула, 1916. – С. 169.

и храбрость в боях с японцами в 1904–1905 гг. он был награжден знаками Военного ордена 4-й и 3-й степеней. В 1914 г. Т.Д. Лукьянов вновь был мобилизован, служил в 216-м пехотном Осташковском, 224-м пехотном Юхновском и 1-м Запасном пехотном полках. За годы Первой мировой войны отважный унтер-офицер заслужил Георгиевские кресты 2-й и 1-й степеней.

Советская власть в Клетокках, как и повсюду в Епифанском уезде, была установлена в декабре 1917 г. Насколько известно, прошел этот процесс без особых эксцессов. В 1918 г. в селе был создан комитет бедноты, в 1924 г. – сельсовет.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. Клеточки вошли в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда. Изданный в 1925 г. справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в это время Клетокковский райсельсовет возглавляли В.П. Дьяков (председатель) и И.А. Козьяков (секретарь). В селе действовали школы 1-й и 2-й ступени (видимо, преобразованные в соответствии с декретом ВЦИК «О единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г. церковно-приходская школа и министерское училище), а также пункт ликвидации неграмотности, работали изба-читальня и Клетокковский народный дом. Из предприятий торгово-промышленного сектора издание отмечает бакалейный магазин Клетокковского потребительского общества и сыпной пункт предприятия «Хлебопродукт», занимавшийся скупкой у крестьян зерновых хлебов по фиксированным государственным ценам. Большинство крестьян было объединено в Клетокковское кредитное сельскохозяйственное товарищество. Сохранялась традиция проведения сельских ярмарок, начинавшихся 27 сентября и продолжавшихся три дня. Однако в цитируемом издании ярмарка в Клетокках впервые названа не Никитской, а Воздвиженской¹.

В 1926 г. все уезды в Тульской губернии были упразднены и Бучальско-Молоденский район перевели в прямое подчинение Тульской губернии. При этом его административный центр был перенесен в Клеточки, а сам район стал именоваться Клетокковским. В рассматриваемое время он включал 60 селений, в составе 21 сельсовета. Население района составляло 37,8 тыс. человек.

Клетокковский район был упразднен в процессе ликвидации Тульской губернии 7 августа 1929 г. В том же году село вместе с другими окрестными населенными пунктами было включено в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района Клеточки попеременно относились то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В 1929 г. в Клетокках был создан колхоз им. И.В. Сталина. Одним из знаковых событий первых лет его существования стало социалистическое соревнование с колхозом «Новый путь» соседнего села Нагиши, в которое он вступил вследствие постановления общего собрания клетокковских колхозников 19 марта 1931 г. Горловская районная газета «Ленинская искра» писала в эти дни: «Колхозники единогласно решили вступить в соцсоревнование с нагишевским колхозом на большее вовлечение единоличников в колхоз и добиться получения первой премии – трактора. Тут же на собрании было решено каждому колхознику завербовать по одному хозяйству и за неделю до выезда в поле иметь 80 проц. коллективизированных хозяйств по Клетокковскому сельсовету. Все колхозники разбиты на бригады и прикреплены к 10 дворам единоличников. На другой же день 6 колхозников принесли 7 заявлений от единоличников о вступлении в колхоз»². В обзорной статье «Закрепить перелом», посвященной трудностям коллективизации, «Ленинская искра» отмечала: «Коллективизация по Клетокковскому сельсовету раньше проходила неудовлет-

¹ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. – Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925 – С. 173–174.

² Ленинская искра, № 15. – 1931. – 23 марта.

ворительно, но за последнее время чувствуется перелом. Например, деревня Богоявленовка целиком вступила в колхоз. Вокруг коллективизации идет ожесточенная классовая борьба. В начале марта кулаками было сорвано общее собрание общества Раевка с вопросами весеннего сева. Классовый враг старается использовать все лазейки, чтобы сорвать колхозное строительство. Колхоз имени Сталина к севу готов, но единоличники еще не отсортировали семена, по ряду селений сельсоветами не доведен план сева до двора...»¹ Активисты-колхозники принимались в коммунистическую партию, укрепляя таким образом сельскую партийную ячейку. В 1931 г. «к 1 Мая в Клетотковскую ячейку ВКП (б) подали заявления о вступлении в партию 5 активных колхозников: В.Т. Арефьева, Е. Абрамов, К. Есин, Д. Демин. (Поповский колхоз «Красный богатырь») и Степин (Богоявленский колхоз)»². В первомайские дни 1931 г. председатель Клетотковского сельсовета Зотов, председатель колхоза им. Сталина Орлов и секретарь партячейки Конопкин докладывали Горловскому райкому ВКП (б) и райсполкому на страницах «Ленинской искры»: «Село Клетотки коллективизировано на 82,9 проц. Всего в колхозе 380 хозяйств. Колхоз имеет всего земли 2553 га. Скота: лошадей 170 штук, коров 20 штук, овец 80 шт., свиней подростков 15 шт., маток 3 штуки, трупов 40 шт. Подсобных предприятий в колхозе имеется: 4 ветряные мельницы, 1 крупорушка с просорушкой, 1 шорная мастерская, 1 кузница, 32 колоды ульев, 12 га сада. <...> Созданы 4 бригады, которые разбиты на 8 звеньев. В яровом посеве по рабочему плану намечено закончить работу в 11 дней. В день рождения Владимира Ильича Ленина создана ударная бригада в количестве 9 человек. Бригады обязались сев провести по-ударному. <...> В работе по вовлечению единоличников в колхоз в стороне не стоял ни один колхозник. Были созданы пять ударных бригад. Особенно хорошо провела работу бригада, работавшая в обществе Савелово. Правление колхоза устраивало свои заседания по обществам, где присутствовала большая часть единоличников. <...> Во время работы по коллективизации в с. Клетотках большой тормоз был со стороны кулацкой части и подкулачников, которым члены колхоза дали решительный отпор. <...> Клетотковский сельсовет и колхоз заверяют, что будут продолжать твердо и решительно бороться за проведение генеральной линии партии, давать решительный отпор оппортунистам и маловаерам всех мастей...»³

Однако противники коллективизации не сидели сложа руки. Их деятельность также находила свое отражение на страницах районной газеты. В заметке «Попали под влияние кулака», в частности, сообщалось: «Колхозницы клетотковского колхоза Зенина Мария, Трифонова Агафья и Крысанова являются кулацкими подпевалами и ведут подрывную работу в колхозе. 28 марта они пытались сорвать колхозное собрание, не давали никому говорить и вносили беспорядок путем выкриков и всяких реплик, направленных против принятия производственного плана колхоза. Эти женщины попали под кулацкое влияние. Одна из них – Зенина Мария – имеет связь с кулаком Мельниковым. Правлению колхоза нужно призвать к порядку этих колхозниц. Надо шире развернуть политико-массовую работу среди женщин, призвав их к классовой бдительности»⁴. Вскоре, однако, фактор противодействия коллективизации в Клетотках был нейтрализован с присущей 1930-м гг. жестокостью. Были раскулачены и высланы из села семья Василия Лаврентьевича Мельникова (1897–1937), Ивана Александровича Нечаева (1875–?) и Сергея Фроловича Фокина (1885–?).

В колхозе, тем не менее, и без влияния «подрывного элемента» оставались заметные проблемы с трудовой дисциплиной. Об этом в духе модной в то время большевистской самокрити-

¹ Ленинская искра, № 16. – 1931. – 28 марта.

² Ленинская искра, № 22. – 1931. – 1 мая.

³ Там же.

⁴ Ленинская искра, № 32. – 1932. – 2 апреля.

ки писала «Ленинская искра»: «Клетковский колхоз осенью 1931 г. из-за плохой труддисциплины, невыходов на работу оставил часть картофеля в земле. Теперь бригадная организация труда значительно повысила ответственность членов бригады за своевременную и хорошую обработку своего участка, труддисциплина в колхозе значительно повысилась. Но отдельные колхозники не осознали всей важности успешного проведения весеннего сева в деле хозяйственно-политического укрепления колхоза и не являются на работу. 3 дня прогуливает Ф.В. Руднев, М.П. Дьяконов проработал в поле 1 день, бросил работу, оставил в поле лошадь без присмотра и на работу не является. Дьяконов Н.И., подвозчик семян, пьянствует, на работу не является, и семена подвозит сам бригадир. Руднев Парфен и Руднев Прохор не работают, и вместо них приходится работать конюхам-фуражирам. Прогуливают также В.Е. Руднев, И.Е. Крысанов. и Т. Мельников. Позор прогульщикам, срывающим весенний сев в клетковском колхозе!»¹

При этом в 1932 г. у колхоза им. И.В. Сталина имелись и очевидные успехи. О них также писала районная газета: «В клетковском колхозе ряд колхозников показывает образцы большевистской борьбы за весенний сев. У тракториста Венедиктова трактор перевыполняет норму выработки, поломок совершенно нет. А тракторист Букатов объявил себя ударником, и так как на его тракторе нет тракториста на вторую смену, Букатов работает сам в две смены. Конюхи 1-й бригады Н. Саженев и Б. Дьяков обеспечили хороший уход за лошадьми, и в то время, как отдельные колхозники в их бригаде прогуливали, Дьяков и Саженев работали с бригадой пахарями. Хорошо работают и пахаря первой бригады, особенно из них выделяют Воронин и Перевицкий – у них перевыполняется норма, нет прогулов. Хорошо работают женщины из огородной бригады – Спиридонова, Саженева во главе со своим бригадиром тов. Терешиным. Эти ударники достойны премирования»².

«Ленинская искра» открыто критиковала имевшиеся недостатки в организации культурной и бытовой сторон жизни клетковцев. Летом 1934 г. газета писала: «В с. Клетках имеется клуб, но культурно-массовая работа в клубе поставлена из рук вон плохо. Во время показа кино или спектакля в зале шум. В клубе грязь – убирают его, когда вздумается. Актива культработников при клубе – нет. Читку газет в поле организовать не думают. Партийная, комсомольская организации и сельсовет должны взяться за налаживание работы клуба и широко развернуть культурно-массовую работу среди колхозников и трудящихся единоличников за успешное проведение уборки и зернопоставок». И еще: «В этом году клетковский колхоз имени Сталина должен был построить колхозную баню. Но до настоящего времени к постройке бани не приступали. Правление колхоза не уделяет внимания этому делу, не занимается приобретением и доставкой стройматериалов. Предколхоза тов. Вольфсон надеется и ждет, когда райисполком доставит стройматериалы в колхоз, в то время как помещение для бани можно было найти в колхозе»³.

Местная пресса уделяла большое внимание деятельности образовательных учреждений, в частности – клетковских школ 1-й и 2-й ступени. В начале 1934/35 учебного года «Ленинская искра» констатировала: «С первых дней учебы ученики Клетковской неполной средней школы, которые работали на колхозных полях, были освобождены от работы. Этим и объясняется, что посещаемость школы с первого дня стала стопроцентной. Нет этого по начальной школе. Здесь посещаемость учащихся равняется 95–96 проц. Часть родителей задерживает своих детей дома и не отпускают в школу. Со стороны педколлектива должны быть приняты меры для разъяснения таким родителям вреда задержки малыша дома. [Необходимо] добиться полного охвата детей учебой и стопроцентной посещаемости. Каждый

¹ Ленинская искра, № 60. – 1932. – 15 мая.

² Ленинская искра, № 73. – 1934. – 3 июня.

³ Ленинская искра, № 118. – 1934. – 18 июля.

ученик с первого дня получил учебники по математике, русскому языку, сполна снабжен тетрадами. Не хватает школе учебников по немецкому языку и обществоведению. Веселый и радостный бегают ученик, хочет учиться. В школе развертывается соцсоревнование среди учащихся между классами, но вот учителя Носова и Козьякова отстают от учащихся. Они до сих пор не заключили договора на соцсоревнование»¹.

Уделялось внимание и идеологической обработке населения, проводившейся в духе той эпохи. В том же 1934 г. клеткотковский комсорг Ипалитов писал на страницах «Ленинской искры»: «Подготовка к партийной учебе в прошлом году проходила крайне неудовлетворительно по Клеткотковскому колхозу, комплектование школ прошло с опозданием, без учета знаний слушателя, это явилось поводом к плохой работе. Школа колхозного актива занималась нерегулярно, в ней была плохая дисциплина. В школе колхозного актива занимались и комсомольцы, но из 10 человек комсомольцев занималось только 3 человека. Решения XVII партсъезда проработаны слабо. Сейчас комсомольская организация состоит из 22 человек, культурно-политический уровень комсомольцев одинаковый, поэтому мы решили в этом учебном году организовать комсомольскую школу, учебу нужно будет начинать с изучения комсомольского устава, проработать решения XVII съезда партии. Сейчас мы уже начали подготовительную работу, нашли руководителя школой – прибывшего из Красной армии. Имеется около 30 человек молодежи – ударников-значкистов, мы их также вовлечем в комсомольскую учебу»². Продолжал тему сельский библиотекарь Балабанов: «С началом работы школ партийного просвещения работа библиотек очень большая. Прежде всего, библиотека должна обеспечить партийное просвещение необходимой литературой, оказать помощь слушателю в проработке даваемых заданий. Клеткотковская библиотека имеет полную возможность справиться с этой задачей – литературой обеспечена: имеется литература по ленинской учебе, несколько томов Ленина, решения 17-го партсъезда, имеется и художественная литература классиков, но беда в том, что библиотека засыпана зерном. Я несколько раз ставил вопрос перед правлением колхоза, но оно не принимает никаких мер, а меня использует на работе в сельсовете»³.

7 ноября 1934 г. делегация колхозников Горловского района принимала участие в праздничных мероприятиях на Красной площади в Москве. Клеткотковский колхоз им. Сталина представлял житель села М.И. Дьяконов. В статье «Что я видел на Октябрьских торжествах в Москве» он писал: «Я увидел стройную, организованную нашу Красную армию. Я увидел столько танков – и маленьких, и больших, разные технические части, кавалерию. Слышал сильный гул – в облаках появилась целая туча аэропланов, которые заслонили небо как огромная стая перелетных птиц. Как забилося мое сердце, волосы стали поднимать фуражку! Тут я впервые увидел несокрушимую силу нашей Красной армии. Тут я еще раз убедился, как сильна и могуча наша великая пролетарская родина. С раннего утра началась демонстрация. Сотни тысяч, миллионы людей прошли мимо трибуны, где стояли руководители нашей партии и сов. власти во главе с великим вождем тов. Сталиным. Шли со знаменами и плакатами, с экспонатами, подписи которых показывали перевыполнение плана. <...> Все мне трудно передать. Только одно я хочу сказать колхозникам и трудящимся единоличникам, что наша страна стала непобедимой, что растет культурная, зажиточная жизнь колхозников и рабочих. Нам, колхозникам, нужно лучше бороться за укрепление колхозов, за поднятие урожая, за развитие животноводства, за организацию культурной жизни...»⁴

¹ Ленинская искра, № 162. – 1934. – 9 сентября.

² Ленинская искра, № 168. – 1934. – 16 сентября.

³ Там же.

⁴ Ленинская искра, № 208. – 1934. – 11 ноября.

О культурном досуге сельских жителей середины 1930-х гг. можно судить по заметке «Встреча клеткотковских и горловских кружков самодеятельности»: «29 января <1936 г.> в горловском клубе были проведены выступления двух соревнующихся кружков художественной самодеятельности (Горлово и Клеткотки). Клеткотковский струнный оркестр в своем выступлении показал сыгранность. Зрители после каждого исполнения аплодировали. Особенно хорошо была исполнена хоровым кружком песнь о Чапаеве. <...> Клеткотковский струнный оркестр имеет все возможности к тому, чтобы не сдать первенство горловскому струнному кружку, нужно только клеткотковцам по-настоящему взяться за учебу, и несомненно при следующей встрече клеткотковцы так же покажут более высокое мастерство музыкального творчества»¹.

Во 2-й пол. 1930-х гг. некоторые клеткотковцы пали жертвами «Большого террора». Одной из первых его жертв стал уроженец села Алексей Григорьевич Алтухов (1912–1936), красноармеец 23-го погранотряда НКВД СССР, проживавший в деревне Нижние Котлы Московской области². Он был арестован 25 февраля 1936 г., 5 ноября осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению «в подготовке теракта и участии в контрреволюционной террористической организации». В тот же день он был расстрелян в Москве и захоронен на территории Донского кладбища. Что в реальности скрывалось за формулировкой обвинения, остается до настоящего времени неясным.

По окончании срока ссылки в Клеткотки вернулся раскулаченный В.Л. Мельников, в 1937 г. трудившийся в родном селе плотником на частном подряде. Его арестовали 10 августа 1937 г., а уже 28 числа он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению «в контрреволюционной агитации и антисоветской пропаганде, направленной против советской власти» и два дня спустя расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Скорее всего, он был осужден и казнен в соответствии с оперативным приказом Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. 11 августа 1937 г. в Клеткотках был арестован буровой мастер Иван Николаевич Каменский (1890–1937), старший брат известного в будущем ученого. Он был осужден одновременно с В.Л. Мельниковым по обвинению «в систематической антисоветской агитации и активной террористической контрреволюционной пропаганде» и погиб в один день с ним на полигоне НКВД СССР «Объект Бутово». Несколькими днями ранее там же был расстрелян другой житель села Александр Дмитриевич Алтухов (1900–1937).

К 1938 г. в клеткотковском колхозе им. Сталина насчитывалось 458 дворов, в которых проживали 1910 чел. Колхоз специализировался на выращивании ржи, пшеницы, овса, проса, гречихи, чечевицы, картофеля и овощей. В 1938 г. в колхозе насчитывалось 81 голова крупного рогатого скота (в т.ч. 18 коров), 245 свиней, 191 голова овец и коз, 368 лошадей, из которых рабочими были 165. В 1938 г. были возведены новые колхозные конюшни. В конце 1930-х гг. доходы колхоза им. Сталина заметно отставали от плановых показателей. Тем не менее их хватило на ремонт одной из мельниц и устройство просорушки, а также на приобретение одной грузовой автомашины. Не забывали в Клеткотках и о социокультурной стороне быта колхозников: на колхозные средства в селе были организованы детские ясли, устроена радиоточка³.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характе-

¹ Ленинская искра, № 13. – 1936. – 2 февраля.

² Ныне в черте города Москвы.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Характеристика колхоза им. Сталина.

ристиками их по состоянию на 1939 г.» Согласно этому документу, в Клеткотках, административном центре одноименного сельсовета, насчитывалось 446 жилых строений, 476 хозяйств и 1871 чел. населения. Из промышленных заведений отмечены три ветряные мельницы и конная крупорушка (все построены в 1918 г.). В селе действовало почтовое отделение с телефонной станцией. Из социокультурных учреждений обозначены средняя школа, изба-читальня, больница, три магазина¹. Если в 1933/34 учебном году в клеткотковской средней школе насчитывалось 424 учащихся (164 мальчика и 260 девочек), то в 1939/40 их было уже 529 (245 мальчиков и 284 девочки).

Топографические карты РККА 1941 года (съемки 1939 г.) указывают, что накануне Великой Отечественной войны в Клеткотках насчитывалось 460 дворов. В целом село существовало практически в современных границах. В предвоенные годы в Клеткотках, как и до революции, продолжала действовать каменоломня.

С селом связан интересный и, к счастью, довольно точно описанный эпизод Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес – Серебряные Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава. Клеткотки оказались на оккупированной территории.

6 декабря 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление. Со стороны Рязани на Сталиногорск (совр. Новомосковск) наступала 10-я армия Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова. Бой за станцию Клеткотки оказался важным этапом начальной стадии развития советского контрнаступления.

На местном участке фронта наступление вели войска 41-й кавалерийской дивизии. Его обстоятельства остались в воспоминаниях полковника И.Г. Фактора, опубликованных в первом мемуарном сборнике «На земле, в небесах и на море. Рассказывают фронтовики» (1981). В конце 1941 – начале 1942 гг. майор И.Г. Фактор командовал 170-м кавалерийским полком. Ветеран вспоминал: «Утром 9 декабря [1941 г.] полк подошел к железной дороге примерно в полукилометре северо-восточнее окраины Клеткотки. К этому времени у нас уже были данные от командира ранее высланной разведки младшего лейтенанта А.Н. Суворова. Он доложил, что восточная окраина деревни Клеткотки обороняется батальоном пехоты противника с артиллерийской и минометной батареями, в деревне скопление фашистских автомашин и конных обозов...

Данные разведки свидетельствовали о численном превосходстве противника. И все же мы приняли решение атаковать врага. Станковыми пулеметами усилили 2-й и 3-й эскадроны. Они должны были атаковать гитлеровцев с ходу в пешем строю. Атаку спешенных эскадронов поддерживала огнем артиллерийская батарея, а также минометчики.

1-й эскадрон, усиленный взводом станковых пулеметов, в конном строю атаковал противника, оборонявшегося на северной окраине Клеткотки. 4-й эскадрон был оставлен в резерве на случай отражения возможной контратаки и для развития успеха полка.

По команде «В атаку, вперед!» конники бросились на врага. Все попытки фашистов удержать деревню оказались безуспешными. Отступая, они прежде всего начали отводить на запад свои тылы. Как сообщили нам местные жители, на запад они погнали и ранее захваченных в плен советских воинов.

---

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

Командир 1-го эскадрона старший лейтенант Воропаев бросился со своими конниками наперехват отступавшим. Вот где проявилась удаль лихих конников! Громкое «ура», блеск стальных клинков привели в ужас гитлеровцев. С криками «Казакен! Казакен!» они в панике бросились кто куда. Однако разгоряченные кони настигали бегущих, на их головы обрушивались беспощадные удары клинков.

4-му эскадрону младшего лейтенанта Ворсина мы приказали в конном строю мчаться на выручку колонны советских военнопленных и угоняемых фашистами мирных жителей. Кавалеристы настигли колонну, уничтожили немецкий конвой и освободили сотни советских людей.

В ходе боя за деревню Клекотки фашисты потеряли свыше сотни убитых, 28 солдат и офицеров было взято в плен. Наши трофеи: 28 автомашин с грузами, 3 легковушки, 40 подвод, 4 миномета, 2 пушки и 9 мотоциклов¹.

По свидетельству И.Г. Фактора, в бою за Клекотки «победили мужество и воля, стойкость и высокое боевое мастерство» советских войск. Воинам РККА удалось выполнить одну из важных стратегических задач, поставленных перед ними командованием, – перерезать железнодорожную линию, идущую из Тулы на Скопин, и шоссе из Михайлова на Епифань. После освобождения села советское наступление было успешно продолжено.

По итогам зимнего наступления РККА 1941–1942 г. И.Г. Фактор был удостоен ордена Красного Знамени. В наградном листе, составленном «по горячим следам» (в феврале 1942 г.), имеется еще одно описание боя у села Клекотки. Основной акцент в нем сделан на личных заслугах командира 170-го кавполка. Согласно документу, «8 декабря 1941 г., получив задачу ночной атакой перерезать шоссе Горлово–Михайлов, отрезать пути отхода противнику и уничтожить его обороняющиеся части, полк достиг шоссе и стремительной атакой ринулся на противника, занимавшего д. Клекотки Горловского района Рязанской области. Тов. Фактор выскочил вперед с лозунгом «За Родину, вперед на разгром врага!» Воодушевленные смелым порывом своего командира, бойцы и командиры ринулись вперед на врага и разгромили около двух его рот. В этом бою было освобождено из плена 480 красноармейцев и советских работников. Захвачено в плен 14 немецких солдат, 2 офицера и 1 генерал. Взято одно орудие, 6 мотоциклов, 1 радиостанция, 14 автомашин, 12 повозок, 2 трактора-тягача, много пистолетов, винтовок, патронов, снарядов и др. имущества. Захвачены ценные штабные документы и полевая почта с письмами, печатью, деньгами и т.д.» Наградной лист констатирует, что «в боях по разгрому немецких фашистов командир 170 кав. полка майор Фактор проявил храбрость, мужество и отвагу, умение организовать личный состав на успешное выполнение боевых приказов командования дивизии и 10-й армии»².

Обращает на себя внимание заметная разница в перечне пленных и трофеев в наградных документах 1942 г. и в воспоминаниях И.Г. Фактора. Очевидно, первую версию, составленную в условиях продолжавшегося зимнего наступления РККА 1941–1942 гг., следует считать приблизительной, а вторую, уже послевоенную – уточненной.

Военные действия в ноябре – декабре 1941 г. лишили Клекотки главной достопримечательности, связанной с пребыванием в селе Л.Н. Толстого, – деревянного павильона железнодорожной станции, в котором писатель неоднократно бывал. По воспоминаниям жителей села, он был подожжен начальником станции Ивановым накануне прихода немцев³. В ходе

¹ *Фактор И.Г.* Ты помнишь, товарищ... // На земле, в небесах и на море. Выпуск 3. – М.: «Воениздат», 1981. – С. 97–98.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 326, л. 271.

³ Сообщение Д.А. Новичкова.

пребывания оккупантов в селе была взорвана арка ограды Богоявленской церкви. Это было сделано для прохода вражеской бронетехники, которую нацисты пытались скрыть от советской авиационной разведки под раскидистыми кронами росших вокруг церкви деревьев. При артобстреле в день освобождения села также пострадал станционный элеватор.

В 1942–1945 гг. в Клекотках проводились работы по восстановлению разрушенных войной зданий. Суровые лишения военного времени накладывали свой отпечаток на жизнь колхозников.

Среди уроженцев села Клекотки, принимавших участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., наибольшей известностью пользуется военный летчик Матвей Иванович Зотов (1914–1970). В 1943 г. штурман 427-го истребительного авиационного полка 294-й истребительной авиационной дивизии 4-го истребительного авиационного корпуса 2-й воздушной армии Воронежского фронта майор М.И. Зотов был удостоен звания Героя Советского Союза. Всего за время войны он совершил более 300 боевых вылетов, лично сбил 13 бомбардировщиков и 4 истребителя противника. М.И. Зотов вышел в запас в 1960 г. в звании генерал-майора авиации, до конца своих дней проживал в Москве.

В послевоенные годы Клекотки славились не только отважными воинами – защитниками родной страны. Эта эпоха стала временем творческого расцвета еще одного уроженца села – советского ученого-гидрогеолога Григория Николаевича Каменского (1892–1959). В 1953 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В 1943 г. клекотковский колхоз им. И.В. Сталина был разделен. По воспоминаниям жителей села, его части стали самостоятельными колхозами им. И.В. Сталина, им. Г.М. Маленкова, им. Г.К. Жукова и «За Родину!». В 1950 г. они были вновь объединены в колхоз им. И.В. Сталина. Клекотковский колхоз обслуживался Горловской МТС до 1958 г., когда приобрел собственные трактора и комбайны. В 1957 г. к колхозу им. Сталина был присоединен измайловский колхоз им. Ворошилова, в сентябре 1959 г. – колхоз им. 40-летия Октября.

Интересно отметить, что жителям Клекотков удалось спасти свой приходской храм от первой антирелигиозной волны 1920–1930-х гг. Церковь была закрыта, но по мере необходимости в ней вплоть до 2-й пол. 1950-х гг. служили приезжие священники. Первым ее повреждением стала разборка недоломанной немецкими оккупантами решетчатой ограды в первые послевоенные годы. Затем в сентябре 1960 г. от удара молнии сторел шатер церковной колокольни. Ок. 1961–1963 гг. были сломаны венчания храма (по воспоминаниям жителей села, купола сдергивали трактором), а само здание было перекрыто шифером и переоборудовано под зернохранилище. К алтарю храма пристроили электрическую мельницу, а к югу от него, на месте нахождения деревянной церкви XIX в., устроили колхозный ток.

В 1958 г. в Клекотках появилось колония строгого режима, действующая до настоящего времени (ныне ИК-5 УФСИН Рязанской области).

В начале 1962 г., на волне антисталинской кампании, клекотковский колхоз им. И.В. Сталина был переименован в колхоз имени XXII съезда КПСС. Пора его хозяйственного расцвета пришлось на 1964–1983-е гг. В 1965 г. в Клекотках действовали восьмилетняя школа, клуб, библиотека, медпункт, областная костно-туберкулезная больница, хлебопекарня, комбинат бытового обслуживания, магазин¹. Колхоз им. XXII партсъезда был колхозом-миллионером. Своим процветанием он во многом был обязан своему энергичному председателю Максимова, уроженцу близлежащей деревни Измайловка. К сожалению, в годы наиболее

¹ Архив Скопинского района, ф. 408, лл. 1–2.

успешной хозяйственной деятельности Клекотки лишились еще одного памятника старины – усадьбы Кропоткиных-Селезневых-Страховых. От нее не осталось даже фундамента, на месте которого сейчас глубокий котлован – память о так и не завершенной большой стройке.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. ознаменовались постепенным упадком колхоза им. XXII съезда КПСС. В 1997 г. он был реорганизован в ТОО «Клекотки», которое, в свою очередь, в 2001 г. было преобразовано в сельскохозяйственный производственный кооператив. СПК «Клекотки» специализируется на зерновых, зернобобовых и технических сельскохозяйственных культурах, а также на мясомолочном животноводстве.

Вместе с тем 1990-е гг. ознаменовались возрождением церковной жизни в Клекотках. В 1997 г. здание Богоявленской церкви было возвращено верующим и очищено от уродовавших его пристроек. 30 октября 1999 г. состоялось его повторное освящение. Ныне оно числится по 2-му Скопинскому благочинию Скопинской епархии Рязанской митрополии как Крестовоздвиженский храм. Его настоятелем является иерей Николай Николаевич Бородин. Несмотря на то, что церковь является действующей, ее венчания и шатер колокольни до сих пор не восстановлены.

Другой заслуживающей внимания достопримечательностью современного села Клекотки является комплекс пристанционных сооружений Сызрано-Вяземской железной дороги (1-я пол. 1870-х гг.). На месте сгоревшего в 1941 г. павильона железнодорожной станции, помнившего Л.Н. Толстого и Л.А. Авилову, в послевоенные годы была возведена ничем не примечательная постройка, в которой и поныне располагаются станционные службы. Однако трем жилым баракам для служащих и работников станции чудом удалось избежать печальной судьбы этого памятника промышленной архитектуры XIX в. И в наши дни они являют собой прекрасный пример деревянной архитектуры 1870-х гг. и дают представление о внешнем виде несохранившегося станционного павильона¹.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Клекотки вошло в состав Горловского сельского поселения.

Население Клекотков в начале XXI в. демонстрирует постепенную отрицательную динамику. Если в 2007 г. в селе проживали 757 человек, то в 2008 г. – 754, в 2009 г. – 736. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Клекотках было 720 жителей. В последующие годы сокращение местного населения продолжилось: в 2011 г. в селе насчитывалось 710 жителей, в 2012 г. – 696. В настоящее время в Клекотках действуют администрация сельского поселения, общеобразовательная школа (филиал Горловской СОШ), детский сад, фельдшерский пункт, почта, ЖКХ, клуб, сельская библиотека, магазины, церковь и исправительно-трудовое учреждение.

В декабре 2016 г. по случаю 75-летия победы в битве под Москвой распоряжением губернатора Рязанской области О.И. Ковалева селам Клекотки, Горлово и Богослово Скопинского района было присвоено почетное звание «Рубеж воинской доблести»².

---

¹ Здания располагаются на современной ул. Станционная.

² Рязанские ведомости, № 238, – 2016. – 21 декабря.

КЛОБУЧКИ

деревня

(сельское поселение Горловское)

Старинное село Клобуки (Клобучки)¹ – еще один населенный пункт Скопинского района, исторически связанный с историей Тульского края. Условное время его возникновения – конец XVI в. Во время очередного нападения крымских и ногайских татар на Елифанский уезд в 1609–1610 гг. оно подверглось разорению и запустело. Писцовая книга 1628 г. упоминает «село Клобуково» среди «пустошей... что были слободы и села», ставших страшным наследием «татарския войны во 117-м году»².

Во второй половине XVII в. помещицье селцо Клобуки было вновь населено. Еще в 1760-х гг. оно являлось центром Клобуковского стана – административной единицы Елифанского уезда, известной с XVII в.

Селцо Клобучки находилось среди тех деревень, которые вместе с селом Богоявленским (Хитровщиной) были в 1696 г. пожалованы Петром I генерал-адмиралу Ф.Я. Лефорту после победоносного 2-го Азовского похода³. С 1740-х гг. огромной елифанской вотчиной владели дворяне Измайловы, после 1836 г. – графы Толстые.

Генеральный план Елифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время «селцо Клобучки» представляло собой три порядка крестьянских домов, стоявших по обоим берегам р. Прони – один на левом берегу и два на правом. Очевидно, на правом берегу реки находилось историческое ядро поселения. На нем же, чуть ниже по течению р. Прони находилась и небольшое усадебное строение с садом.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Елифанского уезда описывают селцо Клобучки как часть хитровщинского имения братьев-помещиков Михаила и Дмитрия Львовичей Измайловых⁴. Оно располагалось «налевой стороне безымянного оврага и пообе стороны речки Прони, накоторой два пруда». В селце были «дом господской деревняной» и «ветриная мушная мельница». Всего в Клобучках насчитывалось 18 дворов, в которых проживали 114 мужчин и ровно столько же женщин⁵.

Следующее по времени упоминание о Клобучках относится к первой половине XIX в., когда Хитровщина с окрестными деревнями принадлежала известному крепостнику-самодуру Льву Дмитриевичу Измайлову (1763–1836). Рязанский писатель С.Т. Славутинский в своем очерке «Генерал Измайлов и его дворня» (1876) сообщает историю о том, как в 1820-х гг. доверенный человек Л.Д. Измайлова приказчик Иван Овсянкин был высечен розгами за то,

¹ Название этого населенного пункта, видимо, связано с местным гидронимом. На Генеральном плане Елифанского уезда 1776–1780 гг. показана «река Клобучек», текущая несколько южнее рассматриваемого села, мимо Горелого болота, и впадающая в р. Бурак у села Петрушина.

² *Лаверитцев А.В.* Елифань и Верхний Дон в XII–XVIII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. Москва: Древлехранилище, 2005. – С. 138.

³ См. статью «Измайловка» настоящего издания.

⁴ О них см. там же.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 16 об.

что не уведомил барина о пьянстве старосты деревни Клобучков¹. Относительно удаленная от хитровицинской усадьбы деревня неоднократно использовалась помещиком как место своеобразной «ссылки» попавших в немилость барина дворовых людей.

В статистическом справочнике «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедшем под редакцией академика П.И. Кешена, указано, что в это время население «сельца Клобуки», находившегося «при верховьях р. Прони», составляло 241 человека «помещичьих крестьян»². Жители сельца были прихожанами Богоявленской церкви в селе Хитровщина. Сведения о деревне накануне отмены крепостного права содержатся в изданном в 1862 г. списке населенных мест Тульской губернии. Согласно этому изданию, Клобучки, «деревня владельческая», находилась «при пруде». В ней насчитывалось 32 двора, в которых проживали 127 мужчин и 122 женщины³.

По военно-топографической карте Тульской губернии 1863 г. можно судить, что за прошедшее с 1770-х гг. время в Клобучах произошли большие перемены. Прежний исток р. Прони, находившийся южнее сельца, пересох. Река теперь начиналась на несколько верст севернее, на землях Михайловского уезда Рязанской губернии. На правом берегу оврага, оставшегося от пересохшей реки, остались все те же строения, что и в XVIII в. Можно даже видеть остатки сада исчезнувшей усадьбы. Количество же домов на бывшем левом берегу реки значительно увеличилось. Здесь же, в северо-западной части деревни, прямо посреди крестьянских огородов стояла группа из трех ветряных мельниц (все деревянные).

После освобождения от крепостного права в 1861 г. деревня Клобучки вошла в состав Петрушинской волости. В 1864 г. ее жители погасили выкупные платежи своему бывшему помещику графу П.Д. Толстому⁴.

Земская статистика 1866 г. подтверждает, что к этому времени все жители Клобучков являлись полноправными крестьянами-собственниками. Мужское население деревни составляло 129 человек. Общая площадь обрабатывавшейся деревенскими крестьянами земли равнялась 354 десятинам 1800 саженьям (387,58 га). По состоянию на 1 января 1867 г. каких-либо недоимок за ними не числилось⁵.

Несмотря на относительно небольшие размеры и удаленность от проезжих дорог, упоминания о жителях деревни Клобучки время от времени появлялись на страницах губернской прессы. В основном они были связаны с темой злоупотребления алкоголем. Хроника происшествий по Тульской губернии за 1-ю пол. декабря 1863 г. сообщает: «Елиф[анского] у[езда] в д[еревне] Клобучках временнообязанный кр[естьянин] Виктор Агафонов, 26 л[ет], 8 ч[исла] скоропостижно умер, опившись вином»⁶. Сходную картину рисует и заметка о происшествиях по губернии за 2-ю пол. сентября 1867 г.: «Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Клобучках кр[естьянин] села Хитровщины Иван Мишагин, 52 л[ет], 28 ч[исла] умер от излишнего употребления вина»⁷.

Отголоски какой-то деревенской детективной истории чувствуются в следующем сообщении из хроники происшествий по губернии за 2-ю пол. августа 1870 г.: «8 авг[уста]

¹ *Славутинский С.Т.* Генерал Измайлов и его дворян. (Очерк помещичьего быта первой четверти нынешнего столетия) / Селиванов И.В., Славутинский С.Т. Из провинциальной жизни. – М.: Современник, 1985. – С. 372

² *Северов В.И.* Города и селения Тульской области в XIX веке. – Тула, 2006. – С. 90

³ Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862. – С. 70

⁴ См. статью «Измайловка» настоящего издания.

⁵ По данным имеющегося в распоряжении авторов не идентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

⁶ Тульские губернские ведомости, №6. – 1864. – 8 февраля

⁷ Тульские губернские ведомости, № 41. – 1867. – 14 октября

Еп[ифанского] у[езда] Петрушинской вол[ости] в д[еревне] Клобучках сторела принадлежащая кр[естьянину] Михаилу Гришину маслобойня; в поджоге ея сыном Гришина заявлено подозрение на кр[естьянина] той же деревни Зота Тимофеева; производимое о сем дознание передано судебному следователю»¹.

Судебная реформа 1861–1864 г. также не прошла стороной от жителей Клобучков. Опубликованный главной губернской газетой очередной список присяжных заседателей на 1872 г. сообщает, что одним из запасных присяжных заседателей на третью четверть года был избран крестьянин Петрушинской волости деревни Клобучков Егор Иванов². Три года спустя одним из присяжных заседателей на первую четверть года стал крестьянин деревни Клобучков Никита Степанов³. В 1876 г. присяжным заседателем на четвертую четверть года был избран еще один уроженец Клобучков – крестьянин Михаил Данилов⁴.

В середине 1880-х гг. Петрушинская волость, в которую входили Клобучки, была объединена с соседней Клеткотковской в Клеткотковско-Петрушинскую. В ее составе деревня оставалась вплоть до начала 1920-х гг.

В конце XIX в. в Клобучках проживали крестьянские семьи Листратовых, Гришиных, Ермаковых, Зайцевых и Клюевых. Сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895) свидетельствует, что в это время жители деревни были прихожанами Вознесенской церкви в селе Петрушине⁵.

По информации, опубликованной в «Тульских епархиальных ведомостях» в 1901 г., «одноклассная школа в деревне Клобучках (15 мальчиков, 15 девочек), преобразованная в одноклассную из школы грамоты», действовала с 1900 г. Законоучителем в ней в это время состоял петрушинский священник Алексей Воскресенский, учителем – крестьянин Василий Шкетов, не имевший «учительского звания»⁶.

Согласно опубликованному в 1905 г. имущественному цензу лиц, имевших право участвовать в выборах в Государственную думу, крупнейшее кулацкое хозяйство деревни было у крестьянина Дмитрия Михайловича Гришина, владевшего 83 десятинами 1810 саженьями земли (91,5 га)⁷.

По данным кировых ведомостей Тульской епархии, в 1915–1916 гг. в Клобучках насчитывалось 69 дворов, в которых проживали 224 мужчины и 234 женщины. В деревне действовала церковно-приходская школа, зависевшая от Вознесенской церкви села Петрушина⁸.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. деревня Клобучки вошла в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда и была административно подчинена Петрушинскому райсельсовету. Справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в 1925 г. в деревне действовала школа 1-й ступени⁹.

В 1926–1929 гг. деревня входила в Клеткотковский район Тульской губернии. В 1929 г. Клобучки вместе с другими окрестными населенными пунктами были включены в Горловский

¹ Тульские губернские ведомости, № 39. – 1870. – 12 сентября

² Тульские губернские ведомости, № 19. – 1872. – 11 марта

³ Тульские губернские ведомости, № 9. – 1875. – 29 января

⁴ Тульские губернские ведомости, № 9. – 1876. – 31 января

⁵ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Пересвет», 2010 – С. 180

⁶ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.) – С. 177–178

⁷ Тульские губернские ведомости, № 209, – 1905. – 12 октября

⁸ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Новый Кешпен: приходы Тульской губернии. 1915-1916 годы. Справочник. – Тула, 2014.

⁹ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. – Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925.– С. 173

район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района деревня попеременно относилась то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В 1931 г. в Клубучках был организован колхоз «Борец». Он специализировался на выращивании ржи, пшеницы, проса, овса, бобовых культур, гречихи, конопли и горчицы, а также на разведении картофеля и овощей. Первоначально колхоз охватил несколько деревенских хозяйств, впоследствии постоянно расширялся. Об одной из «приливных волн» крестьян в колхоз весной 1931 г. горловская районная газета «Ленинская искра» писала: «Крестьяне дер. Клубучки ответили на процесс меньшевиков-контрреволюционеров колхозным приливом. В местный колхоз вступило 7 домохозяев: И.И. Семин, И.В. Баранов, А.И. Гришин, И.С. Гришин, М.П. Гришин, И.М. Гришин, Е.В. Ермаков»¹. О первых месяцах колхозной жизни можно узнать из публикаций «Ленинской искры» начала 1930-х гг. Например, в статье с характерным названием «Срезать кулацкий гнойник» сообщалось: «В Клубучках 80 % коллективизированных хозяйств. Колхоз приготовился к севу; семена отсортированы, инвентарь отремонтирован, отстроены конюшни, дружно изготавливаются столы, скамьи для столовой и детплощадки. План проработан и доведен до каждого колхозника. Но эту успешную подготовку к севу клубучковского колхоза разьедает гнойник. Например, Н.Е. Гришин выступает против посева клевера: «мол, он у нас не уродится», и это начинание расценивает как головоуотпяство. К.И. Медведева – ликвидатор неграмотных, родственница кулаков, рассказывает своим ученикам, что «в Клубучках кулаков нет», а сама скрывает у себя в доме кулацкое имущество. Не отстает от этих и И.В. Панин, который на собраниях доказывает, что «МТС – очковтирательство». А.П. Гришин, прибрав к своим рукам пружинный культиватор брата-кулака, не думает сдавать его в колхоз. Правлению клубучковского колхоза надо немедленно срезать этот кулацкий гнойник с здорового колхозного тела и всем сплетням и укрывательствам положить конец»².

Тему «классовой борьбы» в Клубучках продолжили две публикации под броским общим заголовком «Кулацкую агентуру – из колхоза вон!». В первой из них сообщалось: «В колхозе «Борец» нормы выработки не выполняются. Есть случаи, когда некоторые колхозники отказываются от выполнения своих обязанностей. Объясняется это тем, что в колхоз пролезли 4 хозяйства классово-чуждые, которые всеми силами стараются подорвать дисциплину колхоза несдачей фуража и т.д.» О конкретном случае «подрыва колхозной дисциплины» сообщила вторая заметка: «Колхозник клубучковского колхоза «Борец» Семин Иван, объявивший себя ударником, 18 мая напился пьяным и, придя в правление колхоза, начал дебоширить. Семин недавно продал свою корову и вырученные деньги пропивает, а в семенной фонд колхоза не внес – ни натурой, ни деньгами. Он собирается забрать общественную лошадь из колхоза и также продать. Таких лжеударников колхозу не надо»³.

В мае 1932 г. горловская районная газета сообщила: «В клубучковском колхозе «Борец» на 3 мая вспахано 17,5 га, из которых 5 га засеяно овсом, остальные – викой. Бригады решили отчислить заработанные в дни 1 мая трудовни в пользу МОПРа. Между бригадами развернуто соцсоревнование на лучшее и быстрое проведение весеннего сева. Впереди всех идет бригада В.А. Черняева, перевыполняющая свою производственную программу»⁴. По итогам весеннего сева «Ленинская искра» опубликовала рапорт клубучковского колхоза РК ВКП (б), РИК и РКС: «Мы, колхозники колхоза «Борец» 3 июня вечером закончили сев 3-й больше-

¹ Ленинская искра, № 15. – 1931. – 23 марта.

² Ленинская искра, № 21. – 1931. – 23 апреля.

³ Ленинская искра, № 27. – 1931. – 28 мая.

⁴ Ленинская искра, № 53. – 1932. – 4 мая.

вистской весны. План по засеву яровых выполнен на 104,25 %. Мы успешно закончили сев на основе правильной организации бригад, правильной расстановки сил внутри их и при помощи широко развернувшегося соцсоревнования и ударничества. Мы обязуемся так же ударно <...> провести прополочную кампанию и повысить урожайность на 25 проц. С 3 июня переключаемся на обработку огородов, находящихся в единоличном пользовании. Мы оказывали помощь колхозу «13-й Октябрь» и вспахали там 13 га. <...>¹

Из статьи «Протаскивается кулацкая уравниловка (к пред. колхоза Семину)» можно узнать о проблемах колхозного строительства в Клубучках в начале 1930-х гг.: «В клубучковском колхозе «Борец» до сего времени наблюдается кулацкая уравниловка, нет учета качества работ, и трудодни записываются через 2–3 недели в трудовые книжки колхозников. Имеются такие факты, когда работали хорошо и плохо, а записывали всем одинаково, даже столько же записывали тем женщинам, которые работали несколько часов на других работах. Бригадир не проверяют работу. Инспектора по качеству бездействуют, а когда бригадирам колхозники указывают на неправильные действия, то они заявляют, что «нам некогда проверять работу». Правление колхоза должно принять решительные меры к бригадирам, срывающим учет и качество работ и протаскивающим кулацкую уравниловку»².

«Ленинская искра» писала и о других негативных явлениях колхозной жизни. В частности, летом 1936 г. газета сообщала: «В клубучковском колхозе «Борец» колхозницы М.Д. Медведева, П.Н. Елистратова и М.Д. Васильева часто под видом болезни отказываются от работы в колхозе. Сами же этим временем ходят за вином в Горлово и перепродают его на дому по повышенной цене (шинкарят). Сейчас они настолько освоились с шинкарством, что отказы от колхозной работы «по болезни» сделались систематическими»³.

Не избегали критики районной газеты и председатели клубучковского колхоза. В частности, в статье с характерным для той эпохи названием «Беспощадно судить врагов народа» об одном из них сообщалось: «...Предколхоза «Борец» Комаров <...> далеко не оправдывает своего назначения. Ноль внимания обращает Комаров на ход работы в колхозе, на его благополучие. Затыжка с севом (на 21/VIII посеяно только 41 га), неумелая расстановка сил бригадирами и другие неполадки говорят об отсутствии руководства. Но о своем благополучии Комаров заботится очень хорошо. Если нужно для него лично, то он пренебрегает даже постановлениями общего собрания. Так, общим собранием зарплата утверждена предколхоза 1,25 трудодня в день, а Комаров самовольно утвердил себе еще 50 рублей деньгами ежемесячно. Не довольствуясь и этим, он взял самовольно 14 пудов колхозной ржи, не согласовав этого даже с членами правления»⁴.

В 1938–1939 гг., когда колхозом «Борец» руководил Василий Степанович Перевезенцев, в нем насчитывалось 17 голов крупного рогатого скота, 46 свиней, 22 головы овец и коз, 73 лошади, из которых рабочими были 41. В конце 1930-х гг. колхоз «Борец» стабильно выполнял, а время от времени – и перевыполнял плановые показатели⁵.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.» Согласно этому документу, в Клубучках, деревне Петрушинского сельсовета, насчитывалось 61 жилое строение, 65 хозяйств и 288 чел. на-

¹ Ленинская искра, № 74. – 1932. – 6 июня.

² Ленинская искра, № 125. – 1934. – 27 июля.

³ Ленинская искра, № 84. – 1936. – 23 июля.

⁴ Ленинская искра, № 96. – 1936. – 24 августа.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Характеристика колхоза «Борец»..

селения. Из промышленных заведений отмечена одна просорушка. Из социокультурных учреждений упоминается начальная школа¹. Если в 1933/34 учебном году в клобучковской начальной школе насчитывалось 34 учащихся (10 мальчиков и 24 девочки), то в 1939/40 их было уже 47 (24 мальчика и 23 девочки).

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в первой половине XX в. в деревне Клобучки насчитывалось 74 строения. Она представляла собой два порядка крестьянских домов, вытянувшихся друг против друга с юго-запада на северо-восток по обеим сторонам пересохшего более ста лет назад русла р. Прони.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война прервала мирную жизнь советских колхозников. Многие жители Клобучков были мобилизованы в РККА и отправились защищать Родину на полях сражений. Практически всю войну прошел уроженец деревни Алексей Петрович Мальшев (1919–?), кадровый сапер РККА, служивший в армии с 1939 г. В июне 1941 – феврале 1942 гг. он воевал на Центральном фронте, с февраля по апрель 1942 г. – на Брянском, с апреля 1942 по сентябрь 1943 гг. – на Южном, с февраля 1945 г. – на 3-м Украинском, был награжден медалью «За отвагу» (1945). В апреле 1945 г. гвардии старший сержант А.П. Мальшев, помощник командира взвода 2-й саперной роты 140-го отдельного гвардейского саперного батальона, отличился при взятии столицы Австрии – города Вены. «10 апреля 1945 г. отделение саперов во главе со старшим сержантом Мальшевым, отражая контратаки противника, первым ворвалось в Королевский дворец² (г. Вена) и обеспечило движение пехоты вперед. Двигаясь в направлении к мосту, гвардии старший сержант Мальшев с отделением под ожесточенным огнем противника разведали состояние моста, разминировали его и открыли путь пехоте»³. За проявленные при взятии австрийской столицы мужество и героизм А.П. Мальшев был удостоен ордена Славы 3-й степени.

В 1950 г. клобучковский колхоз «Борец» был объединен с петрушинским колхозом «13-й Октябрь»⁴. С упразднением Горловского района в 1959 г. Клобучки вошли в состав Скопинского района Рязанской области.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. детей в Клобучках еще было немало – все они учились в Петрушинской средней школе. В 1970-х – 1980-х гг. население деревни неуклонно сокращалось из-за переезда ее жителей в соседние села и оттока молодежи в города.

Точного времени прекращения жизни в Клобучках установить не удалось. Скорее всего, речь идет о 1990-х гг. В Законе Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Клобучки уже не упоминается среди населенных пунктов Скопинского района. Территория, на которой она располагалась, административно относится к Горловскому сельскому поселению.

В настоящее время деревни Клобучки более не существует. Лишь одичавшие сады вдоль бывшей главной деревенской улицы, зарастающий пруд и несколько возвышающихся над травой фундаментов свидетельствуют о том, что здесь на протяжении без малого пяти веков жили люди.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

² Имеется в виду дворец Хофбург, основная резиденция австрийского императорского двора.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 690306, д. 2146, л. 92.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 251, лл. 1–2.

КЛЮЧЕРЕВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Ключеревка (Ключаревка, Ключаревский хутор, Ключеревские выселки) возникла на землях Ряжского уезда во 2-й пол. XVIII в. В это время она была безымянным хутором, выселенным из близлежащего села Чирково.

Первое упоминание о будущей Ключеревке в документах относится к 1774 г. Составленные в это время экономические примечания к планам Генерального межевания Ряжского уезда называют владелицей небольшого хутора дворянку Авдотью Никитину дочь Перепечину. Он располагался «отвершка безымянного, на коем пруд, на правой, речки Ямны, Песочни тож, на левой сторонах». Жилые и хозяйственные постройки занимали площадь 3 десятины 480 сажень (3,51 га), пашня – 217 десятин 634 сажени (237,4 га), лес – 143 десятины (156,23 га). Всего же с лугами и неудобьями ряжское владение А.Н. Перепечиной занимало 371 десятину 2272 сажени (406,36 га). Об условиях хозяйствования в имении экономические примечания сообщали: «...Земля черноглинистая, хлеба и покосы средственны, лес дровяной»¹.

Своим нынешним названием деревня обязана следующим владельцам. В 1800-х гг. село Чирково с прилежавшим к нему хутором получил в приданое за женой коллежский регистратор Иван Васильевич Ключарев. Его потомки владели чирковской усадьбой вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Сын помещика Василий Иванович Ключарев (1809–1865) в августе 1825 г. 16-летним юнкером поступил на службу в 8-й егерский полк. В его составе он принимал участие в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. В 1834 г. В.И. Ключарев вышел в отставку в чине поручика, ок. 1846–1848 гг. служил по выборам от дворянства ряжским уездным судьей. В 1852 г. он пережил смерть первой жены Олимпиады Ивановны, урожденной Повалишиной (1820–1852), ее гранитное надгробие сохранилось при Знаменской церкви в Чирково. В 1858 г., в период подготовки освобождения от крепостного права, В.И. Ключарев был избран членом Рязанского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян².

По окладной книге 1850 г., в селе Чиркове Ряжского уезда Рязанской губернии «за поручиком Васильем Ивановичем Ключаревым» числились 156 душ крестьян и 29 дворовых мужского пола³. По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Чиркове и деревне Ключаревский хутор помещику В.И. Ключареву принадлежали 393 души обою пола⁴. Располагался хутор при ручье, притоке р. Ямны. На ручье был пруд⁵.

Сведения о ряжском имении В.И. Ключарева можно почерпнуть и из 3-го тома справочного издания «Сведения о помещичьих имениях», вышедшего в свет накануне отмены кре-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1228, л. 16 об.

² *Филлимонов С.В.* Профессор Александр Васильевич Ключарев и его яблонево сад. / Материалы Седьмых Краеведческих чтений памяти В.И. Гаретовского (25–27 февраля 2011 г.). Рязань: Пресса, 2012. – С. 173.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 192, л. 263.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. – Москва: Ряз. губ. земство, 1888. – С. 122–123.

⁵ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

постного права в 1861 г. По его данным, во владении у чирковского помещика находились 158 мужских крестьянских душ и 42 дворовых человека. Крестьяне проживали в 30 дворах и составляли 53 издельных тягла. В пользовании у них находилось 318 десятин (347,4 га) пахотной земли (по 2 десятины или 2,2 га на душу) и общий выгон для скота¹.

Высочайший манифест от 19 февраля 1861 г. предусматривал, что выходящие из крепостной зависимости крестьяне подписывали с бывшими помещиками уставные грамоты, в которых описывались земли, предоставлявшиеся сельским обществам в постоянное пользование, оговаривались размеры выкупных платежей и повинностей в пользу бывшего владельца на период пребывания крестьян во временнообязанном состоянии. Бывшие помещики и сельские общества составляли их при участии мировых посредников. В «Ведомости о выкупных сделках, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г.», среди прочих, упоминается грамота, составленная В.И. Ключаревым со своими бывшими крепостными: «Рязжк[ого] уез[да], участка мир[ового] посредника Комарского, село Чирково поруч[ика] В.И. Ключарева, 158 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1800 саж[еней]; повинность издельная. Грамота написана помещиком»².

В.И. Ключарев был прогрессивно мыслящим и либерально настроенным помещиком, однако это не избавило его от конфликтов со своими бывшими крепостными. 12 (24) марта 1864 г. в ходе заседания Рязанского губернского по крестьянским делам присутствия, членом которого состоял и сам В.И. Ключарев, рассматривалась жалоба на него, поступившая от временнообязанных крестьян села Чиркова Рязжского уезда. Крестьяне «подали чрез поверенного г. министру внутренних дел просьбу, в которой жалуются на губернское присутствие за неудовлетворение жалобы их на помещика за отвод в надел неудобных будто бы земель и перенесение усадьбы на другое место. По этой просьбе земский отдел потребовал доставления для доклада г. министру сведений. Губернское присутствие уведомило, что оно признало жалобу крестьян с. Чирково неподлежащею удовлетворению, так как по собранным справкам оказалось: 1) что крестьянам предоставляются пахотные участки, бывшие в их пользовании при обнародовании Положения 19 февраля, 2) что пашня отделена от настоящего места поселения крестьян помещичьими угодьями, а потому владелец имеет законное право перенести усадьбу в силу 3 п. 75 ст. мест. полж., 3) что касается до лугов, то взамен прежде бывших в пользовании крестьян отведены таковые же, убравшиеся доселе в пользу помещика, 4) что обществу предоставляется в постоянное пользование надел в прежнем в высшем размере, следовательно крестьяне могут обратиться в выгон потребное им количество десятин, и 5) что в месте, назначенном для водворения крестьян, находится уже с давних времен поселение и, по удостоверению посредника, имеется в пруде и колодце весьма достаточно воды»³. Крестьяне же были больше заинтересованы остаться в селе, получив землю «от реки Моши к Кучуковскому рубежу», где, по их мнению, была лучше земля, источники воды и условия для выпаса скота.

В пояснении присутствию помещик сообщил: «Поверенный крестьянин пишет, что земля у крестьян отнята в 1859 г. и дана им худшая и песчаная. Действительно, часть земли переменена у крестьян села Чиркова, но не в 1859 г., как пишет поверенный, а в 1857 г., земля дана им в даче населенного хутора лучшая как по грунту, так и по ровности местоположения <...>. Я имею честь обратить внимание губернского присутствия на следующие обстоя-

¹ Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том III. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. – СПб., 1860. – С. 54–55.

² Рязанские губернские ведомости, № 36. – 1863. – 7 сентября.

³ Рязанские губернские ведомости, № 18. – 1864. – 2 мая.

тельства: положение дачи моей представляет почти правильный параллелограм, на одном его конце поселен хутор, а на другом – село Чирково, ежели устроить владение землею так, как просит поверенный крестьян, чтобы крестьян села Чиркова оставить на прежних усадьбах, тогда и крестьянам поселенного хутора должна быть отдана земля к их же прежним усадьбам, а затем середина дачи естественно должна поступить во владение помещика, тогда усадьба помещика при с. Чиркове со всеми хозяйственными заведениями останется одна, окруженная со всех сторон крестьянской землею, чрез что и является чрезполосное владение»¹.

Ранее первичная жалоба крестьян рассматривалась в Рязском мировом съезде, где 20 сентября (2 октября) 1862 г. был представлен проект переселения к 9 дворам Ключеревского хутора еще 10 дворов из Чирково по причине наличия пахотной земли крестьян при хуторе. Мировой съезд определил препроводить прошение крестьян к мировому посреднику 3-го участка, который «22 октября, по прибытии в с. Чирково, имение поручика Василия Ивановича Ключарева, вызвал уполномоченного г. Ключарева, управляющего по доверенности Сатурнина, и при четырех сторонних добросовестных с крестьянами-домохозяевами осмотрел на месте крестьянские строения, местность, назначаемую для поселения, и крестьянские сады. По осмотру этому оказалось: местность для нового поселения удобна, крестьянские сады заключаются: 1-й) Александра Матвеева – старых яблонь 8, молодых 2 и несколько кустов крыжовника; 2-й) Степана Абрамова – 3 яблони старых, 9 молодых, бывших с плодом, и 10 отводков; 3-й) Дмитрия Васильева – 2 яблони старых и 3 молодых; 4-й) Николая Иванова – 1 яблоня старая; 5-й) Дмитрия Филишова – 4 старых яблони; 6-й) Григория Васильева – 6 яблонь старых и 3 молодых и 1 груша; 7-й) Якова Никитина – 6 старых яблонь; 8-й) у крестьян Луки Ефимова и Терентия Степанова – по одной старой яблони. Оценки этих садов как сами крестьяне, так и добросовестные не объявили, объясняя, что они дороги для хозяев, а оценить их нельзя, потому что сады эти были у крестьян для домашнего употребления, а в наем не отдавались. У крестьянина Дмитрия Филимонова на дворе рушалка в два постава: один для рушения, а другой мукомольный, стены плетневые». Подписанные протоколы осмотра садов и места переселения были представлены мировым посредником в мировой съезд. Члены съезда признали правильным проект переселения, «что же касается ценности садов, имеющихся на крестьянских усадьбах, и стоимости перенесения строений, то просить г. мирового посредника 3-го участка поступить в этом случае, как указывают статьи 86 и 88 мест. пол.», то есть компенсировать. «В другом представлении своем мировой посредник сообщает, что, сделав дознание по прошению, поданному крестьянами в съезд, он удостоверился в совершенном удобстве местности, отведенной под новое поселение, касательно же пруда нашел, что хотя он во время осмотра по причине засухи и не изобилен водою, но может быть легко исправлен и будет достаточен. Исправление это должно возложить на помещика ко времени переселения крестьян, тем более, что поддержка этого пруда нужна и для самого владельца, оставившего в нем рыбную ловлю в свою пользу, кроме того, владелец обязан устроить для водопоя колодезь, следовательно недостатка в воде не предвидится». В свою очередь, мировой съезд утвердил «вознаграждение в пользу общества за каждый переносимый двор 30 руб. сер. и за 51 яблоню, приносящих плоды, рассчитывая доход с каждой по 30 коп. сер. в год, всего по 10-летней сложности 153 руб. сер.»²

По итогам рассмотрения всех документов Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие вынесло определение: объявить уполномоченному от крестьян с. Чирко-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 18. – 1864. – 2 мая.

² Там же.

во г. Ключареву Терентию Степанову, что в силу статей Положения «поданная им г. министру внутренних дел просьба, переданная губернскому присутствию для пересмотра дела о разверстании угодий и переселении крестьян, не может быть удовлетворена, так как помещик поступил по точному смыслу высочайше утвержденных правил Положения 19 февраля 1861 г., а потому нет законного основания в отмене распоряжения владельца»¹.

«Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год» сообщает, что в бывшем владельческом хуторе, лежавшем при пруде и по правую сторону Скопинского тракта, было 10 дворов, в которых проживали 42 мужчины и 55 женщин. К этому времени местные крестьяне все еще оставались «временнообязанными бывшего помещика Ключарева»².

В 1884 г. на хуторе Ключарева было уже 19 крестьянских дворов. Все его жители были прихожанами Знаменской церкви села Чиркова. По переписи населения 1887 г., в Ключаревском хуторе насчитывалось 27 домохозяйств, в которых проживали 95 мужчин и 90 женщин. Из них грамотой владели только 4 человека. Средний душевой земельный надел в деревне составлял 2,8 десятины (3 га). При этом три деревенские семьи владели почти 30 десятинами (33 га). Жители хутора Ключарева собирали урожаи ржи «сам-пят», овса – «сам-четверт» (т.е. собранное в 5 и в 4 раза превосходило посеянное). В деревне насчитывалось 25 изб (все крытые соломой), при них было 23 плетневых двора, один заборный, 16 горниц, 18 амбаров и сараев, 23 риги и овина, а также 45 плодовых деревьев и 22 колоды пчел³.

Единственным сыном чирковского помещика В.И. Ключарева от второго брака был Александр Васильевич Ключарев (1864–1932). Окончив 1-ю рязанскую мужскую гимназию, в 1884 г. он продолжил образование в Императорском Санкт-Петербургском университете, откуда был исключен за участие «в беспорядках, происходивших в стенах университета в декабре 1887 года»⁴. Дальнейшее образование ему пришлось получать в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. Увлеченность и трудолюбие сделали его хорошим специалистом по растениеводству и земледелию. С 1898 г. А.В. Ключарев преподавал в Киевском политехническом институте, где со временем стал профессором агрономии.

В конце XIX – начале XX вв. усадьба Чирково стала местом постоянного проживания супруги ученого Софьи Павловны, урожденной Кравковой (1870–?), сестры выдающегося отечественного фармаколога академика Н.П. Кравкова⁵, с которым А.В. Ключарев вместе учился в рязанской гимназии и в столичном университете. Здесь же родились дочери профессора Ключарева Наталья (1896) и Ольга (1904).

В годы учения и в начале своей академической карьеры А.В. Ключарев редко посещал родовое гнездо, хотя и заботился о нем дистанционно. Об этом свидетельствуют документы Рязанского уездного земства. Например, 3 (15) октября 1895 г. в земском собрании рассматривалось заявление чирковского помещика, в котором он писал: «Желая открыть земскую школу в с. Чиркове Нагайской волости, я имею честь ходатайствовать перед собранием о следующем: не найдет ли оно возможность ассигновать в мое распоряжение на покупку здания для школы, его ремонт и перенос на другое место (дом бывшего, ныне покойного, священника с. Чиркова) пособие в 350 руб. <...>? Позволяю себе надеяться, что собрание согласит-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 18. – 1864. – 2 мая.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 590–591.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 122–129.

⁴ Узбекова Д.Г. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. – М.: Вече, 2014. – С. 32–35.

⁵ Кравков Николай Павлович (1865–1924) – действительный статский советник (1912), академик Императорской военно-медицинской академии (1914), основатель отечественной школы фармакологов. Один из первых лауреатов Ленинской премии (1926, посмертно).

ся на мое предложение и тем устранит тот грустный и ненормальный факт, что в целой (Нагайской) волости в продолжение уже многих лет нет ни одной школы <...>. Каково последует решения собрания, покорнейше прошу сообщить мне в г. Москву, Петровско-Разумовское, Сельскохозяйственный институт»¹. Деньги, похоже, были выделены.

Позднее А.В. Ключарев стал чаще приезжать в Чирково в летние месяцы для занятий сельскохозяйственными опытами. «В 1900 г. профессор Ключарев в своем имении проводил опыты с минеральными удобрениями под рожь по составленному им плану. Минеральные удобрения были получены Рязским обществом сельского хозяйства от Министерства земледелия. О проделанной работе Ключарев подробно отчитался в годичном собрании общества.

В 1902 г. в Рязани была устроена IV очередная сельскохозяйственная выставка с бесплатными при ней курсами. <...> В качестве лекторов на курсах выступали профессора Московского сельскохозяйственного института С.А. Иванов и Киевского политехнического института – А.В. Ключарев, В.Н. Прянишников, К.Г. Шиндлер. <...> А.В. Ключарев выступал <...> с лекциями о задачах современного сельского хозяйства и применении искусственных удобрений в земледелии и садоводстве. <...> А яблоки из сада имения Ключарева не раз экспонировались на различных выставках. В 1899 г. он представил плоды 28 сортов яблонь, за что сад и питомник Ключарева были удостоены малой серебряной медали Общества плодоводства»². Сад при усадьбе Ключаревых в Чирково занимал почти все пространство между селом и деревней Ключаревский хутор.

В начале XX в. А.В. Ключарев активно участвовал в общественной жизни Рязского уезда. Он состоял гласным уездного земского собрания, в 1906 г. стал организатором и председателем Рязского комитета партии кадетов.

Имение Чирково и его окрестности связаны с именем еще одного выдающегося деятеля отечественной агрономической науки. В конце 1890-х гг. в имение часто приезжал младший брат хозяйки имения Сергей Павлович Кравков (1873–1938), известный отечественный почвовед-агрохимик, ученик А.В. Советова. На выделенном ему С.П. Ключаревой участке он проводил практические опыты в ходе подготовки своей магистерской диссертации.

В 1906–1907 гг. отношения между супругами Ключаревыми разладились. Приезды А.В. Ключарева в имение прекратились. Но братья Кравковы регулярно посещали Чирково и в 1910-х гг. Н.П. Кравков и С.П. Кравков с юных лет были заядлыми охотниками, а поля и леса в окрестностях усадьбы и Ключаревского хутора изобиловали дичью. Незадолго до Первой мировой войны к этой своей страсти братья приобщили племянника Сергея Васильевича Кравкова (1893–1951), студента Императорского Московского университета, в будущем – выдающегося советского психолога и психофизиолога, члена-корреспондента Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР (1946), заслуженного деятеля науки РСФСР (1947). Последний приезд академика Н.П. Кравкова в Чирково датируется июнем–июлем 1916 г., С.В. Кравкова – летом 1917 г.

Несмотря на то, что в чирковской усадьбе регулярно гостил один из выдающихся представителей отечественной медицинской науки, получение элементарной медицинской помощи долгое время оставалось большой проблемой для окрестных сельских жителей. В приговоре общественного схода крестьян села Чиркова Нагайской волости Рязского уезда Рязанской

¹ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXI очередного 8-9 октября 1895 г., экстренного созыва 8-11 ноября 1896 г. – Рязск, 1896 – С. 165.

² *Филлимонов С.В.* Профессор Александр Васильевич Ключарев и его яблоневый сад / Материалы Седьмых Красевдеских чтений памяти В.И. Гаретовского (25 – 27 февраля 2011 г.). – Рязань: Пресса, 2012. – С. 175–176.

губернии от 20 сентября (3 октября) 1909 г. отмечалось: «Мы, нижеподписавшиеся <...>, крестьяне господина Ключарева, быв сего числа собраны на полный общественный сход из числа 55 домохозяев 40 человек, имеющих право голоса на сходе <...>, слушали заявления, где имели суждение о следующем: селения Нагайской волости очень нуждаются в врачебной помощи, и ближайшие пункты отстоят от некоторых нашей волости селений 20–25 верст; происходит много горя и несчастья, умирают соседи, близкие, родные, в особенности дети, многие навек остаются калеками, и часто от нашей глупости и беспомощности...» В связи с этим крестьяне просили земство устроить в Чиркове «фельдшерский пункт с еженедельным амбулаторным приемом»¹. Он был открыт в 1910 г. и обслуживал население всей округи, в том числе и жителей Ключаревского хутора. Крестьяне относились к нему «с большим доверием»².

В 1917 г. в Ключаревском хуторе Нагайской волости Рязжского уезда Рязанской губернии насчитывалось 43 крестьянских двора, в которых проживали 132 мужчины и 133 женщины³.

В 1918 г. Чирково, «образцовое имение с опытными полями, с грушевыми и яблоневыми аллеями, небольшим молочным заводом, где производилось сливочное масло, национализировали. Было создано Ключаревское советское хозяйство»⁴. Сам А.В. Ключарев, насколько известно, больше никогда свое бывшее имение не посещал. В советские годы он продолжал преподавательскую работу «в Краснодарском и Воронежском сельхозинститутах, в Горьковской сельхозакадемии и Ленинградском зоотехническом институте. В Ленинградском институте преподавала и вторая жена Александра Васильевича – Галина Юльевна, химик по образованию, кандидат химических наук»⁵. Их сын профессор Александр Александрович Ключарев (1921–1992), известный медик-инфекционист, заслуженный деятель науки Белорусской ССР, в 1961–1986 гг. занимал должность ректора Минского медицинского института.

Приусадебный сад А.В. Ключарева не пришел в запустение и еще долгие годы приносил пользу людям. При Ключаревском хуторе было создано одно из предприятий Садвинтреста – совхоз «Первомайский». На административно-экономической карте Желтухинского района 1935 г. он обозначен как совхоз «Ключаревский» к северу от хутора⁶. В группу совхозов этого объединения входили семь хуторов-хозяйств. В пределах образованного в 1929 г. Рязжского района Центрально-Промышленной (позднее Московской) области их было четыре: Рязжский (бывший Протопоповский хутор), совхоз «Красный Октябрь» в селе Турове, совхоз в Большой Алешне и в Ключаревке. В Сараевском районе работали Желобо-Борковский и Вердовский совхозы, в Скопинском – Залесско-Чулковский хутор⁷.

В начале 1930-х гг. селение, включенное в состав Гореловского сельсовета, все чаще стали называть деревней Ключаревские выселки или Ключаревкой (Ключеревкой). В 1931 г. в нем был организован колхоз «Крестьянин» (примерно в это же время в соседнем селе Чиркове – «Путь к коммунизму») ⁸. Одному из эпизодов трудовой жизни ключаревской сельхозар-

¹ Журналы Рязжского уездного земского собрания 45-го очередного очередного созыва 29 и 30 сентября 1909 года. Рязжск, 1910. – С. 243–244.

² Журналы Рязжского уездного земского собрания 46-го очередного очередного созыва 27 и 28 сентября 1910 года. Рязжск, 1911. – С. 55.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 89–90.

⁴ *Флимонов С.В.* Профессор Александр Васильевич Ключарев и его яблоневый сад. / Материалы Седьмых Краеведческих чтений памяти В.И. Гаретовского (25 – 27 февраля 2011 г.). – Рязань: Пресса, 2012. – С. 177.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Административно-экономическая карта Желтухинского района МО, М 1:75000, 1935 г.

⁷ Колхозник, № 26. – 1931. – 5 июня.

⁸ Административно-экономическая карта Желтухинского района МО, М 1:75000, 1935 г.

тели посвятила свою критическую статью ряжская районная газета «Колхозник»: «В день в бригаде на прополке в июне 1934 г. женщины при сдельной работе вырабатывали по 0,2 трудодня, во второй 0,16, а в третьей 0,8. От них в правление колхоза «Крестьянин» Гореловского сельсовета стали поступать заявления на заниженность норм. Им отвечали: «Вы, наверно, долго спите». Полольщики предложили проверить их работу и качество. В конце концов председатель Кочетов принял решение заменить сдельную работу на поденную с оплатой взрослым по 0,75, а подросткам 0,6 трудодня. Прошло несколько дней, и женщины стали на прополку выходить в 10 часов утра, а уходить раньше. В результате 12 га проса остались не прополотые»¹.

В 1935 г. деревня Ключаревские выселки вместе с Гореловским сельсоветом была включена в состав новообразованного Желтухинского района Московской области. В 1937 г. Желтухинский район вместе со всеми населенными пунктами был переподчинен созданной Рязанской области.

В годы «Большого террора» в Москве погиб один из уроженцев Ключаревки Владимир Федотович Федотов (1911–1937). Он был расстрелян на Бутовском полигоне 9 сентября 1937 г. Скорее всего, В.Ф. Федотов пал жертвой оперативного приказа Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в середине XX в. в деревне Ключаревские выселки насчитывалось 42 строения. Она представляла собой два порядка крестьянских домов, образовывавшие единственную улицу. В северной части деревни находился копаный пруд.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война коснулась и жителей небольшой Ключаревки. Большинство деревенских мужчин было мобилизовано в РККА. Примером боевой работы ключаревцев в военное время может служить военная биография уроженца деревни Александра Васильевича Лифанова (1923–?). С февраля 1942 г. он воевал на Северо-Западном, Волховском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском и Карельском фронтах, в марте 1942 г. был тяжело ранен, пережил еще одно ранение в мае 1942 г. и контузию в апреле 1944 г., был награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги». В октябре 1944 г. командир отделения роты автоматчиков 311-го стрелкового полка 65-й стрелковой Новгородской Краснознаменной дивизии 99-го стрелкового Краснознаменного корпуса 14-й армии старшина А.В. Лифанов был награжден орденом Красной Звезды. В представлении к награде, подписанном командиром полка майором Ширяевым, о его заслугах сообщалось: «За период наступательных операций с 7 октября по 14 октября 1944 г. тов. Лифанов показал себя мужественным и отважным воином. Будучи писарем в штабе полка, он ежедневно ходил по подразделениям, ведущим бой с противником, и собирал сведения о потерях и трофеях. Несмотря на ураганный огонь противника, он пробирается в подразделения, передает указания и обратно приносит сведения. В боях под Псковом он был контужен, но, несмотря на контузию, он продолжал оставаться на месте и выполнять поставленную задачу. Благодаря его самоотверженной работе полк имеет большое количество награжденных пражскими наградами. Он работает, не зная усталости, днем, и ночью»².

В военные годы без усталости трудились и оставшиеся в тылу ключаревцы. В 1942 г. в колхозе «Крестьянин» Гореловского сельсовета был получен хороший урожай зерновых. По при-

¹ Колхозник, № 75. – 1934. – 29 июня.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 67617, л. 2300.

знанию желтухинской газеты «Колхозная правда», «такой ржи, какая уродилась, колхозники еще не видели»¹. Убирали ее в основном женщины, старики и подростки.

В послевоенные годы основные усилия страны были направлены на восстановление разрушенной промышленности. Жизнь колхозников была трудной: сохранялись военные нормы обязательной выработки трудодней, но оплата труда была предельно низкой, так что основной доход труженики села получали от собственных приусадебных хозяйств. Произведенная в них сельхозпродукция также подлежала обязательной сдаче государству по низким закупочным ценам. В 1946 г. отменили военный налог, но зато сельскохозяйственный налог был значительно увеличен. Практически все полевые работы приходилось делать вручную, в лучшем случае удавалось «выбить» трактор МТС для пахоты. О том, как в ключеревском колхозе «Крестьянин» 30 июня 1948 г. проходила косовица ржи, газета «Колхозная правда» сообщала: «Тихим прохладным утром, в 6 часов утра, 24 косца и 46 вязальщиц двинулись в поле. Шествие возглавляли председатель колхоза Карасев и секретарь парторганизации Кочетков. С крюками в руках шли 80-летний колхозник Федотов Петр Павлович, 60-летний Миронов Василий Арефьевич. В колонну влились 60-летние Федотова Матрена Петровна, Свирина Мария Григорьевна и Миронова Анна Матвеевна. В общей колонне подростки Кочетков Николай Константинович, Свирин Николай Федорович, Кочетков Алексей Васильевич, Кочеткова Надежда Никифоровна, Котлукова Лидия Ивановна и другие. Вот и широкое поле, застывшее в ожидании дня. Колхозники разбились на группы, и началась работа. Вечером подвели итоги. Как и должно быть, выработка получилась больше в бригаде, где работал председатель. За 5 дней дружной работы скосили 80 га ржи. Женщины все связали и скопили, и начала работать шестиконная молотилка. К вечеру 9 июня первые 4 подводы, нагруженные до отказа зерном, двинулись на Желтухинский заготовительный пункт»².

В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован, и населенные пункты Гореловского сельсовета вошли в Скопинский район Рязанской области. В 1958 г. колхозы деревень Рановка, Дубровщина, Ключеревка, Гореловка и Говорово были объединены в один колхоз им. М. Горького.

В 1961 г. был расформирован желтухинский совхоз им. В.И. Чапаева. Его хозяйство было разделено на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское. 1 сентября 1961 г. в Скопинском районе на базе бывшего совхоза им. В.И. Чапаева был создан совхоз «Желтухинский», в его состав вошел и колхоз им. М. Горького³.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Ключеревка была включена в состав Шелемишевского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в ней в это время постоянно проживали 4 человека – 2 мужчин и 2 женщины.

---

¹ Колхозная правда, № 64. – 1942. – 30 августа.

² Колхозная правда, № 27. – 1948. – 15 июля.

³ Архив Скопинского района, ф. 445, лл. 1-2.

КНЯЗЕВО

село

(сельское поселение Корневское)

Старинное название села – Князево-Займище. Местные предания связывают его основание и происхождение названия с личностями князей Дмитрия Донского или Олега Рязанского и циклом легенд о Куликовом поле¹. Как представляется, они имеют довольно позднее и искусственное происхождение и еще не были известны даже И.В. Добролюбову во 2-й пол. XIX в.

В середине XVI в. во владениях Рязанских архиепископов не значилось деревни или села с таким названием. Это дает основание предполагать, что в рассматриваемое время местные земли, вернее – заливные луга, принадлежали Великому князю Московскому (а с 1547 г. – первому царю всея Руси). Их изначальное название – Займище – обязано существовавшим здесь богатыми санными покосами. Обстоятельства передачи этого владения Рязанскому архиепископу в какой-то момент царствования Ивана IV Грозного или Федора I Ивановича остаются неизвестными.

В платежных книгах гг. Рязани, Пронска и Рязьска, да станов Окологороднего, Каменского и Пехлецкого по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова 1594–1597 гг. сказано: «Село Князево займища под великим лесом; была по лготе, выйдет из лготы во 109-м (1611) году; и всево во лготе за архиепископом село да 2 деревни...»²

Упоминающаяся в источнике льгота, скорее всего, свидетельствует об имевшейся до 1611 г. заинтересованности государства в заселении этих земель, нередко страдавших от набегов крымских и ногайских татар. Речь идет о том, что Рязанскому архиепископу дана была льгота по налогам в отношении его поселений и земельных владений за активное участие в обороне Российского государства и прочие заслуги. Став богатыми землевладельцами, архиереи в своем качестве «духовных феодалов» начали привлекать к себе на службу свободных людей: бояр – на высокие посты феодальной иерархии, детей боярских – для замещения низших придворных должностей, управления землями и отбывания воинской повинности. Служившие у архиереев дети боярские получали от них поместья на тех же условиях, что и на службе у Великого князя Московского, или позднее – у царя. Как отдельное сословие, они существовали вплоть до петровской эпохи, когда указом от 1705 г. были официально уничтожены, влившись по большей части в служилое дворянство. Мелкопоместные дворяне – дети боярские, находившиеся на службе у Рязанского архиерея, проживали в принадлежавших ему селениях, таких как деревни Пупки, Велемья или Князево-Займище. У них нередко были свои крепостные крестьяне, готовые по первому сигналу выступить против врага под их командой. Если в XVI в. архиерейские дети боярские чаще всего несли военную службу, то в XVII в. они стали выполнять хозяйственно-полицейские функции: собирали с жителей подати в архиерейскую казну и в свою пользу, наблюдали за ведением крестьянами хозяйства, производили размежевание земель между различными лицами, обменивали земли.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 167.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 155.

Льготы церковным владениям давались на определенный срок и время от времени продлевались т.н.«тарханскими грамотами». В такой тарханной грамоте, данной 5 (15) марта 1623 г. царем Михаилом Федоровичем Рязанскому архиепископу Антонию¹, записано: «В Пехлецком стану село Князево Займище <...> на речке на Велемке, пашни паханые, и наезжие, и перелогом, и дикого поля двесте пятьдесят четвертей в поле, а в дву потому ж, сена две тысячи копен, лесу черного в длину на полторы версты, а поперег на версту...»² По ней же давались привилегии архиепископским крестьянам: «Наших никаких податей и денежных поборов и козачьих кормов с сошными людьми не давати, опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов, городского и острожного дела...»³

В подлинной переписной книге посадских дворов и людей города Рязька, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. село Князево-Займище указано как «вотчина Рязанского архиепископа, а живут в нем сторожевые дети боярские однодворцы: Иван Савин сын, Роман Савин сын Бочаров, Сава Горасимов сын Бочаров, Сава Кирьянов, Иван Перфильев сын Кирилов, Ондрей Перфильев сын Кирилов, Обрам Гаврилов сын Гололоп, Иван Агеев, Потап Наумов сын Щелухов, Сава Михайлов, Климен Иванов сын Савин, Сава Васильев сын Наумов, Филат Кузьмин сын Кирьянов, Еким Федоров сын Коростелев, Яков Федоров сын Коростелев, Петр Михайлов сын Коростелев, Дмитрий Федоров сын Коростелев, Мелентей Ондреев сын Коростелев, Корнилей Захарьев сын, Федор Федоров сын Рыжкин, Иван Парамонов сын Месоедов, Федор Потапов сын Жабин, Василей Иванов сын Жабин, Марко Ортохов сын Сатчиков, Иван Остеев сын Жабин, Василей Остеев сын Жабин, Мина Тиханов сын Жабин, Терентей Жданов сын Гридчин, Степан Фирсов сын Попов, Костентин Иванов сын Жабин, Леонтей Гарасимов сын Жабин, Томила Дементьев сын Жабин, Корнелей Григорьев сын Хилом, Иван Парамонов сын Месоедов, Василей Михайлов сын Силин, Григорей Иванов сын Тверитин, Родион Степанов сын Попов, Самойло Терентьев сын Косракин, Дмитрий Петров сын Аншин, Тихон Григорьев сын Боходдин, Евсейей Афонасьев сын Шинин, Микула Иванов сын Третьяков, Лукьян Иванов сын Третьяков, Левонтей Иванов сын Сторынин, Исай Кондратьев сын Игумнов, Исай Кузьмин сын Боходдин, Данило Кузьмин сын Боходдин, Агей Антонов сын Усачев, Микита Афонасьев сын Стольянин, Гаврило Артемьев сын Жабин, Сава Горасимов сын Бочарников, Филимон Михайлов сын Жабин, Иван Степанов сын Жабин, Яков Иванов сын Жабин, а крестьян и бобылей за ними нет, живут однодворцы⁴. В том же селе за сторожевыми же детьми боярскими за Наумом Ивановым сыном Шаниным на ево жеребье крестьяне: двор, Ивашко Семенов, за ним один крестьянский двор, а в нем людей тож. За Романом Филиповым сына Боходдина на ево жеребье <...> один крестьянской двор, а людей в них три человека, да два двора двора бобыльских, а людей в них тож. За Сафоном Ивановым сыном Садчиковым на ево жеребье <...> один крестьянской двор»⁵.

К 1676 г. относится первое упоминание о приходской церкви в селе. И.В. Добролюбов сообщает: «При находившейся в том селе церкви, именованной Архангельскою, по окладн[ым] кн[игам] 1676 г. показано «церковныя пашни по писцовым книгам сорок четвертей в поле, а в дву потомуж, сенных покосов на восемьдесят копен» и 216 приходских

¹ Антоний (? – 1637) – архиепископ Рязанский в 1621–1637 гг.

² Русская историческая библиотека. Т. 2. – СПб., 1875. – С.402.

³ Там же. С.416.

⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 70–72 об.

⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 73.

дворов, в том числе двор преосвященного Иосифа¹, митрополита Рязанского и Муромского. Дани с Архангельской церкви по окладу 1676 г. положено было, вместо 2 рубл[ей] 3 алт[ын] 4 ден[ег], «пять рублей, дватцет один алтын»². Этот храм простоял в селе до 1756 г. из служивших в нем священников известны Трифон и Иоанн Власьев (упоминаются в 1676 г.), Алексей Власьев (с 1683 г.), Трифон Иоаннов (с 1688 г.), Петр Елисеев (с 1690 г.), Мартин Гаврилов (был рукоположен в 1697 г., но в том же году был послан в Богословский монастырь, где велено его держать на цепи и сеять ему муку), Самуил Григорьев (с 1700 г.), Логгин Исидоров (с 1702 г.), Иоанн Самуилов (с 1734 г.), Елисей (умер в 1738 г.)³.

По переписной книге 1716 г., «за преосвященным Стефаном, митрополитом Рязанским и Муромским, в том селе Князево Займище двор архиерейский для приезде ево, а в нем <...> обоих полов два человека, да другой архиерейский, а в нем живут приказные люди наездом, да крестьянских дватцет девят дворов, в них людей обоих полов сто тритцать четыре человека, вдовых, солдацких и нищенских десять дворов. В них людей <...> обоих полов дватцать человек»⁴.

В составленной не позднее 1724 г. переписной, окладной книге в селе Князево-Займище упоминаются архиерейский дом, два поповских дома, дом дьячков и 46 крестьянских дворов. Всего в них проживали 322 человека крестьян, 5 отставных дьячков и не состоявших в подушном окладе церковников – попов и дьячков 10 человек. На излете царствования Петра I некоторые князевские крестьяне числились в бегах. Нередко после неудачных поисков лучшей жизни они возвращались в родное село. «Максим Акинфеев сын Стенин, 21 год, из оной вотчины бежал, а в бегах жил в Данковском уезде в селе Борятине помещика Алексея Дохтурова, у крестьянина ево Степана Карасева <...> по разным лицам, и пришел в оною вотчину <...> Моисей Ульянов сын Пишулин, 50 лет, лет с пять бежал, а в бегах жил в г. Переяславле-Рязанском у стряпчего Семена Данилова года с три <...>, от него шшел, жил в том же городе по разным лицам и в 722 году пришел в оную вотчину...»⁵

В XVIII в. необходимость в отражении набегов с юга окончательно ушла в прошлое. В это время вотчина в Рязском уезде стала богатым источником хлеба для архиерейского двора. В село активно переселяли крестьян, построили двор приказчика, риги, амбары, а также скотные дворы. Примерно на это время приходится появление у села второго названия – Владычня⁶.

Основной повинностью принадлежавших духовенству крепостных была барщина – обработка архиерейской пашни. Крестьяне сеяли различные злаковые культуры, в основном рожь, косили заливные луга, выращивали скот. Были и оброчные статьи: плата за кузницы, мельницы, луга. Таким образом, жизнь архиерейских крепостных мало отличалась от быта помещичьих крестьян Пехлецкого стана Рязского уезда, куда входило село до образования Скопинского уезда. Имевшиеся незначительные отличия были обусловлены лишь принадлежностью к церковному ведомству. В руках архиерейского дома во главе с архиепископом было сосредоточено и духовное, и судебное управление. Значительные события в вотчине Рязанского архиепископа пришились на 2-ю пол. XVIII в., когда произошла коренная реорганизация церковного землевладения.

¹ Иосиф (? – 1681) – епископ, затем архиепископ и митрополит Рязанский и Муромский в 1674–1681 гг.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 218.

³ Там же. С. 219.

⁴ РГАДА, ф. 350, д. 350, лл. 112 об, 118 об.

⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 489, 501 об-502, 503 об.

⁶ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 218.

В середине XVIII в. крестьяне села Князево-Займище приняли участие в волнениях, которыми сопровождалась секуляризация владений православной церкви. Реформа церковного землевладения была инициирована императрицей Елизаветой Петровной в 1757 г. Основной ее причиной стало чрезмерное распространение церковных земель, не облагавшихся государственными налогами, из-за чего снижались доходы казны. Император Петр III ускориł подготовку реформы и указом от 21 марта (1 апреля) 1762 г. объявил о полном изъятии церковных земель в пользу государства. Для управления бывшими церковными вотчинами воссоздавалась Государственная коллегия экономии. Вместо прежних повинностей крестьяне церковных имений обязывались платить рублевый оброк сверх семигривенного подушного оклада. В пользование крестьян отдавалась земля, которую они пахали на церковь, мельницы и различные угодья предписывалось отдавать в оброк желающим. Этим актом Петр III окончательно испортил свои отношения с церковной иерархией и еще более настроил против себя русское общество. После переворота, приведшего на престол Екатерину II, указ был отменен, а конфискованная земельная собственность и крестьяне возвращены церкви. Однако проблема изъятых из налогообложения церковной собственности оставалась, поэтому в конце того же 1762 г. императрица приступила к подготовке будущей секуляризационной реформы 1764 г.

В обстановке неопределенности, созданной принятием указа от 1762 г. и его последующей поспешной отменой, среди церковных крестьян стали распространяться слухи, истолковывавшие перемены в пользу крестьянства. Циркулировали и подложные «императорские манифесты», обычно обещающие раздачу крестьянам всей церковной земли.

Князевские крестьяне, бывшие проездом в Москве, узнали об указе Петра III от каких-то других церковных крестьян и немедленно отказались от работы на рязанского архиерея. Из письма экономического игумена архиерейского дома, полученного Рязской воеводской канцелярией 9 (20) апреля 1763 г., известно, что «неоднократно посланными из оной Катедральной канцелярии в Рязкую воеводскую канцелярию промемориями» церковные власти извещали светскую администрацию о происходивших во владениях рязанского архиерея беспорядках и непослушании. «От крестьян с ослушания требовано было от учения с ними за то по силе имянного Ея Императорского Величества августа 12 прошлого 1762 года высочайшего Указа, по которым требованиям, хотя некоторые из крестьян оной вотчины при той канцелярии и наказаны точно и потому в должное по силе Указа послушание не приходят. А сего апреля 9 дня имеющийся в оной вотчине прикащик Иван Протопопов <...> рапорт представил, что оной вотчины крестьяне разобранный ими казенный прежних лет хлеб и яровые семена по взысканию сво не платят, тако ж и разобранного казенного, кроме малого числа, не дают и крестьянские старосты, для всякого исполнения являютца к нему весьма редко, а крестьяне к таковому ж исполнению в дом Архиерейский на сход вовсе не ходят, при том-де села Павловского крестьянин Лаврентий Дементьев объявляет, что по всему тому возмущает их села Князева Займище староста <...>, и к оному же збору хлеба самые лутчие той вотчины крестьяне состоят в великом упорстве, а уповательно ж что и в казенной пахоте будет по такому их упорству остановка». Игумен просил Рязкую воеводскую канцелярию, если «в чем оные крестьяне чинить будут каких ослушаний по объявлению означенного прикащика, поступить по силе состоявшегося указа», т.е. наказать ослушников батогами.

Одновременно в Рязкую воеводскую канцелярию пришло «доношение прикащика Ивана Федорова сына Протопопова вотчин святейшего Палладия, епископа Рязанского и Муромского, Рязского уезда села Князева Займища». В нем, в частности, говорилось, что в соответствии с «приказом Катетральной канцелярии» от 14 (25) марта 1763 г. «крестьяне убавляют

<...> сено по силе печатного манифесту, состоявшемуся 8 января сего году», в котором якобы «повелено, кто в минувшем году казенных лугов сено своевольно косил, из оного возвращать половину, <...> тако ж и меж собой чинят драки и протчие неприятели, а по команде послушания не чинят, деревни Петрушиной крестьяне не токмо похищенного сена [не возвращают], но и состоят в непослушании». Приказчик И.Ф. Протопопов сообщал, что крестьянам доведено приказание возвратить полностью похищенное сено, а также «казенный прежних лет хлеб и скот», и отрядить людей для плотницких работ. К документу был приложен реестр «похитителей сена». В нем фигурировали крестьяне сел Топилы (12 человек), Павловского (15 человек), Озерков (8 человек), деревень Велемьи (6 человек) и Петрушиной (9 человек), а также отмечалось: «Состоят в непослушании села Князева-Займище – Михаил Михеев, Ерофа Гаврилов, Лаврентий Григоров, Дмитрий Васильев, Федор Иванов, Петр Гаврилов, Кондрат Максимов, Прокофий Степанов, Лаврентий Екимов, Михей Чалбусов, Тит Козмин, Федот Петров, Петр Козмин, Иван Романов, Ефим Гаврилов, Семен Григорьев, Семен Михайлов, Данила Степанов, Ефим Захаров». Инструкцией канцелярису Максиму Докукину было предписано ехать в село Князево-Займище с деревнями и фактически взять под арест всех перечисленных «возмутителей спокойствия».

О дальнейших событиях в вотчине приказчик И.Ф. Протопопов докладывал «Катетральной канцелярии» рапортом от 22 мая (1 июня) 1763 г.: «...Крестьяне в Ряскую воеводскую канцелярию были забраны и за противности их наказаны, а те, которые отпущены без наказания с подпиской отбытию к дому его преосвященства в послушании, почему оные разграбленных хлебов и казенного скота и протчего платить не отрицают. А сего ж мая 16 дня пришли в ту вотчину из Москвы крестьяне Моисей Михеев, Назар Никитин и учинили во все той вотчины возмущения <...>, и в остальном собранный скот приказывают таки разобрать обозначенной вотчины всем крестьянам по себе, и при том объявляют якобы всем крестьянам велено итить в Москву, а если итить не хотят, тоб дать им, возмутителям, денег на прозбу, чтоб быть им вольными в оброке, и казенную пашню так же неотдаточные пустоши велят же делить по себе. На состоящей при той вотчине прикашичей огород велено посеять казенным семенем, оные возмутители пахать запретили <...>, и у него, Протопопова, в послушании быть не велят, а мая 18 дня оной вотчины крестьяне, собравшись многолюдством и пришед на тамошний архиерейский двор с дубьем, грохали и махали на него, Протопопова, палкой, и с оным-де товарищем ево Назаром Никитиным всенародно объявил: по учреждению о церковных имениях комисей, что тянется по то время, они не чего исправлять не будут, так же бы Протопопов в том селе не жил, а таки при том похвалою, что от них и седла не унесет, при чем-де при всем были того села иерей Иван, да имеющийся в той вотчине от Ряской воеводской канцелярии для принуждения в отдаче разграбленного хлеба и скота солдат Контрат Федоров. А по справке в Катетральной канцелярии, посланной из оной в Ряскую воеводскую промеморием, особливо же ноября от 29 дня прошлого 1762 года и потом неоднократно посланным промеморием требовано было, чтоб из показанных противников из тех ослушников и возмутителей земскому Степану Никитину, крестьянам Назару Никитину, Ефиму Гаврилову, Моисею Михееву, Осипу Степанову за прежнее их возмущение в страх и отвращение от нового зла других учено было наказание кнутом, а протчим противникам плетью, и для большего страху некоторые из них наказаны были и в той вотчине, то его оные возмутители и пушие противники земской Шишкин с товарищи також не наказаны и в сыске в той канцелярии не имелись, и потому, видя себя безумным и больше прежнего выше объявленную народную смуту также и протчею последую таковому их возмущению явное ослушание и противность беспрестанно продолжают». Далее он обращался к архиерею

с просьбой послать в Рязскую воеводскую канцелярию промеморий «о сыске и жестоко наказании кнутом земского Шишкина, а протчих противников плетьюми противу прежнего о преумножении понеже <...> испослать солдат, чтоб заставить крестьян выполнять работы».

Экономический игумен Александр, направляя 25 мая (4 июня) 1763 г. очередное отношение по поводу крестьянского бунта в Рязск, приложил к нему «Реестр состоящих в противности к послушанию крестьян, кроме показанных возмутителей». В нем были перечислены следующие жители села Князево-Займище: «Гит Кузьмин, Максим да Трифон Флоровы, Кондратей Григорьев, Лаврентей Акимов, Лаврентей Григорьев, Иван Гуров, Никита Прокофьев, Степан Иванов, Филип Дмитриев, Данила Степанов, Гетаф Яковлев, Игнат Васильев, Герасим Лукьянов, Семен Михайлов, Назар Клементьев, Ерофей Григорьев». Также он сообщил в Рязскую воеводскую канцелярию о том, что «преосвященного Палладия, епископа Рязанского и Муромского, при селе Князево-Займище, селе Павловском и Озерок прикащик Антон Марков доношением объявил по силе-де данного ему из оной канцелярии приказа к загорождению имеющийся в том селе прикащечей огород для посева казенного семени, так же побитию на мельнице тычин оных вотчины крестьян села Павловского староста Парфен Гаврилов, крестьяне Василий Герасимов, Константин Сергеев. Села Озерок староста Куприян Никифоров со всеми того села крестьянами объявил, что оне тех огородов городить и сеять, так же и на их мельниц тычин побивать не будут, для того, что пришел с Москвы той вотчины крестьянин Зеновий Никифоров и принес указ, чтоб ни каких работ не исправлять».

В инструкции от «мая 28 дня 1763 года из Рязской воеводской канцелярии отставному капралу Федору Османову» было предписано «привести и объявить в Рязкую воеводскую канцелярию при репорте» очередных крестьянских бунтовщиков. Рапорт, подписанный капралом Федором Копытовым, сообщал: «Сего 1763 мая 28 дня <...> велено поехать с командою. И того взятых сорок человек, а за оными взятыми остались не взятые за ниже означенными случаями: села Князево-Займище земской Степан Шишкин, крестьяне Моисей Михеев, Максим Фролов, Ерофей Григорьев и с того села бежали. Осип Степанов лежит при смерти, Павловского Зиновий Никифоров бежал, деревни Петрушиной Назар Никитин, Иван Макеев, Григорий Нефедов бежали». Позже экономический игумен в письме от 16 (27) июня 1763 г. сообщал, что крестьяне «сысканы за противности и наказаны плетьюми, и возмутителей Зеновия Никифорова и товарищей».

Действия властей и неоднократные наказания не остановили князевских крестьян. 29 июня (9 июля) 1763 г. в селе Князево-Займище «после отпетия литургии и по выходе <...>показанного села диакону велено всенародно читать незнаемо какую фальшивую копию якобы с указу печатного того июня 8 дня об отрешении от монастырей вотчин, по разверстании казенных земель крестьяном и оплате рублевого оброка в городах при подушных зборах». По докладу приказчика вотчины в «Катедральную канцелярию» архиепископа «от копии оной вотчины крестьян в послушании учинилось велико сметение, почему тако ж <...> для забраня крестьянина Семенова, также и бывших притом той вотчины старост...» были направлены прапорщик Федор Карпов «да дому его преосвященства подканцелярист Яков Воробьев», которые и прибыли на место 16 (27) июля 1763 г. и отыскав копию фальшивого приказа «оной Воробьев» рапортом доложил, что она «содержит со включением многих вымышленных непристойностей и совсем фальшивая». Чтобы «впредь не могло произойти каково спору и сумнительства», за подписями читавшего дьякона, подканцеляриста, прапорщика, крестьянина Семенова «и бывших при чтении той копии крестьянских старост села Князево Займище Ерофея Гаврилова и деревни Петрушиной Петра Афанасьева» было составлено прилагавшееся к рапорту свидетельство о её подложном характере.

О произошедшем рязанский епископ Палладий в очередной раз сообщал в Коллегию экономики, направив 17 (28) июля 1763 г. «при доношении» бунтовавших крестьян: «...Села Князево Займище старосту Ерофея Гаврилова, крестьянина Михея Семенова, деревни Петрушиной старосту Петра Афанасьева». Из допросов в Коллегии экономики стало известно, что подложные копии указа принес Тамбовского уезда села Малого Ломовца крестьянин Андрей Григорьев сын Добряков, который показал, что «в Петров день имелся он в Москве для прошения в магистрате на коломенского кушца Луппа Елистратова в причененных ему, Андрею, обидах, и по приходе в Москву стоял на квартире в Рогожской слободе у крестьянина Тимофея Леонтьева на постоялом дворе обще <...> с села Князево Займище крестьянами Данилою Васильевым да Михеем, а чей сын не знает, в тож время против их на другой квартире стояли Тульского уезда монастыря [...], которые друг к другу похаживали. За один день до ево из Москвы отлучки из оных тульских крестьян пришел к оным на квартиру и объявил в монастырских вотчинах указ, с которым они все [пошли] для прочтения к стоящему в той же слободе на особой квартире дьячку, оной указ <...> прочел, и они, села Князево Займище крестьяне, тому дьячку с оного велели списать, да он, Добряков, себе по копии...» Князевские крестьяне в Москве отдали свою копию Добрякову с поручением передать ее своему сельскому старосте, за что тамбовец получил вознаграждение – 10 копеек. После долгих допросов и выяснений в Коллегии экономики, крестьяне села Князево Ерофей Гаврилов, Петр Афанасьев и Михей Семенов «за неимением при Коллегии надлежащей команды» были отосланы в Московскую губернскую канцелярию, а 2 (13) декабря 1763 г. были отправлены оттуда в Переяславскую провинциальную канцелярию для дальнейшего следствия и наказания. Их освободили только после указа императрицы Екатерины II от 24 марта (4 апреля) 1764 г., которым предписывалось, чтобы «означенные крестьяне долговременно под караулом не содержались и от того подушного платежа и положенных на них доходов не отбывали, а колодников не умножалось, в оной канцелярии определено учинить им, как они люди подлые и силы указов не знающие, наказание плетьюми и, обязав подписать, что б они на таковых копиях не уверялись властям, были в послушании...»¹

Указ Екатерины II о секуляризации церковных владений вышел 26 февраля (8 марта) 1764 г. В соответствии с ним все учреждения церкви отстранялись от управления имениями. Земельные владения Святейшего Синода, епархиальных кафедр, монастырей, и приходов поступали в казну и передавались в управление Государственной коллегии экономики. Монастырям были оставлены только небольшие сады, огороды и пастбища. Крестьяне, проживавшие в бывших церковных имениях, также передавались Государственной коллегии экономики и впредь именовались «экономическими крестьянами». С 1 (12) января 1764 г. вместо барщины и оброков они переводились на подушный оклад в размере 1,5 руб. с человека в год, который уплачивался казне через Государственную коллегию экономики. Из доходов коллегии выделялись суммы на содержание церковных учреждений.

Казалось бы, новые условия хозяйственной деятельности экономических крестьян давали им больше возможностей для повышения своего благосостояния. Но это произошло далеко не сразу. Как выяснилось, сумма подушного оклада не была фиксированной и со временем начала возрастать. Уже в 1768 г. он достиг 2 руб. 70 коп. с мужской души, а в 1783 г. – целых 3 рублей. Исчезла и привычная сельским жителям возможность занять у церковных властей инвентарь, лошадь, зерно или деньги в счет будущего урожая. Крестьяне остались наедине с государственными чиновниками.

¹ РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 3 д. 42, лл. 1-1 об, 3-4, 5-5об, 10, 13, 15 об, 26, 27; ф. 280, оп. 1, ч. 1, д. 223, лл. 1-3, 17-18, 46, 48.

Накануне секуляризации в Князево-Займище появилось новое церковное здание. И.В. Добролюбов сообщает: «Вместо упоминаемой в XVII ст[олетии] Архангельской церкви, пришедшей в ветхость, в 1756 г. поставлена была новая – в то же храмоименование, при коей упоминается придел Никольский...»¹ Этот храм простоял в селе до 1862 г. За эти годы в нем служили священники Симеон Алексиев (умер в 1764 г.), Феодор Тимофеев (с 1764 г.), Иоанн Иоаннов (с 1777 г.), Иоанн Петров (с 1786 г.), Симеон Силян (с 1805 г.), Иоанн Космин (упоминается с 1807 г.), Иоанн Борисов (с 1819 г.), Василий Никитин Садовский (в 1814–1855 гг.), Михаил Иоаннов Гривцов (упоминается в 1828–1838 гг.), Симеон Никифоров Мизеров (с 1838 г.) и Тимофей Александров Кашнев (в 1855–1868 гг.)².

В 1778 г. в составе Рязанского наместничества был образован Скопинский уезд, в число селений которого вошло и Князево-Займище. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, датируемых 1779 г., о бывших церковных владениях сообщается: «Села Озерня, Павловское, Топилы, Князево-Займище и деревня Петрушино владения бывшего дома Рязанского архиерея, а ныне ведомства государственных крестьян». Князево-Займище лежало «безымянных оврагов дву направо, а одного на левой сторонах, и по обе стороны безымянного оврага, в коем два пруда». В селе упомянута «церковь деревянная Архистратига Божия Михаила». По данным 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе было 87 дворов, в которых проживали 329 мужских и 317 женских душ. Всего земли под пятью селениями (вместе с усадебной) было 154 десятины 1118 сажень (168,4га), пашни – 8621 десятина 437 сажень (9396,9 га), леса – 1100 десятин 1500 сажень (1199,5 га), а вместе с лугами и «неудобьями» общая площадь владения составляла 10 738 десятин 375 сажень (11704,5 га)³.

Имеются косвенные указания на то, что отдельные жители села Князево-Займище принимали участие в Отечественной войне 1812 г. «Уже в наше время (имеются в виду 1980-е гг. – *Примеч. авторов*) в одной из здешних семей нашли медаль, учрежденную в честь 100-летия изгнания Наполеона из России. В свое время ее вручили жителю села Князево Калинину. Можно предположить, что это было вызвано тем, что кто-то из предков Калинина особенно доблестно сражался с французами в 1812 г.»⁴.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в середине XIX в. застройка села Князево-Займище носила довольно беспорядочный, бессистемный характер. По правую сторону проезжей дороги из Скопина в селе стояло несколько постоянных дворов. В центральной части поселения, перед церковью, был водоем, образовавшийся благодаря запруженному ручью. Поймы ручьев и речек на всем протяжении от села до р. Брусны образовывали обширное займище – полосу заливных лугов⁵.

Последняя в истории России 10-я ревизия податных сословий, проводившаяся в 1858 г., засвидетельствовала, что в селе Князево-Займище Скопинского уезда Рязанской губернии проживали 749 мужских и 761 женская душа. Все жители села были государственными крестьянами⁶.

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2– С. 218.

² Там же. С. 219.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 20 об.; д. 1241, л. 26 об.

⁴ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996 – С. 168).

⁵ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С 82.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. Князево-Займище было включено в Павловскую волость, однако из-за «неудобства от однозвучности названия двух волостных правлений <...> Павелецкого и Павловского, вследствие чего почта и денежные письма часто засылаются вместо одного в другое», решением Скопинского уездного по крестьянским делам присутствия с 1 (13) января 1877 г. волость была переименована в Князевскую¹ и само село Князево-Займище стало ее административным центром.

В 1861 г. в селе открылось приходское училище. Оно содержалось на средства, предоставлявшиеся Палатой государственных имуществ. В 1866 г. в нем обучались 44 мальчика и 1 девочка. Училище размещалось в доме наставника, крестьянское сельское общество оплачивало аренду предоставляемого помещения².

Природные условия Князево-Займища, похоже, благоприятствовали развитию в нем мукомольного промысла. В 1868 г. среди промышленных заведений села упоминаются водяная и 4 ветряные мельницы «по два постава»³.

В 1862 г. в селе возвели очередное деревянное церковное здание. Вознесенская церковь в Князево-Займище имела приделы Архангельский и Никольский. В 1884 г. И.В. Добролюбов писал о ней: «...Церковной земли ныне состоит: усадебной 7 десятин 1752 сажени (8 га) и пахотной писцовою 75 десятин 1838 квадратных саженой (82 га), на каковую землю имеется план и межевая книга. К 1881 г. состояло при церкви неприкосновенного капитала в билетах 4550 р. В состав Вознесенского прихода ныне входит село с 195 дворами и деревни Кочугурки (в 4 верстах) с 57 дворами, Петрушино (в 2 верстах) с 125 дворами и Велемье с 96 дворами, в коих мужского пола 2089, женского пола 2257. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»⁴. В этом храме служили священники Тимофей Александров Кашнев (до 1868 г.), Михаил Глебов (в 1868–1871 гг.) и Александр Евдокимович Морозов (ок. 1871–1889 гг.)⁵. Известны имена нескольких старост Вознесенской церкви в Князево-Займище середины XIX в.: в 1863–1872 гг. этот пост занимал крестьянин Николай Никифоров, в 1872–1879 гг. – крестьянин Аким Головин.

Заслуживают внимания заметки о Князевской волости, содержащиеся в материалах ревизии Скопинского уезда Рязанским губернским земством в 1875 г. Имя их автора, рязанского земского деятеля, к сожалению, установить не удалось, но ему нельзя отказать в наблюдательности и ответственном отношении к порученному делу. В своем отчете он записал: «На 20-й версте от села Чернавы к Скопину, в 15 верстах от последнего на большой Данковско-Скопинской дороге в селе Князево-Займище учреждено волостное правление, переведенное из села Павловского, Черные-Курганы тож. Становая квартира и камера мирового судьи в Скопине, в 15 верстах. Сообщение во время полой воды особенно делается затруднительным в местности под названием Гуслиной лощины, где нет ни гати, ни моста... Через овраги в это время проезд делается весьма опасным. Земская почта в это время недели на две приостанавливается, а в остальное время года приходит в волостное правление аккуратно. Несмотря на свою довольно значительную населенность, волость эта не имеет земской школы.

Между волостным начальством грамотны только старшина и двое сборщиков, остальные сборщики, все старосты и все судьи неграмотны. Больницею пользуются в городе, равно советами врача и медикаментами. Эпидемических болезней, сколько запомнят, не было, а в

¹ Рязанские губернские ведомости, №79. – 1876. – 6 октября.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 238–239.

³ Там же. С. 604–605.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 218–219.

⁵ Там же. С. 219.

1872 г. проходящим гуртом была занесена чума, от которой выпал почти весь скот в Займище и Черных Курганах»¹.

Земский ревизор выборочно осмотрел в Князево-Займище ряд застрахованных построек, оставив их описание. По нему можно судить об уровне благосостояния селян в 1870-х гг. По обязательному и добровольному страхованию им были осмотрены следующие постройки: «Симео́на Мизерова: изба, сени, горница и рубленный двор стоимостью 300 рублей, 3 амбара и рига, оцененные в 185 рублей; крестьянина Михаила Васильева: изба, сени и горница с питейным заведением, и при них плетневый двор, оценены в 600 рублей; крестьянина Абрама Артемова: деревянная изба, плетневая рига и деревянный амбар общей стоимостью 55 рублей; крестьянина Константина Сафонова изба с двором оценены в 15 рублей, рига в 5 рублей». Даже по этим данным можно судить о значительном имущественном расслоении в крестьянской среде.

Пожарная опасность была общим бедствием русского села, в одинаковой мере затрагивавшим богатых и бедных. Земский ревизор отметил: «Объеханные мною селения, как-то села Займище, Спасское, Топилы и Черные Курганы в отношении опасности во время пожара распланированы лучше других селений Скопинского уезда, но этим только и ограничивается предупреждение пожара, ибо кроме писания сельских приговоров к более радикальным мерам не приступлено: ни труб, ни багров, ни бочек в селении нет, а обязаны сами домохозяйства по приговору завести на 30 дворов по лагуну и по багру»².

Видимо, одним из следствий доклада губернского земского ревизора стало открытие в Князево-Займище земского училища с трехлетним сроком обучения, которое состоялось в 1878 г. Сохранилось следующее его описание, сделанное в 1880-х гг.: «Здание училища деревянное, крытое соломой, две печи: голландка и русская. Площадь 86 квадратных аршин (43,5 кв. м), объем 280 кубических аршин (100,7 куб. м), семь окон. Помещений для учителя при школе не имеется. Библиотека недостаточна». За исключением жалования учителю и пособий от земства все расходы по училищу производились Князевским сельским обществом. В 1885–1886 гг. в трех отделениях школы обучались 30 мальчиков и 5 девочек в возрасте от 8 до 15 лет. Учебный год продолжался с 15 сентября по 15 мая. Преподавание вели законоучитель и учительница. Законоучителем с 1878 г. состоял местный священник А.Е. Морозов, должность учителя с 1883 г. исполняла выпускница Скопинской женской прогимназии П.И. Светлова. Попечителя у школы в конце 1880-х гг. не было³.

С 1884 г. учителем начального народного училища в селе Князево-Займище служил выпускник Рязанской духовной семинарии Петр Николаевич Успенский (1863–1930). В 1894 г. он был рукоположен в священники и назначен в церковь Рождества Богородицы в селе Маково Михайловского уезда Рязанской губернии, в 1903–1929 гг. был священником храма Рождества Богородицы в селе Радушино Зарайского уезда Рязанской губернии, с 1914 г. был благочинным 1-го Зарайского округа. В январе 1930 г. протоиерей П.Н. Успенский был арестован Зарайским отделением ОГПУ и оказался под следствием, т.к. органами было установлено, что «священники деревень, расположенных недалеко от г. Зарайска, все связаны между собой и при обходах определенно ведут агитацию контрреволюционного характера». 23 января 1930 г. он скончался в Коломенском доме заключения от обострившейся болезни сердца. П.Н. Успенский был канонизирован Архиерейским собором Русской православной

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. – С. 472–473, 475.

² Там же. С. 476–477.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889. – С. 2–13, 21.

йеркви 13–16 августа 2000 г. Его память отмечается 10 (23) января в Соборах новомучеников и исповедников Российских и Рязанских святых.

В 1887 г. ревизовавший сельскую школу священник Андрей Глебов отметил: «Здание школы никуда не годное, учительница еще хуже, которая и уволена училищным советом, знания учеников всех трех отделений очень плохи; по моему мнению, школа должна быть выстроена новая, в противном случае – существующая должна быть закрыта, так как продолжать занятия в будущем учебном году в ней невозможно. Всех учащихся 49, девочек 7. Представлено к экзамену 7 мальчиков и 1 девочка. Выдержало 3 и 1»¹.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Князево-Займище, «бывшем селе государственном», насчитывалось 287 дворов и 2204 жителя. В селе находились волостное правление, церковь и лавка². В каждом большом селе – Горлово, Муравлянке, Вязовенке, Старом Кельце, Чулкове, Городецком, Вослебово, Катино и других – были казенные питейные дома. Было такое заведение и в Князево-Займище. Оно сдавалось внаем частным торговцам³.

По переписи населения 1882 г., в селе Князево-Займище насчитывалось 303 домохозяйства, в которых проживали 1135 мужчин и 1172 женщины. Грамотными среди них были 52 мужчины, 1 женщина и 28 учащихся мальчиков. Размер среднего земельного надела на ревизскую душу в Князевском сельском обществе составлял 3,9 десятины (4,3 га), на работника приходилось по 5,7 десятины (6,2 га). Земля в окрестностях села описывалась как «супесь, частью чернозем, в основном чернозем с глиной», поэтому урожаи были посредственные. Из 301 изб села только 2 были выстроены из кирпича, при них было 287 плетневых дворов, 144 горницы и клетки, 109 амбаров и сараев, 251 рига и овин. В Князево-Займище работали 12 мастеровых, около 200 жителей села ежегодно отправлялись в отхожие промыслы. Также в поселении насчитывалось девять промышленных заведений, работали кабак и лавка⁴.

17 (29) декабря 1894 г. ревизию князевской школы провел гласный Скопинского уездного земства коноховский помещик Д.А. Леонов. О ней он сообщал следующее: «Учеников 75 человек, менее прошлого на 22 человека. Такое значительное, сравнительно с прошлым годом уменьшение учеников объясняется пожаром, истребившим в 1893 г. половину села, многие мальчики из погорельцев бросили ходить в школу. Младшее отделение недурно читает и считает, но молитвы знает довольно нетвердо. Среднее отделение удовлетворительно по всем предметам. Старшее отделение (10 человек) знает вполне обстоятельно все то, что следует знать в начальной школе по истории и географии, порядочно пишет диктант, не особенно бойко читает, хорошо считает и решает задачи, но по Закону Божию прошло ко дню ревизии весьма немного. В школе имеется библиотека, выписанная в нынешнем году на средства общества. Хорошее помещение школы, которое благодаря заботам попечителя Синицына (Алексей Петрович Синицын в 1892 г. был избран от местного сельского общества гласным Скопинского уездного земского собрания⁵) содержится в порядке, много теряет от того, что для учеников нет хода в классную комнату прямо с улицы. Ученики для того, чтобы попасть в класс, вынуждены проходить предназначенную для учителя и сторожа и перегороженную на две части комнату. Само

¹ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1887 г. Скопин, 1888. – С. 23.

² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

³ Рязанские губернские ведомости, №49. – 1863. – 7 декабря.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 82–87; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 604–605.

⁵ Рязанские губернские ведомости, №66. – 1892. – 16 сентября.

собою разумеется, вследствие постоянного распахивания наружной двери, как в квартире сторожей, так и в квартире для учителя, устроенной в этой комнате, ужасный холод и уничтожить этот холод можно лишь путем устройства хода для учеников с улицы прямо в классную комнату. Есть полное основание предполагать, что указанный недостаток будет скоро исправлен. Незадолго перед экзаменами, учитель Попов, бывший одним из лучших наших учителей, к сожалению, перешел в одно из скопинских приходских училищ. На его место назначен кончивший курс в рязанской духовной семинарии Сперанский. К экзамену, произведенному Д.А. Леоновым, были представлены 10 человек, из которых выдержали 8»¹.

В документах 1893 г. в селе Князево-Займище показаны официально зарегистрированные предприятия: кузницы скопинского мещанина Данилы Яковлевича Воронина и рядового Захара Осиповича Чистякова; водяные мельницы общества крестьян села Князево-Займища и скопинского Свято-Духова монастыря; ветряные мельницы крестьян Гаврилы Ефимовича Гуторова, Василия Михайловича Бахмина, Петра Андреевича Калинина, Родиона Семеновича Шулина, Гаврилы Ивановича Тюрина; просорушки крестьян Петра Ивановича Гуторова, Дмитрия Прокофьевича Борисова, Прасковьи Матвеевны Алексахиной, Федора Ивановича Алешина. Водяная мельница Свято-Духова монастыря действовала в селе более 100 лет, в 1893 г. она сдавалась в аренду скопинскому мещанину Ивану Ильину. Вторая водяная мельница, принадлежавшая Князевскому сельскому обществу, находилась в аренде у скопинского мещанина Григория Ивановича Жарикова. В год она перемалывала 56 четвертей ржи, 150 четвертей проса и 250 пудов (4000 т) конопли. Ветряные мельницы обладали значительно меньшей пропускной способностью. Например, мельница князевского крестьянина Тюрина, построенная ок. 1840 г., за тот же срок перемалывала не более 167 четвертей зерна².

По данным 1894 г., в Князево действовали шерстобитки с одноконными приводами, принадлежавшие крестьянам И.П. Шаменкову, Д.В. Шаменкову и Г.И. Тюрину. Князевское сельское общество имело кирпичный завод, где трудились двое рабочих. Также ему принадлежала водяная мельницей с рушалкой для проса и одним поставом для помолы. «Овчинные заведения» с двумя рабочими в селе имели Ф.М. Курганов и М.Е. Дыгин, просорушки с двухконным приводом принадлежали П.И. Гуторову, Д.И. Борисову и Ф.И. Алешину³.

Заботы Скопинского уездного земства о противопожарной безопасности селений не всегда приносили плоды. «З (15) августа [1883 г.] <...> в селе Князево-Займище сгорело от неизвестной причины 5 крестьянских домов и 5 риг с хлебом; убытка понесено на 2500 руб.»⁴. «26 сентября [1883 г.] <...> сгорел от неосторожного обращения с огнем дом; убытка понесено на 60 руб.»⁵ Ежегодно в селе случалось до 5–6 пожаров. В засушливые летние месяцы горели не только крестьянские дома, но и посевы. Например, в засуху 1892–1893 гг., по данным земства выгорела созревшая рожь деревни Стрелецкая дубрава – у 7 домов, села Князево-Займище – у 81 дома, села Павелец – у 3 домов и села Высокого – у 1 дома. Всем пострадавшим домохозяйствам были выданы ссуды, которые позволили крестьянам легче пережить голодное время⁶.

Пожары сказывались даже на образовательном уровне крестьянских детей. По данным земства, в 1894 г. в князевской земской школе обучались «75 человек, на 22 меньше, чем в прошлом.

¹ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. Скопин, 1895. – С. 83–84

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 17, 20 об-22 об.

³ Мартынов Н.И. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 10, 42, 60, 73, 89.

⁴ Рязанские губернские ведомости, №71. – 1883. – 17 сентября.

⁵ Рязанские губернские ведомости, №84. – 1883. – 7 ноября.

⁶ Журналы Скопинского уездного собрания экстренного созыва от 16 марта 1894 г. Скопин, 1895. – С. 12.

Такое значительное уменьшение учеников объясняется пожарами, истребившими в 1893 г. половину села, многие мальчики из погоревших бросили школу. Старшее отделение (10 человек) знает вполне обстоятельно все то, что следует знать в начальной школе по истории и географии, порядочно пишет диктант, не особенно бойко читает, хорошо считает и решает задачи»¹.

В 1899 г. на средства прихожан в Князево-Займище по проекту, близкому к типовому, началось возведение нового кирпичного храма под железной крышей, освященного впоследствии в честь Вознесения Господня. «Для этого в селе соорудили небольшую мастерскую по обжигу кирпича. Службы в церкви начались в 1900 г. Одна из особенностей, послужившей основой широкой известности, состояла в том, что звон ее колокола в хорошую погоду был слышен даже в Скопине, т.е. за 12 верст»².

В 1902 г. попечителем Князевской земской школы был крестьянин Г.Т. Гришин, учителем – В.А. Кириллов. Площадь учебных помещений в обветшавшем деревянном здании составляла 121 квадратный аршин (61,2 кв. м), и ее было уже явно не достаточно для всех, желавших учиться.

В 1904 г. в Скопинскую уездную земскую управу при ходатайстве земского начальника 4-го участка поступил приговор от общества крестьян села Князево-Займища: «...3 февраля <...> по распоряжению нашего старосты Михаила Демина были собраны сего числа на сельский сход, на какой из общего числа 341 домохозяина, имеющих право голоса на сходе, явилось 268 домохозяев, на котором слушали предложение местного старшины Зотова о постройке вновь кирпичной земской школы в нашем селе, вместо настоящей деревянной... Постановили: <...> просить над нами начальство исходатайствовать нам решение на постройку <...> одноэтажной кирпичной школы <...> с квартирою для двух учителей. Настоящую же нашу школу сломать, и материалы от нее употребить для предполагаемой школы. Церковную же сторожку построить отдельно от училища из готового материала, оставшегося от старой церкви»³. За неимением собственных средств на строительство, князевские крестьяне просили Министерство просвещения и уездную земскую управу оказать им «безвозмездную навсегда помощь» деньгами, а также разрешить взять проценты с капитала за отчужденную общественную землю при прокладке Рязано-Уральской железной дороги. Строительство школьного здания началось в том же 1904 г., но затянулось надолго. 2 (15) января 1907 г. в Скопинскую уездную земскую управу поступил очередной приговор Князевского сельского общества, в котором сообщалось, что «новое здание возводится из кирпича, постройка доведена до окон, кирпич же завезен на все здание...» На продолжение строительства они вновь просили «исходатайствовать из Министерства народного просвещения безвозвратное пособие». Резолюция скопинского земства была лаконичной: «Не подлежит, т.к. в 1903 г. 400 рублей уже давали»⁴. В итоге новое школьное здание было введено в строй только в 1910-х гг.

В 1905 г. в селе «Князево-Займище, Старое тож» было 380 дворов, в которых проживали 1969 мужчин и 2524 женщин. В селе находились «церковь каменная», земская школа, 3 кузницы, 5 ветряных мельниц, казенная винная лавка, 23 просорушки, 3 шерстобитки, 2 дубильных овчинных заведения, 2 мелочные лавки, 3 торговые лавки. Близ села находи-

¹ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. Скопин, 1895. – С. 83–84.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 169.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL созыва 1904 года. – Скопин, 1905. – С. 145–146.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва от 1 марта 1907 года. – Скопин, 1907. – С. 12.

лись 2 водяные мельницы: крестьянская и скопинского Свято-Духова монастыря, которые производили размол муки, рушение проса и толчение конопли. Наиболее распространенным отхожим промыслом местных крестьян была добыча торфа. Ближайшая земская больница находилась в уездном городе Скопине, в 15 верстах от села¹.

В период Первой русской революции 1905–1907 г. в Князево-Займище отмечались аграрные волнения, вызванные, правда, чисто местными причинами. 12 (25) апреля 1907 г. скопинский исправник докладывал рапортом Рязанскому губернатору В.А. Левашову: «В с. Князево-Займище в 1861–1865 г., при перенесении деревянной церкви с одного порядка села, называемого «Козловка», в центр села, обоим причтам были отведены обществом в центре же усадьбы, где они проживают и поныне, а усадьбами, оставшимися на прежнем месте, причт владеет как полевой землей. Крестьяне еще ранее намеревались засеять эту землю, мотивируя тем, что они отвели новые усадьбы, а старые усадьбы должны возвратиться к ним, но ввиду хороших отношений, существовавших со священно-церковнослужителями, вопрос улаживался мирным путем. За последнее время отношение причта с крестьянами сильно обострилось на почве высоких поборов при совершении разного рода треб и таинств, так, например, были случаи, когда за недоплату нескольких копеек покойник оставался непогребенным около суток после того, как был перенесен в церковь, а также не венчались свадьбы вследствие недоплаты суммы, назначенной священниками. Но что более всего озлобило крестьян – это такса, установленная нынешним постом за исповедь по 12 коп. с души. Были случаи, что крестьянин, не доплативший 3–4 коп., не допускался до исповеди и тут же на глазах других отсылался священником обратно. Под впечатлением этого 8-го апреля, вышедши из храма, крестьяне единогласно постановили старую усадебную землю причта засеять самим, разделив между всеми (так как причты пользуются усадебной землей в двойном количестве), составили об этом приговор и привели таковой в исполнение 10 и 11 апреля. Спрошенный причт объяснил, что у них нет никаких документов на право владения отобранной крестьянами землей. О чем доношу вашему превосходительству и докладываю, что приговор крестьян земским начальником 4-го участка отобран и представляется в съезд»². Зачинщики князевской «земельной реформы» были арестованы, а земли причта вернулись духовенству, что впрочем, отнюдь не прибавило ему авторитета в глазах крестьян.

В 1908 г. в Князево-Займище насчитывалось 3179 жителей. В селе было 286 детей в возрасте от 8 до 11 лет, но в Князевской земской школе обучались только 130³. Занятия все еще проводились в старом деревянном здании. В 1909 г. земская ревизия отмечала, что школьные «стены оставляют желать очень многое, пахла местами отвалилась, местами висит, от стен дует чрезвычайно...»⁴ В 1912 г. в Князево-Займище отмечены уже две школы – 1-я и 2-я земские, попечителями которых были Сергей Михайлович Зотов и Селиверст Михайлович Шершнев⁵. По отчету за 1916 г. известно, что обе школы были двухкомплектными⁶.

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 632–633.

² Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы Первой русской революции: (Документы и материалы). – Рязань: Кн. изд-во, 1960. – С. 244–245.

³ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 22–23.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года. – Скопин, 1909. – С. 158.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 273.

⁶ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 172.

В 1914 г. в князевской Вознесенской церкви служили священники Петр Георгиевич Атлетов и Петр Васильевич Хитров¹. При церкви значилось земли усадьбы – 3 десятины 1250 сажень (3,8 га), пахотной – 74 десятины (80,7 га), сенокосной – 0,5 десятины (0,55 га). В библиотеке при церкви имелось 30 книг. В приходе работали две земские школы. В Князево-Займище в это время было 425 дворов, проживали 1726 мужчин и 1785 женщин². В начале XX в. в селе было пять порядков, или улиц. Его центральная часть носила название Поповки (по расположению домов церковного причта). Также были Большой порядок (видимо, историческое ядро села), Поляна, Кочетинка и Влостовка³. Кроме них, были еще Козловка и Голдинка.

До конца 1980-х гг. сохранялись в памяти местных жителей традиции празднования Троицы – престольного праздника Вознесенской церкви в Князево. О нем одна из старейших жительниц села А.Ф. Жукова рассказывала: «Праздник открывался с обедни, которая началась в 8 часов утра. К ней шли с венками, веточками черемухи, липы, клена. Пол в церкви устилали травой. Везде ставили молодые деревья, главным образом березки <...>. Одевались во все самое нарядное и легкое: летние шелковые рубахи, платки, фартуки (запоны). Праздничная служба длилась до 12 часов. После этого шли на могилы близких. А к вечеру, откинув строгость и чинность церковных обрядов <...>, небольшими веселыми группками направлялись в лес, на поляну или луг, издавна избранные для проведения этого праздника. По дороге молодежь сыпала частушками <...>. Разноцветно и ярко было на лугу от женских нарядов. Девушки в голубых юбках у нас ходили. А рубахи красные, зеленые, розовые, шелковые платки. Молодухи – в поневах, фартуках, волосы туго заплетены и завязаны «рогами» под повойниками, на висках разноцветные «пушки» из гусиных перьев. Взявшись за руки образовывали большой круг и выводили круговую праздничную»⁴.

Некоторые местные уроженцы прославились на полях сражений Первой мировой войны 1914–1917 гг. Житель Князево-Займища Савелий Дмитриевич Борисов (1896–1943) был призван на военную службу в августе 1915 г. За годы войны младший унтер-офицер 45-го пехотного Азовского полка С.Д. Борисов был отмечен Георгиевским крестом 4-й степени и Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степеней⁵. Крестьянин Князевской волости Степан Алексеевич Кузин (1888 – после 1921) с 1912 г. служил в 140-м пехотном Зарайском полку, который в мирное время дислоцировался в Скопине. На фронтах Первой мировой он был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней, а в августе 1917 г. произведен в младшие унтер-офицеры⁶.

В годы Первой мировой войны князевцы начали осваивать новую специальность – угледобычу. В 1915 г. началась эксплуатация Князевского рудника, который находился в 3 км от Князево-Займище и в 1 км от железнодорожной станции Топилы. От полотна Рязано-Уральской железной дороги к нему была проложена отдельная железнодорожная ветка. Здешний уголь был курный, хорошего качества, один из лучших в Подмосковном бассейне. В 1918 г. в условиях Гражданской войны и хозяйственной разрухи эксплуатация рудника прекратилась.

¹ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 446.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цешков. – Рязань: Узорожье, 1998. – С. 574–575.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 169.

⁴ Там же.

⁵ ГАРО, ф. Р-2657, оп. 4, д. 177.

⁶ Там же, д. 184.

Но в 1919 г. заработала шахта № 23, на которой ежегодно добывалось около 402 тысяч пудов угля, что составляло 5,1 % от общего объема угледобычи всего Побединского района. Поскольку разработки угля находились в относительной близости от села, князевские шахтеры приноровились ходить на работу пешком¹.

В 1917 г. в селе Князево-Займище Князевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 459 дворов, в которых проживали 1845 мужчин и 1865 женщин. На расстоянии 2 верст от села по-прежнему продолжали работать водяные мельницы Князевского сельского общества и скопинского Свято-Духова монастыря².

Уроженцы Князево-Займища не остались в стороне от революционных событий 1917 г. Во время Первой мировой войны князевский крестьянин И.Г. Костиков служил на одном из кораблей Балтийского флота и стал свидетелем двух революций в Петрограде. «Особая судьба у другого крестьянина С.В. Паротикова. В 1919 г. его призвали в армию. Оказался в Москве. Перед отправкой на Восточный фронт против армии Колчака войска, где находился и С.В. Паротиков, выстроили на Красной площади, где их напутствовал В.И. Ленин. После выступления он прошел вдоль строя, в котором его привлекла фигура Паротикова, отличавшегося атлетическим телосложением, почти былинной мощью. В.И. Ленин похвалил Паротикова за молодежавший вид, поинтересовался, откуда он родом. Между ними завязался короткий разговор»³.

В 1918 г. в Князево был организован сельсовет. В 1924 г. близ села заработала шахта № 43. Благодаря ей, «профессия шахтера стала в окрестных селах самой массовой после работы на земле»⁴.

Способных управленцев в селе было немного, лишь единицы могли возглавить ответственный участок работы. Отдельных нерадивых специалистов приходилось плотно контролировать. В 1925 г. инструктор Райсоюза А.Г. Поляков через скопинскую газету «Коллектив» сообщал: «В результате произведенной ревизии правлению Князевского потребительского общества оказалась растрата и самое халатное отношение к общественному делу. Кроме того, председателем правления тов. Зотовым закупался товар на частном рынке от неизвестных лиц с самоличным представлением счетов. Счетоводство найдено в самом небрежном состоянии. Председатель правления тов. Зотов, имеющий техническое и кооперативное знание, как бывший заведующий отделением губконторы в г. Скопине, вместо того, чтобы направить дело в Князевском потребобществе, частично отсутствовал по неизвестным личным делам и развалил кооператив. В настоящее время он отстранен из правления потребобщества, но еще находится председателем правления сельскохозяйственной кредитной кооперации того же села. Нужно обратить внимание кому следует и выпнать этого сомнительного работника из общественной организации»⁵.

Новый быт позволял людям иначе взглянуть на привычные вещи, например – на педагогические приемы местного священника, не изменившиеся с дореволюционных времен. В 1925 г. в скопинском «Коллективе» появилась заметка «Поповский уголовный кодекс». В ней сообщалось: «Вводит его небезызвестный князевский поп Петр Хитров. На второй

¹ *Филиппов К.* Подмосковский каменноугольный бассейн в 1919 году, М., 1920. – С. 25–26,34; Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 91. Тетрадь №1, л. 18 об.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 146.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 170.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Коллектив, № 28. – 1925. – 11 марта.

неделе поста за шалости взял да и запер ребят в пустом алтаре, где они подняли со страху неистовый крик. А то придумает для тех же ребят другое наказание: поклонов сорок лбом отстучать. На что уж темны наши мужички, и тех сомнение берет. Нельзя ли к самому Петру Хитрову подыскать какую-нибудь статью из нашего Уголовного кодекса, хотя бы 159-ю?»¹

«В 1927 г. в здании бывшего волостного правления начала действовать Князевская больница. Возглавил ее уже упоминавшийся С.В. Паротиков. Дело в том, что после окончания Гражданской войны он поступил учиться на медицинский факультет Московского государственного университета. После его окончания Паротикова направили работать главным врачом Князевской больницы. В ней тогда насчитывалось 17 человек обслуживающего персонала»². Всего в Скопинском районе к 1930 г. было пять больниц: в Скопине на 75 коек, д. Дроково на 12 коек, с. Казинка на 12 коек, с. Князево на 10 коек и на Побединке на 40 коек. Все они были открыты еще до революции»³.

В 1929 г. прежнее административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Село Князево стало населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В том же году в Князево был образован первый в округе колхоз. «Он получил название «Красный прогресс». Председателем его стал А.К. Кузин»⁴. Ожидания бедняков и середняков относительно того, что с созданием сельхозартели сразу для всех наступит сытая жизнь, не оправдались. Власть в колхозе с первых дней захватили зажиточные крестьяне, заботившиеся только о собственных интересах. Коллективное хозяйство, похоже, было лишь их вынужденной уступкой власти. Перспектива же вести совместное хозяйство с бывшими батраками, которые еще недавно трудились на их полях и огородах и чьи дети за кусок хлеба пасли кулацкой скот, вовсе не прельщала «крепких хозяев». Не без подачи кулаков в колхозе практиковалась уравниловка. С ней худо-бедно удалось справиться в 1931 г., когда во все виды колхозных работ внедрились сдельщину, но оправдавшее себя начинание продержалось недолго. В 1932 г. в князевском колхозе снова «неправильно распределяли сено в счет трудодней, распределение шло по принципу «кому сколько достается». В результате этого лодыри получили больше чем ударники. Так, Ф.Я. Кузнецов, выработавший 25 трудодней, получил полтора воза, З.И. Веселкин, выработавший со своим семейством 300 трудодней, получил воз. Выдан воз Ф.Ф. Ракчееву, который имел всего лишь 5 трудодней. Эта уравниловка сильно повлияла на трудовую дисциплину...»⁵

В июле 1932 г. в колхозе на работу стали выходить по 5–10 человек. Инициаторами такого распределения труда были члены ревизионной комиссии В.А. Веселкин и Ф.Ф. Ракчеев. В этом же месяце колхозники подметили, что и представители «родной советской власти» иногда могут быть на руку не чисты: «Из привезенной ржи колхозом «Красный прогресс» на свою мельницу для размола на хознужды председатель сельсовета Н.П. Акимов ухитрился получить для себя 130 кг муки, не имея на то право, так как он в этом колхозе не состоял». Женщины-колхозницы толковали: «Председатель сельсовета Акимов, В.А. Демин и И.Д. Золотов очень часто пьянствуют»⁶.

¹ Коллектив, № 45. – 1925. – 24 апреля.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 171–172

³ Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Миловского и Чернавского районов. – Тула, 1930. – С. 66–67.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996 – С. 172.

⁵ Побединский ударник, № 142. – 1932. – 23 июля.

⁶ Побединский ударник, № 161. – 1932. – 20 августа.

Вскоре в колхозе «Красный прогресс» прошла внутренняя ревизия. Один из колхозников-селькоров написал в районную газету, что прошла она «ни хорошо, ни плохо, но пропали у мельницы колеса с одноколки, с колхозного двора пропала кадка и колесо. Бывший председатель колхоза присвоил железную кровать, не заприходовал полученные от РИКа деньги. Всего это ревизионная комиссия не заметила. Пример хищений в колхозе подают члены правления Жильцов и Лаптев, которые получаемый для хозяйства уголь используют в личных целях, ну и колхозник С. Борисов, глядя на них, отвез к себе на дом воз угля»¹. Похоже, в рассматриваемое время недостатков в работе было больше, чем успехов, и не только в колхозе, но и среди единоличников, которыми должен был руководить сельсовет. В постановлении выездной тройки РИКа от 20 октября 1932 г. по проверке в Князевском сельсовете выполнения сдачи хлеба и картофеля указывалось на необходимость «исключения из состава сельсовета злостных неплательщиков, так как план был выполнен только на 21%». Кроме того, райисполком рекомендовал «просить нарсуд и прокуратуру привлечь к ответственности кулацко-зажиточную верхушку, а сельсовету доучесть такие хозяйства и дать им твердые задания»².

Сельсовет нередко даже покрывал сомнительные с точки зрения морали поступки состоятельных односельчан. В одной из районных газет того времени князевцы писали: «Большое засилье имеет князевский кулак Козлов Егор <...> и чувствует себя турецким султаном. За короткий период он переменил трех жен, последняя из них беднячка. Сельсовет на это закрывает глаза. При составлении описи имущества дом, стоящий 5000 р., был оценен в 400 р., корова – в 25 р., поросенок весом 160 кг в опись не вошел. Все это сделано в целях уменьшения выделения средств из хозяйства кулака», на которое был подан иск бывшими женами»³.

В начале 1930-х гг. волна раскулачивания докатилась и до Князево. С конфискацией имущества в пользу колхоза из села были высланы семьи Трофима Ивановича (1849–?) и Федора Трофимовича (1890–?) Головиных, а также Гавриила Степановича Самойлова (1894–?).

Не без проблем развивалось в селе и народное образование. В 1930 г. о заведующем Князевской школой Веселкине писали, что он «чувствует себя барином, во время занятий и воспитывает детей примерно так: “Осел! Баран! Безмозглая твоя башка!” На ученика 1-й группы, открывшего дверь кричит: “Это какая там сволочь открывает дверь?” Школьная сторожиха использовалась как домашняя прислуга»⁴. Низкий уровень преподавания в отдельных школах, с одной стороны, и бедность населения – с другой, накладывали свой отпечаток на образовательный процесс. Данные за 4-ю четверть 1934/35 учебного года и данные проверочных испытаний за учебный год дали следующие показатели по району и городу Скопину: из общего количества учащихся по району на 1 сентября 1934 г. – 10 200 человек, выбыло из школ по разным причинам 980 человек. «Основной процент выбытия падает на выезды из района, болезни, отсев детей, не имеющих школьного возраста, и у которых по разным причинам отсутствует одежда и обувь». В частности, из Князевской школы в течение года выбыло 77 человек, из них переведено в другие школы 25 человек, все остальные были отчислены по болезни или из-за отсева. Только один 5-й класс «дает выбытие 38 человек, что падает на отсев за счет Велемья, Копи, Осиново-Шилово и за счет возвращения в 4 класс этих школ, как плохо успевающих». В докладной записке Скопинского райотдела УНКВД секретарю Скопинского РК ВКП (б) тов. Агееву от 19 июня 1935 г. «Об итогах проверочных испытаний

¹ Побединский ударник, № 165. – 1932. – 24 августа.

² Побединский ударник, № 220. – 1932. – 30 октября.

³ Авангард, № 6. – 1931. – 5 февраля.

⁴ Авангард, № 10. – 1930. – 25 ноября.

по школам Скопинского района» отмечалось: «В Князевской школе было оставлено на второй год 42 человека от 469 чел. Основной процент второгодников падал на 5-е классы. Из 92 учащихся 22 человека оставлены на 2-й год, 26 человек – испытания отложены до осени. На проверочных испытаниях отмечены случаи, когда по математике учитель Дмитриев дал на испытания задачу, которую они в течение года решали»¹.

«Из событий культурной жизни следует особо отметить те, что происходили при самом непосредственном участии заведующего Князевским клубом Сенечкина. Он организовал собственный кукольный театр, пользовался заслуженной славой одного из лучших и оригинальных самодеятельных коллективов Скопинского района. Большой популярностью в окрестных селах, в районе и области пользовались выступления Князевского и Петрушинского хоров народной песни. В 1934 г. самодеятельные артисты были удостоены права участвовать в смотре самодеятельных хоров в Москве и получили там премии»².

На партактиве 11 декабря 1932 г. секретарь Скопинского райкома ВКП(б) указал князевской партиячке, что их «классовая бдительность притупилась», так как в колхоз, а потом и в партию пробрался бывший помещик и белый офицер, работавший счетоводом. По итогам обследования колхоза «Красный прогресс» было издано постановление Бюро РК ВКП(б) и Президиума РКК-РКИ от 29 декабря 1932 г. В нем, в частности, отмечалось, что «благодаря засоренности колхоза кулацко-зажиточными хозяйствами (13 % к общему составу) кулаки пролезли на руководящую работу. Бывшие мельники Тюрин, Бахмин, Михеев назначены заведующими мельниц. Зотова – дочь высланца-кулака и В. Алексахина, твердозаданец – назначены бригадирами. Фомичев – бывший владелец обоза, назначен счетоводом. Мельник Тюрин украл 319 кг гарнцевого сбора, мельник Бахмин – 153 кг гарнцевого сбора и часть колхозного хлеба с поля. Кулак Сорихин воровал хлеб с поля». В постановлении утверждалось, что «кулаки пытались изнутри развалить колхоз. При хранении погибло половина всего овса и до половины кормов. Часть овса была убрана сырой, и произошло возгорание его в кресцах. Около 15 тонн подсолнуха для силоса было растаскано и истоптано... Правление прикрывало кулаков и допускало их вступление в колхоз без обобществления их инвентаря». В итоге «за правый оппортунизм, на практике выразившийся в отсутствии борьбы с классовым врагом», князевскую партийную ячейку было решено распустить. Бывшего председателя Демина, члена партии с 1932 г., из зажиточных крестьян, за пособничество кулакам и вредительство, Никишина – кладовщика, сына барышника, за выдачу колхозного хлеба вопреки запрету, Фомина – организатора труда и полевода колхоза из партии исключили и отдали под суд»³.

После того как власть навела порядок в колхозе «Красный прогресс», в феврале 1933 г. в него приняли 39 новых хозяйств, и среди них – кулака Чистякова. Работая завхозом, поставил дело таким образом, что каждый участок расхищался. Померзло 30 ц семенного картофеля, загнивала свекла. От систематического недокорма погибло 20 поросят⁴.

В докладной записке Скопинского райотдела УНКВД «О результатах обследования отстающих колхозов Скопинского района МО» от 5 февраля 1935 г. о работе колхоза «Красный прогресс» за 2 года отмечалось: «К 1 января 1935 г. колхоз состоял из 432 хозяйства с 2774 членами. По социальному составу: бедняков 212 хозяйств, середняков 191 хозяйство,

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 95–96.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996 – С. 172.

³ Побединский ударник, № 263. – 1932. – 29 декабря.

⁴ Побединский ударник, № 39. – 1933. – 17 февраля.

кулацких 7. Семей, имевших судимости за расхищение соц. собственности – 18. Площадь земли в колхозе – 1918 га. Оснащенность: триер, сортировка, 2 сеялки, 13 веялок, 2 конных молотилки, 6 жнеек, 2 косилки, 52 плуга однолемешных, 41 двухлемешный, 122 сохи и прочий инвентарь. В колхозе 185 лошадей, из них 40 жеребых маток. Всего подлежало под вспашку 1044 га, из которой тракторами МТС по договору вспашке подлежало 432 га.

Постройки: зернохранилище, свинарник, механическая мельница, под конюшни приспособлены крестьянские риги, по 6–10 лошадей в риге. Колхоз из года в год считался отстающим, несмотря на хороший 1934 г., должных результатов не добился. В 1933 г. не было должной дисциплины. В правление колхоза пролезали расхитители. За период 1933–1934 гг. два состава правления были отданы под суд – за расхищение колхозного имущества. С другой стороны, из-за недостатка тягловой силы и инвентаря хлеб был убран с опозданием, с большими потерями зерна. В 1934 г. в связи с приливом новых колхозников, преимущественно перед весенним севом, колхоз оказался неподготовленным к севу. Земля под зябь вспашана не была. Лошадей имелось 108 голов, из них 4 % больных. На каждую лошадь пришлось 30–35 га земли, поэтому сев был затянут на 2 недели. В итоге урожай оказался ниже, чем в соседних колхозах.

Подготовка к севу 1935 г. развернулась слабо в связи с приливом новых 180 хозяйств, но половина из них лошадей не имели. Инвентарь, сданный вновь вступившими оказался не отремонтированный, в особенности телеги, колеса, упряжь. В результате 4 сформированные бригады оказались без инвентаря»¹.

За исключением немногочисленных зажиточных крестьян, вынужденных вступать в колхоз под давлением политики властей, туда шли в основном бедняки, у которых в лучшем случае была истощенная лошадь, да и ту они норовили продать перед вступлением в сельхозартель. Поэтому с приливом новых членов материальная база колхоза не укреплялась. В докладной записке начальника Скопинского РО УНКВД тов. Лазарева от 7 марта 1935 г. «О недочетах в ходе подготовки к весеннему севу по единоличному сектору Скопинского района МО» сообщалось: «В с. Князево за период с 1 декабря 1934 г. по 1 марта 1935 г. в колхоз вступило 201 хозяйство, из них только 82 хозяйства привели лошадей, из коих половина была ниже средней упитанности. Без семян вступило 6 бедняцких хозяйств. Факты продажи лошадей перед вступлением были, например Черников Иван Сергеевич, бедняк, свою хорошую лошадь сменял на плохую, взяв придачи 1200 рублей, но колхоз его принял, потребовав внести эту сумму. Оставшиеся вне колхоза 30 хозяйств имели 10 лошадей, и семена они не засыпали в семяфонд, а хранили дома.

Вновь вступившие 230 хозяйств обобществили только 75 лошадей, из них 10 лошадей истощенных, висели на веревках, а остальные ниже средней упитанности. Обобществив лошадей, кормами их не обеспечили, а именно: сена должны были сдать колхозу 585 ц, сдали 82 ц, овса нужно было 195 ц, а сдали 26 ц»².

Нелегко в это время было не только в колхозе, трудности переживали и те, кто искал более высокого заработка на шахтах. Согласно спецсводке Скопинского РО УНКВД от 4 февраля 1935 г. «О недочетах материально-бытового обслуживания рабочих-шахтеров Скопинского района», живший в селе Князево единоличник Николай Лаврухин, крепильщик шахты № 43, 2 января 1935 г. говорил: «Цена на хлеб повысилась на 100 %, а зарплату повысили очень мало, нет выгоды работать»³.

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 46-47.

² Там же, л. 54.

³ Там же, л. 17.

В 1937 г. Князевский сельсовет в составе Скопинского района был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. В годы «Большого террора» практически никто из жителей Князево не пострадал. Репрессии коснулись лишь родившегося в селе сына одного из дореволюционных священнослужителей Вознесенской церкви Андрея Ивановича Козлова (1885–1938). В 1930-х гг. он сам служил священником и был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации. Жизнь А.И. Козлова оборвалась на Бутовском полигоне под Москвой 21 января 1938 г.

В 1939 г. в Князевский сельсовет входили деревня Осиново-Шилово и поселок при шахте №43. В каждом из них было по одной торговой точке, причем при шахте действовал магазин Рязаньоблторга. В князевской НСПШ (неполной средней школе) было 668 учеников¹. Жители сельсовета, объединенные в два колхоза, князевский и осиново-шиловский, проживали в 466 дворах. По данным районного руководства, уровень коллективизации крестьянских хозяйств сельсовета в 1937 г. составил 92,8 %. 609,4 га посевных площадей было занято озимыми культурами, 862 га – яровыми, 32 га – огородно-бахчевыми, 165 га – картофелем, 315 га – кормовыми, 6 га – садами. В двух колхозах имели 243 лошади, 14 коров, 108 свиней, 78 овец. В сельсовете также работал детский сад, 2 начальные школы, средняя школа с 571 учащимся, постоянные и сезонные ясли. Население содержало 383 коровы, 144 свиньи, 555 овец².

На 1 января 1939 г. в селе Князево было 426 дворов. В колхозе «Красный прогресс» числились 416 дворов, общее население которых составляло 2360 человек, из них 696 работающих. В 302 дворах колхозников содержался крупный рогатый скот. Вне колхоза находилось 438 жителей. В 1938 г. подлежали уборке зерновые, бахчевые, картофель другие овощи с площади в 1819 га. С 1352 га было собрано 7271 ц зерновых и бобовых, со 140 га – 1067 ц картофеля, и с 23 га – 373 ц других овощей и бахчевых. В среднем на колхозника пришлось по 87 трудодней. К выдаче на трудодни было распределено 20,2 % прибыли колхоза, так что каждый трудодень был конвертирован в 1,25 кг зерна и бобовых и 6 копеек деньгами³. По отчету за 1938 г., в князевском колхозе «Красный прогресс» было 220 лошадей и 17 жеребят, 13 коров и 3 теленка, 64 свиньи и 255 поросят, 34 овцы и 26 ягненка. В этом же году пали жеребенок, овца, 13 поросят. Колхозникам было продано 16 поросят и 7 овец⁴. На черепичном заводе колхоза «Красный прогресс» было занято 12 человек⁵.

«В начале Великой Отечественной войны из Князево и Петрушино на фронт ушло меньше мужчин, чем из других сел, так как часть из них была оставлена для работы на шахтах. Однако осенью [1941 г.], с приближением линии фронта, их пришлось закрыть и шахтеры тоже ушли воевать. Хотя и ненадолго. После битвы под Москвой в Скопин прибыл народный комиссар угольной промышленности В.В. Вахрушев, принявший на месте экстренные меры по пуску остановленных шахт, в том числе и № 43. Большая часть шахтеров возвратилась на свои рабочие места. В общей сложности из сел Князево и Петрушино на фронт ушло более 300 человек. Примерно столько же мужчин призывного возраста работало на шахте № 43.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь № 3, л. 2.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь «Основные показатели народнохозяйственного плана 1937-1939 гг.»

Среди горняков, ковавших победу над врагом глубоко под землей, назовем имена И.Е. Просвирина, братьев Е.М. и Ф.М. Ковригиных, В.Е. Пономарева, Я.Р. Митрохина, С.Е. Канарейкина, Т.И. Добрякова, Т.И. Никишина. Эти и другие горняки за свой самоотверженный труд в годы войны были удостоены высоких правительственных наград, в том числе орденов Ленина и Трудового Красного знамени»¹.

Оккупация Князева немецко-фашистскими захватчиками в ноябре–декабре 1941 г., хотя и была кратковременной, но оставила по себе память. В князевской НСШ были выбиты стекла, поломаны двери и рамы, расхищены учебные кабинеты и библиотека, частично расхищены парты². Нарушено было и колхозное хозяйство, но самое главное, трудно было перестраиваться в связи уходом на фронт специалистов. Женщинам и подросткам пришлось в трудный период зимы–весны 1942 г. освоить новые специальности. Если при МТС и в городе Скопине обучались без отрыва от учебы и производства сложным ремеслам, то в сельских школах ученики старших классов овладевали более простыми навыками. Например, в Скопине в 1942 г. обучались 60 будущих трактористов, 20 комбайнеров, 20 машинистов, 20 прицепщиков. В князевской НСШ обучались специальности пахаря 70 человек, сеяльщика – 10, жатчика – 10, химизатора – 5 человек. Дополнительно в двух средних школах города было организовано профессиональное обучение для шоферов (150 человек), трактористов (150 человек) и по массовым профессиям (еще 150 человек)³.

Наглядной иллюстрацией подвига тружеников тыла может служить лишь краткий перечень работ, сделанных женщинами села Князева в 1942 г. В это время председателем сельсовета была молодая девушка Анна Сергеевна Гудкова. При остром дефиците лошадей, которые были частично эвакуированы, а частью мобилизованы в действующую армию, женщины колхоза «Красный прогресс» за весь год «вывезли 300 тонн навоза на санках. Перенесли, по обмену, на себе 15 тонн зерна из Скопина в Корневое и 9 тонн из Скопина в Князево. Надо было засеять каждый клочок земли, и колхозницы вышли в поле с лопатами, чтобы быстрее закончить весенний сев. Огородной площади – 45 га вскопали вручную. Женщины сами установили норму в день по 0,03 га. Маслова Екатерина вскапывала по 0,04 в день. Столько же вскапывала звеньевая Фомина Василиса, Бахлина Александра справлялась с мужской работой, косила рожь, потом работала на тракторной сеялке»⁴.

В 1943 г. председатель колхоза «Красный прогресс» так рассказывал районной газете о буднях своего хозяйства: «В соревновании на лучшую уборку урожая первое место в колхозе «Красный прогресс» заняла бригада № 8. Бригадир И.Ф. Кузин лучше всех организовал дело, здесь больше чем в других бригадах выходит и людей на работу. В бригаде тов. Кузина и лучшие косари. Тов. Лаврухину больше 60 лет, а он выполняет две нормы. По полторы нормы дают Жуковы, Никифор и Дмитрий. Перевыполняет нормы звеньевая А. Губина и другие. Хорошо также косят хлеб в первой бригаде тт. М. Фомин, В. Кузнецова, М. Золотова и другие косцы. Не сумел организовать хорошую работу бригадир Борисов в четвертой бригаде, и поэтому отстал от других. Здесь слабый выход на работу. Косарь В. Семенов поздно выходит на работу, норму не выполняет. Бригада допустила разрыв между косовицей и вязкой хлебов. Слаба дисциплина также во второй бригаде, 10 августа после обеда колхозники вышли на работу с большим опозданием. Отстающие бригады задержали уборку хлебов в колхозе, не

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 172.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 27, л. 2.

³ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 16-17.

⁴ Сталинец, № 41. – 1942. – 23 мая.

скошено еще 59 гектаров. Надо поправиться отстающим. У нас еще не заскородовано хлеба больше чем на половине площади. Колхоз только приступил к молотбе. Начали озимый сев. Колхозникам есть где продолжать социалистическое соревнование и показать образцы работы. Каждой бригаде надо организовать стахановскую работу, работать по военному, и наш колхоз займет передовое место в межколхозном соревновании»¹.

Это был один из самых трудных периодов в жизни района. 10 декабря 1943 г. состоялся пленум Скопинского райкома ВКП (б), заслушал доклад секретаря МК ВКП (б) тов. Яковлева о решении бюро МК ВКП (б) по отчетному докладу секретаря Скопинского райкома и полностью его одобрил. В частности, как писалось в районной газете, «пленум райкома считает, что бюро МК ВКП (б) правильно вскрыло крупные недостатки в руководстве райкома партии и исполкома Райсовета сельским хозяйством и промышленностью района и признало работу Скопинского райкома ВКП (б) неудовлетворительной. Сельское хозяйство района запущено. Большинство колхозов не соблюдает элементарных правил агротехники, севообороты в колхозах нарушены. Качество обработки полей силами колхозов и МТС в ряде случаев было низким, вследствие чего урожай в 1943 году в среднем по району снят очень низким. Скопинский район по урожайности занял последнее место в Московской области»².

«В 1943 г. в Князево провели разукрупнение местного колхоза, который разделили на три части. Большой порядок, Козловка и Кочетовка образовали колхоз «Красная армия», улицы Влетовка и Полянка – колхоз «Красный прогресс», улицы Поповка и Голдинка – колхоз «Красная заря» Председателями правлений в этих хозяйствах избрали: в колхозе «Красная армия» – женщину Т.И. Борисову, в колхозе «Красный прогресс» – И.Е. Тимохина, в колхозе «Красная заря» – П.М. Глазкова.

Почти каждый второй мужчина, ушедший на войну из сел Князево и Петрушино, погиб на полях сражений. Многие фронтовики отмечены орденами и медалями. В их числе М.Е. Герасимов, И.И. Орехов, В.А. Суровых, В.Д. Жуков, М.Е. Бахмин, А.Ф. Губин и другие»³. Были среди уроженцев Князево и участники событий исторического значения. Подполковник Николай Александрович Зотов (1906–?) служил в военной авиации с 1928 г. В Великой Отечественной войне он участвовал с самого первого ее дня, его боевой путь был отмечен орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа». В январе–феврале 1945 г. старший шеф-пилот 5-й отдельной авиаэскадрильи особого назначения подполковник Н.А. Зотов пилотировал военно-транспортный самолет «Дуглас» С-47, выполнявший рейсы по обслуживанию советской военно-дипломатической делегации, принимавшей участие в Ялтинской конференции союзных держав, которая стала одним из этапных событий, определивших послевоенное устройство Европы. За эту работу заслуженный военный летчик из Князева был награжден вторым орденом Отечественной войны 1-й степени⁴.

В послевоенное время перед обескровленной страной стояла задача восстановления разрушенной промышленности. Постановлением Совета Министров СССР от 21 мая 1947 г. № 1641 «О порядке проведения организованного набора рабочих» была возрождена действовавшая в довоенное время система набора индустриальных рабочих из сельского населения. Для многих колхозников она стала единственной возможностью избежать тягот по-

¹ Сталинец, № 60. – 1943. – 13 августа.

² Сталинец, № 89. – 1943. – 15 декабря.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 172–173.

⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 686046, д. 33, л. 410.

слевоенной сельской жизни, поэтому с конца 1940-х гг. наметился новый отток населения из сел в города.

В 1948 г. колхозники и единоличники по-прежнему облагались сельхозналогом по высокой ставке, причем за его неуплату могли отдать под суд. В это время на селе действовала полупринудительная система продажи государству мелкого скота, а рыночная продажа колхозной продукции разрешалась лишь после выполнения колхозами поставок государству по низким закупочным ценам. В этот период крестьяне в обязательном порядке привлекались на тяжелые и малооплачиваемые сезонные работы – например, на лесозаготовки или торфодобычу. Эта трудовая повинность была введена в военное время и действовала до середины 1950-х гг. В 1949 г. на «злостно уклонявшихся» от трудовой повинности по мобилизации на лесозаготовки князевцев Е.Ф. Моисеева и П.И. Борисова наложили штраф по 3000 рублей с примечанием: «Если будут уклоняться, то им грозит уголовная ответственность»¹.

В 1950 г. князевские колхозы «Красная Армия», «Красная заря», «Красный прогресс» и «7-й съезд Советов» поселка Осиново-Шилово вновь были объединены под названием «Красный прогресс»². В 1951 году в колхозе было 233 единицы крупного рогатого скота, 201 свиней, 257 голов овец.

«В том же году закрыли выработавшуюся шахту № 43. Но местные шахтеры оставили свою профессию ненадолго. В 1956 г. неподалеку от закрытой открывается новая № 6, проработавшая вплоть до 1978 г.»³

В 1954 г. в рамках процесса укрупнения сельсоветов Рязанской области к Князевскому сельсовету Скопинского района был присоединен Петрушинский сельсовет, включавший село Петрушино и деревню Велемья.

В середине 1950-х гг., по мере укрепления колхозных хозяйств, в сельской жизни в масштабах всей страны произошли многие изменения к лучшему. 6 марта 1956 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах». Колхозам предоставили право устанавливать порядок и размеры выдачи денег и натуральных продуктов за перевыполнение планов. В 1959 г. в колхозах стали переходить к новой форме оплаты труда – гарантированной ежемесячной денежной оплате без начисления трудовой. С 1 января 1958 г. колхозники, рабочие и служащие были освобождены от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов. В этом же году МТС – машинно-тракторные станции – были преобразованы в ремонтно-технические станции. Но в бытовом плане деревня все больше и больше отставала от города.

В годы «хрущевской оттепели» вольготно почувствовали себя нечистые на руку дельцы, которым в прежнее время не давал дышать «сталинский пресс». Например, в князевском магазине в 1958 г. работал некто Чистяков, который «подразделял покупателей выгодных и невыгодных. С пренебрежением смотрел, когда покупали на небольшую сумму. Но зато с каким «вдохновением» трудится Чистяков, когда у прилавка собирается тесный круг друзей, а перед ними заманчивый кружок бутылок. Чистяков с выгодой для себя занимается продажей вина, да еще малыми дозами. Не раз уже сообщали в торговые органы об обмане, обвешивании, обмеривании покупателей этим продавцом. Но райпотребсоюз мер не принял, в результате князевцы предпочитают покупать товары в других местах»⁴.

¹ Сталинец, № 141. – 1949. – 16 декабря.

² Архив Скопинского района, ф. 39, л. 2.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 171.

⁴ Скопинский шахтер, № 59. – 1958. – 18 мая.

В январе–феврале 1963 г. князевский колхоз «Красный прогресс» вошел в состав крупного хозяйства – колхоза «Заря коммунизма». В него, кроме Петрушино, Князево и Велемьи, вошла деревня Осиново-Шилово. «Председателем нового колхоза избрали М.М. Демидова. Площадь хозяйства превысила 4000 га»¹.

В 1967 г. на территории Князевского сельсовета работали 2 клуба, 2 библиотеки, 2 медпункта, 2 начальные школы, Князевская восьмилетняя школа и Петрушинская средняя школа, а также колхоз «Заря коммунизма»².

«В середине 1980-х гг. на центральной усадьбе колхоза «Заря коммунизма» в селе Князево начало разворачиваться довольно значительное по своим масштабам строительство объектов социальной сферы. Были открыты баня, медицинский пункт, один двухэтажный крупнопанельный и около десятка домов усадебного типа, сооружена современная база механизации. В начале 1990-х гг. колхоз преобразовали в акционерное общество “Заря”»³.

Кризисные 1990-е гг., нанешие страшный удар по отечественному сельскому хозяйству, тем не менее сопровождались в Князево возрождением церковной жизни. Закрытая в 1930-х гг. и разоренная Вознесенская церковь в 1996 г. стала патриаршим подворьем храма Вознесения Господня. При подворье было организовано сестричество, трудами которого храм и прилегающая к нему территория были приведены в благопристойный вид. Был облагорожен и освящен родник, известный далеко за пределами села.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Князево было включено в состав Корневского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в селе в это время постоянно проживали 306 человек – 129 мужчин и 177 женщин.

Летом 2015 г. указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла подворье было передано Донскому ставропигиальному мужскому монастырю. Для возрождения монашеской жизни, московский Донской монастырь направил в Князево двух иеромонахов, которые с августа 2015 г. служат в Вознесенском храме и налаживают приходскую и хозяйственную жизнь подворья.

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 173.

² Архив Скопинского района, ф. 39, л. 2.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 173.

КОГОТКОВО микрорайон (город Скопин)

В 1929 г. на территории Скопинского района Центрально-Промышленной (Московской) области на пересечении железнодорожных путей от поселка Октябрьский с веткой Вослебово – Побединка была построена небольшая станция и при ней – поселок в четыре дома.

Станция и поселок были названы в память недавно скончавшегося советского партийно-хозяйственного деятеля Николая Гавриловича Коготкова (1894–1928). Он был уроженцем деревни Чулковские выселки Скопинского уезда Рязанской губернии, сыном шахтера из местных крестьян. Отец Николая погиб на русско-японской войне, так что в 10-летнем возрасте ему пришлось стать кормильцем большой семьи. Он батрачил, пас чужой скот, работал молотобойцем, потрудился и на торфоразработках. В 1911 г. Николай Коготков нанялся разнорабочим на Побединский рудник. До 1917 г. он в течение пяти лет работал там рудничным слесарем.

Во время Февральской революции 1917 г. побединские горняки выдвинули Н.Г. Коготкова своим депутатом в рудничный комитет и Совет рабочих депутатов. В начале 1918 г. он вступил в ВКП (б). В 1918 г. Н.Г. Коготков был избран членом президиума Скопинского городского совета. В 1919 г. он стал членом правления Шахтерсоюза, в 1921 г. – членом коллегии Главугля, а в 1922 г. был назначен помощником управляющего Подмосковным угольным бассейном. В 1923 г. подяющий надежды молодой советский управленец получал профессиональное образование на рабфаке Московской горной академии, ректором которой был в то время И.М. Губкин.

В 1924–1926 гг. Н.Г. Коготков был членом президиума райкома профсоюза горнорабочих Подмосковского бассейна. В 1926–1928 гг. он возглавлял райкома профсоюза подмосковных горнорабочих, одновременно являясь членом Тульского губкома ВКП (б).

Преждевременная смерть 8 сентября 1928 г. не позволила Н.Г. Коготкову полностью реализовать свой административный потенциал. Он был похоронен с почестями на Новодевичьем кладбище в Москве¹.

В годы первой пятилетки в стремительно индустриализировавшейся стране многое делалось на скорую руку. Вкладывая огромные силы и средства в возведение промышленных гигантов, об удобстве жизни людей нередко не думали, оставляя эту заботу на потом. Поселок Коготково не стал в этом плане исключением. В 1931 г. один из его жителей жаловался районной газете «Коллектив»: «2 года назад на станции Коготково построили ж/д поселок всего лишь из 4-х домов. Дома были покрыты толью, и работа эта проводилась не специалистами. В зимнее время на потолки домов наметает большие сугробы снега, а во время дождей жильцы квартир оказываются под холодным душем. Стены и потолки гниют <...>, у жильцов не хватает посуды для собирания воды»². Но, несмотря на трудности, жители крошечного поселка каждый день трудились на благо страны.

Железнодорожный узел при станции Коготково имел довольно большое транспортное значение, которое возрастало по мере развития сети шахт и роста добычи угля на месторож-

¹ *Солнышкин П.* В честь знатного шахтера. / Ленинское знамя, № 55. – 1969. – 8 июня..

² Коллектив, № 35. –1931.

дениях Подмосквовного угольного бассейна. С учетом масштабных задач, стоявших перед всеми сферами народного хозяйства, квалифицированных кадров не хватало, и ценились они на вес золота. Поэтому даже на таком ответственном месте мог оказаться человек хотя и грамотный, но не полностью сознающий свою ответственность за порученный участок. 28 февраля 1931 г. на станции Коготково случился инцидент. Скопинская газета «Коллектив» писала о нем: «...Начальник станции Коготково Беляев умышленно не отправил 18 вагонов с углем для фабрики и завода, задержав их на сутки, несмотря на то, что времени для отправки было достаточно <...>. Беляев задержал их до 6 часов вечера, сдал смену, в регистрационной книге записал, что из-за неисправности паровоза. На самом деле три паровоза работали в этот день до 2-х часов дня». Причиной таких странных действия начальника станции оказалось его недовольство предстоящим переводом со станции Коготково на другой участок. По распоряжению шахтоуправления Беляев был снят с должности начальника станции, а дело о случившемся передано в органы правопорядка¹.

Основанный в 1927 г. поселок Октябрьское поле также относился к Побединскому рудоправлению. В 1932 г. его администрации подчинялись станция Коготково и поселки при шахтах №№ 44, 46 и 48 (Комсомольский). Одной из проблем, которую приходилось решать местным властям, стало состояние посроенного лишь несколько лет назад жилого фонда. В 1932 г. газета «Побединский ударник» сообщала: «Жилой дом при станции Коготково вследствие бесхозного к нему отношения доведен до полного разрушения. Зав. ремонтом зданий дорожный мастер Фадеев удосужился покрыть крышу, но только над своей квартирой»².

В 1930-х гг. деятельность работников советской торговли в Скопинском и соседних районах была главным источником уголовных дел по экономическим преступлениям. Своя «местная достопримечательность» имела и на станции Коготково – завмаг Дмитрий Максимович Маслов. В мае 1932 г. в его магазине выявили недостачу в 878 рублей 45 копеек. Но каким-то образом, видимо – в силу хороших отношений с непосредственным начальством, завмагу удалось выйти сухим из воды. В сентябре 1933 г. газета «Побединский ударник» писала: «Поощрение за это Маслову дало правление ЗРК, назначив его зав. Октябрьской пекарней. И служит Маслов в завах, ни копейки из зарплаты в пополнение растраты не платит, а наоборот, и по пекарне немножко успел хапнуть. По хозматериалам разным на 317 руб. 52 коп., и по сырью и материалам хлебным на 447 руб. 86 коп. (результаты проверки). Пишут правленцы резолюции, щелкают бухи, а масловы слушают да и посмеиваются... Уж не ради ли экономии ЗРК дела о растраченных в 1931–1932 гг. 60-ю работниками 25 тысяч рублей не двигает? Ни в суд не подают, ни денег не взыскивают...»³

В 1937 г. станция Коготково вместе со всем Скопинским районом была переведена из Московской области в новообразованную Рязанскую.

Несколько дней немецко-фашистской оккупации в ноябре 1941 г. не оставили значительных следов в истории небольшого станционного поселка. 27 ноября 1941 г., в ходе операции частей 84-й отдельной стрелковой бригады по освобождению Скопина, в районе водяной мельницы у станции Коготково сосредоточился ее 2-й батальон. Оттуда одетые в серые шинели солдаты двинулись на город через р. Вёрду по дороге, переходившей в ул. Володарского⁴.

¹ Коллектив, № 3. – 1931. – 3 марта.

² Побединский ударник, № 141. – 1932. – 22 июля.

³ Побединский ударник, № 182. – 1933. – 14 сентября.

⁴ Дронов Е. Страшные дни ноября сорок первого. www.skopin.net/history/strashnye-dni-noyabrya-sorok-pervogo-chast-1.

После освобождения Скопина первоочередной задачей стало скорейшее восстановление выведенных из строя шахт Подмоскownого угольного бассейна. Воюющей стране нужен был уголь, а на Донбассе хозяйничали оккупанты. Казалось, на плечи шахтеров и железнодорожников была возложена непосильная задача, но они с честью с ней справились – уже в 1942 г. государственный каменноугольный трест «Октябрюголь» возобновил добычу угля и его вывоз железнодорожным транспортом. На станции Коготково был организован склад, на который осуществлялась доставка угля с шахт, не имевших подъездных железнодорожных путей, и его дальнейшая погрузка в вагоны.

В конце 1940-х гг. и до 1951 г. на станции Коготково действовала передвижная библиотека. Однако, по свидетельству современников, книги из нее получить было нелегко, т.к. для этого требовалось разыскивать библиотекаря С. Коновалова. Пока он жил в близлежащей деревне Гуменки, «его еще находили читатели, но со сменой квартиры читатели книгами перестали пользоваться»¹. В 1951 г. эта проблема была решена с открытием при станции клуба «Железнодорожник».

В 1966 г. в поселке при станции Коготково работали клуб «Железнодорожник», детский сад, 3 магазина, здравпункт, почтовое отделение, баня.

В 1950–1970-х гг. через станцию Коготково осуществлялось обслуживание Центральной Скопинской электростанции и ряда близлежащих предприятий. С 1979 г. она использовалась также для обслуживания Рязанской ГРЭС.

В начале 1970-х гг. в посёлке Коготково развернулось грандиозное строительство. По типовому проекту возводился комбикормовый завод. На предприятии действовал хлебоприёмный пункт, который обеспечивал приёмку зерна от местных колхозов. Силами предприятия также были построены несколько многоквартирных домов для рабочих. Завод функционирует по сей день, правда, масштаб производства сегодня гораздо ниже.

К концу XX в. посёлок Коготково утратил своё прежнее стратегическое значение. Шахты были выработаны, услуги ППЖТ вместе с оставшимися железнодорожными путями оказались не востребованными. Последние рельсы разобрали в 2011–2012 гг. Так закончилась история Скопинского предприятия промышленного железнодорожного транспорта.

Решением Скопинского городского Совета депутатов от 9 декабря 2004 г. № 94/16 «О наименовании жилых районов Октябрьский и Заречный, территорий бывших поселков Коготково, Комсомольский города Скопина Рязанской области» посёлок Коготково стал одноименным микрорайоном города Скопина. В 2006 г. население микрорайона Коготково составило 1060 человек, из них трудоспособного возраста – 705 человек, старшего возраста – 250 человек, учащихся – 75 человек, дошкольного возраста – 30 человек.

Неподалеку от Коготково есть легендарное местечко – т.н. «Могила Аксая». Так называют омут, образовавшийся в месте впадения речки Старый Келец в Вёрду. Согласно преданию, в нем якобы утонул предводитель местных разбойников по имени Аксай, преследуемый пронским князем (легенда воспроизводит исторический контекст XIII в.). Скорее всего, миф является плодом воображения любителей романтических сказок. В более близкое к нам время (XIX–XX вв.) на «Аксае» действовал небольшой деревянный шлюз и мельница. Некогда полноводная Вёрда способствовала развитию мукомольного промысла. В советское время старинное гидротехническое сооружение разобрали. Хотя тема восстановления плотины неоднократно всплывает в разговорах местных жителей и по сей день.

---

¹ Сталинец, № 59. – 1951. – 23 мая

КОЗЛОВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

В окрестностях деревни Козловка люди селились с доисторических времен. Поселения то возникали, то исчезали в бесконечной череде войн и набегов кочевников. К счастью, от них остались археологические свидетельства.

В надпойменной террасе правого берега р. Моши, в 1,2 км к юго-востоку от восточной окраины деревни и 1,6 км к юго-востоку от восточной окраины деревни Желтухино было выявлено поселение эпохи бронзы, перекрытое культурными слоями раннего железного века и XIV–XVII вв. Памятник был почти полностью распахан, под пахотным горизонтом нашли лишь остатки непо потревоженного культурного слоя с фрагментами лепной и гончарной керамики. К комплексу эпохи бронзы археологи отнесли найденные обломки лепных, преимущественно плоскодонных сосудов баночной формы, иногда с отогнутым наружу венчиком, часть которых по внешней поверхности была окрашена охрой, с орнаментом из оттисков гребенчатого штампа. К раннему железному веку отнесли обломки лепных плоскодонных сосудов также преимущественно баночной формы, внешняя поверхность которых была покрыта крупными рогожными отпечатками. Это характерный признак городецкой культуры. В верхних горизонтах культурного слоя были обнаружены фрагменты гончарных горшков, в т.ч. сероглиняных и белоглиняных, отнесенных к XVI–XVII вв.¹

Основание позднейшей деревни на территории Скопинского уезда Рязанской губернии относится к концу 1840-х гг. Земля, на которой она появилась, ранее называлась пустошью Желтухинской. Участок площадью 55 десятин 151 сажень (60,02 га) по специальному межеванию 1846 г. принадлежал крупнейшей желтухинской помещице княгине Марье Петровне Волконской. Видимо, переселение из селца Желтухина группы крестьян, ставших первыми жителями деревни, имело место вскоре после специального межевания, потому что в 1850 г. деревня уже появляется на картах А.И. Менде. Создание таких выселков объяснялось удобством обработки удаленных от селца пахотных земель.

Изначально новое селение называлось «деревней Спасской». С незапамятных времен желтухинские крестьяне были прихожанами Спасской церкви села Серезево Рязанского уезда. Но это название не прижилось. В 1850 г. в Спасской было 35 дворов, которые располагались тремя короткими порядками вдоль берега р. Моши. Окна крестьянских изб были обращены к воде².

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селце Желтухине и деревне Козловка Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 43 домохозяйства, в которых проживали крепостные крестьяне князей Волконских – 256 душ мужского пола и 228 – женского.

Накануне крестьянской реформы 1861 г. во многих селениях Скопинского уезда отмечались волнения владельческих крестьян. Сведений об обстановке конкретно в Козловке

¹ Археологическая карта России: Часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 114.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

нет, но о соседнем селце Желтухино известно, что там доходило до открытых выступлений. «В июле 1860 г. в Желтухино несколько дворовых людей были привлечены к судебной ответственности за избивание своего помещика Кушинского, который пытался посадить их под арест, вызвав сотского. Поводом послужило отнятие сенокосных урочищ, отданных крестьянам бывшим помещиком Филатовым»¹.

По переписи населения 1882 г., в селце Желтухино и деревне Козловка проживали уже освободившиеся от всяких обязательств перед бывшими помещиками Волконскими крестьяне-собственники: 104 домохозяйства, 324 мужчины и 299 женщин. Средний надел на ревизскую душу составлял 2,6 десятины (2,8 га), на работника – 4,8 десятины (5,2 га). Крестьяне занимались, в основном местными земледельческими промыслами. В деревне работали 6 мастеровых, было 2 промышленных заведения и кабак².

В 1905 г. деревня упоминается под названием Желтухино (Козловка тож) при р. Моше. В ней в это время насчитывалось 34 двора, население составляло 106 мужчин и 116 женщин³.

В 1917 г. деревня значится в документах как Желтухинские выселки Яблоновской волости Скопинского уезда Рязанской губернии. Накануне новой эпохи в жизни страны в селеении было 53 двора, в которых проживали 146 мужчин и 163 женщины⁴.

В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР от 20 февраля 1924 г. было проведено укрупнение уездов Рязанской губернии. По административному делению, утвержденному Президиумом ВЦИК 31 августа 1925 г., в Рязанской губернии стало 8 уездов. В состав Скопинского уезда вошли Гагаринская, Горловская, Ерлинская, Милославская, Михайловская (с г. Михайловом), Побединская, Пронская (с г. Пронском), Скопинская и Чернавская волости. От Скопинского уезда отошла в состав укрупненного Рязского уезда Володарская (в прошлом Боровская) волость. В составе Володарской волости находился Желтухинский сельсовет, в который была включена и деревня Козловка.

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Желтухинский сельсовет стал частью Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Организация колхозов в некоторых селениях Желтухинского сельсовета проходила по несколько раз. В 1929 г. в Козловке был создан первый колхоз, который до конца года распался. Вновь была образована инициативная группа, которая после подготовки и агитации населения созвала общее собрание жителей деревни. На нем, после принятия принципиального решения, проводилась запись в члены колхоза и избирался председатель.

Новый колхоз, возникший 29 июля 1931 г. в деревне Козловке Желтухинского сельсовета Рязского района, был назван в честь 6-го съезда Советов. «На общем собрании кулацкие подпевалы агитировали против вступления в колхоз, опираясь на недочеты молодых колхозов. Настроение изменилось, когда высказался 60-летний старик, который первый записался в колхоз. Приняли устав и решили ударно убрать рожь, бросить отходничать, обмолотить и красным обозом сдать государству»⁵.

¹ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967. – С. 108–109.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 86–91.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 622–623.

⁴ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 153.

⁵ Колхозник, № 38. – 1931. – 5 августа.

Кулацкое противодействие приходу колхозного строя в деревню было подавлено с присущей 1930-м гг. жестокостью. Из Козловки выслали большую крестьянскую семью Матвея Степановича (1887–?) и Марии Никифоровны (1887–?) Поливановых. Конфискованное у них имущество было передано колхозу.

В 1933 г. козловский колхоз был переименован в честь Ф.Э. Дзержинского. В его составе числились 44 двора, в которых проживали 82 колхозника трудоспособного возраста. Площадь колхозных посевов ржи составляла 107 га, овса – 53 га, прочих зерновых – 28 га, картофеля – 24 га.

В 1935 г. в составе Московской области было образовано 13 новых районов, 8 из которых впоследствии образовали Рязанскую область: Бельковский, Каверинский, Путятинский, Шелуховский, Можарский, Муравлянский, Желтухинский и Чапаевский. Деревня Козловка Желтухинского сельсовета стала населенным пунктом Желтухинского района. А в 1937 г. Козловка вместе со всем Желтухинским районом вошла в состав Рязанской области.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. большинство мужчин Козловки было мобилизовано в РККА. В колхозах остались женщины, старики и подростки, которым и пришлось стать основной трудовой силой. По отдельным скудным публикациям в желтухинской районной газете «Колхозная правда» можно судить о трудностях того времени. 70-летний козловский колхозник А.Е. Поливанов проводил на фронт четырех сыновей. В военную пору и для него нашлась работа в колхозе им. Ф.Э. Дзержинского. «Стараюсь помогать – ходил косить рожь, участвую в скирдовании хлеба», – говорил он¹.

Любовь к созидательному труду всегда была в крови у скопинских крестьян. Даже на войне один из сыновей пожилого колхозника из Козловки предпочитал создавать, а не разрушать – он был военным строителем. Федор Алексеевич Поливанов (1919–?) с 1939 г. служил на Черноморском флоте. В годы войны ему довелось готовить к обороне Одессу и Севастополь, укреплять плацдарм на Малой Земле под Новороссийском. Боевой путь Ф.А. Поливанова был отмечен медалями «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Кавказа». В марте 1944 г. рядовой 3-го взвода 3-й роты 95-го отдельного строительного батальона Инженерного отдела Черноморского флота Ф.А. Поливанов был представлен к награждению медалью «За боевые заслуги». О его скромном, но все равно значимом вкладе в грядущую победу в документе сообщалось: «Тов. Поливанов принимал участие в боевых действиях на Мысхако по постройке причалов, постановке батареи прожекторов, в Геленджике принимал активное участие по постройке аэродромов №№ 1 и 2, постройке причалов и подъемников для катеров. В сентябре месяце 1943 г. перед подготовкой высадки десанта в г. Новороссийск принимал участие в обеспечении войск по постройке причалов на 8–9 километре. С большой энергией и инициативой принимает участие в восстановлении Новороссийского военного порта, выполняет задания на 180–190 %»².

В нелегкое послевоенное время маленький колхоз им. Ф.Э. Дзержинского не был в числе передовых хозяйств Скопинского района. В начале 1950-х гг. свежий взгляд на его хозяйство рисовал довольно безрадостную картину: «В колхозе им. Дзержинского (председатель Андреева) не утеплены животноводческие помещения. В конюшне № 3 – нет крыши, нет стойлов. Скотный двор требует определенного ремонта. В бригаде № 2 – конюшня находится в безхозяйственном состоянии, крыши совершенно нет». Колхозу в 1952 г. было предписано «построить свинарник и птичник на 1400 голов, однако этого ничего не было сделано»³.

¹ Колхозная правда, № 59. – 1942. – 13 августа.

² ЦАМО, ф. 920, оп. 2, д. 309, лл. 533–533 об.

³ Колхозная правда, № 79. – 1952. – 23 октября.

Планы основывались на директивных указаниях партии и спускались «сверху» нередко без учета реального положения дел в хозяйствах.

В апреле 1960 года колхозы «Россия», «Красное знамя», «Авангард», им. Ф.Э. Дзержинского и им. М. Горького были объединены в совхоз им. В.И. Чапаева. Общая площадь угодий нового хозяйства составила 24273 га.

В 1961 г. совхоз им. В.И. Чапаева был расформирован, а его хозяйство разделилось на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское. Вскоре на его базе был создан совхоз «Желтухинский». В Желтухинское отделение совхоза вошли колхозы: «Красный богатырь» деревни Гусиловка, «Красные всходы» деревни Иваново, «Сознание» деревни Малая Косыревка, «Дружба» деревни Большая Косыревка, им. М.М. Литвинова деревни Желтухино, им. Ф.Э. Дзержинского деревни Козловка, «13 лет Октября» деревни Петровские хутора, «Советская волна» поселка Ленинский, «Новый путь» деревни Кондауровка¹. В апреле 1962 г. от совхоза были выделены земельные массивы (9623 га) бывшим колхозам им. Ф.Э. Дзержинского и им. М. Горького, на основе которых был создан Желтухинский откормочный комплекс (совхоз «Желтухинский»)².

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Козловка была включена в состав Шелемишевского сельского поселения. Однако общий кризис отечественного сельского хозяйства, под знаком которого прошел переход от советского периода новейшей истории к российскому, нанес по небольшой деревне удар, от которого она уже не оправилась. Козловка осталась без населения – старики умерли, молодежь разъехалась кто куда еще во времена СССР. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. свидетельствуют о том, что в деревне в это время уже никто постоянно не проживал. В конце второго десятилетия XXI в. место, на котором прежде находилась Козловка, представляет собой безлюдное урочище на берегу р. Моши без каких-либо признаков жилья.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 445, лл. 1–2.

² Архив Скопинского района, ф. 462, лл. 1–2.

КОМСОМОЛЬСКИЙ микрорайон (город Скопин)

Поселок Комсомольский вырос при шахте № 48 Побединского рудоуправления. Официальной датой рождения населенного пункта считается 1932 г., когда он был административно подчинен шахтерскому поселку Октябрьское поле. В том же административном подчинении находились станция Коготково и поселки при шахтах №№ 44 и 46.

Продолжительность «жизни» шахт Подмосковского угольного бассейна не превышала 25–30 лет. Но и после выработки шахты № 48 поблизости от поселка оставалось немало новых мест для приложения шахтерского труда. Впоследствии в разное время в черте поселка Комсомольский и в его окрестностях работали шахты №№ 1 (Северная), 6, 45 и другие. Первым жителям Комсомольского приходилось ютиться в бараках, позднее на смену им пришли двухэтажные деревянные дома без фундаментов со щитовыми стенами.

В 1930-х гг. СССР форсированными темпами превращался из страны аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. В годы первой пятилетки растущей экономике страны требовалось все больше и больше угля – основного энергоносителя той эпохи. В стране, едва пришедшей в себя после разрушительной Гражданской войны, остро не хватало квалифицированных кадров, техники, материальных ресурсов. Все это касалось и горного дела – большинство работ на шахтах Подмосковского угольного бассейна выполнялось ручным трудом при минимальном уровне механизации. При этом выполнение спущенного «сверху» производственного плана являлось абсолютным приоритетом: за его невыполнение местные руководители отвечали головой, нередко – в буквальном смысле. В такой обстановке проблемы быта шахтеров, условий их труда и обеспечения техники безопасности на шахтах решались попутно. Поэтому обстановка, в которой совершались трудовые подвиги, порой бывала просто ужасающей.

За действиями руководителей и общей ситуацией на стратегически важных предприятиях угольной промышленности пристально следил Скопинский райотдел УНКВД по Московской области. Партийному руководству района регулярно направлялись секретные доклады о реальном положении дел и настроениях среди населения. Например, спецсводка «Об антисанитарном состоянии шахт и столовых, обслуживающих рабочих-шахтеров (по состоянию на 25 апреля 1935 г.)» сообщала: «За последнее время по шахтам рудника наблюдается значительная заболеваемость кожными болезнями – главная причина кожных заболеваний, доходящих до 45 % всего лимита – это является следствием неполадок банно-душевого хозяйства и нарушения рабочими элементарных правил гигиены. <...> В процессе обследования шахт выявлен ряд нарушений, имеющих свое отражение на угледобыче, а именно:

<...> Шахта № 46: Постоянный перебой с подачей горячей воды в душевую, зачастую ее нет совершенно, нагревательные батареи газуют так, что в помещении душевой либо нельзя мыться из-за отсутствия воды, либо стоит такой газ, что дышать нечем. Спецовочная скверная, темная и не вентилируемая. Несмотря на запрещения, администрация разрешила мыть грязных сапог в душевой, для чего поставила специальное корыто, а в умывальной стирку бе-

ля. В нарядной грязь и постоянное отсутствие бачка с кипяченой водой. Спецовки регулярно не стираются и не дезинфицируются. Обнаружен ряд газующих забоев, вентиляция всей шахты работает с большим перебоем, и причина заключается в нецелесообразной расстановке вентиляторов, а также в невыполнении правил использования дверей, служащих для распределения струи воздуха. Канат мехоткатки с обрывками и ранит руки рабочим. Обнаружен бензин, хранящийся в ламповой в открытом баке. Низовые рельсовые пути требуют очистки от дерева и породы.

<...> Шахта № 44: Полное отсутствие душевой. Существующая спецовочная непригодна. В имеющейся бане нет кранов для котла, и воду черпают прямо сверху шайками. Шайки – деревянные четырехугольные коробки, пригодные для использования лишь под плевательницы. Полотенец не хватает (три на смену), мыла недостает, вся шахта чрезвычайно заболочена. Ассенизационных ящиков внизу недостает, бачков для кипячения воды также. Умывальная крайне примитивна – два подвесных умывальника и деревянное корыто, обнаружен бензин вместо керосина для промывки отбойных молотков. Спецовки не моются и регулярно не дезинфицируются, здравпункта нет, и в случае нужды рабочие ходят на 46-ю шахту. По смете райздрава средства имеются, но нет помещения и кадров.

<...> Еще хуже дело обстоит с производственным травматизмом. Прямое следствие неудовлетворительного состояния вагонных ручек, путей, плит, низких штретков, отбивающих пальцы при бурении вагона, скверного технического инструктажа поступающего молодняка, несомненной безответственности директора в вопросах правильной техники безопасности. Борьба с подобным отношением хозяйственников к охране труда рабочих парализуется нежеланием последних производить выяснение в части выявления виновника каждого несчастного случая...»¹ Ежемесячно на предприятиях Октябрьского шахтоуправления получали травмы около 70 человек.

Сигналы по линии скопинских чекистов не оставлялись без внимания. По ним принимались самые жесткие меры к нерадивым руководителям, но все же ситуация улучшалась крайне медленно. Это влияло на настроения в рабочей среде. Документы НКВД доносят живые голоса скопинских шахтеров 1930-х гг., рисуют настоящие жанровые сцены из их жизни. «Прораб строительного отдела при шахте № 46 Панышин при распространении билетов 9-й лотереи Осоавиахима заявил Елисееву, члену ВКП (б), 12 января 1935 г.: “Я не возьму билетов, и так ежедневно по 3 руб. ношу в кооператив на хлеб”. Глядя на отказ Панышина, отказались более 10 человек. Слесарь шахты № 46 Болтонос в квартире Елисеева 13 января сказал: “Если можно, одолжи взаимобразно 3 руб., откровенно скажу, что в связи с удорожанием хлеба стало плоховато, я слышал от рабочих, что в Москве рабочие собрались и ходили к правительству жаловаться на тяжелую жизнь...” «По поводу подписки на заем. Вагонщик шахты № 46 Денисов, член ВЛКСМ, при подписке сказал: “Я подписываться не буду, на хлеб денег не хватает”. Забойщик, бригадир Киселев, систематически выполнявший норму на 150 %, в момент подписки на заем на смене сказал: “Огород мне не спыхали, не сфотографировали, нигде я не считаюсь ударником, от других я ничем не отмечен, общественные организации меня не замечают, а все ж я на заем подпишусь”. Блинкова Анна, рукоятчица шахты № 46: «Моего мужа убило в шахте № 46, а пенсию мне не платят, подписываться на заем не буду». Свежинин, вагонщик шахты № 46: “Если мне с шахты на постройку дадут леса, то подпишусь на заем на 100 рублей”².

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 100–103.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 61–62.

Мирную жизнь поселка прервала Великая Отечественная война, начавшаяся в 1941 г. К концу первого года войны линия фронта пролегла по скопинской земле. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Боддина. 25 ноября 1941 г. передовой отряд немцев вошел в Скопин. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Возникла угроза продвижения противника к Рязску. Поселок Комсомольский временно оказался на оккупированной врагом территории. Перед приходом нацистов окрестные шахты едва успели вывести из строя, чтобы уголь не достался врагу.

С началом контраступления советских войск под Москвой в первых числах декабря 1941 г. нацисты были изгнаны с территории Скопинского района. Началось восстановление дезорганизованного войной хозяйства. 24 января 1942 г. секретарь Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостин, информируя Рязанский обком партии об «авангардной роли коммунистов в восстановлении народного хозяйства», в качестве примера приводил самоотверженный труд работников шахты № 46: «Коллектив решил восстановить шахту на 10 дней раньше срока. Бригада слесарей под руководством коммуниста Иконникова за 3 дня раньше срока закончила монтаж насоса для главного водоотлива. Раньше срока на 2 дня закончен ремонт шахтного ствола. Бригада под руководством коммуниста Суркова работала, не считаясь со временем. Бригада плотников под руководством коммуниста Захаркина досрочно закончила ремонт столовой, использовав для ремонта местный материал из отходов. Члены семей рабочих и служащих активно работали на подсобных работах для ускорения пуска шахт. Характерно отметить, что домохозяйки по своей инициативе обязались собрать оборудование и посуду для столовой»¹.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на окраине поселка Комсомольский возникло поселение-колония «Шахта № 46». Здесь отбывали спецпоселение не менее 200 советских немцев из ликвидированной в 1941 г. АССР Немцев Поволжья. Представители этнических групп, связанных со странами-агрессорами во Второй мировой войне, были мобилизованы через райвоенкоматы в «Трудовую армию», использовавшуюся в хозяйственной деятельности предприятий, где имела высокая потребность в физическом труде. Первоначально спецпоселенцы проживали в землянках, которые им приходилось рыть самостоятельно, после 1953 г. многим удалось переселиться в бараки, также построенные собственными силами. Спецпоселенцы трудились в шахтах на самых тяжелых работах. В послевоенные годы им стали платить минимальную зарплату, в поселке появился магазин и медпункт.

Во военное время население поселка-колонии пополнялось за счет немецких военнопленных, советских военнослужащих, запятнавших себя сотрудничеством с врагом во время пребывания в плену, а с 1944 г. также интернированных гражданских лиц из Польши и Германии. В 1940–1950-е гг., по свидетельствам очевидцев, население поселков при шахтах на 30–40 % состояло из интернированных немцев, румын и поляков. На кладбище в близлежащем селе Пупки для спецпоселенцев был выделен отдельный участок, на котором хоронили умерших и погибших.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» было установлено, что

¹ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 7.

«переселение <...> указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения винные подлежали «привлечению к уголовной ответственности». Мера наказания нарушителям была определена в 20 лет каторжных работ. В поселке Комсомольский находилась комендатура МВД, где немцы-спецпоселенцы были обязаны регулярно отмечаться.

13 декабря 1955 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Из-под административного надзора МВД были освобождены как депортированные из Германии лица, так и граждане СССР немецкой национальности, выселенные в разные районы страны. Однако в праве вернуться в места довоенного проживания последним было отказано. С отменой режима многие бывшие спецпоселенцы остались на Рязанской земле. За годы их пребывания в Скопинском районе появилось немало смешанных браков. В 1955 г. в поселке Комсомольский в семье бывшего спецпоселенца родился Владимир Фердинандович Дель – руководитель и главный режиссер скопинского молодежного театра «Предел», заслуженный работник культуры Российской Федерации. В память о трагической судьбе немцев-спецпоселенцев в 2010 г. им был поставлен спектакль «Гуссенбах–Кочугурки», основой сюжета которого стала история его семьи.

В послевоенное время в Комсомольском действовали 2 клуба, 2 школы, 5 магазинов, горно-спасательная и пожарная части, детский сад, ясли, медпункт, спортплощадки. Весной поселок утопал в зелени садов¹.

В 1943 г. довоенные щитовые двухэтажные дома частично снесли. На их месте появились новые двухэтажные деревянные жилые здания, простоявшие до 1956 г., когда и они были разобраны. Частично из их материалов построили несколько четырехквартирных жилых домов по ул. Школьной².

К 1966 г. на территории поселка Комсомольский располагались клуб «Победа», школы – начальная и средняя с интернатом, почтовое отделение, здравпункт, детский сад, ясли на 30 мест, 4 магазина, баня³.

До конца 1970-х гг. весь жилой фонд поселка состоял на балансе шахты № 48. До ее закрытия успели построить несколько домов на кирпичном фундаменте по ул. Лесной, они со временем были оборудованы водопроводом и ванными, но канализация так и не была проведена. Трудные времена настали с закрытием шахт. Жителям приходилось самостоятельно проводить в свои дома водопровод и заботиться о своем жилье. К 2005 г. 90 % от всего жилого фонда в поселке составляли двухквартирные дома усадебного типа, без фундаментов (их функции выполняли деревянные сваи)⁴.

Решением Скопинского городского Совета депутатов от 9 декабря 2004 г. № 94/16 «О наименовании жилых районов Октябрьский и Заречный, территорий бывших поселков Коготково, Комсомольский города Скопина Рязанской области» поселок Комсомольский стал одноименным микрорайоном города Скопина. В 2006 г. население микрорайона Комсомольский составило 640 человек, из них трудоспособного возраста – 395 человек, старшего возраста – 193 человека, учащихся – 37 человек, дошкольного возраста – 15 человек.

¹ Архив Скопинского района, ф. 9, л. 2.

² *Бирюкова С.* Дом на «курьих ножках» - ветхое жилье? / Скопинский вестник, № 89. – 2005. – 26 июля.

³ Архив Скопинского района, ф. 9, л. 2.

⁴ *Бирюкова С.* Дом на «курьих ножках» - ветхое жилье? / Скопинский вестник, № 89. – 2005. – 26 июля.

В августе 2012 г. на территории бывшей шахты № 1 «Северная» открылся частный музей, посвященный истории Подмосковского угольного бассейна. Сама шахта, проработав несколько лет, закрылась вследствие нерентабельности. Однако за это время она успела наделать много шума по причине несчастного случая, когда во время задымления здесь чуть не погибли десять человек, а один рабочий так и остался под завалами. Ныне на территории 1-й «Северной» в память о скопинских шахтерах создан мемориал.

В наши дни главным «предприятием» микрорайона является Федеральное казенное учреждение «Исправительная колония № 4 медико-санитарная часть УФСИН России по Рязанской области». Основную часть жилого фонда микрорайона составляют одноэтажные дома, имеются также несколько двухэтажных домов¹.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

КОНДАУРОВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Кондауровка Скопинского уезда Рязанской губернии появилась в 1850-х гг. вследствие выселения из близлежащего селца Желтухино крепостных крестьян, владелицей которого была подпоручица Ульяна Анисимовна Кондаурова. Возможно, ранее Кондауровкой назывались порядки крестьянских домов Желтухино, в которых они проживали. По данным 8-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1834 г., ей принадлежали 6 крестьянских дворов, в которых были показаны 63 души мужского пола и 70 – женского¹.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время разделение Желтухино и Кондауровки еще не произошло. Во владении У.А. Кондауровой при Желтухино находилось более 138 десятин (149 га) земли, куда, видимо, до конца десятилетия и были выселены крестьяне².

Последняя в истории России 10-я ревизия податного населения, проводившаяся в 1858 г., засвидетельствовала, что в деревне Кондауровские выселки помещицы У.А. Кондауровой насчитывалось 7 домохозяйств, в которых проживали 36 мужских и 43 женские крепостные души³.

С освобождением от крепостного права в 1861 г. деревня Кондауровка была приписана к Яблоневской волости с центром в селе Яблонево. С этим селением она была связана прямой дорогой.

В ходе Крестьянской реформы 1861 г. помещики и крестьяне составляли уставные грамоты, в которых отражалось количество и местоположение земли, предоставлявшейся землевладельцем бывшим крепостным крестьянам, а также оговаривались их повинности в пользу бывшего помещика. В списке уставных грамот, поступивших на утверждение в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г., значится: «Скопинск[ого] уезд[а] участка мир[ового] посредника Вердеревского с[ель]цо Желтухино умершей пор[учи]цы У.О. Кондауровой, 36 душ. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1118 саж[еней], повинность издельная. Грамота написана опекуном»⁴.

Перепись населения 1882 г. свидетельствует, что в это время кондауровские крестьяне все еще оставались временнообязанными наследников своей бывшей помещицы. В деревне было 15 домохозяйств, в которых проживали 51 мужчина и 43 женщины. Грамотными среди них были 1 мужчина и 1 мальчик. Средний душевой надел на жителя деревни составлял 2,5 десятины (2,7 га) земли (это был в основном чернозем с примесью глины). Кроме этого 11 деревенских семей арендовали внеадельную землю. Урожаи ржи и овса были низкими. 2 двора в деревне считались безлошадными (на них же не держали и коров), на 3 держали трех и более лошадей. Всего в деревне было 13 изб, при которых состояли 13 плетневых дворов, 3 горницы (клетки), 7 амбаров или сараев, 12 риг или овинов⁵.

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, Ж-3 син.

² Там же.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 80.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 44. – 1862. – 3 ноября.

⁵ Там же. С. 80–85.

В 1905 г. селение значится под названием «Желтухино, сельцо госпожи Кандауровой». В нем насчитывалось 20 дворов, население составляло 107 мужчин и 91 женщину. В сельце сохранилась частновладельческая усадьба. По санитарному расписанию селений Скопинского уезда от 1907 г. Желтухино-Кондауровка была приписана к фельдшерскому пункту в селе Летово¹.

В 1914 г. в Кондауровке было 24 двора, которые населяли 69 мужчин и 75 женщин. Все жители являлись прихожанами строившейся церкви Св. Василия Великого села Желтухино².

В 1917 г. деревня Кондауровка Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии показана в списке населенных мест с 39 дворами, в которых проживали 99 мужчин и 85 женщин³.

В 1918 г. был образован Желтухинский сельсовет, которому была подчинена и деревня Кондауровка. На начальном этапе административных реформ советского времени он вместе с Ивановским, Кузьминским, Гореловским и Рановским сельсоветами был включен в Нагайскую волость укрупненного Ряжского уезда Рязанской губернии.

Изъятие помещичьих земель и внедрение прогрессивных методов ведения сельского хозяйства пришлось по вкусу многим кондауровцам. Местный крестьянин А. Медведев писал в скопинскую уездную газету «Коллектив»: «Признавая, что чересполосица и трехполка – главный тормоз к развитию сельского хозяйства, мы, граждане деревни Кондауровки Ерлинской волости, решили уничтожить эти остатки старины. В [19] 24 г. произвели округление своей земли, а с [19] 26 г. все до единого переходим на восьмипольный севооборот с ежегодным подсевом клевера. Чтобы иметь свои семена, засеваем по озими с [19] 25 г. 3 д[есятины] клевера специально для семян. Пример остальным деревням. Агроному надо помочь нам в трудном деле в коренном улучшении хозяйства»⁴.

В 1925 г. в Скопинском уезде случился большой недород хлеба. В голодное время все тот же кондауровский крестьянин А. Медведев вступил в заочную дискуссию с редакцией уездной газеты «Коллектив». О мнениях и суждениях кондауровских крестьян можно судить по статье «Ответ крестьянину Медведеву», появившейся на страницах газеты в январе 1926 г.: «Крестьянин деревни Кондауровки А. Медведев пишет письмо, в котором ставит ряд вопросов, имеющих для крестьянина очень важное значение. Тов. Медведев говорит, что ряд неурожайных лет привели наш уезд в весьма тяжелое состояние. Он спрашивает: «...Как прожить год с семейством, не имея с самого начала года ни зерна?... Продают некоторые вещи, мелкий и крупный скот, но бедноте-лохмачам хоть в петлю полезай». Понятное дело, тов. Медведев, что не имея ни зерна невозможно прожить не только год, но даже и день. И напрасно вы думаете, что будто бы если «...писали в газетах, что хлеб некуда девать... будут продавать за границу», то это значит, что государство не заботится о тех, у кого хлеба нет. Помощь хлебом идет.

Вы говорите: «Наши общественные организации – кооперация, сельсоюз, по каким причинам, не знаю, но никуда не годятся», и выходит, что общественные организации не в силах помочь крестьянину. Но кто же виноват, если даже и так обстоит дело? Вы сами, тов. Медведев. Вы и ваши односельчане, ибо общественная организация – это есть вы сами, и, если кооперация плохо работает, то это значит, что ее члены не хотят как следует заняться делом.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва от 17 ноября 1907 года. – Скопин, 1908. – С. 72.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 562.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 154.

⁴ Коллектив, № 38. – 1925. – 5 апреля.

«...Будет ли какая помощь от государства?» Уже есть. Продпомощь уже поступила в пределы Скопинского уезда и раздается беднейшему населению. Кроме того, в уезд поступили 74 000 пудов ярового семя материала. На Рязанскую губернию отпущено центром свыше полутора миллионов рублей на восстановление хозяйства. Даны большие льготы кустарям, даются долгосрочные ссуды кооперации – только работай, не ленись.

Тов. Медведев спрашивает, может ли случиться, что крестьянин будет чем дальше, тем в большую нужду впадать. Тов. Медведев, как видно из его письма, середняк. Советская власть середняку помогает. Но плохо будет дело, если середняк откажется от бедняка. Средняк – кандидат в бедняки, если он не будет объединен с бедняком. Бедняк – опора пролетарской власти. Через бедняка советская власть построит многополье, проведет в деревню электричество, пустит трактор. Обо всем этом сказал XIV съезд партии, и каждый товарищ, который этим интересуется – пусть читает в «Коллективе» статьи о партсъезде и о споре о кулаке, бедняке и середняке»¹.

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Желтухинский сельсовет стал частью Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Кондауровский колхоз был образован в 1931 г., он получил название «Новый путь». В 1935 г. в составе Московской области был образован Желтухинский район, куда вошли и все населенные пункты Желтухинского сельсовета. В 1937 г. он стал одним из районов новообразованной Рязанской области.

В конце 1930-х гг. при деревне Кондауровке работала механическая мельница с мощностью двигателя 27 кВт и с суточной производительностью 90 ц. За 1938 г. на ней было перемолото 5375 ц зерна². Она располагалась напротив деревни на правом берегу р. Моши.

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в первой половине XX в. в деревне Кондауровке насчитывалось 50 строений. Между ней и соседней деревней Савиловкой (Савиловскими хуторами) находился маленький поселок Запольный с 6 дворами. В предвоенные годы в Кондауровку пришла культура – открылся клуб, работала изба-читальня.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. большинство мужчин Кондауровки было мобилизовано в действующую армию. На полях сражений некоторым местным жителям удалось прославиться примечательными подвигами. Дмитрий Семенович Мурачев (1924 –?) был мобилизован в РККА в августе 1942 г., с января 1943 г. воевал сначала на Воронежском, затем на 1-м Украинском фронтах. В феврале 1945 г. гвардии младший сержант Д.С. Мурачев, разведчик 441-го отдельного Гвардейского минометного ордена Красной Звезды дивизиона, был награжден орденом Славы 3-й степени. О его боевых заслугах в наградном листе сообщалось: «28 января 1945 г. в боях за город Николай тов. Мурачев получил боевую задачу разведать пути отхода противника и скопление его техники. При выполнении боевой задачи тов. Мурачев наткнулся на дозор противника, истребил 7 гитлеровцев, точно установил скопление техники противника, и по этим данным был дан залп, в результате чего было уничтожено: один танк, пять автомашин, двадцать подвод и до взвода немецких солдат и офицеров. 29 января 1945 г. тов. Мурачев с двумя разведчиками получил приказание разведать в районе села Вошце силы противника. Выполняя приказ, тов. Мурачев в лесу встретил до тридцати немецких солдат. Тов. Мурачев с двумя разведчиками вступил с ними в бой, истребил 12 гитлеровцев, остальные разбежались. После чего тов. Мурачев точно установил скопление противника, переслал координаты на ОП, где был дан залп, в результате чего уничтожено: девять подвод с грузами, бронетранспортер и 10 гитлеровцев. При

¹ Коллектив, № 16. – 1926. – 24 февраля.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 64. Сведения по мельницам Желтухинского района за 1938 год..

возвращении на ОП тов. Мурачев услышал стон, в лесу оказался раненый офицер. Тов. Мурачев с большим трудом доставил раненого на ПМП, чем спас жизнь офицера»¹.

В 1949 г. молодежь колхоза «Новый путь» Желтухинского сельсовета собственными силами по методу народной стройки восстановила деревенский клуб, который за годы войны пришел в негодность. «Начинание поддержали все колхозники деревни Кондауровки, собрали строительный материал. Новиков Иван Матвеевич, приглашенный комсомольцами, принял обязанности руководить восстановительными работами. В здании сделали новые полы, потолок, оштукатурили стены»². Инициативу поддержало районное начальство. Желтухинский райком ВКП (б) выделил денежные средства на приобретение клубного оборудования.

В рамках укрупнения сельских советов Рязанской области в 1954 г. в состав Желтухинского сельсовета вошли соседние Ивановковский и Кучуковский. В 1956 г. был упразднен Желтухинский район, а его населенные пункты, включая Кондауровку, переданы Скопинскому району. Уже в его составе в 1960 г. в Желтухинский сельсовет вошли населенные пункты ликвидированного Летовского. Таким образом, в начале 1960-х гг. на территории укрупненного Желтухинского сельсовета, в который вошли села Желтухино, Новое, деревни Свистовка, Ивановково, Летово, Кондауровка, Козловка, Ленинка, Петровские хутора, Косыревка, Савиловка, Воздвиженка и Гусиловка, действовали 2 восьмилетних школы, 2 начальные школы, 2 библиотеки, 3 клуба, 2 медпункта, фельдшерско-акушерский пункт, 3 магазина, колхоз «Новая жизнь» и совхоз «Желтухинский»³.

Совхоз «Желтухинский» окончательно организован в хозяйственном отношении в марте 1962 г. Основой ему послужила база расформированного совхоза им. В.И. Чапаева. При организации совхоза были объединены следующие колхозы: им. Ф.Э. Дзержинского, «Новый путь», «Советская волна», им. М.М. Литвинова, «13 лет Октября», «Дружба», «Сознание», «Красные всходы», «Красный богатырь», «Авангард» (ранее «КРАФТ»), им. М. Горького, «Россия», им. В. Володарского, «Красное знамя», «15 лет РККА».

В справке, выданной Откормсовхозом «Желтухинский» в 1965 г., сообщалось: «Совхоз «Желтухинский» организован 01.09.1961 г., в состав его Желтухинского отделения входят следующие колхозы: «Красный богатырь» – Гусиловка, «Красные всходы» – Ивановково, «Сознание» – Малая Косыревка, «Дружба» – Большая Косыревка, им. М.М. Литвинова – Желтухино, им. Ф.Э. Дзержинского – Козловка, «13 лет Октября» – Петровские хутора, «Советская волна» – Ленинский поселок, «Новый путь» – Кондауровка»⁴.

По административно-территориальному делению 1970 г. деревня Кондауровка относилась к Желтухинскому сельсовету Скопинского района Рязанской области⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Кондауровка была включена в состав Шелемишевского сельского поселения.

Однако будущее деревни предрешено. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. свидетельствуют о том, что в Кондауровке в это время оставалось всего 3 постоянных жителя. Дома еще целы, но история этого населенного пункта, похоже, близится к своему концу.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 1169, л. 217.

² Колхозная правда, № 20. – 1949. – 12 мая.

³ Архив Скопинского района, ф. 98, л. 1.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 445, лл. 1–2.

⁵ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. – Рязань, 1971. – С. 97.

КОНЮХОВО

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Впервые поселение упоминается в окладной книге Георгиевской церкви села Баракова в 1676 г. как деревня Выселки¹. Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленные в 1779 г., сообщают, что вместе с селом Бараковым и деревней Перки она являлась частью неразделенного владения «генерал-поручика и кавалера Матвея Васильевича Муромцева², надворного советника Семена Михайловича Маркова, майора Василия Иванова сына Гагина, дворянина Никиты Миронова сына Голицына» и еще 10 помещиков, а также однодворцев. В Конюховке было 7 дворов, в которых проживала 31 крепостная душа мужского пола. Деревня располагалась на правом берегу р. Вёрды. Крестьянские хозяйства занимали площадь 38 десятин 155 саженой (41,5 га), пашня – 1612 десятин 1990 саженой (1762,8 га), сенные покосы – 26 десятин 1000 саженой (28,8 га), лес – 582 десятины 2184 сажени (636 га)³.

Название селения, похоже, содержит указание на то, что его первые жители были выходцами из соседнего села Баракова, переселенными помещиком ближе к его земельным угодьям для удобства их обработки. Второе название деревни, со временем ставшее основным, позволяет предположить, что изначально на этом месте находилась конюшня помещичьих лошадей или осуществлялся их выпас, а для ухода за ними была поселена семья конюха.

Дальнейшая история деревни, ставшей в начале XIX в. помещичьим сельцом с усадьбой, связана с родом дворян-землевладельцев Леоновых. По окладной книге 1816 г., в сельце «Баракове, Конюховке тож» секунд-майору Ивану Афанасьеву сыну Леонову, Скопинскому уездному предводителю дворянства в 1801–1802 гг., принадлежали 46 крестьянских душ. В июне 1819 г. им было продано 27 душ в то же сельцо: 12 душ девице Аксане Ивановой дочери Безумовой и 15 душ поручику Филиппу Безумову (впрочем, в 1824 г. 10 душ А.И. Безумовой были исключены из сельца в связи с переводом в другое имение). Видимо, в связи с кончиной И.А. Леонова с 10 (22) июля 1824 г. 36 душ были переписаны на малолетних помещиков Леоновых и их мать Ольгу Антоновну. Подробнее о ней сообщается в следующей записи от 1826 г., когда к сельцу были причислены 4 покупных души «прапорщицы Ольги Антоновой дочери Фетцовой (по 1-му мужу Леоновой)». В 1828 г. за малолетними Александром и Николаем Леоновыми было записано еще 3 души⁴.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1834 г. сельцо «Баракова, Конюховка тож» числилось собственностью «штабс-капитана Николая, прапорщика Александра Ивановых воцпе с матерью прапорщицей Ольгой Антоновой Леоновой, по 2-му мужу Федцовой». Им принадлежали «50 душ поселян и 26 дворовых»⁵.

¹ Добролюбов И.В. Историческое описание... Т. 2. – С. 245.

² О нем см. статью «Кузьминка-2» настоящего издания.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 130 об-131.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 16 об-17, 18 об.

⁵ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 160 об-161.

По специальному межеванию 1845 г. селцо Конюховка состояло во владении прапорщика Александра Ивановича Леонова. Земельная дача числилась как «девятая часть, отделенная из общей дачи селца Перек с деревнями Бараковой и Конюховкой». Земля, состоящая в этой даче, имела ширину до 400–500 сажени (864–1080 м) и тянулась от р. Вёрды до большой дороги из Скопина в Рязск и далее приблизительно на такое же расстояние. Общая площадь имения составляла 425 десятин (463,3 га), в том числе пашенной земли – 354 десятины 1547 сажени (385,5 га), сенокосов – 14 десятин 128 сажени (15,3 га), под выгоном было 11 десятин 640 сажени (12,3 га), «леса дровяного по болоту» – 16 десятин 217 сажени (17,6 га), «под большой дорогой» – 5 десятин 240 сажени (5,5 га), под проселочными дорогами – 2 десятины 2215 сажени (3,2 га), «под Вердой, мельничным прудом, оврагами и рытвинами» – 11 десятин 2140 сажени (13 га).

Конюховка находилась напротив плотины на р. Вёрде, за которой река разделялась на два рукава и образовывала небольшой «остров». В 15 сажених (32,4 м) от берега реки стоял каменный господский дом с двумя флигелями, выходивший фасадом к воде. Выше по течению реки и примерно в 100 сажених (216 м) от плотины находилась хозяйственная постройка. Примерно в 25 сажених (54 м) от усадебного дома ниже по течению была еще одна хозяйственная постройка, за которой начинался барский огород. К юго-востоку от усадьбы вдоль единственной улицы длиной около 120 сажених (130,8 м) стояли 14 крестьянских домов Конюховки. Напротив изб находились хозяйственные постройки, за которыми начинались крестьянские огороды¹.

В окладной книге 1850 г. в селце «Бараково, Конюховка тож» за прапорщиком Александром Ивановичем Леоновым были записаны 59 крестьянских душ мужского пола и 16 дворовых людей². По последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в селце Баракове (Конюховке) было 9 домохозяйств, в которых проживали 52 души мужского и 48 – женского пола.

В 1861 г. крепостные крестьяне помещиков Леоновых перешли в категорию временнообязанных. С введением в Скопинском уезде волостей селцо вошло в состав Боровской волости.

В ходе крестьянской реформы 1861 г. помещики и крестьяне составляли уставные грамоты, в которых отражалось количество и местоположение земли, предоставлявшейся землевладельцем бывшим крепостным крестьянам, а также оговаривались их повинности в пользу бывшего помещика. В списке уставных грамот, поступивших на утверждение в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г. значится: «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Ралгина с[ель]цо Бараково и Конюховка тож прапор[щика] А.И. Леонова, 52 д[уши]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 138 саж[еней] (2,3 га), повинность издельная. Грамота написана помещиком»³.

По переписи населения 1882 г., конюховские крестьяне по-прежнему оставались временнообязанными помещика Леонова. Это значит, что за прошедшие после Крестьянской реформы два десятилетия они так и не смогли рассчитаться по выкупным платежам со своим бывшим владельцем и продолжали нести повинности в его пользу. В Конюховке было 22 домохозяйства, в которых проживали 71 мужчина и 62 женщины. Грамотой в деревне владели только 2 мужчин. На ревизскую душу приходилось 2,1 десятины (2,3 га) черноземной земли. Жители 6 беднейших дворов обходились без коров и лошадей, еще 6 – толь-

¹ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, К-70 кр.

² ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 192 об-193.

³ Губернские рязанские ведомости, № 27. – 1862. – 7 июля.

ко без лошадей. Мастерские в деревне не работали, никаких промышленных заведений тоже не было¹.

В 1905 г. в Конюховке, Баракове тож, насчитывалось 25 дворов, в которых проживали 106 мужчин и 114 женщин, владельческая усадьба и водяная мельница дворянина Леонова. Ближайший к селу врачебный пункт находился в селе Поляны в 8 верстах от деревни².

Последним владельцем конюховской усадьбы был потомственный дворянин Дмитрий Алексеевич Леонов (1864–?), сын статского советника Алексея Николаевича Леонова. В Скопинском уезде Рязанской губернии за ним числилось 379 десятин (413 га) земли. По окончании семи классов гимназии он поселился в родовом имении в Конюховке, где занялся сельским хозяйством, адвокатурой и общественной деятельностью.

В окладной книге, по которой Скопинское уездное земство определяло ставку налогообложения, в имении помещика сельца Бараково (Конюховки) Д.А. Леонова значился кирпичный завод. В августе 1884 г. земская управа рассматривала поступившее от него 9 (21) числа заявление, в котором отмечалось: «В присланном мне в текущем году окладном листе по имени моему при селе Баракове показаны подлежащими обложению 2 кирпичных завода, оцененные в 1200 рублей, между тем как я имею всего только один кирпичный сарай...» Председатель Скопинской земской управы признал ошибку и пояснил: «Боровское волостное правление в доставленной им ведомости о промышленных заведениях поставило у Леонова два заведения, считая кирпичный сарай за одно, а обжигательный горн за другое...»³

При усадьбе в Конюховке с 1852 г. работала также принадлежавшая помещику водяная мельница. По данным за 1893 г., она имела четыре постава: два мукомольных, просорушный и толчею. На мельнице трудились 2 наемных рабочих, проживавших в помещении при мельнице и получавших за свои труды 8 рублей ежемесячно. В 1893 г. эта мельница находилась в аренде у раненбургской мещанки Екатерины Николаевны⁴. С 1894 г. ее арендовал Е.Н. Взнуздаев, крестьянин села Затворного⁵.

Случались в истории конюховской усадьбы и трудные дни. В 1891 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «Совет Государственного дворянского земельного банка за невзнос причитающихся платежей объявлял очередной раз о торгах, назначенных 9 (21) марта 1891 г. имения: 277 десятин 1233 саженьей (303,2 га) Леонова Дмитрия Алексеевича при селце Конюховке»⁶. Усадьба, однако, осталась в собственности помещика.

С 1891 г. Д.А. Леонов избирался гласным Скопинского уездного и Рязанского губернского земских собраний. Он состоял председателем экономического совета уездного земства и членом училищного совета, фактически заведя делом начального образования в Скопинском уезде. Кроме того, он избирался почетным попечителем Скопинского реального училища, участвовал в общеземском съезде, был уполномоченным по трудовой помощи в 1906–1907 гг. В 1905 г. «Рязанский вестник» сообщал: «Гласный Скопинского земства Д.А. Леонов изъявил желание дать земству средства на учреждение в местном реальном училище 4 сти-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 68–73.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 614–617..

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. Скопин, 1885–С. 117–118.

⁴ ГАРО. ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 1–1 об.

⁵ *Мартынов Н.Н.* Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 73, 74.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 8. – 1891. – 30 января.

пендий по 30 рублей каждая, для чего г. Леонов обещает вносить ежегодно по 120 рублей в течение его службы почетного попечителя училища; при этом назначение стипендиатов должно производиться земской управой на общем основании. Уездное земство приняло предложение г. Леонова и выразило ему благодарность»¹.

После провозглашения Манифеста от 17 октября 1905 г., положившего начало отечественному парламентаризму, Д.А. Леонов возглавил скопинский отдел умеренно-правой партии крупных землевладельцев «Союз 17 октября». Пиком его политической карьеры стало избрание членом III Государственной думы (1907–1912 гг.) от Рязанской губернии. В Думе Д.А. Леонов вошел во фракцию октябристов, был членом комиссии по народному образованию и по судебной реформе, а также по старообрядческим делам участвовал в рассмотрении законопроектов о гимназиях и подготовительных училищах, работал в подкомиссии о волостном управлении.

Д.А. Леонов активно участвовал во внутрипартийной борьбе. «В связи с большим поправлением многих октябристов в рязанской губернской организации постепенно нарастало противоречие между правыми и левыми крыльями. Наряду с отношением к земским учреждениям, объектом споров стали мероприятия по реализации Столыпинской аграрной реформы. Разногласия выплеснулись на губернском земском собрании в декабре 1909 г. В то время как правые октябристы выступали за формулировку, предусматривавшую преимущественную помощь земства личным землевладельцам, их левые коллеги по партии заняли иную позицию. «Хуторяне и так пользуются большими преимуществами, на них идет прямо золотой дождь», – заявил на собрании Д.А. Леонов. В итоге земцами была принята резолюция, в которой говорилось, что мероприятия земства должны быть полезны по возможности всем плательщикам земских сборов, без предпочтения одних другим. Но это решение не имело силы, поскольку на собрании не оказалось кворума.

Существенные разногласия ослабляли и без того рыхлую организацию. Сказывалось и неблагоприятное отношение местных властей к октябристам, прежде всего к левым. <...> В конце 1910 г. в губернии осталось 66 членов партии «Союза 17 октября», из которых наибольшее число было в Рязани (15 человек). Сохранили дееспособность только два отдела: Рязанский и Скопинский. Деятельности последнего, более левое по своим настроениям, был нанесен серьезный удар в 1911 г., когда губернским по земским и городским делам присутствием, с учетом результатов ревизии Скопинской уездной земской управы, было постановлено возбудить предварительное следствие против бывшего председателя управы П.П. Харнского, председателя управы Н.И. Усова и членов С.А. Лихарева, К.Н. Сухомлинова и А.П. Крушликова. Тогда Д.А. Леонов заявил, что его политические сторонники попали под следствие за «незначительные канцелярские нарушения»².

По мнению председателя рязанской губернской организации «Союза 17 октября» Н.С. Китлова, Д.А. Леонов и ряжский левый октябрист А.В. Еропкин «в Государственной думе третьего созыва «очень уронили себя своим голосованием по Холмскому вопросу». Они голосовали в Думе против правительственного законопроекта об образовании Холмской губернии, солидаризируясь с кадетами. Оба они были также противниками церковно-приходских школ. По предложению Леонова, секция о церковно-приходских школах общеземского съезда по народному образованию в 1911 г. признала необходимым объединение всех начальных школ, в том числе церковно-приходских, в единую училищную сеть. Это означало и

¹ Рязанский вестник, № 73. – 1905. – 16 сентября.

² Акулышкин П.В., Князева И.С. Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. – Рязань: Рязанская обл. тип., 2011. – С. 152–153.

передачу всех средств на содержание приходских школ из сметы Синода в смету Министерства народного просвещения. За это рязанский епископ Димитрий объявил Леонова врагом православного духовенства. Леонову вменялись также в «вину» борьба в Думе за полное восстановление института выборных мировых судей, совместное с кадетами голосование при обсуждении правительственного законопроекта о введении земства в шести западных губерниях и другие оппозиционные действия»¹.

Для борьбы с либеральным политиком «рязанские власти использовали в максимальную силу голоса духовенства. Это явление носило общероссийский характер. В губерниях были созданы епархиальные предвыборные комитеты, задачей которых было обеспечить поголовное участие священников в выборах и их голосование за указанных сверху кандидатов. <...> Для провала Д.А. Леонова духовенство именно в Скопинском уезде, единственном из всех уездов Рязанской губернии, не было выделено в отдельную избирательную курию. Во всех остальных уездах Рязанской губернии после ходатайств уездных предводителей дворянства в Министерство внутренних дел это было сделано. В Скопинском уезде мелкие землевладельцы были объединены с настоятелями церквей в общий предварительный съезд для того, чтобы никто из мелких землевладельцев не мог проникнуть в окончательный землевладельческий съезд в качестве уполномоченного. <...> Не довольствуясь отданным духовенству распоряжением о «забаллотировке» Леонова, епископ Димитрий специально приезжал в Скопин для личного наблюдения за исполнением своего приказа, причем священники, заподозренные в благожелательном к Леонову отношении, подвергались угрозам и притеснениям. По отношению к некоторым крупным землевладельцам администрация пустила в ход явное давление, чтобы заставить их уклониться от выборов. Двое из них, П.И. Соловых и Г.Л. Брежнев в день выборов под предлогом различных дел были задержаны полицейскими у себя в имениях и не смогли принять участия в выборах. Д.А. Леонов, возмущенный таким поведением властей, обратился в редакцию защищавшей октябристов газеты «Голос Москвы» с письмом, в котором обстоятельно описал случившееся. В письме, которое было опубликовано 19 (31) октября 1912 г., автор называл себя человеком «умеренным и далеко не ярким», считая, что гонения на него происходят «исключительно лишь за проявленную мною в течение истекшего пятилетия независимость во взглядах и действиях». Он также выражал надежду, «...что в 4-ю Думу пройдут от Рязанской губернии люди независимые и порядочные, которые найдут способы защитить рязанского обывателя от всех прелестей управления князя Оболенского и с думской трибуны, и перед высшими должностными лицами империи».

Эта статья Д.А. Леонова имела широкий общественный резонанс. Губернские власти были вынуждены реагировать на это происшествие, делая вид, что оно не имело характера политического давления»². Но дело было сделано – в IV Государственную думу Д.А. Леонов избран не был. 15 (27) октября 1912 г. в Рязанском губернском отделе «Союза 17 октября» прошли перевыборы руководства, в ходе которых все ответственные посты заняли левые октябристы. Д.А. Леонов стал председателем отдела и, похоже, возглавлял его вплоть до 1917 г.³

В 1912 г. Д.А. Леонов был избран почетным гражданином рязанского уездного города Данкова за содействие в открытии местной мужской гимназии. Оставаясь уездным и губернским гласным, с 1914 г. он состоял также членом губернского по земским и городским делам присутствия, с 1915 г. – членом губернского училищного совета и губернского воен-

¹ Аксельштит П.В., Князева И.С. Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. – Рязань: Рязанская обл. тип., 2011. – С. 188–189.

² Там же, С. 189–191.

³ Там же, С. 193.

но-промышленного комитета. После Февральской революции 1917 г. Д.А. Леонов участвовал в Государственном совещании в Москве, позднее выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания от Рязанского округа по списку партии кадетов. В сентябре 1918 г. он был арестован большевиками как заложник, но вскоре освобожден под поручительство наркома земледелия РСФСР С.П. Середы. После освобождения проживал в Скопине, занимался огородничеством и артельным сельским хозяйством. В 1919 г. Д.А. Леонов попал в Рязанский губернский концлагерь, куда был прислан губернской ЧК как «кадет, ярый реакционер, член 3-й Гос. думы». Дальнейшая судьба последнего конюховского помещика неизвестна. По некоторым данным, после освобождения в начале 1920-х гг. он работал в Рязгубпотребсоюзе.

В 1914 г. конюховские крестьяне были прихожанами Свято-Георгиевской церкви села Бараково (Новобараково). Накануне Первой мировой войны в сельце было 24 двора, в которых проживали 81 мужчина и 84 женщины¹.

В списке населенных мест Скопинского уезда Рязанской губернии на 1917 г. в сельце Конюховка Боровской волости значатся 29 дворов, население которых составляли 73 мужчины и 76 женщин. В начале года двух революций в документах в последний раз были упомянуты «дворянина Леонова усадьба, при сельце его же водяная мельница»².

В 1918 г. был создан Новобараковский сельсовет, к которому отнесли села Новобараково, Старобараково, Костемерово, деревню Конюховку и поселок Полянские выселки³. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В 1925 г. было проведено укрупнение уездов Рязанской губернии. Володарская (Боровская) волость была передана из Скопинского уезда в Рязский. Вместе с другими населенными пунктами волости туда перешла и Конюховка.

В 1930 г. в Конюховке был создан колхоз «Красная звезда». Его первым председателем стал Андрей Дмитриевич Городничев. Позднее, уже в послевоенные годы, его сын в течение 12 лет работал председателем Новобараковского сельсовета.

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии ушло в прошлое. Конюховка Новобараковского сельсовета стала одним из населенных пунктов Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Обстановка на селе в это время была довольно напряженной. Бывшие кулаки, озлобленные на новую власть за утрату социальных привилегий, вымещали свою ненависть на ее представителях «на местах». В 1931 г. в соседнем с Конюховкой селе Старобаракове кулаки Ретюньские – отец и сын – развязали настоящий террор против сельских активистов – членов комиссии содействия заготовкам и инициативной группы по организации колхоза. Своей агитацией с применением «мер физического воздействия» им удалось развалить созданный весной 1931 г. в этом селе колхоз⁴.

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 543.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 138–139.

³ Архив Скопинского района, ф. 94, л. 1.

⁴ Авангард, № 36. – 1931. – 30 июня.

В первые годы существования колхоза «Красная звезда» Новобараковского сельсовета бывшие «лучшие люди» деревни также чувствовали себя в нем вольготно и безнаказанно и нередко вымещали свою злобу на колхозном имуществе. Рязская районная газета «Колхозник» в 1933 г. писала о том, что в это время в колхозе «Красная звезда» «старшим конюхом работал кулак И.П. Лобанов, который на виду партиячейки, сельсовета и правления колхоза «вредительствовал» на колхозной конюшне». Ситуацию на колхозной конюшне газета описывала так: «Лошади находятся без привязи, бродят по двору, по улице. Слабосильные лошади нагружаются непосильной работой. На днях истощенная лошадь послана в Веревкинскую рощу, за дровами. Порожня лошадь дошла до города и упала. Вследствии необорудованности конюшни и вредительства Лобанова неделю тому назад ночью лошадь пропоролла брюхо. Всю ночь эта лошадь висела на колу... Конюх никем не наказан»¹.

В 1935 г. Конюховка в составе Новобараковского сельсовета была включена в новый Желтухинский район Московской области. Постепенно дела в колхозе «Красная звезда» налаживались. На бывшей помещичьей усадьбе Леоновых близ р. Вёрды разместилась молочно-товарная ферма колхоза, организованная в 1932 г. О ней желтухинская районная газета «Колхозная правда» писала: «В просторном, светлом, хорошо утепленном помещении МТФ стояли 18 дойных коров, один бык-производитель. К 1939 г. от 18 дойных коров надоили 30 тысяч молока, что составило 1680 литров на каждую фуражную корову. Доярка Евдокия Ильинична Кузьмичева надаивала по 15–18 литров молока в день от коровы»². Вскоре конюховская МТФ стала одной из передовых в Желтухинском районе. Местная пресса сообщала: «На передовой ферме района доярки вставали в 3 часа утра и заканчивали работу поздним вечером». В августе 1940 г. на ферме завершилось строительство нового телятника³.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в первой половине XX в. в деревне Конюховке было 33 строения.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. немало жителей деревни отправилось защищать Родину на полях сражений. Во многих отношениях показательной является военная биография одного из уроженцев Конюховки Николая Васильевича Городничева (1905–?). На момент начала войны он жил и работал в Москве. В июне 1941 г. добровольцем пришел в военкомат. Артиллерист-ракетчик Н.В. Городничев участвовал в битве под Москвой, в 1942 г. заслужил медали «За отвагу» и «За оборону Москвы», впоследствии воевал на Западном, Калининском и 2-м Белорусском фронтах. В июне 1944 г. гвардии младший сержант Н.В. Городничев, командир орудия 1-й батареи 21-го Гвардейского минометного дивизиона 77-го Гвардейского минометного полка, принимал участие в боях на подступах к Минску. «6 июля 1944 г. батарея получила задачу прикрыть шоссе, идущее к г. Минск, от группировки противника. Батарея заняла ОП в 5 км от г. Минск. Противник подверг сильному ружейно-пулеметному обстрелу ОП. Тов. Городничев впереди батареи занял оборону и не допустил противника к батарее, этим самым дал возможность произвести залп и вывести батарею из обстрела»⁴. За умелые действия в боевой обстановке Н.В. Городничев был награжден орденом Красной Звезды.

В марте 1945 г. 77-й Гвардейский минометный Могилевский Краснознаменный орден Богдана Хмельницкого и Александра Невского полк вел бои на территории Германии. «26 марта 1945 г. противник предпринял контратаку с района северной окраины Хохштрис.

¹ Колхозник, № 130. – 1933. – 15 марта.

² Колхозная правда, № 17. – 1940. – 11 февраля.

³ Колхозная правда, № 94. – 1940. – 18 августа.

⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 5767, л. 94.

При этом противник вел обстрел огневой позиции дивизиона. Тов. Городничев под огнем противника быстро вывел боевую машину на огневую позицию и произвел наводку. Своим хладнокровием т. Городничев воодушевлял весь расчет своего орудия на быстрейшее выполнение боевого задания. Благодаря его мужеству и четкости в работе залп был произведен в назначенное время, в результате которого контратака противника была сорвана»¹. За боевую работу в Германии Н.В. Городничев был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени.

В послевоенные годы конюховский колхоз «Красная звезда» был объединен с новобараковской сельхозартелью «Авангард». В апреле 1960 г. этот укрупненный колхоз, в свою очередь, вошел в совхоз им. В.И. Чапаева Шелемишевского сельсовета².

В 1956 г. был упразднен Желтухинский район, и населенные пункты Новобараковского сельсовета, включая Конюхово, вошли в состав Скопинского района. На территории Новобараковского сельсовета в 1965 г. располагались: 3 восьмилетних и 2 начальные школы, 3 клуба, 3 библиотеки, 3 магазина, Полянская больница, 2 медпункта, 4-е отделение совхоза им. В.И. Чапаева, которое образовалось в результате укрупнения колхозов³. По административно-территориальному делению 1970 г. деревня Конюхово по-прежнему относилась к Новобараковскому сельсовету Скопинского района Рязанской области⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Конюхово была включена в состав Шелемишевского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Конюхово в это время постоянно проживали 12 человек – 7 мужчин и 5 женщин.

---

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 1740, л. 283.

² Архив Скопинского района, ф. 373, л. 1.

³ Архив Скопинского района, ф. 94, л. 1.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. – Рязань, 1971. – С. 99.

КОРНЕВОЕ

село

(сельское поселение Корневское)

Интересно отметить, что в старину топонимы, образованные от слова «корень», встречались на юго-западе современной Рязанщины чаще, чем в наши дни. Например, в XVII в. и позднее кроме скопинского села Корневого (Кореневого) неподалеку от Ряжска существовали село Коренное и деревня Коренная, а в отказных книгах на поместья и вотчины упоминается еще «Коренное на речке Лесном Воронеже»¹. Корневое, Коренное, Коренное – близкие по смыслу слова. В Толковом словаре В.И. Даля слово «корень» определено как «коренной, к корню, в различных значениях относящийся, но более в значении переносном основной, начальный, настоящий, первобытный; в прямом же значении иногда переносят ударенье; коренный или корневой... Коренной житель, исконный, не переселенец. Коренной дворянин, столбовой, от старого дворянского рода, корня»². Слово «корень» употреблялось и в переносном значении: «упрямый», «суровый», иногда «основательный». В таком значении оно закреплялось в прозвищах людей, обладавших такими качествами: отсюда прозвище Корень и фамилия Корнев. Название каждого из перечисленных селений, произведенное от одного корня, могло указывать и на раскорчёванную местность, и на коренной характер местного населения, а могло быть и производным от фамильного прозвища владельца. В платежных книгах городов Рязани, Пронска и Ряжска, да станов Окологородного, Каменского и Пехлецкого по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова 1594–1597 гг. упоминаются землевладельцы Илья Васильев сын Корнев в сельце Сарыбьево, Михаил Васильев сын Корнев в селе Шавоево Окологородного стана. В разделе про Пехлецкий стан в этих же книгах сообщается: «...За Михаилом Васильевым сыном Корнева – жеребей в деревне Немировой, приданая ево вотчина...»³. С учетом близости упомянутой деревни и современного Корневого, кто-то из предшественников вотчинника М.В. Корнева с большой вероятностью мог быть владельцем угодий или основателем селения, впоследствии названного в его честь. Кстати, в старейших документах, содержащих название села, оно передано в форме, как будто указывающей на принадлежность – Корнево. Потомки помещиков Корневых вплоть до начала XX в. владели землей при деревне Кулаковой в Скопинском уезде Рязанской губернии⁴.

Первое упоминание о селе Корневе относится к 1592 г. Правда, известно об этом не напрямую, а из документов петровской эпохи. В челобитных царю Петру I, направлявшихся от имени преосвященного Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского, 8 (18) июня 7207 (1699) г. и 11 (22) сентября 7208 (1700) г., имеется указание на то, что в 1592 г. «по

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13941, лл. 9 об, 470 об.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 138.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 153.

⁴ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Ряжского 1875 году. – М., 1877. – С. VII.

указу блаженные памяти великого государя и великого князя Федора Ивановича всея России, взято из домовых вотчин Пресвятыя Богородицы у преосвященного Митрофана, архиепископа Рязанского и Муромского, к Ряскому городу новоприборным казакам на реке на Вёрде село Кореневое, да Подвелемье, да село ж Секирино, деревня Гуменная, село Пупки, а в них пашни перелогу дикого поля 3850 четвертей, а вместо тех вотчин дано в Коломенском уезде в Маковском стану вотчины боярина Федора Васильевича Шереметева...»¹ Иными словами, владельцем селения до 1592 г. была церковь, но при царе Федоре I Ивановиче оно было отобрано в казну для поселения казаков, а церкви уступили взамен земли в другом уезде.

В выписке из межевых книг Рязского уезда 1672 г. упоминаются пятидесятник и рядовые казаки «слободы Кореновой»: «Приехав в Ряском уезду в Пехлецкого стану преосвященного Илариона Митрополита Рязанского и Муромского в село Княжево, Владычня тож, на речке на Велемке под Велемским лесом, в деревню Топила, деревню Петрушину на речке Мещерке, взяв с собой тутошних и сторонних людей, старост и целовальников, и крестьян, и старожилов, и велеть к себе быть сел и деревень, которые с митрополию вотчин смежны, помещикам и вотчин, и прикащикам, и старост, и крестьян <...>слободы Кореновой пятидесятник Петр Забобурин, Иван Кузмин, Агей Лукьянов с товарищи»².

Полковые казаки не только правили службу, но и обрабатывали землю, принимали участие в строительстве Скопина. В дозорной книге Рановской и Пустотенской засеки письма и дозора Никиты Захаровича Вельяминова 1676 г. сообщается: «...Села Чулково, рязских детей боярских, против Засечной черты, и с полковых казаков <...> против села Коренева и Скопина города и села Вослебы и села Вердерева <...> деревни Чулково всякое лесное з границами, с натесом отведен великий государь к Скопину на великое городовое строение, и те скопинские, посадские и всяких чинов люди в тех местах там секут на великое хоромное строение под деревней Чулково.<...> Годные леса отданы боярские Василию Федюкину с товарищи»³.

И.В. Добролюбов утверждает, что Борисоглебская церковь существовала в селе уже в 1592 г., когда оно было вотчиной архиепископа Рязанского, но ссылкой на документы свои слова не подтверждает. Во всяком случае, этот храм совершенно точно существовал во 2-й пол. XVII в. «В окладн[ой] кн[иге] 1676 г. при церкви показано «церковныя пашни дватцеть четвертей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на тритцеть копен, а в приходе 60 дв[оров] драгунских и 7 бобьльских». По окладу 1676 г. с Борисоглебской церкви дани положено было «рубль дватцеть четьре алтына две денги. А прежняя дани было тритцеть четьре алтына две денги»⁴. До конца столетия и в первые годы XVIII в. в храме служили священники Савва (упоминается в 1676 г.), Феодор Феодотиев (с 1689 г.) и Никифор (с 1705 г.)⁵.

В переписной книге 1716 г. селение упомянуто как «село Кореневое». «...В том селе церковь во имя Бориса и Глеба, у той церкви двор попа Ивана Матвеева сына 34 лет, у него попадья Марья Дорофеева дочь 31 год <...>, дьячок Герасим Федоров 21 год, у него жена Марья Афонасьева 26 лет <...>. В том селе служилого чину солдаты <...> 10 дворов, обоих полов 33 и вдовых 2 двора, а по переписным книгам 710 года в том селе служилого чину 58 дворов, мужеска полу 91, да женска полу 85...»⁶

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 172.

² РГАДА, Ф. 281, оп. 15, д. 10138, л. 6 об.

³ РГАДА, К. 389 (по МАМЮ), лл. 7, 9 об.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 171.

⁵ Там же.

⁶ РГАДА, Ф. 350, ч. 1, д. 350, лл. 300, 308.

По переписной, окладной книге, составленной не позднее 1724 г., в селе упомянуты 1 двор поповский, 2 дьячковых и 23 солдатских. Среди солдат (однодворцев) значительное количество «скитающихся, безземельных», а иногда ещё и бездворных: Павел Хохлов сын Деревянкин, Кондратей Григорьев сын Холяпин, Яков Кирилов сын Данилов, Елифан Федоров сын Мучников, Петр Андреев сын Князев, Абрам Акимов сын Холяпин. Всего же в оклад по книге было положено «отставных дьячков шесть человек, однодворцев 165 человек», в оклад неположенных шесть церковников и 12 новорожденных¹.

В допетровскую эпоху однодворцы платили подворный налог. В царствование Петра I для них ввели подушную подать как для дворянских крестьян. Из документов дворцовой Конюшенной канцелярии за 1741 г. известны урожаи у однодворцев села Корневого. При высеве на дворцовую десятину ржи по 2 четверти, а овса по 4 четверти, намолачивали с десятины 60 четвериков, а овса 100 четвериков, т.е. это урожай «сам-третей». На «средней земле» получалось вдвое меньше². Урожай был крайне мал по сравнению с показателями того же года для скопинских земель Конюшенного ведомства и помещиков. Что касается сбора зерновых на средней земле, то такой показатель скорее свидетельствует о недороде.

Немногие однодворцы могли позволить себе владение крепостными, в основном свою землю они обрабатывали сами. Были среди них и вовсе безземельные, утратившие свои наделы за долги или при разделах. Нужда заставляла таких людей искать лучшей доли. Об одном из таких случаев «села Корневого сощкий Агей Кузнецов» в челобитной от 26 сентября (6 октября) 1748 г. писал: «...Однодворец Иван Козмин сын Кошесдов с женою своею да дочерью девкой бежали неведома куда», и при этом просил, чтобы «ежели оной беглой однодворец Кошесдов с женою своею и с дочерью явятся где на воровстве или на разбое, не быть ему, сощкому, в штрафе и разорении», а казус побега рассматривался «по силе Указа», т.е. по закону³.

Священник Борисоглебской церкви в Корневом Иоанн Матвеев умер в 1734 г. Его преемником стал в том же году Иоанн Иоаннов, а с 1743 г. – Мирон Иоаннов. «Вместо упоминаемой в XVII ст[олетии] и обветшавшей церкви в 1775 г. поставлена была новая, также деревянная и в прежнее храмоименование»⁴.

Во 2-й пол XVIII в. при селе появилось помещичье землевладение. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. сообщается следующее: «Село Корневое владения майора Петра Алексеевича Татищева, в отставке гвардии капрала Козьмы Маркова сына Мушнякова, вахмистра Павла Агеева сына Кузнецова, Исаия Никитина сына Мандрюкина, Павла Агеева, Спиридона Иванова детей Кузнецовых и однодворцев, с вырезанною церковною землею». Село располагалось «по обе стороны речки Гуменки, на коей пруд, и двух отвершков. Церковь деревянная во имя благоверных князей Бориса и Глеба. Церковная земля по обе стороны Бабьего оврага и его отвершков. Однодворцы состояли на казенном окладе, крестьяне на изделье. Жилье постройки с огородами занимали площадь 26 десятин 2146 сажений (29,3 га), пашня – 1691 десятину 40 сажений (1843,2 га), покосы – 88 десятин 1258 сажений (96,5 га), леса – 952 десятины 1379 сажений (1038,3 га), неудобные места – 55 десятин 216 сажений (60 га)»⁵. По данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе насчитывалось 77 дворов, в которых проживали 215 мужских и 137 женских душ⁶.

¹ РГАДА, Ф. 350, оп.2, ч. 2, д. 2864, лл. 448, 458 об, 459–460 об, 464.

² РГАДА, Ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 170.

³ РГАДА, Ф. 566, оп. 1, д. 151, л. 1.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 171.

⁵ РГАДА, Ф. 1355, оп. 1, д. 1240; д. 1241, л. 32.

⁶ Там же.

С начала XIX в. в сельской Борисоглебской церкви служили священники Михаил Иоаннов (был уволен в 1802 г.), Петр Васильев (с 1802 г.) Лавр Григорьев (был уволен в 1837 г.), Евфимий Васильев Славянский (в 1837–1863 гг.) и Павел Васильевич Чельцов (в 1863 – после 1903 г.)¹.

По данным 9-й ревизии 1850 г., в селе Корневом было 168 дворов, а население составляло 688 мужчин и 747 женщин. Из них только 72 человека владели грамотой. На карте А.И. Менде 1850 г. название села при р. Гуменке передано как «Корневое (Коренное)». Улицы села были изрезаны оврагами с бегущими в них небольшими ручьями. В его северной части среди нерегулярных порядков крестьянских домов стояла деревянная Борисоглебская церковь, за северной и южной околицами села располагались 9 ветряных мельниц. В селе действовали трактир, 2 лавки и 9 «промышленных заведений» (те самые мельницы). По последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в селе Корневом Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 146 домохозяйств, в которых проживали 756 мужчин и 742 женщины².

В середине XIX в. в Корневом процветал гончарный промысел. Эта особенность села заслужила отдельного упоминания в книге «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния» (1860): «С давних времен Скопин известен деланьем в большом количестве глиняных горшков, развозимых для продажи не только в соседственные, но даже и дальние города других губерний, где продавцы горшков часто меняют их на хлеб и яйца. Глина для делания горшков привозится крестьянами из казенных сел – Корневого и Пупок, отстоящих от города в шести верстах, она находится на глубине от 1 до 3 сажень; её копают осенью, а зимой отвозят в Скопин, где она идет на деланье горшков. Добывание глины производится до тех пор, пока не истощится жила; таким образом, и в этих селениях изрыто до 100 десятин земли, покрытой мелким кустарником. Воз глины в Скопине стоит 25 копеек серебром. Гончарное производство существует в г. Скопине и селениях Скопинского уезда: Корневом, Вослибе, Пупках, Дмитриевском, Ермолове и Павельце. В Скопине существует целый квартал горшечников, которые работают на 50 горнах. Из воза глины выходит до трех и четырех возов изделий, которые сбываются посредством мелких торговцев в южные губернии и Донскую область. Горшки развозятся преимущественно в Тамбовскую и Воронежскую губернии, большей частью меняют их на хлеб, холст, куриные яйца и даже на арбузы, продавая все это потом в городах и селениях или где придется. При размене горшков на хлеб берется этого последнего столько, сколько может поместиться его в горшок, а иногда и более»³.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. в Скопинском уезде были созданы волости. Корневое стало центром Корневской волости. В селе открылось и начало действовать волостное правление. К этому времени однодворцы по своему статусу были приравнены к государственным крестьянам. В соответствии с законом «О поземельном устройстве государственных крестьян» от 24 ноября (6 декабря) 1866 г. сословие однодворцев было и вовсе упразднено, хотя звание долгое время оставалось в употреблении в быту.

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 171–172.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 238–239; Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м; Писцовые книги Рязанского края. XVIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 573.

³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. (сост. Баранович М.С.). – СПб., 1860. – С. 117.

С 1842 г. в Корневом действовало церковно-приходское училище, открытое Палатой государственных имуществ. Оно помещалось в доме сельского священника, который получал за это жалование от волостного правления. В 1866 г. в училище обучалось 50 мальчиков¹.

Известны имена нескольких церковных старост Борисоглебской церкви в Корневом 2-й пол. XIX в. В 1860–1872 гг. эту должность занимал местный крестьянин Кузьма Николаев, в 1872–1879 гг. его сменил на этом посту односельчанин Мирон Иванов. В 1872 г. на средства прихожан в Корневом было возведено новое кирпичное здание однопрестольной Борисоглебской церкви. В 1884 г. И.В. Добролюбов сообщал: «Земли при ней числится 36 десятин (39,2 га), но из них 2 десятины (2,2 га) находятся под большою дорогой, идущей из Скопина в Данков. При 300 дворах в приходе числится мужского пола 1009, женского пола 1071. <...> По штату 1873 г. в причте при Борисоглебской церкви положены 1 священник и 1 псаломщик»².

Разные люди жили в селе, хотя в большинстве своем добрые и работающие. Кто побогаче – норовили побольше нарастить хозяйство, а иному бедняку чужое добро хоть и в руки плыло, да не нужно. В феврале 1866 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «Скопинское уездное полицейское управление объявляет, что Скопинского уезда села Кореневого сотский Василий Исаев представил в полицейское управление найденный государственным крестьянином села Кореневого Кирсаном Минаевым близ села Пупок солдатский ранец, в котором находились следующие вещи: три сапожные шила, колодка, ложка и две тоненькие деревянные дощечки, два клубочка дратвы, небольшой пучок щетины, несколько клочков черного солдатского сукна, небольшой кожаный кошелек, холщевый чехол с ружья, небольшой лоскут реднины, два игольника, ножницы, гребешок, холщевый мешок с пуговицами и с шейною черною косынкою, другой холщовый мешок, в котором лежал сюртук черного сукна с медными пуговицами, две кеппе, парусинные брюки, холстинный мешок, шесть холщовых рубашек, одна ситцевая, пятеро старых холстинных подштанников, старые пестрые трековые брюки, четыре аршина холста, две сапожные щетки, две подметки, один старый сапог, двое холщевых помочей, небольшой моточек ниток, небольшой холщевый мешок и маленький медный образок»³. В другом номере за август 1867 г. объявлялось: «В Рязанской палате уголовного и гражданского суда было назначено к докладу в присутствии на 25 августа 1867 г. уголовное дело о волостном писаре Корневской волости Григорье Михайлове, подозреваемом в краже денег у Корневского волостного старшины Козьмина»⁴.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Корневом, «бывшем селе государственном», было 265 дворов и 1934 жителя. В нем находились волостное правление, церковь православная и лавка. Ближайшая больница действовала в уездном городе Скопине, в 6 верстах от села. На таком же расстоянии от него находились каменноугольные копи⁵.

В 1878 г. с подачи Скопинского уездного земства в Корневом открылась земская школа с трехлетним сроком обучения. В 1885/86 учебном году в ее трех группах обучались 59 мальчиков и 2 девочки в возрасте 8–14 лет. Сохранилось следующее ее описание: «Здание и крыша школы деревянные с общей площадью классных комнат 81 кв. аршин (41 кв. м) с 5-ю ок-

¹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 590–591.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 171.

³ Рязанские губернские ведомости, №12. – 1866. – 9 февраля.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 63. – 1867. – 19 августа.

⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

нами. Небольшая библиотека на средства земства. Крестьяне расходуют около 100 рублей на отопление и сторожа, земство – 384 рубля в год»¹. В школьном здании находилась квартира учителя. Попечителем школы с 1878 г. состоял крестьянин М.И. Насонов, законоучителем с этого же года – священник П.В. Чельцов, учителем с 1886 г. был выпускник Рязанской духовной семинарии И.Ф. Троицкий.

Крестьянин Мирон Насонов, похоже, пользовался авторитетом среди односельчан. В 1884 г. на сельском сходе он был выбран старостой Борисоглебской церкви. Однако у него имелся влиятельный противник – крестьянин Харитон Давыдов Крючков, избранный Корневским сельским обществом гласным Скопинского уездного земского собрания. О подробностях их противостояния можно узнать из приговора сельского общества от 20 мая (1 июня) 1884 г.: «...В присутствии сельского старосты Василия Викторова были сего числа на сельском сходе собранные, согласно отношению местного благочинного, для проверки им приговора нашего от 4 марта сего года по делу избрания к нашей приходской церкви церковного старосты, где при утверждении приговора о церковном старосте имели суждение о том, что крестьяне нашего села: Иван Матвеев, Харитон Давыдов Крючков и Кирилл Алексеев, являясь на наши сельские сходы, делают большие беспорядки, всегда законные наши мнения, суждения забивают своим шумом и ругательством и даже буйством из своих, как нам известно, корыстных целей, так что, например, в данном случае о выборе церковного старосты нами 4 марта с нашего согласия был составлен приговор об избрании церковного старосты доброго для нас человека Мирона Насонова, но эти лица – Матвеев, Крючков и Алексеев – подали епархиальному начальству просьбу о неправильном, будто бы, составлении нами того приговора, а по случаю кляуз их нам пришлось ныне собраться в самое рабочее время еще на сход, чем причинен нашему селу громадный убыток, и подобные тому дела благодаря этим лицам повторялись часто, поэтому для прекращения на будущее время беспорядков мы на основании 51 ст. общего положения о крестьянах п.2, приговорили: Ивана Матвеева, Харитона Давыдова и Кирилла Алексеева на три года с сего дня отстранить от участия на всех сходах»². Таким образом, сторонники Мирона Насонова победили – его соперник, земский гласный-интриган был отстранен от участия в общественной жизни села до 1887 г.

По переписи населения 1882 г., в Корневом было 320 домохозяйств, в которых проживали 1068 мужчин и 1096 женщин. Грамотными среди них были 52 мужчины, 1 женщина и 51 учащийся мальчик. В селе насчитывалось 318 крестьянских домов (все крытые соломой), из них только 4 были кирпичными. «По-белому» топились 7, «по-черному» – 311 изб. При крестьянских жилищах имелся 1 заборный и 294 плетневых двора, 111 горниц, 122 амбара и 249 риг или овинов. Величина земельного надела на ревизскую душу составляла 3,1 десятины (3,4 га), на работника в среднем приходилось 5 десятин (5,5 га). Внеадельную землю – всего 131 десятину (142,8 га) арендовали 89 крестьянских семей. Кроме того, три семьи местных жителей в совокупности владели 92 десятинами (100,3 га) земли. В селе насчитывалось 419 рабочих лошадей и 64 жеребенка, 281 корова и 175 телят, 1383 овец, 189 свиней. При этом 123 двора числились безлошадными, причем на 75 из них не держали и коров. Безземельно-бездомовой была одна семья местных жите-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. – Москва: Ряз. губ. земство, 1889 – С. 8–3, 24.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. – Скопин, 1883. – С. 9.

лей. В отхожих промыслах числились 30 мужчин¹. Среди промышленных заведений села, по данным за 1894 г. известны одноконные просорушки крестьян И. Гаврилова, С. Павлова, С. Антонова².

Помимо уплаты государственных налогов и земских сборов крестьяне пореформенной России также несли различные повинности: дорожную, постоянную и др. В 1880-х гг. постой солдат одного из кавалерийских полков Русской императорской армии превратился для корневских крестьян в настоящую проблему. В 1884 г. староста села Корневого обращался к Скопинскому уездному земскому собранию: «...Общество крестьян села Корневого просит меня, как начальника оного, заявить собранию свою претензию в следующем: с давних времен ежегодно в село Корневое назначаются для стоянки в нашем селе эскадроны солдат с лошадьми во время травяного довольствия лошадей. Эти эскадроны живут у нас в Корневом по месяцу и более, причиняя населению много убытка тем: лошади, стоя в ригах, ломают плетни и останавливают крестьянам убирать свое сено в риги, а солдаты стесняют население тем, что они живут в квартирах полными хозяевами, когда хозяева в это покосное время уезжают на работу, хотя вреда от них и не было, только благодаря тому, что каждый хозяин оставляет дома своего члена семьи, каковой бы ему годился в работе на покосе и на других работах, за все же это нашему селу дается за месячную стоянку эскадрона, за каждого солдата и лошадь, как вот за прошлое лето, по 32 коп. Выставляя таковое стесненное положение села Корневого как несоразмерную земскую повинность против других селений Скопинского уезда, я, староста, по поручению моего общества осмеливаюсь просить земское собрание уравнивать в этом деле наше село с прочими так, чтобы в будущее время эскадроны солдат по квартирной повинности квартировали поочередно по селениям, если же этого нельзя будет учинить, то чтобы на Корневое за квартиры было положено не менее за каждого солдата и лошадь, как по 1 руб. 50 коп. в месяц. Кроме того наше общество согласно, если его избавят от постоев эскадрона за свою очередь уплачивать кому будет следовать по двадцати пяти рублей»³. Решение земского собрания было отрицательным «ввиду обязанности крестьян по постоянной повинности и установленных расценок на постой».

В 1894 г. Скопинское уездное земство провело ревизию земской школы в Корневом. В это время в ней было 104 учащихся. В отчете о ревизии сообщалось: «Младшее отделение, которому преподает имеющий звание учителя местный крестьянин Терехин, оказалось довольно слабым как в чтении, так и в счете. Как учительница г-жа Полянская, так и почтенный законоучитель о. Чельцов умеют действовать на детей особенно развивающим образом и приохочивают их к занятиям, дети усиленно обучаются церковному пению. К экзамену представлено 9 учеников, выдержало 7, о. Чельцов представлен к награде»⁴. За свои труды по народному образованию и поддержанию церковного благочестия корневский священник П. В. Чельцов удостоивался разных отличий, церковных и светских. В 1895 г. он был награжден камилавкой, в 1899 г. – орденом Св. Анны 3-й степени, а в 1903 г., на излете своего пастьерского служения – наперсным крестом от Святейшего Синода.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 2–8.

² Мартынов Н. Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 89.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. – Скопин, 1883. – С. 74–75.

⁴ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. – Скопин, 1895. – С. 82–83.

В 1902 г. богатый корневский крестьянин М.И. Насонов по-прежнему оставался попечителем сельской земской школы. Он выделял основные средства на ее содержание. Учителем в ней служил Е.Н. Срезнев, его помощником – местный житель А.В. Терехин¹.

На рубеже веков Борисоглебская церковь оставалась средоточием духовной жизни села. Корневцы заботились о своем храме. В июне 1896 г. на средства церковного старосты было осуществлено «перемещение пола каменной церкви»². В 1909 г. церковный староста Тимофей Иванович Суханов пожертвовал 1650 рублей – значительную сумму по тем временам – на украшение «живописными священными изображениями стены храма»³.

К началу XX в. окончательно сложилась внутренняя топонимика села. В Корневом оформились порядки Поляна, Большой порядок, Абрамовщина, Ореховка, Хутора, Смыговка, Захушино, Вылетовка. Наиболее древняя топонимика, как представляется, сохранилась в названиях Баяква и Черемошна. Под этими названиями они официально существовали до 1960-х гг., а неофициально – и многие десятилетия спустя⁴.

В 1904 г. в Корневом открылось новое «культурное» заведение – трактир Ивана Ивановича Мандрыкина. Однако звезда его закатилась довольно быстро: «...Полицейской властью за неисправную торговлю [он] был в том же году закрыт, за что и взыскан штраф»⁵. По преданию, в центре села, на улице Абрамовщина, в кирпичном доме с палисадником в дореволюционные времена размещалась «казенка» – кабак. «Тут же недалеко находились и другие наиболее значительные сельские строения. Это здание волостного правления, большой поповский дом»⁶. По соседству с кабаком во дворе находилась продуктовая лавка, принадлежавшая старику Ямшикову, который умер в бедности. На этой же улице работал и трактир-чайная⁷.

В 1905 г. в селе Корневое было 339 дворов, население составляло 1415 мужчин и 1450 женщин. В селе находились волостное правление, земская школа, пять ветряных мельниц, казенная винная лавка, церковь каменная⁸.

К началу 1907/08 учебного года в Корневом было выстроено новое, просторное деревянное школьное здание, состоявшее из трех классных комнат и квартиры учителя. В ней трудился маленький педагогический коллектив – учительница Екатерина Николаевна Срезнева, ее замужняя дочь Вера Федоровна и помощник учителя Михаил Андреевич Терехин. В 1910 г. корневская школа была преобразована из трехлетней в четырехлетнюю. «Местная школа была известна своим сторожем И.П. Чигарковым. Общительный, душевный человек, большой любитель природы, он надолго оставил память о себе, заложив у церкви большой яблоневый сад, к сожалению, не сохранившийся до нашего времени»⁹.

В 1912 г. в селе открылась вторая земская школа. Она разместилась в добротном кирпичном здании, возвышавшемся на взгорье между Захупинскими выселками и концом улицы

¹ Сведения о начальных училищах в 1902 году. – Скопин: Тип. Благих, 1904. – С. 44.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 11 (1 июня 1896 г.). – С. 220.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 12 (15 июня 1909 г.). – С. 280.

⁴ Сталинец. № 122. – 1950. – 22 октября.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 400.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 162.

⁷ Скопинский вестник, № 56. – 1991. – 9 мая.

⁸ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 634–635.

⁹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 164.

Смыговки¹. В 1913 г. попечителем новой корневской земской школы являлся владелец усадьбы при деревне Гуменки дипломат М.Н. Гирс². По отчету за 1916 г. известно, что в это время земские школы в селе были двухкомплектной и трехкомплектной³.

Как и другие селения Скопинского уезда, в начале XX в. Корнево часто страдало от пожаров. Происходили они по различным причинам: из-за неисправности печных труб, вследствие неосторожного обращения с огнем, а иногда и от умышленных поджогов. В период с 1 ноября 1910 по 1 ноября 1911 гг. в уезде было зафиксировано 304 пожара. Самые значительные из них случились 21 декабря, 26 марта, 4, 15 и 27 июня, а также 30 сентября в селе Городецком Боровской волости, где пострадали 133 домохозяйства, и 27 апреля, 2 и 27 мая, 20 и 27 сентября в селе Корневом, где сгорело 71 строение и в той или иной степени пострадали 222 домохозяйства, которым было выплачено страховое вознаграждение на общую сумму 9306 рублей⁴.

В 1912 г. в корневской Борисоглебской церкви служил священник Василий Павлович Чельцов, сын П.В. Чельцова. В 1914 г. ее настоятелем значился священник Николай Николаевич Покровский⁵. К храму было приписано земли усадебной – 3 десятины (3,3 га), пахотной – 33 десятины (36 га). В приходе работали две земские школы. В селе в это время насчитывалось 524 двора, в которых проживали 1736 мужчин и 1792 женщины⁶.

«Большой популярностью в селе в то время пользовался местный лекарь П.З. Лапшин. Ни медицинского пункта, ни больницы в селе не было, поэтому с любым заболеванием люди обращались к нему. П.З. Лапшин, служивший в армии санитаром, а затем сумевший получить диплом фельдшера, не отказывал в помощи никому. Народ обращался к нему в любое время суток, и фельдшер врачевал всех прямо в своей избе, т.к. никакого отдельного кабинета не имел»⁷.

В дореволюционные годы многие корневские крестьяне нанимались на угольные шахты Бельгийского акционерного общества каменноугольных копей при селе Воскресенское (Победное тож). Работать им приходилось в ужасающих условиях, однако тяжелое и опасное ремесло шахтера гарантировало более высокий заработок, чем традиционный крестьянский труд. На шахтах в то время отсутствовало само понятие техники безопасности, поэтому при спуске под землю шахтеры мрачно шутили: «Прощай, белый свет, здравствуй, моя смерть». Однако для того, чтобы только попасть на шахту и получить там хороший забой, требовалось дать взятку десятнику или штейгеру. В Корнево многие десятники шахт имели крепкие крестьянские хозяйства. На работу к ним нанимались подростки из бедноты, стремившиеся устроиться на шахты. Один из старых шахтеров «дореволюционной закалки» Н.Г. Чекмарев в 1950 г. вспоминал о грубых нравах времен своей юности: «На пятнадцатом году поступил я в люди. Жил у Колачевых в работниках. Четырех лошадей держали. Этот Колачев сам был горным десятником. Забойщики, крепильщики, подсобники ежедневно угощали и поили его, приносили ему вина. А он только сидел за столом, пил да жрал»⁸.

¹ Скопинский вестник, № 56. – 1991. – 9 мая.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 273.

³ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 172.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. – Скопин, 1911. – С. 174–175, 212.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. – Рязань, 1914. – С. 446.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 573.

⁷ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района.* – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 162.

⁸ Сталинец, № 104. – 1950. – 3 сентября.

Большинство корневских крестьян в начале XX в. жили бедно. Курные избы, подсвеченные дедовской лучиной, не были редкостью на сельских окраинах. Примерно треть населения Корневого «перебивалась с хлеба на квас» при урожаях в 30–40 пудов зерна с десятины. Большую силу в селе имел кулак Миронов. Из беднейшей трети села одни работали на него, другие ходили в должниках. Экономическая власть сельских богачев проецировалась и на политику, например – в ходе выборов сельских старост и волостных старшин. В 1946 г. сельский старожил А. Попов вспоминал о том, как это происходило: «Соберут сход сельский, кто побогаче выступит и выставит кандидатуру, кто богачам больше по нраву. Ну и кричит, чтобы руку за него поднимали. Кто поднимет, кто нет, а счетчик тоже из ихнего брата, всегда скажет, что голосовали все. Волость тогда у нас была Корневская, и пришлось выбирать нам старшину. Как сейчас помню, Василий Петрович Терехин метил тогда в старшины. Вот и ездил он по деревням, выбирал мужиков, самых горлопанов. Подпаивал их – одним словом, покупал. А когда стали выделять от села выборщиков, собрали нас всех, для виду. Раньше ведь не было избирательных листков, а давали для голосования специальные шары, которые надо было опустить в ящик. Ну и дали эти шары тем мужикам, которых он подкупил, якобы их мир выбрал. Ну, понятно, что Терехин своего добился, выбрали его старшиной»¹.

Еще одной картинкой из безотрадного дореволюционного прошлого поделился в 1958 г. уроженец села И.А. Рожков: «Семья была небольшая – четыре человека, но жили мы бедно. Ни заработок отца, а затем брата, ни земельный надел не обеспечивали нам даже самого скромного прожиточного минимума. В зимнее время и в весеннюю распутицу отец и брат уходили на целую неделю и жили в бараках на шахте. Домой приходили только на воскресенье, поздно вечером в субботу. Каким тяжелым днем для нас с матерью была эта суббота, особенно если поднималась метель или устанавливались сильные морозы. Мать с наступлением темноты садилась за самопряку, а я залезал на печку. Под жужжанье самопряки мать затягивала заунывные причитания о горькой жизни. Она голосила все громче, постепенно переходя на плач. Мне становилось невтерпеж, и тогда я кричал: «Мама, перестань, мне страшно!» Она прекращала на время свою печальную песню, успокаивала меня, а затем забывалась и снова начинала причитать. Часто бывало, что по пути шахтеры обморазивались и вовсе замерзали. Шахты были сильно обводнены, и шахтеры основательно промокали, а в сильные морозы одежда и обувь примерзали к коже. В те времена на них смотрели как на обреченных. Не сегодня, так завтра мог произойти несчастный случай. К этому всегда были готовы. Воскресный день не был днем отдыха. Отец с утра чинил нам с матерью лапти, себе и брату чуни. Брат помогал отцу: вил веревки. Вечером, сгорбившись под тяжестью мешков с картофелем и хлебом, они отправлялись на шахту. Снова начиналась тягостная неделя. Зарботки рабочих были низкие и непостоянные. Обычно в месяц забойщик получал не больше 12–15 рублей. Отец 30 лет работал на шахтах, и за всю свою жизнь он не износил ни одной пары сапог, а о каком-либо костюме и мечтать не приходилось. Единственной одеждой, кроме самотканых шахтерок, ему служил зипун. Он был настолько ветхим, что после смерти отца на нем не осталось ни одного целого клочка на память сыновьям. В декабре 1912 г. умер отец. Только благодаря помощи врача больницы Когана мы похоронили отца. Не на что было сделать даже гроб»². В первые советские годы И.А. Рожков оказался в авангарде тех, кто строил новую жизнь – в 1920 г. его избрали председателем Скопинского уездного комитета РКСМ.

¹ Сталинец, № 7. – 1946. – 20 января.

² Скопинский шахтер, № 115. – 1958. – 26 сентября.

В 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. На полях ее сражений отличились многие уроженцы Корневской волости. Среди них было немало ветеранов еще Русско-японской войны 1904–1905 гг. Например, Александр Степанович Одерков (1889 – после 1921), который служил в Русской императорской армии с 1901 г. За две войны он стал кавалером Георгиевских крестов 2-й, 3-й и 4-й степеней, а также Георгиевской медали 4-й степени. В феврале 1917 г. А.С. Одерков был произведен в подпрапорщики. Другому уроженцу Корневской волости Семену Игнатовичу Кузнецову (1883 – после 1920) также довелось повоевать на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. С началом «войны с Австро-Германией» он был вновь мобилизован, с 1915 г. принимал участие в боевых действиях и заслужил Георгиевский крест 4-й степени. В мае 1917 г. С.И. Кузнецов был произведен в подпрапорщики¹.

В 1917 г. в селе Корнево одноименной волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 589 дворов, в которых проживали 1945 мужчин и 1924 женщин². О Февральской революции, положившей начало всем последующим политическим преобразованиям в России, многие жители села узнали после поездки на базар в Скопин в первых числах марта 1917 г. Там, как и во многих других городах страны, мальчишки-газетчики кричали: «Газета «Копейка»! Отречение Николая и Михаила от престола!». Крестьяне ожидали, что революция решит их основную проблему – нехватку земли. Однако помещичье и кулацкое землевладение исчезло далеко не сразу.

«В волостном комитете корневского кулака Терехина сменил старокелецкий кулак Рябчиков, владелец бакалейной лавки. А в уезде помещика Усова заменил директор Побединского рудника бельгийский капиталист Шандор (видимо, имеется в виду М.А. Ганкар. – *Примеч. авторов*), ставший председателем уездного комитета. Летом 1917 г. из Скопина через Корнево по большой дороге на Чернаву промчался отряд казаков для усмирения крестьян, попытавшихся захватить помещичью землю, тогда крестьяне стали понимать, что и Керенский защищает помещиков не хуже Николая II»³.

В 1918 г. в селе был образован Корневский сельсовет. Становление советской власти в уезде проходило в условиях противодействия со стороны состоятельной части крестьянства. «Масла в огонь» подливали появившиеся во многих селах комитеты бедноты. Замыкаясь непосредственно на уездный комитет РКП (б), они зачастую проводили в жизнь политику партии грубо и топорно, обостряя и без того глубокие социальные противоречия на местах, что привело в итоге к их расформированию в соответствии с постановлением VI Всероссийского съезда Советов, заседавшего в Москве 6–9 ноября 1918 г. Тем не менее до конца 1918 г. они еще продолжали действовать.

Свой комбед был и в Корнево. После перевыборов в волостные советы, прошедших в декабре 1918 г., его председатель докладывал в уездный комитет партии о сложившейся обстановке: «В селе Корнево прошли в волостной Совет Петр Павлов Терентьев, [с] которого взято излишков 76 пудов, и сеял все время землю купляну. В сельский совет прошли кулаки и собатажники против советской власти Иван Климов Густов и Ефим Андриянов Никитин»⁴.

Осенью 1919 г. в Корнево прошел волостной съезд Советов. «Проходил он в здании школы. Кулаки и подкулачники решили протащить в руководящие органы своих представителей. Когда открылся съезд и стали выдвигать кандидатов в президиум, то несколько голосов прокричали имя бывшего волостного старшины Терехина. Попытались выступить с отводом,

¹ ГАРО, ф. Р-2657, оп. 4, д. 184.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

³ Скопинский шахтер. № 115. – 1958. – 26 сентября.

⁴ ГАРО, ф. П-1436, оп. 1, д. 2, л. 147.

ссылаясь на недавнюю принятую Конституцию, по которой Терехин как владелец 300 десятин земли лишался избирательного права. Однако в ответ послышались неодобрительные крики кулаков. В числе делегатов было два коммуниста: председатель Новокелецкого сельсовета Ермаков и Пустовалов. Избрав свой президиум, кулаки успокоились. Большевики и сочувствующие посоветовались и предложили избрать мандатную комиссию, возражений не было. Кулаки спохватились лишь позже, когда А.И. Пустовалов зачитал решение мандатной комиссии о лишении Терехина мандата делегата съезда на основании первой Советской Конституции. Кулаки подняли настоящий рев, но им пришлось все-таки согласиться с решением мандатной комиссии. Терехин удалился со съезда»¹.

Классовая борьба в сельской местности нередко выливалась в традиционный в крестьянской среде способ сведения счетов – поджоги. В 1924 г. в Вослебове сгорело 57 дворов, в Корневом – 66 дворов. В селе Лазинка произошло 5 пожаров, причиной их всех стали поджоги неизвестными лицами. Скопинская уездная газета «Коллектив» сообщала, что «население находится в панике, многие целыми семьями не спят по ночам»².

Низкий образовательный уровень и отсутствие профессиональных навыков зачастую подводили работников первых советских административно-хозяйственных органов, не всегда оказывавшихся на высоте положения при внедрении новых форм деятельности. Так, в 1925 г. советские органы Скопинского уезда указывали Райселькредитсоюзу на необходимость вести решительную борьбу с растратчиками, подрывающих авторитет кооперации. Местная газета сообщала: «В Корневском сельскохозяйственном кредитном товариществе «Пахарь» платно работают все трое членов правления и плюс к ним сторож, всего 4 человека. За март, апрель и май чистой прибыли было 305 рублей, из коих на одно жалование этих работников уплачено 204 рубля. Что же будет, если около этой кооперации подсядут частные торговцы?»³

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Корневое стало населенным пунктом Скопинского района, включенного в Центрально-Промышленную область, которую до конца года переименовали в Московскую.

В период массовой коллективизации Корневский сельсовет и его председатель Стенин вызывали немало нареканий в связи с тем, что они не стремились активнее работать над претворением в жизнь сельскохозяйственной политики партии и правительства. К осени 1930 г. коллективизацией было охвачено только 7 % крестьянских хозяйств сельсовета, причем в основном это была беднота и батраки. Газета «Авангард» задавалась вопросом, не является ли это свидетельством скрытого саботажа, и приводила компрометирующие руководство сельсовета слухи: дескать, председатель сельсовета «брал взятки с беднячки Парщиковой, снабдил мукой Рамахина, да вместе с ним это дело обмыли. В составе сельсовета: Ф.Ф. Терехин – сын бывшего офицера, Балашов – антисоветски настроенный, А. Резов – зажиточный»⁴.

Первый колхоз в Корневом появился в 1929 г. Его назвали «Красный горняк». Председателем новой сельхозартели был избран Г.П. Зоткин. Он являлся ставленником зажиточного крестьянства, с самого начала существования колхоза подмявшего его под себя. В рассматриваемый период одной из главных задач Советского государства на селе являлось «искоренение кулака как класса», которое предусматривало подрыв экономической

¹ Скопинский шахтер, № 118. – 1958. – 3 октября.

² Коллектив, № 9. – 1926. – 14 января; № 31. – 1926.

³ Коллектив, № 63. – 1925.

⁴ Авангард, № 3. – 1930. – 15 октября.

базы влияния богатого крестьянства на политическую жизнь. В практике «раскулачивания» учитывались не только текущие масштабы зажиточных хозяйств, но и дореволюционные, в основном – для того, чтобы выяснить, использовался ли в хозяйстве наемный труд – «эксплуатация человека человеком». У людей, в прежние времена привыкших заправлять всей сельской жизнью и подчинять своей воле односельчан экономическими мерами, практически не оставалось шансов сохранить свою власть и влияние. Обогащаться привычными дореволюционными способами государство не позволяло. Неуютно себя чувствовали такие люди и в колхозах, даже если им удавалось проникнуть в их правление – могли в любой момент припомнить прежние грехи и «вычистить», а если при этом вскрывались и какие-то «отягчающие обстоятельства» – то и выслать с конфискацией имущества. Однако в селе Корневом до этого дошло далеко не сразу. Зависимость бедноты от состоятельных односельчан позволяла диктовать последним свои условия, вдобавок при выборах правления колхозов широко использовался привычный по дореволюционной выборной практике подкуп. В результате местным кулакам легко удалось привести в руководство колхоза удобных себе людей, связанных с ними родственными узами, которые обслуживали их интересы. В итоге же получилось то, что и везде – на политику государства, нацеленную на модернизацию сельского хозяйства, корневские кулаки ответили саботажем и откровенным воровством, преследовавшим цель развала колхоза.

Родным дядей предколхоза Г.П. Зоткина был зажиточный крестьянин Т.И. Терехин. При вступлении в колхоз он сдал ему свои земельные угодья, но по старой памяти считался в селе кулаком, т.к. «имел до 1917 г. 60 десятин собственной земли, круглый год по 3–4 батрака, а в летнее время до 25–30 человек». В 1931 г. при проведении мясозаготовок Терехину было предложено сдать корову, но он, посоветовавшись с Зоткиным, зарезал ее и был освобожден от сдачи как неимущий. В силу того, что Терехин был раньше церковным старостой, ему в вину было поставлено и это, к тому же утверждалось, что при его активном участии на селе появился поп.

Терехин был родным дядей Зоткина, поэтому когда бедняки потребовали выселить его, Зоткин сказал: «Что вы товарищи, разве можно выселять Терехина? От него не будет никакого вреда, да ведь он хромой».

Настроения у зажиточных крестьян, по словам сельчан, были антисоветскими: «На Октябрьском поле в магазине № 4 работал Б.Т. Терехин, до революции имевший 40 десятин арендованной земли, на которой работали бедняки Корневого. <...> Отпуская товар, Терехин вел антисоветскую агитацию среди женщин-домохозяек и рабочих»¹. В вину Терехину ставили тот факт, что «его отец был 25 лет церковным старостой». В колхозе работал двоюродный брат Т.И. Терехина – Терехин Федор, бывший волостной судья. Как утверждалось, «за взятки творил суд и расправу над крестьянами Корневской волости». Другой родной дядя Зоткина – М.П. Терехин был выдвинут на должность бригадира, а раньше был председателем сельсовета и «во время своей работы пьянствовал вместе с бандитами сазоновской шайки и скрывал их». Заведая затем мельницей, растратил деньги, но его простили. Третьим родным дядей был И.Г. Романов, он имел до 1931 г. водяную мельницу, был церковным старостой и казначеем церкви. Собрал деньги на ремонт церкви, растратил их и стал растаскивать материалы. В 1931 г. его приговорил нарсуд к году исправительных работ, обратившись к Зоткину его оставили отбывать срок дома. По решению нарсуда у Романова подлежала конфискации свинья, но с согласия Зоткина свинья осталась у Романова и откармливалась к лету для кол-

¹ Побединский ударник, № 31. – 1933. – 6 февраля.

хозной столовой. Для откорма свиньи из колхоза брался печеный хлеб и даже мука. На самом деле он откармливал продуктами колхоза еще трех свиней. Когда свинью, прожившую более трех лет, зарезали, то по словам Зоткина, «она едва весила 7 пудов». Колхозники не поверили. Зоткин решил сделать повторное взвешивание и результат оказался тот же. И.Г. Романов в 1932 г. выступил против постановления райисполкома о противопожарной охране, заявив: «Советская власть не дает кирпича, поэтому нам нечем строить укрытия от пожара, мы не будем выполнять постановление РИКа». Что выглядело явным саботажем.

Прибывшая бригада районной газеты в Корневое выяснила также, что в колхозе работал Каблуков, которого Зоткин считал знатоком свиноводства. «Заведя случным пунктом, он пропил 700 рублей колхозных денег, умудрился кормить в столовой плотников, делавших ему мазанку. Все это ему сходило с рук, как и безнаказанно прошло исчезновение 4-пудового поросенка, которого он предлагал многим односельчанам. Другой доходной статьей Каблукова был корм, отпускаемый для колхозного свинарника. Каблуков за счет колхоза выкормил себе трех поросят. В колхозе работал В.Е. Самохин, – заведует отделением ОРСа в Пупках, исключенный и вновь восстановленный Зоткиным. До 1928 г. он имел собственную лавку. На колхозной конюшне работали кулаки А.Г. Попов и И.В. Трухин, раньше они оба имели шерстобитки, купчую землю и работников. Членами ревизионной комиссией были Гавриков и Чуланов, в прошлом имевшие мельницы, они всячески покрывали происходящее». Да и сам Зоткин, чтобы скрыть часть расхищенного картофеля, распорядился засадить часть площади, резаным картофелем – 200 мер. Колхозники, зная о всех злоупотреблениях молчали, ибо всякие попытки критики работы председателя, обращались против них самих. Колхозники говорили, что «Зоткин у нас председатель, секретарь партячейки, он же сельский прокурор – жаловаться некому». Руководители сельсовета, зная о всех безобразиях, молчали. Секретарем сельсовета был Ф.Ф. Халяпин – сын бандита, конокрада и самогонщика. Был Халяпин и сам под судом. Партячейка – четыре члена партии, в том числе и председатель сельсовета Матюхин, попали под влияния Зоткина и всячески способствовали зажиму критике и травле бедноты. Положение в Корневом становилось еще серьезнее еще и потому, что находилось в полутора километрах от рудкома и райкома комсомола¹.

В условиях голода в отдельных районах СССР в 1932–1933 гг. государство усиливало давление на колхозы и единоличников, выбивая из них сельхозпродукцию по невыгодным для производителей закупочным ценам. Естественно, такие меры встречали противодействие со стороны крестьян, затягивавших хлебопоставки. Корневое в этом плане не было исключением. Газета «Побединский ударник» сообщала о ситуации в селе: «Член сельсовета Г.А. Громов, член президиума И.М. Чумаков, А.Ф. Ошарин, П.С. Зоткин сами еще не приступили к сдаче хлеба, половина единоличников – 250 хозяйств в счет хлебозаготовок не сдали ни зерна»².

Крестьянин Громов из Корневого в сентябре 1932 г. задавался на страницах газеты «Побединский ударник» вопросом: «Правильно ли по нашему Корневскому сельсовету проводятся хлебозаготовки? Урожай ржи в среднем приходится по одной копне на едока, или 4 пуда. А для пропитания до урожая 1933 г. надо не менее 12 пудов на едока, поэтому ни в одном хозяйстве не хватит хлеба. Сельсовет настаивает сдать последнюю рожь, приблизительно по 20 фунтов с едока, а кто не выполнит задание – сельсовет угрожает отдать под суд и сделать опись и продажу имущества. Прошу дать ответ – правильно ли действует

¹ Побединский ударник, № 189. – 1932. – 22 сентября ; № 42. – 1933. – 21 февраля.

² Побединский ударник, № 180. – 1932. – 11 сентября.

сельсовет? Последний хлеб сдай, а сам как хочешь, так и кормись». Член президиума РИКа Сидорин, ответственный за заготовку сельхозпродуктов, со страниц газеты отвечал Громову: «В нашем селе Корневое более 600 хозяйств, и никогда не может быть, чтобы все хозяйства имели равный урожай. В нашем селе есть социалистический сектор – колхоз. При земельной площади под основными зерновыми культурами в 170,5 га, или 0,26 га на едока, колхозу дан план хлебозаготовок в 115 центнеров. Этот план колхоз уже выполнил на 97 %. В единоличном секторе пропорционально на каждого едока основными зерновыми культурами занято также 0,26 га, но план хлебозаготовок выполнен всего только на 26,6 %. Правда, колхоз имеет некоторые преимущества в урожайности благодаря усовершенствованной обработке земли и ее удобрению, но дело не только в этом. Колхозники являются действительной опорой советской власти на селе и свои обязательства перед государством выполняют в первую очередь.

Кулацко-зажиточная часть деревни агитирует, мол, в единоличном секторе низкий урожай, а поэтому ни в одном хозяйстве не хватит хлеба. В Полянском сельсовете один из кулаков, получив твердое задание по хлебозаготовкам, завопил: «Нет хлеба!» При обыске было найдено в его хозяйстве больше 150 пудов помолоченного зерна и значительная часть немолоченной ржи. Во втором кулацком хозяйстве при описи имущества нашли только 20 пудов хлеба, а между тем обмолоченной ржи у него были десятки копен. Это значит, что кулак успел спрятать хлеб. <...> Эти факты не единичны, но они достаточно ясно говорят об отношении кулацко-зажиточной части деревни к сдаче хлеба государству.

Тов. Громов спрашивает: «Сельсовет настаивает сдать последнюю рожь, приблизительно по 20 фунтов с едока, а кто не выполнит задание – сельсовет угрожает отдать под суд и сделать опись и продажу имущества».

Эти меры применяются только к кулацко-зажиточной части деревни, но не к бедняку и середняку. Советская власть ведет решительную борьбу с методами уравниловки в хлебозаготовках, и если такие факты имеют место в Корневом, то они в корне противоречат политике партии и правительства. В Корневое нами выслан уполномоченный для проверки правильности обложения»¹.

Т.н. «твердые задания» по хлебосдаче устанавливались для богатых хозяйств, им также в индивидуальном порядке начислялся сельхозналог. Размеры «твердых заданий» для бывших кулацких хозяйств спускались сверху директивно. Стремясь продемонстрировать вышестоящему начальству свое усердие, местные власти порой допускали злоупотребления, распространяя эти меры и на наиболее состоятельных середняков. Размеры налогообложения на кулацкие хозяйства увеличивались ежегодно, поэтому выполнять их зажиточные крестьяне не спешили. Чтобы предотвратить разорение хозяйств своих друзей, соседей, а иногда и родственников, в сельсоветах манипулировали отчетностью. Так, например, по сообщению газеты «Побединский ударник» в 1933 г. «председатель Корневского сельсовета Гейдеров при составлении списков ухитрился пропустить 32 хозяйства и потерял 9 кулацких», записав их в середняки и бедняки. Заместитель Гейдерова Терехин и председатель колхоза Новиков заявили: «Нам не нужны никаких списков, никаких обязательств. Придет осень, и план хлебосдачи мы выполним в срок»². Гейдеров являлся членом ВКП (б) с 1926 г., но личные интересы ставил выше партийных. За это и страдал: в 1931 г., будучи председателем Лопатинского сельсовета, он разрешил крестьянам убой скота вопреки директиве правительства,

¹ Побединский ударник, № 192. – 1932. – 26 сентября.

² Побединский ударник, № 145. – 1933. – 27 июня.

за что народный суд приговорил его к 9 месяцам принудительных работ и 3 годам запрета на занятие ответственных постов¹. Но при остром дефиците управленческих кадров выдержать этот срок не получилось, и еще до его истечения Гейдеров стал председателем Корневского сельсовета.

Давление же сверху было таким, что, хотя осенью 1933 г. «по единоличному сектору план зернопоставок был выполнен уже на 80 %, но Гейдеров продолжал силой забирать хлеб у единоличников»². От твердых заданий зажиточные крестьяне пытались уйти разными путями, в том числе – и коррупционным. До 1932 г. хозяйство С.И. Епихина считалось кулацким. «Для того, чтобы избавиться от твердого задания, нашел своего человека – секретаря сельсовета Халяпина, который сделал раздельный договор, и с тех пор Епихин середняк». Газета «Побединский ударник» приводила резонные оправдания крестьянина: «С какой стати на меня наложили задания и большие налоги на хозяйство, если я заработал все своим трудом? Другой же ничего не нажил, а ему привилегии»³.

В докладной записке секретарю Скопинского РК ВКП(б) Агееву райотдела УНКВД «О приливе в колхозы и антисоветских настроениях по деревне Скопинского района Московской области» по состоянию на 5 февраля 1935 г. сообщалось, что «в связи с усилением среди единоличников массово-разъяснительной работы о достижениях в колхозном строительстве, в особенности в результате разъяснения о льготах, данных единоличникам, вступающим в колхоз» в январе месяце в колхозы района вступили 199 крестьянских хозяйств. Но не все приветствовали колхозный строй. «В селе Корнево <...> 3 января на собрании единоличников при обсуждении вопроса о колхозном строительстве пришедший после всех на собрание единоличник Семин Василий Акимович, 1876 года рождения, до революции работал управляющим лесного склада, бывшего Попова в г. Скопине, он же был церковным старостой, выступая с антисоветским настроением, говорил: «Вы что в колхоз идете, с ума сошли, успеете наголодаться, успеете еще подохнуть, нам не колхоз нужен, вот пусть нам дадут хорошую землю, мы ее не хуже колхозников обрабатываем». В.А. Семин, не дождавшись окончания собрания, ушел с такового, уходя, добавил: «Ну-ну, идите, кто хомута не боится, а я подожду». В результате такого выступления 6 желающих вступить в колхоз от подачи заявления отказались. Могут подтвердить Никитушкин Василий Тимофеевич, Паршков Владимир и Желонкин Петр»⁴.

Еще один рассадник оппозиционных настроений райотдел УНКВД зафиксировал в корневской школе. По сообщению докладной, «Срезнева Ольга Федоровна, 1894 г. рождения, учительница корневской школы, проводя работу по заготовкам, говорила, что «здесь районные организации делают перегиб, отбирая последний хлеб, картофель...» Педагог по математике Хитрова среди педагогов распространяла такие анекдоты: «У лукоморья дуб срубили, златую цепь в Торгсин снесли, коту на мясо изрубили, в ответ Сталину снесли и т.д.» Также О.Ф. Срезнева в документе была охарактеризована как «дочь попа» и «склочница, распространявшая всевозможные провокационные слухи»⁵.

У педагогического коллектива корневской школы были основания высказывать недовольство властью. Работать им приходилось в крайне тяжелых условиях. О ситуации в школе, реорганизованной в ФЗС, в 1932 г. газета «Побединский ударник» писала: «...Должны были

¹ Побединский ударник, № 145. – 1933. – 27 июня.

² Побединский ударник, № 221. – 1933. – 26 сентября.

³ Побединский ударник, № 97. – 1933. – 28 апреля.

⁴ ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 19.

⁵ Там же, л. 24 об.

учиться около 600 учащихся, а обучалось едва 400 детей, в том числе из Пупков и поселка Октябрьское поле. Для столярной и слесарной мастерских была комната в 24 кв. м. За партами сидело вместо двух по три и четыре учащихся. Из 15 учителей только трое имели комнаты, остальные углы»¹.

В середине 1930-х гг. успехи коллективизации в Корневском сельсовете все еще были довольно скромными. В колхозе «Красный горняк» к осени 1935 г. на МТФ было 25 голов крупного рогатого скота, на СТФ насчитывалось 99 голов свиней. МТФ была размещена в крестьянских ригах, приспособленных и хорошо утепленных. Свиноарник же был новый, построенный в 1934 г. Кормами фермы были обеспечены полностью. Заведовал ими «бывший середняк С.А. Мушников из Корневого»².

В 1936 г. в Корневом была закрыта Борисоглебская церковь. Здание храма было превращено в колхозный зерносклад.

В 1937 г. Корневое вместе со всем Скопинским районом было переведено из Московской области в подчинение новосозданной Рязанской. В рассматриваемое время некоторые жители села пали жертвами «Большого террора». 2 сентября 1937 г. в соседнем селе Пупки был арестован уроженец Корневого колхозник Алексей Петрович Терехин (1892–1937). 19 сентября он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «систематической антисоветской агитации и активной контрреволюционной пропаганде пораженческого характера, враждебном отношении к коммунистам и советской власти». Он был расстрелян 21 сентября 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой. Иван Иванович Мандрыкин (1875–1937), работавший сторожем Октябрьского шахтоуправления Скопинского района, был арестован в селе 20 сентября 1937 г. и осужден тройкой УНКВД по Рязанской области. Его расстреляли в Рязани 5 ноября 1937 г. 27 октября 1937 г. в Корневом был арестован плотник колхоза «Красный горняк» Иван Михайлович Резов (1878–1937). Он также погиб в Рязани 10 декабря 1937 г. Все они были посмертно реабилитированы в 1957 г.

По состоянию на 1 января 1938 г. в Корневском сельсовете насчитывалось 546 дворов. Уровень его коллективизации оценивался в 93,3 %. При этом из 1055 человек трудоспособного возраста (от 16 до 59 лет) в колхозе были заняты только 232. Остальные работали на шахтах, промышленных предприятиях или находились в отходе. Вне колхоза находились 484 сельских жителя. Посевные площади на территории сельсовета занимали около 1237 га, в том числе колхоза – 1154 га, единоличников – 4,48 га, оставшуюся землю занимали приусадебные участки колхозников. В колхозе «Красный горняк» содержались 142 лошади, у единоличников 3. Крупного рогатого скота в колхозе насчитывалось 37 голов, в хозяйствах колхозников 219, у единоличников 7. В колхозе было 58 свиней, у колхозников – 170, у единоличников – 4. Овец у колхозников было 287, у единоличников – 17, в колхозе – 3. На территории сельсовета действовали 3 торговые точки, работал постоянный детский сад, который посещали 27 детей, сезонные ясли-сад на 30 детей, семилетняя школа, где было 394 учащихся. Каждый колхозник в среднем вырабатывал 106 трудодней в год, каждый трудодень в 1937 г. конвертировался в 2,2 кг зерновых и 2 копейки деньгами³.

Данные квартального отчета о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 г. дают более детальную картину состояния отрасли. В корневском колхозе «Красный горняк» имелись 162 лошади и 34 жеребенка, 38 коров и

¹ Побединский ударник, № 181. – 1932. – 12 сентября.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 160.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год; д. 91, тетрадь № 1, л. 53.

15 телят, 53 свињи и 552 поросенка. За год пали 2 жеребенка, 1 теленок и 20 поросят. Колхозом был продан 441 поросенок. В личных хозяйствах колхозников содержалось 219 коров, 170 свиней и 287 овец. Единоличники имели 3 лошади, 7 коров, 4 свињи и 17 овец¹.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что за годы коллективизации жителям села удалось добиться многого. Десятки семей освободились от беспросветной нищеты, впервые начали более-менее достойно жить. Их энергия, которая в иных условиях уходила бы на борьбу за элементарное физическое выживание, позволила им получить новые знания и профессиональный опыт и приносить большую пользу всему обществу. Например, все четверо сыновей жительницы села Марфы Михайловны Лебедковой получили высшее образование.

В 1936 г. в Корневое провели электричество. Дореволюционная начальная трехклассная школа превратилась в семилетку, в которой учились 400 детей. Потом они продолжали обучение в средней школе поселка Октябрьское поле. В селе был построен клуб, появилась библиотека на 1000 томов. Как отмечалось в материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., «в связи с обнаружением на территории Скопинского района запасов хорошего качества гипса на глубине 48 метров распоряжением по Наркомату № 860 от 7 июля 1936 г. был утвержден проект строительства при деревне Корневое силикатного завода»².

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война «много изменила в жизни села. Остались старики, женщины и дети. В поле колосилась рожь, попевал овес, наступала горячая пора. Вытерев слезы, женщины взяли в руки косы и пошли в поле. Коськина Ирина косила не хуже любого мужчины. Бывало, раньше крестьянки боялись лошадей, некоторые в руки вожжи не возьмут, не то чтобы запрячь. А тут Терехина Пелагея и Платохина Вера стали так справляться с ремеслом конюха, как будто справлялись с этим делом с малых лет»³. «На последнюю предвоенную страду вышли убирать урожай стар и млад. Им помогли рабочие-горняки шахт №№ 29, 46 и 47, и ученики Корневской неполной средней школы. Оставшиеся мужчины старались изо всех сил, как там сложится дальше? У всех родственники были на фронте, у члена правления колхоза С. Володина сразу три сына, один из сыновей, Сергей, писал ему с фронта: «Папа, фашистские изверги хотят захватить нашу родную землю, но этому не бывать. Наши удары немцы и румыны не выдерживают. Папа, ты на меня надейся, я обязательно приеду победителем»⁴.

В ноябре–декабре 1941 г. Корневое на короткое время оказалось на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. В докладной записке Скопинского райисполкома в адрес исполкома Рязанского областного совета депутатов трудящихся говорилось, что «несмотря на кратковременную оккупацию в районе произведены большие разрушения и расхищение зданий и имущества <...>, в результате чего нормальная работа школ, больниц и других учреждений в районе нарушена, а в отдельных случаях полностью прекращена. <...> Выведено из строя основное здание Корневской неполной средней школы, в котором частично поломаны полы, рамы, двери, выбиты стекла, повреждены печи, частично расхищен инвентарь и полностью расхищена детская библиотека. На восстановление данной школы требуется 29 тыс. рублей»⁵.

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6. д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6. д. 91. д. 91, тетрадь № 1.

³ Сталинец, № 7. – 1946. – 20 января.

⁴ Сталинец, № 127. – 1941. – 7 августа.

⁵ ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 27, л. 1.

В статье секретаря Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостина в областной газете «Сталинское знамя» от 13 декабря 1942 г. отмечалось: «Работа предстояла очень большая и сложная. <...> Но прежде, чем направить уголь столице, требовалось восстановить разрушенную железнодорожную линию, мосты. Проходящие войска Красной армии нужно было снабжать печеным хлебом, овощами, мясом, картофелем, и подвозить боеприпасы, снаряжение, готовить колхозы к весеннему севу.

Эту сложную и ответственную задачу районная партийная организация решила с честью. В течение пяти дней была восстановлена нормальная работа всех районных учреждений, сельсоветов и колхозов. В 15 дней восстановлены все школы, и дети приступили к учебе. Мосты, железнодорожные станции, стрелочное и путевое хозяйство восстановлены в 30 дней. Шахтеры и колхозники района без всякой оплаты, без спецодежды спасли горевший уголь и отгрузили Москве по железнодорожному транспорту более 85 тыс. тонн. Шахты, электростанция, несмотря на отсутствие стройматериалов, восстановлены и пущены в ход досрочно. Шахтеры, мужчины и женщины, проявляли подлинные чудеса в труде. Работали на 30-градусном морозе, по пояс в воде, без достаточного количества воздуха, не получая зарплаты, питания и спецодежды, давали по 2–3 нормы.

В течение декабря и января, несмотря на исключительную трудность, район сумел дать фронту 830 т картофеля, 360 т овощей, 175 т мяса и обеспечил полное и своевременное выполнение всех нарядов для Красной армии. Особое тяжелое положение было с подготовкой к весеннему севу. После очищения района от немецких оккупантов в колхозах имелось семян 9 %, 230 лошадей. Конюшни, скотные дворы, кладовые, склады были разрушены. Многие колхозы приходилось создавать снова в чистом месте. МТС была эвакуирована»¹.

Во время вражеской оккупации не все местные жители вели себя достойно. Были и те, кого начальные неудачи Великой Отечественной войны убедили в превосходстве гитлеровцев, и те, кто долго таил свою злобу на советскую власть, а с приходом оккупантов выплеснул ее, грабя колхозное имущество. Начальник особой инспекции ОК НКВД СССР комиссар госбезопасности Стефанов в письме в Рязанский обком ВКП (б) от 11 мая 1943 г. о скомпрометировавших себя во время оккупации лицах докладывал: «Во время проживания Жмуровой (направлена мужем И.К. Мосеевым – сотрудником ГУ НКВД к родственникам) в селе Корневом она умышленно скрывала у себя в квартире дезертира – мужа ее сестры Асписова, который в сентябре 1941 г. участковым уполномоченным Скопинской милиции при обыске был обнаружен у нее в квартире спрятанным в хлебном ларе. <...> При оккупации немецко-фашистскими войсками с. Корневое, где проживала В.В. Жмурова, последняя принимала участие в разграблении колхозного имущества, что подтверждают члены ВКП(б) села Корневое И.А. Алимущкин и М.П. Семин»².

После изгнания врагов в ходе битвы под Москвой в Корневском сельсовете удалось худо-бедно наладить мирную жизнь. В летнюю страду 1942 г. «в колхозе «Красный горняк» работали 2 жатки, 85 крюков и 180 серпов. Попову Андрею Тихоновичу 74 года, он перевыполнял норму в полтора раза. На столько же 72-летний Попов Андрей Григорьевич и Ларин Филипп Иванович»³.

В то время как оставшиеся в тылу корневцы приближали победу своим трудом, лучшие представители сельской молодежи бились с врагом на фронтах Великой Отечественной. Уроженцу Корневого Сергею Ивановичу Мушникову (1917–?) выпала судьба одним из первых

¹ Немеркнущий подвиг. изд-во Московский рабочий, 1982. – С. 112.

² ГАРО, ф. П-1437, оп. 2, д. 37, л. 6.

³ Сталинец, № 61. – 1942. – 6 августа.

встретить фашистских захватчиков. С 1938 г. он служил в пограничных войсках НКВД СССР. В августе 1941 г. С.И. Мушников был представлен к награждению медалью «За отвагу». В наградном листе начальник 79-го погранотряда НКВД подполковник Грачев и его военком батальонный комиссар Прибылов писали: «Мужественный, бесстрашный пограничник тов. Мушников с первых дней войны жестоко расправляется с фашистскими варварами, уничтожая их при нахождении в разведке и на передовой линии фронта. 15 августа 1941 г. он, находясь в разведке с группой бойцов, попал в окружение. Несмотря на превосходящие силы противника, в результате боя фашистские автоматчики частично были уничтожены, а остальные рассеяны. Захватив 4 мотоцикла противника, вышел из окружения. Тов. Мушников своей отвагой и мужеством по уничтожению врага воодушевляет бойцов на борьбу с врагами Родины»¹. Дальнейший боевой путь пограничника оказался непростым. В ходе разгрома противником советского Крымского фронта 15 мая 1942 г. под Керчью красноармеец 21-го погранотряда С.И. Мушников попал в немецкий плен. Освободиться ему удалось лишь 13 мая 1945 г. Быстро пройдя все необходимые проверочные формальности, со 2 июня 1945 г. он продолжил воинскую службу в одной из частей 57-й армии².

В военные годы многие дети остались сиротами. Председатель корневского колхоза Н.П. Тихонов рассказывал на страницах районной газеты «Сталинец»: «Велика была радость красноармейца Макаркина, когда он, вернувшись с фронта после тяжелого ранения, увидел своих малолетних детей здоровыми и бодрыми. Когда он был на фронте, умерла у Коли и Нюры мать. Но в нашей стране не остаются дети беспризорными, о них заботятся коммунистическая партия и советское правительство. Десять детей фронтовиков сейчас в детском доме колхоза «Красный горняк». Они на полном колхозном обеспечении. У Клаши и Нюры Паршиных также умерла мать, а отец погиб на фронте. В колхозном детском доме за девочками ухаживают. Они сыты, обуты и одеты»³.

«Как это ни странно, но <...> военные годы многие старожилы связывают не с упадком, а с дальнейшим развитием колхоза «Красный горняк». Этого удалось добиться благодаря умелому руководству хозяйством его председателя Н.П. Тихонова и главного агронома Н.Д. Агафонова. Достаточно сказать, что в военные годы каждый колхозник, работающий на поле или на ферме, получал в день по килограмму хлеба и 250 г мяса. В военные годы благодаря стараниям агронома Н.Д. Агафонова в колхозе разбили сад площадью 4 га. Здесь построили парники, в которых выращивали помидоры, огурцы, другие овощи. Широкою и заслуженную славу принесла агроному работа, которую он также начал во время войны. Речь идет о выращивании лука знаменитого сорта «Скопинский», которым «Красный горняк» славился вплоть до 1970-х гг.

В послевоенные годы начали большую работу по посадке лесополос. За сравнительно короткий срок посадили сотни гектаров дуба, ясеня, клена, акации, надежно защитивших поля от ветровой эрозии, ставших отличными естественными снегонакопителями»⁴.

Вспоминая военные годы, председатель колхоза Николай Павлович Тихонов в 1946 г. писал: «В 1945 г. «Красный горняк», собрал 12,3 тысячи тонн зерновых, что на четверть выше, чем в 1942 г. Если до войны на МТФ было 18 дойных коров, стало 47 и 50 голов молодняка. Досрочно каждый год рассчитывался с государством. Было до войны 14 овец,

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 418, л. 197.

² ЦАМО, ф. 58, оп. 18003, д. 1411, л. 97.

³ Сталинец, № 87. – 1943. – 5 декабря.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 166.

стало 160. За 1945 г. получили 362 поросенка, 39 телят и 134 ягненка. За время войны построен скотный двор на 100 голов, телятник на 60 голов, свинарник, конюшня для молодняка, два хороших овощехранилища, обложенных внутри кирпичом. Трудные были годы, весь скот эвакуировали... В 1943 г. колхоз стал семеноводческим по зерновым и овощным культурам.

В 1945 г. возникли большие трудности из-за погоды. Пришлось работать и днем, и ночью, используя каждый погожий день. Много раз пришлось расставлять по полю снопы для просушки. Ранние морозы прихватили картофель. Тогда на его уборку вышли все колхозники, даже старики и дети... Если обычно убирали 60–70 человек, то на этот раз выходило более 300 человек, и картофель был убран в три дня. Такой же массовый выход на работу был и во время уборки озимых. С серпами выходило до 400 человек. За 1945 г. колхозники получили на трудодень 4,35 кг зерна, 3,4 кг овощей, 6 кг картофеля. Колхозник Казаков Михаил Васильевич с сыном выработали 858 трудодней и получили одного зерна 226 пудов. Паршин Илья Яковлевич с сыном получили 135 пудов, Устюшина Елизавета Григорьевна 50 пудов. Колхоз поощрял работу колхозников дополнительной оплатой труда. Только двум полеводческим бригадам за перевыполнение было выдано 10 тонн зерна. Доярки получали дополнительную оплату за сохранение приплода, свинарки за приплод 18 деловых поросят вместо 12 по плану, заведующие фермами за перевыполнение плана развития общественного животноводства, конюхи за сохранение жеребят. В 1945 г. зав. фермами Прасковья Павловна Качкина заработала 634 трудодня, получила 170 пудов хлеба, а по дополнительной оплате 4 поросенка, теленка и ягненка. Свинарка Е.А. Свежина от 10 свиноматок получила 165 деловых поросят, ей выдали в счет дополнительной оплаты 9 поросят. Доярка А.И. Громова от 12 коров сохранила 12 телят. Ей выдали поросенка. Старший конюх колхоза Иван Иванович Стенин, работавший в должности 15 лет, за хорошее состояние лошадей и жеребят получил 50 кг зерна¹.

В конце 1940-х гг. колхоз «Красный горняк» Корневского сельсовета считался одним из передовых хозяйств Скопинского района. Районная и областная пресса писала о нем постоянно. В 1947 г. областная газета «Сталинское знамя» сообщила: «Звено высокого урожая, руководимое А.В. Лапшиной из колхоза «Красный горняк» Скопинского района, сдержало свое слово – вырастило богатый урожай. Звено получило на своем участке по 25,5 центнеров пшеницы с каждого гектара на площади 8,5 га»². Площади посевов были небольшими, но в то время важно было показать саму возможность добиться высокой урожайности. Участники эксперимента – корневские колхозники Матрена Владимировна Мартишина и Филипп Федорович Терехин были награждены орденами Ленина, Александра Дмитриевна Волкова, Дарья Степановна Паршина и Иван Ильич Паршин – орденами Трудового Красного Знамени³. В эти же годы продолжалось совершенствование колхозной инфраструктуры – в 1948 г. в «Красном горняке» были построены изолятор для больных животных, шорная и плотницкая мастерские.

Знаковым событием в истории села стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1948 г. о присвоении звания Героя Социалистического Труда уроженцу Корневого Андрею Дмитриевичу Лебедкову (1901–1978), ответственному работнику советской угольной промышленности. В 1937–1938 гг. он был начальником технического отдела и заместителем главного инженера треста «Тулауголь», в 1938–1939 гг. управлял трестом «Ста-

¹ Сталинец, № 7. – 1946. – 20 января.

² Сталинское знамя, № 169. – 1947. – 27 августа.

³ Сталинец, № 37. – 1948. – 7 апреля.

линогорскуголь», а с начала 1941 г. работал главным инженером треста «Молотовуголь» в г. Узловая Тульской области. В первые месяцы Великой Отечественной войны А.Д. Лебедков организовывал эвакуацию подмосковных шахтеров и отправку горного оборудования в восточные угольные районы СССР. В декабре 1941 г. он возглавил трест «Молотовуголь» и руководил им до самого конца войны. В тяжелых условиях военного времени именно ему принадлежала заслуга успешной организации восстановления разрушенных и затопленных шахт Подмосковского угольного бассейна – к 1944 г. шахты Мосбасса давали угля в два раза больше, чем до войны. В 1945–1951 гг. А.Д. Лебедков возглавлял трест «Москвоуголь». Под его руководством горняки бассейна ежегодно и намного превышали плановые задания. Уже в 1948 г. был достигнут уровень добычи, планировавшийся на 1950 г. Велись большие работы по переводу шахт на полную механизацию всех процессов добычи угля. В 1951–1970 гг. А.Д. Лебедков возглавлял трест «Средазуголь» (в 1957–1963 и 1966–1970 гг. – «Узбекуголь»), который под его руководством из года в год выполнял государственные планы добычи и реализации угля. Его трудовой путь был отмечен двумя орденами Ленина (1942, 1948), орденом Трудового Красного Знамени (1942), двумя орденами «Знак почета» (1939, 1957). После выхода на пенсию знатный уроженец Скопинского края до конца своих дней прожил в г. Ташкенте, столице Узбекской ССР.

В 1950 г. колхоз «Красный горняк», которым руководил Н.П. Тихонов, считался переломным семеноводческим хозяйством, но в нем также успешно развивалось животноводство и огородничество. Колхозники гордились созданным в годы войны садом, имелась в хозяйстве и своя пасека. За высокие урожаи правительственными наградами были отмечены еще 12 тружеников села из Корневого. Колхоз построил 6 животноводческих помещений, где содержались 112 голов крупного рогатого скота, 225 овец и 96 свиней, а также птичник на 225 кур. Фермами руководила Прасковья Павловна Качкина, депутат Рязанского облсовета. Хозяйство развивалось: планировалось строительство еще одного птичника на 2 тыс. голов и свинарника на 50 голов. Колхозные огороды орошались механической поливной установкой, рассчитанной на площадь в 40 га. В колхозе действовали собственные мельница, шерстобитка, кузница, электропила, а также плотницкая мастерская, где делали сани и повозки. Дети колхозников учились в сельской школе. За годы советской власти село дало стране 9 учителей, 26 офицеров Советской армии, 9 инженеров, 2 агрономов, 2 ветеринарных врачей, 27 электромехаников. Развивалась и культурная жизнь – в селе действовала библиотека, в которой насчитывалось 2650 книг¹.

В ходе укрупнения рязанских колхозов в 1950 г. к корневскому «Красному горняку» присоединили колхозы «3-й решающий» и им. С.М. Кирова Старокелецкого сельсовета. После укрупнения хозяйство получило полеводческо-животноводческое направление. «В 1957 г. был получен средний урожай зерновых – 13,3 ц с гектара вместо 8,2 ц в 1956 г., овощей 182 ц вместо 70 ц, молока на одну фуражную корову 3551 кг, что на 330 кг больше. Крупного рогатого скота 337 голов, в том числе 138 коров. За два года построено два типовых коровника, откормочный свинарник, теплица, механизированный ток. За четыре года приобрели 3 автомобиля, автовесы, огуречную машину и сортировку. Впервые за много лет от пасеки получили 350 кг меда. На один трудодень колхозники получили по 2,5 кг зерна, 1,3 кг картофеля, 0,7 кг овощей и по 3 руб. 51 коп.»². В 1958 г. председателем колхоза работал Я.М. Савин, старшим агрономом – А.Б. Поль³.

¹ Сталинск, № 24. – 1950. – 26 февраля.

² Скопинский шахтер, № 28. – 1958. – 5 марта.

³ Архив Скопинского района, ф. 29, лл. 1-3.

В 1958 г. к Корневскому сельсовету был присоединен соседний Пупковский сельсовет, а в июне того же года в него вошли населенные пункты упраздненного Ивановского сельсовета – деревня Ивановка, поселок Красный городок и поселок Кирпичного завода. В 1964 г. ивановский колхоз «Заветы Ильича» также был объединен с корневским «Красным горняком»¹.

В 1965 г. в состав Корневского сельсовета входили села Корневое, Старые Кельцы, Пупки, поселки Красный городок и Кирпичного завода, деревни Новиково, Гуменки. На его территории располагались Корневский детский сад, 2 медпункта, восьмилетняя школа, 3 библиотеки, 2 магазина и колхоз «Красный горняк»². В таком составе сельсовет просуществовал до конца советской эпохи.

«Крепким хозяйством “Красный горняк” оставался примерно до середины 1960-х гг. Затем, после неоднократной смены руководства, хозяйство быстро теряет завоеванные ранее позиции. Наиболее значимым событием стало строительство в 1970-е гг. в селе Корневом Нового порядка, состоящего из современных жилых домов»³.

Одним из последних председателей колхоза «Красный горняк» на рубеже 1980-х и 1990-х гг. стал Сергей Иванович Клевцов. В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в колхозе «Красный горняк» была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз преобразовался в АОЗТ «Горняк», а его сельскохозяйственные угодья были бесплатно переданы в коллективно-долевую собственность бывших работников. В 2002 г. АОЗТ было перерегистрировано как СПК «Горняк», который работал до 2011 г.

Закат советской эпохи ознаменовался возрождением церковной жизни в Корневом. «...В 1990 г. инициативная группа селян во главе с Е.Г. Густовой обратилась к председателю колхоза С.И. Клевцову с предложением возродить церковь. Председатель не только не препятствовал, но и помог позже деньгами, транспортом. В марте подали заявление в райисполком и на сходе решили собрать по 50 рублей для ремонта. Заготовили материалы. Но вывезти общими силами хранившееся оборудование и навести в здании порядок удалось только на Пасху 1991 г. И снова пришлось искать деньги, обращаясь к предприятиям и будущим прихожанам. В ноябре начались отдельные службы»⁴. В настоящее время восстановленный храм во имя Св. князей стратотерпцев Бориса и Глеба числится по 1-му Скопинскому благочинию Скопинской епархии Рязанской митрополии. Его настоятелем является протоиерей Константин Гусаров.

В советские и постсоветские годы уроженцы Корневого выдвигались на ответственные должности в отечественных органах правопорядка. Например, генерал-майор Борис Васильевич Новиков (1919–2005), ветеран Великой Отечественной войны, в 1963–1966 гг. занимал должность 1-го заместителя, а в 1966–1969 гг. – заместителя начальника Главного управления милиции МВД СССР. В 2012–2013 гг. другой уроженец села полковник полиции

¹ Архив Скопинского района, ф. 29, лл. 1-2.

² Архив Скопинского района, ф. 12, лл. 1-2.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. – С. 166.

⁴ Скопинский вестник от 12 ноября 1991 г.

Александр Иванович Трушкин (р. 1965) занимал пост начальника Московского уголовного розыска.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Корнево стало административным центром Корневского сельского поселения. Помимо самого села, в него вошли села Новые Кельцы, Князево, Петрушино, Пупки, поселки Дома отдыха, Осиново-Шилово и деревня Велемья.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Корнево в это время постоянно проживали 1567 человек – 666 мужчин и 901 женщина. В селе работает администрация, средняя общеобразовательная школа, детский сад, Дом культуры, медпункт и Борисоглебская церковь¹.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

КОСТЕМЕРЕВО

село

(сельское поселение Шелемишевское)

Местность, в которой находится современное село Костемерево (изначально – Костемирово, позднее Костемерово), люди населяли с незапамятных времен. Археологи выявили в его окрестностях три поселения разных эпох. В 1 км к северу от центра села, на первой надпойменной террасе противоположного от него левого берега р. Вёрды, находится поселение эпохи бронзы, перекрытое культурным слоем XIV–XVII вв. Памятник протянулся вдоль края террасы с северо-запада на юго-восток и имеет размеры ок. 280х40 м. В его культурном слое (до 0,5 м, стратиграфически разделен на два горизонта) была найдена лепная керамика с примесями шамота в глиняном тесте, преимущественно без орнамента, отнесенная к эпохе бронзы, а также гончарная позднесредневековая, в т.ч. сероглиняная и белоглиняная. Селище «Костемерово-2», обнаруженное в 1991 г. в 0,5 км к северо-востоку от села на мысе левого берега р. Вёрды, относится к раннему железному веку и 3-й четверти I тысячелетия н.э. Центральная часть памятника была разрушена карьером, но все же в этом месте удалось найти фрагменты лепной керамики баночной и горшковидной форм, предположительно – городецкой культуры. Наконец, селище «Костемерово-1» датируется XIV–XVII вв. Оно расположено в 1 км. к северо-западу от центра села также на надпойменной террасе Вёрды. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой. В культурном слое толщиной до 0,4 м обнаружена гончарная позднесредневековая керамика, в т.ч. сероглиняная, белоглиняная и чернолощенная XVI–XVII вв.¹

Первое документальное упоминание о селе содержится в писцовой книге письма, меры и межевания Григория Киреевского с товарищи 1629–1631 гг. в Пехлецком стане. В выписи из писцовых книг преосвященному Аврааму, митрополиту Рязанскому и Муромскому, на принадлежащую ему землю, состоящую в Рязском уезде в Бараковой слободе, сообщается: «...А от столба к речке Питомше и по тем граням и по урочищам на лес: государева отписная земля, а напротив беломестных казаков села Баракова земли, а по другую сторону беломестных недоборных государевой отписной земли межа от деревни Костемирово <...> от реки Вёрды вверх по речке по Тегле к дмитровской дороге столб, а дмитровской дороге столб з грани да яма, а от того столба вверх по той же речке <...>, а от реки от Вёрды на праве государевы отписные земли беломестных прибылых казаков, а на левой деревни Костемирово разных помещиков...»² Беломестные казаки были служилыми людьми, получившими «обеленные», т.е. свободные от податей земельные наделы. Находясь под управлением выборных атаманов, они занимались земледелием и несли поочередно полковую и гарнизонную службу наряду с казаками-однодворцами.

На момент первого упоминания Костемирово было деревней мелких помещиков – служилых людей. Как представляется, ее название восходит к обиходному прозвищу одного из помещиков, возможно – первопоселенца (кого именно – установить не удалось). До середи-

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 115.

² РГАДА, ф. 281, оп. 15, д. 10127, лл. 3-4.

ны XIX в. в писцовых книгах в окрестностях селения упоминается еще один топоним с указанием на принадлежность тому же лицу – овраг Костемиров верх. Также можно с определенностью утверждать, что в начале своей истории Костемирово было выселком из соседнего села Городецкого. В переписной книге 1646 г. сообщается: в селе Городецком «за ряшенином, сыном боярским, за Алексеем Дмитриевым сыном Старова на выселке Костемереве, на ево жеребье <...> один крестьянский двор, а в нем людей два человека»¹.

Во 2-й пол. XVII в. статус селения изменился. И.В. Добролюбов свидетельствует: «Костемерево в качестве села упоминается в окладн[ых] кн[игах] 1676 г., где при находившейся в том селе Покровской церкви показано «церковныя пашни 30 четвертей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на 60 копен», а в приходе к ней, состоявшем из села и дер[евни] Питомши, числилось «тридцать три двора помещиков Рязанцов и Ряшен детей боярских, четырнатцать дворов крестьянских, три двора задворных слуг, и всего пятьдесят два двора». По окладу 1676 г. дани с Покровской церкви положено было 2 р[убля] 18 алт[ын]. В этом храме служили священники Тимофей (в 1676–1688 гг.), Афанасий Ульянов (в 1688–1702 гг.), Фотий Афанасьев (в 1702–1734 гг.), Власий Фотиев (с 1734 г.), Трофим Иоаннов (упоминается в 1745 г.) и Артемон Тарасов (с 1745 г.)².

В переписной книге 1716 г. о Костемирове сообщается: «...В том селе церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, у той церкви поп Фатей Афонасьев сорок один год, у него попадя Анна Иванова дочь сорока трех лет <...>, а по переписным книгам 710 года написано служилого чина однодворцев дватцать пять дворов, в них людей мужеска полу сорок три человека, да женска полу тридцать семь человек, обоих полов восемьдесят девять, да драгунских жон осмь дворов...»³ Известно, что однодворцы в виде вознаграждения за свою службу получали земельные наделы, по определенному количеству четвертей на двор. Эти поместья, с одной стороны, закрепляли служилых людей на определенных территориях, а с другой стороны, избавляли государство от необходимости выплачивать им денежное жалованье и доставлять «корм натурой». Поместья однодворцев были небольшими, поэтому у большинства из них не было экономической необходимости владеть крепостными. Селились они чаще всего одним двором, откуда и произошло название всего сословия – однодворцы. «При Петре I однодворцы были превращены в государственных крестьян, а их земли перешли в собственность государства. Но фактически государственные крестьяне с четвертным владением распоряжались своими землями как своей частной собственностью; в этом состояло их отличие от государственных крестьян с общинным землевладением, не имевших права покупать, продавать или передавать по наследству свою землю»⁴.

Кроме однодворцев в книге 1716 г. упоминаются и более именитые землевладельцы, имевшие крестьян и дворовых, а в дачах к селу пашни, леса и луга: «За стольником Афонасьем Евтифьевым сыном Чеботаевым <...> двор помещиков, а в нем дворовые люди мужеску полу пять человек <...> а женску полу два человека, а по переписным книгам 710 года написано двор помещиков, в нем дворовых людей мужеску полу семь, женску полу два <...>; за ряшанином за Яковом Мамоновым сыном Стерлиговым <...> крестьянский один двор <...>, за Тихоном Аврамьевым сыном Удачиным крестьянский один двор запустел, крестьянин Харлам Макарьев з женою Варварою Степановоюи з детьми Микитою, Данилою, Гуром померли в 712 году...» Представитель высшей придворной аристократии боярин князь Петр Иванович Прозоровский имел при селе «двор помещиков, и тот двор запустел <...>, и дворовые

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 56.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 246.

³ РГАДА, ф. 350, ч. 1, д. 350, л. 265.

⁴ Лешин В.И. ПСС, 5-е изд., т. 16, М., 1973. – С. 551.

люди Ефим Никитин умре в 712 году, а жена ево Авдотья Яковлева дочь з дочерми Ульяною, Прасковью сведены в Елифанский уезд <...>; да написано было за князя Михайлою князь Лаврентьевым сыном Дуловым двор помещиков, и тот двор запустел...»¹

Князь Петр Иванович Прозоровский (1644/1645–1720) был одним из выдающихся деятелей петровской эпохи. Сын боярина и астраханского воеводы, убитого в 1670 г. по приказу Степана Разина, он начал придворную службу еще в царствование Алексея Михайловича. Князь пользовался доверием царя: в 1674–1675 гг. он был дядькой (воспитателем) царевича Ивана Алексеевича, обеспечивал его охрану при выездах в подмосковные села и монастыри. Перед своей кончиной в 1676 г. царь Алексей Михайлович назначил П.И. Прозоровского одним из опекунов малолетнего царевича Петра Алексеевича. При Федоре III Алексеевиче князь был возведен в боярское достоинство. В 1689 г., отстранив от власти свою сестру Софью, Петр I поручил ему руководство приказами Большой казны и Большого прихода. В период пребывания молодого царя за границей в составе Великого посольства в 1697–1698 гг. князь П.И. Прозоровский был одним из трех бояр, управлявших государством в его отсутствие.

Известный отечественный биограф А.А. Половцев сообщает следующий исторический анекдот из жизни князя: «В знаменательную борьбу Петра Великого со шведским королем Карлом XII кн. Прозоровский оказал большие услуги русскому государству на поприще тогдашних его финансовых затруднений. После поражения под Нарвой Петр Великий был весьма озабочен двумя вопросами: каким способом построить новую артиллерию и откуда на это добыть денег. В это тяжелое время он написал князю, бывшему тогда не только во главе Приказа Большой казны, но и во главе Оружейной палаты, чтобы он переделал в деньги всю посуду и все вещи, там хранившиеся, и прислал бы ему необходимую сумму. Князь ответил, что это повеление будет исполнено, и вскоре выслал требуемую сумму нововыбитою серебряною монетою. Когда царь вернулся в Москву после побед, одержанных над шведами в Лифляндии, то выразил кн. Прозоровскому сожаление, что нельзя убрать Грановитую палату теми вещами и посудой, которыми она убиралась раньше в торжественных случаях. Но Прозоровский сказал, к великому удовольствию царя, что посуду он сберег в кладовых.

“У меня, – сказал он, – на случай нужды сбережена довольно знатная сумма, о которой кроме меня по сие время никто не ведаст, и которой еще довольно осталось на таковые же нечаянные нужды”. При этом он рассказал, каким образом, будучи казначеем уже при царе Алексее, он накопил столько денег, и как велел перечеканить часть старой запасной монеты на новый образец. Петр Великий был удивлен этой неожиданностью, обнял и поцеловал князя и просил показать, где хранятся остатки денег. “Изволь, покажу, – отвечал князь, – только не прогневайся, государь, с договором: не брать с собою Меншикова и не открывать ему сей тайны, а то он размытарит все остатки те”. Получив от царя это обещание, князь ввел его при свете фонаря в один тайник и показал ему целый угол сложенных денег. Петр собственно-ручно отложил в сторону десять больших мешков с деньгами. “На что это?” – спросил князь. “Это тебе”, – отвечал государь. – “Мне? Я бы мог давно и всю казною сею овладеть, не опасаясь извету, ежели б хотел и не побоялся бы Бога нарушить крестное мое целование. Но мне не надо. Ты знаешь, государь, что я, по милости Божией, предков твоих и твоей, доволен и своим; и при том одну только дочь имею, которая и без того нарочито богата будет”»².

Князь П.И. Прозоровский распоряжался государственными финансами до конца своей жизни. Как руководитель финансового ведомства в 1715 г. он имел прямое отношение к вве-

¹ РГАДА, ф. 350, д. 350, ч. 3, лл. 94-95 об.

² Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева. Т. 15. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1991. – С. 20–22.

дению в денежное обращение серебряных монет нового образца, а также к чеканке памятных медалей, посвященных знаковым событиям петровского царствования.

По переписной окладной книге, составленной не позднее 1724 г., в селе Костемирово «по свидетельству явилось» один поповский дом, семь помещиковых и 24 однодворческих. В итоговых окладных сведениях однодворцы и помещики показаны общим числом. Из этой же книги известны некоторые подробности из жизни обитателей села – участников войн петровской эпохи. Например, «по скаске 719 года драгун Казма Провоторхов сын Удачин, 85 лет, при свидетельстве объявил пашпорт, данной ему из Столовой палаты, в которой показано, что он от службы и от дел отставлен и отпущен в дом свой, того ради, ево по указу во окладе числить не велено». Брата его, драгуна Гаврилу Провоторхова, 75 лет, тоже числить «не велено», а «него Гаврилы дворовые люди чюхонцы: Сергей Ермолов 30 лет», причем «оной Сергей допросом показал, что уроженец он Юрьева Ливонского, и взял ево на баталии драгун Гаврила Удачин тому лет с 17, явил ево к себе в дом, в оное село Костемерово, и до сего числа жил у него и тож по желанию ево отдан Удачину в оклад и с росписью; Иван Анисьев, 35 лет, оной Иван допросом показал, что уроженец он польской породы города Юрьева, и прошлых де годов, лет с 15, волею своей он к драгуну Гавриле Удачину и с того числа по ноне число у него и тож по желанию ево отдан ему, Удачину, в оклад с росписью». Среди помещиков и однодворцев перечислены также «резанцы Иван Стерлигов, Иван Филипов сын Стерлигов, драгун Иван Васильев сын Старых», причем «об оном Иване <...> показано, что он лантмилицейской службы, а не драгун, а у него приемыш Максим Микифоров сын Неретин». В доношении 1721 г. управителю (по-старому атаману) Андрею Карпову о драгуне Тите Фролове сообщается: 86 лет, «оной Ефрем по свидетельству явился дряхл и увечен, того ради ево в прописку не ставить, числить в окладе». По собственному доношению Тита Фролова 1722 г. у него в окладе числился Яков Самойлов сын Лезгин, 20 лет, «поляк города Аршавы, <...> желает жить у оного Тита Фролова, и потому доношению Лезгин отдан Фролову в оклад с росписью». Как и у многих помещиков, у драгуна Юрия Федорова сына Сукачева, кроме членов семьи в окладе упомянут «польской породы Илья Григорьев, 25 лет, оной <...> допросом показал, что уроженец <...> местечка Дуровуди, поляк, и из воли своей пришел <...>, да Юрий Осипов, 20 лет, уроженец он подлинной польской породы местечка Себежа, и из воли своей шел жить Пскопского полку к драгуну Юрию Федорову сыну Сукачеву тому лет десять, и по желанию ево отдан сыну ево Анисиму Юрьеву сыну Сукачеву в оклад и с росписью, да Данила Васильев, 40 лет, <...> города Могилева, поляк, и по желанию ево отдан в то село Костемерово однодворцу Юрию Иванову сыну Сукачеву». Среди прочих помещиков села упоминаются «Иван да Степан Афанасьевы дети Чеботаевы, дом помещиков, в нем дворовые и деловые люди, пашни своей не имеют, пашут на помещика», а также представитель древнего рода князь Лука Петров сын Кропоткин, за которым числились три дворовых человека. Кроме церковнослужителей, в Костемерово в рассматриваемое время проживали 90 однодворцев, 46 крестьян и дворовых людей, а также отдельно показанные 12 поляков и 2 «чюхонца»¹.

По свидетельству И.В. Добролюбова, в 1734 г. в приходе костемеровской Покровской церкви состояло 34 двора².

В 1744 г. по селу Костемирову «явилось» положенных в подушный оклад 165 человек: 98 однодворцев и 67 дворовых людей и помещичьих крестьян. Среди помещиков упоминается статский советник Иван Афонасьев сын Чеботаев, у которого было 18 крестьян муж-

¹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 281-285, 291-292 об, 302, 307, 309 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 246.

ского пола, в прежней переписи числившихся за ним же и его братом Степаном Чеботаевым. «Вотчинной коллегии ассесор Семен Куприянов сын Лунин» владел в селе 10 крестьянами, поручик Федор Сафонов сын Потулов – дворовыми людьми, дворянин Иван Тимофеев сын Сукачев – 4 крестьянами, среди которых «польской породы Данила Васильев, Михайло Семенов сын Катов, Яков Данилов». За однодворцами Сукачевыми, Фроловыми, Строиловыми и другими также числились от 1 до 4 крепостных¹.

Жизнь местных помещиков протекала не только в мирных заботах о своих хозяйствах, но и в постоянных земельных спорах, тяжбах с соседями. Показательной иллюстрацией быта села в XVIII в. является челобитная 1763 г., которую «села Костемерова помещик Яков Титов сын Фролов и отставной капрал Трифон Иванов сын Сукачев Рязжского уезда» подали на «выборного села Городецкого Рязжского же уезда однодворца Ермила Жеребцова и однодворцев того же села», которые «наглостью своею завладели тому лет с пятьдесят» землю, «десятин с пятнадцать и более, да санными покосами десятин з дватцать в урочищах за рекою Вердою». Далее в челобитной говорится, что в прошлом 1762 г. костемеревские помещики эту «крепостную, завладевшей ими земли спяхали» и засеяли рожью, «а сего 1763 году <...> земли яровым всяким хлебом мы именованной посеяли десятин с пять, а санных покосов <...> накосили десятин с пятнадцать», только «выборный Ермил Жеребцов и того ж села лутчие люди Петр Бушманов, Тит Беляев, Иван Набатчиков, Петр да Ульян Семькины, Петр да Трифон Беляевы, Савостьян Тумин, Василий Ильин, Лаврентей Русинов, Семеон Букаткин, Алексей Боровской, Никифор Макулин, собрався многолюдством с колы и с рогатины и со всяким дреколием, вооруженною рукою яко сущие злодеи до жатвы того сеяного нами хлеба ржи нас не допускают <...>, и, умысля плутовски, собрався и таки многолюдством же то наше подкошенное нами сено загребли и пометаны нами в стога увезли на свою землю <...>, посеянный нами оной яровой хлеб оной Жеребцов с выше писанными однодворцы намереваютца посадить и свести в дома свои...»²

В 1766 г. вместо обветшавшего здания Покровской церкви, простоявшего в селе почти век, было выстроено новое, также деревянное, «в прежнее храмоименование»³.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., «села Костемирово, Питомша с деревнями Гулынки и Дмитриевской» принадлежали помещикам «Семену Куприяновичу Лунину, Дмитрию Васильеву сыну Лихареву⁴, Сергею Иванову сыну Филимонову, Василью Иванову сыну Толстову, Алексею Иванову сыну Дубровскому, графине Катерине Сергеевне Гендриковой, Луке Ефимову сыну Храпову <...>, баронессе Елизавете Алексеевой дочери Шафировой, Николаю Лавретьевичу Шетневу <...>, князю Степану Андреевичу Борятинскому, князю Якову Петровичу Шеховскому, <...> Павлу Петрову сыну Уланову» и еще нескольким десяткам помещиков, а также однодворцам. При всех селениях неразделенного владения имелось 1399 десятин (1528 га) пашенных земель, а общая площадь имения с огородной землей, лугами, лесами и неудобьями составляла 2667 десятин 1989 саженой (2914 га). О Костемирове в документе сказано, что в нем были церковь Покрова Пресвятой Богородицы и дом господский, оба деревянные. По 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе было 60 дворов, в которых проживали 154 души мужского пола и 150 – женского. Крестьяне состояли на изделье, однодворцы – на положенном оброке⁵.

¹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 126 об – 135.

² РГАДА, ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 130, л. 1.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 246.

⁴ О нем см. примечание к очерку «Гуменки».

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 44 об.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г., известно, что капитан Иван Никитин сын Микулин владел в селе Костемерово 13 душами, из которых в 1819 г. 6 душ он отдал своему сыну, а еще 7 продал 16 (28) сентября 1832 г. штабс-капитану Павлу Мальцеву в то же село. За надворной советницей Анной Семеновой дочерью Филатовой были записаны 12 душ, с 31 августа (11 сентября) 1829 г. перешедших к титулярному советнику Ивану Урбановскому. Помещица Вера Дмитриевна Елазунова имела в селе 9 душ, помещица Анна Никифоровна Лихарева¹ – 72 души (имеется запись от 26 ноября (7 декабря) 1832 г. о приобретении ей еще 4 душ с акционного торгова в Губернском правлении), гвардии капитан Сергей Васильев сын Толстов – 20 душ (со 2 (14) октября 1824 г. их было «велено считать по покупке лейб гвардии за поручником Василием Сергеевым Толстовым, а с 1 (13) июня 1826 г. «онных душ по покупке считать за поручницею Верою Федоровной Салтыковой»»), корнет Василий Анисимов сын Нечаев – 12 душ; титулярный советник Иван Дорофеев сын Урбановский – 6 душ, девица Анна Дорофеева Урбановская – 7 душ и титулярный советник Дорофей Семенов сын Урбановский – 7 душ³. Кроме крепостных крестьян разных помещиков в селе проживали и однодворцы.

По окладной книге 1834 г., в селе Костемерово у губернской секретарши Марии Андреевны Глазатовой было 4 души дворовых людей, к которым в 1850 г. добавилось еще 5 душ. Полковница Анна Никифоровна Лихарева владела 48 душами поселян и 12 дворовыми людьми. Во владении капитана артиллерии Павла Юрьевича Мальцова находились 18 крестьянских душ, подпоручика Василия Анисимовича Нечаева и его жены Ирины Ивановны – 8 дворовых людей, коллежской ассессорши княгини Веры Федоровны Салтыковой – 17 душ, которые с 1844 г. были из оклада исключены и записаны на коллежского ассессора князя Петра Дмитриевича Салтыкова⁴ и малолетних детей Дмитрия, Ивана и Наталью, а в 1846 г. переписаны в оклад в то же село на малолетнюю княжну Наталью Петровну Салтыкову. За титулярным советником Иваном Дорофеевичем Урбановским числились 23 души поселян и 18 дворовых, за гвардии капитаном Павлом Сергеевичем Филимоновым – 8 душ, в 1838 г. исключенных из оклада. С 1845 г. 5 дворовых людей были собственностью титулярного советника Якова Ильича Худякова⁵.

В Костемерово, по окладной книге 1850 г., за малолетней дочерью полковника Лихарева Елизаветой Михайловной состояло мужского пола 38 крепостных крестьян и 4 дворовых людей, за ней же в деревне Жмурки числилась 41 крепостная душа (включая 6 дворовых людей), а в сельце Перки – еще 45 крестьян и дворовых⁶. За поручиком Павлом и малолетним Константином Павловичами Мальцовыми, а также губернской секретаршей Варварой Павловной Боклевской⁷ по селу в окладе числились мужского пола 21 крестьянин и 6 дворовых людей⁸. Также за неслужащим дворянином Павлом Евстратьевичем Поповым были записа-

¹ Супруга полковника М.Д. Лихарева (1767–1846), Скопинского уездного предводителя дворянства в 1797–1799 гг., Рязанского губернского предводителя дворянства в 1813–1816 гг.

² Имеется в виду светлейшая княгиня Вера Федоровна Салтыкова, урожденная Стемпковская (?–1838), супруга светлейшего князя Петра Дмитриевича Салтыкова (1802–1889).

³ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 71–72 об.

⁴ Светлейший князь П.Д. Салтыков (1802–1889) в 1827 г. вышел в отставку со статской службы в чине коллежского ассессора. Он был известным коллекционером произведений искусства и антиквариата. После смерти супруги в 1838 г. он жил преимущественно за границей (с 1850-х гг. – в Париже) и к началу 1860-х гг. окончательно разорился. Умер в Париже, похоронен на кладбище Монмартр.

⁵ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 61 об–62, 143 об–144, 164 об–165, 198, 249 об–250, 285 об–286, 319 об–320, 331 об–332, 344 об–345.

⁶ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 194 об–195.

⁷ Боклевская (Мальцова) Варвара Павловна (1824–1883) – дочь скопинского помещика П.Ю. Мальцова, супруга художника-иллюстратора П.М. Боклевского (1816–1897).

⁸ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 219 об, 220.

ны 2 крестьянина и за княжной Натальей Петровной Салтыковой 25 душ. Титулярному советнику Ивану Дорофеевичу Урбановскому с 1855 г. принадлежали 13 крестьян. При подсчетах учитывались только крепостные души мужского пола¹. В селе также были 30 дворов государственных крестьян, бывших однодворцев.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время село Костемерово представляло собой два противоположащих порядка крестьянских домов, вытянувшихся в единственную улицу, пролежавшую параллельно правому берегу р. Вёрды. Крестьянские огороды спускались прямо к речному берегу. Еще один порядок изб был вынесен довольно далеко на юго-восток от основной застройки. Можно предположить, что там проживали либо государственные крестьяне, либо отселенные крепостные кого-то из помещиков. В юго-восточной же части села среди крестьянских огородов стояло и деревянное здание Покровской церкви. Костемерово было отделено от Новобаракова двумя ручьями, сливавшимися в один к югу от дороги, соединявшей оба селения. При селе действовала водяная мельница с крупорушкой и сукновальной².

В 1850 г. деревянное здание Покровской церкви XVIII в. было перестроено на средства помещика сельца Дмитриевского Николая Михайловича Лихарева. С начала XIX в. в этом храме служили священники Симеон Тихонов (с 1803 г.), Стефан Андреев, Константин Георгиев Постников (в 1838–1856), Иоанн Измайлов (в 1856–1864 гг.), Петр Артемьев Никитин (в 1864–1872 гг.). В 1872–1882 гг. Покровский храм был приписан к селу Бараково. Позднее в нем служили Иоанн Евфимьевич Незлобин (в 1882–1889 гг.) и Иоанн Аникиевич Утешинский (в 1889–1898 гг.).

Одним из выдающихся уроженцев села считается врач и этнограф Иван Семенович Костемеровский (1813–1891). Он был сыном священнослужителя Покровской церкви (возможно – священника Симеона Тихонова), свою фамилию получил, скорее всего, по месту службы отца при поступлении в Рязанскую духовную семинарию. Однако перспектива церковной карьеры его не прельстила: в 1840 г. И.С. Костемеровский окончил Московскую медико-хирургическую академию и в 1844 г. был направлен в действующую армию на Кавказ. В 1852–1861 гг. лекарь Костемеровский служил полковым врачом Дагестанского конно-иррегулярного полка, затем был назначен врачом Гунибского округа. Ему выпала судьба стать основателем первой русской школы в Дагестане. «Находясь еще на военной службе, Иван Семенович обратился к командованию полка с предложением организовать школу для местных жителей. И школа была организована в 1857 г. в Большом Дженгутае, при аптеке Дагестанского конно-иррегулярного полка. В ней И.С. Костемеровский «учил грамоте русских детей и братьев всадников». Выслужив пенсию, И.С. Костемеровский в 1868 г. вышел в отставку и поселился в Темир-Хан-Шуре³. Здесь он и проживал до конца своих дней⁴. «Иван Семенович Костемеровский жил в Дагестане 50 лет, знал кумыкский, аварский языки. Умер он в 1891 г., завещав свои сбережения – накопленные в течение жизни 30 тысяч рублей – на нужды просвещения и здравоохранения горцев, в частности – на учреждение в Темир-Хан-Шуре ремесленного училища, женской гимназии, бесплатных народных школ в Порт-Петровске⁵ и Темир-Хан-Шуре и учреждение стипендий в реальном училище⁶. Благодаря капиталу, заве-

¹ ГАРО. ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 252 об, 253, 302 об, 303, 749 об, 750.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868 – С. 592–593; Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ Ныне г. Буйнакск, административный центр одноименного района Республики Дагестан.

⁴ Рязанские ведомости, № 190. – 2013. – 11 октября.

⁵ Ныне Махачкала, столица Республики Дагестан.

⁶ *Лтев А.* «...И подготавливаются мною в учителя» / Дагестанская правда, №№ 287–289. – 2015. – 20 июня.

щанному военным врачом из Костемерева, в 1913 г. в одной из комнат резиденции военного губернатора Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре была открыта первая в истории региона краеведческая экспозиция, получившая название Дагестанского музея им. И.С. Костемеровского. В годы Гражданской войны многие его экспонаты были расхищены, оставшиеся стали основой созданного в 1920 г. Дагестанского народного музея.

По ревизским сказкам 1858 г., составленным в ходе последней в истории России 10-й ревизии податного населения, в селе Костемерово Скопинского уезда Рязанской губернии помещики Лихаревы, Кочубеи и Боклевские владели 24 домохозяйствами. В селе также насчитывалось 35 домохозяйств бывших однодворцев, ставших государственными крестьянами четвертного права. В распоряжении последних имелось 19 десятин (20,7 га) общественной и 530 десятин (579,7 га) четвертной земли¹. Из документов известны некоторые подробности владения местными землями и людьми накануне отмены крепостного права в России. В частности, в «Ведомости о переменах владельцев, произошедших по разным уездам» записано, что «дворовых людей и крестьян 42 души, с принадлежащей им землей» титулярный советник Павел Михайлович Лихарев получил «по раздельному акту» от поручицы Елизаветы Михайловны Лихаревой в январе 1857 г. В 1858 г. «в селах Костемирове и Питомше имение прежде было капитана Павла Юрьева Мальцева, а ныне по купчей крепости отошло губернской секретарше Варваре Павловой Боклевской, имение заключается в крестьянах, земле и господском доме»². По межеванию от 28 августа (8 сентября) 1864 г. титулярной советнице Боклевской при селе Костемерово принадлежало около 367 десятин (401 га) земли, в то время как, например, княжне Наталье Петровне Салтыковой – почти 170 десятин (185,3 га), титулярному советнику Павлу Михайловичу Лихареву – около 284 десятин (311,6 га), а государственным крестьянам – бывшим однодворцам Полян, Питомши, Костемерово, и Новобараково всем вместе – 312 десятин (340 га)³.

По сведениям 1859 г., в «Костимерове, селе владельческом и казенном при р. Вёрде», находившемся в 16 верстах от уездного города, насчитывалось 77 дворов, в которых проживали 321 мужчина и 310 женщин. В нем имела церковь православная и кирпичный завод⁴. Также при селе действовал винокуренный завод. «Рязанские губернские ведомости» в 1862 г. извещали: «Скопинский уездный суд объявил об уничтожении доверенности, засвидетельствованной оным судом 10 (22) августа 1861 г., данной Данковским 2-й гильдии купеческим сыном Иваном Сергеевым Пешковым скопинскому мещанину Алексею Иванову Кузнецову на управление Костемеревским винокуренным заводом, находящимся в Скопинском уезде»⁵.

После Крестьянской реформы 1861 г. имения многих помещиков начали приходить в упадок, а финансовые дела – расстраиваться. Эти проблемы коснулись и костемеревских землевладельцев. В 1864 г. в «Рязанских губернских ведомостях» среди объявлений о продаже с аукциона в Московской сохранной казне заложенных и просроченных имений появилось следующее: «...Губернской секретарши Варвары Павловны Боклевской, заложенное 3 марта 1849 г. в 6 221 руб. 55 коп., Рязанской губернии Скопинского уезда в селах Питомше и Костимерове. Земли в продаваемом имении значится 447 дес. 397 саж., в том числе в непосредственном распоряжении владелицы 320 дес. 397 саж. И в постоянном пользовании

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 74–75.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 322 об.

³ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, с. 22–23.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. – СПб., 1862. – С. 129.

⁵ Рязанские губернские ведомости № 45. – 1862. – 24 ноября.

крестьян, 64 душ, по уставной грамоте, 127 дес. Имение это по описи оценено в 8930 руб. сер. Торг назначен 11, в переторжке 15 числа декабря месяца 1864 г. в 11 часов утра. По условиям аукциона торги начинаются с остатка суммы, какая сохранной казне причиталась»¹.

Подробности выхода владельческих крестьян села Костемерова из крепостной зависимости по высочайшему Манифесту от 19 февраля 1861 г. известны лишь частично. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится: «Скопинск[ого]уезд[а]участка мир[ового]посредника Вердеревского с[ело] Костемерово наслед[ника] супруги надв[орного] совет[ника] Н.П. Кочубей, 18 д[уш]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины]; повинность оброчная. Грамота написана помещиком»².

Согласно переписи населения 1882 г., к этому времени практически все жители Костемерова стали полноправными крестьянами-собственниками, за исключением единственного двора бывших крепостных помещика Глазатова, остававшихся временнообязанными. В селе насчитывалось 117 домохозяйств, в которых проживали 349 мужчин и 340 женщин. Грамотой в селе владели 22 мужчины, в основном – бывшие государственные крестьяне четвертного права. У них же были и наиболее крупные земельные наделы. Бывшие крепостные владели небольшими участками от 1,8 до 2,7 десятины (от 1,96 до 2,9 га). Безземельных крестьян в селе не было, но многие семьи не могли себе позволить содержание лошади: в сельском обществе крестьян б. Лихарева таких было почти половина, в сельском обществе б. Боклевской – более 60 %, среди бывших крестьян четвертного права – ок. 40 %. В селе действовал кабак, принадлежавший бывшим четвертным крестьянам³.

Об условиях жизни и хозяйствования костемеревских крестьян в конце XIX в. свидетельствуют отчеты земского начальника 2-го участка надворного советника Тарасенко-Отрешкова о недоимщиках за 1895 г. Из них можно сделать вывод о том, что безлошадные бедняцкие хозяйства из числа бывших государственных крестьян четвертного права выживали в основном за счет занятий отхожими промыслами. Такой была, например, семья Павла Петровича Сукачева⁴, состоявшая из 6 душ мужского и 5 женского пола. Из них в трудоспособном возрасте находились 2 мужчин (от 18 до 60 лет) и 3 женщины (от 16 до 55 лет). Двое мужчин семьи периодически трудились чернорабочими. Достать средства для уплаты налогов иным способом не представлялось возможным. Семья владела 3 десятинами (3,3 га) пашни, 1 десятиной (1,09 га) усадебной земли, 4 десятинами (4,4 га) покоса и 1 десятиной выгона. Земля не удобрялась, и собиравшегося с нее урожая с трудом хватало для прокорма семьи. В 1894 г. Сукачевы посеяли озимых 12 пудов (1,92 ц), урожаем сняли 80 (1,28 т), яровых – 10 пудов (1,6 ц), собрали 40 (6,4 ц), картофеля – 20 пудов (3,2 ц), получили 80 (1,28 т). Также семьей было накошено 30 пудов (4,8 ц) сена. Семья держала корову и трех «мелких животных». Третья часть земельного надела семьи находилась в 5 верстах от дома. Приходившиеся на Сукачевых ежегодные налоги и сборы (включая плату за исполнение повинностей) составляли 16 руб. 66 коп. В неурожайные 1891–1893 гг. семье была выдана ссуда из частного продовольственного и губернского имперского фондов в виде 71 пуда 10 фунтов зерна (свыше 1,1 ц). Недоимки с семьи по состоянию на 1895 г. составляли 19 руб. 8 коп. по выкупным

¹ Рязанские губернские ведомости № 40. – 1862. – 3 октября.

² Рязанские губернские ведомости № 12. – 1863. – 23 марта.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 74–75.

⁴ Костемеревские крестьяне Сукачевы были обедневшими потомками петровских драгун и однодворцев XVIII в. Интересно отметить, что они являются предками и родственниками современного российского рок-музыканта Гарика Сукачева (р. 1959). Уроженцем села был отец артиста Иван Федорович Сукачев (1927–2004).

платежам (бывшие государственные крестьяне, как и помещичьи, должны были выкупать свою землю) и 23 руб 13 коп по продовольственным ссудам. Хозяйство Сукачевых, по мнению земского начальника, было расстроено по причине «накопления недоимок из-за условий хозяйствования». Для их взыскания применялась статья 44 Положения о крестьянах.

Другие крестьянские хозяйства и вовсе прекращали обрабатывать свой надел и не держали скота. Они существовали только за счет отхожих промыслов и отдачи земли в аренду, как семья бывшего государственного крестьянина Афанасия Алексеевича Сукачева, в которой числились 4 души мужского пола и 4 женского, из них в трудоспособном возрасте 2 мужчин и 3 женщины. Обложение семьи исчислялось по 3 ревизским душам. Двое крестьян уходили на заработки чернорабочими. Скота в хозяйстве не держали. Земля сдавалась в аренду, а состояло за Сукачевыми в общей сложности 25 десятин (27,3 га), из которых 2 (2,2 га) приходились на усадьбу и 1 – на выгон. За крестьянином А.А. Сукачевым числились недоимки по выкупным платежам за используемый надел – 11 руб. 48 коп., попавшие под рассрочку по закону от 7 (19) февраля 1894 г., и по продовольственным ссудам за минувшие голодные годы – 11 руб. 18 коп. Земский начальник делал о нем заключение: «Хозяйство не ведет, и как следствие – недоимки».

При отсутствии мужских рабочих рук у крестьянского хозяйства резко сужались возможности заработать в отходе. В этом случае его обитателям грозила настоящая нищета. За одинокой женщиной Александрой Дмитриевной Сукачевой числились 1 десятина усадебной земли, 4 десятины (4,35га) пашни, 8 десятин (8,7га) покоса и 1 десятина выгона. Вся земля сдавалась в аренду, не удобрялась и находилась на расстоянии 5 верст от ее дома. Скота крестьянка не держала. В неурожайные 1891–1893 гг. А.Д. Сукачевой была выдана ссуда из частного продовольственного и губернского имперского фондов – 26 пудов 18 фунтов (4,2 ц) зерна. Приходившиеся на нее ежегодные налоги и сборы составляли сумму 15 руб. 54 коп. При этом за ней числилось недоимок по выкупным платежам на 30 руб. 32 коп. и за продовольственную ссуду на 7 руб. 96 коп. Конечно, погасить эти долги она могла лишь ценой собственного полного разорения. Не лучше обстояли дела и в семье Аграфены Никитичны Гальцовой, состоявшей из 3 женщин (из них 2 трудоспособного возраста). Обложение семьи исчислялось по 2 ревизским душам. Она владела 5,5 десятины (6 га) пашни, 2 десятинами (2,2 га) усадебной земли, 7 десятинами (7,6 га) покоса и 1 десятиной выгона. Треть этой земли находилась на расстоянии 5 верст от селения. В 1894 г. Гальцовы посеяли озимых 25 пудов (4 ц), получили урожай в 160 (2,56 т), яровых – 20 пудов (3,2 ц), собрали 90 (1,44 т), картофеля – 20 пудов (32 ц), получили 80 (1,28 т). Также семьей было накошено 50 пудов (8 ц) сена. Из скота семья держала 2 «мелких животных». Приходившиеся на Гальцовых ежегодные налоги и сборы составляли 22 руб. 28 коп. В неурожайные 1891–1893 гг. была выдана ссуда из частного продовольственного и губернского имперского фондов – 44 пуда 10 фунтов (более 7 ц) зерна. При этом накопленные недоимки были для семьи неподъемными – по выкупным платежам они составляли 32 руб. 37 коп., а по продовольственным ссудам еще 18 руб. 17 коп. В качестве побуждения для оплаты к Гальцовым применялась статья 64 Положения о крестьянах.

В иных семьях, где даже и был мужчина, поднять хозяйство не получалось из-за таких затруднений, как преклонный возраст основного работника, безлошадность, малоземелье и удаленность наделов. Семья Ивана Кондратьевича Удачина состояла из 3 мужчин и 2 женщин (из них в трудоспособном возрасте 1 мужчина и 1 женщина). Оклад ее исчислялся по 1,5 ревизским душам. Всего во владении Удачиных находилось 3,8 десятины (4,14 га) пашенной и усадебной земли, 5 десятин (5,5 га) покоса и 1 десятина выгона. Треть этой земли находилась в 1 версте от селения. Скота семья не держала. В неурожайные 1891–1893 гг. Удачиным была выдана ссуда в размере 46 пудов 20 фунтов (ок. 7,5 ц) зерна. Приходившие-

ся на семью ежегодные налоги и сборы составляли 17 руб. 02 коп. Накопившиеся недоимки составляли по выкупным платежам – 11 руб. 8 коп., по продовольственным ссудам – 2 руб. 56 коп. Суммы, на первый взгляд, не такие уж большие, но земский начальник в заключении отмечал: «Хозяйство расстроенное». В качестве побуждения для оплаты к Удачным также применялась статья 64 Положения о крестьянах.

Наряду с бедняками, в Костемереве были довольно крепкие хозяйства, которые в последующую эпоху стали называть кулацкими. В них содержали до десятка и более лошадей и крупного рогатого скота, площадь земельных владений могла доходить до 50 десятин (54,5 га). Но многие из них, по оценке земского начальника, находились в довольно расстроенном состоянии, и в соответствии с Положением о крестьянах их хозяева несли наказания за несвоевременные платежи (вплоть до ареста). В зажиточном хозяйстве Петра Емельяновича Сукачева, наследника Емельяна Емельяновича Сукачева, проживали 5 мужчин и 1 женщина (из них в трудоспособном возрасте 2 мужчин и 1 женщина). Семья владела 29 десятинами (31,6 га) пашни, 2 десятинами (2,18 га) усадебной земли, 2 десятинами покоса и 1 десятиной выгона. В хозяйстве имелись 3 лошади, 3 коровы и мелкий скот. На пашню, располагавшуюся на расстоянии не более 5 верст от села, вывозились органические удобрения. В 1894 г. Сукачевы посеяли озимых 85 пудов (1,36 ц), получили урожай в 720 (11,5 т), яровых – 80 пудов (1,28 т), собрали 450 (7,2 т), картофеля – 100 пудов (1,6 т), получили 400 (6,4 т). Членами семьи было накошено 400 пудов (6,4 т) сена. Тем не менее даже такому хозяйству в неурожайные 1891–1893 гг. потребовалась семенная ссуда, по которой, правда, крестьяне полностью расплатились. Ежегодные платежи Сукачевых по налогам и сборам составляли 91 руб. 73 коп. При этом за ними оставалась недоимка по выкупным платежам в размере 157 руб. 38 коп. Для побуждения к ликвидации платежей к П.Е. Сукачеву применялась статья 64 Положения о крестьянах.

Семья бывшего государственного крестьянина Михаила Кондратьевича Удачина состояла из 7 мужчин и 7 женщин (из них в трудоспособном возрасте 4 мужчины и 1 женщина). Облагалась семья по 1,5 ревизским душам. В отхожих промыслах в качестве чернорабочего был 1 человек. Удачины владели 23,6 десятинами (25,7 га) пашенной усадебной земли, 1,5 десятины (1,6 га) покоса и 1 десятиной выгона, при этом арендовали дополнительно еще 2,9 десятины (3,2 га) пашни. Треть этой земли лежала в 1 версте от селения. В хозяйстве держали 5 лошадей, 6 коров, 15 мелких животных. В неурожайные 1891–1893 гг. Удачным была выдана ссуда из частного продовольственного и губернского имперского фондов – 19 пудов 5 фунтов (более 3 ц) зерна. Сумма приходившихся на семью ежегодных налогов и сборов составляла 68 руб. 56 коп. Недоимки: выкупных платежей 68 р 35 к. По мнению земского начальника, «хозяйство представляется расстроенным». К М.К. Удачину применялась статья 64 Положения о крестьянах.

Хозяйство Дмитрия Ильича Журавкина считалось зажиточным. На 4 мужчин и 3 женщин (из них в трудоспособном возрасте 1 мужчина и 1 женщина) приходилось 50 десятин (54,5 га) собственной пашни, 4,4 десятины (4,8 га) усадебной земли, 1 десятина сенокоса и 1 десятина выгона. Облагалась семья по 1 ревизской душе. За Журавкиными числились недоимки по выкупным платежам в сумме 10 руб. 20 коп. Хотя к ним и применялась статья 64 Положения о крестьянах, но земский начальник отмечал: «Хозяйство не расстроено, недоимщик живет исправно»¹.

Недоимки были проблемой не только костемеревцев, но и общей бедой всего пореформенного русского крестьянства. Основной его причиной было несоответствие окладов с до-

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 908, лл. 1–30, 96–114; д. 907, лл. 1–53.

ходностью наделов. Усиленное применение мер взыскания в виде принудительной продажи скота и крестьянского сельхозинвентаря лишь ослабляло платежную силу населения. Состоятельные же крестьяне, осознавая масштабы проблемы, нарочно не спешили расплачиваться с задолженностями, ожидая «милости с высоты престола». И расчет этот оказался отчасти верным: высочайшим Манифестом от 14 (26) мая 1896 г. по случаю коронации императора Николая II жителям губерний Европейской России были прощены накопившиеся к 1 января того года недоимки по государственному поземельному налогу.

По данным за 1905 г., в селе Костемерове насчитывалось 112 крестьянских дворов, в которых проживали 392 мужчины и 329 женщин. В селе действовали церковно-приходская школа, казенная винная лавка и кирпичный завод¹.

В декабре 1893 г. от епархиального начальства было получено разрешение на постройку в Костемерове каменного здания Покровской церкви². К этому времени в селе имелось кирпичное производство для местных нужд, где было два стола и двое рабочих³. Возведение кирпичного храма под железной крышей завершилось в 1906 г. Небольшое здание имело вид четверика с купольным сводом и трапезной. Строительство колокольни, похоже, было оставлено до лучших времен.

С начала 1910-х гг. в Покровской церкви села Костемерова служил священник Николай Павлович Перцев. К празднику Пасхи 1912 г. за свою пастырскую работу он был награжден скуфьей. При церкви появилась небольшая библиотека – в 1914 г. в ней насчитывалось 95 книг. В приходе храма состояли село Костемерово (118 дворов, 381 мужчина и 121 женщина), деревни Московка (42 двора, 120 мужчин и 121 женщина) и Кочугурки (60 дворов, 197 мужчин и 210 женщин)⁴.

По данным за начало 1908 г., в Костемерове в это время действовала одноклассная церковно-приходская школа, в которой было 48 учеников. В ней обучались также дети из близлежащих деревень Уланово и Ураково. В трех селениях в общей сложности насчитывалось 129 детей в возрасте от 8 до 11 лет⁵. В 1914 г. в костемеревской школе учились 56 мальчиков и 30 девочек⁶.

В 1915 г., во время Первой мировой войны, ряд приходов Скопинского уезда посетил преосвященный Амвросий⁷, епископ Михайловский и викарий Рязанской епархии. Обезьяная церковь Никольского, Вердерева, Булычева, Рождествина, Вослебова, Ермолова, Баракова, Городецкого и Шелемишева, владыка остановился и в Костемерове, где слушал церковный хор из числа учеников церковно-приходской школы. По просьбе священника Н.П. Перцева он посетил школу в селе и «ввиду ее ветхости предложил немедленно ее отремонтировать и затем возбудить ходатайство о постройке нового школьного здания»⁸.

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 614–615.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 23 (1 декабря 1893 г.). – С. 855.

³ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. – С. 42.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 573.

⁵ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 4–5

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 573.

⁷ О нем см. примечание к очерку «Ермолово».

⁸ Рязанские епархиальные ведомости № 15. – 1 августа. – 1915. – С. 608.

В 1917 г. в селе Костемерове Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывался 101 крестьянский двор, в которых проживали 352 мужчин и 338 женщин¹. Советская власть в селе, как и во всей Боровской волости, была установлена в декабре 1917 г. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В 1918 г. Костемерево вошло в состав Новобараковского сельсовета. В селе был образован комитет бедноты. Осенью 1918 г. от его действий пострадал священник Н.П. Перцев. Он был обвинен в неповиновении властям, которое выразилось в невыполнении приказа комбеда о возврате 22 пудов (3,5 ц) овса гражданину села Костемерева Бугуславскому, а также в антисоветской агитации, был арестован и содержался в Рязанской губернской тюрьме². 4 октября Рязанская губернская ЧК завела на Н.П. Перцева дело и направила его в следственную комиссию при Рязанском губернском Революционном трибунале.

Некоторые местные жители поддержали крутые меры новой власти. Так, «гражданин села Костемерева Андрей Иванович Стерликов» направил сельскому комбеду «прошение», в котором заявлял: «Прошу комитет бедноты принять самые инигричные меры к местному священнику Перцеву. Как таковой с начала октябрьской революции ведёт контрреволюционную агитацию против советской власти, возбуждая прихожан, что большевики запрут церковь, не допустят совершать таинства, в настоящее время переходит от слов к делу, в подтверждение выше изложенного, прошу вызвать и допросить свидетелей граждан Ивана Дмитриева Журавкина, Романа Федорова Ситникова, Андрея Федорова Зайцева. К сему и подписуюся: Андрей Иванович Стерликов»³.

Однако большинство жителей села придерживалось иного мнения. В протоколе сельского схода, собравшегося 16 октября 1918 г., «общество села Костемерева и деревни Московка» обратилось к Рязанской губернской ЧК с просьбой «сделать снисхождение нашему священнику Николаю Перцеву, потому что общество не замечало за ним, священником Перцевым, преступлений, и контрреволюционных слов он не выяснял»⁴. 31 октября 1918 г. Рязанская губернская ЧК ходатайствовала об освобождении священника из-под стражи⁵. 26 ноября священник был освобожден из тюрьмы под поручительство Василия Алексеевича Восходова⁶. Но окончательно дело в отношении костемеровского священника было прекращено Рязанским губернским Революционным трибуналом только 22 мая 1919 г.⁷ Дальнейшая судьба Н.П. Перцева неизвестна.

Примерно в это же время в селе возник культурно-просветительный кружок. Публикация в скопинских уездных «Известиях» одного из его членов от 1 мая 1919 г. ярко характеризует полярные настроения сельского общества: «В селе Костемирове Володарской волости больше месяца прошло с тех пор, как организовался культурно-просветительный кружок, правление которого, забывая о своих прямых обязанностях просвещения, заботится об улучшении жизни мироеда-попа»⁸. Просвещение никак не могло отменить народную забаву – «кулачные

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

² ГАРО, ф. Р-2639, оп. 1, д. 379, л. 9.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, л. 13.

⁵ Там же, л. 20.

⁶ Там же, л. 33.

⁷ Там же, л. 44.

⁸ Известия, № 26. – 1919. – 1 мая.

бои на Рождество: село Новобараково дерется с Костемировым, Ермолово с Дмитриевым и пр.» О них в 1925 г. уездная газета «Коллектив» писала с укоризной как о пустом времяпрепровождении¹. Но современникам было хорошо известно, что эти походы «стенка на стенку» нередко заканчивались гибелью кого-то из участников.

В первые годы советской власти Костемерево входило в состав Новобараковского сельсовета, к которому также относились села Новобараково, Старобараково, деревня Коноховка и поселок Полянские выселки. С отменой дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. Костемерево стало населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Эпохальным событием в жизни села стало создание в нем колхоза. В ноябре 1930 г., в день годовщины Октябрьской революции, в Костемерево образовалась инициативная группа, которая затем приняла устав сельхозартели. Первыми в нее вступили 6 середняцких-лошадных хозяйств, 9 бедняцких и 1 батрацкое².

К 1 января 1933 г. в костемеревском колхозе «Борьба» состояло уже 100 хозяйств. Его председателем был избран Иван Федорович Пушков (1886–?), один из первых сельских большевиков, исключенный из партии в 1929 г. за «искривление партийной линии, выразившейся в аренде школьного участка»³.

К осени 1933 г. в колхозе «Борьба» состояло уже 125 хозяйств. Из 561 члена колхоза было 250 человек трудоспособных. В колхозе отмечались случаи вредительства, но кто именно подкладывал в снопы куски железа, выведившие из строя молотилки, выяснить так и не удалось. В уборочную кампанию 1933 г. колхозу предстояло убрать озимые и яровые с 607 га, огородные культуры – с 10,3 га, сено – с 120 га. Денежные выплаты колхозникам за трудодни последовательно повышались. Если в 1932 г. каждый трудодень конвертировался в 65 коп., то в 1933 г. – уже 1 р. 40 коп. И это не считая продуктовой составляющей. В среднем на каждого колхозника в 1933 г. пришлось по 139 трудодней. Председателю было начислено 392 трудодня, счетоводу и завхозу по 313, помощнику счетовода – 88, работнику столовой – 26, пяти работникам ясель и площадок – 210, семи сторожам – 1097. На каждый трудодень выдавались еще по 4 кг ржи, 200 г пшеницы, 50 г овса, 1,2 кг проса, 678 г гороха, 191 г чечевицы, 1,3 кг свеклы, 31 г картофеля, 6,67 кг соломы. В колхозе работала кузница, в конюшне содержалась 61 лошадь, из них 55 рабочих. Сектор животноводства в «Борьбе» был развит слабо: МТФ не было, а на свиноферме были лишь 4 свиноматки⁴.

В 1935 г. Новобараковский сельсовет, в который входило Костемерево, был передан Желтухинскому району Московской области. В 1937 г. район вместе со всеми населенными пунктами вошел в состав новообразованной Рязанской области. В годы «Большого террора» несколько уроженцев села пали жертвами репрессий. Выходец из местной крестьянской семьи Дмитрий Семенович Ситников-Дамаскин (1884–1937) в 1903–1927 гг. монашествовал в Саровской обители, в 1926 г. упоминался в списках членов Саровской церковно-приходской общины как иеромонах. В 1935 г. его арестовывали как бродячего монаха, но вскоре освободили. В последние годы жизни Д.С. Ситников-Дамаскин был приходским священником храма в селе Бабино Первомайского района Горьковской области. Его арестовали в этом селе 28 октября 1937 г., а менее месяца спустя осудили по обвинению в антиколхозной агитации. Д.С. Ситников-Дамаскин был расстрелян в г. Горьком 16 декабря 1937 г.

¹ Коллектив, № 7. – 1925.

² Авангард, № 8. – 1930. – 15 ноября.

³ ГАРО, ф. П-44, оп. 1, д. 1, л. 8 об.

⁴ ГАРО, ф. П-44, оп. 1, д. 1, лл. 9–11, 26–30.

Федор Николаевич Шмыркин (1881–1938) до революции служил в полиции. В конце 1930-х гг. он проживал в подмосковном городе Орехово-Зуево и работал сторожем детско-го сада № 19. Ф.Н. Шмыркин был арестован 3 марта 1938 г. и четыре дня спустя осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в участии в «контрреволюционной группе бывших полицейских и жандармов, имевшей своей целью свержение советской власти и восстановление царского строя». Его расстреляли в Бутово 20 марта 1938 г. Вместе с ним погиб еще один костемеревец, живший в Орехово-Зуево – Николай Никифорович Удачин (1899–1938), фотограф артели «Бытовик». Его арестовали 5 марта 1938 г. и осудили по обвинению «в проведении антисоветской агитации». Оба они были реабилитированы посмертно в 1956–1957 гг.

В 1940 г. в костемеревском колхозе «Борьба» числились 65 трудоспособных женщин и 30 мужчин. Однако большая часть их на работу не выходила. Так, по сообщению желтухинской «Колхозной правды», 14 сентября работали 26 колхозников. Из 38 рабочих лошадей 12 не были использованы на работе. На корню стояло еще 50 га овса <...>, скошенная пшеница и овес не были заскирдованы, озимый сев сорван... Среди проблем хозяйства отмечался раздутый штат, т.н. «постоянных работников»: из 30 трудоспособных мужчин 20 были заняты на штатных должностях сбурышников, сторожей, пожарных и т.д.¹

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в «селе Костемерово» насчитывалось 180 строений. Село достигло пика своего развития: его западная и восточная околицы плотно примыкали к границам соседних населенных пунктов – села Новобаракова и деревни Московка.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. из жителей села более всех прославился гвардии старший лейтенант Василий Васильевич Удачин (1923–1980), заместитель командира эскадрильи 33-го гвардейского штурмового авиационного полка 3-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии 9-го штурмового авиационного корпуса 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта. За годы войны он совершил 111 боевых вылетов, лично уничтожил 1 самолет в воздухе (12 раз активно участвуя в воздушных боях), 2 самолета на земле, 9 танков, 1 паровоз, 24 вагона с грузом, 53 автомашины с грузом, 10 повозок с грузом, 1 ДЗОТ, 14 укрепленных пунктов, 2 автотранспортера, 3 бензоцистерны, 19 лошадей, 10 минометов, 38 орудий различных калибров, 2 склада с боеприпасами, свыше 320 солдат и офицеров противника. В группе В.В. Удачин участвовал в уничтожении 2 железнодорожных мостов и 2 переправ. Его боевой путь был отмечен тремя орденами Красного Знамени (1943, 1944, 1945), орденом Отечественной войны 1-й степени (1944), орденом Красной Звезды (1943). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм гвардии старшему лейтенанту В.В. Удачину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». После войны он продолжил службу в ВВС СССР, в 1958 г. вышел в запас в звании полковника. До конца своих дней В.В. Удачин жил в Одессе, где работал диспетчером аэропорта.

В послевоенные годы костемеревский колхоз «Борьба» был объединен с новобараковской сельхозартелью «Авангард». К 1958 г. в этот колхоз были влиты все сельхозартели Новобараковского сельсовета, а его центральная усадьба перенесена в Костемерево. Хозяйство получилось крупным и сильным.

22 мая 1957 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев в выступлении на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР выдвигал

¹ Колхозная правда, № 107. – 1940. – 18 сентября.

нул лозунг «Догнать и перегнать Америку!» по всем экономическим показателям и предложил за три года утроить производство мяса в стране. На основании этих тезисов руководство Рязанской области поставило перед местными колхозами задачу удвоения производства мяса, молока и другой сельхозпродукции в течение ближайшего года. В частности, в колхозе «Авангард», согласно утвержденным планам, к началу 1959 г. должно было быть 600 голов крупного рогатого скота, в том числе 160 коров, 400 свиней, 650 овец, 2500 голов птицы, а урожай зерновых – не менее 11,5 ц с га. Для выполнения этого плана правление колхоза приняло решение закупить в хозяйствах колхозников 180 телят для пополнения стада и на мясо¹. Но грандиозные планы партийного руководства явно не соответствовали экономическим возможностям региона. При всех усилиях, вместо утвержденного правлением колхоза показателя в 620 телят к концу 1958 г., в двух колхозных телятниках к сентябрю удалось собрать лишь 271 теленок. На костомеровской ферме их было 163. При гонке за выполнением плановых показателей не обращали внимания на реальные условия содержания скота, в результате его падеж был высоким. Так, накануне приезда в колхоз рейдовой бригады для проверки выполнения плана на ферме пало 17 телят. В самый момент ее появления на ферме пал еще один теленок, и 12 были найдены в крайне истощенном состоянии. Причины такой вопиющей ситуации крылись не столько в недостатке кормов, сколько в отношении к делу телятниц председателя колхоза Волобоева. На ферме этого же колхоза в Полянах содержали 108 телят. Там было совсем другое отношение к скоту – работницы фермы Е. Волкова, Н. Липатова, А. Гусарова и У. Томина трудились с душой, но даже при всем их старании выйти на запланированный рубеж колхоз не сумел². Эта иллюстрация показывает, что еще накануне печально знаменитого «рязанского чуда», когда вследствие попытки фальсифицировать выполнение волонтаристски завышенных планов производства мяса в 1959–1960 гг. сельское хозяйство Рязанской области было серьезно подорвано на несколько лет вперед, ситуация в отдельных хозяйствах области была удручающей. Многое, как и всегда, зависело от человеческого фактора, а подобрать адекватные кадры на ключевые должности получалось далеко не всегда.

В апреле 1960 г. колхоз «Авангард» Новобараковского сельсовета вошел в совхоз им. В.И. Чапаева Шелемишевского сельсовета³. После разукрупнения совхоза им. В.И. Чапаева в соответствии с приказом № 43 от 26 февраля 1971 г. по Рязанскому областному управлению сельского хозяйства его инфраструктура в Костомерево стала частью шелемишевского совхоза «Нива»⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Костомерево вошло в Шелемишевское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в нем в это время постоянно проживали 41 человек – 26 мужчин и 15 женщин.

---

¹ Скопинский шахтер, № 18. – 1958. – 9 февраля.

² Скопинский шахтер, № 102. – 1958. – 27 августа.

³ Архив Скопинского района, ф. 373, л. 1.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 462, лл. 1–2.

КОЧУГУРКИ

деревня

(городское поселение Побединское)

Деревня Кочугурки появилась на землях Рязского уезда в первые годы XVIII в. Ее изначальное название – деревня Андреевская – указывало на имя основателя – местного помещика майора Андрея Васильевича Волкова. Второе название – Кочугурки – объясняется пересеченным характером окрестной местности. По Толковому словарю В.И. Даля, его можно трактовать как «кочки»: «кочура ж. *ряз.* кочка. || ...Кочегуры ж. мн. кочегуры; кочегурник, кочегур м. *южн.* буерак, мелкие и частые овражки; песчаные холмы и бугры, бугорник»¹. Эта особенность окружающей деревню местности была очевидна еще во 2-й пол. XIX в. Неизвестный член Рязанской губернской земской управы, ревизовавший Скопинский уезд в 1875 г., описывал ее следующим образом: «От Скопина местность идет небольшими перевалами, а за Чулковым и к д. Кочугуркам перерезывается глубокими оврагами. Здесь сильно бросается в глаза отсутствие лесов, истребленных в недавнем прошедшем, места ровные заняты пахотными полями, а на бугроватых и теперь растет кустарник»².

Первое документальное упоминание о деревне содержится в переписной книге 1716 г. В ней деревня «Андреевская, Кочугурки тож» записана «за майором Андреем Васильевым сыном Волковым». В деревне находился «двор ево помещиков, и в нем дворовые люди, мужска полу пять, да женска полу два, обоих полов семь человек, да скотников, мужска полу один да женска полу один, обоих полов два человека, да конюхов, мужска полу три, женска полу два, да крестьянских четыре двора, в них людей мужска полу тридцать один, да женска полу двадцать два, обоих полов пятьдесят три»³.

По переписной, окладной книге и ревизским сказкам 1719 и 1722 гг., деревня была собственностью «вдовы Авдотьи Карповой дочери Андреевской жены Волкова, приказного ее человека Степана Иванова сына Лодыгина» и старосты Пантелея Игнатьева. В «деревне Андреевской, Кочугурки тож», по-прежнему находился «двор помещиков, а в нем приказной человек». Всего в подушном окладе числилось 92 крестьян и дворовых, 9 новорожденных жителей деревни числились «неокладными». Все они проживали в четырех крестьянских дворах⁴.

По 2-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1744–1745 гг., деревня все еще числилась владением «вдовы майорши Авдотьи Карповой дочери Андреевской жены Волковой». По окладу за ней состояло 145 мужских душ дворовых людей и крестьян⁵.

Следующий помещик Кочугурок упоминается в 1756 г. По поводу указа императрицы Елизаветы Петровны о борьбе с ворами и разбойниками из поместья было отписано: «Рязского уез-

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 2. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 152.

² Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. – С. 510.

³ РГАДА, ф. 350, ч. 3, д. 350, л. 180.

⁴ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 719, 727, 731.

⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 235, 243.

ду Мошенского разъезду деревни Кочугурки помещика Лейб-гвардии Преображенского полку Федора Иванова сына Козлова, старосты ево Романа Иванова, той деревни обыватели, присланной из Ряской воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии указа императрицы, иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматривании о поимке злодеев – слышали, и по оной исполнять во всем непременно, в чем и подписуемся»¹.

Во 2-й пол. XVIII в. Кочугурки упоминаются уже как помещичье сельцо, состоявшее в едином неразделенном владении с близлежащим сельцом Пупки (которое следует отличать от находившегося в той же стороне села Пупки). В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., описываются «сельцы Пупки и Кочугурки общего владения лейб-гвардии капитанши-поручицы Ольги Ивановой дочери Козловой с детьми ее; прапорщика Ивана Терентьева, дворянина Василия Савина, капрала Ивана Романова детей Фроловых-Багреевых; помещицы Крестины Ивановой дочери Мисюревой; майорши Натальи Васильевой дочери Конкоровой, секунд-майора князя Федора Федоровича Волконского; Дмитрия Васильева сына Лихарева; секунд-майорского рангу экипажмейстера Михайла Петрова сына Бычкова; полковников Алексея Алексеевича Вердеревского, Якова Яковлева Беклемишева жены его Ульяны Александровны; капитана Ивана да подпоручиков Василья и Петра Степановичей Рославлевых; бригадира Ивана Ивановича, поручика Петра Александровича Вердеревских; прапорщика Никиты Семенова сына Бунина и тех селений однодворцев и казенного ведомства деревни Велемьи». Деревня Кочугурки располагалась «на берегу речки Брусны по течению на правой стороне». В ней стоял «дом господский деревянный помещиков...»² В Кочугурках насчитывалось 35 дворов, в которых проживали 148 душ мужского пола и 150 – женского. При двух селениях имелось 1643 десятины 718 сажений (1791 га) пахотной земли, 131 десятина 1200 сажений (144 га) покосов, 684 десятины 1600 сажений (746,3 га) леса, и 44 десятины 1420 сажений (48,6 га) «неудобий»³.

На чертеже (плане) Генерального межевания 1779 г. видно, что сельцо Кочугурки располагалось вдоль правого берега р. Большой Брусны близ места впадения в нее р. Малой Брусны. Южная околица деревни упиралась в овраг Гнилище, по дну которого протекал впадавший в Малую Брусну ручей. Овраг и Малая Брусна ограничивали сельцо с юга и запада, Большая Брусна – с севера. Сельцо представляло собой единственную прямую улицу длиной ок. 200 сажений (432 м), начинавшуюся напротив места слияния рек. Ее создавали два противоположащих порядка крестьянских изб. Господский дом с хозяйственными постройками и часовней находился в центре порядка, протянувшегося вдоль берега Большой Брусны. Усадебный дом стоял несколько в глубине порядка, а часовня – вровень с избами. Около господского дома имелся пролет с выходом к реке. Расположенный напротив, дальний от реки порядок был разделен на три равные части двумя пролетами⁴.

Согласно межеванию от 14 (25) июня 1787 г., к сельцу Кочугурки гвардии капитан-поручицы Ольги Ивановны Козловой было приписано также Дикое поле – земельная дача в нескольких верстах к югу от сельца, имевшая площадь 223 десятин (243 га)⁵.

По окладной книге о числе поселян помещичьих имений 1816 г., за майором Петром Федоровым сыном Козловым в сельце Кочугурки числилось 216 душ⁶. Дочь помещика Оль-

¹ РГАДА, ф. 566, оп. 1 ч. 2, д. 91, л. 20.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, лл. 20-20 об.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 29.

⁴ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, П-14 кр.

⁵ РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 1, с. 5 об.

⁶ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 76 об.

га Петровна (1813–1891) вышла замуж за корнета князя Андрея Павловича Мещерского (1802–до 1852) и вскоре сама стала хозяйкой имения.

По окладной книге 1834 г., в сельце Кочугурки корнетши княгини Ольги Петровны Мещерской проживали 208 душ поселян и 41 дворовый человек¹. В 1850 г. за ней числились в окладе 170 мужских крепостных душ и 28 дворовых². По сведениям за 1859 г., в Кочугурках, «сельце владельческом при р. Брусне», проживали 220 мужчин и 225 женщин³.

Освобождение местных крестьян от крепостного права в 1861 г. не обошлось без эксцессов. В самый год крестьянской реформы – 10 (22) мая 1861 г. – временнообязанные крестьяне княгини О.П. Мещерской из ее имений в Кочугурках и Немерове отказались выполнять в ее пользу барщинные работы, предусмотренные Положением о крестьянах от 19 февраля 1861 г. Для их приведения крестьян имений княгини к покорности властям были посланы уездный исправник и пристав⁴.

При образовании в Скопинском уезде волостей в 1861 г. Кочугурки были включены в Чулковскую волость, позднее переведены в Князевскую. Очевидно, к концу 1860-х гг. здешняя усадьба пришла в запустение и исчезла, поскольку в следующем десятилетии Кочугурки лишаются статуса помещичьего сельца и в дальнейшем упоминаются исключительно как деревня.

В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1864 г., значится «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Александровского с[ель] ца Кочугурок княгини О.П. Мещерской 180 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 666 саж[еней]; 53 души отправляют повинность издельную, 27 душ оброчную. Грамота написана помещицей»⁵.

В 1875 г. в деревне Кочугурки «б. княгини Мещерской» проживали 175 мужчин и 178 женщин. Сокращение населения по сравнению с данными 1859 г. объясняется, видимо, тем, что в 1860-х гг. к юго-западу от деревни были основаны Кочугуровские выселки, куда переехала часть ее жителей – поближе к своим земельным наделам. Сельское общество Кочугурок не считалось бедным, но и за ним числилась недоимка по уездному земскому сбору за 1875 г.⁶ Вследствие пересеченного характера окрестной местности постоянной бедой жителей были пути сообщения. Например, из-за оврагов не существовало прямой дороги из деревни в волостной центр – село Чулково, так как их «приходилось далеко объезжать»⁷. Особенно проблемным становилось сообщение с деревней во время половодья – несколько дней в году она оказывалась полностью блокированной водой. Ревизор Рязанского губернского земства в 1875 г. отмечал: «Через реку Брусну делали каждую весну мост, который ежегодно сносило водою, но нынешний (1875) год по малому разливу он уцелел»⁸. Мост имел для жителей важнейшее значение. Неизвестный ревизор сообщал: «...У кочугуровского общества было 410 десятин (447 га) и один участок в 85 десятин (92,6 га) за рекою Брусною, куда

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 118 об-119.

² ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 199 об-200.

³ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. – СПб., 1862. – С. 131.

⁴ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967. – С. 108–109.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 10. – 1864. – 7 марта.

⁶ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спаского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. 7.

⁷ Там же, С. 511.

⁸ Там же, С. 517.

не было вовсе прогона для скота и куда, понятно, навоз совсем не вывозился»¹. Последнее негативно сказывалось на плодородии почв, а следовательно, и на доходах самих крестьян.

Несмотря на это важное обстоятельство, решить проблему со своим мостом через р. Брусну крестьяне из Кочугурок почему-то не спешили. Он оставался головной болью местных жителей и 35 лет спустя. В 1909 г. кочугуровские крестьяне в очередной раз ходатайствовали перед Скопинским уездным земским собранием о постройке через их реку моста, который «периодический во время половодья сносило». Уездное земство отказало им в просьбе, сославшись при этом на то, что «дорога малопроезжая, соединяет только Кочугурки с Князевско-Займище, и крестьяне д. Кочугурок очень состоятельные, могут сами построить»².

В то же время р. Брусна была для некоторых жителей деревни в буквальном смысле слова кормилицей. В сведениях за 1893 г. отмечается, что на ней стояла водяная мельница, принадлежавшая крестьянину Терентию Григорьевичу Лаврухину. Близ нее находилась и ветряная мельница, принадлежавшая ему же³.

В «Списке населённых мест Рязанской губернии» за 1905 г. деревня фигурировала под названием «Кочугурги, Старый поселок тож» Князевской волости (в отличие от поселка Нового – Кочугуровских выселок). При р. Брусне в это время стояли 55 дворов, которые населяли 325 жителей. При деревне работали ветряная мельница, шерстобитка, просорушка и водяная мельница крестьянина Лаврухина⁴.

Школа в деревне появилась только в начале XX в. Документы Скопинского уездного земства свидетельствуют о том, что «в уездную управу поступили приговоры общества крестьян деревни Кочугурок 1 ноября и 26 декабря 1906 г., в которых общество ходатайствовало об открытии земской школы и просило 1300 рублей», однако земство нашло только 1000 рублей, поэтому со строительством решили повременить⁵. В 1908 г. в деревне Кочугурки, население которойросло уже до 349 человек, своей школы еще не было⁶. Появилась она только год спустя. Ее попечителем стал местный состоятельный крестьянин Ларион Алексеевич Фетисов⁷. В сведениях за 1916 г. земская школа в Кочугурках значилась однокомплектной трехклассной⁸.

В 1917 г. в деревне Кочугурки Князевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 60 дворов, в которых проживали 204 мужчины и 208 женщин⁹.

Советская власть в деревне, как и повсюду в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1918 г. в Кочугурках появился свой сельсовет. На его территории на небольшом расстоянии к юго-востоку от деревни в 1920-х гг. был основан поселок Первомайский. В середине 1920-х гг. Кочугуровский сельсовет был включен в состав укрупненной Побединской волости.

¹ Доклады, с. 514.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года. Скопин, 1909. – С. 319.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, л. 18 об.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 632–633.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 1 марта 1907 года. – Скопин, 1907. – С. 9.

⁶ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 22–23.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII созыва. – Скопин, 1912. – С. 273.

⁸ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 174.

⁹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 146.

В 1920–1921 гг. разоренная Гражданской войной Советская Россия пережила сильную засуху и масштабный голод в Поволжье, который отразился на продовольственной ситуации и в других регионах. Для борьбы с ним был создан общественный Всероссийский комитет помощи голодающим. Несмотря на то, что в последующие годы ситуация с продовольствием в стране улучшилась, общественные организации продолжали оказание помощи проблемным областям страны. Не секрет, что в любом месте и в любые времена встречаются «хваткие» дельцы, готовые при первой возможности нажиться на чужой беде. Нашлись такие и в Кочугурках. Как сообщила в 1925 г. скопинская уездная газета «Коллектив», в деревне Кучугурки Побединской волости «местный помголод с сельсоветом рожь для голодающих вешали. Всего пришлось распределить 250 пудов (4 т), а при проверке гирь оказалось, что они с дырками, и не хватает в них 58 золотников (почти по 250 г в каждой. – *Примеч. авторов*)»¹.

Коллективизация пришла на скопинские земли еще в конце 1920-х гг. В 1928 г. в Скопинском уезде Рязанской губернии были зарегистрированы Залесно-Чулковский совхоз, который принадлежал Скопинскому земуправлению, и 6 кооперативных объединений крестьян в форме товариществ по совместной обработке земли и машинных товариществ. Среди них было машинное товарищество «Верное начинание» из деревни Кочугурки. Оно объединило 14 бедняцких и середняцких хозяйств. За первый год работы «Верного начинания» были приобретены сеялка, веялка, плуги. Работа товарищества показывала крестьянам преимущества коллективного труда. На 15 мая 1929 г. в уезде уже работали 11 сельхозартелей, машинных товариществ и товариществ по совместной обработке земли. Еще одно машинное товарищество было организовано в селе Казинка («Новый путь»). Товарищества по совместной обработке земли были созданы в селах Петрушино («Красная звезда») и Ильинка («Культурный путь»), в деревнях Свинюшки (им. М.И. Калинина) и Новиково («Дружба») а также в поселке Отрада («Отрада»)². Но даже в небольшой деревне нововведение не обошлось без сопротивления бывших «хозяев жизни». В 1929 г. от рук местных кулаков погиб активист-организатор товарищества комсомолец Михаил Степанович Калинин (1899–1929). Впоследствии его именем был назван деревенский колхоз.

В 1929 г. старое административное деление на волости, уезды и губернии ушло в прошлое. Кочугурки стали населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В соответствии с постановлением ВЦИК от 10 декабря 1932 г. Кочугуровский, Кочугуро-Высельский и Ольшанский сельсоветы были переданы Милославскому району.

«Вторым актом» коллективизации в деревне стала организаций в ней сельхозартели им. М.С. Калинина в 1931 г. К концу 1932 г. в ней состояли 66 хозяйств – 80 % деревенских дворов. Урожай ржи в новом колхозе составил 14,2 ц с га против 10,2 в 1931 г., овса – 6,5 ц против 5,8, огурцов – 11,4 ц против 8,4. В колхозе имелась пасека на 102 улья и свиноферма, где содержали 64 свиньи³.

В 1933 г. кочугуровские колхозники рапортовали: «Колхоз им. Калинина Кочугуровского сельсовета 13 апреля закончил сев овса. Всего засеяно 94 га. План выполнен полностью. Председатель правления колхоза Корякин. Предсельсовета Ершов. Представитель шефа Ахматов»⁴.

¹ Коллектив, № 78. – 1925.

² Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Милославского и Чернавского районов. Тула, 1930. – С. 47–49.

³ Побединский ударник, № 208. – 1932. – 16 октября.

⁴ Колхозная трибуна, № 32 – 1933. – 16 апреля.

До 1934 г. в колхозе им. М.С. Калинина отмечалось немало злоупотреблений, связанных с тем, что власть в нем захватили прежние «лучшие люди» деревни – кулаки, заинтересованные в том, чтобы начинания новой власти на селе терпели крах. С теми, кто был с ними не согласен, особо не церемонились. Например, в 1932 г. кочугуровский колхозник Ф.Е. Корякин, крестьянин-середняк, был исключен из колхоза только за то, что подал заявление в прокуратуру о безобразиях в колхозе, «назвав убой племенной телки, израсходование овса не по назначению – фактами преступного разбазаривания колхозного имущества»¹. К самим себе руководители местного колхоза были менее требовательны. Известен такой случай, произошедший в том же 1932 г.: «Бригадиры кочугуровского колхоза им. Калинина Кондрашин и Тихонов украли мешок колхозной ржи и передали до поры конюху Клейменову. Случайно мешок был обнаружен сторожем конюшни. В присутствии председателя сельсовета был составлен акт, вскоре после этого брат Ф.Ф. Тихонова зашел к конюху и потребовал 50 рублей, добавив при этом, что если тот согласится, то дело будет заглажено»². Впоследствии выяснилось, что Тихонов имеет темное прошлое и привлекался к суду за растрату. Выездной сессией Скопинского районного народного суда Кондрашин и Тихонов были приговорены к 10 годам заключения в концентрационном лагере с конфискацией всего имущества³.

В поселке Первомайском Кочугуровского сельсовета в годы коллективизации был создан колхоз «Труд». Там тоже не все поначалу получалось гладко. Например, в 1932 г. был отмечен подозрительный случай единовременного падежа 25 лошадей. Случались и другие инциденты: «В сентябре 1932 г. председатель колхоза «Труд» Корнеев застал на колхозном огороде крадущую картофель единичницу Аленину Елену, но из-за родственных отношений дело на нее в суд не передал и даже не составил акт. Своих родственников он посылал на легкие и хорошо оплачиваемые работы. Колхознице Корнеевой Евдокии он заявил: «Через тебя у нас организовался колхоз, если бы не вы, не мучился бы с вами»⁴.

В 1930-х гг. селькоры газет откровенно и в духе самокритики писали об уродливых проявлениях повседневной жизни, стремясь сделать жизнь своих сограждан лучше через привлечение общественного внимания к имевшимся проблемам. Например, в 1934 г. газета «Колхозная трибуна» сообщала: «Председатель Кочугуровского сельсовета Г. Ершов присвоил уголь, предназначенный для отопления школы. Часть угля Ершов роздал своим родственникам: 4 воза Н. Калинину, 2 воза П. Ашарину и 2 воза Е. Фетисову. В результате этого школа осталась без топлива, что угрожает срывом учебных занятий»⁵. И несколько месяцев спустя: «Продавцом Кочугуровского отделения сельпо работает Д.П. Корякин, который занимается обвешиванием потребителей и пьянствует на глазах всех колхозников. На днях в отделение сельпо поступила в продажу рыба. Приходит покупать рыбу Соловьев. Корякин вешает на весах 1 кг рыбы, после этого свешенная рыба в количестве 1 кг была перевешена, и там оказалось только 800 гр. 1 октября Корякин напился пьяным, свалился спать прямо в магазине. Прокурор должен привлечь к строгому ответу Корякина, который творит безобразия, оставаясь безнаказанным»⁶.

Атмосферу отчетного собрания Кочугуровского сельсовета в 1936 г. передает корреспонденция селькора «Колхозной трибуны» Плетушкова: «Делая доклад на отчетном собрании

¹ Побединский ударник, № 189. – 1932. – 22 сентября.

² Побединский ударник, № 175. – 1932. – 5 сентября.

³ Побединский ударник, № 193. – 1932. – 27 сентября.

⁴ Побединский ударник, № 181. – 1932. – 12 сентября.

⁵ Колхозная трибуна, № 38. – 1934. – 18 марта.

⁶ Колхозная трибуна, № 214. – 1934. – 25 октября.

Кочугуровского сельсовета, тов. Корякин заявил: «Пункт наказа избирателей по электрификации колхозных дворов, сельского совета и избы-читальни депутатами выполнен». Вопрос о «лампочке Ильича» частенько подвергался обсуждению сельского совета. Упорство, настойчивость позволили сельсовету справиться и с этой задачей. Кочугурки обновились. В осеннюю темную ночь пучки яркого света бороздят колхозную улицу. Изба-читальня неузнаваема. От проведенного ремонта и яркого электрического света она помолодела. Стены ее украшены лозунгами, плакатами и портретами вождей. На одной из стен в резной рамке под стеклом находится акт проверочной комиссии по выполнению наказа избирателей. Сцена уставлена стульями и столами. На одном из столов среди цветов и красных знамен высится бюст Владимира Ильича. Все выглядит по-праздничному: сцена, стены избы-читальни и колхозники, пришедшие в новых костюмах на отчетное собрание. Особенно отличаются девочки. От их костюмов льет всеми цветами радуги. Пока подходили на собрание избиратели, в избе-читальне играл патефон, слышался веселый говор и смех колхозников. Регистрационный стол работал усиленно. Вот уже 100 %. И собрание началось отчетным докладом председателя сельского совета. В прениях выступило 8 человек. Покритиковали неплохо. Не обошлось и без похвал. Избиратели благодарили сельский совет за электричество. Работа кочугуровцев не пропала даром. Их труды окупились с лихвой, когда работа депутатов была признана удовлетворительной»¹.

В 1937 г. Кочугурки вместе с другими населенными пунктами Милославского района были переданы из Московской области в новообразованную Рязанскую. Вернули Кочугуровский сельсовет в Скопинский район, видимо, только в 1941 г. Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Кочугурках насчитывалось 92 строения, в поселке Первомайском – 51.

Накануне Великой Отечественной войны председателем колхоза им. М.С. Калинина стал В.Г. Юдаев. Летом 1941 г. под его руководством прошла уборка первого урожая военного времени. Рожь и пшеницу убрали уже к 16 августа. «Убирали тремя жатками и вручную, ежедневно работало 40 косцов с крюками». Средний урожай зерновых составил около 16 ц с га. «Работали на уборке все – старые и малые»².

В тревожную военную пору, 27 октября 1941 г., в семье жителей деревни Кочугурки Николая Афанасьевича и Анны Николаевны Егоровых (он был шахтером, она – секретарем Кочугуровского сельсовета) родился сын Вячеслав. Много лет спустя историк и краевед Вячеслав Николаевич Егоров стал одним из основателей Скопинского краеведческого музея, почетным гражданином города Скопина (2007).

В ноябре–декабре 1941 г. Кочугурки на короткое время оказались на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. В окрестностях деревни действовали передовые отряды и группы разведки как нацистов, так и советских войск. Еще до официального начала советского контрнаступления в битве под Москвой, 28 ноября 1941 г. город Скопин был освобожден от оккупантов решительным ударом батальона морской пехоты из состава 84-й отдельной стрелковой бригады. Немцы отошли на запад, но еще в начале декабря разведка противника периодически выдвигалась на дальние подступы к деревне. 6 декабря 1941 г. рядом с Кочугурками дислоцировался пост ВНОС 1166-го стрелкового полка 346-й стрелковой дивизии. О ситуации в окрестностях деревни штаб полка докладывал: «Действует разведка противника в составе одной автомашины, ежедневно появляется с

¹ Колхозная трибуна, № 124. – 1936. – 2 октября.

² Сталинец, № 131. – 1941. – 17 августа.

13.00 до 14.00»¹. С началом советского контрнаступления 6 декабря 1941 г. передовой отряд дивизии – 1-й батальон 1166-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Дядина, находившийся в Побединском, выступили по маршруту Первомайское – Кочугурки – Кочугуровские выселки – разъезд Топилы. За ним вскоре двинулись на запад и другие части дивизии².

Летом 1942 г. колхозники сельхозартели им. М.С. Калинина вновь вышли убирать урожай. По чрезвычайным обстоятельствам военного времени, косили рожь не только крюком, но и серпами. «В основном женщины и старики. Матюшин Филипп Андреевич, 65 лет, самый лучший колхозник, еще на севе он выполнял в день по две с половиной нормы, и 70-летний Н.К. Карякин, норму превысил. Не только руководили, но и сами непосредственно работали все бригадиры»³. Бригадиры колхоза им. М.С. Калинина Кочугуровского сельсовета А.И. Ромахина, П.Г. Калинин, В.И. Алимов, А.М. Тихонова под руководством своего председателя В.Г. Юдаева боролись за урожай зерновых 13 ц с га⁴. Секретарь Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостин отмечал: «Хорошо работают в колхозе им. Калинина Кочугуровского сельсовета Нуждова Варвара, Асташкина Елена и Дворянкина Федосья. Пока одна косит, другая собирает, а третья вяжет. Потом меняются местами и так работают без отдыха с 5 часов утра до позднего вечера, скашивая по 0,75 гектара»⁵.

В то время как кочугуровские колхозники трудились в тылу, немало уроженцев села сражалось на фронтах Великой Отечественной. Лейтенант Василий Евдокимович Тихонов (1921–?) был кадровым офицером-танкистом РККА с 1940 г., воевал на Западном, Северо-Кавказском и Южном фронтах, участвовал в Сталинградской битве. В декабре 1942 г. командир машины 134-го танкового полка лейтенант В.Е. Тихонов был награжден медалью «За отвагу» за то, что «во время боя 12 декабря 1942 г. уничтожил 1 пулеметный расчет противника и раздавил гусеницами свыше 25 отступавших немецких солдат»⁶. Свой следующий подвиг старший лейтенант В.Е. Тихонов, командир танкового взвода 134-го танкового полка, совершил 8 сентября 1943 г. в бою под украинским селом Павлополь. «Командованием полка была дана задача ст. лейтенанту тов. Тихонову занять высоту 85,8 для прикрытия продвижения пехоты. Поставленную задачу тов. Тихонов выполнил блестяще. Умело маневрируя, взвод танков занял высоту и держал ее до подхода пехоты, несмотря на губительный огонь противника. Танк, на котором находился В.Е. Тихонов, был подбит и Тихонов тяжело ранен, но продолжал борьбу. Им была подбита пушка ПТО и уничтожено 8 гитлеровцев. Тов. Тихонов покинул свой танк только тогда, когда его охватило пламя»⁷. В октябре 1943 г. находившийся на лечении в госпитале в Ростове-на-Дону офицер был награжден орденом Красной Звезды. По возвращении в строй В.Е. Тихонов по представлению маршала бронетанковых войск П.С. Рыбалко стал адъютантом маршала бронетанковых войск Я.Н. Федоренко. В этом качестве он принимал участие в Параде Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г. В послевоенные годы В.Е. Тихонов работал в управлении ЖБИ, в 1970–1980-х гг. принимал участие в строительстве Байкало-Амурской магистрали и был награжден медалью «За строительство БАМа». До конца своих дней он прожил в Москве.

¹ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 11.

² ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 24.

³ Сталинец, № 60, – 1942. – 2 августа.

⁴ Сталинец, № 21, – 1942. – 18 марта.

⁵ Сталинец, № 61, – 1942. – 6 августа.

⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 682526, д. 652, л. 242.

⁷ ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 251, л. 14.

В 1954 г. Кочугуровский сельсовет был объединен с соседним Секиринским. К 1966 г. на его территории располагались села Секирино, Большак, Отрада, деревни Кочугурки и Первомайская, в которых действовали 1 средняя и 2 начальные школы, Дом культуры, клуб, библиотека, медпункт¹.

В 1959 г. в Кочугурках родился внук М.С. Калинина – Николай Анатольевич Калинин, Заслуженный учитель Российской Федерации (2004), с 2006 г. возглавляющий Управление образования и молодежной политики администрации муниципального образования «Городской округ город Скопин».

На излете советской эпохи деревня Кочугурки была отнесена к категории неперспективных населенных пунктов. В 1980–1990-х гг. она медленно теряла население, которое постепенно перебиралось в соседние села и города.

В 2011 г. газета «Скопинский вестник» посвятила одну из своих публикаций бывшей жительнице села Марии Егоровне Калининой (Ромахиной), снохе погибшего в 1929 г. М.С. Калинина. О предвоенных Кочугурках она вспоминала: «В деревне работала лишь начальная школа, продолжали учебу в соседнем селе Секирино. Колхозники получали на трудодень 1,5–2 кг зерна. Этого количества вполне хватало до нового урожая. Основной тягловой силой были лошади, их имелось больше сотни голов». Крестьянской работе М.Е. Калинина отдала почти полвека, была награждена орденами Ленина, Октябрьской революции, медалями ВДНХ. Вспоминала она и лучших колхозников: Анну Ивановну Корякину, Клавдию Ермиловну Егорову, Марию Тимофеевну Орефьеву, механизаторов Ивана Пронюшкина, Василия Лутикова, Николая Лошина, Юрия Орефьева. По ее сообщению, деревенский колхоз после очередного укрупнения был подчинен секиринскому, причем последний получил его название – им. М.С. Калинина. Последними жителями Кочугурок стала семья Анны Ивановны Корякиной, покинувшая опустевшую деревню в 1990-х гг.²

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Кочугурки была включена в городское поселение Побединское. Однако, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., жителей в ней к этому времени уже не было.

Деревня не умирает, пока воспоминания о ней живут в сердцах детей и внуков ее уроженцев. Бывшие жители Кочугурок, проживающие в г. Скопине и окрестных селах, регулярно собираются в покинутой деревне на сходы. Приезжают сюда, чтобы повидаться друг с другом, и еще потому, что любят эти места. Их усилиями близ деревенского кладбища были установлены памятник местным уроженцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и поклонный крест.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 211, л. 1.

² Скопинский вестник, № 28. – 2011. – 8 марта.

КРАСНАЯ ДЕРЕВНЯ

поселок

(городское поселение Павелецкое)

В начале 1920-х гг. Скопинский уездный исполнительный комитет активно занимался ликвидацией «крупных ненормальностей в землепользовании», а именно дальноземелья, внедрял в уезде «плановое землепользование». Стояла задача после 1926 г. расселить большие села, жителям которых не хватало земли, с этой целью «планировалось устроить вновь 42 поселка, кроме 11 уже существовавших»¹. Одним из этих новооснованных (предположительно до 1929 г.) населенных пунктов и стала Красная деревня, первоначально называвшаяся «поселок Бедняцкий». Ее первыми жителями, скорее всего, стали крестьяне села Павелец, имевшие здесь землю.

При отмене дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. поселок Бедняцкий стал населенным пунктом Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. На экономической карте Горловского района Московской области 1931 г. по состоянию на июль месяц поселок показан в составе Павелецкого сельсовета². Его переименовали в Красную деревню примерно в середине 1930-х гг. Благополучие сельских жителей начало постепенно повышаться, и бедностью уже не бравировали как в эпоху военного коммунизма.

По данным Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся 1939–1940 гг., в поселке Красная деревня Павелецкого сельсовета насчитывалось 38 жителей, составлявших 11 крестьянских хозяйств. Все они проживали в 4 жилых строениях³.

С начала 1930-х гг. в поселке функционировал небольшой колхоз «Бедняк». Колхоз был на хорошем счету в Горловском районе, в конце 1930-х гг. он был занесен на районную Доску почета. Председателем местной сельхозартели был крестьянин Корюнов. По отрывочным сведениям можно сделать вывод, что среди жителей Красной деревни были и состоятельные крестьяне из Мшанки. В 1932 г. горловская районная газета писала: «Кулак И.М. Филиппов в деревне Красной все время имел мельницу, сдает дом в аренду под школу»⁴.

В 1937 г. Красная деревня вместе с Горловским районом была включена в состав новообразованной Рязанской области.

В ноябре–декабре 1941 г. Красная деревня некоторое время находилась на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории, однако подробности ее жизни в это время неизвестны.

В послевоенные годы колхоз «Бедняк» Павелецкого сельсовета успешно справлялся с плановыми заданиями. В 1946 г. районная газета «Ленинская искра» писала: «Красная дерев-

¹ Краткий отчет о работе Скопинского уездного исполнительного комитета с 1.10.24 по 1.02.1926 г. Скопин, 1926. – С. 7, 61.

² Экономическая карта Горловского района Московской области. 1931, М 1:100 000.

³ Архив МГУ.– Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

⁴ Ленинская искра, № 85. – 1932. – 28 июня.

ня, председатель Корюнов: закончили план хлебозаготовок, в сентябре полностью рассчитались по молоку»¹. В 1947 г. колхоз в Красной деревне Павелецкого сельсовета выполнил досрочно план хлебопоставок².

Последним председателем колхоза «Бедняк» в 1950 г. был Семен Максимович Лаврухин. В этом году краснодеревенская сельхозартель влилась в одно из окрестных хозяйств – скорее всего – в мшанский колхоз им. Карла Маркса.

В 1959 г. Горловский район был упразднен, а его населенные пункты переданы Скопинскому району Рязанской области. По административному делению 1970 г. поселок Красная деревня вместе с селом Павелец и поселками Обрезной, станции Кремлево, станции Мшанка и станции Павелец-2 входил в состав Павелецкого сельсовета³.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок Красная деревня был включен в городское поселение Павелецкое. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в поселке Красная деревня в это время оставалось 7 жителей – 3 мужчины и 4 женщины.

---

¹ Ленинская искра, № 47. – 1946. – 29 августа; № 50. – 1946. – 19 сентября.

² Ленинская искра, № 52. – 1947. – 26 августа.

³ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 99.

КРАСНЫЙ ГОРОДОК

поселок

(городской округ город Скопин)

Поселок Красный городок имеет богатую предысторию. В 0,5 км к юго-востоку от него находится известный в регионе археологический памятник – Лихаревское городище (Куканы), относящееся к XI–XIII вв. Городище находится на останце надпойменной террасы левого берега р. Вёрды. «Останец протянулся с северо-востока на юго-запад, высота его над поймой до 15 м. Площадка городища занимает наиболее возвышенную юго-восточную часть останца, форма ее подпрямоугольная, размеры ок. 40х35 м. Сохранились остатки рва глубиной до 1 м при ширине до 5 м и вала перед ним высотой до 1,5 м»¹. В конце 1920-х гг. городище исследовал советский археолог Н.П. Милонов. По его данным, толщина культурного слоя на городище достигает 0,6 м. «На исследованной площади ок. 50 кв. м были обнаружены керамика гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом, датированная XII–XIII вв., железный нож, бусина из горного хрусталя, керамические сошла (вероятно, от сыродутного горна). Исследованы остатки полужемляночного жилища размером ок. 3х3 м, а также глинобитной печи»². По заключению исследователя, Лихаревское городище может интерпретироваться как остатки древнерусской укрепленной феодальной усадьбы.

В окрестностях Красного Городка выявлены еще три селища разных эпох. «Селище-1», датируемое ранним железным веком, 3-й четвертью I тысячелетия н.э. и XI–XIII вв., занимает юго-западную часть останца, на котором располагается Лихаревское городище, и отделено от его укреплений западиной. Его размеры – ок. 100х50 м, толщина культурного слоя достигает 0,5 м. Здесь была найдена лепная керамика с рогожными отпечатками на внешней поверхности, а также гладкостенная, обе городецкой культуры, а также гончарная древнерусская, аналогичная найденной на городище. «Памятник может интерпретироваться как остатки владельческого села, расположенного рядом с укрепленной феодальной усадьбой и одновременного ей»³. «Селище-2» датируется XIV–XVII вв. и расположено в 1,3 км к юго-западу от Красного Городка. Оно находится на мысовидном выступе левого берега р. Вёрды и имеет размеры ок. 250х80 м. В этом месте встречается гончарная позднесредневековая керамика, в т.ч. белоглиняная и чернолощенная XVI–XVII вв. Наконец, «Селище-3», датируемое тем же историческим периодом, находится в 0,5 км к югу от поселка на склоне левого, коренного берега р. Вёрды. Памятник имеет размеры ок. 225х35 м. Здесь обнаружили керамические фрагменты тех же характеристик, что и у «Селища-2»⁴.

В дозорных книгах XVI–XVII вв. именно Лихаревское городище, именовавшееся тогда Скопинским, служило одним из ориентиров при описании Рязско-Рановского оборонительного участка. В описании дозора Рязско-Рановской засеки в 1610–1620 гг. ее грани-

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 115.

² Там же. С. 115–116.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же. С. 116.

ца шла «от р. Божья Вода мимо следующих селений, рек и урочищ: Петровская слобода, Дмитриевский монастырь, *Скопинское городище*, с. Вослебы, с. Вердерево, с. Поплевино, с. Нагайское, д. Федосова, д. Желтухина, д. Бураково, с. Кувшиново, д. Алетово, с. Корневое, д. Чулкова, с. Городецкое, д. Бульгина, д. Иванкова, д. Чиркова, слобода Подвислая, д. Княжая, д. Бостынь. д. Хомуцкая, д. Бастыльская, д. Щурова, д. Кучукова, Фофанова слобода, Городенская слобода, Рязское ямское поле...»¹ Запись данного дозора лишь повторяла ориентиры какого-то уже существовавшего дозорного документа о границе этой засеки, составленного в более раннее время, до возникновения городка, из которого со временем вырос будущий Скопин. Ориентир «Скопинское городище» упоминается в документе без именованя его городком или острожком – это подтверждает то, что речь идет лишь о характерной местности, а не о поселении, как ошибочно полагали некоторые скопинские краеведы.

В 1927 г. Н.П. Милонов писал о нем: «Не знать «городка» нельзя, – нельзя не заметить высокого рельефного мыса, на котором основан «городок», высоко лежащий над речной долиной и живописно покрытый лесом молодняком <...>. С трех сторон «городок» ограничен крутыми обрывами, дно которого занимают болота <...>. Высота всего городища над уровнем реки и долины равна 20 сажням (ок. 45 м) ...»² Таким образом, даже после появления острожка – будущего Скопина – в непосредственной близости от заметного участка местности – Скопинского городища, последнее еще какое-то время по-прежнему оставалось ориентиром в дозорных документах. В более поздних дозорных книгах, составленных в середине XVII в., в качестве ориентира упоминается уже не городище, а возникший городок Скопин, как более значимый и заметный, а городище в писцовых книгах называлось «пустошью городка».

В середине XVIII в. здесь была небольшая деревенька, которая упоминается в доношении «Рязкого уезду деревни Городок вдовы Катерины Ивановой на дворянина керасира Иванова Тимофеева сына Свиридова»³. Дворяне Свиридовы как минимум с XVII в. проживали в селе Бараково. Например, в переписной книге вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане Рязского уезда переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. среди бараковских помещиков значится Игнат Матвеев сын Свиридов⁴.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., данная местность называлась «пустошью Городка». Ей в это время владел отставной секунд-майор Дмитрий Васильевич Лихарев, первый Скопинский уездный предводитель дворянства в 1779–1787 гг. Пустошь лежала «на берегах Городковского оврага на правой, а реки Вёрды на левой стороне и по обе стороны Могорского и безьямного отвершка» и обрабатывалась крепостными крестьянами Д.В. Лихарева. Всего за ним здесь было записано 153 десятины 354 сажней (167 га) земли, из них пахотной – 11 десятин 1720 сажней (11,8 га)⁵. В конце XVIII – начале XIX вв. принадлежности помещикам Лихаревым местность стала называться Лихаревским городищем.

¹ *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. – С. 24–25.

² *Милонов Н.П.* Археологические исследования в Скопинском уезде Рязанской губернии. // Материалы и документы к доистории Центр.-Промю обл. – М., 1927. – С. 53.

³ РГАДА, ф. 566, д. 164, оп. 1, л. 1.

⁴ РГАДА, К. 385, л. VI, 46 об.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 34об.

Окладная книга 1850 г. свидетельствует о том, что к середине XIX в. здесь вновь появилось небольшое селение. В деревне Городок, состоявшей за титулярным советником Павлом Михайловичем Лихаревым, в рассматриваемое время проживали «мужского пола 13 крестьян и 14 дворовых»¹. На картах А.И. Менде 1850 г. это селение обозначено под названием Лихаревские выселки. Находилось оно к югу от оврага Мохорского и представляло собой усадьбу с несколькими служебными и жилыми постройками. Южнее селения пролегал еще один овраг, носивший название Городского.

Подробности выхода местных крестьян помещиков Лихаревых из крепостной зависимости неизвестны, но усадьбой их бывшие господа владели вплоть до 1910-х гг. По сведениям за 1905 г., в четырех верстах от Скопина находилась владельческая усадьба Лихаревых «Городок», где имелся 1 крестьянский двор с 8 жителями². В 1917 г. Городок также упоминается как усадьба господ Лихаревых в Скопинском уезде Рязанской губернии³.

В советские годы деревня Красный городок вошла в состав Ивановского сельсовета, где также числились деревня Ивановка и поселок Лесничество с 15 дворами. В 1926 г. в ней было 13 крестьянских хозяйств⁴. В 1929 г., с отменой исторического административного деления на волости, уезды и губернии, деревня стала населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1937 г. вместе со всем Скопинским районом Красный городок вошел в Рязанскую область.

К 1939 г. деревня Красный городок состояла из 16 дворов, в которых проживали 93 человека. Она представляла собой единственную улицу, вернее – порядок, так как с одной ее стороны стояли избы, а напротив них располагались огороды. Жители Красного городка в основном работали в ивановском колхозе «Заветы Ильича» и на других предприятиях Ивановского сельсовета: кирпичном и черепичном заводах, просорушке, мельнице, кузнице, в местной бригаде плотников⁵.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. отличился уроженец Красного городка военный летчик лейтенант Иван Григорьевич Давыдкин (1920–?), служивший в 117-м отдельном корректировочно-разведывательном авиационном полку. В 1944–1945 гг., воюя в составе 3-го Белорусского фронта, он был награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. В представлении ко второй награде командир полка майор Каразеев писал о И.Г. Давыдкине так: «В 117-й ОКРАП прибыл на должность летчика-старшего в мае 1944 г. За период с июня 1944 г. по сентябрь 1944 г. произвел 31 успешный боевой вылет на прикрытие самолетов Ил-2, выполнявших боевое задание на корректировку артогня по артпозициям противника, визуальную и фоторазведку войск противника, за что награжден орденом «Отечественная война» 1-й степени. С сентября месяца 1944 г. по 20 января 1945 г. произведено им 33 успешно-боевых вылетов на прикрытие самолетов Ил-2, выполнявших боевое задание на корректировку артогня по артбатареям противника, визуальную и фоторазведку войск противника. Выполняя задание на прикрытие самолетов Ил-2, провел 4 воздушных боя, и во всех случаях все атаки истребителей противника были отбиты, тем самым беспрепятственно экипажи самолетов Ил-2 выполняли боевые задания. В бою смел и энергичен.

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, л. 198 об-199.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 636–637.

³ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144 об.

⁴ *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губ.). – Скопин, 1929. – С. 45.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59.

Например: 19 января 1945 г., возвращаясь с задания, заметил группу самолетов «Фокке-Вульф-190» в количестве 30 штук, несмотря на превосходство сил противника, атаковал их и рассеял, этим самым не дал самолетам противника прицельно сбросить бомбы на наши боевые порядки. Своей боевой работой доказал свою преданность партии Ленина-Сталина и социалистической Родине»¹.

В июле 1958 г. Ивановский сельсовет был ликвидирован. Входившие ранее в него населенные пункты деревня Ивановка, поселок Красный городок, поселок Кирпичного завода были отнесены к Корневскому сельсовету. В 1964 г. колхоз «Заветы Ильича» был объединен с корневским хозяйством «Красный горняк»².

По Закону Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 77-оз «О наделении муниципального образования – городской округ город Скопин статусом городского округа и установлении его границ» поселок Красный городок был включен в состав этого территориального образования. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в нем в настоящее время проживают 28 человек (16 мужчин и 12 женщин).

---

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 6602, л. 62.

² Архив Скопинского района, ф.29, лл. 1–2.

КРАСНЫЙ МАЙ

поселок

(сельское поселение Горловское)

Изначальное название этого поселка – Красный. Он был основан на территории Скопинского уезда Рязанской губернии между 1922 и 1926 гг. В это время Скопинский уездный исполнительный комитет активно занимался ликвидацией «крупных ненормальностей в землепользовании», а именно чересполосности и дальноземелья, внедрял в уезде «плановое землепользование». С этой целью власти намеревались расселить ряд больших сел, жителям которых не хватало земли. «...Планировалось устроить вновь 42 поселка, кроме 11 уже существовавших»¹. Однако планы по устройству этих поселков вскоре были изменены, так как в связи с начавшейся вскоре массовой коллективизацией чересполосные и удаленные земли были прирезаны колхозам. В личное пользование колхозникам были выделены приусадебные участки по 25 соток.

В 1929 г., с ликвидацией дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии, поселок Красный стал населенным пунктом Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Он был включен в Катинский сельсовет, вошедший в состав Горловского района. Первоначально район был включен в Тульский округ Московской области, но в 1931 г. деление области на округа отменили. На экономической карте Горловского района Московской области по состоянию на июль 1931 г. селение фигурирует под названием «Красный поселок»².

1 мая 1931 г. в поселке Красном был образован колхоз «Красный май». В заметке горловской районной газеты «Ленинская искра» об этом сообщалось: «В дер. *Красные поселки* после проработки решений 6-го съезда Советов организован колхоз «Красный май». Большую работу по коллективизации провел уполномоченный земельного общества Чулков. Катинцы должны взять пример с крестьян Красного поселка»³.

После этого колхоз из поселка Красный неоднократно подвергался критике на страницах районной газеты. «Колхоз «Красный май» (поселок Красный) к севу не готовится, – писала «Ленинская искра» в апреле 1932 г. – Председатель колхоза заявляет: «Придет весна, как-нибудь поседем». Сельхозинвентарь не ремонтируется, хотя 50 % требует ремонта. По уходу за лошадьми существует обезличка. Конох Лошкилин совершенно не чувствует за собой ответственности. Лошкилин (его отец) в 1931 г. имел в Москве ломовую лошадь, а сейчас в колхозе состоит членом правления и бездействует»⁴.

Власти района упорствовали в своем поиске врагов. В том же месяце районная газета вновь указывала Катинскому сельсовету: «Гущин С.Е. имеет средняцкое хозяйство (пос. Красный), но является явным кулацким агентом и срывщиком всех мероприятий соввласти на селе. Гущин враг колхозного строительства и ведет свою разлагательскую работу с самого

¹ Краткий отчет о работе Скопинского уездного исполнительного комитета с 1.10.24 по 1.02.1926 г. Скопин, 1926. – С. 7, 61.

² Экономическая карта Горловского района Московской области. 1931, М 1:100 000.

³ Ленинская искра № 22. – 1931. – 1 мая.

⁴ Ленинская искра, № 22. – 1932. – 19 апреля.

начала организации колхоза «Красный май». Активно помогают Гушину Милов А.И., Назаров П.Б., при помощи которых тут неоднократно срывали собрания»¹.

Несмотря на имевшееся сопротивление зажиточных единоличников, колхозный строй в Красном победил. К весне 1933 г. в колхозе «Красный май» состояло 49 хозяйств. В нем насчитывалось 27 лошадей. Колхозникам предстояло засеять 86 га ярового клина². Председателем колхоза с июля 1933 г. был Иван Алексеевич Епишкин (1899 –?), выходец из крестьян-бедняков, знавший и любивший крестьянский труд.

Как в любом селении, в Красном мае не обходилось без курьезов. В критической заметке «Пожарная охрана спит» в районной газете за 1934 г. были вскрыты недостатки противопожарной безопасности небольшого поселка: «В колхозе «Красный май» из рук вон плохо поставлена пожарная охрана. Особенно плохо относятся к своим обязанностям Назаров и Панов. На днях при проверке они были обнаружены спящими настолько крепко, что у них была запряжена лошадь и угнана, но они ничего не слышали. Когда была сделана тревога, они собирались так долго, что могло бы сгореть полсела. При выезде с машиной тяжести выскочили из своих мест. Кадки разбросаны где попало, около ответственных мест, например, у зернохранилищ, нет бочек с водой. Зав. пожарной охраной тов. Шубин, меж тем, на вопросы о состоянии пожарной охраны очковтирательски заявляет: все в порядке и полной готовности»³.

Жители Катинского сельсовета работали не только в колхозах. Традиционным местным промыслом, унаследованным еще от дореволюционных времен, был отход на торфоразработки в район Шатуры. В 1935 г. «Ленинская искра» опубликовала такое письмо к односельчанам с одного из участков треста «Шатурторф»: «Мы, колхозники колхоза «Красный май» Катинского сельсовета, посланные на работу на торфоразработки Шатурского треста, <...> 21-го поселка в количестве 27 человек под руководством бригадира Назарова работаем ударно. За ударную работу нам выдали постельные принадлежности: одеяло, простыни и т.д., установили громкоговоритель. Призываем колхозников работать также ударно»⁴.

В 1937 г. поселок Красный вместе с Горловским районом был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. В это время, кроме него, в Катинский сельсовет Горловского района входили село Катино, Катинский разъезд с 3 строениями и 10 жителями и железнодорожные будки №№ 610, 611 и 614 с 3 строениями и 17 жителями⁵. К началу 1938 г. в поселке Красный насчитывалось 57 жилых строений и 319 жителей. В поселке работала конная просоружка.

На карте РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) поселок все еще значится под названием Красный. Его единственный порядок с двумя промежутками протянулся с юго-запада на северо-восток возле железнодорожной линии Москва – Павелец напротив разъезда Катино. В ноябре–декабре 1941 г. поселок Красный на несколько недель оказался на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории, но больших бед это ему, к счастью, не принесло.

После освобождения от оккупантов небольшой колхоз «Красный Май» был на хорошем счету в Горловском районе. В трудные военные годы он настолько хорошо справлялся со сво-

¹ Ленинская искра, № 51. – 1932. – 28 апреля.

² Ленинская искра, № 27. – 1933. – 29 марта.

³ Ленинская искра, № 105. – 1934. – 29 июня.

⁴ Ленинская искра, № 93. – 1935. – 2 июня.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

ими задачами, что иногда оказывал помощь гораздо более крупному катинскому колхозу «Новая жизнь»: «К полудню 6 августа 1942 г. колхоз «Красный май» (председатель С.Н. Мыльцев) закончил косовицу и вязку озимых и сразу приступил к скирдованию и установке молотилки. Две жатки направил в катинский отстающий колхоз»¹.

В военное время местные колхозники заботились не только о сборе урожая, но и об оказании посильной помощи фронту. Судя по тому, по каким крохам шел сбор вещей для нужд воюющей армии, крестьяне делились с воинами всем, чем только могли, иногда даже последним: «Члены артелей «Новая жизнь» и «Красный май» продолжили сбор теплой одежды: С.Н. Мыльцев решил послать 400 грамм шерсти и овчину, М.В. Ланин две пары шерстяных носок, Д.А. Морозов пару варежек да две овчины. Правления обоих колхозов собрали 15 пар варежек»². Но защитникам Родины пригождались и такие мелочи.

Уроженцы Красного сражались и на фронтах Великой Отечественной войны. Например, гвардии сержант Александр Иванович Панов (1923–?), мобилизованный в январе 1942 г., служил в разведке 368-го гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского Тарнопольского Краснознаменного полка. В начале 1945 г. в составе 1-го Украинского фронта он освобождал Польшу и заслужил две медали «За отвагу». О его первом подвиге в наградном листе сообщалось: «Тов. Панов разведкой способствовал батарее в боях за г. Новы-Корчин, Прошовицы, Тыхы в уничтожении до 100 гитлеровцев, 29 ДОТов и ДЗОТов, 4 артбатарей противника. В боях за Тыхы, когда самоходы ворвались в колонну немцев, помог командиру батарее в разведке местности, благодаря чему было уничтожено до батальона пехоты»³.

С 1942 г. пострадавший от войны Горловский район восстанавливался от потерь в составе Московской области, а в 1946 г. был возвращен в Рязанскую. В октябре этого же года вспыхнул конфликт между председателем колхоза «Красный май» С.Н. Мыльцевым, руководившим хозяйством все военное время, и председателем Катинского сельсовета Ф.И. Чикиным. Последний публично называл работу руководства сельхозартели из Красного «антигосударственной», т.к., по его словам, «артель только на 60 % выполнила план хлебопоставок»⁴. Подняв шум, Ф.И. Чикин привлек к себе дополнительное внимание, и уже через неделю в прессе вскрылись факты его собственного неблаговидного поведения. Как выяснилось, председатель Катинского сельсовета «запускал свои длинные руки в артельные карманы. Из колхозных кладовых брал хлеб по низким ценам, из стогов для личного хозяйства привозил сено. Взял 90 кг хлеба и 10 возов сена. Исполком райсовета предложил ему уплатить за корма и хлеб»⁵. За поборы с колхозов Ф.И. Чикин был снят с работы.

После упразднения Горловского района в 1959 г. поселок Красный май вместе с Катинским сельсоветом был передан укрупненному Скопинскому району Рязанской области. В 1960-х гг. он, однако, был передан другому соседнему сельсовету – Богословскому. В 1970 г. Красный май входил в него вместе с селами Богослово, Нюховец, деревней Суровцы и поселком Завал⁶.

В 1970 г. на базе окрестных колхозов был создан совхоз «Культура» Богословского сельсовета с центральной усадьбой в селе Богослово. В него вошел и колхоз «Красный май».

¹ Ленинская искра, № 41. – 1942. – 9 августа.

² Ленинская искра, № 49. – 1942. – 4 сентября.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 7349, л. 107.

⁴ Ленинская искра № 55. – 1946. – 24 октября.

⁵ Там же.

⁶ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 96.

Территориально совхоз объединял 5 населенных пунктов: села Богослово, Дмитриево, Ньюховцы, Суровцы и поселок Красный май. В совхозе большинство жителей поселка трудилось до конца советской эпохи.

Общий кризис сельского хозяйства в начале 1990-х гг. не пощадил поселка Красный Май. В 1993 г. совхоз «Культура» был преобразован в АОЗТ «Богослово» и с 1997 г. прекратил производственную деятельность¹. Работы для жителей поселка не стало. Вслед за этим начал исчезать и сам поселок.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок Красный май был включен в сельское поселение Горловское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в поселке в это время было 2 постоянных жителя. Сейчас от бывшего поселка осталось всего несколько домов.

---

¹ Архив Скопинского района, ф. 461, лл. 1, 3.

КРЕМЛЕВО

село

(городское поселение Павелецкое)

Первое упоминание о селе имеется в писцовых книгах 137–139 (1629–1631) гг., известных по копии XVIII в. В них, в частности, сказано: «...Всего за боярином за Иваном Никитичем в вотчине в Рязком уезде в Пехлецом стане острожок Скопин, да к тому острожку три села, село Вослеба, да село Келец, да село Вязовенка, да четыре деревни: деревня Недленка, деревня Чертовая, деревня Лопатино, деревня Новикова, да починки селетца Новокремлево, да Журавинка»¹.

В Толковом словаре В.И. Даля слово «кремль», от которого произошло название селения, имеет, среди прочих, и такие значения: «кремлевое дерево, на краю леса, одиноко и на просторе выросшее; крепкое строевое, здоровое <...> Кремлевник *муж., архан., вят.* хвойный лес по моховому болоту»². Там, где возник починок с таким названием, возможно, действительно стояли по краю топкого места нескольких высоких, кремлевых елей или кремлевника. Эта версия становится ещё убедительней, если обратить внимание, что название починка в переписной книге передано как Новокремлево. Оно как будто указывает на то, что поблизости есть место, уже носящее название Кремлево. Что интересно, в деревне Новиково, находившейся неподалеку от указанного починка, в 1631 г. проживал крестьянин Иванка (Ивашка) Кремлев. Такая фамилия для Скопина – редкость, поэтому имеет право на существование и версия, что починок получил название по фамильному прозвищу первопоселенца, возможно – родственника новиковского крестьянина.

Кремлево вместе с другими селениями было частью скопинской вотчины бояр Романовых, принадлежавшей дяде царя Михаила Федоровича Ивану Никитичу, затем его сыну Никите Ивановичу. В отказной книге 1640 г. Кремлево упоминается как село, в котором стоит деревянная Архангельская церковь: «Село Кремлево, что было написано по писцовым книгам Григория Киреевского с товарищи в починке деревня Кремлева, а в ней церковь во имя архистратига Михаила древена клецка, а в церкви Божия Михаила образа и книги и ризы и колокола и всякое церковное строение и мирское, на церковной земле двор попа Леонтия, двор попа Олексия...» В селе был 51 двор, среди жителей упоминаются крестьяне с яркими прозвищами: Прошка Клеменов сын Кореух, Гаврилка Вавилов сын Дурной, Гришка Федоров сын Кулига, Захарко Микифоров сын Положихин, Иванко Яковлев сын Истопник, Гришка Уваров сын Мокруша³.

По переписной Рязской книге 154 (1646) г., в селе Кремлево было уже 72 крестьянских двора⁴, т.е. за 6 лет оно выросло почти на треть. Столь быстрый прирост населения объясняется тем, что в вотчину царских родственников приходило много беглых крестьян, надевавшихся на то, что никто не посмеет потребовать их выдачи у двоюродного дяди царя Алексея Михайловича. Закреплялись в вотчине и малороссы, бежавшие от польского гнета.

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 7 об.

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 2. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – С. 159.

³ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, лл. 501-502, 505 об, 507.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 192.

В 1654 г., после кончины бездетного боярина Никиты Ивановича Романова – последнего представителя нецарственной линии династии – его скопинская вотчина перешла во владение царя Алексея Михайловича. По переписным книгам 1675 г., в Кремлево насчитывалось 106 дворов крестьянских, в которых проживала 401 крестьянская душа мужского пола. С жителей ежегодно собирались столовые запасы для царского стола, стрелецкого войска и прочих расходов в следующем количестве: свиного мяса – 71 пуд (1,13 т), 60 баранов, 66 гусей, 130 уток и 91 сушеная курица.

По распоряжению царя с 1663 г. для крестьян Скопинской дворцовой волости была введена десятинная пашня взамен драгунской службы. В 1675 г. запахивалось на царя 66 десятин (71,9 га) в одном поле¹. Как ни велика была потребность в хлебе и столовых запасах, в наказах, направленных в 1663 г. в Скопин Федору Наумову сыну Елизарову и дьяку Миките Насонову, царь Алексей Михайлович требовал: «...Со вдов бедных и маломощных всякие подати с них снять. И впредь ничево не имать и воеводам о том приказать накрепко <...>, и пашни на них не накладывать, а столовых запасов на них против тово же что и з бедных <...>, а с богатых вдов пашню и столовые запасы положить по разсмотрению»².

В окладных книгах Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г. о кремлевском храме сообщается: «Архангельская церковь, двор попа Калиника, двор попа Иева, двор дьячков. Церковныя пашни девятнадцать четвертей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на пятьдесят копен». В приходе «к той церкви», состоявшем из одного села, «сто четыре двора крестьянских, десять дворов бобыльских, и всего сто семнадцать дворов», с включением 3 дворов церковного причта. Дани по окладу 1676 г. с Архангельской церкви, вместо 1 рубля 31 алтына 4 денег, положено 2 рубля 27 алтын³.

И.В. Добролюбов сообщает: «193-го (1685) года замечено в окладных книгах, августа в 1 день били челом преосвященному Павлу, митрополиту Рязанскому и Муромскому, того ж села Кремлева архангельские попы, выселилось де из того приходу в новоселебное село Делехово приходских дворов много, чтоб с них данных денег сбавить». Вследствие чего преосвященный указал досмотреть в селе Кремлеве число оставшихся дворов, которых оказалось 73 двора, дани положено было платить 1 рубль 23 алтына 4 денги»⁴. В XVII в. в кремлевском храме служили священники Леонтий, Алексей (упоминается в 1640 г.), Калиник (упоминается в 1676–1698 гг.), Иов (упоминается в 1676 г.), Лев Петров (с 1684 г.), Петр Калиников (с 1698 г.)⁵.

В переписной книге 1710 г. отмечается, что «в том селе церковь великомученика Архистратига Божия Михаила, у той церкви поп Левон Петров, у него попадья Ксения Аникеева <...>, поп Ананий Петров, у него попадья Ирина Иванова <...>, дьячок Володимер Петров <...>, дьячок Иван Федотов сын Суканкин <...>. Солдатских четыре двора, в них людей мужеска полу семнадцать человек, в том числе женатых шесть человек <...>, женска полу одиннадцать человек. Крестьянских шездесят четыре двора, в них мужеска полу двести двенадцать человек, в том числе женатых сто три человека <...>, женска пола двести тридцать шесть

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 90 об.

² РГАДА, ф. 27, д. 339.

³ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] –Рязань: Александрия, 2004. – С. 355.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 193.

⁵ Там же. С. 195.

человек <...> против переписи прошлого 186 (1676) года по нынешнюю перепись убыло у них в том селе крестьян тридцать пять дворов, потому после переписи 186 года взяты из них крестьяне в солдатскую службу, которые тож написаны в том селе в переписи, да драгунских четыре двора, а 31 двор ис того села Кремлева крестьяне вышли на свой крестьянский тяглый жеребей и поселились внове, которые в переписной книге написано село Делехово»¹.

В 1732 г. скопинские крестьяне были приписаны к ведомству дворцовой Конюшенной канцелярии. Основными занятиями коннозаводских крестьян были не только работа на десятинной пашне, заготовка сена и других кормов для конского состава, но также постройка и ремонт различных строений. Кроме того, они выполняли ряд повинности как-то: постоянную, подводную, дорожную и другие. Важным обстоятельством жизни крестьян было то, что они не имели права на переезд в другие селения, хотя бы и в пределах коннозаводской волости, без разрешения волостного начальства. При самовольном же выезде в пределах Рязского уезда их возвращали на прежнее место. Так, при проведении ревизии 2-й ревизии податных сословий Российской империи в 1748 г. были обнаружены незаконные переселенцы из Кремлево в селах Боршево, Катино и Вязовенка. Причинами переселения могли служить различные мотивы, например – раздел или женитьба².

Запрет на перемещения был вызван круговой порукой дворцовых крестьян в уплате различных налогов или податей. Все дело в том, что указом императрицы Анны Иоанновны от 15 (26) января 1739 г. недоимку по сбору податей с купечества и государственных крестьян повелевалось этим сословиям разложить между собой «по званию их торгов и пожитков и владению земель», а взыскание недоимок осуществлялось на самих крестьянах лишь в том случае, если ее нельзя было пополнить из имущества вотчинных управителей и приказчиков. Поэтому управители коннозаводской волости через старост строго контролировали незаконные перемещения. С 1797 г., «в случае накопления недоимки по причине лености и нерадения поселян», виновные передавались суду, и недоимка взыскивалась с общества в наказание за то, «видя сотоварища своего, в леность и нерадение ввавшего, к трудам и исправлению своего долга не старалось его обратить»³. Эта система приводила к тому, что если крестьяне бежали из вотчины, что время от времени все же случалось, сельские общины были вынуждены платить за них положенные налоги.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., село Кремлево описывается лежащим «на правой стороне безымянного оврага, в нем пруд, и по обе стороны речки Кельца и четырех ее отвершков, на коих три пруда. Церковь деревянная Архистратига Божия Михаила. По 3-й ревизии 1761–1765 гг. в селе 117 дворов, в коих 305 душ мужского и 274 женского пола»⁴. На чертеже (плане) Генерального межевания современная р. Ерзовка, впадающая в р. Старый Келец, фигурирует под названием «Келец». Село действительно располагалось четырьмя группами домов между отвершками или верхами (балками, овражками), по которым протекали ручьи, впадавшие в Келец: три ручья по течению р. Келец слева и один справа. На ручьях (балках), в пределах села находились три пруда, еще один располагался на его северо-восточной окраине. На левом берегу реки находились три группы строений, которые ограничивали и разделяли четыре указанных отвершка. Средняя группа представляла собой улицу протяженностью около 120 сажень (260 м) с обращенными друг к другу строениями и с

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 424, 430 об, 445.

² РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3182, лл. 74–74 об.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона. Т. XVIa (Т. 32). – СПб., 1895. – С. 837.

⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 16 об; д. 1241, л. 11.

огородами вдоль р. Кельца. Эта часть села располагалась в довольно низменной местности, у самого берега реки. На ее правом берегу, примерно в 200 саженьях (432 м) от воды, стояла церковь, позади которой за ручьем, впадавшим в Келец, находились дома и огороды священнослужителей¹.

В XVIII в. в кремлевском храме служили священники Анфим Петров (с 1709 г.), Косма Львов (в 1709–1747 гг.), Косма Сергиев (с 1747 г.), Харитон Федоров (упоминается в 1782 г.)². О его дальнейшей судьбе И.В. Добролюбов сообщает: «Вместо поставленной в XVII столетии в с. Кремлеве Архангельской церкви в конце XVIII столетия построена была другая, перенесенная из г. Скопина. Касательно построения ее сохранились не лишние интереса подробности, которыми не лишним считаем и воспользоваться. Благочинный г. Скопина воскресенский протопоп Митрофан Алексеев, сообщая в Духовную консисторию от 7 (18) октября 1778 г. об окончании постройки каменной в г. Скопине Сретенской церкви, в доношении своем показал: «Прежняя-де деревянная церковь во имя Сретения Господня состоит впрдь к построению весьма способною, ибо-де она вышиною снаружи, то есть до кровли, четырнадцать аршин, внутри пятнадцать аршин, длиною со святым алтарем настоящая и трапеза двадцати трех аршин, поперечины все равномерно десяти аршин; ветхости ж в ней – кроме кровли, отчего и течь прохаживала внутрь церкви, вместо которой кровли употреблен быть может тес новый – никакой не имеется; а как-де Скопинского уезда в с. Кремлеве имеется церковь Архистратига Божия Михаила деревянного здания, которая как состроена тому более ста лет и, по таком многопрошедшем времени, пришла в крайнюю ветхость, так что и возобновить оную никакой способности не предусматривается, к тому же еще она и весьма тесна, ибо она по мере его – протопопа – оказалась со святым алтарем и трапезою в длину пятнадцати аршин, вышиною снаружи до кровли пяти аршин, а внутри святой алтарь трех аршин, настоящая четырех аршин, трапеза трех аршин, поперечины как во святом алтаре, так и в настоящей и трапезе по шести аршин, к тому ж она вся наклонилась на южную сторону; а приходских в том селе Кремлеве имеется сто дворов, потому онога села приходские люди – волостные крестьяне ведомства дворцовой Конюшенной канцелярии – купили в г. Скопине деревянную Сретенскую церковь и желают нынешнюю осенью в то село Кремлево перевезть и построить с новым лесом расстоянием от прежней церкви к северной стороне на десять сажень, и то место, по свидетельству его – протопопа, гораздо повыше и на все стороны села виднее, и колокольный звук слышнее, также и для того, что, покамест построится другая церковь, в прежней отправляться будет служба». Вследствие этого доношения преосвященным Симоном предписано было «рассмотреть в консистории о деревянной церкви, что об оной в прежнем определении положено, когда о новой указ давался, и, ежели препятствий не окажется, то объявить наше дозволение в продажу ея». В то же время и на прошение крестьян с. Кремлева о дозволении им купить и перевезть Сретенскую деревянную церковь, поданное того же 7 (18) дня октября, преосвященным положено было решение такое: «Дозволяется учинить, о чем просители представляют, ежели препятствий не окажется». Но препятствий к перенесению Сретенского храма оказалось, вероятно, немало: главнейшее из них состояло, кажется, в несостоятельности кремлевских крестьян. В 1782 г. октября 17 (28) дня с. Кремлева иерей Харитон Федоров по требованию консистории прислал от себя заявление о том, «что прихожане его перенести Сретенскую церковь в с. Кремлево желают, и оная церковь в том их селе состроена быть имеет, на что крестьяне и согласие положили, и отмены иметь

¹ РГАДА, ф. 1354, оп.411, ч. 1, В-32 кр.

² *Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 195.*

не будут, и о том он, иерей Харитон, показывает по справедливости». При всём том, только в 1784 г. Сретенская церковь была перевезена и поставлена в с. Кремлеве на предположенном месте; освящение ся совершено было 8 (19) ноября того же года»¹. Тем не менее, по некоторым сведениям, уже в 1793 г. храму потребовалась капитальная перестройка².

На карте А.И. Менде 1850 г. отмечено, что в селе Кремлеве к этому времени насчитывалось уже 230 дворов. Порядки крестьянских домов значительно разрослись на обоих берегах реки, на окраинах появилось несколько новых. У подножия холма за северо-западной околицей села стояли 4 ветряные мельницы, ещё одна находилась у дороги в деревне Александровка и Жерновки на юго-западной окраине Кремлево. По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1858 г., в селе Кремлеве в 158 домохозяйствах проживали 929 мужских и 994 женские души государственных крестьян³.

С начала XIX в. в кремлевской Архангельской церкви служили священники Иоанн Федоров (в 1795–1838 гг.), Гавриил Петров Стабников (в 1838–1861 гг.) Александр Федоров Боголепов (в 1861–1877 гг.), Георгий Федоров Новиков (в 1877–1878 гг.) и Григорий Васильевич Старицын (ок. 1878–1900 гг.)⁴. В 1854 г. в Кремлево было возведено новое деревянное здание Архангельской церкви. Храм стоял на каменном фундаменте и имел железную крышу. Колокольня при ней долгое время оставалась старой, 1784 г. постройки. Новую колокольню в селе возвели в 1865 г., тогда же храм был обнесен каменной оградой⁵. Все это было сделано не без участия церковного старосты, которым в 1863–1879 гг. был местный крестьянин Елисей Дементьев Авдохин.

При образовании в Скопинском уезде волостей в начале 1860-х гг. Кремлево было отнесено к Паведецкой волости. В 1861 г. в селе открылось церковно-приходское училище, размещившееся в доме местного священника. В 1866 г. в нем обучались 60 мальчиков. Средства на содержание училища предоставлялись Палатой государственных имуществ⁶.

К 1868 г. количество ветряных мельниц при селе увеличилось – их стало 6⁷. Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Кремлево, «бывшем селе государственном», было 335 дворов и 2293 жителя, действовала православная церковь⁸.

По переписи населения 1882 г., в Кремлево насчитывалось 355 домохозяйств, в которых проживали 1170 мужчин и 1179 женщин. Из них грамотой владели 125 мужчин, 6 женщин и 20 учащихся мальчиков. На ревизскую душу приходилось 3,6 десятины (3,9 га) черноземной земли. Бездомовыми и безземельными считались 12 дворов, просто безземельными – 5, безлошадными – 145, без лошади и коровы обходились в 87 хозяйствах, Из 355 изб села 64 топились «по-белому», два дома были каменными. При крестьянских хозяйствах состояло 332 плетневых

¹ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 193–194.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 581–582.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 26.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 195.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 581–582.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. – Рязань, 1868. – С. 236–237.

⁷ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁸ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880. – С. 329.

двора, 3 заборных (каменных), 266 горниц и клетей, 285 амбаров и сараев, 296 риг и овинов. В отхожих промыслах числились 275 мужчин. В селе действовали 15 промышленных заведений, кабаки и лавка. До 1876 г. из села выселились 30 семей, в 1877–1882 гг. – еще 13 семей¹.

Среди действовавших в Скопинском уезде образовательных учреждений «от общества и частных лиц» в 1875 г. упоминается Кремлевское мужское сельское училище (40 мальчиков), в котором законоучителем и учителем по прочим предметам состоял священник Архангельской церкви А.Ф. Боголепов. От общества ему платили за педагогические труды по 10 копеек с души, то есть 100 рублей в год. На пособие учителю от земства в 1874 г. было выделено 75 рублей².

В 1884 г. И.В. Добролюбов писал о кремлевской церкви: «Церковной земли во владении причта состоит: усадебной, отведенной в 1845 г., 3 (3,3 га) и пахотной 30 десятин (33 га). В приходе при 332 дворах числится мужского пола 1097, женского пола 1133, в том числе последователей скопческо-духоборческой секты 12 человек обоего пола. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»³.

Отмеченное И.В. Добролюбовым в контексте села Кремлева распространение «альтернативных» официально православию религиозных течений было любопытной особенностью дореволюционного Скопинского уезда. Еще в 1850-х гг. в материалах обследования Рязанской губернии офицерами Генерального штаба по этому поводу отмечалось: «Но всего замечательнее секта духовных скопцов, существующая преимущественно в Скопинском уезде, в селах Хворощевке, Кремлеве, Вязовенке и Топилах... Последователей этой секты в народе называют хлыстами, духоборцами, масонами, но сами себя они называют духовными христианами. Некоторые обряды и песни духовных скопцов как при поступлении в секту, так и при собраниях общего моления и теперь не утратили еще свой первоначальной масонский характер, хотя, конечно, обряды и песни эти применены к крестьянским понятиям»⁴. Современники отмечали, что «секта эта замечательна также и тем братским чувством, которое соединяет всех единомышленников по секте в тесное общество, никогда не уклоняющееся от одного направления. Духовные скопцы отличаются примерною нравственностью, грамотность между ними очень развита, от посещения церквей и исполнения православных обрядов они нисколько не уклоняются»⁵. До середины 1850-х гг. по решению Скопинского уездного суда участники незаконных религиозных собраний в уезде находились под надзором полиции, позднее отношение к ним стало более либеральным. С 1896 г. специальным изучением раскола и сектантства в Рязанской губернии стало заниматься Братство Святого Василия, по его данным, в Скопинском уезде сектантов насчитывалось 209 человек, проживавших в 10 селениях, а в 1903 г. – уже 566 человек в 29 селениях. Из них раскольников (поповцев и беспоповцев) было 227 человек, сектантов тайных: скопцов – 229 человек, хлыстов – 106 человек. Скопцы проживали в селах: Маклаково – 28, Мшанка – 4, Кремлево – 21, Павелец – 9, Делихово – 4, Хворощавка – 1, Секирино – 40, Затворное – 3, Князеве-Займище – 1, Озерки – 17, Боршевое – 27, Черные курганы – 71, Чулково – 1 человек⁶. Присутствие духоборов

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 26–31.

² Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. – С. 430.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 194–195.

⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. (сост. Баранович М.С.). – СПб., 1860. – С. 358–359.

⁵ Там же.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1891 г.). – С. 206; Календарь Рязанской губернии на 1905 год. – Рязань, 1905. – С. 389–390.

в селах Скопинского уезда прослеживается вплоть до советских антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг., когда они полностью исчезли.

В 1890-х гг. ветряные мельницы оставались самыми распространёнными промышленными заведениями села. По данным за 1893 г., в Кремлеве в это время действовали ветряные мельницы крестьян Ефима Казирова, Елисея Авдохина, Алексея Степанова, Ефима Михайлова, Герасима Ефремова, Федора Васильева, Петра Кубышкина, просорушки Петра Карпова, Меркула Карпова, Ивана Мишина, кузницы скопинских мещан Степана Егина и Ивана Григорьева¹.

В повседневных трудах жители Кремлево не забывали о содержании своего храма. Так, в 1895 г. на средства прихожан был «исправлен пол <...>, обиты холстом внутренние стены, вновь окрашены масляными красками, а священные изображения на них исправлены и промыты»². Видимо, Архангельская церковь содержалась в образцовом состоянии – во всяком случае, «за похвальное соревнование к церковному благолепию» священник Г.В. Старицын в 1900 г. получил архипастырскую благодарность³.

В 1900 г. на линии Москва – Павелец Рязано-Уральской железной дороги был открыт остановочный пункт Кремлево. В описании, датированном 1913 г., о нем сказано: «232 версты от Москвы, в Скопинском уезде. Здесь Рязанско-Уральская дорога пересекает Сызрано-Вяземскую, проходя над нею по железному путепроводу отверстием в 7 сажен. Пассажиры пересекающихся линий имеют здесь пересадку. В 3 верстах от станции расположены села Мшанка, Павелец и Хворощевка с населением от 3000 до 3500 душ. Население из этих сел уходит массами на огородные и торфяные работы в Московский район и на Московско-Нижегородскую дорогу»⁴.

В 1901 г. в Кремлево открылась земская школа. По данным за 1902 г., учителем в ней служил Н.И. Иванов, попечителем был крестьянин Емельян Хиров. Однако небольшого школьного здания очень скоро стало недостаточно для всех желающих учиться. На общем сходе 26 марта (8 апреля) 1905 г. кремлевские крестьяне, «имея в виду тесноту здания земского училища, через что ежегодно помещается в школу менее 50-ти детей <...>, постановили пристроить к оному зданию три стены для классной комнаты»⁵, для чего обратились к Скопинскому уездному земскому собранию с просьбой о выдаче кредита в размере 1000 рублей. Земство просьбу удовлетворило, но даже с новой пристройкой школа не вмещала всех детей. К 1908 г. в Кремлево при 3236 жителей был 291 ребенок школьного возраста, из них могли посещать только 133⁶. В 1912 г. при школе были открыты ремесленные отделения – столярно-плотничное, слесарно-кровельное и кузнечное⁷. По отчету за 1916 г. к этому времени школ в Кремлеве уже стало две – однокомплектная и трехкомплектная⁸.

В 1905 г. в селе Кремлеве насчитывалось 457 дворов, его население составляло 1377 мужчин и 1439 женщин. В селе имелись церковь деревянная, церковно-приходская школа, пять

¹ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 23 об, 27.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 10 (15 мая 1895 г.). – С. 371.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 1 (1 января 1900 г.). – С. 89.

⁴ Рязанско-Уральская железная дорога и ее район. – СПб.: Правление О-ва Рязан.-Урал. ж. д., 1913. – С. 92–93.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 июня 1905 года. – Скопин, 1906. – С. 34–35, 71.

⁶ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 36–37.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. – Скопин, 1913. – С. 25.

⁸ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 174.

ветряных мельниц¹. Две из этих мельниц принадлежали крестьянам Алексею Дьяконову и Федору Васильевичу Карпову².

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. некоторые жители села были мобилизованы в Русскую императорскую армию и отправились на Дальний Восток. Их семьи остались без заработка и средств к существованию. В документах Скопинского уездного земства упоминаются члены семьи сражавшихся с японцами М.П. Аносова, С.М. Карпухина, С.И. Сонина, И.М. Тулина, П.Ф. Перегудова, Т.С. Конкина, В.М. Тишкина. По представлению земского собрания они были признаны нуждающимися в продовольственном пособии. Также их освободили от казенных и земских сборов.

Сельские промыслы, которыми занимались кремлевские крестьяне, по идее должны были приносить им дополнительные доходы. К сожалению, в начале XX в. это получалось не всегда. Об этом можно судить по прошениям о списании задолженности по налогам и сборам, которые жители села направляли Скопинскому уездному земству. Например, проживавший в селе скопинский мещанин Степан Егин, которому в 1905 г. исполнился 61 год, имел в селе собственную кузницу, но не мог найти к ней работника, сам же по преклонному возрасту «стал к труду совершенно неспособен», так что «с великим трудом» добывал пропитание себе и семье – жене и двум дочерям³. Купленная в 1904 г. крестьянином Ефимом Михайловичем Юдиным у односельчанина Елисея Сидорова уже не новая ветряная мельница также особого дохода не приносила, к тому же случившимся летом 1908 г. ураганом «ей причинено убытку около ста рублей», и это при том, что за ее владельцем и без того числились недоимки на сумму более 36 рублей⁴. В другом прошении Е.М. Юдин сообщал земству: «Моя ветряная мельница около 10 лет была неработоспособна. По бедности и старости я ее только чинил, а зарабатывал на ней не больше месяца в год»⁵. В 1911 г. его мельница была совсем разобрана. Другая мельница принадлежала проживавшему в Кремлево скопинскому мещанину Ивану Григорьевичу Переславцеву. Она была и новее, и лучше по оборудованию. Но и он ходатайствовал о снижении промыслового налога, утверждая: «Так как я совершенно становлюсь древним, около 60 лет, и плохо вижу глазами, рабочих не содержу, работаю с великим трудом, потому что, чтобы голодной смерти не помирать»⁶. Еще одним кремлевским предпринимателем начала XX в. был Матвей Панкратович Шамонов, владевший в селе торговой лавкой и ветряной мельницей. В 1913 г. и он просил земство о снижении промыслового налога, так как его мукомольное предприятие не выдерживало конкуренции с построенной в Кремлево паровой мельницей⁷.

Исправные кремлевские мужики в поисках заработков уходили в дальние и ближние села и города. Природные способности у них были, а вот отсутствие профессионального технического образования нередко подводило. Так, в 1907 г. кремлевские плотники Василий Иванович Степашин и Иван Иванович Дьяконов обратились в Скопинскую уездную земскую управу с прошением, сообщив: «Летом 1906 г. мы работали в селе Поляны при постройке

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 638–639.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV 1908 года созыва. – Скопин, 1909. – С. 214.

³ Там же. С. 247.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же. С. 249.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года, Скопин 1914 – С. 253.

⁷ Там же. С. 598–599.

больницы, причем согласно условиям должны были ставить стропильные фермы по 20 копеек с одной погонной сажени, что нами и было исполнено, но ввиду сложности конструкции, которой нам раньше не приходилось делать, мы не рассчитали хорошо количество работ на одного человека в день, и в конце концов оказалось, что мы проработали, то есть понесли убытка около 50 рублей»¹. Кремлевским плотникам еще повезло, что они работали не на частного хозяина. Земский техник П.П. Алексеев подтвердил их ошибку, поэтому они все-таки получили от земства компенсацию в 40 рублей.

Небольшая компенсация вряд ли сильно помогла кремлевским плотникам, с учетом того, что некоторое время спустя их родное село столкнулось с масштабным бедствием. Газета «Рязанский вестник» сообщала: «8 августа [1907 г.] в 2 часа дня в селе Кремлеве от шалости с огнем нескольких детей произошел пожар, которым уничтожено 165 крестьянских домов с надворными постройками и 65 риг; кроме того, сгорело 1900 копен ржи, 500 копен овса и 2500 пудов сена. Убыток 106 500 рублей»².

В начале XX в. в уездах еще сохранялись традиции строительства и ремонта храмов «всем миром». В богоугодном деле могли принять участие и жители соседних селений. Известно, что прихожане сел Дымово, Городецкое, Костемерево, Князево-Займище, Поляны, Муравлянка, Лазинка, Березняги и других обходили спархию со специальными «просительными книгами», собирая пожертвования. В 1905 г. жители Кремлево последовали их примеру: в селе решились на строительство кирпичного церковного здания. Сборщиками средств от Кремлевского сельского общества стали крестьяне Р.Е. Шлыков и П.Н. Пашков.

В то время, когда одни собирали, другие воровали. Случаи ограбления храмов в дореволюционное время отмечались и в Скопине, и в уезде. Например, в скопинской Входио-ерусалимской церкви в 1907 г. мастеровые, красившие крышу, похитили некоторые части церковной люстры, а в 1908 г. воры украли серебряный ковчег с напестольным медным крестом. В Кремлево 16-летний крестьянский сын Тимофей Мартинов в самый канун Рождества, 20 декабря 1908 г. (2 января 1909 г.) похитил из церкви около 23 рублей. Благодаря проведенному расследованию преступник был быстро найден и арестован³.

В 1914 г. в Архангельской церкви села Кремлево служил священник Иван Александрович Пронский. При церкви земля усадебной – 3 десятины (3,3 га), пахотной – 33 десятины (36 га). В приходе насчитывалось 410 дворов, население которых составляли 1418 мужчин и 1478 женщин⁴. В 1914 г. у нового церковного здания рухнули внутренние своды. Их восстановили к 1917 г., когда церковь была повторно освящена.

О сельских храмах в последние предреволюционные годы сохранились воспоминания жителя Кремлево Фирсова: «Когда-то рядом с действующей церковью была старая, деревянная церковь, впоследствии на ее месте был магазин «Сельмаг» и кладовая колхоза. Старая деревянная церковь была обнесена кирпичной оградой с хорошими входными воротами. Кругом церкви в ограде росла акация и было несколько могильных холмов с крестами – это похоронены бывшие духовные лица. При входе в церковь с левой стороны висела икона «Страшного суда», где грешники висели в огне вверх ногами, а два беса держали цепи, на

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIII 1907 года созыва. Скопин, 1908. – С. 209.

² Рязанский вестник, № 223. – 1907. – 27 августа.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 2. – 15 января, – 1908. – С. 54; № 5. – 1 марта, – 1908. – С. 115.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVIIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 581–582.

которых висели грешники. За церковью шла улица Духовая – позже Поповская, на ней были три большие усадьбы: псаломщика Рыбарева Дмитрия Феодоровича, дьякона Индиктова Ивана Георгиевича, священника Пронского Ивана Александровича».

В начале XX в. окончательно оформилась внутренняя топонимика села Кремлево. В его застройке выделялись порядки Большой, Голянов, Гулынки, Комов, Щетнев, Погорелки, Хутрый, Обухово, Вылетовка, Корчагин, Московский. Эти названия официально использовались до середины 1950-х гг., а неофициально бытовали в среде местных жителей и десятилетия спустя¹.

В 1917 г. в селе Кремлево Павелецкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 517 дворов, в которых проживали 1762 мужчины и 1822 женщины².

Советская власть в селе, как и повсюду в уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1919 г. в Кремлево появилась «коммунистическая ячейка». О первых шагах ее деятельности писали скопинские уездные «Известия»: «Большинство населения, особенно старики, очень враждебно относятся вообще ко всем новым организациям, а в частности к коммунистическим. Но наша молодежь, не взирая на это, решила организовать у себя в селе коммунистическую ячейку, чувствуя *инстинктивно* в этом потребность. Нашей молодежи в этой работе помогла коммунистическая ячейка ст. Павелец. Был организован клуб, задачи его дать политическое и культурное развитие гражданам села Кремлево. Культурно-просветительный кружок для более продуктивной работы решил слиться с коммунистической ячейкой. Надо полагать, что это слияние поможет клубу вести свою работу в довольно широком масштабе. Отрадно видеть, что молодежь сознательно относится к текущим вопросам революционного времени, и дает надежду, что соединенными усилиями мы победим векового врага – нашу темноту. Деятельное участие в организации ячейки принимал и учительский персонал. 18 февраля с.г. нашу организацию посетили тов. Ростовцев – агитатор и тов. Пуртов – инструктор-организатор Скопинского уездного военкома, а 19 февраля посетил тов. Сгибнев – председатель Укомпарта. Желательно было бы и посещение из отдела народного просвещения: каждое посещение таких лиц дает нам толчок к плодотворной деятельности. Намечены и уже проводятся в жизнь коллективные собеседования, чтения и курсы для неграмотного взрослого населения, постановки спектаклей и концерты. Уже был поставлен один концерт при участии струнного и духового оркестров тов. со ст. Павелец; в заключение состоялись танцы. Интерес населения к подобным концертам огромный, что доказывается большим наплывом желающих присутствовать; за недостатком мест, пришлось прекратить продажу билетов. Такое явление дает силу и бодрость для дальнейшей работы»³.

Гражданская война, обилие оружия в частных руках и слабость новой власти создали благоприятные условия для разгула в стране бандитизма. Основные усилия советского правительства, конечно, были сосредоточены на борьбе с его «белыми» конкурентами, но и над этим «меньшим злом» ей порой удавалось одерживать значимые локальные победы. Скопинские уездные «Известия» сообщали: «18-го сего июня [1919 г.] в селе Кремлево начальником милиции 4-го района арестован и обезоружен известный всему уезду бандит-рецидивист Андрей Батов, разыскиваемый по публикации с августа 1918 г. Батов после того, как Учрезвкомиссией были приняты меры к прекращению грабежей, терроризовавших район Павелецкой волости, осенью прошлого года скрылся и поступил по переселенческому биле-

¹ Ленинская искра, № 11. – 1950. – 26 января.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 149.

³ Известия, № 16. – 1919. – 9 марта.

ту в армию, где он и находился до сего времени: однако, кем он был, тем и остался: в ночь с 17-го по 18-е сего июня Батов устроил разграбление награбленной на станции Павелец Рязано-Уральской железной дороги мануфактуры. Батовым была брошена бомба, которой был ранен гражданин села Кремлево Иван Шамонов»¹.

В 1924 г. был образован Кремлевский сельсовет². К началу 1920-х гг. традиционный уклад жизни кремлевских крестьян изменился мало. Данные за 1926 г. свидетельствуют, что в Кремлево в это время насчитывалось 547 дворов. Основными занятиями населения оставались земледелие, скотоводство, огородничество, плотничество, валяние обуви, сапожничество. При значительной концентрации населения доступ людей к водным ресурсам приобретал большое значение. Воды в Кремлево хватало: в центре села имелись 4 копаных пруда, на все село было 56 колодцев. Обследование местных земельных ресурсов в 1927 г. подтвердило, что село, лежавшее на возвышенности у прудов, находилось в «местности сырой и болотистой»³. Это заключение лишний раз подтверждает основную версию происхождения названия села – нахождения здесь когда-то кремлевника (группы хвойных деревьев близ мохового болота).

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Кремлево стало населенным пунктом Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1930 г. на волне массовой коллективизации здесь был организован колхоз «Восход»⁴. Появилась в селе и ячейка ВКП(б). В ней насчитывалось 8 членов и кандидатов в члены партии. Была и своя комсомольская организация, членами которой были 11 человек⁵. Жители небольшого села, удаленного от крупных городов, жили общими интересами со всей страной, строившей новое общество. В мае 1931 г. горловская районная газета «Ленинская искра» сообщала: «На выпады внутренних и внешних врагов СССР кремлевский колхоз «Восход» в день 1 мая объявил себя ударным. На первоммайском торжественном заседании колхозники путем соцсоревнования собрали 103 руб. на постройку эскадры дирижаблей имени Ленина»⁶.

Жителям села не всегда везло с руководством сельсовета. В 1931 г. селькор с псевдонимом «Зоркий» в заметке «Анохин, очнись!» писал: «Председатель Кремлевского сельсовета нередко бывает в пьяном <виде>. В районе сельсовета сильно развелось шинкарство, борьбы с ним не ведется, потому что сам председатель Анохин любит выпить»⁷. В начале 1930-х гг. председателями Кремлевского сельсовета были Н.Н. Мишин, затем Ф. Евтеев, ранее работавший на транспорте⁸. В сельсовете состояло 30 человек. В годы коллективизации он следил за выполнением спускавшихся «сверху» планов поставки государству сельхозпродукции, как колхозом, так и единоличниками. В компетенцию сельсоветов входило определение, является ли крестьянское хозяйство кулацким, середняцким или бедняцким. В соответствии с этой градацией определялся уровень налогообложения и размеры т.н. «твердых заданий» единоличным хозяйствам по сдаче сельхозпродукции. Выполнение планов по твердым заданиям и засыпке семенных фондов контролировали судебные следственные бригады. После

¹ Известия, № 38. – 1919. – 27 июня.

² Архив Скопинского района, ф. 409, лл. 1–2.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 262, лл. 1–2.

⁵ Ленинская искра, № 123. – 1932. – 12 октября.

⁶ Ленинская искра, № 23. – 1931. – 8 мая.

⁷ Ленинская искра, № 16. – 1931. – 28 марта.

⁸ Ленинская искра, № 123. – 1932. – 12 октября.

нескольких сигналов из села о стиле работы сельсовета такая бригада 16 марта 1932 г. побывала в Кремлево и «обнаружила полную бездеятельность по подготовке к севу», а именно то, что планы и «твердые задания» до кулацких дворов не доведены, а помещения для засыпки семян не подготовлены. Бригада тут же предложила председателю сельсовета Н.Н. Мишину довести задания до 17 зажиточных хозяйств, на что получила ответ: «Надо их вызвать в сельсовет и поговорить, может они не разобрали посланные им извещения». Тогда ему было предложено созвать президиум сельсовета и в однодневный срок засыпать семена. Однако Мишин, по всей видимости ориентировавшийся на интересы зажиточных односельчан, целую неделю оттягивал выполнение этой настоятельной рекомендации. Оправдываясь, он объяснял, что созвать президиум невозможно «из-за снежных заносов»¹. Итог этой попытки выгородить состоятельных односельчан стал для председателя Мишина печальным – он был привлечен к уголовной ответственности по ст. 3 УК РСФСР.

В колхозе «Восход» дела тоже поначалу не ладились. Весной 1932 г. выяснилось, что сельхозартель к севу не готова. Достать семена можно было только у зажиточного крестьянства, которое по «твердым заданиям» было обязано их ссыпать для дальнейшего высева. Ссыпки не было, не хватало и половины требовавшегося количества семян. Вина в этом была, прежде всего, политика властей, в предыдущем году любой ценой требовавших выполнения плана по сдаче хлеба государству, но «стрелочниками» назначили проникший в колхоз «классово-чуждый элемент», якобы занимавшийся вредительской деятельностью. Приступили к «чистке рядов». На общем собрании колхозников был поставлен вопрос об исключении из колхоза крестьянина А. Музланова, так как «он раньше имел в Подольске четырехконную молотилку и столыпинский участок», поэтому, по заключению местной газеты, даже став колхозником, оставался «ярим кулаком». За него заступились член партии И.И. Евтеев и комсомолец Алексашин, являвшийся, как счетовод, членом правления колхоза, членом сельсовета и комиссии по хлебозаготовкам. Но ритуальные жертвы все же должны были быть принесены. Исключенными по «классовому принципу» оказались владевший до революции половиной механической мельницы П. Исасв, собственник ветряной мельницы Т.Ф. Дьяконов и владелец чайной Конов².

Несмотря на все усилия, к осени 1932 г. стало понятно, что план по хлебозаготовкам по Кремлевскому сельсовету выполнен лишь на 25 %, а плановые показатели по «твердым заданиям» для зажиточных крестьян – всего на 3 %. Из 33 членов сельсовета хлеб вывез один только Авдохин, да и то не полностью. Местные кулаки попрятали хлеб сразу после обмолота. Один из них, П. Баринов, по сообщению местного активиста, «на днях бегал за бедняком-соседом с топором за то, что последний помог сельсовету в изъятии имущества». Секретарь партийчейки Ф. Евтеев, понимая бесполезность каких-либо мер, прямо заявил уполномоченному Горловского районного комитета партии, который пытался его «мобилизовать» на дело спасения проваливавшегося плана: «Мне некогда работать, торф возить надо»³. За что, естественно, заслужил строгое порицание на страницах «Ленинской искры».

Вопреки всем перегибам и перекосам, колхозный строй все же утверждался в крестьянской жизни. Весной 1933 г. в кремлевском колхозе «Восход» должны были засеять 290 га ярового клина и засадить картофелем 50 га. В сельхозартели в это время же состояло 214 дворов, из которых 166 вступили в нее недавно⁴.

¹ Ленинская искра, № 27. – 1932. – 28 марта.

² Ленинская искра, № 48. – 1932. – 24 апреля.

³ Ленинская искра, № 107. – 1932. – 4 сентября.

⁴ Ленинская искра, № 29. – 1933. – 4 апреля.

К 1934 г. сигналы о тревожном положении дел в Кремлевском сельсовете приняли систематический характер. «Ленинская искра» писала: «В нетрезвом виде очень часто является на работу пред. Кремлевского с.с. Евтеев, а иногда из-за пьянки вовсе пропускает занятия, вследствие этого почти все виды работ проходят слабо. Президиуму РИКа необходимо призвать Евтеева к порядку»¹. «Секретарь Кремлевского сельсовета тов. Бородачев занимается систематической пьянкой и в трезвом виде редко бывает на работе. На выпивку Бородачевым было растрчено около 300 руб. казенных денег, за что он привлекался к судебной ответственности. Таким как Бородачев в советском аппарате не должно быть место»².

В 1934 г. районная газета вышла с большой передовицей «Классовые враги Ванины, Мухин разоблачены, они должны ответить за кулацкую работу перед пролетарским судом». Горловский райпрокурор Лазарев сообщил: «Закон по зернопоставкам государству незыблем. Жалобы о неправильном обложении могли лишь приниматься в 15 дней с момента вручения обязательства. В Кремлевском сельсовете классовые враги ожесточенную повели борьбу против зернопоставок. Враги трудящихся Ванины, Мухин повели кулацкую агитацию о том, что Кремлевский сельсовет не имеет план зернопоставок государству по единоличному сектору: «Скоро отнимем у колхоза хорошую землю, а поэтому не ходите в колхоз». 8 июля братья Ванины, церковный староста Мухин на лугах проводят без ведома сельсовета собрание, на котором они предложили продать луг за 260 руб., чтобы поехать ходатайствовать об освобождении от хлебопоставок, о чем писалось в нашей газете «Ленинская искра». Причем следствием установлено, что Ванин Степан и его брат вместе с церковным старостой Мухиным собрали с каждого двора по 2 руб. Ходоки на эти трудящиеся деньги пьянствовали, и деньги эти были пропиты. Безусловно, поскольку закон незыблем, и никакие теперь жалобы о неправильном обложении не принимаются, ходоки напрасно проездили в Москву. Они это хорошо знали, что платить все равно придется. Но они этим хотели одно, это сорвать государственные обязательства за счет обмана трудящихся. Когда разоблачили эту кулацкую работу, Ванин пошел дальше. Он поехал в ссыпной пункт и вернулся обратно, заявив о том, что зерно не принимают. И когда сельсовет повез с своим уполномоченным эту же рожь на ссыпной пункт, рожь была признана хорошего качества.

Мухин имеет 5 человек в семье, и на себя он не взял земли, имеет земли на 4 человека, с которых и обложено налогом зерно. Эта проделка нужна была Мухину для того, чтобы укрываться от государственных повинностей. Сын Мухина растратил в сельсовете 1900 руб., и чтобы укрываться от гражданского иска, производит раздел. Мухин почему-то получает пенсию. Одна дочь Мухина работает в совхозе «Индустрия». Она ведет там разлагательскую работу. Проверить, не связан ли падеж поросят с работой Мухиной? Теперь окончательно разоблачена гнусная работа классовых врагов братьев Ваниных, Мухина. Они привлекаются к судебной ответственности...»³ После дополнительной работы районных властей обстановка в селе постепенно стала оздоравливаться.

В начале 1937 г. в кремлевском колхозе «Восход» числились 360 дворов, т.е. коллективизация села достигла 92,3 %. Посевная площадь колхоза составляла 2205,1 га, из которой собственно на колхоз приходилось 2105,7 га, а оставшуюся площадь занимали приусадебные участки колхозников. На единоличников приходилось 7,0 га. В колхозе держали 142 лошадей, 28 голов крупного рогатого скота, 55 свиней, 48 овец. В хозяйствах жителей села круп-

¹ Ленинская искра, № 13. – 1934. – 7 февраля.

² Ленинская искра, № 25. – 1934. – 3 марта.

³ Ленинская искра № 133. – 1934. – 6 августа.

ного имелось 245 голов крупного рогатого скота, 48 свиней, 410 овец и 7 коз, у единоличников – 2 головы крупного рогатого скота и 2 овцы. Площадь садов колхозников составляла 9,5 га, единоличников – 0,9 га¹. Также в селе работали 2 мельницы, просорушка, начальная школа, изба-читальня, отделение связи и магазин².

В 1937 г. Кремлево вместе с другими населенными пунктами Горловского района перешло из Московской области в Рязанскую. В конце января 1938 г. в селе была закрыта Архангельская церковь³, ее последний священник, по воспоминаниям жителей села, был арестован. «Большой террор» коснулся и одного из уроженцев села, проживавшего вдали от него. 8 сентября 1937 г. в подмосковном городе Орехово-Зуево был арестован столяр местной ТЭЦ Иван Иванович Степашин (1882–1937). 9 октября он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «участии в контрреволюционной террористической кулацкой группе». 13 октября 1937 г. И.И. Степашина расстреляли на Бутовском полигоне под Москвой. В 1956 г. он был посмертно реабилитирован.

На 1 января 1939 г. в селе Кремлево Кремлевского сельсовета Горловского района Рязанской области насчитывалось 482 двора. В колхозе «Восход» состояло 472 двора с населением в 2205 человек. За рамками колхоза оставались 985 человек. Крупный рогатый скот содержали в 381 хозяйстве. В течение 1938 г. в кремлевский колхоз вступило 2 крестьянских хозяйства, выбыло 5. Общая площадь обрабатываемых колхозом земель составила 1889 га, в том числе под зерновыми – 1483 га, под картофелем – 105 га, под прочими овощами – 4 га. Урожайность зерновых составляла 6,6 ц с га, картофеля – 65 ц с га, других овощей – 16,7 ц с га. В среднем каждый колхозник выработал по 61 трудодню. После распределения 33 % денежных доходов на каждый из них приходилось к выдаче на 1,1 кг зерновых и 33 копейки деньгами. На административно-хозяйственные нужды пошло 7,2 % денежного дохода колхоза⁴. В «Восходе» было 28 голов крупного рогатого скота (в том числе 10 коров), 34 свиньи (3 свиноматки), 98 овец, 163 лошади (из них 131 рабочая).

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. В течение года линия фронта неумолимо приближалась к скопинским землям. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Кремлево оказалось на оккупированной территории. «На рязанском направлении, во всей обширной полосе от Зарайска до Скопина и южнее, т.е. на фронте более 120 км не было никаких советских войск ни в обороне, ни в наступлении...»⁵ 25 ноября немецкие войска вступили в город Скопин. Разведывательные отряды захватчиков действовали в селениях Горловского, Скопинского, Желтухинского районов, доходя до Яблонево и Шелемишево.

В первые дни декабря советские войска готовили контрнаступление, ставшее одним из переломных моментов в битве под Москвой. Прологом к нему стало освобождение Скопина. «Выгрузившаяся в Рязске 84-я стрелковая бригада вступила в бой на Рязском

¹ Архив МГУ. – Ф.42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

³ По другим данным это произошло 5 августа 1939 г.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

⁵ *Голиков Ф.И.* В Московской битве. М.: Наука, 1967. – С. 32.

направлении с 5-м мотоциклетным полком немцев¹. Освободив в коротких ожесточенных боях 6 населенных пунктов, части бригады 28 ноября штурмом, при поддержке нашей авиации, овладели городом Скопин»². Очевидец и участник этих событий Е. Дронов вспоминал: «Одновременно с освобождением г. Скопина группа 3-го батальона и лыжники 84-й ОМСБ достигли районных центров Милославское, Чернава; правый же фланг, где были сосредоточены основные силы бригады, освободив станции Павелец и Кремлево, примерно 3–4 декабря 1941 г. встретился с подразделениями 41-й кавалерийской дивизии, затем вошедшей в состав 10-й армии Ф.И. Голикова, которая, как указано им в его книге «В Московской битве», в это время выходила из окружения. Они-то и приняли достигнутые 84-й ОМСБ рубежи в районе сел Делехово, Хворощава и с 6 декабря начали наступление»³.

Однако по данным противника, 41-я кавалерийская дивизия в это время находилась в другом месте. На трофейной немецкой карте, датированной 26–27 ноября 1941 г., указано, что части 10-й мотопехотной дивизии 2-й армии Г. Гудериана занимали Горлово, Чернаву, а остатки 41-й кавдивизии, вышедшей из окружения, находились в 3 км северо-западнее села Клекотки, а еще дальше от них к северу – вышедшая из окружения 239-я стрелковая дивизия, о которой сам Г. Гудериан в книге своих воспоминаний сообщал: «Главные силы 239-й сибирской стрелковой дивизии, оставив свою артиллерию и автотранспорт, вырвались из окружения и ушли на восток. Растянутая линия окружения из частей 29-й мотодивизии не смогла сдержать прорвавшихся русских и понесла большие потери»⁴.

Начиная с 29 ноября 1941 г. в Рязьке выгружались из эшелонов части 346-й стрелковой дивизии 61-й армии Юго-Западного фронта, которой командовал полковник И.Е. Давидовский. Уже через несколько часов после выгрузки ее передовые отряды действовали на рубежах выдвижения. В приказе от 6 декабря 1941 г. по разведке штаба 346-й стрелковой дивизии, которую возглавлял капитан Беловодов, отмечалось, что «в течение 3, 4 и 5 декабря 1941 г. на восточной окраине Кремлево противником роются окопы»⁵. В связи с этим перед полками дивизии ставилась задача ведения разведки в этом районе. Приказом информировалось о действовавшей впереди разведроты дивизии, двигавшейся по маршруту Скопин – Стрелецкая дубрава – Павелец – станция Кремлево – Горлово.

Что касается 41-й кавдивизии под командованием комбрига П.М. Давыдова, то 29 ноября 1941 г. она была включена в 10-ю армию Западного фронта, сосредотачивалась под Рязанью, а с переходом 10-й армии в контрнаступление 6 декабря 1941 г. получила боевой приказ параллельным преследованием отходящего противника выйти в район села Клекотки и оседлать шоссе Михайлов – Епифань с целью не допустить отходящего из Михайлова противника на юг. Выйдя в район села Клекотки, дивизия с ходу овладела этим населенным пунктом, нанеся противнику ощутимые потери⁶.

¹ Здесь в воспоминания Е. Дронова, похоже, вкралась неточность. 5-й моторизованный (или мотоциклетный) полк вермахта к захвату Скопина отношения не имел. 5-й моторизованный полк в это время находился в Африке, а мотоциклетных полков в немецкой армии не существовало (в отличие от мотоциклетных батальонов). Вероятно, произошла путаница между 5-й батальей 18-го моторизованного артиллерийского полка и 18-м мотоциклетным батальоном, входившим в тот момент в состав усиленного 88-го бронированного разведбатальона.

² ЦАМО, ф. 1891, оп. 1, д. 1, л. 1.

³ Дронов Е. Страшные дни ноября сорок первого. www.skopin.net/history/strashnye-dni-noyabrya-sorok-pervogo-chast-1.

⁴ Гудериан Х. Воспоминания солдата. – Смоленск: Русич, 1999. – С. 344.

⁵ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 11.

⁶ ЦАМО, ф. 3571, оп. 1, д. 1, лл. 1–2.

Таким образом, освободившая Скопин 84-я стрелковая бригада встретила подразделения 41-й кавдивизии и передала им захваченные рубежи уже после ее реформирования под Рязанью. Как утверждает Г. Гудериан, когда «превосходящие силы противника впервые оказали сильное давление на 10-ю мотодивизию»¹, обескровленные части немецкой 2-й танковой армии вынуждены были оставить Скопин и в дальнейшем уже не пытались развивать наступление в направлении Скопин – Рязск. Из Кремлева немцы ушли 6 декабря 1941 г., на следующий день ими была оставлена и станция Павелец.

В 1942 г. с целью восстановления дезорганизованного боевыми действиями хозяйства Горловского района он был передан в подчинение Московской области. После изгнания фашистов главной заботой местного населения было восстановление колхозов, ремонт сельхозтехники и оказание помощи армии. Летом 1942 г. труженики села вышли на жатву. В колхозе «Восход» Кремлевского сельсовета 6 августа 1942 г. «Любовь Лункина, Прасковья Мишина, Варвара Исаева, Матрена Хлопкова, Аксинья Мишина и Евдокия Фомина – всего 2 крюка и 4 вязальщицы, скосили и связали полгектара. Елена Даниловна Ерошина сказала: «Мне вязальщиц не надо. Буду одна косить, вязать и в кресцы класть». Чтобы не докучать мужчинам, девушка сама отбивала косу, случись неполадка с крюком – сама и устранил. Ежедневно она скашивала по 0,6 га, укладывала в кресцы и колоски подгребала. Не отставали Матрена Шамонова, Прасковья Пунина, Мария Хамчишина и другие. Жатчик, 60-летний Павел Васильевич Фомин, всегда перевыполнял, вместо 5 га скашивал 6 га»². Помогали колхозникам и учащиеся местной школы, которой в это время руководила Анна Георгиевна Пчелинцева. В 1943 г. кремлевский колхоз был разделен на три хозяйства: «Восход», им. С.М. Буденного и «Краснофлотец»³.

За годы войны немало жителей села отдали свои жизни за свободу и независимость Родины. Были среди возвращавшихся фронтовиков и удостоенные высших воинских отличий. Уроженец Кремлево старший лейтенант Александр Алексеевич Карпов (1925–1993) был командиром эскадрильи 806-го штурмового авиационного полка 206-й штурмовой авиационной дивизии 8-й воздушной армии 4-го Украинского фронта. Он участвовал в боях за Сталинград и за освобождение Крыма, к апрелю 1944 г. совершил 114 боевых вылетов, на его счету были 32 поврежденных и уничтоженных танка, около 90 автомашин с войсками и грузом, 5 самолетов, 19 батарей полевой и зенитной артиллерии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1944 г. «за мужество и героизм, проявленные в воздушных боях с немецко-фашистскими захватчиками» А.А. Карпову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В 1944–1945 гг. военный летчик из Кремлево участвовал в освобождении Советской Прибалтики, в послевоенные годы продолжил службу в ВВС СССР. В 1981 г. генерал-майор авиации А.А. Карпов вышел в запас. За годы службы он был удостоен трех орденов Красного Знамени, орденов Александра Невского, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени. До конца своих дней Герой Советского Союза генерал-майор А.А. Карпов проживал в Киеве.

В 1946 г. Горловский район был возвращен Рязанской области. В послевоенные годы перед страной стояли задачи скорейшего восстановления промышленности. Делалось это нередко за счет села. Из деревни выкачивалась не только сельхозпродукция, но и людские ресурсы. Основной проблемой колхозной системы послевоенного времени являлось то обстоятельство, что колхозники были вынуждены большую часть своего времени работать на колхоз, в то время как

¹ Гудериан Х. Воспоминания солдата. – Смоленск: Русич, 1999. – С. 346.

² Ленинская искра, № 42. – 1942. – 13 августа.

³ Архив Скопинского района, ф. 262, лл. 1-2.

основной доход им приносил приусадебный участок. На фоне сохранения многих чрезвычайных норм выработки, введенных в военное время, личные подсобные хозяйства жителей села не только были урезаны, но и обложены непомерными налогами. Каждый крестьянский двор должен был платить налог на землю, а также поставлять государству определенное количество мяса, молока, яиц, шерсти и других продуктов. Налогом было обложено каждое плодородное дерево. Колхозникам не полагалось пенсий, они не имели отпусков, паспортная система на них не распространялась. В представлении руководства страны, восстановление и развитие сельского хозяйства должны были основываться, не на материальной заинтересованности тружеников, а на усилении административного нажима. Тем же, кто так или иначе уклонялся от труда или не выработывал положенную норму трудодней, грозила ссылка. В таких условиях не приходилось ожидать от колхозников высокой заинтересованности в своем труде. Именно это явление зафиксировало отчетное собрание колхоза «Восход», проведенное в 1949 г., которому в ходе обсуждения доклада председателя колхоза Тулина пришлось констатировать, что «50 трудоспособных колхозников не выполнили установленный минимум трудодней <...>, председатель распорядился имуществом, как своим личным, колхоз не выполнил перед государством план хлеба-заготовок и остался без семян...»¹

Вместе с тем, несмотря на имевшиеся недостатки, общестатистическая картина жизни кремлевских колхозов выглядела неплохо. В 1950 г. в одном из них – в колхозе «Восход», «состояло 319 хозяйств с 305 трудоспособными. Площадь земель составляла 3145 га, в т.ч. 2477 га пашни и 110 сенокоса. В полеводстве было занято 6 бригад. Насчитывалось 112 лошадей, 77 голов крупного рогатого скота, 67 свиней, 170 [голов] птицы»².

В 1950 г., в рамках взятой линии на укрупнение рязанских колхозов, хозяйства «Восхода», им. С.М. Буденного и «Краснофлотца» снова были объединены под довоенным названием. В 1958 г. в укрупненный колхоз «Восход» влился соседний колхоз «Красная заря» Вязовенского сельсовета, существовавший с 1930 г. (основными направлениями его деятельности были полеводство и животноводство). Получившееся крупное хозяйство имело в своем распоряжении 5450 га земли³.

В 1959 г. Горловский район Рязанской области был упразднен, его населенные пункты вошли в состав соседнего Скопинского района. В 1964 г. Кремлевский сельсовет увеличился за счет ликвидированного Вязовенского сельсовета⁴. С 1964 г. в него входили оба села – Вязовенка и Кремлево. На территории сельсовета работали начальная школа, клуб, библиотека, медпункт, магазин. Жители обоих сел работали преимущественно в колхозе «Восход»⁵.

«На 1 января 1980 г. в селе 371 житель в 198 хозяйствах, центральная усадьба колхоза «Восход», магазин, начальная школа, клуб, медпункт, районный пункт приема КБО, ферма крупного рогатого скота с поголовьем в 300 фуражных коров. В 1992 г. колхоз «Восход» был реорганизован в АОЗТ «Кремлево», учредителями, которого были колхоз и научно-производственное объединение «Криогенмаш» г. Балашиха Московской области. Из АОЗТ «Кремлево» вышли 25 жителей со своими имущественными и земельными паями и создали 6 фермерских хозяйств СПК «Согласие». К концу 1990-х гг. в селе было 138 хозяйств с 318 жителями, Дом культуры, библиотека, медпункт. Начальную школу закрыли»⁶.

¹ Ленинская искра, №18. – 1949. – 17 февраля.

² Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. – Рязань, 2006. – С. 186.

³ Архив Скопинского района, ф. 262, лл. 1-2.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 409, лл. 1-2.

⁵ Архив Скопинского района, ф. 409, лл. 1-2.

⁶ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. – Рязань, 2006. – С. 186.

В 1991 г. общине верующих было передано разоренное здание Архангельской церкви. Храм был капитально отремонтирован и освящен 16 апреля 1992 г., числится по 2-му Скопинскому благочинию. В настоящее время настоятелем Архангельской церкви села Кремлева является протоиерей Михаил Анатольевич Рящин. Местный священник несет послушание по окормлению колонии строгого режима ИК-5 в селе Клекотки, а также приходов сел Муравьянка, Вязовенка и поселка станции Павелец.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Кремлево было включено в городское поселение Павелецкое. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в поселке в это время насчитывалось 254 жителя – 123 мужчины и 131 женщина.

Село Кремлево – родина Владимира Егоровича Курташина (1932–2008). Его детство прошло в непростые годы военного лихолетья. После учёбы в Тульском механическом институте ему суждено было пройти путь от обычного рабочего Челябинского завода имени С.К. Орджоникидзе до генерального директора НПО «Криогенмаш». В.Е. Курташин также был действительным членом, профессором кафедры «Техника и физика низких температур» Российской инженерной академии, действительным членом Международной академии холода, деканом кафедры криогенной техники Академии приборостроения и информатики.

В 1980 г. В.Е. Курташин был назначен начальником ВПО «Союзкриогенмаш», координировавшего работу НИИ, конструкторских бюро и заводов по разработке новой криогенной техники, созданию оборудования, не имеющего аналогов в отечественном и мировом машиностроении. За участие в создании ракетной системы «Энергия-Буран» Владимир Егорович был удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» (1991). В 1994 г. В.Е. Курташин стал президентом и председателем совета АО «Криогенмаш». Благодаря его усилиям отрасль криогенного машиностроения в 1990-е гг. была сохранена и продолжает развиваться.

Именитый земляк не забывал и о своей малой родине. Восстановленный Архангельский храм, памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны землякам, дороги – вот результат его незабываемой и своевременной помощи родному селу.

В 2015 г. в селе – действующая Архангельская церковь, сельская библиотека, работают отдельные фермерские хозяйства.

КУЗЬМИНКА-2 (КУЗЬМИНКИ) деревня (сельское поселение Шелемишевское)

Основание деревни Кузьминки условно можно отнести к середине XVIII в. Первое упоминание о ней относится к 1779 г. В черновике экономических примечаний к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленном ок. 1778 г., о ней и ее владельцах сказано: «Проданная земля Ряской Рановской засеки в владении генерал-майора Матвея Васильевича Муромцова, на коей поселена деревня Кузьминка, лежит по речке Песочни, на коей пруд. Жители водой довольствуются из показанного пруда, крестьяне состоят на изделье»¹.

В окончательном варианте экономических примечаний, датированных 1779 г., указано, что земля, на которой располагалась новопоселенная деревня Кузьминка, лежала «по обе стороны верховья речки Песочни, оврага Лутова, земля иловатая с серью, хлеб средственный, лес дровяной». При селении имелось всего 5 десятин 600 саженой (5,7 га) пашни, 475 десятин (518,8 га) покосов, 778 десятин (848 га) леса, и еще 15 десятин 1185 саженой (16,9 га) считались «неудобиями»².

Упомянутый в документе помещик М.В. Муромцев (1734–1799) – представитель старинного дворянского рода, связанного с историей Рязанского и Тульского краев, видный военный деятель и администратор екатерининской эпохи. В годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. он был генерал-квартирмейстером главнокомандующего генерал-аншефа графа П.А. Румянцева, в 1775–1777 гг. являлся губернатором Новороссии. В 1777–1784 гг. генерал-поручик М.В. Муромцев был первым наместником Тульского наместничества. В эти годы им был заложен усадебный комплекс в имении Баловнёво в Данковском уезде Рязанского наместничества³. М.В. Муромцев также был одним из первых кавалеров ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. деревня Кузьминка в Скопинском уезде была собственностью «гвардии штабс-капитана и кавалера Матвея, подпоручика Петра Матвеевых детей Муромцевых, 46 душ. Показано же, что 4 февраля 1825 г. 1 душа переведена в село Баловнёво Данковской округи Петра Муромцева по новому владению, остальные 45 душ считать за одним Матвеем»⁴.

Сын М.В. Муромцева Петр Матвеевич служил в одном из гвардейских полков в Санкт-Петербурге и вышел в отставку в чине подпоручика, став после кончины отца крупным рязанским помещиком. Ему принадлежало суконное производство и свекловично-сахарный завод в сельце Петровском Данковского уезда Рязанской губернии. В свою очередь, его сын Петр Петрович Муромцев (1828–1906) стал крупным бакинским нефтепромышленником.

Помещик скопинской деревни Кузьминки Матвей Матвеевич Муромцев (1788–1879) в молодые годы также находился на военной службе, в чине подпоручика Лейб-гвардии Измайловского полка принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. «Война 1812 г. принесла семье Муромцевых немало горя. Матвей, адью-

¹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 135.

² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 36, 36 об.

³ Ныне в Данковском районе Липецкой области.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 79 об.

тант А.П. Ермолова, при обороне Смоленска получил тяжёлое ранение в голову. Ермолов, стараясь спасти молодого офицера, обратился к личному медику государя, Вилие. Но пулю извлечь не удалось, и тот заявил, что бедняга при смерти, а если чудом и выживет, его ждёт неминуемое сумасшествие. Екатерина Александровна (Екатерина Александровна Волкова, вторая жена М.В. Муромцева и мать М.М. Муромцева), узнав о приближении французов к Москве, выехала в Баловнёво, захватив с собой лучшие из ценностей московского дома. Каково же было её отчаяние, когда в усадьбу неожиданно привезли её сына Матвея почти в безнадежном состоянии и тяжело раненного пасынка Александра. Однако заботливый уход, молодость и живительная сельская природа помогли обоим подняться на ноги. Братья решительно объявили, что не могут отсиживаться в имении, когда решается судьба Отечества. И хотя рана Матвея ещё не закрылась, он в апреле 1813 г., истощённый болезнью, мучающийся от головных болей, в повязках помчался догонять свой полк. (Лишь через десяток лет пуля обнаружится, спустившись к пояснице и выйдя под кожу.) Войну Матвей завершил в чине штабс-капитана с тремя орденами (один из них был прусский)¹. Но матери его не довелось порадоваться великой победе и обласкать вернувшихся сыновей. Она скончалась незадолго до взятия русскими войсками Парижа... А Матвей Муромцев, повенчавшись с Варварой Гавриловной Бибиковой, в 1816 г. вышел в отставку, чтобы основательно заняться восстановлением Баловнёва...»²

Через некоторое время после выхода в отставку лейб-гвардии полковник М.М. Муромцев перешел на гражданскую службу, переименовавшись в статские советники. В 1820 г. он занимал должность вице-губернатора Владимирской, в 1821–1822 гг. – Тамбовской губернии. В 1827–1830 гг. статский советник М.М. Муромцев был Рязанским губернским предводителем дворянства, в 1837–1843 гг., уже имея чин действительного статского советника, служил Таврическим гражданским губернатором. «Однажды случайность чуть не погубила его карьеру. В 1813 г. в заграничном походе Матвей Муромцев вступил в масонскую ложу Святого Георгия, возникшую при русской армии, а после войны стал членом московских масонских организаций, в которых зарождалось декабристское движение. Матвей вспоминал: “Разговоры были тайные: осуждали правительство, писали проекты перемены администрации и думали даже о низвержении настоящего порядка вещей”. Во время восстания он находился в Баловнёве, но домашний учитель П. Перелогов, надеясь получить награду, донёс губернатору Москвы князю Д.В. Голицыну о политической неблагонадёжности своего хозяина и антиправительственных речах, которые звучат в усадьбе, когда там собираются гости. И хотя следствие установило, что Муромцев действительно «не хвалит правительство», однако благодаря заступничеству губернатора и царскому благоволению дело о рязанском крамольнике было закрыто»³.

По окладной книге 1834 г., в Кузминке проживали «статского советника Матвея Матвеевича Муромцева 42 души поселян и 4 дворовых, после причисления к ним 8 душ, записанных действительной статской советнице Варваре Гавриловне Муромцевой, с 1845 г. – 50 душ поселян и 2 дворовых»⁴.

В 1850 г. в деревне Кузминке помещиков Муромцевых было 11 дворов, в которых проживали 61 мужская и 67 женских крестьянских душ. Все жители деревни являлись прихожанами

¹ В 1813 г. М.М. Муромцев вновь стал адъютантом генерал-лейтенанта А.П. Ермолова, который за быстроту и точность передаваемых приказаний называл его «адъютант-стрела». В августе 1813 г. офицер стал участником Кульмского сражения, за которое был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, прусским орденом *Pour le merite* («За заслуги»), Кульмским крестом и чином гвардии поручика.

² *Грачева И.В.* Баловнево и его владельцы. // Наука и жизнь. – 2012. – № 4. – С. 34.

³ Там же.

⁴ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 189 об–190.

Покровской церкви села Городецкого¹. По окладной книге 1850 г., в Кузминке за действительной статской советницей Варварой Гавриловной Муромцевой состояло в окладе «мужского пола 61 крестьянин и 5 дворовых»².

По данным последней в истории России, 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в деревне Кузминке было 12 домохозяйств, в которых проживали 56 мужских и 58 женских крестьянских душ³. По сведениям 1859 г., население «Кузьминки, деревни владельческой», находившейся «при колодце», составляло 55 мужчин и 70 женщин⁴.

Накануне крестьянской реформы 1861 г. Муромцевы расстались с частью имения. «Ведомость о произошедших изменениях во владельцах и земельных владениях в январской трети 1859 г., составленная состоящим в должности Скопинской уездной управы землемером Александровским», сообщает: «В деревне Кузминке в Рановской засечной черте, земли прежде были действительной статской советницы Варвары Гавриловны Муромцевой, а ныне по купчей крепости пошли Данковскому купцу Сергею Иванову Пешкову; пашенной и непашенной, удобной и неудобной, напроизрастающих на оной лесом, господского усадебного, прудами и луговыми угодьями – 271 десятина (295 га)»⁵. Освобождение крепостных крестьян помещиков Муромцевых от крепостного права не обошлось без эксцессов. «8 (20) мая 1861 г. временнообязанные крестьяне захватили землю («земля та есть общественная»). Для наведения порядка в деревню был послан пристав. Пять дней спустя временнообязанные отказались от уплаты оброка. В деревню был прислан исправник»⁶.

При образовании волостей в Скопинском уезде в 1861 г. Кузьминка была включена в Боровскую волость. По переписи населения 1882 г., в Кузьминке было 25 домохозяйств крестьян-собственников, то есть заключивших выкупную сделку с выплатой первого взноса за землю с получением всех прав свободных сельских обывателей. Всего в деревне числились 79 душ мужского и 86 женского пола. Надельной земли (иловатого чернозема) приходилось лишь 1,5 десятины (1,6 га) на ревизскую душу, большая часть семей арендовала дополнительную вненадельную землю. Из 23 изб деревни «по-белому» топились только одна. При крестьянских домах имелись 22 плетневых двора, 13 горниц или клетей, 15 амбаров или сараев, 21 рига или овин. 5 беднейших дворов деревни не держали ни лошадей, ни коров, еще на 2 дворах обходились только без лошадей. В 5 богатейших хозяйствах держали по 3 и более лошадей⁷.

Крестьяне деревни, как бывшие владельческие, после реформы 1861 г. были обязаны выкупать надельную землю у бывших помещиков. По данным Скопинского уездного земского собрания за 1883 г., они имели средний душевой надел в 1 десятину 1286 саженьей (1,68 га) и «по недостаточности или крайне плохому качеству надела особенно нуждались в понижении выкупных платежей»⁸.

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVIIIв. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 572.

² ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 219 об-220.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 62.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. – СПб., 1862. – С. 128.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 554об.

⁶ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967. – С. 110–111.

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 62–67.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания XIX очередного созыва 1883 года. – Скопин, 1884. – С. 180–181.

В 1900 г. в деревне Кузьминке открылась земская школа. Она занимала небольшое помещение площадью всего 35 кв. аршин (17,7 кв. м). В 1902 г. учителем в ней состоял Г.В. Глазунов, попечителем – крестьянин Г.Т. Гришин¹. В 1905 г. Скопинское уездное земство избрало попечителем кузьминской школы желтухинского помещика князя С.А. Оболенского. В 1905 г. в деревне Кузьминке Боровской волости Скопинского уезда было 30 дворов, в которых проживали 126 мужчин и 112 женщин. В 2 верстах от деревни находился хутор купца Пешкова и его же лесные сторожки, где жили еще 13 мужчин и 7 женщин². По уездному санитарному расписанию селений в 1907 г. Кузьминка, как и близлежащий Шелемишевский хутор, была приписана к фельдшерскому пункту в селе Боровое³.

В 1908 г. в Кузьминской земской школе было 27 учеников. В ней учились не только дети жителей деревни, но и Дегтярского хутора (ныне деревня Дегтярка), а также располагавшегося в 2,5 версты Шелемишевского хутора⁴. В 1912 г. ее попечителем все еще значился князь С.А. Оболенский⁵. По отчету за 1916 г., земская школа в Кузьминке была однокомплектной с трехклассным сроком обучения⁶.

В 1914 г. в кузьминке насчитывалось 29 дворов, население деревни состояло из 124 мужчин и 119 женщин, все – по-прежнему прихожане Покровской церкви села Городецкого⁷.

В 1917 г. в деревне Кузьминке Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 42 двора, в ней проживали 148 мужчин и 124 женщины. В 1917 г. последний раз упоминается существовавший при деревне хутор купца Пешкова с тремя лесными сторожками⁸.

В 1918 г. в деревне был создан Кузьминский сельсовет. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В связи с проходившим в 1925 г. укрупнением волостей и уездов Рязанской губернии Володарская волость была ликвидирована, а часть ее селений, включая деревню Кузьминку, в соответствии с постановлением ВЦИК от 31 августа 1925 г., была переведена в Рязский уезд. С этого времени за деревней закрепляется название Кузьминка-2, т.к. в уезде оказались две деревни с одинаковым названием. Ранее входившая в Рязский уезд деревня на реке Малой Хупте стала Кузьминкой-1.

В 1929 г. было отменено дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии. Деревня Кузьминка-2 стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. На экономической карте Рязского района Московской области 1931 г. в деревне обозначены школа, изба-читальня, кроме этого показано наличие здесь серного колчедана, а севернее деревни –

¹ Сведения за 1902 г. – Скопин, 1904. – С. 44–46.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906 – С. 614–615.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 ноября 1907 года. Скопин, 1908. – С. 76.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. – С. 2; Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва от 20 февраля 1905 года. – Скопин, 1905. – С. 107.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 273.

⁶ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. – С. 174.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. – 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочье, 1998. – С. 555.

⁸ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 138–139.

месторождения глины. Кузьминка-2 стала центром одноименного сельсовета, куда входили деревни Журавлиха, Детярка, Шелемишевский хутор, пос. Пешков, Дмитриевка, Гудовка. Школы были в самой Кузьминке-2, Шелемишевских хуторах и в Гудовке¹.

Вплоть до начала 1930-х гг. 2-й Кузьминский сельсовет находился под контролем местных зажиточных крестьян. Политику советской власти в отношении села они старались саботировать, считая ее временным явлением. Осенью 1930 г. хлебозаготовки проходили неудовлетворительно. Ряжская газета «Колхозник» сообщала: «Вся тяжесть заготовок ложится на середняков и бедняков. Кулацко-зжиточные хозяйства скрываются за спиной председателя сельсовета»². Сам председатель сельсовета Федотов – «оппортунистически благодушен и не ведет никакой подготовки к весеннему севу»³. «... Членов правления сельсовета Л.К. Грачева и Я. Спесивых частенько можно было видеть пьяными»⁴. В деревне не было кузницы для ремонта сельхозинвентаря, «от сельсовета кузница в 7–8 верстах»⁵.

Несмотря на объективные (правда, в случае с Кузьминкой-2 скорее субъективные) трудности, «в конце августа [1931 г.] 13 хозяйств, объединившиеся в колхоз «Крестьянский путь», организовали красный обоз – первые 350 пудов к сдаче излишков на Желтухинский ссыпной пункт»⁶. Примечательно, что при образовании колхоза «Крестьянский путь» ни председатель сельсовета, ни секретарь демонстративно в него не вступили.

Игнорирование политики властей со стороны ответственных лиц не могло остаться без последствий. Уже в августе 1931 г. ряжская газета «Колхозник» писала: «Выездная сессия Ряжского районного суда в селе 2-й Кузьминке судила разложившихся руководителей 2-го Кузьминского сельсовета – председателя сельсовета П.Х. Федотова и секретаря Грачева П. Эта пара имеет за собой прошлое: П.Х. Федотов был судим в 1931 г. за то, что допустил снятие твердых заданий с кулацко-зжиточной верхушки в феврале месяце 1931 г. и был приговорен к 3 месяцам принудительных работ. Грачев в 1927 г. был судим за халатность по службе. Эти два проходимца, работая в сельсовете, творили полный произвол и брали под свою защиту кулаков и зажиточных. Вместо того, чтобы проводить политику партии и власти на селе, Федотов и Грачев допустили сращивание с кулацко-зжиточной верхушкой, делая им всяческие поощрения: не взыскивали с кулаков наложенные на них штрафы за невыполнение планов, дали им возможность разбазарить свое имущество и скрыться из района сельсовета. А часть оставшегося кулацкого имущества расхищалась как попало: Федотовым, например, было взято 13 кур, сапоги и прочее. Благодаря такому руководству в районе Кузьминского сельсовета не был организован ни один колхоз, весенне-посевная кампания прошла слабо, план сева до каждого двора не был доведен, имеется недосев площади, в том числе у самого Грачева. Помощь бедноте в весенне-посевную кампанию сельсоветом не была оказана. Работа с беднотой не велась. Подготовка к уборочной отсутствовала. Канцелярия сельсовета в хаотическом состоянии. Ревизионная комиссия обнаружила недостачу 230 рублей, нередко подсудимых можно было видеть пьяными». Федотова приговорили к 2 годам лишения свободы, а Грачева – к 3 «с взысканием в пользу сельсовета недостачи денег»⁷.

В 1935 г. 2-й Кузьминский сельсовет был включен в состав созданного в Московской области Желтухинского района. В 1937 г. вместе с районом деревня была передана из Московской области в новообразованную Рязанскую.

¹ Экономическая карта Ряжского района Московской области. 1931, М 1:100 000.

² Колхозник, № 34. – 1930. – 23 ноября.

³ Колхозник, № 9. – 1931. – 17 февраля.

⁴ Колхозник, № 26. – 1931. – 5 июня.

⁵ Колхозник, № 16. – 1931. – 1 апреля.

⁶ Колхозник, № 41. – 1931. – 20 августа.

⁷ Колхозник, № 38. – 1931. – 5 августа.

В советское время в Кузьминке-2 продолжала действовать бывшая земская школа, преобразованная в начальную. В сентябре 1940 г. о ее буднях желтухинская районная газета «Колхозная правда» писала: «Ученики одеты и обуты, в третьем классе молодая учительница Кирюшкина. До начала занятий и в переменах молодой медицинской работник тов. Егорова производит осмотр ребят и прививает оспу. Одно обстоятельство омрачает радостный день – нет тетрадей. Заведующий школой шесть раз обращался в сельпо и в райпотребсоюз»¹.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Кузьминке-2 насчитывалось 50 строений. Крестьянские дома выстраивались вдоль берегов большого деревенского пруда. Наиболее значительным зданием поселения была деревенская школа.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. многие жители деревни были мобилизованы в РККА. В экстремальной обстановке на полях сражений люди проявляли свои лучшие качества, воспитанные мирным крестьянским трудом – упорство, выдержку, осторожность и аккуратность. Уроженец Кузьминки-2 ефрейтор Николай Иванович Федотов (1924–?) служил в саперном взводе 374-го стрелкового полка 128-й стрелковой дивизии, защищавшей окруженный кольцом блокады Ленинград. В октябре 1943 г. он отличился в ходе минирования переднего края обороны советских войск в районе Синявинских высот. «В непосредственной близости от противника, под сильным артиллерийским и минометным огнем, проявляя исключительное мужество и отвагу, он в течение недели поставил более 300 мин»². За этот подвиг Н.И. Федотов был награжден медалью «За отвагу».

В 1952 г. 2-й Кузьминский сельсовет был ликвидирован, а его населенные пункты переданы соседнему Шелемишевскому сельсовету. В 1956 г., после упразднения Желтухинского района, его населенные пункты вошли в состав Скопинского района Рязанской области. Но административные трансформации на этом не закончились. В 1959 г., в ходе дальнейшего укрупнения, Шелемишевский сельсовет получил также населенные пункты бывшего Гореловского сельсовета. В 1962 г. территории бывших Гореловского и 2-го Кузьминского сельсоветов были переданы из Шелемишевского сельсовета в Желтухинский³. В том же году деревня Кузьминка-2 стала частью совхоза «Желтухинский».

В 1960-х гг. вдоль южной окраины деревни пролегла автомагистраль Москва–Волгоград. Ныне это федеральная автомобильная дорога Р-22 «Каспий».

По административно-территориальному делению Рязанской области на 1 января 1970 г. деревня Кузьминка-2 входила в Желтухинский сельсовет Скопинского района, где кроме нее находились еще 20 окрестных деревень, село Новое, поселок центрального отделения совхоза «Желтухинский», поселки железнодорожных станций Желтухино и Говорово, а также 11 железнодорожных будок⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Кузьминка-2 была включена в сельское поселение Шелемишевское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в это время в ней постоянно проживал 21 человек – 8 мужчин и 13 женщин.

¹ Колхозная правда, № 101. – 1940. – 4 сентября.

² ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 2453, л. 165.

³ Архив Скопинского района, ф. 96, л. 2.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. – С. 97.

КУПЧАЯ деревня (сельское поселение Горловское)

История деревни Купчей связана с Елифанским уездом Тульской губернии. Это сравнительно молодой населенный пункт, чье прошлое не простирается далее первой четверти XIX в. Однако земли, на которых стоит Купчая, обладают богатой предысторией. Свет на нее помогли пролить исследования, проводившиеся в 1982–1986 гг. Окско-Донской археологической экспедицией Государственного исторического музея под руководством Б.А. Фоломеева. На высокой террасе левого берега протекающей близ деревни р. Мокрой Таболы археологический разведочный отряд выявил селище, в ходе изучения которого удалось обнаружить пласты культурного слоя XI–XIII и XIV–XVII вв. Памятник находится в 1 км к северу от Купчей, в 0,5 км к юго-востоку от деревни Писарево Кимовского района Тульской области и в 0,8 км к северо-западу от урочища Екатериновка, имеет размеры ок. 200х50 м и расположен в 10–12 м над берегом реки. Несмотря на то, что его территория распаивается, в этом месте все еще можно найти фрагменты гончарной керамики, древнерусской и позднесредневековой, датируемой XII–XIV вв.¹

После XVII в. люди здесь не селились долго. Генеральный план Елифанского уезда (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует о том, что в рассматриваемое время никаких поселений в этой местности не существовало. Земля, на которой впоследствии возникла Купчая, принадлежала крупной вотчине князей Долгоруковых с центром в селе Лебяжий Усад, Нагиши тож.

Деревня Купчая была основана в 1826 г.² Ее первыми жителями стала группа крестьянских семей, высланных князем Н.С. Долгоруковым из села Нагиши для большего удобства обработки земли. Можно предположить, что какая-то часть земель при деревне была приобретена помещиком для округления своих владений, и именно на этот факт указывает ее название. Примечательно, что близ Купчей до середины XX в. существовало небольшое помещичье село Екатериновка. Его название как будто указывает на имя княгини Екатерины Гавриловны Долгоруковой, урожденной княжны Гагариной (1785–1861), супруги нагишевского помещика князя Никиты Сергеевича Долгорукова (1768–1842).

В статистическом справочнике «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедшем под редакцией академика П.И. Кеппена, указано, что в это время население «деревни Купчей», находившейся «при безымянном протоке», составляло 256 человек «помещичьих крестьян». Местные жители были прихожанами храма Воскресения Христова в селе Нагиши³. В Екатериновке, стоявшей «при пруде», проживало 67 крестьян, также поголовно находившихся в крепостной зависимости. Они были прихожанами Троицкой церкви в селе Орловка-Троицкая (ныне Троице-Орловка), также принадлежавшем Долгоруковым⁴.

¹ Археологическая карта России: Часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Институт археологии РАН. – 1996. – С. 116–117.

² ГАГО, ф. 362, оп. 1, д. 4, л. 406 об.

³ *Северов В.И.* Города и селения Тульской области в XIX веке. – Тула, 2006. – С. 85.

⁴ Там же. С. 87.

Ориентировочно в 1830-х гг. Екатериновка перешла к новому помещику – князю А.Д. Львову¹. Подробности неизвестны, но не исключено, что приобретение им прав на Екатериновку стало следствием его брака с княжной Марией Андреевной Долгорукой (1805–1889).

Сведения о деревне накануне отмены крепостного права содержатся в изданном в 1862 г. списке населенных мест Тульской губернии. Согласно этому изданию, Купчая была «деревней владельческой» и находилась «при безыменном ручье». В населенном пункте насчитывалось 32 двора, в которых проживали 131 мужчина и 140 женщин². Екатериновка, имевшая такой же статус, обозначена как стоящая «при р. Тоболе». В ней насчитывалось всего 6 дворов, а население состояло из 41 мужчины и 23 женщин³.

На военно-топографической карте Тульской губернии 1863 г. видно, что Купчая состояла из двух порядков крестьянских домов, стоявших у подножия противоположащих холмов, так что между ними оставалось довольно широкое поле. В деревне в это время действовали три ветряные мельницы (все деревянные): одна стояла на склоне холма к северу, две другие – к югу от дороги в село Нагиши. Карта сообщает название и «безымянного протока», начинавшегося к югу от Купчей – «ручей Олешник». За холмом к северу от Купчей, на взгорье на берегу р. Мокрой Таболы, находилось село Екатериновка, прилепившееся к неглубокому оврагу.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. деревни «Купчинка» и Екатериновка вошли в состав Троицко-Орловской волости. Согласно данным земской статистики за 1866 г., в это время жители Купчей оставались оброчными временнообязанными крестьянами бывшего помещика князя С.Н. Долгорукова, их соседи из Екатериновки обозначены как издельно-оброчные крестьяне бывшего помещика князя А.Д. Львова. Мужское население Купчей составляло 138, Екатериновки – 43 человека. Общая площадь обрабатывавшейся купчинскими крестьянами земли равнялась 308 десятинам 1908 сажням (337,37 га), екатериновскими – 86 десятинам 1574 сажням (94,67 га). По состоянию на 1 января 1867 г. каких-либо недоимок ни за одними, ни за другими не числилось⁴.

Сведения о жизни в небольших деревнях крайне редко попадали на страницы главной губернской газеты – «Тульских губернских ведомостей». Разнообразием они не отличались. Например, в разделе «О происшествиях по Тульской губернии за 2-ю пол. января 1869 г.» сообщалось следующее: «Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Купчей кр[естьянин] с[ела] Орловки Филипп Силантьев, 60 л[ет], умер скоропостижно от излишнего употребления вина»⁵. В следующем году «Дневник происшествий по Тульской губернии за 1-ю пол. октября 1870 г.» информировал: «Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Екатериновке крест[ьянский] мальчик с[ела] Нагешей Савелий Конякин, 12 л[ет], скоропостижно умер от болезненного состояния сердца»⁶

Вместе с тем, Судебная реформа 1861–1864 гг. затронула и жителей небольших поселений. В 1872 г. главная губернская газета сообщила о том, что крестьянин деревни Купчей Иван

¹ Львов Александр Дмитриевич (1798–1866) – князь, гофмейстер Высочайшего Двора, тайный советник (1859). В 1834–1839 гг. был управляющим московской конторой Государственного коммерческого банка, с 1842 г. являлся попечителем Московского сиротского дома, в 1849–1851 гг. состоял председателем Комитета для надзора за фабриками и заводами в Москве, с 1858 г. был вице-президентом Московской дворцовой конторы.

² Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862. – С. 71.

³ Там же. С. 71.

⁴ По данным имеющегося в распоряжении авторов не идентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 7. – 1869. – 15 февраля.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 51. – 1870. – 24 октября.

Архипович Пережогин был избран присяжным заседателем на вторую четверть года¹. В 1876 г. запасным присяжным на первую четверть года стал житель той же деревни Иван Васильев².

Интересно отметить, что только в 1873 г. было утверждено размежевание земель при деревне Купчей, принадлежавших последнему нагишевскому помещику – слабоумному князю Сергею Никитичу Долгорукову (1811–1876), и земель при «сельде Екатерининском владения тайного советника князя Александра Дмитриева Львова». Согласно сохранившейся в Российском государственном архиве древних актов описи планов генерального и специального межевания Епифанского уезда, являющейся документом XIX в., во владении князя С.Н. Долгорукова при Купчей находился участок площадью 132 десятины 2260 сажень (145,24 га), из которых 131 десятина и 335 сажень (143,28 га) считались удобной для хозяйствования земель. Участок уже скончавшегося к тому времени князя А.Д. Львова при Екатериновке охватывал площадь 163 десятины 1180 сажень (178,62 га), из которых удобной земли было 161 десятина 1660 сажень (176,66 га)³.

Сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895) в статье о приходе Троицкой церкви в селе Троице-Орловке сообщает второе, неофициальное и нигде более не зафиксированное название деревни Купчей – Озерки⁴.

По свидетельству «Тульских епархиальных ведомостей», с 1898 г. в деревне Екатериновке действовала «школа грамоты (11 мальчиков, 3 девочки)». Заведовал ей священник из Троице-Орловки Дмитрий Успенский, учителем был дьякон Мефодий Орлов. Попечительницей школы являлась купчиха Анна Плотникова⁵.

По данным клировых ведомостей Тульской епархии за 1915–1916 гг., в деревне Купчей насчитывалось 82 двора, в которых проживали 324 мужчины и 312 женщин⁶.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. деревни Купчая и Екатериновка вошли в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда Тульской губернии. В 1926–1929 гг. они входили в Клекотковский район Тульской губернии.

В 1929 г. Купчая и Екатериновка вместе с другими окрестными населенными пунктами были включены в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района деревни попеременно относились то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В 1932 г. в Купчей была организована сельскохозяйственная артель «Большевик». В 1938 г. она объединяла 125 дворов и насчитывала 283 работника. Колхоз «Большевик» специализировался на выращивании ржи, пшеницы, овса и проса, гречихи и бобовых культур, а также на разведении конопли, горчицы, картофеля и овощей. В 1938 г. в купчинском колхозе насчитывалось 12 голов крупного рогатого скота (в том числе 3 коровы), 11 овец, 44 лошади, из которых рабочими были 34. Он имел пасеку и кузницу⁷. В деревне Екатериновка в те же годы был организован колхоз им. В.М. Молотова.

¹ Тульские губернские ведомости, № 19. – 1872. – 11 марта.

² Тульские губернские ведомости, № 9. – 1876. – 31 января.

³ РГАДА, ф. 1355, оп. 539, ч. 2, лл. 19, 25 об.

⁴ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: «Пересвет», 2010. – С. 169.

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.). – С. 178.

⁶ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Новый Кешпен: приходы Тульской губернии. 1915–1916 годы. Справочник. – Тула, 2014.

⁷ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Характеристика сельхозартели «Большевик».

В 1930-х гг. в Купчей был создан собственный сельсовет, в состав которого вошла также деревня Екатериновка. Его деятельность не раз подвергалась критике на страницах районной газеты «Ленинская искра». В частности, в статье «Севом не руководят», газета писала: «Купчинский сельсовет не руководит севом единоличного сектора. Председатель совета Самойлов за последнее время усиленно подкрепляется 43-градусной, секретарь Воркунов относится к этому примиренчески. Сельсовет не знает сколько на сегодня засеяно единоличниками. Отсутствует всякий учет работы, а отчетность со стороны земельных уполномоченных не ведется с самого начала сева. Мобилизацией средств сельсовет также не занимается. По добровольным платежам сельсовет имеет большую задолженность, но мер к ее реализации не принимает. <...> РКИ надо немедленно пресечь бездеятельность этой «пары», срывающей весенний сев»¹.

Тема «классовой борьбы» на селе не раз поднималась «Ленинской искрой» в годы массовой коллективизации. Появлялась она и в публикациях, посвященных деревне Купчей. Так, в статье «Зорко охранять колхозный урожай» горловская газета отмечала: «Разбитые кулацкие охвостья всеми мерами пытаются тормозить колхозное дело. Главное острие направляют на воровство колхозного добра, а в данный момент – на расхищение колхозного хлеба. <...> В Купчинском сельсовете в колхозе «Большевик» 24 июля на поле был пойман <...> «парикмахер» П.А. Александров, занимавшийся стрижкой колосьев. О чем говорит попытка Пережогина (предколхоза «Большевик») зацтитить врага Александрова, как не о потере классовой бдительности? Это все говорит о плохой постановке охраны урожая. Это говорит о том, что отдельные руководители колхозов потеряли классовую бдительность и плохо охраняют колхозное добро»².

Горловская районная газета была критической трибуной, с которой селькоры в духе модной в те годы «большевистской самокритики» беспощадно обличали неблагоприятные стороны сельской жизни. Ситуация в деревне Купчей стала материалом для некоторых из них. Так, например, в заметке «Исаев обворовывает покупателей» сообщалось: «Безобразно поставлено дело в магазине сельпо в с. Купчая (продавец Исаев Дим.). В магазине всегда грязно. На полках беспорядок. Нет прейскуранта. Продавец набавляет самовольно цены на товар. Так, правление сельпо выдало для продажи яблоки, кило которых стоит 75 коп., Исаев же эти яблоки продавал по рублю за килограмм, обворовывая этим покупателей. Куда шли деньги, полученные от набавления цен, – неизвестно. Продавца Исаева часто можно видеть пьяным. Райпотребсоюз должен обратить самое серьезное внимание на работу этого сельпо»³.

Екатериновский колхоз также время от времени оказывался в фокусе внимания районной прессы. Летом 1932 г. «Ленинская искра» сообщала: «Екатериновский колхоз им. Молотова по-ударному проводит уборочную кампанию. Рожь скошена и связана на сто проц. Все заскирдовано. Молотьба также близится к концу. В колхозе начата косьба овса. На 8 августа скошено 70 проц. Хорошо работает косилка, скосившая одна 42 га ржи и 33 га овса. 4 косилки не имели ни одного полома во время косьбы. Женщины особенно выделялись ударной работой и сознательным отношением к колхозному имуществу. За все время ни одного самовольного прогула в бригаде. Нормы выработки все время перевыполнялись. Особенно выделились тт. Степина Анна, Агуреева Вера, Самойлова Анастасия и Елена и Демидова Евдокия Романовна. Правление колхоза должно премировать ударниц полей. По колхозу им. Молотова надо равняться»⁴.

¹ Ленинская искра, № 63. – 1932. – 20 мая.

² Ленинская искра, № 126. – 1934. – 28 июля.

³ Ленинская искра, № 210. – 1934. – 14 ноября.

⁴ Ленинская искра, № 99. – 1932. – 14 августа.

Позитивные отклики сочетались с критикой. Весной 1934 г. горловская районная газета писала: «Руководство екатериновского колхоза им. Молотова совершенно не ведет никакого наблюдения за качеством пахоты и сева, отчего происходит много ненормальных явлений. Так, например, у сеяльщика И. Соловьева для засева своего участка не хватило семян, неосеянный участок пахара запахали как засеянный. Это произошло и мимо внимания звеньевода и бригадира. Предколхоза Демидов в поле никогда не бывает. Вследствие такой безалаберной работы в колхозе по редким всходам сейчас приходится некоторые культуры снова подсевать. У правления колхоза обнаруженные недостатки есть стремление скрывать и замазывать. Дирекции МТС необходимо обратить на эти явления внимание и потребовать от Демидова подлинного, живого и оперативного руководства севом»¹. Председатель екатериновского колхоза еще не раз попадал под огонь критики «Ленинской искры». В сентябре 1934 г. в газете появилась статья «Когда же будет порядок в колхозе им. Молотова?», в которой сообщалось: «Председатель колхоза им. Молотова деревни Екатериновка – Демидов – своим неумением руководить затягивает работу колхоза. Вместо того, чтобы дать задание каждому колхознику на ночь, Демидов утром собирает к своему дому всех колхозников, выходит, останавливается перед толпой собравшихся и важно распределяет работу. Благодаря такому порядку в колхозе ежедневно теряется часа 1 ½ – 2 рабочего времени»².

В 1935 г. в Екатериновку пришло радио. Правда, процесс радиофикации проходил не без проблем. «Ленинская искра» сообщила: «Колхоз им. Молотова Купчинского сельсовета договорился с радиоузлом о постановке громкоговорителя. Громкоговоритель радиоузел поставил колхозу, но, к сожалению, старый, который поговорил два дня и замолчал. Приобретение и установка громкоговорителя стоила колхозу 400 рублей. Сумма довольно значительная, а поэтому колхозникам еще обиднее и досаднее становится. Что их громкоговоритель упрямо молчит. Уже несколько раз громкоговоритель возили на радиоузел, где «специалисты» радиоузла смотрели его и никак не могли понять, почему он не говорит. То скажут, что лампочка перегорела, то наоборот говорят, что лампочки хорошие, что-то еще испортилось. Но факт тот, что молчание нашего громкоговорителя приняло хроническую форму, он молчит уже шесть месяцев»³.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.» В Купчей в это время насчитывалось 120 жилых строений, 115 хозяйств и 624 чел. населения. Из промышленных заведений отмечена конная просорушка, построенная в 1933 г. Из социокультурных учреждений упомянута начальная школа. Если в 1933/34 учебном году в купчинской начальной школе насчитывалось 72 учащихся (30 мальчиков и 42 девочки), то в 1939/40 их было уже 103 (45 мальчиков и 58 девочек). В Екатериновке было 37 строений, 40 хозяйств и 200 чел. населения. Ее промышленность была представлена мельницей и просорушкой, также действовавшими с 1933 г.⁴

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что с 1850-х гг. ставшая на время селом Купчая увеличилась едва ли не вдвое, заметно расширившись в сторону ручья Олешник. В ней насчитывалось 118 дворов.

¹ Ленинская искра, № 71. – 1934. – 9 мая.

² Ленинская искра, № 162. – 1934. – 9 сентября.

³ Ленинская искра, № 31. – 1936. – 18 марта.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

В декабре 1941 г. деревня Купчая стала ареной одного из боестолкновений частей РККА с отступавшими немецко-фашистскими захватчиками. Информация о нем сохранена в неопубликованном документе «Боевой путь 326-й стрелковой дивизии», написанном подполковником А.П. Пенчевским¹, начальником штаба дивизии в сентябре–декабре 1941 г.: «Маршрут дивизии проходил через Красное, Клеютки, Купчая, Чебышево, Извольщина, Муравлянка, Волхонка, Каганович. Не имели столкновения с противником до Купчая. При подходе к Купчая колонна 888-го артполка была атакована несколькими танками противника, принадлежащими, по-видимому, гарнизону города Елифани. Атака танков была отбита, противник потерял несколько машин, но и в артполку, ввиду непригодности к стрельбе прямой наводкой, вышли из строя три 122-мм гаубицы. Две из них были отремонтированы вскоре своими средствами, одна была отправлена в тыл. Несколько позднее в этом же районе были обстреляны минометным огнем проходившие медсанбат и хлебозавод дивизии. Потери были незначительными»².

Сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцы Купчей продемонстрировали немало примеров героизма. Рядовой роты автоматчиков 738-го стрелкового Краснознаменного полка 134-й стрелковой дивизии Дмитрий Сергеевич Плясунков (1925–2007) находился в рядах РККА с января 1943 г. В 1943–1944 гг. отважный солдат был пять раз ранен, его боевой путь был отмечен двумя медалями «За отвагу» (1944, 1945). Документы свидетельствуют: «Тов. Плясунков в боях с немецкими захватчиками на государственной границе Германии 29 января 1945 г. показал мужество и отвагу. Действуя смело и решительно, он с группой автоматчиков лесным массивом обошел врага с фланга и с близкого расстояния открыл огонь по врагу. Немцы в панике бежали, не оказав сопротивления. На поле боя осталось 15 трупов немецких солдат. Было захвачено 6 немцев в плен, 2 исправных станковых пулемета и 8 автоматов. Неоднократный участник прочесывания лесов и населенных пунктов от немецких бандитов, где проявлял хитрость и бесстрашие»³. За этот подвиг рядовой Д.С. Плясунков был удостоен ордена Славы 3-й степени. За участие в боях на западном берегу р. Одер в апреле 1945 г. он также был награжден орденом Красной Звезды.

В 1950 г. купчинский колхоз «Большевик» вошел в состав укрупненного нагишевского колхоза «Новый путь»⁴. С упразднением Горловского района в 1959 г. Купчая вошла в состав Скопинского района Рязанской области, одним из населенных пунктов которого является и поныне. Деревня Екатериновка на картах 1960-х гг. показана как урочище. Очевидно, ее жители были расселены, а сама она ликвидирована как неперспективная.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Купчая была включена в сельское поселение Горловское.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в это время в ней постоянно проживали 18 человек – 8 мужчин и 10 женщин.

---

¹ Пенчевский Артемий Петрович (1909–1966) – генерал-майор (1944), участник гражданской, советско-финской и Великой Отечественной войн. В сентябре–декабре 1941 г. занимал должность начальника штаба 326-й стрелковой (впоследствии – Рославльской Краснознаменной) дивизии, в августе 1943 – феврале 1944 г. был начальником штаба 5-й ударной армии (Сталинград, Донбасс, Днепр), в июне–августе 1944 г. – начальник штаба 33-й армии, в марте–апреле 1945 г. – 70-й армии. (Белоруссия – Восточная Пруссия).

² ЦАМО, ф. 1639, оп. 1, д. 4, лл. 5–6.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 6047, л. 197.

⁴ Архив Скопинского района, ф. 268, л. 1.

КУШУНОВО

село

(сельское поселение Вослебовское)

Основание села Кушуново относится к началу XVI в., но произошло не ранее 1522 г. Это поселение появилось на территории обширной вотчины рязанских бояр, а затем русских дворян Вердеревских. Еще в XIV в. великий князь Рязанский Олег Иванович (правил в 1350–1371 и 1372–1402 гг.) пожаловал эти земли мужу своей сестры, выехавшему из Большой Орды татарскому военачальнику Саламиру (в крещении – Ивану Мирославовичу). Великий князь Московский Василий III Иванович межевой грамотой от 15 марта 1522 г. подтвердил за Вердеревскими право на владение ими. В это время никакого поселения на месте Кушуново еще не было.

Изначально село было слободкой, получившей название по имени одного из своих владельцев – московского дворянина Кушника Григорьева сына Вердеревского. Первое документальное упоминание о «слободке Кушуновке» относится к 1567 г., когда она стала предметом земельного спора, разрешать который пришлось лично царю Ивану IV Грозному. В том году «бил челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Юнос Будаев сын Мелгунова на дядь своих на Кудаша да на Кушника да на Гура Григорьевых детей Вердеревского, да на Истому на Исакова сына Вердеревского, что они вступились у него в деда его вотчину, а матери его отца, в Семенову Михайлова сына Вердеревского в селища и в пустоши в слободку в Кушуновку на речке на Кушуновке да в слободку в Козловку на речке на Козловке в присады, де ево селитися не пустят, а деда его выть пашют силно». По межеванию, состоявшемуся 11 июня 1567 г. Юнусу Мелгунову досталась «в Пронском уезде, за рекою за Пронею <...> его треть тех дву слободок» и земля, «а межа той земле от Василья от Чюлкова¹ от поместные земли: из лесу из болшова вышла речка Козловка, а впала в речку в Молву – напрове по речке по Козловке от болшова лесу вниз земля Василья Чюлкова поместная, а на леве земля Юносова до устья речки Козловки...»²

Видимо Юнос Будаев сын Мелгунов так и не ужился со своими родственниками, т.к. уже в 1568 г. продал по купчей Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву свой «жеребей в Козловке на речке на Козловке и с пустоши, и с лесы, и с луги, и со всеми угоды, что к той слободке и к пустошам истари потягло, куды ходила соха, коса и топор. А дал еси Юнусу на той вотчине сто семдесят рублей денег, да пополнка (попона. – *Примеч. авторов*), конь бур с седлом и с уздою»³. Боярин и воевода И.В. Шереметев (Меньшой) (?–1577) был одним из лучших полководцев царя Ивана IV Грозного. Ему довелось принять участие почти во всех крупных военных событиях его царствования: в Казанском походе 1552 г., в боевых действиях против крымских татар и шведов, во всех трех Ливонских походах 1557–1559 гг., в битве при Молодах против крымского хана Девлет-Гирея в 1572 г. Кстати, рязанские земли он знал не понаслышке – в июне 1556 г. И.В. Шереметев (Меньшой) находился в Михайлове, оттуда

¹ По имени этого землевладельца получило свое название село Чулково-Залесное.

² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т. 2. – М.: Археограф. центр, 1998. – С. 389–390.

³ Там же. С. 391.

был отправлен царем, прибывшим в Серпухов по «крымским вестям», в «поле», к Усть-Ельцу, а затем возвращен в Михайлов. Во время осады Ревеля¹ – последнего города Эстляндии, еще не занятого московскими ратниками – в феврале 1577 г. воевода И.В. Шереметев (Меньшой) был смертельно ранен в ногу пушечным ядром. Иван IV Грозный распорядился привезти тело полководца в Москву, а оттуда в Кирилло-Белозерский монастырь, где он был погребен у большой Успенской церкви. По приказанию царя имя Шереметева было вписано для вечного поминовения в синодик московского Успенского собора, и ежегодно, в «неделю православия», соборный протодиакон провозглашал: «Под градом под Кольванью пострадавшему от безбожных немцев Ивану Васильевичу Шереметеву, вечная память!»² Уже после смерти И.В. Шереметева (Меньшого) его дочь Елена Ивановна (? – 1581) стала женой царевича Ивана Ивановича, старшего сына русского государя.

В платежных книгах городов Рязани, Пронска и Рязьска, да станов Окологородного, Каменского и Пехлецкого по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова 1594–1597 гг. записано: «За Васильем за Кудашевым сыном Вердеревским да за ево братом за Григорьем Вердеревским – деревня без жеребья Кушуновская <...>, за Семеном за Кудашевым сыном Вердеревского – жеребей в деревне в Кушуновской <...>, за Тимофеем да за Никитою за Истомиными детьми Вердеревского – жеребей...»³

Надо сказать, что владельцы Кушуново из рода Вердеревских в XVI–XVII вв. также отличались ратной доблестью. О верной службе Вердеревских русскому престолу в Смутное время свидетельствует жалованная грамота, полученная 12 (22) октября 1613 г. Тимофеем и Никитой Матвеевыми (Истомиными) Вердеревскими от первого государя из рода Романовых – царя Михаила Федоровича «за их многую службу, что они, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московских чудотворцев, при царе Василии в нужное время и прискорбное время за веру христианскую и за святые Божии церкви <...> против всех злодеев стояли крепко и мужественно и многое дородство службы показали»⁴. До того, в 1583 г., Гур Григорьев сын Вердеревский был ранен «в украинском разряде», а из трех сыновей Семена Никитина Вердеревского второй – Константин – погиб под Конотопом в 1659 г., третий – Василий – был «изранен» в том же бою, а старший – Петр – был убит «ворами» С.Т. Разина. От рук тех же разинцев пал и Корнил Иванович Вердеревский, брат которого Федор погиб в сражении с поляками «в королевский приход» под Севск в 1664 г.

К 1640-м гг. Вердеревские утратили Кушуново. В переписной книге посадских дворов и людей города Рязьска, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане и дворов вотчин боярина Н.И. Романова – города Скопина с деревнями (Пехлецкий стан) переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. показана «деревня Кушинова за помещиком Афонасьем Самойловым сыном Нарбековым...»⁵ «В деревне Кушинове за Офонасьем Самойловым сыном Нарбековым на ево жеребье <...> четыре двора крестьянских пустых, <...> выбежали они за князя Федора Никитина сына Борятинского в село Яблоново в 143 году, <...> двор пуст бобьльсской, Алишка Микифоров сын выбежал безвестно [в] Туму Ряской <...> всего за ним кре-

¹ Ныне Таллин, столица Эстонии.

² Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева. Т. 24. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1991. – С. 176.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1 – Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. – С. 153–154.

⁴ РБС (неопубликованные материалы в 8 т. к «Русскому биографическому словарю»), ред. тома В.В. Шереметевский. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – С. 468.

⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 8 об.

стьянских семь дворов, а людей в них двадцать один человек, да двор бобьльской, в нем два человека»¹. Однако связь местных жителей с вотчиной Вердеревских полностью не утратилась. По окладным книгам 1676 г. «деревни Выползово, Галинка, Никольская, Дроковская, Ерлинка, Кудашева и Кушунова, в коих числилось 6 дворов помещиков, 217 дворов крестьянских, 28 бобьльских...»² по-прежнему входили в приход Богородице-Рождественской церкви села Вердерева.

В переписной книге, предположительно составленной не позднее 1693 г., деревня Кушунова числится «за Афонасьем Самойловым да за Афонасьевым сыном Нарбековым»³. Помещикам Нарбековым она принадлежала и в начале XVIII в. По переписной книге 1710 г., деревня значится состоящей «за думным дворянином Степаном Савичем Нарбековым», которому в ней принадлежал помещичий двор, 12 человек дворовых людей «да крестьянских семнатцать дворов». Стольник Володимер Степанов сын Нарбеков здесь же владел скотским двором, при котором было 6 душ обоего пола. Стольник Петр Григорьев сын Вердеревский также имел в деревне «двор скотский», 10 душ обоего пола, «да крестьянский, мужска пола шесть <...>, да женска полу восемь человек»⁴.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., упоминаются уже два селения – деревни Большая и Малая Кушуновы. Согласно документу, они были «общего владения секунд-майора Штюк, юнкеров Владимира и Павла Александровичей детей Нарбековых, вдовствующей генеральши Елизаветы Петровны Вердеревской». Большая Кушунова лежала «на правом берегу оврага Кушунова, при двух прудах, в них рыба караси для господского расхода». По данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в ней было 40 дворов, проживали 137 душ мужского пола и 150 – женского. Малая Кушунова находилась «на суходоле», по ревизии 1762 г. в ней было только 7 дворов, а население состояло из 10 душ мужского пола и 12 – женского. При обеих деревнях было 1420 десятин 2100 сажень (1548,8 га) земли, из которой 35 десятин 600 сажень (39 га) занимали крестьянские усадьбы, 792 десятины 40 сажень (863,3 га) – пашня, 350 десятин 2100 сажень (382,5 га) – лес, а остальную площадь занимали дуга и «неудобья»⁵.

По окладной книге поселая помещичьих имений Рязанской губернии 1816 г., в Большой и Малой Кушуновых 205 крестьянских душ принадлежали «майору Дмитрию Иванову сыну Роргину» (в действительности Ралгину. – *Примеч. авторов*), и еще 6 – «майорше Катерине Андреевой дочери Роргиной»⁶.

К 1830-м гг. деревня Большая Кушунова стала помещичьим сельцом с усадьбой. В нем по окладной книге 1834 г., Николаю, Павлу, Петру и девице Анне Дмитриевым Ралгиным принадлежало 156 душ поселая и 38 дворовых, в 1842 г. из оклада изъятых. С этого года за Павлом Дмитриевичем Ралгиным числились 119 душ, за юнкером Петром Дмитриевичем Ралгиным – 66 душ, из которых в 1849 г. были исключены из оклада 38 душ в другое имение Рязанской губернии и еще 28 – в другие губернии. С 1849 г. 10 душ были записаны за юнкершей Екатериной Петровной Ралгиной⁷. В деревне Малой Кушуновой значатся «под-

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 101 об-102.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. – С. 180.

³ РГАДА, ф. 350, д. 350 а, л. 1.

⁴ РГАДА, ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 330.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 25; д. 1241, л. 45.

⁶ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 80 об-81.

⁷ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 242 об-244.

полковницы Аграфены Ивановны Ивинской 66 душ поселян и 8 дворовых», «коллежской ассессорши Марьи Матвеевой дочери Вердеревской» 65 душ, из них 14 (26) февраля 1831 г. 50 душ крестьян были проданы подполковнице Аграфене Ивановой дочери Ивенской, а остальные переведены в село Тарасово Пронской округи¹.

По плану межевания от 1 (13) июня 1845 г. Кушунова Большая и Кушунова Малая были собственностью юнкера Петра Дмитриевича Ралгина, за которым числились 66 душ мужского пола и около 342 десятины (372,8 га) земли. 119 душ и 688 десятины (750 га) земли были записаны за поручиком Павлом Дмитриевичем Ралгиным. Третья часть владения была размежевана подполковнице Аграфене Ивановне Ивинской, за которой были записаны 54 души мужского пола и около 354 десятины (385,9 га) земли. Кроме того, на плане была показана деревня Кательная владения подполковника Александра Дмитриевича Ивинского и его жены Аграфены Ивановны, за которыми значились 148 душ мужского пола и 1138 десятины (1240 га) земли².

Карты А.И. Менде 1850 г. показывают, что в «Большом Кушинове» было 35 дворов, которые выстраивались порядками вдоль берегов пруда. Один порядок шел перпендикулярно пруду в юго-восточном направлении. На небольшом отдалении от крестьянских домов к юго-востоку находилась владельческая усадьба с садом. Она стояла на опушке леса. К востоку от «Большого Кушинова» располагалась небольшая деревня Кукуйки, она же «Малая Кушинова».

По данным 9-й ревизии податных сословий, которая проводилась в 1850 г., проживавшие в сельце Кушунове 152 души мужского пола и 24 дворовых, принадлежали поручику Павлу Дмитриевичу Ралгину. В 1856 г. к ним прибавились еще 13 душ, ранее состоявших «за женой провизора Екатериной Петровной Вейденбаум» и из оклада исключенных. Подполковница Аграфена Ивановна Ивинская в деревне Малое Кушуново владела 65 крестьянскими душами мужского пола и 3 дворовыми людьми³.

По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в сельце Кушунове помещика Павла Дмитриевича Ралгина проживали 160 мужских и 161 женская крепостные души. В деревне Мало-Кушуново, Кукуйка тож, согласно ее же данным, было 15 домохозяйств, в которых проживали 54 души мужского пола и 59 – женского.

По сведениям 1859 г., в «Кушуново, деревне владельческой», находившейся «при пруде и колодце», было 34 двора, в которых проживали 175 мужчин и 196 женщин. Во владельческой деревне Кукуйки было 14 дворов, а проживали 52 мужчины и 62 женщины⁴.

С образованием в Скопинском уезде волостей в ходе Крестьянской реформы 1861 г. обе деревни вошли в Яблоневскую волость. Подробностей освобождения кушуновских крестьян от крепостного права немного. Известны поступившие в 1862 г. в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие согласительные документы между помещиками и крестьянами – «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Вердеревского с[ель]цо Кушуново поруч[ика] П.Д. Ралгина, 160 д[уш]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины] 415 саж[еней], повинность издельная. Грамота написана помещиком»⁵, и деревни Малое Кушуново «супруги подполков[ника] А.И. Ивинской, 54 д[уши]. Душевой надел прежний –

¹ ГАРО, ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 81, 113 об-114.

² РГАДА, ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 18-18 об, 20.

³ ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 30 об-31, 136 об-137, 263 об-264.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. – СПб., 1862. – С. 126.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 27. – 1962. – 7 июля 1862.

4 дес[ятины] 822 саж[еней], по грамоте 3 дес[ятины], повинность издельная. Грамота написана помещицей»¹.

С отменой крепостного права жизнь местных крестьян не стала зажиточней. Для скудных деревенских хозяйств даже выплата налогов и сборов превращалась в проблему. В реестре сельских обществ Скопинского уезда, за которыми числились недоимки по земскому сбору за 1875 г., упоминается и «село М. Кушуново господина Ивинского»².

По переписи населения 1882 г., в Большом Кушунове было 80 домохозяйств, в которых проживали временнообязанные крестьяне – 248 мужчин и 247 женщин. Из них грамотой владели лишь 2 мужчины и 3 учащихся мальчика. Средний душевой надел здесь составлял 3 десятины (3,3 га) земли. Безземельными числились 3 двора. Урожай ржи и овса с окрестных полей собирались низкие – «сам-третей» (т.е. собранное лишь в 3 раза превосходило посеянное). Безлошадными считались 33 двора, по одной лошади держали на 15 дворах, по две – в 12, по 3 и больше – в 20 дворах. Все 72 избы были деревянными, 7 из них топились «по-белому». При деревенских домах было 2 заборных двора, 64 плетневых, 12 горниц и клетей, 43 амбаров и сараев, 59 риг и овинов. Крестьяне в основном занимались местными промыслами³. Очень похожая ситуация наблюдалась и в Малом Кушунове. В 1882 г. в 26 домохозяйствах деревни проживали 92 мужчины и 87 женщин. Грамотных здесь не было вообще. На ревизскую душу приходился надел в 3,2 десятины (3,5 га) чернозема с глиной и песком. Содержание лошадей и коров не могли себе позволить обитатели 3 дворов, еще 3 двора были просто безлошадными. На 3 богатейших дворах деревни держали от 3 и более лошадей. Из 25 деревянных изб деревни только одна топилась «по-белому». Промышленных или торговых заведений в обоих селениях не было⁴.

В сведениях за 1893 г. в селе Кушунове упоминается ветряная мельница крестьянина Ивана Черняева. Была поблизости и еще одна ветряная мельница в деревне Котельной, принадлежавшая крестьянину деревни Рождествено Филиппу Серегину. Также при селе действовала просорушка крестьянина Ефима Сергеевича Прошина⁵.

В 1905 г. в селе Большое Кушуново было 105 дворов, в которых проживали 379 мужчин и 378 женщин. В нем работала ветряная мельница, крестьяне занимались кустарными промыслами и плетением кружев. В «сельце Малое Кушуново, Кукуйки тож» было 28 дворов, а население состояло из 123 мужчин и 118 женщин. Здешние крестьяне занимались теми же промыслами, что и соседи⁶.

Постепенно цивилизация приходила в Кушуново. В 1907 г. в Вердерево было создано кредитное товарищество, в котором состояли крестьяне сел Вердерево, Рождествено, Немеоро, Никольского, Ермолово, Яблонево, Кушуново, Малое Кушуново, Залесное-Чулково. На 1 (13) января 1914 г. в нем насчитывалось 603 члена⁷. В 1909 г. крестьяне Иван Иванович Юрагин и Тимофей Федорович Ахромин открыли в Кушуново торговые лавки⁸. В 1910-х гг.

¹ Рязанские губернские ведомости, № 27. – 1962. – 7 июля 1862.

² Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спаского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. – М., 1877. – С. IX.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. – Москва: Ряз. губ. земство, 1882. – С. 80–85.

⁴ Там же. С. 86–91.

⁵ ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 2 об-3, 16 об-18.

⁶ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. – С. 620–621.

⁷ Справочник по Рязанской губернии. Вып. 1. – 1915. – С. 54–55.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. – Скопин, 1913. – С. 384–386.

здесь появилась и земская школа. По отчету 1916 г. она была однокомплектной с трехклассным сроком обучения¹. Попечителем земской школы был Василий Данилович Пчелинцев.

В 1917 г. села Большое и Малое Кушуново входили в состав Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии. В первой было 157 дворов и 961 житель, во второй – 42 двора и 319 жителей. В I версте от них находился хутор госпожи Занегиной, владелицы конного и винокуренного завода в селе Вердереве².

В 1918 г. Большое и Малое Кушуново вошли в территорию Вердеревского сельсовета. В первые годы советской власти традиционный ход крестьянской жизни изменился мало. Основные новшества в жизнь местного населения принесли годы первой пятилетки.

В 1929 г. было отменено историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Большое и Малое Кушуново стали населенными пунктами Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Коллективизация села, которую активно продвигало советское государство, крестьянство принимало не без сопротивления. Особенно его наиболее зажиточная часть, которую намеревались лишить экономического и политического влияния на сельскую жизнь. Скопинская газета «Авангард» так описывала события в Кушуново: «Кушуновские кулаки Вердеревского сельсовета в 1931 г. подняли голову, агитируя среди бедняков и середняков за срыв весеннего сева и коллективизации. Они объявили саботаж в уплате культсбора. Сельсовет в погашение культсбора описал имущество и вынужден был его отобрать. При этом кулаки Старостин и Золотов организовали нападение на представителей советской власти. Напали на председателя сельсовета, бросая в него чем попало. Когда 18 бедняцких хозяйств организовались в инициативную группу, кулаки еще больше обнаглели. Бедняк Лучков – член инициативной группы, встретил кулаков Ф.Д. Кузнецова и А.Д. Волкова, которые придрались к Лучкову: “А, ты колхозник!” При этих словах сорвали с него одежду»³.

В 1931 г. на волне массовой коллективизации в Большом Кушунове был создан колхоз им. И.В. Сталина, в Малом Кушунове – им. Л.М. Кагановича. Не все проблемы удалось решить сразу. В 1932 г. кушуновский колхозник Широков писал в газету «Побединский ударник»: «В Мало-Кушуновском колхозе инвентарь разбросан где попало. Бригады ликвидируются, а поэтому никто ни за что не отвечает. Правление колхоза имеет своих любимчиков, которым оно предоставляет лучшую работу, а беднякам колхоза иногда совсем не дают никакой работы. Для постройки ненужной для колхоза риги правление ухлопало 3000 трудодней. Плана госзаготовок до сих пор не выполнено. Председатель колхоза т. Ахроменков умудрился распределить по трудодням картофель, не сдав государству ни одного килограмма»⁴.

Постепенно колхозную жизнь наладили, сочетая меры принуждения в отношении откровенных противников нововведений советской власти, которых раскулачивали и выселяли, с поддержкой энтузиазма бедняцко-средняцкого слоя крестьянства, получившего стимул повысить качественный уровень своей жизни.

В 1937 г. Большое и Малое Кушуново вместе со Скопинским районом перешли из административного подчинения Московской области в новообразованную Рязанскую. В годы «Большого террора» пострадали несколько местных жителей, известных своими антиколхозными и антисоветскими настроениями. В соответствии с оперативным приказом Народно-го комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших

¹ Отчет за 1916 год. – Скопин, 1918. – С. 174.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 154.

³ Авангард, № 14. – 1931. – 10 марта.

⁴ Побединский ударник, № 207. – 1932. – 15 октября.

кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. были арестованы жители деревни Малое Кушуново Сергей Семенович Кузнецов (1875–1937) и Дмитрий Алексеевич Исаев (1885–1937). Первый из них работал сторожем в совхозе «Реконструкция», второй был колхозником колхоза им. Л.М. Кагановича. 15 сентября 1937 г. С.С. Кузнецов и Д.А. Исаев были осуждены тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации и на следующий день расстреляны на полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» под Москвой. В 1958 г. оба они были посмертно реабилитированы.

В деревне Большое Кушуново Вердеревского сельсовета на 1 января 1939 г. насчитывалось 160 дворов. 154 двора, в которых проживали 810 человек, входили в колхоз им. И.В. Сталина. 72 человека в колхозе не состояли. На каждого из 302 трудоспособных колхозников в 1938 г. пришлось в среднем по 132 трудодня. После распределения на трудодни 27,4 % прибыли на 1 трудодень каждый из колхозников получил по 2,43 кг зерновых и 18 копеек деньгами. Общая площадь обрабатывавшейся колхозом пашни составляла 1013 га. В 1938 г. урожай зерновых и бобовых составил 7,7 ц с га, картофеля – 15,7 ц с га¹. В колхозе имелось 169 лошадей и 28 голов родившегося с начала 1938 г. молодняка, 23 головы крупного рогатого скота и 9 – молодняка, 54 свиньи и 62 поросенка, 202 овцы и 135 ягнят. Пало за год 2 лошади, теленок, 8 поросят и 7 овец².

В Малом Кушунове Вердеревского сельсовета на 1 января 1939 г. было 46 дворов, которые все состояли в колхозе им. Л.М. Кагановича. Всего в колхозе было 198 членов, из них трудоспособных – 78, 32 двора держали коров, от которых за год было надоено 5300 литров молока. В среднем местные колхозники за 1938 г. выработали по 126 трудодней. При отчислении 11,9 % от прибыли на трудодни каждый член колхоза на 1 трудодень получил по 150 г зерна и 7 копеек деньгами³. В колхозе имелось 57 лошадей и 14 голов родившегося с начала 1938 г. молодняка, 13 коров и 5 телят; 27 свиней и 80 поросят, 45 овец и 32 ягненка. В 1938 г. пали 1 жеребенок, 1 теленок, 14 поросят и 4 ягненка. Населению был продан 21 поросенок⁴.

В конце 1930-х гг. в Большом Кушунове продолжала действовать бывшая земская школа, преобразованная в неполную среднюю. В 1937 г. в ней было 368 учащихся⁵. Развивалась и местная торговля – в 1939 г. в Большом Кушунове действовала торговая точка райпотребсоюза.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Большом Кушунове насчитывалось 164 строения, а в Малом – 48. Оба селения уже в это время фактически слились в один населенный пункт.

С началом Великой Отечественной войны в июне 1941 г. многие мужчины обеих деревень были мобилизованы в РККА. В конце ноября 1941 г. линия фронта пролегла в опасной близости от Кушуново. Время от времени в ее окрестностях появлялись разведывательные подразделения сражавшихся сторон.

По итогам битвы под Москвой немецко-фашистские захватчики были отброшены на запад на сотни километров. Труженики тыла занялись восстановлением дезорганизованного

¹ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

² Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

³ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁴ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁵ Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь № 3, л. 2.

войной хозяйства. Летом 1942 г. уродился неплохой урожай. При дефиците мужских рабочих рук основную нагрузку приняли на себя женщины, старики, подростки. Газета «Сталинец» сообщала: «В колхозе им. Сталина Вердеревского сельсовета очень хорошо косили старики Черняев Григорий Иванович – 71 год, Игнатов Андрей Егорович – 64 года. Вязали снопы, не уступая молодым 68-летняя Пчелинцева Прасковья и Бондарева Александра – 71 год»¹.

В 1943 г. председатель сельсовета Т. Егина писала в скопинской газете «Сталинец»: «На приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина члены колхоза имени Сталина Вердеревского сельсовета отвечают еще более упорной и успешной работой на полях. Скошены, повязаны и скирдуются рожь и пшеница. Заканчивается косовица овса. Приступили к молотбе конной молотилкой и полусложной. Нет ни одного трудоспособного колхозника, который не выходил бы на работу. Работают дружно, быстро. На косовицу вышли и старички, а работают лучше молодых. А.Н. Игнатов, 65 лет, и эвакуированный А.И. Амелин, 60 лет, вдвое перевыполняют нормы. 65-летний И.Н. Волков также выполняет по две нормы, а за ним вяжут две его дочери. Хорошо косят крюками А.Н. Сидякина, Ф.В. Намычкина и А.В. Бобкова, выполняя нормы от 160 до 180 %. Во второй бригаде лучший косец Е.Д. Егорова, а сейчас она поставлена настильщиком на молотилке. М.И. Игнатова, какую бы ей работу не поручили, выполняет быстро и хорошо. А.Е. Кузнецова, П.Ф. Кузнецов и Т.И. Ефремова – передовики в третьей бригаде. От групповой сдельщины в полевых работах перешли к индивидуальной, и это повысило производительность труда. Хорошо ведет массовую работу среди колхозников агитатор из Москвы тов. Большакова, работая в поле вместе с колхозниками. Выпускаются стенгазеты, «молнии», боевые листки. Колхозники горят желанием отличной работой в тылу полмочь Красной армии скорее разгромить врага»². Кто-то из кушуновцев в конце этого же года с любовью рассказывал в газете: «Наш дедушка – так с уважением зовут председателя колхоза кушуновские колхозники. Петр Антонович Седюкин работает председателем правления с первого дня организации колхоза имени Сталина и первым показывает пример честного отношения к труду, каждого члена артели умеет заинтересовать колхозной работой. <...> И в нынешнем году одним из первых колхоз справился с уборкой, рассчитался с государством, засыпал семенные и страховые фонды и выдал на трудодни колхозникам больше чем по килограмму зерна»³.

Уроженец Большого Кушунова рядовой Василий Андреевич Зверев (1923–1971) служил катеристом отдельного моторизованного понтонно-мостостроительного батальона 4-й понтонно-мостовой бригады 2-го Белорусского фронта. 17–18 апреля 1945 г. он отличился при форсировании р. Ост-Одер в районе населенного пункта Фиддихов⁴. «Для преодоления Ост-Одера не хватало имеющихся дамб, и необходимо было построить паромные переправы. Это была сложная задача для инженерных войск, так как вся работа проходила под воздействием артиллерийско-минометного огня и авиации противника. Советские инженерные войска проявляли мужество и отвагу при выполнении поставленных задач. Так, в период подготовки форсирования Ост-Одера <...> катерист В.А. Зверев отлично выполнил полученное задание. Ему было приказано отбуксировать 10 мостовых паромов из района Шведта в район Фиддихов – к месту наведения наплавного моста. Эта задача была не из легких, так как все между-речье простреливалось огнем противника с правого берега Вест-Одера и группами гитлеровцев, засевших в дамбах между-речья. Выполняя приказ, Зверев доставил катер к паромам и

¹ Сталинец, № 61. – 1942. – 6 августа.

² Сталинец, № 58. – 1943. – 7 августа.

³ Сталинец, № 91. – 1943. – 23 декабря.

⁴ Ныне Видухова в Польше.

днем под огнем противника повел караван паромов к месту назначения. В пути следования катер и паромы подверглись ожесточенному обстрелу вражеской артиллерии. Более сотни пробоин получил катер. Вода просачивалась в судно. Приказав своему помощнику рядовому Ерофееву заделать пробоины, Зверев продолжал уверенно вести катер вперед. Обстрелом фаустников был подожжен бензобак. Вспыхнул пожар, грозивший катеру гибелью, усилился огонь автоматчиков противника. Зверев приказал Ерофееву пулеметным огнем отбить огневое нападение гитлеровцев, а сам, задыхаясь в пламени, потушил пожар на катере, получив при этом сильные ожоги. Так герой-катерист под огнем противника не щадя своей жизни, привел катер и паромы к месту назначения, чем обеспечил батальону наводку моста на два часа раньше срока»¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм красноармейцу В.А. Звереву было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Демобилизовавшись по окончании войны, В.А. Зверев до конца своих дней жил и работал на родине – в деревне Кушуново Скопинского района Рязанской области.

В послевоенные годы главным тормозом развития сельского хозяйства являлось отсутствие материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда. Большую часть времени им приходилось работать на колхоз, который сдавал сельхозпродукцию государству по низким закупочным ценам. В то же время, основной доход жителям села приносил приусадебный участок. При этом оставались в силе введенные в военное время строгие нормы выработки обязательного количества трудодней. Тем, кто не выполнял их могла грозить конфискация приусадебного участка, а в худшем случае – даже высылка из родных мест. Привлекательности в такой жизни было мало. Многие участники минувшей войны после демобилизации предпочитали не возвращаться в деревню и оставались в городах. Не последнюю роль в предотвращении развала колхозов играла и постоянная идейно-разъяснительная обработка населения, которая проводилась через партийные органы. В партийных организациях колхозов в то время было еще немало людей, искренне веривших в правильность политики партии и правительства, в то, что только она сможет обеспечить подъем сельского хозяйства.

По этим лекалам работал в 1947 г. и кушуновский колхоз им. И.В. Сталина. Газета «Сталинское знамя» так описывала в это время колхозные будни: «Вот подошли к складу автомашины с рожью колхоза им. Сталина Вердеревского сельсовета. <...> За два рейса из колхоза вывезено около 9 тонн, кроме автомашин на вывозке хлеба используется и живое тягло. На току артели не умолкает гул сложной электромолотилки. Вместо 8 тонн по норме машинист намолачивает до 11 тонн зерна. Молотилку обслуживает комсомольско-молодежная бригада. На току, где решается успех борьбы за хлеб, почти постоянно находятся председатель правления, опытный хлебороб П.А. Сидякин, секретарь парторганизации П.И. Черняк»².

В 1955 г. колхоз им. И.В. Сталина, которым руководил Н. Кураксин, был в Скопинском районе на хорошем счету. «За хорошие показатели по свиноводству в 1953 г. ферма была представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Урожай ржи 11,5 ц, озимой пшеницы 15,5 ц, яровой пшеницы 13,8 ц. Колхоз полностью обеспечил себя семенами и фуражом. На трудодень колхозники получили только зерновых 3,5 кг»³.

¹ Воробьев Ф.Д., Паролькин И.В., Шиманский А.Н. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). – М.: Восницдзат, 1970. – С. 260–261.

² Сталинское знамя, № 173. – 1947. – 2 сентября.

³ Сталинец, № 117. – 1955. – 30 сентября.

В том же году газета «Сталинское знамя» бодро докладывала: «В Скопинском районе в феврале 1955 г. было радиофицировано 9 поселков колхоза «Советская волна». Для этого потребовалось 31 км проводов, оборудовать 128 радиоточек. Сейчас в районе насчитывается 7 тыс. радиоточек. В этом году будут радиофицированы колхозы «Луч», им. Сталина, им. Кирова, а с 1956 г. колхозы им. Ленина и им. Калинина, чем и завершится сплошная радиофикация района»¹.

После войны кушуновские сельхозартели объединились в одно хозяйство – колхоз им. И.В. Сталина. В ходе «десталинизации» 2-й пол. 1950-х гг. он был переименован в колхоз им. XX партсъезда. В апреле 1960 г. кушуновский колхоз стал частью вердеревского им. А.В. Суворова. В феврале 1963 г. колхоз им. А.В. Суворова был переименован в «Авангард»². В 1964 г. его хозяйство вошло в колхоз им. С.М. Кирова.

В 1965 году в Вердеревский сельсовет входили села Вердереево и Немерово, а также деревня Кушуново. На территории сельсовета располагались школы: в Вердереево – восьмилетняя, в других селениях – начальные, 3 клуба, библиотека, 2 медпункта, а также колхоз им. С.М. Кирова, где работали жители Вердереево и Кушуново³.

1960-е гг. ознаменовались улучшением быта колхозников, некоторые из них получали квартиры в двухэтажных домах с городскими удобствами. К 1974 г. колхоз им. С.М. Кирова стал одним из крупнейших в Рязанской области комплексов по откорму крупного рогатого скота, поголовье которого было доведено до 2500.

Новый этап в истории деревни начался после распада Советского Союза. В 1993 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» колхоз им. С.М. Кирова был преобразован в акционерное общество.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Кушуново было включено в сельское поселение Вослебовское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в это время в нем постоянно проживали 77 человек – 36 мужчин и 41 женщина.

---

¹ Сталинское знамя, № 54, – 1955. – 18 марта.

² Архив Скопинского района, ф. 317, л. 1.

³ Архив Скопинского района, ф. 86, л. 1.

Научно-популярное издание
Коростелев Владимир Анатольевич
Российский Михаил Анатольевич
ПРОШЛОЕ СКОПИНСКОЙ ЗЕМЛИ
в очерках по истории её сёл и деревень
Том 1
Алмазово—Кушуново

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*
Художественное оформление обложки,
верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 16.10.2017. Формат 70×100 ¹/₁₆
Гарнитура «BodonіC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 47. Тираж 300 экз. Заказ .